

Т. С. Комарова

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

ВОСПОМИНАНИЯ, МЕМУАРЫ

Т. С. Комарова

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

ВОСПОМИНАНИЯ, МЕМУАРЫ

Красноярск, 2021

УДК 94(571.51)
ББК 63.3(2Рос-4Крн)
К63

*При составлении книги использованы фотографии из фондов
Красноярского краевого краеведческого музея*

Комарова Т. С.

К63 **Гражданская война в Енисейской губернии. Воспоминания, мемуары** / Т. С. Комарова. — Красноярск: КАСС, 2021. — 492 с.

ISBN 978-5-6045145-8-0

Рецензент: **Д. Г. Симонов**, кандидат исторических наук, профессор Академии военных наук, директор Государственного архива Новосибирской области.

Тема Гражданской войны, общенациональной российской трагедии, по-прежнему оставляет многочисленные «белые пятна» в истории, хотя исследователям известна общая хронология событий. Сборник «Гражданская война в Енисейской губернии», составленный на материалах фондов Красноярского краевого краеведческого музея, впервые вводит в научный оборот воспоминания участников партизанского движения и мирных жителей, представив обширную картину того, что происходило в судьбоносные годы российской истории. Сборник состоит из двух частей. Первая часть включает дневники с воспоминаниями непосредственных участников войны, которые были записаны в 1930-х годах заведующей отделом революции Приенисейского (затем Красноярского) музея А. К. Фёфеловой. Эти свидетельства бывших повстанцев (документам около 90 лет) уникальны тем, что записывались спустя небольшой промежуток времени после окончания войны и у людей еще сохранилась память о многих событиях, часто с эмоциональными ощущениями. Дневники состоят преимущественно из воспоминаний рядовых партизан, а это довольно редкий источник. Самое главное — эти материалы никогда не подвергались идеологической цензуре.

Вторая часть сборника состоит преимущественно также из неопубликованных документов периода Гражданской войны: воспоминаний подпольщиков и партизан, которые только дополняют друг друга. Сейчас многие исследователи считают, что историография Гражданской войны возможна только на основе изучения локальных событий: партизанское движение на разных территориях имело свои особенности.

Представленный сборник уникальных, никогда ранее не опубликованных воспоминаний и мемуаров позволит познакомить широкий круг любителей истории края с архивными документами и сведениями, исследованиями самого автора о разных участниках и деятелях времен Гражданской войны, имеющих прямое и непосредственное отношение к жизни и историческому развитию нашего края.

Издание осуществляется
при поддержке
государственной
грантовой программы
Красноярского края

ISBN 978-5-6045145-8-0

© Комарова Т. С., 2021
© Красноярский краевой краеведческий музей, 2021
© Оформление. ООО «КАСС», 2021

«РОССИЯ, РУСЬ! ХРАНИ СЕБЯ, ХРАНИ!»*

На протяжении многих лет XX века существовала великая страница в истории России — победоносная Гражданская война красных. С начала 1990-х годов начался «реванш» (этот термин упомянул более 10 лет назад обозреватель журнала «Родина» Лев Александрович Аннинский. — Т. К.) Белого движения с перезахоронениями и прославлениями героев-мучеников. Очередной перекося в нашей беспокойной истории. Писать надо и о красных, и о белых, в гражданских войнах героев не бывает, но смещаются акценты. Только одному Ледяному походу белых в последние годы посвящено несколько книг, нередко с повторами и заимствованиями. И все больше вины вменяется красным, все большая ответственность возлагается на большевиков. По замечанию историка Леонида Млечина, если раньше ставили памятник человеку с ружьем лишь в красноармейской форме, то «теперь в разномастных мундирах Белой армии»**. Все чаще термин «революция» подменяется синонимом «смута» или «мятеж», а руководители подполья или партизанских отрядов именуются «вожаками». Революция — это эпохальное, глобальное событие, кардинально поменявшее общественную систему государства, это невероятный поворот в истории страны, чудовищный братоубийственный конфликт. По словам Ф. М. Достоевского, «болезненное состояние национального организма». «Смута», «мятеж» — все же ближе к дворцовому перевороту или к локальному выступлению на определенной территории. А тут вся страна полыхнула, да еще и соседей встряхнула, втянув в противостояние чуть не полмира. Термин «смута» любила белая эмиграция: «Пройдет пора кровавых смут», «В години неслыханной смуты». Русский язык разнообразен, но что меняет перемена устоявшихся названий? В России шло величайшее противостояние — братоубийственная война людей, готовность чинить расправу,

не задумываясь об аморальности происходящего, обоюдная ненависть, нарушение всех нравственных начал и, самое чудовищное, неискренность жертвоприношений с обеих сторон. Россия всегда воевала расточительно.

Победы и поражения, героизм и предательство — составные части любой войны. Русская трагедия заключалась в катастрофе населения на огромной территории. Пожалуй, другой такой по длительности, жестокости и истреблению в мире и не было. Человеческая жизнь граждан одной страны и часто одной веры ни во что не ставилась — «накидали, как дров». Братоубийство привело к расколу в стране, расколу в семье. Роднило тех и других лишь одно — Отечество было общее. Еще задолго до трагических событий предчувствие будущей драмы ощущалось многими людьми. Задолго до 1917 года Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и другие пророчили возмездие дворянскому сословию за вековое рабство своего народа. Равенства в этом мире нет и никогда не будет. Но как могло самодержавие и русское образованное дворянство (а потомственное дворянство составляло в России лишь около одного процента населения) держать веками миллионы людей под неконтролируемой, абсолютно полной властью, с каменным равнодушием относиться к своим поданным и холопам? Исключения были редки. Как выразился писатель Юрий Нагибин: «Единственное право русского населения — это крепостное право». Деспотия, тирания, попрание чести и достоинства — сколько поколений пережили это... Все накопившиеся в России противоречия выплеснулись разом, и рвануло в 1917 году.

Недавно в России была издана книга воспоминаний княгини В. Д. Лобановой-Ростовской «О русской трагедии XX века: до и после 1917 года». Автору статьи запомнился разговор ее матери, Ольги Александровны

* Цитата из стихотворения «Видения на холме» Н. Рубцова.

** Млечин Л. Россия против России // Аргументы недели. 2018. № 38. 27 сент.

Леонтович (урожд. Калиновской), представительницы старинного дворянского рода, со своими внуками: *«Память о многом ужасном, несправедливом и страшном оставила в душе народа непреодолимое чувство мести. У лучших из них всегда бессознательно шевелилось чувство в душе: „Хоть бы немного господ пожили в нашей коже...“ Это чувство не изжито, оно сильно и поныне... Я чувствую, что пришло время расплаты, и народ не успокоится, пока не ухнет мстью за прошлое... Прислуга была — вещь, предмет; ей отдавали приказание в пространство; в лучших домах прислуга спала на ларе в передней, на подстилке за дверью, на сундуке в гардеробной. Розги были обыкновенным наказанием... Да разве мы можем сказать, смотря внутрь совести своей, что мы не стоим этого наказания и урока?»**

Кто мог поверить, что в начале XX века сермяжная Россия сметет существующую власть, и наступят «неслыханные перемены, неслыханные мятежи»? И предвестник был — Первая русская революция 1905—1907 годов. Не вняли. *«Было бы легко судить-рядить, если бы воевала правда с кривдой. А дело в том, что воевали две правды. Одна правда та, что утверждали люди, которые тоже были честными, любили Родину, Россию, любили свою страну. Это наши белогвардейцы. А другая правда — правда тех, кто хотел жить по-человечески, без угнетения. Они хотели найти в этой жизни что-то такое, что создавало бы им человеческие условия существования. И поле брани было усеяно костями самых честных людей, которые отстаивали до конца, до самой смерти, свою правду. И судить о том, кто из них больше прав, невозможно. Это была трагедия России, и эти люди, каждый по-своему, отстаивали правду и считали, что их правда самая истинная».* Эти слова принадлежат известному русскому писателю — эмигранту М. А. Осоргину (Ильину) (1878—1942), потомку старинного русского дворянского рода, уехавшему из России в 1922 году. Генерал-лейтенант царской армии В. И. Селивачев заносил 26 июня 1905 года в свой дневник наблюдения, связанные с событиями Первой русской революции: *«Ужасные вещи творятся на Черном море — бушует и волнуется народная масса, просит она жизни осмысленной, а не безответно дикой. Но вот вопрос — будет ли она в состоянии справиться со своими задачами?»* Уже в чине генерал-майора Селивачев подаст прошение

об увольнении, не желая участвовать в братоубийстве Гражданской войны**. Возмездие и справедливость — так можно определить два основных морально-нравственных фактора российской революции, двигавших теми, кого называли красными.

У любой войны поводы разные, но все они преступны и разрушительны. Одна из основных причин Гражданской войны в России — Первая мировая война, главный перелом в ее судьбе. Патриотизм, возникший было на первых порах, быстро угас. Доля крестьян в армии превышала 66 процентов. За что воевали с «германцем», не все понимали. Февральская революция произошла внезапно, радовались, что царя убрали. Временное правительство, «живой труп» по отзывам современников, задержалось недолго — восемь месяцев мало что изменило. Экономическое и политическое положение страны желало оставлять лучшего, партии перессорились. На фронтах хронически не хватало оружия, а перед войной русское правительство продавало его Сербии, Болгарии, Монголии. Медь покупали за границей, большую часть пулеметов — в Англии и США, недостача патронов достигала в армии до двух миллиардов штук***. В который раз Россия «обувалась» на ходу.

Через несколько месяцев после Февральской революции известный красноярский эсер Евгений Евгеньевич Колосов, заочно избранный в Учредительное собрание, приехал в Кронштадт в качестве комиссара нового правительства, но большевистской организацией «принят» не был. Отправился на воинские культурно-просветительские курсы в распоряжение 5-й армии в качестве лектора. 6 октября 1917 года он писал жене В. П. Колосовой: *«...Сейчас у нас тихо. Немцы вообще не склонны на нашем фронте к военным действиям... Оставшиеся усиленно вызывают русских солдат к братанию. Несомненно, что у них дело плохо, продовольствия нет, голод, но в серьезность настоящего революционного движения в Германии я, по-прежнему, не верю... На нашем фронте, однако, тоже очень плохо. Солдаты не желают ничего слушать, кроме мира. Какого угодно — сепаратного, на счет России, с контрибуциями (соглашаются: „по двести рублей на брата“), но только мира. Временное правительство Керенского, всякие коалиции ругают по-матерному. К партиям благоволят, постольку-поскольку они им потакают, поэтому по-*

* Лобанова-Ростовская В. Д. О российской трагедии XX века: до и после 1917 года. Кн. 2. М., 2018. С. 53—56.

** Чельшев Е. П. Как это было и как это есть. Мысли о русской эмиграции и воспоминания о первом конгрессе соотечественников (запись беседы с М. Осоргиным) // Трибуна русской мысли. Журнал православной интеллигенции. Русское зарубежье. М., 1909. № 11. С. 105; Экштут С. «Так мало людей, душою и сердцем преданных своему делу!». Драма русского генерала Владимира Селивачева // Родина. 2000. № 4. Апр. С. 123.

*** Усачев А. Н. Особенности производства и снабжения стрелковым оружием в России в годы Первой мировой войны как фактор, формирующий специфику военных действий Гражданской войны. 1917 год. Чичеринские чтения «Революционный 1917 год: поиск парадигм общественно-политического развития мира»: материалы международной конференции. Тамбов, 2018. С. 225—226.

пулярны только большевики. Эсеры, правда, продолжают вывозить „Земля и воля“ (авторитет бывшей народнической организации. — Т. К.), но в серой солдатской массе побеждает бессознательный большевизм. Вот сейчас Тарутинский полк окопался от своих, выставил 20 пулеметов и никого к себе не подпускает, а офицеры — избил. И это всюду так. Воевать с такой армией нельзя... В роте солдаты никого не слушают, могут избить прикладом... Такова русская армия. У меня надежда, и то слабая, на одно: быть может, Учред(ительное) соб(рание) возьмет всю власть в свои руки, введет в рамки Советы, которые приносят массу зла, и организует тыл, создав национальный подъем хотя бы в форме широкой пропаганды добровольческих полков. Вне этого для нас нет спасения»*.

Любопытно отметить, что эсеры мало верили в причастность В. И. Ленина к шпионажу. Тот же Е. Е. Колосов писал жене 8 июля 1917 года: «Всюду здесь сенсации относительно Ленина и К^о. Мало верится, что Ленин виновен, но репутация его безраздельно подмазана» (Временное правительство объявило В. И. Ленина немецким шпионом и потребовало его явки в суд. — Т. К.). А несколькими месяцами ранее, 27 июля, сообщал о своем тяжелом нравственном состоянии, наблюдая «драму русской государственности»: «Чувствую себя плохо, не физически, а морально. Питер удручает. Какая-то огромная говорильня, от которой нельзя добиться никакого толку. Буквально никакого толку. Савенков — военный министр! Вот положение. Я хочу уходить в отставку и, вероятно, уйду на этих днях. Он мой непосредственный начальник, и я хочу сказать ему прямо, что под его начальством я служить не могу. Я видел его. Он живет в Зимн(ем) дворце!! Несомненно оплел К(еренского), который, по-моему, плохо разбирается в людях. Вообще положение крайне тяжелое»**. Растерянность и анархия в стране и во власти — такова констатация Е. Е. Колосова.

Россия действовала на Восточноевропейском фронте длиной почти две тысячи километров, от Балтики до Черного моря, не считая Кавказского, еще более протяженного — самая длинная линия обороны. Русский солдат испытывал больше лишений, чем солдаты других армий, больше, чем другие, нес потери. После ряда поражений все внешние проявления фронтовой жизни обнажились и обострились до крайности. Смена начальников, казнокрадство, грязь, голод, боль, увечья, мордобой, дезертирство. Офицеры, боясь, отказывались от наложения дисциплинарных взысканий, солдаты отказывались выходить на пози-

ции или панически бежали. Россия начала терять свою армию еще до 1917 года, если не раньше. Оставались два выхода — поражение или мир.

Война — неестественное положение для любого человека, особенно для человека особой душевной организации. Приведем еще одно свидетельство, не дворянина, как Е. Е. Колосов, а разночинца, Некошного Константина Михайловича, сельского учителя, к военному делу не имевшего никакого отношения. Годами ему приходилось работать в сельских школах, в иных, бывало, ни учебников, ни парт. В 1916 году Некошный был мобилизован на военную службу. Интеллигентный человек, с поэтической душой, книголюб, хорошо знающий и любящий русскую литературу, он и на фронте не разлучался с книгой; тонкий наблюдатель всего происходящего, умеющий образно выразить свои чувства. Приводим отрывок из его последнего письма с фронта от 20 апреля 1917 года учительнице Красноярской женской гимназии М. В. Красноженовой, также характеризующий обстановку на фронте:

«...Разноцветный мост радуги перекинулся с одного конца неба на другой, перенося мысль в волшебную даль, в которой хотелось бы видеть таинственную страну сказочных грез — свободы, равенства и братства... (отречение Николая II. — Т. К.). Но — увы! Какие мы, сибиряки, идеалисты, мы не видали народа-раба, мы не знали его господина... Промелькнул лик златокудрой богини — Свободы, но она не пробудила во вчерашнем рабе и господине идеала равенства, наоборот, в них вспыхнул эгоизм, старая вражда, а иногда и месть. Не братство вижу я здесь... О, как хочется отсюда уехать в Сибирь, не знавшую рабства. Кое-что скажу о наших солдатских делах, в которых мне невольно приходится разбираться, как секретарю офицерского собрания и члену полкового комитета... Не было у нас манифестаций, не было восторженных криков: мы сидели по пояс в воде в окопах под непрерывным огнем, полуголодные, т. к., как теперь оказалось, продовольственное дело стояло на краю гибели...»

Дальше автор письма пишет, что вступил в спор со старыми офицерами, которые боялись, что у солдат после выхода Манифеста падет «дисциплина страха». Некошный с горячностью опроверг это суждение и только случайно избежал дуэли с командиром полка, а его роту отправили в карантин***. Другой человек, другой фронт, а мысли те же. А в любой войне решающее слово принадлежит солдату. Ничего не изменилось и после Манифеста. Разве что реже стали называть солдата хамом, чаще снисходительно — братцем.

* КККМ. О/ф 13233/5. Письмо Колосова Е. Е. жене В. П. Колосовой. Л. 2—3.

** КККМ. О/ф 13233/1, л. 1. О/ф 13233/2, л. 1. Письма Колосова Е. Е. жене В. П. Колосовой.

*** КККМ. О/ф 13374/45, л. 1—2. Письмо Некошного К. М. Красноженовой М. В.

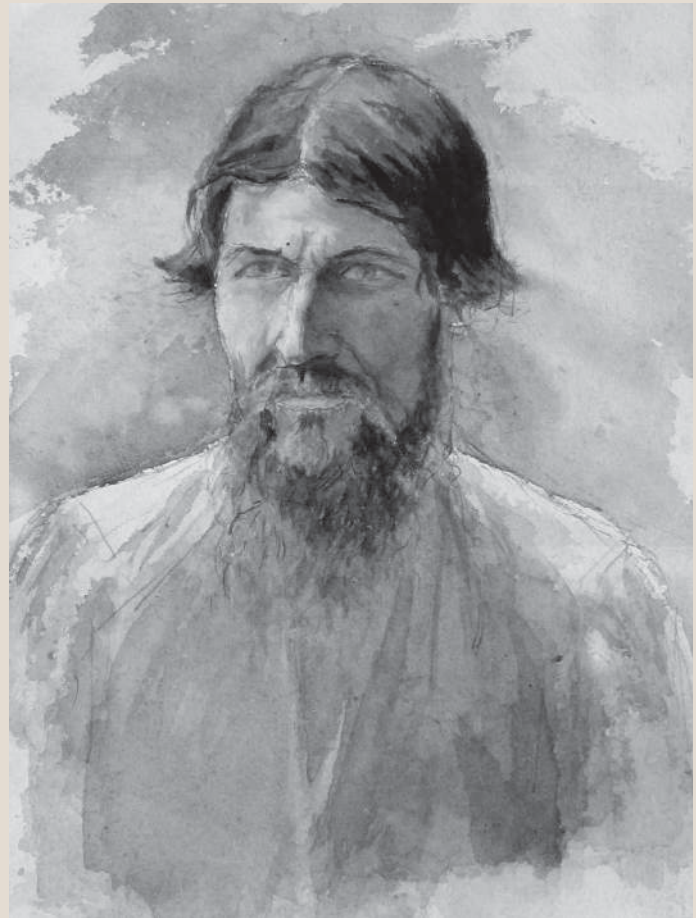

Русская армия. 1917 г.

Речь идет не обо всех офицерах. Некоторым солдаты выдавали бумажки за полковыми или ротными печатями, своего рода «индальгенции» — не трогать. Таким образом, в середине 1917 года сложилась следующая ситуация: русская армия не могла вести войну ни оборонительную, ни наступательную.

Война резко обострила и экономическое развитие России, и без того «ненормальное» и «тепличное» по словам областника Вл. М. Крутовского*. Дороговизна жизни в связи с тяжелым положением на фронте была по нервам и карману обывателя. Так от Мировой войны Россия шагнула в войну Гражданскую. Некоторые историки обвиняют генерала Л. Г. Корнилова, что он являлся ее родоначальником, начав поход на Петроград. До сих пор исследователи не могут утвердиться и с хронологией войны, мнения разнятся, однако больше склоняются к периодизации — 1918—1922 годы. Другие — двумя годами раньше, а начало войны относят к 1917 году. Почти пять долгих лет шла истребительная Гражданская война, пять лет Россия сама себя распинала. Свою пагубную роль сыграла здесь и интервенция 14 государств, и восстание Чехословацкого корпуса. Кто знает, не будь этих «доброжелателей», была бы «навязанная война» (В. И. Ленин) столь длительной и кровопролитной? Сошлемся на подсчеты историка Сергея Леонова: за 1917—1922 годы Россия потеряла 13 миллионов человек (в это число входят два миллиона эмигрантов, другая цифра — три миллиона), то есть 11 миллионов погибли, это 9,2 процента от общей численности населения (140,6 миллиона) страны. Другие называют цифру в 10 миллионов человек**. До сих вопрос о людских потерях остается открытым.

Гражданская война начала приобретать массовый характер в Сибири после восстания Чехословацкого корпуса общей численностью около 35 тысяч человек. Чеховыска состояли из военнопленных, а также переселенцев и колонистов чешской и словацкой национальностей, живших в России, которые были объявлены частью французской армии на автономных правах после выхода России из войны. Руководил корпусом «выкидыш революционного омота», «здоровый жеребец вульгарного типа... влезший на наши плечи», по словам генерал-лейтенанта, помощника начальника Генштаба Ставки в 1919 году А. П. Будберга, сказанным в адрес командующего 2-й Чехословацкой дивизией генерал-майора Р. Гайды. Корпусу было приказано сдать оружие, в ответ он начал мятеж вдоль линии железной дороги и ее захват. Разоружение яви-

Л. А. Чернышев. Портрет крестьянина. 1890-е. Бум., кар., акв.

лось лишь предлогом. Хотя раньше, 4 апреля 1918 года, по распоряжению Льва Троцкого и французского посла в Петрограде Чехословацкий корпус, направляясь на Дальний Восток, сдал оружие Советской власти: 50 000 винтовок, 4 миллиона патронов, 1200 пулеметов, 6 тысяч лент, 72 орудия и 3 самолета***. Инцидент, казалось, исчерпан. На запросы из Иркутска, почему чехов не отправляют на восток, ответ был один: не хватает вагонов. Иноплеменное население в Сибири было «нужнее» белым и Антанте. Чехи разграбили склады (в том числе и в Мариинске), частично вооружились по дороге, а вскоре подоспели с помощью и наши бывшие недостойные союзники — около 150 тысяч интервентов.

К тому времени как чехи взяли железнодорожное полотно под свою охрану, поставки оружия, обмундирования, продовольствия чехам и Белой армии пошли от союзников весной 1919 года более значительные. Из письма брата Е. Е. Колосова, белого офицера Ивана Евгеньевича Колосова, от 23 марта 1919 года:

* Крутовский Вл. М. Областное обозрение // Сибирские записки. 1919. № 3. Июнь-июль. С. 86.

** Леонов С. Гражданская война в России: сущность, периодизация, особенности // Российская история. 2019. № 1. С. 35.

*** КККМ. О/ф 3276/49. Хроника военной работы в г. Красноярске и в Енисейской губернии за период 1917—1919 гг. / сост. А. А. Поздняков. Л. 815—3, 562. Хроника представляет собой единичные листки или склеенные блокноты узкого формата.

*«Дорогой Евгений. Едем от корпуса, целая специальная комиссия, во Владивостоке разными предметами вооружения и обмундирования... Твое письмо опять и снова вскрыло всю ту сложность и запутанность политических настроений, которые здесь, на фронте, значительно теряют свой удельный вес... Мы, „фронтовики“, смотрим несколько упрощенно. Скажу лишь одно, если в г. Красноярске итальянские солдаты заражают сифилисом население, то, как их называют здесь, „чехо-братья“ не лучше. При всем своем демократизме и когда-то бывшей дисциплине они ударились в отчаянную спекуляцию и торговлю, откинув в сторону свои лучшие черты, и основательно „совдепствуют“, дармоедствуют и митингуют. Чехи-офицеры бегут из своих частей. И в минуты откровенности сознаются, что к черту ее, эту демократическую партию. Наша армия переживает теперь лучшую пору своего возрождения, и это является притягательной силой для чешского офицерства. Я говорю про тот состав армии, который здесь, на фронте, и в котором действительно хорошее и твердое настроение. Как в тылу, в запасных частях, я не знаю. Здесь пока слишком живы и кровоточивы раны, нанесенные большевизмом населению. И, в силу этого, теперешний режим мыслится лучшим. Как будет дальше, не знаю. Я думаю все же, что вспышки б(ольшевиз)ма в Сибири столько же вызваны ядовитыми пережитками его, сколько и суровыми репрессиями против него же. Трудно учесть, что больше вызывает одно другое: проявления ли большевизма или борьба с ним...»**

Однако в том же 1919 году Белая армия испытывала нужду в обмундировании и вооружении, так как поставки союзников из Владивостока не всегда доходили до фронта. Причины: тяжелое состояние железнодорожного транспорта, огромная протяженность магистральной и атаманщина на востоке России, занимавшаяся «самоснабжением» и «оседлавшая» железную дорогу. Свою лепту вносили и партизаны, разрушали полотна, что приводило к скоплению на станциях эшелонов со снабжением. Да и союзническая помощь поступала больше чехам.

Гражданскую войну невозможно представить без партизанского движения в Енисейской губернии. Нередко размах этого движения был столь значителен, что неизвестно, где велось больше военных действий — на внутреннем или внешнем фронте. Как могла довольно зажиточная Сибирь, не знавшая крепостного права и нагайки, покуситься на существующие устои? Свою роль сыграла и политическая

ссылка, являясь на протяжении многих лет «раздражителем» общественного спокойствия. Несомненно, большое влияние имели и фронтовики, вернувшиеся домой, особенно члены полковых и ротных организаций. Они чаще всего и становились командирами партизанских отрядов как наиболее подготовленные к ведению военных действий. Так, Северо-Канским партизанским фронтом руководил В. Г. Яковенко, награжденный тремя Георгиевскими крестами; Северо-Ачинским фронтом — П. Е. Щетинкин, штабс-капитан с четырьмя Георгиевскими крестами. Легендарный командир Перовского, а затем Канского полка в Степно-Баджейской партизанской армии М. В. Александров и не менее легендарный командир кавалерийской части Северо-Канского отряда В. А. Уланов, прозванный белыми «чертом», были фронтовиками.

Самую значительную роль в развертывании партизанского движения сыграли переселенцы. Енисейская губерния, один из крупнейших регионов Сибири, многие годы наращивала свое население за счет переселенцев. С конца XIX века в губернию отправлялись в поисках лучшей доли жители 47 российских губерний. В некоторых уездах число переселенцев составляло до 77 процентов, и численность их к Гражданской войне превысила число старожилов. В Перовской волости Канского уезда на 384 старожильческих двора приходилось 1088 переселенческих. Условия причисления к старожильческому обществу обходилось от 50 до 100 рублей. Выделяемых государством субсидий не хватало. Поэтому лепились некоторые переселенческие участки вблизи обжитых населенных пунктов, где можно было заработать батрачеством, отсюда и двойное название целого ряда деревень и сел губернии — старожильческое и новосельское. Время между приходом новосела и его окончательным обустройством занимало от 10 до 19 лет. Значительной была и доля возвращенцев. Читатель обратит внимание на то, что в воспоминаниях бывших партизан, записанных А. К. Фефеловой, чаще всего социальное положение рассказчика — крестьянин-батрак. Основной контингент партизанских отрядов преимущественно и состоял из переселенцев батрацко-бедняцкого, реже середняцкого состава и отличался пестрым национальным составом. Как писал упомянутый А. П. Будберг: *«Говорят, что главными районами (волнений) являются поселения столыпинских аграрников, не приспособившихся к сибирской жизни»***. Неслучайно Канский уезд стал центром повстанчества в Енисейской губернии, там обосновалось самое значительное ко-

* КККМ. О/ф 13233/23. Письмо Колосова И. Е. брату Е. Е. Колосову. Л. 1—4; Ганин А. Враздробь, или Почему Колчак не дошел до Волги // Родина. 2008. № 3. С. 71, 73.

** Партизанское движение в Сибири. Приенисейский край. Т. I / подгот. А. Н. Туруновым; ред. и предисл. В. В. Максакова. М.—Л., 1925. С. 6—7, 133. Поздняков А. А. Хроника. Л. 815е.

J. Karrus. Портрет сибиряка (партизана). 1917. Бум., кар.

личество новожилов. Если сравнить его с зажиточным населением Минусинского округа, то там крупного партизанского движения не образовалось.

Что касается крестьянина-старожила, то он спокойно, на первых порах, относился к перемене власти: «как при Николае пахали, так и при любой власти пахать будем». Так, быть может, было бы и дальше, пока «спаситель» России А. В. Колчак, или, как его называли современники, «трагическая личность», «роковой человек», «нервный адмирал», 18 ноября 1918 года не совершил переворот, установив власть Всероссийского правительства во главе с собой над Уралом, Сибирью и Дальним Востоком. Значительная часть территории страны вернулась к исходному своему состоянию, только более худшему — бесправному и кровавому. Приняв «крест власти», адмирал (для удобства выговора крестьяне называли его «Толчак») увеличил набор в свою армию молодежи (указ о мобилизации был издан еще Временным правительством 31 июля 1918 г.), проводил реквизиции лошадей, а за отказ платить подати и давать в армию солдат усмирял плетью крестьянина-кормильца. Повсеместные порки и казачья плеть Верховного правителя за месяц сделали больше, чем за многие годы любая политическая агитация. Фраза расхожая, но верная. Жестокость экзекуций довела крестьян до открытого выступления, населе-

ние принимает меры самозащиты. Сибирская деревня оказала основное сопротивление диктатуре Колчака; в 150-тысячной армии партизан Сибири (из общего числа в 400 тысяч партизан по России) основной костяк отрядов повстанцев составили землепашцы. Американский генерал У. Гревс, командующий союзной армией Соединенных Штатов, посланный в Россию по межсоюзному соглашению в качестве технической инспекции железной дороги, много повидавший, писал о Колчаке: «Он окружил себя наиболее яркими сторонниками абсолютистской формы правления и вследствие этого отрезал для себя всякую возможность действовать сообразно собственной точке зрения... В его поступках в отношении народа я никогда не видел проявления либерализма»*. Книга У. Гревса «Американская авантюра в Сибири» (М., 1932) продолжает оставаться и ныне ценным источником по истории интервенции в России не только своей содержательностью, но и моральной оценкой всего происходившего.

Как сложилась бы судьба России, сохранись Директория, образованная на Уфимском совещании осенью 1919 года, сделавшая попытку объединить все партии, политические и общественные организации на почве восстановления порядка и государственности России (в совещании принимали участие и члены РКП(б) — меньшевики, не считая эсеров)? В сентябре 1918 года совещанием было провозглашено образование Временного Всероссийского правительства, которое предполагало приступить к восстановлению России, стремительно идущей к своей катастрофе. Директорию возглавил один из наиболее талантливых руководителей Белой армии генерал-лейтенант В. Г. Болдырев. Новое правительство активно взялось за решение ряда вопросов, хотя многие из них (создание министерств и др.) проходили очень туго. Может, и успокоилась бы страна и не пролилось столько братской крови? Переворот в ночь на 18 ноября 1918 года бывшим военным министром Директории А. В. Колчаком в Омске нарушил пусть и хрупкую коалицию правых и левых сил, пытавшихся объединиться для спасения России.

И в начале 1919 года в Северо-Канском партизанском отряде В. Г. Яковенко в Канском уезде крестьянин-середняк уже составлял половину повстанцев, не говоря о бедноте. Как верно отметил участник Уфимского государственного совещания В. Г. Болдырев, народные массы и остатки старой армии трудно было оторвать «от чар большевизма», в то время как Добровольческая армия быстро и широко «не обрастала народным телом»**. Генерал-лейтенант отказался от сотрудничества с Колчаком.

* Гревс У. Американская авантюра в Сибири (1918—1920). М., 1923. С. 110.

** Воспоминания генерал-лейтенанта В. Г. Болдырева об Уфимском государственном совещании. Осень 1919 г. Япония / публ. В. И. Шишкина. Исторический архив. 2019. № 4. С. 12—13.

Рабочий класс в Сибири был малочислен, распространялся преимущественно вдоль линии Сибирской железной дороги, пересекавшей территорию Енисейской губернии на протяжении более 500 верст. В феврале 1917 года он сыграл решающую роль, захватив быстро и бескровно власть в Красноярске. Большевистская организация губернии на то время была самая сильная в Сибири. Рано утром 29 октября 1917 года члены солдатской секции С. Лазо, М. Соловьев и А. Поздняков и 10-я рота 15-го запасного стрелкового полка заняли губернскую типографию, Государственный банк, телеграф, казначейство. Все произошло быстро и бескровно. Образовался так называемый «Сибирский Кронштадт» (кстати, это наименование Красноярску впервые дали черносотенцы в своей газете «Новое время»)*. В партизанском же движении число рабочих оказалось невелико по указанной выше причине.

После поражения Красной гвардии на Мариинском и Ключевском фронтах многие бежавшие красногвардейцы осели в глухих селениях и с началом повстанческого движения влились в его отряды. Чаще всего партизаны начинали воевать, вооружившись дробовиками, в лучшем случае — ружьями, принесенными с фронта демобилизованными солдатами. Но тут вносила свои «коррективы» иностранная интервенция, «снабжая» партизан добываемыми в бою военными трофеями. Повстанцы в своих рассказах часто вспоминали о больших обозах, с которыми передвигались правительственные войска. Енисейская губерния была ближе к Владивостоку. Возможно, Белая армия снабжалась здесь лучше. Генерал-майора А.-У. Нокса, главу Британской миссии в России, занимавшегося вопросами заграничного снабжения, большевики благодарили по телеграфу за «помощь» одеждой и снаряжением советских войск. Отступающий через окраины Красноярска в январе 1920 года каппелевский корпус был одет в новое, с иголки английское обмундирование. Омские зубоскалы называли Нокса интендантом Красной армии. Да и сама природа и образ жизни служили защитой для сибиряков: глухая тайга, многочисленные заимки, охотничьи и полевые избышки. В январском докладе 1919 года не названного по фамилии поручика после боя в деревне Солонечно-Талой Канского уезда констатировалось: «...Хозяевами местности были не мы, а красные, т.к. каждая тропинка, заимка, неровность местности — все знакомо им и вдоль и поперек, тогда как у нас не имелось даже приблизительной карты. Большинство из них таежные охотники, иначе говоря, бывалые люди, — вели-

*колепные стрелки, привыкшие к бегу на лыжах, а это большое преимущество, т.к. посыльные из караулов обычно не успевают добежать или доехать, тогда как лыжники... занимают уже ряд строений... и начинают стрелять»**.*

Партизанское движение в Сибири имело свои особенности, и прежде всего очагово-территориальное существование отрядов, а не отрядно-групповое, на протяжении всей Гражданской войны отсутствовал единый координационный центр. Наряду с крупными повстанческими соединениями в Енисейской губернии воевали довольно многочисленные, нередко импровизированные, автономно существовавшие отряды: Агинский, Апанский, Большемуртинский Н.М. Копылова, Перевалова, Шиткинский и др. Осуществляли рейды против белых гарнизонов, захватывали железнодорожные станции, нарушали полотно дороги и т.д. Некоторые не выживали, как отряд Перевалова, или сливались с более крупными соединениями, как Агинский и Апанский, или распадались на несколько самостоятельных. В августе 1919 года Апанский, Асанский и Тасеевский штабы были упразднены, и организовался единый Армейский военный совет. Существовали и внутренние разборки. Как выразился один партизан: «если не поладилось» — уходили. Для небольших отрядов большую роль играли факторы внезапности, мобильности, иначе не выживали.

Был еще один и очень существенный фактор в истории повстанческого движения в Енисейской губернии, да и в Сибири в целом, — сильное левозеро-ское влияние в отрядах, эсеры составляли в 1917 году самую массовую организацию в губернии, имея хорошо поставленную конспиративную систему. Боремся за власть трудового народа, но наше движение беспартийное, мы за народную демократию, но без диктатуры партии; на эсеров возложена «миссия переворота», чтобы освободить «придавленный» народ. Число партизан, принадлежавших к партии большевиков, было не так велико, а в некоторых отрядах — единично. Повстанческие отряды собрали все социалистические партии: большевиков, меньшевиков, эсеров, анархистов, а также беспартийных. Значительное левозеро-ское течение наблюдалось в Степно-Баджейской армии Канского уезда, а затем в армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина: главком А. Д. Кравченко — эсер, начальник главного штаба А. Т. Иванов — бывший эсер-максималист, в 1917 году — левый эсер; член главного штаба К. М. Логвинов — бывший эсер (некоторые историки склонны считать его анархистом), а также член Армейского совета и редактор

* Поздняков А. А. Начало хроники. 1917—1918 годы. Захват власти. Л., 1951. Л. 36, 330—331.

** Поздняков А. А. Хроника. Л. 816вввв; Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 48.

газеты «Соха и молот» А. А. Петров — эсер. Таким образом, командование Степно-Баджейской армии было весьма пестрым по партийной принадлежности, но в целом превалировали эсеры. Только спустя годы многие из них будут позиционировать себя большевиками. Существование в одном отряде людей с разнопартийными политическими взглядами нередко приводило к противостоянию внутри него. С серьезной оппозицией пришлось столкнуться в Северо-Канском партизанском отряде его организатору В. Г. Яковенко, беспокойно было и в Степно-Баджейской партизанской армии, о чем свидетельствуют приводимые ниже воспоминания. Имели место в отрядах «партизанщина», «атаманщина», кражи, разбои, превышение должностных обязанностей, пьянство. По выражению одного из партизан, «анархия у нас была порядочная». Была и борьба за твердую партизанскую дисциплину, вплоть до расстрелов особо оступившихся. По мнению ряда историков, исследователей Гражданской войны, партизанское повстанчество в Сибири носило общекрестьянский характер и отличалось беспартийной направленностью. Партийные организации в отрядах, как правило, отсутствовали. Автор эсеровской газеты «Народный голос», не указавший имени, писал: *«Можно ли назвать крестьянские восстания большевистскими? Нет. Щетинкин и Кравченко называли свои отряды не иначе как „народной“ или „крестьянской армией“, термин „красная“ они не упоминали. Не раз в частных разговорах Щетинкин высказывался так: „у меня одни лозунги, у Кравченко другие“. Спрашивали, какие у него лозунги, отвечал: „я иду против милиции, против казаков и против Колчака“»*.*

Немалую роль в повстанческом движении сыграли анархисты, или «черные партизаны», создав в Сибири не менее 15 отрядов; организовались после 1917 года, образовали свои сети в Красноярске, Томске, Иркутске, Чите, на ст. Черемхово. Часть присоединялась к большевикам, эсерам, часть действовала обособленно. Нередко воевали разрозненно, нарушали договоренности с другими отрядами, оголяли тылы соседей, грабили население, не подчинялись командирам. Отдельные члены партии призывали бороться с любой властью. И все же главной их целью была борьба с Колчаком. Анархисты находились почти во всех партизанских отрядах. Так, связным отряда П. Е. Щетинкина был анархист Д. Шаболин. Связными красноярских подпольных комитетов — анархисты Каликес,

Минчук. Определенное влияние «черные партизаны» имели на рабочих-железнодорожников и крестьян, не желавших любой власти. Свою нишу в Гражданской войне занимало офицерское подполье, существовавшее во всех крупных городах Сибири. Кадровые офицеры, имевшие до Советской власти влияние в обществе и армейской среде, оказались выброшенными из привычной жизни и вынуждены были искать средства к существованию. Летом — осенью 1918 года офицеры сформировали антисоветское подполье, составив ядро Белого повстанческого движения. Следом по численности шли казаки. По сведениям ВЧК, численность подпольных организаций Белого движения в начале 1918 года составляла около 16 тысяч человек**.

Белый террор и красный террор — бойня с двух сторон. Многие были втянуты в эту междоусобную войну не по собственной воле. Злодеяния творили и те и другие. Неподсудными себя в условиях войны считали и белые, и красные, война узаконивала любое преступление. 5 сентября 1918 года, после августовского покушения на В. И. Ленина эсерами, Совнарком принял Декрет о красном терроре. В практику молодой Советской власти вошло заложничество: расстрелы без суда и следствия, заключение в концлагеря. Красный террор был первичным, узаконенным новой государственной системой (заложничество возникло еще в древние времена — Рим, Египет и т. д.). Весьма любопытно замечание нашего земляка Вл. М. Крутовского, не принявшего Советскую власть и боровшегося с ней: *«В условиях сибирской жизни большевизм выражался в несравненно более мягких формах, чем в Европейской России»****.

Что касается Сибири, то здесь был первичен белый террор, начавшийся без всякого объявления. Сибиряк, не привыкший к поркам, не сразу взял «реванш», а, придя в себя, поднялся на борьбу, у человека есть право защищаться. Несколько раз в воспоминаниях партизан встретится фраза: «Ну, теперь и мы научились драться». Сошлемся еще на воспоминания генерал-майора У. Гревса: *«Приходится удивляться, как офицеры старой русской армии не поняли, что следует как-то изменить практику, усвоенную армией во времена царского режима»*. «Я никогда не мог понять психику тех людей, которые надеялись подобными действиями установить прочное правительство в Сибири.

...Колчаковцы не придерживались практики цивилизованных стран, и этим людям (партизанам) не предо-

* Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов. 1917—1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 364; Без автора. К характеристике крестьянского восстания в Енисейской губернии // Народный голос. 1920. № 4 (9). 6 (24) янв.

** Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX в. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 2 (1918—1925). Омск, 1996. С. 25, 29, 37, 45, 52; Кирмель Н. От агента Бормана. Стратегическая разведка белого Юга против Советской России // Родина. 2008. № 3. С. 38—39.

*** Крутовский Вл. М. Областное обозрение // Сибирские записки. 1919. № 3. Июнь-июль. С. 92.

*ставлялось право пленных согласно законам войны... У меня в Сибири не было ни одного доказательства того, что Колчак прилагал какие-либо усилия для изменения ужасной обстановки... Нашел в своей канцелярии рапорт одного британского офицера, который был у Деникина; этот рапорт доказывает... что жестокости, совершенные в Сибири, совершаются и на территории, находящейся под управлением Деникина... Жестокости были такого рода, что они, несомненно, будут вспоминаться и пересказываться среди русского народа через 50 лет после их свершения**. Гревса поражали ужасы Гражданской войны в России, а ведь его свидетельства основывались на донесениях, отчетах, встречах, рассказах подчиненных. Какой же должна была быть действительность на самом деле, если у стороннего человека она вызывала недоумение и шок, как такое могло происходить. Многие русские офицеры понимали, что погромами и убийствами только усиливают сопротивление. Красноярский полковник Мартынов в докладе командующему Иркутским военным округом генерал-лейтенанту В.В. Артемьеву писал: «Мы сами насаждаем большевизм грабежами и насилием», указывая на карательные отряды Трофимова и Красильникова. Управляющий Енисейской губернией П.С. Троицкий рекомендовал «устранять подобные нетактичности» и «сдерживать проявления таких самоуправств». Два офицера из отряда Красильникова были показательно приговорены к смертной казни за бесчинства**. Большинство белых добровольцев оправдывали себя тем, что в условиях Гражданской войны иначе и быть не могло. Часто задавали вопрос своим командирам и солдаты Белой армии: почему мы деремся с такими же, как мы? Зная, к чему приведет Гражданская война, патриарх Тихон не поддержал Белое движение и отказался его благословлять, несмотря на многочисленные уговоры. А лидеры Белого движения не были признаны Европой.

Некоторые авторы в своих трудах цитируют, как часто красные без следствия и суда ставили «контру» к стенке. А если бы все произошло наоборот и победили белые? Тогда у стенки стояли бы красные, что и подтвердила ближайшая к тому времени история Финляндии, которую Совнарком 6 декабря 1917 года объявил независимой республикой. Разгромив финскую Красную гвардию, белофинны в результате переворота казнили 12500 соотечественников***. Потому и стояли и белые, и красные насмерть, предпочитая плену и пыткам самоубийство. С середины 1919 года практически те и другие пленных не брали,

чиня расправу на месте. Быть или не быть — такой вопрос стоял перед каждым участником братоубийственной войны.

Все чаще в настоящее время доносятся призывы мириться и каяться. С кем мириться? Кому надо было бы, тех уж нет. Русское зарубежье в прошлом, сейчас здравствуют его третье и четвертое поколения, давно ассимилировавшиеся. Своего рода исповедью тех и других может стать дальнейшее глубокое и беспристрастное изучение истории Гражданской войны в России, избегая принятых ранее идеологических оценок. Искать и публиковать малоизвестные и неизвестные документы той трагической эпохи, будь то монархиста, большевика, кадета, эсера и др. Это будет поучительно и потому, что прошлое имеет свойство иногда повторяться. Обоюдная вина лежит на красных и на белых — это доказательств не требует. Напомним состав Белой армии: число монархистов невелико, основной костяк преимущественно, как их сейчас называют, «февралисты», чаявшие Учредительного собрания и буржуазной республики. Кажется, В.В. Шульгин писал в своих воспоминаниях, что не социал-демократы раскачали Россию, а «камарилья», толпящаяся во власти. Обрядился ли великий князь К.В. Романов в красный бант — спорно, а что под красным флагом стоял, достоверно. Русская интеллигенция сама вызвала «дубинушку» (слово из песни), она десятилетиями ждала революцию. Белые проиграли войну, так как оказались не на высоте «белизны» (имеются в виду честь и мораль); из подлинно «белых» рук власть не вырывают. Такова своеобразная точка зрения Шульгина на причины поражения Белого движения. Вспоминается письмо, давно читанное, Лидии Крутовской, жены Вл.М. Крутовского, отправленное другу семьи Г.Н. Потанину. Она только что вернулась с демонстрации (Февральская революция), безмерно счастлива от того, какое единение и братство царят на улицах Красноярска, свершилось давно ожидаемое, а впереди столько надежд на светлое будущее. Знала бы она, что в этом будущем ждет ее мужа.

Итог братоубийственной войны: помимо указанных выше цифр погибших и умерших, миллионы наших соотечественников покинули Родину. Только из Крыма в ноябре 1920 года ушло в сторону Турции 126 кораблей. По данным советской разведки, в Константинополь после поражения Врангеля прибыло около 80 тысяч военных и около 60 тысяч гражданских лиц. Ни одна страна такого исхода не знала. Так русское общество раскололось из-за многочисленных противоречий россий-

* Гревс У. Американская авантюра в Сибири (1918—1920). С. 109, 148—149, 201, 203, 236, 238.

** Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 109, 148, 200.

*** Поздняков А.А. Хроника. Л. 815аа.

ской жизни; они оказались настолько велики, что никто не понимал, как такое могло случиться, «ни верхи, ни низы». Россия против России. Народ был разобщен веками, и революция это подтвердила. И не одно поколение людей здесь и там продолжало годами ненавидеть друг друга. Как писал философ Н. А. Бердяев, высланный из страны в 1922 году, «белый эмигрант» вызывал в нем отталкивание. *«В нем была каменная нераскаянность, отсутствие сознания своей вины и, наоборот, гордое сознание своего пребывания в правде... Было что-то маниакальное в этой неспособности типичного эмигранта говорить о чем-либо, кроме большевиков... Это настоящий психопатологический комплекс»*. В воспоминаниях участников Гражданской войны, оказавшихся вне России, тема расправ с населением чаще всего умалчивается. Верующая эмиграция считала, что Богом избранному русскому народу суждено было пройти такие испытания. Но не могла смириться с тем, что их Родина досталась «черни».

«Всякая революция в себе предполагает предшествовавшее беззаконие. Взрыв страсти тем сильнее, чем ужаснее было иго, против которого она восстает. Преступление ее и жестокость необходимо обусловлены преступлением и жестокостью власти». Эти слова принадлежат Алексею Степановичу Хомякову (1804—1860), публицисту, философу, богослову, поэту, одному из основоположников славянофильства. Он отводил особое историческое предназначение России, изложив свои основные либеральные воззрения так: равенство гражданских прав для всех, крепостное право — зло для человека. К революциям же относился отрицательно. Мыслитель предчувствовал, что это станет причиной чудовищного раскола и пренебрежением всякой законностью. Джозеф Ирвин Франс, член совета республиканской партии США, стал первым сенатором Америки, побывавшим в России летом 1921 года (четыре недели). По прибытии домой заявил о необходимости признать советское правительство и оказать ему помощь: *«...Неблагоприятные условия приводят к революциям. Несправедливость и угнетение, лишения и эксплуатация — самые плодотворные причины как войн, так и революций. Революции не предотвращаются репрессиями, запретами и притеснениями. Репрессии открывают дорогу революции, ускоряют ее... В условиях царского абсолютизма (в России) народные массы были угнетаемы, обречены на протяжении столетий на невежество и мрак. Примитивное и неорганизованное состояние Российской империи, ужасное положение миллионов ее граждан...»***

Гражданская война в России стала драмой для большинства ее населения, страна, по словам Николая Гумилева, «могла быть раем, а стала логовищем огня». Сохранившиеся воспоминания о том времени — важнейший источник для изучения российских катаклизмов начала XX века. Нередко они дают субъективное, индивидуальное суждение о пережитых событиях. Память — вещь специфическая, не универсальная, все удержать не может. В то же время бывает так, что именно эти материалы оказываются более объективными, чем какой-либо труд ученого на заданную тему. Архивный материал о партизанском и подпольном движении в Енисейской губернии невелик. При отступлении повстанцы, как правило, архивы сжигали. Воспоминания рядовых партизан встречаются еще реже, и часто они интереснее и важнее своей бытоописательностью, непосредственностью и искренностью. Пример тому дневники с записями воспоминаний участников Гражданской войны, которые вела работница Музея Приенисейского края Анна Константиновна Фелелова начиная с 1929 года, в частности записи четырехмесячной «большой» экспедиции 1933 года, собираемых в бывших партизанских районах. Они и составили первую часть данного сборника.

Дневниковые записи с воспоминаниями бывших партизан, «сырой жизненный материал», на наш взгляд, уникальны. Записывались от первого лица, без правок и редактирования, без корректирования «неудобных» рассказов. Это живая непосредственная речь с описанием многочисленных деталей повседневности повстанческой жизни с муками и победами, своего рода партизанская проза, закрепившая пережитое. Часто нелегкая для чтения и остро сопереживаемая. Оговоримся, что в литературе редко, фрагментарно попадает описание повстанческого быта, а тема интереснейшая. И в дневниках А. К. Фелеловой она присутствует. Ценность собранных Анной Константиновной воспоминаний, прежде всего, определяет место и время, когда они были составлены. Еще живы многие партизаны, цепкая крестьянская память еще удерживает все виденное и пережитое, бывшие повстанцы живут в тех местах, где воевали. Живы товарищи, которые могут поправить неточности или напомнить прошлое (Фелелова иногда для беседы собирала одновременно несколько партизан). Еще не зажили старые раны, но уже схлынул «бойцовский» пыл, а значит, можно более трезво оценить минувшие события. В 1929—1933 годах еще можно было говорить обо всем, что помнили, не осторожничали, рассказывая

* Бондарев А. А. Русское зарубежье // Трибуна русской мысли. 1909. № 11. С. 8—9; Иванович М. Переселение в «пороховой погреб». Русская армия генерала Врангеля на Балканах // Родина. 2008. № 3. С. 106.

** Сухов А. Д. Столетняя дискуссия: западничество и самобытность в русской философии. М., 1998. С. 44; Франс Д. И. «Позвольте указать дорогу к восстановлению мира между народами» // Исторический архив. 2019. № 4. С. 20, 23, 25—26, 29. Пер. и публ. Ш. Шахалилова.

в подробностях и об «изнанках» партизанской войны. Потому и были обречены на молчание воспоминания бывших партизан по политико-идеологическим мотивам, не соответствуя существующей трактовке революционного и партизанского движения. Благодаря А. К. Фефеловой, пусть через 90 лет, повстанцы «заговорили» о том, что вынесли и претерпели, еще раз подтвердив, что уходящее время закрепляется лучше всего в воспоминаниях.

Перед публикацией того или иного блока воспоминаний: восстание в военном городке, Минусинское крестьянское восстание, Мариинский и Клюквенский фронты, деятельность повстанческих отрядов и прочее — предшествуют краткие поясняющие справки об основных событиях повстанческого движения на том или ином фронте. Читатель должен иметь возможность ориентироваться в излагаемом материале, так как воспоминания в тетрадах идут не по хронологическому принципу. Один партизан ведет рассказ о начале боя под деревней Нарвой, другой помнит только его конец, третий вспомнил лишь Кайтымский бой и т. д.

Сборник включает в себя две части. Вторая часть состоит преимущественно также из неопубликованных документов. Объединение в одном издании дневников А. К. Фефеловой и воспоминаний подпольщиков и других повстанцев Енисейской губернии вполне уместно: близость содержания и событий, общность происхождения. Повторно публикуются (всего три) те материалы, которые объясняются необходимостью сохранить логику происходивших событий, в данном случае деятельность красноярских подпольных комитетов и связи их с повстанческими отрядами. Иначе появляется лакуна — Красноярск выпадает из общего повествования о Гражданской войне. Это воспоминания А. С. Гендлина и Н. Х. Молчанова о деятельности четырех комитетов и трагической судьбе трех из них. Материалы по этой теме скудны, фамилии всех подпольщиков до сих пор не установлены; первые три комитета просуществовали менее года каждый. В перерывах между провалами хватало времени только на то, чтобы восстановить явки, связи, пополнить организации новыми проверенными людьми, наладить подпольную типографию, начать сборку оружия и медикаментов для партизанских отрядов. Пожалуй, эта деятельность была тяжелее, чем находиться в окопах. Мало того что ты подвергаешься опасности самого себя — арест, пытки, мучительная смерть, но и каждый неосторожный шаг мог отразиться роковым образом на судьбах твоих товарищей. Поэтому обойти такие воспоминания не представлялось возможным. Как и казнь 13 подпольщиков Знаменского поселка Красноярского уезда.

Впервые приводятся неопубликованные материалы о событиях на Мариинском и Клюквенском фронтах, хотя число их не так велико. Это воспоминания красногвардейцев о разгромах их отрядов из-за бессмысленных приказов, неподготовленности, неопытности, следствием чего стали неоправданные жертвы. Вероятно, сказалась скорая и опьяняющая победа енисейских большевиков в двух революциях 1917 года, последующая же действительность оказалась иной. То же можно сказать и о воспоминаниях участников Минусинского крестьянского восстания осенью 1918 года. Забегая вперед, отметим, что при комментировании большей части воспоминаний используются полностью или фрагментарно другие источники из фондов музея, чаще всего опять же воспоминания, ранее также не опубликованные. Как правило, они добавляют, уточняют, корректируют события, поэтому обращение к ним — дополнительное привлечение важного материала. Что позволяет также избежать и повторов, так как части воспоминаний сходны по содержанию, но из каждого из них можно извлечь неизвестные ранее сведения.

Впервые в научный оборот вводятся мемуары четырех совершенно разных по возрасту, жизненному опыту, роли и месту, занимаемому в повстанческом движении, людей: Т. Е. Перовой, А. Т. Иванова (фрагменты), М. Т. Савицкого, А. А. Позднякова. Материалы Перовой и Савицкого готовились для сборника, но изданы не были; ознакомившись с ними, читатель поймет причину.

Перова Татьяна Евстратовна, учительница, близка к эсерам. В 1925 году закончила подробные воспоминания о деятельности одного из самых многочисленных партизанских отрядов, начиная с истории становления Перовского отряда, затем Степно-Баджейского фронта и партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. В 1918 году ей 18 лет, и в эти годы уже полностью сформировавшаяся личность. Умная, духовно развитая, наблюдательная, не по возрасту серьезная, безупречная в моральном отношении, в присутствии которой никто не осмеливался позволить какие-то вольности, и огромный, не по возрасту, авторитет. Обладая своеобразным стилем, она оставила объемную тетрадь с многочисленными свидетельствами внутренней партизанской жизни, которых читатель не найдет в других изданиях. Соблюдая хронологическую последовательность событий, пишет обо всем, что составляло жизнь повстанцев: армейских съездах, Талинском, Кияйском, Шалинском и других боях, органах управления армией и ее реорганизации, агитационной деятельности, интервенции, тяжелейшем отступлении армии в Урянхай. Предельно честно вскрывает тяжелые реалии армейского быта, трагиче-

ские ошибки командования, внутренние споры и разногласия, боль утрат и личный опыт пережитого. А ее последние страницы о муках раненых накануне выхода партизан из тайги в Минусинский уезд потрясают своим трагизмом. Из ее записей мы, наконец, узнаем истинную причину гибели легендарного командира Канского полка М. В. Александрова.

И совсем другой человек по характеру, складу ума — Иванов Арсений Трофимович. Фигура в енисейском повстанческом движении заметная. Перовский писарь, бывший солдат 12-го запасного стрелкового полка в Иркутске. Начальник Перовского волостного штаба во время восстания осенью 1918 года, председатель ревтрибунала Степно-Баджейской республики, начальник главного штаба в армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. В молодости — народник, затем эсер-максималист, участник террористических актов; дважды ссылался. К началу партизанского движения — скорее левый эсер, позднее — член партии большевиков. По уровню образованности равных ему в армии не было: знал историю и классическую русскую литературу, а также античную литературу и историю, философию, историю религии, писал стихи. Все знания усвоил самостоятельно, образованность наложила свой отпечаток и на стиль его повествования. Суровый, резкий, требовательный, сторонник непрерывных и решительных действий в армии, что роднило его с М. В. Александровым, оба и воевали в Канском отряде, и чаще всех скандалили с главкомом А. Д. Кравченко. Бывал в бою и неуравновешенным, но личной храбростью отличался всегда. Его воспоминания начинаются с письма в Енисейское губернское бюро Истпарта, которое, несомненно, обескуражило его членов. И для современного читателя его содержание не совсем привычное. Крестьяне избирают Советы, чтобы было с кого спросить; неокрепшее крестьянство само организовало белогвардейщину. Советская власть на первых порах создала анархию; восстание возникло стихийно, никто не руководил. Досталось и Коню — А. Д. Кравченко. Кто бы взял на себя смелость в то время публиковать такие воспоминания при общем пафосно-победном тоне? Отличная память, о чем свидетельствуют многочисленные подробности пережитого. Описание А. Т. Ивановым нескольких боев партизан Южной тайги, несмотря на весь трагизм, — своего рода литературное чтение.

Весьма примечательная и незаурядная личность — Савицкий Михаил Тимофеевич, большевик, матрос с легендарного «Вайгача», так неожиданно занесенный судьбой в Енисейскую губернию. Честолюбив, не лишен авантюризма, отличался личным мужеством. По воспоминаниям Т. Е. Перовой, его отдельный отряд показывал в боях полублегарные успехи, противник

знал Савицкого больше, чем кого-либо из командиров. Сумел через переписку с белыми, что практиковалось с агитационной целью в Степно-Баджейской армии, внушить мысль о силе своего «штаба», несуществующих частей, «стальной дивизии», создавая впечатление о значительности своих сил. В его отряде, названном 9-м Сибирским стрелковым полком, и кавалерии (стальной летучий отряд) не было случайных людей — все проходили фильтрацию, это был стойкий, спянный организм. Сумел обеспечить в селе Агинском Тальской волости надежный тыл. А также организовал еще один отряд — Агинский во главе с бывшим своим заместителем Межубовским. За директивами в Степно-Баджейский армейский штаб не обращался, а лишь ставил в известность о проведенных операциях. А. Т. Иванов назвал его «рыцарем без страха и упрека», из уст сурового повстанца это наивысшая похвала. Удивительно то, что об М. Т. Савицком сохранились немногочисленные упоминания; возможно, одна из причин — его излишняя самостоятельность. В воспоминаниях (автограф) есть материал об активной борьбе автора против остатков Белой армии на Минусинском фронте. Об этом фронте сведения немногочисленны, о Савицком еще меньше, кроме трех упоминаний рядовых партизан (приведены в комментариях). В нашем сборнике Михаил Тимофеевич сам расскажет о пройденном им боевом пути, написанном, кстати, хорошим слогом.

Впервые будет опубликован полностью единственный в своем роде документальный источник, который тоже готовился к публикации, однако судьба его сложилась, как у вышеуказанных авторов. Это воспоминания большевика с 1917 года, члена военно-революционного штаба в Красноярске, одного из организаторов Красной гвардии, бравшего власть в городе, — Позднякова Александра Александровича. Он входил в состав членов исполкома, эвакуировавшихся 18 июня 1918 года в низовья Енисея. После того как флотилия с большевиками была захвачена, уцелевшие члены ее высадились на берег и рассеялись в тайге. Через какое-то время Поздняков оказался один, хотя первоначально шел с группой в 60 человек, среди которых было несколько семейных товарищей: Кузнецовы, Вейнбаум и Лебедева (не сохранилась вторая тетрадь, поэтому причину, почему он остался один, не знаем). Голод, отсутствие воды, которое доводит человека практически до безумия, таежный гнус, одиночество, затерянность в незнакомом мире, отчаяние — все эти переживания описаны А. А. Поздняковым необыкновенно реалистично. На восьмой день Александр Александрович был арестован местными жителями, на девятый соединился с друзьями в Монастырской тюрьме. И здесь, все вместе, осознали необдуманность

и самонадеянность совершенного поступка, который привел к трагедии и гибели стольких людей. А. К. Фефелова была знакома с этими воспоминаниями, являясь членом краевой комиссии по развертыванию издательской деятельности по истории Гражданской войны. В основном материалы по этой теме комплектовались ею, имея в виду будущий музей революции.

В общей сложности составителем было просмотрено более 180 рукописных и машинописных текстов, не считая дневников с записями А. К. Фефеловой. Более 10 ее тетрадей охватывают хронологические рамки — 1929—1930-е годы (во второй части сборника приводятся многие документы, также собранные Анной Константиновной). Тетради А. К. Фефеловой нумеруются обычно на форзац-листах и приводятся в сборнике с номерами их музейного хранения. Материалы преимущественно расположены по хронологическому принципу, начиная с 1929 года, вероятно, «первой экспедиции» Фефеловой (в год ее прихода в музей), так как записи 1933 года обозначены «второй экспедицией» (подробнее см. в биографическом очерке А. К. Фефеловой). Отступления предполагались там, где необходимо было сохранить тематическую общность материала. Так, воспоминания Ефима Костюченко, участника Степно-Баджейского партизанского фронта, датируемые 1931 годом, идут с записями 1933 года как единые по содержанию.

Тексты некоторых тетрадей публикуются с небольшими сокращениями, обычно в том случае, когда рукопись плохо поддавалась прочтению. Физическое состояние некоторых листов, которым около 90 лет, тяжелое, «погасшие» чернила и карандаш, многочисленные пятна от влаги, «затертость» часто использованных страниц. В некоторых случаях не помогало и увеличение текстов, тогда листы рассматривались под разными углами, наклонами, на свет, чтобы «проявились» очертания букв. Довольно часто текст «съезжал» в гиб тетради. В Государственном архиве Красноярского края хранятся несколько текстов из тетрадей в виде машинописных копий: Минусинское крестьянское восстание 1918 года, восстание в военном городке 1919 года и др. На опыте работы с копиями убеждаешься всякий раз, сколько ошибок, пропусков, неверного прочтения фамилий и т. д. портят содержание. Только рукопись-оригинал или авторская машинопись, если таковые сохранились, максимально точно могут воспроизвести текстологическую основу источника. Работать с таким материалом тяжело, но это позволяет избежать искажений.

Тексты в тетрадях содержат многочисленные сокращения слов и частое употребление цифр, поэтому чаще всего сокращенные слова и часть цифр прописывались полностью. Анна Константиновна записи делала

на слух, а живую речь записывать сложно, если учесть массив фамилий и географических названий. Иногда рассказчик что-либо вспоминал, добавлял, поправлял, все это фиксировалось в записях. Содержание тетрадей приводится в том порядке, как указывается в записях, с сохранением стилистики и индивидуальных особенностей языка, специфических выражений, пунктуация приводится в соответствии с современными правилами. Чаще всего в рассказах бывшие партизаны использовали местные сокращенные названия населенных пунктов, что могло составить трудности для читателя. Так, село Божье-Озерское варьируется как Божье Озеро, деревня Мурманская — Мурма и т. д. Или: село Вершино-Рыбинское Вершино-Рыбинской волости (волость образована в 1912 г.) и деревня Верхне-Рыбинская Перовской волости — и та и другая часто назывались сокращенно — Рыбинское, Рыбинская, Рыбная. Путали эти названия и сами повстанцы. Поэтому в «Географическом указателе» где-то будут указываться два названия: одно — по «Списку населенных пунктов Енисейской губернии», другое — в скобках, «местное». Не все населенные пункты, упоминаемые в текстах, удалось найти: многие переселенческие участки, хутора не были выделены в справочниках из состава тех селений, с которыми были связаны. Редкоупоминаемые термины: остожья, осокорь и другие — идут в подстрочных примечаниях и обозначены «звездочкой» (*). Чисто местные названия идут обычно без пояснений: Думная гора, Костинские лога и т. д.

Часть воспоминаний, преимущественно машинописные копии, во второй части сборника идут с купюрами и большей частью от третьего лица, так как не было уверенности в достоверности имевшейся копии с подлинником. Особенно это касалось воспоминаний 1957 года, приуроченных к 40-летию Октябрьской революции. Если их готовили к печати, то обязательно редактировали, так как часть респондентов не всегда хорошо владели грамотой или не владели совсем. Поэтому часть рукописей не принадлежала авторам, а записывалась с их слов другим человеком. Это заметно при сравнении некоторых печатных материалов с копиями. К сокращениям приходилось прибегать в случае «революционной словоохотливости», которая нередко занимала несколько страниц, а также при плохих копиях с многочисленными пропусками при наборе. Излагая материал от третьего лица, составитель старался приблизить содержание близко к тексту. Пропуски в текстах или непрочитанные слова заключались в квадратные скобки, сокращения отмечались отточием.

В последнее время в публикациях все больше используется визуальная информация: портрет, облик,

вид, ландшафт. Выходят работы, которые можно охарактеризовать как формирование «общества визуальной культуры». То есть мир воспринимается не только через текст, но и образ*. Неслучайно все крупнейшие музеи России и мира издают серии альбомов, где сочетаются текстуальное и визуальное содержания. Визуальные источники оживляют письменные тексты и одновременно несут ценную информацию о людях и событиях. В наш сборник включен значительный портретный ряд партизан Енисейской губернии, многие из фотографий публикуются впервые. С ними работать было сложно, некоторые несли слишком мало информации. На нескольких групповых фотографиях все портретируемые перечисляются списком, а кто где находится — не указывается. Или перечисление указывается в обратном порядке, здесь сложностей не было. Нередко на фотопортретах сохранились обозначения цифрами, без фамилий, то есть необходимые сведения опять же отсутствовали. Все же удалось установить несколько лиц, сравнивая фотографии с подписными портретами. Сложно было и с установлением дат. В ряде случаев приходилось датировать приблизительно: по биографическим сведениям, годам смерти, возрасту, даже одежде и т. д. Если сохранилось изображение человека, расстрелянного в 1918 году, то дата указывалась «до 1918 г.» или условно: «1920-е, 1930-е». В этикетках сохранялись авторские дарственные надписи. Таким образом, в сборнике использовались источники портретного, событийного и видового характера. Также привлекаются рисунки местных художников, отражающих этнографический быт сибиряков: Д. И. Каратанова, Л. А. Чернышева и др. В том числе замечательные работы польского ссыльного А. В. Станкевича с видами Саян конца XIX века, через которые проходили партизаны. Природа не меняется так скоро, как человек.

Использовался также своеобразный изобразительный материал — фотографии-инсценировки. Многим читателям известно имя писателя-партизана Зазубрина (наст. фамилия Зубцов) Владимира Яковлевича, автора первого советского романа «Два мира» и еще более известной повести — «Щепка», при жизни его не увидевшей свет. При содействии секретаря Сиббюро ЦК РКП(б) в Новониколаевске (с 1926 г. — Новосибирск) С. В. Косиора и директора Истпарта В. Д. Вегмана в 1924 году в Сибири вышел первый игровой фильм, посвященный пятилетию освобождения от А. В. Колчака. Сценарий фильма под названием «Красный газ» написал редактор журнала «Сибирские огни» В. Я. Зазубрин. «Красный газ» — это коммунистическая агитация и пропаганда, это летучий газ: для своих — ве-

селящий, для противника — смертельный. Красный цвет — цвет кумача. На основные роли режиссер Иван Калабухин пригласил актеров Малого театра (Колчака играл М. Ф. Игнатюк, псевдоним — Михаил Ленин). Все массовки заполняли матросы, рабочие, крестьяне, бывшие партизаны со своим оружием, жители сел и деревень Енисейской губернии, отмеченные прессой как хорошие актеры. Фильм чуть было не «зарубили», спас С. М. Эйзенштейн, который помог сделать монтаж. Наркомпрос картину принял, фильм имел оглушительный успех. В 1927 году власти усмотрели, что главная героиня произносит монолог, держа в руках портреты Ленина и Троцкого. Фильм сняли с проката, уцелевшие копии смыли в лаборатории кинофабрики**. В настоящее время неизвестно, сохранилась ли хоть одна копия этого фильма. Во время постановочных съемок в Енисейской губернии неустановленный фотограф (возможно, Дерябин) делал снимки, сохранив, таким образом, на негативах некоторые кадры из фильма. Они и оказались в фондах Красноярского краевого краеведческого музея (будут указываться).

В сборнике приведен значительный научно-справочный аппарат: примечания к первой и второй частям воспоминаний, именной и географической указатели. Не вошли в перечень фамилии, которые шли в текстах перечислением и не содержали никакой дополнительной информации (в указателе около 600 фамилий с биографиями). Не были найдены некоторые населенные пункты, так как переселение в Енисейскую губернию продолжалось и в 1918—1919 годах. В сборник включены небольшие приложения, материалы которых касаются разных аспектов Гражданской войны в Енисейской губернии. Впервые публикуются воспоминания неизвестного белого офицера. Он попал в плен 23 января 1919 года к степно-баджейским партизанам, где провел четыре месяца, а затем совершил побег. Интересен взгляд человека, принадлежавшего к другому лагерю, с другими идеологическими воззрениями, на быт партизан, их деятельность, с характеристиками отдельных лиц.

К сожалению, не запомнилась фамилия исследователя, который не так давно писал, что историография событий начала XX века возможна только на основе изучения «локальных историй». Это наш вариант. Надеемся, что приведенные в сборнике воспоминания, являющиеся первоисточниками, большая часть которых впервые вводится в научный оборот, послужат дополнительным материалом для историков, разрабатывающих тему общенациональной российской трагедии — Гражданской войны в Сибири, и не только.

* Матханова Н. П. «Милый старинный обычай заводить альбомы» // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2018. № 3 (31). С. 181—184.

** www.sibreal.org.

«КАК МНОГО Я ПРОШЛА? И МНОГО ЛИ ОСТАЛОСЬ?»*

А. К. Фефелова. 1934 г.

Анна Константиновна Фефелова прожила долгую жизнь, многие годы которой были наполнены печалью. Долголетие не принесло счастья в личной и творческой судьбе; последняя мечта, ставшая смыслом жизни, оборвалась на взлете — музей революции так и не был создан. Незаслуженные обвинения, арест и заключение, глубокое личное одиночество

на протяжении многих лет и горькая старость. Упоминания об А.К. Фефеловой в источниках редки и скудны. Основные вехи ее земного пути удалось выяснить из автобиографии, датированной 27 сентября 1956 года, которая оказалась в следственном деле.

Родилась в Кургане Тобольской губернии 3 (15) февраля 1889 года в семье мелкого канцелярского служащего, сельского писаря, скончавшегося в 1912 году. В музейной анкете также указала, что отец был служащим. На сайте библиотеки «Сибирское краеведение» прошло упоминание, что происходила из семьи личного почетного гражданина. В справке политического отдела Управления НКВД СССР по Красноярскому краю накануне ее первого допроса повторяются те же сведения об отце. Можно объяснить желанием Анны Константиновны приукрасить свое происхождение? Или так надо было в то непредсказуемое время? Или самолюбие в какой-то момент взыскало, а оно было свойственно ей на протяжении всей жизни, или излишние эмоции, которые также имели место? Скорее всего, речь идет об ошибке. Странно, что нигде не упоминает свою девичью фамилию и фамилию родителей, как обычно водится. В довольно подробной автобиографии, составленной в Анжеро-Судженске на склоне лет, она напишет правду. С местом рождения все верно. Мать — швея, грамотой овладела самоучкой. Анна Фефелова выучилась читать в семь лет, окончила церковно-приходскую школу, с тринадцати лет засела за учебу. Сначала работала с матерью, в шестнадцать лет уходит из дома, работает в мастерской, домашней швеей, и так до двадцати двух лет. Затем началось кровохарканье**.

Накануне болезни отправила свои стихи в томскую газету «Сибирская жизнь», где они печатались

* Цитата из стихотворения «Сон» А. К. Фефеловой.

** ГАКК. Ф. П-7187. Л. 96.

под общим заголовком «Песни труда» и имели успех. Томский литературный кружок в 1911 году заинтересовался творчеством начинающей поэтессы, вероятно, помог с лечением; на протяжении полугода Анна Константиновна смогла оправиться от болезни. Живя в Томске, читала свои стихи на студенческих вечерках под псевдонимом Аркадина. Слушатели находили их «милыми», но считали, что многие требуют обработки. Горячее участие в судьбе А. К. Фефеловой принял профессор Томского технологического института, физик, гляциолог Б. П. Вейнберг. Он нанял ей репетитора и устроил на службу в редакцию газеты «Сибирская жизнь». Таким образом, девушка сумела подготовиться к сдаче экзаменов за первые три класса гимназии. В том же году выходит замуж за начальника почтового отделения Фефелова, фамилию которого и оставила себе.

В 1914 году, сдав экзамены за шесть классов гимназии, поступает ученицей в почтово-телеграфное отделение, куда был переведен муж. В конце 1915 года, когда уже шла война, мужа призывают на действительную службу, а Анну Константиновну переводят в Челябинскую почтово-телеграфную контору чиновником VI разряда. Через год увольняется, едет к мужу в Самару, где он, окончив школу прапорщиков, жил в лагерях в ожидании отправки на фронт. После его отъезда заболела, нервный недуг будет сопутствовать ей на протяжении всей жизни. В январе 1917 года смогла выехать в Курган к матери. Здесь и встретила революцию*.

Еще до многих российских катаклизмов, с конца 1915 года, много читала революционных брошюр, главным образом партии социалистов-революционеров (эсеров), смысл которых оживлял необычностью скромный быт швейки. Вскоре обратила на себя внимание полиции, а следом, в 1906 году, подверглась первому обыску. Пришлось уехать в Новониколаевск (Новосибирск), где сошлась с местными организациями эсеров и РСДРП, посещала собрания. На первых порах большевистская теория революции без восстания и активных методов, как писала, не находила в ней отклика, несмотря на знакомство с известными большевиками В. Шамшиновым и М. Шамшуриным**.

Вскоре организация была провалена провокатором. У Фефеловой оказалась на хранении большевистская библиотечка, которую она перевозила, меняя местожительство. В конце 1908 года полиция явилась с очередным обыском, обнаружив библиотеку. Анна Константиновна успела скрыться в другом конце города, а затем вынуждена была уехать в деревню, где прожила несколько лет.

Февральскую революцию встретила восторженно. Но не сразу сумела разобраться в расстановке сил. Была выбрана в исполком (не указывает какой, возможно, Новониколаевский. — Т. К.), отправлена в сельский район, где проводила выборы в волостные и сельские организации накануне созыва Учредительного собрания. В 1918 году вступила в партию социалистов-революционеров. Вскоре начала работать в так называемом партийном бюро, где «везла» на себе всю техническую работу: вела корректорскую экспедиторскую работу в народнической газете «Земля и воля» Курганской организации, получала и рассылала литературу***.

К Октябрьской революции отнеслась отрицательно, разгон Учредительного собрания вызвал возмущение, белогвардейский переворот встретила доброжелательно. Созданию Сибирской областной думы даже обрадовалась, ведь во главе ее стоял всеми уважаемый человек — Г. Н. Потанин****. И здесь, по ее признанию, «не умея отличить общее от частного», совершила самое большое преступление перед революцией: написала и отдала в печать стихотворение, явно недоброжелательное и резкое, «напоминание о котором до сих пор жжет». При вступлении в РКП(б) это стихотворение было передано партийному суду, который снизошел и вернул его автору.

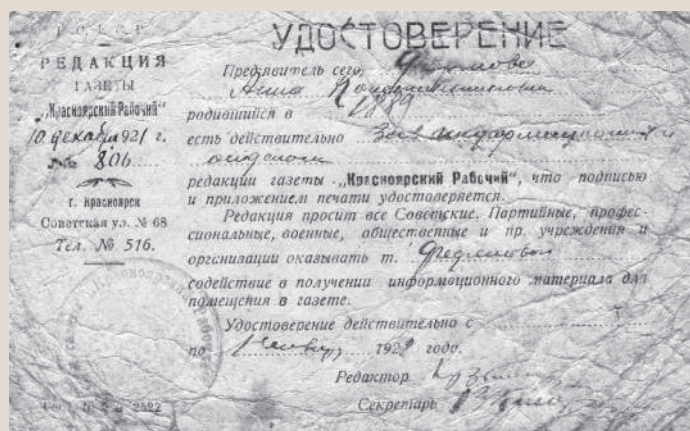
Колчаковщина научила «уму-разуму», Анна Константиновна поняла, что высокие слова и лозунги ничего не стоят. В августе 1918 года вступила в профсоюз, весной 1919 года перебралась в деревню, где прожила до августа, времени освобождения Урала Красной армией. Не знала, что делать дальше: эвакуироваться или «дождаться армию». Вернувшись в город (Курган?), узнала об ужасах колчаковского террора. Узнала и о том, что осталась вдовой при живом муже: тот был мобилизован в Белую армию.

* ГАКК. Ф. П-7187. Л. 96.

** Шамшинов Василий Иванович (1886—1937), один из руководителей Обской группы РСДРП в Новониколаевске (Новосибирск). Шамшуриин Дмитрий Афанасьевич (1888—1943), член Обской группы РСДРП.

*** ГАКК. Ф. П-7187. Л. 96об.

**** Потанин Григорий Николаевич (1835—1920), географ, этнограф, публицист. В 1862 г. вступает в подпольную организацию «Земля и воля», в 1865—1874 гг. — участник Общества независимости Сибири. Три года провел в крепости Свеаборг, затем ссылка в Вологодскую губернию. Принадлежал к общественно-политическому движению областников «Сибирь — равноправная часть России». Организатор и участник экспедиций в Монголию и Туву, Северный Китай, Восточный Тибет. Организатор Общества изучения Сибири, одно время правитель ВСОРГО, сотрудник газеты «Восточное обозрение». В декабре 1917 г. в Томске был избран председателем Сибирского областного Совета, действовавшего до созыва Учредительного собрания Сибири. Советскую власть не принял.

Удостоверение № 806 заведующей информационным отделом редакции газеты «Красноярский рабочий» А. К. Фефеловой. 1921 г.

Жизненные пути разошлись навсегда. Поступила работать на почту, где оказалась самым квалифицированным работником, избрана секретарем Союза (почтовых работников?), сумев наладить самую примитивную связь в освобожденном уезде*.

Едва успела закончить работу, как белые из Петропавловска перешли в наступление**; началась эвакуация учреждений Советской власти на запад. Встал вопрос — с кем идти, оставить семью (мать) или с вещевым мешком уехать с работниками почты? Поехала с последними, во время остановки в Миассе вызвали в прифронтовую зону в отдел управления ревкома, чтобы заменила заболевшего секретаря. Дорогой заразилась сыпняком. Во время партийной недели 30 ноября 1919 года вступила в ряды РКП(б). Вместе с работниками 5-й армии 7 января 1920 года выехала на восток, полтора месяца добирались до Красноярска***.

Работала в редакции газеты «Красноярский рабочий», сохранилось удостоверение Анны Константиновны от 10 декабря 1921 года за № 806, что она является заведующей информационным отделом газеты. Редакция просила все советские, партийные, профсоюзные, военные и общественные организации содействовать Фефеловой в получении необходимых материалов для издания. Удостоверение действовало

по январь 1922 года, затем было продлено до 1 апреля того же года****.

В газете «Красноярский рабочий» в 1920-х годах сотрудники-рабкоры чаще всего подписывались под своими корреспонденциями псевдонимами. Автором статьи была просмотрена газета за 1923 год, где обнаружилось несколько заметок Фефеловой за подписью Ф., А. Ф., лишь раз указано — сотрудник газеты А. Ф. Так, ей принадлежали мелкие заметки: «О клубной работе» (№ 42), «В отряде Копылова» (№ 55), «С лесом» и «Без леса» (№ 113) с куплетом: «А соседям весь день/С жару млеется,/Посадить-то им лень/Хошь бы деревцо./Лес, брат, любит труды,/Сам не вырастет./И сиди без воды/Да без сырости», «Вот и поработай» (№ 263), «Бьем бесхозяйственность» (№ 282)*****.

А. К. Фефелова была молода, обладала бойким, острым языком, а в жизни, скорее всего, оставалась одинокой, одиночкой. Такое бывает. Не сохранилось упоминаний о людях, с ней друживших. Она и сама написала в одном из своих стихотворений: «Я душою от вас далека,/между мной и другими стена»*****. Известный столбист и автор коротких упоминаний о ней, бывший музейный работник А. Л. Яворский, вспоминал, как поэтесса А. К. Фефелова-Аркадина (Нина Аркадина — псевдоним, так звали героиню пьесы «Чайка» А. П. Чехова. — Т. К.) в 1923 году устроила себе стан под Митрой***** с западной стороны под названием «Келья схимницы Анны». В начале 1930-х годов она проживала в избушке «Пионеров», ей нравилось одиночество в этой отдаленной от Столбов избушке. А так как избушка уже рушилась, она в 1932—1933 годах разобрала ее до основания, из сухостоя и моха сложила нижние подгнившие звенья и соорудила крышу из осинового желобника. Так и ходила в свое жилище, укороченное во всех трех своих величинах: в длину, ширину и высоту. Избушка вскоре стала привлекать охотников, Фефелова разобрала ее и перенесла на другую сторону ручья. Закончить свою «келью» она не успела*****.

В годовщину Первой русской революции 1905—1907 годов (1925) Анна Константиновна рас-

* ГАКК. Ф. П-7187. Л. 97.

** Петропавловск — город и станция в Западной Сибири, был освобожден Красной армией только 29 октября 1919 г. в ходе так называемой Петропавловской операции, длившейся с августа по начало ноября 1919 г.

*** ГАКК. Ф. П-7187. Л. 97об. В ноябре 1919 г. в Новониколаевске проходила партийная неделя во исполнение решения VIII съезда РКП(б) о расширении численности партии за счет преданных революции рабочих и крестьян.

**** КККМ. О/ф 3569.

***** Красноярский рабочий. 1923.

***** Нина Аркадина (А. К. Фефелова). Стихотворения 1910—1920-х годов (по материалам сибирской прессы) // Сюжетология и сюжетография. Новосибирск, 2019. № 1. С. 188—189.

***** Утес рядом со Вторым Столбом назван за сходство с головным убором священнослужителя. С восточной стороны имел полость, так называемую висячую пещеру.

***** Яворский А. Л. Столбы. Красноярск, 2008. С. 303, 411, 467.

спрашивала в качестве корреспондента участников революционных, не таких уж далеких событий и очень заинтересовалась этим материалом. Ушла из редакции, заглянула в архив Истпарта — там царил полный беспорядок, неучтенные материалы лежали грузом, рукописи никто не читал*. Предложила свои услуги, отказали, ждали какого-то работника из края. Пошла работать на почту, через 10 дней сняли, назначив секретарем Истпарта. Ставка была мизерная, но пошла с радостью. Проработала четыре месяца, и 1 февраля 1928 года Истпарт упразднили. Приехавший работник из края намерен был увезти документы на хранение в село Новоселово.

Как вспоминает Анна Константиновна, от материалов времени разлада России уже было трудно оторваться. Документы были оставлены в Красноярске, возможно, с ее содействия; был предложен выход — найти работника в порядке партнагрузки для хранения архива. Она сразу и вызвалась. Среди материалов, как упоминает, оказалось много ценного, например обрывки знамени рабочих железнодорожного депо 1905 года (в Красноярском краевом краеведческом музее этот экспонат не числится. — Т. К.), негативы, снимки, все это нужно было хранить для музея революции. Чтобы было на что жить, опять пошла на почту**.

В это же время взялась за литературный труд. К 300-летию Красноярска местные власти решили издать брошюру по истории города. Вдруг явился Д. Е. Лаппо (юрист-консультант Енисейского губисполкома), которому поручили написать раздел — история революционного движения. Имя его было в городе известно. В 1905 году, как писала Фефелова, он поместил в газете «Красноярский рабочий» заметку, в которой предостерегал население от увлечения революционным движением. Тогда она еще не знала, что на нем лежит кровь заложников-большевиков***. Анна Константиновна, со свойственной ей решимостью, явилась в Агитпром и резко опротестовала кан-

дидатуру Лаппо, заявив, что откажется выдавать ему материалы. В ответ получила желаемое: «Тогда пиши сама». И написали с краеведом В. Б. Смирновым небольшую совместную книгу: его раздел «Триста лет г. Красноярску» (книга с таким же названием), раздел А. К. Фефеловой — «История революционного движения в г. Красноярске» (Красноярск, 1928), составленный по материалам Истпарта, архивного бюро и воспоминаниям «отдельных товарищей». В нем она коротко рассказала об основных этапах политической жизни Енисейской губернии (с 1905 по 1919 г. включительно). Как признавалась, каких бы ошибок ни наделала, но все же это было лучше, чем авторство прокурора****. После ареста текст Анны Константиновны из книги изъяли, его сохранили работники ныне Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края, присвоив самостоятельный номер.

В 1927 году, еще до работы в музее, А. К. Фефелова стала одним из организаторов выставки «Октябрьская революция в Красноярске» с участием городского музея Приенисейского края, Истпарта и политсекции Архивного бюро****. Вскоре, в порядке все той же партнагрузки, организовывала несколько выставок. 1 февраля 1928 года в городе был упразднен Истпарт, все материалы передали в музей в отдел истории революции.

В феврале 1929 года директору Музея Приенисейского края А. Н. Соболеву поступило заявление от уполномоченного Сибкрайистпарта по Красноярскому округу, члена ВКП(б) А. К. Фефеловой с просьбой обсудить ее кандидатуру на должность заведующей историческим отделом. В заявлении указывалось, что она имеет навыки в выставочной работе в 1921 и 1927—1928 годах, одна из выставок находится в настоящее время в музее. Имеет печатную работу «История революционного движения в Красноярске» и 18-летний литературно-журналистский стаж.

* Истпарт — отделы при парткомах РКП(б) — ВКП(б), архивные учреждения. В 1929 г. Красноярский истпарт возглавлял революционер, бывший анархист, а затем эсер-максималист И. И. Жуковский-Жук, запустивший архив.

** ГАКК. Ф. П-7187. Л. 97об.

*** Лаппо Дмитрий Евдокимович (1861—1936), прокурор Красноярского окружного суда, заступивший на эту должность 6 (18) августа 1918 г. 24 декабря 1905 г. в № 5 газеты «Красноярский рабочий» в разделе «Маски сорваны» появилась заметка «Кровавый туман». В ней указывалось, что на заседании Свободной народной партии (кадетов) 22 декабря в здании Общественного собрания Лаппо, желая умалить значение объединенного Совета, взявшего на себя охрану города, позволяет себе «злостнейшую» провокацию. Он заявил, что будто бы за последнее время, благодаря разоружению полиции, грабежи и убийства в городе усилились. Это наглая ложь. Господин Лаппо напечатал в газете «Свободная Сибирь» (а не в «Красноярском рабочем») заметку «Кто поддерживает порядок, кто охраняет город?». К тому же Лаппо считает, что выборы в туман, за которым видна кровь. Лаппо много пришлось пережить как в годы Гражданской войны, так и после. Два его сына служили в Белой армии. Сын Сергей (1895—1972) — участник Русско-японской войны, впоследствии служил на линкоре «Цесаревич» в морских частях армии Колчака, после Гражданской войны занимал должность в гидрографии Северного Ледовитого океана. В 1924 г. был арестован и приговорен к трем годам ссылки в Узбекистан. Свою службу у Колчака скрывал. Впоследствии стал видным советским океанографом. Сын Лев — мичман, служил в Отдельной бригаде морских стрелков армии Колчака. Расстрелян в 1937 г. Кузнецов Н. «Других писателей у меня нет...» (Колчаковский фронт советской науки). Лейтенант Лаппо // Родина. 2008. № 3. С. 96—97.

**** ГАКК. Ф. П-7187. Л. 97об. — 98.

***** ККМ. Материалы по Истпарту, по подотделу музея революции, об изучении и пропаганде истории революционного и партизанского движения в Енисейской губернии. Оп. 1. Д. 595. Л. 23.

Сотрудники Красноярского краевого музея. Сверху вниз, слева направо, четвертый верхний ряд (стоят), второй слева — Н. Н. Михайлов, зоолог; третий слева — А. Л. Яворский, орнитолог. Третий ряд: третья слева — Киторина, практикантка; четвертая слева — А. К. Фефелова; дальше: В. И. Нешумаев, этнограф; Е. Ф. Гурцин, сотрудник; В. Г. Карцев, зав. отделом искусств. Стоят две женщины: М. Д. Соловьева, библиотекарь; З. Д. Соболева, кассир. Второй ряд (сидят): второй справа — В. Д. Медведев, директор музея; первая справа — В. Б. Смирнова, практикантка. Первый ряд: крайняя справа — Е. П. Чередова, оформитель. Февраль 1934 г.

Обязывалась, помимо текущей деятельности, привести в порядок и подготовить материалы Истпарта, с которыми хорошо ознакомилась по полуторагодовой работе, для предполагаемого в будущем музея революции. Члены коллегии музея рассматривали заявление А. К. Фефеловой 18 февраля и при одном несогласившемся вынесли решение — принять: Г. Миклашевская — необходимо принять, Фефелова умный человек и через два-три месяца ознакомится с делами; А. Соболев — необходимо принять и как можно скорее открыть отдел революции; А. Яворский — Фефелова может заведовать историко-революционным отделом, в том числе и отделом истории города, она знает хорошо быт. 2 марта 1929 года Анне Константиновне было выдано удостоверение, что она состоит в штате Государственного музея Приенисейского края, подписанное временно исполняющим должность

директора музея А. Л. Яворским. Указом А. Н. Соболева от 18 марта Фефелова назначалась на должность старшего хранителя с заведыванием отделом истории и революции*. К этому времени она составила план выставок, в том числе выставки достижений народного хозяйства, которую, из-за неподготовленности здания музея, предполагалось разместить по профессиональным клубам.

В воспоминаниях Анна Константиновна указывала, что отдел революции был организован поневоле, скорее всего, для сохранения документов. Проработала в музее шесть лет. Каждый год — череда выставок к годовщинам, памятным датам, свободное время использовала для сбора материалов по истории Первой русской революции, Гражданской войны в Енисейской губернии. Отпуска отводились для поездок для тех же сборов. С гордостью писала она позднее

* КККМ. Оп. 2. Д. 18. Л. 22, 29. П/п 1678. Оп. 1. Д. 435. Л. 3—5. Черновые рукописные материалы.

в своих письмах о реабилитации, что богаче красноярского отдела по числу собранных материалов о революционных событиях и их разнообразию вряд ли где в Сибири найдется похожий комплекс*.

В 1929 году сотрудница Государственного музея Приенисейского края Анна Константиновна Фефелова отправилась в командировку на пароходе из Красноярска в Енисейск, город с богатым революционным прошлым. Израсходовала командировочные, полученные по ассигновке от 8 июня 1929 года в сумме 46 рублей 20 копеек. Что собрала, не знаем, отчетности не сохранилось. В августе того же года командировалась в Москву, куда прибыла 8 сентября и где находилась 23 дня. Получила информацию о деятельности Музея РККА (Рабоче-Крестьянской Красной Армии), посетила институт В.И. Ленина (решение о его создании было принято в 1923 г.), где ознакомилась с архивом шушенской ссылки В.И. Ленина. Большую часть времени уделила Музею Революции, на который потратила 17 дней. Много информации узнала о массовой работе музея. Обратила внимание на то, что в музее много сотрудников и есть средства привлекать художников, обсуждать проекты. Одно из последних нововведений — световые эффекты. В красноярском музее все делается примитивнее. Договорилась с Музеем Революции об обмене экспонатами, связанными с историей партии.

Возможно, в Москве была запланирована ее встреча с П.А. Красиковым, организатором первого марксистского кружка в Красноярске, а также с живущими там бывшими подпольщиками и партизанами. Красикову был предложен ряд тем и вопросов: история первого марксистского кружка, приезд В.И. Ленина, как долго он находился в Красноярске, с кем встречался, какое впечатление на него произвели Столбы, где находился дом Л.Н. Скорнякова, как работали первые кружки. Красиков дал обещание ответить на все вопросы, но время затягивал. Фефелова настаивала на скорейшем получении ответов в связи с предстоящим в 1932 году 30-летним юбилеем Красноярской партийной организации. Так и написала П.А. Красикову, известному политическому деятелю: все сроки истекли, настала пора получать ответы в отдел революции, а то «обещанного три года ждут»**. Вот так, без всякого чинопочитания.

В 1930 году предполагалась выставка, посвященная 25-летию революции 1905 года, в виде фотопередвижки из 67 фотографий. Следующей должна была идти выставка «Борьба за Советы в Енисейской губер-

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ
СОЮЗ
БОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ
СССР

Членский билет № 1

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА

Имя М. К. *при фамилии отчество Фефелова*

Имя учреждения *Музей приенисейского края*

Фамилия *Фефелова* Имя *Анна* Отчество *Константиновна*

Год рождения (для подростков, [до 18 л.] указать также и мес. рожд.) *1898*

Национальность *Русская*

Партийность *член ВКП(б) с 1918*

С какого года непрерывно состоит членом союза *с 1918*

Основная профессия *Журналистка*

Когда принят на учет _____ числа _____ месяца 19 ____ года

Когда снят с учета _____ числа _____ месяца 19 ____ года

Учетная карточка сотрудника музея А. К. Фефеловой. 1929 г.

нии». В ней, по мысли Анны Константиновны, предстояло показать нейтралитет енисейского крестьянства в борьбе с белочехами, чем они и расчистили дорогу Колчаку. Рискованная тема. Неужели не осознавала, какие могут быть последствия? И еще одна выставка, посвященная работницам колчаковского подполья и партизанского движения (Перова, Саломатова, Исаева, Оршанская и др.). В октябре 1931 года Восточно-Сибирский краевой комитет ВКП(б) включил Фефелову в состав краевой комиссии из 19 человек по развертыванию издательской деятельности по истории Гражданской войны для всех групп населения. Выписку комитет отправил с грифом «строго секретно»***.

Так все и шло до 1932 года, пока в Красноярск не переехали Сибирский лесной институт, Сибирский научно-исследовательский институт (СибНИИ), открылся лесной техникум. Для Сибирского института потребовалось здание, заметили третий этаж Приенисейского музея. Красноярск тогда был районным центром, и музей подчинялся Иркутску. Музей согласился на вселение «квартирантов», так как нужно было что-то предпринять: после самоубийства директора А.Н. Соболева заместителем временно остался А.Л. Яворский (по мнению Фефеловой, слабый как руководитель).

В итоге директором музея в феврале 1931 года был назначен Н.Ф. Носов, директор СибНИИ, который весьма дорожил своим авторитетом. С него и нача-

* ГАКК. Ф. П-7187. Л. 98.

** КККМ. Оп. 1. Д. 595. Л. 4—5, 19, 26, 28об., 34. Оп. 1. Д. 1678. Л. 120—121.

*** Там же. Л. 10. Оп. 2. Д. 18. Л. 22, 25.

лись конфликтные времена. Отказавшись ради приличия от зарплаты, он месяцами не заглядывал на работу, «подмахивал бумаги» не глядя. Всю работу вез тот же Яворский. Однажды на вопрос, как работает новый директор, тот ответил, что это, скорее всего, шеф, а не директор. Фефелова подтвердила это мнение лично в «лицо Носову». Как она пишет, сначала тот посчитался с Яворским, а затем с ней. В 1932 году, при отсутствии топлива, в музее лопнула труба, Яворский получил принудиловку. Анну Константиновну заставили сделать доклад об истории Красноярской партийной организации на делегатском собрании в лесотехническом институте без всякой подготовки, а затем проработали на собрании партархива и временно исключили из партии. Вот так, оказалась без вины виноватой.

В чем же заключался «преступный» доклад А.К. Фефеловой, который в 1935 году, при каждом допросе, будут вменять ей в вину? Вооруженное восстание рабочих Красноярска в 1905 году осветила в меньшевистском духе и упорно замазывала и приносила роль большевиков. Доказывала, что это декабрьское восстание являлось оборонительным, а не наступательным, рабочие ушли в мастерские, чтобы избежать репрессий. Также настаивала на том, что в Красноярске большевистская фракция выделилась только после Февральской революции, а до этого никакой борьбы с меньшевиками и эсерами не вела и существовала в одной организации с членами этих партий по причине своей малочисленности*.

Горечь от неожиданного наказания вызвала нервный срыв, тяжелую болезнь (слабые легкие с молодости) и депрессию, которая будет длиться годами. В личном деле появился выговор: «За плохую подготовку к докладу». Последние три года были, как она пишет, для нее кошмаром: менялись директора, сыпались градом выставки, которые делала она, а Агитпром записывал в свой актив. Вокруг создавалась какая-то стена. Причину приоткроет позднее очередной директор музея В.Д. Медведев, в порыве откровенности сболтнув, что перед назначением ему предлагали убрать Фефелову «без шума»**.

Анна Константиновна запросила отпуск, ссылаясь на болезненное состояние, обострившееся в последнее время, и необходимость возобновления лечения, начиная «с сего 28 ноября, право использовать остатки моего летнего отпуска, те 13 дней, которые

мною использованы не были, т.е. с 29 по 11 декабря включительно. Ввиду того, что схематический план п/о (подотдела. — Т. К.) капитализма ранее этого срока готов не будет, мой отпуск в настоящее время ни на одну минуту не задержит подготовки к перестройке выставки, т.к. до составления хотя бы схематического плана п/о капитализма, п/о революции не может даже составить своего плана. Если во время моего отпуска потребуется моя явка для передачи п/о новому работнику, прошу меня известить. 28 ноября 1932 года. Фефелова». В левом верхнем углу — распоряжение о предоставлении отпуска. Подписан В.Н. Анашкиным 27/XI***.

Едва наступил новый год, как 11 января 1933 года музейная комиссия в составе старых большевиков А.И. Гуна, А.П. Августиновича и Рябковца выясняла взаимоотношения между директором В.Н. Анашкиным**** и А.К. Фефеловой о состоянии подотдела революции при музее. Комиссия констатировала беспринципную склоку между Анашкиным и Фефеловой, плохо поставленную работу в музее по причине недостаточного руководства и заинтересованности работников отдела. Комиссия отметила неумелое руководство Анашкина как директора музея, который вмешивался в мелкие дела отдела революции, игнорируя его заведующую — Фефелову. Та, в свою очередь, игнорировала директора.

Комиссия отметила, что ни тот, ни другой так и не выполнили указания со стороны горкома ВКП(б) о перестройке и налаживании работы подотдела революции, который до сих пор не перестроен. Отдел не отражает историю зарождения большевизма и борьбу большевистской партии по обе стороны фронта. И это не считая грубых политических ошибок, искажающих историю большевизма, выставив часто меньшевиков как большевиков. Революция же представлена нагромождением большого количества фотографий без всяких пояснений. Комиссия сомневается в качественной подборке сотрудников такого важного отдела и считает необходимым замену их подборкой крепких работников. Предыдущий акт обследования также вызывает протест у нескольких членов комиссии, да и у самой Фефеловой*****. На этом обсуждение закончилось, поставили на вид.

За отчетный полугодовой период январь — июнь 1933 года, составленный А.К. Фефеловой, в музее было организовано шесть выставок, которые прошли

* ГАКК. Ф. П-7187. Л. 96—98об.

** Там же. Л. 98об. — 99.

*** КККМ. Оп. 2. Д. 76. Л. 6.

**** А. И. Гун — член Общества старых политкаторжан. А. П. Августинович — член исполкома Красноярского городского Совета. Рябковец — не установлен. В. Н. Анашкин — директор музея с июня 1932 г. по январь 1933 г.

***** КККМ. Оп. 1. Д. 469. Л. 24—24об.

в рабочих клубах, театрах, кинотеатрах, сельской местности. Судя по названию тем — День Красной Армии, Ленский расстрел, 50-летие смерти Карла Маркса — вся нагрузка выпала на подотдел революции.

В июне 1933 года Восточно-Сибирское крайоно заслушало информационный отчет Государственного музея Приенисейского края за январь — июнь текущего года. В целях дальнейшего улучшения работы и сбора материалов, крайоно поручило командировать в конце лета 1933 года научного работника отдела революции в районы края с целью изучения партизанского движения на территории бывшей Енисейской губернии. *Анне Константиновне Фефеловой*, как заведующей, предстояло отправиться в командировку сроком на три месяца. В снаряжении экспедиционной группы (состоявшей из одной женщины и двух лошадей), помимо музея, приняли участие партизанская комиссия при горсовете, краеведческое общество, Уярский и Партизанский РИКи и Крайистпарт. Были отпущены деньги и оказано содействие в получении продовольствия, материалов, одежды и покупке двух лошадей. По возвращении из командировки Фефелова обязана была представить особый отчет о работе музея в «области изучения партизанского движения в период колчаковщины»^{*}.

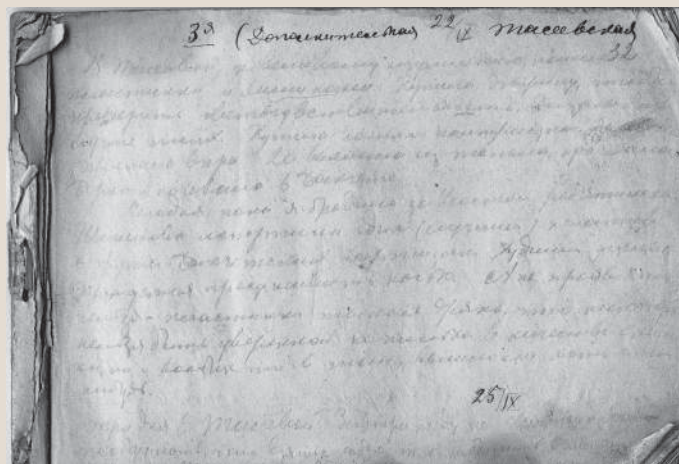
Готовясь в долгий путь, Анна Константиновна практически взяла на себя всю подготовительную работу по организации своей командировки по местам партизанской славы, зафиксировав сборы несколькими записями в начале тетради под названием «Большая экспедиция».

«10/VI 1933 года»

Из области туманных мечтаний моя поездка переходит в область практической подготовки. 1000 рублей уже есть, и есть готовый маршрут. Выезжать надо 1 июля, иначе мне не справиться ни за какие коврижки до октября. Три месяца в пути, 3 месяца впитывать как губка все новые и новые впечатления, закалять тело и ум.

19/VI

Полученные на поездку 500 рублей уже израсходованы почти целиком, куплены пластинки... достаточно хорошие. Найдено бейское седло для меня и казачий ленчик (деревянная основа седла. — Т. К.) для вьюка. Внесен аванс на макулатуру. Подбран брезент для палатки. Делается походная фотолаборатория, маленькая и очень светлая — при свете

Первая страница третьей «Тасеевской тетради». 1931 г.

костра и то можно будет работать. Но больше денег нет... Между тем пора уже покупать лошадей. Утром 26 они должны быть во дворе музея. Развиваю бешеную деятельность, налетаю, насканиваю, беру за горло, треплю всех и вся. Беру нахрапом многое, но не все. Далеко не все.

5/VII

Еще сижу на месте. У меня делали шкафы... Идет перекладка, и в кабинете тарарам... Кони на Столбах, жуют травку. Увела в ночь на 3-е...

12/VII

Как ни болела, да умерла, как бы долго я ни собиралась, но я выехала. Сейчас я пишу, лежа в коробу, под весом колхозной конной базы в Батое. Кони травку (жуют) в колхозном телятнике, со двора правления я на них посмотрела. Смазаны деготьком, одна спутана, другая на приколе. Словом, все на пути.

Выехала около 8 вечера, час на переправу, и на ранней заре прибыла в Батой — 30 километров. Приключений никаких, не считая насмешек на плашкоуте, отстегнувшихся удил и встречи с попутчиком-стариком у ворот Злобиной. Он мне помог развьючить коней»^{**}.

Следующие записи относятся к концу сентября.

«22/IX»

В Тасеево, к великому изумлению, нашла пластинки и химикалии. Купила полдюжины, чтоб проверить светочувствительность. Должны быть лучше моих. Купила сотню контрольной бумаги. Приехала вчера.

^{*} КККМ. Оп. 1. Д. 469. Л. 34—35.

^{**} КККМ. О/ф 12105/1Д 10040. Л. 2.

20-го выехала из Топола, проехала Борки и ночевала в Бакчете. Сегодня, пока я бродила за Усольем, ребяташки Шашлова испортили один (лучший) негатив с группой бакчетских партизан. Худшие уцелели. Придется просушивать ночью. А не проявить нельзя — пластинки такая дрянь, что никогда нельзя быть уверенной не только в качестве снимков, но и вообще-то в том, вышло ли хоть что-нибудь.

25/IX

Три дня в Тасеевой. Завтра поеду на Кайтым. Надо поотдумать, что взять с собою. Так как работать в Тасеево не хочется. Поеду [...] 75 + 79 = 150. Это обошлось [...] (Далее текст не прочитывается, нижний правый угол листа затерт. — Т. К.)

16/IX

Ночуем на участке Жевлатский. Выехали поздно, а когда добрались, начало уже вечерять. До Ильчета ехать не решились, тем более что с утра голодны. Первые 20—23 версты оказались не так уж трудны. Перед деревней я совсем уже освоилась и напевала потихоньку. Завтра обещают дорогу похуже. Во всяком случае, бояться я уже не боюсь. Держусь на лошади как будто и сносно.

27/IX

В устье Кайтыма, в зимовье, перестроенном из партизанской постройки, проведу я сегодняшнюю ночь. После полудня прояснило окончательно. Я сделала уже 7 снимков здесь, восемь сделала дорогой. Сегодня стану проявлять. Через два часа я уже буду знать, удалась мне снимки или нет.

28/IX

Снимки хороши, погода великолепна. Побывала за Оной (р. Она. — Т. К.), часа в 2—3 обратно в Ильчет. Ночуем здесь.

29/IX

Программа дня: ранний выезд на Кайтым, заснятые окопы и возвращение выполнено. Ночуем опять в Ильчете. Завтра через Щекатуровский в Тасееву. Дюков вырубил пулю из сосны. Свинцовая, партизанская.

30/IX

Вернулись еще рано, часов около 6. Оказывается, нас уже потеряли, хотели выслать отряд милиции. Боялись, что попадем в лапы бандитов.

1/X

Вечером вчера проявила все снимки. Неудачных нет. Ездил на поля, засняла партизан и полевые работы коммунаров. Партизанские снимки особенно удачны. Сняла окопы на Суховской и Лукашинской дорогах.

2/X

Ночевала у Дюкова. Получила стакан снаряда, шапку-ушанку, обойму самозарядок. Утром засняла Тасееву с Каменной горки, господствующей над селом. Получила все деньги и аккредитивы, купила 1 кило гипосульфата, 5 дюжин пластинок и 100 листов особо контрастной бумаги, сделаю отпечатки для себя лично. Получила от П. Горбунова дюжину партизанских своедельных пистонов, от Горбуновой — штаны ее мужа, кусок резины, приготовленный для печати, и «пулеметный порох». Утром обещала отдать машинку для выделки пистонов.

3/X

Легла рано и впервые за неделю выпалась как следует. Утром засняла Горбунову и принесла машинку (для выбивки пистонов). Шашлов притащил седло партизана Степана Игнатьевича Тараканова. С Горбуновой поменялась платками, дала ей свой кусок сатина, а у нее взяла ее старый, дырявый ситцевый платок. Старуха отдала мне все, что у нее было. Завтра утром выеду обратно. Погода окончательно испортилась, придется тащиться в грязи по макушку*.

В поездке А.К. Фефеловой должны были оказывать помощь местные партийные и советские организации, давая сопровождающих, а также указывать участникам Гражданской войны и места их проживания.

Проследим общий маршрут поездки, составленный А.К. Фефеловой в одной из последних тетрадей накануне возвращения из «Большой экспедиции».

Пойлово, Шалоболоино, Тесь, Б(ольшая) Иня, Самодуровка, Минусинск, Шашино, Кочергино, Курагино, Бугуртак, Джубатиха, Имисс, Тамбовка, Н(ижние) Куряты, Кой, Каратуз, Моторское, Н(ижний) Суэтук, Ермаковское, Салба, Григорьевка, 2-й перевоз, В(ерхне)-Усинск, Сумароковская заимка, Бабушкин маральник, Путимцева маральник, Урянхай.

Обратно до Григорьевки.

Григорьевка, Ермаковское, Казанцева, Суэтук, Каптырева, Ср(едние) и М(алые) Очуры, Казанцева,

* КККМ. О/ф 12105/10Д 10049. Л. 45—47об.

Дубенское, совхоз «Овцевод», Минусинск, Городок, Бузунова, Абаканск, Новоселово, Устюг, Бородино*.

Итак, проехала два города и 36 населенных пунктов, опросила около 180 человек. Присовокупим съемки партизан, мест боев, братских могил. Проявляла негативы, где имела возможность. Меняла квартиры. Часть пути ездил с провожатыми, нередко верхом по беспокойной сибирской тайге, где еще бродили банды. Читала лекции. Собирала экспонаты. И так на протяжении почти четырех месяцев.

Обратимся к ее коротким заключительным дневниковым записям.

«Подвожу итоги поездки: получила 2999 рублей на все расходы и от музея — 200 фото по 1 р. Ездил почти 4 месяца. Веду домой пару хороших лошадей, везу на санях ходок, на руках 500 р. И 300 — по аккредитиву. Сдам вполне годное экспедиционное оборудование: полушубок, полупальто, шапку, подшитые кожей валенки, конскую сбрую для пары лошадей. Короче говоря, на 2000 с хвостиком имущества. Да еще на сутки корму лошадям привезу и 800 руб. наличными. Это значит, что музей получит 3000 рублей прибыли, не ударив для этого палец о палец.

*Если после этого еще кто-нибудь поднимет голос против моих поездок, бить надо того. Материал получен богатейший и почти без затрат, вернее, с выгодой. На привлеченные средства проведена огромная работа, и сам музей только выиграл. А коняшки хорошие. После 300 верст отвратительной дороги они свежи, сильны и крепки, как и в первый день. Я буквально мечтаю (последнее слово подчеркнуто. — Т. К.) о приезде — это будет моя награда**.*

Девять рукописных тетрадей основного музейного фонда и две — вспомогательного (большая часть тетрадей включает в себя 48 листов), записи по большей части карандашные, редко чернильные. То, что находится в Красноярском краевом краеведческом музее. Последняя тетрадь имеет № 18, она же оказалась первой — записи первых дней поездки. Тексты — чаще убористым почерком, разборчивым, но с одинаковым написанием букв «к», «п», «н», что несколько затрудняло прочтение фамилий. Умела «разговорить» собеседника, реального персонажа прошедших событий. Записи почти дословные, язык разговорный с использованием просторечных слов и своеобразной стилистикой опрашиваемых. Несколько раз организовывала собрания партизан, где каждый его участник мог дополнить общие воспоминания. В подлинности — историческая ценность ее записей.

В тетрадях отражены многочисленные судьбы участников Гражданской войны и свидетелей, чьи жизни пришлось на русское лихолетье.

Тяжелейшая и одновременно плодотворная командировка не спасла от очередных нападков. 1934 год начался новым скандалом. В музее 16 января состоялось заседание партгруппы. Присутствовали: В. Д. Медведев, В. Н. Щеголев, П. М. Петрушин, О. И. Пилипенко, В. Д. Юркин, А. И. Гун, А. К. Фелелова, М. Родионова, Мезенцев.

Первым шел вопрос о положении дел в музее, вторым — заявление А. К. Фелеловой. Выступил временно исполняющий должность директора Щеголев, заявивший, что хуже всего дело с порядком обстоит в отделе революции. Руководитель отдела Фелелова жалуется на холод в кабинете, отсутствие шкафов, хотя они есть, а также выставочных щитов, которые тоже имеются. По адресу Щеголева Фелелова недавно допустила резкий выпад, предлагает ее от работы освободить.

В. Д. Юркин также предлагает Фелелову с работы снять. А. И. Гун — смягчает: освободить от заведывания отделом, оставив только на разработке материалов. Фелелова поясняет, что Щеголев обвиняет ее в бездельничестве, в то время как при подготовке выставки ей приходится работать и днем и ночью. А столкновение с директором вызвано тем, что щитов нет и постоянную выставку ставить нельзя.

Заступается секретарь музея М. Родионова: Фелелову все время отрывают от работы, к ней постоянно идут люди за справками, ей приходится работать по вечерам и ночью. Она сильно утомлена, нервы расшатались, ей нужен отдых.

Заключительное слово Щеголева: Фелелову от работы нужно отстранить. Фелелова заявляет, что настаивает разобраться, работала ли она действительно или нет, как говорит директор, бездельничала. Завершают прения Гун и Нешумаев. Первый заявляет, что обвинить Фелелову в ничегонеделании нельзя. Она много работает, только не умеет привести материалы в порядок, поэтому изнервничалась и не может удержаться от резких выходов. Нешумаев предлагает Фелелову освободить от выставочной работы и оставить в отделе в качестве научного работника, если она согласится. Фелелова в интересах дела соглашается***.

Наступило недолгое затишье. В марте 1934 года Красноярский городской отдел народного образования откомандировал Фелелову в Иркутск на краевое совещание по музейному строительству. Набраться

* КККМ. О/ф 12105/1Д 10040. Л. 53.

** КККМ. О/ф 12105/4Д 10043. Л. 19—19об.

*** КККМ. Оп. 2. Д. 76. Л. 37—38.

опыта. На обороте штампы прибытия и убытия: 15 и 21 марта 1934 г.*

Из отчета А.К. Фефеловой о работе отдела революции за 1934 год: за истекший год была сделана ленинская выставка, разделы «1905 год» и «Интервенция», 4 тематические выставки и 13 передвижек (как музейный работник с солидным стажем, автор статьи считает, что была проведена огромная выставочная работа при численности сотрудников в отделе на то время. — Т. К.). Экспедиций больше не проводилось — дирекция отказала в лошадях. Подбирался материал для партийного секретариата о Гражданской войне для подготовки тома о революционном движении в Красноярске. Из-за командировок и выставок тщательная разборка документов не производилась. Поступлений за год немного, от Дерябина поступила богатейшая коллекция негативов, пока описано около 500, получены три пистона работы баджейских партизанских мастерских. Потеряны практиканткой 12 пистонов тасевских мастерских. Расследования не производились. Помимо пистонов были потеряны и партизанские самодельные гранаты. Анна Константиновна находилась в это время на больничном, а затем на курорте. В очередной раз оказалась виноватой. Тут же припомнили ее доклад, в котором она выразила сомнение в победе революции 1905 года в Красноярске, а следом всплыли и меньшевики. В 1935 году Фефелову исключили из рядов ВКП(б) вторично**.

27 февраля 1935 года подоспела статья некоего Найденова под названием «Фальсификатор истории партии», опубликованная в газете «Красноярский рабочий». Явно заказная. В ней автор утверждал, что Фефелова в своем докладе и газетной статье по поводу празднования 30-летнего юбилея Красноярской партийной организации (1932) протащила фальшивую историю Сибири и ее партийной организации. Она заявила об особых условиях Сибири, где большевики и меньшевики были тесно связаны. За что была исключена из партии с выговором. Но только жаль, что краевая контрольная комиссия смягчила меру взыскания, оставив Фефелову в партии, ограничившись строгим выговором (по словам самой Анны Константиновны, ее восстановили в партии через полгода)***.

Все сошлось воедино. 27 апреля 1935 года Анна Константиновна Фефелова была арестована. Накануне, 26 апреля, оперуполномоченным 1-го отделения СПО (секретный политический отдел) Управления НКВД СССР по Красноярскому краю Смирновым была со-

ставлена справка о деятельности А.К. Фефеловой и директора музея В.Д. Медведева. Оба обвинялись в «протаскивании контрреволюционной троцкистско-зиновьевской контрабанды». Как под копирку, подобные обвинения шли в то время по всей стране. В тот же день вынесено постановление о мере пресечения и предъявлении обвинения гражданке Фефеловой по статье 58-10 УК. Мерой пресечения избрано содержание под стражей при Красноярской тюрьме. Подписано Смирновым и начальником СПО УГВ УНКВД КК Крестьянкиным. В день ареста (Фефелова указывает, что ее арестовали ночью) на квартире Анны Константиновны был произведен обыск, изъяты эсеровские и белогвардейские объявления, переписка по партизанскому движению, дневники, стихи, личные выписки****.

27 апреля состоялся первый допрос, который вел тот же уполномоченный Смирнов. Затем последовали допросы 5, 10, 22 мая, 2 июня. «Контрабандитская» деятельность Фефеловой в процессе допросов выражалась в следующем: «Портреты подпольного комитета красноярских большевиков (в музейной экспозиции) вывешивались с лицами, недостойными памяти советского музея». Оказывается, в разделе «1905 год. Красноярский пролетариат на баррикадах» был помещен портрет прапорщика Кузьмина, возглавившего красноярских рабочих железнодорожных мастерских и скрывшегося за границей, а также основателей газеты «Красноярский рабочий» — меньшевиков Мельникова и Хейсина. Довод Фефеловой, что большевиков в редакции на тот момент не было, сочли неубедительным. Октябрьская забастовка 1905 года отображена экспонатами в меньшевистском духе, лозунг о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую — совершенно отсутствует. Показывалась жизнь купцов, фабрикантов, помещиков и кулаков, не отражая гнета и эксплуатации рабочего класса. Партизанское восстание в Гражданской войне показано воззваниями генерала Зиневича и эсеров без всяких разоблачительных надписей. Руководящая роль РКП(б) не отражена. А также припоминались ее заявления о том, что организации большевиков недоставало сил в пропаганде своих идей и она стремилась действовать совместно с меньшевиками и эсерами, находясь до разъединения в 1917 году в одной организации. Припомнили и ее членство в эсеровской партии. В.Д. Медведеву, в прошлом также эсеру, вменялось в вину превращение музея в рассадник

* КККМ. Оп. 2. Д. 76. Л. 7.

** Там же. Л. 84—85. ГАКК. Ф. П-7187. Л. 98об.

*** Найденов. Фальсификатор истории партии // Красноярский рабочий. 1935. № 48. 27 марта.

**** ГАКК. Ф. П-7187. Л. 3—5.

антисоветских идей и протаскивания троцкистской контрабанды*.

Со всеми обвинениями Фефелова согласилась. Посчитала, что так лучше, а может быть, шли в Красноярске какие-то слухи о происходящем. Да и арестованный одновременно директор музея Медведев всю вину возлагал на нее. Однако на втором допросе, 5 мая, Анну Константиновну «прорвало»: *«Считала, что Мельникова выбросить нельзя, и, если бы было указание снять портрет, я бы сняла. Но все же, против снятия портретов, членов Совета не большевиков, я тогда протестовала и протестую, так как история есть история, а не какой-то позолоченный пряник»*. Красным карандашом это заявление в тексте выделено. 22 мая допрашиваемая продолжала утверждать, что никакой большевистской фракции на первых порах не существовало. На вопрос, что Фефеловой известно об антибольшевистских проявлениях со стороны работников музея, припомнила только один факт: Катков А.Ф. (заведующий отделом капиталистической формации) отказался подписываться на заем (факт, кстати, не единственный в то время. — Т. К.). 31 мая следствие выясняло ее партийное прошлое**.

Незадолго до ареста А.К. Фефеловой допрашивались сотрудники музея по поводу ее деятельности: парторг О.И. Пилипенко, директор (после Медведева) В.Д. Юркин, музейный счетовод Н.А. Ставровский; преподаватель пединститута П.С. Сысоев, заведующая горно (в партийной организации которой состояла Фефелова) В.А. Малова, а также старейшие члены партии А.И. Гун (член Общества старых ссыльных политкаторжан), К.И. Замятнин (председатель партизанской комиссии). Все подтвердили «троцкистско-зиновьевские взгляды» Анны Константиновны***.

2 июня 1935 года оперуполномоченный Смирнов посчитал следствие законченным, добытые сведения достаточными, чтобы дать им дальнейший ход, о чем и было объявлено Фефеловой. Дополнения делать она отказалась. Из заключительного обвинения следовало:

1. Путем заведомо неправильного монтажа выставки отдела революции и партизанского движения использовала музей для пропаганды контрреволюционных идей.

2. Занималась пропагандой и протаскиванием контрреволюционного троцкизма в публичных выступлениях.

3. Скрыла от партии свое исключение за троцкизм и выступала с клеветой на партию****.

Третий пункт явно притянут к обвинению, создается впечатление, что следователь не знает, что еще можно добавить для более убедительного обвинения. Сама Анна Константиновна впоследствии в обращениях о реабилитации называла вопросы уполномоченного наивными.

Следственные дела за №4 Фефеловой А.К. и Медведева В.Д. были направлены на рассмотрение во внесудебном порядке в особое совещание при НКВД СССР, будучи согласованы с крайпрокурором Красноярска. Из выписки протокола особого совещания при Народном комиссариате внутренних дел СССР от 10 октября 1935 года следовало: Фефелову А.К. за контрреволюционную агитацию заключить в исправительный лагерь сроком на три года, считая срок с 27 мая 1935 года. А также надлежит направить с первым отходящим этапом в город Караганду в распоряжение начальника Управления Карлагеря НКВД. Дату направления подтвердить к 13 декабря 1935 года*****.

В Караганде А.К. Фефелова работала на огороде Волковского отделения, где считалась лучшим техником по защите растений, вела общественную работу. Срок должен был закончиться 27 мая 1938 года, однако она была задержана «до особого распоряжения» на несколько месяцев. Когда закончился и этот срок, вызвали будто бы для отправки домой, отвезли в Мариинский лагерь, где объявили, без всяких пояснений, новое решение — заключение в исправительный лагерь сроком на пять лет с 14 августа 1938 года. Таким образом, А.К. Фефелова повторила судьбу многих так называемых «повторников» по одному и тому же делу. Трудно представить всю безмерность горя и отчаяния, которые должна была испытать Анна Константиновна, считавшая дни до освобождения и приговоренная к еще более длительному сроку.

Второй срок отбывала в яйских лагерях, где была ударницей, во время Великой Отечественной войны — двухсотницей (Яя — поселок на границе современных Кузбасса и Томской области, где арстанты шили одежду для лагерей; в годы войны — для Красной армии. — Т. К.). С этого же времени началась ее борьба за восстановление правды. Не хотела так нерадостно продолжать и заканчивать свою жизнь. В 1940 году написала в Москву письмо с просьбой пересмотреть ее дело, ходатайство Фефеловой было отклонено. Много занималась обще-

* ГАКК. Ф. П-7187. Л. 1—3, 8—13.

** Там же. Л. 10об., 14—15об.

*** Там же. Л. 38, 40—40об., 43, 45, 48, 50, 53. Юркин В. Д., директор музея с 01.04.1935 по 05.02.1937.

**** Там же. Л. 18, 82—83.

***** Там же. Л. 83—85, 90.

ственной работой, проводила литмонтажи в клубе, сочиняла куплеты и сценки, за что ей выносились благодарности от лагерного начальства. В 1947 году написала письмо И. В. Сталину с просьбой пересмотреть дело, получила ответ: «по материалам дела оснований для пересмотра нет». Освобождена была 14 августа 1953 года, срок отбыла полностью и с лихвой — 8 лет 4 месяца 17 дней*.

Вышла из лагеря, по словам Анны Константиновны, чуть не голой. В лагере несколько раз обокрали. Просить у начальства разных поблажек не умела. Должна была как-то устраиваться. Недавно автору статьи старейший работник Красноярского краевого краеведческого музея Зыкова Татьяна Васильевна передала давний разговор с заведующей так называемым советским отделом Т. В. Саломатовой. Сразу после освобождения А. К. Фефелова появилась в музее: нужна была справка, с какого года состояла в профсоюзе. В старой телогрейке, юбке из мешковины, рваных чулках, проношенных до дыр галошах. Начало весны. В музей ее не пустили. Анна Константиновна присела на деревянный заборчик, нервно курила, ожидая справку. Директор музея З. К. Глусская объявила, что никаких сведений не сохранилось. На вопрос, как же вы, Зинаида Константиновна, не помните, что мы с вами состояли вместе в профсоюзе, получила ответ: я этого не помню. Т. В. Зыкова удивилась: почему никто не вышел, чтобы поговорить, поддержать, пожалеть, помочь? Ответ был: «Ты не представляешь, как мы боялись».

После освобождения жить в режимных городах А. К. Фефелова не имела права, осталась в Анжеро-Судженске. Работала на Яйской швейной фабрике, после ее ликвидации — в Анжерском доме культуры, затем в театре Ленинского комсомола, ютилась в его мастерской. После вторичного сокращения штатов устроилась в селе и шесть лет проработала в саду Анжерского совхоза на физической работе. В 1955 году окончательно вышла из строя, была принята в Анжерский дом инвалидов № 2.

27 сентября 1956 года написала письмо в Прокуратуру СССР с просьбой о реабилитации: «Не хочу умирать запятнанной. Судимость снята, но каинова печать на лбу»**. Уходили годы, а с ними и силы. Не могла умереть, чтобы не сделать еще одной попытки вернуть себе честное имя. В ее письмах о восстановлении чести и достоинства прорываются

и раздражение, и горечь, и слезы за искалеченную жизнь.

13 апреля 1957 года А. К. Фефелова направила письмо в Красноярскую парторганизацию, где числилась до ареста. Описала перипетии последних лет своей жизни в музее. Сообщила, что ждет из Красноярского управления краевого прокурора ответ на свое заявление о реабилитации, переданное 8 октября 1956 года в Прокуратуру СССР. Судимость снята, но не аннулирована. Ей 68 лет, живет два года в доме инвалидов, тесно, душно, нет дела по силам, умственный багаж никому не нужен. А ведь сделала для музея немало, рукописный отдел революции самый богатый в Сибири. Если нельзя реабилитировать, то можно ли добиться открытого суда, чтобы понять, в чем виновата***. Зачем писала это письмо неизвестному адресату Анна Константиновна? Немолодая, больная, одинокая женщина, может быть, надеялась на любое слово сочувствия или помощь.

22 мая 1957 года председателю Красноярского крайсуда А. А. Рудневу было сообщено прокуратурой Красноярского края о направлении в президиум суда архивного дела Фефеловой А. К. за № 015865 в порядке надзора. 1 июня 1957 года президиум Красноярского суда, рассмотрев дело по обвинению А. К. Фефеловой и В. Д. Медведева, принял постановление. Учитывая, что в действиях Фефеловой и Медведева нет признаков контрреволюционного преступления, а есть признаки нарушения партийной дисциплины, за что они в свое время были наказаны, — оснований считать их государственными преступниками и действия их квалифицировать по статье 58-10 УК РСФСР. Постановления особого совещания при НКВД СССР от 10 октября 1935 года и от 14 августа 1938 года в отношении Фефеловой А. К. и Медведева В. Д. отменить и делопроизводство прекратить за недоказанностью предъявленного им обвинения. Председатель А. Руднев****.

Тремя годами ранее, в 1954 году, после снятия судимости, Анна Константиновна отправила заказное письмо в адрес Красноярского краевого краеведческого музея, которое приводим полностью:

*«В музей Приенисейского края
гр(аждан)ки Фефеловой Анны Константиновны
Заявление*

*Прошу выслать по прилагаемому адресу справку
о моей работе в музее с 1 марта 1929 года по пер-
вое марта 1935 в должности заведующего отделом*

* ГАКК. Ф. П-7187. Л. 99, 102, 103об., 123.

** Там же. Л. 99, 103—104.

*** Там же. Л. 94об. — 95об.

**** Там же. Л. 129—131.

истории партии и революции. Справка необходима для восстановления трудового стажа.

1954 года, февраля 20 дня. А. К. Фефелова

Адрес. Г. Анжеро-Судженск Кемеровской обл(асти), Анжерский совхоз, ферма № 4».

1 марта 1954 года требуемая справка была отправлена:

«Дана настоящая Фефеловой Анне Константиновне в том, что она действительно работала в Красноярском краевом краеведческом музее в должности заведующей отделом истории партии и революции с 1 марта 1929 года по 1 марта 1935 года.

Директор Красноярского краеведческого музея Глусская.*

Дальше следует пробел в жизни А. К. Фефеловой. Где она проживала до 1958 года — не установлено, скорее всего, на старом месте. В 1958 году (дата представлена карандашом, скорее всего, адресатом, почтовый штемпель от 11 февраля 1958 г. — Т. К.) на имя директора музея Глуской З. К. пришло письмо из поселка Индустриального в Красноярске. Скорее всего, Анна Константиновна жила какое-то время в городе, может быть, искала свои пропавшие бумаги или нужен был местный архив, так как продолжала вести исследовательскую работу. Следующее письмо по возвращении:

«Уважаемый товарищ! Скоро быть не могу, нет капиталов на поездки.

Заканчиваю матерьялы о восстании в (военном) городке. Краткие сведения, при желании, можете найти в моих статьях в „Красноярском рабочем“ от 30 VII 1929 г. № 171. Там же найдете и выдержки из письма Форгача об участии венгров (статья А. К. Фефеловой «Товарищи венгерцы». — Т. К.). Я перепутала время получения его первого письма и не рассчитывала найти данные в этих статьях. К счастью, ошиблась.

Завтра или послезавтра продолжу работу над организацией Пайкеса (А. К. Пайкес, меньшевик, член Красноярского социал-демократического комитета, который начал формироваться в 1901 г. — Т. К.).

*Уваж(ающая) Вас Фефелова**.*

Еще раз Анна Константиновна Фефелова напомнила о себе 31 августа 1964 года, какое-то время находясь в Красноярске. В этот день ею была отправлена докладная записка председателю Красноярского городского Совета Л. Г. Сизову о неправильном распределении мемориальных надписей в Красноярске и о забытых и утраченных исторических местах, лицах и событиях. Ей 79 лет. Но у нее четкая память на все со-

бытия, прежняя решительность и настойчивость. Где только силы брала. Первое, что ей бросилось в глаза на пути со станции Красноярск к центру города, — это мемориальная доска на Благородном собрании. В надписи на ней не указано, что именно здесь было принято решение Поздняковым, Лазо и Соловьевым взять власть в свои руки, а не только упоминание, что здесь проходили партийные заседания.

Напоминает о еще более обидной прошлой ошибке. В военном городке на могиле был поставлен памятник 31-му стрелковому полку, участнику вооруженного восстания в Красноярске летом 1919 года. В той же могиле были захоронены 500 солдат 3-го горно-егерского полка; само существование этой части с превеликим упорством отрицалось тов. Глуской. Три года понадобилось Анне Константиновне, чтобы на памятнике закрепить еще одну мемориальную доску. Много времени понадобилось, чтобы восстановить и честное имя четверых замученных подпольщиков первого Красноярского подпольного комитета, ославленных предателем Самозвановым.

Совершенно затушевываются среди руководителей 1917—1918 годов личности В. Н. Яковлева, благодаря которому и выделилась группа «правдистов», и Ф. В. Гусарова, настоящих большевиков. Правильно роль Яковлева оценили белые, расстреляв его одновременно с Дубровинским, Вейнбаумом, Белопольским и Парадовским... Первое место еще в 1920-х годах было закреплено за Дубровинским и Вейнбаумом, именно за теми двумя политическими деятелями, борьба с неправильными линиями которых отняла столько сил и времени у «правдистов» Красноярска. Теперь можно спокойно назвать их позиции теми именами, какими большевики-«правдисты» называли их в 1917 году. Они сдались, они пришли к большевикам, они умерли за Советскую власть, не будем их тащить силою с тех почетных мест, какие были им отведены в первые годы после восстановления Советской власти в Сибири. Но жизнь Яковлева отдана за ту же самую Советскую власть. И отдана без колебаний, без длительных раздумий. Так почему ему-то как раз и не воздано такого же (а он стоит большего) почета. Самая красивая улица города носит имя Я. Ф. Дубровинского (мемориальная доска тоже неверно помещена), на улице Г. С. Вейнбаума «мемориалка» есть, а дом, где жил Яковлев, ничем не отметили (отметили позднее; дом, где жил Я. Ф. Дубровинский, был снесен в 1966 г. — Т. К.).

Теперь о Гусарове. В 1918 году он организовал санитарный поезд и отправился с ним на Ключевенский

* КККМ. Оп. 2. Д. 76. Л. 8—10.

** Там же. Л. 11.

А.К. Фефелова. Октябрь 1968 г.

фронт. В Красноярскую тюрьму не попал, а оказался в 1920 году в омских лагерях. В самых тяжелых условиях плена была окончена ранее срока его жизнь. Много, очень много надо бы еще исправить и дополнить в истории революционных боев в Красноярске. Был Красноярск в 1905 году «республикой», дали прозвище «председателя Красноярской республики» прапорщику Кузьмину, когда его судили после его покаяний и добровольной явки с повинной. Меньше всего был в подвигах красноярских повстанцев повинен Кузьмин, но в лице его чествовали именно этих повстанцев. И очень обидно, когда слышишь и видишь, как путают и искажают истину по неведению или намеренно. Так случилось нынче при отмечании Тасеевского восстания. Имя Гусарова, три года работавшего с будущими руководителями партизан, было подменено именем Маерчака, никогда не бывавшего в Тасееве. «Не надо бояться называть и чествовать тех, кто на самом деле с честью нес имя партии»*.

Через четыре с половиной года, 29 марта 1969 года, Анна Константиновна ушла из жизни в Анжеро-Судженске.

А.К. Фефелова оставила ценнейшие воспоминания участников Гражданской войны и мирных жителей Енисейской губернии, представив обширную картину того, что происходило в крае в судьбоносные годы российской истории. Ее характер — сложный, колючий, горячий нрав и прямота, эмоциональная уязвимость нередко играли неблагоприятную роль в ее жизни. По большому счету, это трагическая фигура.

Нельзя не отметить еще одну ипостась этой замечательной женщины. Она была довольно известной поэтессой, в наше время забытой. В 1919 году Институт филологии СО РАН в Новосибирске выпустил сборник «Сюжетология и сюжетография» №1, в котором значительное место занял очерк «Нина Аркадина (А.К. Фефелова). Стихотворения 1910—1920-х годов (по материалам сибирской прессы)», с. 172—198. Псевдоним не случаен, как заметит читатель, — образ подбитой чайки. Составители: Е.В. Капинос — предисловие; Е.Э. Худницкая и А.В. Ульверт — подготовка к публикации. Авторы нашли и опубликовали четыре десятка стихотворений Анны Константиновны разного тематического содержания, разысканных по архивам и библиотекам Сибири. Авторы считают, что, любя поэзию Н.А. Некрасова, Фефелова следовала традиции его бескорыстной любви к народу, что нашло отражение и в творчестве поэтессы — тема сочувствия революции. Особенно четко выразилось это в стихотворении «Ленский расстрел» (1922) — «Кто смеет говорить о примирении?»**.

Вероятно, Нина Аркадина, она же Анна Фефелова, была замечена литераторами. В предисловии к изданной книге стихов Кондратия Худякова она упоминается вместе с Всеволодом Ивановым, Михаилом Голодным. В альманахе «Пробуждение» (СПб., 1906, №7) одно из стихотворений Нины Аркадиной идет после И. Бунина. Тематика ее поэзии разнообразна: пейзаж, личная драма, мотивы скорби о неудавшейся любви... Техника ее стиха, как указывают составители, не оригинальна: обилие стандартных рифм, тематическое однообразие***. Но есть и какие-то трогательные строки, лирические мотивы, которые привлекали читателей и редакторов изданий.

К этому можно добавить бесконечные мотивы скорби: «Словно вор, подкралось горе неизбежное...», «Пусть меня оскорбили жестоко», «Всюду чужая, чужая!», «Нет выхода. Мучительно тоскую», «Кто осудил меня на горе без отрады...». Что это, предчувствие опустошающей душу трагедии в буду-

* КККМ. Оп. 2. Д. 76. Инв. № 836. Л. 1—4.

** Сюжетология и сюжетография. 2019. № 1. С. 175.

*** Там же. С. 176—177.

щем? Хотя многие стихи написаны ею в молодости. Уже упомянутый поэт Кондратий Худяков, не выдержавший горестных мотивов, написал обращение к Нине Аркадиной, при всем к ней уважении:

*Посмотри, как месяц
Тихо всплыл над миром! —
Ты все горько плачешь
И грустишь по милом...
Не горюй, не сетуй —
Жизнь всегда и всюду.
Верь в любовь и счастье,
И случится чудо!*

*Курган, 1916 г.**

А. К. Фефелова много печаталась начиная с 1910-х годов. Это альманах писателей из народа «Пробуждение» под редакцией И. А. Назарова, выходивший в Вязниках Владимирской губернии. В газетах и журналах Сибири: Томска («Сибирская жизнь»), Красноярска («Красноярский рабочий»), Омска («Наша заря»), Челябинска («Голос Приуралья»), Барнаула («Сибирский рассвет»)**.

Автору статьи удалось найти семь стихотворений А. К. Фефеловой (Н. Аркадиной), которые вошли в IV книгу альманаха «Пробуждение» (Вязники, 1915). В поисках оказали помощь сотрудники МБА Областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского в Екатеринбурге.

I

Больная

*Заснуло озеро. Рассказывая сказки,
Чуть слышно шелестит склонившийся камыш.
О, почему ты вдруг закрыла глаза,
На свет зари, на звезды не глядишь?
Как хорошо! Челнок скользит без шума;
Под кормой чуть пенится вода.
«Мой милый друг! Недремлющая дума
Меня несет в большие города».
Не нужно, нет! Взгляни, заря бледнеет
И выцветают краски облаков.
О, почему тобою вновь владеет
Тоска больших унылых городов?
Забудь о них! Ты слышишь тихий шепот:
Молитву кроткую весеннего цветка?
«В моей душе проснулся улиц ропот
И каменных домов извечная тоска».
Забудь, забудь! Ужель страданий мало?
Мы любим, мы одни — и на земле весна —*

*Отдайся жизни. Небо запылало.
Она встает, волшебная луна.
Взгляни на берег, там в траве холодной
Горит, блестит лампада светляка.
«Не для меня! Уж мне не быть свободной:
Она со мной, предсмертная тоска».
О, нет, ты будешь жить! Любимая так
страстно,*

*Моей любви немое божество,
Ты не умрешь! О, как вокруг прекрасно —
Луна творит ночное волшебство,
Ты слышишь ветра шум? Уж небосклон
бледнеет,*

*Готов родиться новый счастья день...
«Последний день! Уж надо мною веет
Холодной смерти роковая тень».*

II

Вечер

*Догорает закат. Тихо плещет волна,
Плачет где-то кукушка вдали,
Тихо шепчется с томной березкой сосна.
Тени вечера всюду легли.
Звонкий смех прозвучал и мгновенно умолк.
Устыдясь, что нарушил покой.
Легким вздохом пронесся и стих ветерок,
Засверкали огни за рекой.
Бледный месяц встает. Тишина. Полумгла...
Догорает огнистый закат.
И в экстазе молитвы земля замерла,
Разливая цветов аромат.*

III

*Нас судьба неумолимая на разлуку обрекла.
Жгучей горестью томимая, я в ночи к окну
пришла.
Спит село, фатой прикрытое полуночной
тесноты;
Сердце мукою разбитое, стонет: «Милый,
спишь ли ты?»
Нет, уста не скажут тайного, не открою
сердца бред,
Вздоха, стона неслучайного не услышишь ты,
о нет!
Но со жгучею отрадою ночью крадусь я к окну,
Отделенная оградой, брошу вздохи в тишину.
Утром в садике качаются два душистые
цветка,*

* Сюжетология и сюжетография. 2019. № 1. С. 196.

** Там же. С. 174.

Под лучами раскрываются, ловят ласку
ветерка.
Наклонись над ними с ласкою — негой странной
вспыхнет кровь,
Пред тобой волшебной сказкою
проплывет моя любовь.

IV

Светло-серебристой призрачной дорогой
Лунный свет дробится в дремлющей реке.
Отозвавшись в сердце болью и тревогой,
Прорыдала песня где-то вдалеке.
Образы возникли юности убогой...
Чуть весло плеснуло в дрогнувшей руке.
Брат мой по страданью! Бог тебе помоги;
Не склоняйся слабо в роковой тоске.
Не тверди бессильно: «Не сломить печали, —
Умерла надежда, в будущем темно».
Верь мне, расцветятся ясным солнцем дали,
Радость постучится и в твоё окно.
Нет, недаром песни гордые звучали...
Верь, о верь! Нас много бьется за одно.

V

На столе у меня есть сирени букет,
Хороша и душиста сирень,
И весна хороша. И хорош этот день —
И каморки моей полусвет.
Хороши и мечты о недавнем былом —
И надежда на волю и свет впереди...
О, как молодо сердце забилося в груди,
О, как все просветлело вокруг.

VI

Злобно ветер ревет и стучит под окном
И, тоскуя, поет об одном, об одном.
Слабо стекла дрожат. Их испуганный звон
Повторяет одно: «Не воротится он!»
Я одна в полутьме. Нагорела свеча...
Жжет мне щеки слеза, горяча, горяча.
Жуткой тенью полны и пугают углы...
Воротись, воротись! Я боюсь этой мглы.

VII

Ветер белые хлопья со злобой крутит,
По щекам разгоревшимся бьет.
Ветер стонет. О, кто это в поле кричит,
Кто рыдает, на помощь зовет?
Этот ветер доносит с кровавых полей
Крик прощания, скорбный, предсмертный

поклон

Беззаветно погибших безвестных людей —
Оттого так стремителен он.
Он спешит по деревьям и селам разнести
О погибших кормильцах печальную весть.
Он рыдает в трубе, он крутит близ домов,
Память вечную павшим героям поет.
Эта жуткая песня понятна без слов
Тем, кто близких с тревогою ждет*.

В настоящее время стихи Анны Константиновны Фефеловой вошли в две литературные антологии: Кудрин В.В. «1001 поэтесса Серебряного века» (Смоленск, 1919) и «Поэзия Белой столицы» (Омск, 2016).

Публикацией биографии и части собранного Анной Константиновной Фефеловой огромного материала за годы работы в музее мы отдаем дань глубочайшего уважения этой незаурядной женщине, сохранившей уникальные свидетельства по истории революционного движения и Гражданской войны в Енисейской губернии. Правдивые, беспристрастные. И глубоко сожалеем о выпавших на ее долю страданиях. Не случись трагедии, при энергии Анны Константиновны, «чутье» на редкие, исторически значимые материалы, как бы могла обогатить последующая ее деятельность красноярские архивы, не оборванная репрессией! Увы, сослагательное наклонение ничего не изменит.

* Пробуждение : альманах писателей из народа. Кн. IV / под ред. И. А. Назарова. Вязники, 1915. С. 79—81.

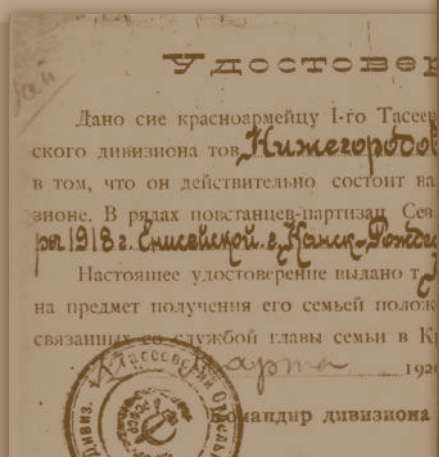
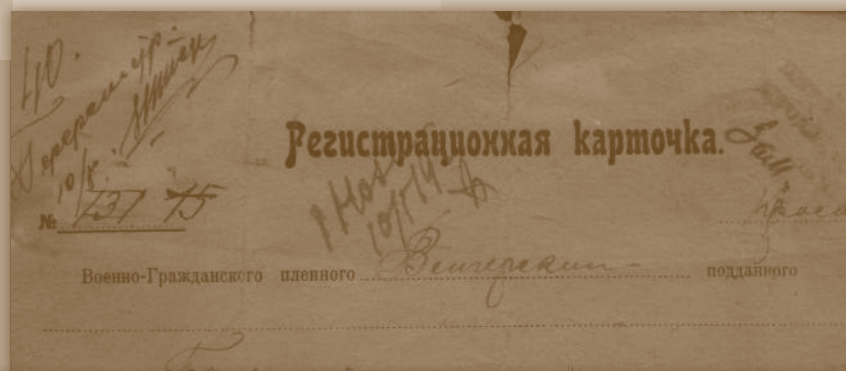
ЧАСТЬ I.

ДНЕВНИКИ А. К. ФЕФЕЛОВОЙ

С записями воспоминаний участников
и свидетелей Гражданской войны
в Енисейской губернии

Как можно проливать кровь родную...

А. В. Суворов

ВОССТАНИЕ В ВОЕННОМ ГОРОДКЕ В КРАСНОЯРСКЕ 29 ИЮЛЯ 1919 ГОДА. СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ РАСПРАВ С ВОССТАВШИМИ

В январе 1919 года в военном городке Красноярска возникла небольшая солдатская подпольная организация в 3-м горном (егерском) полку, она же сумела взять под свое влияние 31-й Сибирский запасной стрелковый полк; с 4-м горным полком, состоявшим из цензовиков, установить связи было намного сложнее. В 3-м полку был создан солдатский комитет, состоящий из 12 человек. Одним из руководителей его стал прапорщик из Петрограда Никитин, его помощником — взводный 7-й роты В. П. Кузнецов. В эту небольшую группу вошел и рабочий стеклозавода в поселке Знаменском — Шунько. Удалось установить связи с первым Красноярским подпольным комитетом.

Солдат, настроенных против войны, чаще всего отправляли в действующую армию, избавляясь от нежелательного элемента. Вскоре выяснилось, что 3-й егерский полк, как ненадежный, должен выступить на фронт. Весть эта еще более взбудоражила состав полка. В мае 1919 года подпольная организация города поставила вопрос о подготовке к восстанию и захвату власти в Красноярске. Первое организационное собрание солдатской организации проходило на островах Енисея, участники его пришли к соглашению — усилить агитацию в ротах всех полков, стоявших в городе. На очередном собрании присутствовали и члены Красноярского подпольного комитета. На последнем заседании, где собралось около

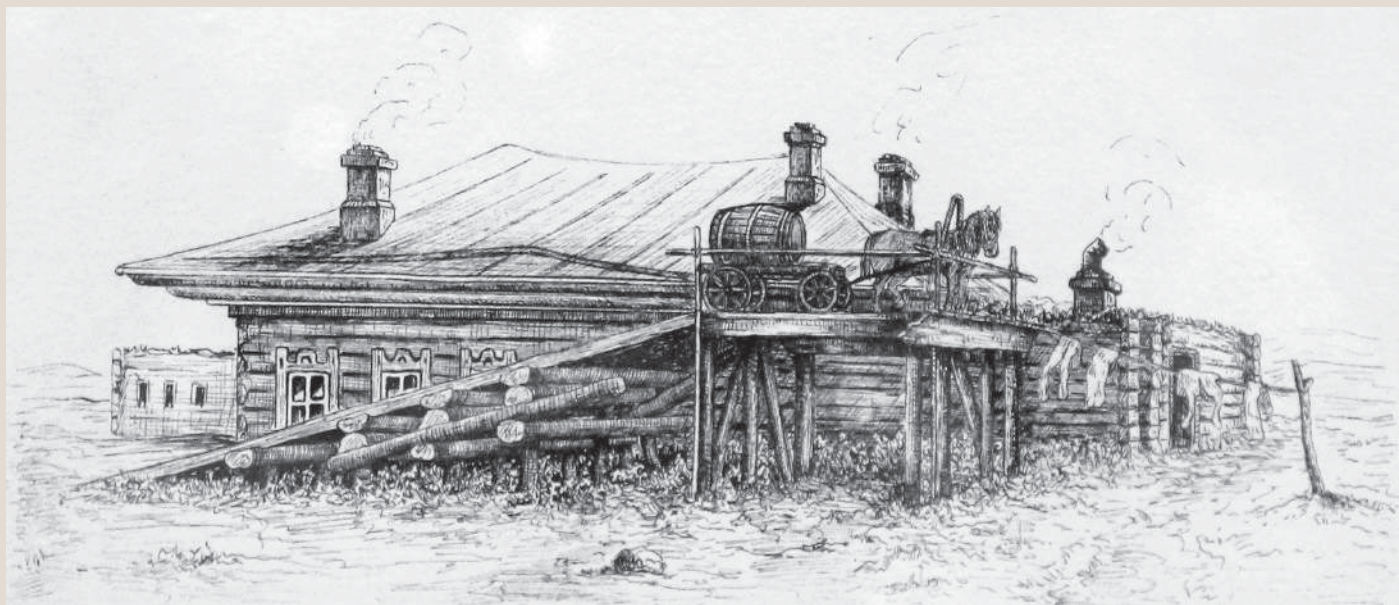
25 человек, был выбран командный состав: командир — Никитин, помощник — Кузнецов, начальник штаба — Шунько. План восстания состоял в следующем: арест офицерского состава, захват складов с оружием, подготовка к восстанию рабочих железнодорожных мастерских, захват Красноярска.

Казалось бы, сил для осуществления плана достаточно: в военном городке находилось около трех тысяч вооруженных солдат, сочувствующие военнопленные венгры, в самом городе имелись вооруженные ячейки. Хотя часть присутствующих выразили сомнение в выполнении разработанного плана восстания, учитывая значительную численность чешских отрядов в Красноярске. Было и предложение захватить оружие и уйти в тайгу.

Поводом для восстания стал один из июльских дней, когда солдаты отказались от обеда, приготовленного из тухлой рыбы. Сколько ни выискивали офицеры зачинщиков смуты, грозя расстрелом, солдаты держались стойко. С 29 на 30 июля летнюю ночь разорвал сигнальный выстрел, прозвучавший в 12 часов. Ожили казармы, в которых никто не спал, солдаты лежали одетыми. К 3-му и 31-му полкам примкнули несколько десятков пленных венгров, латышей и эстонцев. Решение о восстании было столь скорым, что не оказалось времени поставить в известность подпольщиков города. Солдатский комитет в городке явно поторопился, спутав все рас-

Площадь в Красноярском военном городке. 1915 г.

Неизвестный художник. Усадьба в районе военного городка. 1915—1917. Бум., тушь, перо

четы Красноярского подпольного комитета, который сам в это время находился под пристальным взглядом контрразведки.

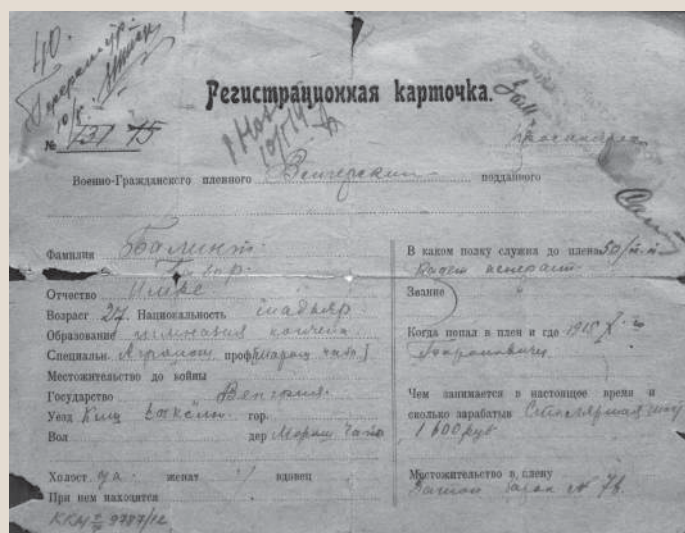
Между тем группа офицеров городка и несколько чехов, узнав о восстании, забаррикадировались в офицерском клубе. И тут, с первых шагов, была совершена главная ошибка: связь с городом восставшими прервана не была, офицеры немедленно сообщили в город, и военные власти быстро приняли меры к подавлению. Кузнецов выехал за помощью в 4-й полк (тот находился в городе), который встретил его ружейными выстрелами. На усмирение восставших солдат из Красноярска двинулись чешские части, итальянцы и казаки. Так перед восставшим гарнизоном неожиданно возник фронт. 4-й полк открыл артиллерийский огонь против повстанцев, наэлектризованный накануне разговорами о том, что военнопленные хотят выступить и уйти в Германию.

Повстанцы растянулись цепью и выставили 32 пулемета, из которых новобранцы, составлявшие значительную часть населения городка, еще не были обучены стрелять. Превосходство противника практически выяснилось с самого начала восстания. Бой 3-го и 31-го полков длился около восьми часов. Некоторые части стремились в панике отступить и укрыться в казармах. Помощи ждать было неоткуда: рабочие Красноярска не были оповещены о начале восстания, на помощь сумели прорваться немногие. Укрыться в тайге повстанцы не могли, 4-й полк отрезал пути отхода, прорвались лишь немногие. Никитин и Шунько были убиты. Уже к восьми часам утра стало очевидно — сопротивление слом-

лено, в 11 часов цепь повстанцев побежала. Сумела бежать из городка и часть членов подпольного солдатского штаба. В.П. Кузнецов остался с восставшими, чтобы после ареста вынести двухнедельные

Ференц Киш, член венгерской организации большевиков. Командовал отрядом пулеметчиков, прикрывал отступавших. Июль 1918 г.

Регистрационная карточка венгерского военнопленного Г.И. Балинта. 1915—1916 гг.

допросы и пытки, которые довели его практически до бессознательного состояния. Во время расстрела сумеет бежать.

Военно-полевой суд в городке был скорым. Образовалась тройка: председатель — помощник командира 31-го стрелкового полка Князев, члены — подполковник Гумлевский и помощник адъютанта 31-го полка поручик Поздняков, ни одного юридически образованного судьи. Из офицерского собрания, где проходил суд, неслись стоны и крики людей,

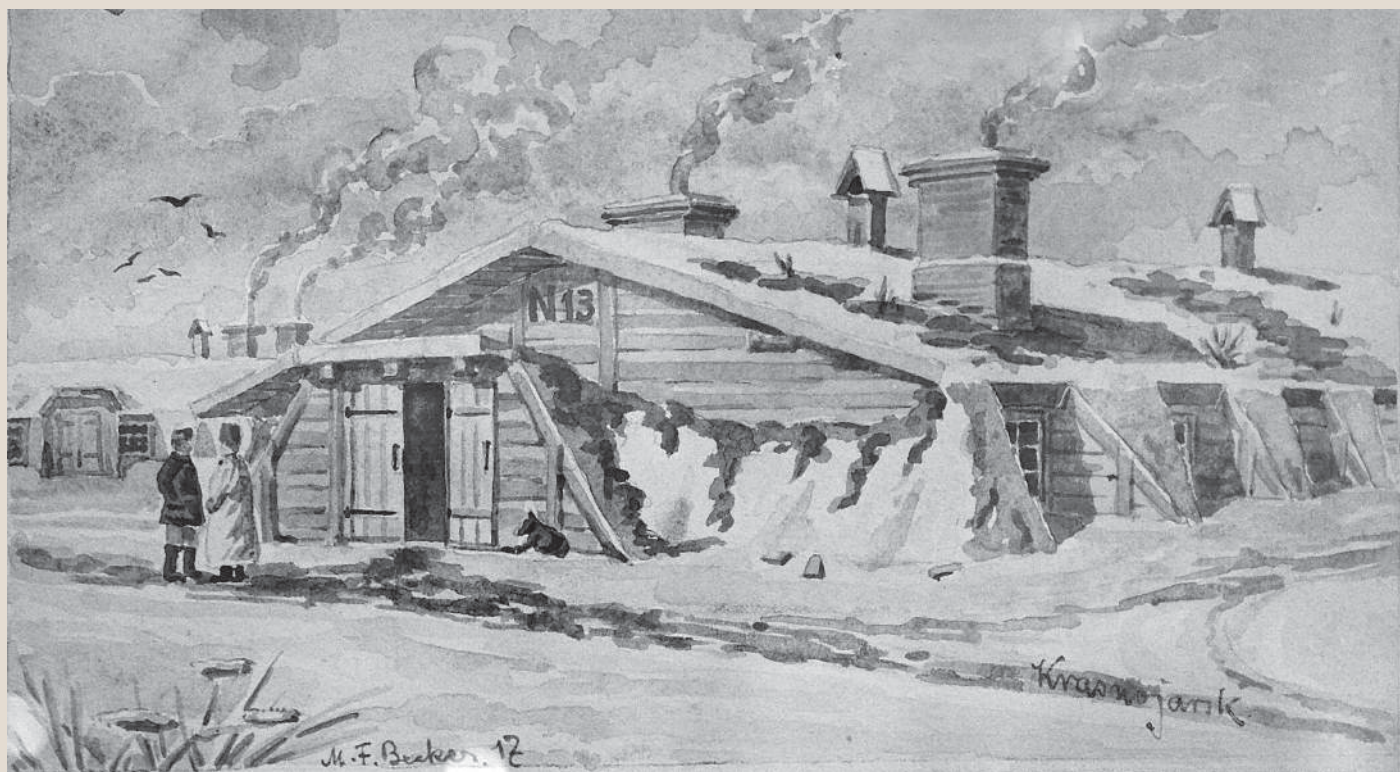
избиваемых нагайками, шомполами, которых затем расстреливали или рубили шашками казаки. Трое суток до обитателей близлежащих к городку домов доносились крики истязаемых людей и ружейные выстрелы. По данным В. П. Кузнецова, было расстреляно около семисот человек, в бою же погибло несколько десятков. Уполномоченный по сохранению порядка и общественного спокойствия в Енисейской губернии С. Н. Розанов получил от А. В. Колчака благодарственную телеграмму.

Литература

1. Кузнецов В. П. Воспоминания «Восстание против Колчака в Красноярском военном городке в 1919 году». КККМ. В/ф 8484/20. 1950-е гг. Машинопись. Литературно обработанные воспоминания В. П. Кузнецова публиковались в сборнике «Годы огневые» (Красноярск, 1962. С. 359—367).

2. Константин Ф. Как произошло восстание (по материалам Истпарта) // Красноярский рабочий. 1929. № 171. 30 июля. (Автор — Фефелова А. К., взяла псевдоним — имя отца. Материал посвящался 10-й годовщине восстания в военном городке, по этому поводу за городком прошел поминальный митинг.)

3. Боголепов А. Жуткие дни (Воспоминания очевидца) // Красноярский рабочий. 1929. № 171. 30 июля.

М. Ф. Беккер. Землянка № 13 в военном городке. 1917. Бум., акв.

18 МАЯ 1929 ГОДА. КРАСНОЯРСК

Тетрадь о/ф 12105/2Д 10041. Красноярск. 1929 год

(Опрос свидетелей расправы над повстанцами военного городка, судя по дате, проводился в течение одного дня. — Т. К.)

**Свидетельствует столяр военного городка¹
ГЛЫЗИН ВАСИЛИЙ**

Жил в городке с 1915 года, служил писарем.

«С 29 на 30 июля был дома с женой. Услышали выстрелы, вышли на крыльцо. Солдаты окапываются. Возле 29-го корпуса валялись трупы лошадей и людей. Чехи стояли в 14-м корпусе, с чердака бросали бомбы. **Л. 1** Втащили пулеметы. Из 14-го корпуса офицер вылетел на коне, кричит:

— Что вы спрятались? Банда уже бессильна, собирается уходить.

С ними была часть офицеров. Началась ловля участников восстания. Офицеры бросились в 19-й корпус. Кого взяли с винтовкой, расстреливали. Здесь в клубе было офицерское собрание. Здесь они собирались группами (офицеры). Здесь же был суд. Судил Смирнов, подполковник (его расстреляли солдаты на фронте). Выводили из суда, пороли нагайками. **Л. 1об.** Казаки были в 1-м корпусе, они выводили расстреливать в лог. Я слышал выстрелы. Когда от города явилась цепь, городок окружили. Явился весь штаб, с ним Розанов. Я пошел в канцелярию заведующего военнопленными. Затем в 26-й корпус, куда свозили раненых и убитых. Разбирали „своих“ и „чужих“. „Своих“ отвозили в корпус, а „чужих“, растерзанных, валили в кучу... Раненых перевязывали, убитых обмывали. Начальника связи убили повстанцы, когда он бросился в город. Зарыли его в песок. Белые нашли, выкопали. Я пришел домой и слег. **Л. 2** С мадьярами расправлялись чехи. В приказе было указано 24 человека. Три дня шли расстрелы, возле церкви тоже расстреливали».

**Свидетельствует
БРИЩУК КИРИЛЛ ИГНАТЬЕВИЧ**

Ассенизатор военного городка. Жил вблизи офицерского собрания.

«Через полчаса забежал солдат из целой группы, ищет офицеров.

— Ложись на пол, откроем огонь.

Вышел я на свету. **Л. 2об.** Пули свистят. Жутко. Все же пошел. Бегут двое с винтовками на меня, колоть. А на мне френч. Остановила старуха Ермолина: это рабочий, не офицер. Оставили. Я отдохнул — вышел. Окопались, стреляют. Часов в восемь-девять пре-

А.О. Федосеев, расстрелян при подавлении восстания в военном городке. Июль 1918 г.

кратилось. Потом гонят кучу в офицерское собрание. Здесь судили... Судили пьяные, потом рубили... Ведут раздетых, в одних кальсонах, один крестится, над ним издеваются. Застрелят, ведут других. Расстреливали в спину. Один попытался бежать, перепрыгнул через забор — застрелили, пролежал до вечера. **Л. 3** Одного не добились, стонет... Идет казачий офицер, шашкой разрубил голову. Одну партию вел знакомый, я рискнул спросить, за что их...

— Может, ты такой же.

После этого я молчал. Потом на двуколках увезли к ямам. Заставляли копать тоже осужденных». **Л. 3об.**

**Свидетельствует
БАКЛАНОВ АФАНАСИЙ МИРОНОВИЧ**

С 1917 года возил глину в сарай Смирнова. Жил на северной окраине городка.

«Началась стрельба, ничего не понимаем. Вышел я, открываю окна — цепь по поселку, лицом к востоку, копали временные окопы, залегли. Были в китайской одежде, в однорядках, одни с винтовками, другие нет. Я рискнул спросить в однорядке:

— Товарищ, в чем дело?

И испугался. Позже вижу — цепь, стоявшая лицом к окну, пошла к Енисею... Их охватили цепью...» **Л. 4**

Выбирали и вели в офицерское собрание. Говорят, пороли, а затем расстреливали. «Расстреляв одну партию, выбирали новых, вели опять на суд. Одного солдата привели к церкви расстреливать, а из церкви вынесли офицера с попами. Солдат молится, кричал: мама. Его застрелили в затылок. **Л. 4об.** Когда солдаты из цепи пытались вернуться в казармы, их стреляли офицеры. Офицеры ходили с казаками, обыскивали. Были у нас, грозили за сокрытие уложить в одну могилу». **Л. 5**

Свидетельствует АРИНИН ГЕОРГИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ

Жил около городка с 1915 года. Во время восстания ему шел девятнадцатый год.

«Привели первую партию, поставили под окно, лицом к нам. Готовятся расстреливать. Отец закричал:

— Что вы делаете?

Под окном расстреляли... **Л. 5об.** На третий день так: первому пуля, второму плеть. Привели одного трою, пьяные.

— Беги, будем стрелять.

Он побежал, ранили в руку, но он бежал. Перескочил через плетень. Дорогу пересек казак и зарубил. Избитых плетью заставляли чистить площадь — выдирать полынь. Казаки им добавляли. Обыски были везде. У нас всю картошку вытоптали, брата чуть не убили. Один офицер ходил с собакой на могилу, и когда собака начинала рыть землю, он в могилу стрелял. Офицер был квартирмейстером». **Л. 6**

Свидетельствует УСКОВ ГЕОРГИЙ ПАВЛОВИЧ

В городке жил с 1911 года, с самого его основания. Работал плотником.

«В ночь на 30 июля, около полуночи, услышал первые выстрелы... Я знал, что что-то должно быть². Должна была (быть) отправлена маршевая рота (на фронт), и предполагалось восстание. Когда начало светать, увидел, что цепи окапываются. Понять, кто и для чего, было трудно. Позже стала слышна команда товарищеская, и стало ясно, что окапываются восставшие. С рассвета усилилась перестрелка, начался пулеметный огонь, но с чьей стороны, трудно понять. **Л. 6об.** При полном свете видно было, что восставшие обороняются, и от города, и от полков из лагерей серьезного нажима не было, шла редкая перестрелка. Сильный бой шел с городской стороны. Видно было, что дрались восставшие отчаянно, пока по цепям не был открыт артиллерийский огонь. Пули летели по всему поселку, многие сидели в подполье,

за печками. **Л. 7** В два часа восставшие вынуждены были сдаться. Среди восставших было много убитых, начальник офицерского клуба был убит... Раненые стонали. У дверей этого клуба один долго кричал... Раненых солдат офицеры достреливали. Это я видел. Один пытался заслониться рукой, офицер выстрелил в голову (тот, что кричал). **Л. 7об.**

Сдавшихся поставили и оцепили... тут они и стояли. Через час начали приводить разбежавшихся солдат. Первую партию привели пять человек. Один в шинели, а четверо еще в минусинских зипунах. Их расстреливали возле леонтьевского забора... Один долго не умирал, все приподымался, пока казачий офицер не разрезал шашкой живот, тогда только успокоился. Вторую партию, пять человек, казаки увели к оврагу, по пути били нагайками и у оврага изрубили шашками. Эти первые жертвы были без суда. Суд начал заседать позже. **Л. 8** Около батальона солдат поставили в две шеренги, затем перестраивали, велели рассчитываться: десять вперед — и гнали на суд. Здесь присуждали сначала бить, потом расстреливать. Потом стали брать без разбору. Принимали участие в расстрелах двое казаков, не меньше как по полсотни в день. Расстреливают и кричат:

— Идем, Федя, дербальнем по одной, веселей будет.

Оба урядники казачьи. Среди осужденных одни плакали, крестились. **Л. 8об.** Другие шли героями, поворачивались грудью, били в грудь кулаками, что-то кричали... Я не мог есть, как выстрел — бросал еду.

В автомобиле приехал Розанов. Я думал, прекратят расстрелы, а получилось наоборот. Тогда военный суд перешел уже в клуб арtpолка, туда водили осужденных. Стояли офицеры при входе и били нагайками, главным образом унтер-офицеров, пропуская сквозь строй. Залы были закрыты, вызывали по очереди. С приездом Розанова вывели из того клуба около роты. **Л. 9** солдат, построили в две шеренги. Вышел казачий офицер, начал читать нотацию, зачем восстали против офицерства. „Каждый мог быть офицером, как я“. Один солдат ответил:

— Мы такими кровопийцами, как вы, быть не хотим.

Солдата повели в штаб полка. Это был Кузнецов, руководитель восстания. Подали команду — вести роту в батальонные казармы. Из самой роты выбрали унтера и ему поручили вести. Солдаты шли бодро, с песнями, как приказали. Только подошли к крыльцу, как подсказал казак с распоряжением — идти обратно. Обошли вокруг церкви и вернулись. Назад шли уже без песен, с опущенными головами. **Л. 9об.** Остановились на месте. Вышел офицер, скомандовал строиться, первой шеренге — марш, на 10 сажен отвели.

— Стой. Садись, разувайся, раздевайся.

Я был поражен, как быстро разулись и разделись и вновь выстроились в шеренгу. Выстроили против раздетых солдат, по одному на осужденного, как говорили, было сказано: если вы не расстреляете, вас расстреляют. Команда — и шеренга повалилась. Привели вторую шеренгу на то же место, поставили и расстреляли. Это был вечер, уже темнело. Первый день расстрела кончился. Эти миновали кнутов, нагаек и шомполов, остальных всех били.

Крестьяне ехали мимо партиями, все это видели, в одиночку боялись ездить. **Л. 10** Назавтра, с утра, та же история. Выводили с гауптвахты и из рот. Арестуют в роте, вывезут, разденут, поставят взвод и под дулами винтовок требовали, чтобы указали большевиков. Иные указывали нарочно на противников большевиков. Когда это стало повторяться, такие допросы отменили. **Л. 10об.**

Видел я во второй день, как вели человек десять раздетых на расстрел. Крестьян, ехавших по дороге, остановили. Один из ведомых узнал мать и сестру. Крикнул:

— Мама, прости!

Девочка крикнула:

— Мама, это Володя.

Партию отвели немного в сторону, поставили, расстреляли. Старушка, ничего не понявшая, сначала стала на коленях в телеге. Когда поняла, крикнула, свалилась на дорогу. Крестьяне ее подняли, уложили, покрыли и, повернув лошадей, увезли... **Л. 11**

Когда в первый день вели группу на расстрел, один спорил. Его убили на дороге, он долго мучился. Подошел поп, заложив руки, смотрит. Подошел офицер, вложил винтовку в рот, выстрелил. Голову раненого разорвало. Поп захлопал руками, захохотал, и вместе с офицером пошли в собрание.

Третий день я видел и запомнил картину похорон офицера. К похоронам приготовили жертву для мести. Офицера выносили на руках из собрания. Поп с кадилом шел впереди. Когда подвели приготовленного к расстрелу, поп поднял крест:

— Погибни, проклятый, от лица Божия. **Л. 11об.**

Грянул выстрел, солдат свалился, и через его тело перенесли тело офицера. Несли его в церковь из этого клуба. Черепа лежали несколько дней, потом их кто-то собрал, раздробленные выстрелами». **Л. 12**

Свидетельствует ЛЮБЫКИН АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ

В городке жил с 1918 года. Было ему тогда пятнадцать-шестнадцать лет.

«Я знал о восстании, что будет в 12 часов. Я никому не говорил... Должны были выступить вместе

с мастерскими³. **Л. 15об.** Вышло иначе. Кто постарше, ушли к Щетинкину с 13 пулеметами, остался молодежь, что делать, не знают. Пулеметы выставили, а обращаться не умеют... Пришли в 12 часов ночи, убили полковника и еще двоих, зашли в собрание, а офицеры пьяные, стали гнать бутылками. Их закололи и постреляли. При выстрелах в корпусах поняли, в чем дело. Солдат кормили тухлой рыбой, ходили они в лаптях, было недовольство. Офицеры бежали в лагерь. Пришли в лагерь. Там 4-й полк был подготовлен к восстанию, но офицеры захватили оружие. Повстанцы винули 4-й полк за измену. **Л. 16** 31-й полк и половина 3-го полка выступили. «Послали гонцов двух, они попали к офицеру: „Товарищи?“ Выстрел, одного убил. Второй вернулся, говорит:

— Копайте окопы глубже, умирать придется здесь.

Молодняк руки опустил. Залегли в окопы, ждали наступления из лагерей. Позже из лагерей появились цепью офицеры, немного. Повстанцев было много, но не было смелости и руководителей. Дождались без выстрела офицеров. Офицеры пришли в городок, пододвинулись и казаки из города. **Л. 16об.** Многие повстанцы сдали оружие без выстрела... Казаки стали бить плетями; если кто бежал, рубили и стреляли.

Спрашивают: был в цепи? Если был, раздевали, отбирали деньги и расстреливали. Часть повстанцев отравили копать могилы. Выстроили повстанцев у братской могилы, выделяют 10 человек к расстрелу. Потом стали избивать по пять-шесть человек, в офицерское собрание — на суд — плетями изобьют и на расстрел. Взяли целую роту перед вечером, привели в офицерское собрание. Били плетями и шомполами. Подняли вой. Потом построили в шеренги. Один выскочил из строя, офицера покусал. Кричал:

— Погибаем, смерть не страшна, наши товарищи нарастут как грибы.

Пустили ленту (из пулемета) мимо. Крикнули:

— Пугать не нужно, убивайте. **Л. 17**

Второй лентой скосили. Четверо суток расстреливали, день и ночь. Раненых пулеметным и ружейным огнем добивали. Пленные копали могилы и складывали мертвых. Одного расстреляли в ложе у гарнизонного клуба. Опомнился, пришел в собрание:

— Убивать — так добивайте.

Дострелили. Поймали одного казаки на пятые сутки, вывели и велели бежать, хотели пристрелить. Бежал, стреляли, ранили в руку. Добежал до Енисея. Двое казаков переняли и зарубили. Упал, еще рубили и потом еще стреляли. Тут и закопали, шашки вытерли, на коней — и уехали». **Л. 17об.**

СЕВЕРО-КАНСКИЙ ПАРТИЗАНСКИЙ ФРОНТ

4 марта 1919 года состоялся разговор по прямому проводу полковника Н.П. Петухова, начальника отряда особого назначения для борьбы с партизанскими повстанцами, с сотником Писаревым с требованием передать командиру корпуса 4-го Восточно-Сибирского военного округа генерал-майору И.Ф. Шильникову о появлении нового организованного движения в северной части Канского уезда, а именно — в Тасеевской и Шеломовской волостях, которое необходимо срочно ликвидировать. Месяцем ранее командующий Восточно-Сибирской отдельной армией генерал-майор С.И. Афанасьев констатировал увеличение численности красных в Тасееве до трех тысяч человек.

После мобилизации из Канского гарнизона Василий Григорьевич Яковенко получил задание от Канского ревкома организовать в Тасеевской и Шеломовской волостях отряды Красной гвардии. В Тасееве и Шеломках (с. Шеломовское) были избраны ревкомы, заменившие земские управы Временного правительства. В.Г. Яковенко и Ф.А. Астафьев, члены ревкома, создают военную организацию из фронтовиков. После подготовки населения и организации съездов и Советов был избран волостной исполком, председателем которого стал В.Г. Яковенко.

В мае 1918 года предполагался созыв уездной партийной конференции в Канске. Но по дороге трое делегатов от Тасеева были встречены известием о свержении в городе власти Советов. В Тасееве собираются на сходы жители окрестных деревень, которым объясняется суть контрреволюционного переворота и выступление чехов. Было очевидно, что открытая борьба в сложившихся условиях невозможна, отряд необходимо расформировать до известного времени, оружие спрятать. В распоряжении волысполкома имелось всего 47 винтовок, тем не менее организовался небольшой отряд численностью около семидесяти человек, который должен был направиться на Ключвенный фронт для борьбы с белочехами. Вскоре связь с Красноярском прекратилась, отряд вернулся обратно.

Было предложение отправить отряд в Енисейск на помощь отступающим вниз по Енисею членам Совдепа, но вскоре выяснилось, что город взят белыми. После падения Советской власти и в Канске Тасеевскому волостному исполкому были переданы права уездного ревкома, который принял решение о временном роспуске отряда. На волостном съезде избрали новый исполком из тех крестьян, которые были вне подозрения у властей. Шла подготовка и к возможному уходу членов ревкома и сочув-

ствующих в подполье от преследования правительственных войск; в тайге организовали небольшой склад с припасами. 16 июля, ночью, в Тасеево явился отряд белогвардейцев арестовывать активистов. Взяли 30 человек, в том числе активных работников отца и сына П. В. и А. П. Денисовых, А.М. Буду, все трое в разное время были расстреляны. Яковенко удалось бежать, какое-то время он скрывался с несколькими товарищами в тайге, в декабре 1918 года поселился в деревне Междуреченской, в подполье у одного из крестьян. К этому времени Ф.А. Астафьев организовал небольшую группу из крестьян-дезертиров, человек десять. Четверо братьев Мякушкиных (Мякушко?) поселили у себя вернувшегося в Тасеево В.Г. Яковенко. Откопали и привели в порядок оружие, заняли волостную земскую управу. На общем собрании жителей села образовали штаб, в который вошли М. Гришненко, Н. Буда, Ф. Астафьев, Ф. Тараканов и В. Яковенко; Астафьев выбран командиром отряда, начальником штаба и его председателем — Яковенко. Организовали четыре роты, назначили ротных и командиров. Так было положено начало Тасеевскому восстанию. Подпольная организация установила связи с крестьянами, ссыльными, бывшими красногвардейцами нескольких волостей. Главная установка штаба — готовить население к восстанию.

Члены штаба понимали, что следует ждать наступления правительственных войск, о чем сообщали канские подпольщики. В середине декабря 1918 года Федор Астафьев с отрядом в 30 человек ночью занял Тасеево, арестовав местную власть и милицию. Население Тасеевской, Фаначетской, Шеломовской, Михайловской и других волостей приступило к восстановлению Советской власти. Штаб организовал Тасеевский партизанский батальон, отряд лыжников, «серебряную» роту из стариков-охотников, вокруг села население возвело окопы и снежные укрепления. В январе 1919 года так называемая Тасеевская республика охватывала территорию 11 волостей. 7 января отряд капитана Мартына, помощника командира 32-го Канского полка, численностью до семисот человек, с шестью пулеметами и двумя орудиями, двинулся на село, предварительно разослав воззвания к населению об арестах зачинщиков и сдаче оружия. Первый удачный для тасеевцев бой с Мартыном произошел на подступах к селу Фаначет, который, как писал в своих воспоминаниях В.Г. Яковенко, окрылил население. Не замедлил двинуться на село и подполковник И.Н. Красильников с бригадой в две тысячи человек. Со стороны повстан-

цев — два эскадрона кавалерии, 50 лыжников, около двухсот человек пехоты. Первыми вступили в бой кавалерия и лыжная команда у села Бакчет, а затем и Тасеево. К вечеру все резервы партизан были исчерпаны, каждую использованную гильзу подбирали и уносили в оружейную мастерскую для зарядки. Женщины готовили кипяток и горячую золу. Решающее слово сказала кавалерия Е.К. Рудакова, белые отступили к селу Рождественскому.

В относительно временное зимнее затишье, не считая незначительных стычек, Тасеевский штаб объединил мелкие партизанские формирования, организовывал местную власть — сельские и волостные советы, издавал газету «Известия Тасеевского военно-революционного районного штаба» тиражом 150 экземпляров, которую печатали на машинках. На протяжении 40 верст устроили сплошным кольцом окопы с ходами. С началом весеннего сева выставили заградительные отряды для защиты работающих крестьян. В середине мая от разведки пришли сведения о готовящемся походе правительственных войск, намеревавшихся вести наступление с четырех сторон силами до 20 тысяч белых с привлечением чехов и итальянцев.

На совещании штаба было решено стянуть все силы в Тасеево, которое не сдавать без боя. Вскоре стало очевидно, что бой в селе принимать нельзя, учитывая количественный состав отряда противника. На последнем совещании штаб вынес решение — сохранить партизанскую армию, отступив от Тасеева в сторону Троицкого солеваренного завода, где и дать бой. Из села вывезли патронную мастерскую, госпиталь, вывели скот; штабом было отдано распоряжение укрепить завод, возвести вокруг него окопы. Для перемещения основных сил армии и беженцев предполагалось задержать белых на двух направлениях: по казачьему тракту и со стороны деревни Кондаки. С боевой задачей смог справиться отряд на первом направлении под командой Павла Астафьева, на втором участке с трудом удалось успокоить и остановить панически отступающий отряд.

Вскоре преследуемый отряд под командой Красильникова оказался в 15 верстах от Троицкого завода. Наступил критический момент, командиры отрядов были срочно вызваны в штаб. Одному из отрядов было дано задание срочно переправить через Култук раненых и больных (около двухсот человек), другому — переправить стадо в количестве четырех тысяч голов, третьему — эвакуировать лабораторию по изготовлению патронов, бомб и вооружения. Был дан сигнал об отступлении и населению Тасеева, собралось около тысячи подвод.

Утром 17 июня Тасеевская армия и беженцы, число которых превышало в несколько раз личный состав армии, двинулись в тайгу. Почти на протяжении 10 километров дорогу заняли партизаны и беженцы, шли пешком, женщины несли на руках детей, на запряженных телегах, на скамье, ехали, кто был слабее. Отряд двигался через непроходимую тайгу, дорогу прокладывали часть пехоты и беженцы с топорами и пилами; устанавливали мосты через речки и ручьи. В восьми верстах от города устроили первый привал в котловине, хорошо защищенной самой природой. Дальше двинулись на Кайтымскую мельницу, куда уже заранее отправили хозяйственную часть с запасами продовольствия. О маршруте передвижения знал только штаб, так прошли еще 30 верст. Придя на Кайтым, больных и раненых отправили за 15 верст, в глубь тайги, туда же отправили беженцев и скот. Армия заняла позицию и начала укрепляться: вокруг мельницы на протяжении трех верст возвели окопы. Сюда противник и стянул свои силы, предполагавшиеся ранее для захвата Тасеева. Бой шел около пяти часов, белые вынуждены были отступить на 24-ю версту от села Фаначет.

Следом двигались отряды штабс-офицера Пономарева, полковника И.Ф. Роммера; белые переправили через реку Кайтым две тысячи штыков, бросив их в партизанский тыл. Задействована была и флотилия. И здесь, на излучине реки, партизаны дали бой, получивший название Кайтымского, а затем отступили к реке Оне из-за нехватки боеприпасов. Белогвардейцы заняли окопы у мельницы, преследовать дальше партизан по их следам не стали. Прибывший партизанский курьер сообщил, что партизаны-кавалеристы заняли Фаначет, а белые отошли к Канску, центральную часть Тасеева занимают белые числом около пятисот человек. Утром село было окружено партизанами (преодолев 30 верст до мельницы, тасеевцы вышли в восьми верстах восточнее Тасеева), так простояли 10 суток. На выручку белого тасеевского гарнизона был отправлен отряд около четырех тысяч человек. Партизанский штаб от штурма села отказался.

Партизаны заняли позицию на окраине Тасеева, на правом берегу реки Усолки, растянув свой фронт на сто верст, белые расположились на левом. В партизанской армии в это время произошла значительная реорганизация. На армейском съезде в начале августа 1919 года был создан Армейский военный совет, в который были избраны Е. Рудаков, П. Астафьев, Н. Буда, Ф. Витюков, Ф. Лобов, Ф. Бабкин. В.Г. Яковенко избран председателем, Рудаков — заместителем, Буда — командующим фронтом. Отряды объединились в полки: 1-й Та-

Вид на с. Тасеево. 1918—1920 гг.

сеевский, Апанский, Енисейский, лыжные батальоны.

С ростом численности партизанской армии тасеевцам удалось перейти в наступление. Освободили ряд сел: Топол, Улюколь, а затем и Тасеево, в котором остался лишь центр села, все окраины были сожжены. На сельском погосте, за время отсутствия, появилось около двухсот новых могил замученных и расстрелянных белогвардейцами жителей села.

К концу 1919 года противник на значительные операции не был способен. Армейский военный совет, освободив все села в округе, начал готовить наступление на Канск. Местная городская общественность вступила в переговоры с партизанами о предотвращении боев в самом городе. Армейским советом было поставлено условие: признать Военный совет Северо-Канского фронта властью в городе, реорганизовать местный гарнизон. Так удалось мирно войти в Канск. Было подписано соглашение и с чехами: не вести военных действий против партизан и не взрывать при отступлении железнодорожный мост через Кан. Последние завершающие бои партизанской армии велись с отступающими отрядами каппелевцев, взяли в плен четыре тысячи человек и пять тысяч обозов. Вскоре в Канск вступила 30-я дивизия 5-й Красной армии.

Литература

1. Яковенко В. Г. Записки партизана. 3-е изд. Красноярск, 1988. С. 25—67; Партизанское движение в Сибири. Т. I. Приенисейский край. М.—Л., 1925. С. 52—53, 94.
2. Воспоминания члена КПСС Вашкорина И. А. о партизанском движении в северной части бывшей Енисейской губернии в 1918—1920 гг. КККМ. О/ф 4498. Л. 6, 14—16, 31—32, 34—35.

ТАСЕЕВСКИЙ (СЕВЕРО-КАНСКИЙ) ФРОНТ

Тетрадь о/ф 12105/9Д 10048

(Тетрадь под названием «Тасеевский фронт» является продолжением первой тетради с записями А.К. Фефеловой, тетрадь не сохранилась. Все воспоминания датируются 1931 годом, временем первой экспедиции. — Т. К.)

Денисовка

ЛУТЯЖСКОВ МИХАИЛ ЗАХАРОВИЧ

(следует продолжение его рассказа, начало, вероятно, находилось в первой тетради. — Т. К.):

«Остатки Денисовой жгли после девятой пятницы. Гонят красных вверх по Тасеевой. Был у нас Лобов. Местности не знал, посоветовался со знающими и решил отступить в тайгу; не хватило бы ни сил, ни огнеприпасов. Отступили в Троицкий завод⁴, там сделали самодельную пушку, стреляли из нее один раз. С Ангары шел пепеляевский (называет отряд по имени участника корниловского мятежа В.Н. Пепеляева. — Т. К.) отряд⁵, шел со Стрелки до деревни Устье на катерах, поднялись Ангарой; и тут пошли по берегу Тасеева в верстах в двадцати от села. С Казачинской дороги шел отряд Роммера. Был бой у Бобровки. Отступили в тайгу, оставив кавалерию для прикрытия.

В Кайтымском бою я участвовать **Л. 1** не мог, была сделана операция после простуды... В Кайтымском

бою появились Бабкин, Кавуров (верно: Кауров), Накладов. Кавуров был убит...⁶ На Бобровке только что присоединился отряд Накладова. Ему Яковенко предложил вступить в бой, Накладов отказался.

— Мы устали, хотим есть.

— До еды ли тут, когда дорога каждая минута.

Поссорились. Накладов ушел в тайгу совсем⁷, Бабкин остался у нас. Перед отступлением привезли в Тасеево раненых Кавурова и Доброва. Здесь они и умерли. **Л. 1об.**

При отступлении обоз был громадный — на несколько верст. Дошли до Кайтыма, сделали окопы. Нижегородова (И.З. Нижегородов — командир эскадрона. — Т. К.) отряды были спутаны у речки на покое возле ельника. Начали белые стрелять по коням. Шли они дорогой, их угостили, они пошли низиной на наш левый фланг. Халчевский сидел за рекой и начал их в низине бить, били и из окопов перекрестным огнем. Выбралось немного. Бой шел четыре часа. С правого фланга положение тоже такое же: речка изгибается и на фланге поставлен за речкой тоже отряд.

Окопы были сделаны сначала маленькие, а вторые были замаскированные. Кто придумал, не знаю, но слышал разговор об этом между Лобовым и Яковенко. Они же **Л. 2** были в лесу, сосняк и ельник частые. Белые, дойдя до первых пустых окопов, двину-

Мельница на р. Кайтым, место Кайтымского боя. 1920—1930-е гг.

лись без опаски, налетели на вторые. Набросали их, как дров из разваленной поленницы.

После неудачи на левом фланге бросились на правый. Буда подпустил близко, дал распоряжение усилить огонь. Рады стараться! Пришлось белым бежать назад. Дорогой их пострелял пулемет, пулеметчиком был Никита Прохорович Емельянов... Про Кайтымский бой сложили песню:

*Ох ты доля, моя доля,
Доля горькая моя!
Ты зачем же, злая доля,
До Кайтыма довела!
Не за пьянство и буянство
И не (за) разбой ночной, **Л. 2об.**
Стороны своей лишился
За крестьянский мир честной.
Был в ту пору год несчастный,
Стали подати собирать.
Колчак подлый воцарился,
Стал нагайками нас драть.
Драл несчастных и безвинных,
Не щадил он никого.
Старцев бедных, престарелых,
Вешал всех он заодно.
Девиц крестьянских беспорочных
Растлевал, как коршун злой.
Ну и жен уже преклонных
Мучил всех он до одной.
Вот не стало больше мочи
Те злодеяния выносить.
Загрустили ясны очи
Тех героев молодых,
Тех героев наших славных
Замученной нашей стороны.
В бой неравный мы вступили
С подлой бандой Колчака.
Рассвирепый враг жесток,
Вздумал всех нас наказать. **Л. 3**
Бросил подлые полчища
На замученных трудом.
Наши славные дружины
Окружал со всех сторон.
Наш могучий Яковенко
Подлый план их разгадал
И могучею рукою
На Кайтым нам указал.
Тут крестьянская вся сила
По указу их вождя
Собиралась вся дружина
В те кайтымские леса.
В тех лесах, средь гор Кайтыма,
Повстречались мы с врагом,*

*Много их продажной своры
Под Кайтымом полегло.
Наш товарищ славный Буда
Громким голосом кричал:
«Вы, товарищи, герои,
Бейте подлых наповал».
Стало Каппелю не в пору,
Не стерпел он тут напор
Мозолистых кулаков. **Л. 3об.**
И запел тут Каппель с горя,
С горя долю бедняка.
Ах ты доля, моя доля,
Доля горькая моя,
Ах, зачем ты, злая доля,
На Кайтым меня несла?»*

Заняли мы по возвращении все старые позиции, кроме Шеломков, где стояли белые. Асанский фронт⁸ тоже восстановился. Начали белые собирать силы наступать на Топол. Собираются туго. Ждем. Окопы поделали. В конце октября, начале ноября (снег чуть-чуть) идет белая разведка. У нас батальонный был Емельяшин, и решили ротные: Востриков, Малышев Иван (тасеевский), людей — 130 человек, (создать) отряд особого назначения под командой Топина. Востриков — **Л. 4** у Житницы, Малышев — с Денисовской дороги (здесь и далее большинство названий дорог идут по названию населенных пунктов, в данном случае от д. Денисовки Есаульской в. — Т. К.), Топин — в Турухане, с зимней дороги. Чуть весть — все по местам. Белые окружили деревню, кавалерии было пять человек. Им и пулеметчикам было задание занять горы за речкой. Еще весной пробовали оттуда цель, на это место и надо было вывезти пулемет. Белые уже кругом, гора занята белыми, партизаны не знают. Поскакала кавалерия, подъехала к горам — обстрелял пулемет, опрокинули его, бросили, припрятав. А кавалерия заскакала на горы и прорвалась.

Упал первый снаряд. Показались с Шиловской дороги, их обстреляли. Тогда поперли с зимника. Разорвался снаряд в ельнике. Третий снаряд попал в избушку. Разворотил железную **Л. 4об.** топящуюся печку. Изба загорелась, погасили. До 30 снарядов было, разорвался лишь первый.

Кавалеристы пробились и ускакали на участок Веселый к Нижегородову, где стояла и часть отряда Быстрова. Нижегородова нет. Дали знать в Колон и Борки, где стояли силы. Пришла помощь, ударили в тыл белым.

За Усолкой, против Турухана, стояли в гуме белые гусары — засада, на случай отступления. Пришлось самим отступать. Зажгли они гумно, и тогда их об-

В.Г. Яковенко. 1919 г.

А.И. Кауров (слева). 1917—1918 гг. Фотография переснята в 1931 г.

наружили и постегали. В Тополе не было ни убитых, ни раненых. Из пришедших — у Борков был убит из деревни Средней Ермаков и ранен Филипп Бабкин, вздумал стрелять, стоя из-за березы... **Л. 5** Живем в Тополе, ждем еще. Сила растет, формируется 3-й полк. Послали посла на Балтырь в рождественскую дружину для связи. Там были партизаны, направили к Емельяшину в Топол. Ездил Шевчук Васька. Леонтий Шадрин с четырьмя сыновьями партизанил; дал было Ваське в зубы:

— Сдавайся, такие-сякие!

Емельяшин был у нас, поехал в Борки к Буда. Предложили Ваське, чтоб рождественцы прислали двух в Кондрашеву. Сами туда поехали. Приехали из Рождественки Быстров Матвей Иванович и Федоров Иван Ипполитович. Они и рассказали положение. Дружина хочет сдаться. **Л. 5об.** Буда говорит:

— Давно ожидаем. Наше предложение: вернитесь, арестуйте полковника, офицеров, добровольцев выдающихся — и приезжайте сюда. А потом и мы к вам поедem.

Поехали они, переговорили с дружиной. Офицеры заметили, что дружина колеблется. Арестовали они офицеров; верный белым Василий Егорович Ларионов, доброволец, первый скомандовал офицеру — стой! Выбрали человек 12 надежных дружинников, пошли в волость, там офицеры и полк. Гофман спрашивает, как дела.

— Сдаваться надо. Партизаны окружили.

— Как сдаваться?

Офицеры стали обсуждать, а эти наганы выняли.

Л. 6

— Руки вверх!

Из дверей 12 винтовок. Офицеры подняли руки. Обезоружив, явились в Кондратьеву. Послали мы нижегородцев. Быстровцы были в курсе. Народу набралось много со всех сторон. Верстах в двух от Денисовки встречает Шевчук снова. Дружина-то ждет, а гарнизон боится, что могут с другой стороны. Буда с Нижегородовым переговорили, Нижегородов кричит:

— Мишка! Бери десять человек и вали на бандитскую дорогу, садись в засаду и жди связи.

Н. М. Буда, командующий Северо-Канским фронтом. 1920-е гг.

Бандитской называлась из Рождественской через Кондратьеву в Шеломки прямая дорога. Могли шеломовцы (белый гарнизон) грянуть этой дорогой через Кондратьеву. Сидим, ждем. Никаких вестей. **Л. 6об.** Едет связь, нашенький Сухотин. Кричит телефонисту:

— Садись, Рождественка занята.

Сели, едем бандитской дорогой, версты две не доехали, свернули на тракт. Идет из Топола отряд особого назначения. Народу полно, все рады. Часов в восемь-девять утра шеломовский гарнизон показался на бандитской дороге, отворачивает в обход на Канск. Дали воззвание Чеколазову — телефонисту (перебежчик) передать гарнизону. Передал, часть гарнизона сдалась, часть уехала в Шаплинку (?). По телефону связь с Кураем, там гарнизон сдался быстровцам, шеломовского остатки в Шаплинке (?) разоружили крестьяне. Дружина рождественская ходит **Л. 7** еще не разоруженная, а их человек двести. Как быть?

Солдаты гарнизонов в форме, партизаны — в чем попало. Потерялись, не видать солдат. Началь-

С. М. Буда, член штаба Тасеевской республики. 1920-е гг.

ник дружины Терещенко — умная голова. Как разоружить? Нижегородов послал меня за Евгением Соколовым, помощником начальника дружины. Они были знакомы. Оська (Нижегородов) спит среди полу, карабин на спине. Бужу — привел. Остались они вдвоем, побеседовали, о чем, мы не знаем. Вечером это было. Мне приказ: не слезить с коня, быть в толпе, говорят. Утром выезжаю. Говорю, что дружину надо или в кавалерию, или в пехоту. Собрались они, выстроились. Нижегородов командует:

— По три человека! Прокатиться **Л. 7об.** по деревне.

Проехали с дружиной вместе с песнями. После этого опять собрались, построили возле штаба. Быстровцев выстроили возле церкви (штаб в Рождественке был в доме Ларионова Николая Иннокентьевича), нижегородовцы с двух сторон (приводится карандашная схема, кто где стоял. — Т. К.). В середине ходит Нижегородов, говорит речь. Надо двинуться вместе против тех, кто нас свел драться. Попробовать чехов надо. Все, и дружинники, кричат:

— Пойдем!

Все наготове. Осип кричит:

— Рождественская дружина, слушай команду! Смирно. Положи ружья перед собой.

Исполнено. **Л. 8**

— Два шага назад.

Исполнено.

— Еще шаг назад.

Исполнено.

— Взвод, готовсь.

Защелкали затворы, оцетинились ружья. Кто-то из дружинников с ног долой. Осип захохотал:

— Дурачьё! Никакой стрельбы не будет.

Отбили особо вредных, вызвали, остальным говорил речь Ефрем Рудаков. Когда он объявил, что им оставлена жизнь, его качали. Двинулись дальше в Канск, чехи уже были в эшелонах. Часть казаков ушли, не желая сдаться. Заняли Канск прежде Красной армии. Организовали ревком. Наши партизаны сразу влились в 30-ю дивизию, их не разоружили, только разбили по частям». **Л. 9об.**

Колон

ДАНИЛОВА ДОМНА ВАСИЛЬЕВНА:

«Была я в Колоне, когда его жгли белые. Наши отступили, а у меня мать тяжелая, и сама в положении.

И. З. Нижегородов, командир 1-го Тасеевского кавалерийского эскадрона. 1919—1920 гг.

Остались на расправу (это 30 июня по ст. ст.). Мужа у меня захватили белые (Иван Семенович Данилов), увезли и повесили в Хандале (Хандальский перес. уч. в Шеломковской в. Канского у. — Т. К.). Чем-то провинились девять человек белых. Их посадили в две тесовые клетки, попал крестьянин Служенков, семнадцать лет, ходил за конями, а его за разведчика приняли; их всех в кучу и зажгли. Кричали они страшно. Муж отступал без оружия с партизанами и тут решил остаться. Его захватили, а я спряталась в болоте, в кочки. Видела, как мужа провели, как он с сыном шести лет прощался. **Л. 8об.** Я вышла из кочек, пошла вещи таскать. Слышала, как рассказывали про мужа, что у него трубка выпала. Я разрыдалась, спрашивают:

— О чем?

— Это муж мой.

— Жаль тебе его?

— Хороший был.

Оправдываю его.

— Иди к начальнику, он его освободит.

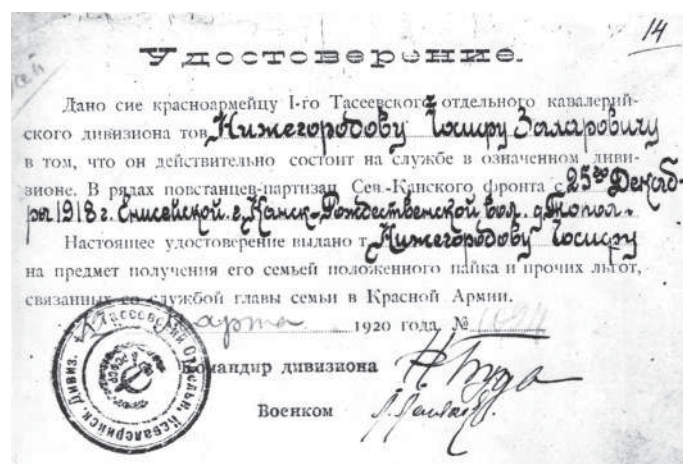
Я пошла, солдат за мною:

— Куда ты? Убегай в болото.

Я пошла. Один на меня ружье:

— Пропорю брюхо, выпадет поросенок.

А они свиней супоросых тоже резали. Бежит свинья — поросята падают. Зажгли Колон, крик нечеловечий — живые горят. Одна женщина упала — лежит, идти не может. После мы собрались, плакали над этими трупами, сгоревшие тут. Тут мне сказали, что увезли мужа живого. Дня через три рассказали мне, что мужу, перед повешаньем, липовый кол в горло вбили, а женщине, что передачи переносила нашим, — вниз кол вбили. Семерых вешали. Вешали около Хандалов на берегу». **Л. 9**

Удостоверение 1-го Тасеевского кавалерийского дивизиона на имя И. З. Нижегородова о том, что он состоял в рядах Северо-Канского полка с 25 декабря 1918 г., а его семья имеет право на получение пайка и прочих льгот. 19 марта 1920 г.

Партизаны Северо-Канского фронта. Первый ряд: первый справа — П.Е. Дюков; второй слева — Г.Л. Плеханов; третий справа — К.А. Егоров. Второй ряд: третий справа — П.А. Астафьев. Третий ряд: Шашлов — сидит за П.А. Астафьевым (в шапке, с бородой), третий справа — Янчевский. Четвертый ряд: второй справа — М.П. Мякушко (белый воротник). Пятый ряд: второй справа — Н.И. Малышев, рядом брат И.И. Малышев (первый справа?). 1919—1920 гг.

Денисовка

ДАНИЛОВ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ

В боях не участвовал из-за слабого здоровья — грыжи. Член первого Совета. В деревне знали, что большевик.

«Когда на третий день Рождества приехал отряд, я пошел предупредить об этом Егора Васильевича Данилова. Вернулся, у нас кавалерия полка. Женщин выгнали. Вхожу.

— Кто хозяин?

— Я.

— Тебя-то и надо.

Дали плетей две, сбросили с крыльца. Повели в сельскую избу. Привели Быстрова Осипа Ивановича (в тот же день его расстреляли). Осип Клыпин был своим и у белых, и нам передавал вести отсюда. **Л. 10** Сначала он был против нашей организации, и белые ему доверяли, хотя он и к нам присоединялся. Потому при опросе он сказал, что я не замешан. Пришли, взяли Осипа на расстрел, а меня стали «учить». Повели меня старосту искать. Ходили из избы в избу. У нас,

на беду, нашли письма брата [...]. Особенно одно — о покупке двух наганов и (что) мне послан один. Повели меня в штаб. И там били, как и все время, пока водили по деревне.

В ночь арестовали Шадрина, Гравельсонов, Петра Быстрова. Просидели ночь. Как рассветало, взялись за меня.

— Раздевайся, ложись.

Бьют плетями, а один на шею наступил, то отпустит, **Л. 10об.** то нажмет. Петр Быстров искал стекло — резаться, глядя на мои мученья. Бьют и допрашивают. Я давал осторожные показания. Один, сухорукый, ударил меня, я улетел в избу, выбил из железной печи среднюю трубу. Заставили горячую поправлять. Поправил. Мне товарищ помочь хотел, запрещали.

Прихожу, кони голодные. Услышали меня, заревели. Меня слезы пробили. Приходят белые запрягать. Запрягли кошеву беговую, ехать двоим, а кошева на одного. Пришла Марьяна, моя жена, от соседей. Уехали белые. Деревня вымерла на весь день. Я проходил день, не уснул. Вечером прибежал Прохор, принес полбутылки самогона. Я выпил, слышу шум,

отступают белые. **Л. 11** Я уснул. Просыпаюсь, рубаха присохла, шевельнуться не могу. Жена помогла. Тяжелей побоев это было подняться.

Зиму я наблюдал, оставшись здесь. Между первым и вторым боями приезжали свои делегаты из Тасеевой, просят помощи. А чем мы поможем? Я изувечен, силы нет. Были у нас Петрушка-сапожник, Лысов и Харченко Владимир. Сапожник говорит одной женщине, что дошьет чирки, пойдет в Рождественское, возьмет винтовку и расправится в Денисовой с Макаровыми. Пойти хотят с Харченко. Мне сообщили ночью, узнаю голоса Астафьева Павла и Егора Васильева — лыжник. Я им сообщил об этих двух. Они взяли этого сапожника **Л. 11об.** с собою и расстреляли в колонском (д. Колон) бору, Харченку зарубили.

В братской могиле в Денисовой: Макаров Прокопий Астафьевич, его сыновья Федор и Иван; Лупяниковы Василий и Иван Захарьевичи; Гравельсон Василий, Владимир и Юлиус Юрьевичи; Борочук Трофим Матвеевич, ссылопоселенец; Данилов Нефед Александрович. И отдельно — Осип Иванович Быстров.

Прожил я до Масленой. При рождественском штабе служила наша родственница Аксинья Галактионовна Владимировна. Она подслушала, что кто подписывался под одобрительном приговором Ендурову, надо распустить. Она передала в деревню, собрались бежать; я остановил, **Л. 12** чтоб еще подождать. Уж когда меня возьмут, а с меня начнут, тогда бежать.

Перед Черной речкой, к вечеру, когда отступали от завода (Троицкого), жена партизана из Тасеевой везла ребенка на руках. Постарше был у родных. Слышу шепот:

— Куда его? Задавить, что ли? Самим не сегодня-завтра пропадать.

— Зачем давить? Оставить.

Унесла ребенка женщина, которую мать называла тетенькой, в ельник. Вернулась, мать допытывалась: пищал ли, плакал ли?

— Да нет, на сухое положила, берестой прикрыла.

Она его живым похоронила. Одну девочку семи лет оставили. **Л. 12об.** Когда я явился в Борки, встретил меня Буда, знал, жив еще. Был потом в отряде Быстрова».

Топол

ПЛЕХАНОВ ИВАН ЗАХАРЬЕВИЧ

После чехословацкого переворота в деревне часто собирались на гумне. Приезжал Ф. Астафьев и другие, была установлена связь с Шеломками, Борками, Тасеевом, иланскими рабочими.

Л. 14об. — 15 Когда иланские рабочие

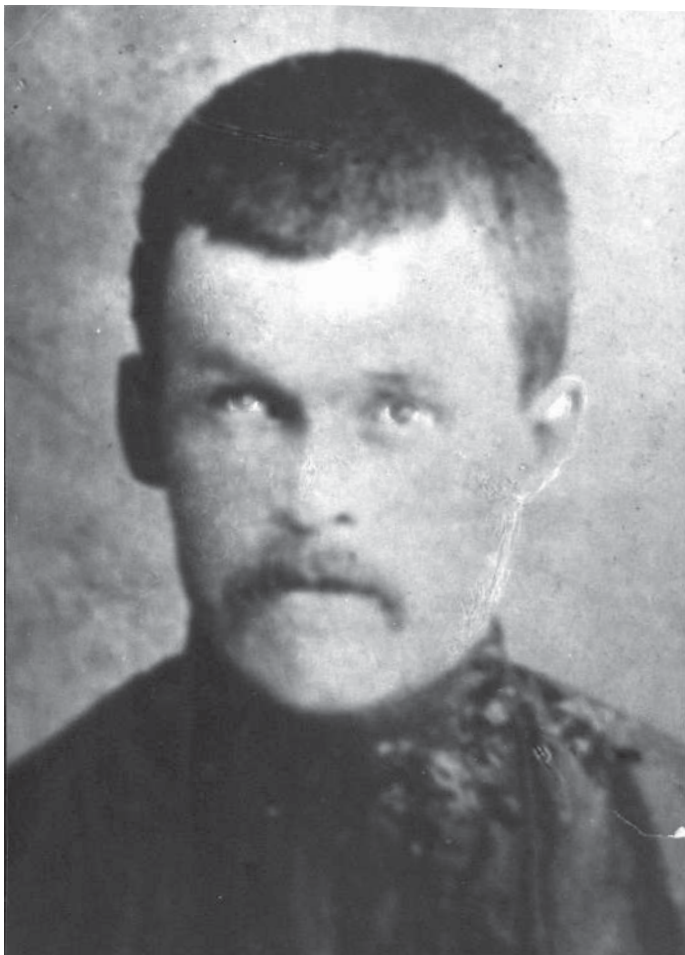

А. Е. Емельянов (слева), убит под Кайтымом. До 1919 г.

выступили, решили тоже выступить. С Канском была связь через денисовцев и шеломкинских (Кренц), с иланскими рабочими связь шла через шеломовцев.

«После выступления иланских рабочих мы разоружили офицера, мужа учительницы (В.А. Малышевой. — Т. К.). Ходили разоружать троих: я, Швецов и Малышев. Потом пошли в Рождественское, там хотели **Л. 15об.** кой-кого забрать (Терещенко, крестьянского начальника, старосту), но, не доезжая села, получили сведения, что восстание подавлено⁹. На второй день Рождества пришли белые в Денисову, оттуда в Шеломки, где им дали отпор. А 28-го мы выезжали в Тасееву. Выехало 18 человек, все члены подпольной организации... Меня вернули домой разведать положение. Товарищей распределили по отрядам, и я был казначеем». В Тасеевой прошло собрание, решили организовать штаб: Строганов, Нестеров, Лебедев. Начали рыть окопы, готовиться к встрече с белыми.

«По возвращении в Тасееву меня послали в Комину к Грицаю для связи. В Улюколе я узнал, что убили отца». Когда был в деревне, пришли белые, мужики спрятали Плеханова в гумне. Коня бросил, белые за-

А.П. Денисов, член Тасеевского ревкома. 1918 г.

ставили ловить одного крестьянина. Крестьянин говорит:

— Товарищи, это не мой конь.

— А мы тебе товарищи? **Л. 16**

Всыпали ему плетей. Было это с 8 на 9 января.

«В ночь с 4-го на 5-е зарубили отца. Отец был на гумне с Андреем и Федором. Веяли. Пошли обедать, отец ушел вперед, пошли ребята, увидели отряд, он шел с Рождественского. Андрей остался в гумне, Федор пришел домой, залез в овчарню. Посмотрел, белых много. В избу не пошел, а отец сидел дома. Заезжают, вошли, спрашивают:

— Где твои сыновья?

— В Тасееву уехали.

Плетями по лицу, рассекли до крови, увели в свой штаб к уряднику, допрашивали, но подробности никто не знает. Утром нашли в конце деревни — срублена голова. Обобрали что могли: провизию, **Л. 16об.** коней, одежду. Мать грозили застрелить, наставляли ружье в рот, били плетями. Сестру в штаб два раза водили, потом она спряталась во дворе.

Когда я узнал, что отец убит и белые уехали из Улюколя, арестовав двоих, я в ночь поехал домой. При-

ехал ночью, залез в холодную избушку, спрятав коня. Утром показался матери, она сказала:

— Уезжай, а то и меня убьют.

Жена пряталась у соседней. Я продремал на сеновале, потом захватил жену с дочерью и уехал обратно в Улюколь. Мои родные в Улюколе жену не приняли, пришлось ехать в Ашпатскую. Оставил жену и пошел на Асанский фронт, так как путь в Пашину был занят белыми. Приехал на участок Туров (перес. уч. Туровский Абанской в. — Т. К.), где был свой человек, не застал его, и хозяйка была незнакомая женщина. Люди спрашивают: кто такой?» **Л. 17** Плеханов оказался в тылу белых. Таежной тропой отправился в Асанск. В Асанске уже держали фронт, но боев пока не было. Уехал в Тасеево. **Л. 17об.**

В Асанске по приезду чуть не арестовали. Мачнев сказал Плеханову, что у него есть винтовки и четыреста патронов. Лыжники пошли к нему, а в соседней деревне стояла рождественская дружина, которая начала ловить лыжников. «Те вернулись и на меня:

— Ты нас подвел.

Чуть не зарубили. Спас Гравильсон, ссыльный из Денисовки. В Тасеевой я вошел в отряд Благирева (пехотный отряд Благирева был образован в апреле 1919 г. — Т. К.) взводным командиром. Было это между первым и вторым боями. После второго боя меня перевели в лыжную команду. После расформирования лыжников меня сменил брат Андрей, я был отпущен для посева, и вскоре пришлось отступить вместе со всей семьей в тайгу. **Л. 18** На Кайтыме я был верстах в трех от места боя с семьями. Было человек сорок. А в бою не хватило оружия.

Когда вернулись из тайги, 21 октября по ст. ст., часов в семь утра, белые окружили Топол. Мы знали, что будет наступление, я, приготовивши коня отправить мать и двух двоюродных сестер на участок Веселый, хотел отправить на участок прямо через гору, но оказалась занята с ночи. Белых было около тысячи, а у нас 20 винтовок. Окопы были только сделаны, последнюю бойницу закатывали под выстрелами. Окопы на три с половиной километра. Один конец деревни от Барков белые захватили и сожгли один дом. Весной (19)19 года было сожжено вывезенных за деревню 18 домов ушедших в тайгу. Весь день шел бой близ **Л. 18об.** кладбища, в березняке стояло оружие, было штук восемь пулеметов. Часа в четыре дня Нижегородов Николай в женском платье пробрался в Борки и сообщил дюковскому и быстровскому отрядам, и они пошли в тыл белых. Белые ушли в Рождественское.

Через некоторое время, когда белые стали снимать гарнизоны, мы ездили перехватывать у Кондрашевой шедших из Шеломков. Белые отступили от нас,

Партизаны Северо-Канского фронта: в центре — Ф.Я. Бабкин; слева — В.И. Кренц; справа — Расторопов; стоят С. Сухотин, К. Шудров. 1920—1930-е гг.

дошли до Маклакова, там их перехватывали, и они пошли на Рождественское. Верстах в пяти встретили Ларионова Петра, он крикнул:

— Нижегородов уже у нас, едемте к нам!

Он ехал из Рождественского. Село сдали без боя. Присутствовал при разоружении дружины. Человек 90 арестованных я сопровождал в Тасееву. **Л. 19** В Шеломках строились мастерские, в управлении было много офицеров. В Рождественском был их центр, контора. Строили и в других местах силами пленных Гражданской войны. Они готовили выступление, прапорщик Макаров передал Шаfranскому в Рождественский исполком об этой подготовке, а тот сообщил товарищам. В Денисовой собрали закрытое собрание в декабре, в первых числах, в 1919 году. В 10 часов вечера сделали налет на Рождественку. Было нас человек 50—60. Окружили народом, где шел спектакль. По выписке Шаfranского арестовали кого надо, посадили. Пятьдесят пять человек их было, было человек пять женщин.

Собрались на заседание и решили терроризировать белых. **Л. 19об.** Выводили, связывали по пять человек. Везли на Кошкину гору и расстреливали. Всех

55 человек покончили. Помню женщину-врача, очень спокойно отнеслась к расстрелу. В Шеломках человек 15—16 кончили таким же манером. В январе нас вызвали в Канск на суд. Судили три дня, оправдали».

Л. 20

Бакчет

БОРИСОВ АНИСИМ МАРКЕЛОВИЧ:

«Приехали к нам топольцы 23 декабря — едем воевать. Собрали сход. Стали звать солдат с германской, те не идут.

— Гнили в окопах, надоело!

Пошли добровольцами из Бакчета двое — я и Астахов Павел Степанович, политссылный с 1905 года (ездил на Ангару с агитацией под видом **Л. 25об.** ищущего место псаломщика, и его замучили). Поехали в Тасееву. Банда появилась сначала в Шеломках. Вышли с вилами, с берданками. Белых-то отбили и сами ушли в Тасееву. Собралось нас человек двести со всех деревень, ждем с Плотбиной (д. Плотбищенская Тасеевской в. — Т.К.) наступления. Оружия мало, винтовок почти нет. Встает Строганов:

Е. К. Рудаков с семьей: жена — Анна Николаевна, отец — Константин Иванович, братья Павел и Константин. Красноярск. 1926 г.

— Я с таким оружием всю землю пройду. Мы с голыми руками брали орудия. Надо только дисциплину. А дисциплина такая: лег в окопе и ни с места. Мы в двадцати шагах будем с наганами, кто побежит — пуля.

Надо было защищаться со всех сторон, а нас всего до двухсот. Банда идет, ведут ее знающие **Л. 26** местность Янкели и Рыжевский — купцы, евреи, и Степан Мироныч Зайков с деревни Хандалы. Мне было поручено следовать по Желватской дороге (д. Желваты Тасеевской в. — *Т. К.*), чтобы не обошли (иначе Шумихинская дорога) от больницы... Жарко было и во втором Тасеевском бою. Я был в Топольском бою. Мы стояли в Тополе, когда показались белые, нас послали, весь отряд Быстрова, занять гору над Тополом. Выехали из деревни, поднялись на горы, нас взяли в обстрел, горы оказались заняты. Мы было взялись напором скакать, **Л. 26об.** кони задохнулись. Тяжело нам пришлось, выбраться трудно. Мы пулемет с телеги сдернули, оставили телегу и ленту одну. Прорвались через кольцо и ускакали в Колон, дали знать пехоте Благирева, велели послать в Борки, а сами в тыл белым по Борковской дороге. Белые отошли бором, видели мы

их отступление, обстреливали, но были далеко... Был я и в бою под Улюколем. Мы стояли против деревни за озером. Белые шли с Михайловки. Они шли на нас через озеро, а мы сидели в листовке. Наперли они на нас, и пришлось врукопашную драться. Заходили они с левого фланга, зарубили **Л. 27** двух командиров, рядового Савельева Абрама Ильича застрелили. Мы уже отступать начали, проходим мимо Савельева, говорим, что надо уходить, а он отвечает:

— Я еще постреляю.

Сажень двадцать отошли, повалился он.

Было нас в Улюколе: кавалерия, эскадронный из Канарая, наш быстровский конный и Убысинский¹⁰, нижегородовский отряд, была пехота Виноградова и Осташевского. Белых было очень много. Пришлось нам уйти в Кондратьеву. **Л. 27об.**

Когда вышли с Кайтыма на Щекатуров (Щекатуровский перес. уч. Тасеевской в. — *Т. К.*), дня четыре-пять шло собрание армейского съезда¹¹. Потом Тасееву заняли, пошли на Троицкий завод. 24 сентября старого стиля мы переправились через Усолку. Холодно, мнутся наши кавалеристы. Были с нами Яковенко, Буда, Лобов, Бабкин, Ефрем Рудаков, Накладов, говорят:

— Не хотите переправляться, спешивайтесь, мы пойдем. Кто поедет?

Выехал я и говорю:

— Война, так ни вода, ни огонь не держит. Я поеду.

Ефрем Рудаков говорит:

— Старик едет, а вы, молодежь?

Переправились, перемерзли. Поехала разведка, а мы ползаем — греемся. Часа три — разведки нет. Приезжают. Ушли с Троицкого **Л. 28** (белые) на В(ерхне)-Яковлеву. Пошли мы за ними, пехота одним берегом, кавалерия — другим. Мы догнали банду на мосту около заимок, ночью. Нас было 15—20 человек, отделившихся для нападения. Быстров командует:

— Левый фланг, заходи!

Мы стреляем, кричим, отхватили 12 подвод, на одной из них было два бомбомета. Неприятельский пулемет где-то впереди трещит, да нам он не страшен — неровная местность, присядем, и не хватает. Когда мы притихли, белые окопались. Утром мы пошли в наступление, **Л. 28об.** белых нет, две двуколки брошены, банки из-под патронов. Дальше пошли — лошадь в болоте завязла, они ее бросили, а мы вытащили. В окопах нашли зарытыми двоих убитых, заметили — прутья на могилах поставлены. Мы шли до тех пор, пока к нам не пришли трое, говорят, что обезоружили свое начальство. Было это на третий день. Подошли мы цепью, смотрим, все верно, как говорили (с нами уже и пехота вместе шла), ружья в козлах, сами в стороне и начальство под караулом. Семь человек офицеров, капитан Шохин, порол жителей за просеки. Повесил одну женщину в заводе, жену партизана». **Л. 29**

Бакчет

АСТАХОВА ЕВДОКИЯ АЛЕКСЕЕВНА

(1893 — ?), родом из Бакчета, из середняцкой семьи.

В семнадцать лет вышла за ссыльнокаторжного из Екатеринодара Павла Степановича Астахова. Пришел в 1910 или 1911 году в Канск в кандалах, лишенец (лишен прав. — Т. К.). До тюрьмы он 10 лет скрывался. Прожила с мужем восемь лет и три месяца, и его убили. Все время был под надзором, проверяли утром и вечером. **Л. 29об.** Столярничал, ходил добровольцем на Германский фронт. После революции был секретарем в сельских органах. После чешского переворота, вернувшись с фронта, стал готовить крестьян к выступлению. Собирал их в школе, предупреждал, чтобы не выдавали никого, если кого арестуют. Его завет: «Все за одного, один за всех». Крестьяне повторяли и держались стойко. После выступления и организации отрядов пошел агитировать на Ангару; в Кондаках его обыскали. Жил на квартире старосты. **Л. 30** Успел спрятать партизанские документы за ящик. Староста выдал. Арестовали, но удалось бежать и скрыться в лесу. Нашли по следу. Перебили ему руку правую, штыками кололи, грудь прострелили. И мертвого бросили. Лежал, зарытый в песок. Партизаны нашли его тело и похоронили в Тасеевой. Убит он был 6 января (ст. ст.). Приехали в Бакчет белые. Перед этим было собрание, предупреждали, что лучше уйти из дому. «Я пришла к матери, чтобы можно было сойти за жену брата. Брат говорит: кто **Л. 30об.** невзначай выдаст, и тебе и нам будет.

Е. А. Никифоров, убит при Учуначке (перес. уч.). До 1919 г. Мать забита плетьюми. Фотография получена в с. Бакчет в 1931 г.

Взяла троих детей, Володю оставила, пошла домой. Пришли двое белых, новобранцы. Потом сторож земской управы привез троих, разговаривать. Зашли, поздоровались.

— Как фамилия? Где муж?
— Куда-то ушел. Как приехали верховые, оделся и ушел.

— Врешь.

— Что знаю.

Спрашивали ребят, сын сказал, что отец прошел за училище. Пошли в школу, спросили учительницу, назад вернулись.

— Сколько раз было у вас собраний? **Л. 31**

— Не знаю.

— Что ты врешь, гадина.

Является толстый с плетью.

— Всыпать ей пятьдесят пять, так она скажет.

Спрашивали Бориса, семи лет, сколько раз „дяди бывали“. Потом уже и с шашками. Один и голову наклонил.

— Говори, сколько было собраний! Получал ли муж письма, записки?

Забрали скот: две коровы, две нетели, три подсвинка; мяса пуда два, крупу, ягоды, инструменты, рубанок, туес, тес, доски увезли, кур восемь штук и петуха; трех собак во дворе зарезали, головы секли, двух овец. Изрезали шашками стекла в тепловых рамах, кожу **Л. 31об.** взяли (1/2), чирки справные. Бить не били.

Послали лошадь искать. Пошла в лес. Муж на лошади уехал. Прошла версты полторы, муж выходит. Не отпускает меня, потом выпряг лошадь, и я ее пригнала. Новобранцы мне говорят:

— Ну, тетка, коли будут еще допрашивать, не мешайся. А то всыпят, тяжело тебе будет переносить.

Перешла я к соседу Трунину, шел слух, что издевались над женщинами. У Труниных солдат не было. Легла я, а явились солдаты. Один просил мягкой постели и теплого одеяла, ходил, искал, залез в спальню, меня за волосы. Спрашивает старуху:

— Кто в спальне спит? **Л. 32**

— Парень один.

— А что волосы длинные?

— Из России недавно, косы еще носит.

Ушел он, а потом опять приходит с лучиной. Я под кровать залезла, на мерзлых картошках пролежала. Утром сняли часовых, ушла я в поле, сама не знаю куда, легла под сломанной березой, до обеда время провела. Колени обморозила. Слышала, как уезжали белые, как начали мужики на гумно выходить. Проехал кто-то из деревни, из крестьян. Вернулась я домой. Потом уехала я в Тасеево с детьми. Перед отступлением из Тасеева за неделю приехала я домой. Стала **Л. 32об.** от допросов отделяваться.

— Где муж?

— Убит.

— Кто убил? Красные?

— Нет, ваши. Да так ему и надо.

Ничего, по-доброму разговаривали». **Л. 33**

Бакчет (?)

МАШУКОВ ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Из семьи середняка. Два брата партизанили — Ефим и Иван.

«Когда отступали от Тасеева, увел я человек десять, пять семей, в тайгу за Тришкину гору. Когда стало по-

свободнее, вывел всех сюда. Сделал разведку, здесь стояла „летучая почта“, милиция колчаковская. Пробрались вечером, бабы с коровами, я будто коняки месить ходил. Женщины жили в деревне открыто, я прятался. Собирал продукты для партизан, **Л. 34об.** передавал вести. Ожидал, что дом сожгут, разобрали избу и вывезли в лес (изба малая и баня). Имущество было разграблено. Особенно попадало на нас из-за попа Вашкорина¹². Жили мы напротив, и у нас все про него добывались.

Брат Иван был в отряде Благирева. Мобилизован он был в колчаковские войска, из Канска бежал с товарищами и в Тасеево. Участвовал в Тасеевском бою, под Кайтымом, ходил под Рождественское, был в стычке под Учуначском (участок под Рождественским), где был Никифоров Ефим. В Бакчете не было отряда. Брат говорит:

— Пойду Васютку проведать.

Васюткой звал, шутя, отца. Собралось в деревне человек шесть. Поставили наблюдательный **Л. 35** пост за деревней, но пост прозевал, отряд белых вошел в деревню. Четверо убежали, бродили, двое остались: Севруков Тарас и Иван. Ивану говорили:

— Забегай в ограду.

— Нет, надо Тараса захватить.

Подбегает к Тарасу, а тот уже в ельник ударился, и по нему стреляют. Ивана захватили, но его никто из них не знал. Но была женщина из Хандалов, бывшая Балакина Варвара. Она его и выдала. „Ага, попался, сукин сын“. Вся Хандала была белогвардейская. Варвара с отрядом ездила, с офицерами водилась. **Л. 35об.** Привели его в штаб. Я все это видел, был дома. Я взял узды, будто коней ловить. Был у нас российский, копыл, его нету у дома, я жене говорю:

— Давай, буду за твоего мужика.

— Ладно.

Сообразил, что документов российских не знаю, запутаюсь. Я к другой вдове, та говорит:

— Были уже у меня, знают, что вдова, арестуют. Лезь в другую половину, в подполье, там я грязь сметаю, пролежишь.

Я залез, а ее прошу:

— Посмотри, куда поведут, после хоть труп убрать.

Сначала она сказала, что провели в ельник. Потом говорит:

— Ошиблась. Бьют в штабе.

Пытали, били, потом привели и на веревке подвесили. **Л. 36** Достали ложку из-за голенища, в зубы, и как дали (*зачеркнуто*: „ложку в рот сунули“). Командир, капитан Юдин. Когда собрались уходить, командовал:

— На чучело, ура!

Бросились, штыками распороли. Говорят:

— Пускай хоронят своего героя. А потом посмотрим, кто будет хоронить, вероятно, тут же висеть будет.

Дали знать отряду, отряд его взял, и в шести верстах на участке Подсопки похоронили. Я снимал брата с петли сам, когда только выехали белые. Снял петлю, упал он, кровь забулькала, захрипел. Бабы говорят:

— Живой еще.

— Бросьте вы. Штыками вспороли, **Л. 36об.** кровь уж не идет.

18 августа (ст. ст.) 1919 года повесили брата. С Абыевым Николаем было дело в январе, 28-го или 29-го (ст. ст.). У его крыльца ребяташки устроили катушку и катаются. Приходит отряд, вернее — разведка белых. Избушка с краю деревни, бедно жил, батрачил. Был он из семьи ссыльнополитических, отец был в ссылке. Подъезжают белые, Абыев вышел на улицу. Они спрашивают про катушку:

— Это что у тебя?

— А разве вы не видите, что окоп?

Ответил в насмешку, а его захватили. Стегали, увезли на Ново-Бородинку (участок), избили, истегали и разрубили голову. Бросили. Свои (жена) привезли тело и здесь похоронили». **Л. 37**

Тасеевское

КУДИМОВ АФАНАСИЙ ЕГОРОВИЧ

Биографические сведения не указаны.

Отряд И. З. Нижегородова. Был в лыжной команде.

«Приехали шесть человек в Горохов участок. Сбросили лыжи в гумне, зашли чай пить. Старуха вбежала:

— Ой, родненькие, белые пришли.

Это вначале было, я еще не обстрелянный. Нас шестеро, а их человек семьдесят. Князюк с двумя товарищами в подполье. Мы трое в сени. Я винтовку с предохранителя снял, а как спускать, забыл. Долго стоял, не вспомнил. Выстрелил пять раз, хотел еще раз — патрон засел в стволе. Выскочил убежать, стреляют. Я через огород, снегом, в лес. Наткнулся на пост белых. Часовой кричит: **Л. 38об.**

— Стой! Кто идет?

Я от него. Он в меня стреляет; выскочил из избышки весь караул. Начали все стрелять. Я добежал до рва и в него скакнул, там глубоко, по шею. Еле вылез, залез под выскорь*, по рву стреляют, сидел с час. Потом наладил винтовку и пошел странствовать. Места не знаю, проблудил часов до двенадцати, все искал, где люди, да наши, главное. Началось все часов в семь вечера.

И. В. Маханьков (слева). На об.: «На память Насте Романовне Маханьковой от Ивана Васильевича Маханькова». 1924 г. Воевал, имея на руках всего два здоровых пальца, остальных почти не было.

Около полуночи подошел к дороге, [...] не вижу, стал отдохнуть под березой. Слышу шорох — едут. Стою, жду. Сажень десять осталось до меня, едут подводы — 25—30, штыки седоков блестят. Сзади конница — 20—25 человек. Бежать некуда, я в снег под березой, а березу чуть отводами не задеваю. Зарылся в снег, а шапка черная. Я ее снял, а не сообщил, что голова черная. Голову повернул, гляжу. **Л. 39** Проехали, остановились, конница как раз против меня. Скомандовали:

— Конница, вперед!

Конница стала обгонять подводы, ехали через меня. Только погончики сверкают. Кони храпят, останавливаются — чуют человека. Остановится, потом перепрыгнет. Слышу команду:

— Вперед!

Проехал обоз, я полежал минут десять и в лес. Километра полтора пробежал, лег отдохнуть под сосной и уснул. Просыпаюсь, ни рукой, ни ногой. Кое-

* Выскорь — вырванное с корнем дерево.

С. И. Мизгерт, партизан Северо-Канского фронта. 1936 г.

как размялся, пошел деревню искать. Не дошел до дороги, вижу, стоит за сосной Махинько, мой товарищ.

Сперва не узнал, хотел стрелять, потом разобрал, что свой. Он ранен, рука перебита. **Л. 39об.** Снял с себя шарф, руку перевязал, пошел искать подводу. Прошел до Горохово, послушал: коровы мычат, собака лает, женщины плачут, дым идет (белые четыре дома и два гумна сожгли), побоялся идти. Вернулся к Махинько. Пошел на дорогу, хотел на другой участок пойти. Вижу — две подводы. Остановил, спрашиваю:

— У вас были белые?

— Не знаем, ни белых, ни красных.

Один старик шапку снял, перекрестился.

— Так и так пропадать, скажу. Были гады, да уехали. Сожгли.

Я завернул одну подводу, положили раненого, поехали на Батов, оттуда в Тасееву. Сдал раненого, вернулся в отряд. Все, кто был со мной, разбежались, блудили по тайге. Только через неделю узнали, что все живы; **Л. 40** ранен Махинько, сгорел живым тот, кто сидел с Князюком в подполье, с участка Рассольного. Одна нога в чирке осталась. Двое выскочили, прорвались, а он остался, а потом дом сожгли. Когда белые зашли со свечой осматривать подполье, Князюк угостил одного. Старуха сидела под крова-

тью, ее отодрали шомполами, она сказала, что красные в подполье (старухе лет семьдесят). Они ее выкинули в снег, стали искать, Князюк и выстрелил. Белые бежать, за ними Князюк и второй партизан. Белые не решились войти больше, а зажгли избу. Перед тем как войти в избу, белые бросили бомбу в окно. Пришел я к этой старухе, она лежит:

— Ой, родненький, как я пострадала. **Л. 40об.**

Недели две прожила старуха и умерла. Ее, кроме порки, ногами топтали, обзывали красной.

До самого конца движения был я в отряде Нижегородова. Отстал под Нижнеудинском, заболел тифом. Обстреляли мы под Рубашиной или Нерубашиной (*так у автора*) чехов. Они наперли, ребята ушли на Бирюсу. Мы тогда в тыл заехали, 18 верст восточнее Нижнеудинска. Я догнал своих пешком в лесу, на лошадь влезть не могу. Меня на подводу и в Нижнеудинск. Еду и не знаю, кто в Нижнеудинске. Приехал, красных еще нет. Встать не могу. Сзади конь верховой, на мне шашка. Меня в холодный коридор бросили. А утром красные пришли. Меня в холодной ванне обмыли и положили. Пролежал я месяц, выписали, ходили, предлагали: „Хлеба нет, кто может, поезжайте домой“. **Л. 41** У меня сил ходить еще не было. Имел право на винтовку, а получить не мог». **Л. 41об.**

ШАШЛОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Биографические сведения не указаны.

«Я был взводным командиром 2-й роты. Было всего четыре роты, лыжная команда, отряд особого назначения, кавалерия. В В(ерхне)-Яковлевой были бои в конце 1919 года. Шло 12 тысяч белых. Мы стояли в Казачинском три раза. Получили телеграмму от Бабкина из Енисейска, чтобы отступить от Верхне-Яковлевой. Мы приехали, сделали окопы деревянные, завалили снегом. Белые подошли вплотную, держали их двое суток. У комля сваленной сосны наш миномет, а белые подобрались однажды к вершине той же сосны.

Федор Астафьев дал приказ: отступить в Тасеево. Отступили и белые. Но нашлись у них добровольцы, поехали на **Л. 50об.** наш участок. А у нас всех сняли, и мой взвод забыли на левом фланге. Мы уж полторы сутки не ели. Все стихло. Я послал Сергея Яковлева сказать, чтоб нас сменили. Он пошел и, вернувшись, сообщил, что никого нет. А нас всего 30 человек. Пришлось и мне отступить. Белые нас не видали. Я отошел километра на два-три, белые зажгли деревню. Собрал я ребят и объяснил положение. Приняли решение живыми не сдаваться, биться до последнего патрона.

Позади зарево, а впереди трещит пулемет. Я думал, что пулемет белых, а потом оказалось, что наш. Положение выяснилось только в Тасеевой. На другой день

после второго Тасеевского боя появилась белая конница. Очевидно, был план таков: чтобы ловить партизан, когда они побегут по **Л. 51** Хандальской дороге. Мы стояли на Суховской дороге и не видали на Хандальской ни пешего, ни конного. На другой день меня позвал командир роты Халчевский (он был недолго, дольше его был Василий Мякушко) посмотреть действие снарядов. Сажены пятьдесят-шестьдесят до покотины не дошли, слышим, едут с песнями. Думали, что свои, потом разглядели. Подъехали они к разбросанным боронам, захохотали. Мы видим их, и они нас. Укрыться нам некуда. Мы сели на изгородь и стали закуривать. Слышны залпы, наши обстреливают. Белые повернули уходить, наши лыжники им наперерез. Перехватить не успели, сняли четверых». **Л. 51об.**

Тасеевское. Воспоминания членов партизанской семьи ГОРОХОВЫХ

ГОРОХОВ ЕГОР ОСИПОВИЧ:

«28 декабря бой был у нас первый под Макаровой. После этого первого боя, когда белые заняли вновь Шеломки, скрывался здесь вместе с канарайскими (д. Канарай Тасеевской в. — Т. К.) в своей тайге. Кормились на участках, иногда и домой наезжали. Много по тайге было таборов. У партизан была своя дорога из Кондратьевой в Улюколь, с Улюколя на Рассол. А белые и правда не смели показываться, красные подъездут, постреляют, они и носа не показывают... А тут белые получили подкрепление, кавалерию. Нас с племянником Максимом захватили на полях. Меня в Рождественскую, Максима в город. Двенадцать месяцев я сидел, жене весть подал, она хлопотала у полковников... **Л. 67** Мои тоже скрывались. Еще когда белые шли на Макарову, они грозились:

— Весь корень гореловский уничтожим.

Белые многих избили в Шеломках. Мою жену возили по деревне:

— Деньги давай либо сыновей!»

Далее рассказ ведут ГАВРИИЛ ЕГОРОВИЧ, ИВАН ЕГОРОВИЧ и МАКСИМ СЕМЕНОВИЧ (племянник) ГОРОХОВЫ.

ГОРОХОВ ГАВРИИЛ ЕГОРОВИЧ:

«В селе была получена 51 винтовка. Проживали здесь восемь красногвардейцев: Иван Егорович Горохов, Степан Осипович Горохов, Грель Станислав (ссылный, убит в перестрелке), Беляев Александр Семенович (ссылный), Андреев Павел Андреевич (ссылный, убит в Канске), Тобоякин Ананий (убит в 1-м Тасеевском полку), **Л. 67об.** Павел Львович Горохов, Туровец Семен Севастьянович. Кроме красногвардейцев боль-

П.Л. Горохов. 1918 г.

шое участие в подготовке восстания принимали Кренц Виталий, Горохов Семен, Павел Колпаков, это бюро имело связь с другими деревнями». **Л. 68**

ГОРОХОВ МАКСИМ СЕМЕНОВИЧ:

«Был слух, что в Канске готовится выступление. На собрании президиума постановили: выбрать несколько человек в Канск, чтобы их никто, кроме президиума, не знал. Часа в два ночи меня разбудил президиум. Дядя Степан говорит:

— Поезжай в Анцирь, там у тебя знакомство, разузнай, и в Канске тоже.

Приехал я в Анцирь к Петру Крутиковых и Сергею. Был у меня мандат, наган. **Л. 68об.** Они предупредили припрятать. Только спрятали, приходит подозрительный человек, расспрашивает. Отвертелся. Пошли к Окладникову, кажется — Алексею. В маленькой избушке собрались человек десять, где-то на краю деревни. Когда я сказал, зачем еду, мне сообщили, что в Канске вспыхнуло восстание в эту ночь и ехать незачем. Наказ через Окладникова

из Канска: шеломовицким не выступать, молодежи идти и взять оружие из волости, попрятать его дома и пока не выступать, иначе раздавят. Возвращаясь домой, я заехал в Улюколь, там у меня родственник Малышев Павел Сергеевич. Прибежала еврейка-торговка: **Л. 69** в Шалинском с красными флагами ходят, арестуют много. Плачет. Я понял, что выступили без времени. Я поторопился домой. Приехал поздненько, дома никого. Где народ? На собрании. Прихожу. Шумят:

— Пойдем завтра на город, шапками забросаем. Город взят.

Я поближе к президиуму, передаю Кренцу письменный мандат из Анциря. Он взял конверт, распечатал, прочел.

— Прежде чем идти на Канск, надо послушать, что привезли. У нас ездил такой-то.

И рассказал все, что получилось в Канске. Милиция здесь была уже арестована, поехали в Тасееву».

ГОРОХОВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ:

«Отсюда нас послали 12 человек, **Л. 69об.** тринадцатый — Астафьев. Горелов Степан Осипович ушел вперед, нарочным». В отряде также были: Спирин Евсей Иванович, Бурмакин Василий Федорович, Подолякин Ананий Романович, Шафранов Лаврентий, Бурмакин Петр Арсеньевич, Томашевский Игнатий Дмитриевич, Рязанов Фаддей Семенович, Горелов Лев Осипович, Мирошкин Василий, Колпаков Леонтий и последний — Горелов Павел Львович.

Из Канароя послали второго нарочного, Перфила Мякушку (верно: Мякушко). Арестовали там торговцев. В Суховой арестовали милиционера и еще кого-то одного. Часов в семь вечера выехали из Суховой, часов в десять в гумно к Астафьеву. Стали ребята подходить, приносили винтовки, откопали патроны. **Л. 70** «Кто был, теперь не вспомню. Помню Дюковых Михаила, Петра, Мякушка, который-то, кажется, Михаил, Таракановы, Акимовичи, Федор и другой брат.

Милиция была по домам, ходили, собирали. Начальник жил по Плехановской улице. Увидел винтовки и бежать. Мы ему кричали, он не остановился, за парадное крыльцо. Я выстрелил вслед, он в ворота, стал за створу. Тут мы его взяли. Вышла учительница с детьми, увидела, в чем дело, говорит ребятам:

— Кричите „ура!“

Они крикнули, я им говорю:

— Рано еще кричать „ура“.

В отношении въезда в Тасееву рассказ товарища Егорова К. А. подтверждаю. В Тасеевой мы после ареста милиции провели один день еще **Л. 70об.** и поехали домой. Дома работали, возили и молотили хлеб. Ежедневно посылали к городу разведку».

ГОРОХОВ МАКСИМ СЕМЕНОВИЧ:

«Ни мой отец, ни Кренц с военным делом знакомы не были, а я вернулся из германского плена. Я давал советы, посмотрелся на войне (бежал из плена 66 суток, 60 рек перешел, где плыл, где вброд). Отец у меня говорил:

— Ну, пусть приедут к нам, мы у них пулеметы отберем.

— Ну, нет, старик, пулеметы затрещат, разбежитесь.

Я и настоял на разведке. Когда сообщили, что идут от Рождественки, я посоветовал занять позиции впереди Макаровой, в гумнах. Белые должны идти по голой степи. Разведка сообщала нам о каждом шаге белых. 28 декабря (ст. ст.) был мороз до 40 градусов. От Степановой часов в десять утра **Л. 71** показались белые, человек двести пятьдесят, с пулеметами. Подпустили их шагов на четыреста. Винтовок было до полусотни, патронов совсем мало — 15 штук на винтовку у немногих было. Остальное оружие — дробовики, берданки, централки охотничьи. Народу со всей волости. Когда затрещали пулеметы, бойцов осталось мало. С вилами да топорами начали прятаться.

Я узнал через час после начала боя, что в селе паника. А я хотел было организовать мужиков, чтобы взять палки на плечи и идти обходом, чтобы видели белые. Хотел панику сделать, а тут своя паника. Пришедшие с участков начали бежать партиями. Я сел в сани Кропачева и с наганом в руках погнался беглецов обратно **Л. 71об.** в деревню. Для этого вышел из саней: „Умирать, так всем вместе“. До сумерек шел бой. Белые отступили перемерзшие. Да и нам было нелегко.

Часов в одиннадцать вечера нас человек пятьдесят уехали в Тасееву, а по участкам разъехалось очень много. Я остался дома, лег спать. Вдруг слышу: бомба разорвалась. Я коня в оглобли и уехал на Рассол (д. и торг. заимка Рассольная Шеломовской в. — Т. К.). А был у нас Николай Марясов, мобилизованный и бежавший. У него откуда-то была бомба. Что он с ней сделал, а только бомба зашипела. Он не оробел, схватил и бросил в сени, а дверь придержал. Бомба взорвалась и сени разворотила. Приехал я на Рассол, а там двери не затворяются, полно шеломовцев. Там ночевали. Утром, в Крещение, приехал цыган Коржев — **Л. 72** Клементий.

— Что же вы, трусы? Никого там нет. Поедемте домой.

Приезжаем. Мужчин нет, одни женщины. Смеются надо мной. А нас приехало: я, Сергей Ковалев и Ефим Ковалев (братья). Заехали к нам. Я побрился, достал самогону для гостей. Не застал хозяев. Выхожу — от Степановой стреляют из орудий. Я прибежал домой.

— Слышали, как из орудий стреляют?

— Нет.

— Так послушайте же.

Высочили, слушают, а я тороплю: скорей пельмени-то. Поесть охота была. Приходит старик один: казаки едут. Сергей Ковалев ворота приоткрыл, из „бульдожки“ целится. А у меня винтовка под амбаром. **Л. 72об.** Я ее найти не мог. Захватил с собой жену, да она сито калачиков взяла. Сестра Анисья с Сергеем в сани сели. Погнали на зады, кони добрые. Часовой казак верхом грозит шашкой, а от моста восемь человек скачут, охватывают. Я сажень пятнадцать не доскакал, повернул влево, коня хлестнул:

— Грабят!

Часовой было за мной, те восемь тоже. Я угнал прямо в гору, в чашу. Сергей повернул за мной, а сестра Анисья соскочила и улицей ушла в деревню. Скрывалась у соседей.

Расстреляли белые Андрея Бугаевского (скрипач), Григория Мельниченко, Поликарпа Олексенко, улюкольского привезли Михаила Васильевича (фамилии не знаю). Прожили дня два и пошли на Тасееву». **Л. 73**

ГОРОХОВ ГАВРИИЛ ЕГОРОВИЧ:

«Мы не успели бежать, и меня арестовали в Крещенье ночью вместе с Поповым Александром Семеновичем, Шатровым Федором Ивановичем (пожилой, а мы молодняк), Орловым Алексеем Яковлевичем (старик), Филиппом Мартюшевым. Продержали нас сутки. Хотели бить, была палка черемуховая приготовлена. Но мы услышали, что от Тасеевой их погнали. Решил офицер дать нам плетей: мне — 15, Филиппу тоже — 15, Александру — 40, а будет жив, еще 10, Шатрову — 30, Орлова — на распоряжение штаба. Не нашли палачей. Потом они угнали из Шеломков, а мы остались арестованными. Ночью, после Тасеевского боя, прискакал партизан Пронюшкин, выпустил нас. **Л. 73об.** Пронюшкин на участке Батов захватил трех белых. Те ехали и остановились пить чай. Пронюшкин пришел под видом старосты, вызвался подводы нарядить, позвал еще двоих и с одной берданкой влетел:

— Ни с места!

Белые опешили, а винтовки в углу так и остались стоять. После ареста пошел служить в связи, потом был в Шеломовском отряде Халчевского. Участвовал в боях: во втором Тасеевском на Суховской дороге держал связь окопов со штабом. С отрядом участвовал в ряде стычек под Шеломками, в Улюкольском бою. Был я на Барашковой (пер. уч. Барашково. — Т. К.) дороге...

В начале марта, ночью, белые шли с Рождественского, начали окружать, устроили засаду на Рассольной, Батовской и на **Л. 74** Большой Степи, а наступали с Улюколя и Макаровой. Мы здесь побились и стали отступать по Батовской дороге (пос. Батов Шеломов-

ской в. — Т. К.). Увидели верстах в шести подводы. Меня с Егором Шатровым из Топола послали для переговоров. Гляжу, наши, Орлов в плену уже, шеломовцы с подводами... Разглядели, что белые. Они из пулемета, в зад кобыле попала пуля, она понесла. Шатрова ранили в бровь. Кобыла потом свалилась. Я снял седло, положил в сани, и мы стали отступать. Убили тогда Греля, ранили Моисеева Александра Григорьевича. **Л. 74об.** Был в бою на Кайтыме, при наступлении на Тасееву. Был в Улюкольском бою и за Канском, вверх по Кану — Тарай, Улюколь, Бражное». **Л. 75**

Участок Чурюково

(Чьи воспоминания, не указано. Возможно, Шапранова Мефодия Гавриловича (1872 — ?), партизанившего с сыновьями. — Т. К.)

«По призыву шеломовцев мы организовали отряд (Шеломовский отряд, образован в декабре 1918 г. в с. Шеломовском Рождественской в. — Т. К.). Было еще до шеломовцев, что мы общим собранием постановили не давать новобранцев, не платить подати. Потом приехала тройка по сбору податей и новобранцев, хотели арестовать. Девятнадцать дезертиров белой армии скрывались в лесах. Ждали через (пропуск в тексте. — Т. К.) постановления общего собрания, получили весть от шеломовцев и выехали все 19 новобранцев и старые солдаты, всего до шестидесяти. Но доехали только до Улюколя, бой уже кончился. После этого решили отступить в Тасеево, были в Тасеевой связаны через Ф. Астафьева. **Л. 78**

Заехали в Сухову, жили дня три, здесь нас разбили по ротам. С нами было до тридцати человек вознесенцев, наши деревни называются Верхний и Нижний Убыс. Отряд был назван Убысинским. Назначен был первым командиром товарищ Кузьменко (приезжий). Под его командой держали первый Тасеевский бой между Суховской и Хандальской дорогами. В этом бою потеряли товарища Петрова из Канска (*имя забыто*). После этого боя прибыли свежие силы, Кузьменко был снят, так как был слаб на вино. Его перевели в Шеломовский, потом на тыловую работу, но он потом выправился. Нашим командиром был назначен Пантелеев. С ним мы держали второй Тасеевский бой на том же месте, а под вечер ходили на помощь на Лукашинскую дорогу. **Л. 78об.** В конце февраля — начале марта стоял отряд в Канске. Налетели белые, довольно много, мы после перестрелки отступили в Бакчет. Долго стояли в Канарое, пока спал снег, просохли поля. Нас направили в тыл белых. До самого отступления мы были в тылу, имели много стычек. Под Тайной (д. Тайнинская Анцирской в. — Т. К.) шел обоз с обмундированием, с конвоем из Канска в Рож-

дественское. Большинство конвоя — чехи. Вместе с Шеломовской ротой нам было дано задание — захватить обоз. Кавалерия стояла в Кайетках (Убысинский отряд). Послали пакет пехоте, что кавалерия идет по Курайской дороге, в случае если сильно нажмут, отступать по этой дороге. Кайеткайского старосту, Покутова Нестора, отправили в рождественский штаб белых. **Л. 79**

Белые выслали казаков по этой дороге, и они выехали вперед нашей кавалерии. Нам в Курае сообщили о том, что дорогой впереди нас белые, триста пятьдесят. Мы ехали, держа белых в виду. Под Тайной большая чаща. Пехота обстреляла разведку белых и отступила. Мы пустили свою разведку. Приняли было белых за своих, наших разведчиков чехи захватили. Белые, шедшие из Рождественского, налетели, когда мы рассыпались, на шедших из Канска и часа два дрались. Наш Шеломовский отряд потерял семь человек. Они были окружены, перестреляли 24 чеха, и последними патронами **Л. 79об.** покончили себя. Чехи их рубили мертвых.

Когда готовили наступление на Тасееву летом, наш отряд направили под Шитки для задержки белых. Оттуда шел с Казачинского тракта Ситников с 500 человеками. Командовал, как и под Тайной, Виноградов Александр. У нас было до 50 штыков. Рассыпались по краю шоссеиной дороги, на которой были заложены фугасы. Разведка проехала, и во главе обоза трое заметили тропу, и фельдфебель ранил Василия Кошелева, который потом умер на Оне от гангрены. Фельдфебель шел прямо на Кабакова Ивана Григорьевича, и тот его убил. Белые рассыпались и залегли в канаву. Дотемна шел бой. Один из наших пробрался в канаву и стал стрелять **Л. 80** вдоль. Белые отступили.

Один товарищ, Росписной с Вознесенки, был тяжело ранен бомбой, и его пришлось оставить. Его белые застали наутро живым и изрубили (это рассказывал позже один перебежчик, он же сообщил, что при попытке снимать фугасы один взорвался и разнес 18 человек белых).

После возвращения в Тасеево были посланы на Казачинский тракт навстречу Роммеру, но боя там не имели, ушли на завод и оттуда на Кайтым, прикрывая обоз. На Кайтыме занимали позицию в центре к правому флангу. В бою был убит Марков Василий (скрывавшийся от колчаковщины рабочий), был в отряде с сыном. Похоронен на Кайтыме. Стояли на Оне, пока не стали выдавать круглого зерна вместо муки. Тогда наш и Шеломовский отряд ушли ночью самовольно в тыл белых. К нам выезжала делегация от командования, догнали нас в Акатеке (пос. Тасеевской в. — Т. К.), откуда мы, переговорив с делегацией, на Фаначет (д. Фаначетская Тасеевской в. — Т. К.). Нам

дано было задание — идти на Тасеево. Мы отдохнули в Фаначете, пошли на Щекатуровский и оттуда под Тасееву. В осаде держали белых целую неделю. Там мы потеряли Неретина Якова Харламовича. Похоронен на Плотбинской дороге.

Дали нам задание устроить засаду под Яковлевой, чтобы перехватить шедших из Троицкого завода белых. Шли они на Тасееву. Ехали они с гармоникой. Был тогда с нами Н. Буда. Было: наш и Шеломовский отряды, быстровский эскадрон и дюковский. Командиром у нас был уже товарищ Востриков. Мы стояли по правому берегу Усолки, а по левому проходила дорога, выходя из поскотины. Здесь мы их обстреляли, взяли шесть человек в плен, часть вернулась в завод, часть разбежалась по лесу, мы собрали 40—45 винтовок (все отряды). Мы вернулись в Боерашное (у В. Г. Яковенко — с. Байражное. Возможно, речь идет о перес. уч. Барашковский Толстихинской в., Барашное, как называли его местные жители. — Т. К.).

Полковник Бычков после того, как заводские не пришли, пошел из Тасеевой на подмогу заводским. С досады обстреляли все место, где была засада. **Л. 81об.** Мы перехватывали все сведения и знали о продвижении белых. Была связь с заводской дружиной, и мы знали, что 12-я рота хочет к нам перейти. Боялись, что 11-я рота пойдет против 12-й, готовились поддержать их. Белые заметили подготовку, из 12-й роты перевели главарей в 11-ю роту, чтобы и там провести работу. Эти шестеро были казнены, и 12-я рота на другой день перешла к нам. С 11-й ротой пришлось держать бой, 12-я рота помогала загнать 11-ю на Култук. Было это так, что полковник Бычков дал распоряжение 11-й роте: если не сможет идти на Тасееву, отступать на железную дорогу.

Красильникова задерживал в Рождественском Нижегородов. 24 октября (ст. ст.) загнали 11-ю роту в Култук, и она сдалась, обезоружили офицеров. Два человека из кудимовского отряда были убиты, когда они добывали патроны из ящиков белых... **Л. 82** В Тополе нас было: Убысинский отряд, отряд особого назначения, быстровский, перешедшая к нам 12-я рота (она была переименована в 6-ю роту). Нас окружили с утра. Командиром батальона был Емельяшин. В самом начале боя один взвод у нас выбили из окопов (с Борковской дороги), тем пришлось отступить и отбиваться уже из деревни. Белые зажгли один дом.

Когда шли к нам на помощь из Борков (Бабкин), из Колона (Убысинская кавалерия), из Ачинска, мы не знали, что белые уже отбиты, и встретили свою кавалерию выстрелами. Обстреляли Лобова, он вернулся, оставив сбитую веткой **Л. 82об.** шапку. Потом он послал подводу с письмом, в котором просил пустить, хотя бы обогреться. Тогда мы обрадовались.

Наш и Шеломовский отряды (последний несколько позднее) были назначены занять Улюколь в тылу белых (белые стояли в Шеломках). Простояли мы суток пять, белые шли тремя дорогами: с Букоря (д. Букорская Рождественской в. — Т. К.), с Мангановой и с Чурюковой. У нас распоряжение было такое: пехота стояла от дороги в Чурюково из Шеломков в правую сторону от дороги и вдоль по деревне до зимней дороги и ельника, через озеро. Когда белые поехали **Л. 83** зимней дорогой, их обстреляли из пулемета, и они рассыпались по ельнику. Началась перестрелка, мы задерживали пехоту, а у кавалерии шла схватка на берегу озера». **Л. 83об.**

Кавалерия Убысинская

Возможно, автор воспоминаний — Потанин Василий из деревни Канарайской.

«Когда отступили на Кайтым, нас послали шесть человек дезорганизовать дружины. Послали: Медведева Ефима Власовича, Потанина Василия (из Канарая), Черных Петра Игнатьевича, Кашлева Дмитрия, Неретина Ивана Степановича, при командире Мокринском Матвее Степановиче.

Получили сведения, что идет из Канска вместе с комаровской и мокрушинской дружинами всего 250 человек. Мы устроили засаду между Чурюковой и Кайеткаем, между быков, в логу. Белых разбили, убили командира дружины комаровской (в лоб), отряд бежал в панике. Оставили шесть коней оседланных, одну винтовку и убитого начальника. Мы знали цель поездки дружин и отряда, о котором мы знали, была сжечь деревню Чурюкову и выбить отцов партизан. **Л. 85**

Через неделю, когда прибыли наши партизанские части, остатки мокринского отряда, человек 30, Суховского дивизиона — 35 человек и отряда Кудимова — 15 человек, всего собралось около 90 человек, решили мы разбить мокрушинскую дружину. Пошли с Николаевки и разбились около Мокруши на три части: Мокринский по большой дороге с Тасеевой около кладбища, Прохоров — по Новоселовской, Кудимов — по Канской дороге. Мокрушинская дружина отдыхала, был Ильин день (мы имели самые точные сведения). Кем-то было сообщено мокрушинцам о наступлении, они сделали засаду под мостом на Большой Мокруше. Когда Мокринский занял Малую Мокрушу и пошел на Большую Мокрушу, Прохоров не успел занять Большой Мокруши, так как по чистому месту пришлось ползти. **Л. 85об.**

Из-под моста по отряду Мокринского дали два залпа, убили Черных Петра Игнатьевича. Наши пошли в атаку и заняли Мокрушу. Засада бежала в топь. Убили

пять дружинников в чукаевском (начальника дружины) доме. Начальник бежал с остальными отрядами. Взяли мы четыре винтовки.

Во время Улюкольского боя наш кавалерийский отряд стоял в Среднем Колоне на заставе, защищая тыл Улюколя от выступления белых из Шеломков. Белые вышли с музыкой, дошли до Топольчика, а мы в эту пору налетели в Шеломки. Охрана подняла стрельбу, и выступивший отряд вернулся в Шеломки, а мы отступили, проскакав по улицам. Около часа занимали мельницу паровую. **Л. 86**

После занятия Канска мы имели бои под Ашкаулом (д. Ашкаульская Уринской в. — Т. К.) и Бражном и Тараем (д. Тарайская Амонашевской в. — Т. К.). Это еще было до Красной армии. Мы обезоруживали белых, задерживали их движение. Командиром у нас был Колосовский, Мокринский уже был в Канске в ЧК. По возвращении в Канск соединились с Красной армией.

В Бражном стояли отряды: колосовский (Убысинская кавалерия) — 50 человек, пехота (бывшие белые, взятые в Канске) — 50 человек. С Ури шли белые 15 тысяч, с Голопуповки на Ашкаул — 10 тысяч. Были около Рождественского. Шли на Бражное и с Ури, и с Ашкаула. Часов в восемь утра подошли к деревне. Развернули триста человек кавалерии с Ашкаула в атаку. Пулеметом мы сбили 80 человек. Они отступили **Л. 86об.** к колоннам пехоты. Дороги с Ашкаула и Ури в двух верстах друг от друга, и белые связались между собою, повели наступление цепями. Мы пулемет перенесли на дорогу от Ури. Выпустили 40 лент, сразили 16 цепей. Бой длился четыре часа. Белые кинулись в атаку как бешеные, и нам пришлось бежать. Белые порубили всю нашу пехоту, всех 50 человек взятых в Канске новобранцев. Партизаны отступили на Улюколь к главным частям. Шестеро партизан были окружены белыми: Тайчик (Динамит), Герасименко Иван, Кулешов, Стазаев Федор, Неретин Иван Степанович, Гарбузов (маганский). Мы думали, что надо помочь пулемету, подъезжаем, пулемета нет. Мы видим, в дождевиках человек шестьдесят, подъезжают и спрашивают — нет ли красных? **Л. 88** А у нас шапки были повернуты красными значками назад. Когда мы повернули, белые за нами. Не стреляют, хотят живьем взять. Гнали четыре версты, а они нас хотят взять, заскакивают с флангов. Я решил, сдернул винтовку, выстрелил. Белые спешили, залпом по нам, промазали еще. Потом из пулемета начали жарить, а мы уже за версту. Ускакали живыми, но не в Улюколь, а на Некрасовский завод». **Л. 88об.**

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

Станция Канск

МЕЛЬНИКОВ ИОСИФ ГРИГОРЬЕВИЧ:

«Приезжал к нам товарищ Бич 28 января (ст. ст.) с Чуны (его потом повесили). Утром общее собрание, нас записалось 22 человека, вместе со мной записался сродный брат Шпаков Петр Ануфриевич. 8 февраля наш лыжный отряд под командованием Михаила Жичкина воевал на фронте в селе Бирюса. Бирюсинским фронтом командовал Москвитин Арсений, его брат Константин командовал всем Шиткинским фронтом¹³. Арсений при отступлении из Бирюсы **Л. 90об.** был ранен и, не желая сдаться живьем, застрелился.

Выступили на Бирюсу две роты белых, шли с Тайшета и с моста Суетухи. Были сделаны ледяные окопы, наш лыжный отряд зашел с фронта, открыли стрельбу, белые отступили, оставив двух человек пленных. Это была разведка. Раненых и убитых у нас не было.

Белые хотели встретить Пасху (27 марта ст. ст.). Крайники хотели христосоваться в Бирюсе, обедать в Конторке. 25-го и 26-го, в ночь на 27-е, шел бой. **Л. 91** С Бирюсинского переезда били из орудий и с бронепоезда (переезд три версты). Шли белые и, как зимой, от Суетухи через болото, от Тайшета, и прямо с переезда. По сведениям нашим, в этом бою белые потеряли 250 убитых и раненых. У нас была передышка, с первых боев 6-я рота, вооруженная винтовками, много нам помогла. Солдаты перебили своих офицеров, Арсений Москвитин принял командование. **Л. 91об.**

Снег лежал еще хорошо, но наша лыжная команда находилась в окопах по дороге с переезда. Здесь был главный участок боя. Дрались без смены, не евши. Патроны брали на подкрепление из всех отрядов Конторского и Окульчетского. Перед утром 27-го белые отступили. В мае, в конце, в наступление пошли чехи (бои уже севернее). В деревне не жили крестьяне, она была разбита во время пасхальных боев. Крестьяне разъехались **Л. 92** на заимки, в Бирюсе остались одни отряды. Чехи шли в касках, это был ударный отряд¹⁴. Шли теми же тремя дорогами. У переезда стоял бронепоезд, были и батареи. Лыжного обхода сделать было нельзя, конных у нас была только разведка. Бой продолжался не дольше часа, держаться было невозможно. Мы отступили в Конторку. Белые сожгли село вчистую. Первыми **Л. 92об.**, еще во время пасхального наступления, были сожжены семь домов, теперь сожгли остальное.

Через четыре дня белые пошли в наступление на Конторку, и хотя мы усилились Конторским отрядом, мы были выбиты. С переезда Венгерка (находился около восьми верст западнее Тайшета. — Т.К.) били с бронепоезда и батарей, а с Елового, по тракту, шли бронированные авто-

мобили и пехота, с горы шла конница. Шли **Л. 93** сплошь чешские войска. Мы отступили в Кочергино. Чехи сожгли Конторку. В Кочергино стоял главный штаб. Из Кочергино ушли без боев, кроме мелких схваток на Шиткинской. Очень большие силы белых навели панику. В Шиткинской началось разложение, часть партизан разбрелись по тайге, часть организованно отступили на Чуну. В июле отряд **Л. 93об.** опять организовался. В августе вернулись в Шиткино и начали щипать белых. Организовался полк, был разбит на батальоны, роты. Я был в 4-й роте, командиром был Ермаков, полком командовал Костя Москвитин. Начальником штаба был Жичкин.

Белые переходить в наступление больше не пробовали. Мы часто выезжали на линию. Там срезали телеграфные столбы, **Л. 94** разбирали рельсы. Во время такой экспедиции я обморозил ноги и пролежал месяц. Это было еще с начала партизанства. Белые отступали. Мы были в Окульшете, Красная армия стояла в Еловом. Чехи обещали не рвать мосты, но обманули и взорвали бирюсинский мост [...]. Из-за этого обманного перемирия боев с белыми у нас не было. С Красной армией мы **Л. 94об.** шли до Нижнеудинска. Там нас влили в 264-й Верхнеудинский строевой полк 30-й дивизии. Я попал во 2-ю пулеметную команду. С дивизией шли до Иркутска, постояли там, прошли за Байкал, но в боях не участвовал. После этого попал на врангелевский фронт, был в Сивашских боях и во всей кампании.

Когда пришлось отступить из Бирюсы, нас, разведку, человек пятнадцать, белые взяли в кольцо. Я перебирался протокой, утопил шапку. Мы, трое, переплыли под обстрелом и вышли на Окульшет. Остальные выбрались туда же другими путями. **Л. 95** Всего в том бою мы потеряли 12 человек. После отступления белых мы ночью ходили их хоронить. В числе двенадцати был Арсений Москвитин. Могила на горе, возле окопа. Есть братские могилы в Кочергиной, много похоронено. Зимой мы увозили туда наших убитых.

В апреле 1919 года устроили мы два снаряда, начиненных динамитом и порохом. Сделали спуск, ударники, пружину, привязали шпагат и решили взорвать броневик у переезда. Ночью заложили снаряды, караулили до утра. Снаряды взорвались, на паровозе убило двух чехов, пробил дно. Но сбросить броневик не удалось. Броневик обстрелял нас из пулеметов, **Л. 95об.** начал бросать бомбы. Одного из наших убило осколком бомбы (бомбы бросали из бомбометов). Сделаны были снаряды из стаканов трехдюймового оружия. Спускал спуск за шпагат товарищ Жичкин». **Л. 96**

Отряды Шиткинского фронта: Серафимовский, Окульшетский, Гоголевский, Бирюсинский, Конторский.

СЕВЕРО-КАНСКИЙ ПАРТИЗАНСКИЙ ФРОНТ

КККМ. О/ф 12105/10Д 10049. Третья дополнительная «Тасеевская тетрадь»

(Воспоминания датируются 1931 годом. — Т. К.)

Тасеевское. 15 декабря
ЕГОРОВ КУЗЬМА АРТАМОНОВИЧ:

«После Октябрьского переворота, как только были получены сведения, мы организовали волостной совет¹⁵. Председателем был Яковенко (вступил в партию в ноябре или декабре, избирался в совет уже членом партии), членами — Гришненко, Анатолий Буда. Халчевский был избран нарсудьей. **Л. 10** Получили сведения через Кашина, что в Канске бунт чехов¹⁶. Оттуда ушли отряды Гетоева и Лазо на восток, сил было мало. Собрали отряд человек 65—70 и послали на подкрепление в Канск. Одна часть пошла на Денисово под командой Анатолия Буды, вторая — на Шеломки под командой Астафьева Федора, чтобы поднять на помощь Шеломовскую волость. Я шел с Будой.

В Денисовке встретили бывшего политссыльного Двоглазова, члена Канского Совета, и он нас точно проинформировал о перевороте. Мы вернулись в Тасеево. Здесь сформировали временный штаб во главе с Яковенко, членами были Халчевский Филипп, **Л. 10об.** Анатолий Буда, Сидоров (прибыл из Енисейска с ротой на подкрепление, высланной Красноярском еще во время боев на Клюквенском), я, Федор Астафьев и Павел Иванович Денисов (технический рабочий). Послали в почтово-телеграфную контору Казачинска, чтобы связаться с Красноярском (он еще держался), Орлова (бывшего попа) за 120 верст, было два нарочных: Алексей Павлович Денисов и Петр Филиппович Халчевский. Получили распоряжение оставаться на месте и принять власть в Канском. Разослали циркуляры по всему уезду. На вторые сутки телеграмма: срочно двинуться на реку Енисей для соединения с Красноярском через Казачинское. Мы выступили, на 72-й версте сделали привал. Наши посты задержали Портянникова и Балиду (верно: Баллада. — Т. К.), они ехали в Канск, Портянников под именем Ястребова назначен был уже комиссаром Временного правительства в Канске. Оба видные социал-революционеры. Портянникова мы узнали и расстреляли обоих. Здесь же нас захватила третья **Л. 11** телеграмма из Красноярска: разоружиться, отряды распустить и вести подпольную работу.

В отряде были и беспартийные, тасеевцев до сотни, рота енисейцев, всего человек 170. Вернулись обратно. Уходя, мы распустили слух, что вернемся

с орудиями и пулеметами. Возвращаясь, Халчевский Филипп говорит:

— Как мы вернемся без орудий? Впрочем, чего проще, наберем подходящих лесин, закроем брезентом, поставим на площади, караульных поставим, скажем: „Не подходи, здесь пулеметы“.

Так и сделали. Три телеги привезли, будто бы с пулеметами, сказали, что ночью придут свежие войска. Заказали подводы, чтобы кружным путем увезти енисейцев на Казачинский тракт. Подводы взяли у надежных людей. **Л. 11об.** Растянутыми шеренгами проводили енисейцев ночью, что создавало впечатление, будто прошла большая сила. Когда за Кайтымом, на Оне, скрывались Яковенко и другие, белые боялись туда сунуться, так как ходили слухи, что туда прошли войска с пулеметами. Чурки с телег мы ночью побросали. В Канске уже свирепствовал полковник Ушаков.

Прошел июль. Была у нас учительница Малышева Варвара Александровна, член организации (жила в Хандале). Ее муж был белый офицер. Она писала из Канска, где была с мужем, что скоро нагрянут белогвардейские отряды. В одном письме даже указала срок, но отряд не пришел, и мы перестали верить ее письмам. В субботу получили почту, сидели до поздней ночи в секретах — отряда нет. Только разошлись и легли спать, на рассвете явился офицерский отряд. Захватили врасплох. **Л. 12** Вел их местный житель Фефелов Тихон, указывал квартиры. Они окружили село. Удалось бежать тем, что жили за рекой. Яковенко, Мякушку (верно: Мякушко. — Т. К.) Михаила, Федора Астафьева, Дюкова Александра и Усачева Григория предупредил старик Мякушка Савелий Петрович, по целым ночам не спал. Нас, 18 человек, арестовали: меня, Денисовых Виталия Павловича и Павла Ивановича, Марковского Якова Николаевича и Анатолия Буду, Дюкова Ивана Семеновича, Астафьева Павла Александровича, Баглая Артемия, Семена и Тихона Александровичей, Астафьевых, Брюхова Ивана, Севрукова Николая, Горбачева Семена, Симонова Алексея, Мякушку Егора Савельевича, Поповича Михаила Ивановича, Николая Никитовича Астафьева (дядю Павла). Нас, шесть человек, освободили недели через две, некоторых держали до сентября. **Л. 12об.** Анатолия Буду, как члена Совета, Павла Ивановича Денисова отправили в распоряжение Ушакова в Иркутск вместе с Ендауровым из села Рождественского (учитель, организатор крестьянского товарищества, большевик). Анатолия Буду расстреляли, а эти двое

вернулись обратно (отец и сын П. И. и В. П. Денисовы будут расстреляны позже Буды. — Т. К.).

По возвращении домой мы завязали связь с тайгой, с бежавшими. Астафьев Федор вскоре вышел в жилые места, работал в ряде деревень шорником и вел организационную работу. Мне было предложено остаться в Тасеево и держать связь с тайгой...

Л. 13 Винтовки после роспуска отряда были закопаны верстах в пятнадцати от Тасеевой, о месте знали Мякушка Михаил, Дюков Александр и Астафьев Павел. Было 76 или 78 винтовок. У некоторых надежных ребят винтовки были на руках. Крылова (Иван Иванович, заведующий продовольственным складом в Тасеево) на приисках арестовали, был приговорен к смертной казни, но, ввиду болезни, не был казнен, дождался Красной армии. Двоглазов тайком выбрался, жил пять суток на полях у Астафьевых и Таракановых и ушел к Ангаре, в деревню Устье, чтобы там поселиться у Агеева Якова Егоровича, крестьянина-промышленника. Был у него, пожил и ушел. И с тех пор о нем ничего не было известно. Был он болен, когда был в Тасеевой. Агеев во время восстания привез его вещи к нам. **Л. 13об.**

До 15 декабря старого стиля все время шли обыски, аресты. Алексей Павлович Денисов скрывался, а потом решил ехать на съезд земских управ (повидаться с арестованным отцом). Его арестовали и в мае расстреляли как заложника вместе с отцом. До этого был расстрелян его брат Николай за Иланское восстание.

Когда я после второго ареста вернулся домой, освобожденный судьей Терещенко под залог в 500 рублей (было это в октябре), Федор Астафьев успел организовать организацию в Комино, участок Чурюково и Убыс. Вел он переписку со мной через своего брата Тихона, работавшего в тасеевской кузнице. Числа 18 ноября старого стиля прибыли из Канска товарищи Черепок, деревообделочник, и Семенов, сапожник, с письмом от Астафьева. Остановились у Тихона Астафьева и вызвали меня, чтоб выяснить наши силы и оружие. Нам предлагали **Л. 14** прибыть 28 ноября под Канск, в ночь на 29-е войти в город и взять офицерское собрание. Подготавлилось восстание 2-й ротой 16-го полка под командой фельдфебеля Савченко. Предполагали взять город в свои руки, но ни с запада, ни с востока защиты нет, организация малочисленная. Кроме того, хотя у приехавших и были билеты (треугольная печать Канского комитета), но все же приходилось быть осторожным. Да и восстание явно было безнадежным. Я отказался принять в нем участие и о силах не сообщил. Астафьев этого вопроса с нами не согласовывал. Я переговорил лишь с Волостных (рабочий, слесарь, временно жил здесь, сей-

час в Красноярском депо). Восстание было в указанный срок — и было раздавлено. **Л. 14об.**

В начале декабря Астафьев сообщил, что надо подготовить людей к предстоящему налету на тасеевскую милицию. Предполагая сделать его так, чтоб организация Тасеево осталась в стороне. Мы ему отсоветовали. С получением вестей, что в Томской губернии восстание, стали договариваться, чтобы в Комино, Чурюково и Вознесенке (Убыс) подготовиться к выступлению в январе. Была послана секретная разведка в Красноярск. Ездил Мокринский Матвей Степанович. Он побывал в мастерских, важные сведения не привез, сообщил лишь, что Красная армия продвигается на восток. Для нас, отрезанных от мира, это было очень важное известие, так как колчаковским газетам верить было нельзя.

13 декабря (ст. ст.) приехала наша почта из Канска. На почте был наш паренек, Овчинников Александр Федорович, помощник начальника конторы. Он сообщил **Л. 15** Н. Буде, который уже был в Тасеевой, что в Канске неблагополучно. А там ничего особенного не было. Вечером Николай Буда, Семен Буда и Попович Михаил Иванович пришли ко мне, передали эту весть.

— Что будем делать?

Было это в субботу, назавтра базар. Решили выйти и следить за милицией. Если что-либо серьезное, будет заметно. Вышли на базар, стали следить. Ничего особенного не заметили, спокойно разговаривают между собой. Выбежала жена почтальона с почты, что-то поговорила, милиционеры ушли и появились с винтовками. По базару разнеслись слухи, что в Канске неладно. **Л. 15об.**

До вечера следили, вечером было нельзя, за нами следили. Поручили Мартемьяну Мартыновичу Буде пойти по селу с молодежью, а сами собрались у Волостных. Сидели, разговаривали, слышали шаги. Человек шесть-семь милиции у ворот с винтовками. Когда они ушли, мы пошли в народ на репетицию. Репетиция не состоялась, пошли в школу к Поповичу. Посидели немного, решили ждать вестей от Ф. Астафьева. Я пошел к его отцу узнать, нет ли сообщения. У Астафьева было несколько человек крестьян. Пока я ждал удобного момента, пришел Дюков Егор (повешен в Фаначете белыми) и сообщил, что меня ждет приезжий. Это был шеломовский Горохов Лев Осипович, приглашенный Ф. Астафьевым **Л. 16** прочитать письмо: „Сегодня же ночью вышлите нарочного в село Сухово с адресами милиционеров. Иду с отрядом, чтобы арестовать“.

Посоветовались с товарищами, пришли Тихон Астафьев, Халчевский Петр, Волостных Ананий, пригласили Павла Астафьева (Горохов тоже уча-

М.С. Чебурашкин, партизан Северо-Канского фронта. 1919—1920 гг.

ствовал). Пока решали этот вопрос, приехал второй нарочный от Астафьева: „Отряд идет“. Нарочный сообщил, что отряд выступил из Сусловой и должен находиться неподалеку. Мы не хотели отряд допустить и вышли навстречу. Я, Павел Астафьев и Ананий Волостных. Ночь была месячная. Вышли за деревню, увидели пост у астафьевского гумна, нас спросили, кто идет. **Л. 16об.** Увидели в гумне лошадей, подводы, в избушке люди и Ф. Астафьев. Он сказал, что все подготовлено в Шеломках, Чурюково и Убысе, надо арестовать милицию и начинать восстание.

Мы здесь, на гумне, решили винтовки сложить под солому, на подводах въехать в Тасееву, остановиться у надежных крестьян, ночью ареста милиции не производить. Когда поставили подводы по дворам, Астафьеву дали задание: в порядке общего движения подъехать к волостной управе Астафьеву на первой подводе. Здесь взять винтовки, Астафьеву войти в управу, вызвать председателя, взять бланки земской управы и написать начальнику милиции: „Немедленно явиться в земскую управу для объяснения. В случае неисполнения **Л. 17** будешь аресто-

И.Е. Горбунов, заведующий оружейной мастерской Тасеевской республики. 1919 г.

ван“. И подписаться: начальник партизанского отряда такой-то.

Астафьев выполнил все точно. Послали нарочного за Яковенко в тайгу. Яковенко вышел уже на участок Ильчет и жил в подполье у одного крестьянина. Мы это знали. Дюковых Павла и Александра послали откопать винтовки. Когда начальник милиции явился в управу, Астафьев предложил ему сдать добровольно и издать приказ о сдаче оружия милиционерами. С Астафьевым было 12 человек, сам тринадцатый. **Л. 17об.** Начальник милиции подчинился (милиционеров было человек одиннадцать). После ареста милиции были арестованы тайные агенты. В их числе было трое: Ипполит Дробышевский, Чевелев и Блюмберг, ссыльнополитический Венцев, служил в милиции. Вечером собрались в управе: Астафьев, я и приехавший из тайги Яковенко. Договорились утром рано созвать общее собрание. В эту ночь отряд белых подходил к Шеломкам. Собрались отражать их всей волостью, но под трескотню пулеметов разбежались. Осталось 28 человек. Сам Виталий Кренц бежал в тайгу, где отморозил ноги. Белые, видя разбегающихся повстанцев, **Л. 18** решили, что их намерены

окружить, и спешно отступили. 16-го рано утром созвали сельское собрание, где произвели запись добровольцев. Записались преимущественно фронтовики. Винтовки были привезены, на всех не хватало. Разослали по деревням (донесения) о предстоящем волостном собрании.

17 декабря (ст. ст.)

Собрание дружно съехалось. Посланные информаторы справились с работой. На сельском собрании была избрана оргтройка: Яковенко, Астафьев Федор, я (Павлу Астафьеву дали кличку „генерал Брусилов“ за его бороду, за меткую стрельбу и отвагу). **Л. 18об.** Волостной съезд начался в срок. Здесь у нас уже был организован Тасеевский полк, четыре роты. Выбраны командиры: 1-й роты — Малышев Николай, 2-й — Мякушка Василий, 3-й — Кулагин Федор, 4-й — Иванов Василий. На волостном съезде все делегаты, за исключением деревни Хандалы, присоединились к восстанию. Делегаты Хандалы ушли с собрания. Были охарактеризованы цели и задачи восстания: способствовать скорейшему продвижению Красной армии, расшатывая колчаковский тыл. Был избран штаб: Яковенко, Буда, Вахрушев Николай, Гришненко Матвей, Тараканов Федор и я. Позже работал секретарем нашей организации Черников Данило Никитич. **Л. 19** В тот же день началась работа по укреплению Тасеева окопами, разосланы люди по сбору оружия и припасов. В этот день был бой в Шеломках. К снежным окопам в один день перевезли до семи полевых избушек, чтобы фронтовики могли обогреться.

Была послана разведка в Канск, чтобы узнать, что предпринимает Канск. Уехал Мокринский. Вернувшись, он сообщил, что в Канске людей мало, наступать бояться. Смущают их и слухи об отрядах в тайге. Нам дали время подготовиться. **Л. 19об.** К нам прибыли из Чурюкова, Убыса, часть шеломовцев, восстал Топол. До 5 января (ст. ст.) мы укреплялись. В этот день был послан нарочный с участка Плотбино, занятого отрядом белых, человек семьсот-восемьсот под командой капитана Мартынова (верно: Мартын)¹⁷. Пакет был адресован тасеевскому сельскому обществу. Мартынов писал: „С получением сего немедленно арестовать всех зачинщиков бунта. К 12 часам ночи предоставить мне на участок Плотбино оружие вместе с зачинщиками. В противном случае сотру с лица земли Тасеево артиллерией. Капитан Мартынов“.

Мы ожидали главные силы с Хандальской дороги. Люди были подготовлены, окопы заняты. Деревня Хандала не давала сведений. **Л. 20** На Плотбинскую послали Дюкова Александра с небольшим отрядом, 25—28 человек. Был дан наказ: не проявлять себя, пропустить даже разведку, которую в гумнах ждала

„серебряная“ рота. Дюков все же не выдержал, дал залп, несколько всадников сбито, тогда раздалось: „В цепи рассыпья“. Цепи двинулись, началась артиллерийская стрельба. Мы все же предполагали, что это лишь демонстрация, а настоящее наступление будет с Хандальской. С полудня штаб назначил семь человек лыжников, пошедших разведкой, горой, где больница, чтобы попробовать выяснить силы. Шли они опушкой леса, их заметили. Раздалось: „Красные окружают. Руби постромки“. **Л. 20об.**

Белые начали отступать. Тогда туда бросились все, даже не участвовавшие в бою. Дали туда силы и с других участков, до этого Дюков сдерживал один. Белые послали в первых цепях мобилизованный молодежь. Мороз 40 градусов, снег по грудь, а наши менялись, обогреваясь в избушках. Окопов не видно. При наших залпах белые бросались в снег и палили не глядя. К сумеркам белые отступили. Нижегородов с отрядом спешился и на подводах двинулся в Хандалу, чтобы перехватить на бакчетском мосту. Но в Хандале ему не дали лошадей, и он опоздал, так как поехали на тасеевских лошадях. Осталось десятка два пленных, оружие, патроны. У нас было убито двое: Шубин Евдоким с Бакчета и смертельно ранен один из Илимской. **Л. 21** Вашкорина взяли в Бакчете, хотели расстрелять в Рождественке, но Мартынов хотел повесить его обязательно в Тасеевой, и Вашкорина при наступлении взяли с собой. В Плотбиной его отбили.

Между первым и вторым боями наши передовые отряды стояли в Тополе, Борках, Канарае. Здесь велась организационная работа, был восстановлен караул, земская управа работала уже, как Совет, ревтрибунал. Председателем ревтрибунала был Пантелеев Евгений Яковлевич (умер в 1923—1924 гг.) с участка Убыс. Члены трибунала менялись. Председателем был в то же время командир Убысинского отряда. **Л. 21об.** (На **Л. 22** схема боя.) К нам прибыл офицер колчаковской армии Лобов Федор Назарович. Его отправили на Западный фронт, он доехал до Канска, нанял женщину (Бровнину), и она привезла его сюда. Часов в 11 вечера приехал Лобов, мы его приняли в штаб. Он заявил:

— Я в армии белых служить больше не могу.

Партизаны не доверяли ему. Мы его держали на глазах, он все просил работу. Мы его поместили в нарсуд секретарем, и он работал до отступления. Боевой офицер, поручик, сын курского крестьянина, с виду Лобов походил на мирного чиновника.

Красильников собрал силы и двинулся на Тасееву. Числа 10 февраля **Л. 22об.** старого стиля штабу донесла разведка, что идет около трех тысяч. Он занял фронт: Хандала, Сухово. Было на этом фронте четыре орудия и два с Лукашинской дороги. Пулеметов было

В.С. Казанцев, командир «серебряной» роты. 1916—1917 гг.

12 или даже 16. Часов в семь (на рассвете) 15 февраля началось наступление. Было выпущено белыми тысяча снарядов (считал Попович, стоя на колокольне). Шел бой с утра до позднего вечера. Патронов было мало, били лишь по верной цели, щадили подводчиков, которых белые посылали подбирать убитых и раненых. Из окопов им кричали:

— Не ходите, а то будем бить без разбора!

После полудня перестали разбирать и в результате привезли к нам двух раненых подводчиков.

Красильников потерял в этом бою около 1500 человек. Увезли большие обозы убитых и **Л. 23** раненых. Много трупов осталось на месте. Из них 35, судя по мундирам, были офицеры. Трупы потом собирали и жгли. Много оружия и патронов было собрано. Армия технически выросла. Взят был пулемет «Максим». Когда белые отступали, наши не выдержали и бросились было в штыки, пришлось их убеждать, так как могли попасть под пулеметный огонь. Отступление началось сразу на всех участках под прикрытием усиленного артиллерийского огня. Сам Красильников удрал вперед всех.

Красильников во время второго боя привез возов двенадцать лыж, поставил своих добровольцев. Вел их хандальский **Л. 23об.** крестьянин Степан Миرونвич Зайков. Мы знали о том, что пробраться в тыл окопов можно в этом месте, и поставили туда команду лыжников под командой Павла Астафьева. Были лучшие стрелки 22—25 человек, засевших в окопе. Едва ли кто ушел из этих лыжников-добровольцев.

Наступило затишье. Партизаны стояли и начали скучать. Павел Астафьев придумал развлечение и предложил штабу, штаб разрешил. Поймали двух рождественских лошадей, бродивших у денисовской поскотины, набили динамитом стаканы от снарядов, собранных вокруг Тасеева (динамиту пудов 150 привезли с приисков), зажгли бикфордов шнур и пустили в Рождественское. **Л. 24** Одна дошла в самое село, другую разорвало близ села. Белые перепугались, били из орудий и пулеметов, а после по каждой лошади, показавшейся с поскотины, открывали пальбу.

После первого боя, в глубоком тылу, на южных приисках, организовал отряд бывший начальник Красноярской тюрьмы, потом горный исправник Вальков. Мы знали, что в Канске силы слабы, сформировали отдельный отряд под командой Дубинского и направили против Валькова. Дубинский имел с вальковским отрядом стычки, но разбить не мог. Тогда пошел Буда, разбил Валькова и взял в плен человек сорок, в их числе был его брат Иннокентий. **Л. 24об.** Вальков из тайги удрал и больше не показывался. Буда привез телефонные аппараты, динамит. Пленных разместили в Тасеевой (до отступления). Использовали на работах вместе с пленными после второго Тасеевского боя. Тех было человек шестьдесят. Был этот поход Буды между первым и вторым боями.

До самой весны серьезных боев не было. Наши части оперировали в тылу белых. Главное командование белых в Красноярске, видя бесполезность нападений на Тасеево, решило, что зимой нападать бесполезно. Это было донесение капитана Мартынова, и он был прав. С апреля стало известно, что окружать будут с Канска, Енисея и Ангары. Тогда ехал к нам Кавуров (верно: Кауров. — Т. К.) с докладом о положении дел на Енисее. Сообщил, что с первыми пароходами из Красноярска в Казачинское под командой капитана **Л. 25** Пономарева приедут белые и оттуда двинутся в Тасеево. С Ангары двинется полковник Роммер (каппелевцы), с Канска — Красильников. Сообщили свой план: зарядить порохом дрова, приготовленные для пароходства, и взорвать котлы. Частично это ему удалось, взрывы были. Отряд Кавурова был человек шестьдесят, помощником его был Добров. Добров был ранен в ногу в бою на Енисее, когда белые вы-

М.И. Попович, учитель, руководитель агитационного отдела Тасеевского фронта. 1919 г.

саживали десант на Енисее. Ранен был и Кавуров. Кавурова положили в больницу, Добров лечь не хотел. Нога разболелась, когда пришлось отступать, Добров покончил самоубийством. Отряд Кавурова организовался на Енисее, около Казачинска. Он его подчинил командованию Тасеевского штаба. **Л. 25об.** После второго боя, в феврале, пришел с Ангары Бабкин с отрядом в 17 человек. Потом подходили еще в одиночку, по двое-трое. Накладов присоединился позже, во время отступления. Был он недолго и снова ушел в тайгу. Хотелось ему играть первую роль.

Когда путем разведки установили, что окружение началось, мы выяснили и их пути. Созывали совещания командиров, объезжали позиции, говорили с партизанами. Об отступлении и слышать не хотели, но не учитывали, что мастерские не смогут снабжать патронами. Штаб настаивал на отступлении. Хандальская, Плотбинская и Суховская дороги были хорошо минированы, так же как и Казачинская. Но была сделана ошибка Павлом Астафьевым. Разведка заметила примятую траву, фельдфебель пошел с наганом на Астафьева, и тому ничего не оставалось, как стрелять. Отряд **Л. 26** Пономарева выстрел услышал, и подготовка была сорвана. Один фугас взорвался, но преждевременно.

Александр Дюков, ранен в голову в Кайтымском бою, потерял слух. 1919—1920 гг.

Красильников занял Хандалу, и в эту ночь бежал из окопов Малашин Василий в Хандалу и сообщил, что дорога минирована. Бывший политссылный, социал-революционер.

Объявили об отступлении, многие жители пошли с нами. Отошли в завод, где предполагали, что сможем удержаться, но оказалось, что это очень трудно. Тогда, через сутки, отступили на Кайтым. В Троицком были приготовлены окопы. Верстах в двенадцати на север от Троицкого были брошены человек двести, и на них шли 2500 человек каппелевцев. Прибыли мы в Троицкий утром и в ночь уже выступили. Мирное население **Л. 26об.** съехалось туда раньше, свозили имущество, скот. Тысячи две голов гнали потом по тайге.

Из завода вышли ночью 20 июня (ст. ст.) Из Тасеевой вышли в тот же день утром. Уходили в сторону Троицкого, а с Хандальской дороги входил Красильников. Прошли в шести верстах от Тасеево, обоз версты на три тянулся. Впереди шла рабочая команда человек сто пятьдесят, прорубили дорогу, стлали гати, мосты. Наша разведка, отряды Рудакова и Нижегородова шли, держа в виду белую разведку, иногда начиналась перестрелка. 21-го ночевали на речке Черной, 22-го вечером прибыли на реку Кайтым, 23-го приступили к рытью окопов, 24-й день прошел спокойно, а 25-го

белые начали наступление; каппелевские отряды прибыли вслед за нами, выйдя на нашу дорогу из Тасеева. **Л. 27**

На правом фланге стояла рота Кулагина, на левой — Халчевского, особый батальон. В окопах расположились остальные отряды. Семьи были в тылу окопов, на самом берегу Кайтыма, в дуге, образуемой рекою. Бой начался после полудня, кончился в половине пятого. Белых было более двух тысяч. У нас было боевых не больше 500 человек, так как часть отрядов осталась в тылу у белых. Нижегородов был послан вверх по Оне за продовольствием. Первое наступление белые повели колоннами. Солдаты были пьяны. Командование не учло, что в середине у нас был поставлен отобранный у них же пулемет. Четыре цепи шли густо, много легло. Но наступление не остановило, только пошли редкими цепями. **Л. 27об.**

На их перевязочном пункте кровь выступала из земли под сапогом. Человек двести осталось убитых на месте. Через Фаначет (в верстах двадцати от места боя) два дня тянулись обозы с убитыми и ранеными. До 1500 человек потеряли белые в этом бою. Под вечером белые отступили в панике. Вернулись на Фаначет и готовились на второй день снова начать наступление, уже с артиллерией. 26-го они послали отряд в обход по другую сторону Кайтыма. К вечеру

наша разведка донесла, что человек триста пошли в тыл. Условлено было, что наступающие будут сигнализировать отряду пушечными выстрелами.

Мы ночью на 27-е отступили в глубь тайги на реку Ону, перешли через Кайтым и верст двадцать пять прошли до Оны, при устье реки Луговой¹⁸. Там **Л. 28** простояли две ночи, приготовили плоты и спустились до устья Кайтыма. Тыловой отряд белых заблудился в тайге. Белые подошли в Кайтыму, начали стрелять из пушки. Часов в девять начальник белых пришел на мельницу и спросил жену мельника, оставшуюся с детьми (муж ушел с нами), сколько убито красных. Она ответила, что 18 человек. Он, как говорят, ударил ее плетью: „Врешь“. Женщина показала ему могилу. Он ее и раскопал, сосчитал убитых. У нас это были не все наши потери, человек шесть было раненых, мы их унесли на носилках. Белые продержались еще дня два-три в Фаначете. Заблудившиеся вернулись. **Л. 28об.**

Когда белые отступили из Фаначета, наши отряды начали продвигаться к Тасеевой в первой половине июля (ст. ст.). Остановились на участке Щекатуровском. Предполагали, что будем зимовать в тайге, принялись строить землянку, один дом, баню, больничный барак, склады и т.д. Михаил Иванович Попович был заведующим лазаретом.

О.И. Телешовский, партизан Северо-Канского фронта. 1919 г.

Шабур П.Е. Горбунова, партизана Северо-Канского фронта. 1919 г. Брат И.Е. Горбунова. Передан в музей в 1931 г.

Тыловые части были брошены по реке Оне на заготовку хлеба. К августу до пяти тысяч пудов было заготовлено, выстроили мельницу. Рабочих рук хватало, мастера были свои. После отступления Лобов был стрелком рядовым; когда партизаны его узнали, после Кайтыма он был избран командиром 4-й роты, потом батальона, был штабным назначен.

Разведка проникла в тыл с целью разделения и разложения частей противника. В сентябре **Л. 29** с Троицкого завода перешла к нам 12-я рота 55-го полка с офицером Гончаровым. Офицер остался у нас. Командовал троицким гарнизоном капитан Сошин. В конце сентября наши начали наступать так решительно, что местные гарнизоны все время требовали подкреплений. Им давали мобилизованных, ненадежное подкрепление. В Канске сил было мало, все были брошены на Западный фронт. Завод отрезали от Тасеево в конце сентября. Сошин пытался вывести гарнизон из завода окольными путями, им отрезали дорогу, гарнизон (180 человек) сдался, обезоружив офицеров. Было это 24 сентября (ст. ст.), 24-го — наши заняли Тасеево. **Л. 29об.** Юдин из Тасеево со своим гарнизоном бежал без боя. Окраины села были сожжены, домов 350—360. Сожжены были Пашина (д. Пашинная. — Т. К.), Заречная, нижняя часть, и Балчуг. Центральная часть сохранилась, так как надо было где-то жить.

В первых числах августа около девяти суток наши части держали тасеевский гарнизон в осаде. Взять тогда не удалось. Заняв Тасеево, мы первым делом мобилизовали население окрестных деревень и успели убрать до снега хлеб. Белые съели и вывезли все запасы, а их оставалось много, тысяч двадцать было в житнице, когда уходили мы в Троицкий завод. **Л. 30** В августе был съезд делегатов на Щекатуровском участке: 1. Яковенко. 2. Лобов. 3. Бабкин. 4. Астафьев. 5. Буда. 6. Черников. 7. Рудаков Ефрем¹⁹.

После отступления, когда сожгли Тасеево, белые распространили воззвания, что добровольно явившиеся будут пощажены. Некоторые поверили, явились, были повешены. Другие, похитрее, сначала разведывали. С организацией Совета это было ликвидировано. **Л. 30об.** С начала восстания трое — Орлов, Топин и сапожник из Шеломков с подписным листом, с купцов взяли 4000 рублей. Лист был от имени штаба. Двух расстреляли, Топина оставили как молодого. Родственники не забыли этого и использовали с целью разложения. Яковенко обвиняли в грубости. На втором съезде пришлось потратить немало сил, чтобы ликвидировать настроения недовольства Яковенко²⁰. Партийной оформленной организации партии не было. Она была сформирована только в ноябре 1919 года в здании, занимаемом трибуналом (теперь РИК)». **Л. 31.**

А. Ларин, разведчик Северо-Канского фронта. 1918—1919 гг.

Д. Апанович, командир Апанского отряда. 1920—1930-е гг.

ДЮКОВ МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ:

«После переворота я был арестован. Около двух недель нас продержали и выпустили (*дальше утрата середины листа*). Был зачислен во 2-ю роту Тасеевского полка. Во время первого боя мы стояли на Хандальской дороге. Когда оказалось, что наступление идет по Плотбинской дороге, нашу роту перебросили к Усолке, к зимнику (зимний путь через речку), **Л. 32** в опушку сосняка. Здесь мы стояли, пока нам не отдали распоряжение занять Плотбино, так как белые отступали. Нас было человек пятьдесят, винтовок было до десятка, у остальных — дробовики, охотничьи. Командир Мякушка (Мякушко) Василий. Винтовка была и у меня из числа закопанных раньше. Мы соединились с Тасеевской 4-й ротой, примерно человек 40—45. Винтовок у них было меньше наших. Дошли до Плотбино (*утрата части листа*) и сразу на ура в деревню. Я вскочил в третью избушку и захватил винтовку. Она и сейчас у меня, только я ее обрезал, вjala при выстрелах. **Л. 32об.**

Белые бежали... Нас ушло в отряды пять братьев. Брат Павел был больной, работал в связи, помогал в мастерской. Братья Василий и Прокопий (моложе меня, тогда семнадцатилетний) были со мной в одной роте. Брат Петр был сначала в лыжной команде под начальством Павла Астафьева (прозван Брусиловым). Позже, после Кайтымского боя, брат Петр был командиром конной разведки. Во втором бою наша рота стояла у суховских ворот. Цепь подходила редкая, все видно, с целью оттянуть силы. **Л. 33** Главный участок боя был по Лукашинской дороге, по нашему участку били из двух орудий, а там — четыре.

Когда белых отбили, наша рота стояла в Тасеево, никуда не ходили. По другим деревням имели схватки исключительно кавалеристы. Когда пришлось отступать, очень хотелось подраться, но стреляли только от больницы, когда белые входили в Тасееву. В заводе мы охраняли дорогу у Черной речки, пока остальные переправились через Усолку. За заводом был бой у кавалеристов кауровского отряда и какой-то нашей части. Бой был у Бобровки. **Л. 33об.**

Бывшие партизаны Северо-Канского фронта (Апанского полка): Бондарев Дмитрий Савельевич, ротный командир Северо-Апанского штаба; Гришненко Матвей Тимофеевич, член Тасеевского штаба; Житов Яков Корнеевич, боец; Мякушко Михаил Савельевич, отряд особого назначения; Нелеченко (?) Сергей Макарович, командир роты; Кузнецов Федор Ананьевич, командир 1-й роты; Кокоулин Василий Осипович, командир Северо-Бакчетского полка; Батурин Трофим Степанович, секретный представитель на съезде от Апанского штаба (вероятно, участник Щекатуровского съезда в августе 1919 г. — Т. К.); Шевченко Алексей Терентьевич, штаб Канского фронта (плохо читается). 1920—1930-е гг. Перечень фамилий партизан приводится без указания, кто и где находится на фотографии.

Мы двинулись от переправы последними, когда в заводе никого не осталось. Первая остановка была в Култукке. Отсюда Павел Астафьев и Егор Евдокимович Абрамов повели нас новой дорогой мимо Тасеевой, кружным путем, на Кайтым. Вышли мы на старую дорогу только в Боерашном. В пути переночевали всего одну ночь, на вторую были в Желватом (перес. уч. Желваты Тасеевской в. Канского у. — Т. К.). Белые нас прихватить не успели, хотя мы и двигались целым обозом, с семьями и скотиной. Штаб от завода предложил было, чтобы семьи спасали своими силами.

На Кайтыме наша рота принимала участие, я отстал со своими двумя товарищами и братом Петром, мы устраивали в тайге за Глинным (д. Глиненная Тасеевской в. — Т. К.) свои семьи. Когда явились на Кайтым, бой уже окончился, мы только белых помогли

жечь. Нашу роту послали под завод разведать положение белых. В роте у нас были **Л. 34** заводские, они налаживали связь с семьями и добывали сведения. Белые были в заводе. Когда мы выполнили свою задачу и шли обратно, на Желватском встретили своих. Штаб и армия продвигались к Боерашному, оставив семьи в тайге.

Вместе с армией мы подались в Боерашное. Отсюда нас выделилось человек десять-двенадцать — охотниками в разведку: Петров Иван, Машуков Иван, Колпаков Дмитрий, мой брат Петр за старшего, Немченко Сергей, Тараканов Прокопий, Тараканов Дмитрий Семенович и я. Остальных не могу вспомнить, или в первый раз только нас и было. Позже наша разведка выросла до полусотни. Шли с нами человек пятнадцать муртинцев из кауровского отряда. Тогда мы **Л. 34об.** залегли в Хандальской поскотине, муртинцы

от нас оторвались и ушли, очевидно, в свои места, Кауров тогда уже умер. В Хандале стояли белые. Мы вернулись назад и сообщили штабу, что видели. Стычки не имели, так как нас сильно встревожил уход муртинцев, поэтому мы поскорее направились к Глинной, разведали, что деревню уже сожгли и белые бывают только наездами.

После этой первой разведки стал пополняться наш отряд, стали мы подбирать коней, и, в конце концов, отряд стал конным. Поручено нам было разведывать на севере, около завода, Яковлевой, Мурмы, а основная стоянка была у Каменного ручья по партизанской дороге от Култука к Боерашному. Устраивали мы засады. Связались с заводом, кое с кем из дружины **Л. 35** связь завели, предложили даже им сдать оружие. Впоследствии 12-я рота перешла к нам целиком, послав 23 человека в другую

роту, чтобы и там провести ту же работу. Но этих выдали, и они были белыми казнены.

Связаны мы были в дружине с двумя братьями Мазунь и другими. Через них и переговоры вели с новобранцами, подготавливая их переходить к нам. Основная засада была у нас у деревни Яковлевой, был бой, захватили винтовок, 12 человек новобранцев сдались, трех-четыре убили. Одного нашего тасеевского новобранца, сдавшегося было в плен, ребята хотели просто побить, а он бежал. Поймал его на мушку Борисов из быстровского отряда, отряд был с нами. И убил его. Белые шли тогда из завода в Тасеево, но от Грязного ручья **Л. 35об.** мы их заставили повернуть. Было это после того, как сдалась рота.

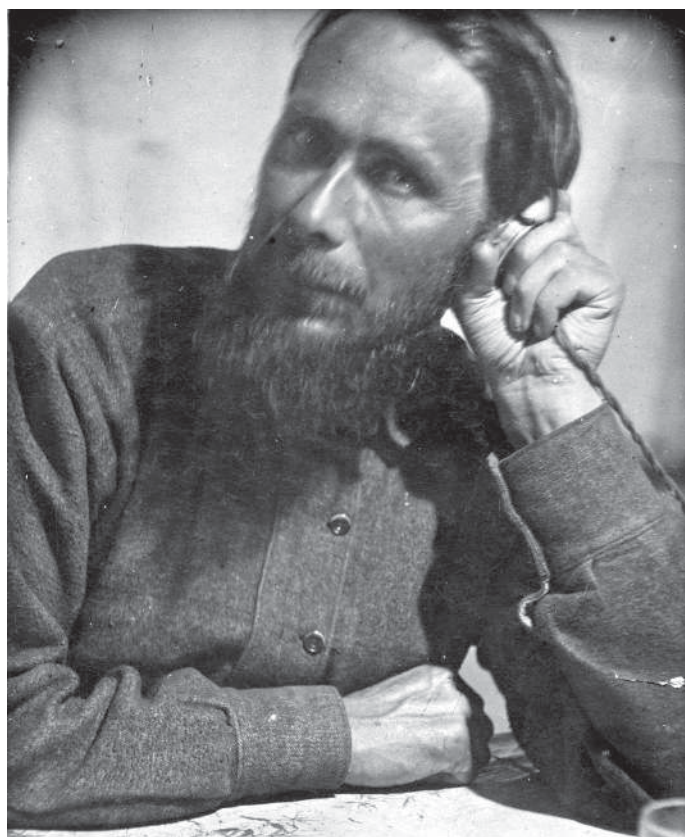
Сообщили нам, что белые хотят сниматься из завода, мы вторую засаду устроили. Шли они обходом по полевой дороге. Пригнали к нам двое дружинников,

Северо-канские партизаны. 1924 г. Постановочная фотография.

М.И. Прохоров, командир 1-го эскадрона 3-го Шеломовского кавалерийского полка с женой. Погиб в Улюкольском бою. Иркутск. Фотография И.А. Фукалова. До 1919 г. *Фотография переснята в 1973 г.*

Т.И. Мордвинов, анархист, один из организаторов кучеровского отряда. На об.: *«Дорогому Косте на долгую память от его батьки. Когда умру, хоть изредка взглядывай на карточку и вспоминай меня. Москва. Слушаю радио. 12 июля 1926».*

сообщили. Мы их догнали на полях, пощипали, назавтра снова бой имели, и нам они сдались, окруженные. Мы в этом бою потеряли двоих: Дюкова Ивана и Федорова Захара. После первой разведки мы участвовали в окружении Тасеевой. Попытались наступать, но вышла неудача. Я и Дюков Иван были откомандированы в другие отряды, не тасеевцев, как знающих местность, чтобы лучше держать связь. На горе около кладбища стояла **Л. 36** 4-я рота под командованием Лобова. Убысинские — за Анискиным ручьем к Лукашинской дороге, на ручье — шеломовцы, у больницы — 1-я рота, 2-я рота стояла на Ерче, штаб — на Плотбинской дороге. Потом штаб перебросился в ельник между Хандаловской и Суховской дорогами. Во всяком случае, там был командующий. Дней шесть-семь держали белых в осаде. После этого они настроили блокгаузов на Ерче, на Лукашинской дороге повырубали ельник близ села, отвечала церковь за блокгауз.

До конца боев стояли в ряде деревень, в Тополе, на Рассольном участке. Когда белые наступали на Топол, наш отряд туда ходил с Бабкиным. Когда мы заняли Тасееву, суховцы организовали целый **Л. 36об.** дивизион, лошадей сто. Этот дивизион сменил нас в Рассольном, а нас вызвали в Борки, где был штаб,

и послали под Топол, который был уже окружен. Нас обстреляли. За нами шел Буда с 3-й ротой. Мы наступали на мостик с нашей дороги, здесь ранили Бабкина, а Ермаков Николай был убит. Белые в этом месте стянули силы, но подошла наша пехота с товарищем Будой, которому сообщили о положении. Едва Буда с пехотой показался, белые отступили и здесь и везде. Топол остался цел, сожгли две-три избы.

Вскоре заняли Рождественское, заняли Канск. Когда шли каппелевцы, меня вызвали в штаб и велели нагрузить обоз с оружием и отправили в Тасееву. Я привез **Л. 37** оружие, здесь были созданы дружины, я организовал конный отряд, человек тридцать. Шли мы на Кайданову, но Федор Астафьев, который командовал здесь, приказал отступить, белых пропустили, а мы ушли к Тасееву. Подошла 3-я рота, мой отряд новый и старый наш отряд, шли за белыми до Ангары; в Зайцево встретили своих, получили здесь распоряжение: части отрядов вернуться, другим преследовать дальше. Отряд брата вернулся, а мой, новый, проследовал до Иркутска. Меня старый отряд упрямил перевести обратно, но в Тасеево меня все же сняли на ликвидацию белогвардейщины. Отряд брата целиком ушел в милицию. **Л. 37об.**

СЕВЕРО-АЧИНСКИЙ ПАРТИЗАНСКИЙ ФРОНТ

Зимой 1918 года рабочий железнодорожных мастерских Е.Т. Марудко организовал в деревне Лапшихе Ачинского уезда вооруженную группу из 60 человек, а 16 декабря, ночью, собрался полуправильный съезд, на котором было решено создать объединенный партизанский отряд из жителей деревень Лапшихи, Нагорной и Красновки. На этом съезде присутствовал и П.Е. Щетинкин, приехавший в Лапшиху под видом солдата Еремина.

После решения о создании отряда Щетинкин ездил по деревням, призывая крестьян готовиться к восстанию. 31 января 1919 года начальнику Енисейского отряда особого назначения генерал-майору С.И. Афанасьеву поступило донесение об агитации против существующей власти штабс-капитана Щетинкина в деревнях Лапшихе, Ольховке, Козловке, Тимонино, Еловке, который организует там же отряд из дезертиров, сочувствующих Совдепу. Они же помогают ему скрываться.

П.Е. Щетинкину удалось организовать вооруженные крестьянские заставы в нескольких деревнях и селах. В деревне Нагорной произошла встреча с В.А. Улановым, отправленным Красноярским губкомом для организации партизанского движения, он принял самое активное участие в создании Северо-Ачинского полка. Начальником отряда был избран П.Е. Щетинкин, помощником В.А. Уланов, начальником хозяйственно-административной части Е.Т. Марудко. Девяносто крестьян, собранных по деревням, разбили на шесть групп по 15 человек в каждой. В таежной деревне Конторино, около которой заканчивалась лесная дорога, приступили к организации тыла. 23 января 1919 года управляющий Енисейской губернией приказал принять все меры для розыска и поимки Щетинкина.

Таким образом, в северной части Енисейского уезда был образован фронт общей численностью около двухсот человек, протяженностью до 30 километров, со штабом в Лапшихе. Было совершено несколько налетов на охрану мостов и станций железной дороги.

14 февраля 1919 года прокурор Иркутской судебной палаты доносил командующему отдельной Восточно-Сибирской армией, что «с 5 января 1919 года в Ачинском уезде Енисейской губернии начала оперировать банда большевиков под командованием бывшего штабс-капитана Щетинкина».

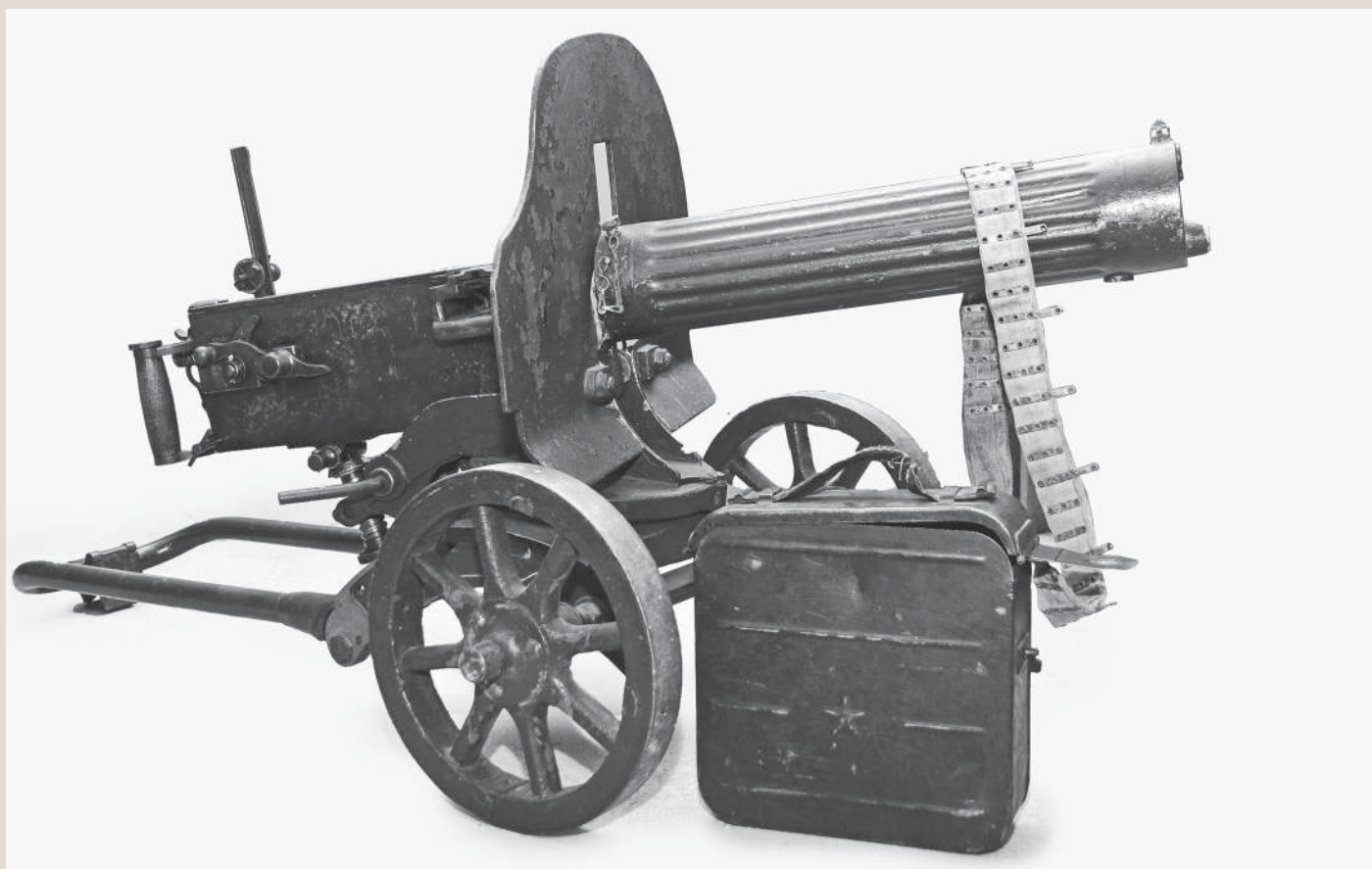
Для подавления повстанцев был отправлен полк белых численностью до шестисот человек по направлению к деревне Ольховке и дальше — на Большой Улуй.

Первой вступила в бой застава Ефременко — 18 человек, затем присоединилось еще двести человек. Вооруженные кто чем, однако зная хорошо местность, партизаны сумели расположить свои силы так, что практически разбили полк. Через два дня удалось отбить налет белых и на деревню Козловку. Вскоре после этих событий в Большом Улуе был собран районный съезд, на который прибыли делегаты девяти волостей. Съезд избрал исполком, в который вошел и П.Е. Щетинкин. Для снабжения партизанского отряда решено было провести самообложение населения для сбора обмундирования и продовольствия, запретить вывоз продуктов в город, установить твердые цены на продукты. К этому времени отряд имел в наличии 450 человек, вооружена была лишь половина отряда.

27 января 1919 года начальник Ачинской уездной милиции направил начальнику Ачинского военного района подполковнику Попову рапорт о действиях «банды» партизан провокационным методом, то под видом Белой гвардии, а то и Советской власти: «Здравомыслящее население относится к ней отрицательно, оказать сопротивление боятся, некоторые находятся в недоумении, некоторые верят и сочувствуют ей. Поэтому необходимо своевременно отправить отряд для подавления повстанческого движения, в противном случае бессилие правительственных войск окажется явным». 3 февраля 1919 года Ачинский уездный воинский начальник в рапорте начальнику Иркутской местной бригады укажет, что «население поддерживает его (Щетинкина) припасами, деньгами, людьми и лошадьми».

В первых числах марта 1919 года отряд Щетинкина перекинулся в Боготольскую волость и поселки, лежащие недалеко от границы Ачинского уезда. К этому времени отряд составлял более тысячи человек. Но уже к середине марта партизаны оказались окружены четырьмя отрядами белых общей численностью около трех тысяч человек, хорошо снабженных оружием. В итоге боев и отступлений отряд оказался в кольце, партизанская территория сузилась до 32 квадратных километров. Горели подожженные казаками деревни. Решалась и судьба партизанского отряда. П.Е. Щетинкин предложил прорываться на соединение с партизанским отрядом на юго-западе Ачинского уезда.

Вышли в ночь на 21 марта 1919 года с большим обозом крестьян-беженцев. Позднее отряд сократился до 650 человек, многие не хотели покидать насиженные места. Отряд под командованием В.А. Уланова и позднее П.Е. Красницкого прорвал

Пулемет «Максим». Россия, Тула (?). 1940-е гг.

кольцо под деревней Коробейниковой, образовав выход. После шума, устроенного на железной дороге близ станции Кретоно, партизанскому отряду удалось перейти дорогу. На всем дальнейшем продвижении происходили стычки с отрядами милиции, разведкой отряда А. А. Сотникова. Во время передвижения узнали, что отряд, на соединение с которым шли, ликвидирован. Приняли решение идти на соединение с повстанческой армией А. Д. Кравченко, отряд выступил в направлении Степного Баджея. 7 апреля пришли в деревню Яново, где выдержали шестичасовой бой с отрядом Сотникова. Заставив белых отойти, отряд двинулся на деревни Улазы, Кому, затем до села Покровского, последнего пункта перед тайгой.

На следующий день отряд направился в тайгу, оставив часть скарба, затруднявшего переход. Вперед была отправлена лыжная разведка для предупреждения А. Д. Кравченко. Перед отрядом шла рота для утаптывания дороги. 17 апреля, пройдя семьсот верст, вышли в Степной Баджей, в тот же день произошла встреча А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. На общем собрании отряд Щетинкина переименовали в Северо-Ачинский партизанский полк, укомплектовав его до полного состава ротами и ба-

тальонами. Командиром полка был избран П. Е. Щетинкин, помощником — В. А. Уланов. Имущество и деньги передавались объединенному Совету Степно-Баджейской армии, раненые передавались в лазарет, беженцы использовались на хозяйственных работах.

4 января 1920 года Северо-Ачинский полк встретится с регулярными частями Красной армии на линии населенных пунктов Ужур — Медведское Ачинского и Красноярского уездов.

Литература

1. Щетинкин П. Е. Партизаны Енисейской губернии в Ачинском уезде // Годы огневые. Красноярск, 1962. С. 151—164.

2. Партизанское движение в Сибири. Т. I. Приенисейский край. М.—Л., 1925. С. 71, 73—74, 76, 78—79.

ПАРТИЗАНСКАЯ АРМИЯ СТЕПНОГО БАДЖЕЯ (ЮЖНО-КАНСКИЙ ФРОНТ)

Степно-Баджейская волость с ее 32 переселенческими поселками занимала левый берег Маны, так называемое Заманье. В 1917 году ряд волостей отказались выполнять требования новой власти — платить подати Временному Сибирскому правительству и давать в армию своих сыновей и мужей, не надеясь на ее длительное существование. Заманье считалось глухим таежным углом, где находили место скрывавшиеся большевики, красногвардейцы Клюквенского и Мариинского фронтов, бывшие советские работники. К тому же в Заманье проживали многочисленные переселенцы из Западного края — латыши, эстонцы, поляки, не считая жителей из других губерний России. С осени 1918 года сюда все чаще стали наведываться отряды милиции, а следом и карательные отряды, пытавшиеся порками принудить крестьян к уплате налогов, поставке солдат и лошадей.

2 декабря 1918 года подпольщики Степного Баджея создали комитет в составе рабочего Н.Т. Толстого, ссыльных Ф.Ф. Грабовского и В.Ф. Рутковского. На волостном съезде был организован отряд во главе с командиром К.П. Лидиным-Пуляевым, начальником штаба Иваном Боганом, который занял Степной Баджей. По свидетельству Александра Диомидовича Кравченко (его псевдоним Конь появился с конца ноября), к нему на хутор явилась группа крестьян Заманья с крестьянином К. Мордасевичем с предложением примкнуть к восстанию. В качестве военспеца Кравченко дал согласие. В декабре 1918 года получила образование повстанческая армия Степного Баджея. Волость была объявлена на осадном положении, избран волостной совет, военный штаб и тыловая дружина. Вскоре создаются штабы и в соседних населенных пунктах. Еще раньше началось повстанческое движение в Перовской волости (с. Перовское в 60 км от Степного Баджея) Канского уезда, где вскоре образовался отряд в 160 человек под командованием М.В. Александра. Следом поднялись села Вершино-Рыбинское, Агинское, Ирбейское.

Первые бои в Заманье произошли в декабре 1918 года под Нарвой и в январе 1919 года у деревни Тюлюп, закончившиеся поражением белых отрядов. Поражением закончились и бои у деревни Ново-Николаевки и села Перовского в первых числах января 1919 года, партизанский скудный арсенал пополнился лошадьми, обмундированием, оружием. Сама природа окрестностей Степного Баджея и Перовского представляла собой естественную крепость, чем и пользовались повстанцы: тайга, глубокие снега зимой.

Незадолго до этих событий, 22 декабря 1918 года, командир Красноярского охранного батальона полковник А.Г. Кодинец телеграммой в адрес иркутского командующего 4-м Восточно-Сибирским корпусом сообщал, что силы красных в Кияйской и Степно-Баджейских волостях Красноярского и Канского уездов насчитывают до тысячи человек, которые хорошо вооружены и организованы. Для ликвидации указанных «банд» необходим сильный отряд пехоты с кавалерией и горной артиллерией.

31 декабря 1918 года енисейский губернский комиссар П.С. Троицкий отправил рапорт (за № 1517) министру внутренних дел с сообщением, что за Маной, в Степно-Баджейской волости, началось движение красных. Зная район восстания, известный скоплением беспокойного элемента за счет латышей и переселенцев, а также дезертиров и скрывавшихся остатков разбитых «банд» (красногвардейцев), комиссар просил канского уездного комиссара обратить особое внимание на Перовскую, Вершино-Рыбинскую и Семеновскую волости, как непосредственно примыкавшие к району Красноярского уезда. Воинский отряд, отправленный в Степно-Баджеский район на усмирение, был расстрелян повстанцами.

К концу зимы 1918 года заманские партизаны контролировали до 14 волостей. 1 марта 1919 года I Армейский съезд в деревне Умбеж объявил о создании Степно-Баджейской советской республики с центром в селе Степной Баджей. В марте 1919 года прошла реорганизация армии. Было выделено четыре полка пехоты: Манский — командир Ф.И. Боган, Канский — М.В. Александров, Тальский — Ф.С. Грибушин и Агинский — Стародубцев, а также эскадрон кавалерии при Канском полку. Полки получали названия по местам формирования. Высшим законодательным органом армии стал Армейский съезд, исполнительным — Армейский совет, главный штаб осуществлял военное руководство, при штабе состоял военно-полевой суд. Командный состав утверждался главным штабом и являлся выборным. В Степном Баджее располагался госпиталь, продовольственный отдел и мастерские для обслуживания армии. Снабжение осуществлялось за счет самообложения населения Канского уезда, пайки получали семьи партизан и те семейства, которые лишились своего хозяйства. Проводилась большая агитация среди населения и правительственных войск через газету «Крестьянская правда» и листовки, печатавшиеся первоначально на печатной машинке. Армия насчитывала 2,7 тысячи штыков, 350 сабель, а также имелась пулеметная рота.

К началу февраля 1919 года Степно-Баджейская армия подошла к линии железной дороги, прерывая сообщения железнодорожного транспорта. В начале апреля из Ачинского уезда на соединение со Степно-Баджейской республикой вышел из тайги партизанский отряд Петра Ефимовича Щетинкина, соединившийся с А. Д. Кравченко в деревне Спирино. Отряд Степного Баджея насчитывал к тому времени около трех тысяч человек. Прибывший отряд П. Е. Щетинкина был назван Северо-Ачинским полком, командиром избран Петр Ефимович. Он также вошел в состав главного штаба и занял должность помощника командующего войсками. В первых числах мая исполком объединенного Совета перевелся в село Вершино-Рыбное с большей частью своих отделов.

В мае положение Степно-Баджейской армии резко ухудшилось после совместного наступления колчаковских войск и интервентов численностью до 12 тысяч человек под командой генерал-лейтенанта С. Н. Розанова. Бой под Нарвой с белыми закончился победой партизан, но истощил число боеприпасов. Партизаны вынуждены были отступить на левый берег Маны. Приказ об отступлении был издан 14 июня 1919 года, 15 июня повстанцы оставили Степной Баджей. Из села эвакуировали госпиталь и партизанские учреждения в глубь тайги по направлению к Минусинску. Предполагалось начать продвижение в Урянхайский край, а далее — вернуться в Минусинский уезд или идти через Монголию на соединение с частями Красной армии Туркестанского фронта. Таким образом, Степно-Баджейская партизанская республика просуществовала семь месяцев и восемь дней.

За партизанами последовала масса беженцев: жены, дети, близкие родственники партизан. Ко времени отступления армия насчитывала 3275 человек, через 60 верст осталось 1370 бойцов и более трех тысяч раненых, беженцев, пленных. Отказалась идти часть Манского и Канского полков, а также Агинский. Раненых укладывали на конные носилки, женщины привязывали детей на спины, несли на руках, и так двигались через тайгу, горы, топи, реки, речки, хороня умерших раненых, детей и стариков. Весь путь составил двести верст. Каратели, войдя в Степной Баджей, выселили семьи партизан в течение трех дней из села, изъяв их земли из сельских наделов, разрешив только убрать урожай; сожгли 10 селений, не считая расправ с населением.

21 июня авангард армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина вошел в Минусинский уезд. Неожиданное появление партизанской армии в уезде, которую считали погибшей, навело панику в городе. У деревни Григорьевки остатки армии

вышли на Усинский тракт, а затем спустились южнее. На реке Ус, у второго парома, Тальский полк выбил заслон белых, и армия перебралась через Ус в Урянхайский край, 18 июля без боя заняла Белоцарск. К городу почти одновременно двигался монгольский отряд, пытаясь захватить Урянхайский край и его коренное население — тувинцев. Через переводчика 8 июля партизанское командование начало вести переговоры с начальником отряда — нойном, сумев установить с ним внешне добрые отношения. 20 июля штаб отправил телеграмму в Ургу с просьбой разрешить пропустить партизанскую армию через Монголию, к границе подтянули госпиталь, чтобы переправить его в первую очередь.

В Урянхае удалось пополнить армию добровольцами из русского населения, захватить имущество казаков, ушедших из Белоцарска. Между тем к Белоцарску приближался отряд есаула Г. К. Бологова. 29 августа, в три часа дня, Бологов начал наступление. Партизанам пришлось оставить город, положение армии сложилось чрезвычайное: отступить было некуда. Ответа на телеграмму в Ургу штаб не дождался. Вечером развернулся ожесточенный бой за Белоцарск, который с трех сторон окружили партизаны. К десяти часам вечера Белоцарск вновь был занят. Нужды отступить в Монголию не было, партизанская армия пошла на Минусинск. После прихода в город армия стала называться Крестьянско-рабочей армией Минусинского фронта под командованием А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина.

Литература

1. Кравченко А. Д. Камарчагский фронт. Красное Заманье // Годы огневые. Красноярск, 1962. С. 129—150.
2. Партизанское движение в Сибири. Т. I. Приенисейский край. М.—Л., 1925. С. 37, 42, 41—45.

ПАРТИЗАНСКИЙ ФРОНТ СТЕПНОГО БАДЖЕЯ

КККМ. О/ф 11913/18Д 10414. Вторая большая экспедиция

(Воспоминания датируются 1933 годом.

По содержанию это первая тетрадь «Второй большой экспедиции» А.К. Фефеловой. Нижняя часть листов повреждена влагой, читаются лишь верхние записи. Треть текстов исписана красными чернилами, угасшими со временем, а также со следами от влаги, трудночитаемые. Приходилось прибегать к сокращениям. — Т. К.)

Станция Клюквенная АКСЕНОВ АЛЕКСАНДР МИТРОФАНОВИЧ

В 1918 году, проживая в деревне Ново-Николаевке, был связан с Перовской подпольной организацией. Помимо Аксенова, с организацией был связан и Максимов. **Л. 5** «В ноябре (*неразборчиво*) я проводил в Ново-Николаевке и в Толстихинском волостные подпольные собрания. В Ново-Николаевке организовал дружину в 42 человека. Собрали оружие: 23 дробовика, одну централку, двухстволку, один наган.

Кравченко с 70 человеками был уже в Перово (Кравченко А.Д. в Перовской подпольной организации участия не принимал, он появился накануне выступления. — Т. К.), а в Ново-Николаевке был у меня полевой штаб. Я поехал в Толстихино проводить закрытое собрание, а в эту ночь Красильников занял Барашкову. Об этом никто не знал. Утром я послал Ивана Маслова в разведку — бедняка-крестьянина к попу за венчиком для умершей якобы дочери. Расписался сам за старосту. Цель была узнать — занято ли Барашково.

Белые оказались и в Толстихиной, взяли Маслова, дали ему до 10 (плетей), он все рассказал им, и они составили список главарей. Я попал в первую голову. Я ждал Маслова до часу дня. В это время у Тихона Хромова родилась дочь, он был за белых. Хотели его убить, но я не позволил. Поехал крестить его дочь. Поп меня знал, но я рассчитывал, что не выдаст. **Л. 5об.** нейтрально держался. У попа было пятеро офицеров. Я попросил крестить ребенка. Поп пошел, у меня — бутылка самогону, мы ее выпили. Поп говорит:

— Удирай скорее.

Когда я вернулся, в Н(ово)-Николаевке были уже получены сведения, что в Барашковой семь человек повесили. Вся моя дружина разбежалась. Я отыскал Максимова Григория, послал с письмом в Перово к Кравченко на хорошем коне. Наутро общее собрание. Просил крестьян вооружиться чем попало, раз-

А.М. Аксенов, помощник заведующего оружейной мастерской. 1919 г.

Дом Г.М. Вильнера в Минусинске. Нач. XX в.

Командный состав армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина: сидят — А. Д. Кравченко, П. Е. Щетинкин (справа); стоят — С. К. Сургуладзе, В. А. Уланов (справа). На об.: «На память тов. Аксенову от Кравченко и Щетинкина и др. Минусинск. 30/VIII 1920 г.».

ведку отразить. Вышли с вилами, долотьями*. Мороз был, и все скоро разбежались. Остался я с семерыми. Вижу, что и разведку нечем отбить. Я послал в Перово. Там мне сообщили, что Кравченко уехал на Семеновку, чтобы в обход зайти в тыл белым. Вслед за Кравченко уехал и мой нарочный Максимов. **Л. 6**

Белые заняли Толстихину и шли на Николаевку. Первый отряд был 250 человек.

Второй отряд шел от Камарчаги через Семеновку. Первый отряд мы разбили наголову, но растратили все патроны. Подпускали на 30—40 шагов — били из дробовиков. Только один Сабаев с амбара снял 14 человек из комсостава. Хороший был стрелок, боевик хороший, а назначили командиром полка и — промахнули, стравил он целый полк.

Подготовились мы отступать в Перово — патроны набивать. Когда я домой забежал, там никого не было: мать, жена, трое детей и сестренка запрягли лошадь и удрали, они знали о списке карательного отряда.

Я говорил крестьянам, чтобы взяли все, все равно все разрушат. Брать никто ничего не посмел, а на другой день остатки первого и второго отрядов заняли деревню. В моем доме устроили штаб. Мобилизовали 30 женщин, нашили из половиков мешки, все выгребли. Хозяйство было выше среднего. **Л. 6об.**

Трое суток гуляли белые в Н(ово)-Николаевке, а мы приготовили патронов по 20 на каждого. Взяли контрибуцию по 200 рублей и по пять мешков овса. В Н(ово)-Николаевке расстреляли председателя Бывшего Якова, пять ребят осталось. У пятерых крестьян осталось 22 человека ребят. Всего было расстреляно 14 человек. Трех повесили на круглых качелях ночью, цепочкой, распустили слух, что повешены Аксенов и Максимов.

Из Н(ово)-Николаевки белые двинулись на село Перово. Там мы их разбили, и ночью обоз около 80 подвод прошел с убитыми и ранеными через Н(ово)-Николаевку. Дострелялись мы опять до последнего патрона. Отступили мы в Солонечно-Талое набивать патроны. Было у нас уже три полка (полками отряды стали называться с марта 1919 г. — Т. К.), Манский, Канский и Тальский. **Л. 7** Были уже организованы и мастерские. Стационарные мастерские были в Баджее, и были походные — в Коях, там набивали патроны, лили пули и починяли оружие. В Баджее делали пистоны и свой порох. Во главе стоял немец Шмидт²¹. Серу брали в окрестностях Баджее, в Зарзибее, Потаниной и на участке Отрядном.

В Солонечно-Талой подготовились. Мне захотелось пробраться к белым, узнать, что у них. Поехали втроем: Коляда Егор (он был позже пойман и казнен вместе с братом), Максимов Григорий и я. Максимов ехал нарочным за Кравченко вслед. Проехал Кой, Сухоной, смело едет в Семеновку. Едет и видит, что стоит караул в желтых полушубках, без погон, с трехлинейками. Он порадовался — трехлинейки достали. Подъехал к площади и увидел офицера в погонах. Волосы дыбом встали. Арестовали его, били. Уперся на своем: военнопленный (он два с половиной года был в плену), сдавал хлеб. Едет за справкой. Исполосовали его, месяц на спину лечь не мог. Но ничего, не выдал. **Л. 7об.** Белые Максимова заперли, а его писарь выпустил и сам скрылся. Приехали мы в Н(ово)-Николаевку ночью. Залетел я к себе во двор — все двери кругом взломаны, ворота настезь. Легче стало, убедился. Думаю, теперь воевать свободнее — пролетаризовался. Жена и дети переезжали с места на место». **Л. 8**

Когда Аксенов был уже в Монголии, нагрязнул в деревню каратель Сметанников, зачитывает список подозреваемых, в первую очередь идет семья Аксенова. Староста рапортует:

* Долотья — скорее всего, долота, плотничьи инструменты для выдалбливания.

Тальский полк. Слева направо: третий — М. Т. Савицкий (?), четвертый — К. М. Логвинов, пятый — А. М. Марченко. Минусинск. 1919 г.

— Аксенов убит в В(ершино)-Рыбном бою, его семья пошла с ним, и слухов нет.

Почему он так сделал? Был в Н(ово)-Николаевке предатель Савкин, его бросили в Баджейскую яму (пещера в трех верстах от Степного Баджея. — Т. К.) вместе с двумя кулаками. Они составили списки, кого повесить, кого расстрелять, кого пороть. Это послужило примером: выдавать не стоит. **Л. 8об.** Выехал я со своего двора, нашел товарищей — Максимова, Коляду, Киреева и узнал, что белые отрезали нам путь. Мы переехали Тасеевку (речку) и выехали на хутор Грохотова, трудовое хозяйство. Мы двое суток сидели в ельнике. Грохотов нам знаки давал: два удара топором, и мы выходили на хутор. Вышли мы в третий раз. Как раз сбегала Горелова, за ней гнались и стреляли. Товарищи в ельник бежали, а я был простужен и бежать не мог. Залез в недавно истопленную печку. Грохотов меня чугуном задвинул. Волосы трещат, жареной людятины запахло уже. Потерял сознание. Грохотов меня вытащил, отлил холодной водой. Болезнь моя прошла.

Решили ехать на Листвяжное, чтобы попасть в Солонечно-Талое. Проехали мы две улицы (из Н(ово)-Николаевки), на третьей увидели свет — штаб **Л. 9**

расположился. Двое часовых стоят рядом, а мы решили, что парень с девкой. Окликнули нас, я повернул лошадь. Мы зигзагами вылетели в ельник. В деревне содом. Добрались до хуторов листвяженских (уч. Листвяжный Кияйской в. — Т. К.). Просили у одного крестьянина разрешить переночевать в бане, не разрешил:

— Каждую ночь разведка ездит. Сами погибнете, меня и семью загубите.

Поехали на М(алый) Имбеж. Мороз 40 градусов. Навстречу обоз. Рассмотрели, что на каждой подводе по одному, значит, подводчики. Вышел я к передней подводе, спрашиваю, кто и откуда.

— Возили в Перово белых.

Мы поехали осторожно в Малый Имбеж. В середине села жили мои родственники. У них на задах баня. Поставили коня, растопили каменку. **Л. 9об.** Я забрался на полоч. Чувствую, нехорошо мне. Хотел повернуться и упал без чувств. Перетащили меня в дом, там отходили. Отправили товарищей с конем в избушку версты за четыре. А для меня выбрали половицы под печью, чтобы спрятаться. Утром — отряд. Около суток я там мерз, начал уже засыпать. Игнат помог выбраться и отправил в избушку. Оттуда все четверо поехали

Церковь в с. Перовском. 1925 г. Фотография А. В. Кудрявцева.

в Солонечно-Талое. Поздно вечером приехали мы в деревню Астафьевку, вырвались из белого кольца. Нас член сельского совета поставил на квартиру, накормили. Суток трое мы не спали, поставили караул. Я наган положил на лавку. **Л. 10**

Часа в три-четыре утра, ночь еще, крик и свет в избе. Открываю глаза — винтовки к груди приставлены. Трое кавалеристов в желтых полушубках, четвертый в дверях стоит. Товарищи лежат, не шевелятся. Спрашивают:

— Какого полка?

Я отвечаю:

— Друзья! Убить нас всегда можете. Разрешите мне документы достать.

Максимов проснулся от крика, вскочил и наутек. В переулке подводы. Максимов спросил подводчика, разузнал и назад:

— Что вы, сволочи, делаете? Свои своих? Мы Канского полка.

Они сперва не поверили, потом разобрались. Это была наша разведка из Солонечно-Талого. За шесть с половиной месяцев было у нас до 70 боев. Когда отступали за Красноярск, сделали собрание. Были у нас шкурники, воевали ради наживы. Комсостав решил очистить армию. Выступали с речами Кравченко и Щетинкин. **Л. 10об.** Армия с 37 человек выросла до 3500 человек. Говорили они о трудном положении, тернистом пути. Идти тайгой, может быть, тысячи верст. Кто трусит, тот может остаться. Но сдать оружие и патроны. В ту же ночь заметили, что собираются кучками, перешептываются. Наполовину разбежалась армия, и ни одной винтовки, ни одного патрона сдано не было. Когда проверили оставшихся, Кравченко и Щетинкин сказали:

теперь остались надежные. **Л. 11** Переизбрали комсостав. Меня назначили помощником заведующего армейскими оружейными мастерскими, а заведующего назначил Кравченко — Курченко. Он одурачил Кравченко, его разоблачили окончательно только в 1926 или 1927 году.

В Минусинске в вильнеровском²² доме я выломал внизу все двери и устроил большой цех, семь токарных по металлу станков. Устроили свой бомбомет, но не кончили, соединились с Красной армией. Снаряды свои делали. Были двое с Путиловского завода. Моим помощником по технической части был Смоленский. Всего было 13 отделов, 550 рабочих. Мастерские снабжали 37-тысячную армию». **Л. 11об.**

Барашково, переселенческий участок. 19 июля БОЧАРОВ СОКРАТ МИХАЙЛОВИЧ

В партизанский отряд вступил в апреле 1919 года после прихода П. Е. Щетинкина, считался в Канском полку в особой команде разведчиков-проводников. Первый бой имел в Семеновке. Часа два держали бой, был ранен в бедро, пуля и сейчас там сидит.

«Бились ожесточенно, в упор. Раненый я ушел до Семеновки. По нам крыли из двух орудий и семи пулеметов. Товарищи помогли перелезть через поскотину. Было это в конце апреля. **Л. 12** Пролетал я там много. Путь отступления я проделал верхом. Подъезжая к Белоцарску, я выписался из лазарета. Еще слабый, я перегонял скот через Енисей, сорвался, простудился и заболел тифом. При Армейском совете я был агентом по закупке скота. В Минусинске я был назначен заведовать устройством инвалидов.

До ранения под Семеновкой был я в налетах на эшелоны. Первый брали, кажется, броневик в Косогоре. Утром, часов в шесть (снегу уже не было), разобрали рельсы в выемке на выходе к казарме. Старшего в казарме упрятали в подполье, телефон **Л. 12об.** перерезали. Было нас 150 человек или около того, под командой, кажется, Волкова из Ачинского полка. Около моста, мы знали, стояла чешская охрана, 250 человек. Идет броневик и впереди две платформы пустые толкает. На второй платформе — чех, унтер-офицер или офицер, с биноклем. Платформы на разобранных рельсах загремели, броневик в обратный ход. Нас, человек с десяток, враз в передового выстрелили, я тоже в него целил. Слетел он. С броневика стали бить четыре пулемета, только без толку. Из двух орудий начали стрелять по деревне Луковой, когда броневик отошел к мосту. Мы забросали броневик гранатами. Хотелось нам захватить пулеметы, да не пришлось. С охраной моста они пошли на нас цепью, перестрелку держали около часу или меньше того. Потом мы отступили.

Второй налет был под командой Уланова на 883-й версте (ближе от блокпоста к Клюквенной). Тоже утром, часов в восемь-девять. Залегли мы еще затемно. Путь разобрали, телефон в казарме обрезали. Шел наблюдательный паровоз с разведкой. На паровозе был один чех. Паровоз слетел с насыпи, чеха убили, а кочегар и машинист с нами ушли». **Л. 13**

Перовское. Июль **АЛЕКСАНДРОВА НАТАЛЬЯ ГАВРИЛОВНА:**

«С 1918 года я уже стала разбираться немного и в политике. Были у нас тайные собрания в березняке по Койской дороге. Я на собрания эти не ходила, но знала обо всем. Был избран президиум, мой муж — председатель, Петров — секретарь, третий был Вася Саломатов. Была связь с политссыльными.

Осенью стали собираться у Исакова, Демьяна Потылицина (расстрелян, лежит в братской могиле), у Петрова. В ноябре я родила девочку, 26-го устроили крестины, собрались все, от нас пошли на спектакль, где уже говорили в открытую. Послали к Давиду Николаевичу Клокунову, на заимку, ездил Халявин Тихон Сергеевич, привез винтовку и патроны. Началась подготовка, продолжалась с месяца.

Числа 23-го декабря, после первого Перовского боя, отступили в Стойбу, Иннокентьевку и в Агинское. Муж мне велел ехать, у меня девчонке три недели. Не хотелось мне ехать, но пришлось, уехала при начале боя. **Л. 24об.** Вернулась я в Перово только на Масленой, жить в Перово было опасно, наезжала белая разведка.

Муж застрелился в конце мая (ст. ст.), числа 28-го или 29-го хоронили. Нервничал он много, рисковал,

все говорил, что его жизнь на карте и спасать ее он не думает. Застрелился пьяный. Обстановка была тяжелой. Во время боев два раза лошадь под ним убивало. Жила я во время смерти мужа в Перово²³. Тут осталась и после отступления, хотя и знала, что мало мне не будет. Но куда с ребенком в тайгу? Петров и Елисеенко посоветовали остаться. Мне еще муж говорил, что на офицерском собрании в Семеновке было постановлено искоренить всю семью. Но у меня еще жива была слепая мать, сыну Мише — двенадцать, Шуре — семь месяцев. Осталась.

Едва партизаны отступили, каратели въехали, Красильниковский отряд. Меня сразу же арестовали, повели с ребенком на руках, Миша рядом. Привели на площадь, на телегу зарубленных партизан складывают, кровь бежит по земле. Меня Красильников допрашивать начал. Мысли скачут, как спастись. Выходит он:

— Ты жена Александрова? Возьмите у ней малютку с рук. **Л. 25**

— Разрешите сказать слово.

Он в десяти саженьях, возле меня четверо с саблями наголо. Мужиков всех собрали. Был у нас один старичок, Михаил Гагаркин, кум мой, все меня до этого успокаивал, он тут же.

— Говори.

— Хотя Александров был мой муж, но я его не считала мужем. Спросите у общества.

Миша рядом, справа, зубы щелкают. Мужики все в поту стоят, смотрят. Красильников пошел к мужикам. Гагаркин говорит:

— Подлец он был, у него жен было много.

— Становись в затылок. За укрывательство пятого драть.

Поднялся галдеж. Кто кричит:

— Пусть ей лучше голову снимут!

Другие оправдываются:

— Я в плену был, только вернулся.

— Я ничего не знаю.

Махнул рукой Красильников:

— Черт с ней, отпустите.

Отпустили меня и мужиков драть не стали. Миша убежал, его Гагаркин на пашню увез, там и держал. Дня через три приехала дружина из В(ершино)-Рыбной, казачи с ними. **Л. 25об.** Поймали меня во дворе, пришла ребенка кормить. Повели в земскую, разложили. Бьют плетями, приговаривают:

— Вот тебе свобода! Вот тебе идея! Товарищи, вперед!

Били Кубасов и Коростелев, а офицер Чуриков держал наган над головой. На два раза били, 25 дали, опять взялись, я уже не вижу ничего. Затолкали под лавку, слышу:

Оружейная мастерская армии Степного Баджея. 1924 г. Постановочная фотография.

— Повезти ее в Рыбную.

Груню Петрову привели. Обуздали ее удилами, дергают. Я попросилась с девочкой проститься. Кто-то один говорит:

— Черт с ней, пусть идет.

Пошла я, покормила ребенка, сказала матери, что меня побили. Хотела отравиться — нечем. Побежала к речке. Саломатова Прасковья окликнула меня, посоветовала под амбар залезть. Ребятишки заглядывают, кобель лает. Вижу — казаки во двор въезжают. Думала, меня ищут, а оказалось, что уезжают. Один под амбар залез, чуть я не крикнула. Оказалось, оправиться. Пришла я домой вечером, ни встать, ни сесть, ни ребенка взять на руки. Рука болит, во дворе, когда брали меня, перешибли.

Скрывалась я, летом по пашням **Л. 26** бродила. Зимой дома жить пришлось. Чехи у нас стояли. Раз чех сидит и говорит (перед Рождеством уже дело было):

— Скоро ваши красные придут.

— Да они, гады, еще живы? Я думаю, их всех перебили.

Так скрывались, прятались, а дело не бросали. Газеты ли добудем — в кусты. Хлеб, масло, мясо — туда же. Ямщиков Василий Федорович в Клюквенной (участник Ленских событий) держал связь с Красноярском, через него получали баббит, патроны и другие припасы. Отсюда ездили Гагаркин и сама Анна Васильевна, невестка его (оба умерли). Я носила кличку «Гусыня», Граня Саломатова — «Птичка». Василия Федоровича «Тараканом» звали. Партизаны приезжали сюда (за) связью. Дождались, наконец, своих. Радовались не знаю уж как». **Л. 26об.**

Верхне-Рыбинская. 26 июля СИДОРОВ НИКОН ГАВРИЛОВИЧ

Говорили, что за Маной восстали, но никто не поверил, решили послать делегатов. «Поехал я и Федор Хандогин. На горе, в пути, встретили Сабаева, он нам рассказал все. Приехали мы в Кой, там у них столовая, поели мы, спрашиваем, где войско. Говорят, в боях на линии. Посоветовались с Федором, понравилась

нам эта заварушка, поехали обратно. Приезжаем, а наши космачи уж все бумаги подписали, нам и пояснять некому и нечего. Это все латыши понаделали, **Л. 31об.** Ванька Клявин, Янпавль (верно: Ян (Александр) Пауль. — Т. К.) и третий незнакомый. Еще до них у нас было трое подозрительных секретарей. Имен, к сожалению, не знаю, а надо бы их, псов, записать. Они все и наделали, а мы тут ни при чем. Затащили и меня в коноваловский дом, штаб партизанский. Недоволен я был тем, что космачей там наших было много и меня втянули. Обсудили там дело, назначили в хохловскую (переселенцы из Малороссии. — Т. К.) сторону (в Переяславку) одних — Юрченко и Карнаухова, а меня с Малышевой (Малышева Варвара Александровна. — Т. К.) в Агинское. Юрченко и Карнаухов поехали, да не доехали, наврали, что трупы понавалены, живых нет.

Агинцы собрали собрание, согласились восстать, дали нам одного человека, послали нас в Ирбей. В Ирбее заехали к Коновалову, заведовал он кооперацией, пошел против нас. Мы на базар. Малышева агитировать собралась. А в Ирбее уже 40 человек дружина образована. Я Малышеву к фельдшеру послал, этого фельдшера послал разыскать агинского связчика. Привели его, я их обоих не отпускаю от себя, я уже разведку через своих сослуживцев-фронтовиков навел и вижу, что дело худо.

Вывезли нас из Ирбея ночью, в коробу, дохи наши так и остались и фунт свечей стеариновых. **Л. 32** Привезли нас в деревню Замельную, верст восемь. Там были Курганский, Грибушин, Жестиков²⁴, человек семьдесят вооруженных. Не знали они, куда им податься, а сами уже начеку. Тут мы собрание провели. Собирались они на Ирбей, а я отговорил, рассказал, что Коновалов еще поддержку запросил. Поехал в разведку Грибушин, взял лучшую лошадь и к Коновалову. Вызвал его: „Руки вверх“. Тот руки поднял, стоит, крикнул, чтоб дохи и свечи вынесли. Грибушин пригрозил и поехал к фельдшеру, наше письмо отвез. Тот пишет в ответ, что двести бомб можно достать у жидка одного. Но денег у нас не было, а надо было за них платить. Взяли ли их потом, не знаю. Письмо мы прочли на сходе.

Назавтра мы выехали вместе с отрядом в Тальское. Там разоружили верхушку. Там нам уже открытые листы написали, поскольку волость мы захватили. наших отрядников подпоили, часть поразъехалась, а тут нас опять поприжали, лошадей не дают. Едем — баба навстречу, нашего агинского связчика ищет. Сообщила, что войска идут, что **Л. 32об.** агинцы уже против пошли. В Агинске было задержали лошадей, не дают. Но все-таки выбрались домой. А тут вскоре наступление, пришлось нам в Кой отступить.

Вернувшись, мы доложили, как дела обстоят. Дня через три штаб уже в Кой отступил, были в штабе: Сидоров, Русакевич (председатель), Алешин, Петлин, Хандогин Федор, Давыдкин Николай, Васекин Александр, Косов Степан, Габьев Карп, Дорогобуш Семен, Чуриков Ефим Васильевич, Давыдкин Матвей, Юрченко, Салато, Босенко Сергей, Бородач Иван, Титков Захар (комиссар юстиции). Эти люди заготавливали все необходимое для повстанцев. Была здесь и Малышева (она у нас учительницей работала).

Удрал штаб в Кой. Прислал Кравченко пулемет, 37 человек подкрепления, велел отряд организовать. Собрали мы отряд, штаб выбрали из четверых: Бабичев из Выезжего — командир, Турбаков — комендантом, я в штабе был, Иванов Арсений. Поехали на Алдарак, оттуда на Осиновое и Ирбей, там отряд уже разросся до двухсот человек. В Торбаше (верно: с. Тырбыш (Ивановское) Ирбейской в. Канского у. — Т. К.) заседание сделали, послали 250 человек взять Агинское. Нас в Торбаше уже до трехсот человек собралось. Нам с Кулижной сообщают, что там белые вешают и расстреливают. А я в штабе один. Послал ординарца — нет ответа. Снялся я, **Л. 33** переехал ближе к Кулижной, народ подобрался, часть отряда вернулась. В Кулижной захватили мы 80 белых. Захватили у нас белые Соломенникова, Бориса Абазина и казнили в Талой.

Послали в Шудрову, в станицу, и оттуда на Кой. Наступили через ночь на Талое. Я тогда ноги подморозил, и меня оставили дома, я без ног и белых встретил. Пробовали белые на нас наступать в Талом, мы их отбили. Перед отправлением партизан был сход, старики кричали, что партизаны их стравить хотят, бросают. Партизаны меня так и оставили старостой. Перед великим Николой белые пришли, и пришлось мне при них работать, деревню отстаивать, отстояли, не сожгли нашу деревню. А дома было назначено сжечь. Я ездил в земскую управу в Канск к Степанову, добились разрешения не трогать домов²⁵. Каратели были здесь Смирнова, полковника Розанова и Красильникова. От Розанова деревню и отстояли». **Л. 33об.**

Вершино-Рыбинское (Вершино-Рыбное).

26 июля

ГАБЬЕВ КАРП МИХАЙЛОВИЧ:

«В январе 1919 года попал в партизаны. Приехал к нам Кравченко, мы с братом Матвеем вступили в отряд. Брат во время наступления партизан на Ирбей попал в руки белых и был сожжен живым. Я сначала был рядовым, потом командиром взвода, потом членом полкового совета в Канском полку, позже —

в Армейском совете. Сначала на моих руках было продовольственное дело, а на Умбежском съезде²⁶ был избран товарищем председателя Армсовета — Сургуладзе. До отступления работал. Был я брошен для выгрузки хлеба из В(ершино)-Рыбинского. Провозился я с этим делом, развозил по тайге остатки, и в Кои не попал, попал в тайгу.

Мне было предложено из Ирбея выгрузить медикаменты и два кожзавода. Поехал я и Турбаков, доехали до Тальского. С нами две роты. Здесь сделали заседание и решили попасть на Приреченск. **Л. 34об.** Тут встретили мы отряд Савицкого²⁷, организовал отряд Жестиков, но выдвинули командиром Савицкого как более боевого, а Жестикова сделали помощником. Назначили Жестикову наступать с правой стороны Кана на деревню Ирбей, бить по Приречинной и Ирбею, чтобы отвлечь силы, а мы в то время должны были занять деревни. До пяти утра Жестиков боя не начал, а назначил с трех. Савицкий открыл огонь, вступили в Приречину, Савицкий с двумя бомбами бросился к белому штабу и бросил бомбы. Штаб разбежался. В это время аргазинского (д. Аргаза) Гуляева Сидора ранили в грудь навывлет. Подобрал я его, уложил в сани, отправил в Агинское.

К нам проскочил ординарец и сообщил, что лыжная команда ирбейской дружины обходит нас с двух сторон. Савицкий скомандовал отступить, отступили на Агинское. Жестиков услышал бой, бросился на помощь, нас уже не захватил, держал бой, потерял 18—20 человек и отступил. Ни Ирбей, ни Приречину взять не могли. Вывезти не пришлось ни медикаменты, ни кожи. После этого отряд Савицкого был оформлен (был оформлен еще до этих боев. — Т. К.). После ранения Савицкого отряд влился в наш — и образовался Тальский полк.

Приблизительно в феврале (я уехал, заставив Савицкого сдать центральные мастерские) приходил Александров (М. В. Александров. — Т. К.) в Армсовет, **Л. 35** штабники были тут, в Шало, просит разрешение выехать в Семеновку, где, по сведениям разведки, стояли 80 гусар. Хотел переловить и поживиться. Кравченко возражал, что из Шало живо передадут белым об отъезде Канского полка, но Александров настоял. Поехал и переловил всех. Часов в 12 ночи Кравченко говорит:

— Уже сообщено белым. В три они встанут, в четыре погрузятся, в час дойдут, обойдут нас, и часу в седьмом будет бой.

Лег спать. Утром я встал раньше, потом Кравченко встал, говорит:

— Сейчас бой начнется.

В это время орудийный выстрел. Белые обошли. Офицерская рота с нашего правого фланга, по ель-

нику, к В(ерхне)-Есаульской (станция). За ельником, на горе, пулемет. Кравченко распорядился не отступать ни шагу, ждать Александрова. Батарея была по улице, где стоял Кравченко. Ординарцы скакали из разных концов и получали один приказ: держаться. Я забрал дела Армейского совета, вышел на улицу, где выезжал Григорий Шаклеин. Спрашиваю:

— Все отступают?

— Все.

Я сел и поехал, за Шало уже **Л. 35об.** узнал, что отступает обоз Канского полка. Пришлось мне вернуться обратно, бросился к Кравченко, сказал, что замечена мной телефонная связь между правым нашим флангом и батареей (на правом фланге, над ельником, белый пулемет). Кравченко ответил:

— На черта!

В это время снаряд бахнул в трех саженях около завалинки, но не разорвался. Подъехал ординарец, сообщает, что белые прорвали фронт.

— Планомерное отступление!

Над головой разорвалась шрапнель, затем пули. Вырвалась офицерская рота и начала стрелять разрывными пулями. Кравченко бросился в раскрытые ворота, я по улице. Меня нагнал казначей Говоруша, взял меня на подводу и передал вожжи. На главную дорогу к Карымке мы не попали, а поехали возле гумен, где и отступала главная сила Тальского полка. Попали сани в раскат, вылетели мы, я сажень восемьдесят тащился, вся морда была сорвана, а оторваться от саней нельзя, подвод тридцать-сорок отступали, затоптали бы. Пулемет с горы стал обстреливать отступавших, но был выше, и потерь не было. Приехали в Карымку, а я дальше, в Сосновку, где стоял обоз Канского полка. Попросил я себе шапку у завобозом т. Карпова. Дал он мне поповскую скуфью, и я поехал в Карымку обратно, где встретил председателя Совета Сургуладзе. **Л. 36** Он спрашивает, где Кравченко. Я сказал, что он в Шало бросился во двор и больше я его не видел. Сургуладзе говорит партизанам, что хоть труп Кравченко надо отобрать у белых. Сгруппировались партизаны и пошли на Шало.

У Кравченко во дворе стоит лошадь с кучером. Он выехал в задние ворота и уехал в Кубеинскую, где стоял Манский полк. Он снял полк и поехал на Шало с пулеметом выручать тальцев. Он думал, что все попали в плен. Александров услышал бой и из Семеновки бросился на помощь тальцам, не зная, что они отступили. С полчаса один держал бой. Убили под ним серого коня, отобранного у гусар. Белая разведка донесла штабу, что партизаны окружили, и белые отступили на Камарчагу. Вступили партизаны в Шало, один партизан обнаружил боеприпасы — 12 тысяч

патронов и трехлинейки, два ящика шомпольных бомб и ящик пироксилину. Забрали патроны, звали с собой крестьянина, у которого их нашли, но он не поехал, а мы отступили на Нарву. Три дня белых не было, потом явилась разведка — и сразу туда, где оставили патроны. Хозяин сказал, что партизаны забрали. Хозяина повесили на воротах, осталось пять малышей». **Л. 36об.**

Участок Отрадный. 1 августа ЗЕЛЕНОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ:

«Обязанностью военного отдела было снабжение армии боеприпасами, хлебом, подводами, людьми и т.д. Работал я до самого отступления. Манцы настаивали на борьбе до последнего, канцы и ачинцы говорили:

— Черт с вашим черным хлебом!

Раскол был, но группировок не было. Разработанного плана отступления не было²⁸. Не говорил ничего и Кравченко. К отступлению ничего не было приготовлено. Кравченко сильно пил тогда. Уланов его долго вызывал в Нарву на фронт, но он не ехал. Никто не знал, когда будут отступать. Возможно, об этом знал Щетинкин. Кравченко сказал:

— Кто хочет, может идти с нами. Больные и слабые могут оставаться.

Я остался в Баджее. Пришел я в главный штаб, где был Логвинов, и сказал, что я болен и идти с отрядом не могу. Логвинов дал мне пачку паспортных бланков, предложил было дробы, но мне не на чем было увезти. Помощником у меня был Ковалев. Мы с ним сожгли ряд документов, остальные я отдал Скромкину (он сейчас в Кияе). Мне предложили доху, но я отказался. Идти неизвестно куда не мог. Скрывался в тайге до декабря». **Л. 40**

Реконструктивный. 5 августа ВЛАДИМИРОВ ИОСИФ ФЕДОРОВИЧ

(с таким названием населенного пункта нет; скорее всего, опрашиваются одновременно несколько бывших партизан участка Отрадного, т. е. реконструируются события)

Нагрязнул карательный отряд Бабушкина, расстреляли отца Плеханова, уехали в Денисовку, там Быстрова расстреляли. **Л. 44об.** Автор воспоминаний в это время состоял в лавке Общества потребителей²⁹ приказчиком. «В лавку ходили и рядовые, и офицеры. Собирается Красильников ехать в Рождественскую. Спрашивает меня Красильников:

— Чем, по-твоему, кончится эта война? Кто победит?

— И так видно. Здесь армия, а там сброд. Переловят их, как зайцев.

— Вот это верно.

Задержали меня до вечера обратно везти (возил Красильникова в Рождественское). Вывели Красильникова и адъютанта под руки — пьяные. Окликают пост:

— Пропуск!

Адъютант голову поднял:

— Граната.

Еду, поглядываю, эх, как бы наши. До Денисовки пьяных и сонных можно было свернуть и увезти. Казаки сзади ехали. После Денисовки отстали, свернуть некуда. И разведки не было. Так и довез до места. Потом ездил в город, товару купил. В Рождественское не пропускают. Подговорил Малышева Корнила товар увезти. Красильникову печенье продал. Пропуск дали, проехал порожняком. **Л. 45**

Приехал, говорю, что мелочь осталась. Красильников разрешает, комендант не дает. Про красных спрашивает. Комендант меня шпионом обозвал, но пропуск выдал. Тут уж я разыграл обиженного. По лошадям и вперед. Кричали вслед, но не стреляли. Утром приходит девушка. Она меня предупреждает: больше ты в Рождественскую не ездь. **Л. 45об.** Сдал все (в лавке) и в отряд. Со мной еще двое пошли — Владимирова, Федор Устинович и Федор Егорович. Пошли мы в лыжный отряд Астафьева. Федор Егорович так и не смог стрелять научиться и винтовку бросил. Так его дома и оставили. Ходил на лыжах до весны. Все старались больше следов наследить, панику наводили.

Связи с Рождественским не было, позже установили с двумя татарами. Летом стояли в Тополе, держали караул у моста близ Денисовки. В июне заняли Шеломки, оттуда шли, занимая участки, к Тайне. Нашли наших трех, зарубленных. Шли на Шеломки с Улюколя. Пришли на Улюколь, с нами койская разведка **Л. 46** Дюкова, была пехотная часть. Ночью слышали стрельбу под Шеломками. Чехи пытались через мельницу пройти, а там шесть человек застава. Прошли мы на Рассольный, узнали, что не пустили в Шеломки. После этого пришлось отступать к Тасеевой. Я получил отпуск и вернулся только к Кайтымскому бою. Семью я привез на Кайтым.

Когда уже вышли из тайги, семьи отвезли в Колон, и там они белым попались. А мы с Федором Устиновичем отбились и недели две кустами шли на конях. Тут я и попал к белым в лапы — к отцу пришел, ночевать остался. А ночью 55-й полк грянул. Я сидел в задней половине. Утром, когда белые выходили, я перебрался через речку — и к своим. А тут белый отряд был недалеко, грозил сжечь деревню, но оста-

С. П. Давыдов, пулеметчик армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. 1914 г. Дофронтная фотография.

вили до первого случая. Я разговоры 55-го слышал, что они красных не боятся, смогут и перейти. Сказал об этом нашим, решили напасть.

Был каратель Юдин, он пытал наших, завинчивал головы между досками. Этот Юдин послал нижегородцам письмо, предлагая перейти к ним. **Л. 46об.** Мы ему ответ написали, предлагая на вещи пошире взглянуть и перейти к нам. После ходили слухи, что за поимку командира отряда живьем Юдин обещал кусок золота с конскую голову. В Топольском бою завоевал я себе коня и остался в нижегородовском отряде. До этого был пешим в астафьевском. С августа по ноябрь много дела было. Наша разведка после Покрова возле Суховки (В(ерхне)-Танайское) с белыми встретилась. Получили сведения, что из Рождественской обоз идет. Взводный у нас Шатров Василий, был со мной Александр Кренц. Еще затемно выехали, собаки лают. Растянулись цепью, проехали немного — свист. Задержали лошадей. Мы было назад, из-за поскотины кроют. Они, обоз защищая, залегли по по-

скотине. Нас с двух сторон взяли. Мы в сторону. Под Кренцем лошадь подбили. Сняли мы седла, сами в ложок — и в Курай. **Л. 47**

А там выстрелы слышали и приготовляться. Поехали по белым следам, соединились с другими частями, устроили засаду. Половина нашей части преследовала белых. Но мы вынуждены были отступить. Стали мы оперировать по дороге к Поповичам. Хотели в Поповичах захватить оружие и коней милиции. Мы в военной форме с погонями. Панику там навели, захватили одного живым, убили кой-кого, захватили лошадей. У пленного разведали о пулеметах и патронах. Пленный чех ездил с отрядом до холмов, когда пришлось его в тыл отправить. **Л. 47об.** На озере Улюколь был бой. Белые по озеру цепями, Чекмарев их из пулемета. Они кричат:

— Из нашего пулемета нас бьешь!

Он кричит:

— Не подходи!

Не выдержали белые пулеметного огня и отвалили. Человек 50 белых сдались. 12 человек у нас убили здесь и 13 ранили.

Была у нас организована школа командиров, я был послан туда, в Тасееву. Вскоре наша инструкторская рота пошла в Енисейск, который мы и заняли». **Л. 48**

Реконструктивный. 5 августа МИХАЙЛОВ ИВАН ЕФРЕМОВИЧ и СЫСОЕВ ГАВРИИЛ ИВАНОВИЧ

СЫСОЕВ:

«После Толстихинского боя я был комендантом штаба. Когда был приказ наступать на Клюквенную, надо было припасти пятьсот подвод. Подо мной споткнулась лошадь, и я вывихнул руку. Дня четыре ходил с подвязанной. Было некогда, застрелился Александров, Сабаев принимал полк. Меня отпустили в Кой полечиться. Рука затекла, сам уже ходить не могу. Один из наших койских, Макаренко, руку вправил. Минут двадцать я был без сознания, а когда очнулся, в деревне паника — отступление началось. Вот почему я не попал со всеми при отступлении. **Л. 48об.**

Шла борьба за лошадей, отец отстаивал лошадь для меня, ребята, увидев мою подвязанную руку, протестовали. Чтобы я отступал со всеми, отец по их совету свез меня в Борель, свалил в ельнике. Ночью волки воют, сверкают глазами. Окружат цепью, их штук пятнадцать-двадцать. Волосы дыбом. Потом я осмелел, стал бросать головнями. Дней пятнадцать так жил один. Потом пришел ко мне один, другой, веселее стало. Стали выходить иногда. Однажды идет знакомый крестьянин:

— Куда ты? Там разгром, чехи приехали, порют третьего, девять человек взяли, отца твоего увезли. Расстреляют, может.

Я таки пробрался домой, но едва вошел, окружили двор. Я в стайку, подтянулся, на слуги залег. Не нашли, а спички черкали. Уехали. Я с матерью сговорился, чтоб узнала, жив ли отец. Я ждал каждую ночь на кладбище — две ночи ночевал. Мать вести привезла — жив отец, сидит в вагоне, ночью выводят по три-пять человек, расстреливают.

Подались мы за Ману. Восемь человек построили барак за Кожелаком. Мне домой было нельзя, каждую ночь облавы. Раз вышли за продуктами. Из-за горы шум — казаки скачут. **Л. 49** Окружили по ошибке соседний двор. Мы к соседу, они наш двор охватили. Мы дальше, через дворы и к речке. Лисенко Евлампий — парень здоровый, плавать умеет. А я и плавать не умею. Он бежит впереди, раздевается, я тоже. Он бродни скинул, узел на плечи и поплыл. Я тоже узел на плечи и пошел. Сажень десять речка, а по дну перешел сажень десять вгорячах. Осень, холод. Посидели, у меня все мокрое. Отряд разделился, один уехал назад, оставшиеся ездят, поют. Забрались в Борель, в берестяную юрту, заснули. Приехал крестьянин, юрту открыл, а солнце яркое. Я взглянул и заорал:

— Юрта горит!

Пробрались за Ману снова, сошлась целая группа. Надо было дойти до Кожелак за картошкой. Пал черед мне и Матвею Вергилесову. Подошли мы ранним утром, в крайнем огороде еще картошка не выкопана, но хозяин, старик, разрешил. Копаемся мы, слышим:

— Хозяин, хозяин!

Оглянулись, чех винтовку с плеч снимает. А дальше целый эскадрон. **Л. 49об.** Бросили котомки, бежать, те за нами, цепью, конные. Мы в чащу. Чехи на лошадях не смогли, спешились, цепью за нами, слышим хруст. Перед нами Мана, на два протока делится. Матвей стяжок схватил, я сук лиственничный. Он опытный, а я ничего не знал. Сломало мой сук, меня понесло прямо на камень, крутит там. Успел крикнуть:

— Мотька, сносит!

Оглянулся он, прыгнул, поймал меня. А дальше все глубже. С одним стяжком не перейти. Выскочили обратно. К счастью, стяжок на берегу сразу попал. Схватил я его, шаг в шаг пошел за Матвеем. Перебрались, залезли в яму, сами в воде, одна голова снаружи. Выехала цепь на берег, ездят, гикают, свистят. Чехи и русские. Часа полтора мы лежали, окоченели. Уехали они, солнце садится уже. Самое трудное было опять в речку лезть. Пошли в Кожелак. У мельницы увидели женщину, посвистели тихо. Спросили про белых, говорит, не знаю. Ходила в деревню, еще были.

Упросили — сходила, вернулась, говорит — уехали. Мы в избу, разделись, легли на печь. Мужик просит:

— Уходите, не подводите под расстрел. **Л. 50**

Переночевали, утром нам хозяин дал картошки, ушли к себе. Уже снег выпал. Некоторые пошли домой являться. Мы остались. В начале ноября гонец пришел. Тараловы (верно: Таррало. — Т. К.) Ульянов и его брат Ефим и Саломатовы Петр, Федор и Василий собирали отряд. Некоторые не хотели идти в отряд, но молодежь настояла, решили выступать. Часов в 12 ночи пошли. Мана еще не стала. Гонец по жердям переползал. Пока у нас был — снесло жерди. Новые нарубили, по одному перебрались.

Приехали в Кожелак. Таралов уехал в Солонечно-Талое. Я и Евлампий к председателю, он нам четыре подводы дал. Поехали все. Приезжаем в Талую, три верховых. Наши или каратели:

— Стой! Пропуск.

— Какой, к черту, пропуск!

По голосу узнали — свои. Отряд в Аргазу ушел, видать, как в гору поднимаются. Увязались. Добрались в Кои, человек шестьдесят уже. Продуктов мало. Я, Евлампий **Л. 50об.** и Матвей Вергилесов поехали в Талую за продуктами. А в Рыбной каратели. Три короба набрали продуктов, кто буханку, кто полбуханки. И боятся, а дают. Стоит одному дать знак в Рыбную, и все пропали. До вечера проехали. Поехали, а мельник три мешка муки дает.

— Куда нам? Не увезти.

— В Аргазе подводу возьмете.

Взяли муку, а в Аргазе пятую подводу захватили. В Коях слабо дело шло, никто больше не идет. Человек семьдесят пять собралось нас. Пошли на Агинское, но неудачно, опоздали. А там дружина большая, винтовок триста. Пошли в Ульянову, там дружина организовалась, должны были 150 винтовок привезти. Заняли деревню, винтовок нет. Агинцам послали письмо — не ответили. Забрали продукты и ушли по Кану вверх. Продукты в тайгу забросили, на случай разгрома. Наше отделение — разведка, занялась починкой сбруи, остальные кто чем. Человек сорок пять нас, организация слабая. Посты только в деревне. Жабин прозевал, нас в час дня окружили. **Л. 51** С меня обстрел начался. Я седло уладил, примерил, коня поить повел. По мне прямо с жердей стреляют. Конь испугался. Паника началась. Я коня поймал, а меня на мушку ловят. Завел за избу, сел, конь танцует. Сажень сто проехал — коня подбили. Я соскочил, бегу, конь за мной. Впереди Богатырев бежал, упал, не шевелится. Шкалик на одной ноге прыгает — пальцы отбило. Синицина ранили в ногу ниже колена, упал, кричит:

— Товарищи, не бросайте!

А. В. Станкевич. Саяны, долина реки Маны. 1891. Бум., кар., тушь

Я последним бегу. Оглянусь, выпущу патрона два. Они с колен жарят. Всю шубу, шапку изрешетили. Синицина я на коня посадил, он версты три еще проехал, сдох. Обоз недалеко ушел, верст семь, услышали выстрелы, на выручку. Дружина увидела и повернула. Подсчитали мы: девять нет, двенадцать раненых. Сделали перевязки раненым. Поставили посты, выехали в разведку. Капка Жабин был ранен, скрылся под торосом, кровью истекал. Приполз в деревню, два брата его захватили, поиздевались, лошадь запрягли — везти к белым. Мы подъехали, выручили. А братьев шлепнули на месте. **Л. 51об.**

Ушли мы в последнее зимовье по Кану. Раненым дали отдохнуть, подготовились. Отошли от этого зимовья верст восемь, слышим стрельбу. Это белые расстреливали избушку. По нашему пути не рискнули идти, а при выходе из тайги устроили нам засаду. Но закурили они, себя выдали. Пошли мы в обход, они услышали и ушли. А вторая засада первую обстреляла. А мы пробрались в свой стан на реку Анже за Ивашихой.

Добыли скрывавшегося в тайге фельдшера Красницкого. Послали экспедицию за перевязочным

материалом, мороженым молоком. Первую экспедицию разбили. Маялись недели три. Я помогал раненых перевязывать, таскал на себе оправляться. Тогда-то и явился к нам Сабаев, сообщил, что Минусинск взят, путь свободен. Набралось человек триста, пошли на В(ершино)-Рыбную. Идем улицами, никто не сопротивляется, ушла сотня часа за два в Агинское. Подвод тут добровольных собралось больше, чем надо, у кого сын, у кого брат в Минусинске». **Л. 52**

МИХАЙЛОВ:

«В Канске наша 10-я рота 29-го Сибирского стрелкового полка после Октябрьской революции приняла звание Красногвардейской. Обезоруживали офицерские эшелоны в ноябре. В декабре была получена телеграмма об юнкерском восстании, и в ту же ночь выехали в Иркутск под командой прапорщика Эйдемана и капитана Стремберга³⁰. Офицеры, кроме этих двух, сбегали дорогой и в Иркутске дрались против нас. Приехали 9-го вечером, уже шли бои. Нас разбили повзводно, потом по десяткам, я был взводным. Я со своим десятком пошел на губернаторский дом, где вверху сидели осажденные красногвардейцы,

а внизу юнкера. Заняли мы почтампт. Двадцать пять юнкеров с пулеметами и ручными гранатами нас выбили. Выбрались мы в окна и бежали, шесть человек. Пришлось отступить. Белые приспособили пулеметы на санки и, таская его перед собой, поливали. Поливали и из **Л. 52об.** дома напротив, пулемет поставили на памятник Александру³¹. Мы били из орудия, но оно после третьего выстрела лопнуло. Из бомбомета били. Белые так нажимали, что мы стали отходить.

После этого пошли на губернаторский дом. В десяток влились черемховские рабочие, нас стало до 25 человек. В этот вечер, когда стали теснить юнкеров, лежали мы в цепи. Кричат:

— Не стреляйте, раненого везут!

Видим, везут человека, простыней покрыт. Сестры милосердия по бокам раненого. Забежали в тот дом, возле которого мы залегли, а через 20 минут из этого дома стали нас из пулемета поливать. Это под видом раненого провезли пулемет и двух офицеров. У нас уложили человек шесть, зато мы не выпустили никого, сгорели и пулемет, и офицеры. **Л. 53** Когда дом сожгли, заняли соседский, каменный. Поймали двух офицеров, одетых в монашеское платье. Они человек пятьдесят пленных посадили на крышу своего штаба, чтобы мы не обстреливали его. Обстрел мы не прекращали. Человек двенадцать убили.

На пятый день нас сменили, мы пошли в казармы. Пошли пообедать, в пакгаузе нашли спрятанный пулемет с двумя заряженными лентами. Потом мы этот пост заняли. На седьмой день меня легко ранило в ногу, и после перевязки встретился с Эйдеманом. Пошли вместе. Девять суток (с 8-го по 17-е) шел бой. Били из окон, чердаков, из-за заборов. Взяли трех женщин в офицерской одежде. **Л. 53об.** На восьмой день прибыли из Омска две шестидюймовки. Белые выбросили после второго выстрела белый флаг. Офицеры заранее все подготовили в городе. Офицеры послали свою делегацию договариваться. Наш ответ был: сложите оружие или разнесем город.

— Оружие сдаем, но власти не подчиняемся.

Дрались мы еще в погонах. На пятый день пришел приказ Ленина — снять погоны³². Нас выстроили, Эйдеман сорвал свои погоны, срезал у меня как правофлангового. Приехали мы в Канск 20-го. Дали всем 15-дневный отпуск. Желаящие записывались в Красную гвардию, я записался. **Л. 54** Добрался домой, долго жил на пашне. Мобилизовали нас троих: Сергеева, меня и Звягинцева. Привезли нас в Иркутск. Никитин, офицер, взятый нами в плен в Иркутске, узнал меня.

— А, Михайлов. Вечером поговорим.

А вечером выводили заподозренных в большевизме и расстреливали. Мы днем оторвали доски

от сарая, в сумерках ушли. У меня было проходное свидетельство, переправил 1 на 14, написал назначение на Красноярск. Сошло. Приехал домой, два раза арестовывали (второй раз в Канске), дважды бежал. Белые заняли Барашково, шесть человек вывели в расход. **Л. 54об.** Ночью первый партизанский отряд пришел. Влился я в него, было около двухсот человек».

СЫСОЕВ:

«К нам в Кой ночью приехали, поставили плуги на сани, закрыли брезентом, не подпускают».

МИХАЙЛОВ:

«Первый бой был в Н(ово)-Николаевке. Белых отбили и ушли в Перово. Белые получили подкрепление и пошли на Перово. После горячего боя отступили на Солонечно-Талое, мало припасов, в каждом бою добывали оружие у белых. К весне образовались у нас тут полки: Манский, Канский и Тальский. Перед отступлением организовали Агинский полк, но он сдрейфил. Я был в Тальском полку, меня выбрали членом полкового совета. Был командиром полка Семешев Семен. Стояли мы в селе Переяславка Агинского района. На третий день Пасхи состоялся Армейский съезд в Кожелаке (Перовская в. — Т. К.)³³. **Л. 55** Когда я вернулся со съезда, белые пошли в наступление. Мы их отбили. А под Ирбеем они нажали на Савицкого, у него отряд человек в семьдесят. Он отступил к Елисеевке, просил нарочным помощи. Наша рота поехала на выручку. Ротным у нас был Калашников (служил в колчаковской милиции, набедокурил и сбежал), собственно командиром был Афоня Лабковский, но он струсил и сбежал, Калашников его заменил. Я был председателем ротного совета.

С Савицким рота встретилась между Елисеевкой и Межовой. С нами был Костя Лидин. Держал бой Савицкий отряд, лежал в цепи. Савицкий был ранен в мякоть левой ноги легко, ездил верхом. У нас тогда под Костей Габьевым коня убили. Он подъехал сажень на пятьдесят и крыл матом. С лошади он седока таки снял. Савицкий отступал с нами до Кандыги, потом отбился и пошел прямо на Унер. Мы отступили в Переяславку, оттуда в Унер и на Агинское. Тут опять встретились с Савицким. Наши цепи перемешались. Савицкий лежал через двоих от меня. При мне его ранили в голову около виска. А он наказал, чтобы, в случае ранения, его прикончили. **Л. 55об.** И тут кричал о том же. Его свой же партизан штыком в живот ткнул. Он вскочил и бежал за партизанами, крыл матом:

— Что делаешь?

Потом его подобрали, перевязали и увезли³⁴. Был бой под В(ершино)-Рыбной, Нарвой, Тюлюпом, оттуда

опять на В(ершино)-Рыбную. Там нас белые шибанули. Когда отступали, белые Нарву заняли, чуть не отрезали весь полк. Под В(ершино)-Рыбной во втором бою подвел Сабаев. Много тогда потеряли. Сабаеву было задание взять Кой, где белых было всего триста. А он пошел на В(ершино)-Рыбную, где белых было две тысячи. Я попал в этот бой случайно из Тальского полка. Мне восемь раненых доставили, один в живот. Я их до Талой отвез, раненный в живот умер, когда повезли на подводе. Двое родственников Сабаева вели отряд как проводники, один из Солон(ечно)-Талой, другой из В(ершино)-Рыбной. Один из них сразу остался у белых. Сообщили они, что в В(ершино)-Рыбной всего человек двести. А он поверил.

Я участвовал в боях под Григорьевкой, Подсиней, Белоцарском, Каратузом — это после отступления. До конца был в полку председателем ротного совета. **Л. 56** Сургуладзе настаивал, чтобы я был членом революционного суда. В Кайтыме это было. Надо было судить Кострова, был при Колчаке старшиной в Толстихиной, и Груздева Трофима, этот приезжал жечь деревню. У нас искал мою шапку-кубанку, не нашел (на сыне была), матери 25 плетей дали, отцу 75 плетей дали. Брату — больше ста. Брат за 1905 год сидел в России за забастовку, потому и в штаб пошел. Дом наш первым зажгли, вывели отца с братом расстреливать. А отцу 75 лет.

После соединения с Красной армией я пошел на Врангеля, но нас, 22 человека, отбили и послали в Иркутск в интернациональный полк. Рота китайцев, рота корейцев — ни черта по-русски. Взяли в оборот, но я отбился»³⁵. **Л. 56об.**

СЫСОЕВ

Начал с Новониколаевского боя. «Во время боя я складывал сено в Борели, когда затрещал пулемет. Я еще не знал этой машинки. Мне всего семнадцать лет. Присутствовал на совещании, знал, что что-то случится. Ждут отряд Красильникова. Я сказал отцу, что поеду в Перово, а иначе кобылу отберут. Уехал, жил там до отступления. **Л. 57** Уже берданку получил, кобылу в обоз сдал. Было нас всего человек сто пятьдесят. Под Б(ольшим) Имбежем я стоял в заставе. Едет белая конница, а за ней пехота. Сообщил начальнику заставы. Сами в Кияй, где рота стояла. Я еще и стрелять не умею. Попали мы на правый фланг, вся рота влево. Ребята укромное место выбрали, а я себе баррикаду строил, пока ребята не закричали:

— Ложись, а то и нас стравишь!

Лег я, а из пулемета давно уже как машинкой строчил. До ночи лежали. Белые цепью пошли, ближе и ближе. Наши молчат. У нас сомнение закралось, что наших нет. Отступаем по дворам. Видим — лошадь, решили ее взять. Огонек в окне. Кричим:

— Кто в помещении? Где красные?

— С час, как ушли.

Только понимать все начали, из переулка колонной человек пятнадцать. Один из наших кричит:

— Товарищи, какой роты? **Л. 57об.**

Офицер командует тоненько:

— Отделение, пли!

Затрещали выстрелы. Мы на огороды, в ельник. Попали в наледь, перемокли. Идем в тайге, из сил выбились, то один, то другой падает. Добились до того, что три раза ложились, прощались друг с другом. Стоял мороз, донимал нас, идем опять. Скатились кубарем в лощинку, а там сена зарод попадись и дорожка от него. Силы прибавилось, выбрались по дорожке, огонек сверкнул — хутор. Хозяин пустил нас.

— Далеко до Кияя?

Слышим, собаки лают. Это Кияй. Вошли, свалились, уснули. Хозяева поджарили мяса, дали овсяного хлеба. Нас растолкали. Рассказал хозяин дорогу, где нет разъездов казачьих. Хотем встать, ног не чуем. Поглядел хозяин:

— Плохо, ребята. Довез бы вас, лошадь плохая. Схожу к сыну, на двоих свезем.

Сходил, приехал, повезли нас. До богатого хутора довел, говорит нам:

— Здесь мой родной кум живет. Лошадь хорошая.

Л. 58

Тут мы устроились по знакомым. Просыпаюсь утром, женщины вокруг меня и что-то серьезно обсуждают. Стал вставать, ноги обморожены. У меня валенки разрезаны, ноги салом смазаны. Три недели по подпольям. Вышли отряд искать, в Аргазе нас свои арестовали и в штаб привезли. Опять в отряд попали»³⁶. Кой мы брали. Я на свой дом наступал. Добрался, окликнул. Отец из-под подполья отозвался:

— Не ходи вниз, там семеро белых.

Пошел я, крикнул, отозвались, семь винтовок выбросили. Новобранцы, в бою не участвовали, решили сдаться. Потом в Шалинском бою был контужен — с никольской стороны к нашей цепи пробралась кучка белых. Мы заметили, бросились в атаку и выдали нашу цепь. Белые стали бить снарядами, мне осколком шубу порвало, а когда я в окоп влез, меня вторым снарядом выбросило и оглушило, содрал кожу с бока.

Ходил в Семеновку за гусарами, потом занимали весной шоссе. **Л. 58об.** В В(ершино)-Рыбной и Есауловке был. Здесь мы остались в тылу белых. Пробирались через их цепь и понесли большой урон. В боях Тальского полка участвовал». После партизанщины ходил на Польский фронт, был на ликвидации кронштадтского движения. **Л. 59**

Тетрадь в/ф 9348/1. 1931 год

**Воспоминания партизана Манского полка
Степно-Баджейской партизанской армии
КОСТЮЧЕНКО ЕФИМА:**

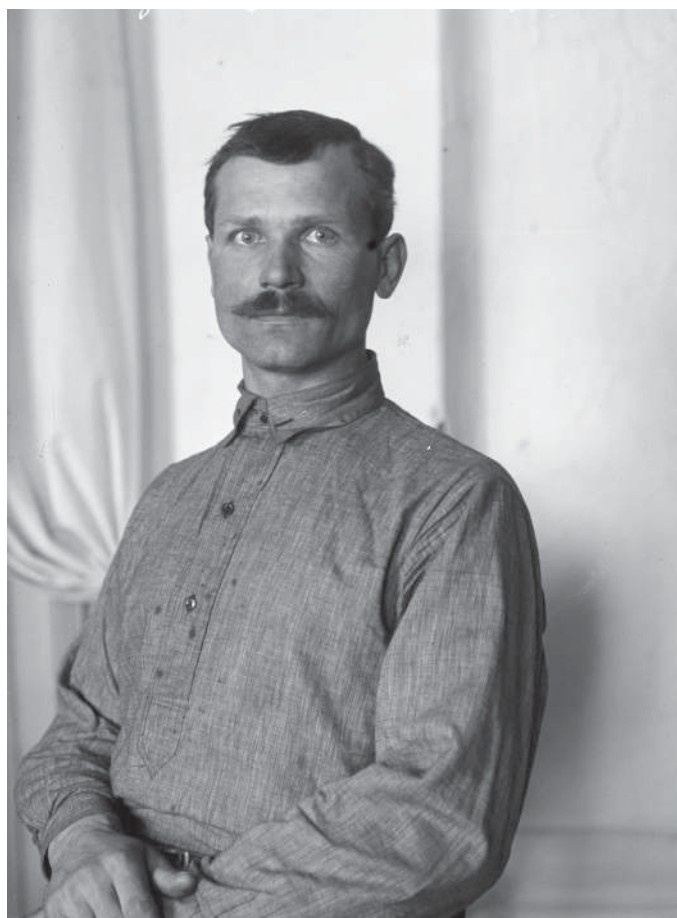
«С самого восстания был рядовым до февраля 1919 года. После усиления состава отрядов понадобился организационный центр. Таковой был создан в лице Армсовета³⁷. Я был выбран в Совет от Манского полка и занимал должность зам(естителя) председ(ателя) Совета. Предс(едатель) — Сургуладзе. Члены — Хиневич и Хандогин (члены президиума). В Армсовете были представители от каждой роты всех полков, позже членов президиума, как постоянно работающий аппарат, усилили, выделив Кожемякина от Тальского полка, Романова от Канского и от Ачинского.

Армсовет все время был вблизи фронта, и поэтому приходилось участвовать в боях с ближайшей частью. До декабря 1919 года был заместителем председателя Армсовета. В декабре из Минусинска был командирован с 13 человеками через тайгу. Дошел до Нарвы (через Баджей). Белые стояли в Шало (с. Шалинское Шалинской в. — Т. К.) и около Кияя. Я стал организовывать **Л. 1** отряд для обороны. Мое задание было — разведка в тылу противника. На призыв отозвались отсталые и местное население, которому надоело колчаковское ярмо. Отряд вырос человек до четырехсот.

С этим отрядом просто обезоружили (без боя) колчаковскую часть, стоявшую в Шало, а также и в Зыково (в Шало было до трехсот человек, в Зыково немного. Они думали, что нас много. Это было в конце декабря 1919 года, 23-го, я прибыл в Кияй перед обезоруживанием шалинцев). В Канском у(езде) белые сильно наседали на кр(естья)н, забирая людей и лошадей. Они послали к нам письмо, прося о помощи. Мы двинулись, заняв Уяр и Семеновку. В Семеновку прибыл и батальон Красной армии, с которым мы и соединились. Я получил задание от батальона двигаться **Л. 1об.** по правой стороне железной дороги через Перово на Агинское, где стояла белая дружина, и обезоружить ее. Мы задание выполнили, взяв в плен начальника дружины Козырева. Его расстреляли без суда, т.к. он пытался бежать из-под конвоя. Помощник бежал еще до обезоруживания дружины. Сдалась дружина без боя. Первых, правда, задержали, но после повторения предписания о сдаче — сдались». **Л. 2об.**

Утрата листов. Текст печатается с сохранившихся листов.

«...В мастерских не хватало порошу (мастерские были в Баджее)³⁸. Совет армейский, представители объ-

Ефим Костюченко. 1920-е гг.

единенного Совета и штаба (штаб: Кравченко, Щетинкин, Уланов, Сургуладзе, я, Хиневич (перебежчик, работал секретарем Армейского совета, перебежал в числе восемнадцати). Не помню, кто был от объединенного Совета. Решили отступить в тайгу к Минусинску. В тыл распорядились эвакуировать лазарет и обозы на реку Крол. В ночь выполнили, а назавтра в порядке, без боев, начали отступать части. Белые не нажимали. Пришли в Баджей, левый фланг с устья Колбы, вышли на тракт тайгой. На Кроле сделали остановку для раненых, подводчиков по желанию отпустили.

Двинулись по тропе вверх по Кролу, к прииску. Первый привал на реке Жайме, дневали. Умер один из раненых, его похоронили³⁹. Устроили митинг: кто крепок духом и здоровьем идти с нами, слабые могут уходить, если **Л. 4** хочут, если нет — могут оставаться, поможем чем в силах. Слабые отошли, им предложили сдать оружие, некоторые ушли с оружием — скрываться в тайге. Остальные ушли с нами. Шли и семьи, женщины с детьми.

Пришли на прииск в стороне от Крола (вправо). Там запаслись продуктами. Дальше пошли тропой,

Члены Армейского совета армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина: сидят — Г. Шаклеин, С. Сургуладзе, П. Скоромкин (справа); стоят — Еремин, А. Загайный (справа). 1919 г.

вышли опять на прииск. Дальше опять тропой, вышли на пасеку. Послали в деревню представителей просить помощи. Уже голодали, провизия вышла. Представители пошли в деревни Козину и Мигну. Крестьяне выслали подводы, хлеб, яиц. Всего не съели. Приехали в эти деревни, отдохнули сутки. Дальше стоять опасно, пошли на Крол, где делали носилки, мы были 14 июня. Шли до первых населенных пунктов Минусинского края семь дней. 21-го приблизительно были в Козинной и Мигне. Из Мигны вызвали разведку, она встретила казаков и обстреляла их. **Л. 4об.** Они бежали. Мы стали продвигаться на Тубу. Пришли в Шалоболо, чтобы переправиться на плашкоуте. Но на той стороне уже заняли позиции дружинники и казаки. При попытке на лодке захватить плашкоут несколько человек (двое-трое) были убиты. Перестрелка была недолгой, пошли вверх по Тубе до Курагино и выше до речек Казыр, Кызыр (верно: Кизир. — Т. К.) и Амыл (они сливаются в Тубу). Перебрались через Казыр и Кызыр. На Амыле разведка кавалерийская отбила казаков, и мы на лодках переправились через Амыл.

На Казыре был плашкоут, а на Кызыре — лодки. Лодки брали в селениях по берегам речек.

Пошли развернутым фронтом. Первый бой был под Каратузом. Разбили и выгнали белых, но долго не задерживались. Заняли Салбу, Григорьевку, Ермаковское. Сделали попытку занять Минусинск. Около дер(евни) Казанцевой держали бой с **Л. 5** белыми. Из Минусинска нам выслали встречу, когда мы шли от Ермаковского. Отступили. Часть армии во главе с Щетинкиным была отрезана⁴⁰ и стала отступать на Усинский тракт⁴¹.

Другой части пришлось, отступая, выдержать бои под Ермаковским и Григорьевкой. Выдержав бои, стали отступать в Урянхай. За собой сжигали мосты. На реке Ус была выставлена засада из дружины и казаков. Нас обстреляли на переправе. Кой-кого ранили. Зашли засаде в тыл, прижали к реке, заставили прыгать с высокого утеса. Переправились, дошли до села Ус, заняли без боя. Крестьяне встретили с иконами. Их напугали, что идет шайка разбойников и все уничтожает на пути. Просили помилования. Часть армии осталась в селе, часть пошла к Белоцарску. Я остался в селе Ус. Население, казаки и дружинники, пока мы стояли, как будто **Л. 5об.** все было хорошо.

Стоял на Усу один Манский полк. Простояли мы недолго, пока в Белоцарске дело не наладилось. Меня вызвал Кравченко. Я выехал в телеге с пятью кавалеристами. В окрестностях Уса у нас было взято 4 пуда 32 фунта серебра в слитках, отобранного у местных богачей.

В это время две сотни казаков пробрались на тракт с Уса к Белоцарску. После Сухорославских хуторов⁴², верст в тридцати от Уса, казаки нас окружили. Одному из передовых кавалеристов снесли голову (был Киселев из Канского уезда). Я понял, что враги. Я повернул коня, а позади тоже казаки. Второй передовой в кусты, трое задние повернули коней и ускакали. Я поскакал, отстреливаясь. Один казак свалился, его конь меня догнал. Казаки впереди уехали. Я стал ловить коня, он убежал, и моя телега тоже удрала. Я побежал, по дороге поднял **Л. 6** мешок с серебром. Бросил его на подводу (подводчики гнали из Белоцарска). Сам прыгнул на другую. Немного отъехали, проскочили через казачью цепь. Я увидел убежавшего коня. Он запутался поводом. Я сел верхом, нашел на коне шинель, сумки с патронами, две бомбы. Догнал своих кавалеристов, поехали вчетвером. Пятый пришел позже, на Ус.

Две роты Манского полка стояли на переправе через реку Ус. Мы, как ни спешно удирали, выбрали удобный мысок и решили обстрелять казаков, чтобы они не застигли врасплох наши заставы. Засели за горой, обстреляли, казаки встали, развернулись, выставили пулеметы и начали обстрел. **Л. 6об.**

Манский фронт. Сидят слева направо: командир батальона Манского полка П. С. Лапацкий, командир Манского полка В. О. Гусев, помощник командира Е. Селин. Стоят: командир Канского полка М. Т. Савицкий, командир 311-го полка 27-й дивизии Красной армии Красин. 1920 г.

Мы уехали на хутор в пяти верстах от переправы. Я послал одного крестьянина с хутора с запиской на переправу и другого на Ус, к полку, чтобы поддержали заставу. Мы вчетвером остались задержать казаков. Стали за кустами сажень в пятидесяти от дороги. Подпустили вплотную, обстреляли. Казаки в цепь, а мы бежать. За нами было погнались. Поддержка заставе не успела вовремя. Но роты были уже подготовлены, встретили в боевом порядке. Около двух часов шел бой. Застава была слабее, разбежались, казаки заняли переправу, захватив двух пленных. У казаков убиты двое, у нас — пленные. Пленных раздели, повели к реке. Скомандовали стрелять, они бросились в реку, одного подстрелили, другой переправился. **Л. 7** Когда мы ехали в полк, мы догнали подводу, в которую бросил серебро. Подводчик ничего не заметил, так как лежал на подводе, не смотрел и не видел, когда я бросил его. Я записал его фамилию и велел везти ко мне на квартиру. Он привез, не зная, что везет. Грязно было, он весь залеплен, да и с испугу свет в глазах помутился.

Моя записка опоздала, поддержка к заставе пришла поздно. Я у поскотины встретил поддержку — шел Сидоренко с частью партизан (Сидоренко был заместителем Гусева, командира полка, который уезжал на прииски). У меня уже конь начинал ложиться — перегнал. Лошадь была ученая, по команде ложилась и вставала. Позже мне с ней благодать была. Поддержка ночью ничего не могла **Л. 7об.** сделать. Бой уже затих, расположение противника неизвестно.

На другой день частями на Ус стала выходить застава. Вынесли пулеметы и все оружие. Мы оказались отрезанными от главных сил. Телефонное сообщение они перерезали сразу. Пошли по тропе. Препятствия — только утесы, чаща. Мы решили бой не принимать, т. к. по тракту к ним подходили главные силы. А у нас медикаментов нет, в случае боя — перевязать нечем. Решили отступать тайгой к Енисею. Взяли проводника, знающего место и умеющего говорить по-сойотски. Пехота ехала на быках — взяли для мяса. Не было только соли. Выехали ночью на подводах, верст пятнадцать отъехали. Население, когда хватит-

А. В. Станкевич. Протока реки Ус. 1885. Бум., акв., тушь

лось, за нами в погоню, в разведку, но нас там не видели. **Л. 8**

Мы вышли на Енисей возле какой-то сожженной деревни. Встретили сойотов, они нам дали лодки и переправили нас. Мы пошли вверх на соединение с Белоцарскими частями, препятствий не было, дошли спокойно⁴³. В Белоцарске мы занимали позиции вдоль по Енисею. Штаб находился в Белоцарске.

В ночь на 14 августа подошли к реке белые под командой Бологова, переправились и нажали на левый фланг, на Манский полк, оттеснили его. Полк отступил, оказался оторванным. Белые двинулись на Белоцарск. В Белоцарске стояли части Канского, Ачинского и Тальского полков. Белые окружили их с трех сторон и сильным натиском вытеснили из Белоцарска. При сдаче города не расходились на достаточное расстояние для бросания ручных бомб. Наша кавалерия не раз схватывалась с казаками врукопашную. Мы с боем отступили на окрестные сопки. Манский полк не имел связи с остальными. Белые прекратили натиск. **Л. 8об.** Город был сожжен во время схватки сойотов с казаками еще до прихода партизан. Белые окопались в развалинах. Отступали мы от города на закате. К ночи накатились тучи, загремел гром. Тьма непроницаемая, но дождя нет.

На сопках оказались бахчи с арбузами. Партизаны, изнемогавшие от жары, ели эти арбузы. Днем была не-

стерпимая жара, и в Манском полку несколько человек умерло от жажды. Кавалеристы подвозили воду с Енисея верст за восемь — в сапогах. На сопках у бахчей передохнули, расставили цепи в порядке. Отступать дальше некуда. Монгольская граница, а за ней неизбежное разоружение. Решили нанести последний удар.

Тьма помогла; окружили город с трех сторон, подойдя почти вплотную к окопам. Несмотря на сильный огонь, на ура опрокинули первую цепь и загнали белых в Енисей, куда оставили единственный выход. Когда была опрокинута первая цепь, остальные силы бросились к плашкоуту, и в первую очередь комсостав. **Л. 9** Плашкоут был мал, его перегрузили. На защиту оставили на берегу новобранцев отстреливаться. Эта охрана решила сдаться в плен, а прежде всего — дала залп по плашкоуту и потопила его. Часть белых переправились вплавь. Охрана более трехсот человек сдавалась с полным вооружением.

Отряд в 1800 человек был ликвидирован. Бежало 70—80 человек, как можно было судить по сведениям, полученным разведкой. Сам Бологов бежал с 13 людьми. Трофеи этого боя: 13 пулеметов на полном ходу, обеспеченных патронами; два орудия, одно неисправно, спрятан затвор, но его потом нашли; орудие 3½ дюйма, много бомб, винтовок, патронов и обмундирования.

Г. К. Бологов, есаул Енисейского казачьего полка. 1918—1919 гг.

16 августа принялись за уборку трупов и раненых. У нас убитых 36, раненых больше 50. Белых убирать не стали и не считали. **Л. 9об.** В погоню за Бологовым послали погоню, чтобы захватить оставленные в деревнях Уюк и Туран склады белых, верстах в сорока от Белоцарска. 16-го, к вечеру, прибыл Манский полк. Склады белые зажгли, удалось спасти из огня только часть ящиков с патронами — подвод на сорок. Взяли и часть снарядов к орудиям. В погоню ходили изо всех частей, верхами. Послали погоню одновременно и за остатками бологовцев, эта погоня была частью пешотная.

Бологова догнали на каком-то хуторе ночью, с 13 людьми. Я был в этом отряде. Командовали Марченко и Гусев. Захватили Бологова в избушке в маральнике. На подступах к хутору стоял часовой, застреливший нашего передового всадника. Спавшие в избушке выскочили в маральник; пользуясь темнотой, Бологов, тяжелораненый, бежал, семеро из охраны были убиты. Бологов в одном белье, босой, явился на хутор в стороне от тракта, верстах в пяти, **Л. 10** там его перевязали, дали пару коней и отвезли на носилках тайгой к Минусинску. Бежали с ним шесть человек. На тракт они вышли верстах в восьмидесяти ниже Уса-Минусы, ближе к Минусинску. Догнать его не удалось, ночью шел дождь, начавшийся еще до нападения на маральник, и следы босых ног видны были только некоторое время по тракту. А потом они ушли в сторону, и следы потерялись.

Погоня дошла до Ус-Минусы и вернулась в Белоцарск (около 190 верст). Отдохнули несколько дней, привели части в порядок и решили выступить на Минусинск. Решение было вынесено на пленарное заседание Армсовета, штабов и представителей частей.

В конце августа (около 25-го) выступили по Усинскому колесному тракту. Шли, не встречая препятствий. Единственная помеха — разрушенные нами же мосты. Шли дожди, дорога была затруднительна. Придя в первый раз в Белоцарск, хотели передать раненых в Монголию, обещая **Л. 10об.** возместить убытки по восстановлению Советской власти. С грамотой ездил Курченко и, кажется, Кравченко⁴⁴. Грамоту они передали какому-то князьку, но ответа так и не дождался, хотя он и обещал передать ее по назначению и известить о результатах. Раненых везли с собою. Продукты у армии были, гнали с собой скот еще с Уса, в Урянхэе запаслись хлебом.

За Усом есть Черная речка. Здесь нас у поселка, одноименного с речкой, ждал противник, вырывши окопы. Произошел небольшой бой. Сопrotивление белых было слабым, мы их разбили. Дальше, почти до Минусинска, встречались лишь слабые отряды, которые мы быстро опрокидывали. В верстах в двадцати, у горы Думной, приняли еще один бой, незначительный. Минусинск заняли легко, лишь с небольшими перестрелками.

Белые заняли Городок на р(еке) Тубе, стянув туда все силы. На Городок был направлен Манский полк. Возле Городка голая степь, никаких прикрытий, но все же Манский полк выгнал белых, захватив **Л. 11** пленных, оружие, пулеметы. Победа далась нелегко. Приходилось то отступать, то наступать. Взятых в плен было около тысячи человек (в Манском полку было не больше четырехсот). Сдавались в плен новобранцы, взятые в ряды под силой оружия.

И. Мордасевич. До 1918 г.

Белые бежали на другой берег Тубы, там укрепились и стояли несколько дней. Вскоре их оттуда также выбили и очистили весь правый берег Енисея до самой тайги. Идти было некуда, по Енисею шла шуга. Наш фронт растянулся на триста верст. Я оставался в городе, как член Армсовета, и на фронт выезжал редко. Когда стал Енисей, начали наступление на два фронта — на Красноярск и на Ачинск. Когда подошли вблизи железной дороги, белые напирали большими силами на наш фронт, пытаясь пробиться в Урянхай. Это были части, отступавшие с Западного фронта под натиском Красной армии. **Л. 11об.** Удержаться было трудно, принимали упорные бои. Захватывали орудия, пулеметы, пленных. В одном бою был убит командующий белым фронтом генерал Барановский.

Когда из трофеев создан достаточный запас оружия, в наши ряды стали вливаться целые отряды из местного населения. Шли добровольно. Чувствуя, что Красная армия уже недалеко, ввиду отсутствия медикаментов и обилия раненых, решили только удерживать позиции, не переходя в наступление. Красная армия подошла вскоре и, оставив нас на от-

дыхе, пошла вперед. Мы стояли тогда в верстах в восемнадцати от Ачинска».

На Армейском съезде в Красноярске совместно с представителями Красной армии решили партизанскую армию переименовать в Енисейскую дивизию. **Л. 12** Вскоре поступило новое распоряжение: влить партизан в части Красной армии. Была создана комиссия из работников армии, которая каждого опрашивала, согласен ли он вступить в Красную армию или идти на отдых. К реорганизации приступили неумело⁴⁵. Весь комсостав (в том числе и автор воспоминаний) был арестован. Часть партизан вступили в ряды армии, большинство, сдав оружие, разошлись по домам, «как усталые». **Л. 12об.**

Приказом по дивизии Костюченко был переведен командиром и вызван в Ачинск для формирования полка. Штаб дивизии провел полк через комиссию по делам партизан. Комиссия пропустила весь полк, часть пошли в ряды армии, остальные — по домам. Костюченко оставался в дивизии до апреля 1919 года, сдавая дела полка. Потом получил бессрочный отпуск и отправился домой.

ДОПОЛНЕНИЕ Е. КОСТЮЧЕНКО: «Боган Иван до приезда Щетинкина был помощником Кравченко, позже членом главного штаба. Бежал с фронта при отступлении, бросив раненых. Боган Федор был командиром Манского полка во время боев на реке Казанцевой. Полк стоял в селе Ермаковском. Щетинкина оттеснили в тайгу. Дорога в Ермаковское оказалась открытой, Боган не охранял, поставив лишь часовых у ворот поскотины. Белые подъехали незамеченными, пустили снаряд по улице. Этим предупредили еще, полк был сильно потрепан. Боган был убит своими же партизанами. **Л. 13** С фронта было распоряжение — отойти за реку, а он не выполнил и заявил мне, что не считает нужным. Говорил, что охрана хорошая. Это было ранним утром, когда я с ним говорил, а через несколько минут начался обстрел. Я попытался расставить цепь и обеспечить переправу плашкоутом. Это удалось с помощью других командиров. Боган был убит, как только выехал на улицу»⁴⁶. **Л. 13об.**

ПАРТИЗАНСКАЯ АРМИЯ А. Д. КРАВЧЕНКО И П. Е. ЩЕТИНКИНА

Тетрадь о/ф 12105/1Д 10040

(На первом и последнем форзац-листах надписи карандашом: Б. 2-я Э. (Большая вторая экспедиция). Все воспоминания партизан датируются 1933 годом. — Т. К.)

6 августа. Выезжий Лог СМОЛЯКОВ ДАНИЛА ТИХОНОВИЧ:

«Получилось известие, что в Баджее восстание, получили в Выезжем Логу известие, чтобы выслать людей с оружием. Собрали общее собрание, выбрали, кому идти. Меня наметили. Собрали по селу 24 винтовки, холодное оружие, у кого было. Мне попала трехлинейка старика Короткевича. Отправились в Баджей: Смоляков Павел, я, Бабичев Владимир и Бабичев Даниил, Короткевич Михаил, Воприков Назар, Короткевич Василий, Снесаров Игнатий, Попков Григорий, с Крола — Кондратенко Сергей, от нас — Пуховский Иван, Стойчик Степан, Врублевский Константин, Смоляков Иван, Короткевич Онуфрий. Часть винтовок просто сдали в Баджей. За старшего пошел Даниил Бабичев». Приехали в Баджей, провели митинг, выставили заставу. **Л. 1** Приехал Кравченко тоже сюда, пошли занимать Нарву, у Баджея сделали засаду. Были сведения, что из Шало отряд идет, послали разведку в Нарву. На лошади поехал Володька Бабичев, там его около избушки, у плашкоута, обстреляли. На следующий день опять все пошли на Нарву, человек 30—35. На хуторе у Борзоначки устроили засаду из 24 человек на островке к левому берегу Маны. Ждали, были

сведения, что идут. Тут впервые Смоляков Д. Т. увидел Кравченко. **Л. 1об.**

«Застава была и в Тюлюпе — семь человек, Иван Пуховский, Кондратенко Сергей и еще пятеро. Вечером поздно подошел отряд на подводах, человек семьдесят с пулеметом. Встретили их огнем. Среди обоза убили пару лошадей из Кияя, часть белых проскочили к Борзоначке, где стояло 10 подвод, был Кабаненко (старшина) и Шахманаев. Остальные белые повернули назад. Шахманаеву пригрозили, и он их повел прямоком по снегу на Кияй, ускочившие же обратно стали рассыпаться по Мане с правого фланга от нас и открыли небольшой огонь. У нас получилась заминка, мы стали отступать на протоку позади. Сбежались на протоке. Кравченко говорит:

— Товарищи, в цепь, иначе нас перестреляют.

А мы еще как бараны. Но все разбежались по протоке. Белые же решили, что мы заходим в тыл, и отступили. **Л. 2** Застава в Тюлюпе была спрятана. Когда пришли туда белые, Кондратенко принял их за своих и вышел окликнуть:

— Симоненко, ты?

— Руки вверх!

Кондратенку зарубили и в Кияй ушли белые. Остальные шесть наших ушли в Борзоначку. Дорогой нашли двух отставших белых, у каждого винтовка и два патронташа патронов. Мы уже забрались на хутор, видим — идут по дороге. Рассыпались в цепь у хутора:

— Кто идет?

Село Баджей. 1914 г. Фотография А. И. Семененко. Получена от А. Дубровинской в 1929 г.

Д. И. Каратанов. Портрет А. Д. Кравченко. 1934. Бум., кар.

— Свои.

Пуховский Иван сообщил нам, что Кондратенко убит. Мы поехали было в Кияй, но дошли до трупа, подняли и вернулись. Через день после этого пошли в Тюлюп. Строились во дворе одного дома в Тюлюпе, чтобы идти по приказу Ивана Богана в Кияй, когда на горке показался белый отряд. **Л. 2об.** Рассыпались мы в цепь у поскотин, за мыском горы, забежали в левый фланг противника, где стояли два пулемета „Кольт“ и „Максим“. Мороз до 40 градусов, пулеметы не работали, они их сняли с повозок, но стрелять не смогли. Ружейная перестрелка была не очень сильная с обеих сторон. Прислугу от пулеметов отбили, левый фланг стал отступать, пулеметы мы взяли исправные. Было или всего 12, или по 12 лент для каждого.

Набрали людей к пулеметам, имеющих опыт с германской войны, меня взяли неученого, наши ребята сговорили... **Л. 3** Подобрали небольшой отряд к пулемету „Кольт“, при котором я состоял, человек пятнадцать, Кравченко во главе, и мы поехали в Канский уезд. Обошли Голубевский (перес. пос. Перовской в. — Т. К.) и Акимовку лесом на подводах, приехали в Кожелак. Там была лавочка. Взяли там сигарет и поехали в Талое (д. Солонечно-Талая. — Т. К.). Заехали в деревню, и Кравченко распорядился выставить посты по всем дорогам. Рано утром почти все еще спят. Напились чаю, собрали собрание, сказали, кто мы, стали просить оружие. Тальцы стали отказываться, мы выка-

тили пулемет и пригрозили, что сумеем расправиться. Только тогда стали говорить, что есть у того, у другого. Принесли оружие, и человек семь пошли с нами.

Поехали в Рыбное. Собрали и здесь народ, встретивший нас с восторгом. Нанесли оружие, стали **Л. 3об.** присоединяться добровольцы. На ночь мы заняли школу, где жила учительница Малышева. Она пошла по деревне, собрала много продуктов. За ночь Малышева написала воззвание и прочитала его утром. Сказала, что поедет в Тасеевский район. Послали по другим деревням, где нас встречали, как жданных гостей, тащили оружие и присоединялись к нам. Доехали до В(ершино)-Рыбного, мы уже имели отряд в 250 человек. В В(ершино)-Рыбном ночевали, взяли для себя обуви, табаку, поехали на Барашкову (перес. уч. Барашковский Толстихинской в. — Т. К.), были сведения, что там отряд белых. Приехали, но отряд уже уехал в Толстихину, несколько человек в Барашковой были казнены, их выдал дьякон, которого наш отряд заколол. Узнали, что белые завтра пойдут в Николаевку, и поехали туда. Приехали часов в пять утра, чаю напились, спать легли. Пост выставили на краю деревни в пустой избушке. **Л. 4**

Уже солнце взошло, когда показалась разведка — двое казаков с пиками и флажками на них. Передний казак заметил пост, повернул. Обоих убили. Дали тревогу, около квартиры Кравченко собрались партизаны. Вынесли во двор пулемет, ленту вложили, но на предохранитель не поставили. Подогнали две подводы, стали ставить заряженный пулемет. Бабищев, у которого была дыра в шинели, зацепил за спусковой крючок, получился одиночный выстрел, которым в толпе ранило Мягкого. Мы ступевались, но разрядили, поставили и без команды помчались на край деревни. За нами пошли пешие. Разместились по краю деревни кто куда. Белые подходили.

Часа три шла перестрелка. Белые шли цепью, пулемет работал, белых перебили много, они отступили. Было взято несколько винтовок. **Л. 4об.** Пошли на Семеновку, пробыли недолго, ушли в Перово. Пулемет Кравченко держал при штабе. При мне приехал один:

— Отряд идет.

Потом другой:

— Белые в поскотине.

Кравченко дал приказ выступить на посты. В волости было человек тридцать народу. Один трехдюймовый ударился в крышу, потом разорвалась шрапнель. Подали команду:

— В цепь!

Пулемет наш стоял по дороге к юго-западу... Из березняка показалась кавалерия. Открыли пулеметный огонь, и кавалерия удрала в лес, где спешила и пошла перебежками к речке, добралась до нее. На нашем

Бывшие партизаны с. Тюлюп Манского района. 1930-е гг.

правом фланге бой был сильнее, патронов не хватало. **Л. 5** Шел бой с полудня до вечера. Белые били снарядами, возникали пожары, но их тушили. Ранним вечером белые отступили. Нашему отряду был приказ: на подводах и пешим отступать на Стойбу. В Стойбе мы взяли подводы и пошли на станцию Иннокентьевскую. Оттуда попали в Агинское. Там мы переночевали, и ничего особенного там не помню. Повернули обратно и в ночь на 25 декабря (ст. ст.) прибыли в Кой, а 25-го — в Баджей. Назавтра — в Нарву. Без нас здесь, как рассказывали, была стычка в Базаихе и был взят пулемет „Люис“.

Из Нарвы мы ездили на Унгут, постреляли, выбить белых не смогли и ушли обратно в Нарву. Противник стоял и в Унгуте, и в Кияе. Одна часть ходила в Унгут, а другая — в Кияй, ходили подразниться. Кравченко пошел в обход Кияя, но неудачно, проводник был плохой, **Л. 5об.** зашли не туда и опоздали. Стали наступать на Кияй — несколько выстрелов из трехдюймовок. Откуда-то были получены сведения, что противник отступает, но мы цепь свернули, потом погнались было, но они уже ушли.

Пошли мы в Унгут, где белых окружили. Там у нас белые ранили Вл. Бабичева. Стоял огромный пень, хотели поставить на него пулемет, устанавливается

плохо. Кое-как поставили повыше и рассыпали порох из патрона, пуля осталась на нарезках патронника. Пулемет не стал работать, а что такое — не поймем. Бабичев возился у пулемета на виду, и его подбили. Вскоре приказ — снять пулемет. За нами стала отступать и пехота. Нашей заставе в Базаихе не сообщили об отступлении. Когда мы ушли, белые тоже отступили и через Базаиху шли с пулеметным огнем, просто так себе. Заставе было жарко, но ее так и не видали, и теперь не было.

Раньше наступления на Унгут и Кияй мы ездили с Кравченко по Мане к Маганскому взрывать железнодорожный мост. Вышло неудачно. Охрану сняли, но при закладке получилась паника — все сделали, а фитиль не зажгли. Кравченко приказал поджечь во что бы то ни стало. **Л. 6** Сбежали вторично, зажгли фитиль, взрыв получился, но разрушения не произошло, только попортили, потом его белые починили. В Маганске, в ожидании взрыва, взяли у кулаков, Желтоухова и второго какого-то, часть товаров и семь лошадей с упряжкой, а их самих убили.

После отступления белых из Ингута мы долго стояли там. Уже к весне дело было. Заняли мы Шало. До этого там был большой бой, но я в нем не участвовал. Ездили мы к линии, против Никольской разо-

Деревня Мана. Нач. XX в.

брали путь. После было слышно, что поезд свалился. Стояли мы в Шало около месяца. Раз ходили на Камарчагу, дошли почти до линии, там стоял броневик. Вернулись ни с чем. Приблизительно 16 мая (ст. ст.) белые зашли на Кубеинск. Было получено распоряжение отступить из Шало, но до этого мы заняли окопы от Камарчаги.

Белые били из орудий, но не попадали. Только когда начали отступать, стали попадать снаряды в село и зажгли постройки. Мы отступали, не останавливаясь, **Л. 606.** до Имбежа. Дело к вечеру, в Имбеже заночевали. Все было спокойно. 17 мая получили сведения, что белые идут за нами. Мы опоздали занять подготовленные позиции. Встретились с белыми у хуторка к Сосновке, начался сильный ружейный и пулеметный огонь. Белые шли в три цепи, загибая фланги, очень напирали. В это время я был ранен в левую лопатку, пуля засела и сейчас сидит. Я передал винтовку брату, Павлу Антоновичу, и пошел. За мною сразу снялась и наша пулеметная команда. Не дойдя до имбежской поскотины, я ослабел. Тут меня догнала команда на подводе, Востриков помог мне сесть. За Имбежем мне сделали перевязку и отправили в Нарву, положили в походный госпиталь. Лежу и слышу — топот. Разговаривают наши ребята из пулеметной. Встал и вышел на улицу, крикнул.

Наши ребята собирались переправляться через Ману, взяли и меня. Ехали в лодке, плашкоута не было. Взяли Григория Богачева, он мне продуктов дал. Было это поздно вечером 17—18-го (ст. ст.), на лошади Григория Богачева я поехал в Степной Баджей. Пролежал пять-шесть суток, операцию

не стали делать, рана сверху стала заживать, я попросился домой, и меня с удовольствием отпустили. **Л. 7** Раненых было много, тесно. Дали мне лекарства. Прожил я дома недели две. Поехал в Баджей добиваться операции. Зашел в штаб, Зеленов Петр сидит у печки, швыряет бумажки и шурует кочергой. Вижу — не до меня. Я повернулся и поехал домой. Дали бумажку мне, чтобы отсюда послали подводы, передал я ее кому следует. На другой день пришли уже наши сюда, стали привозить раненых. Переночевали здесь, потом их перевезли на Крол, на хутор Дударева Аркадия Сафоновича.

Я в эту ночь ночевал еще дома. В деревне неразбериха, кто ведет прятать корову, кто коня, кто для себя коней ловит, а кто стоит и думает, что делать. Некоторые уходили куда вздумалось. Взял я дома лошадь и присоединился к своей команде. На Кроле, на лугу, где живет сейчас Ковалев Андрей, было у нас формирование. В команде развал начался. Кто хотел, кто не хотел идти с отрядом, но все это молча⁴⁷. К вечеру на носилках отправили раненых⁴⁸. Наша подрывная команда построила мост, по которому и перешли. Дошли мы только до урочища **Л. 706.** Орешки, где и заночевали. Ложилось спать много, а встало мало. Часть убежала из нашей команды. Сбежали Востриков, Бабичев Владимир и Павел Смоляков. Остались я, Таланцев Филипп, Пантелеев Алексей, Пантелеев Федор (братья) и Богачев Григорий. С восходом солнца направились дальше. Дошли до Жаймы. Один из раненых умер (С. Безотечество. — Т. К.). На Жайме две ночи. Утром Кравченко собрал собрание. Сказал:

— Кто с нами, тот наш. А кто не хочет, пусть сдаст оружие и остается. Кто унесет оружие — несдобровать, когда вернемся.

В последнюю ночь, так как трава была съедена, Бабичев Даниил предложил мне отойти подальше, за полкилометра верх по Жайме. Вечером поговорили, Бабичев звал остаться, я не согласился. Ночью я проснулся. Бабичев со Стойчиковым были еще тут. Когда проснулся вторично — их уже не было. Взял я коня — и к отряду. Пошли дальше⁴⁹. К вечеру добрались до прииска. Раненые отстали. Добыли мы муки, напекли лепешек. На седьмые сутки пришли на пасеку, верст десять от Козиной, конную разведку направили в Козино за продуктами и подводами. Подошел отряд. Прислали подводы, мы поехали в Козину.

Л. 8

Стали на квартиру. Голодные. Хозяйка нам на семь-восемь человек подала чашку творога со сметаной и булки три хлеба, хороший хлеб, чуть не весь съели. Вымылись здесь в бане, поехали. В Шалоболуно и Кургане были у нас небольшие перестрелки. Кажется, в деревне Буртак (Бугуртак) нашли пароход, застрявший на мели. Мы переночевали здесь. Побывали ребята на пароходе. Хотели мы его для переправы снять. Утром распоряжение — снять. Сели в лодку я, Алексей Пантелеев, лоцман и еще кто-то, „Кольт“ на берегу, метров двадцать пять отплыли, с левого берега Тубы по лодке огонь. Наш пулемет заработал. Лоцман лодку пустил вниз по реке, мы легли. Пароход не снят. Пошли берегом до Пойловой и Курагино. До солнца заняли Курагино. Там была винная лавка, кой-кто перепились, брали за деньги, а так остатки водки перебили. Дальше шли через Имисс на Григорьевку. В Григорьевке мы стали, часть отряда ездил в Салбу. Когда вышли из Григорьевки на Черную речку, видели вдаль пыль, не предполагали, что это **Л. 8об.** белые за нами гонятся. Нам попало по хвосту, пулемет „Максим“ спасли, а станок остался белым. При „Максиме“ работал Иван Пуховской. Отряд Щетинкина где-то отстал.

Однажды мы делали засаду, но чего там ждали — не знаю. Дошли до Белогорья, выверились рекой Оей и спустились на Ус. Дорога там неважная. Мы решили с Пантелеевым Алексеем плыть на салике*. Плыли спокойно, но до первого перевоза. Хлеба не было, дал кошелек сухарей Попков Андрей. И мы стали ждать свои подводы. Второй плашкоут тоже перешли, на третьем встретила нас усинская дружина, человек пятьдесят с двумя пулеметами. Засада сидела на утесе, взять было можно только обходом. Послали в тыл, белым бежать было некуда, некото-

Вид на Белоцарск. Нач. XX в.

рые прыгали с утеса. Взяли мы два пулемета и уже без помех пошли по Усу.

На Усу стояли дня три. На плашкоуте для охраны был оставлен Манский полк. Мы пошли на Белоцарск. В пути делали дневку на хуторе, где жил поп. Самого его не было, а книг нашли много, брали, кто хотел. Утром нагоняй нам дали за это. **Л. 9** Ночевали в Туране. Заняли в Белоцарске левый берег, переправились на лодках, потом поставили плашкоут. Выкопали окопы. Наш пулемет стоял выше Белоцарска у устья проточки.

О Манском полку говорили, что пропал, но он пришел и занял левый фланг ниже Белоцарска. Вскоре явился и Бологов — около тысячи. С четырех часов утра начал бомбардировку и в лодках (переправился) на левый берег ниже Белоцарска. Сперва пехоту, а потом и кавалерию переправили и начали наступать. Я находился при Ачинском полку. Белые наступали во фланг Манскому полку, и он отступил в степь. Послали на поддержку батальон Тальского полка, но не встретился с манцами, а с белогвардейцами. В час дня Щетинкин прошел над окопами:

— Вставайте, товарищи, и выходите из окопов.

Пошли мы за ним вверх по протоке, прошли с километр. Там топольник и черемуха — кусты. **Л. 9об.** Щетинкин говорит:

— Сегодня решительный бой. Земля не наша. В Монголию нас не пустят. Если мы не выиграем боя, завтра нас перевесят.

Скомандовал рассыпаться в цепь. Мы стояли с правого фланга Ачинского полка.

Шли мы в степь гуськом, пока не отошли с полкилометра в степь от протоки. Белые били по цепи сна-

* Салик — небольшой плот из мелкого леса.

Восстановление железнодорожного полотна, взорванного партизанами. 1919 г.

рядами, но не попадали. Первая цепь — Ачинский полк, вторая — Канский, третья — часть Тальского полка. Наша цепь была на возвышении. Мы подползли и начали бить из ружей и пулеметов. Задание — взять во что бы то ни стало. Пока шли по берегу, белые стали отступать к Енисею. Из нашего пулемета, пока мы бежали, было выпущено восемь лент. Белые заскочили в наши окопы, батарея умолкла, 14 пулеметов работают и ружейная (стрельба). Мы были на 50 метров от своих окопов, залегли. Заложили мы еще ленту, расстояние уже маленькое. Пока работали пулеметы, **Л. 10** цепь лежала. Когда лента в нашем пулемете пошла, раздалось «ура!». Попали мы на роту мобилизованных. Они вскочили и штыки в землю. Часть, знавших вину за собой, бросались в реку. Там было много дров, бревен, на них переплывали. В лодку, поднимавшую 40 человек, село полно. Пулемет наш по этой лодке, начали белые выскакивать. Метров сорок отплыла лодка. Это было уже поздно вечером, мушку было уже плохо видеть. Пришли в свой окоп и ночевали⁵⁰.

За Бологовым пошли наши, впереди разведка, затем наш пулемет. На 125-й версте мы хотели зайти в перед белым, но их напугала наша разведка, они удрали спешно. Не было соли и хлеба, зато было много мяса. **Л. 10об.** На Думной горе белые засели. Мы обходили со Щетинкиным, но они нас видели и удрали. На Даниловском заводе взяли под пулемет серого жеребца с повозкой, зашли на гору, видели Минусинск,

выпустили пол-ленты и вернулись в Даниловский завод... Было это 11 сентября, а 12-го заняли Минусинск без боя.

С пулеметом дошел до конца». **Л. 11**

25 августа. Мигна ГОЛОЩАПОВ ФИЛИПП НИКОЛАЕВИЧ:

«В январе я поехал с Непомнящим Николаем в Упор за дровами. Едем с дровами, едут человек сорок с Маны партизанской тропой. Остановили нас, говорят, что они партизаны, стали расспрашивать. Погон у них не было, они их на приисках сорвали, мой дядя видел, он там был. Мы не поверили, так как они нас задержали, а партизанам незачем было держать. Расспрашивают, есть ли отряды. Мы соврали, что у нас в Мигне стоит рота да еще в Козино столько же. Они нас продержали до вечера. Кони продрогли, у Непомнящего лошади пошли. Он за ними. Белые кричат ему: — Стой! Стой!

Он не останавливается. Кони увидели, что их догоняют, пошли рысью, потом на мах. Белые не стали стрелять и гнаться, понадеялись на разведку, которая уехала вперед. А разведка заблудилась, повернула вверх по Отроку, пока дорога не уперлась в пасеку. Непомнящий успел тем временем ускользнуть. Приехал в Мигну и сообщил. А тут были партизаны, Ткаченко, **Л. 11об.** Внуков, Кравченко Дмитрий, Ваганов и Молотков Андрей. Ткаченко и Внуков как раз за-

маскировались, юбки понадели. А тут Непомнящий со своим известием. К черту юбки, давай готовиться.

Белые из Упора поехали в Мигну, меня с собой взяли. У Отрока подождали разведку, пустили ее вперед (троих). Часов в 10 ночи подошли к Мигне. А тут у дороги их уже ждут: партизаны — с винтовками, остальные — с чем попало. Не разобрали, с кем дело имеют, сложили оружие. Я плохо видел подробности. Видел потом, что полковник все за волосы хватался:

— Кому я поддался?

Я сильно перемерз и поторопился домой. В отряде оказались почти одни офицеры, солдат было человек пять. Один из солдат сразу же, как въехали в деревню, вбежал в первую избушку и попросил спрятать его от офицеров. Его спрятали, двое офицеров забежали было за ним, но его уже не нашли.

Вооружены были хорошо, у всех винтовки, наганы, у некоторых по два, был пулемет. Помню фамилию полковника — Савицкий. Солдат отпустили, офицеров отправили куда следует». **Л. 12**

Сухая Кирза КАМПЕРНАУС АЛЬБЕРТ АЛЕКСАНДРОВИЧ:

«В Иркутске поезд остановили, там было восстание юнкеров⁵¹. Красногвардейцы предложили желающим вступить в их ряды. Я вызвался. Дали нам оружие, человек пять нас нашлось. Влились мы в отряд рабочих какого-то депо, дружина их была. Потом на группы разбились. Восемь суток шел бой без перерыва, день и ночь. Участвовал я в наступлении на здание юнкерской школы, из церкви выбивали и из подвала в магазине на Большой улице. Человек сорок их там засело. В мелких стычках участвовал где пришлось». **Л. 13** После ликвидации восстания вернулся домой. Староста Густав Херм донес старшине Кабаненко, что Кампернаус скрывается. Таких из соседних деревень набралось человек тридцать. «Создали мы тайную организацию, с Кравченко имели связь еще до выступления через учителя Лаца (его расстреляли белые в Красноярске, он поехал для связи с подпольной организацией вместе с Малышевой и попался)»⁵².

Когда приехали восемь человек милиционеров, мой брат сообщил об этом, он был как раз в Баджее. Я передал об этом другим, провели вечером собрание и ночью послали в Баджей. Хотели арестовать Кабаненко, но он сбежал. Первый бой был в Борзоначке, второй — в Тюлюпе. Был я в 1-м Манском полку, был в лыжной разведке. В Ингуте попал в переплет. Пошли ночью в разведку Гартман, Лидин, Викстин Юлиус, Блумберг Иван, Франк Иван и я. Взяли бомбы, перевязали руки платками и разделились. Я пошел с Гартманом, остальные на две группы. **Л. 13об.** Подходим,

Зимин, занимался в армии мобилизацией лошадей для партизанских отрядов. 1924 г. Фотография получена 5 мая 1926 г. Инсценировка.

свет в избушке. Белые в карты играют, а винтовки в другой комнате. Мы зашли, винтовок пять захватили. Выходя, наткнулись на часового, пристрелили, получилась тревога. Мы в разные стороны. Я ушел, а Гартман не успел захватить лыжи, забился в снег на горе. Нас окружили, Гартмана прострелили в спину, захватили и в Кияе замучили. Я ушел. Окружили Франка и Блумберга, загнали в сарай и сожгли живыми. Я успел унести захваченные винтовки и патроны, так как успел встать на лыжи. Нас всех было окружили, подошла помощь, мы не только прорвались, но сутки держали белых в осаде. Тогда ранили Лидина, я его еще вытащил на тропинку, ранили еще Ивана Бардина рядом со мною, мы подбирались к пулемету белых...

В Тюлюпе (уже после боя) шли мы в разведку: я, Апин из Отрадного и из Зарзибея. Была договоренность с хозяином крайнего **Л. 14** дома, что если нет белых, то над сараем красный платок. Рано утром подошли, платочек на месте. Зашли, чай пить сели.

Шесть человек белых к окну, верховые, сзади небольшой обоз и пеший отряд; мы выскочили через забор, пристрелили троих (они уж коней привязывали), лошадей забрали. Остальные удрали, но потом отряд начал нас окружать. Мы прорвались к своим, донесли и пошли в наступление на Тюлюп. Это, кажется, третий раз под Тюлюпом дрались.

В Имбеже, на горке, тоже с белыми нос к носу сошлись. Вся разведка наша была, сзади кавалерия и пехота шли. Шли мы за Имбеж к Шало весною, дошли до Ключика, мостик, дорога поворачивает. Я впереди шел и первый белых заметил, крикнул:

— В ружье!

Успели мы вперед взяться, в трех шагах друг от друга стояли. **Л. 14об.** Бой начался серьезный, белые из орудий стреляли, мне шрапнелью сорвало патронташ. Удалось белым нас отрезать от своих, с утра до обеда бой шел. Потом рассыпались и наши, и белые. Белые ушли на Кой, мы — на Нарву.

Участвовать пришлось во всех боях Манского полка. При отступлении около Григорьевки Манский полк окружили казаки и оторвали Манский и Ачинский полки. Пришлось отступить в тайгу. Пробрались в Урянхай, ели лошадей дорогой. Шли без тропы, целиком. Был с нами местный житель, работавший на Усинской дороге, охотник, знавший тайгу. Он нас и вел. Вышли уже в Урянхае, верст пятнадцать-семнадцать в сторону. Под Белоцарском в бою отрезали часть манцев, но я был в другом месте, в 1-й роте. Там вообще были налеты с той и другой стороны, отрезали то белые часть наших, то мы часть белых.

Шел я от Белоцарска до Ачинска, там соединились с Красной армией. Наши не хотели сдавать оружие... Пришли Кравченко, Щетинкин, уговорили. Сдали мы оружие». Автор пробыл в армии до 1923 года. **Л. 15**

25 августа 1933 года

Собрание партизан в Мигне

Присутствовали: 1) Путимцев Игнатий Васильевич, 2) Внуков Филипп Яковлевич, 3) Лалекин Николай Фомич, 4) Ваганов Гавриил Павлович, 5) Путимцев Феофан Максимович, 6) Никифоров Василий Петрович, 7) Жданов Иван Петрович, 8) Шерстнев Иван Алексеевич, 9) Безъязыков Тихон Дмитриевич, 10) Безъязыков Федор Иванович, 11) Ходоков Клемент Антонович, 12) Темиров Семен Захарович, 13) Дементьев Михаил Михайлович, 14) Хочев Сергей Васильевич, 15) Безъязыков Яков Дмитриевич, 16) Непомнящий Яков Дмитриевич, 17) Непомнящий Никифор Епифанович. **Л. 16**

Г. П. ВАГАНОВ:

«Были у нас Базаркин и Непомнящий, у моего брата, прятались дня три в поскотине, дали им хлеба, и они пошли навстречу партизанам и привели их сюда. Приехали к нам 12 человек, часть стали у Мартюхи, часть у Семена Голощапова. Выдали себя **Л. 16об.** за белых. Двух они везли будто бы арестованных красных и стали у сторонников белых. У Голощапова стали спрашивать, кто сторонник белых. Он и выбрякал всех 17 человек. До этого у нас выписывали большевиков какашинский (д. Какашинская Устьянской в. — Т. К.) поп Николай (расстреляли партизаны за листовничным пнем) и Топорков. Среди большевиков были выписаны Яков Непомнящий, Ваганов, Внуков, Безъязыковы Егор и Федор, Ткаченко, Еремеев Николай и другие, всего 17 или 18 человек. Предателями были Вшивков, Гавриил Рехлов и Семен Голощапов.

Партизанская разведка выписала надежных для белых: Голощапов Семен, Пшеничников, Спиринов, Терсков, Вшивков, Гавриил Рехлов, **Л. 17.** Потылицин Кирилл, Пашин Ефим, Гурьев Андрей, Сергей Фомин, Безъязыков Семен Алексеевич, Власов Иван и других. Всего 17 человек. Их после выхода Щетинкина арестовали всех».

Н. Е. НЕПОМНЯЩИЙ:

«Вышли ночью, чуть отбеливало, спустились с горы, стучат:

— Отворяй! Свои.

Открыли, шесть человек, винтовки на плечах:

— Дружина есть?

— Была, да снята.

— Милиция есть?

— Нет.

Вышел один, свистнул. Конница с горы. Деревню окружили. Старуха этих кормит. Я вышел, идет Мирон Коржевский: **Л. 17об.**

— Знаешь, наша деревня взята. Щетинкин вышел».

С. З. ТЕМИРОВ:

«Наша хата с краю. Стучат ночью. Открыл. Все в глине, с винтовками. Белые или красные?

— Закурить есть?

Подал. Спрашивают:

— Где Терсков? Пшеничников, Пашин?

Рассказал я им. Пошли они, я за ними. Гляжу — конницей охвачено. Слышу, говорят:

— Следите хорошенько, товарищи.

Ага, значит, красные».

Н. ЕРЕМЕЕВ:

«Я ехал с товаром из Абаканска. Там о Щетинкине тоже говорили. Заночевал я на Михайловском вы-

селке. Мне говорят, что Семен Голощাপов **Л. 18** убежал. Приехал я, меня обыскали. А я пистоны привез, в лавку сдал, меня отпустили, а потом позвал меня Щетинкин, отпустил. Взяли пистоны, свинец, порох, кожаные товары, на 350 рублей расписку дали. Собрали здесь хлеба, возили хлеб в Ижинжунь, раненых вывезли. Давали белье, мыли в бане. Прожили сутки-полторы, уехали. Коней им Мигна попеременяла. Уходя, наказывали:

— Не поминайте добром, ругайте, а то попадет вам от белых.

Брать с собой отказывались. Коли идти, так со всем, что есть.

Голощাপов в одном белье добежал до Никулиной, там его друзья Петуховы дали ему верховую **Л. 18об.** лошадь, и он поскакал, дал знать в Курагино, от туда уже в Минусинск сообщили. В результате бой в Салбе.

Был здесь казачий сотник Садовский, и у него отец был начальником карательного отряда, приезжал в Кныши и здесь гонял миггинцев за отданных партизанам в обмен на замаянных хороших лошадей. Сейчас старик Садовский живет в Минусинске на Кузнечной улице у самой Минусинки...

После прихода Щетинкина начали создавать подпольную организацию. Главари были Ткаченко Антон Трофимович, Внуков Иван Яковлевич, Баринов Ларион. Собирались в пашенных избушках, в банях. Завязали связь **Л. 19** с Отроком. Осенью, по первому снегу, девять человек выехали в Отрок, дома еще побольше — десять осталось. Присоединились отрокские, приехали все в Мигну, выступили в открытую. Козинцы присоединились. Съездили в Кныши. Съездили на Сисим, там белых порастрясли.

Поехали человек тридцать под командой Внукова. Приехали в зимовье, командир объявил, что будет бой. Заняли Джотку (Верхне-Предтеченское), охватили весь прииск. На прииске пряталась белая милиция, наблюдатель у них вверху сидел. Увидели они нас, ходу. Отрезали мы их, взяли арендаторов Топорковых (аннулировали их). Видели свежую лыжницу, не могли догнать. На Макарьевском прииске захватили мы трех усталых лошадей, три винтовки, а людей нет. Седла на конях плохие, без потников. **Л. 19об.** Стали допрашивать Катаева, кто эти люди.

— Убежали. Спали и убежали.

Видим, врут. Явно, что расстреляли их. Были это разведчики Щетинкина. Иван Казанцев нам рассказал, рабочий он, был арестован колчаковцами Топорковыми. Катаев Михаил бегал к Топорковым, а те организовывали облавы и ловили. Сажали на пни и расстреливали. А теперь Катаев служит хозяйственником на приисках и с рабочими обращается по-собачьи.

П. Е. Щетинкин. После 1920 г.

Арестовали мы Катаева, Муравяткина и Горохова и повезли на (Верхне)-Предтеченские к Топорковым. Охватили мы топорковские помещения, у нас сбежали трое, один милиционер. Догоняли мы их через полсутки, догнали. Я только их в вид взял, крикнул, бросили оружие. Привели **Л. 20** их. Внуков допросил, они указали, что есть оружие, патроны. На реке Березовке под выскорью лежат запакованы. Васька Жибинов точно указал. Сами они трое и копали. Мы достали: 20 винтовок, трехлинейку, две централки и ящик патронов до пуда весом.

Пястова (одного из трех арестованных) я послал с ребятами на Ольховку, а мы двое пошли обратно да двое арестованных. Оружие увезли на Ольховку. Дошли до хребтика. Кричу:

— Васька! Отходи в сторону!

Отшел Топорков, я его пристрелил. Потом Жибинова прикончили. Верст двадцать до приисков. Только пришли, встречаем Сабаева. Он настаивал, чтобы вывести весь корень Топорковых, а я ребят пожалел. Они вечером сбежали. Приезжаем мы в зимовье, а в другой половине бабы Топорковы, ворожат. Мы без огня, а в той **Л. 20об.** половине две лампы. Дали нам огня. Посоветовались мы

с Онкиевым Николаем и оставили топорковскую семью».

Ф. Я. ВНУКОВ:

«Числа с 20 июля мы узнали о готовящемся восстании (в военном городке в Красноярске. — Т. К.), а 29-го уже восстали. Свою долю мы выполнили — городок захватили.

Отбивались от города, но нас со спины захватил 4-й полк. А потом командиры стали строить роты и вытаскивать кого надо. У нас был вахмистр, собака добрая. Командир был прапорщик Баженов. И в германскую я под его началом служил, и здесь пришлось. При восстании я его арестовывал. Выйти мне было в строй нельзя, затаился в казарме. Ночью я выбрался с Константиновым из **Л. 21об.** Больших Кнышей, да еще Лыщенко из городка к нам примкнул. У него шинель, мы в желтых рубашках. Дошли до Караульной, там нас мамка почистила.

У Даурской нас часовой не задержал, указал рукой повыше. Обошли Даурское возле утеса. А тут поленица. Кони нас услышали, бросились. Константинов кричит:

— Казаки!

Посидели за поленицей, пошли. Сбились впотмах, вышли на середину улицы в конце деревни. Выбрались, костер горит. Бросили жребий — идти нашему хохлу. Пошел, машет фуражкой, значит, можно. Накормили нас тут, хлеба дали.

Дошли до Борков, переправили нас в лодке. Доходим до Хламенки (Хламенковский перес. уч. в Минусинском у. — Т. К.). Встретили молодого поляка, поговорили, **Л. 22** сказали, кто мы, он говорит, что у него шурин скрывается. Старик нас после дневки взялся за 50 рублей довести, да заблудился. Днем едем через Кандыбай. Пара граблей да вилы, стащенные сзади, а старухи говорят:

— Эти от службы бегают.

Добрались до Никольска, там у меня свояк, пришел, предупредил, что писарь придет документы проверять. Подал он нам знак условный, мы от проверки сбежали. Добрались до покосов Цыганкова, дождались его, он нам хлеб отдал, вечером ужин привез. Под видом слепого товарищ меня мимо мигнинского парнишки провел, чтобы не узнал.

Прихожу домой, слышу в деревне пляска. Свадьба была. Дома стариков **Л. 22об.** нет. Бужу жену, она грозит закричать, за чужого приняла. Черкнул спичку — узнала. Только лег, приезжает Константинов, жить нельзя. Забрали котомки, пошли в Ижинжуйль, восемь дней прожили, хлеба не хватает. Пошли, дождь льет.

Стоим под елкой. Вдруг двое вылетают с винтовками. Один винтовку с плеча. Я рукой машу — не надо. Подъезжают. Один говорит:

— Это не большевики.

Эге! Тут я догадался, что это милиция. Забрали они нас, повели в Козину, чтобы там нас опознали. Плохо дело — опознают. Мы идем за ними, то вперед забежим, то отстанем. Улучили минуту, удрали, сажень сорок отбежали, оглянулся один:

— Эй, сбежали!

Ну, теперь ищи. **Л. 23** Добрались до дому. Ночь просидели, ели. А ночи коротки. Ушли в Ижинжуйль, недели три прожили. Тут слух — Минусинск скоро возьмут. Стали мы поблизости жить. Константинов ушел, а я с Яковом Ивановичем Безъязыковым. Малолеток он еще. Пошли мы с ним в Минусинск к партизанам. Пришли в Кныши к Константинову, он с нами пошел. По пашням остожья* городили два дня, потом нас повез дядя Якова. Подъехали к Терехте, едет поп ихний, сбегает. В Терехте слезли, дошли до Курагино, к Базаркину. А там отряд человек сорок собирается выступать. Поп нас благословил, пожелал успеха. Мы поехали с отрядом.

Дня через два нам задание: **Л. 23об.** вместе с никольцами отряд организовать, занять Кому (с. Комское) и держать фронт. Когда пришел Северо-Ачинский полк, нас к нему прикомандировали. Винтовок у нас маловато. Наши на Аешку ушли, 17 человек осталось. А тут нас известили, что казаки проехали, человек семьдесят, спешились, поехали на подводах, а кони остались. Мы коней опоздали захватить, гнались за ними, да в Улазы и вляпались. А там карательный отряд, паники нагнали. Утром мы с Суворовым двух с винтовками захватили, вооружились. Коней взяли несколько штук. Тринадцать человек нас ходило.

Белые Кому заняли, пошли на нас, пришлось нам отступать. Потом мы наступали. А потом они нас до Салбы гнали. **Л. 24** Поехали мы в разведку в Убей-Татарку — никого. В Хламенку — тоже никого. Наши в Убей-Татарке чай пить стали. А они в Хламенку поехали. Только подъезжаем — пара верховых. Мы припрятались, а в стороны не смотрим. Вдруг выстрелы. Кони прыгнули, мы с коней. Один ускакал. А мы шестеро пешими остались. Добрались в деревню, в наш бывший штаб. А кони наши там ходят. Взяли мы их, открыли калитку и поскакали. Одного так и не дождались.

Послал я одного с донесением. Дали нам подкрепление. Надо было засаду сделать в Ключике, а мы цепью редкой едем. **Л. 24об.** Там каратель Волков стоял.

* Остожья — изгородь вокруг стога сена или снопов или жерди для сушки.

Расщипали его. Взяли в плен несколько человек. Не сдавались они, слезли в Убей. Попадал лишь тот, кто на мель попал, не смог утонуть.

В Красноярском восстании из Мигны были я и Архипов Федор Федорович. Из Отрока было расстреляно пять человек: Ашихмин, Окулов Семен. Чебыкин Полифан из Отрока был шомполами порот. У нас организатором был унтер-офицер Алексеев. Был Власов Иван из Тоболки (д. Тобольская Никольской в. Минусинского у. — Т.К.), тоже участвовал в восстании, скрывался в тайге и был потом в Никольском отряде». **Л. 25**

27 августа. Малые Кныши ГЛАЗУНОВ ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ

(биографические сведения не указаны):

«За Красноярское восстание стали расстреливать из деревни Ново-Троицкой через двух третьего, Полежаев Иннокентий, и застрелен из нагана Таскин Никита Ефимович. Из Больших Кнышей расстрелян Путилин Тихон, из Ново-Троицкого под Бузуновой казаками изрублены Рекин Федор Михайлович и Петров [...] Липатьевич. Оба отстали, работали у крестьян, и их безоружных казачья разведка изрубила на пути домой. Федор отбивался колом». **Л. 25об.**

28 августа. Малые Кныши КУЗЕВАНОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ:

«Призван был в армию в феврале 1917 года. Попал на фронт, служил в тяжелой артиллерии. После Брест-Литовского мира⁵³ дивизию расформировали, пришел домой в феврале 1918 года. В августе снова был мобилизован, привезен в Минусинск, бежал с товарищами (семеро): Внуков, Соловьев, Шахматов, Суворов, Молотков, Непомнящий, Василий (из Мигны). Появился дома, волостной старшина отправил под караулом обратно в Минусинск, затем отправлен в Иркутск. Бежали с подложными документами, **Л. 26об.** подлог обнаружили, „наломали хвоста“, снова бежали. От Ачинска до Мигны шли ночами в декабре, пришли домой.

Стали подозревать. С Непомнящим ушли в тайгу охотиться, через месяц вышли из тайги, в Мигне были казаки. Пришлось снова уйти в тайгу, в тайге скрывались, попадали в бураны, переходя с места на место, иногда зимой ночевали под кустами. Золотопромышленник Топорков сообщил командиру отряда белых, что в тайге живут большевики, и указал адреса семей. Родителей прижали так, что они отказались от детей. Приехали в Красноярск, вернулись обратно, а отец не принимает». У Кузеванова арестовали мать. **Л. 27**

А.В. Колчак. 1919 г.

Поехали в Минусинск, дорогой были захвачены. «Уже подполье начиналось. Представили в милицию, оттуда воинскому начальнику. Был тогда заместителем капитан Малеев, мой ротный по фронту, узнал меня, направил в пересыльную часть. На сборном пункте нас, 60 человек, задержали: Щетинкин шел на Ману. Только после прихода Щетинкина на Ману нас отправили в Иркутск. Ждала нас там баня с предбанником, поэтому мы в Агинском воинском правлении просились добровольцами на фронт. Но у нас в документах стояла буква «Д» — дезертир. Отказали. Приехали в Иркутск, шесть дней бродили, пришлось являться. Через неделю полковой суд нас судил. Дали по три месяца гауптвахты. Через два дня на третий только горячая пища.

Просидели три месяца. 20 декабря, когда мы уже вышли, на Черемховских коях забастовка... В ночь на 21-е было офицерское собрание, оттуда поручик Попов, подпоручик Фелицин и полковник **Л. 27об.** Красильников вызывали офицеров поодиночке, спрашивали, согласны ли восстать, и несогласных арестовывали. В ночь мы из Глазкова на 25 декабря наступали на станцию Иркутск. Обезоружили часть анненковцев, семеновцев. Оттуда в караульный батальон. Пошел я и четыре товарища. Провели собрание;

Отступающие колчаковские солдаты. Октябрь 1919 г.

восстали караульные части. Другие ходили в соседние деревни, там стояли пулеметчики. Двадцать один пулемет у нас.

Назавтра в Иркутск. Егерский батальон не согласился восставать. Пошли в 54-й полк, тот тоже отказался. Унтер-офицерский батальон выступил, начал бой с юнкерами и с боем отступил за речку Ушаковку, в Знаменское предместье⁵⁴, где стоял батальон особого назначения из пленных большевиков. Отступали туда, чтобы освободить тюрьму, что и сделали. Освободили и уголовщину.

28-го мы переправились на городскую сторону, соединились с отрядом особого назначения и унтер-офицерским батальоном. 29 (декабря) вместо четырех (часов) в семь часов пошли с боем на Иркутск. Подошли к Ушаковке. Тут нам дали баню — к вечеру из нашей роты 46 штыков выбыло. **Л. 28** В унтер-офицерском батальоне осталось во взводах до пяти человек. 29-го в девять утра меня ранили. Провалился до вечера, санитар меня подобрал и был сам ранен. В ночь на 30-е навозили наши кирпичей, наложили бойницы и стали ждать наступления белых. Был большой туман, белые шли в халатах. Наложили их груды. Вечером 30-го из Иркутска запросили перемирия

на полсутки. Потом еще на полсутки. Тогда наше командование начало тянуть левый фланг до шоссе, по которому шли белые. Тут замели многих, бежал один генерал Сычев. Головку замели, 27 подвод банковского имущества⁵⁵.

После боя 91 гроб несли (на Иерусалимской горе было похоронено 128 жертв. — Т. К.). Разные лозунги были, но только один — «Да здравствует власть Советов!». Это была подпольная организация большевиков. Вскоре приехал Колчак. Непомнящий ходил его арестовывать и переводил через Ангару по плашкам (Ангара еще не совсем стала. — Т. К.)⁵⁶.

Выписался я из больницы, поехал домой и на станции Зима попал каппелевцам. Был у меня документ 10-го партизанского Советского полка. Скрыл я его, браунинг выбросил. Шесть суток на Куйтуне без **Л. 28об.** хлеба и воды нас держали. Освободила 27-я дивизия. Приехал я домой в начале (19)20 года». **Л. 29**

Мигна МОЛОТКОВ ИВАН ФЕДОРОВИЧ

(1899 — ?), из бедняцкой семьи. Других сведений нет.

«В октябре у нас организовался Сыдикский отряд⁵⁷. До этого я четыре месяца был в белых войсках в Иркутске, откуда уволился. В боях не участвовал, был уполномочен по выявлению скрывававшихся офицеров, выхода белых из тайги... В Мигну выходили офицеры. Разоружили их крестьяне, отправили на подводах. Приехал Ачинский полк и заставил белых вернуть. Обыскали, отправили пешком. Шесть человек до Минусинска довели, остальных ликвидировали.

Сбежали эти офицеры из Овсянки. Солдат с ними было всего шесть. Сбежавший солдат просил разрешения отплатить офицеру, который при первой попытке этого солдата бежать (еще на Мане) дал ему три плети и наставлял в грудь наган. Офицер отпирался от своего звания, он его уличил и отплатил полностью». **Л. 30**

Малые Кныши ПОПОВ ИПАТ ГРИГОРЬЕВИЧ:

«Собрались мы в Красноярском военном городке. Записались мы в кавалерию (стали нас учить). Пехоту отправили вперед. Учить учат, хлеба нет, кипятку не достать. Вызвали Кравченко и Щетинкина, обещали все дать, неделя прошла — ничего нет. Приехал воинский, стали ему говорить, а он нам:

— Мы вас не звали и можете катиться отсюда.

Л. 30об.

Взяли на принцип ребята:

- Давай документы.
- Можете получить.

Выдали нам на 30—40 человек один документ и отпустили. Дали продуктов немного и подводы для вещей. Приехали домой, организовали комячейку и стали ездить в продотрядах и против бандитов.

За Абаканском раз подъезжает наш отряд к селу какому-то. Стоит татарин на карауле из мобилизованных. Спрашивают партизаны:

- Кого караулишь?
- Не помню, как звать. Свиной шерсть караулю. Это он Щетинкина так назвал. Говорят ему:
- Иди, мы тебя утопим. Мы всех белых топим.
- Пойдем.

Конечно, его не утопили. Винтовку он отдал беспрекословно и шел, не упираясь, а ребята вели нарочно, будто топить». **Л. 31**

28 августа. Сони́на НЕПОМНЯЩИЙ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ:

«Когда в России произошел переворот, приехал в Паначевскую волость (Минусинского у. — Т. К.) прапорщик Юрьев, уполномоченный Сибирского временного правительства⁵⁸, призывать в армию. Вызвал делегатов из деревень, от Сониной поехал В.В. Непомнящий, его выбрали и председателем собрания. Юрьев доложил о призыве. Я задал вопрос:

- У нас есть шестой крестьянский съезд, он вынес решение отцу с сыном не воевать⁵⁹.
- Должна молодежь за революцию воевать.

Я говорю:

- Надо съездить в Минусинск, поговорить с делегатами шестого съезда.

Уполномочили ехать в Минусинск Непомнящего и Романа Ивановича Вершинина. Сразу не поехали, а отправились в Старые Кныши, чтобы выяснить, будут ли там отправлять мужчин в солдаты. А там уже мужики пьяные — сыновей проводили. **Л. 32** Встретился Непомнящий с Усковым и Пшеничниковым из Большой Ини, те уже „бегали от реакции“ за отказ давать солдат. Вернулись домой. Писарь сказал по возвращении, что житья делегатам не дадут. 15 сентября приехал милиционер арестовывать Непомнящего. Я оделся, собрался ехать. Пришел Иван Васильевич Вершинин из Викуловки и Бормотов Иван Тимофеевич из Чердака (д. Чердаки Паначевской в. — Т. К.) и говорят:

- Сделайте собрание, не дадим Непомнящего. Власть на местах должна быть.

Сделали собрание, председателем выбрали Крюкова Филиппа Ивановича, секретарем Вершинина Ивана Васильевича. Они настаивают меня не давать,

подписали протокол: Непомнящего не давать. Колчаковские сторонники осторожно себя вели, но я имел **Л. 32об.** сведения, что есть приказ об аресте. 21 ноября, в Минусинскую ярмарку, выехал Роман Иванович Вершинин из Викуловки. Во время ярмарки было собрание у Тарелкина, где участвовал Титов Андрей Александрович из деревни Сидоровой, торговец. Он и добился ответа, что будет моим защитником. Тарелкин ответил, что если Паршаков и Непомнящий пробегают, может, и уцелеют, а они записаны как ярые большевики. Узнал это Титов по просьбе Вершинина Романа Ивановича.

22 декабря явилась ночью милиция — большевиков взять. Прямо к сельскому старосте Засипыкину Алексею Лаврентьевичу.

- Ни с места! Скажи, есть у тебя большевики?

А рядом самогонку у соседа Юскова гнали. Прибежали милиционеры аппарат разбивать. Фекла Юскова прибежала к отцу, Лыткину:

- Казаки наехали, Непомнящего убьют. Семен Александрович Лыткин ко мне:
- Убегай!

А сам запряг коня и по соседним деревням, мешок **Л. 33** с собой, будто на мельницу, а сам по соседним деревням извещать большевиков, чтобы сбежали. Ни в Чердаках, ни в Викуловке никого не нашли, а я удрал сразу в одних кальсонах. Ночью собрались все сбежавшие в Таракановке. Были там я, Павел Паршаков, Роман Вершинин, Бормотов Иван и два дезертира от Колчака — Кирилл Филиппович Комаров и Паршаков Иван Кириллович.

- Куда деваться?
- Идемте в нашу избушку.

А у нас вместе с дезертирами была избушка заранее срублена. Собрались в избушке, обсуждаем. Бормотова и Романа Вершинина можно еще на поруки взять, тем можно явиться, а мне и Паршакову — смерть. Эти двое вернулись в тюрьму, посадили их. А мы двое подались на Каспу (речка за Золотым Ключом). Там жили большевики: Дунайцев Василий Григорьевич **Л. 33об.** из Шалоболоиной и Казюрик Семен Сергеевич, тоже из Шалоболоиной, и Аверкин Василий Иванович из Чердаков (убит).

Пробыли там до 1 мая, от преследования с Каспы ушли на Кампю, по Большому Сушу, выстроили избушку, 7 марта перешли в нее жить (место видное, не подойдешь крадучись); обдумали идти в Курагино, взять документы фальшивые и ехать на рыболовню в Туруханск, Базаркин в кооперативе работал. Вышли мы, Комаров и Паршиков — дезертиры, пошли за продуктами, а за документами пошел я; Федор Базаркин, Павел Паршаков — к Василию Петровичу Базаркину, брату Федора. Дезертиров в деревне поймали, а Авер-

Канский полк под боевыми знаменами. Третий слева в первом ряду — П. П. Петров. 1920-е гг.

кина избили, увезли в тюрьму полумертвого, и там он умер. Милиция налетела, проехали оттуда на прииск Золотой Ключ, взяли рабочего Пустуева Захара Ивановича, державшего с нами связь, отвели его в Ключ и застрелили. Начальниками отряда были Меньшиков и Дегтянников (убиты оба). **Л. 34**

Из Сониной Поликарп Филиппович Комаров 27 лет и из Чердаков Аверкин Семен доставляли нам пищу, эти оба уцелели. Шли мы ночами, подтаежными деревнями, везде охрана, но везде и знакомые. Пришли в Климовку, был там знакомый секретарь Федор Аленников и его брат Иван. Принесли хлеба, табак и газет. Поговорили с ними, узнали, что отряды За-нина на Ольховке.

Отдыхать стали на берегу Кызыра (верно: Кизир), я предложил пойти в березник, а то тут могут увидеть. Базаркин и Паршуков не пошли с плотбища (пристань), а я зашел в березник и заснул. Проснулся, спускаюсь к берегу — нет товарищей. Сидит молодежь из Михайловки против плотбища. Я сел на дерево, **Л. 35** задумался, где товарищи. Идет человек, я думаю, что Аленников есть несет. А это облава с оружием. Подходит староста и писарь Аленников со всем обществом.

— Где твои товарищи?
 — Господин староста, у меня товарищей нет.
 — А вот здесь двое сидели, с Дулиным ссорились.
 — Ничего не знаю, я один, меня рыбак перевез, я на Ольховку иду. А эти проклятые большевики нам жизни не дают, вы бы их поскорее выловили.

Была у меня старая бессрочная книжка. Достаяю ее и берегусь, газет полно (за пазухой), газеты климовские.

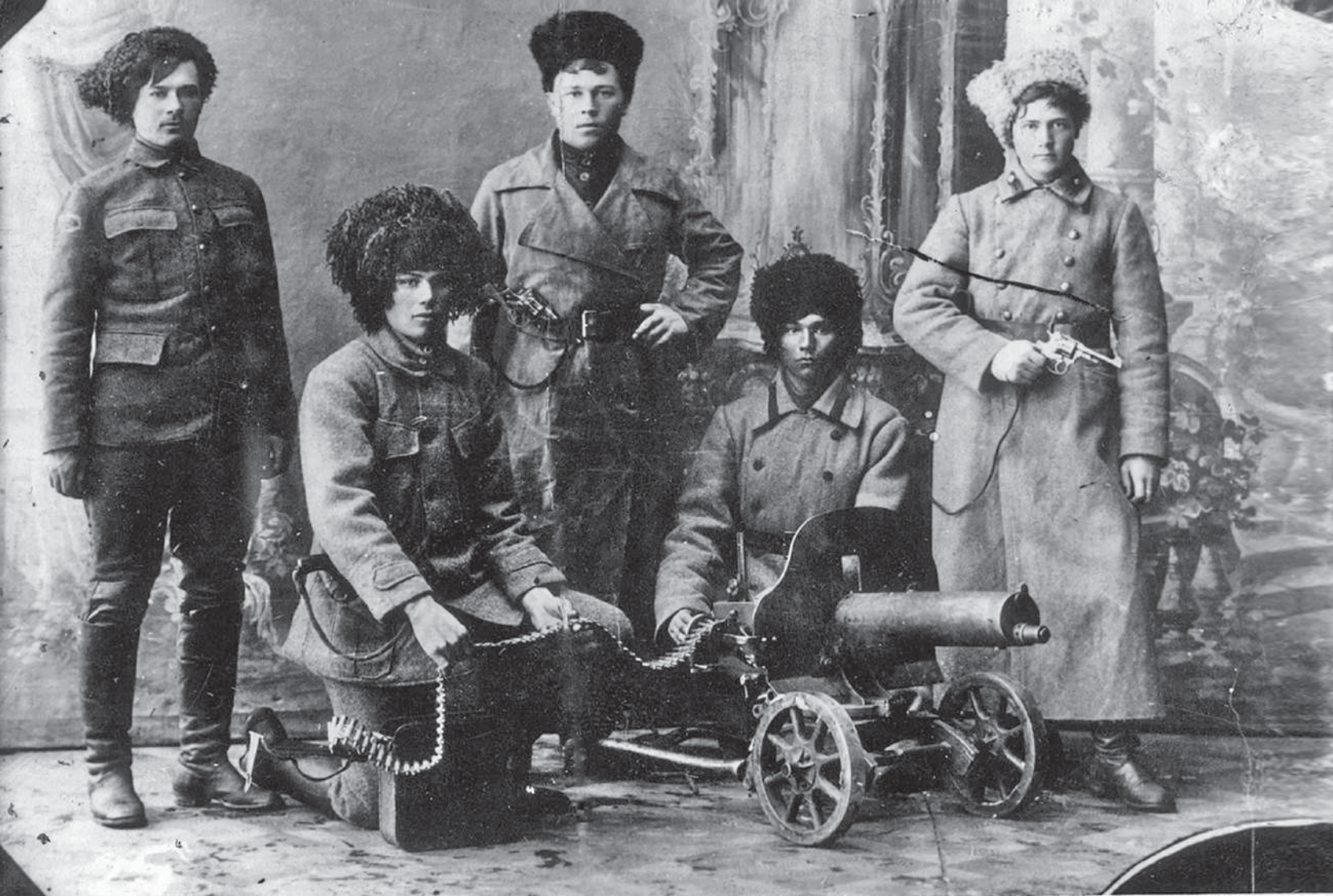
— Господин староста, вот у меня документ. Просмотрели мой документ из Большой Нички.
 — Правильный документ, иди. Да вот погоди, пойдет с тобой писарь.

А черт с ним, навязался. Как отошли, он спрашивает:

— А где Базаркин?
 — Ничего не знаю, никого не знаю. Отвяжись.
 — Да я ведь табак посылал.
 — А, друг! Вот бросили.

В эту же ночь собрались все трое у Ивана Аленникова. Я их упрекал, что они меня бросили. Аленников говорит:

— Берите лодку на берегу. А Дулину отплатите, он наш первый враг.

Пулеметчики Канского полка. В центре стоит А.Д. Корякин. 1924 (?) г. Постановочная фотография.

Взяли лодку и спустились вниз в Курагино. Плы-
дем по Тубе ночью, днем на островах прячемся. 7 мая
приехали, там Иван Богослов 8 мая, 9-го — Никола.
Ночью ходили по деревне, Базаркин нам сказал,
что разбили избушку, дезертиров поймали, Аверкин
ранен, Пустуев убит. Узнали, что Туруханск **Л. 35об.**
отрядом Лобова захвачен, ехать нам нельзя. Снабдил
нас Василий Базаркин документами, предупредил:

— Не попадайтесь помощнику Тарелкина, едет
со стражей (*австриец был*).

На обратном пути в Ирбе Екимов тоже сообщил,
кто и где взят или убит. Приходим в избушку в тайгу —
жить нельзя, хлеба не достанешь, решили идти
за Ману. Приходим в Мигну, сообщили знакомым.
Пришли ночью Егор и Иван Ульяновы, Коржевские,
принесли хлеба и сказали, что нас заметили, дружина
стоит в Мигне, за нами следят. Рассказали нам дорогу,
составили мы план и пошли. Дошли до Слонма, там,
на прииски, вышла разведка партизан, командир то-
варищ Магда из Канского полка, всего их трое. Один
называл себя горным исправником, второй — инже-
нером. Приехали к Топоркову, вызвали милиционера
Жибинова, спрашивают, нет ли большевиков.

— Нет, я их не пропускаю.

— А вот еще съездим.

Пошел Жибинов к Шабунину, старателю, сапоги
просит, а тот смеется:

— Уедешь, и пропадут сапоги, это ведь больше-
вики.

Увезли Жибинова, порешили. Приехала дру-
жина — 45 человек. **Л. 36** Как раз мы подошли.
Начался у нас спор, разводить огонь или нет. Я не по-
зволяю огонь жечь — заметят. Пospорили, согласи-
лись мои товарищи. Перевалили на Крол, нашли свою
дорогу, как Коржевский рассказал. Лошади брошен-
ные попадают, разведка бросала. После переправы
бежали, вода большая, холодная. Идем — след коро-
вий. Сговорились, что мы старатели с Бадинки⁶⁰, едем
через Канск на Черемховские копи, так как золото
плохое. Прошли немного — изба, казачий пост. Смо-
трим, к какой же лиственне поставят. Кричат нам:

— Эй, товарищи, постой!

У Паршукова в сумке „бульдог“, а у меня в кармане
бомба. Конец. Смотрим, сидят, обедают военные, ка-
заки или большевики.

— Откуда вы?

Партизаны Северо-Ачинского полка. №4 — И. А. Вашкорин (тасеевский партизан); №5 — В. В. Загуменный. Остальные обозначены цифрами, но не указаны: Ф. И. Чадов, П. Е. Красницкий, М. Е. Черемнов, М. Платонов, Т. И. Рогов, Е. Пепеляев (находился на Восточном фронте с Лазо). 1919 г.

— С Бадинки, на угольные копи.

— А вы знаете, что здесь война? Большевики с белыми воюют.

— Ничего мы не знаем. А у кого мы?

— У красных. **Л. 36об.**

Не верим еще и этому. Слышим, говорят:

— Отведите их к военному комиссару.

Стало быть, большевики. Я говорю своим:

— У белых комиссаров нет.

Повел нас партизан один, я говорю:

— Погоди, товарищ, здесь я бомбу выбросил, она нам годится. Мы думали, что казаки стоят.

— Я военнопленный.

Был старшина поста Долгов, привел нас к комиссару Грабовскому, он нас допросил. Спрашивает:

— А зачем с вами оружие?

— Мы бегали, скрывались.

Позвала нас женщина, покормила, разрешили баню топить. А мы с января не бывали. Назавтра Гра-

бовский повез нас в Баджей за 30 верст. Попадаются встречные. Грабовский спрашивает, что нового.

— Все хорошо.

Явились ночью, сдали нас в нестроевую роту, накормили, дали масла, семьсот пудов у Колчака взяли. Утром просыпаюсь, стоит товарищ, говорит:

— В штаб требуют.

Накормили нас, повели в офицерский совет, председатель Сургуладзе. Допросили нас. У Базаркина документ брата, у Паршакова — нами написанный, [...] **Л. 37** у меня только свой. Потом в штаб к Щетинкину и Кравченко. Идем в штаб, мне Щетинкина повидать хочется, а он навстречу. Повел он нас к Кравченку, усадили, расспрашивают, как раз Троица была, праздник. Расспросили нас о Минусинске. Мы говорим, что пройти можно. Расспрашивают, как пройти в Среднюю Азию. Звонят по телефону из Орешной, что 1-й батальон Северо-Ачинского полка под командой Красницкого на позиции не выступает — босы

Знамя кавалерийского эскадрона Канского полка. 1919 г.

и голодны. Кравченко и Щетинкин собрались, взяли меня и Базаркина. Поехали в Орешное. В батальоне штаб босиком, дождь льет. Спрашивают: правда ли, что делегация пришла?

— Нет, бежали большевики.

Я говорю:

— Трудно поодиночке держаться. Нас семеро было, трое остались.

Батальонный говорит:

— Умрем, так вместе.

И пошли на позицию. **Л. 37об.**

Немного спустя, на тайном совещании, было решено идти в Среднюю Азию. Кравченко и Щетинкин говорят, что снаряжения для драки на два-три, а дальше плохо. Пробыли мы неделю, вызывают нас Кравченко и Щетинкин, спрашивают:

— Как пройти в Минусинск?

Указываем путь, говорим, что на Ольховку 18 тысяч пудов хлеба собрано. Через шесть суток армия двинулась в тайгу. Вышли в поселок Крол, 30 человек больных и раненых, приходим на Крол. Как раненых везти?

Я предложил сделать зыбки, как в Карпатах возили — две лошади, двое раненых. Привезли 16 мешков ржаной муки, разобрали ее. Утром команда — в поход. Саперная команда пошла вперед, человек двести — дорогу чистить. Северо-Ачинский полк шел передовым, канцы и манцы сзади, разведка под командой Уланова. Шли благополучно, гонят скот. Продуктов немного. Упала лошадь под двумя ранеными. Едет семейный с манатками.

— Расседывай, отдавай коня, а то пристрелим.

Отдал, повезли раненых. Заспорил было партизан, Щетинкин подошел, приказал. **Л. 38** Дошли до Жаймы, стали. Умерли двое, сделали гробы, обрядили, полки знамена подняли. Пели похоронный марш. Назавтра в поход, на прииски Сисима. Перед переходом через Крол еще переночевали. Вышли на Сисим, голодные, оборванные. Встретила нас жена Федора Ильина на Михайловке.

— Где твой старик?

— На работе.

— Табачку нет ли?

Берта Швальбе, расстреляна вместе с мужем за связь с партизанами Северо-Ачинского полка. 1919 г.

— Вот табачок.

Стала оделять, командир Канского полка наблюдал за порядком. Катаев, Топорков дали сто пудов муки. Продневали сутки на Сисиме, на Владимирском (прииске), ниже Михайловки, захватили все станки. Топорков отдал мясо, чтобы не колоть скотину, уплатили ему за мясо, раздали партизанам. Передневали — в поход. На зимовье — ночлег, перейдя Сыду. Опять в ход, дошли до Упора. В Упоре взялся вести прямой дорогой в Козино проводник. Я говорю:

— Давайте лепешки печь.

Дали нам женщины масла сковороды помазать, пока **Л. 38об.** никаких препятствий не встретили, на рассвете в Козино вышли. Щетинкин впереди. Милиционеру Шумалову бежать не удалось. Щетинкин сам его руками поймал, снял винтовку с пятью патронами и мне дал:

— Вот и тебе винтовка.

А я говорю:

— Это мой сват.

Подзывает меня Щетинкин:

— А ну-ка иди сюда.

М.М. Куклисова. Повешена белыми в с. Троицком Канского уезда. До 1917 г.

А на мне сетка, чтобы не сразу узнать. Поднял я сетку.

— Знаешь ты его?

— Это мой сват.

— Сват у меня, а ты почему нет?

Больше я этого милиционера не видал.

Из Козиной — в Мигну. Крестьяне бегут от нас, их понапугали. Беглецы нам попадают, успокаивают. Щетинкин подозвал меня, не доходя до Мигны, машинкой бороду подрезал.

— Давай подмолодим тебя.

В Старые Кныши приехали белые из Малых Кнышей, говорят, уходите, красные жгут.

Наша разведка захватила у белых подводы, триста подвод, **Л. 39** разбежались прапора.

Канский полк пошел на Салбу и Покровку, Северо-Ачинский — на Детлову и Шалоболину, Гусев — в Паначевскую волость по подтаежным деревням. В Салбе столкнулись с белыми, захватили в штабе прапора и солдата. В Курагиной сошлись со всех направлений. Простояли там часов пять и поехали на Бугуртак, там, кажется, сутки простояли, оттуда на Имисс, Жерба-

тиху и на Кызыл, на Ермаковский район, на Казанцеву. Под Казанцевой был бой, 1-я и 4-я роты Манского полка отбились и с ними Щетинкин. Пять суток пробродили по тайге, вышли на 17-ю версту, съели пять лошадей, ели ягоду, траву.

Маршрут армии: Мигна, Малые Кныши, Большие Кныши, Детлово — ночью прибыли. Разведка белая налетела, спрашивают старика Панкратова:

- Куда едешь?
- По коней. Глухой я.
- Есть банда?
- Ничего не знаю. Вот в подводы гонят. **Л. 39об.**

Налетели они на партизан, двух из них убили, один бежал, после его (старика) было расстреляли, да общество удостоверило, что он глух и ничего не знает. Из Детловой в Шалоболينو захватили паромы через Тубу. Они были собраны на той стороне, на горе Убрус — белая дружина, начали стрелять и одного из 1-й роты Ачинского полка ранили. Я и Щетинкин оттащили в сторону и в лазарет отправили.

На лодке переправили пулемет на остров, обстреляли, дружина разбежалась. Простояли в Шалоболينو сутки и ушли на Пойлово и на Курагино. В Курагино пришли, граждане говорят:

— Вот колчаковский милиционер переодетый ходит.

Взяли мы его. Пошли на Бугуртак, оттуда на Жербатиху. В Жербатихе и в Имиссе паром налажен по распоряжению Щетинкина. Перешли переправу и с Имисса на Куряты, оттуда на Тамбовку. Там переправа через Кизир, идем на Мерзлую Салбу. Встречается в Полуденовке с нашей разведкой белая дружина, началась перестрелка. С Салбы в Ермаковское, переправа через Амыл с Ермаковского на Моторское. Там стали в 30 верстах от Каратуза. Казаки под командой **Л. 40об.** атамана Судчижникова стали наступать, наши убили 13 казаков, а у нас потерь не было.

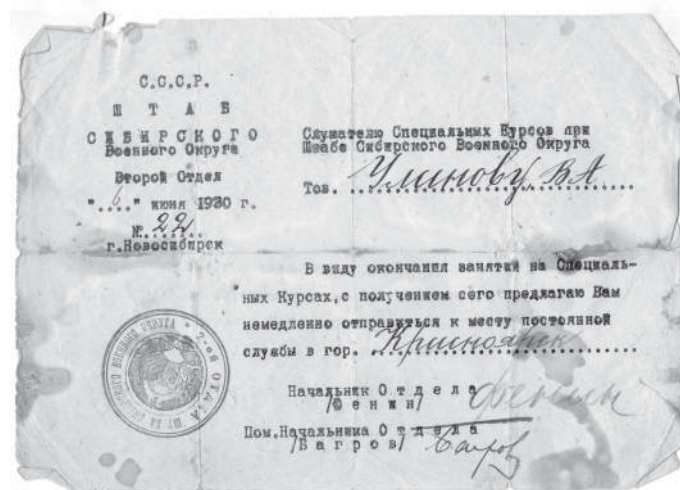
По распоряжению Щетинкина стали убирать трупы. Пошли на Каратуз. Из Моторского вступил новый партизан, шел в разведку, налетел на казаков, и его изрубили. Пятнадцать верст цепью вел Щетинкин партизан, гремят казачьи пулеметы. Стали казаки эвакуироваться. Их штаб был в доме (Недоволина). Входим в село — штаб горит:

- Идем заливать.
- Местные жители говорят:
- Не ходите, там бомбы.

Казаки колодцы завалили и машины испортили — протоколы жгли. В Каратузе взяли (медика?) Слепнева (?), отправили в резерв. Затем в полночь один партизан (зашел) в караульное помещение, ударил прикладом о пол и нечаянно застрелил товарища, отправили его хоронить в Моторское, сами туда верну-

В.А. Уланов, командир Северо-Ачинского полка, помощник П.Е. Щетинкина. Белоцарск. 1919 г.

Удостоверение штаба Сибирского военного округа за № 22 на имя В.А. Уланова в том, что он после окончания специальных курсов должен явиться на службу в г. Красноярск. Новосибирск. 6 июня 1930 г.

лись. Кравченко шел в резерве с лазаретами. Богану был приказ занять Ермаковское. **Л. 40об.** Кравченко проехал дальше, Боган остался в Ермаковском. Щетинкин из Моторского шел тоже в Ермаковское, дошли до Жеблахов (Жеблахта). В это время на Богана напали белые, и он был убит. Щетинкин направил Кравченко на Ус, а сам пошел с Жеблахов на Казанцеву. Отбили белых. А мы стали переправляться через реку Ою.

С 1-й и 4-й ротами Щетинкин отступил на Каптырево, Идру. Там донесли, что белые гонят сойотов (араты-повстанцы, арестованные за связи с красными. — Т. К.) на плотках по Енисею. Щетинкин хотел их остановить, но они прошли протокой. Приехали мы на Разъезжую (с. Разъезжинское или участок в Ермаковской в. — Т. К.), еще взяли проводника, но он не смог вывести на шоссе. На пятые сутки только вышли на 17-ю версту, первая станция. На седьмые сутки по телефону связались с Кравченко, он двигался искать. Сообщили, что живы, послал он нам подводы, продукты, 25 пудов семян, сообщили, что получили все.

Кравченко сообщила разведка, что на третьей переправе белые, дружина. Разведка выяснила их положение. Дали распоряжение Сабаеву зайти в тыл. Обошли и на ура взяли. Белые с утеса прыгали, живым взяли прапорщика и дружину. **Л. 41** Прошел Кравченко, за ним Щетинкин. 28 июня прибыли на Ус. Допросили дружину — мобилизованная, распустили ее. Двое суток в селе Ус простояли. Вся армия собралась. Пошли в Белоцарск.

Подъехали к городу, все оттуда эвакуировались. А у нас боевые припасы истощились. Собрали 16 пудов пороха в Белоцарске. Доложили Щетинкину:

— Живем хорошо.

Прожили недели две, дознались — из протоки Малого Енисея достали 100000 патронов, берданки. Дожили до 16 августа. Вели переговоры о переходе в Ташкент. Нойон обещал помощь, верблюдов. Приехал нойон, его встретили парадом. Пожертвовало монгольское правительство партизанам за парад по николаевскому рублю, а командирам по шелковому шарфику.

13 и 14 августа идет Бологов, 1800 человек, патронов 40 подвод. Эвакуировали на Байтак (Никольское) раненых и тыловые учреждения. На сто верст фронт растянули. Северо-Ачинский полк **Л. 41об.** занял Знаменку, Медведевку, Федоровку. Подошли 45 лодок. Тринадцать пулеметов и два орудия белых начали обстрел. Кравченко сказал:

— Командуй ты, Щетинкин.

Отступили партизаны на две версты, заняли город белые. Отступили Манский и Тальский полки, из-за них и мы отступили. Щетинкин сказал:

— Умирать, так вместе.

Нажали на белых, выгнали их восемьсот человек, в Енисее утопили, триста сдались, взяли два орудия, 13 пулеметов. Сбежали с Бологовым 25 казаков. Собрались обсуждать вопрос о дальнейшем. 26 пулеметов у нас уже, 25 пудов пороха, два орудия — идти ли в Монголию? Решили идти на Минусинск⁶¹.

Пленных судила военно-следственная комиссия.

Кравченко взял Канский полк, Щетинкин — Манский; им за отступление от Белоцарска присудили взять Минусинск. **Л. 42** Бологова под Тураном разведка ранила. Резерв шел последним под командой Уланова. Получаем сведения: взята Григорьевка. Дальше весть — на Думной (горе) шестьсот новобранцев взяли⁶². Приехали мы в Григорьевку, новость — Минусинск взят. Доехали до Минусинска — Городок уже взят. Из взятых в плен мобилизованных организовали полк под командой Савицкого. Раньше я его и не знал.

В Белоцарске я был выбран командиром 1-й роты Северо-Ачинского полка. После соединения с Красной армией я ушел домой. Когда звали на Врангеля, я здесь, на месте, организовал партизан, 250 человек приехали со мной в Красноярск. Был назначен командиром батальона. Всю кампанию был батальонным командиром, участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа». **Л. 42об.**

Березовка

БАТЫЩИКОВ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ:

«На германскую не попал, признали негодным. Принимал участие в подпольной организации. В августе меня призвал Колчак, днем принял, ночью бежал. Девять месяцев скрывался. Жил в тайге, изредка выходил домой. Четыре раза домой ходил. Один раз я, Лихоузов Архип и Гнездюков Степан задумали явиться, вышли в деревню, а тут оказался занинский отряд. В марте это было, мы из сил выбились. Зашли в деревню, увидел нас милиционер Дмитриев, задержал. Начали нас драть сразу. Я вырвался **Л. 47** и сбежал, а двух моих товарищей довели до старосты и еще по 75 плетей дали. Они бежали. Поправились и в мае пошли на Минусинск. Решили пробраться в тюрьму к товарищу Карпушеву за советом. Обратились к надзирателю, сказал, кто мы такие, зачем, и он нас пропустил. Думаю, что он был большевик.

По совету Карпушева мы ушли в партизаны. Вступили на Ремизовской заимке, прошли на Курганчики, Пойлово и в Курагино. Здесь захватили Крашенинникова и Архипова, наших березовских карателей. Они везли наших двух большевиков — Норейко Андрея и Горланова Андрея. Своих освободили, карателей

Оружейная мастерская армии. 1924 г. Постановочная фотография.

хлопнули за Курагиной. Прошли на Березовку, оттуда на Имисс, где переправились на Большую и Малую Пироту, оттуда на Каратуз, где был бой. В Каратузе набили много, выбили казаков, оттуда на Дубенское. Командовал Щетинкин. Дрались с утра до полуночи, мы отступили. Белые пошли на Ермаковское, где стоял Боган. Остались мы в тылу белых. Меня и двух товарищей — Дзюбенко Захара и Дубинникова Ивана (из Козловки Ачинского уезда) — Щетинкин за помощью послал к Богану. Приехали в час **Л. 47о6**. ночи, застав нет, Боган пьян как свинья, ничего не хочет слушать.

— Я сам за все отвечаю.

Был он в доме попа. Ехать нам было нельзя, мы там и остались. Утром, когда напали белые, я видел, как взводный Ефременко (из Козловки Ачинского уезда) всадил Богану из нагана. Когда Боган не подчинился, я своих разбудил, наш взвод был в Ермаковском (не полный) под командой Ефременко, остальные под Дубенском дрались. Предупредил, что ночью что-нибудь да будет. Отступали мы с манцами, Тальским и Канским полками. На 181-й версте

Щетинкин нас догнал. На втором перевозе сделали белые засаду. Когда подъехала наша кавалерия, паром на той стороне. Тихо все. Перебрался один, пригнали паром, взшло 18 кавалеристов, по ним из пулеметов.

На третий день, после прихода в Белоцарск, стали делать окопы и бойницы. Белые наступали на Манский полк, они отступили по Малому Енисею. Сургуладзе отступал с обозом, белые кавалеристы пустились за обозом. Наша кавалерия под командой Уланова, все четыре эскадрона, окружили пятьсот белых кавалеристов **Л. 48** и дали им пить. Там был и Заннин, да удрал. На остров, против Манского полка, нанесло трупов, как навозу.

Вверх, по Малому Енисею, осталось пятьсот белых под командой Яковлева Николая (из Березовки), верст сто пятьдесят от нас. Семь человек на лодках переплыли на Зубовскую заимку, переменили коней. Нашли амуницию, переодеваемся. Вдруг четыреста человек белых с обозом. Мы видим — худо. Тихонов говорит:

— Я буду командовать — становись к забору. Рота, пли!

Белые бежать. Обоз мы отбили. А Зубов успел лодки угнать и известить белым в тайгу, что нас всего семеро. Они на нас напали. Мы к лодкам — их нет. Мы вплавь — шестеро. Дубинников сел на берегу:

— Пусть что хочет будет, в воду не пойду.

Гнездюков утопил винтовку, коня, разделся в воде, снесло его на три версты, выплыл. Аулин (или Тихонов) со мной связал две лесины и, как хороший пловец, сплавил Дубинникова на наш берег. Потом мы догнали взвод, Ефременку сказали, вернулись, 60 человек захватили, обоз **Л. 48об.** взяли, остальные в тайгу ушли. Потом вернулись в Белоцарск.

На пути в Минусинск был бой на горе Думной. Взяли Минусинск, дрались под Городком. Потом в Курагино пришли и узнали, что 22 человека уехали в Березовку громить партизанские семьи. Нас четверо — я, Беляков Ванька, Хоменко Николай, Туренко Макар, Литвин Иван Петрович. Беляков безоружный, одна „бульдожка“. Белые спали, пьяные. Тревога поднялась, они выстроились, подводы у них готовы. Я кричу:

— Ставь пулемет!

Они удирать. Захватили мы подводы курагинские, меня чуть не убили лошади. Из Березовки в Пойлово, разбили их, Занин улизнул снова. В Шалоболдино бой был большой, оттуда на Капчалики, там разделились: мы с Улановым пошли через заимки на Абаканск, а Щетинкин на Бузуново. Он их давнул, а мы их, бежавших, обстреляли из орудий между Сорокиной и Абаканском. Много покروшили на переправе. Манцы ходили дня через три из Минусинска в Поденную. **Л. 49** Их выбили белые⁶³. Мы, Ачинский полк, на подкрепление пошли и выбили. Из нашего эскадрона лишь четверо остались в бою: я, Гнездюков, Беляков и Хоменко, этого в плен под Городком взяли, он еще ничего не знал и не мог бежать. А остальные сбежали, кроме Хоменко, был ранен.

После этого отдохнули в Минусинске, Тальский полк ходил на Очуры, тальцев растрепали, человек сто выбыло, но Очуры были заняты. Потом снова в Минусинск, пока не стал Енисей. Тогда в Новоселово, Батени, Пеньки (трупы белых возили на санях). Оттуда, почти без боев, до соединения с Красной армией. Я воротился домой в марте 1920 года. Жил дома до августа, потом пошел на Врангеля. Я был взводным. Доехали до Челябинска, нас вернули в пограничную стражу на Урянхайский тракт. Ездили на Соловьева, опять вернулись в охрану». Уволен от службы в 1923 году. **Л. 49об.**

ДОПОЛНЕНИЕ БАТЫЩИКОВА МИХАИЛА: «В Худоноговой нас 30 кавалеристов залетело в деревню, а там семьсот белых. Ямщиков подлетел к окну штаба, офицер высунул голову в окно. Так Ямщиков его в окне задушил, только у него руку офицер покусал.

Переполох начался. А мы в болото несколько человек поставили с пулеметами. Они как кинулись оттуда, их и встретили пулеметом. Передавали друг друга.

В селе Идринском, проходом на Дубенское, мы, человек тридцать, остановились в задней улице и легли спать, а Щетинкин с пехотой и остальной конницей прошел мимо. Мы проспали, солнце высоко, а мы еще еле пошевеливаемся, не торопимся. Прибегают крестьянин:

— Товарищи, белые всю деревню заняли.

В деревне три улицы: большая, средняя и задняя, одна поперек. Куда деваться? Я предложил ехать поперечной улицей. Так и сделали, проехали шагом. Солдатни — полно, а внимания не обращают. Когда мы на мост, на нашу дорогу выехали, тогда спохватились. Человек двадцать за нами бросились, думали, что разведка. Стреляют, а мы удираем. У Гнездюкова лошадь тяжело бежит, у меня быстрая. Я-то удеру, а товарищ? Я предложил обстрелять погоню, выпустили по пять патронов, они скрылись. Доехали до Дубенского, наших уже нет. Мы на сахарный завод Пашина. **Л. 52** Восемнадцать верст бором, опасно. Только к заводу, наши трогаться собрались. Я, Воробьев, Гнездюков и Дзюбенко поскакали вперед. Доскакали до Жеблахов, проскакали их и встретили шесть человек конвойных и двое арестованных — Сафьяновых. Они по нам выстрелили, мы их обезоружили. Раздели до белья и погнали навстречу своим, обратно. Только из Жеблахов-то выехали, а тут ложок, грязь. Они говорят:

— Хоть бы посмотреть на Щетинкина.

А он как раз и едет. Я говорю:

— Вот наш бог.

Они на колени. Мы ему говорим:

— Вот, дружки попали.

— Вижу.

Опросил он их, говорит:

— Везите по направлению к Ермаковскому.

А мы уж знаем, что значит „по направлению“, — до Белоцарска пленных не брали. Вывезли их на паре, недалеко отвезли — прикончили. Я с одного рубашку снял вязаную. В Ермаках старуха-хозяйка, лет шестьдесят, опознала рубашку:

— Вот сейчас, перед вами, сынок мой заезжал. Тоже служит, арестованных двух везли, чайку попили. Такая же рубашка у его». **Л. 52об.**

30 октября. Трясучая ПОЛЯКОВ НИКИТА МИХАЙЛОВИЧ

На фронте был членом солдатского комитета. От части был делегирован на II Всероссийский съезд (съезд состоялся 25—27 октября 1917 г. Объявил о пе-

реходе власти в руки Советов, а также декреты о мире и земле. — Т. К.), а до этого — на армейский. В армии записался в Красную гвардию.

«Приехал домой, стал раздавать литературу, вел устную агитацию. Не ожидал переворота. Когда власть пала, в заводе арестовали **Л. 53об.** комиссара. А у нас в деревне выборы — на земский съезд в Балахту (съезд состоялся в апреле 1917 г., вынес решение о создании Ачинского уездного комитета общественной безопасности. — Т. К.). Я попал на заметку как большевик. Стал я там против социал-революционеров выступать. Повсюду плакаты развешаны — „Долой раскольников — большевиков“. Я против выступил. Хотели меня арестовать, я удул верхом, пал на коня от волости и удрал.

Здесь, на месте, стал агитировать против социал-революционеров, что это не власть, а банда. Был съезд на Троицу, а в августе стали собирать молодежь. Я призывал не давать солдат и податей. Я на благоволил по волости и в Еловке, 4 августа (ст. ст.) собралось до семисот человек, вся Трясучая, Еловка, из других деревень делегаты. Я был выбран председателем, заместителем был Роман Борковский из Еловки, секретарь — Виктор **Л. 54** Капустин (Памин), тоже еловский. Обсуждали вопрос о рекрутах и податях, постановили — не давать. Выбрали Толстихина Федора Антоновича (из Трясучей, умер) делегатом в Пеньки, чтобы сказать туда — не пропускать ни одного солдата через мост через Шереш в Ачинск. А в Пеньках настроение такое было тоже. Толстихин съездил, договорился, пеньковцы обещали не пропускать никого.

Наши новобранцы стали скрываться. Меня милиция пробовала вызвать, я не явился. Хотели меня арестовать, я скрылся. Скрывался до ноября, подговаривал ребят. Уйти было некуда. В Еловке устраивали **Л. 54об.** тайные собрания, 75 человек было подготовлено, караульное помещение в церкви устроили, на колокольне часовой стоял, был разводящий. Оружие охотничье, было несколько наганов. Командира настоящего не было, когда их разгромили, командовал Юшков Василий. Я бывал в этом отряде наездом, так как сам держался ближе к дому. Милиция в Еловку заглядывать боялась. Осенью явился карательный отряд в первых числах ноября, человек сто в отряде, шесть офицеров, командир Кандыба. Приехал отряд в Еловку из Курбатовой (с тракту, из Рыбалки ехали). Я в то время был дома. Офицер из Балахтинского отряда в 30 человек, который боялся соваться в Еловку, приехал **Л. 55** под видом крестьянина, будто бы лошадей искать, и прямо ко мне. Я смекнул — и от него из избы и из деревни в тайгу.

А.Ф. Керенский, военный министр. С рисунка М. Рундальцева. 1917 г.

Скрывался я больше со Спириным Николаем, убившим чеха, приезжавшего агитировать в деревню. Спирин был послан ямщиком, довез чеха до Парновой и колом избил так, что тот умер, не доехав до Ачинска. Был этот Спирин из спекулянтов, был выпивши. Доказательств против Спирина у властей не было, но его все же преследовали. Потом он и в тюрьме сидел недели две — отвертелся как зажиточный. После тюрьмы уехал и скрывался все время. Так как он был активным за Советскую власть, всегда против кулаков выступал. Но не **Л. 55об.** мог удержаться, поехал в Минусинск на работу, купил дешево катанки и пары четыре продал с большой наценкой. Я же его и раскулачил да сослал.

Еловцы готовились к отпору, посты расставили, но, когда увидели, что едут много, началась паника. Отсюда сто человек, из Балахты триста взяли в тиски. Отряд еловцев бросился в тайгу, их, как ушканов*, переловили. Переловили несколько человек, кого в деревне, кого в тайге. Отодрали, избili. Драли в школе. Один вырвал из рук Кандыбы наган, укусив ему руку, но выстрелить не сумел — Ковшин, пристрелили его, но до этого он долго боролся врукопашную, здоровый парень был. Остальные ходить не могли, на коленях ползали. Девятерых повели на лед, на Чулым,

* Тушкан — земляной норный зайчик.

Партизаны Канского полка. В центре сидит А.М. Марченко, слева — фельдшер Д. Сысоев. Стоит справа П.Е. Колесников, адъютант полка. Село Листвягово. Снимались около фельдшерского пункта. 1919 г.

расстреливать. 1) Юшков Василий, командир отряда; 2) Гавриил Синева (Беспрозванных или Темиров — настоящее); **Л. 56** 3) Зыков Яков Тихонович; 4) Зыков Яков Тимофеевич; 5) Зыков Марк Пудинович; 6) Захар Ячменев; 7) Злобин Алексей Иванович; 8) ? (не указан); 9) Зыков Николай Тихонович; последний, Николай Зыков, убежал, когда только начали брать наизготовку. Яков Тихонович Зыков был ранен в бок, уполз в деревню, во двор Ковшина, залез в избушке в русскую печь. Утром жена убитого Ковшина увидала, двоюродная сестра Зыкова. Перепуганная, сообщила в отряд, и Якова добились.

Николай в одной рубашке и броднях убежал. Дорогой **Л. 56об.** бросил шарф, шапку, чтобы заставить думать, что он попал в прорубь. Ночью расстреливали, по Николаю несколько раз залпы были, были уверены, что он все равно далеко не уйдет, а утром, найдя шарф и шапку, решили, что свалился в прорубь.

Из Еловки, на обратном пути, отряд заехал в Трясучую, и тутя попался. Передали мне, что отряд из Еловки уехал, и я вышел в деревню. Домой не заходил, был у соседей, но только вышел, чтобы подальше, — едут.

Я в свой двор. Тут меня и забрали. В Балахте меня три ночи драли. Думаю, не меньше как по триста плетей за раз давали. Потеряю сознание, меня на снег выбросят, я отлежусь. Был с отрядом доброволец-палач Иван Дмитриев, **Л. 57** (кличка — Новоротов). Тот драл резиною, на которой был прилажен свинцовый наконечник. Из Балахты он был, из воровской семьи... Теперь где-то за Красноярском служит, даже в партию пролез, но, наверное, выгнали — ГПУ допросы с меня снимали.

После неоднократного битья плетями еще, кроме Балахты, драли — сразу после ареста и спустя немного, отвезли меня в Ачинск в тюрьму. Четырнадцать месяцев я сидел, а рубцы все не заживали. На месте, как арестовали, сразу меня расстрелять хотели. Откуда что и взялось — отговорился, Кандыбу убедил, что зря меня расстреливают». **Л. 57об.**

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ ПАРТИЗАНСКОГО СОЕДИНЕНИЯ А. Д. КРАВЧЕНКО И П. Е. ЩЕТИНКИНА

КККМ. О/ф 12105/8Д 10047

(На втором форзац-листе стоит цифра 3. Все воспоминания датируются 1933 годом. — Т. К.)

На Белоцарск

3 августа. Курагино

ЛАЗУТКИН ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ:

«В первом восстании мы не принимали участия, на Минусинск не ходили. Разоружили только приехавшего к брату офицера Сердюкова и собравшего собрание, чтобы убедить крестьян не выступать. После он отплатил крестьянам, за него и плети в деревню прислали. Разоружил его Горлаков Мирон. Драли особенно сильно Лихоузова Архипа Емельяновича и Гнездукова (оба партизаны) и старосту Лихоузова Ивана Яковлевича.

— Выдай большевиков!

До бесчувствия драли старосту. В первый раз драли казаки, **Л. 1об.** во второй раз заставили отцов драть сыновей. Когда отбирали расстреливать и вывели пятерых из двадцати, наш старик Шепчеков по секрету на ушко шепнул командирам, что партизаны близко. Они велели отвезти пятерых в каталажку, сами сели и уехали. Племянник этого старика, Иван Яковлевич Шепчеков, который один имел от нас (связь) с разведкой, приехал и сказал:

— Теперь нечего бояться, ребята. Близко.

Он с нами ушел в отряд. Через Амыл мы переправлялись около деревни Шерштых, а Кужебары заняли на правом берегу Амыла после того, как казаков отогнали. Оттуда заняли Моторск, разбили монопольку и разлили вино, а оттуда поехали на Каратуз. **Л. 2** Мы не дошли до Каратуза верст восемь, у казаков окопы, они нас обстреляли, мы рассыпались с подвод в цепи и шли все восемь верст цепью, но не нашли уже казаков в окопах.

В Каратузе застали закуску на столах и водку. Потребилровку начали грабить, Щетинкин нагнал холу:

— Кто оттуда пришел, уходите, гады.

Послали к нему делегацию, упростили. Вышли на Каратуз, он вызвал 80 человек охотников.

— Одежды не берите, помните — дело будем иметь.

Вышли, поехали. До Нички не доехали, нас с горы обстреляли. Мы начали наступать цепью, стрельба затихла. Взошли на гору — никого нет. **Л. 2об.** Щетинкин часа два сидел, думал. Верст двадцать пять оттуда до Минусинска. Потом пошли обратно и ушли

на Салбу и Ермаковское, где были все части. Утром рано пошли на Казанцеву, около реки Ои. Здесь мы выбили белых, присели в ихних окопах отдохнуть, но вышел на орудийную стрельбу тот отряд, который бродил по нашим следам у Нички. Тут нас и нажали.

И опять у Казанцевой мы были, в 25—30 верстах от Минусинска. Могли бы взять Минусинск и в этот раз, если бы было силы побольше. Правда, нас вышибли бы отсюда — оружия было мало. За Григорьевкой, когда нас опять нажали, оставили белым треногу от пулемета. Тело унесли. На втором перевозе на паром взошли восемь человек кавалеристов. **Л. 3** О засаде знали, и обход был уже послан. Указали дорогу и рассказали о засаде — шесть человек белых, захваченных в плен. Их было трое казаков и трое дружинников. Дружинники и в обход вели. Казаков зарубили.

Когда после выстрелов белых паром подвели к берегу и все сошли с него, сзади закричали «ура» наши обходные. Пять минут еще — и жертв не было бы. Взяли два пулемета без затворов, человек 75 казаков. Сразу же прицепили телефон в Ус, Кравченко стал говорить с Усом, требовать от имени белых подкрепление. Оттуда ответили, что полурота ушла не то в Туран, не то в Уюк, а 18 дружинников идут навстречу. К ним выехали, переодевшись казаками, и взяли целиком. Над дружинниками потешались: **Л. 3об.** допрашивали их, донимали до слез, но ни одного не тронули. Это я видел, но я в избушке был мало. Мы с Прокудиным все гонялись по кустам за одним замеченным — так и ушел от нас. Дружинников увели на Ус, там, в школе, было собрание усинцев, постановившее отпустить как мобилизованных. Полуроту в Усе нашли и всех отпустили, а в Белоцарске они нам опять попали. Вряд ли много осталось из них живыми — убивали. Казаков обычно убивали, в плен не брали, а до Белоцарска попадали почти одни казаки.

В Белоцарске, взятом без бою, стояли долго. 29 июня (ст. ст.) были в Усу. 1 июля выехали, двое суток в Туране, сутки в Уюке, 150 верст от Уса до Белоцарска. Мы из Белоцарска выехали последними 25 августа, а 29-го были в Усе. Бой был 15 августа по ст. ст., **Л. 4** шестая часть ребят уже уехали. Бологова гнали другие, слышал, что семь человек его в Чекировском имени захватили было. Был в числе семерых, кажется, и Литвин.

Когда мы заняли Минусинск, ночевали мы одну ночь (мы пришли уже после боя под Городком), утром поехали в Курагино, наша 6-я рота Северо-Ачинского

Северо-Ачинский полк под Минусинском. 1924 г. Пересъемка фотографа И. И. Балуева. *Постановочная фотография.*

полка, тогда был командиром Шарыпов, после его ранения в Подсинском бою командование принял я, до этого был взводным. Командиром батальона был Лабцкий (3-го батальона), в 1-м был Красницкий, во 2-м — Загуменский (Загуменный. — Т. К.). Суток четверо лазили мы по левому берегу Тубы — Шошино, Тесь, Кочергино. Перестреливались через речку — белые были на правом берегу и обстреливали — патронов много. Мы патроны берегли, стреляли редко. **Л. 4об.**

Переправились мы ниже Курагино, километрах в трех ниже, около Мурино, рано утром, еще дома коровы были. В Курагино белых нет, в Березовке человек пятнадцать. Напились чаю и пошли в Пойлово. Семеро поехали в Березовку, выгнали белых. Было с нами два пулемета, поставили их на горке, стали обстреливать. Там был Занин с отрядом в 45 человек. Они сбежали без бою, захватили одного начальника дружины из занинского отряда. Сам Занин удрал.

Послали нарочного, что правый берег Тубы занят и идем на Шалоболоно. Вечером заняли Шалоболоно, откуда белые отступили без бою. Ночью пришел Щетинкин со всем полком, а утром на нас насту-

пали белые. У них были пулеметы, орудия. Бой был большой, жертв с нашей стороны не было, у белых немного. Часа через три они отступили. **Л. 5** У нас в этом бою тоже было одно орудие, взятое у Бологова.

После этого пошли на Абаканск (ныне Краснотуранск). Мы шли двумя дорогами, и наши головные части (весь Ачинский полк, в обход шла наша 6-я рота и часть кавалерии) спугнули белых несколько рановато. Мы обстреляли бегущих белых, они бросились в Енисей. С той стороны стали бить из орудий. Мы в час ночи уехали в Минусинск. Белые заняли обратно весь этот район, начали расправу. В деревне Католики у них была поставлена виселица, туда свозили подозрительных. Царить белым здесь пришлось недолго, один из наших полков переправился на этот берег, очистили окончательно. Здесь тоже начали организовываться отряды. **Л. 5об.** 24 ноября (ст. ст.) мы двинулись из Минусинска на Ачинск. Первый бой был под Байкаловой. Три раза она переходила из рук в руки, три раза ее поджигали белые, а мы тушили. Захватили белые одного из отряда самообороны, продели шомпол сквозь щеки и сутки водили в поводу.

Планшет командира 3-го батальона Северо-Ачинского полка И.К. Лабецкого. 1919—1920 гг.

Дальше Устюг, бой был большой. У белых стояла там виселица, один труп мы на ней нашли. Через Енисей две деревни — Кома и Трифонова. Основной бой шел в Трифоновой. Взяли в плен около тысячи, два орудия и побили многих. Там я со своей ротой взял в плен командира первой Енисейской сотни. Его Ваня Жданов ухлопал. Оттуда — в Новоселову. Там был бой на пристани. Отступили, оставили там Баранова, **Л. 6** его казнили белые, а сами ушли в Кому. Белые там человек 15 новобранцев казнили: приведут к проруби, поставят на колени и голову отрубят. Последний смекнул, встал на одно колено, и когда палач замахнулся, прыгнул через прорубь, на остров ушел. Была на нем одна старая шубейка, он ее снял, обернул ноги. Пришел к нам, ноги обморожены. Рассказал и про Баранова, указал его труп в навозе.

Больше нашей части в боях быть не пришлось. Я после разоружения сразу домой. В деревне Кочетат нас созвал Щетинкин, оружия у него уже нет. А мы уже реорганизовались по образцу Красной армии. Протестовали против разоружения некоторые, но сдали. **Л. 6об.** У нас старшие партизаны были дисциплинированы, а молодежь, только что пришедшие, то и дело срывались, тащили что под руки попадет. В Кома амбар монополюшки разгромили, а потом и у соседей в амбар залезли. У батрачки ботинки стащили и шубу. Обыскивал роту — не нашел. Подкинули. Только распустил роту — снаряд бахнул, Трифоновский бой начался. С такой армией дальше идти было нельзя. Я поэтому легко согласился на разоружение, 25 марта (ст. ст.) приехал домой... **Л. 7**

Пропустил я Подсинский бой. После возвращения из Абаканска нашей роты (после первой по-

ездки по правому берегу Тубы) белые заняли правую сторону Енисея и окопались, по левому поставили пулеметы и орудия. В Минусинске весь город был на подводах, готовились к эвакуации. Приказ — сесть на подводы часов в 10 утра, к 12 — выехали, километров восемь до Подсиной, в бору бросили подводы, цепью рассыпались и пошли по покати к Енисею на окопы белых. Сошлись почти вплоть, ругались, чуть не дрались кулаками. Убили у нас Остапчука. Я взял его винтовку и патроны, стрелял попеременно. В бою была 6-я рота и эскадрон Ачинского полка. Остальные части были в разбросе.

Били белые из пулемета и орудия шрапнелью. Орудия их **Л. 7об.** умолкли, когда наша пушка пришла и выстрелила. Когда стемнело — отступили белые. У нас из роты выбыло 19 человек, а пришло после боя сто. Вместо шести рот стало в полку двенадцать». **Л. 8**

Август. Березовка ПАХОМОВ ИВАН МИТРОФАНОВИЧ

Был в бою под Абанском на левом берегу Енисея, вернулись в Минусинск. **Л. 8** Ездили оттуда в Подсиною, но белые не наступали. Бой под Абанском шел с раннего утра до пяти часов вечера. Силы были неравны, партизан было немного. Заняли Очуры на левом берегу Енисея. Гнались за белой кавалерией семь человек, видимо, оторвались. Несколько человек красногвардейцев залезли под скалу и притаились. Белые нашли, шестерых убили, остался Пахомов. Связали руки, повели пешком, посадили на неоседланного коня, привезли в деревню. **Л. 8об.** «Командир казачьего полка стал меня расспрашивать:

- Будешь у нас служить?
- Буду.
- Сколько здесь войск?
- Вам видно было, сколько здесь было, а в Минусинске весь город загроможден.

Били плетью, шашкою. Велят поднять руку и по ней обухом шашки. **Л. 9об.** Повезли в казачью станицу Монок (или Таштып). Там стояли уланы или гусары, там всю ночь драли троих попеременно. Двух еще в Очурах, в самой деревне, захватили, новые какие-то были, матрос и один из очурских крестьян, которых захватили в Очурске». Когда вели на очередной допрос, бежал, сбил с лошади вестового, добежал до церкви. «В церкви служба шла, я на колокольню влез, неделю сидел. Пил мочу, есть было нечего. На следующую неделю открыли церковь, тогда сошел». Добрался до стекольного завода под Красноярском, спрятался в избушке у монашек. Те плачут. Все у них забрали. А потом подошли регулярные войска,

вернулся домой. Был на военных курсах, на Польском фронте». **Л. 10**

Август. Березовка ТУРЕНКО ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ:

«Прожил дома с 12 января до ноября (1918 года). За перевозку Базаркина, Мельчакова (убит в Подси-нем) стал меня подозревать Занин, узнав, что я был в дружине политкомом. Кроме того, я был связан с Березовской подпольной организацией: Туренко Сергей, Беляков Гаврила, Логин Андрей (старик). Вели переписку с Картышевым и Ковалевым в тюрьме. Передавали о движении бандитов в тюрьму, оттуда нас информировали. При первом восстании мы не попали к городу, не пустила шуга, только обезоружили офицера Сердюкова. Скрывали ребят, замешанных в восстании. В основном нами руководил Степан Михайлович Бордюгов. Восстание еще не подготавливали, эта подготовка началась только после того, как услышали **Л. 11** в марте о движении Щетинкина в тайге.

Я с ноября с зайцами прятался. Весной в снопах немолоченных отлеживался, их молотили, а я выше забирался. Связь со Щетинкиным началась лишь, когда он вышел в Козино. Частенько наезжал Занин с отрядом. Мы уезжали из села под разными предложениями, пока отряд не уедет. Жена пряталась от карателей в болоте, когда я был в партизанах, сына держала сверху, простудилась и умерла года через четыре от туберкулеза (события после Минусинского восстания. — Т. К.).

Мы знали о приходе Щетинкина. Общество боялось нас выдать, так как попали между двух огней. Выводили десятого на расстрел, не выдали. За 20 километров выслали мы **Л. 11об.** разведку навстречу партизанам. Ездили Зыбенко, Шепченков и Беляков. Они с партизанами доехали до Курагино, мы дома сидели. Белые требовали все лодки перебросить на левый берег Тубы. Я старосте заявил, что я свезу, пусть собирает. Лодки собрали, я их возле Березовки загнал в березник на восьми подводах, а мы — Георгий Бордюгов, Макар Туренко и я, под видом разведки поехали к Курагино и встретили разведку красных. Встретили своих „друзей“ — Крашенинникова и Архипова на дороге. Они выгоняли лодки на ту сторону; Крашенинников был начальником дружины, Архипов — его помощником. Наши ребята провели партизан напрямиком из Камешков и на свету заняли Курагину. Архипова и Крашенинникова арестовали и расстреляли. Отряд ушел на Бугуртак, **Л. 12** а мы начали организовывать отряд самообороны, человек сорок. С 9 на 10 июня, когда отряд уже был в Бугуртаке, мы поехали в объезд, зная, что отряд пойдет в Имисс. Утром заявили:

Партизаны Канского полка. Слева — А.П. Коновалов, погиб под Белоцарском. С фотографии 1913 г. Среди фамилий на братской могиле в Белоцарске погибших партизан 16 августа 1919 г. его фамилии нет. Известно, что в последующие два дня погибли еще 10 повстанцев.

— Двух зарубили, оставаться теперь нельзя. Все в объезд ездили, все и пойдем.

В Имиссе мы догнали отряд Щетинкина. Было нас 54 человека. Некоторые догоняли позже, но часть вернулась. Логин, старик, ушел вперед нас, и мы его в Имиссе уже в отряде застали. Пришлось быть во всех боях, кроме Ермаковского. Мы выехали в Сушь и в Каптырево (Каптыревское), чтобы ударить белым в спину, когда они пойдут на Ермаковское. Так и вышло, но, когда **Л. 12об.** мы пришли, оказалось, что наших уже нет. Мы перебрались через Ою вплавь, шли тропой и на третьи сутки вышли на Усинскую дорогу.

На втором перевозе вел партизан в обход Хабаров, взводный 1-го взвода Ачинского эскадрона. Растолковали обходную тропинку сторожа бывшие каторжане. Лошадей отрезали, караул сняли без голоса. Всех, сидевших на утесе, взяли в плен, кроме тех, кто прыгал в воду. Но в воду долетали фуражки и сапоги, остальное — разрывалось по утесу. Был ли кто внизу, мы

не видели и видеть не могли, но вряд ли. Я был с правого фланга в обходе, почти крайним. Когда пленных согнали в избушку, их опрашивали. Оказался старый урядник, избивавший каторжан, офицер, **Л. 13** спрятавший затвор от пулемета и другое. Свидетелями выступали каторжане и рыбак, сбежавший от усинских кулаков. Драли и плетьюми, и шашками, рубили таких. Несколько человек из самой засады отпустили, но не много. Подошедшее подкрепление отпустили, но человек двух хлопнули, в том числе урядника.

Вообще, до Белоцарска в бою пленных не брали. Под Белоцарском многих зря поубивали: белые нарядили ненадежных в чешские накидки и шапки. Только на последней полянке, когда кем-то была подана команда: „Сдавайтесь, кто за собой вины не чувствует“, сбились эти переряженные в кучу, и их взяли в плен. **Л. 13об.** Утром уже разобрались, когда они сами указали добровольцев. Человек около трехсот новобранцев во время боя сразу стали бить по белым. Переряженных и я бил, считая их чехами. На обратном пути основной бой был под Городком. На Думке (гора) я не был в бою.

Шли мы чистить правый берег Тубы. Плавались у Мурина, кто на чем — на лодках, в корытах. Дошли до Курагиной, разбились натрое. Мы поехали в Березовку: я, Батыщиков, Литвин Иван, Беляков Иван, Фоменко Николай, Туренко Макар и Панченко Георгий, семеро. Белых было человек 30—32. Остановились мы в тальничках, к гумну подъехали, к Туренку Ивану Демидовичу, через огороды к **Л. 14** моим дядьям. Никого во дворе, одни ребятишки — кто куда. Я в избу, бабушка горшок с молоком к печке несла, хряпнула. Нечего расспрашивать, я назад. Через улицу, к себе. Ворота закрыты, в избе и мух нет: все пусто и печь открыта. Вещей никаких. Через огороды прошли к Макару Туренко. Только вошли, белячок по улице шел, говорят, бутылку нес. Не тронули, раз узнали у жены Туренко, где стоят белые. Разделились мы шестеро надвое, Батыщикова, Фоменко и Белякова послали гнать по улице, а мы пошли в засаду, приготовили гранаты, чтобы в два дома кинуть. Встретили Фоменку родные, подняли рев, Батыщев пошел **Л. 14об.** огородами, Панченко стал родных Фоменку уговаривать, а он сам выскочил на улицу от бабьева рева и закричал «ура!». А мы еще до места не дошли. Когда мы выскочили из переулка, белые уже катили волной, вскочив на подводы. Пришлось стрелять вдогонку, когда они к школе выскочили. Так и угнали. Мы за белыми, а за нами знакомые гонятся.

Одна из партий от Мурино пошла снимать караулы белых. Белые назначали дежурных и из нашей деревни, ехал мой дядя. От него узнали пропуск („курок нагана“) и снимали караулы, подходя с пропусками.

Когда мы уже прогнали белых, взяли лошадей и поехали в деревню, я к теще ехал, меня встретил Бездворный, отец **Л. 15** моего товарища-партизана, он вел коней к Колчаку. Увидел меня, соскочил с телеги, схватил шею коня моего и как ребенок заплакал. Еле коня я от него выручил. Вечером с пашни семья вернулась.

В Ачинске нас Щетинкин выделил для проверки ачинских торгашей (уже после соединения с Красной армией). Там было дел. В Ачинске мы во дворе коменданта из-под караула бузуновских казаков перерубили. Анархия у нас была изрядная. 20 марта нас разоружили. Я вернулся домой...» **Л. 15об.** Ходил на банду Соловьева. С 1920 года был в партии, в 1922 году выбыл, с нэпом не согласился. Понял ошибку, вступил в партию в 1929 году.

«На Чекировской заимке тальцы жарили марала, мы тоже закусывали. Разбирали склад, там оказалась ряса, я ее одевал шутя. А вечером я понес бумагу на курево туда, где остановился Щетинкин. Когда вернулся к себе, поспорил с Мищенко и ударил его (он в 1-й роте за командира). Когда Щетинкин узнал, что маральник громили, Мищенко указал на меня. Щетинкин меня ударил плетью. **Л. 16** Наутро троих отстранили от отряда, меня перевели в пехоту. Отвели Красницкого, командира роты, и двух рядовых. Они на Уюке взяли взятку и пограбили. Шли они сзади отряда, в Белоцарском бою участвовали, и их простили. В Белоцарском бою набрали винтовок столько, что на трех лошадях лишние винтовки из нашего взвода вывезли, каждый для себя и для товарищей брал. По 25—27 винтовок нахватывали». **Л. 16об.**

3 сентября. Курагино УСКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ:

«Когда я еще жил дома, у нас на квартире жил политссыльный Казик (Казимир). Он просил разрешения съездить в Ермаковское и сопровождающим послать хозяина. Отец поехать не мог, поехал я. Приехали туда утром, назавтра к вечеру уехали. Вечером они уходили гулять из дому, народу там было порядочно». **Л. 17об.**

В 1904 году добровольно ушел в армию, чтобы не быть опозоренным: Усков и дочь полковника понравились друг другу, полковник и «турнул» служащего. Будущий партизан побывал под Мукуденном. Был ранен шрапнелью, зубов недосчитался. Появилось демобилизованное настроение. С 42-м полком прибыл в Красноярск, а там уже республика.

«Вскоре началась осада мастерских⁶⁴. Нашу 7-ю роту не отправили на оцепление. В мастерских сидели раньше работавшие со мной писаря Сапож-

Б. З. Шумяцкий, член ВЦИК, затем председатель ЦИК Советов Сибири (Центросибири). 1920-е гг.

ников и Пиняев, последний — социал-демократ, бежал вместе с Кузьминым. Через семью Пиняевых я ближе познакомился с еврейкой, жившей в Кузнечных рядах, она была в партии. Через отца Б. Шумяцкого устроился я после демобилизации в мастерские. Жена моя принимала участие в подпольной работе еще раньше, но я **Л. 18** начал это понимать только позже, а сначала ревновал ее.

Сначала все было очень невинно: у Антонова, Слепченко, Куклина читали газеты, беседовали... У отца Б. Шумяцкого⁶⁵ в переплетной часто собирались для читки, получали оттуда книги. Был еще Харлампиев, или Харлампий. В 1912 году, после Ленских событий⁶⁶, я его встретил на массовке за Гремячим⁶⁷, **Л. 18об.** куда он пришел с рабочими пивоваренного завода, выступал с докладом. Выразили тогда протест и, помнится, послали в „Правду“. В 1907 году я получил карточку с номером и печатью. Карточка была со срезанным углом. Выдавал Б. Шумяцкий, который работал в малярном цехе до убийства Терещенко⁶⁸. Карточка была из мягкой бумаги, а у Б. Шумяцкого

была твердая, картонная и закрывалась, это я помню. После ареста отец Шумяцкого запретил нам собираться к нему, о чем мы узнали от семьи Когана⁶⁹, того самого, которого в 1905 году выбрали полицмейстером (?)... **Л. 19**

В 1918 году я приехал с фронта в Минусинск. Секретарем укома у нас была Гущина (вероятно, Зинаида Гущик. — Т. К.). Меня на 7-м съезде⁷⁰ арестовали и увели в тюрьму. Меня взял на поруки социал-революционер Попов; комитет дал задание идти на волю и организовать Затубинский район... Ездил я с братом расспрашивать в Большой Ине Шаповалова. Организовали мы отряд, и я должен был вести наступление с Городка. Шаповалов — с Борка. Борк он занял, но запоздал. Я был выбран при наступлении командиром штаба. Приехали мы в Каратуз — Федор Базаркин, Парымов и Чулымов Степан (это в период подготовки восстания)... **Л. 20** Там договорились и оттуда пошли в наступление. Командовал Базаркин Федор. Мною был составлен план наступления. Когда наступление провалилось, мы уехали в Имисс, где на совещании раскололись. Шаповалов с рядом товарищей остались в Имиссе, а я поехал на Байкалову и Бузунову. И там и тут были свои ребята. В Бузуново взяли шесть человек занинцев.

Шильников приговорил к смертной казни Базаркина, Ускова, Романова, Агроманова, Артемьева (из Березовки), Нестерова (фамилии могут быть неверно прочитаны, лист сильно выцвел. — Т. К.), всего шесть человек засекли. **Л. 20об.** Заложников я возил с собой, пока не уехал в Красноярск, где мне комитет поручил ехать к Щетинкину. В Красноярске жил сапожник Чернов, через него я связался с Зарубиным и комитетом. Дали мне документ за подписью Зарубина. Я должен был перевести Щетинкина за Ману. Прошли между чешскими войсками. Больше пятисот человек было вместе с женщинами (численность в воспоминаниях разнится: от трехсот и более. — Т. К.).

Прошли мы Ужур. С Ачинска — чехословаки, с Минусинска — казаки наступают. Подходим к Новоселовой. Щетинкин остался с 50 человеками, остальные вперед отправились. Белые нажимают с Яновой, считая, что здесь весь отряд. Один пулемет у нас, с ним сам Щетинкин косил. **Л. 21** Перетаскивал с места на место и шпарил. Задержали белых, они были уверены, что отряд окружен, так и телеграфировали. А отряд прошел через Ошарову. Когда я приехал с докладом в Красноярск, мне не верили. Я довел до Новоселовой, а тут Щетинкин дал мне своего игренего* коня, послал с донесением в Красноярск прямой дорогой». **Л. 21об.**

* Игреньевый — масть лошади с рыжим окрасом.

**10 сентября. Минусинск
КРИВОЛУЦКИЙ АЛЕКСАНДР ТАРАСОВИЧ:**

«Увел я от Колчака целое отделение из военного городка в Красноярске. В Карымке (д. Карымская Перовской в. Канского у. — Т. К.) у кулака Макаровского я свел коня хорошего, цейхгауз мы разбили, и винтовки у нас были. В Тюлюпе (я был отделенным) я рискнул, припрятавши ребят, подъехать к Кольке Пуляеву (я его не знал) просить помощи. Он меня свел с Леваровским, тот устроил нас поодиночке на хутора. Потом мы за Ману ушли, я, Леваровский, Колька Пуляев. Охотились. Там с Боганом Федором встретились. **Л. 28** Спустились к Нарве поближе, и там я принял участие в бою под Тюлюпом. После этого меня послали в Листвяжное собрать мое отделение, 15 человек. Приехал я к Ивану Куцому-Емельянову, переночевал, а утром меня подметили. День в бане перебил, а ночью он меня сеном накрыл и увез на Имбежские хутора к своей свояченице. Переночевал я на хуторе, спал не раздеваясь (далее к хозяйке приехал ее возлюбленный с братом, первый приревновал автора воспоминаний, всадил две дробины в бок, гонятся верхом на лошади, подробности опускаем. — Т. К.). **Л. 28об.** Я в сторону, ихний конь не берет по снегу, ушел. Я без шапки, уши ознобил. Прибежал я в Покосное к Матюшке Паращенко. Он дома, открыл. Рассказал я ему, что случилось у его сестры. Он загорелся:

- Поедем, разобьем.
- Куда, к черту, у меня уши озноблены.

Рассказал я ему про задание — собрать ребят. А они разбросаны по хуторам, коноплицам. Он мне рассказал, что староста собрал много оружия и выдавал большевиков. День я скрывался, а к ночи Матюшко пришел с офицерскими погонями. Я оделся и к старосте. **Л. 29**

- Почему оружие до сих пор в Шало не привез?
- Вот оно.
- Сколько большевиков привез?
- Восемнадцать человек.

Дает мне список. Я заставил, чтобы его дочь запрягла коня. Запрягла серого коня, я Матюшку вместо арестованного взял. Попал тут мне Буликов Федор, когда я уже поехал от старосты, это из моего взвода. Я ему велел ребят собрать, что он и сделал быстро. Старосте я велел на завтра в 12 часов явиться в Шало. Оружие забрал и с кучкой ребят поехали в Листвяжное, там (забрали) Петьку Емельянова, Якунькина и кузнеца. Выехали из Листвяжного, а в Кияе бой. Тут уж нет. **Л. 29об.** Пришлось через Карымское ехать в Перово. Там на своих попали. Там попов привезли, жидов-купцов. Я вскакиваю:

М. А. Макушкин, начальник штаба Манского полка.
Фотография А. Худоноговой. Деревня Малая Ничка. 1919—1920 гг.

— Где тут грачей привезли?

Снял я бешмет с одного толстопузова, сменил свой полушубчик. День прожили, на завтра бой под Перовой. Тысячи четыре белых, нас четыреста. С полудня до полуночи шел бой. Я в огородах, со стороны Стойбы был, там меня ранили в левую ногу. При отступлении наши раненых оставили, ушли в сторону Стойбы. Тишина, только скот ревет. Человек семь нас раненых, один лежал недалеко от меня. Я перевязал рану рубахой. Слышу, рядом мужик бабу ругает, укладывает вещи бежать на заимку. **Л. 30** Рядом убитый лежит. Я дополз на одной ноге. Прошу увезти. Он — по матюшке.

- Не до вас, подвели.
- Я тогда в него прицелился.
- Сбрасывай манатки!

Оробел, скинул. Я ввалился. Раненного в плечо соседа подобрал. Лежу, винтовку держу, а патронов — три. Раненый просит:

— Пристрели (итальянской пулей).

Подъезжаем к Стойбе, крик. Значит, белые. Велел я мужику отоптать снег, постлать соломы и свалить

Деревня горит. 1918—1919 гг.

нас. Свалил. Надо пристрелить себя и товарища. Немного погодя он умер. Немного погодя гонит, стоя, мужик. Я на прицел, лошадь в снег, мужик руки поднял, **Л. 30об.** подошел. Расспрашиваю.

— Красные уехали в Рыбную. Я еду в Перово, там сына, Ванюшку, убили.

— Убитого не вернешь, спасай меня.

Уложил меня, оружие мое и товарища и привез в Рыбное. Оттуда, через Кой, в Баджей. Полежал я с месяц, стал ходить на костылях, ездил по желанию возить в пещеру (пещера в трех верстах от Степного Баджея, местные жители называли ее ямой, опускали туда тела расстрелянных, а то и живых. — *Т. К.*). Стал с одним костылем ходить, выпросился у Курченко на фронт. Он меня отправил на фронт в Шало. Там Марченко дал мне взвод и послал к мельнице Реутова, а Анциферова (служили в армии вместе. — *Т. К.*) по направлению к Торгинке. На моих глазах его и ранили, но наш огонь **Л. 31** не дал его прикончить.

Вскоре мы отступили. Наша часть в Ное остановилась. Суток пять жили, ездили в разведку в Рыбное, в Клюквенное, столбы разбирали (телеграфные). Поехала 7-я рота в Перевоз, один новобранец. Никого

нет. Чаю попили — обратно. Проехали версты четыре, мороз, а тут мельница. Зашли. Трое помольцев, чай пьют, нас приглашают. Сели. Наши два жеребца задрались. Мы двое выскочили, отряд едет, человек тридцать. Я в окно.

— Карательный отряд едет.

Новобранец спрятался, остальные выскочили. Я — за пень, Жабин — за колоду. Четырех коней убили. Сперва они растерялись, потом на **Л. 31об.** нас поперли. Мы гранатами. У нас убили Капку Жабинова, а еще одного ранили. Осталось нас трое. А тут наши с Ноем подъехали, начали сыпать, пришлось нам самим закапываться. Шестеро белых под мост залезли, их взяли. Трех в Ное узнали мужики, забили стяжками. Полежал я недолго после этого, опять за старое.

Переехали в Барашково. На четвертый день — бой, белые полукругом от Клюквенной. Я был наблюдателем на часовенке, на горке, по направлению к Клюквенной. Ничего не видно, а бой уже начался. Меня не снимают. А чехи и итальянцы **Л. 32** прошли ложком. Когда я увидел черные накидки, я захватил коня, он стоял в ложбинке. Вскочил, схватил коня. На мне костюм убитого офицера и седло, захвачен-

ное на мельнице. Я между итальянцами проехал, команду:

— Вправо наступай!

Пропустили, за своего приняли. На мосту раненый в плечо:

— Помоги, товарищ.

Я соскочил, стал его в седло садить, тогда спохватились, залпом по мне. Выскочил. Из Сухоноя в разведку ездили по хуторам, кулачков щупали. Опять в Ной вернулись, а оттуда в Шало, в Семеновку, гусар ловить. Узнали пропуск — „шомпол“. Трое нас гуськом гнало. **Л. 32об.** Сначала пропуск, они отзывают (у меня было четыре гранаты). Мы их убрали, дали знать своим о пропуске и отзыве. Окружили Семеновку, побили, взяли семь человек гусар в плен. Один у меня ушел — Ганька Калмаков, ныне коммунист, директор совхоза „Овцевод“ на станции Боготол. Сам он из Теси. Привезли пленных в Шало. Поехали в Шало, где был бой, мы заехали в тыл и выбили белых. Поехали на хутора в направлении Маганска. Там белых побили, вернулись. Потом в бой на станицу, справа 1-я рота Канского полка, условный знак — зажечь сноп. Кавалерия слева. Я с Валькой Плу (верно: Плум. — Т. К.) увидал шесть спящих, огонек горит. Я гранату бросил, уложил спать. Тут сноп вспыхнул. Часа два бились. Мы было пулемет захватили, **Л. 33** да взять не успели. Белые оправались, со станции шрапнелью бьют. Мы в Шало — белые за нами. Отбили.

Потом мы уехали в Кияй и около Усть-Кияя, по Мане, в Канский уезд, к Кравченко. Он меня „сыном“ звал. Отдохнул я, пакет в зубы, в Перово. Стянули силы и в Рыбном окружили чехов, от Клюквенной мы заходили. Наши уже наперли, белые бегут, а мы их перекрестным. Они в двухэтажные дома засели — и из пулеметов. Я подбираюсь и Капка Жабин. Я бросил гранату в окно, ударилась о раму, на тротуар, и Капку ранило.

Гляжу, Сидоренко скачет. Набрал в магазине всего. Я его **Л. 33об.** плетью:

— Выбрось.

Выбросил. После этого он из нашего эскадрона умелся, пролез в другой эскадрон. Чехов так и не выбили. Мы понабрали медикаментов, кажется, и врача взяли. У попа нашли деньги, золото, арестовали обоих с сыном. Заехали в деревушку, воза четыре взяли необходимого. Таррало-братья забирали, договорились с мужиками, что можно взять. Пленных из Рыбной везли, кой-кого ликвидировали.

Уехали мы за Кияй, километра два не доехали. Тут гора вправо, как едешь от Нарвы. Дело к весне уже шло. Заехали на гору, дня два ждем, никого.

— Поедем за молоком в Кияй.

А. В. Станкевич. По реке Сизой (Минусинский уезд, Саяны). 1890. Бум., акв., тушь

Поехали пятеро, в один дом, в другой, нет. Разбились, мы **Л. 34** зашли в один дом, пьем молоко. Женщина нам кувшин налила, завязала. Глядь, белые прут. Выскочили. Наши уже уехали, мы сзади. Я одного пристрелил, панику навел, сами на коня, в сосняк проскочили. После этого начался бой. Потом мы за Ману ушли.

Стояли в Нарве, заняли гору около Маны. Весна уже была. Приказ — занять острова. Послали разведку, белых большая сила. Заняли острова — ждем. Едет белая разведка, 25 человек. „Не стрелять, пока не начнут из Нарвы“. Проехала разведка до Нарвы — красные за Маной. Вернулись они обратно, пошли войска — кавалерия, пулеметы, орудия. Начали в Нарве бить, мы с островов бьем. Паника началась.

Л. 34об. Мы „ура!“ кричим, гранаты бросаем, сами на острове. Мы переправились вплавь, бросились на пулемет, а пулеметчик по нам из „Кольта“. Я — раз, два, три — мимо. Прыгнул за скалу, срезал. Много тогда захватили, пулемет взяли. Тогда-то и началось большое наступление. Утомились, отбиваясь, спали идя.

Стали отступать. Таррало оба и Саломатов получили задания и были отрезаны. Шли мы семь суток всего. Добрались до приисков, соли нет, хлеба нет. Пошарили по приискам, нашли. Послали человек пять в Козино и в Мигну. Я угадал в Козино. Встретили нас крестьяне с хлебом. Подкрепились: „ура, ребята!“ — и шагаем дальше, „скоро будем калачи есть“. И в Козино наелись. **Л. 35** В Отроке была дружина. Окружили мы, взяли их с боем, всю ночь, кого отпустили, кому попало. Убил я офицера, приоделся, коня взял. Доехал до Кнышей, сменил я коня у кулака, жеребца взял. Был у меня первый жеребец, Курченко давал, спасал меня не раз, ранен был, залечили. Умница, из рук уходил. Своего коня я бедняку отдал. Его потом убили.

В Детлову мы трое в разведку ездили, казака подстрелили. Проехали Курганчиково, заняли Шалоболито. Тут наши перепились. Мне дали приказ, мы пятеро перебили все запасы. Был Ванька Турок (военнопленный, турок).

— Дай, Санка, выпить. **Л. 35об.**

Залез он в церковь, является в ризе.

— Дай, Санка, выпить.

Облаял я его. Перебил все, не дал. А по нам начали с Убруку бить. Приехали в Курагино, без бою заняли. Оттуда на Имисс, переправились через Кизир, едем вверх по Амылу. Там деревня Копь. Приехало нас трое, чуть зарится. Попались нам Федька Кондратьев и Голубков Вася. Они с девками ночь просидели. Бросились было бежать. Я их остановил, сказал, кто мы.

— О, мы с вами. У нас тут большевик есть.

Повели к Ноздрачеву. Рассказали, что белые ждут нас у парома, версты за две. У Вани чаю попили, отряд идет. Я доложил Кравченку, привел ребят **Л. 36** и Ноздрачева. Плакал он от радости.

— Ждут они нас. Да не удастся, не удастся гадам.

Мне не терпится.

— А здесь купцы есть?

— Есть, из Каратуза приехал.

Взяли у купца лошадь, его уже нет самого. Проехали немного, выяснили положение, доложили отряду. Постреляли с горы Думной. Надо плыть — три лодки. Нас семь человек. Ноздрачев нас на острове высадил, сам отплыл кругом на шесте. Ванька Плу, Матюшка с Покосного, Ноздрачев, я и еще ребята. Только отплыли — из пулемета. Ноздрачева сняли,

Матюшку, Плу пальцы поранило. Я с лодки, цепь в **Л. 36об.** в зубы, нырками. До острова добрался, цепь не бросил. Пронесло мимо этого острова, за другой я поймался. Из двух лодок из шести трое спаслись, Ильюшка Красников, взводный. Трое утонули. Один латыш кричал, прощался.

Щетинкин пошел в обход, занял Каратуз, потом белые. Мы пошли дальше, со мной Вася и Федор. Пробрались на Амыльский (перес. пос. — Т. К.) участок, человек восемь нас. Крестьяне плачут:

— Избавьте нас! Порют, вытаскивают по человеку, большевиков ищут.

— Кто?

— Писарь Меленко.

Только подъезжаем, он бежать к хозяину квартиры Саракушину.

— Где бандит?

Плетью его. Указал. Поймали у Амыла, своей рукой убил. **Л. 37** Перебраться через Амыл нельзя, надо переправляться. Зачинили паром, переехали. Проехали мы на Григорьевку, вернулись к Казанцевой, тут по нам били шрапнелью. Надо отступить — Щетинкина потеряли. Зашли в Ермаковское, наелись молока, поехали по тракту. Белые устроили засаду, часть наших пропустили, а кавалерию прихватили. Нас в болото загнали, у меня конь завяз. Я с коня бью. А в это время зашли наши с тыла, ударили, они замолкли. Бегу — колески от „Максима“. Захватил их. Иду дальше — пулемет брошен. Колесики бросил, пулемет взял. Потом ребята и колесики забрали. За Григорьевку вышли, там **Л. 37об.** деревушка в березнике. Пьем молоко. Белые наступают, шрапнелью жарят. Мы задними, натиск сдерживаем. Первый мост попался, натесал шашкой щеп, зажег. Три моста зажег.

Едем к Усу, своих обгоняем с песнями, впереди наш 2-й взвод Канского эскадрона. Спускаемся с горы — болото.

— Ура! Черника должна быть.

Гнали, гнали, передышку дали. Навстречу двое, повернули и бежать. За ними, у них кони устали. Сперва дружинника взяли, потом казака. Дружинник говорит:

— Это казак.

Убили того. Дружинник говорит:

— Паром на той стороне, два пулемета, вас ждут.

Л. 38

Подождали своих, совещание устроили. Дружинник говорит:

— Оставьте меня живого, я вас проведу, живым возьмем.

Повел нас дружинник по скалам, лошадей — в поводах. Пехота шла мелкой водой, перебрались. Обошли с тылу, сажень четыреста не дошли — пу-

леметы заработали. Наши дураки хотели переплыть, их поранили. Мы крикнули «ура» и со стрем (в) бой кинулись на них. Пулеметчики соскочили со скалы, семь человек. Часть вылавливали по кустам, часть дружинников собрали, в избушку набили. У одного четыре креста. Я ему мертвому еще пальцы разрубил. Как с остальными поступили, не знаю. Мы в Ус поехали. **Л. 38об.** Попы нас встретили, собрание мы устроили, разбились по улицам.

Прожили день или два, надо подводы. Еду по Зеленой улице, навстречу жена моя, девчонкой была.

- Где отец?
- Мой отец скрывается, он за красных.
- Чья лошадь?
- Постояльца нашего.
- Запрягай.

Поехала она, запрягла. Пожалел я — хорошая девчонка, а я в кавалерии. Упустил. Добыл я у Вавилина в пути жеребца Вельможу. Загонял я его через две недели, красавец был. От Вавилинских заимок мы с Белоконом ездили захватить белую банду, оружие у них взяли, золото. Мне кольцо дали, я его в карты проиграл и пук колчаковок — тоже в карты играть. **Л. 39** Расстался я с Белоконом, узнал, что одна банда разбилась. Поехали мы трое стороной к Белоцарску. Тут уже юрты попадаются. Попали нам трое белых — два казака и офицер. Шлепнули их. Сами дальше. Соединились со своими ребятами у третьей-четвертой юрты.

Тут мы казака ловили, мать ни за что не признавалась, что сын в казаках. Коня только и взяли в ельнике оседланного. Выехали мы на главную дорогу. Нам передают, что Белоцарск взят без боя, встретили сойоты хорошо. Переплыли мы на лодках, отдыхали. Но есть кучки белых вверх по Большому и Малому Енисею. Поехали вылавливать, наш отрядик по Малому Енисею — Белоконов, Голубков, Кондратьев, я. Уехали верст семьдесят до Бояровка, поймали часть казачишек, постреляли. На **Л. 39об.** одной горе они засели, долго отстреливались, часть повыдергивали, часть сбежала.

Отдохнули дней пять-шесть в городе, послали нас занять паром и хутора Муромцева по Малому Енисею. Послал я туда ребят, муку отвезти, хлеб испечь. Поехали.

— Завтра будет готов. Девка там какая. Модистка, шьет.

— Поеду я сам за хлебом.

Поехал я, а там моя теперь жена, шьет. Отец большевиком оказался, 13 винтовок нам передал. И стал я на хутор заезжать. Потом бой Белоцарский, там я получил подарок от белых в руку и в голову. В голове 13 лет пулю от нагана носил. Полголова болит, падал

со стула не раз... Жена была в боях после Белоцарского. Ходила вместе со мной на Врангеля. **Л. 40**

Когда я вернулся с царского фронта (дополняет рассказ. — Т. К.)... вступил я в Красную гвардию. Приехали вместе с Анциферовым, пришел я домой и пошел в ремонт на железную дорогу. Слышу — набирают добровольцев в Красную гвардию в Канске. Но я туда и не попал, попал в Рыбное, там был недолго в отряде, всего с полмесяца и был. Нагрязнули чехи, расщепали, и мы бежали кто куда. Нас человек восемьдесят бежало по селам вместе, я засел в Карымке. Шел мимо Торгинки (перес. уч. Торгинский. — Т. К.), попал на Донцову заимку, спрятал винтовку, обмундирование (потом я ее достал, партизанила она), кавалерийская винтовка была. Сам я в Перовском бою 12-зарядную добыл, сейчас у меня, не сдал и Красной армии. С ней и на Врангеля ходил.

Мобилизовали на два года, я и Анциферов попали. Меня сделали отделенным как старослужащего. **Л. 40об.** Угнали нас в Красноярск, в военный городок. Два дня всего в городе пробыли. Сгоняли в баню, выдали белье, но обмундирование еще не дали. На другой день разбили нас, меня на отделение — 15 человек. Пошли заниматься в степь. Была колода карт у ребят, я любил играть.

— Давай, ребята.

Был там Кузька Горинский. Я говорю:

— Ну, Кузька, на кого мы пойдем? На свою братву? Не лучше ли заняться охотой?

Некоторые согласны, другие нет, Кузька не сдается. Назавтра тоже:

— Давай, ребята, копать.

Большинство соглашаются, Кузька уперся. Предупреждаем:

— Если передашь, раздернем.

День прошел на том. Сгоняли в Красноярск — что-то вроде присяги. Опять пригнали назад, на занятия снова. Я с одним из пленных австрийцев **Л. 41** столкнулся, частенько ходил к нему беседовать, десятка полтора нас собиралось. Большевик, видно, был. Говорил нам, что травят класс на класс. Вечера четыре беседовали с ним, а днем занятия в ложке. Очевидно, в бинокль фельдфебель заметил, с тыла подбегает:

— Мерзавцы, большевики!

Меня со щеки на щеку. Горин был парень, подбежал. Фельдфебель кричит:

— Вы арестованы!

Схватил я гальку, в висок. Убил его. Утащили под откос, обвалили землю, следы скрыли. Поставили наблюдателя, сами за настоящее занятие взялись. Решили ночи ждать. Часа через два видим, все спокойно, легче стало. **Л. 41об.** В нашем отделении

попали молодняк, енисейцы. Я даже Анциферову об этом не сказал. Енисейцы звали в свою тайгу, я не согласился — у себя лучше знаю местность, сбил ребят со мной.

Пошли в городок и на вторую ночь из моего отделения попали к цейхгаузу. Договорились: в два часа ночи отправиться. Мы в час стали выходить из казармы по одному, сняли двух своих часовых, подобрали ключи. Открыли цейхгауз, взяли обмундирование и оружие. Накануне я был в городке, будто бы больной, сговаривал своих деревенских. Захарка Криволицкий донес на меня. Мне один из Карымки парень сказал об этом. А Захарка — сын кулака. Меня уже ищут. Я в отложи спустился, перемазался **Л. 42** весь, ботинки сбросил, вылез под забор — и в городок. Там ребята обувь дали. Взяли из цейхгауза что надо — и на паром. На городском берегу он стоял, цепью прикован. Взломали замок, переплыли на остров. Второй взяли паром, переплыли и ушли.

Кузька Горинский с нами не пошел — выдал, да опоздал. В Кияе потом попал он мне, с белыми ехал из Островков. Двоих их захватили и расстреляли обоих. Я Кузьку сам убил». **Л. 42об.**

КРИВОЛУЦКАЯ (урожд. ГУРКОВА) МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА

(1900 — ?), из деревни Детловой Минусинского уезда.

В 1919 году жила в селе Усинском. 28 июня пришли партизаны. При отступлении партизан уехала с подвойдой, на лошади квартирантов, в Урянхай. Жила на заимке Муромцева вместе с отцом. В Белоцарске отец присоединился к отряду, сдал 32 винтовки, утепленных отступавшими вверх по Енисею казаками. **Л. 43** Затем отец вступил в оружейные мастерские (был кузнецом). Сама вступила в Канский полк, во 2-й взвод эскадрона. «Была в боях в Городке, в Подсинем, в Очурах подо мной подбили гнедка. Делали перебежку под сильным огнем противника, скакала предпоследней. С Очур ушли в Саяны, казачье село. Там находилась при штабе, шила на партизан. Муж ездил в разведку к Енисею, там он узкий, скалы. С песнями, с гармошкой ездили, перестреливались и переговаривались. Один из разведчиков, Дроздов, сплыл в лодке к белым. Они его продержали сутки, вернули с грудой прокламаций. Угробили бы, да разведчики кричали, что если тронут, то Саянское **Л. 43об.** разлетится.

Шуга шла, когда вернулись в Минусинск, пугнули белых под Абаканском, тогда нарочный приехал, вызвал в Минусинск; поехали к Ачинску человек 200—250 на перехват белых, которых гнала Красная

армия. Командовал Сабаев. Покрошили белых изрядно. Шли через тайгу обратным путем по партизанской тропе. Взяли белых в клещи, они в панике отступали. В Заманье к отряду присоединились отставшие. Из Красноярска (стояли в Торгашино) ушли в Агинское. Потом вскоре на отдых. Ходила на Врангеля, но уже не в кавалерии, а в пехоте. Позже работала в мастерских. Была на врангелевском фронте недолго, месяца полтора». **Л. 44**

Большая Иня ВОЛКОВ ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВИЧ

После переворота приходили белые, два раза арестовывали. Когда Щетинкин прибыл в Минусинск, организовалась группа от 18 до 22 человек. Волков попал в 5-ю роту Канского полка, в бою был только в Подсиней. После смерти деда отпустили домой в отпуск (отец умер раньше, осталось семеро детей). **Л. 46об.**

«Терентий Шаповалов был крестьянин, состоял в Минусинском Совдепе. После переворота приехал домой, мы предлагали ему скрыться, но он отказался. А дня через три приехали из Минусинска Алексей Пшеничников, Пшеничниковы Костя и Дмитрий, Ивлев из Теси и тесинский милиционер, арестовали Шаповалова, дня два держали, повели на расстрел. Заставили его копать могилу, он отказался, рыл могилу старик Фоменко (считался большевиком), первым стрелял Иванов, рыбак из Большой Ини. Выстрелил два раза, не мог убить (раньше отец Шаповалова был убит 27 декабря), у него выхватил винтовку Гориннов, матрос (раньше **Л. 47** считался большевиком — Михаил, связался с богатой родней):

— Не умеешь стрелять по-нашему, по-флотски.

Сразу пристрелил, но не на смерть, и полуживого зарыли. Тюльков Филипп был дорогой (т.е. был свидетелем. — Т. К.), когда вели на расстрел, (били) лопатой. Шаповалов не унывал, все просил слова, но ему не давали говорить». **Л. 47об.**

Березовское ЛИТВИНОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ:

«Дома я поступил приказчиком в Общество потребителей. Вместе с Норенко и Бельчаковым проводил два подпольных собрания. По 18 человек на каждом в конце 1918 года. Перед приходом Щетинкина, когда отряды уже были в Каменках, у нас в Березовке белый офицер Кравченко собрал сход, спрашивал, есть ли большевики. Был он с 10 казаками и 20 добровольцами. Сход отказался выдавать, но Крашенинников и Архипов подали еще раньше списки, не называя

А. В. Станкевич. Аскизский вид Мочеги. 1883. Бум., акв., тушь

полностью фамилий. **Л. 50об.** Кравченко выстроил в две шеренги, выделил десятого, и 20 человек увели в каталажку: или выдавай, или расстреляем. Не выдали. Стали вызывать на расстрел пятерых:

— Выходи пять человек.

Вышли: мой брат Яков, Баштаков Николай Иванович, Киселев Антон и Карпушев Василий Анисимович. Отвели к каменной стене кулацкого дома Ковалева Николая (кладовая), но потом повели к горе — неудобно в деревне расстреливать. Только повели к горе, скачет верховой. А мужики хотели броситься и отбить. Нарочный сообщил, что красные идут. Эти сейчас же удрали.

Пришли красные, организовали отряд, сначала человек пятьдесят, в Имиссе еще подъехали, **Л. 51** последними Жиров и Калинин подъехали, когда мы уж через Казыр переправились на лодках.

Было мало оружия, два пулемета взяли на втором перевозе, в Белоцарске. Тогда уж кричать начали:

— Даешь Минусинск!

Когда шли назад, в Жеблахтах были казаки. Шло наступление, а мы с Петром Ефимовичем (Щетинкиным) в коробке сзади ехали и оба были пьяны. Поссорились и подрались, мне плети попали. При-

ехали на Амыл, около Копи, на другом берегу казаки. Около горы наши заехали на гору, поставили пулемет, обстреляли, и казаки разбежались, не оставив убитых. Переправились, заняли Верхний и Нижний Кужебар (с Северо-Ачинским полком). **Л. 51об.** Я был в кавалерийском эскадроне, командиром был Парамонов. После Кужебаров — на Каратуз, белые сбежали; Уланов подрался, с ним человек сорок было, а триста казаков бежали.

Дома были пусты, имущество было на местах, и в каждом доме не меньше четверти водки. Наши ребята напились. Командиры были трезвы, и наш Березовский отряд тоже держался. Щетинкин и Кравченко пороли плетками пьяных, налети сотня казаков — и перерезали бы всех. Вскоре же и выступили. Один партизан нагрузил верховую лошадь имуществом и ведет на поводу.

— Куда?

— В соседнее село, продам.

Постыдил я его, сбросил все. Были и такие случаи, что **Л. 52** выгоняли из отряда. Недели две ходит сзади, добудет винтовку и в бою — вперед. Отличился — его примут. Белые, отступая от Каратуза, зажгли больницу, сгорело и еще два дома. Партизаны ликвидиро-

Партизаны армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина с орудиями, захваченными после Белоцарского боя. 1924 г. *Постановочная фотография.*

вали пожар. Вскоре ушли из Каратуза. Пошли на Ермаковское, переправились через Ою или Кою (*так у автора*). Когда заняли Ермаковское, два батальона (командир Загуменный) и эскадрон ушли на Козлову и Казанцеву. Наша 6-я рота была безоружная, кричала «ура» и наступала. Казаки отступать начали, мы уже к огородам подобралась, а к казакам подкрепление подошло, до сопки, они на нас двинулись. Пришлось отступать, Щетинкин написал приказ Богану — отступить за речку и вырыть **Л. 52об.** окопы.

А сам отступил будто бы на Ермаковское, а потом ушел в противоположную сторону. Кавалерию же отправили в Ермаковское. План был — дать белым войти в Ермаковское и взять их в тиски. Белые к Ермаковскому подошли, а там и караулов нет. Расчесали наших. Мы отступили к Григорьевке, оттуда на шоссе — в Урянхай (проспал Боган с поповской дочкой).

Хлеба не было, была ржаная мука. Получали по пригоршне. В шапке заводили, пекли на каменных плитках. Сзади наседали казаки, мы жгли мосты, Щетинкин шел уже без мостов. Первым ко второму перевозу шел наш Северо-Ачинский полк, Щетинкин

уже нас догнал. Там скала, а на ней 80 казаков, а внизу дружина. **Л. 53** У нас двух убили, мы отступили. На линии дороги мы нашли работавших там каторжан, трое их было, они указали обход. Часа три шли, обошли, взяли 82 оседланных коней и у каждого седла в мешках по 50 или около того серебра по 15 копеек — жалованье казаки получили. Подошли наши сажень на десять, крикнули «ура!».

В избушке Кравченко и Щетинкин разбирали дело пленных. Каторжане знали всех, они и приговаривали:

— Этого отпустить, этого в „штаб“.

Вот тут мы знали, как драть, человек десять — с плетями, дальше — с шашками, а потом рубить. Некоторых расстреливали. Каторжане остались с нами. **Л. 53об.** Пропустили сквозь строй не больше трех по просьбе каторжан. Ус заняли без бою. Человек восемьдесят молодых солдат сдались сразу. Встретили нас два попа, с хоругвями, с иконами. Наш отряд проехал не останавливаясь. Из 80 сдавшихся часть осталась у нас, остальные разошлись по домам. Было это в Петров день. Пошли мы на Белоцарск, а на Усу остался, кажется, Манский полк.

Перебрались через Енисей, раненых отправили в В(ерхне)-Никольское за 60 верст, стали паровую мельницу (делать), спецы были. Это недели через две после Уса. Решила наша верхушка идти через пески в Туркестан. Один раз ездили к нойону. Щетинкин взял 15 человек кавалеристов. И я попал. Их — человек пятьсот. **Л. 54** Взяли они наших коней, держат. Щетинкин к палатке нойона подошел. У монголов трехлинеек мало, больше кремневки, два орудия медных. Три белых офицера у них в плену.

Переговоров я не знаю. Нойон подарил Щетинкину маузер, а тот ему пролетку и коня. Нойон потом приезжал к нам, тоже с 15 кавалеристами, верхом, а от нас — на нашем коне и в пролетке. Это было дня через три-четыре после нашей поездки. Щетинкин смеялся:

— Один бы эскадрон взять, не знаю, потерял бы я пять человек или нет, а этих бы разбил.

Купили 60 верблюдов на золото и серебро, делали бочки для воды. Готовились выступать. На заре — бух! Из **Л. 54об.** трехдюймовки. Переполох — не ждали. 1-й батальон Манского полка стоял верстах в двенадцати ниже, окопы были. Когда белые стали переправляться, манцы побежали. Человек шесть их порубили.

Выбили нас из города. Верстах в полутора стали мы. Кравченко и Щетинкин остановились в крайней избушке, с ними ординарцы. Мой брат Яков и Степан Бурдюков (директор МТС в Славгороде), Фоменко Николай и Бурдюков Егор — ординарцы. Щетинкин говорит Кравченко:

— Полезай в подполье. Попадет снаряд, убьют нас, обоих командиров. А я буду наблюдать, меня убьют, ты останешься.

Залез Кравченко, а этот наблюдает. Когда город был **Л. 55** уже занят, выбрались из этой норы. А партизаны в четырех цепях стоят. Щетинкин в первую лезет, его партизаны гонят:

— Уходи! Тебя убьют, что мы делать будем?

Послушался, ушел. Команда пошла сзади, передавали по цепям». **Л. 55об.**

Усинск. 25—26 августа 1933 года

Каратуз

ФИЛИППОВ АРТЕМИЙ НИКОЛАЕВИЧ:

«Февральскую революцию население встретило по-своему. Чекрыев зачитывал на общем собрании отречение царя, объясняя тем, что в тяжелую годину народ не стал слушаться царя; советовал, пока не пропала надежда, ждать, пока сядет Михаил⁷¹. Население плакало и выражало надежду, что Николай вернется.

Разрешили высказываться. Выступал Дреус Василий Иванович, секретарь переселенческого **Л. 56** управления, правый социалист. Годами было это скрыто, теперь вскрылось. Надо использовать момент, строить новую власть, выборную. Офицеры, купечество закричали, сбросили его со стола, увели в казарму и отправили на фронт. Дреус жил у меня, накануне приходил, говорил со мной, а до этого я имел несколько книг от Мельникова Василия Ефимовича, начальника Переселенческого управления.

После Дреуса выступил я. Крестьянин не интеллигент, и от меня не ждали никаких сюрпризов.

— Не будем обсуждать, кто прав, кто виноват (*а меня подготовил Дреус накануне*). Война народу не нужна. Если поставят Михаила, то это суконные **Л. 56об.** штаны перелицевать. Если будет не народная власть, то мы после японской и германской войны будем иметь французскую. Будем ждать решений центра и присоединимся.

В этом месте меня сдернули, увели в казарму. Вынесли порицание и взяли подписку не выступать против Комитета общественной безопасности⁷². Он успел организовать. Крестьяне настаивали на моей кандидатуре, но перед голосованием объявили перерыв, крестьяне ушли, и купечество меня провалило. Во время баллотировки я и учитель Беспалов протестовали против неправильной баллотировки, офицеры закричали, и получилась суматоха. Нам пришлось бежать. **Л. 57** В Комитет общественной безопасности были выбраны: Кузнецов Осип Васильевич — купец; Скорняков, Мурашко, Фрозе — офицеры; Высоцкий — врач; Иванов — поп; Кокоревы Федор и Максим — два брата, зажиточные крестьяне; Никитин и другие.

Рота голосовала за предложение пограничного начальника потому, что с границы не брали на фронт. А их было 250 человек. Двадцать усинцев там было, пришли с фронта на побывку, оставались как „знатоки границы“. Когда выбирали земскую управу, вошел весь комитет, но при второй баллотировке провели и меня. **Л. 57об.** Новых членов проводили: Неволлина Павла Трофимовича, Охотникова Василия Ивановича, Пичугина Евстигнея. Все зажиточные, свои табуны. Меня, четвертого, объявили избранным. Добавили кандидатов и снова голосовали. Тут я прошел — 570 голосов. Провели и волостного писаря Бакулина, он и был председателем.

В земской управе на заседании у нас все были споры, я никак не мог с ними сговориться. Все укоряли, что я зажиточный, а иду против них. Особенно, когда я стал реквизировать рыбу, чтобы не допустить вывоза всех продуктов питания. Я решил организовать рабочую группу в хохлатском крае (переселенцы

Стенка для отрывного календаря с изображением царской семьи. Изд. И. Д. Сытина в Москве. 1915 г.

из Малороссии. — Т. К.). Мне ее помогли организовать товарищ Клейменных, рабочий с прииска; **Л. 58** Филиппов Ефим Григорьевич, рабочий; Гринвальд Александр; Алексеев, Кошелев и Залак — рабочие; Капустинский и другие рабочие. На одном из рабочих собраний постановили просить земскую управу ввести в ее состав трех представителей рабочих. Пришли Филимонов, Алексеев и Гринвальд в управу, я предложил ввести их в состав управы. Управа категорически отвергла. Было это уже летом.

Вскоре было общее собрание граждан, поставлен был вопрос об исключении меня из членов управы за организацию рабочих кружков. Это уже к осени ближе. Рабочий кружок был уже 80 человек бедноты, человек 70 было подготовлено, **Л. 58об.** они на собрании вели обработку. Председатель — поп Иванов, в президиум — Бакулин и Барабанов. Из восьми-девяти вопросов ни одного не дали решить. Часа в четыре я вышел на сцену, кричу:

— Внимание!

А тут уже группировки обозначаться начали, кулачество шушукается. Я кричу:

— Президиум избран неправильно, за шесть-семь часов ни одного вопроса не решили! Надо переизбрать. Кто за переизбрание — поднимите руки.

Почти все подняли руки. Кулачество орет:

— Выходи на улицу!

Вышла часть и думает: что, созвали собрание? Я повел выборы нового президиума. Избрали меня. Я попросил старый президиум уйти. Выбрали солдата Ерофеева, бывшего учителя. **Л. 59** Тут я внес предложение:

— Везде в России Советы. Земские управы устарели. Повестка у нас большая, все устали. Кто за ликвидацию управы и создание Совета?

Единогласно.

— Выборы через три дня.

Единогласно.

Через три дня избран был Совет, я председателем. Членами были: заместитель — Горбунов Иосиф; Клейменных Филимон (рабочий), Алексеев (рабочий), Барков (рабочий), Петров (крестьянин), Осинцев (зажиточный крестьянин), Бадай Василий (солдат), Козулин (зажиточный крестьянин), Кучеров (крестьянин), Полев (крестьянин), Медведев (крестьянин), Гринвальд (рабочий), Ерофеев (учитель).

Земской управе было предложено сдать дела и ценности. Бакулин бежал, Константин Полев, крестьянин, догнал и арестовал, члену земской управы кассиру Мартынову предложили сдать **Л. 59об.** дела, он не сдал, я его арестовал. В первом же заседании постановили применять конфискацию. Послали телеграмму в ЦИК Ленину и Троцкому с приветствием, но ее не переслали. Руководить мы не умели.

Приехал со съезда учителей⁷³ в Красноярске Беспалых Константин. Был он раньше социал-революционером, вернулся большевиком. Его ввели в Совет. Решили разоружить роту и организовать Красную гвардию. Я, Беспалых и Ерофеев пошли в полуроту, залезли на нары, я открыл митинг, дали слово Беспалых, потом Ерофееву как солдату данной роты (он был ротным писарем). Потом выступил сам. Солдаты постановили разоружиться мирно, офицеры **Л. 60** с митинга ушли⁷⁴. Погоны с них сняли как-то мирно, организовали Красную гвардию.

Вошли Ерофеев, Барков, Горбунов, четыре брата Чихачевы, Бадай, Беспалых, два брата Деревянкины, Осинцев, Козулины Поликарп и Алексей, Клейменных, Филимонов, Алексеев, Погудины — отец и сын, оба Александры; Давыдов Семен, Крикунов, Капустинский, Залак, всего двести человек; на все берданы хозяева нашлись. Большая половина рабочих. Тогда в Белоцарске было две сотни казаков под командой есаула Магомаева и Мистергайзе, при трех пулеметах, хорошо вооруженные, серьезная угроза Крас-

ной гвардии в Усинске. Держали посты по рекам Уюк и Джим.

Получили в Совдепе телеграмму **Л. 60об.** — разоружить казаков и распустить, офицеров арестовать и отправить в Иркутск. Телеграмму начальник почты Худоногов Иннокентий передал мне и в Белоцарск, а там офицеры ее прочли казакам по-своему, офицеров и казаков арестовать и отправить в город Иркутск. Казакам стали отпускать средства купцы Вавилин, Медведев, Шепелины и другие. Казачье начальство повело политику такую: мы уйдем через Монголию и не будем никому мешать, настроены мирно, но ждем, пока будет свободен путь.

Установили мы связь с Иннокентием Сафьяновым в Урянхае (помещик был). Он выступил инициатором краевого съезда, на который приехали **Л. 61** я, Беспалов, Кошелев, съехались зажиточные купцы. Поставили вопрос о разоружении казаков, выбрали делегатами Лесковского, председателем Беспалова, Кошелева и Филиппова. Казаков съезд предупредил, что сейчас придут разоружить⁷⁵.

Шагов двадцать пять прошли — казаки цепью наступают. Начали обстрел. Кошелев был ранен в руку, Лесковский в щеку. Мы залегли. Съезд разогнали, в час было приказано выехать. Оставили в больнице Лесковского (местный) и Кошелева (наш) и уехали. Вернулись домой, и я предложил купцам Вавилину, Медведеву и Шепелиным **Л. 61об.** иметь на своих резиденциях пшеницу, живой скот и масло для выдачи семьям красногвардейцев и самим красногвардейцам. Казаков содержат, так и Красную гвардию давай. У купца Иванова Фокея Дмитриевича конфисковали пятьсот маральных выделанных кож для Красной гвардии. Для содержания Красной гвардии я лично провел приказом сбор контрибуции. С Вавилина, Медведева и Шепелиных по 10 тысяч рублей, с других по две и по тысяче. В 10 утра приказ, в 12 — внесли.

В секретном порядке, единолично, решил ехать в Минусинск, чтобы вместо четырехлинейных бердан достать трехлинейные винтовки, оставил заместителя Горбунова и уехал. **Л. 62** По распоряжению председателя уисполкома Трегубенко получил из военного отдела от товарища Лебедева 200 винтовок и 180 гранат. Пулемета не дали, так как ждали казаков Сотникова из Красноярска⁷⁶. Взял охраной демобилизованных солдат и поехал. Шестьсот верст — вздвперед за семь суток сделал. Два ящика с винтовками закупорили плотно, никто не знал. За 30 верст меня встретила Красная гвардия, в Усинске вся гвардия в двести человек «ура» кричала.

Раскрыли ящики, а два ящика я не позволил открыть, по секрету говорил, что там два пулемета. Наутро об этом все знали. А ящики я спрятал, никто

И.Г. Сафьянов, представитель Сибревкома в Урянхайском крае с 1920 г. 1920—1930-е гг.

не видал, **Л. 62об.** что в них. Из Григорьевки я вызвал Горбунова к телефону. Он мне сообщил, что собираются самочинно для переизбрания власти. А у нас было 10 бутылочных гранат, привезенных Капустинским и Залаком. Я велел пойти на собрание и предложить разойтись, иначе пригрозить гранатами. Приказание было исполнено, и в панике все разбежались.

Зажиточная молодежь, побывавшая в армии, требовала создать комиссию, которая бы решала, кому дать винтовку. Мотив: не все умеют обращаться. Я не допустил создания комиссии и раздал винтовки красногвардейцам. **Л. 63** Впоследствии Беспалов стал настаивать, что он выедет в Белоцарск для разложения казаков, угрожал уехать самовольно. Выехал он в Белоцарск, его казаки арестовали, а сами пошли в Монголию, увозя его как заложника. Ушли верст за шестьдесят в деревню Кызларик. Когда я получил известие об этом, я тотчас посадил в тюрьму и объявил заложниками врача Высоцкого, комиссара Турчанинова и купца Кузнецова, начальника Усинской колесной дороги Богданова. Условие: если Беспалов будет расстрелян, они будут расстреляны днем на площади. Посадил их на тюремный **Л. 63об.** паек, запретил свидания.

Красная гвардия потребовала, чтобы идти за казаками. Я знал хорошо местность. Там 230 верст, дорога в Монголию одна — тропа через Нойонский хребет, я знал, что обойти казаков нельзя, всю гвардию загубишь. Я решил послать Чечунова за женой Высоцкого, дочь милиционера Вавилина. Взял бумажку с печатью и говорю ей:

— Вы отказываетесь от участия в делах казацких, но вот у меня документ, что Беспалов арестован по просьбе ваших родных. Муж ваш арестован, вас я высылаю. Запрягайте тройку, догоните казаков и держите их за ноги. Пока Беспалов не возвращен, **Л. 64** не ворочайтесь.

Дал ей пропуск, пропустил прощаться с мужем. Все на ней повисли:

— Спасай души.

Уехала она, доехала до Белоцарска очень быстро, в 11 ночи выехала, в девять утра — из Белоцарска говорила со мной по телефону — 160 верст. В Белоцарске создалась неопределенная власть, председатель комитета Терских. Он ничего не знал о Беспалове, когда я его спрашивал по телефону. Потребовал послать нарочного и объявить ультиматум: „Товарищи казаки! До Усинского Совдепа дошли слухи, что вы нашего делегата, товарища **Л. 64об.** Беспалова, увезли и хотите расстрелять. Товарищи казаки! Вы из Урянхайского края ушли, но ваши семьи, казацкое звание в Урянхае остались. Если Беспалов будет расстрелян, то за одного большевика расстреляно (будет) 100 контрреволюционеров-казаков. Филиппов“.

В шесть часов вечера Высоцкая с ультиматумом была у казаков. Беспалова освободили, вернулся с Высоцкой в Белоцарск, говорил по телефону со мной, благодарил и просил:

— Будь добр, выпусти поскорее.

Держится за ноги. Они ехали всю ночь. Его караулили сначала шесть человек, потом один, потом в штаб его вызвали, где Высоцкая была. **Л. 65** На другой день я их выпустил. Беспалов вернулся в Усинское.

Я стал просить помощи в работе от Минусинска. Для организации краевой власти в Белоцарске были высланы Крюков и Терентьев с 30 красногвардейцами, одно орудие и один пулемет. Казаки сразу после освобождения Беспалова ушли на Троицкосавск. От Усинского Совдепа мы послали с Крюковым и Терентьевым Беспалова. Организовали краевой Совет. Для организации Совета в поселки Уюк и Туран поехали Крюков и Беспалов с 20 красногвардейцами и пулеметом. В это время в Туране и Уюке организовался белогвардейский отряд — 43 трехлинейных винтовки **Л. 65об.** и 30 бердан.

Приблизительно в Страстную пятницу они вызвали меня к телефону и говорят, что есть что-то угрожающее, но что, еще не выяснено⁷⁷. Говорили из Уюка, а в Туране белогвардейцы слушают. И те и другие прикрепляли полевые телефоны к контрольным столбам. Спрашивают меня, могут ли рассчитывать на помощь — 50 красногвардейцев. Я отвечаю: ждите завтра самого лично. Разведка выедет со стороны Могоя, откидывая винтовку вправо. Белогвардейцы все это слышали.

— Когда завтра говорить?

— В девять утра.

Я их предупредил, что заговор есть, но место руководства не выяснено. Без красногвардейцев не **Л. 66** ездить. Я уже дома не ночевал, в меня уже стреляли. В девять часов утра они в Уюке поехали к контрольному столбу, их обстреляли из засады, из слухового окна дома Микешина, один из-за рассадника с бани, двое из банного окна. Все мимо. Выскочил с трехлинейной винтовкой бедняк-солдат, пришедший с фронта, Симонов Егор, и с первого выстрела попал Беспалову в шею, в мозжечок. Он упал в коробке. Вторым выстрелом попал в левое плечо Крюкова. Он выскочил, бросился бежать и запутался в вожжах. Лошадь остановилась. Подскочивший белогвардеец ударил **Л. 66об.** в висок прикладом, голова треснула натрое.

Красногвардейцы взяли трупы и поехали другой дорогой. Белогвардейцы наступали уже с Турана, 80 человек. Белогвардейцы убили члена сельсовета Шмагина и красногвардейца Коркина. Председатель сельсовета Колесников поскакал в Белоцарск с донесением. Красногвардейцев, поехавших не той дорогой, белые стали окружать. Они бросили трупы и стали спасаться сами. Белогвардейцы забрали подводы, а трупы побросали у дороги, где они и лежали четыре дня до прихода Красной гвардии. Было это в Страстную субботу. Белые захватили четыре красногвардейца и пулемет, затвор от которого красногвардейцы унесли. **Л. 67**

В 12 часов ночи я получил телеграф от Терентьева: „Товарищи Беспалов и Крюков предательски убиты белогвардейцами в Уюке. Принимай меры. Я бессилен“. В воскресенье, в 10 часов утра, я собрал Красную гвардию и объявил эту телеграмму. Поручил для каждого трех человек приготовить по две подводы. Большинство явились пьяными, члены Совдепа — тоже. Подводы явились, выехали быстро. Заместителем я оставил Горбунова, поехал сам, помощником назначил Бадаю Василия Ивановича.

Подошли к Турану, выслали двух делегатов — Козулина Поликарпа и Горбунова Григория (не жаль, если и убьют) предъявить ультиматум: или сдаются

и со всем населением выходят к поскотине, или открываем огонь. **Л. 67об.** Красная гвардия уже развернулась в цепь, триста человек. Белогвардейцы почувствовали себя слабыми и решили сдаться. До ста человек явились на собрание, из них 80 повстанцев. Открыли митинг, секретное распоряжение — окружить, это было сделано. Потребовали выдать главарей и списки оружия (хозяев), само оружие. Выделили взвод, который по списку отобрал оружие, и часа через два привез три воза, пулемет без затвора, взятый у Красной гвардии, до сотни ружей — штук 30 винтовок, берданки и около 20 централок. Главари были названы: командир отряда Туров Константин, организаторы — туранские купцы-скотоводы: Ширкин Василий, Горчаков Павел, Русских Иван, ветеринарные врачи.

На Уюке была русско-монгольская экспедиция из Красноярска для закупки скота под руководством Неклюдова и Драмащука, белых офицеров. Они и явились душой восстания. Экспедиция бежала на Кемчик. Я послал **Л. 68** 10 человек под руководством Лоптухова Григория в погоню. Они догнали на Кемчике (850 верст отступали) с помощью местных жителей Ивана Накоскина и Яковлева. Отобрали два с половиной фунта золота и с экспедицией доставили в крайсовет. Мы прошли на Уюк после митинга и разоружения, послав один взвод заранее. В Уюке ходил поп с иконами, агитировал за восстание, говорил, что Беспалов, Крюков и Красная гвардия приехали отбирать куличи. Там арестовали кулаков Никашина, Брюханова, Ионина; поп Юневич, Яков Николаев, Николай Брюханов — купцы. Всего человек тридцать, посадили в каталажку, две на две сажени. Нашли Беспалова и Крюкова, там же лежал и отвезенный белыми Шмагин. Коркина нашли в другом месте.

Я хотел всех арестованных **Л. 68об.** расстрелять, но Терентьев не согласился. Шмагина тело взяла жена, чтобы похоронить по обряду. А Крюкова и Беспалова мы решили похоронить на площади. Приготовили могилу. Вечером (второй день Пасхи) я получил сведения, что идет из Белоцарска Красная гвардия, 80 человек, командир Цивинский. Назавтра встретились у общего гроба оба отряда, похоронили вместе. Затем собрание, на котором я предложил собрать контрибуцию 300 тысяч рублей. Красногвардейцы требовали оплаты по 10 рублей в день, тем более что им заранее даны были списки контрибуции.

Вытащили попа, стали решать, что с ним делать. Красногвардеец Зайцев предложил в мешок и в прорубь. Поохотали. Контрибуционная комиссия: Филиппов, Цивинский, Бадай, Осинцев, Барков, **Л. 69** Лоптухов, Баранов (пулеметчик) и другие. Триста восемьдесят тысяч взыскали контрибуции, например,

у Ионина конфисковали все, оставили лишь женские вещи. Лошадей и скот Усинская Красная гвардия взяла, вещи, овец, а инвентарь и хлеб — урянхайцы. Все было продано с торгов на Усу, рассчитали красногвардейцев, и осталось в кассе 23 тысячи рублей.

15 мая я был делегирован на 6-й съезд Советов в Минусинск⁷⁸. Открыли его в „депо“ (театр). Съезд раскололся, правое крыло осталось в театре, левое ушло в дом Вильнера. Выделили трех делегатов — Трегубенко, Филиппова и Подъяпольского объявить правой части, что съезд распущен, а 1 июня состоится 7-й съезд. **Л. 69об.**

Советом и военным отделением я был делегирован в Красноярск для связи и для участия в губернском съезде, если он состоится. Съезд не состоялся, было лишь военное совещание, постановившее эвакуировать город. Были на совещании Вейнбаум, Марковский, Демин, Дымов, Белопольский, Дубровинский и другие. Мы с товарищем Саросеком предлагали отступить в Минусинский уезд и через Саяны в Монголию. Не приняли, и мы уехали в Ачинск. Саросек решил пробраться через фронт, а я нанял лошадей в Минусинск.

Рабочие тюкали вслед красногвардейцам, ехавшим на фронт. Когда я переправлялся на пароме в Минусинск, ехали делегаты на 7-й съезд⁷⁹ с „подкреплением“ — вооруженными и невооруженными людьми. На другой день я явился в военный **Л. 70** отдел и Совет и сообщил, что власть Советская пала. Съезд решили провести, мне дали мандат и поручили сделать доклад о положении. Доклад выслушали недоверчиво. Город был уже окружен белогвардейцами. Штаб белых был в деревне Самодуровке, подштаб на заимке Клоповой. Около пяти тысяч было белых.

Красная гвардия не сдавала оружия. Приезжала делегация белых, их вели с завязанными глазами. Я тоже предлагал Лебедеву в военном отделении выступить на Ус, но все надеялись уговорить добром. Белые начали арестовывать делегатов съезда, окружив „депо“. Арестовали Трегубенко, Липинскую, Катаева, Непомнящего, Лебедева, Подъяпольского, Годлевского и других членов Совдепа. Я бежал **Л. 79об.** по тракту. На тракте у Клоповой заимки наткнулся на засаду, был арестован и под конвоем направлен в штаб белых, в Самодуровку. Там узнали, разули меня, поставили к бане (узнал казак Токмин), хотели расстрелять. Заступились крестьяне, не дали.

Белые решали митингом, наступать или нет. Видна была нерешительность, вялость. Только гул прокатится — „наступать“, как слышатся голоса, что не надо. Вели меня в тюрьму в Малую Минусу трое крестьян, два с палками, один с „бульдогом“. Город еще не взят,

Дружина самозащиты в Урянхее. 1919 г.

арестован только съезд (арестовывать начали после выступления атамана Сотникова). Идем по дороге. Догнал казак верхом:

— Я поведу.

— Знаем, как вы ведете!

Так и не дали. **Л. 71** На другой день белые заняли город и демонстрировали по городу с палками, сложив их потом на площади. Оружия у белых было мало — „дубинное войско“. Я просидел в маломинусинской каталажке три дня. Меня являлся опознавать Андрей Трощенко, солдат усинской полуроты, начальник белогвардейской дружины (формировались Комитетом общественной безопасности преимущественно из зажиточного населения или принудительно из других слоев, мужчины в возрасте от 20 до 40 лет для охраны заимок и факторий; из довольствия выдавались только сухари. — Т. К.) из деревни Покровка (Курагинского района). Теперь он член партии, а тогда руководил наступлением дружины на Минусинск. Сорок человек задержанных под конвоем пятидесяти нас отвели в Минусинскую тюрьму. Привели к штабу, на площадь против старого собора (там сейчас райфо). Прижали нас к стене, окружили. Вышла из штаба вся усинская буржуазия, **Л. 71об.** освобож-

денная из тюрьмы, во главе с Ширкиным, Шепелиным, Иониным, Горчаковым и ветеринарным врачом.

— Попался, подлец.

Ионин выхватил винтовку у конвоира и хотел приколоть. Верховой конвоир закричал на него, и он винтовку вернул. Нас повели в тюрьму. По улице вели Михаила Сафьянова (меньшевик), сильно избитого, выпачканного в грязи. Прошли немного, конвой начал нас избивать палками и мокрыми веревками. На проточном мосту подъехал комиссар тюрьмы Пшеничников (из Малой Ини) и сказал:

— По распоряжению штаба тебя решено убить.

— Ты меня знаешь?

— Нет.

— За что же будешь убивать? Если, **Л. 72** по мнению штаба, меня надо убить, веди в штаб, и пусть убивают.

— Ну, убить не убьем, а перепустим.

В конце проточного моста приказал встать на краю. Я передал арестованному старику Полозову дождевик и булку:

— На, дедушка, поминай.

И встал с краю. Старик был старообрядец, его не били. Через несколько шагов белогвардеец Шир-

кин ударил меня стягом по лбу и вышиб из памяти. Они шли сзади. Били прикладами, стягами, выбили семь коренных зубов. Я встал только тогда, когда били Михаила Пономарева, 21 или 22 — избивали по очереди, по списку вызывали, 25—26 избивали, 20 — не тронули. **Л. 72об.** Когда я встал, подъехал один верхом с винтовкой, вложил патрон:

— Иди в сторону, я стрелю, тебе легче будет.

Старик Прозоров шепчет:

— Не ходи.

Раздалась команда:

— Вперед!

Я подал руку через плечо старику Полозову, за ремень сбоку взяли Полозов Иван и Михаил Пономарев, так повели. Посадили нас в первую камеру. Дней двадцать — хлеб ржаной и вода, ни чашки, ни ложки. Дней десять передвигался я с чужой помощью. Сильно был избит и приведенный в тюрьму Иннокентий Сафьянов вместе с сыном-реалистом, впоследствии расстрелянным белыми в Красноярске (сын — Борис Сафьянов расстрелян в 1919 г. — *Т. К.*). Тот также был избит. Избиты были многие, но все ходили, хотя и с трудом. **Л. 73**

До восстания был расстрелян товарищ Ткаченко (член Совдепа). Вывели из одиночки, а когда он стал кричать, завязали рот. Потом стали смертников сажать в одиночки в нижнем коридоре. Вторым расстреляли члена Усинского Совета товарища (фамилия не указана, пропущена или забыта автором воспоминаний. — *Т. К.*). Бежал из тюрьмы член Усинского Совета Гапченко, жил в деревне Очуры до крестьянского (Минусинского) восстания. Карательный отряд его поймал уже после восстания, зимой был ранен и ознобился. Медпомощи не было, тело загнило. Гапченко в тюрьме не мог ходить. Вызвали его на военно-полевой суд, вывели его под руки, усадили в сани, на отводы встал конвой. Приговорили к расстрелу, и его вынесли на хлебных носилках **Л. 73об.**, у тюремных дверей расстрелян через несколько дней после суда.

В октябре началось крестьянское восстание. Из деревень Черемушки, Дубенское, Ермаковское, Покровка, Каратуз двинулись повстанческие отряды, семь-восемь тысяч человек. Подошли вплоть к городу, окружили. Руководство было слабое, повстанцев обманули, сообщая левому флангу, что правый уже отступил, и наоборот. Повстанцы стали отступать, их нагоняли и рубили казаки. В деревне Ермаковской казаки сожгли 12—16 домов. Избивали, грабили. Под Городком человек семьдесят повстанцев захватили в плен, повели в город и изрубили.

Начались аресты по городам. В тюрьму не помещались, помещали **Л. 74** в подвалах и амбарах, доме Вильнера. Оттуда выводили на расстрел. Но за семь-

Д. А. Гапченко, член Минусинского Совдепа, комиссар земельного отдела. До 1919 г.

восемь тысяч можно было откупиться, офицеры выпускали за взятки даже руководителей. Потом стали выводить и из тюрьмы. Расстреливали по приговорам военно-полевого суда и по личным счетам. Вечером, в сумерках, в полночь, до солнцевосхода, по семь-восемь человек, по три партии в ночь. Триста восемьдесят человек расстреляли из тюрьмы, а из дома Вильнера — не знаю. Из окон тюрьмы утром было видно, как расстреливают. Трупы перевозили не скрывая.

Одного из заключенных в нашей камере застрелил караульный офицер разрывной пулей, когда он вздумал выглядывать **Л. 74об.** в окно, как пришли с передачей. Голова треснула. Другого в руку ранили, когда он возле окна причесывался. Одного из смертников поп вздумал причащать. Тот пнул ногой, ваза (потир. — *Т. К.*) отлетела. Когда повстанцы подходили к городу, на крышу поставили два пулемета, а под тюрьму — неизвестно, для какой цели — вкачено три бочки пороху. Нам передавал об этом надзиратель Иванков, и другой, Щуревич, передавал газеты и сведения, где какие отряды находятся. Записки клал в бумажные пробки в бутылках с молоком.

В одной из камер было шесть человек (камера № 3) на первом этаже, один из них Горбунов из Каратуза, **Л. 75** они рассылали записки, просили устроить восстание. Тюрьма отказалась. Они накопили штукатушки, связали, приготовили лампу с керосином, зажгли, приготовили парашу. Открыли дверь:

— Выходи!

Бросили зажженную лампу, штукатушку стали бросать. Один из конвоиров штыком отбивал прорывающихся заключенных. За винтовку схватили, но ее вырвали, остался у смертника шомпол, которым он проколол руку надзирателю. Камера была захлопнута, сообщили в город, что в тюрьме восстание. Окружили тюрьму пехотой и кавалерией, привезли орудия. Стали расстреливать в камере, через волчок и в окно одиночки, **Л. 75об.** так как заключенные прятались к стенам. Пятьдесят один выстрел дали. В одиночке, как говорил Щуревич, было крови местами на четверть.

В момент расстрелов в тюрьме тела складывались в сарай. Пришли убирать тела и обнаружили одного живого. Расстреляли снова. Один из расстрелянных повстанцев оказался живым, выбрался из могилы и ушел в деревню Быструю. Некоторые крестьяне хотели его сохранить, другие решили выдать и сообщили в Минусинск. Приехали казаки, взяли и расстреляли. Расстрелянный был из Каратуза.

По приговору военно-полевого суда в конце июня меня должны были отправить на пять лет в ссылку в Восточную Сибирь. В деле фигурировал **Л. 76** ультиматум к казакам, заковывание в кандалы комиссара Турчанинова, контрибуция в 29 тысяч рублей (первая) и в 380 тысяч (вторая). В первых числах октября с приговоренными в ссылку — Коневский, Бугаев, Педжас (Пежас?), Шапошников, Дорошенко, Южанин, Лаптев Иннокентий (реалист семнадцати лет из Малой Нички), Радак, всего 13 человек, отправили на пароходе „Сокол“ в трюме. Добавили еще 270 человек в тот же трюм. Некоторые теряли сознание, их отливали водой, доставая через окошечки.

В Красноярске, выведя из трюма, били поленьями, наганями. Мне пробили лоб наганом. Били большую часть. Когда нас вывели и поставили на бульваре (днем), на вопросы публики говорили: **Л. 76об.**

— Это пойманные остатки разбитого отряда Щетинкина.

А мы на пароходах узнали (нам передали записку), что белых самих разбили в Белоцарске. То же кричали и крестьянам на базаре. Крестьяне бросали в нас картошкой. В Красноярской тюрьме просидели мы 18 дней. С Зайцевым, братьями Сафьяновыми — Михаилом и Георгием, Подъяпольским, Годлевским, Непомнящим, Менько и другими, всего семьсот

человек, ночью нас погрузили „в эшелон смерти“. Кормили в пути на третьи и четвертые сутки. В Чите по приказу Семенова были раздеты до белья, выпороты нагайками, кой-кого — прикладами. Назавтра отправили нас дальше, в Даурию, где расправлялся Унгерн. **Л. 77**

Иркутские рабочие к приходу приготовили на перроне белого хлеба, колбасы, табаку для нас. Мы в щелки видели, радовались. Но эшелон тронулся, нам ничего не передали. Ехали 29 суток, дали нам восемь обедов. Прибыли в Иман, в лагерь вечером⁸⁰. Лагерь в Графском поселке, семь верст от станции, человек тридцать в грязи остались. Один старик утром пришел, весь в грязи. Его начальник спрашивает:

— За что сюда?

— За большинство.

Поспрашивал он его еще и выгнал из лагеря.

Молодежь до 25 лет была взята в армию атамана Калмыкова. Два батальона создали. **Л. 77об.** 1-й батальон — в городе Хабаровске, 2-й — на станции Иман. В 1-м батальоне комсостав от ротного до отделенного — молодые офицеры. Батальонный — штабс-капитан Пляскин. Первый батальон пошел преследовать партизанский отряд Мелехина. В деревне Ивановке восстали, побили офицеров и выбросили красный флаг. 2-й батальон пошел в наступление. Против — полк Ширяева, и те спаслись только тем, что, убегая, взорвали мост. Потом 2-й батальон перешел к партизанам. (Приведена схема тюрьмы в Минусинске с местом расстрела. **Л. 78** и **78об.**) **Л. 78**

Из Иманского лагеря я был увезен как кузнец в город Хабаровск, в первую очередь (шли) жестянщики, кузнецы, ружейники. Имел я связь с Кошурой, ружейником (он из Красноярска). От него получил шесть ящиков патронов для передачи партизанам. Передавал Никифор Попов, тоже из Красноярска. Он был связан с партизанами, передавал винтовки и патроны. Он бежал в отряд Шевченко (партизанский отряд Г. М. Шевченко базировался у озера Ханко на Дальнем Востоке. — Т. К.). Я бежал в отряд Шевченко за месяц до переворота на Востоке. **Л. 78об.**

В отряде был месяц, пошли в Хабаровск. До 10 тысяч партизан там сошлось. Из Хабаровска демобилизован из 1-го Советского полка с товарищами Уколовым (Тува) и Филимоновым, отправились через Н(икольск)-Уссурийск по КВЖД, остановились в Хайларе. Через месяц — семеновская мобилизация всех русских, живущих на китайской территории. Достали три заграничных паспорта от русского вице-консула и двинулись за границу „по торговым делам“. До станции Далай-Нерчинск доехали и ушли по берегу озера в Монголию. Пробирались на запад

около двух месяцев и на реке Дуче, против Читы, были задержаны партизанским отрядом Силина. В отряде пробыли три месяца. Взят был нами город Акша, держали фронт и у Кургаты, Улачи и Урюма.

Стал наступать на нас барон Унгерн с пятитысячным войском. Отступили **Л. 79** и дали ему проход. Мы отступили к деревне Бурле, дотла сожженной казаками. Я был делегирован в буфер для информации отряда о буфере⁸¹. Что узнал и собрал, послал с товарищами Немировым и Игнатьевым, а сам уехал на родину.

В конце 1920 года я явился домой, где считали меня мертвым. Минусинским укомом был назначен председателем Усинского исполкома, еще в Хабаровске вступил в подпольную организацию. Бывшую в Усинске дружину я переименовал в партизанский отряд, командиром был Козырин, я был политруководителем и военкомом. В декабре с отрядом выступили в Белоцарск, оставив заместителем Бадаю. Заняли город Белоцарск, связались **Л. 79об.** с Мало-Енисейским взводом красных партизан (командир Афанасий Малышев), который сообщил, что в Налимовке организовался белый отряд Мелегина, который намерен соединиться с отрядом села Баянгол (село на территории Бурятии. — Т. К.), чтобы двинуться на Белоцарск⁸².

Я выступил по Малому Енисею до деревни Копта, присоединился Малышев, и пошли на Налимовку. На свету окружили белых, разбили, они отступили к Енисею, часть переплыла. Часть кавалерии на правом фланге, человек двенадцать-пятнадцать, сумели выйти. Я с 10 партизанами поехал их преследовать, около Знаменки попал на трех белых при обыске фанзы, и у меня был убит партизан Данченко. Я застрелил белого — Мамонтова.

Назавтра ушли в Белоцарск, выпоров одного и одного расстреляв. **Л. 80** Дальше связался я с Кочетовым (Подхребтинский партизанский отряд, взвод Малышева был из этого отряда), который прислал сто человек и приехал сам. В деревне Баянгол было три штаба: китайский — Линч Жана, тувинский — Болдар Хелина и белый — Шмакина (верно: Шмакова. — Т. К.)⁸³. Кочетов наступал с пехотой, а я с Козулиным (командир моего отряда) — с конницей. Мы заняли Баянгол первые. Китайцев не было, тувинцев тоже, шмакинский отряд был частью. Их переловили и расстреляли. Шанин, Ширкин, Бочкарев и другие были расстреляны после боя. Был расстрелян и организатор отряда Белослущий, учитель. Они расстреляли перед этим коммуниста Сюзева, арестованного белыми и бежавшего **Л. 80об.** было от них. Ему разворотили разрывной пулей голову.

Отсюда я с отрядом ушел в Усинское вместе с Козулиным. Часть отряда Шмакина в это время насту-

А. С. Бакич, белый генерал, дважды вторгавшийся в Туву в 1921 г. 1919—1921 гг.

пала на Усинское, связавшись с офицерней, будто бы на соединение с Красной армией. Белые начали было арестовывать на Усу, искали пулеметов, не нашли, и когда красноармейцы начали строиться для отпора, уехали. Здесь был ранен мой семнадцатилетний сын, он был в нашем отряде. Бой между белыми, Красной армией и взводом партизан шел у деревни Макаровой, тут и ранен был мой сын.

В 1921 году выходил отряд Бакича⁸⁴, выступали против него: Козулин — к Шагонару, а я — к Чахулю (Чакуль?), против Кайгородова, ушедшего от Бакича неизвестно куда. Бакич вышел на Элегест против Кочетова. Бакич с 250 человеками отклонился и ушел на **Л. 81** Уланхом (Улангом), наш отряд его преследовал. Монгольские власти разоружили Бакича, убрали из Уланхоя и только тогда впустили нас. Мы вернулись в Усинск.

В 1921 году было распоряжение выступить в Туву, занять Кемчик и вести разведку против тувинских белых отрядов в тысячу человек, в крайнем случае открыть бой. Кочетовский отряд отправился после Тарлакшинского боя⁸⁵. Енисейский полк дал нам

Тувинцы около палатки нойона. Фотография А.Я. Тугаринова. 1918 г.

два пулемета. В Шагонаре жил помощник нойона — Сагач-Шагарчи. Тувинцы бежали, он остался. Мы его предупредили, чтобы не уезжал, и повели переговоры о заключении мирного договора. Он нас дарить начал, мы отказались от подарков, потребовали сдачи 80 винтовок **Л. 81об.** и одного пулемета. Два часа срока. Переправили они оружие через реку и сдали.

Послали ультиматум нойону через сына Сагач-Шагарчи. Требовали, чтобы явился и в знак мира привез горное орудие. Явился нойон, встал на колени. Мы его поместили с Сагач-Шагарчином, вызвали нашего консула Иннокентия Сафьянова. Он прибыл через два дня с отрядом в сто человек партизан Кочетова. Пригласили нас на Кемчик, в ставку нойона для заключения мирного договора.

Там был созван 9-й хошунный съезд⁸⁶. От Усинского района были я и Козулин, от Урянхая — Сафьянов и Квитков и другие. Заключили мирный договор, урянхи разоружились, сдали оружие, шесть пулеметов, одно горное орудие. Триста пятьдесят лошадей подарили отряду, организовали свой отряд и с нами отправили. **Л. 82** Демонстративный поход устраи-

вали на девятьсот верст по-за Нойонскому хребту. Вскоре нас разоружили. Двести тридцать винтовок и один пулемет мы сдали.

Я работал потом председателем Общества потребителей и т. д. Член партии с 1917 года, в 1929 году исключен из партии». **Л. 82об.**

Сокращенные воспоминания А. Н. Филиппова печатались в сборнике «За свободу народа» (Кызыл, 1957) под названием «Советский Усинск». С. 89—97.

ВОСПОМИНАНИЯ ПАРТИЗАН И СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ Д. КУРБАТОВОЙ. ГИБЕЛЬ Н.М. КОПЫЛОВА. 1933 ГОД

О/ф 12105/4Д 10043

1 ноября. Курбатова

ЗАКИТИНА НАТАЛЬЯ АСТАФЬЕВНА

61 год, родилась в Курбатовой, в бедной семье. Замужем была за середняком Аксением Савельевичем Закитиным.

«В 1920 году он был председателем сельсовета, членом партии. Бандой Базаркина расстрелян. Меня грозили убить, наставляли винтовки в первый приезд банды. Муж тогда бежал из сельсовета, его захватили дома, когда банда проходила обратно. Двух сыновей убили весной 1921 года, на пашне — Николая, приехавшего на побывку из Красной армии, и Ивана — младшего. Сейчас живу единоличницей». Пенсии получает шесть рублей. **Л. 2**

1 ноября. Курбатова

ПОНЕЖАЕВА ПРАСКОВЬЯ СТЕПАНОВНА

56 лет, родилась в деревне Парновой Ачинского уезда, жила по работницам. Замужем была в Курбатовой за бедняком Дмитрием Степановичем Понежаевым.

«Бандой Базаркина была избита. Три раза ударили прикладом и дважды драли в три плети. Били по доносу, что я коммунистка и получила коня и ружье. А коня мне давал зять поработать, сам он был партийным. Муж, когда меня начали бить, упал в траву и уполз. Сидел в озере сутки и простудился. Сейчас все болеет». **Л. 2об.**

1 ноября. Курбатова

ЦАРЕВ ГРИГОРИЙ

Работал в Курбатовой, кончил работу, собирался уезжать, когда банда приехала. «Банда не пробыла и суток, приехала днем, уехала ночью. В первый этот приезд расстреляли: 1) Турова, милиц(ионера), 2) Ткачука, 3) Колбецкого, писаря волости, 4) Черемнова Петра, 5) проезжающего, 6) проезжающего, ехавшего на курсы в Минусинск. В стычке с партизанами убили одного из партизан возле деревни. Убили дорогой, привезли с собой из другой деревни человека. Во второй приезд (расстреляли): 1) Закитина, 2) Сычугова Тараса, 3) Шубкина — милиционера, 4) Воронова — милиционера. На крыльце у волости бандиты поставили пулемет, когда в первый раз захватили село. Пробовали бандиты собрание собрать.

Пришли мужики, выступил один, стал звать в банду, мужики один по одному убрались». **Л. 3—3об.** (Вероятно, в воспоминаниях речь идет о событиях после 1920 г. — Т.К.)

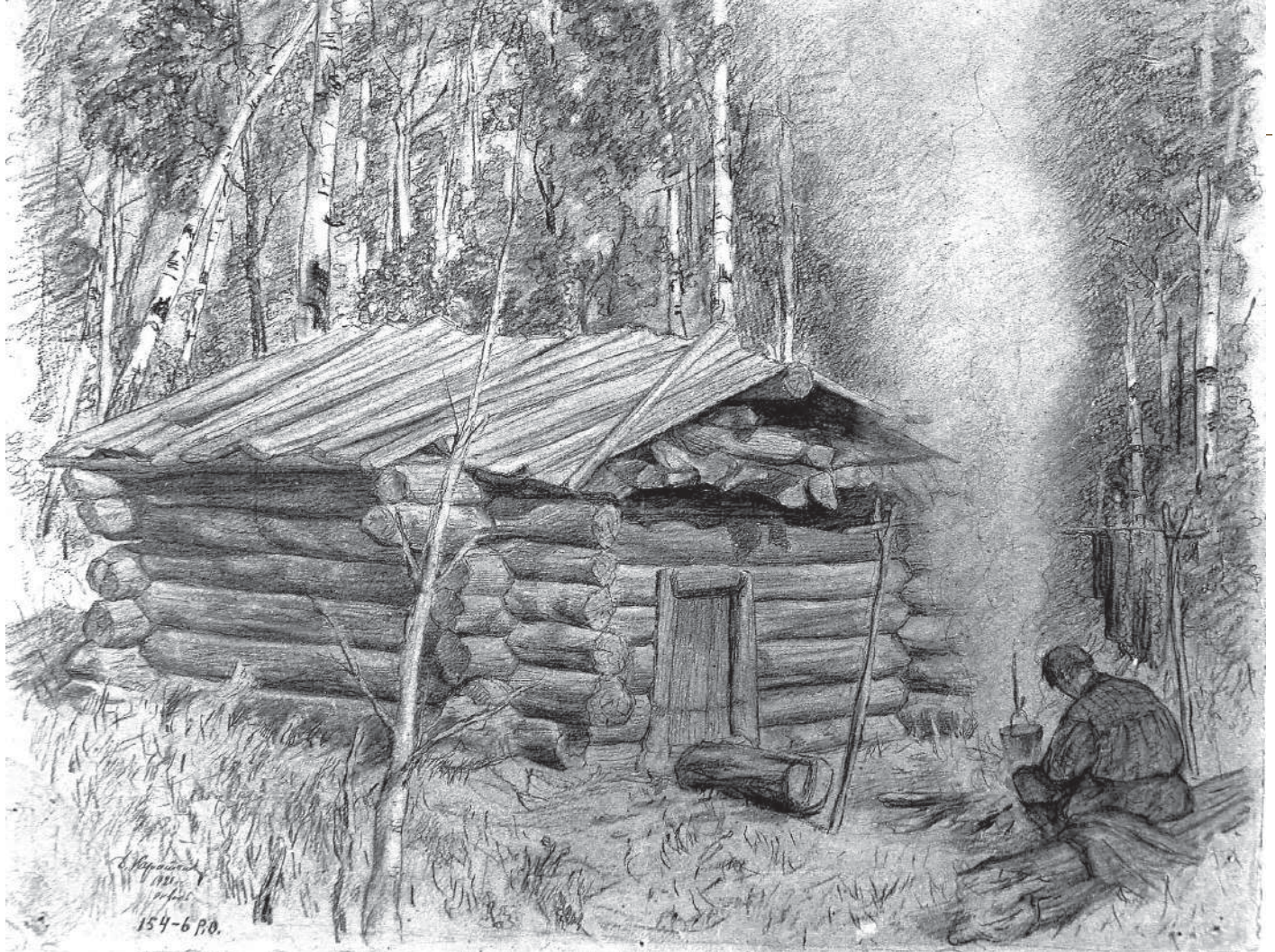
5 октября. Большой Кемчуг

ЕРМОЛАЕВ АНТОН СЕМЕНОВИЧ:

«15 августа был мобилизован Колчаком, пробыл месяц, бежал, скрывался и ушел к Щетинкину. Было нас пятеро: Хомечко, Гавриил Иванов, Никаноров Александр, Иванов Григорий и я. Из своей деревни Дубровки ушли в Ольховку к Щетинкину. Пришли к нам в Дубровку партизаны, небольшой отрядик, снимать с кемчугского моста белые караулы, **Л. 4об.** в этом отрядике были наши товарищи, которые вместе с нами были у Колчака, они нас и захватили. Караулы с моста сняли. Было это в феврале. Оттуда пошли в Ольховку, где нас окружили. Мы пробились в Томскую губернию, но нас заворотили, и мы пошли на со-

Н.М. Копылов, командир партизанского отряда в Кемчугской тайге. 1918—1919 гг.

Д. И. Картанов. У охотничьего зимовья. 1921. Бум., кар.

единение к тасеевцам, как мы думали. Сто пять верст шли тайгой, четверо в ряд топтали дорогу, сзади везли раненых, шел обоз. Вышли в деревню Скотыжгонную (Скотопрогонная? — Т. К.). Восемь человек мы шли вперед. От нас требовали сдачи оружия, мы боялись отдавать. Потом выехал Кравченко, его узнали. Нам предложили организовать полк, выбрать командиров. **Л. 5** До этого у нас отряд был разбит на подотряды. Я был в 4-м подотряде, командиром был Ефременко из Грязнушки. Был ранен в Голубовке после Белоцарского боя, стал поправляться и в Минусинске вступил в строй, в пулеметную команду, к которой прикрепился еще в Белоцарске. Пулемет №4, были больше при Канском (полку). Старшим у нас был Хомечко впоследствии.

Стояли в Бедре, когда в Городке загорелась церковь, Хомечко и говорит: „Эх, дитки мои! Цирква загорела, копиички некуда класть“. **Л. 506.** А белые (возле Петрошиловой) бьют из-за реки. Был, должно быть, шпион, в какую ограду ни перейдем, нас гоняют. Убили кошку и свинью, свинью с поросятами да восемь наших лошадей перепортили. В Ачинском полку был командир Загуменный, в Манском — Василий Гусев. Командиром пулеметного полка был Замураев. В Городке взяли 750 пленных, организовали Минусинский полк (после Белоцарска. — Т. К.).

Послали в Поденную. Командир Савицкий для испытания сделал тревогу в полночь. Кое-кто побросал винтовки, одну я поднял. Потом явился взводный — винтовку потерял. Савицкий его с запиской послал к нам в пулеметную. Посрамили и отдали винтовку... **Л. 6** Сватков, пулеметчик, бросил пулемет под Белоцарском, отломил жердь от бани и дрался жердью».

5 октября. Большой Кемчуг СЫСОВ ДЕМЕНТИЙ ИВАНОВИЧ:

«В 1918 году, в январе, вступил в Красную гвардию, был во 2-м Гомельском полку. Был в бою в М. [Вятке...]. Заболел, лежал в лазарете в Орле. Получил отпуск на два месяца; деревню сожгли, ехать было некуда, мать уже умерла. Поехал в Кемчуг, в апреле приехал, нанялся в батраки. Стали на меня коситься, подозревать. Ушел я в отряд Копылова. Было 70 человек. Пошли мы на Ушканчики (д. Ушканская и перес. пос. Ушканский Вершино-Рыбинской в. Канского у. — Т. К.), где была волость, взяли ее. Подошли к Малому Кемчугу. Была у нас **Л. 7** женщина-фельдшерица Мария Федоровна. Она осталась с нами, когда отряд разделился. Остались Копылов, я, Рябов, Николаев, Мощин-

ский, всего семеро. У Копылова заболела нога. Жили ниже Можара на Шумихе, там избушка была. Устроили печку, только хлеб заворотили; Евдоким Пономарев доказал, где мы скрываемся (он учителем в деревне Можары). Фельдшерицу мы отправили в Красноярск за лекарством. Отряд налетел. Копылов бежал-бежал, сел на кедровую колоду:

— Прощайте, ребята.

Застрелился⁸⁷. Его по животу рубанули шашкой.

Л. 7об. Мы нашли другую избушку и там скрывались, пока не пришла Красная армия. Фельдшерицу не видели больше. А она нам все доставляла из Красноярска раньше. Когда пришла Красная армия, вступил доброволец». **Л. 8**

6 октября. Ибрюль

КОЧУГОВ ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ:

«Весной 1919 года был мобилизован Колчаком, но не явился, а ушел в партизанский отряд Копылова. В отряде застал семь человек: Копылов, Мощинский, Провознюк, Терещенко, Севастьянов, Болчукас и (М.) Гурский. Нас пришло двое, со мной был Катков Дмитрий из Ибрюля, тоже крестьянин-бедняк. Нашли мы отряд под деревней Малиновкой, верстах в восьми, в балаганах. Между станцией Кемчуг и Малиновкой была у нас перестрелка с карательным отрядом, нас было около пятидесяти, карателей больше трехсот. Убили **Л. 9** из карательного отряда одного, у нас потерь не было. Потом была стычка на взвозе, между Малым Кемчугом и Ибрюлем. Их было 120 человек, обстреляли мы их, они повернули и уехали обратно. У села Большой Кемчуг имели стычку с карателями на горке от Ибрюля. Белые ранили одного коня и одного (лучшего) взяли в плен — он сшиб седока. Карателей было много. Они удрали от нас, хотя нас было шесть-семь человек. А всего в отряде было уже 130. Под деревней Орловкой (сейчас ее нет) была стычка, в которой был убит Провознюк Сергей, из российских был он. Под деревней Михайловкой столкнулись с отрядом милиции — 12 человек их было. Четверых захватили, **Л. 9об.** трех расстреляли, одного отпустили по свидетельству жителей, что он оказывал даже содействие. На станции Заледеевой остановился эшелон белых солдат, захватили их сонных. Бросили бомбу под вагон, открыли стрельбу. Одного у нас ранили, зато захватили много оружия и патронов. Делали налет на офицеров, трое их ехало на станцию Кемчуг на подводе из Малиновки. Неудачно ранили подводчика только.

Под Орловкой наша разведка дала залп по белому отряду, они бежали по тракту. Отряд делился два раза, не поладится что-нибудь, отобьется часть. Часть

Л.А. Чернышев. Ели. Нач. XX в. Бум., акв.

отряда ушла, самостоятельным отрядом ходили. **Л. 10** Второй раз отделились шесть человек, 18—20 — идти к Щетинкину, приезжала от него в отряд разведка. Но к Щетинкину они не добрались, белые связь порвали. Тоже самостоятельной группой бродили. Оставалось с Копыловым 12 человек всего, он тринадцатый. Копылов ехал верхом, о лесину разбил колено, нога разболелась. Жили в избушке под Можарами. В избушке днем окружил белый отряд, человек сто двадцать, да еще крестьян набрали с собой за мишени ставить. Пришлось удирать кто куда. Часть поразъехалась в отряды или по домам, нас человек шесть осталось в своем районе. Скрывались до прихода Красной армии. **Л. 10об.** В последних месяцах мая и летом приезжали из города, проводили конференции⁸⁸. Лесничий Георгиу (расстрелян белыми) тоже проводил конференцию, доставлял оружие, собирался в отряд. Малиновка, Орловка, Ибрюль и Большой Кемчуг посылали делегатов. Конференции были в тайге под Малиновкой и Орловкой.

Мария Ивановна появилась в отряде позже моего прихода. Бывала в отряде наездом, больше ездила в город. Но часто и переходы с отрядом делала». **Л. 11**

МАНСКИЕ ЗАПИСИ

Тетрадь о/ф 12105/ЗД 10042. Датируется 1929—1930 годами

(Дата проставлена дважды: на первом и втором форзац-листах. — Т. К.)

2 сентября 1930 года. Грязная Кирза ФРАНК РОМАН:

«С 1905 года работал на шахтах в Екатеринославской губернии, бастовал. За распространение прокламаций был избит в Харькове полицией до потери сознания. В империалистическую войну месяц служил Николаю. Начал организовывать против битья унтер-офицеров. Били жестоко, я раз хотел приколоть фельдфебеля. Бежал, полтора года скрывался в тайге... При Керенском был в маршевой роте, революционно настроенной, нас расформировали. Мы стали захватывать оружие, пригодилось к восстанию.

Здесь у нас было восемь человек, в Баджее насобиралось семнадцать. Я был командующим войсками. Бой у Борзоначки ничего не дал, а у нас было всего семь винтовок. У Тюлюпа взяли два пулемета, винтовки. Позже был назначен главнокомандующим Кравченко. Я был назначен батальонным командиром в Манском полку. Участвовал в 11 боях. **Л. 12** После отступления за Ману я был начальником связи. Под Нарвой я был контужен. При отступлении я встретил Ивана Богана, а я слышал плохо. Он мне сказал, что решили отступить куда глаза глядят. Я забежал домой — никого нет, пусто, ушли в тайгу. Посоветовались с братом, я решил присоединиться к Суровскому (перес. уч. Суровый Кияйской в. Красноярского у. — Т. К.). Подходя, слышали залпы, это белые расстреливали партизан. Предателем в Суровском был Щербаков Иван, спасая свою шкуру, выдавал. Отступавшие партизаны просили хлеба, только вышли — белые во двор. Щербаков указал:

— Сейчас пошли.

За Белогорьем прожили около года. Было нас семей двенадцать, я выбрал место, где можно было пасти скот. **Л. 12об.** При второй Соввласти служил в Совете, был председателем».

ДОПОЛНЕНИЕ Р. ФРАНКА:

Дело Лоскутова⁸⁹

«Был я начальником штаба в Нарве. Привел его (Лоскутова) Щукин. Дорогой выпили, передает Щукин пакет из полевого штаба препроводить в Баджей до суда. Я под строгим арестом велел держать как офицера. Говорят, что сдался без боя. Через продолжительное время получил из Баджея пакет: принять самые строгие меры — Лоскутов бежал.

Я на Кравченко смотрел недоверчиво, меры принял. Лодки взял на учет, и только один старик уехал дня за два на них. Старик был из Нарвы, он и перевез. Сообщили мне, что у Ингута видели человека с двухстволкой. Я послал трех верховых в погоню. Я приказал рассчитаться на месте. Ему оставалось версты четыре до своих, он отдыхал. Его окружили, говорит:

— Заблудился.

Его прикончили. Нашли план пути Щетинкина, образцы всех наших печатей (Лоскутов работал в складе, а туда сдал Щетинкин все свои бумаги. Лоскутов был помощником). **Л. 13**

Кравченко я не доверял. В боях он терялся, срывал планы⁹⁰. Намечали обойти белых (я там не был), Кравченко заехал в Островки, пил и пропустил время перехватить белых. Я ездил в разведку, узнал, что в Имбеже (Имбежский перес. уч. Кияйской в. Красноярского у. — Т. К.) белыми заказаны подводы. Со мной было 12 человек. Я подводы задержал. Дело было под Рождество, мужики пьяные, партизаны тоже заходили. Один с поста зашел чай пить, винтовку хозяину дал. Я обнаружил это дело, послал проверить. Оказалось, партизан без памяти пьян, караулил хозяин... Приезжаю в Кияй, Кравченко у бутылки. Не спешит... **Л. 13об.** Не успели приготовиться — обстрел. Кравченко растерялся. Когда я гнал, лошади ранили ногу, меня кровью залило. Нам сообщили, что Гусева в Ингуте разбили, а ему, что нас разбили. Гусев взял пулеметы, но отступил.

Гартман говорил: отступление — моя смерть, не любил отступать. Ночью мы шли в наступление на Ингут. С тремя товарищами зашли вперед, роту солдат белых поднял, винтовку себе выбрал. Скоординировал:

— За мной!

Солдаты пошли, но один сообщил в штаб, одного — агинца, убили. Гартман ушел, но при общем наступлении был ранен, захвачен белыми. Он зарылся в сугроб, но были видны ноги. Увезли в Кияй, допрашивали, он, раненый, пытался убить офицера. Был казнен. Гартман в дни затишья варил суп. Но если бой — отказывался. Шел в бой и ругался. Похоронен он на кладбище: братская могила у Сухой Кирзы. **Л. 14** Похоронены Тримлер Яков, Гартман (рабочий), Франк Иван (брат), Блумберг Карл. Под Ингут ходила разведка: Блумберги — братья, Франк и Виксин. Зашли передохнуть, выходят — белая разведка. Офицер кричит:

— Сдавайся!

Приспособление для выбивки пистонов. 1918—1919 гг.

Франк (брат) убил офицера, Блумберг бросил бомбу. Забрались на стайку. Виксин пробился в огород и Василий Блумберг. Отобрали лошадей у проезжавшего с сеном мужика и спаслись. А этих двух подожгли. Держались до последней возможности. На Франке вся одежда сотлела, Блумберга изрубили. Франк застрелился». **Л. 14об.**

2 сентября 1930 года. Грязная Кирза БАБИЧЕВ ДАНИИЛ МОИСЕЕВИЧ:

«Были в Баджее новобранцы в колчаковскую армию, скрывались в тайге, по слухам. Я направлял их к Кравченко. Вскоре получили бумажку из Баджея. Я послал мальчишку, собрание собрали. Пошумели. Я сказал, что в случае неустойки со двора по одному. Согласились. Ночью приходят, не согласны, не дадим сынов. Ничего подобного, дадите. Утром собрались, сколько ружей было. Двадцать четыре человека поехали в Баджей. У нас, у трех братьев, было три винтовки, у остальных были тоже. Поставили нас на посты в Орешном, потом передвинули к Пилиш. Посылал нас еще Боган (Федор). Меня выделили взводным. В первом бою был у Тюлюпа, когда взяли два пулемета. До Тюлюпского боя у Пилиш я чуть не заколол Кравченко. Его задержали, я его **Л. 16** допрашивал, он ничего не говорит. Узнал его по голосу Яруцкий. Тогда мы с ним расцеловались. А то он нас за белых принял. Наши постовые отняли у него винтовку и наган, оставив один дамский браунинг.

Сначала я нес боевую работу. Я был в Канском уезде с отрядом, вернулся под Ингут. Там трое латышей обезоружили 19 белых, а те, сообразивши, перебили латышей. Из-за этого я поссорился с Боганом

и стал работать фельдшером. После Тюлюпского боя, захватив пулемет, поехал Кравченко с моим братом в Канский уезд. Им там пришлось плохо. Я поехал с 60 человеками на поддержку. Белые оцепили Перово, меня не пропускают... Бой держали до ночи. Кравченку я потерял, нашли только после окончания стрельбы. Меня назначили организовать отряд, я собрал 110 человек. Белые издали приказ — сдать казенные вещи (обмундирование демобилизованных солдат. — Т. К.); приехали в Ачинск. Мы стояли в Заболдуе, едем в Ачинск. **Л. 16об.** Навстречу едут подводы, отвозившие белых в Кулижное. Мы расспросили, как они расположились. Нас было человек сорок. Стали мы наступать с конца деревни, часть разбежалась. А белых, учебная команда, 92 человека. Нас осталось девять человек. Мы шли прямо по улице, я кричал:

— Заходи огородами, справа, слева!

Подойдя, оставил трех человек на улице, а сам с шестью зашел с огородов. „Пли!“. Дело к утру. Пошли мы в деревню снова (на улицу). У белых крик — ранили начальника. Так они и уехали... **Л. 17** Мороз был большой, с Кулижного поехали на Станицу, оттуда — на Кой. Решили отдохнуть два дня. Белые в Талой. Стали наступать туда. Собрали весь отряд, 110—111 человек. Место немного знакомое, выгнали, взяли в плен 37 или 40 человек. У Кулижного воза два набрали добра. Я искал охотника пройти деревней — никого не нашел. Пошли все в наступление. Убили здесь одного прапорщика. В штабе, в подполье, захватили новобранцев, и одного, шедшего из германского плена, — Кузнецов, сын заведующего Ивановскими приисками. Плакал, просил не убивать. Отправил я его домой, он был задержан белыми, когда пробирался к дому, а не в ря-

дах был. Остальных пленных я отправил в Баджей. Из них одного, милиционера Врублевского, расстреляли.

Через день белые начали наступать на Талую. Почти всю Талую **Л. 17об.** оцепили, батарея бьет. Начали с полуночи. Под утро пришел в Рагозу Кравченко (две версты). Прислал ординарца, но сам к нам не приехал. Нажимали здорово. Зашли от Рыбной и Карымской, хотели обойти с Рагозы, но у меня было 17 кавалеристов, я их послал и цепь, погнало обратно, забрали пленных. Убили штабс-капитана, у него один партизан отрубил кольцо с пальцем. Командир пулеметной команды не хотел сказать кто (раненый). Его тоже прикончили. И взяли в плен человек сорок. Всего 77 за два раза. Кравченко приехал, когда все успокоилось. Я сказал:

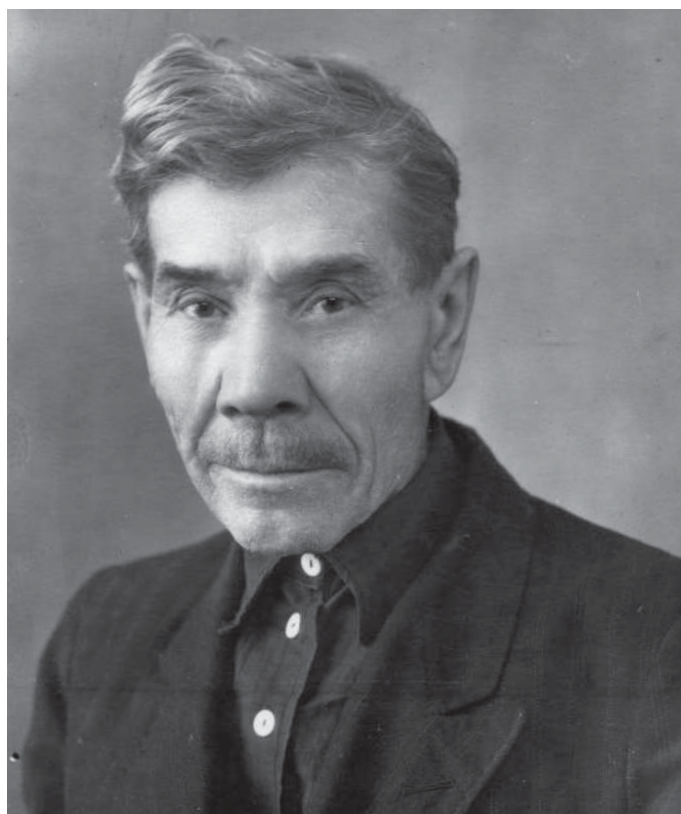
— Александр Демидыч, я утомился, отдохнуть надо.

И повез пленных в Баджей. Оттуда в Нарву, под Ингут, где и поругался с Боганом. Фельдшером работал до отступления. У Жаймы я отстал. Не шибко надеялся на Кравченку — любил он выпить очень. Заехал в Минусинск уже зимою, когда установилась связь. Был в кавалерии. Боев уже не пришлось принимать». **Л. 18**

1930 год. Грязная Кирза (?) ЯНПАВЛЬ (ЯН (АЛЕКСАНДР) ПАУЛЬ):

«После съезда в Рыбном (конец апреля 1919 г.)⁹¹ утомленные партизаны начали роптать. В первых числах мая проходили по полкам митинги, обсуждали положение уполномоченные от полков, съехались в Синяковке (с. Синявинское Аскизской инородческой управы Минусинского у. — Т. К.), где стоял Северо-Ачинский полк, и здесь был последний, решающий митинг. Надо было покончить с начинающимся развалом, с недоверием к комсоставу. Армия была накануне распада. Семь месяцев беспрерывных боев взвинтили нервы, замешалось лоскутовское дело. Мне пришлось мирить, уговаривать, призывать к соглашению, **Л. 19об.** указывая на те последствия, какие неизбежны, если белые узнают о наших раздорах. Не доверяли ни Кравченко, ни Щетинкину. Полки требовали их перевода, отступления в Минусинск. Но дело уладили.

Здесь, в Зарзибее, на нашем хуторе была ружейная мастерская — чинили ружья, набивали патроны. Но пистонов не делали, это делали в степно-баджейской большой мастерской. У нас было человек тринадцать. Мастерская сначала помещалась в Кое, называлась по отряду койско-зарзибейской. **Л. 20**

П. С. Гришин, партизан Рабоче-крестьянской армии Минусинского народного фронта. 1957 (?) г.

Бои при Кое были перед самым отступлением. Дрался Тальский полк. Недели две-три держались здесь партизаны. После отступления моего отца убили и сожгли. Среднему брату Иаифу пустили пулю в затылок, но он не был убит. Его обложили соломой и зажгли. Живет обгорелый. Младший брат Петр погиб, в разведке попал в плен. Казнили, знали, что в разведку мобилизованный не пойдет, пойдет добровольец. Брату было шестнадцать лет. Недалеко от моего хутора в тайге сохранились шалаши, где скрывались после отступления оставшиеся партизаны. На деревьях сделаны затеси и вырезаны надписи: „здесь скрывались борцы за свободу“». **Л. 21**

МИНУСИНСКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ

2 ноября 1918 года отряд казаков числом семь человек прибыл в село Дубенское Тигрицкой волости Минусинского уезда для уничтожения крестьянских самогонных аппаратов. Двадцать семь мужиков, вероятно сопротивлявшихся, выпороли. Боязнь взыскания недоимок, мобилизация и, наконец, порка взвинтили жителей. В ответ крестьяне пустили в ход винтовки, убив трех казаков. Через два дня для усмирения дубенцев в село прибыл начальник уездной милиции прапорщик Зефилов с 40 казаками и пехотинцами. Подоспевшие крестьяне из сел Черемушки и Нижний Суэтух, скрываясь за оградой и церковью, обстреляли отряд. Так было положено начало Минусинскому крестьянскому восстанию.

В селе Дубенском образовался крестьянский комитет, распространивший по уезду воззвания с нарочными с просьбой поддержать его другими селами и деревнями, нередко с угрозами самосудов в адрес отказывавшихся. В течение нескольких дней мятеж перекинулся на соседние деревни, захватив около двадцати волостей. В отряды повстанцев мобилизовались мужчины в возрасте от 17 до 50 лет, в том числе местные кулаки, казаки, крестьяне, не принявшие Советскую власть. Мятеж возглавили политкаторжанин С. В. Кульчицкий, сам имевший самогонный заводик и разрешавший им пользоваться другим жителям, и К. И. Матюх.

13 ноября 1918 года П. С. Доценко, исполнявший должность енисейского губернского комиссара, рапортовал министру внутренних дел о разрастающемся сопротивлении деревень вокруг казацкой станицы Каратуз. Доценко не сомневался, что движением руководили большевистские «агенты», но причины восстания, по его мнению, надо было искать не в большевизме. Рапорт комиссара запоздал: крестьяне нескольких волостей, разбив казачий отряд численностью сто человек во главе с каратузским атаманом Шошиным, вскоре заняли Каратуз и начали готовиться к походу на Минусинск. К середине ноября из 35 волостей Минусинского уезда к выступлению присоединились 19, силы повстанцев исчислялись в 10 тысяч человек. В общей сложности было создано 10 отрядов (или фронтов) в Большой Ине, Малой Ине, Малой Ничке, станице Саянской, в районе Даниловского завода и т. д. Свою роль в событиях сыграли и ссыльные большевики, разбросанные по уездам.

Главный штаб восставших находился в селе Малая Ничка во главе с командующим Станиславом Кульчицким. 18 ноября штаб выдвинул ультиматум о незамедлительной передаче власти в руки Со-

ветов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, разоружении казаков и их удалении из Минусинска и сдаче оружия белыми офицерами. Сама крестьянская армия представляла собой социально разноликую публику, от бедняков до кулаков и купцов, что вскоре сыграло свою отрицательную роль. К тому же повстанцы были слабо вооружены: винтовки, охотничьи ружья, реже — револьверы, кольты. Основная масса шла с ножами, вилами, топорами, кольями, пиками, дубинами, сами крестьяне и прозвали свое восстание — дубинным.

На 21 ноября предполагалось наступление на Минусинск, город уже был окружен восставшими с трех сторон. В Минусинске объявляется мобилизация надежных граждан, которых сводят в дружины. Через село Городок (26 километров от Минусинска) Мало-Минусинской волости на помощь осажденным приходят учебная команда 10-го Байкальского полка войскового атамана генерал-лейтенанта И. Ф. Шильникова и учебная команда Енисейского казачьего полка во главе с генерал-лейтенантом С. Н. Розановым. Общая численность правительственных войск составила тысячу человек.

Утром 21 ноября повстанческая армия пошла в наступление на Минусинск со стороны Малой Нички и Даниловского завода. Встреченная сильным пулеметным огнем и кавалерийскими атаками, армия стянулась к опушке Лугавского бора и заметно начала редеть. Кулаки пустили слух о наступлении больших отрядов. Тем не менее повстанцы, отброшенные сильным огнем, с большим упорством шли в наступление, что впоследствии было отмечено в отчете правительственных войск. В три часа дня им удалось занять позиции в полутора-двух километрах от окраины Минусинска. К этому времени с той и с другой стороны не осталось боезапасов. В семь часов вечера паническое настроение у повстанцев усилилось. За спинами скопилось большое число обозов из телег: подводчики с вещами и продуктами питания для повстанцев, телеги с семьями, которые, возможно, ожидали трофеев в случае взятия города (на взгляд составителя, грабительский фактор значительно преувеличен некоторыми авторами, в воспоминаниях участников Минусинского восстания таких свидетельств почти нет). Поздно вечером повстанцы начали отступать. Кульчицкий был арестован в Шушенском и повешен в Минусинске. Многочисленное, но разрозненное протестное восстание завершилось трагически.

24 ноября правительственные войска прибыли в село Дубенское для расправы с участниками кре-

Ружье партизанское самодельное. 1918—1920 гг.

стьянского восстания и не только, сильно не разбирались. Накануне мужское население большей частью скрылось на заимках, в пашенных и охотничьих избушках. Кого успели схватить, с теми жестоко расправлялись. То же происходило и в других селениях. В отчете начальника Минусинского отряда генерал-майора И. Ф. Шильникова от 11 декабря 1918 года было высказано мнение, что Минусинское восстание являлось бунтом без всякой политической окраски и не содержало данных, свидетельствующих о том, что оно было подготовлено извне и заранее. Пожалуй, утверждение верное. На основании тех материалов, которые приводятся, довольно сильная партийная организация существовала в Каратузе и, в меньшей степени, в деревне Березовке. По отчету о деятельности следственной комиссии в Минусинске, рассматривались дела о 770 повстанцах, из них тюремному заключению подверглись 182 человека, 270 человек оштрафовали на разные суммы, 40 человек направили на военную службу, 118 человек освободили от наказания. Дела на 432 человек еще оставались в производстве. Сколько было зарубленных насмерть, пропавших без вести, не считали.

Военно-полевым судом (а судили преимущественно офицеры) было вынесено 87 смертных приговоров, 50 человек приговорили к каторге. Партизанская газета «Соха и молот» агитационного отдела Армейского совета Степно-Баджейского фронта называла цифру замученных и расстрелянных повстанцев около четырех тысяч. Цифра вполне вероятная, о чем свидетельствуют воспоминания участников событий.

Восстание закончилось поражением. Однако начальник Минусинского военного района подпол-

ковник Романенко считал, что Минусинский уезд нельзя считать успокоенным. Особенно возбуждали население казаки: грабежами, насилием над женщинами, применением оружия, устраивая «направо и налево» порки крестьян. Минусинский воинский начальник капитан Шашин в марте 1919 года намеревался прекратить казачий разбой вплоть до применения смертной казни к особо «отличившимся».

Могли ли повстанцы взять Минусинск осенью 1918 года? Вполне вероятно, город практически оставался на то время беззащитным. Только вряд ли смогли удержать. Неорганизованность, стихийность, социальная пестрота участников восстания рано или поздно решили бы исход не в положительную сторону.

Литература

1. Партизанское движение в Сибири. Т. I. Приенисейский край. М.—Л., 1925. С. 21—23, 25, 35.
2. Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. Красноярск, 1972. С. 100—104.

ВОСПОМИНАНИЯ ПАРТИЗАН СЕВЕРО-АЧИНСКОГО ФРОНТА И УЧАСТНИКОВ МИНУСИНСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ

Тетрадь о/ф 12105/5Д 10044. 1933 год

(Карандашом на первом форзац-листе проставлена цифра 4, затем переправлена на цифру 7. Все воспоминания датируются 1933 годом. — Т. К.)

13 сентября. Большая Иня

Воспоминания ПЕТКАЧЕВА ДМИТРИЯ МАТВЕЕВИЧА, НАУМЕНКО ТРИФОНА ДАНИЛОВИЧА, ПЕТКАЧЕВА ТИМОФЕЯ ДАНИЛОВИЧА, ФОМЕНКО ФЕДОРА ИЛЬИЧА

Все жители деревни Большой Ини, собранные А.К. Фефеловой вместе.

ПЕТКАЧЕВ ДМИТРИЙ МАТВЕЕВИЧ:

«На селе было кулацкое гнездо: Пшеничниковы, Тюльковы, Старцев, Решетниковы, Назаров. Работали ловко. Вечером была объявлена сходка для выборов на уездный съезд, выбрали Терентия Шаповалова. Кулаки договорились, чтобы пришли на сходку из Теси и других деревень, чтобы захватить сход. Собрались. Кулаки окружили с ружьями. Арестовали Шаповалова. **Л. 3об.** — **4** Кулачье направилось в Минусинск, поставив у арестованного караул. Но войти в город не осмелились. Но заставили угрозой других идти на город. Кой-кого по роли. Стало известно, что в Минусинске Красная гвардия сдалась. Явились в деревню пьяные кулаки, вино, колбасы с собой: „Шаповалова живым поминать будем“. **Л. 4об.**

НАУМЕНКО ТРИФОН ДАНИЛОВИЧ

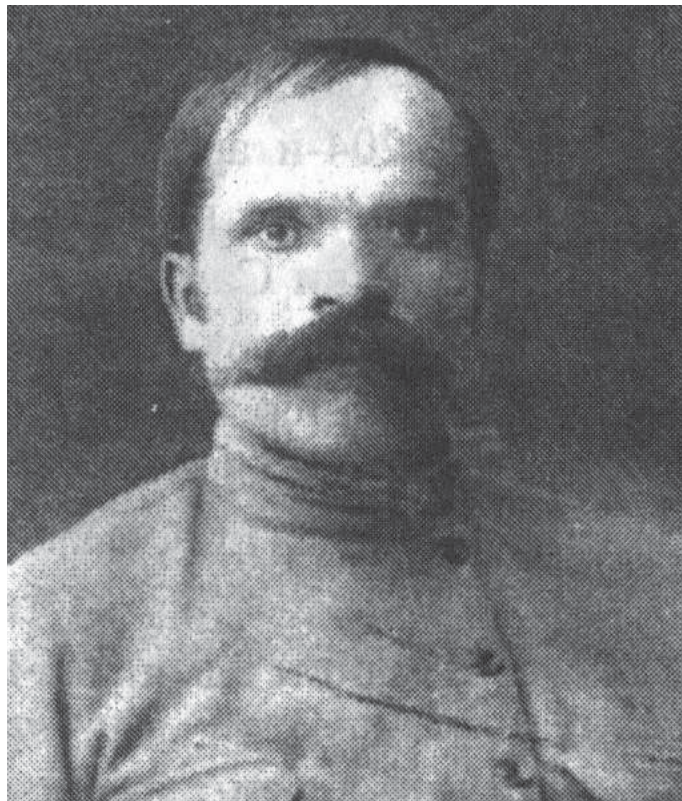
Пшеничниковы гоняли по улицам собирать народ, чтобы вынести постановление в отношении Т.А. Шаповалова. Спорили, где расстрелять, решили — на кладбище. «Раздели и разули, вели и били. Науменко, Фоменко, Трофименко заставили копать яму, выкопали в колено.

— Достаточно, собаке собачья смерть.

Настаивали:

— Дай я, дай я...

Иванов выстрелил, упал Шаповалов, подняли они его. **Л. 5** Тогда начали бить стяжками, разбили голову. Гориков М. (матрос, сначала был за Советы, потом перекинулся, да еще и напоили) схватил за ноги, бросил в могилу и по мертвому плясал. Когда закопали, Иванов Николай играл на гармонике, а остальные плясали на могиле. Расправившись с Шаповаловым, взялись за остальных. Начались аресты, чуть кто слово скажет. Пшеничниковы вели линию хитрую, **Л. 5об.** сразу на всех не нажимали.

Т.А. Шаповалов, член Минусинского исполкома. 1917—1918 гг.

Приезжали рабочие с копеей⁹², говорили с крестьянами, местные сговаривались: Молодых Григорий, Петушковы Андрей и Яков Сергеевичи, Федор Фоменко, Щаев, Глеб Баженов, Дельцов. Устраивались изредка подпольные собрания. Однажды обсуждался вопрос о нападении на карательный отряд, но оружия было мало. Здесь Пшеничниковы организовали дружину.

В Грязнухе жил зимою один землемер, проговорился в беседе с кулаками, а офицер, по сговору, подслушивал. Арестовали его, привезли в Большую Иню, да здесь как раз был карательный отряд. Взяли арестованного к Пшеничникову, били опять, в каталажку увели. А когда отряд поехал, захватили и землемера, в березняке расстреляли. Похоронили **Л. 6** на кладбище.

Когда карательные отряды Занина, Цембера и Попова начали драть крестьян, выдрали в Теси, в Дубенском, возмущение началось. Тесинцы не дали трех человек арестовать, милиционеры сбежали. Потом явились каратели, взяли Ткачева, Полякова (их после восстания расстреляли). Когда же из Каратуза двинулся отряд крестьян, здесь организовали штаб: Дельцов, Петушков, третий был Шаповалов из Сагайской. В по-

полнение отряда вступили из нашей деревни человек тридцать. Ковали копья, насаживали вилы. И с этим шли в бой. Дмитрий Петкачев ковал копья, не **Л. 6об.** меньше 50 выковок. Подъехала казачья разведка, одного казака подстрелили, двое сбежали. Раненого взяли в плен, перевязали. Подстрелил его один из дружинников, из кулачков, его повстанцы поставили на караул, и он не смел стрелять. Белые явились с небольшим отрядом, с оружием, по дороге на хутора хотели разгромить деревню, но не напали почему-то. Здесь, в деревне, бороны по дорогам разбросали, в проулках, в улицах.

Дня два или три простоял отряд повстанцев. Дошел отряд до винокуренного завода (Даниловский (Александровский) винокуренный завод в Лугавской в. — Т. К.), началась паника. Белые стреляли из орудий, провокация была. **Л. 7** После этого начали по деревням ездить отряды, пытаясь, кто большевик».

ФОМЕНКО ФЕДОР ИЛЬИЧ:

«Шаповалов Терентий ходил во Владивосток на работы вместе с Гориковым, были друзья, оба революционно настроенные. И Петушковы были революционно настроенные. Еще до германской войны. Я с ними знаком был. Позже на службе я познакомился с офицером Марковским (Т.П. Марковский). Когда вернулся, здесь был в комитете Дмитрий Пшеничников. Он повел массу при выборах за социал-революционеров. Из-за этого у меня с ним были схватки. Я был заместителем председателя Совета, а председателем Иван Пшеничников — кулак. Пастуха Мироненко силой заставляли **Л. 7об.** пасти скот. Споры у нас с ним были. Из-за этого меня чуть не избili, так как я протестовал против насилий. Самоуправство началось, кулачки лес воруют. Уже, будучи в партизанах, я узнал, что в Шалоболдино были на тайном собрании и наши кулачки, сговаривались, как Советская власть свалится. Когда кое-где начались в деревнях выступления, Шаповалов ездил уговаривать. Потом он заболел, приехал домой. Распустили кулаки слух, что у Шаповалова сахар спрятан. Делали у него самочинный обыск. Я советовал ему скрыться, отказался. Вскоре его прислали арестовать, приехали домой, но его не было, ушел в больницу. По пути он зашел на сход, там его и арестовали. **Л. 8**

Когда он уже был арестован и нам приходилось неволей идти на город, приехал какой-то незнакомый. Советовал на город идти, но оружие казакам не оставлять, а оставить в своих руках. Власть Советов называл истинной властью. И сразу после выступления он скрылся. Интеллигент. Идти нам пришлось. Дошли до Самодуровки, свернули в Борок, стояли сутки у города, пока шли переговоры и Красная гвардия не сдавалась (на крестьянском съезде от нас был Шаев, а Пше-

ничников ездил самовольно). Когда мы вошли в город, для нас был приготовлен обед. В вильнеровском доме угощали, в шпаковском тоже. **Л. 8об.** Всего было вволю — жареного и пареного. Я там языка не держал, насчет почета мужику прокатился, и чуть было не попал. И мы с Шаевым и другими стали выбираться. Встречный казак кричит:

— Идите, ребята, там красногвардейцев наловили, с моста бросают, идите!

Зашел я к знакомой старушке, там было опять разговоры повел, мне один паренек подмигнул и сам ушел. Вижу, знак дает, чтоб язык держал. К вечеру я выбрался из Минусинска потихоньку. На рукаве белая повязка. Встретил знакомых, подвезли до Малой Минусы. Около Самодуровки возле меня только пули пели, пьяные стреляли. **Л. 9** Прожил у родственников дня два. Как раз поймали красногвардейца, в тот же дом завезли, а я прятался в горнице. Домой я попал уже после расстрела Шаповалова, которому мой отец копал могилу.

Вскоре стали у нас дружину организовывать, меня признали «неблагонадежным». В подпольной организации у нас был Баженов, Петкачев. После нашего неудачного восстания у Новикова Григория было собрание кулаков. На нем был Михаил Кубрак, и через Петушкова я узнал, что там говорили. Кубрак разболтал: намечали, кого арестовать — 29 человек. Меня и Андрея Сергеевича Петушкова **Л. 9об.** в первую очередь.

Выписку делал Дмитрий Семенов. Я встретил рано утром Дмитрия Пшеничникова и сказал:

— Меня ты сейчас не возьмешь. Мы уходим, но или мы погибнем, или жить будем, а тебе тоже хорошего не будет.

Три дня мы скрывались, в метель, в мороз, потом вышли. Узнали, что переарестовали стариков, переписав на сходе как большевиков. Стариков отвезли в Минусинск. А мы добрались до Галактионовой (Краснотуранский район). Там нас спрятал Чепелин. Коня прибрали, нас в избушку на дворе, восьмилетний парнишка нас караулил, чуть кто идет, нам скажет, мы в подполье. Никому не сказал про нас, хотя и расспрашивали. **Л. 10** Через несколько дней я домой вернулся. Петушков приехал позже, дома скрывался.

Когда проходил Щетинкин, нас гоняли против него. Я не ходил. Кой-кого гоняли насильно. А когда Щетинкин вернулся в Минусинск, вступил в отряд. Гоняли против Щетинкина дружинников, чтобы сделать поруку круговой. Меня выбрали начальником дружины, пригнали ко мне на пашню, отец приехал. Я принял командование. Приехали в Ничку, в деревне Патрикеева — штаб, офицер Михайлов. Добровольцем в отряде был Гришайлов Петр, помощник начальника. Он слышал мою фамилию и знал, что я считаюсь большевиком.

Поручил мне Михайлов ставить **Л. 10об.** посты, а Гришайлова мне помощником. Перевели нас в Восточенское, нас сменили, но вместо меня попал брат. Имели мы по 120 патронов, а, сменяясь, отдали по двадцать, по сотне осталось, после к Щетинкину ушли».

Сентябрь. Колеватовка ГОРИКОВ ИВАН ДМИТРИЕВИЧ

В 1916 году взят на войну в 46-ю дивизию, в 1917 году солдаты отказались от наступления. Против выступили казаки, дело дошло до вооруженного столкновения, сопротивлялись семь суток, **Л. 11** затем сдались. «Двадцать восемь человек у нас расстреляли в одну ночь. Офицеры у нас сбежали при нашем отказе (июнь 17-го года), я был выбран ротным. Был осужден на восемь лет, отцу отказали в праве на землю».

После освобождения (отбывал наказание в Киеве) вступил в Красную гвардию, недели через две отпущен был по болезни, с оружием уехал домой. «Был у нас волостной писарь Сазонов (Огарков), его расстрелял с сыновьями Щетинкин, он нас выдал, списки составил, эти списки и нашли у него партизаны. У меня был брат, его мобилизовал Колчак (я тогда после первого восстания бежал в тайгу), брат тоже бежал. Мы во время восстания сбрасывали белый пулемет с **Л. 11об.** колокольни, куда залез дьякон, Шошин и еще один. Брата у меня поймали, когда он вышел за хлебом, арестовали, избили, отправили в Красноярск, там он участвовал в восстании, бежал. Я его встретил в Назаровой, я был в отряде Щетинкина. Он тоже хотел вступить, но я посоветовал ему ехать домой. Мать у нас умерла тогда, брат уехал домой, в Минусинске вступил в Красную армию и умер.

Мне пришлось до прихода Щетинкина в Верхний Кожубар... (пропуск в тексте. — Т.К.). Когда стали белые снимать посты, нам сообщили, и мы выехали: Масальские — трое, двое Мельниковых, Зуевы из Каратуза, нас много было. Казаки убили пятерых в нашей землянке. Мы пересекли путь партизанам у Черной речки, но нас **Л. 12** отрезали от партизан казаки. Тут как раз двое ребят из Манского полка, у них были плохие лошади. Мы пошли на 35-ю версту, но нас предупредил один старик, что там казаки. Мы ушли в тайгу, человек восемь было нас. Хлеба нет. Манские предложили нам держаться ближе к деревням и ждать Щетинкина, „скоро вернется“.

Вернулись все в нашу деревню. Я поразведал — бьют крестьян белые. У нас был Лубяков, бывший милиционер, успел в казаки перейти, отрядом командовал. Пожил недолго, всего с год, меня не знали в лицо. Я на отряд напоролся, они спрашивают меня, где наш дом и Мельникова, я указал, сам в болото. Тут еще двух

скрывавшихся **Л. 12об.** я нашел. Дня через три я получил хлеб, пошли было, но сбились с тропы, а когда вышли, узнали, что Щетинкин уже идет обратно. Встретили мы отряд Щетинкина между Григорьевкой и Черной речкой, и с того времени я был с отрядом до соединения с Красной армией». **Л. 13**

17 сентября. Березовка ЛОГИНОВ АНДРЕЙ ГОРДЕЕВИЧ:

«В 1917 году жил в Березовке, имел хозяйство: пару лошадей и корову. Был выбран на 1-й уездный и 1-й губернский съезды крестьянских депутатов⁹³. Там выступали Колосов, социал-революционер, Окулов и Шумяцкий — большевики. Съезд голосовал за войну до победного конца, а я не выдержал:

— Голосовали, руки подняли, обмакнули их в крови своих сыновей. **Л. 15об.**

Тут меня сразу схватили офицеры, окружили, утащили:

— Разве так можно?

А мне обидно стало, плачу. Вернувшись домой после губернского съезда, прослыл большевиком. Когда кулацкое восстание началось, пришлось скрываться. Вышло дело так. Шаповалов Терентий поехал в Шалоболину реквизировать хлеб: 45 копеек — рожь, 60 копеек — пшеница. Шалоболинцы восстали, дали по селам приказ: выходите для свержения власти Советов. Кто не пойдет — смертная казнь. Тогда фронтовики подняли шум:

— Мы навоевались, пусть идут те, кто не воевал. **Л. 16**

Выделили на сходе человек сорок, все старики, урод на уроде. Пошли с палками свергать власть Советов. Я в это время скрывался. Против меня вся деревня. Вася Базаркин на съезде от меня отказался, Гилевич тоже. Остался я один. Так и жил до прихода Кравченко...»

За участие в Красноярском восстании расстрелян из Березовки Ровный Мирон Андреевич. Выпороли Беспалова Федора и Крашенинникова Ивана. **Л. 16об.** Из деревни Федоровки Курагинского района за Красноярское восстание расстреляли Бондаренко Ивана, из Покровки — Вшивкого Ивана. Из деревни Михайловки участвовали в Красноярском восстании Тишкин Денис Степанович и Шурдисов Семен Гаврилович. **Л. 17**

17 сентября. Березовка ЛАЗУТКИН НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ:

«В 1918 году в Троицу приехал Поликевич, бывший лесничий: Советская власть свергнута. Говорит, что есть оружие, пулемет — свергнем Советы. Макаров

Д. И. Каратнов. Подпольщики. 1930-е. Кар., м.

и другие кулаки подняли голос за свержение власти, установление власти без партии, чисто крестьянской.

Норенко Андрей Павлович начал спорить. Я вижу — плохо ему будет, предложил выбрать невоевавших, послали инвалидов в Минусинск. Осенью организовались против Тарелкина (правый эсер. — Т. К.). Приехали к нам делегаты — Петухов и другие. Меня послали от нас в Курагино, постановили и там создать отряд. Но вечером там кулаки панику **Л. 18** организовали, и инициаторы повыпрыгивали в окна. Нам выступить не пришлось. Через неделю в Курагино послали казаков. Я ждал казаков. И в ту же ночь, как я ездил на Курагинскую ярмарку, меня, в одних подштанниках, увели в волость. Там незнакомый поручик меня допрашивал, был ли я на собрании, что говорил. А я как раз выступал за отпуск на поруки офицера Сердюкова.

Били при мне Гнездюкова и Лихоузова, по тридцать дали, требовали выдать большевиков. Арестовали у нас Карпушева Петра, Ковалева и Нерушимцева. Но от них к нам приезжали рабочий Зуев, сам он из Каратуза, столяр, и второй еще, имени не знаем.

Василий Сикашев, Тимофей Ровных, **Л. 18об.** Николай Фоменко, Гаврила Беляков, Лазуткин Нико-

лай Васильевич, Норенко Андрей, Логинов Андрей и Дмитрий Синашев — вот состав подпольной организации. Было первое собрание у Ивана Егоровича Ковалева (он сидел в тюрьме, собирались у его жены). Второе собрание было у Ивана Петровича Литвина, приказчика, он тоже вступил в организацию тогда. После первых двух собраний часто стали приезжать отряды, стали вести переговоры при случайных встречах. Кулаки головы подняли. Один раз Яков Яковлевич Крашенинников со мной говорил, что мы все-таки ходим на собрания, людей раньше баламутили. Я ему отпор дал. Другой раз на бегах он же говорил об общности жен у коммунистов.

Стали у нас говорить, что прошел Щетинкин на Ману, **Л. 19** что был где-то большой бой. Позже сказали, говорил Аришкин, будто Щетинкин повешен, а «банда» разгромлена. Потом слух — Щетинкин выходит. Ночи три не спали, ждали. Карательные отряды тоже ждали, каждый день являлись. Занин был при первой Соввласти даже членом президиума вол-исполкома в Курагиной, офицер, но выступал всегда против Советов. Послали меня сторожем к воротам в поскотину, чтобы легче было скрыться. Я скрылся, когда казаки приехали».

17 сентября. Березовка НОРЕНКО АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ:

«Был приказ перед приходом Щетинкина перебросить на левый берег Тубы всех мужчин от 18 до 45 лет, коров, лошадей, повозки. Я сопротивлялся этому сколько! Приехал отряд Никифорова. Мы хотели **Л. 19об.** обезоружить, сговаривались: я, Лазуткин, Синашевы Василий и Дмитрий, Туренко Сергей, Ларионов Григорий, Лазуткин Федор, Ровных Тимофей, Платонов Михаил, Дмитрий Туренко, Фоменко Николай, Литвин Иван и другие. Когда Никифоров приехал, выстроили по улице человек триста, наших почти никого, не явились. Никифоров потребовал, чтобы выдали большевиков. Молчат. Он по списку смотрит:

— Норкин есть?

Раз десять повторил, его Матвей Шепчаков поправил:

— Норенко.

Меня в кутузку, тут я дальше не видал. А тут без меня уже выводили десятого, арестовывали. По списку взяли Мирона Горлакова, а там по счету **Л. 20** брали. Из отобранных десятых: Карпушев Василий, Зозуля Андрей (нарочно передвинули старика), Киселев Антон, Баштаков Николай, Беспалов Андрей, Есин Василий, Марков Иван, Яков Литвин, всех 20 человек. Из отобранных вывели Андрея Беспалова, Карпушева Василия, Баштакова Николая, Якова Литвина и Маркова Ивана. Их повели на расстрел, требуя выдачи большевиков. Василий Карпушев назвал Горланова, его арестовали.

В это время приехали Кравченко (офицер), Паначевский, Дегтяников, привезли белым весть, что идут партизаны. Тогда белые распустили всех, будто бы на обед. Сами потихоньку уехали, увезли Норенко и Горланова **Л. 20об.** в Курагино, посадили. Было это 3 июня по старому стилю.

На другой день нас отправили на левый берег Тубы, где Занин уже занял посты. Хотели мы бежать, подкупали конвоиров, но один соглашался, другой нет. Дождь начался, вернулись мы в волость. Ночью явились трое:

— Кто здесь есть?

— Арестованные сидят.

Вскочили трое к нам, один с бомбами.

— За что сидите?

— Будто большевиками признали.

— Ага. Ну, мы партизаны.

Вышли в зал, а там Крашенинников, начальник дружины, Архипов Петр, помощник начальника дружины, схватили и их отряд. Я их назвал, и их казнили. У них был список еще на 60 человек, везли к Занину. Меня послали к Щетинкину, он стоял в Бугуртаке, приехали, а они в Жербатихе. **Л. 21** Поговорили мы с ними,

со мною был Бубнов Иван Михайлович, рабочий, политический ссыльный, жил в Березовке, слесарь. Говорят нам:

— Если хватит силы, держите здесь фронт, а нет — к нам присоединяйтесь.

Сначала мы хотели фронт держать, Лазуткин ездил в Грязнуху приглашать присоединиться, они обещали, а через три дня его уже арестовали. Договорились, что в воскресенье выступать. У меня жена болела тифом, я пошел молотить хлеб, а когда вернулся, ребята уже уехали. Я гнал за ними до Имисса, но переправиться не мог. Немного погодя меня пробовали казаки арестовать, стреляли по мне, но я верхом ускакал. Жил в тайге, скрывался». **Л. 21об.**

17 сентября. Березовка РОВНЫХ ТИМОФЕЙ:

«Пришли мы в Имисс в полдень. Разбили нас в Ачинский полк, в 6-ю роту, часть в 5-ю попала. Ружей нет. Переправлялись от Тамбовки к Курятам. Там два дня стояли. Потом разбились, шли двумя путями: мы шли с Моторска, тальцы с Копи. Выделили еще 80 человек, захватили Таскину. Эти 80 человек увидели верхового, стали обстреливать, задержались. А это ехал пьяный сапожник. Мы ехали на подводах. Подъезжаем, нас обстреливают. Пошли цепью, белых в окопах нет. Пошли цепью до села. В Каратузе вино в каждом доме, **Л. 22** перепились.

Нам было назначено идти на Григорьевку, другие шли на Дубенское. Из Григорьевки мы дошли в Ермаковское, оттуда в Казанцеву. Около Казанцевой встретили разведку, стали охватывать. Я шел крайним с левого фронта, а левее — Щетинкин с ротой. Связь порвалась. Белые получили подкрепление, и нам пришлось отступать. Нас Щетинкин послал к Богану в Ермаковское. Мы стали в крайней избе. Мы винтовки чистили, когда белые грянули. Пришлось бежать. Я последний к перевозу пришел. Обрубили паром и переплыли. На другом берегу закрепились и белых хорошо встретили. Отступили мы на 60 верст. **Л. 22об.** Шел я позади. В Григорьевке собрались все наши березовцы и давай судить о том, чтобы идти в свою тайгу и там биться. Я подошел, мне говорят об этом. Я говорю:

— Нет, уж пошли, так пойдём.

Так и пошли.

Перед вторым перевозом поймали мы разведку — казак и два дружинника. Убили казака, а дружинники сказали о засаде. Там обошли засаду и взяли на ура. Кравченко по телефону с Уса вызвал „подкрепление“ дружинников, и их взяли в плен. С нами пошли два бывших каторжанина, братья Кошелевы, один из них отстал, был захвачен казаками и убит со всей семьей.

В Белоцарск переправились на лодках. С месяц стояли, скучно стало. Ходили к Щетинкину: „Давай работы“. **Л. 23** По М(алому) Енисею была банда, ходили за ней, но не нашли никого. Ходил с нами командир батальона Загуменный. Когда шли обратно, получили приказ идти в В(ерхне)-Никольск. Приехали, там наши обозы, говорят: „Потопили гадов“. Когда пришли в Белоцарск, видим, поработали, [...] наши ребята. Орудия остались без затворов. Но артиллерист, перебравшись через Енисей, похвастал, что хорошо затворы спрятал. Подводчик передал, и затворы нашли зарытыми в песке.

Из Белоцарска — в Минусинск. Вперед кавалерия шла, мы сзади — и в боях не были. Из Минусинска нас послали в Тесь. Оттуда дня через два в **Л. 23об.** Кочергино, оттуда в Таскино, там ночевали, обратно в Кочергино. Слышим, лодки готовят — значит, переправляться будем. Переправились, пост сняли. Приехали в Курагино, слышим — в Березовке казаки. Выделили восемь человек туда, а сами в Пойлово. Там Занин стоял, он бежал, когда начали обстреливать из пулемета. Оттуда в Шалоболينو, там перестрелка. Я из Шалоболिनкой пошел домой. Вместо меня ушел брат. А я так и засел дома». **Л. 24**

**19 сентября. Имисс
ГОЛОВИН СТЕПАН ЗАХАРОВИЧ**

(род. 1894), родом из Имисса, жил промыслами, работал на разных производствах: Л. 26

«Перед приходом Щетинкина у нас дружина очень волновалась. Около полусотни человек было в дружине. Ночи две не спали, ждали. В нашей семье тоже, слушаем. Жеребец у соседа бьется, а нам выстрелы слышатся. Потом дружина убралась, вошла армия. Встречали осторожно, **Л. 26об.** учитывая, что после ухода — расправа. Разбили они вино...

Потом стали организовывать подпольные собрания на участке Имисского пласта у Михайловской грани. Четыре собрания было; связались с Михайловкой, Покровкой и Мининой. На собрания до пятидесяти человек собиралось. По старому стилю числа 13-го, после собрания, накануне, из березняка вышли и захватили Имисс». **Л. 27**

**19 сентября. Имисс
ПЛЕНКИН ИВАН КОНСТАНТИНОВИЧ**

(род. 1902), из Имисса. Середняк, но маломощный:

«В Имиссе начальник почты был Чулымов, он был начальником дружины. Помощником его был Малков Аким, крестьянин, бедняк, за рюмку продался. Когда ждали Щетинкина, собирали общество, и поп Терентий и Чулымов предложили деревню сжечь, чтобы не до-

сталась партизанам. Крестьяне не согласились, послали поджигателей в огонь.

Приезжал Занин с отрядом, порол самогонщиков... **Л. 27об.** Занинцы пьянствовали в Имиссе, пили самогон. Было это в феврале (19)19 года. В мае занинцы ехали искать Евдокимовых, в субботу дело было. Явились к нам трое занинцев: Баранов, Ежов, Ерофеев. Начали бить отца, Евгений Скурихин доказал, что у отца винтовка есть. Били до бесчувствия. Брата шашкой ударили, плетью попало. Матери плетей попало.

Когда Занин плыл с рудника, нам сообщила соседка, все наши разбежались. Везли тогда занинцы Можарского (Немоляку) и били. Отец видел, выбежав к берегу, как они расправлялись с ним на плоту. В Бугуртаке его прикончили. Труп его выкрали бугуртинские крестьяне и похоронили». **Л. 28**

**19 сентября. Имисс
ХРУЩЕВ ВАСИЛИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ**

(род. 1860), переселенец. В Сибири с 1913 года, батрак, работал на руднике:

«Весной пришел ко мне Сергей Баталов на Мишкину. Я держал с ним связь, когда он являлся с Евдокимовыми, я их скрывал. Но дознались об этом, прислуживали за мной. Явился он раз ко мне, Щетинкин был в Козино, а Занин на руднике. Я им (Евдокимовым) об-сказал все, покормил, ушли они. Вскоре явился отряд Занина. Чулымов на меня:

- Где дезертиры? **Л. 28об.**
- Нет дезертиров, не знаю.
- Становись к стенке.

Встал я, меня шомполом дернули. А потом скомандовали:

— Врассыпную!

Разбежались каратели, а я домой ушел. 13 августа ушел в Имисс, в организацию». **Л. 29**

**1 сентября. Имисс
ВАСИЛОВСКИЙ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ**

(род. 1900), родом из села Курагино. Середняк:

«Когда заняли Черногорские копи, там собрались часть пехоты и эскадрон Кизирского полка⁹⁴, часть Канского полка. Из Бородиной получили письмо, белые зовут прийти, обещая перебить начальство. Поехали, даже не захватив подвод, весь эскадрон. Белые посты удрали. Заняли лог перед горкой, белые стреляют по-верху. Наша разведка разбилась надвое, с двух сторон заняли горку. Синичкин, Кривинский навели панику:

— Окружают!

Побежали все, разведка, 14 человек, отстала, отстали одни. Один у нас упал с лошадей, чуть не остался.

Л. 30об. Через четыре дня пошли на Бородино с пехотой и частью Канского полка. Эскадрон с Толчеи зашел, и там захватили роту сапер. Оттуда на Бородино наступали, большой бой был. Оттуда на Бюград или Татарскую Тесь, но там боя не было, заняли без боя, небольшая перестрелка была только. В Толчее подъехали вплоть тихо, при въезде дали залп вверх. Выскочил один:

— Пропуск!

— Мялка тебе! — Фролов Никита ответил. Выдержали винтовку. Офицер выбежал из деревни, на него Вшивков, Фролов и Шурдисов за ним верхом, офицер отстреливается. Вшивков его догнал, сам в дохе, шашку вытащить не мог, сшиб кулаком. Пристрелили. **Л. 31** Из Татарской Теси с утра с песнями пошли на Потехину. Дорогу нам указали так, чтобы подъехать и увидеть всю деревню. Подъехали к кладбищу, где белые хоронили двух своих. Наш эскадрон обскакал кругом, но перерезать не успели, белые удрали на рудник „Юлия“⁹⁵. Нам было дано задание занять рудник. Заняли, никого не обнаружили. Только огни зажгли — паника, стрельба. Белые устроили засаду. Ночь была темная, стрельба была безрезультатной. Мы отступили. Канский и Кизирский эскадроны назавтра заняли рудник напрочно.

Потом на Сон (ст. и д. Сонины Паначевской в Минусинского у. — Т. К.), где стояли белые. Никого не застали, уже ушли белые. Оттуда мы вернулись в Татарскую Тесь, а оттуда на Кутень-Булак, отбили **Л. 31об.** казаков в тайгу. Оттуда в Черковский улус. Заняли Синявину, куда дважды налетала разведка белых. Оттуда обратным путем на Улень⁹⁶, где захватили 10 казаков и 20 беженских казачьих семей. Больших боев больше не имел наш полк, но перестрелки были ежедневные. Эскадрон прошел на Агинское, пехота на Ачинск. Командиром Кизирского эскадрона был Фролов Иван, конной разведки — Фролов Никита.

В отряде Занина позже были Чулымов (скрывался в Красноярске в тюрьме надзирателем под чужой фамилией), прапорщик Лукьянов, Цемберг, Шурихин, Ежов Василий, Ерофеев Иван, Калягин Роман. Шпионом был у них Вольский Николай (говорят, коммунист). **Л. 32**

В Курагиной за Красноярское восстание (в военном городке. — Т. К.) расстрелян Збруев Иван Федорович». **Л. 32об.**

20 сентября. Тамбовка

КУРАГИН М. Е.

(род. 1895), родом из Курагино. Семья бедняцкая. С 11 лет, после смерти отца, батрачил. Затем завел небольшое хозяйство:

«Когда Щетинкин воротился с Уса, у нас в Курагино организовался отряд». **Л. 34**

ВАСИЛОВСКИЙ ЗАХАР (ИВАНОВИЧ?):

«Когда свергли Советскую власть, на местах началось безвластие. Гнали самогонку. Милиционерами были Мишка Васильевский, батрак, продажная шкура, Дорожкин Василий, тоже из бедняков, старостой был Сурков, старшиной Константин Иванович. Начали отбирать оружие, шинели. Милиционеры пьянствуют, бесчинствуют, обируют. Начали казаки разъезжать. Осенью началось, из Кочергиной в Курагину приехали представители, трое, один Щепетков, других двух не помню. Сделали общее собрание в клубе...

Л. 34 Кулачье видит, что народ волнуется, голосуют все за восстание, запротестовали, что и голосование неверно, настаивают на баллотировке. Провели баллотировку — большинство за восстание. Опротестовало кулачье и это голосование. Потребовали, чтобы провести голосование выходом в партер. Григорий Полуэктович Жибинов вскочил на скамью, когда масса двинулась в партер, и закричал:

— Открывай огонь со всех сторон!

Кто-то ударил по доске, началась паника. Собрание было сорвано. Поддерживали ораторов Жибинов Иван, Павел Сидоров **Л. 34об.** и Шахов Никандр, кричали с мест, призывая к восстанию. Из клуба все разбежались, но Парышев делал попытку организовать молодых, предлагал выпустить воззвание, но тут нарочный сообщил, что восстание подавлено. Недели через две-три приехал карательный отряд, начали искать главарей, дезертиров. Начали драть шомполами, нагайками. Выдрали вдову Агнюшу, казаки к ней привязывались, но она не далась. Избитая бежала и скрывалась.

Из головки выступавших на собрании человек семь сидели арестованных: Парышев, Гилевич, Шахов Никандр, Жибинов Иван Сидорович, Мельчаков Терентий, сын Иван сбежал (убит в бою). **Л. 35** Арестованных выпустили на поруки, залог внес купец Пашин (вероятно, ошибка, речь идет о минусинском купце Пашенных П. Н. — Т. К.). Когда вернулись, старики прижались, и Парышев стал группировать вокруг себя молодежь. Но не умел ее скрепить. Все группировки были в Курагинской, в одной были Парышев К., Жибиновы Алексей и Александр, Бардымов, Яроцкий Степка, я, Михеев, Шальков Я., Мурамышков Роман. Во второй группе были Чулымов Степан, Шалов Федор, Жибиков Дмитрий, Гриша Романов, Тучинский Федор, Казарин Иван, Терентий Тишкин, Ражнеев Ефим.

Эти две группы сходились, разговаривали, но сливаться не сливались. Мы собирались у Парышева, Яроцкого и у Бардымова. Всю зиму и весну группа собирала мнения крестьян. Когда стал подвигаться отряд, стали чаще собираться. Добыли браунинг, винтовку четырех-

линейку, шашку **Л. 35об.** и смит-вессон. Берданки кой у кого были, в том числе и у меня. Открыто мы не выступали нигде, прислушивались, выпытывали. Определенно ждали отряда, чтобы вступить. Я жил на заимке, скрывался после порки и побега из Большой Ини, куда попал во время призыва.

Шальков скрывался в тайге, плыл на плоту и у Имисса встретил партизан, ушел с ними, но скоро вернулся, агитировал за создание отряда, но его пристрелили сами партизаны, вернувшись из Урянхая. Остальные к партизанам не присоединились. Я был арестован, когда пришел домой попрощаться с родителями. Мне удалось бежать, сбив с ног конвоира. **Л. 36**

Начали являться казаки, расстреляли Ивашкина Семена, арестовали многих. Был подан Медведевой Екатериной Васильевной список на 150 большевиков. С ней вместе подавал список Жибинов Григорий Полуэктович. Когда часть по списку арестовали, в Имиссе выступили, нагнали панику на белых в Жербатихе, они не успели расправиться. Когда полк имиссцев прошел на Минусинск, в Курагиной тоже создали отряд, созвав общее собрание. Пришли мы туда уже с оружием, разместились в толпе. Десять человек было, да человек шестнадцать сразу же записались. Общее собрание постановило оказать помощь отряду, давали коней, седла, порох, продукты. **Л. 36об.**

Приехали партизаны, одна рота Канского полка. Здесь списали в расход Романа Сергеевича Васильевского, он скрыл пакет с приглашением курагинцев на съезд (возможно, речь идет о первом крестьянском съезде повстанцев Канского, Красноярского и Ачинского уездов в апреле 1919 г. — Т. К.). Человек 45—46 вышло из Курагиной в Минусинск. Два человека из записавшихся так и не явились. Нашу кавалерию, 15 человек, в Минусинске бросили на пополнение Северо-Ачинского эскадрона, а пехоту в Кизирский полк». **Л. 37**

1 сентября. Качулька КИБАЛОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ:

«Началось дубиночное восстание в Черемушке, Буланке и Моторском. Пришла бумажка с призывом, по ней не пошли (на выступление). Пригнал Абрамов с Уджея, заводской рабочий. Тогда поднялись и пошли в Каратуз, там забрали казаков, пригнали их в Сагайское, посадили там. Пошли к Минусинску, на Городок⁹⁷, оттуда нас сбили. В бою убиты Ежов Яков, пропали без вести Яков Васильевич Чернышев (писарь сельский) и Некрасов Павел (крестьянин-бедняк). **Л. 39**

Был торговец Вертопрахов, отговаривал не ходить, но мы пошли и его потащили. Он хотел перебежать к белым, его изрубили казаки, не разобравши, в чем дело. Был купцом 2-й гильдии.

В деревне были расстреляны Бахлов Максим Александрович, Сорокин Алексей Абрамович, Шустов Михаил, Лубышев Григорий Федорович, Трапезаев Иван Яковлевич, дружинник, пришел с белыми, пошел против них, его расстреляли.

Когда прошли партизаны на Ус, явился занинский отряд, сначала расстреляли шестерых, потом хотели расправиться с семьями скрывшихся крестьян, но дали только распоряжение: не смей отлучаться, **Л. 39об.** пока не позовут на площадь. А ночью прискакал нарочный с Копской горы:

— В Каратуз красные идут, видимо-невидимо.

Ночью же Занин удрал. А намечено было к расправе 77 дворов. Щетинкин прошел с Качульки на Копь, казаки гонялись за партизаном [...] Улановым, ординарцем Манского полка, он перескочил через поскотину и угнал. Он ехал с казаками от Полуденки долгое время. Потом говорит:

— Ну, до свидания, я вам не товарищ.

И погнал от них. Казаки за ним гнались. Но ему Михаил Шустов и Трапезаев отворили ворота поскотины, он и вскочил в деревню. За это и были расстреляны Шустов и Трапезаев. Казаки говорили про Уланова:

— Это черт проехал. **Л. 40**

Занин останавливался на квартире у Александры Сосипатовны Курагиной, она разговаривала с ним попросту. Он ей сказал, что житья партизанским семьям до утра. Она пожалела сирот:

— Ребята-то куда денутся?

— А ребят под доску да придавить — и конец.

Список в 77 человек (подал) Горлачев, поп, о. Давыд.

В Городке я добыл одну бомбу, принес домой, отдал ее Рузакову Павлу Николаевичу, нашему организатору в дубиночное восстание, вместе с Хмелевым, Мартюшевым Трифоном Ивановичем, Иванищевым Егором. Иванищев Егор умер в Минусинской тюрьме. Сидел Мартюшев в Минусинске и в Красноярской тюрьме, откуда его выручили после прихода туда партизан. Рузаков потом ушел в Урянхай с партизанами. **Л. 40об.**

Я вступил в Манский полк в Минусинске, в 5-ю роту, командиром был Прохор Поляков, потом он был ранен в Батенях, был Игнатий Выставкин. Первый бой был в Подсинеи. Взяли мы там шесть уланов и 64 новобранца и одного офицера в плен. Винтовок 280, четыре нагана и три шашки. Проехали до Каратаевского улуса, вернулись в Минусинск. Оттуда на Городок, оттуда на Вислягово перешли, взяли Бузуново. Казаков многих порубили, перетопили, взяли в плен своих, качульских новобранцев — двух Кононовых и Акулова Григория. Хмелев на своего шурина, Акулова, кричит:

— Ложись! Вот я шомпол вытащу да впарю вас!

А ребята в воду залезли, передрогли, стоят, дрожат, дали им водки согреться и послали в тыл. Прошли в Со-

Мобилизация лошадей в Минусинске на Троицкой площади. Фотография Н.В. Федорова. 1914 г.

рокину, взяли без боя. После этого был бой в Абаканске... **Л. 41** Большой бой, полусуточный, был в Батенях. Мы ходили в обход. А 3-й батальон шел напрямик, но дороги не было, запутались ребята, ушли на Аешки. Там захватили 120 казаков и капитана, спрятавшегося в школу. В Батенях сшибли первую линию. А тут среди белых оказался наш качульский Рыжов, ротный командир. Сошлись мы близко. Он только рот разинул, командовал:

— Рота! — а „пли“ так и не сказал — в рот пуля угодила. Кулацкий сынок был. Там же мы стояли на сопке. Казаки не знали, что первая белая цепь сбита, и вплотную подъехали к нашей цепи. Человек девяносто их **Л. 41об.** было. Подъехали вплотную, сбились. Спрашивают:

- Господа или товарищи?
- А вам кого надо?
- Господ.

Дали им „господ“, завихрились. Видели только, что шесть коней ложком ускакали обратно. Первый ряд весь уложили. У нас ранили Фомина, Чернышева. А Семен Кононов был убит. Две недели в Батенях стояли на отдыхе. Наш 2-й батальон считался ударным,

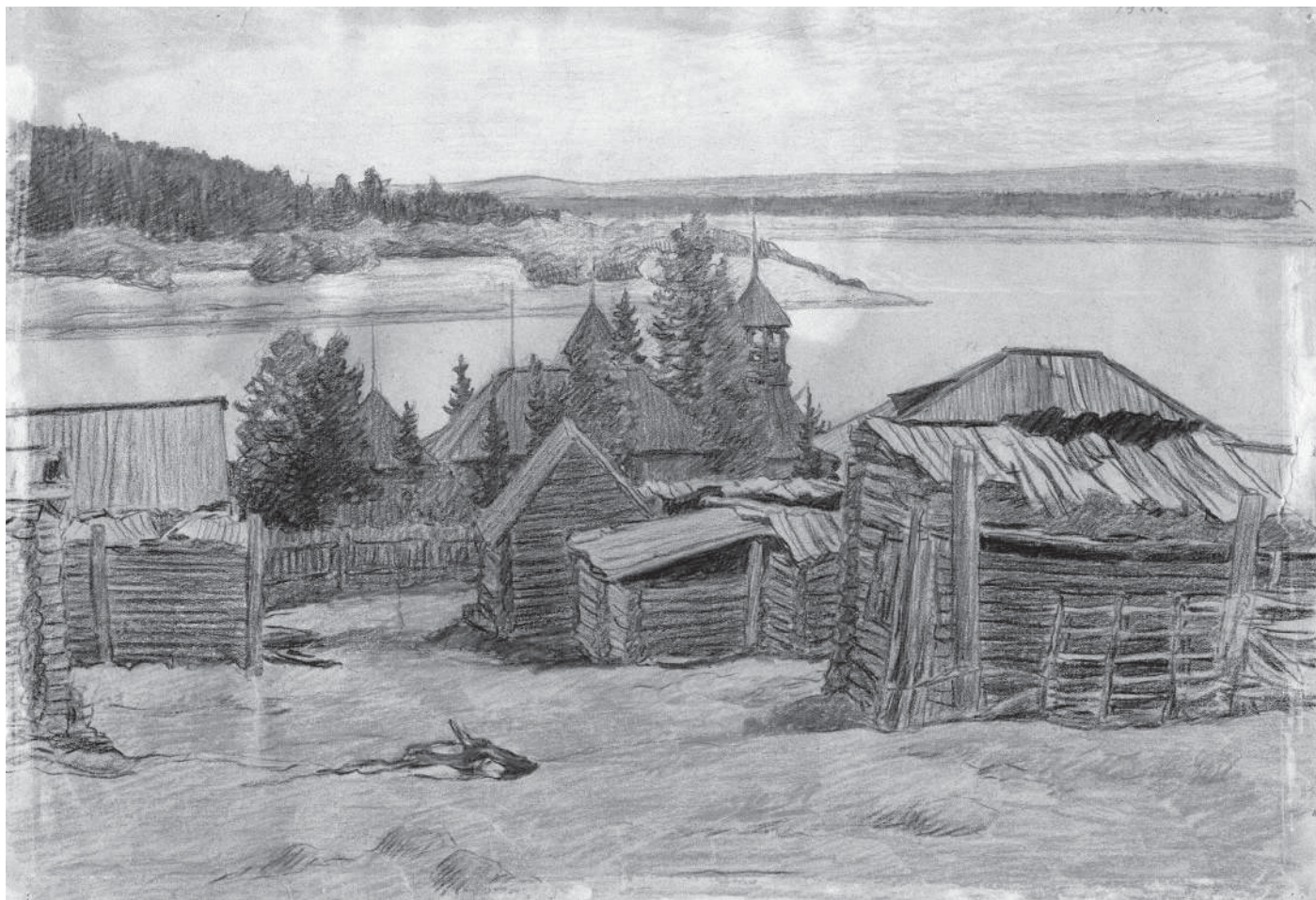
карательным отрядом его звали. Был бой в Пеньках и Аешке. В Назаровой встретились с Красной армией. После соединения с Красной армией вернулся домой».

Л. 42

1 сентября. Качулька ХМЕЛЕВ ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

В Уджее связь была с Абрамовым Ильей (участник революции 1905 года) и его сыном Николаем, рабочий Цепустин Григорий был связан с Хмелевым. В Каратузе связь была с Ермоловым Екимом Федоровичем. **Л. 45об.** Последний подвергался аресту в 1905 году. При белых, еще до дубинного восстания, Хмелев скрывался вместе с Ермоловым Александром, ходившим против Сотникова⁹⁸. Скрывались также у Цепустина и Абрамова, с которыми были крепко связаны.

«Приезжали перед восстанием Цепустины, старик Илья и позже его сын Николай. Приехал Илья прямо ко мне. Послали мы Рузакова в Уджей разузнать, он поехал, но ничего не привез, ни слова не сказал. Когда шло собрание кооперации, приехал Семка Снигирев из Уджея, сказал, что в Кара-

Д. И. Каратанов. Деревня на берегу реки. Этнографическая зарисовка. 1921. Бум., кар. цв.

тузе казаков уже арестуют. Мы послали Иванищева Егора и Касьянова Архипа в Каратуз. Они вернулись ночью. Утром собрали **Л. 46** собрание, выбрали начальником отряда Некрасова Савелия Денисовича. Мобилизовали все село, пошли в Сагайск, там сидели арестованные казаки, их взяли сагайские и черемушские. Их организовывал Егор Шаповалов, сагайский Федор Кретов был его помощником. Оттуда пошли в Уджей, там народ собрали. Ночевали там, сразу не могли всех выгнать. Потом пошли все вместе в Белоярское, оттуда с белоярцами в Кочергино, забрали кочергинцев, шошинских, прошли в Иню, в Тесь.

Штаб у нас был в Ине, там стоял Шаповалов с Кретовым и другие. В Городке были Мартюшев (Мартюшев Трифон Иванович — рабочий), Некрасов, Рудаков и Поляков. Связью был Ермолов. Некоторые села, как Канкайское, Бедра, не были мобилизованы, **Л. 46об.** туда послали отряды. Переночевали в Городке ночь или две. Тарелкин распространял воззвания... С Минусинска на Городок двинулись белые. Стреляли из пулеметов в первую ночь. Отбили белых, ранили некоторых. В Бедре они перевязки раненым

делали. Бедра шла за белыми, да и в Городке большая часть вести белым переносила. **Л. 47**

В первую ночь у нас потерь не было. Штаб в Ине молчал, оттуда не наступали. День прошел тихо. На вторую ночь поставили на горке за Бедрой орудия и начали после полуночи по нам бить. Пулеметы работали, кой-кого ранили, убили. Казаки подобрались поближе, бросили ракету и подожгли клады на задах Городка. По пожарищу усилили орудийный огонь. Винтовок было мало (полсотни), народ необученный. Перед светом началось волнение, паника. Начали многие скакать с яра в Тубу.

Вертопрахов, наш торговец, сговорил писаря Чернышева и Некрасова Павла, кирпичника. Они остались в Городке, когда все уже отступили. На них наскочили казаки и перебили. **Л. 47об.** Вертопрахова изрубили сильно, а потом нашли у него документы и жалели — своего убили. 8 октября по старому стилю вернулись домой». **Л. 48**

После дубинного восстания и ареста вступил в Манский полк, прошел до Урянхья и обратно. Мобилизован после соединения с Красной армией». **Л. 51об.**

21 сентября. Качулька ЛИПАТКИН МИХАИЛ МАКСИМОВИЧ:

«Когда мы пришли, часть засела дома, и мы поспались. Пришла бумажка выдать главарей. Собрали общее собрание, нас общество выдало, и нас арестовали и посадили: Некрасова, Липаткина, Рузакова, Иванищева и Клиповского, а Мартюшев сбежал. В Уджей в это время уже приехал карательный отряд Беневича, там уже расстрелы шли. Расстреляли Илью Абрамова, Гладких Архипа. Общее собрание продолжалось. Мы стали просить выпустить нас, чтобы поговорить.

Л. 48 Стали говорить:

— Что вам проку, если напьетесь нашей крови?

Староста Кандауров Петр предложил голосовать. Кто за то, чтобы выпустить, отходит вправо. Отошло большинство, кулачье осталось на месте. Когда увидели, что не прошел их номер, ушли. Хабаров Григорий Иванович составил дневник протокола, что у нас главарей нет и оружия нет. Поп писать отказался, а учитель взялся. Переписал кто-то. Посылали Кононова Дениса Тарасовича, он отказался, потребовал, чтобы „по 7-му пунктику“ ему нас передали, тогда он поедет. Хмелев предложил собранию выбрать его и дать одного грамотного. Общество **Л. 48об.** (кулачки ушли) заявило, что согласно уплатить любую контрибуцию. Поехали Хмелев и Клиновский в Каратуз, где стоял белый штаб. Приехали в Каратуз — уже темно. Заехали к бедному казаку Харламу Васильевичу Юшкову. Его мать заругалась на нас, он ее остановил, велел самовар ставить. Мы отказались. Расспросили, убивают ли делегатов. Нет, говорит. Где стоят? У Москвина. Как начальника титуловать? Не знаю. Пошли. Часовой доложил. Мы сговорились: шапку снять. Входим, шапки под мышкой. А Клиновский руку ко лбу:

— Ваше благородие!

— Какое ваше благородие?

Я тут выступил по-военному. Он меня расспросил, с какого года. Потом бумагу **Л. 49** ему подали. Это и был Беневич. Я ему поговорил, что нет у нас главарей, что нас выгнали силой с палками. Бумажку он написал, дал Климовскому, а я неграмотный. Обещал Беневич сам приехать.

Приехали мы домой, я купил полведра самогону, а тут староста и еще мужики. Подпоили старосту, я ему рассказал все. А в бумажке требование — выдать главарей. Староста согласился нас не выдавать и, верно, не выдал».

Еще до возвращения делегатов арестованных уже выпустили, и они сбежали. Дня через три приехал Беневич, оставался в деревне один Хмелев. Когда являлся карательный отряд, Хмелев **Л. 49об.** уезжал в тайгу за каким-нибудь задельем. Хмелев был арес-

тован в родительский день, восемь суток просидел в Каратузе, потом выпустили и его. Примкнул к партизанам, дошел с Манским полком до Урянхая.

В 1919 году мобилизовали молодежь, увезли в Красноярск, пропали без вести Василий Бунин, Василий Семенов. **Л. 50**

29 августа. Каратуз ЛУКИН КУЗЬМА РОМАНОВИЧ:

«В дубинном восстании я участвовал, ходили в Городок. До этого я дезертировал три месяца. Убили под Городком Вебера Николая, Мещерякова Матвея, Веденева Григория, Туликова Митрофана (обоих расстреляли), Папсякова Николая, Кузьмина (Якова). **Л. 52об.** Всего убили под Городком человек восемнадцать-двадцать. В тюрьме расстреляли Ошаровых братьев — Константина и старшего. Расстреляли, избивши, раньше Плохина Василия и Гричева Ефима. Ефим был ротным в дубинном восстании». К.Р. Лукин был арестован, отправлен в Иркутск на сборный пункт, затем уволен из-за болезни глаз. Воевал в первом Манском полку». **Л. 53**

29 августа. Каратуз КАЛАШНИКОВ ЯКОВ ФОКЕЕВИЧ

Помнит, как везли по железной дороге «шестерых девушек», в числе всех Спиридонову⁹⁹. Провезли их мимо депо, догнали на полустанке, освободили всех. Спиридонова выступала, уговаривала не останавливать поезда, чтобы не было много жертв. Забастовщиков окружили **Л. 55** солдаты, арестовали, продержали сутки и выпустили. В 1905 году вернулся домой. В 1906 году был арестован с несколькими сельчанами, полгода просидел в тюрьме, **Л. 55об.** выпустили на три года под залог полиции. Через год уехал на прииски. С 1909 года стал заниматься своим хозяйством.

«В 1917 году, когда организовались Советы, казаки пошли против. В 1918 году бежал из Красноярска Сотников. Явилась разведка в Каратуз, мы сообщили в Минусинск. Ездил нарочным я. Оттуда вернулся с уполномоченным, но остался в Сагайском. Сотников был уже в Каратузе. Ко мне приехал из Каратуза Овчинников. Посоветовавшись, послали агитаторов по селам, организовали отряды. Пока в Минусинске собирали силы, казаки ушли на Таштып, там перехватить не удалось, перехватили в другой деревне. А в Каратузе **Л. 56** я с 20 человеками арестовали остатки сотниковцев.

26 или 27 мая казаки обезоружили Красную гвардию. Мы собрались в кирпичных сараях. Пятьдесят шесть человек было на третьем собрании. Решили

Подпольщики с. Каратуз Сагайской волости. Слева направо: Андерсон, Н.И. Абрамов, Я.Ф. Калашников. После 1919 г.

не сдаваться. Хотели и у нас разоружить — Ищенко, он стал стрелять». Собрались на кладбище, отстрелялись и ушли на Копь, там у Красной гвардии было 54 винтовки. «Нам они их не отдали, а пока рядились, приехали казаки, проследившие наш путь. Стали уговаривать сдать оружие и уговорили копских. Сдали они, а потом арестовали многих. А мы скрылись...

Л. 56об. До дубинного восстания прятались на пашнях, по заимкам. Подпольная организация крепла, в Уджее человек одиннадцать — Абрамовы Илья и Николай, Поляков Прохор, Гладких Прохор, Цепустин (сидел в 1905 г.), Снигирев Семен, участвовали и наши, каратузцы: Ермолаев Еким и я (оба скрывались там). В Сагайской были Федоренкин Михаил, Шаповалов Егор, Кретов Федор, Бунин Даниил (убит на Бургони), Филимоновы Тимофей и Ефим (Михаила Бородин, флотский, организация послала в милицию для добывания сведений), Анцупов Николай (стал кулаком и выслан) и Николай Иванов. Эти двое последних принимали мало участия, привлекали как зажиточных. Анцупов был **Л. 57** кузнецом, у него много бывало народа, удобно для агитации.

В Каратузе были в подпольной организации Овчинников Семен Андреевич, Егор Зуев. Была у нас связь с Качулькой — с Рузаковым и Хмелевым. Готовились к восстанию. В Уджее было два собрания. Собрались

обезоружить карательный отряд Зефирова, но было мало сил и оружия. А Зефиров уже вот-вот должен приехать. Сагайских на собрании не было, надо было им дать знать. Я ушел в Сагайское. Туда же приехал Поляков и еще кто-то. Собрали собрание, предложили сагайцам обезоружить Зефирова. Были одни подпольщики. Но согласился, **Л. 57об.** хотя и неохотно, один Федоренко, человека три против, а остальных не было. Пришлось отложить нападение, так как нас всего 15 человек набиралось, оружия почти нет.

Зефиров проехал Уджей, Сагайское и Каратуз. Койкого арестовал, допрашивал. Проехал он в Дубенское, где всем селом гнали самогонку, был большой завод. Стал Зефиров завод разбивать, и население его разбило. На помощь дубенцам вышла Черемушка и Каменно-Бродское. Сагайский Михаил Бородин (флотский) был в то время в Черемушке, приезжает в Сагайское и сообщает нам, что надо идти на помощь. **Л. 58** Я предложил съездить в Черемушки и привезти тамошнего жителя, так как нам могли не поверить. Съездил Федоренко Михаил, привез оттуда одного человека. От себя мы послали в Уджей Михаила Бородин, в Копь поехал Егор Шаповалов с кем-то еще. А мы собрали собрание в Сагайском. Часть соглашается, часть нет. На втором та же картина. Потом двинулись к нам из Черемушки, Каменно-Бродского и Дубен-

В. А. Головин. Избушка в тайге. 1984. Бум., кар.

ского отрядами, подошли таскинцы, ужейцы. Пошли на Каратуз, и пошли сагайские. Взяли Каратуз, казаки постреляли с колокольни, убили двух: одного с Исаевой заимки (Сагайская в. — Т. К.), другого из деревушки за **Л. 58об.** Дубенским, Козлова кажется.

Из Каратуза двинулись на Минусинск. Забрали с собою и кулаков, и „новых казаков“, погнали и их на фронт. Сухорослов, кулак из Каратуза, даже в штабе на Малой Ничке был. Таскинские и сагайские стояли на Большой Ине, на Малой Ничке — дубенские, каменно-бродские, худоноговские. Было три штаба: № 1 — на Малой Ничке, в штабе были Ощепков, Жилкин Павел, Кульчицкий; № 2 — в Городке; № 3 — в Большой Ине — Егор Шаповалов, Кретов, Филимонов и секретарь Агапов Савва Прохорович¹⁰⁰. **Л. 59**

Я приехал на Большую Иню с сагайцами и таскинцами. Каратузские выступили на другой день. Бородина Михаила и еще одного послали в Листвягово и Бузуново с агитацией. В Бузуновой агитаторов захватили, истерзав побоями, увезли в город и там расстреляли.

С Большой Ини повстанцы двинулись на город. Были разбиты по ротам, взводам, выбраны командиры. Дошли до самого города возле винного склада¹⁰¹. В самом начале боя с правого фланга начали отступать под первыми снарядами. Были пулями ранены: Баев Михаил, Кокорев Степан, Поляков Алексей.

Мы стояли с правого фланга, казаки пробовали наступать. **Л. 59об.** Мы их сбили, а потом отошли, нет распоряжений. Ждали-ждали, стал народ разбредаться. Человек пятьдесят я задержал, но к вечеру осталось человек пять. Кого ни пошлю в штаб, не возвращаются. Темнеть стало. Пришлось отойти. Пошли штаб искать и не нашли. Пришли на Солдатову заимку (Лугавская в., оз. Солдатово. — Т. К.), там говорят, что штаб был, да уехал рано... Тогда мы уехали дальше и, выяснив положение, решили скрываться.

Ушли мы вдвоем с Кретовым в тайгу, потом нас собралось побольше десятка: я, Кретов, Зуев с женою, Овчинников Иван, **Л. 60** Шаповалов Егор, Зуев Осип, Логинов Никита, Рыбалкин, Градобоев Степан, Филимонов Тимофей, Градунцов Александр со Старой Копи, дезертир, утонул в озере.

Скрывались на Бургони, на приисках в тайге, за Сосновкой. Скрывались до января, часть ушла: Филимонов, Градунцов, Градобоев, Зуев Осип. Приехал казачий отряд. До этого были дружинники, мы ушли в тайгу, они переночевали и уехали. А казаки понастойчивее. Были среди казаков Захарченко, Евстигнеев, Балдуев, **Л. 60об.** Чихачев Архипка. Всех их было 18 человек. Скрывались мы на стану, четыре домохозяина там, мы ставили караул. Потом наши ребята стали протестовать против постов. Я говорю:

— Коли не хотите сами себя охранять, я уйду от вас.

— Куда?

— Дело мое.

Кретов говорит:

— И я с тобой.

Шаповалов тоже, и Зуев собирается, а жена плачет:

— А я куда?

— На лыжах не уйти, на нартах везти трудно.

Решили послать жену рабочего Лукина, у которого мы скрывались, в Каратуз к моей жене с письмом, разведать у Кондратенко, можно ли у него скрыться. **Л. 61** Он как раз из тайги выезжал с приисков. Жена с ним переговорила, он согласился нас принять.

А у нас на стану появился ненадежный человек, мы в избушку таежную забрались. А жена моя и Шаповалов явились на Бургонь повидаться. Переночевали, и передневать пришлось. Дождичком снег прихватило. Назавтра мороз. Сходил на разведку Овчинников, пошел Градобоев с дезертиром из Копи, их схватили казаки. А они были без лыж. Я вышел, вижу, скотина насторожилась, говорю своим:

— Неладно что-то.

Жена выглянула в окно.

— Отряд идет.

Я схватил винтовку, **Л. 61об.** зарядил, в спешке выстрелил. Казаки в разрезе затаились. Я выскочил, сажени четыре отбежал, милиционер на меня. Я его

винтовкой пугнул, он убежал, а я еще сажень двадцать бежал. Жену Зуева ранило. Овчинников в снег закапываться начал, я думал, что и его ранило. Я побежал дальше, догнал Шаповалова. Он проваливается с лыжин. Зашли мы в березнячок, потом в елань вышли. Прошли ее. Я посоветовал Шаповалову бежать, а я остался посмотреть. Вижу, бегут казаки, без лыж, проваливаются. Три залпа по мне дали, выбрались на лыжницу, закурили и пошли назад. **Л. 62** Догнал я Шаповалова, зашли в избушку, покурили, опять пошли. Надеялись мы на старые лыжи, в избушке нет лыж. Во второй избушке догнали Осипа Зуева, в одной рубашке, трясется. Лыж у нас нет, топора нет, ножа нет, хлеба тоже.

Подкатываются двое — кнышинский и куряжский. Смотрят, кто такие. Я скрываться не стал, сказал, кто мы. Дали они нам топор, лыжи дали, полушубок дали, сухарей в полу насыпали. Христофор лыжи себе топором вытесал, а Шаповалов не мог. Ночью подошли Рыбалкин и Логинов, они соболя тут **Л. 62об.** караулили. Спрашиваем у них, куда они из избушки нашей лыжи девали? В лабазе спрятали. Шаповалов пошел туда (верст пять назад). Принес себе лыжи. Из катаных чулок я себе шапку сделал. Верст восемьдесят мы в день сделали, в сумерках остановились, кадью* сделали, тепло переночевали. С Турты вышли на Горячее, ниже зимовья. Избушка там есть, смотрим, дым идет. Оказался там Семка Губатов, Семка из Кужебар. Пили чай по очереди. Пока один чай пьет, двое спят. Последним пил чай Шаповалов, напился и спать лег, никого не разбудивши. Проснулся я на заре, все спят. Разбудил **Л. 63** остальных. Семка меня узнавать было стал, да я ему зубы заговорил. Просил я у него хлеба, отказал, но потом дал сухарей.

Идем дальше. Порожняк встретили, переждать пришлось. Доходим до Каспы. Зуев у нас совсем замерзает в сюртуке одном. Я его вперед с топором послал в дальнюю казарму. Ушел вперед, а я с Шаповаловым, он у меня раскис. Дошли до дальней казармы, развалена. Шаповалов уперся:

— Не пойду дальше.

Уговаривал я его, уговаривал, пришлось вернуться в зимовье, недалеко. Жена зимовщика меня **Л. 63об.** по голосу узнала, накормила и хлеба дала. Пришли мы на реку Каспу, Зуев сидит у огонька. Двинулись на Старо-Никольское. Надо было его обойти, там жила Гришиха и Одинас, боялся я Гришихи, выдала бы. Шаповалов запротестовал, устал. Пришлось зайти к Одинасу, там напоролась на Петра Чернова, хозяйского подлипалу. Винтовку я спрятал в кладовку. Чуть что, идем на Харал. Чернов меня признавать начал,

я ему мороки забил. Чуть жена Одинаса меня не выдала, по голосу узнала, да муж вовремя зацыкнул. Уехал Чернов, напоили нас, накормили, а утром **Л. 64** обошли Гришиху и на Ново-Никольск (прииск Афанасьевского товарищества в Урянхайском крае. — Т. К.). Ночевали под машиной (золотопромывочной. — Т. К.). Мороз ударил. А нам верст пять до Малютки (прииск Лобанова в Урянхайском крае. — Т. К.), где Кондратенко живет. А меня не предупредили, что там Берзин живет. На него и напоролась под самым домом Кондратенко, в разрезе. Берзин меня не знал, знал его отец.

Кондратенко еще не приехал. Жена его уговорила нас еще остаться. Сидим, около полудня явился Андрей Кольцов, купчик. Мы с Зуевым под кровать, Шаповалова девчонка под диван запрягала. Только отдышались, **Л. 64об.** Кольцова проводили, Семен в избу. И собаки не лаяли, ночевал он. Просили его не болтать, ни слова не сказал.

Подались мы дальше на Ново-Никольск, избушку оборудовали. Живем в тепле, но тесно в избушке. Кондратенко все еще нет, жена его нас кормит. С месяц сидели. Кондратенко приехал.

Письмо посылает с солдатом, зовет к себе. Приходим, он вести передает. Сказал, что Зуева оправилась от раны, не трогают ее, Овчинников в тюрьме. Лукина в тюрьму взяли, могут и расстрелять. Отказывает нам Кондратенко, жена за него взялась — **Л. 65** согласился. А жена Зуева на самом деле умерла от раны.

Приехали к Кондратенко Копцев с женою и Алексеев Алексей. Вышли мы туда, сообщили они, что хлеб послан через Кужебар. Сами привезли мешок крупчатки и еще кой-чего, 600 рублей денег привезли нам. Копцев поехал купить мяса, мы ему денег дали. А Одинас пропился и поехал к моей жене, взял для нас пудов 11—12 муки, ситцу ему дала и еще кое-что. Кондратенко узнал об этом, а Одинас и не знал, что я скрываюсь. Кондратенко **Л. 65об.** наказал жене не сказывать мне про муку, когда ее привезут. У него Одинас за золото муку покупал. А тот моей мукой живет, золота не несет. Надо Кондратенке, чтобы я свою муку у Одинаса отобрал. Но не выдержал Кондратенко, проболтался сам.

Когда дорога пала, сходили мы к Одинасу, признался, что муку съел, отдал шубу, бельишко. Ушли мы за Черную речку, там оборудовали хату углежогов, баню выстроили. Сойот нет, одни кедровки летают. Было это в апреле. Стали мы золото мыть. **Л. 66** Намыли семь или восемь золотников. Кондратенко закупал продукты для нас, наживался. Приехал Леонтий Зуев, он тоже скрывался. Говорит, что что-то тревожно стало, чего-то ждут, но чего — неизвестно. Купец Бяков

* Кадья — чан, посуда, бочка.

приехал золото скупать, Кондратенко нас выдал и пришел к нам. Предлагал работать на него, обещал скрывать и кормить нас. Собрались мы и ушли с этого места. И Кондратенке выговариваем:

— Бяков — мужик хороший.

Переменили место, устроили балаган на горе, все видно. Договорились, чтобы весть давать. **Л. 66об.** Принес весть Копцев — Щетинкин идет. Пошли мы навстречу. Лес рубим плот делать. Поплыли по Амылу. На перевозе стали, я в разведку пошел. Увидел седло казачье. Какой-то Курочкин из Урянхая ездил в Минусинск. Поговорил я с ним, вижу, что не наш. Перевозчик мне говорит:

— Не плыви дальше. Неладно.

— А что?

— Не знаю.

Доплыли до Андреевского участка. Шаповалов пошел на разведку. Рев, плач. Что такое?

— Казаки были, всех мужиков забрали, угнали в Кужебар.

Вернулся Шаповалов, **Л. 67** послали мы его за хлебом. Пошел он, узнал, что опять казаки проскакали. А это нас ловить ехали, да ждали выше. А мы еще сплыли, салик в речку завели, спрятали, сами пешком.

Копцев от нас ушел, а мы, двое Зуевых, Леонтий и Христофор, я и Шаповалов, пошли догонять партизан. Не догнали. Ушли в Колеватовку и тут в тайге жили, скрывал нас Дробин Стратон. Сообщил он нам, что казаков в Белоцарском разбили, вот-вот придут. Веселее стало, поближе вылезли, а потом в огороде поселились. **Л. 67об.** Прибегает наш хозяин: Щетинкин к Григорьевке подходит, казаки бегут, уже в Моторском. Поехал зять Дробина, будто на мельницу, доехал до Григорьевки, его партизаны взяли, в штаб привели, расспросили и назад послали. Он едет, по дороге двух скрывавшихся прихватил. Едет, издали кричит:

— Вылазьте, Щетинкин в Григорьевке!

Шаповалов от нас еще раньше ушел. Пошли мы к старосте в Колеватовку подводы просить, не дает. Надо у схода разрешение просить. Прикрикнули на него, построжили, две пары **Л. 68** нам запрягли, сели, поехали. Добрались в Григорьевку. В Манский полк и на Минусинск.

Уезжая из Колеватовки, послали сообщить в Кужебар нарочного, сообщить скрывавшимся. Ездил Гараська Горшков из Колеватовки. Когда нас ловили на Бургони, сначала захватили Градобоева, а когда показался Кретов и дезертир, Градобоева бросили и побежали тех ловить. Градобоеву хозяйка дала лыжи, и он ушел. Кретова захватили, револьвер взяли. Повели и застрелили в затылок. А дезертир, когда казаки стали пить самогонку, **Л. 68об.** забрался за хлеву-

шек, развязался и укатился по снегу на боку. Так его и поймали.

Третий раз приехали туда, Лукина арестовали. Хотели его заставить нас указать, но он от них ушел, научил замерзшего казака снегу в сапоги подложить и, когда тот разулся, удрал на лыжах. Сидел долго в крайней избушке, и его взяли лишь следующей облавой, остался все же жив, не расстреляли». **Л. 69**

29 августа. Каратуз ФИЛИМОНОВ ТИМОФЕЙ ЛЬВОВИЧ

По прибытии, в октябре, в Тасеево проходило голосование в Учредительное собрание. **Л. 69об.** На собрании зажиточные выступили против большевиков. Филимонов выступил против войны и кадетского списка, изложил большевистскую программу, чем сбил мужиков. Вскоре был первый съезд в Минусинске (13 мая 1917 г., руководили эсеры. — Т. К.), выбрали Филимонова. Речь шла на съезде, как организовать Советы в деревне.

«На другой день (съезда) Сотников вступил в Минусинский уезд. Пришлось разъехаться. В подпольной организации я не работал, хотя кое с кем разговоры вел. Были **Л. 70об.** надежные ребята — Бусоргин, Градобоев и другие.

Когда приходил Зефиров, узнали и у нас. Приехал тигрицкий (с. Тигрицкое Тигрицкой в. Минусинского у. — Т. К.) мужик, рыжеватый, сказал, что в Дубенском восстание. Тогда Степка Градобоев, Иванов предложили собрать собрание и дать помощь. Собрались. Мужик этот ждет. Предлагают послать разведать. Градобоев и я выступили — едем сейчас же на Каратуз. Вечером приехали в Сагайское, выбрали штаб — меня, Шаповалова, Кретова. Потом арестовали казаков в Каратузе, убили их атамана Шошина. В Сагайском **Л. 70** уже выбирали командиров рот — взводных.

В Большой Ине у нас было уже четыре роты. Оставили в Каратузе караул, чтобы связь иметь. Прошли через Сагайское, Таскинское, Худоногово на Большую Иню. В Худоноговой крестьян взяли с собою. Когда были на Ине, штаб вынес постановление — взять с собою только вооруженных и проверенных ребят. Но крестьяне не согласились, пошли все. Дошли до винного склада, штаб разместился на опушке леса, километра четыре от города.

Паника случилась уже поздно вечером 7 октября (ст. ст.). До этого мы послали Кретова по фронту верхом. Он уехал дальше, до каменно-бродских эстонцев. **Л. 71** Когда он подъехал, они ему говорили, что на них налетали казаки, но они отбили их. Но тут началась паника. Цепь стала отходить, пришлось отходить и эстонцам. Кретов в штаб не вернулся. А Шаповалова

я потерял на Солдатовой заимке. Заехал я на Малую Ничку. Штаба там не застал. Поехал в Каратуз, узнать, в чем дело. Не доехал до Таскиной верст восемь. Встретил Шаповалова, едет на паре.

— Что же мы бросили все? Чужие половину города взяли.

— Армия разбежалась, отряды вот-вот по деревням пойдут. А это нас на удочку ловят. **Л. 71об.**

Согласился Шаповалов со мною, заехали ко мне. Коней спрятали в закрытом сарае. Подводчику велели ждать. Пришел Градобоев, договорились, куда бежать. Решили ехать в тайгу. Шаповалов поехал домой, а мы с Градобоевым взяли моих коней, племянника лет тринадцати, поехали к Шаповалову, захватили и его, он на своей лошади, поехали. Приказ о выдаче главарей был уже распространен. Приехали в Копь к Александрову, звали его, он отказался:

— Поживу, пока не трогают.

Сказали, где будем, просили держать связь.

Через Новую Копь и Козловку в Сосновку на свету приехали. Заехали к **Л. 72** Бортникову, два дня скрывались. Собралось нас шестеро: (добавились) Градунцовы Иван и Александр и Бобров Семен. Абрамова Кольку дорогой возле Козловки мы видели, он с Поляковым Прохором ехал, собирались по деревьям скрываться. Больше мы их не видали.

Ушли мы из Сосновки в Пономаревку. Ушли от (нас) Бобров и Иван Градунцов, скрываться по деревьям. В Пономаревке встретили Кретова, Зуева, Калашникова. Пошли на прииски на Бургонь. Нам сообщили, что казачьи отряды расстреливают без суда и следствия. Шли на Бургонь по тольکو что промятому снегу **Л. 72об.** (Лукин проезжал, рабочий с Бургони). Снег после оттепели и наледи мокрый.

Пожили мы у двоюродной моей сестры, перебрались к Лукину и на стан Артемьева Архипа. Прожили с полмесяца. Приехал отряд без лыж. Удрали на реку Копь. Хлеба нет, ничего нет. Ночь переночевали недалеко, версты полторы. Назавтра дальше отошли, балаган сделали, ночевали. Хлеба нет. Нет и вести, уехал ли отряд. Посоветовались и пошли обратно. Тропку снегом уже заровняло, узкая, кто сорвется — в снег. Шаповалов говорит:

— Давайте я вас пристрелю, потом и сам застрелюсь. Сил нет.

Не согласились с ним. Осторожно **Л. 73** выбрались, разведали — нет отряда. Отдохнули. Лыж мы не запасли, надеялись, что больше не приедут. Живем на последнем стану, у Лукина. Сообщают нам — отряд идет. Ночью было дело. Недалеко отошли, ночевали у колоды. Пошли разведать, забрались невесть куда, из сил выбились. Сели. Является вестник — уехали.

Обсудили, что надо разъехаться, так как нас много, стали примечать. Градунцов Александр решил идти на призыв и перейти к красным. Я и Градобоев ушли в Пономаревку, взяли коня — и домой накануне **Л. 73об.** Рождества. Холодище. Забежали к Александрову — арестован. По свету — в Таскино, по задам ко мне, в подполье. Трое суток сидели. Отец Градунцова, старик крепкий, поселенец, пришел к нам, говорит:

— Градобоеву показаться нельзя, про тебя не знаю.

Посоветовали Градобоеву ехать в Минусинск, добыть документы, а мне ждать дома. А потом пробираться подальше. Уехал, жду неделю, две — нет. Никаких вестей ниоткуда. Стал я показываться на улицу, коней наготове держу. Савелий Прохорович Агапов в волости работал, его не подозревали. Через **Л. 74** Градунцова-старика я договорился подпоить старосту и добыть разрешение на паспорт. Казаки меня в лицо не знают. Поехал я добывать документы. Савелий Прохорович приготовил документы. Сидим, разговариваем. Вдруг Полиенко, милиционер, двух арестованных привел — старика Клейменова и другого. У Клейменова сын Алешка паспорт выправил и удрал. Полиенко старика бьет, сначала одного, потом другого. Сижу. Запер он их в каталажку, подсел к окну, достал книжку, читает:

— Лука Раменский. А, да это Таскина.

И закуривает. Я глянул, в скобках запись: Т. Филимонов, Градобоев. Спрашивает у Савелия Прохоровича:

— Кто еще паспорта брал?

Савелий Прохорович перечисляет, нас не выдает. А у меня документы в кармане. Спрашиваю:

— А вы, господин милиционер, в Таскину идете?

— Нет, в Каратуз. В Таскину завтра или послезавтра.

Только он уехал, я домой. Предупредил всех записанных, чтобы скрылись. Евдокимов и Бусоргин согласились ехать. Паспорта для них были взяты. **Л. 75** Решили ехать в Красноярск. Сходили в баню, самогон выпили, вечером сошлись и уехали. Приехали в Красноярск, читаем в газете, что атаман Семенов освободил тюрьму и освобожденные кричали: „Ура, атаман Семенов!“

Решили ехать туда, посвободнее будет. Под Нижнеудинском видим: висят двое на столбах и надпись: „Всех большевиков перевесим“. Доехали до Мысовой. Узнали, что порет Семенов¹⁰². Японцы расправляются. Вот тебе и свобода! Милиция стала подозревать нас, обыскивали. **Л. 75об.** Но у нас ничего нет. Поступили [...] на железную дорогу, там паспорта отобрали, назад не выдерешь. А милиция чуть не каждую

ночь. Через месяц приехал Раменский, как раз и мы рассчитались. Говорит:

— Щеглов сказал, что нам можно вернуться, а Филимонову нельзя.

Уехали все. А меня через неделю арестовали. Побили немного. Просидел четверо суток, меня вывезли **Л. 76** в В(ерхне)-Уфимск, в милицию 4-го участка. Стали допрашивать. Я говорю правду. Но не всю. Сказал про восстание, меня наганом. Против офицера я свалился. Память потерял ненадолго, очнулся. Сказал я, что был в штабе. Продержали сутки в карцере, попал в 9-ю камеру. Там крестьяне арестованные сидели из Бурятии. При Советской власти они землю у бурят делили, а потом их арестовывали, связывали по двое. Одного застрелят, другого бьют. **Л. 76об.** Избиты были все ужасно.

Выбрался из тюрьмы через заступничество кузнеца Князева, у которого я работал последние дни перед арестом. Со мной в Таскину поехала одна из Князевых — Татьяна. Из Красноярска на одном пароходе ехали казаки знакомые, мы в корму залезли, чтобы не узнали меня. Тут я узнал, что Пермь взята красными. Доехали до Сорокиной, казаки волнуются. А в это время Щетинкин вышел в Козино. Встретил знакомого, узнал, что за Тубу белые отряды идут. Выйдут ли партизаны к Минусинску или нет? Прогнать **Л. 77** нельзя.

Встретил я Боркова, он советует мне идти в отряд. Приехала за мной подвода, Татьяна сказала нашим. Приехал я домой, меня арестовали, но выпустили под расписку о невыезде, предупредив, что, если сбегу, возьмут отца и двух братьев. Добыл я поручительство одного казака, разрешил мне атаман жить на воле. Решил я ждать партизан, обратно 18 человек надежных подобрал, оружие добыли. Когда Щетинкин к городу подходил, мы в открытую вышли. А когда заняли **Л. 77об.** Минусинск, вступили в отряд. Был в бою под Новоселовой. В Агинске меня выбрали в полковой комитет, председателем Совета был Алексеев, членами — я, Гостюхин и другие. Дали мне под команду 30 человек, ездил я по Чулыму, в Бирилюссы, Краснову и другие». Вернулся домой в апреле 1920 года. Кандидат партии с 1931 года. **Л. 78**

29 августа. Каратуз ЛУКИН РОМАН НИКОЛАЕВИЧ:

«В дубинное восстание под Минусинск я не ходил, ходили два сына — Кузьма и Михаил, я дома оставался, в Каратузе. В самое Знаменье **Л. 78об.** меня арестовали. Посадили здесь в каталажку, били, потом увезли в Минусинск. До Масленки сидел в савельевском доме¹⁰³. В Чистый понедельник перевели

в тюрьму, а в среду — на военный суд. У меня были свидетели, стали дело расследовать. Да один казак, Павел Пьянков, всех свидетелей опорочил:

— Какие они свидетели? Сами на нас с дубинками шли!

И опять меня за военно-полевым судом зачистили. Два раза на суд выводили. Сказали про меня казаки наши, будто бы я ходил с винтовкой и наганом, кричал: „Всех казаков расстрелять от пяти лет до шестидесяти!“

Сидел я в одиночке. Через одну камеру сидели семь человек, двое из [...] **Л. 79** волости Бийского уезда. Из Каратуза там был Погодин Енька, лет восемнадцать, из новых казаков, за хулиганство сидел. Он один живой из камеры выскочил, его в коридоре убили. Был еще Вяткин из Каратуза, разночинец. Он был на три месяца осужден, отсидел, вышел, ночь в городе переночевал, снова его взяли и осудили к смертной казни.

Бомбы в камеру бросали, на полу выбоины остались, взрывы мы слышали между выстрелами. Казаков вызывали по телефону. Вышел я на Фоминую неделю, казаки как на зверя смотрят. Скрываться приходилось, пока Минусинск не заняли. Бродил по **Л. 79об.** соседним деревням, то в Черепановке, то в Копи. Домой приходил ночью ненадолго.

В последний раз на суд нас выводили пятерых. Меня освободили, татарина из Бейской волости — на 20 лет, Горбунова из Каратуза — расстрел, Золотухина Леньку из Черемушки — тоже, ермаковского Козлова — тоже. Семерых убили в камере на второй неделе Великого поста. Ох, и покричали же они, милые! Ложишься спать — переночую ли сегодня? Раз, часов в двенадцать, приходит пьяный дежурный офицер, вызвал старшего, ключи потребовал. Сперва в женскую **Л. 80** зашел, потом к нам:

— Вставай, так вашу...

Сабля наголо. Вскочили мы, выстроились.

— С дубинками, так вашу...

Грозится на всех. Все камеры прошел. И все грозил:

— Зарублю, так вашу...» **Л. 80об.**

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ МИНУСИНСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ. ВОСПОМИНАНИЯ ПАРТИЗАН

Тетрадь о/ф 12105/6Д 10045. Октябрь 1933 года

(На втором форзац-листе стоит цифра 6. Беседа с несколькими участниками Минусинского восстания. Все воспоминания датируются 1933 годом. — Т. К.)

9 октября. Дубенское ПАШКИН ВАСИЛИЙ ДЕМЕТЬЕВИЧ:

«В селе бывший ссыльнокаторжный кузнец Кульчицкий устроил заводик. Жители на этом заводике гнали самогон, он брал только за пользование. Осенью 1918 года в село пришли пять мужиков из Нижнего Суэтука, забрали самогон, стали требовать налоги и мобилизованных. Их разоружили и отпустили. **Л. 3об.** Через неделю или больше пришел белый отряд, остановился в Кадринском. Прислали в Дубенское нарочных, что сейчас приедут разделяться с теми, кто разоружал. Начальником отряда был Зефиров, а над первой пятеркой — Филиппов. В отряде три офицера было, человек сорок пеших и конных несколько человек. Наши мужики вокруг площади приготовили засаду, в четырех или пяти домах вокруг площади, во дворах. **Л. 4** Я тоже сидел в одной из засад. На крышу поставили наблюдателя.

Засели мы с утра, а они приехали после обеда. Смотрим, верховые поодиночке скачут, потом пехота идет. Нам приказа нет. Послали Нюрку Афанасьеву узнать, стоят ли другие засады. Велели оттуда разойтись до вечера; как потом узнали, было сообщено в Черемушку. Разошлись мужики, а я дезертировал, и идти было нельзя. Я сидел до вечера. А каратели стали перебирать тех, кто обезоруживал. Призовут, выпорют и в каталажку. Требовали выдать всех участников и вернуть отнятое оружие. Выпороли Андрияна Иванова, **Л. 4об.** Пестрикова Кузьму водили по деревне:

— Укажи, у кого оружие.

Не указывает, бьют. Драли плетью Петра Кокорева. Чухонца (чухонцами звали выходцев из Прибалтики. — Т. К.) драли при мне, я зашел как раз. В две нагайки драли. Похрик Кузьма уже был выдран, сидел в каталажке. Емельяна Суходоева пороли:

— Укажи, где Кульчицкий.

Под вечер стали собираться в засады. Отрядники выехали на площадь, начали стрелять. Смотрим — Черемушка валит с горы. Под обстрелом черемушские рассыпались, а мы в тыл. У нас — у кого берданка, у кого что. Белые по коньякам и удрали.

Минусинск. Обоз на ул. Гоголя у дома Мансурова. 1912 г.

Семь или восемь человек они здесь оставили...
Л. 5 Начали организовываться, выбрали штаб: Кульчицкий, Ощепков Василий, Пашкин Фома. Потом они в Ничке в штабе были, с неделю мы там стояли. Пошли на Каратуз. В Сагайске штаб был тоже. Перехватили надсмотрщика, ставшего исправлять линию, перерезали сообщение. Уже в полночь пришли в Каратуз. Оцепили на рассвете. Наших двоих убили, зато и их из церкви потаскали. Казаки отстреливались в церкви. Кадка с водой, ведер двадцать, угол булок, в кадке вино спущено. Забрали винтовки, оказались без затворов, но их нашли тут же, в церкви. Человек пятьдесят арестовали.

Вернулись в Сагайское, домой, **Л. 5об.** здесь организовались для похода на Минусинск, остановились в Малой Ничке. Там организовались по ротам. У нас был ротный Щербаков Григорий (Бибич). С неделю там стояли, один штаб был в Ничке, другой в Лугавске, в Большой Ине и в Городке. В Лугавске стояли шушенцы, каптыревцы, субботинские и других деревень. В Ничкинский штаб проник шпион белых, присутствовал на заседаниях. Наши-то не знали, а Ничка шла под нажимом, скрывала. Когда стали решать вопрос о наступлении, шпион выступил:

— Рано в эту ночь, городчане не готовы. Отложить до завтра надо.

А связи с Городком нет. Отложили. А в эту ночь **Л. 6** городчанский штаб был разбит. Подошли к Минусинску, ждем, а городчан нет. Мы в Ничку — никого. Пришли домой, а тут слух, что вышел вооруженный отряд. Мы ездили проверять. **Л. 6об.** Никого не оказалось. Только вернулся — каратели. На третий день после наступления бросились бежать кто куда. Казаки зажгли от моста. Шестнадцать домов сожгли, шесть человек расстреляли: Пашкина Дементия Гурьяновича, Пашкина Трофима Гурьяновича, Комышева Михаила Николаевича, Шульмина Николая Васильевича, Мыслика Федора, Евстигнея (из деревни Тагашет)».

ЗВАРЫГИН МАКСИМ АНТОНОВИЧ:

«Дорогой в Дубенское из Восточного, возле Кои, белые поймали 19 человек. Возвращались после второй попытки наступления. Нас захватили и стали бить. Меня сразу выбили из памяти, дали в лоб, руки прострелили, ногу прокололи **Л. 7** штыком и четыре раны шашкою, легкие, кожу просекли». **Л. 7об.**

Продолжается рассказ ПАШКИНА В. Д.:

«Привезли их к сходне, один распорядился:

— Расстрелять их, пусть собаки едят.

Сначала хотели у кладей расстрелять, передумали: „Еще хлеб сожжем...“

Поставили к стенке около кузницы, всех 10 человек: Зварыгина, Филиппова Григория, Матросова Николая, Кондакова Егора, Волкова Андрея, Жукова Сергея, Еншикова Михаила, Чиркова Ивана, Шляева Алексея, Витютинина Алексея. Ударили залпом, Зварыгин был ранен, Филиппова **Л. 7об.** не задело, а восемь человек были убиты. Филиппова после отъезда отряда в Дубенское вытащили невредимого, а Зварыгин, раненый, ночь просидел в тепляке, пустить никто не хотел. Утром увез Пахомов Михаил, плутали, ездили, на девятые сутки домой только.

Среди захваченных под Коей были дядя и племянник Бросаусы, Константин и Кузьма. Дядю белые взяли в проводники, а племянник бежал от сходки. Я бежал, когда белые начали громить деревню, скрывался. А потом вышел приказ не бить, не жечь, дезертирам явиться. Я вышел, не знал, что отец расстрелян, брат сидит в тюрьме, из пяти лошадей четырех белые взяли. Четверо нас поехали. **Л. 8** Заведовал всем не поручик Занин, а прапорщик Глубоковский.

— Жаль, Занина нет.

Повели к начальнику гарнизона, его не оказалось дома. Привели назад. Пришел Занин.

— Дубенские явились!

— А, зачинщики...

Выстроили отдельно явившихся в тот день шесть человек. Стал Занин допрашивать, а потом бить стали. Фельдфебель ударил, я стою. Занин говорит:

— Бить не умеешь.

Ударил меня. Шапка слетела. А я все стою. Ох, и били! Потом за худоноговских взялись. Занин говорит:

— Мои братья двоюродные, сволочи, бегать вздумали.

Привели нас в канцелярию. Пришел пьяный хорунжий. Подсел, беседует с нами, **Л. 8об.** гладит, целоваться лезет. А потом шашку вытащил:

— Прощайтесь с родными.

Ребята его за руки ловят, а он насаждает. Явились взводные. Черствый хлеб на окнах, они нас бить им.

— Вот вам маслены шанежки!

Потом говорят:

— Пропустить их сквозь строй.

Хорунжий мне шашку в рот наставил. Я первый стоял. Из угла мне дали прикладом, у него рука сдала, рот порезал. Из другого угла ударили, я вылетел. Долго продолжалось избивание. Потом они поссорились меж собой. Вызывали нас, но кто-то крикнул:

— Не вылазьте!

Мы позалазили под нары. **Л. 9** Потом часть ушла, кто-то с лампой пришел.

— Выходите, кого били, умывайтесь.

Ведро воды принесли. Вылезли мы. Потом я узнал о расстреле отца. Отправили нас в Ачинск. Я полтора месяца в госпитале лежал. Потом, погода, нас отправили на фронт, я — в Тобольскую губернию. Около станции Вагай перебежал к красным с Бяковым, которого били вместе со мной. С Красной армией ходил на Польский (фронт), но не доехал, заболел тифом. Среди бивших отличался свирепостью сам Занин, Глубоковский и взводный Захватаев (салбинский). Убит при Советской власти». **Л. 9об.**

Продолжение рассказа ЗВАРЫГИНА М. А.:

«Семья Силченко Дмитрия погибла — жена, сын и две дочери. Двух его сыновей поймали дорогой от Кой — расстреляли. А дом зажгли. Семья залезла в погреб и там задохнулась. Семья расстрелянного Михала Комышева сидела в том же подвале у Силченко — соседи они. Камышовых было: жена, сын и дочь. Мальчик лет тринадцати и девочка лет восьми. У Силченко задохнулся сын Пронька лет семнадцати-восемнадцати, дочери тоже взрослые. А расстреляли Семена и Константина, те оба были женатые. В тюрьме человек тридцать сидело. Расстреляли из тюрьмы: Пестрикова Кузьму Петровича, Пестрикова Алексея Петровича, Кемова Егора Сергеевича, **Л. 10** Попцова Ивана Матвеевича, Ощепкова Василия Ивановича, Ерикова Никиту Александровича, Семенихина Гавриила Сергеевича, Крикунова Дементия Сергеевича, Щербакова Ивана Андреевича, Кульчицкого (был повешен. — Т. К.). Выдавал Попцов Митрофан. Его расстреляли партизаны». **Л. 10об.**

11 октября. Шушенское ПАРЩИКОВ ГАВРИИЛ ПЕТРОВИЧ:

«После свержения Советской власти началась подготовка к восстанию. Начали ездить карательные отряды, притеснять крестьян. Были кружки среди крестьян, был я, мой брат Иван (умер), Олиферов Иван. Были и еще многие из нашего края. **Л. 11** Кульчицкий Вячеслав (Станислав. — Т. К.) приехал к нам, призывал к восстанию. Организовали штаб также. Пошли в Даниловский завод, к городу, штаб туда перебросился. Взводным был Николай Попков. Пошли к Минусинску по тракту, с нами были и другие деревни.

Встречным огнем были сбиты, многие начали отступать. Я и Ворошилов Егор не пошли домой, остались возле Минусинска, добрались до знакомого, Григория Попкова. Добыли документы и выбрались

в Сухую Ирбу. Просидели всю зиму, решили пробиваться в Урянхай. Приехали к Григорию Попкову, я забрался под кровать, а Ворошилов выглянул **Л. 11об.** в стеклянную дверь мастерской на проходивших с песнями колчаковцев. Его узнал наш, шушенский батрак Роман Середкин, указал. Ворошилов бросился бежать, я тоже, но нас обоих схватили, избили и в тюрьму. Просидели побольше месяца, суд — к смертной казни обоих.

Недели две в одиночке посидели, ночью нас повели на расстрел и с нами четверо восточенских (с. Восточенское Восточенской в. — Т. К.) — мужик здоровый и трое ребят по восемнадцать-девятнадцать лет. Раздели всех, в одних кальсонах. Я шел последний, руки связаны рубахой назад. Я пока шел коридором и двором, освободил руку. При выходе из ворот я выдернул руку, ударил часового и бежать. Ворошилов за мной. Сразу стрелять не стали. **Л. 12** Когда отбежали, тогда дали два залпа, товарищ при втором залпе упал.

Началась тревога, послышался топот. Я в протоку, просидел сутки под берегом. На вторую ночь переплыл протоку и ушел в Казанцеву, где жила сестра. Скрывался до прихода партизан в Казанцевой, а тогда вступил в Канский эскадрон. Дошел до Ачинска, где заболел и был отправлен домой. Были припадки, левая рука сейчас парализована. Инвалид». **Л. 12об.**

11 октября. Шушенское АЛИФЕРОВ ИВАН ИВАНОВИЧ:

«В дубинное восстание ходил вместе с сыном Романом. Когда все поразбежались, меня арестовали, всех (33 человека) гнали до завода. Там переночевали. На другой день явился какой-то с шашкой. На меня указали, что я адъютант Кульчицкого. Отвели от партии в сторону на десять сажень, пять казаков били меня плетью по голове. Потом три казака подъехали — те били. Партий десять казаков на мне плети пробовали. Гришка Ермолаев в Минусинске сказал Шильникову, **Л. 13** что я адъютант Кульчицкого. Пришел Шильников, грозит:

— Ваших детей, кур и кошек, всех перерубим. Тебе то же будет, что и Кульчицкому. Он мне ноги целует, а я его носком, носком. Дал я ему кровать, перину, а все-таки без суда расстрелял. И тебе то же будет.

Не расстреляли, дали 20 лет каторги. Сидел в Красноярской тюрьме. Оттуда повезли в Черемхово, там было крушение поезда, нас выпустили в народный дом. Нас четверо ушло домой. Здесь я ходил на ликвидацию банд». **Л. 13об.**

Л. А. Чернышев. Погоня. Эскиз. Нач. XX в. Бум., акв., бел.

11 октября. Шушенское ПРОННИКОВ ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ:

«После переворота белые стали мобилизовать молодняк, говорили, что на войну с Германией. А мы знали, что на российский фронт. Приехал из Омска комиссар, стал мобилизовывать и уговаривать на собрание. Помогал ему Симон Афанасьевич Ермолаев. Мы выступили против: я, Акимов Ларион, Давыдов Осип и Каревич Дмитрий. Двоих, меня и Акимова, после собрания арестовали на другой день. Мы из-под ареста бежали из волости. Бежали в тайгу за деревню Н(ово)-Троицкую, где и скрывались до дубинного восстания. **Л. 14**

Вышли на Коржиловскую заимку, в Дубенском восстание, Каратуз взяли. Тогда мы организовываться стали. Выехал Кульчицкий. Собрали собрание. Бубнов и Парщиков заворачивали делами. От колчаковской дружины добыли оружие. Семь человек нас стало с Кульчицким в переулке: я, Федяев

Федор, Попков Николай, Бирюков Иван, Дмитриев Алексей, и седьмым был Кульчицкий.

Надо было разбить голоса: кто хочет идти на город и не хочет. Вправо — желающие идти, влево — нежелающие. Зажиточная верхушка деревни хотела смять нас, бросились на нас, мы отступили. Ушли в штаб в Дубенское, там примкнули к восставшим. А здесь, без нас, уже решили выступать и в Даниловском заводе, мы **Л. 14об.** пришли сюда уже, к своим. У них был выбран командиром Мякишев Гавриил, у казанцевых был Казанцев. Пошли на Минусинск с Даниловского завода. Рассыпались цепью от Тагарского. Около Тагарского выгнали козу и убили ее. Ловили руками зайцев. Встретили разведку за Клоповой заимкой (Лугавская в. — Т. К.), на выходе из бора открылся бой. Учебная команда и дружина были сначала сбиты. Километра два не доехали до города, нас осадили перекрестным пулеметным огнем. На наш правый фланг наступали казаки, на левый — учебная команда. Под пулеметным огнем безоруж-

ные бежали. С оружием мы задержались, держали фронт до ночи. Послали связь, узнали, что безоружные бежали, связь по цепи еще раньше была прервана. Стали расходиться. **Л. 15** Стали мы искать Мало-Ничкинский штаб. Пришли на Клопову — нет, ушел на Солдатову. Пришли туда, и там никого нет. Сказали, что штаб уехал в Ничку. Пришли ночью в Ничку, там нам ответили:

— Штаб не существует, разбежался по домам.

Человек пять нас было. Наняли подводу в завод. Там нас казаки перехватить не успели, хотя мы и видели их разведку. Днем прошли в Шушу. Моя жена встретила нас верстах в восьми. Ей сказали, что меня убили, и она ехала взять тело. Наутро Дмитриев Константин сказал, что белые главари постановили на совещании вызывать на собрание и тут же убивать. Я на коня и уехал в свой бор, вечером сговорились с Дмитриевым **Л. 15об.** встретиться у Мангазеи. Он на город не ходил, здесь собирал оружие, порох. Вечером он сообщил, что решение выполняется, Бугаева вызывали, стреляли, но он раненый убежал.

Я в эту ночь бежал на выселок к Корнилову. Сошлись нас там трое — Середкин и Акимов, примкнул к нам Бугаев Михаил, раненый, и Алиферов Василий. Впятером ушли за Ново-Троицкое в тайгу. Там к нам пришел Бирюков Иван и Негороженный Василий. Негороженный и Василий Алиферов скрываться с нами не стали. Алиферов, как мобилизованный Колчаком, пожалел отца и явился. А Негороженный пошел скрываться к одной вдове, там его поймали и расстреляли.

В марте добровольческая дружина **Л. 16** пришла нас ловить. Отряд 70 человек, нас четверо. Не сдались, стали биться. Четырех у них сшибли. Они отступили, а мы ушли глубже в тайгу. Поставили белые на опушке караулы, и, когда у нас продуктов не стало, мы ушли между караулами в Откинскую лесную дачу (государственная казенная лесная дача. — Т. К.). Прожили до прихода Щетинкина в Жеблахтах, все пятеро — Иван Бирюков во время облавы уезжал только временно. Отсюда пошли на Казанцеву, километрах в трех, нас встретили белые, начался бой. У белых 14 пулеметов и орудия. Пришлось нам отступать в село Ермаковское. Мы были в Северо-Ачинском полку, в 3-й роте (так, кажется). Белые нас преследовали, наутро **Л. 16об.** в селе Ермаковском завязалась перестрелка, мы отступили в Салбу. Заметили, что белые обходят слева, пошли на Усинский тракт, на Ус.

На втором перевозе я был в цепи на этом берегу, а одна рота обход делала. В Белоцарске во время боя я был ранен разрывной пулей прямо на улице города. Кисть раздроблена. Ранен был я в тот момент,

когда контратакой снова заняли город. Из строя я выбыл. Сейчас инвалид 3-й группы». **Л. 17**

11 октября. Шушенское ШТРОМИЛО АЛЕКСАНДР НИКИТИЧ:

«9 (ноября) были аресты в Шуше. Арестовывали Зацепина Ивана, Ивана Ермолаева и Аликина Цариона Павловича. Бросили на гауптвахту, держали 24 дня, потом в тюрьму. Перед приходом партизан нас эвакуировали в Красноярскую тюрьму. Везли в трюме. Я был ранен еще на гауптвахте шашкой — дружинник ткнул в правое плечо.

Просидел в Красноярске до 4 декабря (ст. ст.), 220 человек, из них 20 женщин, были отправлены в распоряжение Семенова. Не доезжая Черемхова, на разъезде Забитуй, встретил нас делегат и освободил от конвоя. На Черемхово нас встретила местная дружина — эсеровщина. Выставили против нашего разоруженного конвоя два пулемета. Тут же был и встречавший нас в Забитуе делегат. **Л. 18** Повели нас в „Арс“. Просидели три недели. Рабочие копеек снабжали нас продуктами и деньгами. После этого пошли домой. Дома меня не ждали. Весной вступили мы в партию, все, кто считал себя партизанами. Ходили на банды Соловьева, Олиферова, Базаркина. Ходили Лыткин, Кабаков, Уланов.

Из партии вышел в начале 1923 года. Простудил я ноги, когда ходил за бандитами, нарывы пошли. Семью застал голодную. Обиделся и не стал ходить на собрания». Живет одиночкой. **Л. 18об.**

За дубинное восстание расстреляны в Шуше Негороженный Василий Семенович (отец, за 1905 год, в ссылке имел дегтярный завод), Бирюков Кузьма Васильевич, Ермолаев Михаил Васильевич, Ермолаев Гавриил, Бубнов Иван, Михайловский Степан.

Октябрь (Название деревни не указано. — Т. К.) КОЗЛОВА НАСТАСЬЯ ИВАНОВНА

По первому мужу — Ворошилова. «Муж участник дубинного восстания, расстрелян. За мужа получила 10 плетей и на другой день родила. Муж при выводе на казнь бежал, был подстрелен и затем изрублен».

Л. 19

13 октября. Знаменская ШАРАМЫГИН НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ

(род. 1889), из деревни Знаменской:

«Подпольной организации здесь не было, просто разговоры велись, что меры какие-то принимать надо. Потом пришли из других деревень, собрались

все. У нас здесь дня четыре стоял штаб. Мы ходили выгонять лугавских. Народу шло очень много. Рассыпались цепью от протоки до Ничкинской дороги. Густой цепью шли. Но не вооружены, только кой у кого были дробовики или берданки. После отступления, через день, приехал карательный отряд Зефинова. Кто разбежался, а кто и попал. Здесь, у заводской конторы (Даниловского завода. — Т. К.), пороли. Пропороли восемь-девять человек. Смольскому Анфилафию выхлестнули нагайкой глаз, а потом вместе с Петром Рыковым расстреляли в бору». **Л. 22об. — 23**

**13 октября. Знаменская
ЧЕРНОГРИВОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ**

Текст печатается выборочно, погашие чернила.

С крестьянами из подтаежных деревень пошел на Минусинск. Автор воспоминаний имел винтовку, с которой пришел с фронта. **Л. 24** После отступления в деревню приехал отряд Зефинова. На заводе был рабочий, местный житель Вензелев Иван Алексеевич. Он и указывал, кого брать. Сначала взяли среднего брата Дмитрия, а потом и Александра Ивановича. Взяли 15 человек, все рабочие. Двух расстреляли: Смольского Анфимия и Рыкова Петра, остальных казаки драли плетьюми. Выдрали Антонова Василия, Безбородова Павла, Ахмадеева Макара, Мыльникову Петра, Золотухина Тимофея Васильевича, Мартышева Ивана, Вензелева Лаврентия, Филиппова Егора, Коробейкина Матвея, **Л. 24об.** Зуйцева (кличка, эстонец, белые увезли в Пойлово и там расстреляли; настоящее имя — Груздев Александр), Рыковых Алексея и Евдокию — брата и сестру, Толстиковых Абрама и Еремея — братьев, Черногривого Александра, Черногривого Дмитрия.

«Били в улице возле конторы завода и коновязи. Били сначала казаки, заставляли бить друг друга. Кто плохо бил, тому добавляли сами, учили, как бить. На другой день погнали в тюрьму. Избиты были сильно. До города шли пешком, при входе в город, возле кокоринского дома, били прикладами. Загнали вверх вильнеровского дома, потом перевели в подвал „Арса“. Сидели месяц до военно-полевого **Л. 25** суда. Штрафовали. Был здесь казачий хорунжий Мариев, он заступался, и присуждены были на 23 месяца да штрафы платили».

Когда проходил Щетинкин, автора воспоминаний снова арестовали. Выручил тот же Мариев.

«Приезжал сюда Щетинкин, плохо одетый, на плохой лошади, продавал спички. Выспрашивал. Со мной разговаривал, я ему все рассказал.

Кто он — я не знал...» **Л. 25об.** Партизаны пришли в Казанцеву, автор вступил во 2-й эскадрон Северо-Ачинского полка. Был во всех боях эскадрона. Ходил на ликвидацию банды Соловьева. **Л. 26**

**15 октября. Городок
СТАРОДУБЦЕВ СЕВАСТЬЯН ТЕРЕНТЬЕВИЧ:**

«В Городке отдельного отряда не было, собирались группами по отдельным заданиям. Распоряжение давал штаб, в котором городчан не было, кроме Федора Канкина». После восстания многие скрывались, особенно городчане. В Городок пришли карательные отряды. **Л. 34** «Здесь избивали и местных, и причалых, расстреливали. Жимчихина Семена, парня лет девятнадцати, на улице, шел он с палкой, по окрику не бросил. Убили выстрелом из револьвера в рот... Донченкова Абрама расстреляли вместе с сыном. Яковин Прохор расстрелян. **Л. 34об.** Нагорнов Иван убит на реке, когда пытался бежать, выстрелив в белых из окна своего дома. Беднякова Архипа зарубили на пашне, где он скрывался в избушке вместе с Луневым Тимофеем из Бедры. Избивали беспощадно. Африкантова Михаила офицеры избивали особенно жестоко». На 20 лет были осуждены несколько человек — четверо: Масленкины Василий и Иван, братья, Тесленкин Александр, Шлапунов Денис (убит в «эшелоне смерти»). **Л. 35**

**15 октября. Городок
ШЛАПУНОВ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ:**

«Участвовал в дубинном восстании. Сидел в тюрьме три месяца, был отпущен. Брата расстреляли. Приговорили его к 20 годам, отправили в Красноярскую тюрьму, оттуда в „эшелоне **Л. 28об.** смерти“ увезли на Дальний Восток. В Чите его расстреляли. Брата звали Денисом. После выхода из тюрьмы мы, три брата (сидели все четверо), Кузьма, Моисей и я, скрывались в тайге за Казырскими порогами (Казыр берет начало в Восточных Саянах, река с узким ложем, имеет многочисленные пороги. — Т. К.). Когда партизаны взяли Минусинск, нам в тайгу не передали об этом. Мы вышли из тайги и пришли в Городок, уже взятый партизанами. Здесь вступили в Манский полк все трое...» **Л. 29**

«Не могли (продолжение воспоминаний об аресте. — Т. К.) мы удержаться, бежали в острова. Там нас переловили. Ловили и собирали в училище в Листвягово, набрали 96 человек. Погнали в город. Довели до Борка, поставили два пулемета, нас выстроили — расстреливать. Скачет верховой из города, привез пакет. Не стали расстреливать, погнали

в савельевский дом. Там всех в маленькую комнату согнали, стоя двое суток без еды и питья провели. На вторые сутки у часового за 200 рублей купили ведро воды. Избиты были дорогой сильно. На вторые сутки утром вызвали:

— Кто оправляться хочет, **Л. 35об.** выходи.

Семеро вышли и не вернулись. Часовой сказал:

— Не ходите оправляться.

Семерых этих зарубили во дворе. Больше мы на вызов оправляться не выходили. Один из семи был каратузовский, другие — из Каптыревой. В 12 часов дня вызвали нас четверых на суд. Двух в 24 часа — расстрел, одного, капкайского (пос. Капкаев Абаканской инородческой управы. — Т. К.), Занин — к высидке или тысячерублевому штрафу, а я отбрехался. Семь допросов я до суда прошел. Не поверил я, когда объявили, что я оправдан. Хотя при мне ничего не нашли, но во время восстания у меня была винтовка. В училище в Листвягово¹⁰⁴ пол **Л. 36** был красен от крови, так били.

Выдавал в Городке Литовкин, ямщик. Еще после моего оправдания он жаловался офицерам, что я грожусь убить его. Вызывали меня на земскую, спрашивали, но у Литовкина доказательств не было, и меня отпустили»¹⁰⁵.

Пороли повстанцев плетью городчанские — Токарев Нестор, Белоусов Пимен. Их расстреляли партизаны. Литовкин больше года скрывался, потом явился и умер своей смертью. Был тоже в колхозе. **Л. 36об.**

18 октября. Абаканское БЕЛОНОГОВ МИТРОФАН ВАСИЛЬЕВИЧ:

«Перед приходом партизан карательные отряды выхватывали крестьян. Расстреляли Калика Полованистова. Хотели расстрелять Полякова Николая, я предупредил, тот ушел, спрятался в соломе. Расстреляли Филиппа Петровича Филиппова, Киреева Семена расстреляли. Семерника Петра вывозили на расстрел, тот бежал. Турчанова Василия расстреляли, а также Демина Марка Ефимовича (из Усть-Сыды). Была здесь своя дружина под командой Ефименко Василия. Заглядывал и Занин. **Л. 42** Из местной дружины отличались каратели Мишка Косович, Грузнев Илья (Красноярск), Косович Тимофей (Красноярск), Увалов Илья Анастасович (Енисейск), Иван Карпыч Якименко (Енисейск). Все штабники. Дмитрий Ошаров (Ачинск), Метиков Кузьма — офицер, был позже, тоже где-то прячется.

Из Салбы вели 18 человек каратели, двух — кузнеца и Мерцалова убили, остальные убежали. Гор-

деева из Салбы расстреляли в Колдыбаевой (д. Салбинской в. — Т. К.)».

Партизаны шли с бору, когда выскочила кавалерия, кой-кого перехватили, белые на плашкоут бросились. Тут их много в протоку попало, из пулемета палили по белым. **Л. 42об.** Партизаны простояли ночь и ушли обратно. Белые заняли село потихоньку, пришло их немного, особенно не смели расправляться. Больше ездили в Сорокину (пароходная пристань. — Т. К.), Бирю, Бузуново. Через неделю или две партизаны заняли Абаканск без боя. Белые сбежали заранее за Енисей. В Перевозной белые стояли долго. **Л. 43**

**21 октября. Абаканское (Краснотуранск)
Беседа с несколькими участниками
партизанского движения: БЕЛОНОГОВЫМ М. В.,
ГРИЩЕНКО И. М., ГОРЕНКОВЫМ П. А.,
БУСЛАЕВЫМ И. С., ВОРОШИЛОВЫМ А. М.
и другими. Воспоминания касаются не только
Минусинского восстания.**

ГРИЩЕНКО ИВАН МАРКОВИЧ

(вспоминает об освобождении Минусинска):

«Когда взяли Минусинск, пошли на Городок. В Бедре чай пили. Белая разведка показала. Рассыпались мы, во фланг зашли. Белые отошли, залегли в окопах. Было их много. Мы запросили помощи, пришли тальцы. Вечером пошли в Городок, он был укреплен окопами и ограждениями улиц. Казаки **Л. 43** удрали за Тубу, новобранцы, человек восемьдесят, сдались. Когда рассветало, белые били шрапнелью. Третьим выстрелом зажгли церковь. Население бежало, недели две не было покоя.

Поехали на Курагино, пошли в обход. Около деревни Пустынь встретили женщину, она сказала, что ничего не видала. В это время ушедшая вперед кавалерия обнаружила белых, гнались до Бири, вернулись в Бузуново. Увидели, что казаки переправляются. Захватить их не успели. Взяли человек тридцать в плен.

Вернулись к Городку, ночевали, вернулись в Абаканск. Взяли село без боя. Ночью ушли обратно. **Л. 43об.** Второй раз взяли Абаканск тоже без боя. Во время боя под Городком один старик у нас сдрейфил, лет шестьдесят, оторвался, его захватили белые, увезли в Капчалики и там повесили. **Л. 45**

Когда мы отступили за Ману, то заняли опасные места. Мы стояли на устье Колбы, а потом, когда заметили переправу, перешли в устье Лейбы. Первое наступление было неудачно, вторым — опрокинули в Ману. Подошло отделение ачинцев во вто-

рой раз. Уже вечером бросились на ура. И они на ура. Стали бомбы мы бросать, тогда они бросились бежать.

Простояли здесь день, а тогда части уже отошли к Кролу, и мы туда прошли окольными тропами. Вышли в тайгу около двух тысяч партизан. Однажды приехали к нам в Лейбу женщина и мужчина, **Л. 46об.** провели митинг — провести ночное нападение на Унгут. Силы противника неизвестны. Пошли, начали перестрелку. Потом отступили немного, а когда рассветало, увидели колонны белых, шедших нам в обход. Отступили мы все же без потерь. Но бой был горячий, снег кипел от пуль.

Стояли канцы в Шало. Наше одно отделение стояло с Кравченко верстах в двенадцати. Он предложил нам идти на выручку канцам, которых окружили белые. Подкрались мы к белым с тылу, дали три залпа и навели панику, белые бежали». **Л. 47**

БЕЛОНОГОВ ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

(вспоминает освобождение Минусинска):

«Когда партизаны второй раз заняли село (Абаканское), было собрание, я предложил организовать дружину самообороны. На первом собрании записались 12 человек, в их числе был Решетников. На втором собрании — 30 человек. Сорок восемь человек нас вошли в полк Гусева. Делали разведку, дразнили белых. Гусев предложил идти вместе с полком, некоторые не захотели пойти, 44 человека пошли. Организовали свою 13-ю роту — 1-ю роту 4-го батальона. Стали наши деревенские примыкать.

Переехали Енисей, на перевозе мало захватили. Троих убили, восемь новобранцев взяли, две винтовки, **Л. 43** две бомбы. Вернулись. Поехали в Старые Копены. В Усть-Ербе перестрелку имели, но без серьезных последствий, ночь была, не видно. В плен взяли, оружие получили. Через неделю на Батени два батальона с этой стороны и два — через Быскар. С одним шел Исаков. А у нас Селин сильно погорячился, раньше четырех часов пошел в наступление. Оружия мало. Левый фланг наш пошел назад, патронов мало. Ротный у нас был Решетников, фляжку выпил он, шел смело, оборвался под буерак, Селин командует рассыпаться.

Дошли до подвод, пулемет позади. Казаки набегают, пулемет затрещал. Наши **Л. 44об.** приостановились. Поднялись на гору, засели. Казаки ушли назад. Поехали и мы обратно в Усть-Ербу. Решетников и Матвеев остались. Решетникова взяли в плен, Матвеев сам перешел. Решетникова водили на чумбуре*

Е.Т. Марудко, помощник командира Северо-Ачинского полка, и Е.Ф. Домненко, член военно-революционного штаба. 1920-е гг.

за конем, проткнув шомполом щеки, обрезали нос и уши. Всего было потеряно в этом бою до тридцати человек. **Л. 45**

Батени заняли в тот же день, другая часть нашего же Манского полка. Следующий наш бой был — наступление Медведева на Брагино. Белые убежали, когда наша разведка подъехала, белые открыли огонь, наши вернулись. Мы пошли в обход, но их не захватили уже. Потом пошли на Трифонову, Кому и Новоселову. Шел Манский полк». **Л. 45об.**

* Чумбур — веревка, с помощью которой привязывалась лошадь.

18 ноября. Абаканское ПРОЛЕСКО АКИМ ИВАНОВИЧ

(вспоминает отступление Северо-Ачинского фронта):

«Вскоре Советская власть организовалась, я был помощником председателя волости. Щетинкин был председателем земотряда в волости, приезжал к нам. После падения Советской власти в Лапшиху приехали каратели, началась порка, пороли мужчин и женщин. Фронтовики нас было человек двадцать пять. Собрал я собрание, поговорили, оружие выявили. **Л. 47об.** На втором собрании — человек сорок, Листвянка пришла, оружия набралось больше. Приехали 10 человек, мы их разоружили, убили. Щетинкин скрывался тогда, узнал от нас.

Марудко в Лапшихе, еще до нас, имел человек пятьдесят организацию. Послал к нам делегата, приехал ко мне. Как нам соединиться? Пришли наши ребята. Направил я в Лапшиху своих вооруженных. Было это в Сочельник. Приехали туда 50 карателей, разогнали наших и отряд Марудко. Приехал Щетинкин и с ним Караваев под видом плотника, прямо ко мне на хутор. **Л. 48** Расспросил он меня, дал я ему лошадей, и он уехал к Марудко.

Там организовал штаб, съездил за своими в Красновку и привез своих, человек сто пятьдесят собралось. Явился Щетинкин в Красновку с 50 человеками, собрал собрание, дал пакет и послал в Ачинск. За голову Щетинкина обещали 25, потом 50 рублей. На вызов Щетинкина белые не пошли. От Красновки до Ольховки образовался фронт. Крестьяне принимали участие, вооруженные вилами.

Бои ежедневно, появились раненые. В Лапшихе госпиталь я принял. В Улуе стоял отряд тоже. **Л. 48об.** Начали мы в феврале отступать до Красновки. Тимонино, Лапшиху и другие деревни белые стали жечь. Многих расстреляли. В Лапшихе мы оставили мастерскую, крестьяне закопали в тайге. В Симоновой, Секретарке, около Улуя шли бои, белые шли от Енисейска. Собрались мы в Красновке. Собрали собрание — что делать?

— Идти, так всем.

Пошли в отступление. Собрались под тайгой верстах в тридцати от Нагорной. Раненых 12 человек. Недалеко от Коробейниковой и Критовой — патронов ни одного. Из Коробейниковой пришли два денщика, **Л. 49** принесли шашки и до тысячи патронов. Щетинкин раздал отрядам (их три было). Белых человек триста, у нас — четыреста. Село заняли. Белые на Критову ушли. Взяли мы медикаменты,

перевязочный материал. Четыре фельдшера у нас было: Жуковский, Т. К. Кузьмин, я и один латыш.

Вечером приказ — садиться на лошадей, двум отрядам приказано окружить Критову, а на станции Белояр разведке закрыть свет. В Коробейниковой взяли пять ящиков патронов. Поехали на Красную Речку. Открыт был огонь по Критовой. А там стояли два эшелона чехов. Под прикрытием боя прошли через линию **Л. 49об.** до Красной Речки и тогда бой закончили. От Боготола был отряд, человек двести. Шли с ежедневными боями. Оттуда на Ужур, Горелку (Горелое), Светлолобую. Ночевали там, утром встали, мы на одном конце, белых полторы тысячи — на другом. Мы пошли на Янову, белые за нами. Щетинкин развернул фронт и принял бой. А нас отправил с лазаретом в Янову — ни души живой. Положили раненых, поили. Приехал Щетинкин:

— Делайте посадку.

Указал деревню Улазы, Марудко заведывал обозом. Снаряды падали в Янову и на Енисее. Подъехали к Улазам, едут два белых офицера. **Л. 50** А у нас был раненый казак. Спрашивают:

— Господин казак, это наши?

— Наши. А вы кто?

Офицеры: такой-то и такой-то.

— Ваши документы.

Подозвали нас. Мы их разоружили и пристрелили. Из Улазов нас пулями встретили. А там скала большая. Мы раненых в водомойку*. Сами обошли, обстреляли. Загуменный, командир, забрал белых, человек сорок. Подъехали к Кома, выпустили арестованных там, человек тридцать к нам присоединились.

Маршрут наш был на устье Маны, мы встретили обоз, мужики сказали, что едут на восьмистах подводах **Л. 50об.** белые из Красноярска нам навстречу. Свернули мы в сторону, на прииски Иваницкого¹⁰⁶. Семьдесят пять верст ехали без хлеба. На приисках нашли продукты. Три дня жили. Возчики у нас удрали, бросив лошадей. Отправили семь лыжников, а сами стали рубить тайгу, заваливали за собой верст тридцать. Тайга густая, темная. Голод опять начался. Кололи лошадей. Четыре дня шли, на пятый день вышли, видно, что жилье недалеко. Пятый день прошли, хлеб нам Кравченко на вьюках выслал. Правда, человек триста с пулеметом выставили против нас, разоружили. Повезли в Баджей раненых в госпиталь. **Л. 51** Уланов приехал в Лапшиху, когда там уже был штаб. Ездили до этого наши делегаты в Красноярск. Про Ускова я слышал, но я его не знал лично. Непомнящего Василия я знаю. Когда выхо-

* Водомойка — углубление в почве, размываемое водой.

дили из тайги, население пряталось, и в первую очередь вывозили иконы. Их пугали, что будут за иконы расстреливать. Больше двухсот раненых было при переходе через тайгу. Девяносто шесть человек везли на лошадях». **Л. 51об.**

18 октября. Абаканское ВИТИТНИКОВ ИЛЬЯ СТЕПАНОВИЧ

Старшего сына расстрелял карательный отряд Волкова, кто-то доказал, что он большевик. **Л. 52** Младший сын ушел в партизанский отряд. Пошел в разведку на Усть-Ербу. Ранили коня, а сына взяли в плен. «Штыком проткнули левую щеку, зацепили проволокой и водили по Усть-Ербе. А потом убили, рана пулей в левый сосок... По голове ударили прикладом. Чуть с ума я не сошел из-за сынов... Дочери плетей попало. **Л. 52об.** Казаки простояли неделю. Хотели наутро собрать нас, семьи партизан, в один дом, облить керосином и зажечь, „пусть жарятся“. К счастью, подошли красные». Сам в партизаны не пошел, не было одежды и обуви; что получше, сыну отдал. **Л. 53**

20 октября. Перевоз СУДЕНКО МАКСИМ ИВАНОВИЧ

Призван был в армию, отправлен **Л. 56** на Австро-германский фронт. В Брест-Литовске был приговорен командиром к 25 розгам за требование пищи солдатам. Розог не дали, защитили батарейцы. Бежал в другой полк, в разведывательную команду. Обнаружили, хотели арестовать, командир не дал. Кажется, политическим был, Буряк. Был отравлен газами, три месяца лежал в лазарете. Сестра милосердия эсерка Анна Чечельникова устроила отпуск на излечение, семеро социал-революционеров в отпуск ушли. В 1916 году взяли в Ачинск, в 31-й полк, **Л. 56об.** в караульные посты. В 1917 году был выбран в Совдеп в военном городке, где было два полка.

Отправился агитировать в Знаменскую волюсть, где был арестован, Совдеп освободил. **Л. 57** В 1918 году уволился из армии, вернулся в Перевоз, где организовал Красную гвардию из семи человек. «Когда явился Сотников, я обезоружил пять человек из его сотни — заехали чайку попить. Это были казаки из Форпоста. После падения Советской власти местное кулачество нас обезоружило, связались с абаканской дружиной и хотели убить тайком. Мне передали об этом, и ночью я бежал в Салбинскую тайгу. Там связался со скрывавшимися, меня переправляли с места на место шесть месяцев. В октябре ушел в Крапивину (Усть-Сыда). Там с товарищем

Л. 57об. Деминим организовали 36 человек. Нашу организацию раскрыл Лисовой. За 12 дней до Пасхи товарищ Демин был схвачен и за деревней заколот штыком, голова была разбита прикладом. Он был главным руководителем, я его помощник.

Выйти из деревни было нельзя, стоял тайный караул. Я залег в зарод соломы и прятался 12 суток, пока стоял караул. Моя жена находилась в Усть-Сыде, она приносила пищу, когда на карауле стояли свои ребята. Под первый день Пасхи караул был снят, и я ушел в Красноярский уезд, на бывший Яриловский завод (выше пристани Убей)¹⁰⁷. **Л. 58** Вскоре я был заподозрен и бежал в деревню Гляден к товарищу Голощапову. С ним поплыли в Красноярск и попали перед восстанием 31-го полка. Связались с товарищем Скрипкиным, участвовали в восстании, вернее, мы, 38 человек, шли на помощь повстанцам из города к тюрьме... Когда ничего не вышло, мы, не обнаруживая себя, отошли. **Л. 58об.**

Я оставался в городе до объявления мобилизации до 45 лет. Из города не выпускали, выбрались до Маны на лодке... Щетинкина я застал в Бузуновой после первого их прихода в Абаканск. Я организовал в Усть-Сыде отряд в 16 или 18 человек и явился с ними, когда партизаны вторично заняли Абаканск. В первый же день нас влили в 1-ю роту Манского полка, меня выбрали ротным председателем... **Л. 59** По увольнении из отряда был командирован в продотряд». Участвовал в ликвидации банд Олиферова, Соловьева, Сережского восстания¹⁰⁸. **Л. 59об.**

19 октября. Черемушка ОЗОРНИН ИВАН АРХИПОВИЧ:

«С Мариинского фронта отошли к Ачинску. Часть разбежалась, часть ушла на Владивосток. Нас осталось около сотни. Ехали на Красноярск, общались с Красноярском по телеграфу. Доехали до Тарутино, там нам полковник **Л. 60** Шилов предложил сдать, так как нам навстречу выехала сотня казаков и солдат. Мы поехали на станцию Кемчуг. Там устроили собрание, товарищ Саросек с нами простился. Были с нами деньги, Саросек выдал нам по 500 рублей, а остальные, миллион с лишним, послал обратно. Саросек от нас ушел. А мы пошли врассыпную. Кто шел с оружием, кто припрятал, а кто и сразу не взял.

Нас шло трое: Харюзов (подсосенский, потом он был убит белыми), я и Лалетин Сидор (с Нижней Теси). В деревне Подсосновой нас арестовали. Вез нас подводчик, мы имели только револьверы. Дали подводчику 750 рублей и **Л. 60об.** из эшелона кусок солдатского полотна. Повез он нас не с деревни, а догнал в верстах в пятнадцати от станции:

Е. К. Зверев (слева), председатель объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Ачинске. До 1918 г.

— Не велели вас везти.

Денег не вернул и везти не повез, хотя и рядились всего до парому. Так мы и шли до парому. Старик-паромщик паром не плавит на нашу сторону:

— Вы, может, красные.

Харюзов переплыл. Паром отобрал, перебросились. Встретили старика, стали нажимать до Медведской топи, там Гадалов жил¹⁰⁹, мог нас припрятать. Старик согласился, привел к себе, чаем напоил, дочь за лошадьми послал. Долго ходила, коней не привела:

— Там какие-то красных ловят.

Пошли мы опять пешком. **Л. 61** Только вышли:

— Стой!

Как раз едет товарищ Вознесенский, работник Совдепа, сам он был с Тубы. Тут его убил Лопатин. Нас арестовали. Тридцать восемь человек всего в Подсосновой собрали (наш ротный командир был Школин). Повезли нас из Подсосновой в Ачинск. В Назаровой пьяные крестьяне хотели убить секретаря Ачинского Совдепа Потехина с женой (был расстрелян). С нами был также и Плотников. Его начинали

бить палкой, ударил крестьянин, Плотников не упал, я поддержал. Как раз подъехал офицер Сашка Мельников, подсосенский. Ехал он как раз на моей лошади, на ней до смерти ездил Вознесенский. Когда **Л. 61об.** Мельников подъехал, я сказал:

— Почему это, господин Мельников, вольные подходят и бьют?

У Плотникова была косица вся разбита. Пригнали в Ачинскую тюрьму. Просидели мы меньше месяца. Приезжала комиссия, выпустили из тюрьмы рядовых. Но без удостоверения личности многих арестовывали вновь. Я через три дня уехал на Саралу. Лето скитался на Сарале. Встретил там Тимофея Петровича Зайцева, старого большевика. Он тоже жил на птичьих правах. К зиме пришлось мне уехать, стали приглядываться ко мне.

Ушел я в деревню Крапивину (Усть-Сыду), прожил зиму. Весной, в марте, собрали всех приезжих в Абаканск и велели убираться. Поступил **Л. 62** я на баржу, стоявшую под Улюком. Водолив был большевик. Открылась навигация, я перешел в нижнюю команду. Два раза меня арестовывали. В первый раз

арестовали ранней весной на пароходе. Пароход взял на поруки („Отважный“), капитан был Кузьма Кузьмин. Пришли в Минусинск, я на поруках у нижней команды. Когда вернулись в Сорокину, я бежал. Было это в начале страды. Жил на пашне у тестя (в Крапивинной). Когда пришел Щетинкин, я вступил в Бузуновский бой — в отряд, в 4-й батальон Манского полка, в 1-ю роту... **Л. 62об.**

Под Сарагашем бой был ночной. Шли из Быскара через горы и Енисей. Перебрались ночью через остров по густым тальникам, а потом по чистому льду. На ура бросились на крутой яр, не зная расположения деревни, обрывались, падали, пока не попали на взвоз. Взяли здесь четыреста человек пленных. Все продолжалось около часа. Под Сарагашем, на высокой горке, слева от дороги (по течению), командир Исаков один отобрал у белых пулемет. Там соединился с Красной армией. **Л. 63**

О Звереве (Ермил Константинович Зверев, председатель объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Ачинском у. — Т. К.). Зверева убили в военном отделе, в военном городке Ачинска. Взял он нас человек восемь и поехал с нами на станцию, вернулись в городок. Он пошел в военный отдел, а мы в разные стороны. Я поехал к Мазуле (деревня Мазульская), меня обстреляли, я вернулся в городок. Там уже был разбит цейхгауз, народ кипит. Я стал искать товарища Владимира Белых. В это время слышу:

— Зверева убили.

Я уехал на станцию один. Выезжал из городка, стреляли с обеих сторон. Я на ходу вскочил в эшелон, и лошадь втащили. Зверев вернулся, чтоб уничтожить забытые в денежном ящике красногвардейские документы. **Л. 63** Убил его какой-то мальчишка, выстрелом из нагана. Кололи и терзали его уже мертвого». **Л. 64**

27 октября. Новоселово ВАСИЛЬЕВ ФЕДОР МАКСИМОВИЧ:

«Когда вернулся с военной службы, после работы в Красноярском Совдепе был послан с агитацией при выборах в Учредительное как член партии большевиков. В Кома против меня выступали поп и псаломщик Овчинников Василий Елизарович. Этот предложил меня арестовать на выборном собрании в Кома, так как я рассказывал об Октябрьской революции. Была поддержка собрания, и я не был арестован. Вернулся в Красноярск перед Сотниковским восстанием. Во время восстания мне дали 2-ю и 4-ю роты для погони в Коркину. Пока дошли до старого собора, половины не осталось. Дошли до Коркиной

(Красная гвардия шла горами с орудием), казаков не застали. Гимназисты организовались в помощь казакам, их арестовали **Л. 65** на станции Зыково, а казаки бежали.

Ездил я в командировку в Харбин на КВЖД. Потом нас вызвали — 15-й полк ушел на фронт, и нас направили в Минск. Но в Красноярске меня задержали, и, пока подбирали роту, я был уволен. Приехал я в Анаш, был выбран председателем сельсовета. Приехал какой-то уполком агитировать против Советской власти. Я его останавливал, а он заявил: „Советская власть доживает последние дни“. И действительно, Советская власть пала вскоре. Мне нельзя стало выходить на сходку — поп и другие издевались. Сидел дома, вел переговоры кое с кем. Был у нас Терсков, парень надежный. Один раз из Новоселовой **Л. 65об.** приезжал Усольцев, с ним поговорили. Но я его мало знал, не надеялся.

Собирались в моей квартире, человек до восьми, тушили огонь и разговаривали. Были Терсков (репрессиям подвергался в 1905 году, флотский), Гуков Петр Тимофеевич (тоже матрос, репрессии в 1905 году), Потылицин Николай, Кулешов, в конце других привлекли перед выступлением Ленивцева Ивана Ивановича, Елупахина Александра, Колегова Потапа.

Когда Щетинкин прошел на Ус, вернулся и занял Минусинск, мы взялись крепче за работу. Тарелкин требовал показательных приговоров. Решили на общем собрании выдвинуть из нашей группы Кулешова, чтобы разведку сделать. Наше предложение приняли. Кулешов поехал с Сергеем Колеговым (того **Л. 66** крестьяне выдвинули), но Колегов заболел дорогой. Кулешов доехал и в Минусинске нарвался на Колегова-офицера, с которым у него раньше были контры, но до драки дело не доходило. Но Колегов не выдал, и Кулешов вернулся благополучно. Кое-что Кулешов разведал, и мы усилили работу.

Через Ленивцева Ивана Ивановича мы вели вербовку и набрали до семидесяти человек. Решили созвать внеочередное собрание. Я выступил с призывом к восстанию. Было человек двести, подготовленные стали сразу записываться в отряд. Сорганизовали отряд, послали в Абаканск, где партизаны уже имели бои. Связались с Никольским (д. Никольская) **Л. 66об.** отрядом. Из Никольского отряда приехала разведка, человек семь. Только что встал Енисей. В Аешке стояли белые, и молодой парень Колесников сбежал от белых с винтовкой домой в Анаш. У него мы узнали, что в Аешке 80 человек, где стоят и так далее. Оружия у нас нет. Но пошли. Дошел 21 человек, подползли к посту, часовые почти спят. Без крика часовых взяли и — в караульное помеще-

Д. И. Каратанов. Деревенская улица. Пейзажный набросок. 1930-е. Бум., кар.

ние. Забрали винтовки, отобрали патроны и — на ура по деревне. У Никитина Гордея в избе пулемет был с пулеметчиками. Дали залп по окнам, все в подполье — и хозяева, и пулеметчики. Мы в избу, пулемет взяли, пулеметчиков из подполья выгнали. Пятьдесят семь человек взяли в плен. Приехали в **Л. 67** Кульчек. Там тоже отряд человек семьдесят.

Наш успех окрылил население, из всех деревень пошли. Стояли в Кульचेке, отряд был большой, до семисот человек собралось, так как Никольский отряд тоже приехал. По приказу Барановского Анаш должны были разгромить. Стали белые бить из орудий, среди партизан началась паника. Пришлось собирать собрание. Кое-как наладили дело. Но один, Колегов Захар, сдрейфил: попросил проводить отца, уехал и пропал. А потом оказался у белых добровольцем. На Новоселовской пристани, в засаде, его потом наши взяли и расстреляли в Копи. **Л. 67об.**

Белые стали переходить на правый берег, заняли Кому. Мы готовили набег на Кому. Разведали расположение белых. Я говорил Никитину, помощнику Захарова, командира Никольского отряда, чтобы ехать ночью. Но поторопились, приехали часов в двенадцать дня. Заехали с верхнего конца, спешились и пошли по улице. Наш пулемет „Люис“ стал после первой ленты, а в середине деревни нас встретили

пулеметным огнем, четверо пало, остальные по дворам отступили в беспорядке. Но белые не преследовали, и мы успели сделать посадку.

Из Аешки перебежали два телефониста и сообщили, что там две роты и фельдфебель готовит одну роту к переходу к нам. Поехали мы в Анаш, написали письмо фельдфебелю, и **Л. 68** телеграфисты подписались. Послали с одним из девяти крестьян, ехавших в Аешку с сеном. Это был Костин. Он бросил пакет к фельдфебелю под ноги, а сам (к) коню (пропуск, сдал сено, уже не получил).

Фельдфебель организовал 7-ю и половину 6-й роты и на подводах — в Анаш. Мы их встретили, кричали им „ура!“. Они пришли с орудием и сдали его нам, а их мы отправили в Минусинск. Сами стали снова в Кульчеке. После этого белые заняли Анаш, начали издеваться над нашими семьями. Дружина мобилизованных (красноярская) запротестовала. Казаков выстроили, а за моей женой прислали подводу, чтобы опознала и указала издевавшихся. **Л. 68об.** Но это ее так перепугало, что она ничего сказать не смогла.

На Кульчек пошел карательный отряд Волкова. Повел он наступление из Безкиша. Держались мы с полдня, а потом у нас не хватило патронов, и пришлось отступить в Мерзлую Салбу. Послали нарочных в Абаканск просить помощи у Щетинкина.

Шашка драгунская. Сер. XIX в.

9-я рота Северо-Ачинского полка и часть кавалерии в одни сутки явились. Волков занял Устюг, захватил двух наших разведчиков. Одного растерзали, а Ваганов просидел двое суток в подполье.

Разбили мы отряд на три части (с кавалерией и девятью ротами вместе) и с трех сторон охватили Устюг. Мы по тайге пробрались сначала **Л. 69** в Абачуль (д. Абаджуль Салбыкской в. — *Т. К.*), часть оставили в Убей-Татарке, они должны были дразнить белых. А два отряда зашли в тыл. Белые пошли цепью на Убей-Татарку. На заре мы со всех сторон ударили и сразу навели панику. Растрепали в дым. Волков с несколькими людьми бежал из Хламенки. Мы пошли в Кому, туда же пришли части Щетинкина. Тысяч шесть собралось, и тогда произошел бой под Комой». **Л. 69об.**

1933 год. Кома ЗЫКОВ АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВИЧ:

«Возле меня организовалась группа: Головченко Афиноген Михайлович (умер), Семенов Трофим, Далидов Зарах, Павлов Трофим (расстрелян был), Бедристов Роман. Советская власть была свергнута стихийно. Выбрали земскую управу, и власть перешла к ней. Мы еще слабо были организованы... **Л. 71об.** Все это было инициативой меньшевистской группы, возглавившей земскую управу в Кома. В сельских управах был один староста. Я настоял, чтоб выбрали неграмотного, я секретарем остался. Агитировали за неплатежи налогов. Шло успешно. В октябре шел набор лошадей в армию, наше общество отказалось выставить лошадей. Белошенко (меньшевик) выехал обмерять лошадей. Хороших скрыли. **Л. 72**

Приехал поручик, убеждал везти фураж — ни фунта не дали. Это в октябре. Тогда же был съезд земских управ¹¹⁰, вызвали секретарей. Я тоже поехал с председателем и членом. Вопрос шел о поставке лошадей, я выступал против вместе с Алексеем Поповым, секретарем Проезже-Комской управы. Нас взяли на учет.

Около 10 ноября по распоряжению Шильникова был выслан отряд Короткова из Красноярска вместе с начальником милиции Матасевичем. Коротков поехал по Коминской волости. Пороли за неподчинение милиции, за оружие. Белошенко дал список. Моих братьев пороли — Кузьму и Андрея, они в Кома жили. Всего человек шесть выпороли. **Л. 72об.** 20 ноября отряд прибыл в деревню Безкиш, выпороли трех. У нас группа усилилась, мы договорились небольшой отряд разоружить. Но мы не знали, куда идет отряд. В два часа ночи приехал Тесленко (меньшевик) с 10 человеками. Арестовали Бедристовых Романа и Семена, Головченко, Павлова Трофима. Послали за мной. Меня разбудили, говорят, Тесленко зовет. Я пошел, зашел в сборню.

— Вы арестованы. Едем.

Привели еще Михеева Никифора, Зыкова Ивана Федосеевича (активный). Всего семь человек нас увезли: двух военных и одного арестованного. Приехали в Безкиш, отряд уже в Проезжей Кома (д. Проезже-Комская Комской в. — *Т. К.*). Часа в два ночи привезли нас под караул. Утром 21-го повели на сборную. Зачитали список и стали пороть. **Л. 73** Павлов — 25 плетей, Бедристов — 20, меня — 55 (большевик, ведущий агитацию), Головченко — 25. Всех выпороли нас, а проезжую комиссию — человек пять: Попова Алексея, Толоконникова и других.

П. М. Бурков (Зубов), командир партизанского отряда. 1919—1920 гг.

Попова два раза били. Били и выбрасывали на улицу. Отряд уехал, тогда нас подобрали. При порке человек пятьдесят было.

За мной приехал хозяин. Суток шесть я лежал. Управа стала собирать подати, и население платить. Перепугались порки. Группа стала увеличиваться, новые вступали. Когда Щетинкин шел на Ману, шел он через Кому. Крестьян напугали, и население бежало. **Л. 73об.** Мы готовились примкнуть, но отряд прошел на Даурское, а следом шел карательный отряд Мамаева, Сотников и Бологов. Они прошли через Кульчек, мы скрылись на это время.

Летом здесь уже был создан фронт по борьбе с бандитизмом. В Новоселовой стоял штурмовой отряд Фелелонова и Березина. В июне они стали организовывать дружины. Мы хотели отказаться, потом стали направлять вновь примыкающих к группе, надеялись получить оружие. Но оружия белые не давали. Человек двадцать пять своих мы влили. Числа 4—5 октября у нас были бежавшие от пре-

следования четыре человека. Шестаков, Лукашевич, Никифоров и, кажется, Юшков, сделали **Л. 74** налет на Кульчек. Были они вооружены, знали организацию. Взяли у еврея-скупщика пушнину, еще кое-что. Наши отходчики слышали эту историю, но не вмешивались. Еврей (Кравец Арон) требовал, чтобы вызвать милицию, а мы не стали писать. Он поехал сам. Отряд приехал. Но до отряда приехал милиционер Коваленко и предупредил, что едет отряд. Я ушел из дома на другой край деревни, предупредил двух своих, а старосту не успел — его дома не было.

Отряд 180 человек явился. Коваленко должен был вызвать виновников, но не стал никого спрашивать. Отряд вызвал старосту **Л. 74об.** Иконникова Анику и дозорных двух, и арестовали их. Я пришел домой, а тут ведут арестованных и прямо ко мне. Я прошел мимо входивших, пока староста просился сходить за шебуром*. Его отпустили, и он скрылся. Одного из дозорных в Кома выпороли. Староста ушел на заимку. Принял дела заместитель, пришла секретная бумага — разыскать сбежавшего старосту. Заместитель мне ее показал, я посоветовал ничего не делать.

Ночью в конце октября та же группа скрывавшихся, Лукашевич и другие (уже человек семь), обстреляла деревню. Поехали туда штурмовики. Я был в Кома в это время. **Л. 75** Вернулся, уже имея сведения о Никольском отряде. Щетинкин занимал Минусинск. Белые созывали съезд (земских управ) с целью агитации за вступление в армию в деревне Трифоновой. Мы послали Головченко, Бедристова. Перед съездом (он был 29 октября или 1 ноября) отряд белых арестовал Попова и Лыжина, утопили их в Енисее (по слухам).

Я поехал с нашими представителями в Кому. Там провели агитацию между делегатами Анаша, Копи и Проезжей Комы не ездить и вернуться домой. Ни один на съезд не поехал. Вернулись домой, созвали группу, человек сорок уже было. Отправили двух делегатов **Л. 75об.** в Салбинскую волость, в Никольский отряд. В Устьюге они встретились с Никольской разведкой и вместе вернулись домой. Договорились, и отряд пришел к нам, человек восемьдесят. Через Енисей переезда не было — шла шуга.

Нас из Кульчека пошло в отряд человек двенадцать. Пошли по направлению: Безкиш, Проезжая Кома. Через Енисей перебраться было еще трудно, и до 8 декабря мы оперировали на левом берегу. Отряд возрос до пятисот человек, вливались из разных деревень. С Новоселовского боя мы действовали уже под руководством Уланова и Гусева. Шли

* Шебур — верхняя одежда из грубого холста.

до Ачинска вместе. Я был секретарем комитета отряда, участвовал во всех боях». **Л. 76**

**25 октября. Новоселово
ТОПИНСКИЙ МАТВЕЙ АНДРЕЕВИЧ**

(род. 1875). С 1897 года жил с семьей в Новоселовой.

Новоселовский поп Павел Попов, когда начальник милиции Матусевич расстреливал девять человек, ходил по берегу, наступая на головы мертвых. **Л. 77об.**

В Новоселовой расстрелян Гузеев Александр, плясун, гармонист. Плясал для белых, но не уважал, арестовали его, он бежал, догнали, посадили в амбар, но он выскочил. Тут его прикончили. **Л. 78**

**Новоселово (?)
ТЮРЕНКОВ СЕМЕН ЕФРЕМОВИЧ:**

«Я явился в Ачинск, в военное отделение комитета (к) Звереву. Попал на Мариинский фронт. Был в отряде Ткаченко. Был ранен на фронте, небольшим отрядом ушли вниз по Кие. В ране завелись черви. Уговорились разойтись, я пришел на пристань и был там арестован. Увезли в Омск, в концентрационный лагерь¹¹¹, где со мной сидел Шнейдер, редактор красноярской газеты. Шнейдер бежал, а остальную головку и меня почему-то с ними увезли в Тобольскую каторжную тюрьму. 18 октября в тюрьме было организовано восстание Протасовым и Шульцем. Шульц попросился **Л. 79об.** оправиться, надзиратель стал выпускать, его схватили, второго тоже, а третьего взять не удалось, он был за решеткой и успел позвонить. Шульц предложил броситься на вызванную команду, но смять не удалось.

При попытке бежать я был ранен. Забралось нас много на сеновал, часть вышедших вперед расстреляли, а меня при выходе начальник тюрьмы ударил наганом по лбу, сбил и сел на меня верхом. Так я его на себе и донес до камеры. Сидел я до суда над участниками восстания. Бежал у нас один Шульц. Врача Протасова, раненого, пристрелили. Нас избивали. Сидел с нами некий Перевалов из Улуя, невысокого роста, он нас всех выдавал. **Л. 80** Осудили меня на 20 лет каторги. Отправили в Ачинск для опознания. Дорогой мы с Гамберским бежали. Месяца три был у Перевалова¹¹², но на него за бесчинства обижались крестьяне, и мы от него подались к Щетинкину. Бежал я в июле, а в сентябре, под Городком, добрался до Северо-Ачинского полка, куда и вступил во 2-ю роту, к Бартеневу. В Бирилюссах нас обезоружили, и я вступил в Красную армию». **Л. 80об.**

**1933 год. Новоселово (?)
ИСАЧЕНКО ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ:**

«Был на Мариинском фронте, оттуда нас человек пятнадцать бежало. Я пошел в деревню Александровку с пятью товарищами. Шли по Мане. Дошли до Берети. Там мужики посоветовали идти по домам. Пошли через Ошарову домой. Мой брат подлежал мобилизации, я его задержал, и мы стали организовывать отряд. Матрос Рафаенко имел еще от первой **Л. 81об.** Советской власти 10 винтовок. Стали мы скрываться, человек десять. Скрывались в тайге. Из нашей компании расстреляны четверо: Дмитрий Иванович Лисичкин, Федор Иванович Лисичкин, Василий Моняк, Трофим Маленчик.

Их захватил карательный отряд. Население было бито, человек двести выпороли в деревне. В августе пошли к Щетинкину, к которому и присоединились, вошли в первый Манский полк». **Л. 82**

МИНУСИНСКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ

О/ф 12105/7Д 10046. 25—26 сентября 1933 года

(На втором форзац-листе — цифра 5. — Т. К.)

26 сентября. Каратуз ЗУЕВ ХРИСТОФОР ВАСИЛЬЕВИЧ

Автор воспоминаний был выбран на 7-й съезд в Минусинск, шел пешком, но по дороге встретившиеся офицеры забрали документы. Сбежал. **Л. 16об.** Какое-то время прятался, ушел на Удерей. Назначен командиром отряда в Минусинском крестьянском восстании. В Городке отряд разбили, Кульчицкого арестовали. Второй отряд создать не удалось, люди разбежались. В Минусинске был революционный подпольный штаб, в котором состоял брат Леонтий. После поражения восстания автору воспоминаний пришлось скрываться. **Л. 17—17об.**

«Когда приехал Сотников, комитет казаки разогнали, репрессий не было, арестовали Екима Ермолова. Хотели арестовать Текина, приходили ночью, но нас было человек пять, и мы отбились, стреляли. Утром Текина увезли сами и **Л. 16** скрыли. В это время

был в Минусинске 7-й съезд. Я был выбран на него, лошади не дали, шел до Уджея пешком. Приехал я в Шашину (Шашкину), остановился у Дергукова Михаила Дмитриевича. Приехали ночью три офицера, они скрывались по реке Дзюбе. Спрашивают, кто это. Каратузский? Пнул один ногой:

— Вставай, дядя. Давай документы.

Встал я, подал документы. Заспорили они:

— Это большевик, арестовать надо.

Задержали до утра, а сами спать легли. Я встал, будто коня поить. Ямщик ихний со мною, спрашивает, сколько он с этими офицерами проездит. Я говорю, что недели две. Он запечалился и в конечном счете сбежал, как и я.

На съезд я не попал, так как документы у меня офицеры отобрали. **Л. 16об.** Скрывался я недели две в Удjee, потом поехал домой. Донес на меня сосед Смирнов, утром казаки с обыском. Я сидел на вышке, не нашли. Перебежал я к Будылину, там на меня короб с шерстью опрокинули. Тыкали в шерсть штыками, не хватили. Убежал я в Уджей. Там вели подготовку

Петро-Павловский приход в с. Каратуз. Нач. XX в.

восстания — Калашников, Ермолов, Абрамов, Поляков. При начале восстания я был назначен начальником отряда. В штабе в Каратузе были Михаил Горбунов, Смирнов Евграф, Зуев Иван Григорьевич, Копцев Николай и Кудинов Алексей из В(ерхнего) Кужебара.

Отряд пошел на Городок, я остался для организации второго отряда. Я спорил с руководителями, что у нас оружие было в руках у кого попало. Надо было проверить **Л. 17** состав. Арестовали казаков-старичье, а молодежь, самый цвет, разбежалась. Надо было часть надежных вооруженных оставить в Каратузе. Руководитель и организатор дубенцев (они начинали восстание) Кульчицкий мне ответил:

— Будешь брякать — к стенке поставлю.

Пошел он со своим отрядом в Городок, там их разбили, и Кульчевский был расстрелян. Второй отряд создать не удалось, неудача под Городком заставила бросить все и скрываться. Штаб разбежался. Как раз в Михайлов день я был в Уджее, стали подходить ребята из Городка. В Минусинске был подпольный революционный штаб, в нем был мой двоюродный брат Леонтий **Л. 17об**. Сосипатович Зуев, с которым я и имел связь. Кто еще был в штабе — не знаю.

Когда начали восстание, в Минусинск вести не послали. А казаки Шошин и Балдуев у нас вырвались и дали знать Минусинску. Штаб был арестован и мой брат также. Говорил я со своими ребятами, как быть дальше. Мне Афанасий Буторовкин (его в Уджее расстреляли) ответил:

— Вот наган, пять пуль. Им четыре, пятая мне. А что в тайгу идти, оленей пугать?

В Уджее было собрание, зачитывали воззвание Шильникова, чтобы выдали главарей. Хозяин квартиры Гладких был на нем. Там мое имя называли. Гладких мне передал, что решили выдать и меня, придут арестовывать. **Л. 18** Я верхом уехал на Кой к Козлову Алексею, потом в Сосновку и на Бургонь. Дальше я скрывался с Калашниковым вместе.

На Бургони я встретил Никиту Логинова, скрывались вместе, потом и Калашников с другими явился недели через две. В Уджей карательный отряд явился через три дня после моего побега. Захватили Илью Абрамова, вызвали Архипа Гладких, Афанасия Буторовкина и тут же их расстреляли.

Моя жена была в это время в Уджее, наблюдала. Кончили расстреливать, командир вызвал трех и посылает, чтобы привести меня и жену. Жена это слышала, **Л. 18об**. ушла за деревню, в рощу. Когда замерзла, выбралась на отвалы — едет отряд. Выворотив шубу, легла на кучу свежего навоза, проехали, не видали. Вернулась на квартиру к Павлу Гладких и с Прохором Гладких ушла на Балеysкую заимку, от туда на Бугуртак. Устроилась у племянницы Паначе-

вой. Приехала к Паначеву мать племянницы, а ночью явился и ее брат, Мартемьянов Евдоким, каратель. Моя жена и невестка были похожи одна на одну. Евдоким ей и говорит:

— Берегись, могут расстрелять. Христофора и жену ищут и расстреляют.

— Да Дуня-то ведь здесь.

Заплакала невестка, стала **Л. 19** упрашивать брата, как бы избежать этой беды. Жену перевезли в край деревни, будто роженицу. Двое суток каратели жили. Жене пришлось уехать. Скрывалась по деревням, а в Рождество приехала ко мне на Бургонь.

Жену звали Евдокия Андреевна. Погибла она в последних числах января, в День трех святителей. Скрывались мы отдельно: я, Рыбалкин и Логинов жили в дальних избушках, остальные на стану. Спорили с ними, я доказывал, что надо вести организацию, а не сидеть сложа руки. Так и не доказал.

До выхода партизан из Урянхя скрывались, с Григорьевки — в Манском полку, в 7-й роте. **Л. 19об**. Я дошел до Абаканска, оттуда отозвали в Каратуз, в самообхрану». **Л. 20**

ПОПОВ ЕФИМ ФЕДОРОВИЧ:

«После свержения Советской власти я организовал отряд в семьсот человек на селе Бунакском, Малые Бутырки, но карательный отряд атамана Харченко в Бунакском нас расхлестал, а дня через два опять пошли в бой.

Бой в Мельниковой, в Малышевом логу и в Солоновке — родина Мамонтова¹¹³. Здесь был решительный бой, взяли четыре орудия, три роты к нам перешли. После этого боя (был по решению пятерки) я остался организовывать Советы в Боровской **Л. 22об**. и Мамонтовской волостях. Остался председателем райисполкома в Боровской волости.

В 1920 году те же партизаны банды организовали. С Плотниковым драться пришлось, а кожиновцев разложили. У Плотникова было семьсот, у Кожина — четыреста. Возились с Плотниковым целое лето, Плотников был командиром у партизан, Кожин — комиссаром.

Жену у меня бандиты убили, трех сирот оставила. **Л. 23** Солоновку брали — по 12 патронов в среднем на бойца. Собралась наша головка, 21 человек, в два часа ночи: как быть? Дали задание Мамонтову: как хочешь, переберись в Солоновку, организуй кавалерию, чтобы белые фронт повернули, а мы с остатками нажмем. Пробрался он через ряды — и утром на выходе кавалерия — от 12 до 70 лет на коней посадили, кто с вилами, кто с чем. Солнце взошло, кавалерия выходит, оружие блестит. Белые фронт повернули.

Мяса накрошили вволю, но мы на них нажали, три роты в плен, четыре орудия захватили. До Рубцовки потом шли без задержки». **Л. 23об.**

ЯХОНТОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

Женился на дочери большевика Ермолова, который скрывался.

«Мне советовали:

— Не бери ее, а то и тебя под большевика подведут.

Создавались здесь дружины из надежных. Меня крестьяне выбрали на сходе начальником Каратусской дружины. Брат сидел в тюрьме, посоветовался с ним, с другими, **Л. 24** иди, подбирай надежных, по-нашему. В дружине должны были быть все разночинцы, но 60 получали оружие. Атаман мне доверял, и я поставил перед ним вопрос о выдаче оружия на 60 человек. Потребовал он у меня список выбранных в дружину. Я представил, и меня сместили, не дав оружия. Когда шли партизаны, созвали всех разночинцев. Собрались, войти бояться. Я зашел в правление, спрашиваю, в чем дело.

— Надо на посты ставить, а мы всех не знаем. Помоги выбрать и поставить.

Я помог ставить на посты: казаков на места, где больше контроля, своих, как Шаповалова Ивана и других, у самых **Л. 24об.** удобных для переправы мест. Велел две лодки приготовить, чтобы подать партизанам. Стояли посты, пока казаки не стали уезжать. Жибинов проверял, вздул одного спящего, Петра Решетникова. Тот вскочил и кричит:

— Товарищи, ваш, ваш!

Из штаба приходят в станицу за списками всех крестьян, хотели выбрать заложников. Атаман Наталушко сказал, что через несколько часов будут готовы. А у меня списки на руках. Прежде всего я постарался, кому смог, передать. Затянул дело с передачей списков — целый день, второй тоже. Перед самым отступлением я пошел в станицу. Бежит адъютант полка, **Л. 25** я его узнал, — за крылечко. Он в станицу на атамана:

— Скрываешь большевиков! Где списки?

— Нет начальника постов.

— Все пропало, поздно уже, отступай.

Убежал он, я вошел, Наталушко весь белый.

— Откуда ты?

— Я все слышал.

Он на коня удирать. Меня спрашивают, куда деваться? Я посоветовал от шальных пуль хорониться и зря по улицам не шляться. Казаки пьяные, с водкой едут.

— Что делать теперь?

— Водку бросить, пока прятаться, а потом оружие сдать.

Отступили они. Часов в одиннадцать ночи я прилег, меня **Л. 25об.** будят:

— Щетинкин въезжает.

Вышли мы, едут несколько человек. А у Веденева винчестер, и сумку патронов взял. Он и партизанам сказал и ведет их.

— Где Яхонтов живет?

— Это я.

— Оружие у тебя есть?

— Есть, один наш разночинец дал.

Последний из отступавших казаков зажег дом Довольнова, спекулянта и крупного богача, мельника. Это был знак, что все отступили. Мы побежали тушить пожар, вернее, отстаивать остальное. Часа через два стали подходить партизаны. Пламя повернуло **Л. 26** на больницу, я крикнул:

— Товарищи, посмотреть надо, нет ли больных!

Щетинкин подошел ко мне.

— Здешний?

— Да.

— Пойдем с нами.

Осмотрели больницу, никого нет, забрали медикаменты. При мне Щетинкин отдал приказ следить, чтоб не было пожаров.

Уже рассветало, опять разгорелось. Я прихожу, за мной Щетинкин идет. А Шаповалов кричит:

— Вон начальник наш идет, тушить будем!

Я ему погрозил, он спохватился. А то бы дали начальника. **Л. 26об.**

Приехал Уланов. Привезли начальника — атамана Тихачева. Мне Уланов говорит:

— Скажите, каков он был, так и судить будем.

А его таки избили. Он указал, где две винтовки, патроны, три пуда пороху зарыто, свинец. Отпустили его. А он особенно вредным не был. Ушли партизаны, казаков нет. Я поехал с женой траву косить. Пыль по Сагайской дороге. Накладываю скорей траву, поехали. Подъезжаем к сараям, я послал жену, есть ли часовые и спокойно ли в улицах. Я лежу, поглядываю, верховой нет-нет да проскочит. Тетка Марфа идет. Кричит:

— Мужики!

— Чего ты? **Л. 27**

Испугалась она. Потом говорит:

— Довольнов приехал, велел ворочаться, ничего не будет.

Вернулся домой — это карательный отряд Цемберга. Велели свозить молока, сметаны. Я помедлил, повез. К собранию опоздал. Назавтра выборы атаманом Довольнова, помощником атамана Прижнецких — разночинца, казаков еще нет. Надо заведу-

щего подводами, меня и засадили. Надо 60 лошадей сменять. Как раз подъехали подводы из разных деревень, 55 лошадей набрали, пять из местных взяли. Всех не успел разослать, казаки являются. Тут на меня накинудись было, Харламов заступился. **Л. 27об.** Подрались они, а я сбежал. Приехал и Наталушко, Цембер уехал, никого не тронувши. Утром стали было курагинских лошадей казаки делить, я не дал, Наталушко помог...» **Л. 29**

ОВЧИННИКОВ СЕМЕН АНДРЕЕВИЧ:

«Провожая солдат (на Первую мировую войну), говорил — война нам не нужна, надо ее использовать, чтобы получить права. Советовал в плен сдаваться. Некоторые доносили, но дела создать не успели. Царя убрали. С сентября вел агитацию за Советы. А здесь были комитеты безопасности и Советы выбраны уже. Двоевластие получилось. Стало казачество и житочное крестьянство готовить контрреволюцию. Явился Сотников, я в ночь удрал в Минусинск и сообщил о его двух пулеметах, целом и испорченном. Я сейчас же назад, а на руках счет на закупленные товары. Сотникову донесли, он на допрос. Взял **Л. 30об.** подписку о невыезде, а я сейчас же и удрал в Минусинск, оттуда по деревням, организовывать Красную гвардию — в Копи, Сагайском, Черемушке и Ключах. Из Каратуза сотня в Красную гвардию ушла, в Копи — 42 человека. Это — моя работа. Я был заместителем предсельсовета, председателем был Богатцев Василий.

Казаки богатые и купцы стали митинговать, свержение власти Советов готовят. Следим друг за другом. Однажды вышел в кузницу, два выстрела. Выбегаю — Ищенко перестрелку с казаками начал. Я принял [...] 18 человек и повел на кладбище. Казаки на лошадях скачут. Одного подстрелили, лошадь взяли. Не стоят ребята у стен, сбегаются. Потом на Копь, а казаки пустое кладбище обстреливают. **Л. 31** Горбунов Илья, когда мы отступили, явился от казаков делегатом и с винтовкою. Требовали, чтобы мы пошли на город. С моим ответом послан назад. Явились цепью, делегатом Занин, Королев. Я к ним вышел.

— Требуем идти на город, разоружать Советы.

— Коли в Совете плохи, переизберем, но не с оружием.

Погудин, офицер, посоветовал:

— Коли ты не согласен, скрывайся, а то убьют.

Пока я вел переговоры, меня 18 человек окружили. А так как мне давали гарантию неприкосновенности, то после ареста моего начался раскол между крестьянами и казаками. Привезли меня с Копи ночью. Узнали, кого везут, стреляли **Л. 31об.** около

уха, в меня не посмели. Я соскочил с телеги, забежал в станицу: ярко освещено и никого нет. Тарасов налетел на меня с криками (а еще участник восстания 1905 года в Красноярске), но меня только заперли, а других избил.

Отправили меня в Минусинск, в тюрьму. Вскоре Колчак. Я был объявлен заложником, о чем не знал. Начальником тюрьмы был Пфейфер, и Бедро, садовник, сказал, что я заложник. Пока белые шли вперед, они были веселые, а потом их поперли.

Когда шла подготовка к крестьянскому восстанию, я имел связь с Кузнецовым Архипом, сидевшим в тюрьме, а брат его был на воле, через него и сносились с волей. Я сказал этим **Л. 32** ребятам, что восстание будет. Они поделились с другими, дошло до Юшкова, Ильи Кононовича, казака, сидевшего в тюрьме. А он брякнул жене. Восстание началось раньше. И вот после этого три офицера и один штатский и начали меня опрашивать, откуда я знал заранее про восстание. Я ото всего отпираюсь, предлагают мне встать под трехцветное знамя. Я говорю:

— Я человек рабочий, за интересы рабочего класса борюсь, какое у вас будет ко мне доверие?

Так ничем это и кончилось. Из списка заложников я был вычеркнут. Бедро предложил мне **Л. 32об.** взять меня заведующим технической мастерской. Сделали это через кооперативный съезд¹¹⁴. Когда я пришел на съезд, меня приветствовали как пострадавшего. Через 10 минут пришел Алаков, приветствует съезд и говорит:

— Новость сообщу.

Все повскакали.

— Щетинкин и Кравченко заняли Григорьевку.

Так они и сели. Я по-за народу и бежать. Но меня остановили и в дом Солдатова как уже служащего. Тут сразу решают отступить, выдают мне жалованье. А я тороплюсь сбежать. Бедро чай пить зовет. Я говорю, за инструментами надо в тюрьму. А инструменты вывезены. Он со мной. К счастью, не пустили. **Л. 33** Бедро мне посоветовал у него скрыться в подвале, сам в город пошел. А я через речку, в лодке, замок с нее сорвал. Удрал.

Один знакомый предлагал мне у него в подполье скрыться, но я встретил копского Александрова, и он меня увез. В дороге две встречи приятных — Довольнов и Шошин. От Шошина я березняком удрал. Нигде не принимают, зато увозят дальше охотно. В Каратузе несколько дней скрывался, потом вышел. Убирал казачий хлеб для партизан, в отряд не пошел». **Л. 33об.**

Бывшие партизаны Минусинской рабоче-крестьянской армии. Первый ряд, справа — К.И. Матюх. Второй ряд, в центре — П.П. Петров. После 1920-х гг.

29 августа 1933 года. Моторское АБРАМОВ НИКОЛАЙ ИЛЬИЧ

(плохо читается угасший текст, затрудняют чтение и многочисленные чернильные правки)

Выбран на 5-й Чрезвычайный съезд в Минусинск. Уже шла Гражданская война. Предложили Сотникову сдать оружие (в Каратуз была отправлена делегация). На съезде были З. Гущик, Фраерман, Гидлевский, Лебедев, Трегубенко, Плотников, Непомнящий. На 6-м съезде было решено организовать Красную гвардию, но произошел раскол¹¹⁵. **Л. 37—37об.**

«Разъехавшись, кулачье начало организацию. В Каратуз приехали шалоболинцы **Л. 38об.** и тесинцы, заняли его. Минусинск был окружен. Из Каратуза ребята бежали, скрывались около Уджея. Начали ездить белые отряды. Приехал отряд Зефинова. Мы у Цапусова (Цепустина — фамилия в скобках вписана Фефеловой, что так правильнее. — Т. К.) собирались на со-

брание, пришел Снигирев один, Михаил, остальные, узнав об отряде, не пошли. Этих арестовали. Цапусова Зефиров освободил и Снигирева тоже, а Александра Снигирева, красногвардейца, арестованного в своей квартире, отправил в Минусинскую тюрьму, где он просидел четыре месяца. 15 сентября пришел отряд — Занин, Зефиров и Баранов, 15 человек солдат. У нас собралось собрание в квартире Полякова. **Л. 39** Отец настаивал обезоружить отряд. Решили захватить квартиры офицеров. Жребий выпал на Полякова, Буторовкина, Ермолов отказался, вместо него вызвался я. Рассветало, мы опоздали. Полякова и Буторовкина послали в Сагайское для связи, они там договорились, вернулись — все готово. Отряд выехал в Каратуз, оттуда в Дубенское.

Числа 22—23 октября приехал нарочный из Дубенского в Сагайское и сообщил, что отряд расколотили. Приехал к нам Михаил Бородин и Нефед Шаповалов, сделали собрание организации, послали нарочных

в Качульку, в Старую Копь. Собрали **Л. 39об.** общее собрание поздно вечером, всем селом двинулись в Сагайское. Часа через два приехали Черемушка и Дубенское. Выбрали штаб: председатель Михаил Бородин, члены — Поляков, Кретов, Абрамов Николай, Шаповалов Георгий. Подняли Сагайское. В ночь на 25-е разбили народ на роты. Сагайцев вел Поляков, дубенцев — Кульчицкий. На свету 25-го подошли к Каратузу. Перебежчики из Сагайского дали знать казакам, при нашем подходе мы услышали три удара в колокол.

На площади нас из церкви стали обстреливать, казаки собрались туда. Одной пулей рядом со мной убили двух — уджейского Чернышева **Л. 40** Егора и одного дубенского. Стрелял Тетюхин, становой пристав. Послали Полякова, Бородина и одного дубенского для переговоров. Вышли из церкви трое, один из них был Тарасов, социал-революционер, другой — учитель Троицкий (Тарасов — кузнец, видный социал-революционер). Казаки согласились сдаться. Забрали у них оружие, Тетюхина сбросили с колокольни, на паперти убили Лаврентия Кольцова, крупного торговца. Атамана Шошина забили палками, бросили в подвал, потом, при проверке, он оказался жив, и его приколол Федор Кретов. Убили еще Фролова, крупного социал-революционера. Арестовали человек двести, назавтра отправили их в Сагайское, посадили. Дубенские поехали на Малую Ничку, **Л. 40об.** а остальные на Городок и Большую Иню. В Калмыковой убили двух казаков из разведки.

Нас, семь человек, ехало впереди, в Белом Яре мобилизовали всех с 18 до 48 лет. Своих арестованных белых — Любимцева, Мишустина, Епимахова и других — тоже везли с собой. В Муриной тоже мобилизовали, в Кочергино и Теси тоже, взяли Городок. Простояли в Городке некоторое время, держа связь с Б(ольшой) Иней и М(алой) Ничкой. Нам передали, что Ничка будет наступать. На Городок выехала белая разведка, ничего не сделала. Нам сообщили, что казачий отряд Шильникова переправился через Тубу в Маяках. С Шильниковым были иркутские добровольцы-штурмовики и пулеметы. С Нички вестей нет. На следующий вечер идет белая **Л. 41** разведка, одного убили, взяли винтовку итальянскую и лосадь.

День стоим опять. Послали в Большеинский штаб Буторовкина и Полякова. К ночи они еще не вернулись. На свету 8 ноября ст. ст. белые пошли в наступление. Шли цепями, начали перестрелку. Стали бить из орудий, хотели разбить лед на Тубе, отрезать отступление. Затрещали пулеметы. У нас были укрепления — бревна навалены, одиночные окопы. На улицах были брошены бороны.

Каратузскими отрядами руководили Зуев Леонтий и Ищенко Петр Кузьмич. Из этого отряда больше всего пострадали, человек шестьдесят-семьдесят. Из Качульского отряда убили **Л. 41об.** двоих, Чернышева Якова и Некрасова Павла. Типы вроде Вертопрахова разложили восставших. Бежали все, а Ничка еще раньше нас. Сошлась наша группа — Поляков, Буторовкин, Москалев, Цапусов и я — как быть? Вечером нарочный: приказ Шильникова — выдать главарей. Собрание предлагает нам (инициаторами были социал-революционеры Любимцев, Черков, Синеговский Федор, Епимах, Опамихин и Снигирев Николай) сдать оружие. Мы отказались. Через день приходим к отцу, ругается:

— Все проиграли.

А он оставался в селе председателем, держал караулы. Отца я звал бежать, он отказался. Мы бежали на острова. Ночью приехал карательный отряд, захватили отца, **Л. 42** Буторовкина Афанасия Федоровича и Гладких Архипа. Последний в организации не был, но помогал эсеров арестовывать. Всех трех расстреляли, и отряд уехал в Сагайск, где расстреляли еще девять человек.

Ночью мы в Уджей пришли, сосчитали пули в телах расстрелянных. Нам патроны и бомбы передали товарищи. Доехали до Тамбовки, оттуда нас отвезли в балаган, где мы прожили 15 суток. Было нас трое: я, Гончарук и Поляков. Гончарук в организации не был, на Большой Ине был убит разведчик, он с него снял одежду и караулил тело. Его начали преследовать за это. Морозы сильные, одежда плохая.

Бейский район восстал **Л. 42об.** позже нас, карательные отряды были отозваны. Мы поехали домой, запаслись всем, взяли коня и поехали в Жербатиху. Изотов Семен Ульянович (Кожемяка) нас познакомил с хорошими ребятами на станках, устроили нас на Можарских озерах — Тиберкуль. Туда привезли к нам Матюха из Красноярского Совдепа. Через Кожемяку мы имели связь вплоть до Минусинска. Кожемяке 50 плетей за это дали.

Изотов Яков Семенович к нам пришел скрываться. Жанов Василий, маломинусинский фельдшер, он потом уехал в Грязнуху, сидел там месяца полтора в яме под соломой, там его и захватили.

Я пошел в разведку домой, **Л. 43** просидел в подполье с месяц, нельзя было выйти, все было отрезано, карательные отряды кругом. Кой-как выbralся к Кожемяке, увез он меня к своему свату, оттуда в Можарку к Мартынову. Он тоже уже скрывался. Договорились, что на другой день меня увезет. Я под кроватью лежал, ребяташки меня увидели и сказали милиционеру, куму хозяина. А сам он уехал. Занинский отряд прислал. Хозяйка меня на

А. И. Сухорослова (Телечкина), партизанка армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Иркутск. 1916 г. Присутствовала на похоронах П. Е. Щетинкина.

учила, как уйти в крайнем случае, но лыж взять было нельзя. Винтовку она спрятала. Я под носом у отряда ушел на гумно, просидел у овина. Вечером приехал Мартынов (брат скрывавшегося), **Л. 43об.** противник большевиков. Тут я скверные минуты пережил — могли обнаружить ребятки, приехавшие с отцом. Пошел я к хозяйке, впереди двое идут и позади тоже. Первые прямо в хату заходят. Это был третий обыск. Зашел я, хлеба взял, пошел в Имисс. А отряды в Имиссе, в Аргыте. Дошел я до Имисса, прямо к связчику. Он на меня:

— Уходи, казаки.

Увез он меня между мешками, будто на мельницу, дорогой спустил с подводы. Пришел я к Кожемяке. У него был еще брат, Михаил Ульянович, я у того тоже скрывался. Жена открыла:

— Откуда ты? Тебя расстреляли.

А это рабочего Цемберга, большевика, расстреляли, поймали вместе с учителем **Л. 44** Веником (так у автора. — Т. К.). Учителя отправили в тюрьму. Приехал Михаил. Он был родственником дальним Занину, и тот его приручил, чтобы использовать против

нас. Рассказал мне Михаил все про белых. Семена вызвали в это время в Каратуз и предлагали за меня и Полякова, за мертвых, — 10, а за живых — 15 тысяч. Семен меня увез в Тюхтыты, вернулся назад, коня поставил на выстойку. Тут-то его и выпороли:

— Кого возил?

Когда я добрался в тайгу, Жданов и Матюх уехали. Началась распутица, нас затопило. Вышли мы, слышим — Щетинкин **Л. 44об.** оперирует в Ачинском уезде. Гончарук стал от нас отказываться. Приехал он с Амура, был при Керенском начальником милиции города Алексеевска. Он получил письмо от Снигирева, что зря он скрывается, пусть укажет след скрывающихся.

Купили мы лодку в Черемшанке Имисского района. Отдал я шубу за лодку. Местами Казыр прошел, местами нет. Приплыли в Тюхтыты, там взяли вторую лодку. Плыли мы — я, Поляков, Гончарук и Яков Изотов. В Тюхтытах взяли у Терентьева запасы, едем дальше. В Качульке, где сходятся Казыр и Амыл, стоял кордон. Приплыли мы, в Нижних Курятах первый кордон был, нас даже не окликнули. Ночью **Л. 45** Кагульский кордон прошли. Пошли берегом домой. Я пошел домой, стучу. Мать не верит. Открыли дверь:

— Уходи, нас из-за тебя замучили.

Накормили меня все же, говорят, что чуть не ежедневно обыски. Вышел я к ребятам, говорю, что отказываются от нас. Говорят: еще иди. Кой-как уговорил, скрылись мы в островах, домой за припасом ходили. Когда мы в тайгу ушли, наших ребят собрали, всыпали им, послали нас искать. Поискали они, не нашли. Пришел к нам Цапусов скрываться, Москалев помогал и навещал нас. При нем Поляков, обряжая винтовку, ранил Гончарука. **Л. 45об.** Москалев Гриша был связан с левым социал-революционером Венглинским Федором Федоровичем, механиком завода. Через него мы сведения имели очень точные и верные.

Гончарук от нас ушел и Мишустину рассказал условные знаки, по которым ходили домой: выставляли у избы большой пук березовых веток вроде веника. Это значило, что никого нет. Я пришел помывшись — казаки явились. Я в подполье, в старую свою нору. Семья разбежалась, обыскали. Меня так и не нашли. Слышу — тихо стало. Жена прибежала, я в женское оделся и ушел. Видел я, что шли к Цапусову, как потом оттуда шли. Ушел я к Бугуртаку, сутки пробыл, опять к селу, в стог **Л. 46** зарылся, сижу. Приехал Степан Пастухов — он нам содействовал. Подозвал я его:

— Что нового?

— Цапусова поймали, Поляков убежал.

— Куда?

— Не знаю.

— Съезди, узнай. Табаку привези.

Съездил, вернулся.

— В сторону Каратуза ушел.

Табаку и хлеба дал.

Пошел я на пашню Поляковых — никого нет. Вижу — дощечка, написано: „Входить нельзя“. Ушел я в лес, утром кукушкой закричал — отзываются. Вышел Поляков. Сошлись двое. Перед разгромом как раз мы убили милиционера, взяли трехлинейку и четырехлинейку. Убил его Поляков поздно вечером. Нашли у него список **Л. 46об.** подлежащих аресту. Цапусову сменили его тяжелую винтовку на легкую милиционеру, и по этой винтовке только и узнали, что милиционер убит. Он всплыл позже.

Мы поселились в Таскинских логах. Нас стали искать ночами — не видать ли огонька? Однажды видим: едут трое вооруженных, потом человек десять. Днем это было. Ночью перестрелка, пулеметы. На пашнях — ни души, сведения не от кого получить. Проехала разведка, человек сорок за нею проехали. Часа через полтора Полякова зовут, его племянник приехал:

— Дяденька, большевики пришли. **Л. 47**

Ну, тут мы вскочили на коней, гнать. В Моторске догнали Селина. Нас повели к Богану, Боган — к Кравченко. Приняли нас. Здесь продневали и пошли на Ермаковское. Там ночевали. Щетинкин уехал в Шушу. Утром белые грянули. Игнатюк, взводный командир эскадрона, признавался мне, что это он убил Богана. Перебрались мы за Ою, белые с церкви наблюдают, а оттуда до Салбы все видать. Кое-как туда дошли, в Салбе закусили. В Григорьевке нас белые из орудий обстреляли. Едем — впереди вереницей люди тянутся. Мы думали, что это население, а это белые обошли нас. **Л. 47об.** Начали они нас обстреливать, мы боевой порядок приняли, заставили их замолчать. Но часть наших, человек сорок, были здесь отрезаны. Белые могли бы нам отрезать тракт, но они не посмели. Наш батальон остался на задержке, пропустил всех. Доехали до Черной речки, собрались все. Пошли мы позади, мосты жжем. Прихватили трех, тушивших мосты, они себя называли возчиками, а оказались белыми и сбежали ночью.

На 116-й версте мы сколотили салик и поплыли по Усу. На первом перевозе своих раненых встретили и дальше пошли трактом. Остановились в Усинске, на первом перевозе заставу поставили, **Л. 48** Поляков ротой уже командовал — 6-й ротой. Позже он был командиром батальона. Щетинкин к нам вышел, мы его считали погибшим. Меня на Усу выбрали в полковую солдатскую комиссию. Председателем был Романенко. Я был заместителем.

Карас¹¹⁶ уехал в Белоцарск, повез серебро и золото. Был он членом Армейского совета. Их казаки

обстреляли, они двух казаков убили. Казаки обошли тропой. Вернулись наши обратно. Гусева не было, он ездил взять Сипилова. Там Сидоренко и двое других изнасиловали двух девушек и старуху. Тех расстреляли, а Сидоренку, Волкова и третьего насильника судили в Белоцарске. Их осудили **Л. 48об.** отправить в сторону противника, но за участие в бою оставили живыми.

Казаки вернулись к первому перевозу и перерезали нам обратный путь. Поляков роту вывел, потеряв четырех. Вынес пулемет. Переправились у Шаго-нара. Без хлеба шли до Боянгола (Баянгола), где нас уже встретили и вывезли запасы. Ели до этого мясо без соли. Ниже Белоцарска, верстах в десяти, мы стояли 20 дней. Выше Белоцарска стоял Ачинский полк. Устроили Армейский съезд¹¹⁷. В это время подошел Бологов. Первый выстрел из орудия, попал в наш пулемет и сбил его. Наш батальон оторвали. Человек сорок белых сняли, но они окружили Белоцарск и взяли его. Когда наши стали наступать, **Л. 49** мы двинули в тыл и белых выбили. После боя была передышка, собирали оружие, пулеметы. Наша погоня ранила Бологова.

Я был в Туране, там наша часть стояла. Между Кравченко и Щетинкиным спор начался, собрали они нечто вроде съезда. Щетинкин отказывался идти назад, а Кравченко настаивал:

— После нашего прохода нам там кадры приготовили.

Потом как-то договорились. Пошли наши части на Ус. У первого перевоза командир кавалерии Исаков расщипал белых, и они бежали. Исаков их гнал, а в это время шел обход на 116-ю версту, хотели отрезать белых. А Исаков, вместо того чтобы белых только дразнить, гнал их. **Л. 49об.**

Когда вышли на Григорьевку, я один в разведку на Каратуз поехал. Приехал в Моторское. Здесь арестовал Струкова Степана Ивановича, помощника начальника белой дружины. Взял повозку, коня привязал сзади, сам спать лег, ямщику наказал, чтобы он меня разбудил, если что подозрительное будет. А перед поскотиной меня разбудил ямщик — человек двенадцать в цепи. Это оказались наши скрывавшиеся — Шаповалов Егор и другие. Они меня узнали. Провел я собрание (казаки были за Каратузом), избрали Совет. Человек семьдесят я привез добровольцев в Минусинск. И сразу в бой под Городком.

Занин стоял в Пойловой, Бугуртаке и других селах. В Каратузе еще человек **Л. 50** пятьдесят добровольцев переправились ниже Курагиной, белые ушли на Березовку. Потом их совсем угнали. После расформирования партизанских отрядов пошел я пешком домой. Дома я организовал первую ячейку в районе, а потом в Каратузе. В партию вступил в 1927 году.

Ездил на похороны Щетинкина¹¹⁸. Ходил на ликвидацию банд. Было ходатайство об ордене Красного Знамени, но не дали. В 15-ю годовщину Октябрьской революции подарили винтовку...» **Л. 51об.**

**2 октября 1933 года. Ермаковское
КРИВОШЕЕВ МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ**

Работал барковоолоком по людям¹¹⁹.

«В 1919-м, на Масленицу, вступил в Агинский отряд Савицкого. Собственно говоря, вступил я в Агинский полк, которым командовал Нежубовский (Межубовский. — Т. К.) Алексей из отряда Савицкого. Савицкий имел свой отряд человек в тридцать-сорок, не больше. Под командой Савицкого в Межовском бою¹²⁰ была дружина из разных деревень, вооруженная дробовиками и палками. Я приехал с Нежубовским на помощь Савицкому, с нами было две роты. Я был назначен в связь и только успел связаться, как дружина побежала. Вернулись мы в Переяславку, где утром начался бой, мы отступили на В(ершино)-Рыбную **Л. 51об.** В Переяславке я перешел в эскадрон. Агинский полк существовал недолго, был слит с Тальским.

В В(ершино)-Рыбном бою я был уже с Тальским полком. Командовал полком Семешев в этом бою, эскадроном — черкес Михайло (звали „Отец“). В В(ершино)-Рыбном мы стояли на правом фланге, потеряли связь со своими. Прибежал Семешев, кричит:

— Спасайтесь, ребята!

Наш командир-черкес вылетел из седла, когда перебирались через болото и речку. По партизанскому закону: один упал — остальным не бежать.

Мы остановились и стали обстреливать белых, а Семешев поймал лошадь черкеса. Мы отступали к Коям. В В(ершино)-Рыбном бою были сосредоточены большие силы как с нашей стороны, так и со стороны белых. Отступление от В(ершино)-Рыбной **Л. 52** явилось началом общего отступления.

Под Коями я сидел на скале вместе с Мучкиным, адъютант полка, ходил на деревяшке. В Коях мы дрались недолго, силы были сосредоточены в Нарве, поэтому мы отступили на зарзибейский берег и дня три отсиживались на скале. Было это в Троицу. Стояли мы перед Пасхой в Николаевке, когда стало известно, что пришел Щетинкин. Перешли мы в Переяславку **Л. 52об.**, а в Рыбной — белые. Крестьяне боялись ехать пахать, чтобы белые не отобрали лошадей. Наше командование распорядилось поставить охрану мужикам. Едут крестьяне и сообщают, что белые из Рыбной отступают. Их в бинокль видно... Несколько человек поскакали в Рыбную и были встречены залпами. Рыбинская дружина нас обстреляла.

Белые пошли на Межову, где и нажали на Савицкого, куда нас на другой день и бросили. В этом бою Савицкий был ранен. До этого у Савицкого был один бой в Приреченском. Я был в этом бою, в первом, и поведение Савицкого меня здорово подбодрило [...]. Когда я пришел к Семешеву, не хотел меня принять, послал в обоз. Дня четыре или пять я капусту выдавал, а потом приехал отряд Савицкого, где были знакомые ребята, и меня взяли в **Л. 53** отряд. В Приреченском я получил винтовку с четырьмя патронами — обыскали одного крестьянина и нашли. Это было мое первое оружие.

Траурные ленты с похорон П. Е. Щетинкина. 1927 г.

Д. И. Каратанов. Деревня. Раскрашенная фотография. Нач. XX в.

На второй день после Белоцарского боя нас отбили по 20 человек из эскадрона, всего 80 человек, под командой Лидина, в погоню за Бологовым. Прибыли на маральник Смолина¹²¹ в обед, расседлали лошадей, стали обед готовить. Приехал верхом старик, за 300 рублей его Бологов отправил в разведку. Бологов с 10 казаками стояли в Семиозерах, на маральнике. Старик признался, указал дорогу. Половина пошла в обход, а мы в лоб. Обход подошел вперед, и семь человек подстрелили. Бологов, убегая в лес, выстрелом ранил одного из наших. Савва Семиренко выстрелом по нему и, очевидно, этим выстрелом ранил. Часов в пять вечера эта схватка была.

А потом мы шли за Бологовым **Л. 53об.** по пятам, не давали останавливаться нигде.

По дороге к Средне-Усинскому перевозу мы взяли в плен скитавшихся по тайге (скрывались от белых) Саблина Владимира, Повехитского Василия, Зана. Они нам и указали обход, сказали про засаду. Помню, что, не доходя первого парома, мы убили двух казаков, это была разведка из засады. Позднее, после перехода первого парома, мы взяли этих трех ребят. Были они люди простые, необразованные, прошли с нами весь путь.

У меня лично сожгли все имущество, мать пороли. Осталась одна железная печка».

После соединения с Красной армией учился в партшколе, ходил на Унгерна. **Л. 54**

5 октября 1933 года. Ермаковское СЕДЫХ НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ:

«В октябре 1917 года вступил в Красную гвардию, когда она организовывалась в главных мастерских. В конторке сборного цеха получили оружие. Дня через два мы были на охране Совдепа. Наш штаб был в народном училище. Помню, во время Сотниковского восстания у нас в **Л. 54об.** в штабе, на окне, обращенном к городу, стоял пулемет. Мы охраняли винный склад и железнодорожный мост, так как боялись, что его взорвут.

Утром, на рассвете, нас человек двадцать пошли «взять казачью сотню». Тихо, никого не было, пусто. Нашли только старые брючишки да капусту в подвалах. Хотели было есть, да кто-то предупредил: «Не отравлена ли?» — и мы бросили. Простояли мы сутки и ушли в свой штаб. С самого начала вступления в Красную гвардию, дня через три, мы арестовали

трех-четырёх жандармов. После Сотниковского восстания мы арестовывали преступников по окраинам города. Зимой было хищение из складов военного городка. В воскресенье я работал в бригаде, сообщают, что нужно человек сто. Я сбегал домой, вернулся, собралось до ста человек, пошли в Совдеп, **Л. 55** выступил оратор, сказал, зачем и куда надо пойти. Обещал, что приедут автомобили. Выдали патроны, чаем напоили. Ждем-ждем, нет ничего. Часам к семи, когда осталось человек сорок, дали командира.

Вышли за город, покурили, цепью рассыпались и пошли. Уговор — задерживать обгоняющих и встречных. Кто-то приехал на лошади, его стали задерживать, он бежать. Красноармеец выстрелил, мы залегли, причем в три ряда попали. Если бы получился второй выстрел, все начали бы стрелять и перебили бы друг друга — таково было распоряжение, по второму выстрелу стрелять.

Дошли до городка — никого. Нас человек десять отстали. Подошли к зданию, оттуда **Л. 55об.** кто-то выглянул. Мы испугались — мало нас. Отошли за угол, посоветовались, послали одного в разведку, безоружного, оказались — свои. Начальник военного городка сдал все ключи, и мы охраняли бессменно городок. Во вторую смену, когда я встал на посту, задержали лезших в склады преступников.

Около десяти суток мы окарауливали городок, переловили несколько человек воров. Стояли мы в офицерском клубе. В двухэтажное здание недалеко от клуба свозили задержанное имущество. В середине мая наш отряд под командой Дубровинского выехал на Клюквенский фронт. Побыли недолго, нас на фронт, к железнодорожному мосту. Стояли по правую и левую стороны **Л. 56** моста. В Клюквенной был клуб, мы стояли дней пять, ходили в клуб, там постановки ставили. Было несколько мадьяр, они на передовых позициях.

Так было до конца мая. Началась перестрелка. Подошел броневик. Наши ребята подвели паровоз и пустили на броневик, но он не дошел, сошел с рельсов недалеко. С утра начался бой, нас разбили. Часть уехала в вагонах, часть — под мост и ушла на Ману. Я тоже ушел на Ману со стариком из вагонного цеха. Шли по Мане, ночью пришли в Базаиху. Ману перебродили вброд. У старика там были знакомые, а он старый рыбак. Научил меня говорить, что **Л. 56об.** были на рыбалке. Прожили денька два там по совету старика. Он сделал две харюзицы, откуда-то достал харюзов, переложил их травой. Дал мне леску.

Утром вышли из Базаихи, переплыли. Прошли много — встретили нас трое-четверо молодых человек с двухцветными ленточками на фуражках, осмо-

трели, обыскали, записали и отпустили. Оружие мы разобрали и побросали дорогой. Пришел я домой, спать свалился. Старик разбудил и повел на работу. Перед концом работы переписывали вышедших на работу. Я смиренно сидел дома. Хозяйка дома хотела было меня выдать, но по просьбе матери скрыла, как мальчишку. Месяца четыре я никуда не ходил, кроме работы. На Рождестве ребята вытащили в железнодорожный клуб. У меня **Л. 57** шапка солдатская. Нас двоих задержали с Владимиром Селиверстовым вместе (он не был в Красной гвардии). Часа два-три мариновали в управлении, шапку отобрали, записали и отпустили.

8 мая меня мобилизовали. Отправили в батарею в Барнаул, где нас подучили. Собирались отправить на Челябинский фронт¹²², дорогой я заболел сыпняком, потом возвратным. Потом мне дали отпуск. Это было примерно в ноябре. В Ново-Николаевске, на станции, некий Копков посоветовал мне ехать не в Сибирь, а на запад две-три станции, и там перейти в Красную армию. Так мы с ним и сделали, отъехали две-три станции, переждали и явились добровольцами. Назначили нас после **Л. 57об.** опроса в 27-ю дивизию, 1-ю роту 241-го крестьянского стрелкового полка 81-й бригады. В боях не был, под Ачинском была перестрелка.

В мае 1920 года выехал на Польский фронт. Был в нескольких боях — на Березиной, на Буге. Дошли близко к Варшаве, оттуда отступили до Минска. Стояли там месяц во время перемирия. Оттуда перешли в Черниговскую губернию пешком на первый день Рождества. Там был у нас бой в Стародубском уезде с бандой Маруси¹²³.

Весной 1921 года — митинг, Кронштадтское восстание. Сразу же в вагоны до Детского Села (Царское Село до 1918 г., Детское Село до 1937 г., с 1937 г. — Пушкино. — Т. К.), оттуда пешком. На рассвете вышли, в полдень уже в бой вступили. Под тяжелой артиллерией отступили. Вечером привезли белые халаты, в них мы пробрались, прорвали фронт. Били по нам отовсюду. Простояли в верстах двадцати пяти от Кронштадта, **Л. 58** получили распоряжение ехать в Саратов — на борьбу с бандитизмом. С марта по август — во многих боях. Был ранен в ногу, недели две-три лежал, поднялся, отказался от отпуска, пошел в свою часть. Второе ранение имел легкое, в другую, в левую, ногу, в мякоть. Дня три ходил на перевязку.

В августе 1922-го я был мобилизован, поехал домой. Отдохнул с месяц, поступил на лесозавод № 4... Младший брат ранен в 1923-м бандитами при их задержании. **Л. 58об.** Умер от ран. Звали его Алексеем. Он был в ЧОНе. Сам я был в ЧОНе командиром отделения в 1923 году». **Л. 59**

**Октябрь. 1933 год. Ермаковское
ДАВЫДКИН ИЛЬЯ ИВАНОВИЧ:**

«После Февральской революции полки ушли добровольно на фронт. Доехали до города Киева. Уже большевистские полки пошли, а на Украине офицеры в погонах начали нас теснить, стравить хотели. **Л. 62** Офицеров мы захватили на тайном совещании в парке и побросали их в Днепр. Ходили святых в Киево-Печерской лавре проверять, не дебоширили, но требовали проверки. Против нас было три дивизии выставили украинских, но те своих офицеров убрали.

После наступления Керенского наши части против войны выступили. До фронта не доехали, уехали по домам. В Ачинске меня снабдили большевистской литературой к выборам в Учредительное. Вернулся домой. Тут у нас с социал-революционерами стычка вышла, они сказали про одного: „Большевик — собачий хвост“. Изорвали у них знамя, древко поломали. Вожаком у них был Порываев. **Л. 62об.**

Было у меня поручение организовать Красную гвардию. У нас здесь 49 человек, в Мигне — до шестидесяти. Я был председателем штаба, секретарь — Жуйков Семен, член — Воробьев Никифор. Когда узнали о перевороте, Минусинская Красная гвардия сложила оружие, а мы ушли в Мигну, оттуда в тайгу. Убежали я, Аверьянов, Лука Сидоров, Осипов Семен Денисович. Из Мигны бежали Баев, Тупицин, Филимонов Петр, Клюшкин Роман и еще двое, всего шесть человек. Группой в девять человек скрывались три месяца. Припрятали оружие и вернулись домой. Здесь, в земской управе, был председателем Шершнев Василий, его брат Данил был большевиком, его расстреляли казаки, а Василия позже мы.

Арестовали нас. Вечером Шершнев зашел в камеру:

— Аверьянов и Давыдкин, вас убить собираются.

Л. 63

— Кто?

— А вот Кузнецов две бочки вина выкатил, подпивает, чтобы самосуд устроить.

Этот Кузнецов в 1907 году вместе с нами сидел, торговец.

— Я этого не позволю. Идемте со мной.

Пошли мы, он в управу провел, где винтовки стояли. Привел стражника Рогожкина и говорит:

— Если будут ломиться, отворяй камеру, веди сюда ребят, берите винтовки и отбивайтесь.

В пол-одиннадцатого привалила гурьба пьяных. Один борова палил, на огне оставил, полборова сгорело. Стучат. Рогожкин не открывает. Грозят дверь выломать, Рогожкин **Л. 63об.** грозит стрелять. Ломятся. Бежит Рогожкин к нам:

— Бери винтовки, ребята.

Взяли мы. Они брусом от коновязи в двери — раз, два!

— Стой, стрелять буду!

Мы из трех винтовок ахнули выше голов. Ушли пьяные.

Утром рано подводу и нас в Минусинск. Явились мы туда не как арестованные, а будто бы добровольно. Общество против нас приговор дало. Три месяца с хвостиком просидели, выпустили нас. Двух недель не прожили — дубенская искра загорелась. Пришлось принять участие. 1 или 2 ноября (ст. ст.) приехал карательный отряд, стражники стали бить крестьян, их шесть человек убили. Приехало 20 человек, двое ушли. Мы выступили на Суэтук, человек **Л. 64** больше двухсот ходило на Суэтук — казачья станция. Николаевка почти целиком выступила — 14 человек у них расстреляли, пятнадцатый наш был, отлежался. С пулей в шее ходит Суриченко Федосий. У нас Кириллова Ивана, Козлова Емельяна, Берту Ивана расстреляли и Васильева Андрея.

В Суэтуке казаки сложили оружие, разоружили Алтат, прошли на Даниловский завод. Два дня спорили. Мы настаивали, чтобы Бейскую (с. Бейское) армию ждать и оставить одних добровольцев. А бейские на два дня опоздали. Пошли на Минусинск, с Ничкинской армией (д. Ничка) соединились, взяли монополию. Считались мы 1-й армией, Городчанская — 2-й, Бейская — 3-й. Нас поодиночке и разбили. **Л. 64об.**

У нас был штаб армии: я, Авуль (?) Яков, Лука Сидоров, Алексей Бегин и Кочетков. 1-й роты командир был Попков Савелий, 2-й — Бережецкий, 3-й — Шульмин Харитон, 4-й — Шейнин Петр. Батальонным — Семен Жуйков и Корниенко Даниил. Все командиры были из военных, старые унтер-офицеры.

Убили у нас под Минусинском всего двух. Надо было входить в Минусинск, а Ничка, Лугавск и другие открыли фронт. Главнокомандующим был всеми силами Кульчицкий. Распоряжение было отступить, но смена начала наступление. А разошлись кто куда. Под Коей мы бежавших разоружили, до двухсот винтовок набрали, хотели добровольные отряды собрать. Встретили **Л. 65** бийских. У них командовал Обухов. Он соглашался тоже с нашим планом, но массы разбрелись. Ничего не вышло.

Вернулись домой, а здесь уже арестованных — Порываева и других, выпустили, и они начали командовать. За меня и Аверьянова по четыре с половиной тысячи рублей обещали белые. Порываев особенно настаивал нас выдать. Но мы бежали: я, Осипов, Аверьянов и Степан Давыдкин до конца выдержали, а человек семь-восемь сдались поодиночке.

Вступив в отряд Щетинкина, мы ушли с ним на Казанцеву, а в Ермаковском Боган стал на квартиру Кузнецова и прогулял. К восстанию готовились заранее, из Минусинска ездил к нам человек, передавал от организации **Л. 65об.** директивы. Но восстание получилось преждевременным...» Давыдкин инвалид уже два года, до 1928 года был членом партии. Исключен за связь с карателем через сестру. **Л. 66**

7 октября 1933 года. Николаевка ТРОИЦИЛОВ ФЕДОР МАКСИМОВИЧ

С 1890 года живет в Николаевке. Первый засельник деревни.

С казаками из Суэтука был давний спор из-за земли. Еще при царизме и при Советской власти от них землю для крестьян отрезали. А потом перемена власти произошла. Казаки в Суэтуке на своем собрании 60 человек переписали (крестьян) начальнику карательного отряда. Мужики ходили казаков обезоруживать. Кажется, в ноябре пришел карательный отряд, в котором они состояли вместе с казаками из других станиц. **Л. 66об.** «Остановились в доме Шоколкина. Туда приводили арестованных, а оттуда по одному сажали в сани, вывозили за деревню и расстреливали. Вывозили так за версту, к речке, там заставляли выходить и расстреливали. Выстрелов слышно не было, а было видно, что станет подвода, вылезет человек, побежит и падет».

Расстреляны были Крапивин Кузьма Васильевич (фельдфебель, активный участник дубинного восстания, голова была изрублена шашками), Будурагин Федор Лазаревич, Будурагин Осип Лазаревич, Ротанин Иван Алексеевич, Семенов Степан Семенович, Собакин Никита Яковлевич, **Л. 67** Желтухин Павел Григорьевич, Гуров Степан Осипович, Гуров Иван Осипович, Балюхов Мартин Иванович, Немцов Семен Павлович, Попугаев Михаил Яковлевич, Балашов Моисей Филиппович, 14 человек (один пропущен. — Т. К.). **Л. 67об.** «Расстрелянных хоронили по разрешению Минусинска. Хоронили всех сразу, в одной могиле на кладбище. Сирот много осталось, только двое пожилых было, у которых ребята взрослые, а у двенадцати — по три-четыре, а то и по пяти мелочи осталось». **Л. 68**

7 октября 1933 года

(Местожительство не указано. — Т. К.)

ГОРЕЛОВ ГРИГОРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ:

«При выступлении чехословаков Красноярск уже был взят, а мы в Минусинске со всей местной командой хотели удержаться. Явились отряды вооруженных и много крестьян. Еще до нажима нам говорили:

сдавайтесь. Но наши ребята не сдавались. Потом сдать пришлось. **Л. 68об.** Оружие мы унесли с собой, разбежались. Дома винтовку припрятал до лучших времен. Подумывал о восстании, говорил с ребятами. Приехал к нам паренек Пахомов, кажется, из Дубенского.

— Идем, ребята! Казаков поколотим и дальше.

Мигом собрались и на Суэтук вместе с ермаковскими. Пришли к нам жеблахтинцы, и мы пошли с ними вместе, а ермаковские по тракту. **Л. 69** Приехали в Суэтук, отобрали оружие, кой-кого арестовали. Командиром у нас был Крапивин. Пришли вечером поздненько. Провели еще митинг, Шершневу Данило с Крестиков (д. Крестик), считался он ермаковским, выступал. Там, в Суэтуках, были ермаковские, крестинские, наши с Жеблахтов (Жеблахта).

Вернулись к утру домой, еще до свету. На рассвете стали собираться в Минусинск. На подводы котомки, больных и стариков, всех взрослых забрали из деревни. Утром уехали. Приехали в Ою, получили распоряжение — разоружить Алтай. Ермаковский Алексей Бедин у нас батальонным оказался, выбрали **Л. 69об.** всей массой. Пошли в Алтай, разоружили и на Минусинск. У нас оружие собралось в роте до тридцати винтовок. Стали мы подходить к Боркам — белые на нас в наступление. Командир говорит — не стрелять! Подпустили близко, дали залп. Повернулись они бежать, а мы за ними. Видно было, что ученики какие-то, молодежь. Казаки было наскакивали, у одного лошадь сшибли дубинкой, она упала.

Стало смеркаться, паника началась. Из трехдюймовки выстрелили, один старик упал, весь нос себе содрал, перепугался:

— Ой, Господи, что это такое?

Когда к городу подходили, **Л. 70** две козы в окружение попали, дубинками их убили, тесно шли, народу много. Зайцев сколько перебили. В сумерках разбежались. Безоружные многие раньше ушли. Утром домой, на печку залезли.

— Будет, побаловались. Сходили на город и ладно.

Приехали к нам казаки — карательный отряд, да суэтуцкие чуть не поголовно к ним присоединились. Я только услышал, что едут, — в кусты. Так и путался до партизан. Прибежал, схватил кусок — и опять в кусты. Так до выхода с Уса партизан. Когда шли они вперед, одну ночь они были, а на рассвете уже казаки вокруг **Л. 70об.** Вступил я в Тальский полк, в 3-ю роту, потом в 5-ю перешел. Ротных командиров было много, помню Накладова, Кочетова. Был в боях вместе с полком.

После соединения с Красной армией было у нас недоразумение, не хотели сдать оружие. Сдали, поехали, а нас ночевать никто не хочет пустить.

На Абаканском заводе, когда мы ушли, вылетели казаки, 12 рабочих на раскаленных плитах сожгли. Нам сообщили в Каптыревой. Мы назад поскакали, в ночь выехали туда. Отряд уехал уже в какой-то улус. Мы за ними. Догнали, несколько человек убили. Больше я никуда не ходил. Простудился, в валенках пешком из Ачинска шел, год хворал». **Л. 71**

**7 октября 1933 года. Николаевка
МАНАГАРОВ ЯКОВ ПАВЛОВИЧ**

После мобилизации в 1918 году вернулся домой. Белые за деревней расстреляли несколько крестьян. Затем приказали от каждой деревни назначить в Каратуз выборного. Выбрали Манагарова. «В Минске нас стали пересаживать, старики наши отказались:

— Фронт воевать не хочет, и мы не пойдем.

Два дня не кормили, на третий день дали обед. Только сели обедать — батальон смерти, **Л. 71об.** который с нами в одном эшелоне ехал¹²⁴. Тут как тут, оборванные, иная догола раздета, просят есть. Разбили нас по частям, разослали в города. Я попал в Рогачев. Бежал Корнилов, мы его ловили; часть конвоя, одетого в красное (Текинский полк, личная охрана Л.Г. Корнилова, одетая в малиновые халаты. — Т. К.), переловили, а сам в автомобиле удрал.

В 1919 году меня демобилизовали... Во время дубинного восстания был болен, не посмотрели, велели коня запрячь. Двух стариков вез в Суэтук. Заехали там к одному гражданину, сходил я в канцелярию, народ толчется, ничего понять **Л. 72** не мог, вернулся. Легли спать, народ идет, кричат:

— Домой, домой!

Запрягли коня, поехали. Утром поехал в Минусинск, вез котомки. Версты две не доехали до Минусинска, стали в Борке, возле армии, с армией вернулся домой. Чай пил я, когда проехал мимо казак, Алексей Кольцов. Глянул на меня, улыбнулся. Я чаю напился. Лег. Соседка под окно:

— Что ты сидишь? Полдеревни расстреляли.

Вышел во двор, в огород. В кошеве трое едут. Потом стали, один вперед побежал, потом упал. А выстрела не слышно. Пошел домой, оделся, вышел, одумался; хотел к **Л. 72об.** соседу идти. Идут трое, я подумал, что за мной. Вернулся, давай сена давать (скоту). И не надо, да даю. Потом жену попросил посмотреть, куда зашли.

— К Мартыну.

Это через дом от меня. Вышел я, вижу — повели и отца, и сына. Немного погодя, провезли обоих в кошеве. Сына в деревне высадили, а отца, Мартына Балюкова, расстреляли за деревней. Когда вернулись из Минусинска, требовали от каждой деревни выбор-

ного в Каратуз. Избрали меня. Поехал я туда, переночевал в Черемушке у знакомых. Собираюсь утром ехать, хозяева не пускают.

— Расстреляют тебя за деревней. **Л. 73**

— А что я дома скажу?

А из Черемушки чуть не всю деревню угнали в Каратуз. До полдня я думал, поехал. Еду, мертвый на дороге. Объехал я его. Встречу народ — выпустили их уже.

— Не езд.

Поехал-таки. К атаману. Приглашает садиться, взял бумагу и ушел. Нет и нет. Явился, спрашивает:

— Кто у вас начинал это дело, чтоб на город идти?

— Все пошли. Жеблахтинцы пришли вместе.

Раза три-четыре расспрашивал. Потом обозлился:

— Жаль, что нет отряда, а то поставили бы к стенке. Жаль мне крестьянскую кровь, а придется многих **Л. 73об.** допрашивать.

Отпустили меня, дал атаман по моей просьбе бумажку. Что я у него был. Приехал я, рассказал все, как было. А отряд приехал позже». **Л. 74**

**7 октября 1933 года. Николаевка
ЦАРЬКОВ ЛУКА ВЛАДИМИРОВИЧ**
(род. 1878), родом из Рязанской губернии

Оказалось, что в Рязанской губернии делать нечего. В 1918 году приехал в Сибирь, в Минусинский уезд. В дубинное восстание ходил разоружать в Минусинск. А затем пошли карательные отряды, арестовали, увезли в Минусинск, где просидел три месяца в вальперовском и в савельевском домах. «При мне выводили на расстрел повстанцев сотни полторы-две. Часов в восемь-девять вызывали по 10—15 человек, а то днем в следственную уведут, и не вернуться обратно».

Вернулся домой в Николаевку. Рубил с другом Уваровым лес. Появился казачий объезд, 47 казаков из Суэтука. «Избили меня. Два ребра сломали, в трех местах голову проббили. К проруби подвозили, хотели топить. Увезли в Листвянку, бросили в холодный амбар. Кровью исходил. До утра продержали, уехали дальше. Приехал Уваров, захватил меня и увез в Ермаковскую больницу... Сделали перевязку, лечь в больницу нельзя, укокошат, как узнают». Подвергался еще раз аресту, бежал. Скрывался до возвращения Щетинкина с Уса. **Л. 78**

ПРИМЕЧАНИЯ К ДНЕВНИКАМ

Восстание в военном городке в Красноярске. Июль 1919 года

- 1 В начале XX в. в разных городах России проблема размещения воинских частей решалась за счет строительства военных городков. Вопрос об устройстве этой военной инфраструктуры рассматривался правительством еще в 1874 г. Решение вопроса возлагалось на хозяйственно-строительные комиссии, создаваемые в военных округах. Право выбора мест для строительства оставалось за войсковым начальством. Строительство военного городка в Красноярске началось в 1910 г., когда городская дума, с разрешения военного ведомства, отвела 400 га земли на левом берегу города. Предполагалось, что в городке будет размещен 31-й Восточно-Сибирский стрелковый полк (ранее войска размещались за определенную плату по домам городских жителей). На территории городка были выстроены трехэтажные корпуса для офицерских квартир и двухэтажные для солдатских казарм, а также церковь (архитектор Ф. М. Вержбицкий), цейхгауз, офицерское собрание, хозяйственные постройки. Застройка городка продолжалась около десяти лет. Строились военные городки в Канске и Ачинске.

Ступникова Е. С., Геращенко С. М., Шумов К. Ю. История формирования Военного городка в Красноярске // Вестник ПНИПУ. Строительство и архитектура. 2018. Т. 9. № 3. С. 130.

К 1917 г. в России насчитывалось 2,3 миллиона военнопленных и около четырехсот лагерей. Зимой 1915—1916 гг. в Красноярске оказалось 13000 военнопленных, в Ачинске — 2750, в Канске — 6000, всего же в Енисейской губернии скопилось 21750 человек. В Красноярске пленные жили в районе и близ военного городка. Были выстроены одноэтажные бараки, окруженные забором с колючей проволокой и сторожевыми вышками.

Комарова Т. «Тем, кто в забвенье брошен был судьбой...»: Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2007. С. 47.

- 2 Связь с подпольной организацией военного городка поддерживалась через унтер-офицера 30-го стрелкового полка, фронтовика, участника Мариинского фронта, члена первого Красноярского подпольного комитета Тимофея Исаева. Служа экспедитором, он имел возможность проникать на территорию городка. Все обстояло спокойно. О восстании на ближайшие сроки не было и речи. А на другой день, 30 июля, преждевременно и стихийно вспыхнуло восстание, «как снег на голову свалилось оно на комитет. Т. Исаев бросился в городок, его кто-то выдал. Он был ранен и перевязан, его вызвали по списку. Ведя на расстрел, казаки жестоко избивали его, а он хромал и едва тащил за собой ногу».
- КККМ. О/ф 3229. Д. 4486. Автобиография-воспоминание Ольги Исаевой, члена КПСС с марта 1917 г. Л. 27—28.**
- 3 Подпольная партийная организация Красноярского комитета РКП(б) была создана в военном городке в январе 1919 г. Помимо русских солдат, в нее входили военнопленные венгры, несколько латышей и эстонцев. Основная цель — захват города и восстановление Советской власти. Предполагалось, что к восставшим присоединятся партизаны Степного Баджея, Кемчугский отряд Н. М. Копылова, городские рабочие и железнодорожники. Накануне провала второго подпольного комитета и отступления степно-баджейских партизан на юг губернии время восстания было изменено. Восстание началось в ночь с 29 на 30 июля, подпольщики города об этом узнали незадолго до его начала.
- Документы героической борьбы : сб. документальных материалов, посвященных борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918—1920 гг.) / под ред. Д. Б. Груши. Красноярск, 1959. С. 517.**

Тасеевский (Северо-Канский) фронт

- 4 Троицкий солеваренный завод братьев Тонконоговых находился в Тасеевской волости примерно в 180 верстах от Канска.
- 5 Отряд полковника А. Н. Пепеляева (1891—1938), генерал-майора с октября 1918 г. С февраля 1918 г. руководил подпольной офицерской организацией в Томске. С апреля 1919 г. — командующий южной группой Сибирской армии, с июля — командующий 1-й армией, части которой самоликвидировались после нескольких мятежей. Вместе с братом В. Н. Пепеляевым готовил заговор против Колчака. В 1922—1923 гг. командовал белыми частями на Охотском побережье и в Якутии.
- 6 Кауров Александр Иванович (? — 1919), активный участник Гражданской войны. После роспуска старой армии возглавил в Красноярске главный штаб Красной гвардии. Во время эвакуации Совдепа на север Енисейской губернии сумел уйти на Северо-Енисейские золотые прииски, где организовал партизанский отряд около с. Казачинского. Забрав на приисках несколько десятков пудов динамита, перешел на Ангару. К этому времени на Южно-Енисейских приисках оформился Таежный отряд Доброва Ивана Михайловича. С марта по июнь 1919 г., являясь председателем Кондаковского (д. Кондакова) штаба, совместно с отрядами из рабочих Южно-Енисейских приисков, бывших красногвардейцев и жителей соседних деревень, Кауров практически освободил от белых всю верхнюю часть Ангары. Приангарские волости тасеевские повстанцы предполагали превратить в свой тыл. Практически А. И. Кауров подчинил отряд штабу Северо-Канского партизанского фронта. В апреле 1919 г. С. И. Накладов, участник восстания в Енисейске, собрал по тайге отряд из енисейских повстанцев и крестьян окрестных деревень численностью около сорока человек, который был назван Северным отрядом под командованием Ф. Я. Бабкина. Кауров и Добров, поставив в известность Бабкина, переправляются с Таежным отрядом на правую сторону Енисея, чтобы переждать ледоход в дд. Савиной и Стрелке, а затем начать наступление на с. Казачинское, где стоял сильный белогвардейский отряд Тугунова. Вскоре занимают это богатое купеческое село, кроме церкви, в которой закрепились белые. После известия о подходе значительного подкрепления осажденному противнику — десант на трех пароходах, Таежный отряд, переправившись через Енисей, отходит в д. Мамотово, а затем отступает к р. Захаровке. Десант высаживается выше и ниже Мамотово, и, видя безысходность своего положения, Таежный отряд бросается навстречу белым и отчаянной контратакой заставляет их отступить. По возвращении в Мамотово А. И. Кауров был смертельно ранен разрывной пулей засевшим в бане дружинником. После гибели А. И. Каурова Таежный отряд Доброва и Топольский отряд Благирева освобождают с. Каргино, затем д. Предивную Больше-Муртинской волости. Летом 1919 г. Добров, после боя в Большой Мурте, имея в наличии 130 человек, примкнул к отряду А. С. Масленкина. Во время второго наступления на Большую Мурту был тяжело ранен и умер от гангрены (по другой версии — покончил жизнь самоубийством). Командование Таежным отрядом перешло Ф. Я. Бабкину, который должен был совместно с Северным отрядом прикрывать отступление Тасеевской армии на Троицкий завод. См. прим. 7. С. 205.
- КККМ. О/ф 3228/4502. Громадский Зиновий Зионович. Воспоминания участника Февральских и Октябрьских событий в гор. Красноярске и участвовавшего в боях с восставшими в декабре 1917 года юнкерами в гор. Иркутске и чехословаками на Ключевенском фронте. 28 апреля 1957 г. Л. 5—6. Машинопись. Составлены в Красноярске, коротко публиковались в сборнике «Незабываемое» (Красноярск, 1957). С. 54—73 (далее: Громадский З. З. Воспоминания); Бабкин Ф. Я. На Крас-**

- нояром севере // Годы огневые. Красноярск, 1962. С. 341—344.**
- 7 Накладов Степан Ильич, участник Гражданской войны и восстания в Енисейске, командир Кондаковского отряда Северо-Канского фронта. Во время отступления армии в Троицкий солеваренный завод должен был задерживать и ликвидировать отряды противника со стороны д. Кондаки близ р. Бобровки. Под его командой находился отряд Ф. Астафьева, командующего Северо-Канской партизанской армией, эскадрон кавалерии и пехота. После того как противник открыл артиллерийский огонь, отряд Накладова бежал вместе со своим командиром. Отступавших партизан удалось вернуть на короткое время к месту боя. Почти весь отряд погиб, остальных, человек двадцать, Накладов увел в тайгу. По ряду свидетельств, отличался неуравновешенностью и жестокостью. После окончания Гражданской войны занимал разные должности. 25—26 сентября 1934 г. над Накладовым был устроен суд енисейских коммунистов, которые долго его «терпели». В указываемое время обвиняемый занимал должность директора лесозавода, на котором растратил продовольственный фонд, занимался спекуляцией. Был приговорен к трем годам заключения.
- Яковенко В.Г. Записки партизана. Красноярск, 1988. С. 57—58; Енисейск в воспоминаниях Михаила Проккопьевича Миндаровского. 1891—1935. Красноярск, 2019. С. 413—414.**
- 8 Восстание в Тасееве повлекло за собой создание целого ряда партизанских отрядов, существовавших автономно. В д. Асанской Фаначетской волости в феврале 1919 г. сформировался Асанский отряд, находившийся в 50 верстах от Тасеева, под командой Мишина, затем Е. Пантелеева. Между двумя населенными пунктами поддерживалась тесная связь. Отряд был довольно дисциплинированным и впоследствии, после первого Тасеевского боя, был штабом переформирован в батальон под командой А.М. Дворяткина. После перевода Дворяткина в Апанский отряд командиром батальона назначен Михаил Щекатуров. Отряды обычно назывались по населенным пунктам. Тогда же были сформированы эскадроны под командой Е. Рудакова и И. Нижегородова. В декабре 1918 г. сформировался Шеломовский отряд под командованием П. Халчевского; в январе 1919 г. — Денисовский отряд под командованием П. Быстрова; в том же месяце — Канарайский отряд под командой Прохорова. В феврале 1919 г. — Кондаковский отряд С. Накладова, в апреле — пехотный отряд Благирева. В январе 1919 г. — Топольский отряд И. Нижегородова.
- Кучеровский отряд был организован в феврале 1919 г. под командой И.Ф. Афанасьева. В ночь с 15 на 16 февраля 1919 г. отряд захватил волостное управление в с. Кучерово. 26 февраля на волостном съезде был выбран штаб во главе с командующим Т.И. Мордвиновым, заместителем Т.Н. Пугачевым. Отряд, небольшой по численности, отличался сплоченностью; если отступал, то без паники. Мордвинов позднее будет отстранен из-за анархистских замашек. Кучеровцы вольются в один из полков Тасеевского фронта. Менее выдержанным оказался Апанский отряд, сформированный в феврале 1919 г. бывшим унтер-офицером, фронтовиком Даниилом Апановичем. В отряде сложились анархия и пьянство. Тасеевцы связались с апанцами на р. Оне. Благодаря Апанскому отряду удалось спустить на плотах около пятисот пудов круглой пшеницы для голодающих людей, а затем отряд соединился с тасеевцами. На «перевоспитание» командиром отряда был назначен А.М. Дворяткин. В Неванской волости образовался Баерский фронт численностью до трехсот человек во главе с бывшим матросом Федором Антоновым.
- Отряды осуществляли связь с Тасеевским штабом через связных и верховых, расставленных на расстоянии 20 верст друг от друга, постепенно сливаясь с Северо-Канской армией. Окончательно покончил с существованием отдельных самостоятельных отрядов I Армейский съезд, переформировав их в полки. Что касается командного состава перечисленных отрядов, то в их руководстве были пред-
- ставлены большевики, беспартийные, эсеры, анархисты. Командиры менялись довольно часто из-за гибели, ранений, переводов людей в другие отряды.
- Яковенко В.Г. Записки партизана. С. 77—78, 83; КККМ. О/ф 3237/5. Список отрядов, рот и эскадронов, погибших начало созданию Тасеевской советской армии и Северо-Канского фронта, и фамилии их командиров. Декабрь 1918 г. — май 1919 г. Составил после 1920 г. И.П. Востриков, командир Убысинского летучего отряда. Л. 1.**
- 9 В ночь с 26 на 27 декабря 1918 г. в Канске было поднято восстание рабочих и части солдат 32-го Сибирского стрелкового полка против Колчака. Восстание готовилось по заданию второго Красноярского подпольного комитета РКП(б). По намеченному плану предполагалось одновременное выступление солдат военного городка, канских и иланских железнодорожников. К четырем часам утра на сборном пункте собралось около ста вооруженных рабочих. Сигналом к выступлению стал пожар в Канском военном городке. Рабочим удалось захватить управление воинского начальника, охранное отделение, почту, разоружить железнодорожную милицию, занять вокзал и установить связь с иланскими рабочими. Первоначально из солдатских казарм вышло 80 человек, однако «благодаря принятым мерам», как сообщалось в телеграмме начальника Иркутского военного округа, осталось 30 человек. Иланское восстание началось 27 декабря в два часа ночи. К 10 часам была захвачена станция, остановлено движение поездов. Белогвардейская застава, стоявшая на охране моста, сильным пулеметным огнем заставила иланских красногвардейцев отступить. Рабочие Канска остались без поддержки. Учебная команда 32-го полка и дежурная часть офицеров подавили восстание. Затем началась расправа с восставшими. Многие были расстреляны, руководитель иланских повстанцев И.Г. Милехин замучен.
- Документы героической борьбы. С. 118—119, 519.**
- «Тасеевцы шли на поддержку канцев, как только были получены известия о чехословацком выступлении. Было их человек шестьдесят с 22 винтовками. Но было уже слишком поздно, фронты были разгромлены, хотя члены исполкома еще не арестованы. В.И. Двоглазов и Борщов, члены исполкома Канска, узнав о предполагаемой посылке в Тасеево карательного отряда, пришли к подполковнику Б.Ф. Ушакову, начальнику штаба 2-й Чехословацкой дивизии, и предложили вступить в переговоры, чтобы избежать напрасного кровопролития. Ушаков согласился и послал их с двумя чехами к тасеевцам. Здесь, у Денисовки, они встретились с Тасеевским отрядом, в котором были В. Яковенко (командир отряда), П. Халчевский (политрук), Н. Буда, Ф. Астафьев, Ф. Тараканов, Н. Вахрушев и др. Переговоры кончились договоренностью, что канцы не пойдут в Тасеево, а тасеевцы в Канск. Двоглазов уехал в Тасеево». Было очевидно, что сил для начала немедленной борьбы с белыми не хватит. Однако, вернувшись в село, партизаны успели провести съезд, провозгласить республику.
- КККМ. О/ф 4483. Воспоминания бывшего партизана деревни Денисовки Рождественской волости Канского уезда, участника отступления Тасеевского фронта. Л. 1.**
- 10 Убысинский летучий отряд был сформирован в д. Михайловке Тасеевской волости Канского уезда под командой Кузьменко, затем руководил Е.Я. Пантелеев. Появился в Тасееве (под командой Пантелеева) после первого Тасеевского боя. В составе Северо-Канского партизанского фронта летучий отряд возглавлял бывший фронтовик, унтер-офицер И.П. Востриков.
- 11 Закрытый Армейский съезд прошел 8—10 августа 1919 г. См. прим. 19. С. 207—209.
- 12 Речь идет о Вашкорине Иване Анисимовиче, бывшем священнике с. Суховского Тасеевской волости, в указываемое время — руководителе агитационного отдела Северо-Канской партизанской армии.
- 13 На границе восточных волостей Канского уезда Енисейской губернии и западных волостей Нижнеудинского уез-

да Иркутской губернии возник Шиткинский партизанский фронт (на расстоянии 250 верст от Тасеева). 2 марта 1919 г. в с. Шиткино Неванской волости Канского уезда началось крестьянское восстание, инициатором и руководителем которого стал И. А. Бич (Таежный), примыкавший к эсерам. Состав организаторов отряда был весьма пестрый: большевики-латыши, эсеры, меньшевики. Большую роль в отряде играли кооперативные организации, являющиеся источником снабжения армии. Центром региона действия стала станция Тайшет. Первоначально в отряд записалось 150 человек, преимущественно фронтовиков, к концу марта в отряде числилось до 1,5 тысячи человек. Партизаны совершали рейды на Ангаре и железнодорожные диверсии, обстреливали поезда, спиливали телеграфные столбы. В Шиткинский фронт вошли отряды Серафимовский, Окульшетский, Гоголевский, Бирюсинский, Конторский (по названию сел), всего семь отрядов, общая численность которых составила в апреле около двух тысяч человек. После гибели И. А. Бича Шиткинский фронт возглавил левый эсер К. М. Москвитин (до этого заместитель командующего), Бирюсинским отрядом командовал его брат Я. М. Москвитин (по свидетельствам партизан, не Яков, а Арсений. — Т. К.). В целом в отрядах довольно сильно было влияние эсеров и существовало два направления: восстановление власти Советов и Учредительного собрания. Чтобы ослабить позиции социал-революционеров, тасеевцы организовали съезд, на который прислали своего делегата Т. Рузвельта. В конце мая — середине июня 1919 г. белые провели крупную операцию против партизан на фронте длиной в 500 км. Шиткинский фронт был отнесен от железной дороги, отступил к Шиткино, оставив ряд сел, затем ушел в тайгу. С возвращением армии В. Г. Яковенко в Тасеево вернулись и шиткинцы, число людей в отряде численно уменьшилось, остались наиболее верные. Был избран Военно-революционный совет в составе большевиков.

Новиков П. Великое искусство мятежа. Шиткинский партизанский фронт // Родина. 2008. № 3. С. 90—92.

- 14 Ударный им. Гайды карательный чехословацкий полк с вензелями на погонах, с нашивками на левых рукавах: шеврон (позднее щиток) — красный треугольник с накладными металлическими черепами со скрещенными костями и прочими буафорскими бессмертными нашивками.
- 15 Волостные организации являлись органами общественно-крестьянского самоуправления, объединяющими сельские общества. Волостной сход был высшим органом волости, волостная управа избиралась на три года. 19 марта 1917 г. вышло постановление об образовании волостных комитетов и комитетов общественной безопасности, которые должны были поддержать новую власть и порядок. 17 июня 1917 г. Временное правительство приняло постановление о введении земских учреждений в Сибири. В 1918 г. волостные управы были упразднены, появились волостные земские управы. 21 декабря 1918 г. (3 января 1919 г.) в Тасееве собрался волостной съезд, на котором были рассмотрены два вопроса: о текущем моменте и об организации отряда. Гласные схода постановили Временное правительство не поддерживать, подати ему не платить, не проводить людскую и конскую мобилизации. По второму вопросу решили организовать в Тасееве временный волостной военный штаб, а по селениям — сельские штабы, а также взять на учет все оружие и заготовку фуража.
- Документы героической борьбы. С. 124—125.**
- 16 В середине мая 1918 г. в Канск прибыл эшелон с белочехами, предполагая двинуться дальше на восток, однако отправка явно откладывалась («тараканье бегство», по словам обывателей). Временный командир 7-го стрелкового полка 2-й Чехословацкой дивизии Кадлец Э. В. сообщил, что, согласно инструкции, начальники чешских эшелонов захватывают те города, где остановились их эшелоны. Канский объединенный Совет потребовал объяснений по поводу задержки постояльцев. Начальник штаба дивизии Ушаков Б. Ф. (имел французское гражданство. — Т. К.) заверил в скорой отправке. В ночь на 19 мая белочехи подняли мятеж и сверг-

ли Советскую власть в городе. Несмотря на сопротивление, 29 мая Канск пал. Большая часть членов Совета была арестована и находилась в вагоне чешского эшелона. Еще оставшиеся на свободе члены Совета предъявили Ушакову ультиматум о необходимости послать в Красноярск группу людей для доклада о событиях в Канске. Решили отправить тех товарищей, которым грозила наибольшая опасность. Делегацию чехи повезли ночью, высадили членов Совдепа близ ст. Заозерной, дальше выбрали свои.

КККМ. О/ф 3276/49. Хроника военной работы в г. Красноярске и в Енисейской губернии за период 1917—1919 гг. Сост. А. А. Поздняков (далее: Поздняков А. А. Хроника). Л. 674—679. Машинопись; КККМ. О/ф 3195, инв. № 4525. Воспоминания С. Г. Синицина. М. 19 июня 1957 г. Л. 9—10. Машинопись.

- 17 В литературе и воспоминаниях партизан возникают разночтения в фамилиях — Мартын и Мартынов. Мартын, капитан, помощник командира 32-го Канского полка, начальник карательного отряда. Полковник Мартынов — начальник Канского гарнизона.
- Партизанское движение в Сибири. Приенисейский край. Т. I. М. — Л., 1925. С. 108—109.**
- 18 Отступление Северо-Канской партизанской армии на Троицкий завод было очень тяжелым. Уже в первый день беженцы начали волноваться и роптать, что их ведут на гибель. Командованию пришлось принимать меры, чтобы паника не перебросилась на армию. А основания для этого были. Бывший ссыльнополитический, член армейского штаба К. А. Егоров, поддавшись панике, считая, что положение безвыходное и белобандиты, разбив партизан, замучают жену и детей, застрелил свою семью. Только 12-летний сын сбежал и остался жив. Начальник Канской уездной милиции доносил управляющему Канским уездом 17 июня 1919 г., что при взятии завода было убито около 50 партизан, отобрано 30 лошадей, забрано около 4000 пудов зерна и разной кожи.
- КККМ. О/ф 4498. Воспоминания члена КПСС с 1917 г. Вашкорина И. А. о партизанском движении в северной части бывшей Енисейской губернии в 1918—1920 гг. Л. 33. Машинопись; Документы героической борьбы. С. 253.**
- После Кайтымского боя Северо-Канская армия двинулась на р. Ону. Когда добрались до берега реки, «люди валились на берегу прямо в высокую густую траву и засыпали не евши. Простояли на берегу четыре-пять дней. Есть нечего. Пшеница была, но муки не было. Ели вареную пшеницу. Начался ропот, раздался голоса:
- Уходить надо от голодной смерти.
- Потребовали созыва общего собрания. Когда собрались, стали требовать Яковенко. Пришел он усталый, глаза ввалились, но вид совершенно спокойный. Спрашивается:
- Зачем, товарищи, меня звали?
- Что вы нас сюда завели, с голоду умирать, что ли? Крик получается, не разберешь. Успокоились кое-как.
- До сих пор мы вас не морили и на гибель не заводили. Вон хлеб.
- И показывает на пшеницу, мешков сто.
- Если сегодня муки нет, завтра будет.
- Сзади все-таки кричат:
- На гибель завели.
- Отдельные люди себя прямо провокаторски держали. Но все-таки настроение уже было сломлено. Успокоились немного. Стали с собрания расходиться, а тут как раз плоты плывут. Спрашивают наши:
- Что везете?
- Муку и табак.
- Полетели фуражки вверх, «ура!» закричали партизаны. За добычей этой муки был командирован сразу, перед отступлением на Ону, Нижегородов. Выше того места, где мы стояли, есть деревня Федина, верстах в 50—60. Там намолотили муки, сплотили плоты и спустились вниз».
- КККМ. О/ф 4483. Воспоминания бывшего партизана д. Денисовки Рождественской волости Канского уезда. Л. 9. Машинопись.**
- Были еще причины, которые усложняли и без того тяжелую обстановку: разрозненность отрядов, самовольство неко-

торых командиров, неожиданные уходы партизан, падение дисциплины, обременявшие и связывавшие отступающую армию. Все эти события и стали впоследствии материалом для воспоминаний И. Х. Курятова.

В «Моих воспоминаниях о партизанском движении. 1918—1919 гг.» Курятова Ивана Харлампиевича приводятся свидетельства об отступлении Северо-Канской армии (приводятся в сокращении). Известно, что часть партизан негативно отнеслись к оставлению Тасеева, атмосфера в отряде была нервная. Воспоминания очевидца событий И. Х. Курятова, бойкого, находчивого сибиряка, о нахождении в армии, трудностях перехода представляють значительный интерес.

На переселенческом участке Астафьевском Канского уезда Вершино-Рыбинской волости И. Х. Курятов из переселенческой бедноты организовал небольшой отряд. Подобные отряды появились в дд. Мокруше, Стрелочной, Стрелке и др. На съезде в Мокруше было принято решение выступить на соединение с тасеевцами. Стал наведываться на участок Шеломовский отряд Ф. Халчевского, насчитывавший сто человек, однако особой помощи от него не получали. Из-за нехватки оружия небольшие отряды начали отступление по направлению к с. Тасеевскому, прихватывая с собой и семьи.

И. Х. Курятов, прибыв со своим отрядом в Тасеево, представился главнокомандующему Николаю Буда, тот не «изволил» поговорить. Вечером Буда отправил отряд в арьергард. Больше связаться с ним не пришлось; как действовать дальше — приказа нет. Ребята в отряде стали роптать. Иван Харлампиевич дает приказ садиться на подводы и следовать на Троицкий солеваренный завод. Там «нарвался» на Федора Астафьева, крик которого «осадила»; Астафьев велел получить паек и занять место при входе на завод. «Нарвался» по пути на выговоры еще дважды. Отряд ударился в панику, некоторые побежали, под угрозой расстрела командиром остановились. Курятов выстроил своих партизан, приказал запевать. Так, с песней, и прошли по всему заводу до перехода через р. Усолку.

Прошли Усолку, никаких командиров не встретили. Подошел отряд Халчевского, от него узнали, что отряд должен двигаться по направлению к заимке Култук. На самом заводе царил неразбериха. Вольные (беженцы. — Т. К.) тащили кому что вздумается. Курятов приказал своим ребятам набрать мешки сухарей, нагрузили шесть лошадей. Скот ревет. Дает распоряжение — задерживать. Ребята возражают: мы — не пастухи. В ответ: можете оказаться в состоянии хуже пастухов, идете не к теще в гости, а в тайгу. Пригнали до пятидесяти голов.

Километров пять-шесть от завода «имел счастье» увидеть Яковенко, ни доброго, ни худого слова не молвил. На Култуке провели совещание. Хозяйственник доложил, что имеется 40 мешков муки. Народу около трех тысяч. Погрузили подводы, осталось четыре мешка муки, котел, еще какие-то продукты. Идет Яковенко, Курятов к нему: почему остались продукты, в которых большая нужда? Яковенко буркнул: возьми да и нагрузи, если сможешь. Удивило равнодушие. Освободил восемь подвод у вольных, загрузил.

Пришли в пос. Жеблатый. Курятову отвели участок, с которого в первую очередь придется встретиться с белыми. А отряд слабее всех по вооружению. Даже самую быструю лошадь передали в другой отряд. На участок, который отвели, отряд на виду у белых, выходил с песней. Как пишет Иван Харлампиевич, распоряжения выполнял беспрекословно, на интриги внимания не обращал. Двинулись на Кайтым. В последнее время с белыми вступали в лобовую атаку, за неимением достаточного оружия, или уничтожали из засад. Последнее давало возможность сохранять людей. На Кайтыме нанесли белым громадный ущерб. Это парализовало белых.

КККМ. О/ф 3233. Курятов И. Х. Мои воспоминания о партизанском движении. 1918—1919 гг. 28 августа 1957 г. Л. 1—34. Рукопись.

ем членов Тасеевского, Апанского, Асанского, Северного и Приангарского штабов. Съезд принял ряд постановлений военно-политического характера по укреплению Северо-Канского партизанского фронта: о состоянии армейского народного хозяйства, об отрядах самообороны, усилении дисциплины и разработке дисциплинарного устава, о ротных судах, об оказании помощи семьям партизан и др.

Самым главным и спорным на повестке стоял вопрос о реорганизации партизанской армии по образцу регулярной фронтовой организации. Этот вопрос назревал давно, и отступление армии только ускорило его разрешение. Накануне съезда настроение в армии складывалось не лучшим образом. Яковенко упрекали в единоначалии, грубости, в том, что не всегда считался с мнением командиров. Сам Василий Григорьевич писал в воспоминаниях о существовании в отрядах «оппозиционно настроенной группы» (Яковенко В. Г. Записки партизана. Красноярск, 1988). Основным решением съезда стало создание Армейского военного совета Северо-Канского фронта вместо устаревшего военно-революционного штаба. Совет отныне получал всю полноту власти как гражданской, так и военной, с правом издавать все постановления и приказы.

Все стратегические замыслы и планы Военного совета должны были осуществляться через командующего армией, последний нес ответственность за свои действия перед Советом. Совет назначал и командный состав. Выборы членов Военного совета на Армейском съезде прошли тайным голосованием, были набраны голоса: Н. Буда (большевик) — 58, Бабкин (близок к эсерам) — 51, Рудаков (эсер) — 48, Яковенко (большевик) — 47, Лобов (эсер) — 46. Таким образом, командиром партизанской армии был избран Н. М. Буда, его заместителем — Ф. Н. Лобов, председателем — В. Г. Яковенко, заместителем председателя — Е. К. Рудаков.

Документы героической борьбы. С. 272—280.

Ниже приводится текст под названием «Принципы построения партизанской армии», отражающий настроения части командиров Северо-Канского фронта на втором этапе его деятельности. Автор не указан, как и дата. Можно датировать 1920-ми годами, так как содержание документа носит характер завершенного события. Возможно, это коллективный документ, который обосновывал причины необходимых изменений в руководстве армией. Известно, что в «оппозиции» В. Г. Яковенко стояли командиры Е. К. Рудаков, Ф. Я. Бабкин, В. И. Кренц, И. З. Нижегородов и др.

Принципы построения партизанской армии

Два периода налицо в истории развития партизанского движения на Тасеевском (Северо-Канском) фронте: первый период — от выступления до Кайтымского боя, ухода в тайгу и выхода из нее и второй — от момента первого Армейского съезда и до соединения с Красной армией. В эти два резко различные периода различно и организационное построение армии, система руководства.

Первый период — типично партизанский. Отдельные небольшие отрядики, организуемые по территориальному принципу, каждое повстанческое село создает свой отряд, выбирает своего командира и действует самостоятельно. Общее руководство осуществляется Главным или Районным штабом, но выполнение решений штаба обеспечивается единственно доброй волей командиров, от штаба независимых, подчиняющихся распоряжениям только в силу авторитета работников штаба, авторитета личного.

Все сосредоточено в штабе — руководство политическое, руководство хозяйственной жизнью, руководство военными действиями. Яковенко — председатель штаба — неограниченный диктатор. К нему сходятся все нити, он решает все вопросы, намечает линию работы всех частей, всех отраслей боевой и тыловой жизни.

Вокруг Яковенко группируются остальные члены штаба. Он советует с ними, обсуждает вопросы, но фактически — он решает все. Он — вождь. Партийной организации — не существует. Есть члены партии, руководящие отдельными отрядами, отдельными сторонами работы, но нет организации как таковой. Партийное руководство осуществляется не коллективом членов партии, а каждым в отдельности, и в основном все нити сходятся в руках

19 8—10 августа 1919 г. в д. Щекатуровской Тасеевской волости состоялся закрытый I Армейский съезд с присутстви-

того же Яковенко, неограниченного диктатора и полновластного хозяина Тасеевского района, района, занятого в каждый данный момент партизанскими отрядами. Авторитет Яковенко в это время стоит очень высоко. На Яковенко смотрят как на какого-то чудесного, всеобъемлющего и всемогущего гиганта, для которого нет трудностей. Слово Яковенко — решающее слово во всех вопросах и при всех обстоятельствах.

Яковенко — член партии. И Яковенко мы не собираемся обвинять в том, что он намеренно создал такое положение, при котором он играл свою роль диктатора с целями личного характера. Нет, в таких побуждениях Яковенко обвинить было бы ошибочно. Обстановку эту ему создали — и тоже непреднамеренно — остальные члены организации.

Яковенко — очень способный, очень талантливый человек. Его помощники и товарищи — честные, преданные партии и делу освобождения трудящихся люди. Но у всех у них один крупный недостаток — все они слишком мало оценивали роль коллектива, роль коллективного руководства.

Коллектив работал в период подполья, и очень успешно работал, результаты чего налицо — хорошая подготовка к восстанию. Но с самого начала восстания подпольная организация растворяется в массе партизан, горсточка руководителей с головой уходит в повседневную работу, спорит, горячится, советует, иногда обращается за мнением массы, всей партизанской массы. И совершенно забывает о том, что кроме руководителей, членов партии есть еще много рядовых, которые следовало бы привлечь к руководству через партийную организацию, расширить круг этого руководства, сделать его коллективным. И самые массы партизан, партизан беспартийных, тоже привлечь к руководящей работе, организовать какой-то орган, через который это руководство было бы осуществляемо, как и контроль всей работы.

Штаб был выборным. Но контроль работы штаба — вещь неосуществимая. Военные тайны всегда остаются и должны оставаться известными только руководящей группе. А здесь, в руках штаба, оказалась вся жизнь повстанческого района, вся власть, функции всех органов управления. И из-за этой организационной неразберихи работа штаба оказалась вне поля зрения повстанческой массы.

Пока все обстояло благополучно, пока партизаны одерживали победы, результаты такой системы руководства говорили как бы в ее пользу. Но при первой заминке, при неудаче боевых операций, при отступлении — вся непригодность организационной системы первого периода восстания выявилась во всей полноте.

Воспоминания участников не особенно подробно останавливаются на периоде упадка настроения, наступившего после отступления в тайгу. Но и того, что мы знаем, достаточно, чтобы констатировать начало разложения в рядах партизан. Два отряда уходят из тайги — зачем, куда? (Ушел отряд А. Виноградова и Шеломовский отряд П. Халчевского. — Т. К.) Сражаться с белыми за свой страх и риск. Только ли беспартийные в этих отрядах или есть и ряд членов подпольных ячейек, прекративших свое существование тотчас после выхода из подполья?

Да, есть и члены подпольных ячейек. Оставленные без влияния партийного коллектива, они поддаются стихийным настроениям, они уходят от своих руководителей, которые кажутся им обанкротившимися. Они не понимают, что обанкротилась система руководства, неправильная система руководства массами без участия самих масс.

В чем причины этого явления, в чем причины ошибки Тасеевской подпольной организации, допустившей отрыв руководства от масс?

Причины в социальном составе самих членов организации, в подавляющем большинстве крестьянской.

Повторяю, это не обвинение тасеевских большевиков из крестьян в том, что они не были большевиками, не хотели ими быть. Это — констатация факта, что тасеевские большевики не справились с организацией руководства не потому, что не хотели решить этот вопрос по-большевистски, а потому, что не могли, не умели его правильно разрешить.

Им мешало отсутствие опыта массовой организации, отсутствие той привычки к коллективности, которая является естественной для рабочего класса.

Понадобилось вмешательство рабочего, чтобы подсказать тасеевским большевикам выход из создавшегося положения. Это вмешательство осуществлено было т. Бабкиным, рабочим Маклаковского завода, пришедшим в Тасеево после боев на фронте под Енисейском.

Тов. Бабкин, член партии с 1917 г., красногвардеец, за свою недолгую жизнь сумел прочно усвоить организационные принципы рабочего класса и его партии. И в тасеевской действительности провести их в жизнь.

Начавшийся развал содействовал тому, что к словам и предложениям т. Бабкина отнеслись с большим вниманием целый ряд работников Тасеевского фронта, выделилось несколько человек, горячих сторонников предложенных Бабкиным изменений в системе руководства, и подготовительная работа закипела.

Из песни слов не выкинешь, а тем более из истории нельзя выкидывать фактов — т. Яковенко неодобрительно отнесся к предложениям т. Бабкина. А предложения сводились в основном к организации Армейского совета и к реорганизации отдельных отрядов и отрядиков в крупные единицы, полки, с назначенным, а не выбранным командованием. Большинство руководящего состава сочувственно откликнулось на предложения т. Бабкина, организована комиссия из Бабкина, Рудакова и Рузанкина, которая и провела всю подготовительную массовую работу. Положение, на основании которого был организован Совет и перестроена армия, было написано и предложено т. Бабкиным и принято районным штабом при возражениях т. Яковенко.

Таким образом, рабочий Бабкин помог оформлению Тасеевской республики, во главе которой встал Армейский совет, контролируемый контрольно-ревизионной комиссией. Хозяйственные функции были переданы Совету армейского хозяйства, судебная часть перешла в ведение Следственной комиссии и Военного трибунала. Была утверждена должность гражданского комиссара.

То сочувственное отношение, которое встретил проект Бабкина среди большинства членов Тасеевской подпольной организации большевиков, по выходе из подполья прекратившей свое самостоятельное существование, показывает, что это растворение организации не было проведено ими намеренно. Что они от принципов большевизма не отрекались, но не сумели найти правильной организационной формы, не сумели перестроить свою работу в новой обстановке так, чтобы сохранить коллективное партийное руководство, а стали на скользкий путь вручения диктаторской власти единицам из среды своей же партийной организации. Тасеевским большевикам не хватило организационного опыта рабочего класса, но едва т. Бабкин предложил им этот опыт использовать, как они это предложение приняли.

Яковенко в этом вопросе занял неверную позицию отставания своего положения признанного и бесконтрольного вождя. Не потому, что ему было из-за чего бояться контроля, а потому, что он недооценил всего значения привлечения масс путем организации выборных и подконтрольных органов власти. И на этой почве в дальнейшем мы видим, что Яковенко начинает терять свой авторитет, созданный ему организацией в первый период восстания. На последующих съездах количество голосов, поданных за Яковенко, все падает и падает. На этом частном примере с т. Бабкиным можно лишний раз убедиться в организующей роли рабочего класса в революционных боях крестьянских масс. Даже члены партии крестьяне, несмотря на свою преданность делу революции, несмотря на свое горячее желание как можно лучше разрешить поставленную ими перед собою задачу, не в состоянии правильно организовать руководство ими подготовленным движением, пока им не приходит на помощь рабочий со своей привычкой к коллективу, со своей дисциплинированностью и опытом массовой организации.

Тасеевская организация сделала крупную ошибку, подменив руководство партийной организации руководством отдельных лиц, хотя бы они и были членами этой органи-

зации. Второй ошибкой было то, что после выхода из подполья на долгий период, чуть ли не на целый год, организация как таковая перестала существовать. Исправив одну ошибку, организовав коллективное руководство в лице Армейского совета, разграничив функции между органами управления, надо было исправлять и ошибки самой парт-организации, надо было воссоздать ее заново и обеспечить партийное руководство уже не отдельных лиц, а всей организации в целом.

Эти ошибки были исправлены. Тасеевская организация возродилась к жизни и взяла в свои руки то руководство, которое сама расчленила между своими отдельными членами.

Реорганизация армии скоро дала самые великолепные результаты. Если партизаны были хорошими бойцами с самого начала восстания, теперь, при правильной организации, они стали еще крепче. Такие случаи, как митинг, не вовремя имевшие место в Убысинском отряде во время наступления на Тасееву по выходе из тайги, стали невозможны. Дисциплина поднялась.

К моменту соединения с Красной армией в рядах тасеевских партизан насчитывалось до 2500 бойцов пехотинцев и 750 кавалеристов. Кроме того, к партизанам перешли еще 5-й и 32-й белые полки. Это была уже значительная сила, и сила, к тому же, хорошо организованная и правильно руководимая. Тыловое хозяйство было поставлено тоже достаточно хорошо. После выхода из тайги организованный Совет народно-армейского хозяйства сумел справиться с задачей спешной уборки хлеба и обеспечить армию всем необходимым.

КККМ. О/ф 4464. Принципы построения партизанской армии. 1920-е (?) гг. Л. 31—35. Машинопись.

Подробности, как создавался Военный совет на Щекатуровском съезде 8—10 августа 1919 г., в сборник «Документы героической борьбы» не вошли, как и в опубликованном ранее воспоминания В.Г. Яковенко. В более полных воспоминаниях третьего издания (Красноярск, 1988) Василий Григорьевич писал о том, что основу Тасеевского военно-революционного штаба составляли зажиточные крестьяне, в отряде и руководстве находились эсеры, анархисты, нередко паникеры и мародеры, недовольные его «диктатурой». Постепенно членами штаба и Армейского совета становились оппозиционеры, которые активизировали свою деятельность, как правило, накануне армейских съездов. Кстати, резолюция «О реорганизации армии в строевом отношении и духовном ее воспитании» принималась на съезде по докладу Яковенко. Прошелся он спустя годы и в отношении характеристик Кренца как неспособного командира и Бабкина, с его бегством из окопов на р. Бобруйке и открытием фронта белым, отрицая тем самым восхваление роли последнего в реорганизации партизанских частей. В 1937 г. некоторые бывшие оппозиционеры напишут донос на организатора и руководителя Северо-Канского фронта.

Шекшеев А.П. Василий Григорьевич Яковенко. Незвестные страницы жизни сибирского партизана // Минусинские краеведческие чтения (2010—2011) : сб. документов и сообщений. Вып. VII. Минусинск, 2012. С. 336, 338—339.

- 20 15—24 ноября 1919 г. в с. Бакчет Канского уезда состоялся II Военно-армейский съезд делегатов Северо-Канского фронта. В.Г. Яковенко в нем не участвовал, так как лежал больной тифом. Делегат Егоров Кузьма Артамонович в своих воспоминаниях (приводятся в данном сборнике) писал, что «на втором съезде пришлось потратить немало сил, чтобы ликвидировать настроения недовольства Яковенко». Член штаба и Военного совета Егоров хорошо знал об обстановке, сложившейся на съезде. Упомянул о схожей ситуации спустя годы и председатель объединенного Совета Минусинска В.Г. Солдатов, сообщая о «клеветнических измышлениях» накануне съезда, направленных против Яковенко. При выборах Армейского совета из 11 выставленных кандидатур закрытым голосованием набрали: Бабкин — 99 голосов, Буда — 98, Рудаков — 93, Лобов — 86, Яковенко — 69.

Цифры более чем красноречивы. Яковенко прошел в Совет благодаря поддержке партизанских командиров.

Документы героической борьбы. С. 354—355; КККМ. В/ф 1840. Солдатов В.Г. О грубом нарушении решения XXII партсъезда по вопросу о неправильном освещении истории Гражданской борьбы со стороны группы работников, работающих в Красноярском крае. 20 мая 1968 г. Л. 50. Машинопись.

Партизанская армия Степного Баджея (Южно-Канский фронт)

- 21 П.П. Петров отрицает, что во главе пороховой мастерской стоял инженер А. Шмидт, военнопленный Первой мировой войны, химик по образованию. А также и то, что он был послан Красноярской подпольной организацией. Шмидт пришел в Перовскую организацию из Шалинской волости, где он, как военнопленный, работал у крестьян. Скорее всего, он боялся чехов, которые истребляли военнопленных мадьяр (особенно) и немцев. Он работал только по приготовлению состава пороха и пистонов. Еще до его прихода изготовлением огнестрельных припасов занимался местный фельдшер А.И. Кулеша, а также и другие мастера. Шмидт всегда находился в «ноющем» состоянии, не хотел идти в Урянхай. В Белоцарске покончил жизнь самоубийством — отравился. П.П. Петрову, председателю объединенного Совета Степно-Баджейской республики и члену Армейского совета, об этом было известно.
- Петров П.П. Степно-Баджейские партизаны // Сибирские огни. 1926. № 5—6. С. 269.**
- 22 Дом минусинского купца 2-й гильдии Г.М. Вильнера строился с 1909 по 1912 г. В 1913 г. здесь размещались реальное мужское училище, Сибирский торговый банк, кинотеатр «Арс», магазины, кафе. Во дворе находились конюшни, сараи, кладовые, подвал. В 1919 г. в подвале располагалась тюрьма.
- Минусинск. Указатель исторических объектов города. Минусинск, 2019. С. 40.**
- 23 Причины самоубийства М.В. Александрова подробно изложены в публикуемых в данном сборнике воспоминаниях партизанки Татьяна Перовой.
- 24 П.П. Петров впоследствии уточнял: Тальский полк сформировался в конце января 1918 г. и состоял из пришедших крестьян с юго-востока Канского уезда — Тальской волости под командованием Ф.С. Грибушина, К.А. Жестикова и Ф.И. Курганского. В феврале 1919 г. они первыми произвели построение отряда из рот и взводов. Революционная группа в Ирбейской и Тальской волостях начала свою работу в 1911 г., преимущественно среди крестьян-переселенцев. Группа состояла из Ф.Е. Пурсакова, рабочего Донбасса, политсильного; К.А. Жестикова, крестьянина-бедняка; Ф.С. Грибушина, рабочего-горняка; А.И. Горячих, рабочего Донбасса; Н.Д. Рожкова, рабочего Красноярских железнодорожных мастерских; Ф.И. Курганского, кустика, сапожника; Я.Е. Пурсакова, крестьянина-бедняка, и др. Во время мобилизации 1914 г. организация вела пропаганду среди уходящих на фронт новобранцев. После Февральской революции вела подготовку к вооруженному восстанию среди переселенцев и фронтовиков, устанавливала связи с Канском, организовывала Советы.
- С падением Советской власти таежная группа перешла на нелегальное положение. 10 июня 1918 г. в д. Галушки (перес. уч. Кеж) Тальской волости был организован Военно-революционный комитет в составе: председатель — Ф.Е. Пурсаков, секретарь — Ф.А. Гречанов, члены — К.А. Жестиков, Ф.С. Грибушин, Ф.И. Курганский, Н.Д. Рожков. Командирами отряда повстанцев комитет назначил К.А. Жестикова и Ф.С. Грибушина. Создаются нелегальные сельские военно-революционные штабы. К октябрю 1918 г. был организован партизанский отряд численностью 250 человек, в первых числах декабря отряд установил связь со Степным Баджеем. В январе 1919 г. Тальский отряд численностью 75 человек под командой Грибушина приходит к заман-

цам и участвует в нескольких боях. 7 января того же года Жестиков атакует ирбейский гарнизон, но вынужден был отступить на прежние позиции в с. Талое из-за отсутствия патронов. Вскоре отряд вновь возвращается в Степной Баджей, уходит в д. Солонечно-Талую Вершино-Рыбинской волости. По решению А. Д. Кравченко и Ф. Е. Пурсакова Жестиков возвращается в Тальскую волость, где вскоре организуется партизанский гарнизон и оружейную мастерскую в с. Агинском.

Петров П. П. Степно-Баджейские партизаны. С. 270; КККМ. В/ф 8486/29. Историческая справка для Истпарта о партизанском движении в Таловской, Ирбейской и части Агинской волостях. С. Ирбей. Ссылка на партийный архив Новосибирской области. Без даты, возможно 1957 г. Л. 1—4. Машинопись. Копия.

- 25 После подавления восстания рабочих и солдат в Канске в декабре 1918 г. начались обыски, аресты и расправы в городе и уезде. Проезжающий через Канск в марте 1919 г. генерал П. П. Иванов-Ринов посчитал, что расстрелять нужно было до 10 процентов населения, как это было в Енисейске. В число арестованных попал канский городской голова, эсер И. Д. Степанов, человек левонастроенный, не имевший отношения к восстанию, на котором показательно и отыгрался. Это подтвердила и Красноярская военная следственная комиссия, ввиду чего Степанова следовало отпустить, так как его связи с большевистским подпольем не были установлены. В Канск прибывает атаман И. Н. Красильников для расправы с повстанцами. На просьбу Красильникова принять свои меры против городского головы генерал С. Н. Розанов дает положительный ответ. И. Д. Степанова днем провели из тюрьмы через весь город к площади около вокзала, где повесили на фонарном столбе на глазах толпы, жены и двух детей. По мнению Е. Е. Колосова, с канским головой свели счеты разоблаченные им в 1917 г. старые охранники царского режима.

Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания. Материалы. Документы. Петроград, 1923. С. 141—142.

- 26 1 марта 1919 г. в д. Умбеж Перовской волости Канского уезда собрался I Армейский съезд, который объявил о создании Баджейской советской республики во главе с объединенным Советом крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Республика объединила 14 волостей Красноярского и Канского уездов, они и составили основную часть Степно-Баджейского партизанского района. Через несколько дней на пленарном заседании был избран объединенный Совет республики. Председателем Совета избран П. П. Петров, заместителем — Н. П. Курченко. Тогда же съезд избрал и Армейский совет во главе с С. К. Сургуладзе. Были рассмотрены отчеты о деятельности продовольственного и финансового отделов, мастерских и госпиталя, агитационно-редакторского отдела, утвержден Верховный трибунал. Организованы отделы — земельный, здравоохранения и социального обеспечения семей партизан и др.

Попов Г. Н. Партизаны Заманья. Красноярск, 1974. С. 69—70.

- 27 Основные бои отдельного отряда из крестьян с. Агинского под командованием М. Т. Савицкого изложены в его воспоминаниях, публикуемых в сборнике. См. часть II. С. 382.

- 28 П. П. Зеленов не совсем прав в своих воспоминаниях, говоря, что разработанного плана отступления партизанской армии Степного Баджея не существовало. Сошлемся на воспоминания очевидца тех событий Павла Ивановича Гутикого, датированные 27 ноября 1956 г. (в сокращении, плохо читаемая машинопись):

«Отход партизанская армия совершала по следующим маршрутам:

Канский полк из Вершино-Рыбной через Солонечно-Талое, Аргазу и Кой в Выезжий Лог;
Тальский полк (командир Марченко) через Умбеж, Голубевку, Баджей на Выезжий Лог и частично на Крол;
Ачинский (Северо-Ачинский) и отдельные части Тальского и Канского полков через Тюлюп, Нарву, Орешную, Баджей на Выезжий Лог и Крол;

Манский полк, после последнего удачного боя у Кия, следовать по тому же пути, что и Ачинский».

Отход всех полков, в том числе и Манского, проводился в спешном порядке.

Перед отходом части Манского полка по распоряжению командования изъяли из складов местного Баджейского кооператива всю находившуюся там муку и зерно пшеницы. С собой забрали всех раненых, которые были размещены в помещениях Баджейской больницы, и свою полковую оружейную мастерскую. Тактический отход партизанской армии проводился в строго организованном порядке. В авангарде и по флангам шла боевая конная разведка. В арьергарде шел кавалерийский эскадрон. Все полки в одно и то же время по правому берегу р. Крол от с. Выезжий Лог прибыли в район р. п. Жайма.

В армии было до ста человек легкораненых, которые могли ехать верхом на лошадях и 40 тяжелораненых. Для них изготовлялись конные носилки, состоящие из двух жердей, обшитых брезентовыми палатками. На концах таких носилок имелись веревки, благодаря чему носилки можно было положить на седла идущих друг за другом двух лошадей. У повстанцев были заготовлены продовольственные базы в сс. Агинском и Вершино-Рыбном. Однако командование не рассчитывало на такую численность беженцев.

Продовольственное положение в ходе отступления резко обострилось: партизанам выдавалось только зерно, раненым — небольшие запасы муки, а также мясо выбракованных лошадей. Одежда пестрая: шубы, телогрейки, красноармейские шинели, значительное число партизан одеты в шинели противников: чешских, сербских, итальянских и др. Хуже обстояло с обувью. Из конской сыромятной кожи шили сапоги — «поршни». На вооружении были берданки-четырёхлинейки и оружие иностранной армии.

Дальнейший путь партизан проходил вверх по правому берегу р. Крол, перешли Крол и направились на юг через Восточные Саяны. На всем пути от Крола до Козино партизаны противника не встречали. В Козино армия прибыла на седьмые сутки (другие указывают девятые сутки. — Т. К.), сделали трехдневный отдых. Усинский тракт прошли без боя. До этого имели несколько стычек с неприятелем. Сжигали мосты, обкладывая хворостом и обливая керосином.

КККМ. О/ф 4531. Воспоминания Гутикова Павла Ивановича. Л. 1—4. Машинопись.

«От Жаймы пошли в Минусу. На девятые сутки вышли в Козину. С семьями, многие плакали, большая часть шла босиком, а одиночки, случалось, пели. Хлеба не было, соли трюхе. Варили галушки. Жарили лепешки на листах железа. Вышли на Засолье, привезли короб хлеба, досталось по кусочку. Переспали, вышли в Козину, чуть с ногами всю деревню не съели».

КККМ. О/ф 4447. Воспоминания партизан (тетрадь А. К. Фелеловой). Воспоминания Анциферова Каллистрата Егоровича. Л. 17. Машинопись.

18 июня 1919 г. в оперативной сводке Верховному главнокомандующему в Омске сообщалось, что в Степном Баджее при отступлении красными оставлено 250 раненых и 500 трупов (Партизанское движение в Сибири. Т. I. Приенисейский край. С. 186). Явное стремление преувеличить успехи в борьбе с повстанцами, что прослеживается в ряде отчетов командования белых частей. В нескольких воспоминаниях партизан подтверждается, что раненые были забраны все и было их до 140—200 человек. Да и число трупов никак не соотносится с численностью отступавшей армии, даже учитывая полки, ушедшие с марша.

- 29 Первые потребительские общества появились в Центральной России в 1864—1865 гг. В Азиатской России — в конце XIX — начале XX в.: так, в Тобольске — в 1893 г., в Енисейске — в 1909 г. Наиболее значительное их развитие выпало на время после Первой русской революции 1905—1907 гг. и Первой мировой войны. В 1915 г. возникают две крупные кооперативные организации в губернии: Енисейский губернский союз и Минусинский союз. В 1918 г. потребительские общества были почти во всех селах и объединяли в своих руках большую часть снабженческо-сбытовых

- операций крестьян. Их членами становились рабочие, крестьяне, кустари. Устанавливался определенный размер паевого взноса. В селе чаще всего это была обычная лавка, торговавшая предметами первой необходимости. Потребительские лавки являлись своего рода защитой от посредников — частных торговцев.
- Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. Красноярск, 1972. С. 41.**
- 30 3 (16) декабря 1917 г. Иркутский исполнительный комитет получил сведения о готовящемся восстании юнкеров, а также о том, что из 320 юнкеров 126 высказались против выступления. В Иркутске спешно организуется Красная гвардия. Еще раньше в городе создается Военно-революционный комитет (ВРК) и Комитет спасения революции, созданный городской думой. Временный революционный комитет за подписью Б. З. Шумяцкого (председатель ЦК большевистской партии) издает приказ о роспуске юнкерских и инструкторских школ и сдаче оружия юнкерами 8 декабря к 14 часам. В этот же день в Иркутске начались бои. Руководители школ укрылись в китайском и японском консульствах, юнкеров поддержали офицеры, казаки, захватив центр города. 16 (29) декабря в Иркутск прибывают отряды Красной гвардии из Красноярска, Канска, Ачинска и Черемхова, не имея при себе пулеметов, кроме лишь одного орудия. Канским снайперам пришлось снимать стрелков из пулеметов. При попытке пробиться к «Белому дому» часть отряда красногвардейцев во главе с С. Г. Лазо попала в плен. 17 (30) декабря был подписан мирный договор, военные действия прекращены; Лазо с бойцами отпущены. Как вспоминает З. З. Громадзкий, участник подавления восстания юнкеров, при посадке красноярцев в эшелон сломалось древко знамени с надписью «Вся власть Советам». Поэтому пришлось идти под знаменем анархистов с лозунгом «Смерть врагам народа» с изображением черепа и человеческих костей. Позднее из Иркутска сообщали, что сдавшихся юнкеров и обывателей особенно напугало знамя анархистов. Населению было сообщено о якобы жестокой расправе анархистов с жителями города. Прибывших в Иркутск красногвардейцев предупредили о том, что гимназистки, вооруженные карманным оружием, спрятавшимся в муфтах, убили нескольких красногвардейцев. В. Г. Солдатов, как член комиссии по разоружению юнкеров от Ачинского красногвардейского отряда, видел там значительное число красноярских эсеров, которые принимали непосредственное участие в восстании против Советов. После восьмидневных боев на улицах Иркутска было подбрано 277 трупов.
- Как писала кадетская газета «Свободная Сибирь», красногвардейцы крали у населения одежду и продукты питания, сожгли несколько домов, производили обыски, оставив в нескольких домах трупы людей.
- КККМ. О/ф 3228. Поздняков А. А. Хроника. С. 367, 376; КККМ. Инв. № 4502. Громадзкий З. З. Воспоминания. Л. 19—20, 23, 26. В 1957 г. в сборнике «Незабываемое» Громадзкий опубликовал статью «На заре Советов Красноярска» (в сокращении), в которой об аресте С. Лазо не указывает; 1917. Гроза над Енисеем. Русская революция в Енисейской губернии. Красноярск, 2017. С. 373—374; Свободная Сибирь. 1918. № 8 (221). 12 янв.**
- 31 Памятник Александру III.
- 32 Всероссийский Центральный Исполнительный комитет (ВЦИК) на заседании 8 ноября 1917 г. принял решение об уничтожении в России сословий и гражданских чинов. 15 декабря 1917 г. вышел Декрет об отмене чинов, званий и военной символики старой армии: погоны, ордена и т. д.
- 33 Армейский съезд в Кожелаке. Никаких сведений об этом съезде не обнаружено. 30 марта 1919 г. состоялся Армейский съезд в Степном Баджее.
- 34 Сам М. Т. Савицкий так описывал свое ранение под Агинском: «Жаркий бой под Агинском. Ожесточенно деремся с итальянцами-оккупантами. Я не замечаю ранений. Четыре пули одна за другой ранят меня. Кровь заливает глаза, но я не бросаю командования. Еще три пули царапают правое плечо. Восьмая пуля, разбившая челюсть, наконец, выводит меня из строя. Падаю, приподымаюсь на локте. Вижу, что итальянский отряд окружает нашу часть. Сейчас возьмут живьем. Собираю последние остатки сил, приказываю близстоящему партизану заколоть меня. Тот не решает, как выполнить мое приказание. Стараюсь выговаривать как можно тверже и отчетливее, приказываю еще: — Выполняй приказ командующего фронтом! Как сейчас, вижу бледное и решительное лицо этого партизана. Повинуясь приказу, он быстро поднимает винтовку и стремительно вонзает штык мне в грудь. И так велика была сила, с которой славный боец выполняет волю своего командира, что штык прошел все тело насквозь и вышел через спину. Но я все-таки не умер. 1200 километров пронесли партизаны своего командира на носилках, отступая в тайгу». Тяжелораненые при отступлении армии, как уже указывалось, перемещались на конных носилках.
- Савицкий М. Из воспоминаний о партизанском движении в Сибири // Красный партизан. 1935. 1 нояб.**
- 35 В годы Гражданской войны на территории России находилось от 60 до 300 тысяч китайцев, как рабочих, так и солдат. Мнения историков об их численности разнятся. Во всяком случае, цифра в 200 тысяч человек более убедительна. Китайцы служили в красных войсках, как, впрочем, и в белых.
- Сергеев Е. Британия и начало интервенции в России в первой половине 1918 г. // Российская история. 2019. № 1. С. 57.**
- 36 Приводится фрагмент воспоминаний Сысоева Гавриила Ивановича о бое в Кияе, опубликованных в газете «Красный партизан»: «С наступлением вечера бой затих. В деревне узнали, что партизаны оставили деревню уже час назад. Оставшись вчетвером: командир отделения Семин, Бондаренко Евсей, Денисов и я, кинулись наугад через ручей в лес и дальше. Мы решили пересечь тайгу, выйдя на Голубевск, откуда присоединиться к своему отряду. Нам предстояло пройти тайгой 25—30 километров без лыж, по глубокому снегу, не спавши и не евши трое суток. Забывавши в наледь через ручей, мы до основания вымокли. Мороз был градусов под сорок. Одежда на нас стала мерзнуть, брюки обледенели, не давали согнуть ног в коленях. Замерзшие тулупы трещали. Так мы шли несколько часов. В душе чувствовалось, что предстоящего пути нам не одолеть. Были случаи, когда, потеряв одного отставшим, мы возвращались и разыскивали его спящим. Будили и продолжали наш путь. Наконец мы просто стали падать на ходу». Попав на спасший их хутор, проведя три недели в подполье, ребята вернулись в свой отряд в Солонечно-Талое. Там их считали уже погибшими.
- Сысоев Г. И. В тайге // Красный партизан. 1953. 1 нояб.**

Воспоминания партизана Манского полка Степно-Баджейской партизанской армии Костюченко Ефима

- 37 Высшим законодательным органом партизанской армии Степного Баджее был Армейский съезд. Исполнительным органом, осуществлявшим политическое и экономическое управление армии, являлся Армейский совет во главе с С. К. Сургуладзе. Совет состоял из выборных лиц от всей армии, избираемых тайным голосованием, от полковых до ротных представителей. Избранным считался тот, кто получал две трети голосов.
- 38 Партизанские оружейные мастерские являлись главным предприятием армейской жизни партизан. Все оружие добывалось в бою, отвоевывалось у противника, которого снабжали союзники. Боевые винтовки, револьверы разных стран и марок, пулеметы, а на первых порах у партизан — охотничьи ружья, дробовики. Все чинилось, подгонялось, выливались самодельные пули. По воспоминаниям многих партизан, белые шли обычно с большими обозами, в которых было все, в чем нуждались повстанцы. В мастерских Степного Баджее работала целая группа оружейников: Д. Г. Смоленский, М. Макушин, А. Аксенов. А. Шмидт; питер-

ские рабочие П. и Г. Маркитанты, боготелец В.С. Масленников, а также рабочий депо ст. Клюквенной С.Л. Карасев; рабочий-оружейник Р.О. Письменный и др. Партизан Игнатий Александрович Янчеленко, назначенный П.Е. Щетинкиным каптинарусом (заведующий хранением и выдачей имущества и продуктов. — Т. К.) Северо-Ачинского отряда, вспоминал, как собирал в д. Семеновке консервные банки, свинец, олово для патронов, капсулы и пуль.

Попов Г. Н. Партизаны Заманья. С. 77; КККМ. О/ф 3252/1. Воспоминания бывшего красного партизана Игнатия Александровича Янчеленко. Черногорск. 1950-е гг. Л. 7. Машинопись.

39 При отступлении партизанской армии Степного Баджея в Минусинский уезд от тяжелого ранения скончался разведчик Канского полка Степан Безотечество. В боевой одежде, без гроба, был положен партизан в могилу на склоне горы. Произвели оружейный салют, над могилой спустили боевые знамена. В 1956 г. ученики Заозерновской школы № 62 (г. Заозерный Рыбинского р-на. — Т. К.) совместно с П. И. Гутиковым нашли могилу, установили памятник.

Воспоминания Гутикова Павла Ивановича. Л. 2—3.

40 После соединения с партизанской армией Степного Баджея, дав отдохнуть полку три дня, П.Е. Щетинкин вышел с отрядом в село Семеновка в нескольких верстах от станции Клюквенной. Стояла задача разрушить железнодорожный путь, снять охрану телеграфа, организовать набеги на села, занимаемые белыми. В середине мая 1919 года 12-тысячный отряд колчаковских войск (включая союзников — итальянцев, чехов, поляков и др.) под командой генерал-лейтенанта С.Н. Розанова двинулся на подавление повстанцев. Северо-Ачинскому полку был дан приказ оставить Семеновку и отступить в село Сухонойское, затем в Солонечно-Талое. Полк двинулся на Ману, в тайгу, с беженцами и ранеными. На второй день подошли к деревне Кой, где переправились через Ману на правый берег.

Направляясь на соединение с армией А. Д. Кравченко, партизаны услышали гул орудий со стороны Григорьевки, где вели бой степнобаджейцы. Отряд П. Е. Щетинкина оказался в тылу у белых, с теми силами, что имелись, вступить в бой было бессмысленно. Опять пошли тайгой в глубокий обход, идя между белыми и красными. Шли без боеприпасов, продовольствия, переправляясь через ущелья на канатах, так как все мосты и переправы были уничтожены армией Кравченко. На 81-й версте степнобаджейцы выслали продукты. Наконец отряд остановился в Белоцарске, чтобы дать отдохнуть измученным людям и привести в порядок боевой состав.

Годы огневые. С. 162.

Из воспоминаний партизана Лабецкого Ивана Каллистратовича: «Командование Северо-Ачинского фронта решило, выходя из окружения, прорвать кольцо в более слабом месте и пройти по южным частям Ачинского и Минусинского уездов. Слабым местом колчаковцев оказалось село Коробейниково. На прорыв пошли отряды П. Красницкого, В. Загуменного под общим командованием В. Уланова. Исход боя решился в пользу партизан: удалось перебраться через железную дорогу близ станции Критово, и отряды с пленными, обозом, мастерскими, беженцами, ранеными двинулся в тяжелый путь. Лабецкий пишет, что целью движения фронта П.Е. Щетинкина было привлечь в отряд скрывавшихся от колчаковцев ссыльных, бывших красногвардейцев, которыми увлечит стойкий элемент отряда, и вернуться в Ачинский уезд. Однако это желание не осуществилось. Многие скрывавшиеся ждали прихода Советской власти, но без своего участия. Отряд М. Х. Первалова, на соединение с которым шли, был разбит. Пришлось изменить направление и идти к А. Д. Кравченко. После соединения со степнобаджейцами щетинкинцы организовались в Северо-Ачинский полк, отряды в роты, выдержав до этого, таким образом, семидневный переход из Баджея в Минусинский уезд, а затем переход через Саянский хребет в Урянхайский край».

КККМ. О/ф 4508. Лабецкий И. К. Краткие мои воспоминания организации 5-го отряда партизан т. Щетинкина и его движения. 28 июня 1959 г. Л. 12—14. Рукопись.

Бывший председатель объединенного Совета рабочих и крестьянских депутатов партизанской армии в Минусинске В.Г. Солдатов писал позднее, что эсер А.Д. Кравченко не принял никаких мер, чтобы выручить красных партизан П.Е. Шетинкина, попавших в тыл врага при переходе через Саянский хребет в Урянхайский край. Хотя знал, что небольшой отряд обречен на гибель, так как, отступая, уничтожал все мосты над пропастями и переправы (за восемь дней уничтожили 12 мостов), и спокойно ехал по Усинскому тракту. Приходилось организовывать сложную канатную переброску, а в отряде были раненные. Только военный опыт и выдержка П.Е. Щетинкина спасли отряд. На 81-й версте восстановили телеграфную связь с Кравченко. Тот выслал небольшое подкрепление продуктами.

Солдатов В. Г. О грубом нарушении... Л. 36.

Полагаем, что мнение В.Г. Солдатова спорно. Белые «висели на хвосте» отступающей Степно-Баджейской армии. Уничтоженные переправы замедлили и продвижение есаула Г.К. Бологова.

41 Усинский тракт — участок дороги от Минусинска до Кызыла протяженностью 415 км. Название получил по р. Ус. Решение о строительстве принято в 1906 г. в связи с необходимостью развития торговли с Тувой. В 1907—1908 гг. Иркутский дорожный отдел проводит изыскательские работы для прокладки колесной дороги. В 1910 г. в с. Григорьевка Минусинского уезда было учреждено Управление колесной дороги, которое и приступило к работам. Первый обоз прошел в 1914 г. Первая мировая война приостановила строительство, возобновилось оно только в 1922 г.

42 Сухорословские хутора находились на р. Иджим (левый приток Уса) в Усинском пограничном округе.

43 Манский полк был оставлен для охраны плашкоутов и оказался запертым Бологовым в с. Верхне-Усинском, дорога на Туран для него оказалась отрезанной. «Есаул Бологов, стянув крупные силы, сумел отрезать Манский полк, оставленный нами в Усинске, занял Туран и начал подготовку к наступлению. Манцы, сделав адски трудный переход, вышли круговым путем к Белоцарску».

Щетинкин П. Е. Партизаны Енисейской губернии. С. 163.

Партизанам полка пришлось пройти десятки верст без дорог, тайгой и горами до соединения с армией.

«На седьмые сутки, после тяжелых таежных переходов, партизанская армия Степного Баджея прибыла в д. Козино... Продолжая путь к Туве, армия подошла к селу Григорьевка, что стоит около села Усинского. На пути к Усинскому река Ус делает три поворота и имеет три плашкоута». Впереди оказалась засада, о которой партизаны знали. Отряд Марченко решил исход операции против белых в «ползу красных партизан». Манский полк был оставлен для охраны Усинска и плашкоутов. «К этому времени усиленный отряд белого генерала Бологова двигался в Кызыл с целью уничтожения партизан. Отряд белогвардейцев собрал сотни рыбацких лодок, переправился на рассвете через Енисей в восьми километрах ниже Кызыла и потеснил Манский полк до сорока километров... После этого он стал теснить и Тальский полк и занял Кызыл».

Воспоминания Гутикова Павла Ивановича. Л. 5.

«Захватили нас у котлов с супом. Часть бежать — их перебили. Кто бросился драться — спасались. Пришлось по бежавшим выпустить очередь, вернулись. Пробивались 22 версты тайгой, трое бежавших, пришли позднее. Выйдя на Ус, утром отступили тропой на Белоцарск. Шел весь Манский полк». Через Енисей полк переправили сойоты, полк стал в 12 километрах от Белоцарска на заставе.

КККМ. О/ф 4447. Воспоминания Анциферова Каллистрата Егоровича. Л. 17. Машинопись.

«В Усе нас отрезал Бологов... Под Белоцарском в Манском полку был прорыв. Держали бой до ночи. Выдержали три атаки. Отступили. Один умер — без воды, многие валились с ног. Я тоже падал, просил приколоть. Человек десять легли со мной, кавалерист съездил к ключу, привез в сапогах воды, мы напились и добрались до ключа».

КККМ. О/ф 4447. Воспоминания Лопатского Павла Степановича. Л. 14. Машинопись.

Вернувшемуся измученному Манскому полку придется первым принять натиск Бологова на берегу Енисея в восьми километрах от Белоцарска.

44 С грамотой о передаче раненых партизан, 250 человек, в Монголию ездил Н. П. Курченко. Предполагалось оставить там раненых до окончания войны под покровительством и на иждивении монгольских властей, за которых будут платить имеющимися в армии ценностями: серебром, пушиной, маральими рогами. Ответа не получили; монгольский нойон медлил, наблюдая за окончательной развязкой в борьбе между красными и белыми.

45 О том, что к реорганизации партизанской армии приступили неумело, вспоминал и партизан Анциферов Каллистрат Егорович: «Сошлись уже с российским фронтом, а через неделю разоружение. Из нашей дивизии распоряжение, командовал Савицкий, оказать сопротивление. Выставили пулеметы. Но потом договорились делегациями и сложили оружие. Комсостав не отпускали...» В одном из полков комсостав был арестован.

КККМ. О/ф 4447. Воспоминания Анциферова Каллистрата Егоровича. Л. 18.

Из воспоминаний партизана Казимира Мордасевича: «Дежурил в отделе, остался ночевать. На рассвете вбегают четверо — по приказу Ревсовета сдать оружие. Кто вступит в армию, только зарегистрируем. Я тут же записался. За день до этого я встретил командира Канского полка Сабаева (в это время Сабаев уже не был командиром полка. — Т. К.). Бегают как угорелый, подбивает ребят к сопротивлению.

— Это не красные части, хуже белых. Надо дать им отпор. — Брось, Сабаев. Нам тайга надоела. Это тебе не кто-нибудь, а регулярная Красная армия. Кто хочет в армию, того не разоружают. Не по нашим бандам строить армию.

Он вскинулся. Но его никто слушать не стал. Все-таки кое-кто ушли с винтовками через тайгу».

КККМ. В/ф 9348/2. Воспоминания Казимира Мордасевича. 2-я тетрадь. Л. 4об. — 5. Рукопись.

Существовали причины и другого порядка. 30 января 1920 г. началось формирование Енисейской стрелковой дивизии со штабом в Ачинске из партизан армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Это был единственный случай в Сибири создания дивизии РККА на базе партизанских формирований. Однако массовое нарушение дисциплины, наличие среди партизан антисоветских элементов, а возможно, боязнь оставить в тылу хорошо вооруженную и сплоченную массу людей привели к расформированию и разоружению дивизии. Требование сдать оружие вызвало массовое недовольство партизан. Не менее сильное раздражение вызвало и привлечение в Красную армию бывших офицеров старой армии. При расформировании дивизии, численность которой первоначально составляла 13 тысяч человек, желающих воевать в РККА осталось 900 человек. Из енисейских партизан было составлено два добровольческих стрелковых полка под командованием А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина.

Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 400—401.

2 декабря 1919 г. Реввоенсовет 5-й армии издает постановление о «недопуске существования отдельных партизанских отрядов», а пополнения ими состава дивизии. 19 февраля 1920 г. поступил приказ о переводе одной бригады в район Минусинска, двух расквартировать в окрестностях города. Причины: вылазки бывших колчаковцев и заслон от белых банд атамана Семенова из Монголии, а также конфликт Советской власти с бывшими партизанами армии Кравченко и Щетинкина. Стычки повстанцев с частями Красной армии произошли еще в январе 1920 г. В том же месяце, 30 января, вышел приказ по войскам 5-й армии за № 45 о формировании Енисейской стрелковой дивизии из партизан Минусинской рабоче-крестьянской армии, что явилось решением VII Армейского съезда, состоявшегося в Красноярске 23 января. Все партизанские отряды, не входившие в состав Енисейской дивизии, под-

лежали расформированию. Однако значительная часть бывших повстанцев продолжала оставаться в Минусинском уезде. Не прекращались и жалобы мирных жителей на притеснения с их стороны. Командованием армии были приняты жесткие меры. Для «успокоения» в Минусинский уезд был отправлен 6-й отряд особого назначения 27-й дивизии — 700 интернационалистов, взвод артиллерии и броневик. А. Д. Кравченко был арестован. Началось разоружение Енисейской дивизии численностью около восьми тысяч штыков. Комдив 27-й дивизии В. К. Путья отдал приказ о применении решительных мер при задержании и разоружении повстанцев. 2 марта 1920 г. судьба бывших партизан была окончательно решена: те элементы, которые действовали с белыми частями, подлежали аресту; кто не хотел служить — увольнялись домой; те, кто принимал решение служить в Красной армии, считались красноармейцами и за дезертирство несли ответственность по всей строгости революционных законов.

Овчаров В. Красное на Белом: к столетию окончания Гражданской войны в Красноярске. Красноярск, 2019. С. 156—164.

Красная армия выставила по дорогам заставы, чтобы разоружать уходивших партизан. Еще до расформирования повстанческой армии внутри ее шла ожесточенная борьба, даже рядовые «не верили ни Кравченко, ни Щетинкину». В. Г. Солдатов утверждал, что командование 5-й армии знало о замыслах красноярских эсеров организовать внутренний тыл. Он прямо обвинял эсеров в том, что позднее, в Минусинском уезде, возникла затяжная болезнь, называемая партизанщиной. Как писал в неопубликованных воспоминаниях К. И. Матюх, один из организаторов в освобожденном от колчаковцев Минусинске объединенного Совета, «совершенно непонятное чванство нашего комсостава не позволило им согласиться на влитие их частей в ряды Красной армии, вследствие чего и упорства командиров рядовой состав партизан был дезорганизован». В Енисейскую стрелковую дивизию из партизанской Минусинской рабоче-крестьянской армии влились лишь наиболее сознательные люди. Остальные разошлись по домам. В этом «заслуга», по словам Матюхи, принадлежала меньшевику Сургуладзе и его секретарю — эсеру Загайному-Грюнбергу.

Солдатов В. Г. О грубом нарушении... Л. 23, 61—62.

46 В отношении гибели Федора Богана сведения противоречивы: официальная версия — застрелил кулак, неофициальная — убит своими. В публикуемых воспоминаниях партизан последняя версия встретится несколько раз. Приводим еще два свидетельства, одно из них принадлежит партизану Манского полка Лопатскому Павлу Степановичу. «Когда убили Богана, я стоял в Полтавке (д. в Минусинском у. — Т. К.) у парома. Говорили, что убил Силин Ефим или какой-то кавалерист Ачинского полка. В Ермаковское подошел батальон Ачинского полка, он их успокоил, что у него хорошая охрана. Сам жил с торговкой и казачкой и пьяный уснул. Разбудили белые выстрелом из орудия. Иван Боган до прихода Щетинкина авторитета большого не имел, уважали за начало революционной работы. У Федора Богана боевых способностей не было. Был смел, ездил в разведку. У Ивана способностей было больше, был смел. При отступлении у баджейского моста было в березнячке совещание комсостава. И решили Ивана Богана оставить с пулеметом и несколькими людьми задержать белых и отступить к Кравченко. Но он оторвался совсем, отстал в тайге. Против него негодовали, хотели даже убить. Задачу задерживать белых он не выполнил. Причины мне неизвестны. Помню, старик в стрельбе, матерясь, говорил: захотели Боганы быть царями».

В этих же воспоминаниях есть фраза уже упомянутого ранее Анциферова К. Е.: «Из Григорьевки ушли в Ермаковское. Здесь Ефим Селин (Силин) убил Федора Богана».

КККМ. О/ф 4447. Воспоминания Анциферова Каллистрата Егоровича. Л. 14—15, 17.

Из воспоминаний партизана М. А. Панацаева: «Догнал я батальон нашего полка (Манского) уже в Салбе. Мне ребята рассказали, что командир полка Иван (*ошибка — Федор*) Боган напился, не выставил засаду, белые этим воспользо-

вались, ночью окружили Ермаковское и утром ворвались в село. С большим трудом удалось выбить белых и вырваться из окружения...

— А где сейчас Боган?

Молчат. Я смотрю, лица у ребят хмурые. Потом один говорит:

— Расстреляли мы Богана...»

Следует отметить, что об убийстве Ф. Богана многие партизаны говорили с чьих-то слов.

Воспоминания участников Гражданской войны в Минусинском уезде. Абакан, 1957. С. 46.

Партизанская армия А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина

- 47 Решение отступить в тайгу было неожиданным и тяжелым ударом не только для рядовых, но и для командного состава Степно-Баджейской армии. Возникла паника. В пути многие ушли, в том числе и Канский полковой совет во главе со своим председателем Ф. Халявиным, Н. Сквидо и Д. Байбаковым, забрав оружие, коней и полковую кассу. Ушел Агинский полк с командиром Стародубцевым. Накануне ушел К. А. Жестиков с отрядом и всем имеющимся оружием. Ушли члены Армейского совета Говорушин, Д. Альянов; два брата Плум, один из них — прокурор трибунала; два брата Клявины; Боган Иван, командир Манского полка; Гвоздев — завснабжением армии; около десяти фельдшеров. Из трех с половиной тысячи бойцов осталось 1370.

КККМ. О/ф 2450. Воспоминания о борьбе партизанского отряда Кравченко — Щетинкина 1918—1920 гг. с белогвардейцами колчаковской армии. Рукопись партизана Ковалева Афанасия Емельяновича, командира взвода и секретаря Манского полкового совета. Без даты, скорее всего 1957 г. Л. 1, 4.

Были недовольны фронтовики еще и тем, что некоторые из партизан сумели пристроиться в тылу. «Выбирали мы следственную комиссию, судебные органы, Армсовет. Выборные подбирали своих и жили теплой компанией. Ставили (фронтовики) перед главноком вопросом — послать на фронт всех невыбранных, но околачивающихся в тылу».

Из воспоминаний Лопатского Павла Степановича. Л. 15.

- 48 «Прихожу на Крол, здесь занят весь луг войсками. Для тяжелораненых сделали носилки в количестве 18 штук, под эти носилки поставили две лошади заседланных, одного впереди, другого сзади, а большой лежал посередине, и так поехали с Крола в тайгу... Госпиталь поставили в середине, а Канский полк — для прикрытия тяжелораненых, 18 носилок, и для каждых носилок было прикреплено... шесть человек для всякого случая, и таким путем шли вперед... Ехали недолго, тут товарищ Савицкий нечаянно выпал с носилок и прямо покатился в реку Крол (успел схватиться рукой, вероятно, за ветку дерева; помимо Савицкого выпал еще один раненый — переходили узкое место. — Т. К.)».

КККМ. О/ф 4481. Попов (инициалы не указаны). Воспоминание. Отступление партизанского отряда им. Кравченко и Щетинкина. 1 июня 1919 г. 1950-е гг. Л. 1—2. Машинопись.

- 49 Воспоминания партизана Казимира Мордасевича (брат партизана Иосифа Мордасевича, скончавшегося в 1921 г. — Т. К.) дополнительно дают представление о том, в каком состоянии находилась Степно-Баджейская армия перед отступлением, если командование готово было пойти на переговоры с белыми. И как складывалась жизнь партизана, отказавшегося идти с армией.

«Составляли мы планы, как перебраться к российским войскам. Когда мы явились в штаб в Баджей, Кравченко предложил членов следственной комиссии (в которую входил и Мордасевич. — Т. К.) и Большакова (исполнителя приговоров) послать парламентариями (это на верный расстрел). Штаб чуть было не согласился. Я заявил Логвинову:

— Я на съедение белым не пойду. Кравченко не подчинюсь. А с вами тоже не пойду, вы Кравченко не умеете сдерживать».

Агинцы начали грабить своих же крестьян. Началась неразбериха. До Жаймы я все же дошел. Митинг длился целые сутки. Начался раскол. Часть настаивала на том, чтобы остаться. Ходу белым за Маной не давать, добывая для себя хлеб как придется. Часть так и не пошла в Минусинск, остался и Иван Боган, начальник главного штаба. Тянули в Минусинск больше щетинкинцы, ссылаясь на то, что там хлебные места, а здесь с голоду можно сдохнуть. Нас собралось 25 человек — и поехали на Манское озеро, чтобы пробраться в Монголию и в Ташкент на соединение с российскими войсками (не случилось, попали в водопад, утопили винтовки — нагруженного коня сбило с ног водой. — Т. К.). Жили (на озере) два месяца. Ловили рыбу руками... Приехали татары рыбу ловить. Привезли табак и обрывки газет. А там сведения, что «красные банды» перервали через Урал.

Мы уже гибели ждали, тут воспрянули духом... В октябре организовался 2-й Манский полк, формировали полк в тайге за Маной, перебрались, как получили пулеметы. Ребята, скрывавшиеся по тайге, присоединились с винтовками. В начале декабря приехал через тайгу Сырмятников с письмом от Щетинкина. Он писал, что занял Минусинск, белогвардейцев уйма, своих мало. Звал выборных работников. Мне писал особо, что влияние Кравченко пало, мстить он не может, и звал приехать. Мы жили открыто, но нападать на нас не пробовали. Мы добывали продовольствие с приисков, населения не было, хлеб был побросан... Мы после письма Щетинкина — я, Боган Иван, брат Иосиф, Щербаков, всего отряд человек в двести пятьдесят, отправились в Минусинск.

В Минусинске пошел к Щетинкину на квартиру. Жил он в доме Вильнера во втором этаже. В другой половине жил Кравченко. Щетинкин, подвыпивши, лег спать, я пошел к Кравченко. Его нет дома. Сидят четверо мужчин, пьяные. Обстановка шикарная, а под кроватью 24 четверти спирта. Подъезжает Кравченко на автомобиле. Подошел Сухорослов, начальник отдела снабжения, говорит, что надо своего секретаря в отдел. Туда меня и назначили, и там я работал до конца.

Когда красные заняли Красноярск, пришел 6-й отряд ЧОН в Минусинск. Мы выстроились парадом, командовал Марченко... Недели через две, когда нашей «Соха и молоту» сбили рожки, вывели социал-революционное влияние, началось разоружение».

Воспоминания Казимира Мордасевича. Л. 2—5.

«Соха и молот» являлась единственной партизанской печатной газетой в Сибири. В освобожденном Минусинске вышло 75 номеров со статьями, новостями, постановлениями, воззваниями и т. д. Первый номер вышел 21 сентября, выходила газета ежедневно, кроме понедельника. Газета для того времени сыграла большую пропагандистскую роль, несмотря на левозерсовскую направленность (тираж 500 экз.). «Соха и молот» ставила вопрос об объединении всего крестьянства, агитируя одновременно за беспартийность его движения. Автор под именем Андрей (Андрей Низовцев, входил в редколлегия. — Т. К.) писал, что Советскую власть сгубила диктатура пролетариата. Любопытно замечание эсера Е. Е. Колосова на аншлаг газеты «Вся власть крестьянам и рабочим в лице их Советов» с ударением не на втором лозунге, а на первом. Выходило так, что если Советская власть не будет выражением власти рабочих и крестьян, то они могут избрать иную форму устройства их интересов.

Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 196; Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. С. 37.

- 50 Динамику боя и взятие Белоцарска хорошо передают воспоминания участника этого события, авторство которого не установлено.

«На свету 16 августа один орудейный неприятельский выстрел разбудил всех на нашем участке. Наступление казаков началось на левом фланге, на участке Манского полка.

Мы стояли правее. Переправившимися через Енисей казаками был выбит Манский полк. Участок фронта был открыт. Неприятель развивал свое наступление успешно. Вскоре наш первый батальон ушел на подкрепление. Заняв участок, мы вступили в бой. Вооружение нашей роты скверное, старые берданки и разный сброд. Неприятель буквально засыпал нас пулеметным огнем с фронта и орудийным с тыла из-за Енисея. Вскоре был получен приказ главного штаба по всему участку отступить в город, а затем за город по левому берегу Енисея (вверх). Все наши силы были разбиты надвое: части, сражающиеся с утра, были оттеснены от Енисея в степь, а наш пригородный участок во главе с Кравченко и Щетинкиным отошел вверх по Малому Енисею.

Казаки занимали город. В верстах двух за городом, в укрытом месте, стягивались наши отступающие силы. Было три или четыре часа дня. Собравши вокруг себя стянувшуюся братву (боюсь, чтобы не солгать), но нас было там не более 250 человек, товарищи Щетинкин и Кравченко кратко, без всяких рассуждений, сказали: „Во что бы то ни стало город мы сегодня должны взять. Все, что привезено казаками, будет наше. А сейчас за нами“. Усталость и голод, которые уже достаточно чувствовались, после этих железных слов беззаветно любимых боевых вождей каждым партизаном были отброшены. И за своими воеводами мы двинулись в цепь, змейкой огибая город по цепи. Пулеметного и орудийного огня со стороны неприятеля не было, артиллерия обстреливала нашу цепь, но как-то попусту. Идем медленно, отдыхая. Нужно было связаться с частями, оттесненными в степь.

Казаки, заняв город, ликовали в нем; командующий всеми их вооруженными силами, известный каратель есаул Бологов, войдя в Белоцарск, на наших окопах задал трепака, выкрикивая:

— Я говорил, что разобьем банду.

(Со слов пленных.) Связавшись с нашими частями, и мы отрезали уже дорогу, ведущую в Белоцарск, по которой под нашим обстрелом бежали казацкие обозы в город. Последняя остановка цепи, отдыхаем. Идет сбор патронов для пулеметов. Готовимся к наступлению. Вот последний боевой наказ наших командиров. Проезжая по участку своего полка, наш командир т. Марченко сказал:

— Кто останется жив, тот должен сегодня взять город. Пулеметы будут наши. Сегодня решительный бой. Не выдержав этого боя, мы погибли. Всякого, сделавшего шаг назад, буду убивать сам и приказываю это делать командирам и самим товарищам.

Вот фигура его, запечатлевшаяся в моей памяти: на большой карей лошади, в хорошем седле, плотно усаженная фигура внушительного вида. Брюнет, украинский тип. В зеленом френче с черкасским кинжалом на поясе, с маузером в руке. Взад и вперед под градом пуль носится по цепи, и только слышится:

— Лучше целься, береги патроны вперед.

Перед этим мужиком-кузнецом, а теперь красным стратегом не выдерживали хорошо обученные офицеры довольно высокой марки. Мы двинулись в наступление. До заката солнца разыгралась самая ожесточенная схватка. В нас стреляют из 13 пулеметов и двух орудий свыше тысячи хорошо вооруженных солдат и казаков. Мы отвечаем одним пулеметом (по крайней мере, на правом фланге мы слышим только один пулемет) и выстреливаем остальные патроны. После выстрела ищем у товарища шомпол, чтобы выколотить гильзу. Спать почти не ложились, идем ходом. „Ура“ начали кричать версты за две до города. Каждый партизан командует, что ему вздумается: „эскадрон, вправо“, „рота, влево“, „во фланг“ и т.д.

На самом же деле он лежит в цепи и отстреливает последний патрон, пулеметный огонь совершенно засыпает, но только попусту. Цепи идут без урона. Темнеет, вот и город. Неприятельские пулеметы захлебываются, мы одушевляемся. У них паника. Огонь стихает, мы заходим в город. Совсем темно. Выходим на берег, группы пленных, отбираем винтовки, казаки и офицеры бегут в полном беспорядке, кто как может. Перевоза нет. Плывут на бревнах, с лошадьми и прямо вплавь. Убегающих обстреливаем,

пленных группируем, берем под конвой. Стрельба стихает по всему фронту.

Город и все в нем, реквизированное белыми, — наше. Из 13 пулеметов казакам удалось утащить один, остальные наши. Орудия оба наши и к ним снаряды, масса патронов, винтовок, гранат, казацких лошадей и обозов. Свыше тысячи человек — отряд Бологова, казаки, дружина и новобранцы, разбиты наголову. Человек двести (хорошо не утверждаю) новобранцев взято в плен. Казаки взводами на лошадях бросились в Енисей, потонуло их в несколько раз больше, чем убитых в бою. Бологов с личной охраной на лодке бежал и через несколько дней спустя, во время преследования их на одном из маральников, где содержатся маралы, нашей разведкой был ранен и выбит из строя. Поистине это был решительный бой. Существование нашего отряда было поставлено на карту, и наша взяла. Два огромных креста там, далеко, на берегу стекающих двух Енисеев (Большой и Малый), под которым почивают около сорока красных орлов, будут напоминать о славном дне».

КККМ. О/ф 4481. Неизвестный автор. Белоцарский бой. Л. 2—3. Машинопись.

51 См. прим. 30. С. 211.

52 Лац, учитель, отправился вместе с Малышевой В. А. в Красноярск 12 марта 1919 г.

53 Сепаратные переговоры России с Германией начались в г. Брест-Литовске 20 ноября 1917 г. и тянулись до марта 1919 г. Глава русской делегации Л. Д. Троцкий предлагал мир без аннексий и контрибуций. Выступил с заявлением: «ни мира, ни войны». Часть большевистского руководства (Н. Н. Бухарин и др.) также выступили против каких-либо компромиссов между Советами и капиталистическим миром. В. И. Ленин сумел убедить членов в ЦК партии и ВЦИК, вплоть до угрозы уйти в отставку, если его предложение не будет принято. 18 февраля 1918 г. германские войска начали наступление по всему фронту, оккупировав значительную территорию. Германия пошла на переговоры, потребовав освободить Прибалтику, Польшу, часть Украины и Белоруссии, Закавказье, где проживало до 56 миллионов человек. А также предъявила дополнительно ряд требований, в том числе выплату контрибуции. Россия вынуждена была 3 (15) марта 1918 г. заключить Брестский «похабный» (В. И. Ленин) мир с Германией и ее союзниками. Члены ЦК и ВЦИК собрались в 12 часов 10 минут ночи, голосование проходило открыто. Таким образом, 4-й Чрезвычайный съезд постановил ратифицировать мирный договор с центральными державами. Итоги голосования: за — 704, против — 291, воздержались — 115, не голосовали — 110.

История России с начала XIX века до начала XXI века : в 2 т. / под ред. А. Н. Сахарова. Т. 2. М., 2005. С. 491—493.

Енисейский губернский исполнительный комитет отправил во ВЦИК телеграмму, в которой заявил, что считает подписание договора о мире недопустимым.

Поздняков А. А. Хроника. Л. 479—480, 518.

54 Речь идет о восстании Политцентра в Иркутске в декабре 1919 г. против диктатуры А. В. Колчака. Знаменское предместье — набережная р. Ушаковки в Иркутске, район, образуемый двумя улицами — Знаменской и Якутской. В предместье находился штаб рабоче-крестьянской дружины.

55 12 ноября (по другим сведениям — в октябре) 1919 г. на земском съезде в Иркутске был образован Политический центр (Политцентр), эсеро-меньшевистский орган. Основная задача — свержение диктатуры А. В. Колчака. Договорились с чехами о перемирии, создали штаб во главе с эсером Н. С. Калашниковым, комиссаром Иркутского комитета эсеров В. П. Мерхалевым, офицером Максимовым-Соколовым. В ночь на 21 декабря под руководством эсера Э. С. Алко началось выступление рабочих на Черемховских угольных коях. К ним присоединился Черемховский железнодорожный батальон численностью 400 человек, которым удалось освободить из «эшелона смерти» 266 человек из Красноярской тюрьмы, этапированных на Дальний Восток. 24 декабря по приказу Политцентра 53-й Сибирский стрелковый полк выступил в иркутское предместье

Глазково (на левом берегу Ангары). 27 декабря началось восстание в центре Иркутска. Верные Колчаку части находились на другом берегу незамерзшей Ангары и из-за сорванного льдом понтона выбраться не могли. Однако в самом Иркутске против повстанцев выступили учащиеся инструкторской школы и казачьего училища, юнкера, которые смогли вытеснить 53-й полк из Глазкова.

На помощь двинулся атаман Г. М. Семенов, направив около тысячи человек и три бронепоезда. На ст. Иркутск повстанцы пустили навстречу броневикам паровоз, который натолкнулся на платформы, груженные песком, и упал под откос. Семеновцы были атакованы и вынуждены были отступить, а затем разоружены чехами по настоянию генерала М. Жанена (эшелоны чехословаков, при дальнейшем продвижении на восток, зависели и от угля, добываемого рабочими Черемховских копей. — Т. К.). Накануне Жанен объявил полосу восстания нейтральной, чем спас Иркутск от артобстрела. Ночью 3 января были назначены переговоры. Днем начальник гарнизона генерал-майор Е. Сычев объявил о перемирии на 24 часа, «чтобы не проливать драгоценную кровь», а затем бежал с группой офицеров за Байкал. 5 января Иркутск оказался во власти Политцентра, объявив о низложении власти Колчака. Городской ревком (четыре большевика и один эсер) организовали Восточно-Сибирскую советскую армию под командованием большевика Д. Е. Зверева. 7 марта в Иркутск вошли первые части Красной армии.

Иркутский энциклопедический словарь. Иркутск, 2006. С. 98—99, 267; Рябиков В. В. Центросибирь. Новосибирск, 1949. С. 151—152; Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902—1924 гг. Иркутск, 1994. С. 375—376.

- 56 23 января 1920 г. штаб Советской 30-й дивизии телеграфировал председателю Иркутского ревкома А. А. Ширямову: «Реввоенсовет 5-й армии приказал адмирала Колчака содержать под арестом с принятием исключительных мер стражи и сохранения его жизни и передачей его командованию регулярных советских красных войск, применив расстрел лишь в случае невозможности удержать Колчака в своих руках для передачи власти Российской республике». Генерал С. Н. Войцеховский, возглавивший белую армию после смерти В. О. Каппеля, потребовал 3 февраля впустить группировку в Иркутск на два-три дня, передать Колчака и золотой эшелон, обеспечить продовольствием и фуражом, после чего белые «уйдут» за Байкал. В такой обстановке 6 февраля военревком принял решение о расстреле А. В. Колчака и В. Н. Пепеляева.

Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. С. 392—393.

Среди папок А. К. Фелеловой с машинописными копиями хранятся воспоминания Григория Владимировича, проживавшего в г. Черногорске (Хакасия), под названием «Конец Колчака». Документ приводится полностью.

«15 января 1920 года, после очередной проверки наличного состава 3-й роты 11-го особого батальона, дравшегося на улицах Иркутска против колчаковского гарнизона, руководимого генералом Сычовым, командир 3-й роты Маркелычев Алексей (член Иркутского ревкома. — Т. К.) сообщил мне, что вечером пойдём за Ангару, на вокзал, в количестве 32 человек, получить Колчака, который прибыл на станцию Иркутск в поезде генерала Жанена (Франция), и что одновременно прибыл поезд с золотом. Маркелычев не скрыл, что дело рискованное, хотя чехи и дали согласие Иркутскому ревкому, а также командованию 5-й армии выдать Колчака, но коварство чехов было известно по зимней операции, где чехи, не сдержав договорных условий, ударили в тыл советским отрядам, дравшимся с каппелевцами под станцией Зима. В десятом часу вечера 32 бойца во главе с представителем Иркутского ревкома В. М. Мерхалевым (комиссар Политцентра, а также Сибирского краевого комитета партии социалистов-революционеров. — Т. К.), бывшим капитаном Нестеровым и командиром третьей роты Маркелычевым перешли плохо замерзшую Ангару (встала утром).

На вокзале встретили большое количество чехов, черемховских партизан, а также иннокентьевских боевых рабочих дружин. Меня и еще одного бойца Маркелычев ввел в один из трех пульмановских вагонов, то был салон-вагон. Народу в нем было около тридцати человек, и все были в штатском. Кто курил, кто раскладывал пасьянс, а некоторые ходили по вагону. В вагоне я пробыл не более часу, был сменен и вызван в первый класс вокзала. Здесь я увидел группу чехов, наших представителей и неизвестных мне двух мужчин в русской военной форме и одну женщину (впоследствии я узнал, что это были Колчак, его первый министр Пепеляев и княжна Тимерева) (Тимирева княжеского титула не носила. — Т. К.).

Маркелычев подозвал меня и громко сказал:

— Боец Владимиров, ты берешь Колчака и отвечаешь за него перед революционным народом.

Закинув трехлинейный карабин за спину, обыскав Колчака, я взвел курок маузеровского пистолета, поставил предохранитель. Взял бывшего правителя рукой за запястье его правой, ответил Маркелычеву:

— Не уйдет.

Колчак был одет в шубу кавалерийского образца, на ногах серые валенки, офицерская папаха на голове. На груди, в петлице, Георгиевский крест. Порядок конвоирования был таков: я вел Колчака, за мной следом вели Пепеляева и княжну Тимерева. Прошли по Ангаре шагов триста, Колчак провалился, я лег на лед, держа его за руку. Чувствую, что скольжу по льду (лед не имел снежного покрова), ну, думаю, надо кончать, снимаю предохранитель с расчетом дать по Колчаку три-четыре выстрела. В эти секунды второй боец, шедший сзади, тоже лег на лед и потянул Колчака за воротник шубы. Колчак вытасчен был на лед.

От холода Колчак дрожит, предложили ему вылить воду из валенок, что он и сделал, сказав нам „мерси“. Он спросил, какой мы части. На это мы ответили ему молчанием. Пришли на городской берег вблизи бани бывшего Курбатова. Тут стояла легковая машина и 30 конников. Колчака, Пепеляева и Тимерева усадили в автомашину, а через 15—20 минут двери Иркутской одиночной тюрьмы плотно закрылись за спинами палачей русского народа. Морозное утро, пять часов утра. 7 февраля 1920 года. Колчак, Пепеляев и палач Иркутской тюрьмы — китаец (по имени Чемпека, в сарае тюрьмы за одну ночь вешал по 10—15 человек. — Т. К.), стоят у ледяной могилы — Ангары. В Ангаре прорублена прорубь. Прочитан приговор Иркутского ревкома, гремят выстрелы, палачи русского народа лежат окровавленные на льду и затем сброшены в прорубь Ангары.

Гр. Владимиров. Гор. Черногорск, строительно-монтажное управление треста „Хакасуголь“. Без даты. 1950-е (?).

ККМ. В/ф 12466/6. Воспоминания Григория Владимировича «Конец Колчака». Л. 1—2.

Запрос в Музей истории города Черногорска не прояснил биографию Г. Владимировича. Нет в музее и его воспоминаний.

Полагаем, что это редкий документ. Воспоминания Владимировича совпадают с опубликованными весьма краткими сведениями, как переводили А. В. Колчака через Ангару. Упоминаний о том, что Колчак мог погибнуть еще при переходе через Ангару, в них нет. Подробнее и в разных вариантах описывается расстрел и возможное место захоронения Колчака. Так, двое жителей Енисейской губернии, Г. Владимиров и партизан Я. Д. Непомнящий, оказались свидетелями последних дней жизни адмирала.

Газета «Красный стрелок», печатный орган 5-й Красной армии, опубликовала статью «Подробности ареста Колчака и Пепеляева» (по сведениям, приводимым в иркутских газетах), в конце которой писала: когда повели А. В. Колчака из вагона, он на прощание протягивал своим офицерам руку, но никто не подал ему руки и не сказал „прощайте, адмирал“.

Красный стрелок. 1920. № 46 (221).

- 57 Сыдикский отряд образовался в д. Сыде Абаканской волости Минусинского уезда, где существовала довольно сильная подпольная организация. Командир отряда Т. Ткаченко.

- 58 Временное Сибирское правительство (ВСП) было учреждено группой членов Временной Сибирской областной думы (избрана 5—6 декабря 1917 г.). Заседание ВСП проходило в Томске нелегально, в ночь на 29 января 1918 г. Основной состав правительства — эсеры и областники. С начавшимся мятежом Чехословацкого корпуса и после свержения власти большевиков управление территорией Сибири берет на себя Западно-Сибирский комиссариат (с подачи ВСП). 30 июня он передает власть пяти министрам, которые в Омске образовали Совет министров (Директорию). Правительство аннулировало все декреты Советской власти, объявило о государственной независимости Сибири, вернув силу законов Временного правительства; восстановило права владельцев, упразднило рабочий контроль на предприятиях.
- Воспоминания генерал-лейтенанта В. Г. Болдырева об Уфимском государственном совещании (Япония. Осень 1919 г.)/подгот. В. И. Шишкиным // Исторический архив. 2019. № 4. С. 15—16.**
- 59 16 октября 1919 г. в Минусинске, на VI Армейском съезде, Крестьянско-рабочая армия Минусинского партизанского фронта приняла «Декларацию съезда представителей крестьянской армии» совместно с Минусинским горсоветом и объединенным Советом. В «Декларации» указывалось, что «сыны деревни» не сложат оружия до тех пор, пока буржуазия не будет сломлена.
- «Декларация», составленная П. П. Петровым, являлась программой эсеров, которую им удалось провести на съезде. Основные ее пункты: требование избирательного права по четырехчленной формуле (всеобщие, равные, прямые, тайные). Свобода слова и печати «для каждого человека», не ограниченная социальной принадлежностью, устройство собраний разными «коллективными организациями». Отрицалась необходимость введения диктатуры пролетариата, так как Сибирь для нее еще не созрела, а также желание идти на компромисс «к своим левым братьям» и др. Заканчивалась «Декларация» концовкой, которую удалось на съезде отстоять большевикам как дополнение, перечеркивающее эсеровские предложения. А именно: Армейский съезд заявляет, что никакой другой власти, кроме власти Российской Социалистической Федеративной Советской республики, крестьянская армия не признает и на всякую другую власть будет смотреть как на узурпатора народных прав и будет бороться с ней силой оружия.
- Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 191—192; Он же. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С. 112—113. Солдатов В. Г. О грубом нарушении... Л. 44.**
- 60 Прииск под названием «Бадинка» в Енисейской губернии не обнаружен. Со сходным названием известно было Бадинское месторождение халцедона и минерал-цеолитового туфа, находившееся в Забайкалье. Скорее всего, прииск «Бадинка» — чисто местное название.
- 61 Как вспоминал партизан А. Е. Ковалев, под Белоцарском, на фронте, началось «брожение», куда идти. Пришлось этот вопрос решать Армейскому съезду, который собрался 21 августа в Белоцарске. Спор был вызван разногласием главкома А. Д. Кравченко с замглавкома П. Е. Щетинкиным. Стали дебатировать и в полках. Северо-Канский полк Щетинкина и Тальский под командованием Марченко считали нужным идти в Томскую губернию (Алтайский округ, г. Кузнецк. — Т. К.). Манский и Канский полки — на Минусинск. Не согласившись, съезд разъехался. Через день Кравченко убедил Щетинкина не вносить раскол, не разъединять армию, чтобы не заклеймить ее позором.
- КККМ. О/ф 2450. Воспоминания А. Е. Ковалева. Л. 7—8.** Это утверждение упоминается и в некоторой литературе. П. П. Петров в замечаниях на книгу Т. Г. Рогозина «Степно-Баджейские партизаны» пишет, что о дальнейшем передвижении армии на Армейском съезде решено было сразу, никто не разъезжался. Большинство всего в два голоса было решено идти по маршруту Щетинкина. Тогда меньшинство заявило о неподчинении большинству. Щетинкин после 30-минутного прерыва согласился.
- Поздняков А. А. Степно-Баджейские партизаны // Сибирские огни. 1926. № 5—6. С. 271.**
- Солдатов В. Г., хорошо знавший замглавкома, в своих записках высказывал мысль о том, что Щетинкин и Марченко с полками Северо-Ачинским и Тальским хотели прекратить совместную с Кравченко борьбу против колчаковцев и уйти на Алтай. О возможном уходе Щетинкина в отрядах «шли шепотки — тов. Щетинкин уйдет со своим полком». И только после захвата дневников и писем погибших колчаковских офицеров под Белоцарском узнали, что армия противника практически разложилась. Об этом свидетельствовала и обнаруженная телеграмма генерала К. В. Сарова: «На армию надежды нет». Такие новые обстоятельства и привели к решению, что нельзя делить армию, когда соединение с Красной армией — дело ближайших месяцев. Тот же Солдатов свидетельствовал, что взаимоотношения между большевиками и эсерами на завершающем этапе военных действий дошли до накала. Что подтверждают и публикуемые воспоминания. А отношения между главкомом и его заместителем доходили до того, что оба при спорах выхватывали оружие, и партизаны их разнимали. Рядовые об этом не знали, а руководители предпочитали молчать. А. Е. Ковалев также подтверждает в своих воспоминаниях сведения, приводимые В. Г. Солдатовым.
- Солдатов В. Г. О грубом нарушении... Л. 37—38, 41—42; Воспоминания А. Е. Ковалева. Л. 7—8.**
- 62 В 30 километрах от Минусинска, между дд. Казанцевой и Знаменкой, на горе Думной, белые организовали заслон. Собрали всех, в том числе и сочувствующих. Бой шел около трех часов. Утром 13 сентября Минусинск был взят без боя.
- Воспоминания А. Е. Ковалева. Л. 9.**
- 63 После ухода армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина в Минусинск на Туву стали двигаться карательные отряды Мелегина, Сафронова и других, в Урянхае обосновался монгольский штаб. В такой обстановке, с имеющимися силами, партизанский отряд село Усинское дальше удерживать бы не смог. Нужна была помощь и Минусинску, вокруг которого шли бои. После последнего разгрома партизанами в Усинске отряда монгольских феодалов, на следующий день, в село пришли двое нарочных от П. Е. Щетинкина с письмом, в котором был приказ: боя не принимать, а идти на Минусинск. Нарочные шли на лыжах через Саянские хребты, без дороги, вышли из Минусинска четверо, дорогой двое погибли под снежным обвалом. Усинский отряд объединился с Мало-Минусинским, общая численность партизан составила 250 человек под командой Алексея Петровича Квитного; 4 сентября 1919 г. люди двинулись в поход. Расстояние 250 км. Оружие — трехлинейки, берданки, дробовики; небольшой обоз с фуражом и продуктами на два дня. Ехали верхами, у всех с собой лыжи. Дороги нет, одна просека, снег на два метра, мороз под 50 градусов. Старые каторжные казармы оказались сожженными, ночевать негде. Разгребали снег деревянными лопатами, получалась канавка, по которой шли лошади. Шли три дня, ночевали под открытым небом три ночи. Люди и лошади голодали. Пришли на Оленью речку, отогрелись. Двух лошадей зарезали. Староверы конину не ели. Отправили в Григорьевку самых сильных бойцов, а навстречу уже шли дорожники с продуктами и делать дорогу. Двинулись дальше, продолжая расчищать путь. По прибытии в Минусинск отряд стоял неделю на отдыхе. Молодые мужчины до 35 лет, 120 человек, пошли в Ачинск. В с. Большой Улуй молодежь мобилизовали в Красную армию.
- За свободу народа : сб. воспоминаний красных партизан Тувы. Кызыл, 1957. С. 146—147, 182.**
- Воспоминания участников партизанского соединения А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина**
- 64 8 декабря 1905 г. Красноярский комитет РСДРП начал стачку в поддержку солдат Красноярского гарнизона, в частности 2-го батальона, который жаловался на злоупотребления командования. В начале декабря прапорщик А. И. Кузьмин возглавил солдатский комитет. 9 декабря

- в Красноярске прошла вооруженная демонстрация рабочих и солдат. Власть в городе фактически перешла в руки Совета рабочих и крестьянских депутатов, образовалась так называемая Красноярская республика. 10 декабря вышел первый номер газеты «Красноярский рабочий» (всего вышло пять номеров). 27 декабря центр города окружили правительственные войска — прибыл Омский полк. В ночь на 28 декабря солдаты 2-го железнодорожного батальона и рабочие города (преимущественно железнодорожники) забаррикадировались в здании мастерских. В осаде, которая продолжалась семь дней, находилось около 800 человек, в том числе женщины. Вскоре люди оказались без отопления, воды, еды. 2 января 1906 г., ночью, осажденные сдались. Накануне сдачи члены солдатского комитета во главе с А. И. Кузьминым скрылись в ночь на 3 января. Общий итог: из 479 осажденных (часть людей сумели уйти или были выпущены во время осады, в том числе женщины) 9 солдат приговорили к каторжным работам, 101 солдата — в арестантские роты, 63 рабочих — к тюремному заключению.
- 65 Шумяцкий Захар, отец Б. З. Шумяцкого, служил переплетчиком в Петербурге в начале 1880-х гг. в известном издательстве «Товарищество А. Ф. Маркса». После нескольких лет проживания в Забайкалье с 1896 г. семья жила в Красноярске.
- 66 29 февраля 1912 г. возникла стихийная забастовка на Ленских золотых приисках, одной из причин которой стала выдача некачественных продуктов. Забастовка была мирная, но члены Ленского золотопромышленного товарищества попросили иркутского генерал-губернатора прислать солдат. 16 марта в Бодайбо прибыло 75 нижних чинов. Помощник иркутского начальника жандармского управления ротмистр Н. Д. Трещенков объявил, что с 30 марта на прииске будут работать вновь нанятые рабочие, а саботажники подлежат аресту. Это вызвало возмущение у рабочих. Трещенков вызвал подкрепление солдат из Бодайбинской и Киренской местных команд, а также нижних чинов жандармов — 110 человек. Штабс-капитан Лепин (Лиепиньш) П. А. дал приказ стрелять по ногам, после первого залпа рабочие легли на землю, когда встали, прозвучало «пли». Расстрел произошел 4 апреля 1912 г. между 16 и 17 часами. Данные о числе жертв расходятся: от 150 до 270 убитых, не считая раненых.
Кузнецов М. «Без кровопускания здесь не обойтись!» // Родина. 2019. № 11. С. 106—107.
- 67 Гремячий ручей находится на левом берегу Енисея в местности, которая раньше называлась Таракановкой, представлявшей собой березовый клин с падью над Енисеем. Место городских дач.
- 68 Жандармский унтер-офицер Терещенко был убит эсерами 6 февраля 1907 г.
- 69 4 августа 1905 г. полицмейстером Красноярска был назначен Отто Юльевич фон Дитмар. 10 октября коллежский секретарь Дитмар был исключен из списка чинов губернии «за смертью» (убит эсерами 29 сентября). На должность красноярского полицмейстера был назначен титулярный советник Александр Яковлевич Сычев. Что касается назначения Когана полицмейстером, неверно. Вероятно, пропуск в тексте или ошибка. Речь может идти и о комиссаре исполкома Когане.
Енисейские губернские ведомости. 1905. № 62. 6 авг.; Там же. № 81. 11 окт.; Там же. № 202. 3 дек.
- 70 VII Чрезвычайный крестьянский съезд в Минусинске состоялся 21—29 июня 1918 г., на который съехались кулаки без всякого соблюдения избирательных норм. На съезде развернулась борьба сторонников и противников Советской власти, последние требовали разоружения Красной гвардии и отказа Советов от власти. В это время уже шли бои под Минусинском. Исполком Минусинского Совета крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов во главе с К. Е. Трегубенковым, понимая, что город не удержать, вынужден был принять ультиматум: передать власть сторонникам Сибирского областного правительства. В принятой резолюции съезда говорилось, что острое положение в Минусинском уезде разрешилось мирно, город и уезд переходят на мирное положение. После ликвидации в уезде большевистского засилья вся власть возвращается народу, и никто не смеет покуситься на восстановление народовластия. Попытка вырвать власть из рук революционного крестьянства должна быть вырвана с корнем. Основной итог съезда — создание уездного комиссариата, который и был объявлен властью. В комиссариат от крестьян вошли три эсера, от казаков — монархист, от минусинской буржуазии — правый эсер, от хакасов — националист. На второй день после окончания съезда начались аресты большевиков.
Черняк Э. И. Революция в Сибири. Томск, 2001. С. 180—181.
- 71 Николай II отрекся от престола за себя и за сына — наследника — цесаревича Алексея 2 (15) марта 1917 г. в пользу брата Михаила Александровича. Великий князь согласился принять верховную власть в России при условии установления конституционной монархии и воли народа, выраженной через Учредительное собрание.
Португальский Р. М., Алексеев П. Д., Рунов В. А. Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994. С. 393.
- 72 Комитеты общественной безопасности были созданы в Петрограде 24 сентября 1917 г. Временным правительством. Главная цель: ликвидация аппарата старого режима, укрепление новой власти и поддержка порядка.
- 73 Съезд учителей в Красноярске начался 21 июня 1917 г. и проходил в острой борьбе с эсерами. Речь большевика А. И. Окулова, который призвал осудить преследование большевиков и потребовал передачи всей власти в России Советам, пытались остановить криками и свистом, затем наградили аплодисментами. Лидер красноярских эсеров Н. В. Фомин дважды держал речь, чтобы съезд не допустил принятия пробольшевистской резолюции. Также рассматривались вопросы народного образования, роль интеллигенции среди крестьянства, необходимость всеобщего и бесплатного обучения детей. С 15 августа 1918 г. проходил очередной учительский съезд, работа которого проходила по четырем секциям: профессиональная, школьная, внешкольное образование, подготовка учителей. Позднее, на учительском съезде Канского уезда, состоявшемся 1 сентября 1917 г., было решено устранить из перечня предметов преподавание Закона Божия, но не стеснять «общение вероучителя с учащимися в школе». В целом енисейская интеллигенция относилась к Советской власти недоверчиво.
Черняк Э. В. Революция в Сибири. С. 198—199; Воля Сибири. 1918. № 47. 21 авг.
- 74 «Усинская полурота перешла в „большевизм“, сама себя распустила, оружие цейхгауза раздала красногвардейцам. Сотня колеблется, милиция разбежалась, суд не работает. Прошу немедленной помощи». Из телеграммы комиссара по делам Урянхайского края А. А. Турчанинова. 4 марта 1918 г.
За свободу народа. С. 223.
- 75 На краевом съезде в Урянхее большевики поставили вопрос о разоружении казаков. На получение ответа отводилось несколько часов. Прибыли делегаты, в том числе кулаки и зажиточные купцы. Однако съезд не состоялся, был разогнан казачьим выступлением.
- 76 На протяжении всей войны и в период Временного правительства в Красноярске стояли три-четыре сотни казаков. 18 декабря 1918 г. исполком Совета рабочих и солдатских депутатов принял решение в трехдневный срок сдать казакам оружие, освободить казармы и разойтись по домам. Красная гвардия была поставлена под ружье. В скрытых местах недалеко от казарм установили наблюдение. Утром ответа на ультиматум получено не было. В ответ создается революционный штаб под председательством Г. С. Вейн-

- баума, который разместился в здании казенного винного склада (район бывшего комбайнового завода). Красногвардейцы охраняли все опорные пункты в городе, началась вербовка новых членов в отряды. На Николаевской горе выставили два орудия с наводкой на казармы. На вторую ночь, в два часа, вооруженные казаки на лошадях выехали из казармы, спустились к Каче, затем на Енисей и по льду ушли в с. Есауловка. С ними ушла часть офицеров, гимназистов и семинаристов. Красногвардейцы следили за уходом и, во избежание невинных жертв, а также по причине неоконченного срока ультиматума, не чинили казакам каких-либо препятствий, если сами не начнут военных действий. Пока казаки стояли недалеко от города, местное купечество, интеллигенция слали обозы с одеждой и продуктами. Военно-революционный штаб выставил на берегу Енисея караулы. Тогда местные стали привлекать учащихся старших классов учебных заведений, которые под видом катания на коньках по реке пробирались к казакам. Из документов, найденных в казачьем штабе, оказалось, что в казачье сословие перешло немало купцов, в том числе Кузнецов А. П. и Гадалов П. И. Военная разведка установила связь А. А. Сотникова с атаманом Семеновым.
- Громадзкий З.З. Воспоминания. Л. 24—26; Поздняков А.А. Хроника. Л. 430; ККМ. О/ф 11575/4д 8859. Воспоминания А. Кузнецова о попытке Сотникова выступить против Советов в 1918 г. Л. 11, 18. Машинопись.**
- 77 В марте 1918 г. Минусинский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов выслал на помощь в Туву хорошо вооруженный отряд красногвардейцев. 22 марта Урянхайский краевой Совет вынес постановление об аресте бывших чиновников краевой администрации, в том числе комиссара по делам Урянхайского края А. А. Турчанинова. При аресте комиссар заявил: «Я скоро вернусь. Поставьте караул к моим вещам, чтобы все было в сохранности». В 12 часов вечера подали лошадей, и арестованные отправились на плотах до Уюка, а затем в Минусинск. 24 марта исполнительный комитет Урянхайского краевого Совета поднял вопрос о разоружении казаков. В конце апреля 1918 г. в Туране и Уюке кулаки подняли мятеж, убив делегатов Н. Г. Крюкова и С. К. Беспалова. Следствием было установлено, что вожаками мятежа стали кулаки и белые офицеры Неклюдов, Димитрюк, Матвиенко и другие, которые являлись членами экспедиции и агентами Монголии (Русско-монгольская экспедиция для закупки скота в Туве была создана при Николае II. — Т. К.). Отряд усинских красногвардейцев под командой Накоскина задержал членов экспедиции на фактории Мухамидулина и отправил в Белоцарскую тюрьму (одновременно с Турчаниновым и заведующим устройством русских поселений в Урянхайском крае Н. С. Федоровым арестованные были сплавлены в Минусинск на плотах. — Т. К.). После контрреволюционного переворота все арестованные были освобождены, в том числе и Турчанинов, вернувшийся на прежнюю должность. Обстановка обострялась дополнительно еще и тем, что в дела Урянхая вмешивались Монголия и Китай, стремясь колонизировать Туву. Шли провокации против русского населения (численностью около 14 тыс. человек), постоянно проживавшего в крае.
- За свободу народа. С. 15—16, 34, 55, 226—227.**
- 78 VI Крестьянский съезд в Минусинске проходил с 1 по 4 июня 1919 г. Весь первый день прошел в спорах — допускать ли на съезд 16 представителей от Минусинска с правом решающего голоса. Под давлением кулаков съезд постановил — допустить. В состав 16 представителей вошли члены распущенной городской думы и уездного земства, один разжалованный офицер, несколько черносотенцев. При выборе президиума в него попали офицер, торговец и др. В то же время съезд лишил права участия на своих заседаниях весь Минусинский Совет и рабочие профессиональные организации. 2 июня левая часть съезда, на основании того, что выборы противоречат основному закону Советской республики, объявила, что устраивает свой крестьянский съезд. К этому заявлению присоединились инородческие организации и находившийся в Минусинске Я. Е. Боград. Таким образом, произошел раскол, съезд
- разделился на две части. Заседания правой части съезда, скорее всего, напоминали митинг. Во время этих событий пришла весть о выступлении чехов. Стало очевидно, что Минусинск не удержать. 4 июня съезд избрал военно-революционный штаб и распустил правую часть VI Крестьянского съезда.
- Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края. Листовки: № 14325 («Обращение ко всем трудящимся г. Минусинска и уезда, крестьянам, рабочим, казакам и инородцам»); № 14327 («6-ой крестьянский съезд Минусинского уезда»); № 14326 («Всем волостным и сельским Советам Минусинского уезда. Товарищи!»)**
- 79 См. прим. 70. С. 218.
- 80 Город Иман (Дальнереченск) Иманского уезда Приморской области находился вблизи станции Графской, основанной казаками в 1859 г. Здесь, в старом учебном лагере, был расположен концентрационный лагерь для пленных красноармейцев и сторонников большевиков. Через какое-то время лагерь эвакуировали во Владивосток. Арестантов погрузили на пароход «Енисей» и отправили в урочище Ново-Киевск, в 25 километрах от корейской границы.
- 81 19 января 1920 г. в Томске состоялась перегазация Политцентра, Сибревкома и Реввоенсовета 5-й армии о создании так называемого демократического буфера на Дальнем Востоке. 6 апреля того же года на Учредительном съезде трудящихся Прибайкалья была провозглашена Дальневосточная буржуазно-демократическая республика (ДВР), буферное просоветское государство между РСФСР и зоной влияния Японии. ДВР включала в себя Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области с центром в Верхнеудинске (затем Чите). «Буфер» был необходим молодой Советской республике, чтобы избежать военных действий с Японией, оккупировавшей Дальний Восток. В республике было образовано правительство во главе с членом ВКП(б) А. М. Краснощековым. Японские войска стали уходить из Верхнеудинска. В телеграмме членам Сибревкома В. И. Ленин писал: «Мы окажемся идиотами, если дадим себя увлечь глупым движением в глубь Сибири, а в это время Деникин оживет и поляки ударят (в феврале 1919 г. Польша начала боевые действия против Красной армии, 7 мая 1920 г. взяла Киев, 12 октября 1920 г. заключила перемирие. — Т. К.). Это будет преступлением». В таком виде республика сохранялась до 1922 г. 15 ноября 1922 г. ДВР войдет в состав РСФСР.
- Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. С. 394, 397, 403; Андрейкина Ю. Дальневосточная республика: защита от войны // Родина. 2020. № 3. С. 110.**
- 82 После ухода Мало-Енисейского партизанского отряда из Тувы, которому предстояло двинуться в Красноярск, оживились белые отряды Мелегина, Шмакова (у Филиппова ошибочно — Шмакин) и Сафронова, которые были тесно связаны со штабом монгольских феодалов и командующим белокитайским отрядом Ян Ши-Чао. Около д. Григорьевки командир отряда Сергей Кузьмич Кочетов получил телеграмму вернуться в Туву для ликвидации белых банд. Обратный путь был опасен, так как часть оружия была оставлена на родине, а до Красноярска не дошли. 3 ноября 1920 г. в Белоцарск (Кызыл) вступили усинские партизаны под командованием А. Филиппова и П. Козулина. Этот отряд вместе с Каа-Хемским (Мало-Енисейским) партизанским отрядом, а также конницей под командованием А. Малышева в конце ноября начали ликвидацию белых отрядов Мелегина и Сафронова. Удалось освободить ряд поселков Малого Енисея. Оба руководителя белых отрядов бежали в Монголию к Унгерну.
- За свободу народа. С. 22—24.**
- 83 Подхребтинский район — равнина вдоль хребта Тану-Ола, расположенная близко от монгольской границы, где проживали русские и тувинцы. Подхребтинский партизанский отряд был сосредоточен в Белоцарске для наступления на банду эсера Шмакова, тесно связанную с усинскими

и малоусинскими кулаками. Наступление началось в конце ноября 1920 г. силами Усинского отряда, который наступал вдоль правого берега Улуг-Хема (Верхний Енисей), и Подхребтинского, наступавшего вдоль левого берега. Был захвачен штаб белого отряда, сам Шмаков с остатками своего войска бежал на Хемчик (Кемчик) к Ян Ши-Чао. Так была освобождена центральная часть Тувы.

За свободу народа. С. 24—25.

- 84 К осени 1921 г. в Западной Монголии сложилась угроза вторжения белогвардейцев — появился отряд генерала А. С. Бакича, имевший 12 тысяч солдат, в том числе 500 офицеров. Генерал заранее разработал план захвата Тувы, в которую вступил в конце ноября. К этому времени в его стане наступил раскол: часть отряда пошла на Алтай, другая — в южную часть Китая. Отряд Бакича сократился до пяти тысяч человек. Большую помощь партизанам оказали тувинские араты: нарядившись ламами, они провели разведку, выяснив, что Бакич намерен нанести удар по поселкам Элегест или Атамановка. Началась подготовка к встрече незваных гостей. Под ружье поставили всех, в том числе и стариков, образовав «серебряную» роту. 2 декабря 1921 г. Бакич повел 1300 штыков на Атамановку, 8 декабря подошел к поселку, отрезав его от красногвардейского отряда. Командир отряда повстанцев С. К. Кочетов двинул свои подразделения из Элегеста на Атамановку. Неожиданное появление партизан, короткий бой с рукопашными схватками заставили Бакича отступить. Собрав по приказу С. Кочетова 500 лошадей из ближайших сел, 12 декабря конные партизаны догнали обоз Бакича. Через два дня, потеряв несколько человек, командир повстанцев отказался от погони, успев взять большое число военнопленных. Был убит атаман И. Г. Казанцев (см. прим. 85). После отступления отряда Бакича в Монголию, 15 декабря 1921 г., он был разоружен и взят в плен Западно-Монгольской народной армией, впоследствии расстрелян.

За свободу народа. С. 27—29; Мармышев А. В., Елисеевко А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008. С. 343—344.

- 85 В мае 1921 г. барон Унгерн, засевший на западе Монголии, отправляет в Туву банду атамана И. Г. Казанцева. Араты (крестьяне-скотоводы) сообщили в партизанский штаб, что одна группа атамана во главе с поручиком Поползухиным расположилась близ устья р. Тарлакшин, другая, под командованием И. Г. Казанцева, «атамана — серебряная шапка» (прозвище местного населения, носил головной убор, расшитый белым бисером. — Т. К.), на Хемчике (Кемчике). Командир партизанского отряда С. К. Кочетов обошел противника с юга, сосредоточив отряд в тылу Поползухина на вершине горы. В это время поручик вывел свой отряд на занятия. Устремившись с гор, партизанский отряд разбил группу Поползухина, который потерял 175 убитых и сам попал в плен. Казанцева разбили араты, сам он спасся бегством, оставив все свое имущество. Погибнет позднее в отряде А. С. Бакича. Во время боя, когда закончились патроны, партизаны снимали с убитых белых патрон-таши, отбивались оставшимися гранатами. Во время Тарлакшинского боя С. К. Кочетов был тяжело ранен в грудь. Двое суток, с десятком тяжело ранеными бойцами, отряды добирались до жилых построек, по дороге один из партизан скончался.

За свободу народа. С. 28—30, 200—201.

- 86 На переговорах в июле 1921 г. в Кемчике (Хемчике) был заключен дружественный договор, согласно которому хошун (хошун — административная единица в Монголии. — Т. К.) передавали партизанским отрядам отобранные у белых 500 винтовок, четыре пулемета, одно орудие и 150 ящиков патронов. Хошуны заявили, что они намерены устраивать свою жизнь самостоятельно при добрососедском содействии Советской республики, сохраняя с ней тесную дружбу. А также просили партизан занять русские поселки с тем, чтобы они могли в любое время выступить на защиту южных границ Западного Урянхая.

За свободу народа. С. 266.

13—16 августа 1921 г. в поселке Атамановка состоялся Хошунный (девять хошунов Урянхайского края. — Т. К.) исторический съезд тувинского народа и представителей русского населения (Великий Хурал), положивший начало Тувинской народной республике. Был заключен договор, по которому Тува объявлялась свободной страной. На съезде была принята конституция Танну-Тувинской республики.

За свободу народа. С. 43.

Воспоминания партизан и сельских жителей д. Курбатовой. Гибель Н. М. Копылова

- 87 Копылов Николай Миронович — одна из трагических фигур в истории партизанского движения Енисейской губернии. Член бывшего исполкома Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов, после поражения скрывался в с. Емельяново под видом кустаря-столяра. Автор воспоминаний о его гибели З. З. Громадский в это время проживал в д. Сухой и поддерживал близкие отношения с Николаем Мироновичем. И, судя по воспоминаниям, тяжело пережил его гибель.

До мая 1919 г. Копылов работал на Знаменском стекольном заводе. Там он организовал подпольную группу большевиков, которые разными способами приобретали оружие. На заводе в то время находилась постоянная милиция, состоящая из начальника и двух милиционеров, которые о существовании подпольной организации не знали. В подпольную группу был принят бывший матрос флота Гурский Михаил, на которого Громадский возлагал вину за провал организации. Парень был невыдержанным, горячим: во время пьянки, разругавшись с рабочим заводом, а затем помирившись после драки, Гурский, ради хвастовства, потащил приятеля в ельник, где было спрятано оружие и патроны. Раскопав место хранения, приятели открыли стрельбу. Стрельба в ночное время взбудоражила население и милицию, которая утром следующего дня вызвала карательный отряд Короткова. Перед самым приходом отряда часть членов подпольной организации успела скрыться в Кемчугскую тайгу: Копылов Николай, Мошинский Николай, Терещенко Михаил, Гурский Михаил, Провознюк Сергей и др. Копылов с товарищами обосновались возле небольшого поселка новоселов — Орловка, между деревнями Малый Кемчуг и Ибрюль, жили в шалашах. В этих деревнях, а также в Малиновке, Антоновке, Можарке Копылов организует небольшой отряд из молодых мужчин, скрывавшихся от мобилизации в колчаковскую армию, и бывших красногвардейцев. В августе 1919 г. белая армия стала окружать Орловку, охватывая ее с трех сторон: Красноярска, Ачинска и ст. Большой Кемчуг. Отряд в это время находился в двух километрах от деревни на старой лесной вырубке. Прибежавший из Орловки крестьянин предупредил отряд о прибытии воинской части белых. Копылов отступил на правую сторону Московского тракта, перебазировавшись к д. Антоновке. Здесь отрядом был сделан налет на проходивший воинский эшелон у ст. Большой Кемчуг. Брошенной бомбой в окно классного вагона партизаны убили коменданта эшелона и несколько офицеров. Сумели захватить часть оружия и снаряжения из хвостовых вагонов.

В начале октября 1919 г. против отряда Н. М. Копылова была отправлена вторая воинская экспедиция значительной численности: отряд кавалерии, около двух полков пехоты. Объехав несколько сел и деревень в течение трех недель, не обнаружив отряда, экспедиция вернулась в Красноярск ни с чем. В это время, в связи с наступающей Красной армией, у белогвардейцев не было и времени гонять по таежным деревням. Осенью 1919 г. партизанский отряд Копылова в д. Михайловке уничтожил гарнизон милиции, устроивший расправу над крестьянами соседних деревень. Отряд Николая Михайловича был разнородным, преобладающий его состав — крестьяне и весьма небольшая прослойка рабочих. Большинство людей не соглашались с жесткой дисциплиной, установленной Копыловым, вплоть до расстрела за грабеж. В октябре 1919 г. в отряде

произошел полный раскол, более ста человек, возглавляемых помощником Копылова — Терещенко, отделились от отряда и перебазировались на левую сторону железной дороги. От отряда осталась группа численностью 12 человек, в том числе рабочий стеклозавода Мощинский Николай Маркович и крестьянин д. Тарховой Рябов, бывший политссыльный. Партизаны отошли в тайгу за три километра от д. Можарки, на левый берег реки Большой Кемчуг, устроили барак с русской печью. Деревня, состоящая из переселенческой бедноты, оказывала отряду поддержку продуктами.

В ноябре 1919 г. сюда был отправлен конный карательный отряд с пулеметом под командованием Власова. Каратели, предварительно оцепив деревню, собрали все мужское население, потребовав указать местонахождение Копылова. В случае отказа пообещали уничтожить деревню и сжечь все дома; крестьяне вынуждены были сопроводить отряд к бараку. Из-за оцепления, выставленного белыми, предупредить оставшихся членов отряда возможности не представлялось.

Далее З.З. Громадский пишет о гибели Н.М. Копылова со слов Рябова, последнего, кто с ним оставался. Автор воспоминаний бывал у Рябова дома, и разговоры были очень откровенными. Сложилась следующая ситуация. Отряд в барак охранял пост за устьем реки Ибрялюк, на дороге из Можарки. Белые повели наступление через гору, часовой оказался отрезанным. Находящиеся в барак не подозревали о происходящем, пока один из партизан не вышел с котелком, чтобы зачерпнуть воды из реки, он и поднял тревогу. Схватив кое-какую одежду и винтовки, люди выскочили на лед реки Большой Кемчуг. К этому времени Копылов был уже тяжело болен: острый ревматизм с открытыми ранами. Перебравшись через лед в густой ельник, он вскоре отстал от товарищей. Рябов рассказывал, что Николай Михайлович все время кричал товарищам не бросать его. Каратели от пустого барака пошли по следу, снег к этому времени достигал метровой высоты. Молодые парни-партизаны разбежались, рядом с Копыловым остался только Рябов, тоже с больными ногами. Копылов опустился на снег под густой елью и вытащил из кобуры наган. Рябов из последних сил бросился бежать, не помнит, какое расстояние пробежал, упал на снег. Позади раздались два выстрела, Николай Михайлович покончил с собой, чтобы не попасть в руки живым. Расстреляв уже мертвого Копылова, белые прекратили преследование. В 1920 г. З.З. Громадский встречался на стеклозаводе с Н.М. Мощинским, который находился в барак вместе с Копыловым. Якобы он, Мощинский, до последней минуты находился при Николае Михайловиче, и когда белогвардейцы стали их достигать, то Копылов силой прогнал его от себя, чтобы он спасался. По словам Рябова, получается наоборот, его рассказ чистосердечен, он бросил Копылова, когда белые почти настигли их. Именно такая ситуация сохранилась в воспоминаниях и других партизан.

Громадский З.З. Воспоминания. Л. 44—46, 48—51, 53—55.

- 88 Летом 1919 г. в отряд Н.М. Копылова прибыл член первого Красноярского подпольного комитета Н.Х. Молчанов. По деревням отправили гонцов о предстоящей конференции. 7 июля из населенных пунктов явилось 25 человек. В 12 часов дня в торжественной обстановке начался парад, отряду вручили знамя, привезенное Молчановым, а затем началась конференция. Были определены основные действия партизан: взрывы железнодорожных мостов и дорог, нападение на небольшие отряды, с тем чтобы вносить панику в ряды белой армии. Со своей стороны подпольщики Красноярска должны были оказывать помощь отряду оружием и медикаментами.

Годы огневые. С. 40.

Манские записи

- 89 Так называемое «Лоскутовское дело» внесло разлад и в без того беспокойную атмосферу партизанской армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. Александр Боган, брат

партизан Ивана и Федора Боганов, вспоминал: «Лоскутовское дело я помню. Перед побегом Лоскутова я уехал домой. Там узнал о его побеге. Об амурах дело создано раньше. Была здесь Буббот Альма из Марьевки, попала сестрой милосердия, крутила с Курченко. Было много пуганицы... Это вносило разложение. С Лоскутовым дело было нечисто, жена Кравченко дала ему двухстволку, хлеба на три дня. Дело с Лоскутовым взволновало всех. Против Кравченко возмутились. Франк доставил планы, централку. На Франка напали: подлые, Лоскутова упустили. Послали за головой Лоскутова. На съезде против Кравченко [...] не стали выступать. Он сослался на контроль: — Надо мной всегда контроль есть. А если жена выпустила Лоскутова, это ошибка вышла.

Я поддержал:

— Ошибка не ошибка, не знаю. Но контроль действительно был всегда».

Раньше, еще в Заманье, А.Г. Боган какое-то время в качестве подводчика возил А.Д. Кравченко в Канский уезд для организации восстания, но с секретным поручением — следить за ним.

КККМ. О/ф 4448. Воспоминания Александра Григорьевича Богана. Без даты. Л. 4—6. Рукопись.

- 90 П.П. Петров в замечаниях на книгу Т.Г. Рогозина «Партизаны Степного Баджея» писал, что размолвки между партизанами из Перовского и А.Д. Кравченко происходили из-за того, что последний тянул отряд в тайгу. Перовцы же были сторонниками действия. Впоследствии они отказались подчиняться штабу Степного Баджея и образовали единый штаб, избранный на армейском совещании.

Петров П.П. Степно-Баджейские партизаны. С. 269.

- 91 Съезд в с. Вершино-Рыбное открылся 25 апреля 1919 г. На съезде участвовал и П.Е. Щетинкин, пришедший накануне со своим отрядом (300—350 человек). Помимо докладов А.Д. Кравченко, С.К. Сургуладзе, рассказа П.Е. Щетинкина о 700-верстном походе его отряда, подробно рассматривался продовольственный вопрос об установлении норм самообложения на каждое крестьянское хозяйство. Рассматривались финансовый, земельный вопросы, положение о революционных судах; прошли перевыборы состава объединенного Совета. Пятый день съезда был посвящен разработке вопроса об установлении твердых цен на продукты первой необходимости и твердых цен на рабочие руки. В последний, шестой день съезд постановил утвердить переезд исполкома объединенного Совета из Баджея в с. Вершино-Рыбинское, что не вызвало удивления у степно-баджейских партизан. 30 апреля съезд закончил свою работу.

Документы героической борьбы. С. 222—236.

Воспоминания партизан Северо-Ачинского фронта и участников Минусинского крестьянского восстания

- 92 Черногорские угольные копи были основаны Товариществом «Черногорские каменноугольные копи» с капиталом в 140 тысяч рублей. Владельцы А.А. и В.А. Баландины.

- 93 30 июня 1917 г. в Красноярске начал свою работу Енисейский губернский съезд крестьянских депутатов. Съезд проходил в ожесточенных столкновениях между большевиками и эсерами: канские делегаты составляли левую оппозицию (40—45 человек), минусинцы — правую (70—75 человек). Съезд пошел за минусинцами. Канцы, среди которых было много переселенцев, настаивали на захвате земель, минусинцы были против, заявляя, что в Енисейской губернии практически вся земля государственная и нужен другой подход к решению земельного вопроса. Был избран исполком Губернского Совета крестьянских депутатов, в который вошли восемь эсеров, один социал-демократ и один беспартийный. Крестьяне губернии должны были организовываться в сельские и волостные Советы. Работу среди населения предполагалось проводить через инструкторов-пропагандистов, с помощью которых и орга-

низовывать Советы, которые действовали как общественные организации без «классовости». Таким образом, съезд по своему характеру оказался эсеровским.

13—18 мая 1917 г. в Минусинске прошел 1-й Уездный крестьянский съезд, который собрал не менее 500 делегатов. Присутствовали, помимо крестьян, солдаты-фронтовики, солдаты гарнизонов, общественные и политические деятели. В центре внимания стоял земельный вопрос. Руководили съездом эсеры и меньшевики. Были учреждены органы местного самоуправления, временная земская управа, упразднена деятельность крестьянских начальников.

Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. С. 23; Черняк Э. И. Революция в Сибири. С. 151; Деметьев А. П. Некоторые аспекты образования Советов крестьянских депутатов в Енисейской губернии: [http:// www.demetyev-soviets](http://www.demetyev-soviets).

94 Кизирский полк был сформирован на Минусинском фронте в октябре 1919 г. из партизан с. Имисс. Примкнул к Рабоче-крестьянской армии Минусинского народного фронта. Командиры П. Д. Колотилкин, затем Иван Фролов.

95 Рудник и завод «Юлия» были открыты в 1904 г. обществом «Енисейская медь» в 270 верстах от Ачинска, в Минусинском уезде. В 1911 г. «Енисейскую медь» приобретает общество «Сибирская медь».

96 Улень — медный рудник Минусинского товарищества «Медь» на территории Хакасии.

97 Городок — богатое село на берегу р. Тубы, в 25 километрах севернее Минусинска.

98 Для окончательного «успокоения» казаков А. А. Сотникова из Канска и Ачинска во второй половине января 1918 г. пришло подкрепление красновардейцев до двухсот человек. Специальный отряд под командованием члена исполкома Г. Ильина отправился по железной дороге до ст. Базаиха, а оттуда до с. Есауловка. Казаков там не застали. Соорудили временный оборонительный рубеж в виде траншей. Казаки рассыпались на небольшие группы и с оружием разбрелись по дорогам в свои селения. 19 марта 1918 г. в Каратузе было собрано собрание, в котором приняли участие крестьяне и казаки-станичники. Собрание признало власть Советов. Сотников покинул Каратуз и отправился в д. Черемушки, откуда ушел в Кузнецк.

Громадзкий З. З. Воспоминания. Л. 28; Поздняков А. А. Хроника. Л. 536—537.

99 Спиридонова Мария Александровна (1884—1941), один из лидеров левых эсеров в 1917—1918 гг. В 1884 г. была осуждена на вечную каторгу (Акатуй) за убийство тамбовского губернатора Г. Н. Луженовского, усмирявшего крестьян. Возвращалась из ссылки в мае 1917 г. после амнистии Временного правительства.

100 Повстанческие отряды крестьян были сведены в 10 отрядов. Шесть отрядов, численностью от 400 до 1500 человек каждый, стояли на подступах к Минусинску. 7-й отряд располагался в Шушенской волости и не вводился в бой из-за беспокойной обстановки в волости. 8-й отряд, численностью до 800 человек, находился на Усинском тракте, прикрывая тылы Минусинска. 9-й отряд дислоцировался в д. Знаменской и, скорее всего, являлся резервом. 10-й, самый большой по численности, находился в Бейской волости и должен был занимать и разоружать казацкие станицы.

Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 102.

101 Винная монополия, или Минусинский винный (очистительный) склад, была выстроена в 1902—1905 гг. Устроена была по последнему слову техники. Являлась государственной собственностью. Братья Даниловы имели эксклюзивное право на поставку спирта на завод.

Минусинск. Указатель исторический объектов города. С. 46.

102 Как писал глава американского экспедиционного корпуса Гревс: «В октябре ко мне явился также Семенов, оказавший-

ся впоследствии убийцей, грабителем и самым беспутным негодяем. Семенов финансировался Японией и не имел никаких убеждений, кроме сознания необходимости поступать по указке Японии». Широко было известно, что Семенов учредил нечто «станции смерти» и открыто хвастался, что не может уснуть ночью, если не убьет кого-нибудь в течение дня. Американцы, обслуживавшие российские железные дороги, рассказывали, как 350 военнопленных, содержащихся в вагонах, были расстреляны из пулеметов.

Гревс У. Американская авантюра в Сибири. М., 1932. С. 63, 203.

103 Торговый дом купца 2-й гильдии Т. Т. Савельева. В здании размещались магазины и торговые лавки, подсобные строения.

Воспоминания участников Минусинского крестьянского восстания. Воспоминания партизан

104 Деревня Листвягово Абаканской волости — одноклассное училище Министерства народного просвещения (два года обучения).

105 С первых же дней восстания повстанцами был допущен ряд ошибок, и наиболее значительная из них — насильственная мобилизация всего мужского населения, в том числе кулаков и казаков. Последние и стали наводить панику, говоря, «куда нам лезть с дубиной против пулеметов и пушек». Расположенные на значительной территории, слабо вооруженные и плохо обученные, не обеспечивенные между собой прочной связью, повстанцы шли толпой, без строя, вооруженные кто чем. Шли с разных направлений, одни почти вплотную подошли к Минусинску, другие располагались на ночлег в соседних деревнях. Цепи повстанцев, несмотря на упорное наступление, были смяты. Разбегаясь по селениям, разносили весть о поражении.

Воспоминания участников Гражданской войны в Минусинском уезде. С. 33.

106 Иваницкий К. И., золотопромышленник, основатель в 1914 г. общества «Ольховские золотые рудники». В Кизирской речной системе Минусинского уезда имел группу золотых рудников.

107 Яриловский винокурный завод на р. Убей Минусинского уезда Комской волости. Основал завод красноярский 2-й гильдии купец А. А. Ярилов.

108 2 ноября 1920 г. в д. Серез Ачинского уезда вспыхнуло восстание крестьян, недовольных продразверсткой. С 1 по 5 ноября 1920 г. с особой ожесточенностью шли бои по подавлению Серезского мятежа, число повстанцев которого составило более 600 человек. Заледеевских повстанцев возглавлял полковник А. Р. Олиферов. После неудачной попытки наступления на Канск мятежники прошли по уездам Енисейской и Томской губерний, пытаясь пробиться в Урянхай. Остатки серезских и заледеевских повстанцев под руководством А. Р. Олиферова и М. А. Баркина были ликвидированы в февралю-марте 1921 г. на территории Минусинского уезда. Число жертв со стороны восставших составило 230 человек, правительственных войск — 34, раненых — 59.

Шекшеев А. П. Крестьянское повстанчество на Енисее. 1918—1932 гг. // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 108—109.

Из воспоминаний Балакиной Александры Афанасьевны, участницы подавления восстания Олиферова. Пишет, как помнит и как понимала то время. 1920 год. Разруха, тиф, саботаж. Больница не отапливалась, топлива не хватало и школам. В это время, осенью, вспыхнуло кулацкое восстание, руководимое белыми офицерами, в селе Серез, которое охватило восемь волостей (Назаровская, Серезская, Подсосенская, Курбатовская, Балахтинская, Ужурская, Мало-Улуйская, последнюю не помнит). Комиссар т. Малков Василий был убит белобандитами в это время. Восемнадцатилетняя А. А. Балакина уже была членом РКП(б), рабо-

тала медсестрой в переселенческой больнице станции Ачинск-1. С другими коммунистами влилась в отряд ЧОН. Командиром был серб Ян Миланич, посланный Сиббюро ЦК РКП(б) для усиления парторганизаций города Ачинска. В селе Назарово ей дали санитарную сумку, карабин с пятью патронами, предварительно опросив в штабе, может ли она оказать помощь раненым. На рассвете, по боевой тревоге, вместе с деревенскими коммунистами пошли в боевом порядке на Серезе, где было ядро белобандитов с полковником Олиферовым. Перед походом подошли к штабу, где короткой речью встретил товарищ, похожий на Петра I. Спросила: кто это? Ответили: «Сам» (кажется, товарищ Шепилов). Из города выехали 48—52 человека, был «Максим» и ручной пулемет Шоша. Одет кто во что.

А у белых были сытые кони, отборные, одеты были в теплые валенки, полушубки, собачьи дохи, с ног до головы вооружены. Силы были неравные. Убито было много, как городских, так и сельских коммунистов. Перевязки не успевала делать. Погибли Зингер, Шпас Косич, Валя Шарина, Валя Дружинина — дочь Мазаровского — партизана, Горский Гаврила — продкомиссар Серезской волости. Убийство его было сигналом к восстанию. Дружинин — партизан, был схвачен бандитами и сброшен с моста Чулыма. Какое было горе в семье, когда был убит кормилец — отец и старшая дочь Валя, первая комсомолка на селе, а там остались маленькие дети и мать больная. Семья была очень большая и бедная.

Крепко в бою помогли курсанты военной школы — красные командиры. У них была даже 12-дюймовая пушка, пулемет, но одеты были легко, в шинелях и сапогах. Были у них раненые и убитые. Кто был командиром, не помнит. После подавления кулацкого восстания, наведения порядка в Серезе начальника отряда Павла Чугунова вызвали нарочным в с. Ужур к прямому проводу. Его сопровождали: Пережогин Иван — пулеметчик, Перевалов Михаил — младший боец, Бочкарев (монах). Отправились на рысаке, отобранном у белобандитов, который по бегу брал первый приз по губернии, но кривой.

На другой день прибыл начальник отряда Чугунов Павел, всем жал руки и передавал благодарность от В.И. Ленина за ликвидацию белой банды Олиферова. Отряд дошел до Саянских гор, где часть городских и сельских коммунистов через Ачинский уком РКП(б) вливались в отряд Прудского, который оказался белобандитом. Много он погубил коммунистов, его арестовал Алексей Перфильевич Анисимов, отправив под усиленным конвоем в Ачинск. А Чугунов Павел со своим отрядом пошел в Монголию.

Сам Олиферов не был пойман, но отряд был разбит. Обманутые им крестьяне вернулись на свои земли. Из боевых товарищей: 1) Чугунов Павел — начотряда; 2) Тарасов Георгий — его помощник; 3) Пережогин Иван — рядовой пулеметчик; 4) Перевалов Михаил, младший; 5) старший брат его (имя назвала то же — Михаил, вероятно, ошиблась) — анархист, имел большой отряд, безобразничал; 6) Алеша Замятин — рядовой; 7) Коля Никифоров — рядовой; 8) Шура Кулаков — рядовой; 9) Александр Добрых (без руки) — не помнит; 10) Зингер — немец, рядовой; 11) Шпац, тоже рядовой; 12) Косич — серб, рядовой; 13) Загуменных Василий — партизанский командир; 14) Валя Шарипова — рядовая, дочь рабочего типографии; 15) Валя Дружинина — дочь рядового партизана; 16) Яковлев — командир; 17) дед Кузьмич — рядовой; 18) Анисимов А.П. — уполномоченный по заготовкам топлива для Москвы; 19) Рогов — сельский командир; 20) Лобастов — тоже; 21) Лернер — рядовой разведчик; 22) учительница городской школы Ачинска (фамилию не помнит); 23) Колосовы — жена и муж, бойцы; 24) Горский Гавриил — продкомиссар волости Серезской; 25) Миланич Ян — командир; 26) Балакина Шура — санитар, рядовая (автор воспоминаний).

КККМ. В/ф 8486/16. Балакина Александра Афанасьевна. Воспоминание о разгроме банды Олиферова в Ачинском уезде в 1920 году. 4 июня 1970 г. Л. 1—4. Рукопись.

109 Скорее всего, речь идет о купце 1-й гильдии и золотопромышленнике Н.Н. Гадалове. В 1918—1919 гг. еще продолжа-

ла существовать его золотопромышленная компания и он сам находился в губернии. На его Ольховском руднике, в протоках рек Казыр и Кизир, шла промывка золота.

110 Съезд земских управ прошел 19 ноября 1917 г. в с. Вознесенском Красноярского уезда. Был организован представителями волостных земств уезда. Доминировали антисоветские и антибольшевистские настроения в решениях по вопросам платежа податей, мобилизации лошадей на фронт и т.д.

111 В годы Первой мировой войны, в 1914 г., в Омске был устроен первый в России концентрационный лагерь для военнопленных. Штаб лагеря располагался в Омской крепости, часть пленных помещались здесь же.

112 В марте 1919 г. начал боевые действия партизанский отряд М.Х. Перевалова, базирующийся на Ужурской группе подпольных крестьянских организаций. Для организации восстания в Ужурском районе 13 марта прибыл руководитель Ачинского подпольного комитета Д. Суров. Ночью 16 марта оба руководителя и подпольщики-ужурцы собрались в д. Кулун. Общая численность партизанского отряда составила 40 человек. После разработки плана наступления утром следующего дня отряд выступил в с. Ужур, где захватило 50 винтовок, патроны. Белое командование выставило против восставших несколько отрядов. Партизаны ушли в Учумскую экономию, летом перешли в д. Костино. Отряд вырос до ста человек. 18 марта у с. Шарыпово отряд провел успешный бой, но понес значительные потери: 17 человек убитыми, 6 ранеными — и ушел в тайгу. После окружения близ д. Линево партизаны отбили наступление противника, но вынуждены были разделиться на несколько групп и разойтись. Часть их вошла в отряд П.Е. Щетинкина, другая — в отряд И.М. Буркова-Зубова. По своему составу отряд М.Х. Перевалова был беспартийный.

Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 118.

Минусинское крестьянское восстание

113 В ноябре 1918 г. в д. Вострово (Восторово) Славгородского уезда Алтайской губернии (выделилась из Томской губернии в июле 1917 г.) возникла подпольная организация, которую возглавил бывший матрос В.Л. Копан. Членом этой организации в 1919 г. стал беспартийный крестьянин-середняк Е.М. Мамонтов (1889—1922), житель д. Солюновки Сычевской волости (с 1922 г. деревня носит его имя, как и район), позднее возглавивший партизанский отряд. Фронтовик, служил в саперном батальоне, награжден двумя Георгиевскими крестами. Делегат I Всероссийского съезда Советов. В 1918 г. организовал из жителей своего села небольшой отряд. Как и многие другие, его отряд не являлся чисто большевистским по своему составу, анархистское влияние имело место и в рядах партизан Е.М. Мамонтова. Талантливый военный руководитель, в сентябре 1919 г. Мамонтов был избран командующим партизанской армией Западной Сибири, которая освободила большую часть территории Алтая и Северо-Восточного Казахстана.

Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX в. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика (1918—1925). Ч. 2. Омск, 1996. С. 115.

114 25—29 ноября 1917 г. в Новониколаевске состоялся I Все-сибирский кооперативный съезд. Представители от 47 союзов потребительских и кредитных коопераций заявили о непризнании большевистского правительства и невыполнении его распоряжений и декретов. 3 марта 1918 г. совещание представителей кооперативов Енисейской губернии прошло в Красноярске. Его участники высказали свои условия сотрудничества с государственными органами, заняв также непримиримую позицию по отношению к большевикам: указали на незаконность новой власти, выдвинули требование соблюдения демократических свобод. Единственной властью, как заявили участники, является Учредительное собрание.

Черняк Э. И. Революция в Сибири. С. 207—208.

115 21 января 1918 г. в Минусинске состоялся IV Рабоче-крестьянский съезд, которым уезд был объявлен на военном положении. Причина — побег из Красноярска мятежного казачьего дивизиона атамана Сотникова, вступившего в пределы Минусинского уезда. Съезд утвердил устав Красной гвардии. 28 февраля открылся V Чрезвычайный съезд рабочих и крестьян Минусинска. Съезд предложил дивизиону Сотникова сдать Минусинскому Совету все вооружение и перейти на мирное положение. Одновременно съезд обратился к трудящимся уезда, призвав к оружию для борьбы с казачьей контрреволюцией. О VI съезде см. прим. 78. С. 219.

Воспоминания участников Гражданской войны в Минусинском уезде. С. 100.

116 В фондах Красноярского краевого краеведческого музея хранится портрет, условно названный «Портрет сибиряка», с надписью по овалу: Karrus J. Siberia. 1917 (вошел в данный сборник в качестве иллюстрации). Рисунок, скорее всего, любительский. Фамилия Каррус в Сибири не встречается, но довольно распространена в Европе и Америке. Можно сделать предположение, что портрет мог принадлежать руке бывшего военнопленного, а затем партизана, члена Армейского совета армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина Каррусу, о котором и идет речь в воспоминаниях Н. И. Абрамова. Каррусу принадлежит еще один рисунок — «Портрет сибирской девушки», датированный тем же годом.

117 Абрамов Н. И. ошибается. Армейский съезд состоялся 21 августа 1919 г. после того, как партизанами был занят Белоцарск, а не до этого события. См. прим. 61. Возможно, Абрамов имел в виду экстренное заседание руководства армии, на котором было решено оставить Белоцарск, так как несколько партизанских частей и Минусинский полк находились вне его; тех сил, которые оставались близ города, было недостаточно.

118 В Ачинском краевом музее им. Д. С. Каргаполова хранятся воспоминания Ростислава Ивановича Максимова (фронтвик, не так давно ушел из жизни), внука ачинского купца 1-й гильдии Григория Николаевича Максимова. Сын купца — Иван Григорьевич был дружен на протяжении нескольких лет с П. Е. Щетинкиным. Проживая в Ачинске, так и после переезда в Иркутск, по воспоминаниям Ростислава, он «видал дядю Петю» в доме почти каждую неделю, который был лучшим другом его отца, да и собутыльником. Петр Ефимович являлся сватом сводной сестры Р. И. Максимова Нины за начальника штаба 5-й армии Иеронима Петровича Уборевича, затем командующего Восточно-Сибирским округом в Иркутске (после расстрела Уборевича «по делу Тухачевского» в 1941 г. была расстреляна и его жена Нина Владимировна). Ростислав помнил, как отправляли Петра Ефимовича в Монголию на пост начальника ОГПУ и как горько плакал отец, получив известие о смерти Щетинкина. Петр Ефимович скончался от разрыва сердца, убежав из дома в припадке белой горячки от запоя. Эту же версию смерти подтвердил и ординарец, прибывший в Иркутск. Версию убийства японскими агентами выдумала жена. В семье Максимовых бытовал рассказ, что Уборевич подарил Щетинкину курительную трубку Унгерна.

Воспоминания Максимова Ростислава Ивановича. Л. 34. Рукопись.

Как писала эсеровская газета «Народный голос», Щетинкин был ближе к народным корням движения, чем Кравченко. «Он схватывает отрицательные стимулы восстания, реальные и жизненные. Щетинкин — это крупный противник, и не нужно преуменьшать его силы».

Колосов Е. Е. (?). По вождям можно судить о движении // Народный голос. 1920. № 4 (9). 6 (24) янв.

Петр Ефимович Щетинкин был не только мужественным воином, но и человеком широкой души. В Первой мировой войне — вся грудь в крестах, в Гражданской — один из лучших партизанских командиров. Во всех боях, по упоминаниям партизан, «лез» первым. По свидетельству партизана В. К. Бирюкова, «Щетинкин был очень умным, он всегда раз-

гадывал замысел противника, в бою никого не было смелее его». Во время затишья — лучший плясун полка. В любой войне русский солдат имел право на чарку, чтобы снять душевное напряжение. Была «слабость» у П. Е. Щетинкина. Только один переход с армией через Саяны мог стоить ему нескольких лет жизни.

Воспоминания участников Гражданской войны в Минусинском уезде. С. 93.

Щетинкин П. Е. скончался в Улан-Баторе 30 сентября 1927 г. Траурный поезд с его прахом отправился в Новосибирск. Боевые друзья-партизаны встречали поезд на каждой станции, вставали в почетный караул и, кто мог, сопровождали тело. 9 октября 1927 г. Петр Ефимович был похоронен в Новосибирске. Траурная лента с его похорон была передана в Государственный музей Приенисейского края заведующим партийным архивом Л. Ф. Павленко.

119 Притоки Енисея широко использовались как транспортные артерии. Лодки — судна малогабаритные, много грузов брать не могли. Барки — плоскодонные грузовые судна, вмещали от 100 до 150 пудов грузов. Нередко приходилось использовать барковолок — профессиональное бурлачество. Ватага, или бурлаки, нанималась на сезон, люди шли пешком по берегу и тянули на ремнях или канатах за собой барку, что было дешевле, чем использовать лошадей. На севере губернии с той же целью использовались собаки.

120 Межовский бой подробно описывается в воспоминаниях М. Т. Савицкого. См. часть II. С. 382.

121 Маральник Смолина находился на р. Ус в Чакуль-Шагонарском районе Урянхайского края.

122 С 17 июля по 4 августа 1919 г. шла Челябинская операция — попытка Белой армии окружить и разбить противника, закончившаяся провалом. Инициатива на Восточном фронте окончательно перешла к Красной армии в октябре 1919 г.

123 Речь идет о Никифоровой Марии Григорьевне (1885—1919), более известной под именем Маруся. Одна из предводителей анархистского движения на юге России, соратница Нестора Махно. В конце Гражданской войны командовала отрядом анархистов в Таврической губернии. Казнена белыми.

124 Возвращение в тыл женского батальона смерти М. Л. Бочкаревой, который в июле 1917 г. был отправлен на Западный фронт.

ЧАСТЬ II. ВОСПОМИНАНИЯ ПОДПОЛЬЩИКОВ И ПАРТИЗАН Енисейской губернии

*Усмирять оружием сограждан почел бы
величайшим для себя наказанием.*

А. П. Ермолов

м.ч. 192 г.

Р. С. Ф. С. Р.
И. К. П. С.
СИБИРСКИЙ
кр. Пут. Сообщен.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Лицейский Отдел.

Дано гр. *Александру Лоздикину*
(Имя, отчество и фамилия)

в том, что он состоит на службе в *Красноярском Микрорайоне*

внесен в список при обязательном
вводном мушкетерском сообщении.

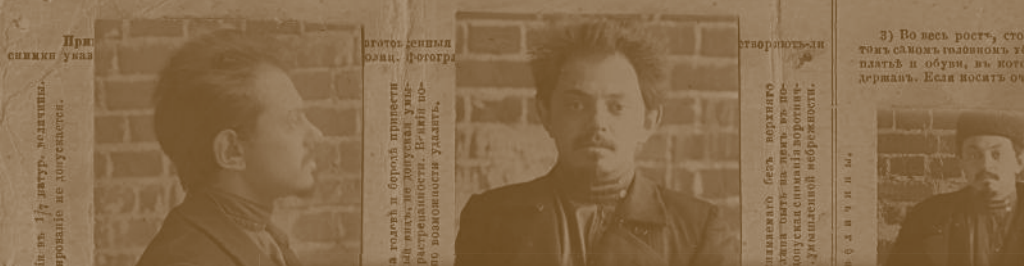
При
снимки указ

фотографии в 1/2 лавру, мелкими.
Регулярно не допускаются.

1) Профиль с правой стороны,
все ухо. (Эта фотография в профи

Возраст по пар. виду
Подбр. дл. _____ Перелос. (г
Носа _____ Спинка _____
Высота _____ Высота _____
Ширина _____ Особ. _____
Особ. _____

Енисейский розыскной пункт.

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 95

Гражданину Аркадию Яковлевичу Мухаринову
Адрес *Сибирская ул. № 21. Уезд. Амур.*

Квартальный Комитет № 1^а. Первого Района извещает Васъ, что
на основании обязательнаго постановленія Енисейскаго Губернскаго

ВОСПОМИНАНИЯ МАСЛЕНКИНА-НЕПОМНЯЩЕГО АРТЕМИЯ СЕРГЕЕВИЧА «ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА»

Весной 1918 года А.С. Масленкин в Боготоле Мариинского уезда Красноярского края (тогда Томской губернии) организовал отряд для борьбы с кулачеством и контрреволюционерами численностью около пятисот человек (воспоминания сокращены, текст близок по стилю. — Т. К.). К этому времени белогвардейский казачий атаман Г.С. Семенов занял район от ст. Даурия (Забайкалье) до ст. Маньчжурия. По распоряжению Центрального исполнительного комитета Сибири на Семенова должны были выступить из Красноярска отряд Лазо, из Ачинска — отряд Жарикова и Зверева, из Боготола — Масленкина¹. **Л. 1**

В ночь на 25 мая чехи заняли Мариинск². **Л. 1об.** На освобождение Мариинска перебрасываются Ачинский и Боготольский отряды, из Красноярска выступает городской гарнизон под командованием М. Соловьева, Г. Ильина. Возникает Мариинский фронт, командующим назначается Соловьев, комиссаром — автор воспоминаний³. Во время боев в штаб фронта Красной армии поступила телеграмма из Владивостока от американской миссии с просьбой прекратить военные действия до ее приезда⁴. Для переговоров с чехами были уполномочены член штаба фронта Лысенко-Ларский и комиссар А.С. Масленкин. Два парламентаря с белым флагом направились к линии фронта — реке Кие. Чехи уменьшили стрельбу, встретили парламентарей небольшим отрядом, обезоружили, завязали глаза, под руку провели по заминированным подходам к мосту через Кие. Здесь и происходили переговоры. Перемирие было заключено на шесть дней. Договор подписал с чешской стороны капитан Кедлет (Кадлец), командующий одним из эшелонов (всего стояло два эшелона чехов)⁵.

После переговоров Артемий Сергеевич сгоряча сказал несколько неосторожных фраз в адрес чехов, за что те арестовали обоих парламентарей и тут же приговорили к смерти. Избежать расстрела удалось благодаря обмену на начальника контрразведки капитана Клименса. 7 июня 1918 года из Владивостока приехала американская миссия во главе с полковником Эмерсоном. Переговоры происходили в Мариинске, где Кедлет заявил, что захват города согласован в соответствии с полученными инструкциями от своего командования, в которых указывалось и время захвата. **Л. 2**

До захвата Мариинска чехи, переодетые в крестьянскую одежду, ночью переправились через реку Кие, заняли ближайшую деревню Раевку, за-

А.С. Масленкин-Непомнящий. 1918—1920 гг.

хватили расположенную в деревне батарею красных и из нее направили огонь по красноармейским окопам. Левый фланг красногвардейского фронта был разгромлен, большинство бойцов перебито чехами и взято в плен. Уцелевшие отступали⁶. 17 июня 1918 года Мариинский фронт пал. Оставшийся отряд отступал через Ачинск и Боготол к Красноярску. На ст. Минино люди узнали, что город захвачен. 15 июня 1918 года чехи взяли Омск, 29-го — Владивосток. 18 ноября 1918 года А.В. Колчак был объявлен Верховным правителем. **Л. 2об.**

К прибывшим на ст. Минино отступившим красногвардейцам присоединились остатки отрядов Красноярского гарнизона. Всего собралось около пятисот человек. Было принято решение добраться

Чехи на ст. Иннокентьевской. 1918 г.

до Енисея и берегом идти до Минусинска для соединения с минусинскими красными частями. К Енисею шли тайгой, измученные голодом люди несли на носилках раненых и больных. Вскоре отряд заблудился. Двое суток плутали без пищи и воды, на третьи сутки отряд повстречал в тайге местного крестьянина, который вез на верховой лошади два мешка сухарей. **Л. 3** Сухари были строго поделены всем поровну (местные крестьяне хлеба не давали). В тот же день крестьянин вывел отряд к Енисею.

Напрягая последние силы, изголодавшиеся люди вышли на золотой прииск Яковлева⁷. Рабочие прииска накормили людей. Времени для отдыха не было. После небольшой передышки отряд двинулся до деревни Ошарова, где заночевали. Утром мимо деревни по Енисею проплыл пароход с казаками под бело-зеленым флагом⁸. Он стал вестником того, что Минусинск взят белоказаками. Оставался один выход: распустить отряд и уходить в подполье. Бойцы отряда отдельными группами разошлись в разные стороны. Осталось с Масленкиным человек шестьдесят, которые переоделись в крестьянскую одежду, поменяв ее на военную. Спустились на плотах по Енисею до Красноярска. В Красноярске автор попытался установить связь с какими-нибудь това-

рищами, попытка оказалась бесполезной. Разгром был страшный. Партийная организация была почти поголовно уничтожена физически контрразведкой.

Из Красноярска А.С. Масленкин с группой бойцов направился в село Большая Мурта, расположенное в 110 километрах от города по Енисейскому тракту. В этом селе жил друг по фронту империалистической войны, подпольщик-большевик Яков Широков. Широков спрятал А.С. Масленкина. Тут у него и нескольких товарищей (Широкова Я., Гордеева З.М., Синицина С., Пильникова А., Чернявского О.) возник план организовать партизанский отряд. Была вторая половина июля 1918 года. Большая Мурта находилась в руках белых. По Енисейскому тракту шло отступление красных войск и наступление белых. Остаться в Мурте было опасно. А.С. Масленкин перебрался в таежную деревушку Листвянку в 35 километрах от Большой Мурты, в стороне от тракта. Вместе с ним поехали Пивунов Ф.И., бывший красногвардеец, Широков Я., Цильников К.С., Гордеев Г.М. Деревня насчитывала около ста дворов. Автор устроился в кузнице слесарем у переселенца Н.К. Веселого. Здесь и началась организация ячеек в бедняцких таежных деревнях, которые населяли в основном безземельные кре-

стьяне из Псковской губернии, занимавшиеся разным ремеслом. **Л. 3об.**

Село Большая Мурта в основном же населяли сибиряки-старожилы и кулаки-богачи. В конце июля 1918 года оформился военно-революционный полевой подпольный штаб Больше-Муртинского района. Решено было для безопасности выбрать для штаба более спокойное место — деревню Запльвино. Это была самая крайняя деревня, за которой тянулась тайга. Штаб разместили на заимке крестьянина-переселенца Евсея Яковлевича (фамилию не помнит), который оказал огромную помощь. Его зять Е.К. Федотов стал активным партизаном отряда. Состав штаба:

организатор и начальник штаба — Масленкин-Непомнящий А.С.;

помощник начальника — Гордеев Георгий Михайлович;

комендант штаба — Пивунов Фирс Иванович;

секретная часть — Пильников А.С., его заместитель — Степанова Анна Петровна (впоследствии ставшая женой Масленкина);

агитотдел — Конякин М.П.;

начальник разведки — Скрипко Василий;

начальник по связи — Денисюк;

хозчасть — Чернявский Осип;

начальник по снабжению оружием — Коноваленко П.И. и Синицин Степан.

Анна Петровна Степанова вела большую работу по разведке от штаба. Работая ранее в переселенческой больнице в Большой Мурте уборщицей и няней, она имела знакомства и связи в селе. Ведя невинные женские разговоры с женой крупного торговца Хандова, в доме которого находился белогвардейский штаб, она выведывала то, что делалось в штабе. В магазине Хандобы она закупала дробь, порох, свинец будто бы для отца-охотника. Заходила она и к большемуртинскому попу, который произносил хвастливые речи о силе и моще белых, находящихся в селе. **Л. 4**

Штаб руководил и ячейками, которые были организованы примерно в 30 деревнях, связь между ячейками и штабом осуществляли связные. Для организации ячеек в Большую Мурту были посланы Гордеев Г.М., Пильников А.С., Чернявский О., братья Широковы Яков и Даниил. Это была трудная задача, так как в селе находился белый штаб. Организаторами ячеек в деревнях были: в Листвянке — Коноваленко П.И., Сысоев Н.И., Афанасьев Ф., Выдренок К., Веселов Н. (кузнец); в Запльвино — А.С. Масленкин, Пивунов Ф.И., Нефедов Е.К., Степанова А.П., Кирьянов Г., Масловская Матрена. В деревне Тонково (Волынка) — Конякин М.П., Денисюк А., Лав-

ренюк Н. В Галовке — Скрипко Василий, Скрипко Владимир, Молчанов С. В Сенной — Саврыгин Г., Попов И. В деревне Черняево — Кулешов В., Осиночкин Н. В Старом Итате — Серебрянников М., Дмитриев А., Дмитриев К., Чашин К. Все фамилии Масленкин уже не помнит.

К концу августа 1918 года все ячейки были вооружены. Оружие собиралось у населения, это были винтовки, револьверы солдат, вернувшихся с фронта, частично — охотничьи ружья, берданки. Ячейки состояли из крестьян и бывших солдат. Организаторами были большевики, среди которых было немало ссыльных. Штаб выносит решение о необходимости вооруженного восстания и издает приказ: всем гражданам от 18 до 45 лет включительно явиться 4 сентября 1918 года к 12 часам дня в деревню Малый Кантат. По возможности захватить оружие казенного образца и седла, неявившиеся будут привлечены к военно-полевому суду. 3 сентября нарочные развезли приказ по ячейкам и населению. Деревня Малый Кантат, в которой был назначен сбор населения, была ближайшим пунктом к Большой Мурте, в пяти километрах. **Л. 4об.**

4 сентября 1918 года в Кантате собралось около трех тысяч повстанцев. Ехали на телегах, шли пешком. Человек сто были вооружены винтовками. Тут же на месте была организована конница, для которой использовали прибывших лошадей (примерно сто голов). Конница стала ударной группой отряда. Она с боем захватила штаб белых, начальник белогвардейского отряда Катуцкий был убит, перебита была часть конницы, остальные разбежались. Партизанский штаб провозгласил Советскую власть; создаются отделы: хозяйственный, продовольственный и др. Работа штаба в основном была направлена на укрепление отряда оружием и продовольствием для подготовки наступления на Красноярск.

Но этим планам не суждено было сбыться. Отряд продержался в Большой Мурте четыре дня. На четвертые сутки в Большую Мурту ворвались два карательных отряда: штабс-капитана Носкова и капитана Короткова. Мурта опять перешла в руки белых. Большинство повстанцев, местных жителей, разбежались по домам, организованный отряд партизан в количестве 150 человек во главе с А.С. Масленкиным ушел в тайгу. Каратели начали расправу с повстанцами. В тех деревнях, которые приняли участие в восстании, перепороли поголовно все население, в том числе стариков, женщин и даже детей. Пороли резиновыми нагайками и шомполами. Трех партизан-разведчиков расстреляли.

Партизанский отряд скрывался в тайге с весны 1919 года — девять месяцев. В открытый бой не всту-

пали. Партизаны собирали оружие, делали лыжи, седла. Жили в землянках в непроходимой тайге. Так как отряд разыскивали, то приходилось место стоянок все время менять. Продовольствием снабжало население близлежащих деревень. **Л. 5** Из партизан была выделена специальная группа, державшая связь с деревней. Осенью пешком, зимой на лыжах пробирались связные через тайгу, доставляя оружие, продовольствие, одежду. Тропы пробивали очень осторожно, запутанно, чтобы враг не мог по лыжне или следу обнаружить отряд. Иногда делались внезапные налеты небольшими группами на солдат-карателей, разъезжавших по деревням. Захваченных солдат разоружали, раздевали и отправляли в Мурту в лаптях, плохоньких зипунишках партизан, оставляя трофеи — отличные сапоги, шинели, гимнастерки. Раздетые бандиты строго наказывались своим начальством. Чтобы не навлекать на население жестоких расправ, А.С. Масленкин дал приказ не убивать солдат, а только разоружать и раздевать. Было разоружено до ста человек. За период таежной жизни было совершено около девятидесяти таких налетов.

Автор вспоминает такой случай. В октябре 1918 года пробралась в деревню Листвянку, в большой праздник — Покров день, группа партизан числом 15 человек, за продовольствием. Заодно решили встретить праздник в тепле и уюте деревенских изб и гостеприимстве крестьян. Собрались в доме Николая Сысоева. На столе появился самогон, горячие пироги, от которых отвыкли партизаны. Пили мало, были начеку. Неожиданно сообщили, что в деревню приехал карательный отряд человек десять с офицером. Партизаны быстро договорились с населением... Радужно растворились двери домов для карателей на другом конце деревни. Кузнец Веселов Николай Константинович, крестьянин Милкин Петр звали к себе белых, приглашали отметить Покров. Гостеприимным оказался и старик Лобанов. Самогон полился рекой, появилась гармошка, пошли пьяные песни, а потом и пляски. Праздник отмечался очень оригинально: на одном конце деревни партизаны, на другом — белые. В разгар веселья с другой стороны подобралась партизаны, подобрали часть винтовок, оставленных в сенях. Затем ворвались в избы, разоружили **Л. 5об.** белых, солдатам заменили обмундирование. Каратели в лаптях и неказистой одежке, под общий смех, отправились в Мурту.

Запомнился Покров 1918 года и жителям деревни на всю жизнь, жестоко отомстили им каратели позднее. Особенно досталось 60-летнему старику Лобанову, которого, видимо, приметили протрезвевшие каратели. Его заporоли до полусмерти. Ольгу Заха-

ровну Иванову, у которой в Покров были партизаны, раздели догола, связали и porоли, попеременно кладя то на спину, то на живот, пока тело не стало почти черным. Свидетелем этой расправы была будущая жена Масленкина. Ольга Захаровна осталась жива, получала после войны от правительства персональную премию.

Находившиеся в тайге партизаны много пережили: перебои с питанием, болезни, летом мошкара, дожди, зимой — морозы. Однако и в такой обстановке каждый занимался своим делом. Вечером собирались вместе, беседовали, пели, читали. Пели песни, грустные, тягучие, много революционных. Революционные песни распространялись и по селениям. В отряде была и своя библиотечка, которая досталась от ссыльного А.С. Степанова, находившегося на поселении в деревне Заплывино. В 1914 году он был отправлен на фронт и за большевистскую агитацию расстрелян. **Л. 6** В библиотеке была политическая литература (Плеханов, Каутский), классика (Гончаров, Толстой, Бокаччио, Пинкертон). Особенно любили стихи Некрасова, которые читал А.С. Масленкин. Так как большинство партизан были неграмотными, то читали вслух. **Л. 6об.**

Наступила весна 1919 года. К этому времени партизанское движение окрепло. Один из колчаковских генералов писал: «Приходится иметь здесь дело не с бандами, а с организованной частью старых солдат, которые бывают иногда достаточно храбры и выстраивают такие штуки, которые нельзя было от них ожидать» (Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 87. Здесь и дальше ссылки автора воспоминаний). С наступлением весны партизанский отряд наладил связь с большевистской организацией в Красноярске. Связные партизаны Пивунов Ф.И., Коноваленко П.И., Скобарь М.В. преобразались в мирных крестьян и отправлялись в город на «базар». В Красноярске они встречались с большевиками Анной Горайд, Константином Деденко, Кузьмой Дербень. С «базара» привозились новости о положении на фронтах, местонахождении отрядов Красной армии. Эти «базарные покупки» были очень дороги партизанам, надолго оторванным от мира.

Подпольная организация Красноярска готовила восстание, поддерживая связь с партизанскими отрядами Енисейской губернии. Отряд А.С. Масленкина выработал свой план действий с большевистской организацией города. Большевики, находившиеся в регулярных частях Колчака — гарнизоне Красноярска, поднимут восстание. Но этот план сорвался. 30 июля 1919 года в 12 часов ночи раздавшийся выстрел стал сигналом к выступлению, гарнизон восстал. Однако благодаря тому,

Р.К. Руйга. Партизанская застава. 1950-е. Бум., кар.

что белому командованию удалось сохранить связь, на подавление были брошены казаки, чехи и поляки. Восстание было жестоко подавлено с большим количеством жертв. Солдат-повстанцев расстреливали, засекали до смерти, заточали в тюрьмы⁹.

В июле 1919 года отряд выступил из тайги на Большую Мурту, чтобы занять ее и двинуться на соединение с Красноярским гарнизоном. По дороге к отряду присоединились крестьяне из населения деревень, отряд т. Доброва в количестве 130 человек¹⁰. Соединенным отрядом подошли к Большой Мурте, подошли ночью. В километре от села находилась переселенческая больница, около которой, в лесу, стояли казаки. **Л. 7** Разведка сообщила, что казаки все спят, лошади стоят привязанные и расседланные. На рассвете партизаны неожиданно совершили нападение. Многие казаки были перебиты, остальные бежали. Отряд занял село. Так Большая Мурта вторично попала в руки красных, но уже с более тяжелыми боями. 20 марта 1919 года Колчак издал приказ: «...Покончить с енисейским восстанием, не останавливаясь перед самыми строгими, даже жестокими, мерами в отношении не только восставших, но и населения, поддерживающего их...» (Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 113). Подавление городского восстания в Красноярске развязало руки белому командованию Красноярска.

Жестокость расправы с населением не знала границ. Из Красноярска в Большую Мурту был выслан карательный отряд под командованием офицеров Кульченко и Силинского.

Партизанский отряд А.С. Масленкина продержался в Большой Мурте всего три дня. Отряд принял неравный бой, понес много жертв. Для прикрытия отступления в селе под командованием Артемия Сергеевича остался отряд из 75 человек. Некоторые местные жители разошлись по домам, раненых отправили через Енисей. Затем и маленький отряд отступил в тайгу в деревню Итат. После ухода партизан в деревнях Большой Мурте, Малом Кантате и Таловке от рук колчаковцев погибло 280 человек. Среди погибших — члены семей партизан. В Большой Мурте, у стены своего дома, была расстреляна семья партизана Д. А. Синицина (С. Г. Синицина): старики — отец и мать и сестра 27 лет. У партизана Гузеева Федора Трофимовича, бывшего помощника начальника конной разведки, погибла вся семья — четыре человека. **Л. 7об.** Его брат Филипп был ранен и не смог отступить с отрядом. В семье колчаковцы расстреляли: отца — Трофима Андреевича Гузеева, 48 лет; мать — Матрену Мартемьяновну, 46 лет; брата — Филиппа Трофимовича (партизана), 25 лет; брата Николая — 14 лет. Отца и мать А.С. Масленкина, двух младших братьев — Романа и Андрея бандиты вместе с пленными красногвардейцами повезли к месту казни. По дороге один из пленных бросился бежать, замешательством среди конвойных воспользовался отец, погнав лошадь с телегой, на которой сидела семья и несколько пленных, в город. Так удалось бежать. Но все же отец не избежал тюрьмы. Перенеся жестокие пытки, пробыл в тюрьме до прихода советских войск в 1920 году.

Людей раздевали догола, клали на землю по 50 человек и, идя с обеих сторон, пороли свои жертвы шомполами и нагайками. Подвергали пленных невероятным пыткам — долбили головы железным ломом и кирками. Расстреливали пачками, тут же закидывали землей, закапывали живыми. Жгли дома и целые деревни. Грабили, насиловали женщин. В деревне Новый Итат бросили в колодезь несколько детей. А.С. Масленкин вспоминает несколько расстрелянных партизан: Пильников А.С., один из первых организаторов отряда (Большая Мурта); Пильникова Евдокия Михайловна (член семьи партизана); Чернявский Осип, один из организаторов партизанского отряда (Большая Мурта). Также Чащин К., партизан (Старый Итат); Симонов Н.Г. (там же); Ковригин В. (Малый Кантат); Горинский и Подгорных, партизаны (Малый Кантат). Жену партизана Гордеева

Неизвестный художник. Карикатура на А. В. Колчака «Из молодых да ранних». Нач. XX в. Бум., тушь, акв.

расстреляли несмотря на то, что у нее было двое детей — двух и четырех лет.

Большую помощь оказывали белым местные богачи, называя семьи партизан: в Большой Мурте крупный торговец Ламоко, из кулаков — Марченко Иван (расстрелян партизанами в 1919 году). Предательски вели себя попы, погубившие многих партизан и сочувствующих из населения.

Во время отступления партизанского отряда в тайгу около Листвянки А. С. Масленкин сильно заболел от ранений, полученных в Мурте, и не мог двигаться с отрядом. Он приказал отряду двигаться дальше и передал командование товарищу Гордеву Г. М. С Масленкиным осталось пять партизан. **Л. 8** Есть было нечего. Двое партизан — П. Алексеев и Я. Ланченко отправились в деревню за продуктами. Их захватили колчаковцы и отправили в Большую Мурту. Там партизан подвергли пыткам, после чего отправили в колчаковскую армию. Оста-

лось в лесу четверо. Положение было безвыходным. Необходимо было проникнуть в Листвянку за продуктами и раздобыть продовольствие.

Идти в разведку вызвались двое юных партизан: 18-летний Никита Осиночкин и 19-летний Вася Кулешов. Эти два неразлучных товарища пришли в отряд из деревни Черняево. Они были любимцами отряда. Не хотелось их отпускать, но выхода не было. Но и они не вернулись. Как выяснилось позднее, они были схвачены по дороге, их подвергли жестоким пыткам, а затем расстреляли. Ребята не выдали своих товарищей. И сейчас, спустя несколько лет, трудно говорить об этой боли. В лесу остался А. С. Масленкин и Т. Кирьянов.

Два дня ждали юных разведчиков. Питались кореньями. На третий день пошел Кирьянов. Его тоже схватили каратели в Листвянке, отправили в Мурту, дали 60 шомполов и отправили в армию. Одиноким, голодный А. С. Масленкин пролежал в тайге пять

Папаха партизана. Передана в музей в 1956 г. из с. Шало Манского района.

суток. Спасли его партизаны Пивунов Ф. и Коноваленко П., переправив в деревню Заплывино. Здесь, на чердаке дома, автор воспоминаний пролежал более месяца в бредовом состоянии. Уход за ним был поручен партизанке-разведчице, дочери Ершова — Анне Петровне, которая укрывала от белых и лечила. Впоследствии стала женой Масленкина. Под действием кровавых расправ партизанское движение временно утихло.

Изголодавшийся, ободранный отряд, понесший большие потери, скрывался в тайге. А.С. Масленкин, еще не успевший оправиться, был тайком увезен партизанами в лес, в штаб армии. Началась подготовка нового наступления. Отряд пополнялся, вскоре с 75 человек вырос до двухсот. В октябре 1919 года отряд, уже в третий раз, выступил на Большую Мурту и занял село. В селе была восстановлена Советская власть. **Л. 8об.** Действия партизан отвлекали силы колчаковцев, помогая продвижению Красной армии. Колчаковцы отступали по Енисейскому тракту, затем свернули на старый Ангарский тракт, чтобы тайгой пробраться в Иркутск. По дороге грабили население, уводили лошадей, скот. Забирали продовольствие.

Отряд выдержал несколько боев с отступающими частями генерала Галкина¹¹ (под Шало), отрядами Пепеляева и Каппеля. В одной из опера-

ций отряд отбил у белых обоз в две тысячи подвод с продовольствием и оружием, большое количество лошадей, захватили пленных. В обозе оказалось много ценностей: мехов, серебра, золота, хрусталя, даже лебяжий пух. Впоследствии все ценности были сданы в штаб 5-й армии. 4 января 1920 года восстал Красноярск. Власть перешла в руки военно-революционного штаба. 8 января в Красноярск вошли части Красной армии и соединились с партизанами.

В конце декабря 1919 года партизанский штаб собрал в Малой Мурте крестьянский съезд, присутствовало 1037 человек с мандатами и около 1500 — без мандатов. Открывал митинг А.С. Масленкин, призывал помочь Красной армии хлебом, валенками, рукавицами, дровами, сеном. В Красноярске в это время царила разруха, голод, холод. А затем все люди застыли в скорбном молчании, помянув павших героев. **Л. 9** В конце работы съезд постановил расстрелять 25 человек колчаковской милиции. По решению съезда А.С. Масленкин выехал в Красноярск в штаб 5-й армии, где ему было выдано партизанское жалование за два года. Шел январь 1920 года.

Прошло 13 лет, автор жил в Москве, учился в Промакадемии. С горечью получил письмо из Большой Мурты, что могилы замученных партизан и мирных граждан почти сровнялись с землей, а кое-где проложили дороги. А.С. Масленкин обратился в Красноярский обком партии с просьбой оказать помощь с устройством достойных похорон. В 1932 году он вместе с женой приехал в Большую Мурту. При участии партийных и советских организаций 3 июля 1932 года в Мурте были организованы похороны расстрелянных, замученных, растерзанных товарищей.

Были вырыты 42 трупы, которые белые закапывали на месте расправ без гробов, по 12 и больше человек. Благодаря большим морозам трупы хорошо сохранились, несмотря на то что прошло много лет. Среди них были обнаружены трупы женщин, стариков, детей. **Л. 9об.** Во время раскопок многие узнавали своих близких, дорогих товарищей. Это была тяжелейшая, душераздирающая картина. Тут и там раздавались вопли, крики, плач. Почти все не могли удержаться от слез. Всех мучеников положили в специально поделанные гробы. Траурная процессия под звуки духового оркестра двинулись к народному дому, где и установили гробы, утопающие в цветах. Цветы несли все жители, начиная со стариков и заканчивая детьми. Это были простые полевые цветы, выросшие на земле, за которую отдали жизнь замученные и расстрелянные партизаны. Стоял почетный караул: бывшие

Бывшие партизаны и подпольщики. Слева направо: Ф. К. Врублевский, А. Е. Архипова, А. В. Померанцева, А. Д. Шнейдер. 1917—1920 гг.

партизаны, родственники погибших, коммунисты, комсомольцы, пионеры. На похороны съехалось до 20 тысяч человек со всего района, было много очевидцев. На траурном заседании присутствовало около пятисот человек, среди них 156 бывших партизан и красногвардейцев.

Заседание постановило назвать Большемууртинский народный дом имени 42 расстрелянных партизан. Погибших похоронили в специально вырытом склепе. У братской могилы происходило последнее прощание.

Артемий Сергеевич Масленкин-Непомнящий стал персональным пенсионером, награжден орденом им. В.И. Ленина. Его стихия — дети, цветы и сады. **Л. 10** Во дворе своего дома он организовал посадку деревьев и цветов, первые деревья посадил еще в 1927 году. Привлек ребят. В 1934 году Артемий Сергеевич добился перестройки гаража во дворе в клуб, сам руководил строительными работами. В клубе зал на четыреста человек, две комнаты для маленьких детей, библиотека, тир. Масленкин организовал при доме Общество Красного Креста, курсы красных сестер, Общество друзей по озелене-

нию. В первые годы Советской власти Артемий Сергеевич вел работу по борьбе с беспризорностью. И огромная общественная работа, и связи со своими оставшимися друзьями-партизанами. Во время своего рассказа, вспоминая погибших партизан, всегда плачет. **Л. 11**

ККМ. О/ф 3243/1. М., апрель 1957 г. Литературная обработка Х.Я. Ганецкой. Л. 1—11. Машинопись.

Воспоминания А.С. Масленкина-Непомнящего под названием «На Мариинском фронте» публиковались в книге «Годы огневые» (Красноярск, 1962).

ВОСПОМИНАНИЯ КРАСНОГВАРДЕЙЦА КОСТЕНКО ПЕТРА ИВАНОВИЧА, УЧАСТНИКА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА МАРИИНСКОМ ФРОНТЕ

Советская власть в октябре 1917 года установилась в Красноярске без крупных столкновений. Железнодорожные мастерские и депо являлись основной базой для укрепления Советской власти. Главный штаб Красной гвардии находился в Николаевском районе при ст. Красноярск. **Л. 1** Вооруженных рабочих направляли на охрану складов, мостов, тюрьмы, города. По отношению к казачьей сотне пришлось предъявить ультиматум, чтобы казаки сдали оружие. Те на конях бежали к Енисею, перебрались через реку и ушли вверх. Совдеп приказал не открывать огонь по ним. Красногвардейцы были освобождены от работы, вооружена была и часть рабочих. По всему городу расставлены отряды и заставы, велось патрулирование¹². После восстания юнкеров в Иркутске на подавление его была отправлена часть красноярских красногвардейцев во главе с С. Лазо, штаб Красной гвардии решил создать несколько летучих отрядов. Между тем с запада на восток хлынула масса «контрреволюционного отребья». **Л. 1об.**

Летучие отряды стали проверять поезда, кто едет, что везут, отбирали оружие. Так, в Красноярск пришел эшелон вооруженных офицеров. Им был предъявлен

ультиматум: не выходить из поезда, пока красногвардейцы не договорятся с комендантом поезда о сдаче оружия и не будут осмотрены вагоны. Только тогда поезд может быть отправлен. Однако требования не были выполнены. Эшелон был окружен и убран с основного пути. Из вагонов начали выгружать оружие, патроны, снаряжение, начался их осмотр. Обычно такие эшелоны отправлялись на проход нескольких станций. Были случаи, когда некоторые эшелоны не принимали станции, останавливая их в поле, и оцепляли паровозы, требуя выполнить ультиматумы. **Л. 2** Если из вагонов открывался огонь, то эшелоны грозили расстреливать вплоть до применения орудий.

Автору воспоминания пришлось выехать с отрядом Красной гвардии из Богучан. В конце февраля 1918 года погрузили в вагоны вооружение для местных работников Советской власти, выехали поездом до ст. Тайшет, оттуда направились до берега Ангары, до деревни Дворец. **Л. 2об.** Приангарский край богат прежде всего пушниной, поэтому многие торгаши оказали сопротивление, часть уходила с оружием в тайгу. Отряд разделился на две части, одна осталась в Кежме до вскрытия

Делегаты съезда Советов Средней Сибири. Первый ряд справа налево: 1) Г.С. Вейнбаум; 3) А.В. Померанцева; 4) А.И. Окулов; 5) В.И. Окулов; 6) Т.А. Шаповалов. Второй ряд: 2) А.М. Маслов; 3) Е.К. Зверев; 4) Г.И. Окулова. Третий ряд: А.В. Шемелев, Д.П. Долбежкин, Я.Е. Боград. Красноярск. 10 сентября 1917 г. *Пятеро из перечня погибли.*

Чехословацкий бронепоезд следует из Енисейской губернии в Иркутск. 1919 г.

Ангары, когда на илимках можно будет сплавлять пушнину, которую красногвардейцы должны были сопроводить до Енисейска.

Другой отряд, в котором оказался автор воспоминаний, выехал на лошадях к железной дороге. В первых числах мая был в Красноярске. Ночью 25 мая 1918 года Костенко был вызван в главный штаб Красной гвардии, где его член Котиков показал телеграмму, что ст. Мариинск занята белочехами и есть решение Совдепа и главного штаба отправить эшелон вооруженных красногвардейцев. Костенко поручили погрузить в вагоны имущество, оружие, связь, Г. Ильину — организовать отряд артиллеристов и погрузить орудия двух полков. Сформированный воинский эшелон к 12 часам дня был готов. **Л. 3** В два часа первый эшелон отправился на Мариинский фронт в количестве около 170 человек, пулеметная команда и артиллерийский отряд при шести-восьми орудиях. По дороге, в Ачинске, присоединился небольшой отряд мадьяр. В Боготоле эшелон принял красногвардейцев и санитарный, хорошо снабженный отряд с большим количеством людей.

Не доезжая до Мариинска несколько километров, на эшелон начали сыпаться снаряды противника. Дана команда выгружаться. Отряд штатских фронтовиков, до этого сдерживавший продвижение белочехов, получил подкрепление, все вместе развернутым фронтом двинулись к Мариинску. Был занят разъезд, деревни, дальше наступление приостановилось.

Противник стянул силы, установил несколько пулеметов у путей железнодорожного моста, по другую сторону — орудия, и сильным огнем не подпускал к мосту. Штабом фронта дано указание Красной гвардии

Герб Российской империи. Гипс, металл. Снят с Красноярской казенной палаты в 1917 г.

Т.П. Марковский, командующий вооруженными силами Енисейской губернии. 1910-е гг.

Р. Гайда, командир 2-й Чехословацкой дивизии. 1918—1919 гг.

прекратить огонь. Велись переговоры командующим фронтом Т.П. Марковским и начальником штаба П. Барышниковым. За время переговоров красногвардейцы еще получили подкрепление, продовольствие, вооружение; протянули сплошную линию фронта на десятки километров. Командир батареи выбрал хорошую позицию, установили орудия. Костенко назначили далеко на левый фланг командиром, расположились на высоком обрыве над рекой. **Л. 3об.**

Срок последних переговоров кончился в 12 часов ночи 16 июня 1918 года. Послышались выстрелы, белочехи открыли огонь по батареям. Неприятельский броневик прошел мост и стал бить из орудий по штабу резервных частей и из пулеметов по позициям красногвардейцев возле железной дороги. Связь со штабом и другими частями прекратилась. Еще в первых числах июня чехи заключили переговоры с Совдепом (первое перемирие с 4 по 10 июня. — Т.К.), а сами дождались подкрепления из Новониколаевска — Тайги, а также в это время расправились с анжеро-судженскими красногвардейцами, которые наступали на Мариинск с западной стороны. Из Мариинска белочехи пошли в глубокий обход левого фланга красногвардейцев, переправились через реку Кию, пересекли железную дорогу и несколькими цепями пошли в наступление. Первыми под огонь попали резервные части и главный штаб. Часть соединений бросилась им на помощь. Некоторым соединениям удалось уйти от перекрестного огня неприятеля.

К вечеру 16 июня, после упорных боев, передние позиции пересечены в нескольких местах белочехами. Связи нет¹³. **Л. 4**

У пулеметов кончились ленты, пулеметчики вытащили их из маскировок и пустили с обрыва в реку, стали отступать. Ночью небольшой группой красногвардейцы подошли к железнодорожной насыпи, тихо стали переходить, напоролась на конный белочешский разъезд, бросились в сторону, попали в болото и залегли, вода теплая. Разъезд стал кричать, звать, затем стрелять. Одного ранили, слышали стон, потребовали выйти из болота. Начинало уже светать. Чехи спустились с насыпи, направили на отступавших людей винтовки. Красногвардейцы стали подниматься, мокрые, грязные, с поднятыми руками. Вероятно испугавшись их вида, белочехи полезли на насыпь, сели на лошадей и направили винтовки на людей. Велели идти вниз, а сами ехали по насыпи. Привели грязных на блокпост железной дороги, никто близко не подходит. Так просидели до обеда. Потом под конвоем привели еще красногвардейцев; затем из Мариинска пришел паровоз и несколько товарных вагонов, в которые всех погрузили и повезли в Мариинск.

Выгрузили всех на продовольственном пункте и провели в одно из производственных зданий. Кругом конвой, здание оцеплено. Когда стали водить в уборную, узнали, что в соседних зданиях тоже сидят красногвардейцы. **Л. 4об.** Ночью пришли белочехи с фона-

3.3. Громадзкий, участник Мариинского фронта. 1918—1919 гг.

рями. Подняли, отсчитали 12 человек (в том числе автора воспоминаний), оцепили конвоем и увели на станцию, где стояло много белочешских эшелонов. Подвели к одному эшелону, дали всем по лопатке и повели в противоположную сторону от станции. Ночь темная, виден редкий лес, кое-где кресты — значит, кладбище. Размеряли площадь и велели копать, видно, что получается могила, уже глубокая, шесть человек внизу копают, а шесть наверху отгребают. Начало зариться, уже могилы видно. Голова работает, поворачивается, ищет лес от кладбища, куда бежать, когда будут ставить для рас-

стрела. П. И. Костенко приглядывается к конвою, как они ведут себя, как окружают.

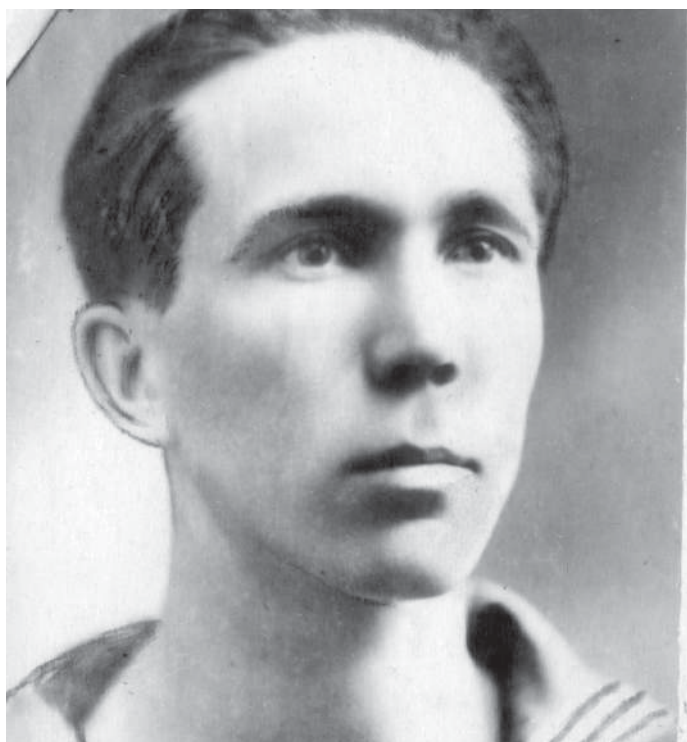
«Стало совсем светло. Один белочех спрыгнул в могилу, промерял шагами, показал лопаткой, как зачистить, выбрался наверх, показал, чтобы другие вылезали, показал, что надо сесть, отдохнули и покурили. Конвой кругом стоит. Разговор у нас между собой как-то не клеится, а глаза все рассматривают местность и разные направления. Команда „встать, лопатки взять“, нас окружили и повели обратно к эшелону, там мы сдали лопатки, и повели нас обратно **Л. 5** в наш дом на пункте. Товарищи встретили радостно и с вопросами разными. Прожили несколько дней. Каждого арестованного чехи подробно допрашивали, все записывая. Наконец погрузили в вагоны, заперли под конвоем, повезли на запад. Переночевали в вагоне около ст. Томск, повезли обратно в Тайгу, а оттуда по направлению на Новониколаевск.

В вагонах досок не было, все на полу, тесно, душно, люки открыли, конвой стреляет; пристроили ремешок от пояса, на ходу опустили люк; как к станции подъезжать, люк поднимали, хоть было чем дышать. За всю дорогу накормили только на ст. Каинск (Барабинск) и повезли в Омск. В Омск приехали ночью, выгрузили утром, обступили пешком и конным конвоем. Молоденький прапорщик, махая наганом, читал, как надо вести себя в пути: не говорить, не кричать, не выходить из рядов, иначе будут стрелять. Привели в город, поместили в каменном здании бывшей школы прапорщиков. Пробыли там несколько дней, части товарищей удалось бежать. **Л. 5об.** Затем перевели в концентрационный лагерь.

В лагере находились пленные империалистической войны, австрийцы, мадьяры. Лагерь состоял из 12 барачков, от шестого до двенадцатого барака огорожены оградой и колючей проволокой. Один конвой стоял на вышках, другой вдоль проволочных ограждений.

Удостоверение № 18145 бывшего красногвардейца Л. И. Николаева, участника Мариинского фронта. После 1918 г.

Г. А. Милицин, участник Мариинского фронта. 1918—1919 гг.

А. А. Балюда, участник Мариинского фронта. 1950-е гг.

Шестой барак, половину, занимали заключенные, а вторая половина пустовала. С разрешения комендатуры и под наблюдением там проводились лекции, беседы с заключенными товарищами из одиннадцатого барака, где они сидели отдельно; это бывшие наши командиры-большевики. Лекции читали о природе, географии. Седьмой, восьмой, девятый бараки занимали заключенные, десятый барак был занят больными. Двенадцатый, отгороженный заплотом, был караульным помещением.

Днем разрешалось ходить из барака в барак по двору, ночью — только в уборную, только по одной тропке и только по одному. Если сворачивал с тропки, часовые стреляли без предупреждения. Очень много погибло от болезней. Хлеб давали, черная буханка на 10 человек и один раз в день баланда, плавают капуста. Вот и все довольствие. В баню не водили, одежду не давали, на людей стали не похожи.

В конце сентября всех заключенных построили во дворе, отделили большую группу и угнали из лагеря. **Л. 6** Позже узнали, что погрузили на баржи и увезли в Тобольск. В лагере стало свободней, но перейти жить в другой барак было нельзя, так как человек был прикреплен к своему барaku и своему десятку, девять человек отвечали головой за десятого. Необходимо было освободить каким-то способом ряд товарищей, которых часто стали вызывать белочехи на допрос и которые больше не возвращались. Поэтому и стали делать подкопы, один из уборной, которая находилась неда-

леко от заплота. Пробили ночью вверх отверстие. Этот подкоп знали многие. Второй подкоп велся из шестого барака в пустой половине, где читались лекции. Группа участников подкопа была небольшая, так как все было скрытно. Товарищи с крыши барака (под предлогом починки крыши) взяли направление, куда вести подкоп. Начался подкоп с барака, где у стены стояли круглые печи, за ними вскрыли половые доски и углубляли подкоп под стену барака, под двор, под заплот с вышками, под улицу, дорогу. Длинной был подкоп несколько десятков сажень.

Отверстие подкопа проползали на коленях, тесно, душно, часто менялись. Один долбил, другой насыпал в мешочки, которые привязывали и тянули по отверстию. **Л. 6об.** Веревка была кольцом, пустой мешочек возвращался, мешочек с землей относили подальше от подкопа. Все дело шло хорошо, оба подкопа скоро должны были быть готовыми, согласовали с людьми, которым нужно было подготовиться. Вечером, когда шла лекция, возле барака послышался шум, гам, потом закричали в бараке белочехи, казаки с оружием наизготовку. Началась паника. Лектор призвал всех к спокойствию, ворвавшиеся стали бить, рубить беззащитных людей. Тишина восстановилась после переговоров с комендантом лагеря. Уполномоченный по лагерю объявил о том, что в лагере обнаружались подкопы, был объявлен ультиматум, чтобы не пострадали невинные люди, выдать тех, кто копал и участвовал в подкопах. После этого стали разводить по своим баракам».

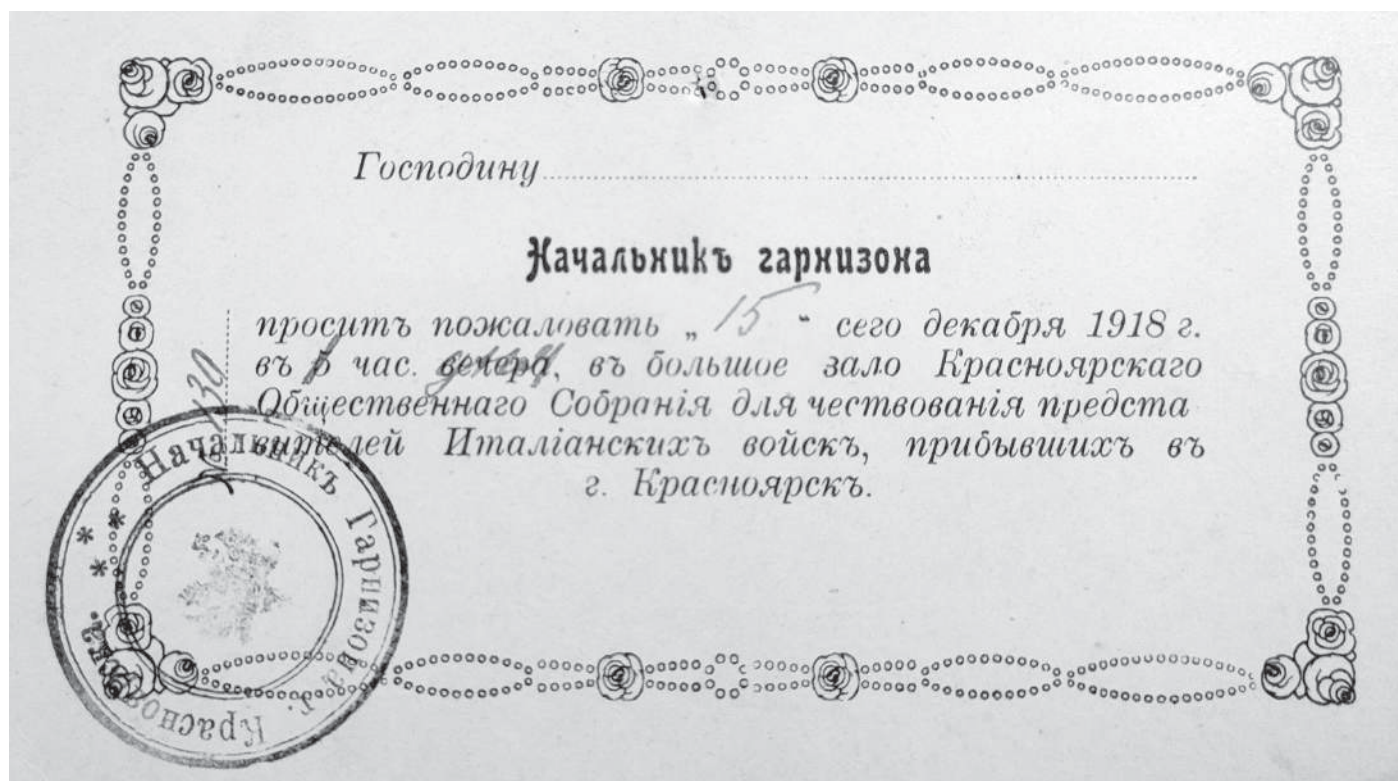
Красногвардейский отряд красноярских рабочих-железнодорожников, участников Мариинского фронта. 1920-е (?) гг.

Шестой барак оцепили белочехи и конные казаки. Белочехи объявили, что дают срок 15 минут. Если не выдадут, кто копал и кто организовывал, то расстреляют каждого десятого из заключенных. Через некоторое время со свечами и фонарями, с оружием наизготовку пришли белочехи с черепами на рукавах (ударные части. — Т. К.), офицеры белогвардейские, казаки. **Л. 7** Дали команду сесть на край нар, освещали каждому лицо, предатель указывал, кто копал. Показал в седьмом бараке, где находился автор воспоминаний. Заключенных схватывали с нар и уводили. Предатель выдал 11 товарищей, одного захватили в подкопе, всех увели к коменданту. В это время пленные австрийцы копали могилу за заплотом возле двенадцатого барака. Когда могила была готова, арестованных подвели к ней и расстреляли без следствия и суда чехи с черепами на рукавах. Расстреливали белочехи, комендантом тоже был белочех.

Наутро остальным разрешили выходить из барачных в 10 часов дня, не разрешали подходить к заплоту, за которым находилась могила товарищей. Наступил

ноябрь, в бараках холод, угля давали мало, в бараке щели, из которых дует. Перебрались на верхние нары, нижние пошли на растопку. В двадцатых числах декабря было сообщено, чтобы ночью все были одеты и обуты, ночью тюрьма должна будет освобождена, так как придут освобождать заключенных. **Л. 7об.**

До самого утра все были наготове, в городе слышны были выстрелы, но не пришлось дожидаться, к чему готовились. Конвой после этого усилил репрессии. Холодная жизнь в бараках привела к эпидемии тифа, комендантура объявила карантин. Сплошными нарами лежали больные, рядом с ними лежали мертвые, единицы ходили на своих ногах. Сначала больных уносили в десятый барак, в одну половину уводили помешанных, буйных. На обеих половинах вскоре лежали мертвые. Некому стало носить и обслуживать в десятом бараке. По всем баракам лежали живые и мертвые. Медицинской помощи никакой. Ни один порог не переступил ни часовой, ни из комендатуры. Через два месяца после карантина показался Красный Крест (шведский или норвежский)¹⁴, после чего мертвых австрийцев

стали стаскивать со всех барачков в десятый, а оттуда ночью в ящиках навалом, на нескольких парах лошадей, вывозили из лагеря.

Красный Крест прислал немного одежды, продуктов, но все это мало помогало. Не было условий, медикаментов. В бараках кишели блохи, вся одежонка у живых и мертвых кишела вошью. Первый раз сводили в баню, кто мог идти сам, через десять месяцев после помещения в бараках. **Л. 8** К маю 1919 года в бараках было свободно, части удалось бежать, часть расстреляли, большая часть умерла. Остались те, кто имел железный организм. Пошли сведения, что всех заключенных, что есть в Омске, будут увозить на восток. Автор воспоминаний и еще один заключенный договорились бежать. «В один из дней июня удачно проползли и прошли часовых, двое ворот и вышли на площадь за лагерь, где стоял извозчик, который привез нас в какой-то двор. Там нас дожидались в одной избушке, покормили, переодели и отправили на вокзал, где уже были взяты билеты, дожидались нас у вагонов на поездку на восток в Красноярск».

В поездах чехи, белогвардейцы, проверка документов, так как дезертирство из колчаковской армии усилилось. Имея липовые документы (мертвых товарищей), приходилось лавировать, прятаться во время проверок, переходить по вагонам, лазить под вагон, кое-как добрались до Красноярска. Здесь предупредили всех вылавливать, кто был в Омске и Тобольске¹⁵. Пришлось подаваться вверх по Енисею, наблюдая за пароходами передвижения колчаковских войск. Взятие Щетинки-

ным Минусинска, отступление белых позволили передвигаться обратно к Красноярску. **Л. 8об.** Отступающая армия захватывала паровозы, эшелоны, для прикрытия оставляли польские легионы¹⁶. Дорога была завалена тифозными трупами. Отступающие каппелевцы должны были взорвать железнодорожный мост через Енисей, депо главных железнодорожных мастерских. На защиту города встали рабочие. Встретив на окраине каппелевцев огнем, заставили их выгрузиться из вагонов, взяв с собой все только нужное. Бросив эшелон, Каппель стал пробиваться на север. После освобождения железной дороги в Красноярск стали поступать паровозы, вагоны, бронепоезд со штабным салоном. Некоторые поезда с лозунгами: «Вперед, с нами Бог». П.И. Костенко явился в железнодорожные мастерские, где его приняли рабочие в свою семью. **Л. 9**

В депо и мастерских дела были плохи. Топить нечем, все замерзло, нужно было спасать материалы. Рабочие каждое утро отправлялись за Енисей, пилили бревна на дрова, грузили в вагоны и спасали мастерские. Так было до того времени, пока не была расчищена вся магистраль, пока не пришли на помощь горняки Судженска.

Бывший красногвардеец П.И. Костенко **Л. 9об.**

КККМ. О/ф 3253/1. Воспоминания красногвардейца Костенко Петра Ивановича. Без даты. 18 л. Рукопись.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917—1918 ГОДОВ В ГОРОДЕ КАНСКЕ И УЕЗДЕ С. Г. СИНИЦИНА

В мае 1918 года на ст. Канск прибыл эшелон 2-й Чехословацкой дивизии. Начальник штаба 2-й Чехословацкой дивизии полковник Б.Ф. Ушаков (имел французское подданство) заверил Канский Совет, что они скоро выедут во Владивосток для следования во Францию, чтобы продолжить войну с Германией. Однако чехи остановились в Канске надолго. Это было видно из того, что они приступили к военным занятиям, в связи с этим оживилась контрреволюционная деятельность Союза увечных воинов (контрреволюционная организация по вербовке увечных Советской властью офицеров. — Т. К.) и канской буржуазии.

В конце мая того же года в Канске вспыхнуло восстание против Советской власти. **Л. 8** Было убито около пятнадцати человек красногвардейцев, разоружена военная организация, начались аресты советских работников. Синицина, Вейниса, Пухальского, Елисеева, Рогалевича и заместителя председателя Совета Андреева держали в вагоне чешского эшелона под усиленной охраной. Ждали расстрела, но полковник Ушаков не рискнул прибегнуть к крайней мере, так как обстановка складывалась пока не в пользу белых: держались еще Красноярск и Иркутск.

Оставшиеся на свободе члены Канского Совета предъявили Ушакову ультиматум о необходимости отправить в Красноярск делегацию для доклада Крас-

ноярскому Совету о событиях в Канске. **Л. 9** «Делегация» включила в свой состав людей, которым явно угрожала расправа, вошел в ее состав и Синицин С.Г. Через какое-то время чехи, сопровождавшие вагон, высадили арестованных глубокой ночью, сами вскочили в вагон и отправились в сторону Канска. Утром канцы прибыли в Красноярск (см. часть 1, прим. 9).

«Прибыв в Красноярский Совет, нас немедленно вызвали в президиум Совета, на президиуме были: тт. Вейнбаум, Яковлев, Демидов и др. Заслушав наш доклад о происшедшем восстании в Канске, президиум Совета принял развернутое постановление, что нет сомнения — контрреволюционное выступление не носит местный характер, а является продуманным контрреволюционным мятежом против Советской власти. Президиум Совета своим постановлением назначил меня командиром Клюквенского боевого участка, начальником штаба был назначен тов. Морозов¹⁷. **Л. 10**

Я и Морозов выехали на ст. Клюквенную немедленно для выбора позиции. Осмотрев местность, мы пришли к заключению, что наиболее удобной позицией будет расположение на речке Громадской и разъезде Громадском, т.к. рядом проходило шоссе Красноярск — Канск... Президиум Красноярского Совета приказал немедленно с Красной гвардией выехать на выбранную позицию, на ст. Клюквенную.

Б.Ф. Ушаков, начальник штаба 2-й Чехословацкой дивизии. 1918 г.

Я.Ф. Дубровинский, командующий Клюквенским фронтом. До 1918 г.

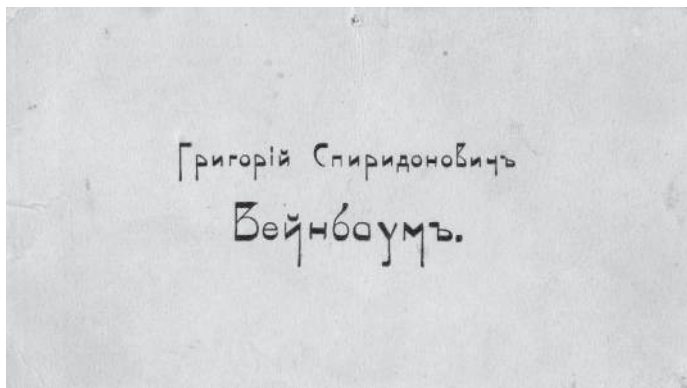
Е.И. Кристовская, медсестра на Клюквенском фронте. До 1918 г.

И.Н. Бехтерев, участник Клюквенского фронта. 1950-е гг.

Общая численность отряда была: красногвардейцев — 250 человек, рота мадьяр — 60 человек, конная разведка — 15 сабель, одно трехдюймовое орудие и небольшое количество снарядов. Надо было немедленно наступать на Канск, т.к. сил было недостаточно, не дать опомниться канской белогвардейщине, — успех был бы несомненным и красноярская партийная организация не имела бы столько жертв, сколько она имела благодаря несомненной глупости руководства.

В чьей-то инициативе было объявлено перемирие и мирные переговоры с белогвардейщиной. История

Визитка Г.С. Вейнбаума. 1917—1918 гг.

борьбы Красной гвардии не знает подобной глупости, какая произошла в Красноярске. Белые перемирие использовали для шпионажа в нашем тылу, они спаивали красногвардейцев самогоном и тщательно готовили наступление. Руководство Красноярского Совета, послав красногвардейский отряд, запретило во время перемирия производить стрельбу и заниматься военными занятиями.

Клюквенский боевой участок стал местом экскурсий, приезжали Вейнбаум, Поздняков, посмотрев участок, уехали. Красногвардейцы спрашивали, зачем приезжал Вейнбаум, т.к. одной речи для мадьяр недостаточно. Из Красноярских мастерских Дорпрофсоюза (Дорожный профсоюз. — Т. К.) выделили для ведения политработы среди Красной гвардии тов. Староверова И.А., он много помог по борьбе с самогоном на участке. Вейнбаум, будучи на участке, обещал, что в железнодорожных мастерских изготавливается углярка в виде броневика (углярка — вагонетка для угля, извне обшитая листами железа, внутри выложена мешками с землей, сверху закрыта броневыми листами, в отверстия ставились пулеметы и орудия. — Т. К.), Л. 11 но это были пустые безответственные слова. Углярка была готова для белых, а не для нас, т.к. эсеры умело провели агитацию, на неделе был религиозный праздник Вознесение,

Бывшие красногвардейцы Клюквенского фронта. Село Клюквенское. 13 октября 1929 г.

и они заставили рабочих не работать в этот день, а красноярское руководство не обратило на это внимания.

Суммируя, можно сделать безошибочный вывод:

1. Переговоры с белогвардейщиной были ошибкой.

2. Красноярскому руководству нужно было прекратить переговоры на первой стадии, а не молчать четыре-пять дней.

3. Нужно было нашим наступать и еще раз наступать. Инициатива была бы в наших руках.

А положение с каждым днем становилось все напряженнее, посланная разведка в район ст. Заозерной попала в засаду, и Моисей Шумяцкий, начальник разведки, был расстрелян. Это была первая жертва по обороне Красноярска. На рассвете 10 июня 1918 года чехи и белые повели наступление, пулеметная и оружейная стрельба пошла со всех сторон, появились раненые, медицинский персонал делал перевязки раненым красногвардейцам. Натиск был очень сильным, т.к. инициатива была в их руках, и наш отряд с боем отступал к ст. Уяр¹⁸.

Во время боя была убита старая большевичка Елизавета Ивановна Кристовская.

Надо сказать и о беспредельной самоотверженности Ираиды Ивановны Кристовской, члена партии

с 1918 года, и ее сестры Елизаветы Ивановны, павшей смертью героини. Они в разгар боя не побежали, а стойко стояли на боевом посту. Мы, оставшиеся в живых, говорим: «Вечная память Е.И. Кристовской, слава Ираиде Ивановне Кристовской, дожившей до преддверия 40-й годовщины»¹⁹. **Л. 12**

Захватив ст. Клюквенную, белые учинили дикую расправу над красногвардейцами. Они расстреляли т. Борисоглебского, т. Бейлиса, убиты т. Васильев, секретарь Канской партийной организации т. Мушка и др. Чехи искали и меня как начальника боевого участка, им было известно от эсера Прищепова, что я был командиром отряда. Недаром полковник Ушаков назначил большую партию на поимку меня. Он хотел привязать меня к самолету и показать в Сибири как изменника, давшего честное слово не выступать против чехов.

Потерпев поражение, окольными путями я добрался до Красноярска, зашел в штаб Красной гвардии в винном складе. Мне дали 185 руб., никаких документов у меня не было. Красноярское руководство уехало на пароходах вниз по Енисею, т. Староверов остался в Красноярске на подпольной работе, свел меня с т. Лейманом — членом подпольного комитета. Он дал мне удостоверение на имя Василия Григорьевича Лозицкого и сказал, что т. Исаева Ольга

Пароход «Лена». Фотография М. Елисеева. Май 1913 г.

Никитична уехала за бланками паспортов, когда она привезет их, тогда заменим. Т. Исаева за время колчаковского подполья принимала активное участие в работе подпольной организации г. Красноярска. У нее были явки, и ее квартира была сборным местом большевиков. Будучи на нелегальном положении, мне пришлось быть на собрании в железнодорожных мастерских. Собрание было окружено цепью вооруженных чехов, выступил анархист Леонов. Он призывал погоню за большевиками, уехавшими на пароходах вниз по Енисею. Выступивший т. Староверов предупреждал рабочих не поддаваться на контрреволюционную агитацию, а на время сохранить спокойствие и революционную выдержку. Мне Староверов сказал, чтобы я не выступал, так как заметят чехи, учинят надо мной расправу». **Л. 13**

Так началась подпольная работа С.Г. Синицина в Красноярске. Комитет посылал его в партизанский отряд П.Е. Щетинкина узнать, какой размах приняло восстание, и если не приняло больших размеров, то деятельность его нужно прекратить, так как Красноярск еще не готов к восстанию. До штаба Щетинкина доехать не удалось, карательные отряды не пропускали никого в Минусинский уезд. Обсуждался план

нападения на тюрьму, чтобы освободить сидящих там большевиков. Это был смелый и безумный план, которым могли заговорщики погубить себя и своих товарищей, за что получили строгое предупреждение от подпольного комитета. Вскоре пришлось покинуть Красноярск, узнав, что чешское командование усиленно разыскивает С.Г. Синицина. **Л. 14** Вступил в партизанский отряд А.С. Масленкина-Непомнящего, в котором занимал должность агитатора среди крестьян Большемуртинского района и начальника по сбору оружия, участвовал в боях с колчаковцами и карательными отрядами. После освобождения Енисейской губернии — служба в разных должностях в 5-й армии, работа в советских органах. **Л. 15**

КККМ. О/ф 3195, инв. № 4525. Воспоминания участника революционных событий 1917—1918 годов в городе Канске и уезде С.Г. Синицина. М. 19 июня 1957 г. Л. 8—10, 12—15. Машинопись.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПОЗДНЯКОВА

(Сохранились машинопись текста первой тетради, две рукописные тетради под № 3 и № 4. — Т. К.)

День первый

На берег. Шрапнель. Разведка. Дискуссия

«На берег!» — понеслось по «Лене», на которой было командование. «На берег!» — было передано другим пароходам «плавучей республики», как иногда, шутя, мы называли нашу флотилию²⁰. Все сразу заторопились. На «Орле», как рассказывали потом ребята, многие бросились прямо с палубы в спасательных поясах, лезли на крутой песчаный берег. Я, выбросив лишнее из своей солдатской сумки, спустился в трюм, положил в нее патронов, взял несколько гранат, хлеба и вышел на палубу, откуда с левого борта шла посадка в лодки. На крик жены (Анна Позднякова) я взглянул вниз и увидел ее, плавающей в воде рядом с лодкой, а ее санитарная сумка плавала на манер пузыря.

— Держись за веревки! — крикнул я, и она схватилась за одну из них, а в это время подтолкнули лодку и ее, мокрую, втащили. С «Лены» мы высадили в первую очередь женщин. Последними сошли мы с т. Кузнецовым. То, что командир остался сзади, дало право каждому быть своим командиром, и все, спеша укрыться от обстрела, направились подальше в лес²¹. Видя, что, взбираясь по берегу прямо, рискуешь быть простроченным пулеметом, мы, укрываясь за пароходами, направились по берегу вверх

по течению и, дойдя до оврага, защищенного от обстрела, начали подниматься вверх.

С нашего берега начал строчить пулемет. Почти у самой воды я увидел «Люис» и несколько обойм с патронами. Взвалив пулемет на плечо, обоймы я передал жене, и мы с этой ношей, обливаясь потом, еле поднялись по песчаному откосу. Вдали видны только удаляющиеся спины людей да часть мадьяр... что все уходят подальше в лес. **Л. 1**

Паника была невероятная. Все хотели быть впереди и все спешили. Неприятель перевел свою артиллерию на бегущих, и тут я впервые испытал действие шрапнели. По спине забегали мурашки. Разрывались снаряды довольно высоко, но действие их было для бежавших ужасно. Многие присаживались вслед за разрывом или прятались под куст, а кругом по траве сыпалась картечь. Мы были уже далеко в лесу, а разрывы снарядов еще долго продолжались, наводя панику. Мы на ходу обменялись мнениями о положении, и стало ясно, что живого потока, устремившегося в лес, не удержишь.

Так под музыку орудий, пулеметов, пароходных гудков мы уходили все дальше и дальше в лес. Пароходные гудки скоро смешались с криком какой-то птицы, похожим на гудок, и этот крик все время поддерживал повышенное нервное состояние. Отдохнуть остановились в какой-то низине. До этого мы шли группой преимущественно с «Лены». В группе были: я, моя жена, Померанцева, Марковский, Кузнецов, Сазонов, а по-

К. В. Кузнецов, один из руководителей эвакуации, с женой. До 1918 г.

В. Н. Яковлев, руководил эвакуацией исполкома. До 1918 г.

том присоединились Вейнбаум, Лебедева, Анисимова, Печерский, Кузнецова Шура, Калашникова, Парадовский, старик Юров и др.

Численность отряда достигла человек до шестидесяти. Пулемет мне пришлось бросить. Уставший до невозможности, я просил товарищей помочь. Но все также устали, и мы с женой спрятали его под кусты, бросив поблизости и коробки с патронами. Этот пулемет был найден тунгусом в день, когда нас отправили из монастыря уже арестованными, его везли вместе с нами, только предусмотрительно на пароходе, в то время как мы были на лихтере.

Воспользовавшись случаем отдохнуть, все повалились в траву, но и тут были враги. Комары, на ходу меньше жалившие, лежащих и сидящих ели беспощадно. Мы начали организовывать защиту. У меня и еще кой у кого появились сетки из марли, но большинство должно было довольствоваться ветками, отмахиваясь ими. **Л. 2**

После короткого отдыха т. Кузнецов велел мне взять с собой еще несколько человек и пойти осмотреть, где мы находимся. Вставать никто не хотел, и мы пошли втроем с Шурой Кузнецовой и Печерским, делая зарубки топором, чтобы не заблудиться. Выйдя на хребет, я взобрался на дерево, с которого оказалось видно Н(ижнюю) Тунгуску, моторную лодку на ней и больше ничего. Мы вернулись. Отдохнувши, уже вечером двинулись дальше. Трудно сказать, сколько было времени. Помню, что сумрак был, когда мы перехо-

А. А. Поздняков. 1923 г.

дили какую-то сырую ложбину. Слышны были вправо по реке отдельные винтовочные выстрелы и короткие строчки пулемета. То, вероятно, с моторки белые охотились за отступающими по берегу.

Из тогдашних разговоров помню, что при отступлении было несколько убитых, но сколько их, никто точно не знает. Кто-то сообщил, что убит на берегу старик-красногвардеец Никифоров. Владимир Окулов лежал больной на «Орле», и его якобы полуживым выбросили в воду. Это близко к истине, так как его после никто не видал.

Второй день

С белым флагом. Назад. По часам. Снова у Н(ижней) Тунгуски

На следующий день мы оказались на краю какого-то лога, вдали от берега и развели костер, чтобы как следует обсушиться и отдохнуть. Здесь же созрела мысль, что наиболее слабым, в большинстве женщинам, идти дальше не следует, а надо вернуться обратно. Сначала никто отставать не хотел. Помню, убедил в этой необходимости мысль, что рано или поздно все вынуждены будут сдать, но сейчас не следует попадаться группе руководящих работников, которым грозит большая опасность в первое время, когда страсти еще не улеглись, когда возможно проявление произвола. Это показывает, насколько мы плохо представляли жестокости Гражданской войны²².

В конце концов сформировали партию в десять женщин и четыре мужчины, снабдили их белыми флагами и расстались, многие со слезами на глазах. Они пошли обратно вниз, а мы вперед, вверх по логу торной **Л. 3** дорогой. Впереди возвращающихся шла с белым флагом т. Калашникова. Среди ушедших я хорошо помню тт. А.В. Померанцеву, Калашникову, Позднякову, А.Е. Бородушкину, Кузнецову Шуру, Парадовского — инженера, расстрелянного потом с т. Вейнбаумом, и др. У Парадовского я взял кой-какие слесарные инструменты: плоскогубцы, напильник и еще что-то. Отдал мне он также свою барашковую шапку.

При скудном питании двигались мы очень тихо и часто отдыхали. Вскоре меня, как самого выносливого, сделали головным (шли гуськом), а чтобы регулировать отдых, т. Печерский дал мне свои часы, и мы через каждые 50 минут делали 10-минутную остановку. Места были также живописные, и я, увлекшись, уходил вперед. Тогда меня окликали и требовали убавить шаг.

Вот спустились с хребта через седловину и пошли вниз. По сторонам длинные глубокие шурфы — следы изысканий. Видны смены лесных пород, то в зрелом уже березняке, крупные валежины сосен, то наоборот. Однако над всем господствует лиственница. На земле крупный папоротник. В этот же день мы перевалили несколько хребтов, идущих вертикально в Нижней Тунгуске, очутились на ее высоком скалистом берегу. Здесь среди камней мы провели вторую ночь. Гранатами думали добыть рыбы, но быстрое течение все уносило.

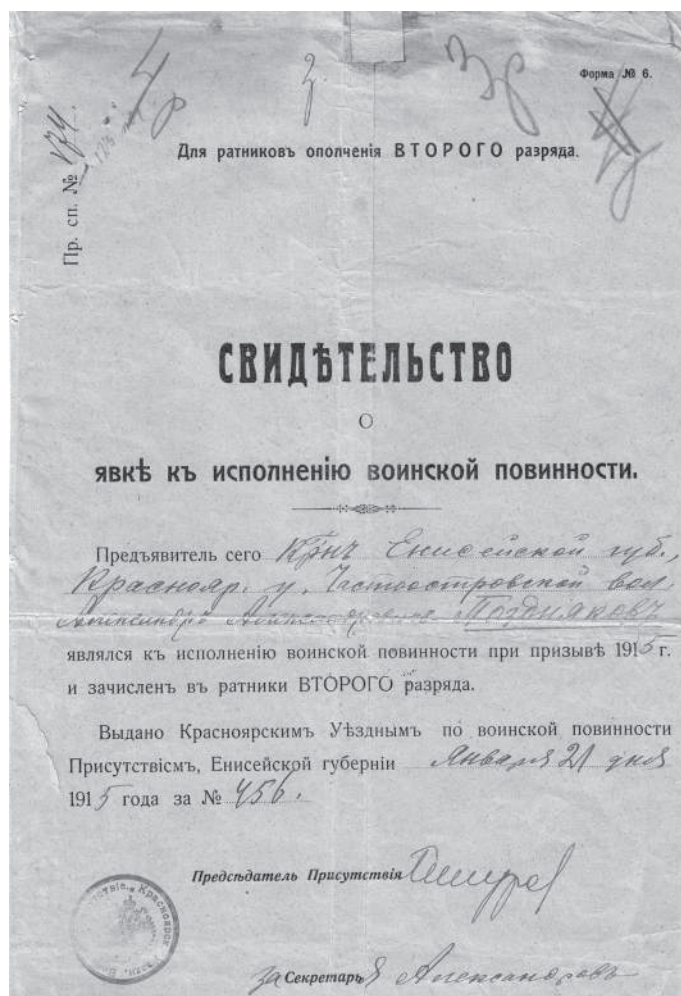
Третий день

Охота. Возвращение Юрова. Еще одна ночь

К обеду третьего дня мы были у впадения в Н(ижнюю) Тунгуску какого-то ручья на ее повороте влево по течению. На берегу был еще лед. На песчаной отмели нашли след оленя или сохатого, и несколько человек отправились на охоту. Расположились под кустами и снова отдыхали. Многим хотелось купаться, но кто-то отговорил, мотивируя это тем, что тело, потерявшее теплоту при купании в холодной реке, требует больше пищи, а она у нас в дефиците.

Охотники вместо оленя принесли сову, но и это пища. Мешки **Л. 4** у всех были вскрыты, продукты взяты на учет, и тут мы окончательно убедились, что ходить нам недолго. Пообедали колбасой с хлебом и соевой, все же повеселели. Мне от совы досталась печенка. Соли не было, и этот крохотный кусочек, несоленый, глотать было очень трудно. Я прибег к помощи льда.

Здесь наша компания увеличилась снова, подошли латыш Ленон, Веселов и др., но ненадолго.

Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности на имя крестьянина Частоостровской волости Красноярского уезда А.А. Позднякова. 21 января 1915 г.

Пообедавши с нами, пришедшие, тайком в кустах, начали обедать индивидуально, и мы предложили им идти своей дорогой. Ленон взялся их организовать, обобществив в первую очередь деньги. Как потом выяснилось, он с деньгами скрылся один. Они ушли вверх по течению вперед нас. Мы также объединили деньги. Я был избран казначеем, и в моей сумке оказалось около 200 тысяч рублей, преимущественно керенками.

С этого места от нас ушел старик Юров. Это навело на размышление о возможной выдаче им места нашего скитания, поэтому решили уйти дальше, где можно быть спокойнее. Как мне потом говорил Вейнбаум, Лебедева предлагала применить к Юрову «таежный закон», т.е. убить, во избежание измены, но на это не пошли. Она оказалась права, старика постращали, и он выдал наше местопребывание. А это было не безразлично, т.к. почти вся головка была у нас, за исключением Яковлева и, кажется, Демидова (Демидов Владимир — комиссар исполкома. — Т.К.).

Обогнув большое колено реки, мы вновь двинулись вверх по течению, в надежде добраться до одной из факторий Енсоюза (торговые пункты на севере губернии. — Т. К.). До ближайшей из них считали верст пятьдесят. На берегу было много дикого лука и лопушника, которым питались без нормы на ходу и на остановках. Берега Н(ижней) Тунгуски красивы с обеих сторон. Извилины реки создают неприступные обрывы, подмывая прибрежные скалы и отмели из катящихся мелких камней и песка. Река уже спала, и мы шли бечевником, любуясь живописными утесами из сланцев и графита.

К концу дня мы сделали последнюю остановку верстах в 15—20 от монастыря. В этом месте ручеек, впадая в Тунгуску, образовал большую котловину, и наш табор от берега был защищен как бы валом (чь-то помета рядом — «совершенно не был»), так что... **Л. 5**

(Эта часть текста публикуется по машинописному тексту с утерянной тетради № 1, с многочисленными правками редактора. В левом углу проставлена дата: 13/IX 35. № 36. Воспоминания А. А. Позднякова, вероятно, готовились к печати, но опубликованы не были. — Т. К.)

КККМ. В/ф 60. Л. 1—5.

(Не сохранилась вторая тетрадь, где идет описание конца третьего дня, четвертого и пятого дней. Далее текст печатается по авторским рукописным воспоминаниям из тетрадей № 3 и № 4 (нумерация Позднякова); в тетради № 3 нет записей о начале шестого дня. Поэтому не установлена причина, по которой А. А. Поздняков остался один. Возможно, группа могла разделиться или попала под обстрел и разбежалась. Скорее всего, как следует из дальнейших воспоминаний, имело место и то и другое. Стилистика сохраняется. Далее номера листов указываются авторские. — Т. К.)

...Выпил всю воду из бутылки, с пересохшим горлом я шел без остановки до 12 часов, все время думая догнать товарищей. Голова кружилась. Боязнь пропасть одному в незнакомом месте, вдали от жилья, давала силы двигаться вперед под комариный концерт, протяжные крики птицы, напоминавшие пароходные гудки, да тихий шелест леса. К 12 часам я вышел к болоту, казавшемуся зеленой поляной. Трава на этом месте и отчасти по кочкам была стоптана не то людьми, не то зверем. Побродивши по следам, я решил отдохнуть.

Для привала пришлось выбрать сухой лесок среди болота, покрытый стелющимся кустарником. Пробравшись на этот остров, выбрал место в самых густых

зарослях и стал располагаться. Палатка пошла как постель, а шинелью решил спасаться от комаров. Мокрые сапоги сняты, и просушены немного портянки, но, не обувшись, спать нельзя — комары съедят. В сумке у меня было несколько кусков сахара и флакончик клюквенного экстракта — все мое продовольствие. Пришлось установить паек в день: три раза по куску сахара с каплей экстракта. А остальное под ногами: цветы, пучки, лопушник.

Положив карабин под бок, завернулся с головой в шинель, я лег отдыхать. И только усталость показала себя вовсю: я проспал целые сутки, встав в два часа на следующий день. Сначала я прислушивался ко всяким лесным шорохам и даже выходил смотреть, нет ли где на опушке своих, а потом разморило, и, проснувшись от свиста пуль, я уже не смог подняться. Выстрелы слышались мне и раньше, но в лесу. Среди комариного шума и треска и скрипа деревьев понять трудно. Только свист нескольких пуль над головой окончательно убедил, что вблизи происходила перестрелка. Меня уже не могла поднять никакая сила, так велика была усталость.

Седьмой день

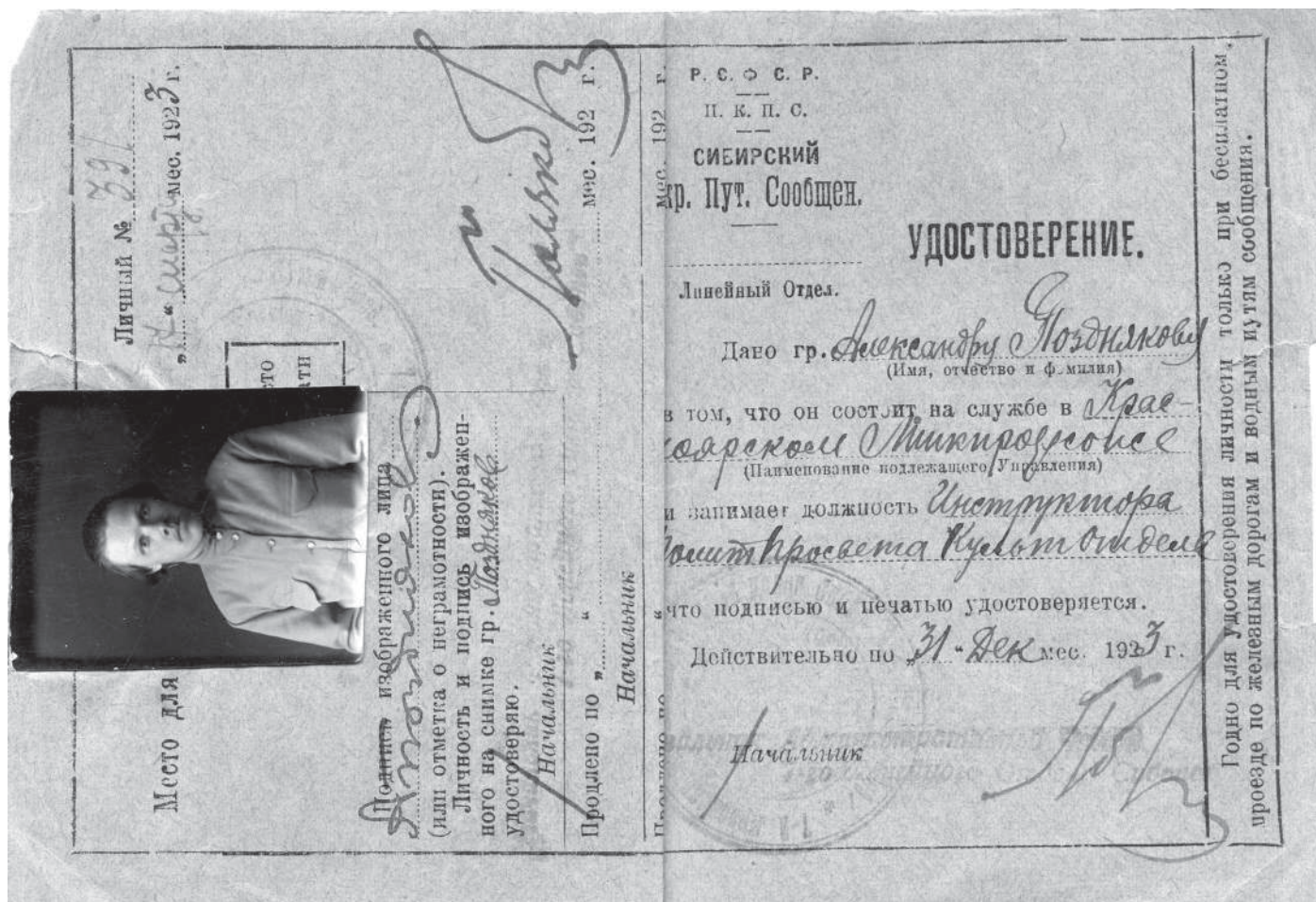
Об инородцах. Дорога. Я не Поздняков.

Монастырское. На грани сумасшествия

(Пропуск) ...чтобы обменять наши товары на теплую одежду. Тунгусники, знавшие, что мы едем, постарались запугать инородцев, и они бежали с берегов подальше в лес. Я и хотел встретить инородцев, и боялся, т.к. знал, что они настроены к большевикам враждебно. Поэтому тропой шел редко, а чаще стороной. Прокрутившись до полудня, я попал на тележную дорогу, сначала покрытую травой, но дальше она становилась более торной. Это признак близкого селения, а что это за селение, не знаю, и решил приготовиться.

Прежде всего надо придумать фамилию. Обессиленный от усталости мозг заработал в этом направлении **Л. 33**. Скоро фамилия была изобретена: Алексей Никитич Ютин (воспользовался этим изобретением только через полтора года во Владивостоке). Паспортные бланки, оставшиеся от Красноярска, я оставил, а печать солдатской секции забросил в озеро («А. Поздняков» на кружке спилено напильником Парадовского), предполагая арест вместо хлеба, и прежде надо ко всему быть готовым. Я сделал из бересты флягу, между днами которой заложил деньги, денег же напихал в околыш фуражки. Сколько, не помню, а 200 тысяч в мешке за спиной.

После полудня как-то неожиданно впереди по дороге вынырнула колокольня. Это Монастырское, вместо ожидаемой Селиванихи. Компас снова подвел.

Удостоверение Сибирского округа путей сообщения на имя А. А. Позднякова, что он состоит на службе в Красноярском Минпрофсоюзе в должности инструктора политпросвета. 1923 г.

Я сначала испугался, но свернув с дороги, прислушался: тихо. И эта тишина **Л. 34** манила к себе, манило жилое место, манила возможность добыть пищу, и перед этим опасность бледнела, стусевалась. Солнце было уже низко, когда я дошел до изгороди и повернул вправо, не желая встреч. Я думал дожидаться ночи и, когда все успокоится, попытать счастья.

Долго лежал я в траве, слушал шум близкой деревни, но звуков парохода не уловил и отсюда заключил, что белые уехали, оставив, наверное, небольшой отряд для того, чтобы ловить остатки, последние группы одиночек, как я. Надежда на скорое получение пищи возрастала, но и желание оттянуть казавшуюся неизбежность — арест, **Л. 35** а может быть, и смерть подсказывало осторожность, и я снова ушел в лес, неуклонно решив уйти в Селиваниху, шансов на успешный исход мне казалось больше там.

Жаркий день истощил все мои запасы воды, а источники в этот день встречались очень редко, и жажда погнала меня искать воду. Вода в попавшемся **Л. 36** озере оказалась тухлой, пахла прелью, и я, попробовав, пошел искать место ночлега. Скоро подвернулся берестяной чум, решено — я здесь ночую. Но жажда. Она

возрастала в соответствии с уменьшением воды в моей бутылке, а в этом времени бутылка была уже пуста. Сахар с экстрактом только усиливали желание пить, и чум мне казался тем местом, где я воды найду. Осмотрев (чум) сначала внутри, а потом снаружи, я не нашел никаких признаков воды. Внутри оказались по бокам койки из жердей, под койками пусто. В чуме висел крючок над очагом, говорил о том, что здесь когда-то готовили пищу.

Поиски воды взвинчивали все больше и больше. Когда все мысли сосредоточены на том, чего нет, тогда кажется, что без этого дальше жить невозможно, а жажда хуже голода, в этом я убедился в тот вечер. Голодным, в сущности, я был шестой день и все же о пище думал меньше, чем о воде, которая кончилась всего только полдня тому назад. В горле у меня пересохло, губы потрескались, и я, несмотря на смертельную **Л. 37** усталость, не мог сидеть на месте, бегал вокруг чума, осматривая все ямки, кусты, но ничего не находил. Вокруг чума вырыто несколько ямок, в них инородцы, вероятно, сохраняли мясо, и у меня мелькнула мысль найти в них лед: ведь он сохранился на берегах, так отчего же ему не быть здесь, в тени дере-

вьев? Обследование их показало, однако, что я ошибся. Земля на дне их, правда, была влажна, но не больше. Я в исступлении начал копать землю руками. Голова кренилась, в глазах разноцветные круги, а рот как сухое бересто, и язык как будто присох.

«Неужели это сумасшествие?» — мелькнули отрывки мысли. Нет, нет, что угодно, только не это. **Л. 38** В руках воронка из бересты или бутылка, не помню, которая медленно наполняется едкой желтой жидкостью, но все же это жидкость, и я торжествую. Все выпито почти залпом, во рту отмякло, но пить хочется по-прежнему. Я помню, как в детстве играл с товарищем и он с сеновала направил струю своей мочи мне в рот. Кислой, соленой она мне показалась. Теперь своя, собственная, на миг успокоила жажду с тем, чтобы снова с возрастающей силой потребовать охлаждения влагой.

Не хватает умения описать все это так сильно, как было в действительности 15 июля в 1918 году. Винтовка и сумка брошены в чуме, и я бегу по лесу в поисках того озера, в котором вода мне всего час или два тому назад показалась вонючей. **Л. 39** Путаница в голове и страх перед сумасшествием вызвали необычайную энергию в движениях, и я носился по лесу, как метеор, спотыкаясь о валежник и даже просто на ровном месте, ободрав руки, с помутившимися глазами, а в голове только одна мысль, которую ничем не отогнать: пить! Пить! Пить! Наконец... о спасение, знакомое озеро. Падаю на берегу и с жадностью глотаю вонючую воду. Напившись до того, что живот взбарабанило, перевернулся я на спину и так лежал долго, не шевелясь, слушая комариные песни и слабо отбиваясь от этих певцов. **Л. 40**

Несколько кусков сахара еще с водой, и я иду уже совершенно другим человеком искать свое место ночлега. Со мной полная бутылка воды. Долго искал, несколько раз ложился, чтобы уснуть, но проклятые комары гнали к чуму. Кроме того, там винтовка, патроны. Сделав постель из травы и разведя курево, я улегся, но долго не мог заснуть, потрясенный случаем с водой, слушая шепот деревьев над чумом. У-у-у — монотонно слышится кругом. Пение приближается ближе, ближе, и вот где-то у самого уха нудно, вытягивая, кажется, последние нервы: к-у-у-м. Дым загнал комаров за меня **Л. 41** к стене, откуда, вскочив, выгоняю их березовыми ветками. Наконец сон свое взял, короткий, но крепкий. **Л. 42**

Восьмой день

*Опасность забыта. Рыбаки. Арест. «Мы свои».
В семье Савельевых*

Следующее утро я встретил в надежде, что сегодня последний день моих голодных скитаний. Сегодня

какой бы то ни было ценой я должен иметь пищу, так как дальше вегетарианство не даст мне возможности ноги таскать. Сегодня восьмой день полуголодного и четвертый день голодного существования. Вчерашняя история с жаждой требовала восстановления сил, а то ведь может дойти до того, что сил не хватит, чтобы принести себе воды.

Чтобы избежать встречи вблизи Монастырского и на берегу Енисея, я должен пойти на север верст десять-двенадцать и после повернуть на запад, выйдя, таким образом, в Селиваниху **Л. 43** прямо из тайги. Наметив такой маршрут, я двинулся, наполнив бутылку вновь вонючей водой и спустив туда сахар, чтобы сделать ее хоть меньше противной.

После полудня, выйдя на телеграфную линию, по номерам столбов заключил, что до Селиванихи еще километров пять, а до берега Енисея должно быть ближе. От истощения силы меня покидали, голова кружилась, ноги передвигались слабо. Поднятая нога иной раз так же и опускается, силы на движение вперед не хватает. Все это заставило забыть опасение быть замеченным. Нежелание сгнить в тайге от бессилия погнало к месту, где можно, скорее всего, встретить людей. Я пересек линию и пошел прямо к Енисею. В этот день я впервые здесь увидел утку, и то выстрел из винтовки был напрасным. **Л. 44**

Енисей в этом месте, мне кажется, очень широк. В его водах много рыбы, а по берегам, в тальниках, комары такие крупные, каких я еще не видывал. Они окружили меня сплошной тучей, и я едва успевал давить их на собственных руках. Лицо мое под марлевой сеткой в безопасности, но зато руки наедены так, что вся кожа вздулась в один сплошной пузырь. Вид лодки, плывшей вниз по течению, вывел меня из оцепенения. В лодке сидели три или четыре человека, а посреди ее лежала бочка — значит, рыбаки.

— Эй, сюда! — закричал я и испугался своего собственного голоса. То ли голос у меня ослаб, то ли слух потерял я, но мне кажется, что кричал не я, а кто-то глубоко **Л. 45** из земли. Но меня услышали и даже ответили:

— Некогда нам, ехать далеко. Иди в деревню, — разобрал я в ответ.

— Идти не могу. Я голоден.

Но на это я ответа не получил. Увидел только, что показали, должно быть, деревню на моем берегу, которую мне из кустов не было видно. Это были первые люди, которых я увидел в течение последних трех дней. Собрав последние силы, я начал продвигаться по кустам вниз по течению. Путь кажется бесконечным, голова и ноги тяжелеют, и все же бреду. Теперь уж близко, а там конец голоду во что бы то ни стало. Вот показались и крыши деревни, и лодки видны

на берегу, но людей не видно. Чтобы придать себе более приличный вид, я, умывшись, сбрасываю шинель, одеваю пиджак и, вместо **Л. 46** фуражки, шапку Парадовского. Цепочку часов вывешиваю так, чтобы видно было. Шинель, карабин и сумку я спрятал в чашу и двинулся, так как ждать больше не мог. Нервы напряжены до крайности, до дрожи во всем теле. Не доходя до деревни, я встретил лодку. Мне показалось, что в ней ребяташки, и на их крик я свернул в кусты. Лодка шла на собаках. Еще несколько минут — и я у деревни, против первого дома.

— Стой! Куда идешь? Руки вверх.

Вот он, хлеб мой! Я стою и вынужден исполнить команду. Из причаливающей лодки на меня глядели два дула — винтовка и дробовик.

— Мы свои, не бойся. Почему ты не остановился, когда тебе кричали?

— Не слышал, — соврал я.

— А мы тебе хлеба везли.

Три человека вышли из лодки **Л. 47** и с любопытством оглядывали меня.

— Если вы свои, так давайте хлеб, и я уйду, — с места в карьер начал я наступление.

— Нет, брат, теперь нельзя. Вот тут живет комендант, а вот и его жена.

И один из подъехавших, старик, показал на женщину, вышедшую из первого дома. Трое в лодке были Савельевы, у которых я и надеялся получить хлеб.

— Сколько вас тут?

— Я один.

— А правда ли?

И пытливые взгляды троих впиваются в одного.

— Где твоя винтовка? Да, наверное, и еще есть что-нибудь?

— Есть шинель, палатка и сумка. Там, в тальнике. Хотите, поедем.

Надеюсь на то, что эти самозванные друзья вдали от деревни будут сговорчивее, но, кроме упрека, почему не подошел к берегу, **Л. 48** когда кричали, ничего не получил.

— Дали бы хлеба да на покос отправили, а теперь вот не можем, сами боимся. Ешь хлеб-то, — и старик подал ковригу ржаного хлеба.

И верил я в искренность их, и не верил, но знаю одно, что злобы у них нет. Потом я узнал, что они были членами Союза рабочих и крестьян, который являлся опорой Соввласти в крае. Запуганные белыми, они, спасая себя, выполняли все распоряжения кулака — коменданта Турбова. Им даже платили: за сданную винтовку давали 15 рублей. Белые этой сдельщиной много винтовок собрали в лесу. Жители Монастырского и Селиванихи работали сдельно.

Вот и место, где мои вещи. Карабин сразу перешел в руки крестьян, а **Л. 49** остального не трогали, заставив, однако, все показать. Я сам отдал им кое-что. Поплыли вниз, обратно. Собаки пошли веселее. Я выбросил несколько пачек денег в воду, зная, что часть их у меня закопана по берегу и, если придется, так я их найду.

— Зачем бросаешь, давай их нам.

— Бросаю потому, что не хочу, чтоб достались белым.

Скоро, однако, мы сговорились при условии, что они все деньги оставляют у себя.

— Мы думали, что у вас целый отряд. Нам сказали заехавшие чай пить рыбаки. Они потому же побоялись подъехать к берегу, когда ты кричал, — рассказал мне старик Савельев. Выкупавшись и помывшись с **Л. 50** мылом, я, под присмотром одного из Савельевых, охранявшего меня, с тем же карабином, пошел в избу. На столе молоко и хлеб, а там уже осетрина жарится. Я поел немного и бросил, несмотря на уговоры хозяев, не веривших, что я не хочу есть. Через несколько времени я уже ел без всяких, сколько влезет.

Разговор сразу перешел на злобу дня — о нашем поражении. Союз ждал нас в Монастырском, оказывал помощь в погрузке продуктов и одежды. Хозяева критиковали нашу неудачу.

— С таким войском подрались, — укоризненно говорил старик, — надо было драться на реке, а не уходить.

Двойная душа крестьянина была налицо. Вечером мне поставили курево **Л. 51** в ведре и сами сели вокруг моей постели. Я начал рассказывать о задачах, которые Советская власть ставила, как мы их решали и что получит Сибирь теперь от белых. Сначала с помощью крестьян побили нас, а потом они скоро возмущаются и за своих помощников.

— Хватитесь, что помогали одеть себе петлю, да поздно будет, — говорил я. «Запугали нас», — вот единственный ответ тех, кто сидел вокруг меня. Младший Савельев, Александр, недавно демобилизовался из армии и мне сочувствовал больше всех, укоряя остальных в трусости, но сам тоже ничем на деле не отличался от остальных. Ночью пришел ко мне со **Л. 52** своим горем старший сын хозяина, живущий в отделе.

— Пропал, — говорит, — от вашего одного взял деньги на хранение, а он выдал. Не русский какой-то, с женщиной (*сноска Позднякова — т. Патоки с женой*) (военнопленный, впоследствии руководитель партизанского отряда. — Т. К.).

— Нет, наши не выдают, не то что вы. Сами разболтали, наверное, — ответил я и угадал. В Селиванихе все родственники, за исключением Турбова, и они, при делжке денег, кого-то обидели. А в результате узнал Тур-

Церковь в Туруханском селении. Фото Н.А. Остроумова. 1926 г.

бов и привез из Монастыря распоряжение на обыск и арест. Я посоветовал Савельеву отдать деньги, когда придут с обыском, и ничего не будет. По их рассказам, в шести или семи домах деревни, не считая Турбова, есть уже около пяти-шести сот тысяч денег, отобранных у арестованных. **Л. 52**

Девятый день

Командант Селиванихи. Вверх по Енисею на собаках. Арест Савельева

Утром я, обменяв у Савельевых шинель и гимнастерку на старое, передал Александру свои часы, начертав на них дату, и условился, что 1800 р. моих собственных денег они, через несколько времени, пришлют мне по указанному адресу. Деньги потом были действительно получены через уголовного, который передал их куда надо, но на следующий же день кто-то пришел и взял 600 рублей, а 900 рублей были мной переданы через т. Москалева в парторганизацию. Часы я получил в 1921 году, когда вернулся с Дальнего Востока. Получил письмо от Савельевых, в котором они снова извинялись в своей позорной роли в 1918 году.

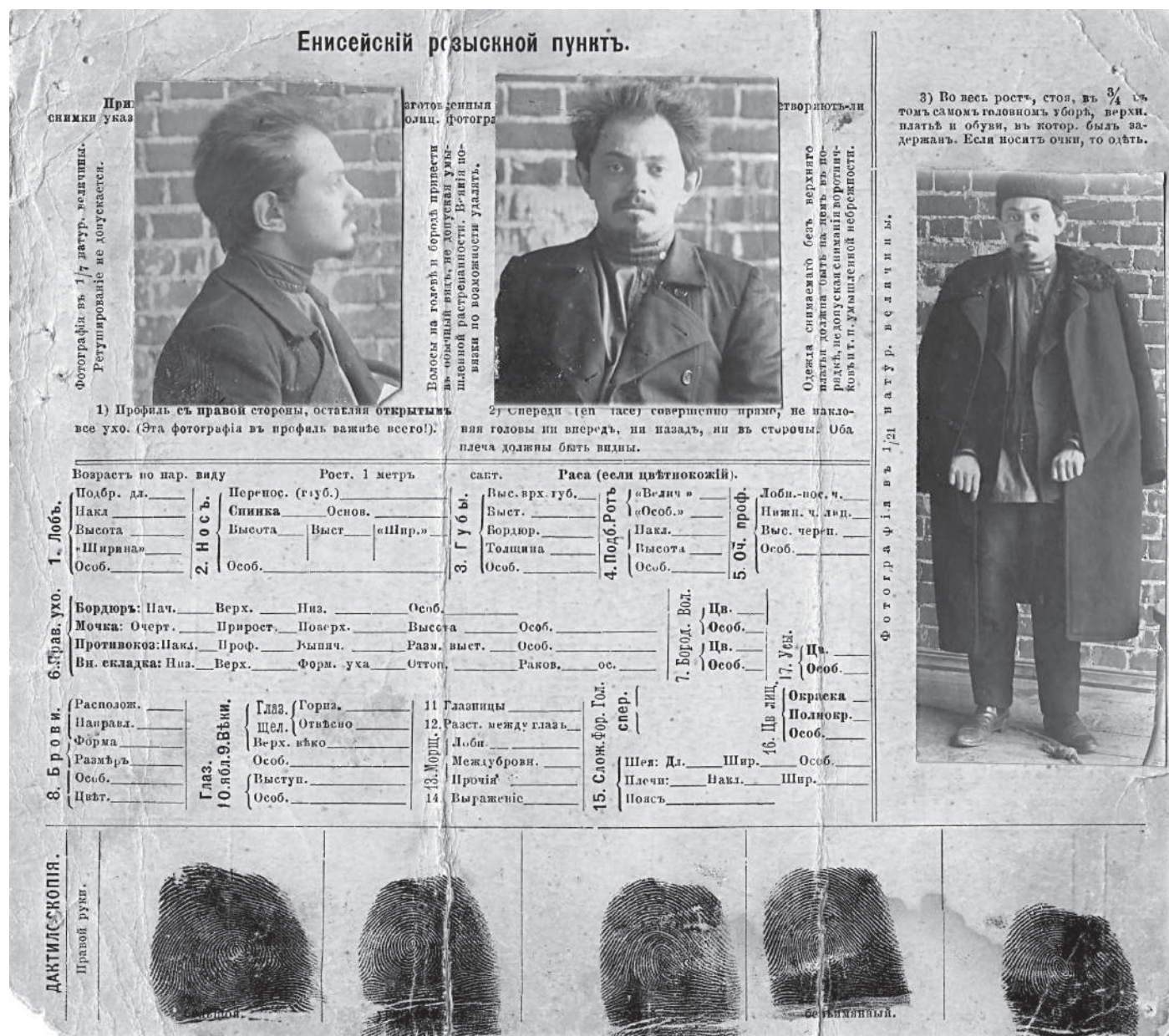

Г. С. Вейнбаум. До 1918 г.

Еще ночью, в ответ на ругательство хозяев по адресу живодера Турбова, я сказал им, что если они **Л. 54** не будут мешать, то я его уберу по дороге в Монастырь и сам уйду. Страх за свою жизнь не дал им согласиться, и Турбов был убит только в 1921 году. Командант д. Селиванихи Турбов встретил меня сурово, но вежливо. Ему уже рассказали, кто я. Накормивши меня свежеспросоленной осетриной, он от денег отказался.

В Монастырь поехали около 11 часов на двух лодках. Впереди казак и дочь Турбова, которые скоро ехали вперед, а сзади трое Савельевых, я и Турбов, улегшийся с винтовкой в носу. Ехали против течения верст пятнадцать не больше двух часов, да еще одна собака лукавила, тянула остальных обратно, за что старший сын Савельева все кричал на нее и обещал застрелить. **Л. 55** Пристали к косе пониже Монастыря против тюрьмы. Турбов на берегу же объявил, что и старший сын Савельева, приходивший ко мне ночью, арестован и должен идти со мной вместе. Не спас его мой совет.

На горе встретил нас человек с полицейской физиономией, которому Турбов отрапортовал, и мы очутились во дворе тюрьмы. На крыльце я встретил выхо-

Карта Енисейского розыскного пункта с дактилоскопическими отпечатками, приметами и семейным положением Г.С. Вейнбаума. Енисейск. 20 октября 1913 г.

дяде на двор т. Демидова (член исполкома. — Т. К.), который сделал вид, что не знает меня. Коротко опросив, нас вместе с Савельевым посадили в одиночку, что налево от входа, самая дальняя. Я лег и вздохнул с облегчением — жив, сыт и свои близко. **Л. 56**

Монастырская тюрьма

Первая ночь в тюрьме. Плач Савельева. Среди своих. Вейнбаум пришел. Споры о поражении. Воззвание. 17 июля

В селе Монастырском хоть и небольшая деревянная, но все же тюрьма, обнесенная жиденькой оградкой. В этой тюрьме когда-то сидели люди, находив-

шиеся в Туруханском крае в ссылке. Для того чтобы еще больше подчеркнуть свою власть над людьми, ссыльных, находившихся за тысячи верст от железной дороги, получавших два-три раза в год почту, за разные провинности из большой таежной тюрьмы, которую представлял собой Туруханский край, садили в эту, которая являлась как бы карцером ссылки. Мой невольный товарищ по камере Савельев, очутившись в четырех стенах, **Л. 57** за решеткой, начал неимоверно скулить и даже плакать.

— А что с моим бедным Пашенькой, что он будет делать без меня? — причитал он о маленьком сынишке, который, по его рассказам, везде был с ним — и в лесу, и на рыбалке.

Я сначала подтрунивал над Савельевым, напоминая ему, как быстро оправдываются мои предсказания о реакции, но все же он меня донял своими наивными вопросами, и я начал его успокаивать.

— Куда нас повезут? Неужели я долго буду сидеть? Расстреляют, пожалуй.

Вот мысли Савельева, которые он передал мне в виде вопросов. Сначала с иронией, а потом уже искренне я утешал его, но спать он все же не мог, между тем как я, **Л. 58** довольно скоро освоившись с моим новым положением, уснул. Засыпал я с какой-то гордостью, что вот и я в тюрьме. Это жертвенное настроение продолжалось всего миг, но оно было, скрывать нечего.

Ночью к Савельеву приехала на свидание жена, его увели, и он больше не возвращался. Вставши утром, я обнаружил на окне кринку молока и жареную рыбу. Надзиратель сказал, что Савельева пустили домой, и я принялся за еду. Это была первая передача, которых потом приходилось ждать два раза в неделю в продолжение больше года.

В волчке показался глаз. Это Пашковский. **Л. 59**

— Ну, ты как?

— Да вот попался. Вместо хлеба получил тюрьму. Кто есть?

Он мне рассказал, что здесь Яковлев, Демидов, Субботина, Архипова и другие. Все назвались своими именами.

— Ну, тогда скажите начальству, чтобы меня перевели к вам.

И через несколько часов я был уже в общей камере.

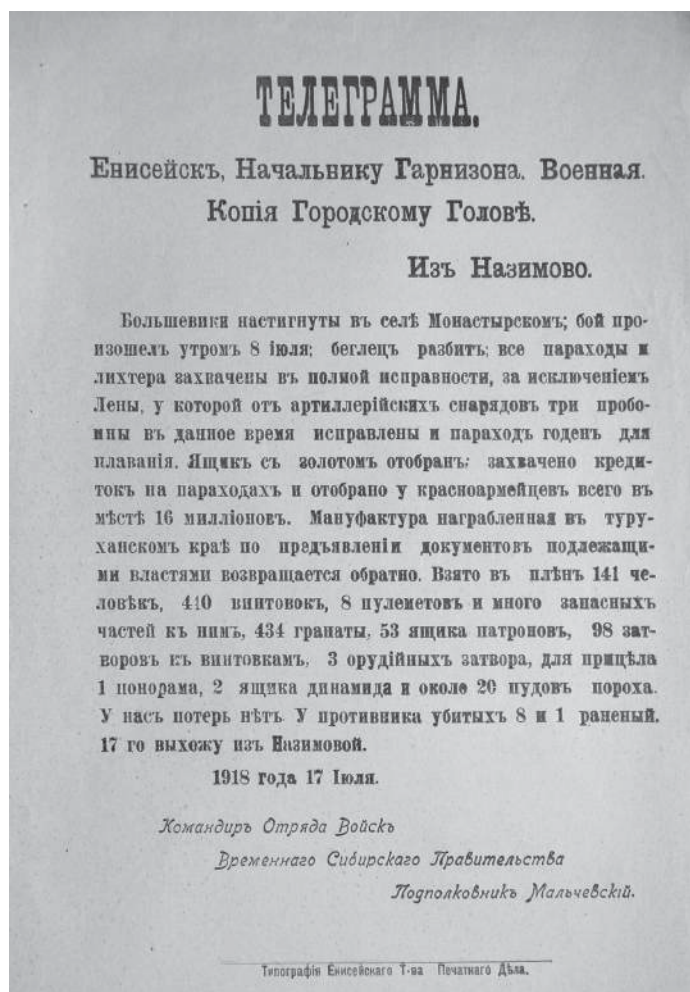
— Саша, и ты тут? — встретила меня Субботина, помещавшаяся на полу налево от двери. Спали все на полу. Из нашей группы я, кажется, никого здесь не встретил, их увезли всех, и поэтому сразу же начались расспросы, взаимная информация. Группа Яковлева сразу попала вниз и была арестована крестьянами, среди которых были и из Селиванихи, под руководством **Л. 60** казаков. Они уже договорились идти дальше, кажется на Игарку, но не успели, так же как и мы. Споры о прошедшем оживили нас значительно. Полученные уже сведения о том, что Архангельск захвачен англичанами, подтвердили окончательно ненужность эвакуации на север, и спорили главным образом о деталях. Констатировали, что командование не справилось со своей задачей. Было много строгих приказов, угроз вплоть до расстрела и ни одного решительного действия. Выплыли старые разногласия. Марковский и Кузнецов (Кузнецова К. В. считали меньшевиком. — Т. К.) были умеренными, и поэтому ждать решительных действий, по мнению правдиста **Л. 61** Яковева, от них было бы глупо²³.

Наряду со спорами вторым делом была еда. Ели непрерывно, если было что. Съевши принесенный хлеб, рыбу, вновь давали деньги надзирателю, и пока он ходил за продуктами, был перерыв в еде, а там снова. Я, как оказалось, в лесу был до последнего момента самым богатым человеком, у меня остались несколько кусков сахара и полфлакона экстракта, который тут же был мною вручен т. Архиповой в единоличное пользование. Она была беременна, и на нее было сосредоточено очень много внимания всех товарищей.

Дня через два кто-то из смотревших в окно крикнул, что привели т. Вейнбаума. Через некоторое **Л. 62** время он уже был в нашей камере. Комары так его расписали, что голова его сделалась совершенно круглой и черные глаза проглядывали из узеньких щелок. Он тоже бродил один с того дня, как мы ушли без т. Кузнецова. Уйдя довольно далеко, отряд, по его рассказам, остановился на отдых. Сидя на косогоре, кто-то увидел бродящего оленя. Не помню, стреляли или нет, но, поднявшись, увидели по другую сторону, за горбинкой, казаков, которые открыли стрельбу. Наши, отстреливаясь, уходили. В одной из перестрелок была убита Дымова, и Емельян (Дымов), вскочивши, начал стрелять из нагана, но был уложен на месте **Л. 63** рядом с женой (после гибели жены Дымов застрелился. — Т. К.).

Вейнбаум и Лебедева на одном из привалов легли за валежиной, и когда казаки настигли, она бросилась прямо, а Спиридоныч пополз вдоль валежины. Казаки пробежали, и он остался позади совершенно один. Через несколько дней он вышел на берег Н(ижней) Тунгуски и, попросившись у тунгуса, был им на плоту доставлен в Монастырь. В одной из бесед, уже потом, он мне говорил, как было тяжело ему одному в лесу. Он, измучившись, хотел застрелиться, но ничего не вышло, т.к. предусмотрительная Ада, знавшая его характер, вынула из его браунинга обойму, а винтовки у него не было. Решение броситься со скалы он сам отверг, т.к. не надеялся **Л. 64** на верную смерть.

«Хорошо, если бы мы встретились потом, двое или трое. Ведь ушли бы», — мечтал он в таких случаях. С приходом Вейнбаума споры возобновились. Субботина в спорах дошла до того, что отказалась есть вместе с другими и некоторое время питалась одним хлебом с водой. Смотрела она злобно на остальных в такие моменты. Начали искать причины поражения Советов в Сибири. Все были уверены, что по всей Сибири власть Советов свергнута, да и из Центральной России сведения в последнее время были неутешительны. Основная причина быстрого **Л. 65** падения Советов в Сибири была определена: это тонкая прослойка пролетариата, расположенная ниточкой

Листовка М. Мальчевского. 17 июля 1918 г.

по железной дороге, а все остальное необъятное пространство Сибири — крестьяне, не испытавшие помещичьего права, а поэтому от революции получившие только ее лишения. Солдаты, бывшие в армии почти поголовно большевиками, придя домой, увидели, что дальше у них своя дорога, а на этой дороге — разруха, мешающая развивать свое хозяйство.

Среди рабочих также много таких элементов, которые в период Советов были ни туда, ни сюда, а в момент Гражданской войны пошли за меньшевиками и анархистами, **Л. 66 (далее идет тетрадь № 4)** и игравшими на трудностях. Спорили об ошибках в борьбе с чехами. Чехам дали возможность стянуть свои силы во время переворотов и организовать, а сами мало укрепились. Результатом этих дискуссий появился на свет документ — воззвание Губернского исполнительного комитета, в котором был дан примерно этот анализ причин и ошибок, причем в отношении рабочих вопрос так был заострен, что их поведение характеризовалось как измена. Воззвание было подписано всеми наличными членами исполкома в количестве более десяти человек.

Это воззвание было потом передано подпольной организации для опубликования, но где-то затеряно, так как опубликовать его нашли ненужным, расходясь в оценке по основным вопросам. О том, что **Л. 67** воззвание это обсуждалось, мне потом говорили двое: Канцелярский и Москалев. Из рассказов выяснилось, что мы остались последними, все же остальные уже отправлены вверх²⁴. В Монастыре оставлен небольшой отряд из местных казаков, которым поручено собрать остальных и доставить в Красноярск. Для отправки нас ждали парохода, идущего снизу. Там был, кажется, «Отец» или «Туруханск». Мы готовились к отъезду, запасали продукты, которые нам доставляли кооператоры, а ведь они были преимущественно эсеры. **Л. 68**

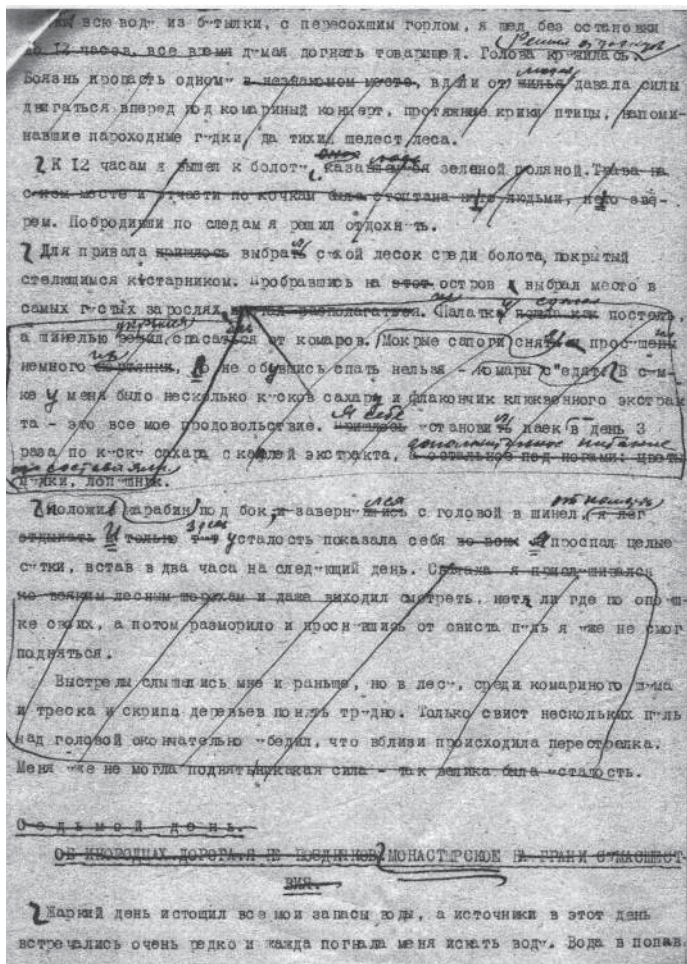
От Монастыря до Енисейска

Поручик Воскресенский. Несбывшиеся мечты о победе. «Дубинушка». Тревога. Неудавшаяся попытка. Встречи в Енисейске. Тюрьма

Когда прогудел гудок, известивший приход парохода, нас из тюрьмы направили к берегу. Поднимаясь по трапу на лихтер, я с сожалением признал в одном из стоявших у трапа поручика Воскресенского, который в корниловские дни (мятеж генерала Корнилова Л. Г. в июле-августе 1917 г. в поддержку Временного правительства. — Т. К.) был сподвижником полковника Толстова, а во время выступления казаков в январе был нами арестован и потом в одной из наших газет выразил свою лояльность к Советской власти. Он также узнал меня и т. Вейнбаума и через несколько минут уже спрашивал, в чем мы нуждаемся. На следующей **Л. 69** остановке он принес нам свечи и, кажется, немного провизии.

На лихтере мы встретились в общем трюме с некоторыми из латышей, которые сначала враждебно отнеслись к нам за их разоружение, но потом общая беда всех помирила, и взаимоотношения наладились. Вплоть до В(ерх)-Имбатского ничего примечательного не случилось. Оказывается, что конвоировал нас ординарец Пасынков, который до этого работал в Монастырском, кажется, на телеграфе. В составе конвоя было несколько казаков и один инородец, нашедший и доставивший тот пулемет, который я спрятал в лесу. Пасынков пускал нас на берег в сопровождении **Л. 70** казака купить продуктов и даже выдавал немного денег. Деньги, положим, у нас были и свои. Мы группой купили осетра и, походя, лакомились этой вкусной рыбой.

— Давай, Саша, закусим, — говорил обыкновенно т. Яковлев, и мы с ним лезли на лестницу, где хранился осетр. Хлеба, молока, сметаны и рыбы было доста-

Лист с воспоминаниями А. А. Позднякова с правками редактора. После 1920 г. Копия.

точно, но у нас все еще чувствовался прошедший год, и мы ели походя. В В(ерхне)-Имбатском к нам подсадили группу латышей, которые, пробиваясь вверх, попали на заслон белых, и один из товарищей был убит. Могилу его показали **Л. 71** нам, когда пароход проходил мимо нее. На острове вблизи виднелись палатки — это месторасположение заслона. По рассказам товарищей, я записал подробно обстановку этого убийства и с другими материалами передал в Красноярскую организацию. Теперь я ни подробностей, ни даже фамилии убитого товарища не помню.

Когда прошел первый угар и мы немного отдохнули, всплыл вопрос о побеге, который как-то был поднят, но не встретил сочувствия еще в тюрьме. Теперь этот вопрос очень живо обсуждался, особенно активным был в этом т. Вейнбаум. Высказывал планы: уйти в то время, **Л. 72** когда пойдем за продуктами на одном из станков; предполагалось врасплох напасть на конвой и, захватив оружие, уйти вооруженными; наконец Вейнбаум предложил мне с ним вдвоем, во время остановки или когда будем проплывать близко от берега, переплыть с лихтера.

Но все эти планы остались планами, так как считали, что уходить — так всем, а среди нас были тт. Яковлев, у него плохо с ногами, и беременная Архипова (Архипова А. Е., жена В. Н. Яковлева. — Т. К.). Бросить никого не хотели.

По вечерам, на закате солнца, мы почти все выходили на нос лихтера любоваться вечерней зарей и пели песни, усевшись на канатах, кто на чем. **Л. 73** Запевалой был Володя Демидов (член исполкома. — Т. К.)... В этом пении, наряду с безысходной тоской, чувствовалось единство певцов, тесная товарищеская спайка, какая-то необъяснимая радость, облагораживающая человека. Не доезжая до Анциферова, откуда-то получили смутные слухи о ночной расправе казаков над первой партией, об убийстве. Это сразу отрезвило. Когти контрреволюции уже видны, и всякие иллюзии насчет революционного содержания эсеровской власти померкли совершенно. На сцену **Л. 75** выступала самая неприкрытая военщина, которая скоро свернет шею и социал-революционерам. В этот вечер особенно печально и тяжело пели: «Замучен тяжелой неволей».

Снова поднялся вопрос о побеге, но условия стали хуже, т. к. охрана усилилась, ведь подъезжали близко к Енисейску. В Анциферове наша попытка сорвалась. Прийдя с берега, т. Архипова сообщила, что она встретила там Васю Лавышна. Никто не удивился, т. к. Анциферово — место его ссылки, и естественно, что он скрылся сюда после поражения и живет у старой хозяйки. Вейнбаум отозвал меня в сторону и серьезно заявил, что если мы **Л. 76** здесь не бежим, так уже в другом месте такого случая не предвидится. А бежать нужно, во всяком случае головке. Решили уйти вдвоем, для чего пошли к Пасынкову за разрешением сходить в лавку. Разрешение нужно было особое, так как лихтер стоял далеко от берега и нужно было ехать в лодке. Пасынков сказал, что лавка закрыта и там делать нечего. Через несколько минут мы снова у него и хотим уже выкупаться, на что он немедленно согласился. Стараясь как можно сильнее скрыть свое волнение, мы подошли к борту. И, проклятье! Пароход дает гудок. Значит, уже поздно, все пропало. **Л. 77**

На следующий день на одном из станков кто-то принес меньшевистскую газету «Голос рабочего» (верно: «Дело рабочего». — Т. К.), где описывались события в ночь с 26 на 27 июля по дороге от пристани в тюрьму. Узнали, что убиты Ада Лебедева, Марковский и Печерский. У многих на глазах слезы, скулы сжаты у всех от злости. Газета вся в плешинах, и мы, помимо злобы к меньшевикам, за плату им со стороны союзников в борьбе с Советами, констатировали, что социалисты-революционеры и меньшевики уже не власть, а игрушка в руках победо-

носно шагающей реакции. Вейнбаум почернел, все было мрачно, но злоба была **Л. 78** бессильна. Так мы доехали до Енисейска. Как свидетельствует надпись на моей кружке, это было 30 июля.

В Енисейске

Разбойники. Тюремные блохи

Не знаю почему, но в Енисейске нас высадили и повели в тюрьму. Большая толпа обывателей встретила нас еще на берегу и сопровождала до самой тюрьмы. Мещанство решило выместить на нас свою злобу за нарушенный Советами покой²⁵. Посыпались ругательства: **Л. 79**

— Разбойники, грабители! Расстрелять бы вас, хамы.

Было даже намерение пустить в нас несколько камней, но тут вышел на сцену Пасынков, начальник конвоя, который грубо закричал:

— Сволочи! Посторонитесь! Давно ли вы сапоги лизали у этих разбойников?

Толпа присмирела. Тов. Евстратов рассказывал мне потом, что сам Пасынков, живший в Енисейске, в свое время просил военный отдел дать ему работу, но ему отказали.

Вот и тюрьма. Для меня — вторая по счету. В Енисейской тюрьме **Л. 80** мы пробыли около двух недель, валяясь на полу в пыли. Было много клопов и особенно блох. На прогулках я обратил внимание Вейнбаума на одного примечательного человека. Ходил он один, ни с кем не разговаривал, одет в черную рубашку, а поверх — его подтяжки. Растительность черная.

— Это Беленец, председатель Томского губисполкома, ехавший из Иркутска вместе с т. Перенсоном и в Нижнеудинске, во время ареста последнего чехами, сбежавший²⁶. В тюрьме он сидел как уголовный, под фамилией Гущина, по подозрению в каком-то убийстве. **Л. 81**

От Енисейска до Красноярска

Чем дальше, тем отношение к нам становилось строже. Из Енисейска конвой был усилен и набран преимущественно из офицеров. Свободы, как на лихтере, уже нет, а посадили нас в трюм «Святого Николая», из которого только что выгрузили какие-то грузы. Какое совпадение: из Красноярска и обратно на том же пароходе. В трюме душно, а открывать люк не хочется, т.к. не хочется подвергаться насмешкам обывателей, едущих на пароходе. В уборную пускают уже организованно. Приходилось идти сквозь строй караула, злобно рычавшего без всякого повода и замахивающегося прикладами. В одиночку

старались не ходить, а для одиночных малых дел **Л. 82** приспособили жестяную банку. Особенно берегли т. Яковлева, которого конвоиры знали по Енисейску.

По мере приближения к Красноярску настроение все падало, песен уже не пели, да и не дали бы петь. Строили возможные догадки о встрече в Красноярске. Кто ожидал расправы, а кто говорил, что в результате шума после первой партии расправы в дороге не будет, а надо ждать сурового суда. Собрали имеющиеся фотографии, письма и воззвания, написанные в Монастырской тюрьме, и через матроса передали, дав чей-то адрес в Красноярске. **Л. 83** Этот последний участок пути как-то больше всего стерся в моей памяти. Я даже не помню времени прибытия в Красноярск.

— Приготовься к выходу! — слышалась команда, мы уже все готовы.

— Выходи по одному.

И пошли сквозь ряды конвоя. При выходе с парохода, в конце трапа, офицер Шишкин, знакомый, стоит со списком.

— Фамилия?

— Поздняков.

Шишкин обернулся и пристальным взглядом проводил до тех пор, **Л. 84** пока я стал в ряд. До тюрьмы шли под усиленным конвоем. На Базарной площади извозчики приветствовали нас, подобно енисейским мещанам, злобными криками. Поверхностный обыск в надзирательской, и мы у ворот на тюремный двор.

— В четвертый коридор, первая камера.

Эхо от наших шагов в подъезде как бы говорило о тех, кто уже прошел этими воротами. А их было много. Много таких же, как мы, «государственных преступников», переступило этот порог, много вышло обратно. Сколько из нас переступят этот порог обратно? **Л. 85** Не для того, чтобы умереть, а для новой борьбы и работы. Вышедшие отсюда будут умнее.

Та же кружка свидетельствует, что сегодня 21 августа.

А. Поздняков

23—28 декабря 1931 г.

Красноярск Л. 86

КККМ. В/ф 60. Л. 1—5; КККМ. О/ф 11913/7Д 10403. Тетрадь № 3. Л. 33—66; Тетрадь № 4. Л. 67—86. Воспоминания Александра Александровича Позднякова. Л. 1—5, 34—86. Машинопись и рукопись.

Комарова Т. С. Бегство в никуда // 1917 год в российской и мировой истории : материалы международной научной конференции (Красноярск. 14—15 ноября 2007 г.). Красноярск, 2007.

ВОСПОМИНАНИЯ ПЕЧЕРСКОЙ Е. К., УЧАСТНИЦЫ СОБЫТИЙ 1918 ГОДА

«В 1917 году я была в Канске, муж мой был на военной службе, но освобожден из-за зрения. По приезде в Красноярск муж сразу же вступил в ряды партии с(оциал)-р(еволюционеров). С начала 1918 года он работал с большевиками (*Печерская работала с мужем, исполняя разные поручения*). При эвакуации Совета я ехала вместе с Совдепом на пароходе „Сибиряк“, на котором находились Замошин, Пекаж (верно: Пекарж) с мужем и др. На небольшой пароход погрузили оружие, которое сопровождали Печерский, Пашковский и др. Плыть с оружием нужно было по Ангаре на помощь Лазо.

Когда „Сибиряк“ пришел в Енисейск, стали ждать следующие пароходы из Красноярска. В это время получилась телеграмма, что на пароходах плывут белые, но оказалось, что это были свои. По прибытии остальных пароходов Совет решил не отправлять оружие на Ангару, а, соединившись всем вместе, отправиться на остров Диксон, куда должны были быть поданными морские пароходы. Цель была пробраться в Россию через Архангельск и сдать России золото, деньги и другие ценные бумаги». В городе Енисейске пересели на пароход «Орел». На Печерскую были возложены обязанности по распределению продуктов, шитье белья и все хозяйственные вопросы. «Плыли очень медленно, делали частые остановки для запаса продуктов питания и из-за **Л. 1** саботажа водников. Ждали погони. Накануне нападения белых были обезоружены выступившие против большевиков латыши, вместо того чтобы встретить врага вместе. Во время стоянки в Туруханске рано утром напали белые; раздались пушечные выстрелы, снаряд попал в пароход „Лена“. После недолгой перестрелки пароходы вошли в Тунгуску, люди стали высаживаться и уходить в лес. Некоторые пошли вверх по Тунгуске, другие вниз».

Автор воспоминаний попала в группу из 11 человек, которые пошли вниз по реке; в этой группе находились Яковлев, Архипова и др. Печерская проходила с ними несколько дней, затем перешла в другую группу в надежде встретить мужа, который остался на пароходе вместе с Вейнбаумом, Лебедевой и др. Некоторые товарищи были с ружьями. Постепенно некоторые стали выходить из группы и шли в распоряжение белых частей, где их арестовывали. Наконец в группе осталось пять человек. Ушли дальше, вглубь по тундре, бродили 28 дней. Уже не было сил, не было хлеба, обуви, заедали комары. Питались травами, щавелем, **Л. 2** пучками.

Случайно подошли к деревне, послали одного на разведку, он не явился. Решили, что-то неладное, обошли деревню. Был сильный дождь, укрыться было негде. Тогда автор воспоминаний решила пойти в де-

ревню и стала звать с собой Каурову (жена А.И. Каурова. — Т.К.), та не хотела расставаться с мужем, но удалось убедить, что этим можно спасти наших мужчин. Постучали в первую попавшую избушку, разрешили войти. В избушке было темно, зажгли огонь. Сказали, что беженцы. Хозяева спросили, есть ли кто с ними. Сказали — одни, боясь навредить своим товарищам.

Из разговора поняли, что они не первые в деревне узнали про участь некоторых товарищей. Переночевали ночь. Утром стали спрашивать женщину, у которой раньше, во время ссылки, жил один товарищ из группы. Привели женщину, попросили ее оказать содействие тем, которые остались в лесу. Она согласилась и ночью унесла им пищи, чтоб никто не видел. Пришлось сказать крестьянам, где жили, что есть еще товарищи в лесу. Крестьяне истопили баню поздно вечером, собрали всех и предложили помыться. После этого скрывавшиеся опять ушли в лес, а Печерская и Каурова остались. В деревне прожили четыре дня, больше было нельзя, так как уже было донесение **Л. 3** и скрываться было невозможно. Крестьяне отвезли людей в деревню Селиваниху и сдали кулаку Турбову, который убивал товарищей с парохода. Кулак повез в тюрьму в село Монастырское, там автора воспоминаний положили в тюремную больницу (голодная водянка). Когда поправилась, раз-

С.Б. Печерский в ссылке. Фотография Л.Ю. Вонаго. 27 мая 1907 г.

Я. М. Пекарж. До 1918 г.

решили гулять по воздуху. Связь с теми товарищами, которые остались в лесу, не прерывалась; сознательные крестьяне доставляли от них письма и сведения. Сообщили, что их отправили с последними пароходами, с рыбаками, некоторые пробрались на прииски, а оттуда на Тасеевский фронт.

Пришел первый пароход из Красноярска, а с ним известие об участии некоторых товарищей, что первыми жертвами стали Марковский, Лебедева и Печерский. Прожив в Монастырском больше месяца, автор воспоминаний и остальные беглые в темном трюме были отправлены в Красноярск. По прибытии в Енисейск отведены в тюрьму, где находились еще товарищи. Просидели две недели, отправили в Красноярск, где под усиленным конвоем повели в тюрьму. В тюрьме было много женщин, встретили нерадостно. Занимались шитьем, мыли, вязали, в воскресенье ходили в церковь, чтобы увидеться со своими. Сначала давали личное свидание, а потом только через решетку. **Л. 4**

Просидев в тюрьме около двух месяцев, Печерская была освобождена на поруки, внесли залог. Ехать было некуда, шла война, стала помогать Красному Кресту²⁷. Пришел приказ явиться к следователю, вновь арестовали, посадили одну в каталажку. Стала требовать, чтобы перевели в тюрьму. Пришлось много пережи-

З. Е. Гущик. До 1918 г.

вать за своих товарищей. Увидела взволнованных Дубровинскую, Архипову, которые сказали, что ходили на последние свидания с мужьями, что в ночь расстреляют Яковлева, Дубровинского, Белопольского, Парадовского и Вейнбаума²⁸. Почти каждый вечер вывели и расстреливали, а утром сообщали.

Однажды утром на поверку пришел старший надзиратель и сказал Пекарж: «Ваш муж велел вам долго жить» — и передал ей кольцо. Прошло какое-то время, приходят помощник тюрьмы и старший надзиратель, говорят: «Собирайтесь в партию». Пекарж, Гущик Зина и Бруновская стали собираться в дорогу. **Л. 5** Взяли сухарей и денег на дорогу. Уходя, Гущик Зина и говорит: «В партию ли нас гонят...» — и спрашивает: «Много ли нас гонят?» Ответил, человек тридцать. Распрощались и ушли, только утром все узнали, что повели их не в партию, а на расстрел²⁹.

Остальные ждали той же участи каждый день и ждали. Пришли, велели собираться, перечислили фамилии. Печерскую сначала не хотели брать, но вызвали и ее. Остались в тюрьме Онисимова, Кузнецова, Калашникова (служащая исполкома. — Т. К.) и др. Вывели 24 женщины и 220 мужчин, выстроили, конвойный начальник приказал: если кто взглянет в сторону, будет расстрелян на месте. Под сильным конвоем повели бе-

Л.И. Субботина (слева) с друзьями. Ноябрь 1917 г.

гом в гору. Кругом войска, казаки с нагайками, привели далеко от станции, разместили по вагонам товарным без окон, промерзшим, во льду. Одеты все были очень плохо, был сильный мороз, но благодаря хорошему конвою женщинам на каждой станции давали дрова.

Доехали до ст. Зима, остановились, остановка была большая, врываются пьяные конвоиры, шепчут: «В Черемховой переворот, и скоро вас освободят». Везут дальше. Не доезжая ст. Черемхово, открыли вагон солдаты с ружьями. Оказывается, приехала делегация, сказали речь. **Л. 6** Власть взяла в свои руки горняцкая организация. Опять закрыли в вагоны, доехали до ст. Черемхова, поставили на самую дальнюю линию. Освободили рабочие, повели в народный дом, хороший прием оказали жители, разобрали всех по домам. Автора воспоминаний назначили заведывать столовой Красного Креста. Организовали ячейки по деревням и на ст. Черемхово.

В Красноярск выбрались не скоро, все было разрушено. На ст. Тайшет жители говорили, что чехи запирали в вагонах лошадей и поджигали, жители не могли забыть этого ужаса. Приехав в Красноярск, автор воспоминаний снова взялась за работу, поступив в собес. **Л. боб.**

КККМ. О/ф 4477. Воспоминания Печерской Е. К., участницы событий 1918 г. Л. 1—боб. Машинопись.

Работа З. Е. Гущик: образец вышивки, икона «Богоматерь» (не закончена). 1910—1915 гг. Перед уходом из камеры оставила рукоделие Л. И. Субботиной, которая и передала его в музей.

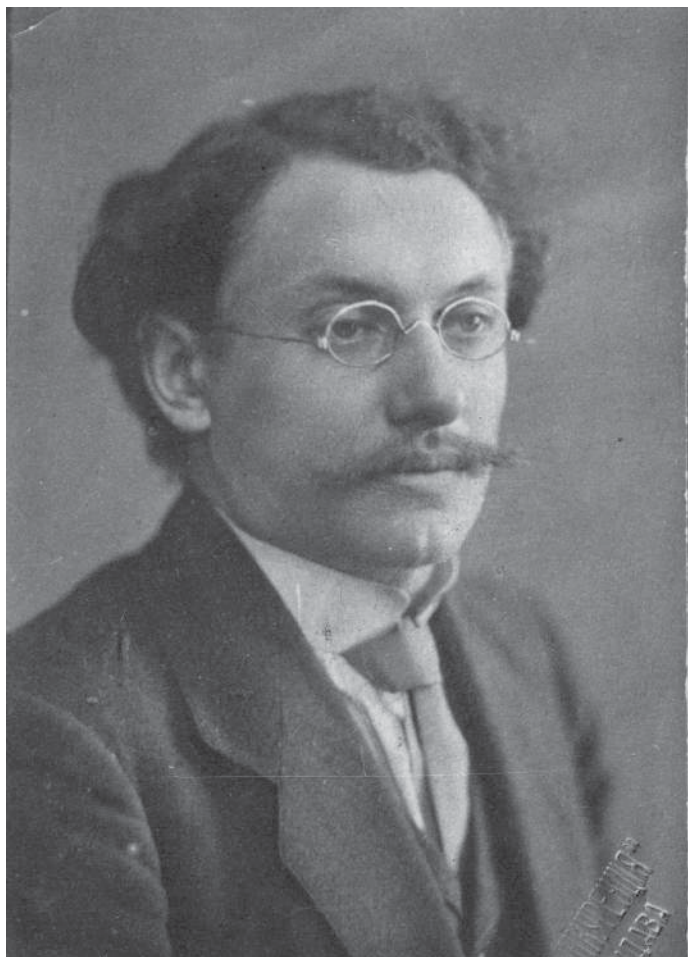
ПИСЬМО Э. Я. ШУЛЬЦА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ДЕЛО РАБОЧЕГО»³⁰

Гор. Красноярск

Из попавших в мои руки красноярских газет вижу, что в числе других и меня обвиняют, если это вообще можно назвать обвинением, т. к. оно очень многим напоминает самую низкую клевету, — в том, что, дескать, «похитили» и увезли все золото и ценности из Красноярского отделения Народного банка.

Для восстановления истины и представления дела в настоящем свете я считаю себя обязанным довести до сведения рабочего класса и демократии гор. Красноярска фактическое положение вещей, почему прошу не отказать мне в напечатании в вашем органе настоящего письма, копия с которого с той же целью одновременно с сим посылается в редакцию газеты «Знамя труда»³¹.

16 мая с. г. я был вызван в Енис(ейский) губ(ернский) исп(олнительный) комитет, где мне сообщили, что, ввиду приближения к городу вражеских чехословацких сил и невозможности задержать их наступления, почему не исключена возможность занятия ими города, по стратегическим и полити-

Э. Я. Шульц. До 1918 г.

ческим соображениям, является необходимой эвакуация ценностей из Нар(одного) банка. Со специальным нарочным тогда же был вызван из дачной местности за монастырем, где проживала его семья с больной женой, управляющий Нар(одного) банка М. П. Замощин и комиссар Губ(ернского) казначейства т. Коган.

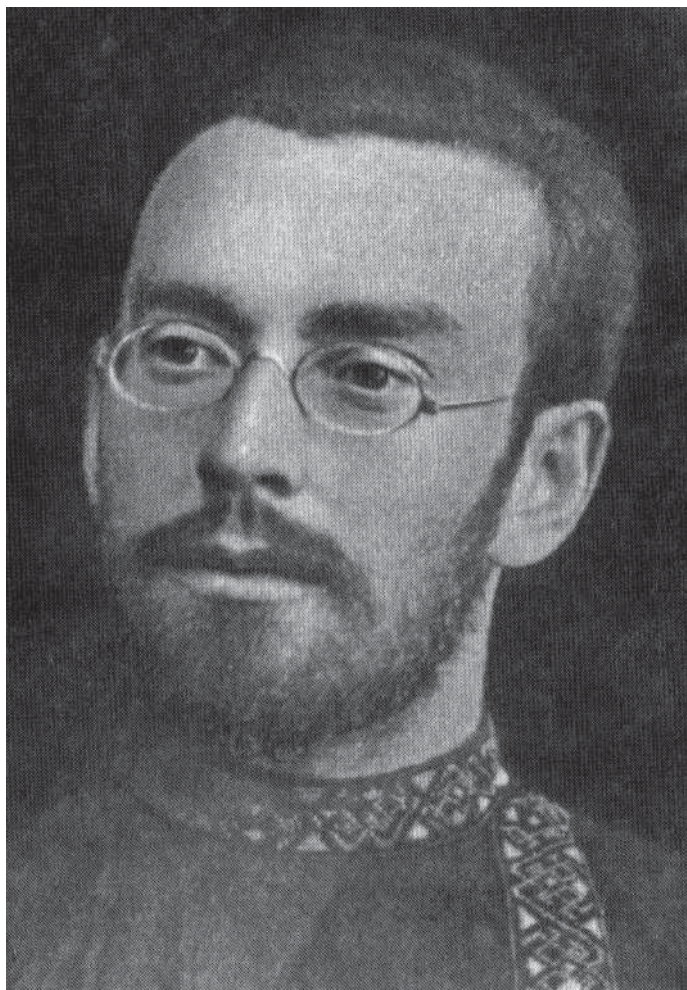
Нам была изложена суть дела, и командующим войсками Енис(ейской) губ(ернии) т. Марковским и президиумом Исполкома отдано распоряжение немедленно приступить к упаковке и вывозу всех ценностей из помещения Нар(одного) б(ан)ка на специально для этого поданный пароход.

Из-за отсутствия служащих б(ан)ка, присутствие которых считается необходимым для открытия кладовой и выемки ценностей, к этой операции можно было приступить только в 7 час(ов), когда явились необходимые лица. Присутствовать при выемке, упаковке и составлении соответствующего акта было поручено кроме Замощина как управляющего также и Когану, мне же — заготовить провизию на 80 [...] человек и отправить таковую на пристань.

При разрешении вопроса об эвакуации непрерывным условием было поставлено, чтобы ценности сопровождалась, кроме предусмотренного уставом Гос(ударственного) б(ан)ка штата служащих, а именно: управляющего, контролера, кассира, счетчика, караульного и курьера, т. е. представителей от всех отделов б(ан)ка, **Л. 1** на обязанности которых лежало бы исполнение всех требований закона, относящегося к эвакуации, сопровождалась также бы Коганом и мною, причем командующим военным отрядом и пароходами, должностными перевозить эти ценности, т. Марковским был назначен я.

В 11 часов ночи мне было сообщено, что поданы пароходы «Сибиряк», «Тобол» для приемки ценностей Нар(одного) б(ан)ка. В тот же час я, во главе военного отряда в 50 человек, отправился в банк, где принял 19 сумок золота за пломбами Госу(арственного) банка и три больших баула с ценными бумагами и кредитными билетами за печатью ст(аршего) контролера Гос(ударственного) б(ан)ка А. С. Шишкина, у которого и находилась сама печать, так что без присутствия его, кассира и счетчика доступ к самим ценностям никто не мог иметь и не имел³².

18 июня в 11 часов дня я получил приказ сняться и отправиться вниз по течению без обозначения определенной цели следования. Согласно данной же мне инструкции, я должен был действовать в зависимости от обстоятельств, не останавливаясь

М. П. Замошин. До 1918 г.

даже перед уничтожением всех вверенных нам ценностей в том случае, если нас настигнет враг и если не будет больше никакой возможности их спасти от него.

После нескольких часов хода нас на пароходе «Орел» догнал комиссар пристани Терский, который передал мне словесное и единоличное распоряжение В. Яковлева о нашем возвращении в Красноярск. Такому распоряжению я не считал для себя обязанным подчиниться, но для выяснения этого распоряжения я остановился у села Казачинского и 19 июня имел разговор по телеграфу с т. Марковским³³. Последний своего распоряжения об эвакуации ценностей не отменил и просил принять все меры к охране их. Не успел я вернуться на пароход, как снова был вызван на телеграф, где имел разговор с неким «комиссаром от рабочих», постеснявшимся назвать себя. На его вопрос я ответил, что все ценности Гос(ударственного) б(ан)ка будут доставлены в гор. Енисейск и сданы в казначейство, откуда, при необходимости, могут быть удовлетворены все красноярские нужды.

21 июня, с ведома и согласия председателя т. Вейнбаума и присутствующих членов Губ(ернского) исп(олнительного) комитета, золото и все ценности в полной сохранности и целостности были сданы **Л. 2** в Енисей(кое) уезд(ное) казначейство под расписку след(ующего) содержания (оригинал расписки у меня на руках).

21 июня 1918 г. Енисейским казначейством в присутствии казначея Дорофеева, стар(шего) бухгалтера Занковского и представителей Енис(ейского) губ(ернского) исп(олнительного) комитета, командующего отрядом на пароходе «Сибиряк» Шульца, ст(аршего) контролера Гос(ударственного) б(ан)ка Шишкина, пом(ощника) кассира Рыбалова, по наружному осмотру без перевеса и поверки вложения, были приняты 19 малых сум желтой кожи за пломбами «Гос(ударственный) банк» с заявленным золотом и три кожаных баула № 1724, 7917 и 3008 за печатями ст(аршего) контролера Шишкина с заявленным разменным, оборотным капиталом и портфелем от % бумаг.

Означенные ценности приняты в кладовую К(азначейст)ва в целом виде с неповрежденными печатями и пломбами (подлинные подписи всех присутствующих и три печати: Казначейства, казначея Дорофеева и ст(аршего) бухгалтера Занковского).

Должен упомянуть, что при смене часовых у ценностей целостность пломб и печатей проверяли не только часовые, но и служащие Гос(ударственного) б(ан)ка, которые несли караульную службу у ценностей, как это установлено наказом Гос(ударственного) б(ан)ка.

После сдачи ценностей военная команда, согласно ее собственному желанию, была распущена, предварительно разоружена, а оружие сдано в Енис(ейский) военный отдел. Охрану ценностей принял на себя Енис(ейский) уезд(ный) исп(олнительный) комитет.

Этим мы считаем данное нам поручение исполненным, т.к. ценности нами были доставлены в такое место, которому опасность со стороны врагов не угрожала.

На другой день, 22 июня, я и несколько бывших со мною товарищей уехали из Енисейска, и о дальнейшей судьбе сданных нами золота и ценностей мне ничего не известно.

Из приведенных обстоятельств и фактов для всякого должно быть ясно, что не может быть и речи о каком бы то ни было хищении, воровстве или присвоении народных денег или богатства. Даже более того, чтобы предотвратить возможность расхищения, согласно приказа т. Марковского, я имел **Л. 3** право, в случае если бы вверенным нам ценностям

Красноярское отделение Государственного банка. 1900-е гг.

угрожала подобная опасность, потопить весь груз в реке, каковым правом, конечно, в случае необходимости, не замедлил бы воспользоваться.

Таким образом, все эти писания и разговоры о злоупотреблении с ценностями, принятыми из Гос(ударственного) б(ан)ка и эвакуированными в Енисейск, и обвинение того или другого из сопровождающих эти ценности лиц в причастности к этим злоупотреблениям являются сплошным вымыслом, цель которого ясна — оклеветать советских работников.

Что же касается сообщения буржуазной прессы, что на пароходы вместе с ценностями банка перевозилось и частное имущество некоторых лиц, я считаю своим долгом категорически заявить, что ничего подобного не было и что поэтому сообщение это является плодом фантазии потерявшего стыд и совесть зазнавшегося уличного писаки.

16/VII 1918. Л. 4

Э. Шульц

КККМ. В/ф 3401. Л. 1—4. Рукопись.

ВОСПОМИНАНИЯ СИДОРОВА ВЛАДИМИРА КОРНИЛОВИЧА «В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ»

«Окончательно власть Советов в Енисейске была утверждена в январе 1918 года, после приезда из Красноярска Перенсона (Борода — как все его звали). В это время в городе проходил земский съезд, где местные большевики надеялись на мирный переход власти. Однако местный златоуст Петунин (осужден в 1931 году), местные эсеры Портянников, Балида (верно: Баллада), Дмитриев и другие держали съезд в своих руках. После приезда Перенсона большевики демонстративно ушли со съезда, а следом и фронтовики. В тот же вечер пленум городского Совета объявил о переходе власти в его руки. В состав исполкома вошли 13 человек: Иоффе — председатель, Ронэ — комиссар продовольствия, Конышев — комиссар труда, Мучник — редактор газеты „Известия Енисейского исполкома“ («Известия Енисейского комитета РКП(б) и уездного революционного комитета». — Т. К.), Тамаров — военный комиссар, Семенов — секретарь исполкома, Сидоров — комиссар соцобеспечения, Евстратов — комиссар просвещения, Карасев — комиссар юстиции и др. В большинстве — большевики.

В эту же ночь военный комиссар Тамаров и командир красногвардейцев Сидоров и его помощник Александр Ячменев привели в боевую готовность весь отряд и заняли все важнейшие **Л. 10** пункты: почту и телеграф, банк и казначейство, на другой день — казармы, разоружили местную команду солдат. Хотя вооруженного сопротивления не было оказано, но саботаж был со стороны земцев. Эсерам и меньшевикам не удалось подчинить себе команду солдат, но быстро сумели настроить против Советов крестьянство. В февралю зашевелились кулаки, а к ним стали склоняться середняки. В то время город ничего не мог дать крестьянству. На городскую буржуазию Совет наложил контрибуцию. **Л. 11**

Исполком выделяет в чрезвычайный комитет по борьбе с контрреволюцией трех членов: Карасев, Мучник, Сидоров. Это помогло успешно собрать контрибуцию, сократить языкоблудие эсеров и меньшевиков. В квартиру Петунина пришла группа вооруженных красногвардейцев с предупреждением прекратить агитацию против Советов. На слова меньшевика, как посмели к нему явиться, Ячменев Саша потребовал:

— Да что вы с ним каретничаете?

Так он произносил слово „корректно“, понимая по-своему, что карета, в отличие от телеги, — барский экипаж, отсюда и „каретничаете“. Во всяком случае, Петунин был предупрежден. **Л. 12** Тяжело шел и сбор контрибуции, ко многим пришлось применить меры

воздействия — отправка в тюрьму и освобождение после внесения наложенных сумм. Особенно упорное сопротивление оказал золотопромышленник старик Неробелов, сидевший в тюрьме, говоривший:

— А мне уже все равно умирать.

Тогда привели гимназиста, сына Григория, впоследствии белого офицера. Привел тот же Саша Ячменев. Старик кряхтел, кашлял, а потом показал спрятанное золото».

Сложности возникли и с хлебом. Была объявлена жесточайшая борьба с самогонованием, беспощадно уничтожавшая хлеб. **Л. 13** В уезд был выслан специальный отряд. В Казачинском отряд встретил сопротивление казаков, разбив все самогонные аппараты. В город потянулись обозы с хлебом. На Ангару, в Кежемскую волость выехал Мучник во главе с Ронэ. **Л. 14**

К весне обстановка в Сибири накалилась, в мае вспыхнул мятеж 60-тысячного Чехословацкого корпуса (Чехословацкий корпус насчитывал около 35000 человек, вместе с поляками, итальянцами, сербами, румынами и др. — до 45000 человек. — Т. К.). Для Красноярского Совета сразу образовалось два фронта: Мариинский на западе и Клюквенский на востоке. Ени-

А.Г. Перенсон. До 1918 г.

сейскому отряду было приказано выдвинуться в село Тасеево Канского уезда, чтобы соединиться с местным отрядом красногвардейцев на тот случай, если белочехи из занятого ими Канска выйдут к Енисею. **Л. 16** Во многом благодаря тому, что Тасеево являлось местом ссылки известных большевиков, там уже с первых дней революции была организована партячейка. Енисейцев провожал в Тасеево почти весь Енисейск. На базарной площади прошел многолюдный митинг. **Л. 17** По дороге трудно было приобрести что-либо съестное, нередко встречали и кулаки с обрезами.

Отряд был слабо вооружен, винтовки-то были не у всех. Нельзя было похвастаться и дисциплиной. На опушке леса за Тасеевом были приготовлены окопы. Впереди расставлены секреты. При проверке ночью все оказались спящими. Автор воспоминаний не выдержал, прикрикнул. А утром митинг: «Переизбрать Володьку, он вводит старый режим». Не переизбрали. Получили донесение, что подходит противник. **Л. 18** «В цепь!» — скомандовал Яковенко, это и прервало митинг. Заняли позиции, получили приказ огонь не открывать, подпустить противника ближе. Но как только показались цепи, кто-то выстрелил, за ним другие. **Л. 19**

Но недолго енисейцы были с тасеевцами. На Ключевском и Мариинском фронтах красногвардейские части терпели поражение, неся огромные потери, терпели поражение за поражением. В середине июня оба фронта пали. Енисейский отряд получил телеграмму: «Немедленно выдвинуть конницу Ячменева — село Казачинское, пехоту — станица Стрелка. Сидорова возлагает охрану побережья отступающему Енисейск губернскому Совету. Иоффе, Тамаров». Стало ясно — Красноярск пал. Тасеевцы советовали: оставайся с отрядом в Тасеево, не успеешь дойти до Енисейска, как и он будет сдан, а красноярцы на пароходах будут где-нибудь под Туруханском.

Невзирая на эти доводы, конницу Ячменева двинули проселочными дорогами на Казачинское, а Сидоров с пехотой **Л. 20** двинулся по берегу вдоль реки Усолки до реки Тасеево, впадающей в Ангару, возле села Устье. А вот и село Кулаково, где потом был разтерзан Халчевский. Кулаки этого села встретили отряд залпами. Село было занято силой. Пришлось искать хлеб. А когда находили, расплачивались керенками, чтобы не считали грабителями. Пока подкреплялись, кто-то из кулаков столкнул в воду лодки, а охрана прозевала. Пришлось искать другие лодки, кулаки свои попрятали. Вместо двух положенных суток отряд достиг устья Ангары только на четвертые сутки, где добрался до станицы Стрелка. **Л. 21**

«Наученные недавним опытом, выслали разведку, та донесла, что казаки вооружены и все дороги к станице охраняются ими. С небольшой перестрелкой

П. Т. Метелев, руководитель Енисейского исполкома. До 1918 г.

заняли Стрелку, выставили охрану. Стали думать, что делать раньше. Телеграф уже не работал. Местные говорили, что все проходы на Красноярск переполнены войсками, прошли и в Енисейск. Нашелся грузчик-енисеец, который рассказал, что прибыл в Стрелку в начале июня для отгрузки хлеба и уже тогда местные кулаки силой оружия прерывали отгрузку. Потребовалось приехать из Казачинского Мучнику с отрядом, чтобы хлеб был отправлен.

— Значит, Мучник и сейчас в Казачинском?

— Нет, он еще вчера вместе с раненым командующим Марковским выехал на катере в Енисейск.

Отряд отчалил вниз по Енисею. На подступах к Енисейску встретил сторожевой катер. Выпустив несколько пулеметных очередей, приказали причалить к берегу. Выясняли, кто такие и откуда. Разрешили войти в Енисейск³⁴. Берег города кишел вооруженными людьми; пароходы, стоявшие у дебаркадера, были на парах. **Л. 22** В городе слышались выстрелы, это формировался белогвардейский отряд. Отдав рапорт о возвращении из Тасеевой Марковскому, находящемуся на пароходе, где уже был и Губисполком, выяснили, что власть в Енисейске перешла городской думе.

— Ваш исполком и остатки красновардейцев — все в казармах (на окраине города), куда незамедлительно следовать и вашему отряду, так как через час наши пароходы отчалят от Енисейска.

Значит, все кончено. Зачем тогда покидали Тасеево? Через час город будет в руках врагов, прольется кровь. Но отряд еще не разоружен. Шли по окраине, пустыми улицами Енисейска. Ни души... Сидоров подает команду: „Запев“. И сильный голос отрядного запевалы, бывшего работника муллы, Шаркова Тумара, затянул:

— Вихри враждебные веют над нами.

Из окон стали высовываться головы. Отряд подхватил песню. Ребятишки выскочили на улицу, крича:

— Наши пришли, наши пришли!

В казармы пришли, когда закончилось заседание исполкома и уездкома партии, которое вынесло решение: отряды распустить, уходить в подполье. Сидорова встретили Мучник и Иоффе. **Л. 23**

— А как же с отрядом?

Разойтись и как можно скорее, чтобы сохранить силы для следующей борьбы. Кто сможет уйти группами и с оружием, пускай идут, а нет, значит, прячут оружие и сохраняют себя. Идти отрядом в целом — бесполезно, как бесполезно драться за Енисейск. Обстановка для нас по всей Сибири неблагоприятная. Вся линия железной дороги занята чехами, отряды Красной армии разбиты, а крестьянство если не поголовно, то в абсолютном большинстве сегодня за эсеров.

Сейчас, пожалуй, нет ни одного села, где бы не была организована самооборона, а на самом деле — белогвардейский отряд. Чтоб достать продовольствие, каждое село надо брать с боем. А воевать с мужиком нельзя. Он скоро сам поймет, с кем ему по пути. Красноярцы вот-вот отчалят от нашей пристани вниз по Енисею, с намерением встретить в низовьях морские судна (туда должны прийти из Балтики „Таймыр“ и „Вайгач“) ³⁵. **Л. 24** И чтобы на них через „карские ворота“ уйти либо в Балтийское море, в Петроград, либо в Белое, в Архангельск.

Дело в том, что Губисполком имеет на своих пароходах не только вооруженных людей, но и все погруженные из Красноярска ценности, в том числе и немало золота. К ним же погрузили золото и из нашего казначейства. Все это и предполагается доставить туда, в центр. Но есть основания ожидать погоню за ними. В Красноярске остался в руках белых самый сильный и хорошо вооруженный пушками пароход „Лена“, команда которого во главе с Гороховым изменила нам в самый момент отплытия всей флотилии сюда, в Енисейск. Они „Лену“ увели от флотилии вверх по Енисею, а потом сдали белякам. Вот почему красноярцам необходимо спешить. Иоффе говорил быстро, сжато:

— Сибирский мужик обязательно пойдет с нами. И он еще будет драться за Советскую власть... В Енисейске из руководящих товарищей остается только Мучник. — Гриша стоял тут же. — Сидорову — найти

Д. И. Каратанов. Вид на Енисейск. 1914. Бум., кар.

С.М. Иоффе. До 1918 г.

пути и связи с охотниками. Кажется, есть родственники в Бельской волости? Хорошо бы туда. Тайга... Избушка... Охотник... **Л. 25**

Обнялись, поцеловались. Свидимся ли еще? В казарме еще шумели, галдели уже поредевшие бойцы. Больше с Иоффе не удалось свидеться, кроме дверного волчка своей камеры, когда он проходил по коридору на прогулку в Красноярской тюрьме³⁶. Вскоре его с председателем Губисполкома Вейнбаумом расстреляли».

Ребятам-отрядникам Сидоров велел расходиться. У некоторых были планы уйти поближе к приискам, у других — скрываться в городе, а у некоторых, как у автора воспоминаний, уйти в тайгу. В первую же ночь он в сопровождении отца, знавшего тайгу, отправился в деревню Марилловцево. И хотя проникли в нее огородами, остановились у «надежного» человека, утром явился сельский староста с двумя вооруженными мужиками. **Л. 26** Тщательно обыскали. Конечно, искали золото, которое «нахапали комиссары». И был бы уже самосуд рассвирепевшей толпой мужиков, если бы не бывший фронтовик-солдат, знавший Сидорова по службе в 91-м пехотном Двинском полку. Он кричал толпе сельчан:

— Это же наш фронтовик и избранник от бывших солдат! Он выдавал пайки всем солдатам, помогал инвалидам, увечным воинам. Убивать его нельзя, ребята. Он еще будет с нами!

Через много лет этот солдат, Дмитрий Зырянов, спасший нашего автора, станет лихим партизаном, а после будет проживать в Енисейске. До чего же слепа толпа и как может она быстро менять свой гнев! После всех происшествий арестованный Сидоров, в сопровождении конвоира, был доставлен в село Чалбышево, **Л. 27** а оттуда должен был отправиться в Бельское волостное управление, куда и нужно было пробраться, надеясь на помощь знакомых. Между тем в Чалбышеве уже верховодил сын местного торговца-лавочника — Портнягин Николай. При Колчаке он был ужасом округи, выколачивая с мужиков налоги при помощи карательного отряда, а затем, уже в 1920 году, сам был расстрелян партизанами.

Портнягин появился в доме, где остановился Сидоров, с ним пришел местный священник и группа вооруженных мужиков. Батюшка настаивал, чтобы отца и сына направили в Енисейск и как можно быстрее. Автор воспоминаний хорошо помнил первый удар в лицо, нанес его Портнягин, потом вытащили на улицу — и все били. «Очнулся в темном помещении с деревянным полом, на соломе. Лицо мокрое от крови, волосы склеены кровью же.

— Пить.

Кто-то подал ковш воды.

— Володя, это я, Слекис, узнаешь?»

Это был Слекис Иосиф, латыш по национальности, бывший ссыльный, а потом красногвардеец отряда Сидорова. **Л. 28** Всю колчаковщину он просидел вместе с Владимиром Корниловичем Сидоровым в Красноярской тюрьме, освобождены были партизанами в 1920 году.

«— Где мы, Иосиф?»

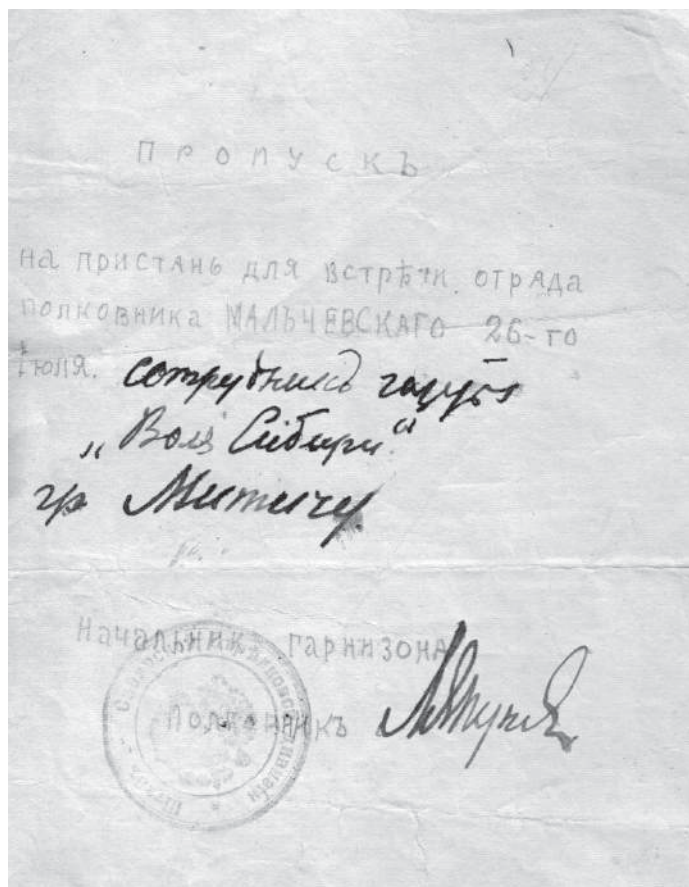
— В яланской чужовке (так называли в Сибири сельские временные каталажки для ссыльных и беглецов — «чужих»). Сюда нас привезли недавно.

— Вот оно что. Значит, хорошо нас „угостили“ с благословения батюшки, еле очнулся через двадцать километров от Чалбышева.

— Больше били тебя, мне попало меньше. Ведь ты же у нас комиссар. Вот они и выколачивали с тебя „золото“, которое ты „нахапал“. Ну, а как ты думаешь, что с нами будет в Енисейске?

— Наверное, расстреляют. Только бы не самосуд. Это, брат, мучительная штука».

Через два-три дня доставили в Енисейскую тюрьму. В тюрьме уже сидел преданный кем-то Мучник Гриша, Ронэ Иван и многие красногвардейцы. **Л. 29** Вскоре узнали, что вся головка экспедиции с большевиками

Пропуск на пристань, выданный начальником гарнизона Сибирского стрелкового полка на имя сотрудника газеты «Воля Сибири» В. С. Митича на встречу отряда М. Мальчевского. 26 июля 1918 г.

была арестована Мальчевским. Кто скрывался в тайге, вынуждены были выйти — гнус, голод. Человек 20—25 их были присоединены к красногвардейцам. Из последних, рядовых, Сидоров помнил братьев Ячменевых, Шаркова, Слекиса, Ярлыкова, Величкина, Стерлядкина, братьев Карнауховых, Шапошникова, Коньшина, Масловского.

Все арестованные были размещены в сырых и темных трюмах железных барж, называемых лихтерами, куда, в эти ямы, пинками и ударами прикладов сталкивали арестованных. Сидоров попал на лихтер №5, где в особом небольшом отделении сидела головка пленных красноярцев: Марковский, Лебедева Ада, Парадовский, Печерский, Померанцева, Архипова-Яковлева и др. Конвой состоял из особой офицерской роты вроде Неробелова, Захарова, Толкачева. Среди них мелькали и знакомые лица «социалистов»: Сисина Сергея, Переpletчикова Николая, Щеглова, Миндаровского и др. (Сисин Сергей — эсер; Переpletчиков Н.Н. — сын почетного гражданина города и городского головы в 1887—1891 гг. Н.К. Переpletчикова; Миндаровский В.М. — сын се-

кретаря Енисейской городской управы М.П. Миндаровского. — Т.К.).

На третьи сутки, 27 июля 1918 года, на красноярской пристани загрели оркестры духовой музыки, под медовые речи беспрерывно **Л. 30** доносилось «ура». Так встречали Мальчевского и его «трофеи» — триста человек пленных. Лихтеры оставили до ночи на рейде. Вечером услышали на палубе звон шпор и суматоху.

— Смирно! Замри, красная сволота!

Это изведал о своем прибытии начальник городской милиции — поручик Коротков. Начался «обыск». Чтобы обыскать, нужно было арестованных одного отделения перегнать в другое, тоже переполненное пленными. Начали с головки. Их выводили по два на палубу. Там снимали **Л. 31** годное для носки верхнее платье, забирали, что в карманах, и били. Так было с каждым. Коротковская пьяная ватага отбыла, набрав с собой награбленное.

Наступила июльская ночь, которая готова была прикрыть все преступления.

— Повезли!

— Кого?

— Нас! Слышишь, как лихтер режет носом воду?

— А куда? Топить, что ли?

До арестованных доходили слухи, что всех хотят утопить. Лихтер обо что-то ткнулся. На палубе опять зазвенели шпоры. Поняли, что происходит смена караула.

— Замри! — понеслось в трюм. — Приготовиться к высадке.

Все поднялись. Что ждало впереди? Пьяные офицеры и казаки сочно ругались, некоторые спускались по лесенке в трюм и распевали: **Л. 32** «Их славное войско разбито, и сам император в плену». Это относилось к Марковскому.

— Выходи по пяти.

Первыми вышли Марковский, Печерский, Лебедева, Померанцева и старик Парадовский. Как их выводили, не видели. Узнали, когда выходили сами. Каждый должен был пробежать «сквозь строй», начиная со сходен, где по обе стороны стояли офицеры, которые били обухами и плашмя шашками. А затем тянулись ряды казаков, хлеставших нагайками со свинцом на конце. Наконец, шли ряды «братушек» — чехов, наносивших удары прикладами. Падающих поднимали тоже прикладами. В.К. Сидоров вышел с четвертым пятком вместе с Гришей Мучником.

На соседнем лихтере, через который предстояло идти или бежать, виднелась группа людей с горящими факелами и вооруженные люди. Подвели к борту лихтера, у которого стоял офицер, спрашивая фамилии. Раздалась команда:

— Первого принимай!

А.П. Лебедева. 1910-е гг.

Сидоров прыгнул с борта на соседний лихтер, где продолжились избиения. Падал, бежал, наконец, ткнулся головой **Л. 33** во что-то мягкое. Понятно, добежал до первых рядов. Рядом стоял Мучник, маленького роста, тщедушного строения, но стойкий человек. Он не стоял, а шатался, как подрубленное дерево. Сидоров увидал, что у него болтается по лицу выбитый из орбиты глаз. Шептал:

— Держись, Гриша, за меня, упадешь — приколуют.

Как оказалось потом, не глаз у него был выбит, а после удара шашкой болтался кусок мяса и кожи вместе с бровью глаза, который впоследствии оставил глубокий шрам (виделись последний раз в Москве в 1935 году, где Мучник работал в Истпарте при ЦК КПСС). Через строй пропустили 264 человека. Как говорили позднее, трап и берег были залиты кровью. **Л. 34**

— Где Марковский, где Лебедева и Печерский? Дайте мне их! Дайте потешиться!

Брежжило утро. Избитые, окровавленные, окруженные двойным конвоем, схватившись друг за друга, двигались измученные люди. В ряды врывались казаки и снова били. При первых лучах солнца подошли к церкви — новый собор.

— Как называется эта площадь? Отвечайте, гады. Крикнул кто-то:

Г.И. Пекарж. До 1918 г.

— Советская.

— Бегом, сволочь! Бегом марш!

Никто не вышел, все знали, чем это грозит.

— Стой!

И опять били. С диким ревом хлестали передних.

— Марковский и Лебедева, выходи!

С разбитыми лицами вышли эти два мужественных большевика. И все услышали голос Марковского:

— Жандармы! Палачи, сделайте скорее свое кровавое дело. **Л. 35**

Арестованные видели, как вскидывали казаки тела товарищей на седла всадников и тут же, разложив их на передние луки седел двух поставленных в ряд лошадей для каждого, рубили клинками. Потом казаки вместе с жертвами помчались к речке Каче.

Арестованных гнали дальше. Вот уже видна тюрьма. «Раз!» — с криком бросил казак аркан в передние ряды. Захлестнутый петлей аркана, прикрепленного к задней луке седла метнувшегося в сторону всадника, по земле волочился Печерский, этот маленький ростом человек, стоявший во главе красной милиции. Уже в тюрьме узнали, что все трое были замучены. Передавали, что особенно было обезображено тело Ады Лебедевой, этой синеокой, с чудным волосами, молодой женщины³⁷.

А. Ф. Парадовский. До 1918 г.

Ввели всех в тюремную ограду, куда казаков вначале не пустили. Но ворвались и опять истязали. Помнится, что начальник милиции, много повидавший, кричал:

— Господа офицеры! Остановите же казачков, ведь это же скандал на весь мир!

А казачки продолжали «веселиться», **Л. 36** пока арестованных не втолкали через железную решетчатую дверь, откуда видны были тюремные коридоры. Наконец набили, как сельдей, в камеры. Все с разбитыми лицами, многие не узнавали друг друга. Рвали остатки белья, перевязывали раны. Многих вскоре отправили в тюремную больницу. Очевидцы рассказывали, что Загородного Алешу зарубили насмерть и тело спрятали под мостик. Но, оказавшись в больнице, многие видели Алешу с разрубленной головой, лежащего на кровати. Он оказался жив и настолько живуч, что через месяц встал на ноги. В 1935 году автор воспоминаний виделся с ним, Загородный стал военным инженером. **Л. 37**

Кто только не охранял арестованных за год и четыре месяца заключения: чехи, сербы, румыны, поляки, итальянцы в шляпах с перьями, прозванные фазанами,

французы, англичане. Итальянский генерал отбирал у арестованных все, что ему казалось «подозрительным», тыча в лицо рукой в белой перчатке тем, кто казался ему подозрительным, — «очень нахальна собачья глаза». **Л. 39**

Политика Колчака дала Советской власти много сторонников. Верховный правитель издал приказ расстреливать в тюрьме заключенных за каждого убитого солдата «дружественной державы».

— Прощайте, товарищи, будьте добры и стойки. Да здравствует Советская власть! — раздался как-то зычный голос Богграда Якова Ефимовича, которого вели на расстрел. Из какой-то камеры кричали:

— Проклятье палачам! **Л. 40**

Вся тюрьма запела: «Смело, друзья, не теряйте бодрости в неравном бою». Караул начал стрелять из сторожевых будок в окна камер тюрьмы. Неслись крики: «Замолчать! Заткнитесь!» Следом были расстреляны Вейнбаум, Иоффе, Парадовский. Из-за тесноты часть заключенных перевели в пересыльную тюрьму. В. К. Сидорову запомнилось, как бодро и шумно уходили на расстрел Тамаров, Третьяков и др. **Л. 41** В тюрьме узники узнали о восстании в военном городке в Красноярске, речь шла о пятистах жертвах. Узнали о восстании в Енисейске в феврале 1919 года, когда повстанцы почти месяц держали в своих руках город³⁸. Узнали о жесточайшей расправе над повстанцами енисейских палачей: Толкачева Гавриила, Пасынкова Григория (убил своего родного брата Леонида), Абалакова Василия, **Л. 42** и Яшки-«жида».

Весной 1919 года многострадальная мать Владимира Корниловича приехала из Енисейска в Красноярск и добилась личного свидания с сыном. Шепотом она сообщила о мученической гибели отца: его вместе с другими отцами красногвардейцев казаки рубили и полуживыми сбрасывали в прорубь. Когда замученных достали из проруби, на теле отца мать насчитала 30 глубоких ран. **Л. 43** Больше с матерью свидеться не удалось. Она скрыла на свидании, что ее избили, исполосовали каратели, и с тех пор она все чахла и в конце 1920 года умерла. Сын в это время в рядах Красной армии воевал на Дальнем Востоке.

В октябре 1918 года, когда Красная армия находилась на подступах к Омску, большую часть заключенных тюрьмы усадили в специальный эшелон, получивший название «эшелон смерти». **Л. 44** В Чите был устроен «прием». Семеновцы ворвались в переполненный вагон, расчищая себе дорогу нагайками и шашками. В вагоне находились моряки-балтийцы с «Таймыра» и «Вайгача», которые должны были доставить губисполкомовцев в низовья Енисея в июне 1918 года. Это были Челноков, Засимук, Гудзик, Воронов (двое узников — рулевой Воронов и баталер Челноков съехали

Партизаны в освобожденном Енисейске. Первый ряд, второй справа — П.Л. Горохов. 1920 г.

с «Вайгача». — Т. К.). Один из семеновцев увидел татуировку на груди Гудзенко:

- А-а-а, братишка, морячок, с какого флота и судна?
- Балтийцы, с «Авроры». **Л. 45**

С некоторыми Сидорову в мирное время удалось свидеться. После такого горделивого ответа в вагоне произошло непередаваемое. Семеновцы устроили свалку, опрокинули парашу. Люди лежали в отвратительной луже, а их избивали, истязали. Палачи орали:

- Жрите! Ешьте! Вылизывайте!

Особенно полосовали Засимука. Он, ухватившись за решетку в окне вагона, словно окаменел. Так и не смогли оторвать от решетки. И только запах заставил семеновцев выскочить из вагона.

Был конец сентября 1919 года. Заключенных доставили в поселок Графское в концентрационный лагерь³⁹. Отсюда многие бежали и влились в партизанские армии дальневосточников. **Л. 46** Во Владивостоке в январе 1920 года организовался Военный совет в составе Сибирцева, Луцкого и Лазо. Это было началом объединения отдельных, разрозненных партизанских отрядов в народно-революционную армию. Началось переформирование частей. Но не все шло гладко. Некоторые партизанские командиры отрицательно отнеслись к этой организации. Возражали партизаны и против военных занятий, особенно шагистики. Лучше обстояло

дело с частями, организованными из бывших белых, перешедших на сторону партизан. Помимо военной выправки, они имели и приятный внешний вид, **Л. 47** однообразное и неплохое обмундирование. Труднее всего было научить приветствовать партизан командира: «И без этих выкрутасов умеем бить интервентов». Поэтому, по образу и подобию Красной армии, вводился институт военных комиссаров из «подкованных» партизан-партийцев. **Л. 48** Сидоров В.К. — участник освобождения Дальнего Востока. После окончания Гражданской войны занимал партийные должности. В мае 1937 года был репрессирован, два года восемь месяцев провел в Иркутской тюрьме, затем отправлен в лагерь на Колыму. В 1947 году освобожден. Два года работал в Казахстане. В 1949 году вновь репрессирован как «повторник». В январе 1950 года «выселен навечно» в Красноярский край. До 1955 года работал на Енисейском лесозаводе. В марте 1956 года полностью реабилитирован. **Л. 49**

Персональный пенсионер союзного значения

В. К. Сидоров

Ст. Джамбул, Турксиб. ж. д.

КККМ. О/ф 3230/1. Воспоминания Сидорова Владимира Корниловича «В борьбе за власть Советов». 3 октября 1957 г. Л. 10—49. Машинопись.

ЗАЛУКАЕВ ПРОХОР АЛЕКСАНДРОВИЧ. ВОСПОМИНАНИЯ О РЕВОЛЮЦИОННЫХ ГОДАХ. 1917—1918 ГГ.

Подожли годы, из армии был уволен. Своего дома не было, жена и пятеро детей жили в Канске на квартире. Забирает семью и уезжает в село Казачинское. Прописался на новый участок Михайловский, получил от крестьянского начальника ссуду на обустройство. Сам уехал на прииски, получив справку на право выезда. В 1919 году получил от жены письмо, чтобы ехал домой — болеют дети. А тут дело другое: из Красноярска вышли казаки и полиция на Енисейск, по дорогам ездили те и другие, делали обыски и арестовывали людей.

В Енисейске властью Советов руководил Кузнецов Варлам Алексеевич, он дал телефонограмму к рабочим приисков, чтобы выехали на помощь революционному гарнизону города. Сорок пять человек, в том числе и автор воспоминаний, выехали в Енисейск, а в засаде **Л. 2** уже стоял карательный отряд Портнягина. Люди с прииска явились к Кузнецову и были отправлены на окраину города в бывшие казармы конвойной команды для охраны Гарского фронта (д. Гарская Еланской в. — Т. К.). События происходили в феврале, снег глубокий, пурга. Залукаева назначили дежурным по казарме, наряжал бойцов в наряд. Приходит начальник Енисейского гарнизона Шестаев и просит тем, кто идет в наряд и кто возвра-

щается из него, давать по стакану спирта. Залукаев высказался против.

Показался ему подозрительным и пароль — «пыль» и «Минск». Как старый солдат, вспомнил военный быт, оба слова должны быть на одну букву: например, «винтовка», пропуск «Вильно». **Л. 2об.** В 12 часов ночи позвонили с первой заставы: в двух деревнях что-то горит. Залукаев отвечает: это условный знак белых, наверное, будет наступление. В два часа дня из штаба прискакал ординарец, сделал тревогу: спасайтесь кто куда может. Одна толпа, человек сто пятьдесят, бежала к деревне Гарской и попала на засаду Портнягина. Оружия ни у кого нет. А вторая толпа пошла вниз на Енисей.

У автора воспоминаний были лыжи, которые привез из тайги. Добежал до первой заставы, предупредил бойцов, те побежали в город. Сам встал на лыжи и пошел в тайгу. Мороз, снег, поземка. А на заре атаман Розанов с сотней казаков вошел в Енисейск и много истребил народу; **Л. 3** на постоянных дворах порубили и крестьян, которые приехали на базар.

Залукаев пробродил в тайге 13 дней без хлеба, и спичек не было, некурящий. Против деревень Маклаково и Абалаково увидел кладу с хлебом. А пурга все метет. Дергал колосья, овес, ячмень

Енисейск. Нач. XX в.

Казнь у проруби в Енисейске. 1924 г. *Постановочное фото.*

или рожь, растирал в руках, а на ночь уходил в глубь тайги, ложился на лыжи. Началось кружение головы, ноги стали отказывать. На четырнадцатые сутки вышел на Енисейский тракт. **Л. 3об.** Лыжи снял, пошел по направлению к Казачинскому. Встречают два полицая, гонят арестованных в Енисейск. «Куда идешь?» Предъявил документы. Велели пропуск взять в Абалаково, лыжи забрали. В деревне староста в пропуске отказал, велел ждать начальника полиции. Вечером подошел полицейский и посадил в холодную чужовку. Подошел старичок, дал кусок хлеба. За 14 суток впервые увидел кусок хлеба. **Л. 4**

На другой день полицай закричал, что скоро приедет управляющий уездом Платонов. Залукаев закричал в волчок, чтобы доложили о нем. Через час приехал Платонов, начал допрос, глядит как волк. Залукаев показал документы, письмо от жены, паспорт, справку от начальника переселения. **Л. 4об.** Тут из Енисейска приехала вторая сотня казаков с начальником Калашниковым. Платонов переговорил с Калашниковым, чтобы Прохора Александровича увезли в Казачинское. По дороге казак, сидевший рядом, предупредил, чтобы не называл никого

товарищем, иначе голову снесут. По правой стороне по Енисею расположена деревня Родиковка, доехали до родиковской проруби. Пьяные казаки везут двух ребят, с одного одежду содрали, второй парень сразу бросился в прорубь, а второй, раздетый и босой, тоже туда пошел. **Л. 5** В Каргине семь человек утопили под мостом.

Приехали в Казачинск ночью. Залукаева сдали дежурному офицеру, обыскали, ничего не нашли. Приказали отвести в камеру, в которой уже было 18 человек. В 12 часов ночи начальник по камерам открыл двери, по списку вызвали десять человек и увели в расход. С утра вызвали девять человек. Так чередовали ночи. Кого топили, кого убивали. **Л. 5** Утром вызвали Прохора Александровича. Начали допрос, выясняли, почему ушел с приисков. Отправили в камеру. У двери стоит караульный начальник, казак и Калашников, начальник второй сотни. Залукаев зашел в камеру, там с него сняли одежду и обувь, одели в свое «обмундирование». Так жалко стало одежду, которая спасала 14 суток. Осмотрел свою новую одежку, одной полы нет. **Л. 6** В камере прожил с неделю. Много людей сидело. Сидели

отцы, у которых сыновья сбежали от колчаковщины. В соседней камере женщина с дочерьми, издевались. Утопили в проруби Лыкова, хорошего столяра, покинул семерых детей. Жена мужа защищала от проруби, тут и родила. Из Енисейска приехал атаман Розанов, привез четырех арестованных. **Л. 6об.** Знакомые все: Архипов, оружейник, Петр Великов (?), Василий Шишкин, Незамаев. Незамаев стал закручивать папироску, на пальцах ногти подрезаны, цвет синий — пытали. Когда пошли расстреливать, Архипов снял шапку, оставил в камере: кто останется живой, помяните Архипова. **Л. 7** Казаков выстроили на площади, ораторы полезли на трибуну.

Открыли камеру, вызвали Залукаева, берет шинель и опорки, говорят — не надо. Так босиком и пошел в кабинет Розанова. Он в гусарской форме с аксельбантами. Открыл большую книгу, спросил, где служил. Приказал дать сто плетей. Положили — и давай шпарить, изрубили всю спину до задницы; встать не может, палачи утащили в камеру. Дополз до нар, лег, тело горит, как из печки выбрался. Ни на бок, ни ничком — лежать невозможно. Многие в камере приняли эту кару. **Л. 7об.** Вновь вызывают Залукаева, стал против стола, кровь течет. Объявляют, что отпускают. «Премного благодарен», идти не в чем, одежда плохая. Так в старой шинели и опорках бежал домой 45 километров. Жена не пускает — голос после порки изменился. **Л. 8** Три месяца болел, жена баню топила, чтобы корки отмочить, мелкими кусочками отпадали. **Л. 8об.**

КККМ. О/ф 4538. Залукаев Прохор Александрович. Воспоминания о революционных годах. 1917—1918 гг. Л. 2—8об. Рукопись.

Г. И. Накладов (брат С. И. Накладова), шестнадцатилетний юноша, расстрелянный 12 мая 1919 г. как заложник за братьев-партизан. До 1919 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНДЛИНА АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА «1918 И 1919 ГГ. В КРАСНОЯРСКЕ»

Свержение Советской власти в Красноярске. На всех собраниях лились потоки демократических речей. Прапорщики и гимназисты пачками лезли записываться в эсеры, бывшие военные дамы и жены чиновников наряжались в бело-зеленый цвет. В военный комиссариат вошли два эсера (Доценко П. С., Озерных П. З. — эсеры, Крутовский В. М., Козьмин Н. Н. — областники. — Т. К.), выпустили воззвание с проклятиями в адрес большевиков и с призывом к спокойствию. Быстро был организован отряд, преимущественно из добровольцев из офицеров и купеческих сынков, который под руководством Мальчевского отправился за эвакуированным Совдепом в низовья Енисея. В городе же не прекращались аресты рабочих и оставшихся большевиков.

Мальчевский настиг пароходы, ушедшие по направлению к Туруханску. Убитых и раненых оставили на берегу, пленных загнали в трюм и под усиленным конвоем отправили в Красноярск. **Л. 1** Буржуазный город ликуяще встретил своих героев, их засыпали цветами, устраивали банкеты. Но действительность прекратила этот сладкий тон и заставила подтянуться рабочих и крестьян.

Пароход с пленными пришел в Красноярск 26 июля 1918 года днем. Его до вечера держали на якоре на середине реки. Только ночью причалили к пристани и стали выводить пленных. Всех били, и били сильно.

Выстроили и повели. Конвоировали чехи-прапорщики над начальством полковников Ляпунова и Мезина.

Только тронулись с пристани, стали бить с чувством и большим знанием дела. Казаки врывались в строй и нагайками и шашками утверждали власть Сибирского правительства. Чехи били прикладами ружей. Господа офицеры старались больше бить женщин и все больше по лицу. На ходу снимали гимнастерки, сапоги, пояса, куртки. На тюремной площади еще больше вошли в экстаз, тут уже били кулаками и ногами. **Л. 2** Казаки, ворвавшись в толпу, стали набрасывать арканы на головы пленных. Кое-кто вырвался. Заарканили трех товарищей: Лебедеву, Марковского, Печерского, которых особенно ненавидели. Привязав арканы к луку седла, ускакали со своими жертвами в сторону Качи. Остальных арестованных доколачивали в тюремном дворе.

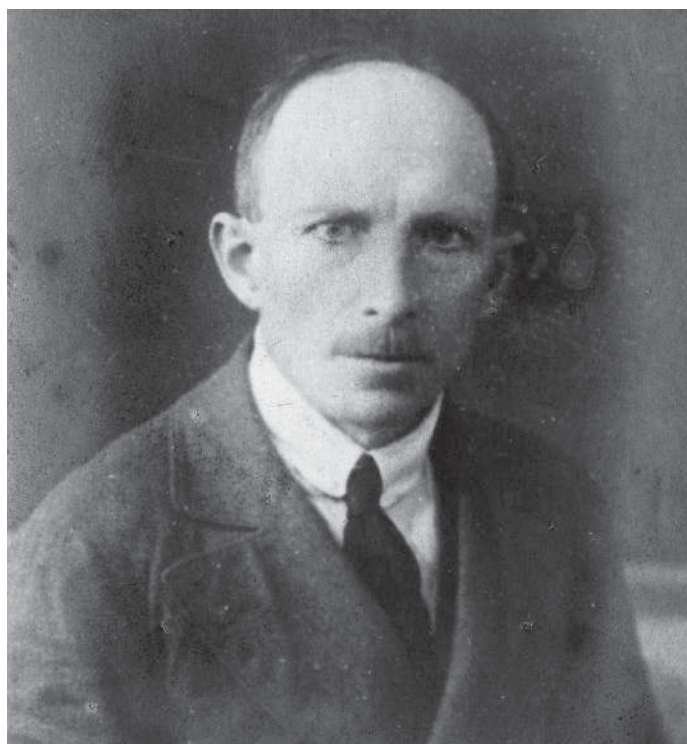
Утром 27 июля группа граждан около мельницы Абалакова, под откосом старой Качи наткнулась на тела. Все были изуродованы. Печерский лежал с разбитой головой и выколотыми глазами. У Лебедевой рассечен живот и вырезаны груди. У Марковского внутренности валялись рядом. Город зазужжал, как встревоженный улей, увидев когти «демократического» правительства⁴⁰. Эсеры испугались и отправили в Омск на имя командарма Гришина-Алмазова шифрованную депешу: казаки, препровождая арестованных, изби-

А. Г. Гендлин. 1917—1920 гг.

А. Д. Свищева. До 1919 г.

В. Ф. Матушевский, организатор первого подпольного комитета в Красноярске. До 1918 г.

М. Я. Довбня. На об.: «Дедушка-ворчун». 5 июля 1913 г.

вали и троих убили; здесь офицерство, особенно казачество, настроено черносотенно против Временного правительства. Устраиваются даже неразрешенные собрания. **Л. 3** Эсеры набросились и на газеты, чтобы не печатались никакие статьи о трагедии в интересах «производящего расследования» (на трагедию откликнулась лишь проэсеровская газета «Воля Сибири»). Вскоре был арестован председатель Центрального бюро профсоюзов, который сумел через пленум ЦБ, состоящий из офицеров и меньшевиков, провести резкую резолюцию протеста против казачьего самосуда.

Первый нелегальный партком

Уцелевшие одиночки-большевики ушли в подполье, где сделали попытку связаться с рабочими и крестьянами уездов. В комитет вошли Матушевский Ф., Исаев Т., Рухлов П., Попов Н., Канцелярский Ф. и Москалев П. На первом заседании комитета определили свои задачи: 1) организация боевых ячеек; 2) установление связей с другими парторганизациями и формирование партизанских отрядов; 3) приобретение оружия и взрывчатых веществ; 4) организация Красного Креста **Л. 4** и помощь семьям пострадавших; 5) изыскание денежных средств для целей организации⁴¹.

За два месяца комитет сколотил довольно крепкую организацию. Наладил связь боевых ячеек с ячейками железнодорожных мастерских, депо, Абаканского завода, Знаменского стекольного завода, имелись

ячейки в военном городке. Посылались представители в Енисейск, Минусинск и Канск, связались с Томском, Омском и копиями Анжеро-Судженска, откуда получали взрывчатые вещества.

К осени сумели связаться со многими уездами, получили подкрепление из Сибцентра⁴² (Петерсон Райнгольд) и стали готовить восстание. В тюрьму были переданы гранаты и револьверы, усилили сбор оружия, устроили два склада оружия: один в Николаевской слободе у Н. Попова, другой в Алексеевской слободе у И. Кузьменко. Оборудовали примитивную типографию. **Л. 5** Через Т. Исаева усилили работу в военном городке, через Мальцева и Кузьменко — на железной дороге. Организовали Красный Крест (А. Свищева, А. Сидоркина, Мальцева и др.).

Все шло хорошо. Однако эсеровская охранка ввела в комитет провокатора Колье; впоследствии выяснилось, что около комитета вертелся еще один провокатор — Самозванов. Конспирации членам комитета еще явно не хватало.

Провал комитета Л. 6

Есть основания предполагать, что убийство Матушевского и Сисина было совершено уголовной шайкой так называемых «черных коммунистов» (Мадзалеvский, Коровин, Минчук-Рокомболь и др.)⁴³. В августе чехи и эсеры обнаружили в Николаевке и Алексеевке немного оружия. Сам провал комитета произошел

П. Г. и Л. Е. Канцелярские, члены первого подпольного комитета. 1910-е гг.

в ночь на 11 ноября — вечером 10 ноября в Николаевской слободе на квартире у Сидоркиной-Мальцевой. Кроме хозяйки на заседании присутствовали: Петерсон, Дм. Мальцев и Н. Попов. Хотели обсуждать план восстания на железной дороге и в военном городке. 10 ноября 1918 года нагрянула комиссия со знаменитым в Красноярске поручиком Коротковым. Произвели обыск, всех арестовали, увели в первое отделение городской милиции, на следующий день перевели в тюрьму. При следовании в тюрьму Петерсон бросился бежать и был убит двумя выстрелами из револьвера. **Л. 7** Часть членов комитета впоследствии была выпущена и вынуждена скрываться. Свищева переехала в Томск, затем в Омск, где была расстреляна колчаковцами.

Расстрелы продолжаются

Красноярская тюрьма все уплотнялась. Эсеры создали процесс «О членах, именовавших себя Соединенным исполнительным комитетом Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». По делу привлекли 328 человек. Сюда вошли красноармейцы, члены Совета и даже случайные люди. Им инкриминировались: измена, взрыв мостов, вооруженное восстание. Чехи потребовали выдать из общей группы пять обвиняемых товарищей для предания чешскому военному суду. В ночь с 24 на 25 октября 1918 года из тюрьмы были выведены Вейнбаум, Дубровинский, Белопольский, Яковлев, Парадовский и расстреляны.

Л. 8 Была попытка освободить их: вечером рабочие-железнодорожники Кузьменко и Игнатов дежурили около тюрьмы, чтобы проследить, куда поведут арестованных. На них наткнулся чешский патруль; Кузьменко удалось бежать, Игнатов был убит на месте. Бирюков, живший напротив тюрьмы и поддерживавший связь с Кузьменко и Игнатовым, был убит в собственной квартире.

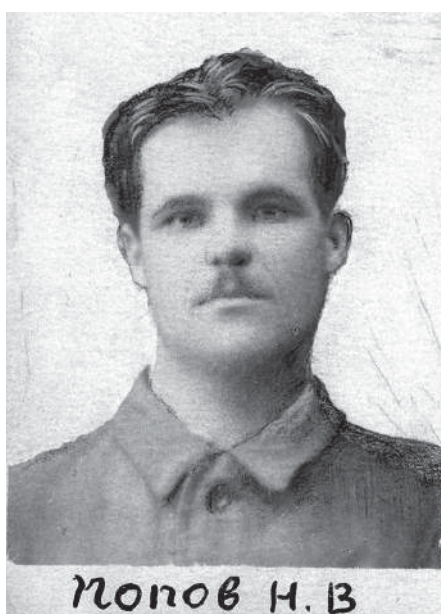
Второй нелегальный комитет

После провала первого комитета в декабре 1918 года был организован второй комитет. В помощь Омск (в то время Сибирский партийный центр) прислал А. Байкова и других товарищей. В комитет входили Фр. Лейман, А. Гун, И. Кристовская, Н. Молчанов, А. Байков и Ив. Верещагин. Главное было — наладить связь с ячейками, партизанскими отрядами и тюрьмой. Успешно шла работа в ячейках в главных железнодорожных мастерских и военном городке (где впоследствии произойдет неудачное и несуразное восстание гарнизона). **Л. 9** Удалось возобновить работу Красного Креста. В нем продолжали работу З. Шахматова, Сидоркина-Мальцева, О. Исаева и Кристовская. Удалось связаться с отрядом Кравченко, оперировавшим в районе Ключвенная — Камарчага. Достали несколько чистых паспортных бланков для скрывавшихся товарищей.

После объявления генералом Розановым заложничества⁴⁴ комитет решил активизировать деятельность, на что получил согласие части заложников. Хорошо шла работа среди мадьяр и других военнопленных. Однако частые обыски и аресты, особое наблюдение за мастерскими не могли благотворно отразиться на работе второго комитета. Было собрано около двухсот винтовок. Все оружие решено было свезти в конспиративную квартиру в Николаевской слободе. При перевозке оружия был совершен набег колчаковцев, трое подпольщиков скрылись, один был убит, один ранен. Раненого подвергли пыткам, и он выдал членов организации. **Л. 10** Роль провокатора Самозванова проявилась незадолго перед провалом комитета, продержался он до середины мая 1919 года. **Л. 11**

Заложничество

Генерал Розанов⁴⁵, бывший в Красноярске начальником военного района, решил применить для борьбы с партизанами заложничество. Все сидевшие в тюрьме за большевистский «бунт» были объявлены заложниками, о чем было сообщено в официальной правительственной газете⁴⁶, **Л. 12** что за каждый налет партизан, в чем бы он ни выразился, из тюрьмы будут выводить от 3 до 20 большевиков. Хотя расстрелы продолжались и до приказа. Через месяц, 10 мая 1919 года, из тюрьмы было выведено и расстреляно девять человек залож-

Члены красноярских подпольных комитетов. 1918—1919 гг.

ников, вскоре расстреляли еще десять человек. Город поднял вой. Полетели телеграммы и ходатайства в Омск к Колчаку и Вологодскому. С месяц заложников не трогали, затем расстреляли еще восемь человек. После этого Розанов отменил приказ⁴⁷.

Третий нелегальный комитет

После провала второго комитета новым работникам и остаткам разгромленной парторганизации трудно было восстановить связи. В конце июня удалось выбрать третий комитет, в который вошли Молчанов Николай, Меженин Петр, Сачков Иван, Новогрешнов Яков, Литвина Любовь. Молчанов руководил военным делом, Литвина — связью с железной дорогой, Меженин — финансами, Новогрешнов — связью и руководством ячеек промышленных предприятий. Комитет установил связи с отрядами Копылова, Щетинкина и Мордвинова. Выяснилось, что отряды нуждаются в оружии и медикаментах. Медикаменты удалось доставить через служащего аптеки Общества врачей Енисейской губернии Рубеля. Привлекли военнопленных инженеров, химиков, оружейных мастеров. **Л. 14**

Партизаны, в свою очередь, посылали серебряные и золотые деньги. Успехи Красной армии на Урале и в Западной Сибири, а также действия партизан оказывали большое влияние как на настроение населения, так и на колчаковских солдат. 30 июля (в ночь с 29 на 30 июля) вспыхнуло восстание воинских частей военного городка. Местный парткомитет не готов был к этому и не мог предотвратить беды: восставшие солдаты были потоплены в собственной крови. Погиб и работник первого и второго комитетов Т. Н. Исаев.

Партийно-воспитательной работы комитет не вел, основная цель была — вызвать вооруженное восстание. Поэтому особое внимание было обращено на военную подготовку. Всем отрядам губернии был выработан единый план на случай восстания. Сильны были ячейки в железнодорожных мастерских, на которые возлагалась большая надежда. **Л. 15** Вообще восстание мыслилось как восстание во всех губерниях России.

Т. Н. Исаев, член первого и второго подпольных комитетов. Расстрелян в военном городке в июле 1919 г.

Первый слева стоит И. И. Белопольский. До 1918 г.

Не дремала и колчаковская контрразведка, во главе которой стоял эсер С. Р. Пикуневич. Комитет немедленно принялся за переброску своих активных работников в другие города. Часть комитета и активных работников осталась для передачи связей вновь прибывшим людям из Новониколаевска, Томска и Иркутска. В ночь на 7 ноября 1919 года все они были арестованы, при допросах применялись самые жестокие пытки.

Эвакуация тюрьмы

Красная армия подходила к Ишиму. **Л. 16** Колчаковские войска отступали, мало оказывая сопротивления, имея впереди себя массу беженцев. Местные красноярские власти решили эвакуировать на восток арестованных большевиков. Эвакуированные, узнав о том, что их везут на Дальний Восток, прикидывали, что это будет последняя поездка по их грешной земле.

Администрация тюрьмы быстро составила список, всех эвакуированных свели в два коридора, дали свидание с родными и объявили о дне отправления. За четыре дня до отправления в тюрьму пришли казаки и вывели 28 арестованных коммунистов и шесть человек надзирателей якобы для отправки в Туруханский край. На следующий день установили, что все 34 человека были зверски зарублены в казачьих казармах за городом. Колчаковское правительство нашло повод для «расстрела», якобы открыв в тюрьме

тайную организацию, которая и «понесла заслуженное наказание».

В конце сентября в тюрьму пришел конвой из казаков и чехов, по списку вызвали во двор от 320 до 350 человек, всех обыскали, поиздевались **Л. 17** с час времени и, окружив тремя густыми колоннами конвоя, повели на вокзал, где разместили в телячьих вагонах по 30—40 человек в каждый. Объявили, что везут в Никольск-Уссурийский концентрационный лагерь. До Читы партия ехала без приключений, в Иркутске принесли передачу — рыбу, хлеб, табак (нелегальная организация передавала под формой профсоюзов). Конвой относился хорошо. Особенно стоит упомянуть о добром начальнике конвоя офицере Зарубе, который на всем протяжении от ст. Красноярск до ст. Иман оказал немало услуг этапной партии. Вот и Чита.

Часа через два после прихода на станцию эшелона к этапу пожаловали семеновцы. Сначала потребовали сдать казенные вещи. Все, что можно было одеть и обувь, отнималось как казенная вещь. Кроме шинелей, гимнастерок и сапог отбирали старые пиджаки, ботинки гражданского образца, жилетки и всю теплую одежду. После обряда «раздевания» начался другой — избиение. Семеновцы мастера бить. Били до усталости. Били и приговаривали, издеваясь. Расходившийся семеновский казак, гонясь за арестованными по вагону, опрокинул парашу, и зловоние наполнило вагон. Казак набросился с нагайкой на арестованных и приказал

руками собирать экскременты. Хорошо издевались, со смыслом. Экзекуция продолжалась два часа. Сопровождавший из Красноярска конвой не только не принимал участия в избиениях, но и начальник конвоя Заруба всячески торопил семеновцев кончить «обыск». Когда семеновцы удалились, поезд тронулся.

Эшелон ждал расправы в Андриановке и Даурии, где полновластно царствовал заплечных дел **Л. 18** мастер Семенова — барон Унгерн, который успел до прихода эшелона в Даурию (за неделю) расстрелять целый эшелон, тоже следовавший в концлагерь. Знал это и начальник эшелона Заруба. И для того чтобы не дать арестованных на растерзание, он перед Андриановкой и Даурией снял конвой, закрыл люки вагонов и провез эшелон как воинский груз. По КВЖД ехали хорошо. Никольск-Уссурийский лагерь не принял арестованных, был переполнен. Отправили в Иманский лагерь — царство дальневосточного атамана Калмыкова. Там эшелон осел. Часть арестованных, не выдержав ужасов тюрьмы и переезда и поддавшись угрозам калмыковских партизан, пошли добровольцами к Калмыкову; правда, они все потом перебежали к приморским красным партизанам. Другая часть была передана в лагерь Новокиевский на границе с Кореей, где медленно вымирали от всех видов тифа и других болезней. **Л. 19**

Последние дни колчаковщины

Развал белых докатился и до Красноярска. В Минусинск для борьбы со Щетинкиным и Кравченко должен был отправиться Енисейский казачий полк, который категорически отказался идти. С этого дня и началось. Город быстро очищался от тех, кому страшна была надвигающаяся Советская власть. Контрразведчики, казацкие офицеры, генералы всех чинов и рангов стремительно уходили в направлении Иркутска. Власть подобрали кадеты и эсеры, создали Комитет общественной безопасности, который просуществовал два дня.

В это время из тюрьмы были освобождены некоторые члены третьего комитета. Они взялись за подготовку восстания в Красноярске. В руководящий совет комитета вошли Н. Молчанов, П. Козлов, М. Вышковский, Ф. Клешнин, А. Зорин, И. Фридман. Комитету было поручено связаться с гарнизоном и укрепить ослабевшую связь с партизанами. Военное положение в городе было не в пользу большевиков. Гарнизон был деморализован, а отступавшие белые имели в авангарде **Л. 20** сплоченные части генерала Каппеля, которые могли занять город. Это заставило комитет принять решение об организации военно-революционного комитета и захвате города. В состав этого комитета вошли Козлов (председатель) и члены Фридман и Вышковский. Командующим был назначен Николай Яковлев. Реше-

ние было принято 2 января 1920 года, а 4 января город был занят.

Между Красноярском и Ачинском расстояние 160 верст. Весь этот путь был занят отступающими белыми. Город готовился к защите. Председателю ВРК Козлову удалось связаться с 1-й бригадой 30-й дивизии Красной армии Евдокимовым, который получил точные сведения о положении в Красноярске. Белые, отступая на восток, предполагали выиграть время за счет арьергардных боев. С этой целью было образовано ударное ядро, куда входили колчаковские дивизии: Ижевская, Воткинская, Иркутская, 44-я Уфимская, казачьи части генерала Сахарова и дивизия генерала Миловича. Ко времени отступления белых к Ачинску генерал Войцеховский выслал в Красноярск генерала Зиневича с поручением подготовить обстановку для создания оборонительной позиции на Енисее. В конце зимы 1919 года в Красноярск прибыли части 1-го Средне-Сибирского корпуса под командованием Б. М. Зиневича.

Генерал Зиневич действовал **Л. 21** совместно с известным сибирским эсером Е. Е. Колосовым, который фигурировал в Красноярске в качестве главного уполномоченного земской власти. Вечером 4 января стало известно, что к городу приближаются передовые части белых. Военно-революционный комитет выслал для переговоров члена комитета Фридмана, но белые переговоры отклонили, а Фридман был обстрелян. Начались боевые действия, которыми руководил Николай Яковлев. Был момент, когда казаки генерала Сахарова заняли Алексеевскую слободу (железнодорожный поселок). Наступление белых с перерывами продолжалось два дня. В начале третьего, изверившись в возможность взять Красноярск, белые обошли его у деревни Дрокино, где переправились через Енисей и отступили на восток.

В боях против белых и в захвате города участвовали бывшие колчаковские солдаты, перешедшие на сторону красных частей: 18-й охранный железнодорожный батальон, 31-й стрелковый полк, 4-й Енисейский стрелковый полк, 3-й Сибирский пластунский батальон, Енисейский отряд особого назначения, 8-й кадровый артиллерийский дивизион, казанские и уфимские батареи, 8-й полк инженерной дивизии и др. **Л. 22**

КККМ. В/ф 8486/19. Воспоминания Гендлина Александра Сергеевича «1918 и 1919 гг. в Красноярске». 3 февраля 1923 г. Л. 1—22. Машинопись.

Копию сняли в 1950—1960-х гг. в партийном архиве Новосибирской области. В сокращенном виде воспоминания публиковались в сборнике «Годы огневые» (Красноярск, 1962. С. 60—66).

ВОСПОМИНАНИЯ МОЛЧАНОВА НИКОЛАЯ ХАРИТОНОВИЧА «В КРАСНОЯРСКОМ ПОДПОЛЬЕ. ЧТО ОСТАЛОСЬ В ПАМЯТИ. 1918—1919 ГГ.»

Прошло больше месяца, как пала Советская власть. Красноярские большевики были доставлены в Красноярскую тюрьму, некоторые погибли на далеком Севере. Красноярская нелегальная организация выпустила прокламации о трагической судьбе Марковского, Лебедевой, Печерского. **Л. 1** Прокламации проникли и в деревню, несомненно принесла большую пользу.

Организация подполья

Инициатором и организатором подполья был Матушевский, член партии с 1903 года, участник революции 1905 года⁴⁸. Борьба против меньшевиков и эсеров, кровь замученных товарищей стали фундаментом, на котором и появилось красноярское подполье. **Л. 2**

Передача оружия в тюрьму

Белогвардейский окружной суд иногда давал возможность ближайшим родственникам свидеться с заключенными в тюрьме. Пропуска были двух родов: общие, через решетку, и личные. На втором должна была быть надпись «личное». Молчанов умел подделывать личные пропуска, что давало возможность ходить на свидания и работникам подполья. Автор воспоминаний припоминает такой случай: Н. Попова, сам Молчанов, Зина Шахматова захватили с собой бомбы, чтобы передать в тюрьму. Молчанов вызвал на свидание Максима Проневича, чтобы передать в его карман бомбу. В это время один из помощников начальника тюрьмы заявил, что на свидание с Проневичем пропуск выдан женской особе. Второпях автору сунули женский пропуск. В сопровождении надзирателя Молчанова отправили на усмотрение коменданта тюрьмы чеха Кнапа.

С Кнапом автору воспоминаний уже пришлось сталкиваться, когда на одном из свиданий чех ударил плеткой, **Л. 3** заявив, что нельзя так интимно разговаривать. Новая встреча ничего хорошего не сулила, тем более что в кармане была бомба. Молчанов в это время служил на военной службе, носил зеленые погоны, и это иногда помогало. Завязался разговор с сопровождавшим надзирателем.

«— Завтра, — говорю, — меня отправляют на фронт, а сегодня не удалось даже с родным братом повидаться как следует.

Надзиратель поверил, на подходе к тюремной конторе сказал:

— Иди, брат, лучше домой, а то комендант ужасная сволочь, и так, пожалуй, наградят тебя, что и воевать не захочешь».

Этот случай не помешал продолжать передачу бомб в тюрьму.

Как убили лучших товарищей

В октябре 1918 года стало известно, что Вейнбауму, Белопольскому, Дубровинскому, Яковлеву и Парадовскому грозит расстрел. **Л. 4** Комитет принял решение освободить товарищей, когда их поведут на казнь. Была создана дружина из рабочих железнодорожных мастерских. Кроме того, предполагалось дать тревожный гудок в мастерских. По тревожному сигналу телефонами предполагалось сообщить во все штабы белогвардейцев и самому управляющему губернией, что город занят повстанцами. Предполагалось навести на белых панику и, пользуясь этим, освободить товарищей. Однако освобождения не произошло. С раннего утра 24 октября тюрьма была взята под наблюдение. Квартира Бирюкова, находившаяся против тюрьмы, была превращена в наблюдательный пункт. Кузьменко и Игнатов дежурили против тюремных ворот и должны были предупредить о вы-

Н. Х. Молчанов. До 1918 г.

Д. Е. Лаппо с сыновьями Львом, Александром, Сергеем (второй справа стоит), Дмитрием. 1916 г.

воде заключенных, чтобы дать тревожный гудок. Но на дежурных наткнулся патруль, Кузьменко удалось бежать, Игнатова убили.

Пока устраивали другой дозор, белые незаметно вывели заключенных из тюрьмы. Несомненно, действовал провокатор. Из донесения прокурора Лаппо на имя прокурора Иркутской судебной палаты, министра юстиции и председателя Совета министров: «...Взятые из тюрьмы в 7 часов вечера с 24 на 25 октября с.г. Вейнбаум, Белопольский, Дубровинский, Яковлев и Парадовский были препровождены разными дорогами, каждый в отдельности **Л. 5** в эшелон маршевой роты чехословаков, расположенных на ст. Красноярск. Предусмотрительность эта вызвана была ожидавшимся нападением на тюрьму и готовившейся попыткой освободить арестованных большевиков... Чехословацкий военно-полевой суд открылся в вагоне чехов в 9 часов вечера в составе председателя командира 1-й маршевой роты 8-го чехословацкого стрелкового полка Борецкого, одного чешского офицера, одного русского прапорщика Черненко и 3-х чехословацких солдат. Обвинителя и защитника не было...»

Взятие и расстрел были произведены по прямому приказу Гайды. Исполнитель — командир маршевой

роты чехословацкого полка Борецкий в бумаге на имя начальника писал: «По приказу генерала Гайды требую выдать предъявителю сего немедленно находящимся в Красноярской губернской тюрьме большевиков: Вейнбаума, Белопольского, Парадовского, Яковлева и Дубровинского для препровождения их чрезвычайному военно-полевому суду при вверенном мне эшелоне. В случае отказа или сопротивления с чьей-либо стороны предъявитель сего имеет полномочия взять вышеуказанных большевиков силой»⁴⁹.

Вместо возмущения и осуждения своевольничания чехов Лаппо в своем донесении писал: «...Из казненных я хорошо был знаком с Белопольским, Дубровинским и Парадовским. Мало был знаком с Вейнбаумом и совершенно не знаком с Яковлевым. **Л. 6** Белопольский, Вейнбаум и Яковлев — убежденные последователи ленинской теории большевизма, непримиримо относящиеся к существующему строю. Вейнбаум был очень близок к лицам, окружавшим Ленина...»

Могилы расстрелянных остались ненайденными.

Каратель Коротков

Осенью 1918 года от сибирского большевистского центра в Красноярск приехал из Томска Суховерхов

Франц⁵⁰. С его приездом вопрос о подготовке вооруженного восстания был поставлен на более широкую ногу. Уезжая из Красноярск, Суховерхов повез с собой более двухсот листовок, отпечатанных в нелегальной типографии. Листовки были выпущены в связи с объявлением белогвардейцев о мобилизации крестьянской молодежи и привлечении к уголовной ответственности всех советских работников 1917—1918 гг. (Суховерхов был арестован по дороге и расстрелян в Омске).

Самое страшное в нелегальной деятельности — это провал руководящего центра, что и произошло в ноябре 1918 года. **Л. 7** Это произошло в момент, когда комитет должен был начать подготовку к вооруженному восстанию. Предполагалось использовать политзаключенных тюрьмы и пленных красногвардейцев, следовавших на восток. 10 ноября комитет должен был принять окончательное решение по этому вопросу. Из-за провокации комитет был арестован карателем Коротковым. Провокатором стал милиционер Колье, казненный впоследствии по постановлению нелегального революционного трибунала. **Л. 8**

На явочной квартире у Анастасии Сидоркиной в Николаевской слободе были задержаны бывший комиссар Омского отделения Государственного банка Петерсон, член Иркутского Совдепа Ян Рогозинский, Павел Канцелярский и др.

Партизан Григорий Петрушин и инженер Шмидт

В 1918 году Красноярская нелегальная организация послала в партизанский отряд Кравченко солдата Петрушина, бежавшего от колчаковской армии, и австрийца Шмидта. **Л. 9** Петрушин участвовал в боевых действиях партизанского отряда Кравченко, попал с группой других партизан в плен белых. Ночью четверых истерзанных пытками партизан повели на расправу. У обрыва над рекой всех зарубили. Петрушин пришел в сознание, зацепившись за корень дерева. Внизу шумела вода. Сознание уходило, очнулся тогда, когда солнце было уже высоко. Недалеко послышались голоса, внутреннее чувство подсказало, что свои, закричал о помощи. **Л. 10** С трудом партизаны вытащили его на яр. В бессознательном состоянии он был направлен в партизанский лазарет. В 1919 году Петрушин участвовал в уничтожении карательного отряда под Белоцарском.

Шмидт оказывал громадную помощь партизанам, руководя патронной мастерской. Кравченко благодарил Красноярский комитет за присылку человека, оказавшего неоценимые услуги, и со слезами на глазах вспоминал его. Шмидт погиб в конце Гражданской войны под Белоцарском (см. часть I, прим. 21, с. 209).

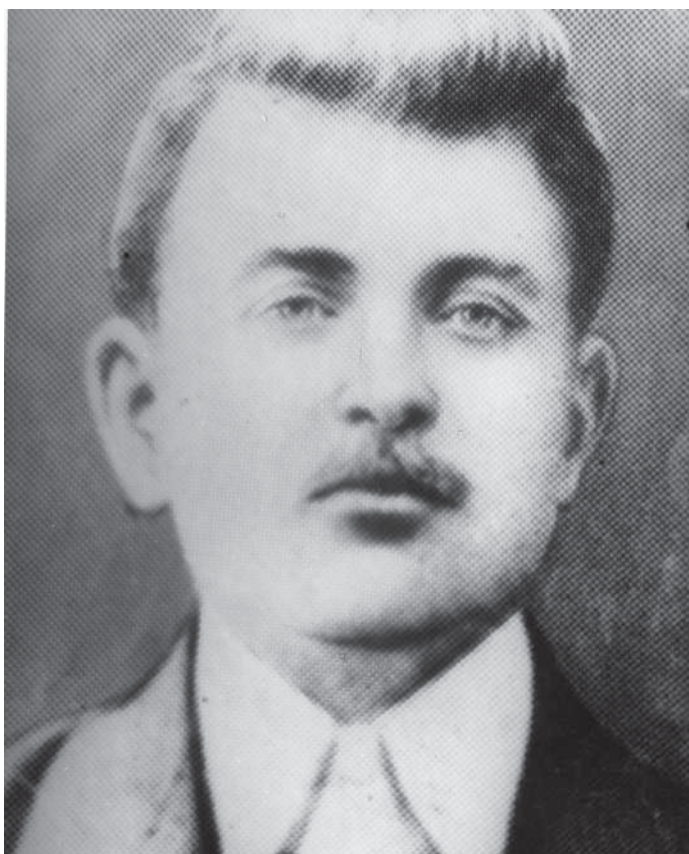

Петерсон Райнгольд (Ольгерт), летом 1918 г. отправлен в Красноярск для организации первого подпольного комитета (слева сидит). До 1918 г. Фотография получена от А. И. Гуна.

Вручение партизанам красного знамени комитета Л. 11

Крупнейшими отрядами были отряды Кравченко — Щетинкина и Яковенко. В 70 верстах от Красноярск, в районе железнодорожных станций Кемчуг и Козулька, был организован отряд членом комитета Копыловым. Отряд преимущественно состоял из рабочих Знаменского стекольного завода. Со всеми отрядами комитет поддерживал связи.

После провала второго состава комитета связь временно была нарушена. Спешное восстановление этих связей начал третий комитет — Меженин, Молчанов, Литвин, Сачков и Новогрешнов. Связь с отрядом Щетинкина — Кравченко поддерживал Страутень (Данке). Долго не удавалось установить связи с отрядом Копылова. Наконец прибыл посланник — Мария. Фамилия этой преданной делу женщины осталась неизвестной. **Л. 12** Она рассказала о разгроме партизанами чешского отряда имени Гайды. Подпольный комитет решил отметить особо отличившихся партизан специальным постановлением. Отряд сильно нуждался в медикаментах. Началось приобретение всего необходимого

Я. Г. Новогрешнов. 1920-е гг.

для отряда. Н. Х. Молчанову поручили поехать в отряд для выяснения его положения и проведения крестьянской конференции.

Ночью, в сопровождении Марии, Молчанов, под видом скупщика сена для армии, отправился в отряд Копылова. После долгого и напряженного пути достигли заставы. На условный сигнал часового к заставе вышел начальник штаба отряда Мощинский. Партизаны были выстроены в ряды, начальник отряда Копылов отдал рапорт. После роспуска отряда посланец провел ночь в беседе с Копыловым и Мощинским. **Л. 13** После прибытия в отряд Молчанова по окрестным деревням были отправлены гонцы о предстоящей на следующий день крестьянской конференции. Явилось 25 человек. В 12 часов дня 7 июля 1919 года начался парад, на котором от комитета было вручено красное знамя отряду. Вручение знамени и клятва партизан захватили всех. Вместе с партизанами клялись бороться за народное дело и делегаты конференции. После парада был устроен общий обед, а в четыре часа дня началась конференция. Была принята резолюция об оказании всяческого содействия партизанскому движению, о регулярной присылке членов Красноярского комитета в отряды, о создании ячеек на местах, а также боевого снаряжения и медикаментов. **Л. 14** Из отряда до станции Козулька Молчанов ехал в сопровождении

А. Г. Рогов. 1931 г.

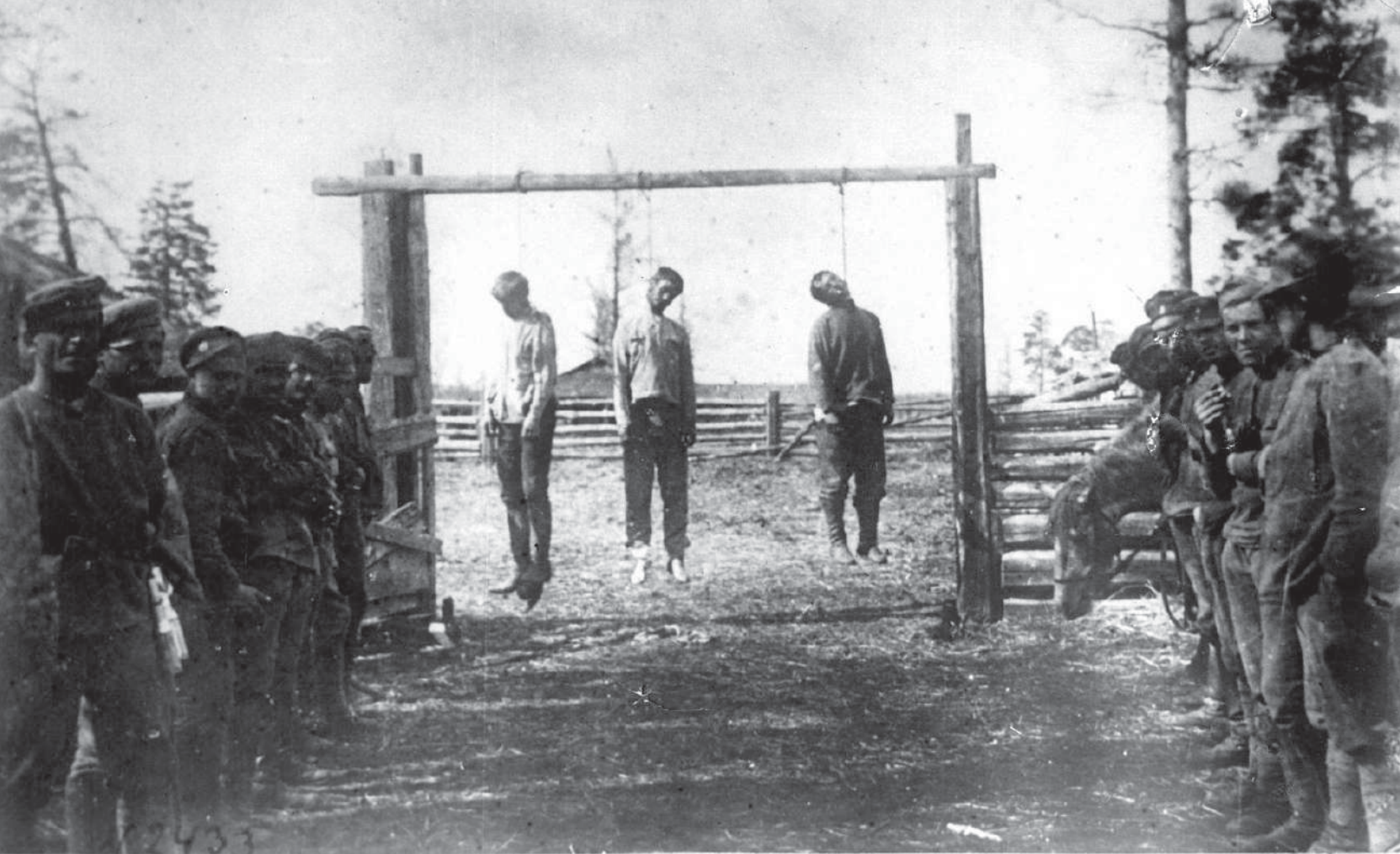
нескольких партизан и самого Копылова на призовой лошади, отобранной в бою у чехов.

Проводы Клешина в отряд Копылова

После возвращения из партизанского отряда решено было послать туда Клешина на постоянную работу. Молчанову пришлось сопровождать. Изготовили документ, что Клешин командируется управлением дивизионного интенданта в качестве старшего команды для заготовки дров в Кемчугскую лесную дачу. Дачей заведовал лесничий Георгиу, который содействовал партизанам. Оба оделись в военную форму. Несколько пар обуви, бомбы, боевые патроны, табак и медикаменты составляли груз. Залезли в первую теплушку отправлявшегося на запад эшелона. Поезд трогается. Ведут разговор с солдатами. Оказывается, это отряд известного карателя Красильникова. Он возвращается с Канского фронта, где безуспешно пытался подавить крестьянское восстание в Тасеевском районе. **Л. 15**

Некоторые из солдат хвастаются, как они жгли деревни, как вешали и расстреливали крестьян. Подъехали к станции Козулька. Здесь надо сходить, направляться на явочную квартиру. Вдруг навстречу милиционер:

— Вы это куда?

Повешенные чехами крестьяне. 1919 г.

Предъявляют документы.

— А что в мешках?

— Если желаете, можете посмотреть. Там табак, обувь для деревозаготовительного отряда.

Ответы удовлетворили, закурили. Спросили, чем объясняются вопросы о документах.

— Разве недостаточно, что люди военные?

— Вот то-то и недостаточно. Разве вы не знаете, что здесь бродят банды? Вчера, например, они напали на соседний разъезд. Испортили телеграф, обезоружили целый наряд солдат и захватили с собой начальника разъезда.

Клешнин обращается к Молчанову:

— Видишь, как нас суют прямо в лапы бандитов?

Милиционер стал успокаивать. Добрались до явочной квартиры. И через несколько минут поехали на телеге за деревню. Возницей была женщина-беднячка, захватившая с собой своих маленьких детей.

Л. 16

За деревней Молчанов простился с Клешниным. Выждал вечера и вернулся на станцию. Лег на лавку в третьем классе и слышал, как в кабинете начальника станции шел разговор о новом налете на партизан и делались догадки о судьбе уведенного партизанами начальника разъезда, который занимался доносами на крестьян.

О работе третьего комитета большевиков

Уцелевшие от провала второго комитета Вадим Лавров (студент Володя) и Молчанов Николай приступили к созданию третьего комитета. В его состав вошли: Петр Меженин, Иван Герасимов, Иван Сачков, Николай Молчанов, Яков Новогрешнов и Вадим Лавров. Впоследствии Лавров вышел из состава по конспиративным соображениям, вместо него введена Любовь Литвина из Иркутской нелегальной организации.

Шел самый расцвет колчаковщины, неслыханный террор. Налаживать работу было очень трудно, особенно с военным городком. Благодаря отсутствию этой связи 30 июля там вспыхнуло восстание, которое не возглавлял подпольный комитет. **Л. 17** После разгрома он только восстанавливался. Поражение показало, что необходимо срочно налаживать связи с военными ячейками. Был организован военный штаб, квартира Сачкова в Закачинской слободе стала центром по организации ячеек. Печатались листовки и прокламации, росли тройки и пятерки. **Л. 18**

С прибытием в Красноярск английских частей комитет выпустил обращение к ним на английском языке. Переводчиком стал профсоюзный работник Каликес, знавший язык по эмиграции в Америке. Военный штаб практиковал выдачу путевок на переход белых воинских частей на сторону партизан. На Западный фронт

и Никона Тиунова. Подробный отчет о работе Креста был составлен для Сибирского центра, прятал его Молчанов в сугробе своего двора. Утром не оказалось ни сугроба, ни отчета: хозяин дома почистил двор. Пришлось вместе с хозяином ехать на свалку снега. Дедов, хозяин дома, вероятно, догадывался, чем занимается его постоялец, тем более что сын его сидел в тюрьме как большевик. **Л. 21**

Провал третьего комитета

В последних числах октября многие члены комитета стали наблюдать за собой слежку. Милиция стала требовать домовые книги, где проживали подпольщики. Приступили к срочной ликвидации всего того, что могло повредить нелегальной работе. Люба Литвина, Вадим Лавров, Петр Рухлов и ряд других товарищей были срочно переброшены в другие города. Затребована была из Сибирского центра замена для передачи связи в работе. Из Омска уже прибыл Косяков Алексей Иванович. Ждали товарищей из Иркутска. **Л. 22** Молчанов получил анонимное письмо, где говорилось: «берегитесь, вас накроют».

6 ноября Молчанов, проходя мимо киоска, купил местную колчаковскую газету и был потрясен сообщением, что отрядом Короткова «успешно ликвидирована банда Копылова» и что «при убитом главаре банды захвачены документы, указывающие на связь банды с Красноярской организацией большевиков». Не верить этому не было оснований. Непонятно было то, почему газета дала столь откровенную информацию, которая могла быть использована подпольной организацией. К сожалению, подпольщики не использовали эту информацию, а терпеливо ожидали себе замену, оставаясь в Красноярске. Слишком все были подавлены сообщением о Копылове. Автор решил на следующий день устроить у кого-либо шестилетнего Николашку, сына Копылова, жившего с Молчановым, и расстаться с Красноярском. **Л. 23**

Ночью проснулся от какого-то шороха возле ставень квартиры. Все это наполнило тревогой, моментально оделся. На дворе слышны были голоса и скрип снега от множества ног. Хотел выпрыгнуть в окно, выходящее в соседний двор, но увидел наставленные штыки. Стук в дверь сотрясал всю квартиру. Открыл дверь, хлынула толпа полицейских, среди которых Молчанов увидел следящего за ним сыщика.

— Обыск, — строго приказал старший банды Соловьев. Все перевернули вверх дном: сдирали кожаную обшивку с мебели, выворачивали половицы. В разгар обыска влетел толстенький человечек в полковничьей форме и начал бить по голове Молчанова черешком нагана. Бил до потери сознания. Впоследствии узнал, что это был начальник местной охраны подполков-

Н.М. Копылов, командир партизанского отряда. До 1919 г.

ник Рудов (у управляющего Енисейской губернией П.С. Троицкого была собственная контрразведка, во главе которой и стоял Рудов, бывший жандармский офицер, применявший на допросах пытки. — Т. К.). Автор был доволен тем, что от шума не проснулся Николашка. На самом деле мальчик притворился спящим, **Л. 24** и это было хорошо. Следующие два дня в доме сидела засада. Николашка бегал по двору и возле двора и очень умело предупреждал всех товарищей, кто не знал о провале и шел в квартиру.

Окончив обыск, Соловьев предъявил ордер на право обязательного ареста. Сопровождавшие конвоиры хвастались тем, что «одну сволочь изрубили, как котлету». Впоследствии узнали, что речь шла о Сачкове. Когда в его квартиру вторглась банда во главе с корнетом Быковым, он моментально выключил свет и с ножом бросился на Быкова, тяжело ранив его. Пользуясь переполохом, выбежал во двор и спрятался на сеновале, где был разыскан и растерзан. Когда Молчанова привели в охранку, то там встретился с Косяковым, он был задержан на квартире у Сачкова.

Обоим связали руки, предупредили, что если будут озираться, то пристрелят, как собак. Вывели на улицу,

И. Г. и Е. И. Сачковы, члены третьего подпольного комитета. До 1918 г.

под усиленным конвоем доставили в контрразведку. В душе Молчанов ругал себя, что не захватил цианистый калий, значительный запас которого хранился на квартире. Некоторое время вместе с Косяковым находились в коридоре. Мимо провели жену Сачкова — Евдокию. **Л. 25** Она была сильно избита. Ее поместили в комнату, где был телефон, и было слышно, как сообщали о прибытии Молчанова и Косякова. Потом подпольщиков отвели в дальнюю комнату, где были долго слышны крики и стоны Сачковой. Ее пытали...

Молчанова вызвали на допрос на следующий день. В комнате находились Рудов, начальник контрразведки эсер Пикуневич, прапорщики Головки и Насонов, двое следователей и несколько экзекутов. Из вопросов понял, что арест связан с разгромом отряда Копылова. Гудов торжественно зачитал письмо Молчанова на имя Копылова, ознакомив всю свору с директивой комитета о взрыве железнодорожных мостов. Все это сопровождалось рукоприкладством Рудова. По окончании читки приступили к истязанию. Повалили на пол, на голову накинута полушубок, снятый с арестованного, сели на руки и ноги, стали бить шомполами, по два, по три — они были связаны, чтоб

не гнулись. В чувство приводили холодной водой и каким-то остропахнувшим раствором. Так длилось почти до утра. А дальше отправили в чешскую контрразведку. О ней шла молва как об изобретательном карательном учреждении, далеко оставившем позади себя мастеров инквизиции. **Л. 26**

Контрразведка помещалась в том же здании внизу. Толкнули в темную комнату. Там оказалось три человека, дико озиравшихся, как затравленные звери.

— Что, это вас били?

Оказывается, что допрос происходил над камерой, где сидели новые соседи, они слышали, как шла расправа. Среди соседей оказался анархист Каминский и некто Ламбург, о которых ходил слух как о провокаторах. Третьим был унтер-офицер из военного городка, задержанный за большевистскую организацию. В задачу провокаторов, очевидно, входило узнать от присылаемых к ним большевиков то, что не смогли пытки. Чтобы избавиться от их любознательности, Молчанов прямо заявил, что о них речь идет как о провокаторах. Тот и другой пытались объявить это вздором. Такое заявление Молчанова должно было предупредить и арестованного унтер-офицера. Жалеет, что не узнал фамилию этого человека. Впоследствии он доставит в Красноярский губчека того и другого провокатора из Троицко-Заозерной волости, где оба пытались обосноваться, а Каминский успел написать брошюру в пользу пролетариата. Впоследствии им не удалось миновать правосудия. **Л. 27**

В чешской контрразведке Молчанова не пытали, так как это совпало с объявлением известного меморандума чехов о невмешательстве в русские дела⁵¹. Якобы меморандум основан был на серьезных разногласиях с Колчаком, а в самом деле объяснялось победой Красной армии на многих фронтах. Продержав день, Николая Харитоновича чехи отправили обратно в русскую контрразведку, поместили в отдельную комнату, где обычно проводили время ее агенты, принимавшие участие в экзекуциях. Появилась водка и закуска. На счастье, агенты оказались любителями выпить и скоро дошли до такого состояния, что в споре, скоро ли советские войска займут Красноярск, обращались к заключению соседа.

— Ему пятьсот шомполов всыпали, это не фунт изюму.

— Молодец ты, но напрасно, за твое упрямство тебя обязательно расстреляют.

Очень помог автору воспоминаний широкий воротник его полушубка, куда можно было вылить хоть целую четверть водки. Из разговора агентов узнал, что всего арестовано не менее 30 человек. Рассказали они и о том, как якобы удалось ловко обмануть Новогрешнова. По их словам, его поместили в ка-

Красноярск. Улица Воскресенская от Гимназического переулка в сторону Покровской церкви. 1908 г.

меру вместе с арестованными «партизанами». **Л. 28** «Партизаны» ему рассказали о своих делах, а Новогрешнов — о своих, и, когда мимо их камеры проводили кого-либо из подпольщиков, он рассказывал о роли каждого в организации. Все эти разговоры также можно было расценить как маневр, каким маневром было и очень быстрое их опьянение. Когда этот номер не прошел, то Молчанов был оставлен в покое. И как только немного зажили раны, его отправили в тюрьму.

В тюрьме из местной газеты узнали, что представители общественности и органов самоуправления обратились с письмом на имя министра Пепеляева не применять к подпольщикам казни, «так как это может вызвать нежелательные настроения в известных слоях». Дело из чрезвычайного полевого суда было передано в прифронтовой суд. Срок его с 12 декабря был перенесен на 16-е. Срок этот оказался неудачным для колчаковцев. В этот день должен был отправиться на фронт против Кравченко и Щетинкина местный казачий полк, но он не подчинился приказу и обстрелял свой штаб. Тюремные камеры пополнились казаками. Суд над членами комитета отложили, а образовавшийся Комитет общественной безопасности, под давлением рабочих-железнодорожников, освободил из тюрьмы подпольщиков. **Л. 29**

Молчанов был освобожден с температурой в 40 градусов от полученного в тюрьме тифа. Впо-

следствии в делах охраны были найдены дела членов комитета в так называемой ликвидационной записке начальника охраны Рудова: «...Николай Харитонович Молчанов подозревается в преступном сношении с организаторами восстания в военном городке, имевшего место 31 июля 1919 года... Молчанов является видным большевиком, и, пользуясь своей службой в штабе дивизии, он создал для себя благоприятную почву для организационной работы... Ввиду сего Енисейским губернским управлением государственной охраны за Молчановым было установлено наружное наблюдение с 15 сентября 1919 года, которое дало Молчанову кличку „Зеленый“... **Л. 30** Агентурные сведения дали прямое указание на участие в Красноярском комитете партии большевиков нижеследующих лиц: Николая Молчанова, Григория Петрова, Дмитрия Степанова и Ивана Сачкова...» Петров и Степанов не были членами комитета, но подпольщиками были (в комитет входили еще Бунина Елена Васильевна, Фридман, Мария Радионова, Косяков Алексей Иванович, Александр Тимофеевич Огрызков. — Т. К.). **Л. 31**

Огрызков был арестован со всеми вместе и подвергся порке: **Л. 32** «Били меня в охране нещадно. Завернут голову в пальто, сядут и в три шомпола жарят, потом поднимут за руки, дадут папироску и воды стакан. Дадут отдохнуть и снова начинают бить». Очень мало сказала охранка про Петра Меженина, хотя его роль в организации была очень велика.

Мухин, надзиратель в Красноярской тюрьме. Расстрелян за связь с заключенными. 1919 г.

Через него в партизанские отряды шло не только продовольствие, но и селитра для пистонов, баббит, медикаменты. Общество «Самодетельность»⁵² являлось не только складом медикаментов и оружия, но и материальной базой для нелегалов. При аресте Меженина жестоко пытали, умер он в тюрьме от тифа, за несколько дней до освобождения. **Л. 33**

Твердым и преданным членом подпольной организации являлся Марк Андреевич Внук. Рудов писал про него в докладной записке: «Через Внука доставлялись красным всякого рода снаряжение и оружие, являлся организатором ячеек среди железнодорожных рабочих». Охранке осталась неизвестной работа организации среди воинских частей. **Л. 34** В записке Рудова не могло быть освещено и то, что арестованные подпольщики имели связи с волей и готовили вооруженное восстание в Красноярске.

Восстание красноярских рабочих и солдат и свержение колчаковщины

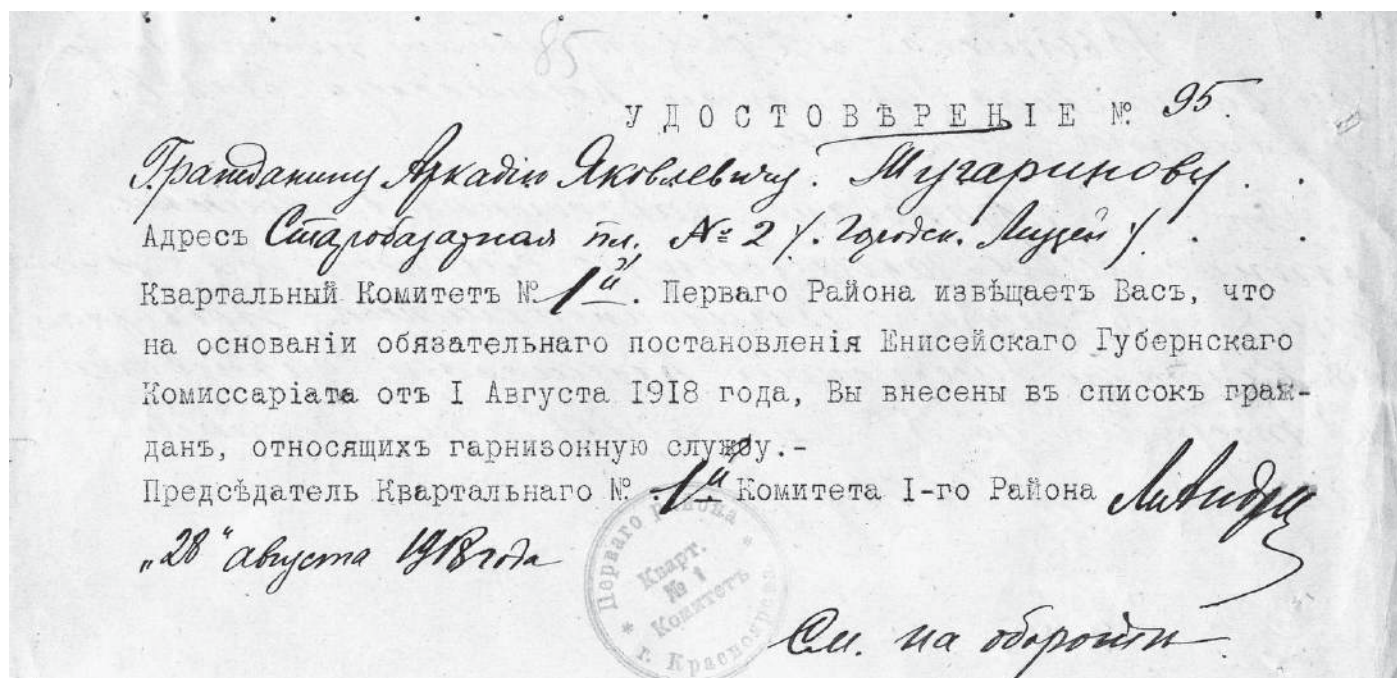
Как уже отмечалось, енисейские органы самоуправления ходатайствовали перед Пепеляевым о неприменении смертной казни против членов комитета. «Применение смертной казни к арестованной в последнее время большевистской организации может быть чревато весьма нежелательными последствиями

в это тревожное время». **Л. 35** Эта грамота говорила о том, что наступает агония колчаковщины. Была опасность для членов комитета, что отступающие белые могут отыграться на заключенных. С воли передавали, что генерал Войцеховский приказал расправиться с узниками тюрьмы.

Как уже указывалось, суд над членами комитета не состоялся в указанное время по причине выступления казачьего полка. **Л. 36** Неустойчивость положения заставила местную власть организовать так называемый Губернский комитет общественной безопасности. На сцену выплыл эсер Колосов, Еленин и др. Появились и политические «простаки» с генеральскими погонами. Один из них Зиневич (генерал-майор Б. М. Зиневич — командующий 1-м Средне-Сибирским корпусом. — Т. К.). Он пишет обращение к народу: «Я не стану на путь жестокостей. Тюрьме и нагайке не место в свободной стране. Большевики, вы напрасно в своих прокламациях говорите, что генерал Пепеляев и я обманываем народ. Нет, это ложь... Первая Сибирская армия во главе со своим вождем, генералом Пепеляевым, этим честным солдатом, всегда стояла за народ, а не за бюрократов и капиталистов...» **Л. 37**

Получив справку об освобождении, Молчанов дошел до тюремных ворот, нанял извозчика и приехал на свою квартиру. Нашел чистое белье, пошел в баню и там, в беспамятстве, был найден товарищами. На 15 дней вышел из строя. Активно работать не мог, но был в курсе всех дел. В это время Зиневич пытается деморализовать рабочих и солдат гарнизона. Он пишет письмо Колчаку: «Я, командующий войсками Енисейской губернии, генерал-майор Зиневич, как честный солдат, чуждый всякого авантюризма и политических интриг, переживший четыре кампании, шел за Вами, пока верил, что провозглашенные Вами лозунги борьбы за Учредительное собрание Вы действительно проведете в жизнь... **Л. 38** Близко стоящий к народу, как сын простого рабочего, я призываю Вас, адмирал, найти в себе мужество и передать выпавшую из Ваших рук власть Земскому собору...»⁵³

В это время на квартире у Дмитрия Зорина заседает временное бюро нелегальной коммунистической организации, которое намечает срок восстания. В числе участников заседания: Клешнин, Вышковский, Фридман, Позигун и прибывший из Иркутска Шабалин. Намечается временный ревком в составе Козлова, Фридмана, Вышковского и Позигуна (секретарь). Ревком выпускает воззвание к населению Красноярска и военным частям гарнизона. Вечером того же дня ревком посещают представители командования чехов, поляков и французов, заявляют о нейтралитете. Появляются в ревкоме представители Совета солдатских депутатов, созданного эсерами и меньшевиками.

Удостоверение квартального коменданта на имя А.Я. Тугаринова. 28 августа 1918 г.

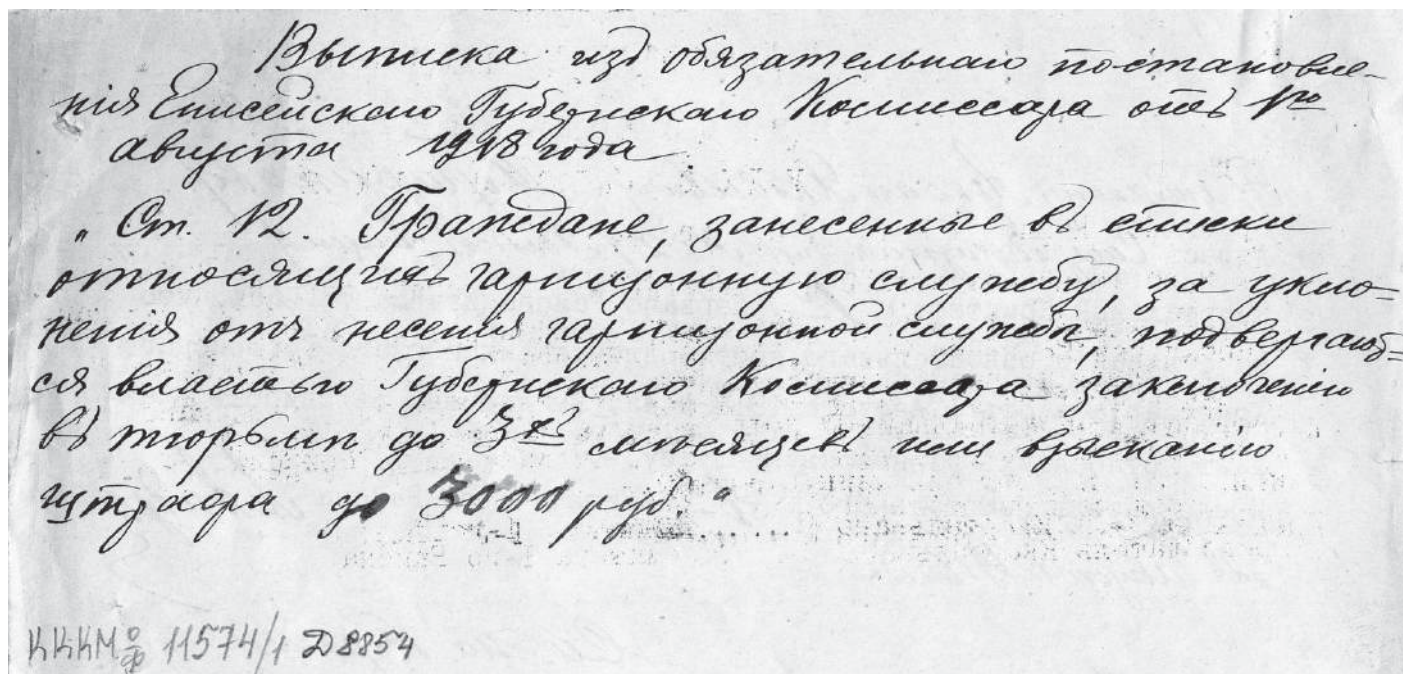
Просят вызвать представителя ревкома на заседание Совета, выделяют Шабалина с директивой объявить о роспуске. В тот же день эсеры и меньшевики объявляют о самороспуске своего Совета. На другой день являются Колосов и Назаренко (меньшевик), настаивают на укреплении Комитета общественной безопасности. **Л. 39** Партийное большевистское бюро высказывается против.

Выбран военно-революционный штаб во главе с Яковлевым как командующим и Клешниным как комиссаром штаба. Штаб получил данные, что Зиневич намерен разоружить Красноярский гарнизон как неблагонадежный и готовится к эвакуации, минирует склад с оружием и железнодорожный мост. Все это подлежит взрыву после выхода белых из города. Штаб ставит задачи: 1) захватить оружие и не дать Зиневичу взорвать мост; 2) сохранить государственные ценности; 3) не дать возможности захватить город отступающими белыми частями и прекратить их дальнейшее отступление на восток⁵⁴. **Л. 40**

Учитываются как надежные для выполнения оперативных задач следующие части гарнизона: сводные боевые дружины рабочих затона и железнодорожных мастерских, 18-й железнодорожный батальон, Пермский сводный батальон, инженерный дивизион 8-й Сибирской стрелковой дивизии, а также сводный казачий отряд, 3-й Сибирский пластунский батальон, 4-й Енисейский стрелковый полк, Красноярский батальон выздоравливающих, 1-я, 2-я и 3-я батареи кадрового артиллерийского батальона, отряд гидроавиации.

5 января разведка сообщила, что со стороны Мининой показались белые части. Чтобы предотвратить кровопролитие, был отправлен Фридман, чтобы обговорить условия сдачи, но был обстрелян. Тогда на встречу белым была выслана стрелковая рота, отряд особого назначения и 150 саперов инженерного дивизиона при двух пулеметах. Противник, пользуясь сильным огнем для прикрытия, пытался пробиться в сторону военного городка, **Л. 41** но был отбит огнем 31-го полка, который взял большой обоз белых и много пленных. В тот же день, 5 января, матрос Ермаков сообщил в военно-революционный штаб о переговорах в неприятельской армии. Ермакова срочно потребовал комендант станции Красноярск к прямому проводу и предложил включить аппарат с Минино и разъезда Бугач. Ермаков взял с собой двух моряков-телеграфистов, которые перехватили переговоры капитана Сурова с генералом Войцеховским. Последний спрашивал у Сурова, установлена ли связь с генералом Волковым и с Ижевской и Воткинской дивизиями. Суров отвечал, что от генерала Волкова связи не имеет, пробовал установить местонахождение, но партизаны Кравченко и Щетинкина отрезали части генерала.

Далее Суров отвечал, что имеет связь с Воткинской и Ижевской дивизиями, а также с ударным батальоном генерала Пепеляева. Войцеховский приказывает Сурову взять все эти части под свое командование и немедленно принять меры к установлению связи с генералом Волковым, чтобы с трех сторон начать наступление на Красноярск. Едва моряки перехватили эти переговоры, как в Николаевке показались бело-

Выписка из постановления енисейского губернского комиссара. 1 августа 1918 г.

гвардейские цепи. Ермаков снова у аппарата. Суров передает Войцеховскому результаты разведки. Около военного городка имеется два батальона повстанцев. В Николаевке никаких воинских частей повстанцев нет, кроме рабочих. Войцеховский дает приказ: немедленно начать наступление и к вечеру захватить Николаевку и станцию Красноярск. Ночью ворваться в город, уничтожить всех изменников Верховного **Л. 42** правителя, забрать все ценности и направиться в сторону Канска, после чего взорвать железнодорожные мастерские и мост.

Почти всю ночь на 6 января повстанцы всем фронтом повели наступление на белых, и те отказались от своего плана занять Красноярск. Миновав военный городок, белые направились в сторону Коркиной, обозы их, отставшие от передовых частей, были захвачены повстанцами. Следом за Войцеховским двигались части генерала Сахарова, который упорно пытался взять город, но бои эти тоже закончились неудачей. От белых стали являться парламентареры с предложением добровольной сдачи.

Победа была обеспечена, путь Красной армии очищен. Со стороны повстанцев участвовало в боях до 8000 пехоты, 200 человек кавалерии, 40 пулеметов и 25 орудий. Вечером 7 января кавалерия повстанцев встретилась с разведкой 269-го Белоцарского полка Красной армии, а часов в 12 ночи к заставе Алексеевской слободы подошел весь полк. Красноярск в это время был забит обозами и пленными белых.

Трофеи были громадны: около 40000 пленных, до 1500 генералов и обер-офицеров, 40 орудий, 30000

снарядов, 200 пулеметов, 40000 винтовок, 4 бронепоезда, 8 автомобилей, 10 тракторов, 4 аэроплана, 2 радиостанции. **С. 43** В числе пленных имелись генералы Белов и Ильинский. Был взят в плен штаб атамана Дутова. За все эти операции со стороны повстанцев было убито 75 человек.

Вечером 7 января они были похоронены в братской могиле на Плац-Парадной площади, а 8 января вступила в Красноярск Красная армия. Многотысячный поток измученных, исстрадавшихся людей встретил ее криками радости. **С. 44**

КККМ. В/ф 8486/21. Воспоминания Молчанова Николая Харитоновича «В Красноярском подполье. Что осталось в памяти. 1918—1919 гг.». Красноярск. 1920—1930-е гг. Л. 1—44. Машинопись.

Воспоминания Н. Х. Молчанова в сокращенном виде и в литературной обработке И. Горева публиковались в сборнике «Незабываемое» (Красноярск, 1957. С. 73—104). Вторая публикация — в сборнике «Годы огневые» (Красноярск, 1962. С. 31—60). Тексты по содержанию отличаются.

МИНУСИНСКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ

(Публикуемые документы — приказы военно-революционных штабов о мобилизации населения в селах и деревнях для наступления на Минусинск. Копии с копий. Скопированы карандашом на бланках Енисейского губернского союза потребителей, даты приводятся по старому стилю. Всего в музейном фонде сохранилось более 40 таких листков. Точное прочтение фамилий и некоторых слов не гарантируем, указываем так, как приведено. Часть слов копиистом не прочитана, что отмечено в текстах, где можно было — вносились правки. Не вошли в публикацию документы: запросы седел для верховых лошадей, кирки, лопаты, подводы, медикаменты, съестные припасы, фураж и т. д. — Т. К.)

Экстренное донесение Дубенского сельского общества в Сагайскую волость

27 октября 1918 года

Казаки сделали набег и начали драть дубенских нагайками и открыли стрельбу по селу. Просим организовать и двинуться на г. Минусинск 28 октября. Дубенское сельское общество Тигрицкой волости согласно организовать людей от 18 до 60-летнего возраста. Просит Сагайское общество дать свое согласие и сообщить экстренно с нарочным и отправить в другие волости это воззвание.

За подписью председателя общества
Абрамова

КККМ. В/ф 8896/1. Л. 1об.

Донесение Ивановского сельского земского управления Шушенской волости

28 октября 1918 года

В Шушенскую волостную земскую управу

Доносим управе, что Дубенское сельское общество требует от ивановцев помощи, так как в село Дубенское Тигрицкой волости прибыл отряд казаков с требованием молодых солдат и казенных податей и начали драть плетями и рубить шашками и открыли по селу огонь (убито с казацкой стороны человек 15)... Дело опасное. Что делать? Если ивановцы не организуются с дубенскими, то будет ивановцам самосуд.

Подписали: председатель С. Фотин
Секретарь И. Егоров

КККМ. В/ф 8896/2. Л. 1—1об.

Томиловское сельское общество

28 октября 1918 года

Экстренно срочно в деревню Красносельскую. Препровождено с нарочным. Просят прийти на ско-

рейшую помощь и прибыть в село Дубенское (*далее идет пояснение, что случилось в Дубенском*).

Председатель Томиловского комитета Кузьма Ляма, секретарь Д. Штильке

Красносельскому сельскому обществу с нарочным

Произвести экстренную мобилизацию от 20—50 лет и 31 октября направить в Каратузский крестьянский штаб. Нежелающим ехать представить списки в Каратуз.

За председателя Бельский (?)

КККМ. О/ф 8896/3. Л. 1—1об.

Шириштыкский сельский комитет 28 октября 1918 года

Просит также Моторский сельский сход сообщить, какое решение вынесено в отношении помощи Дубенскому. Если моторские поедут, то и шириштыкские поедут.

Ответ.

Моторский комитет доносит, что моторцы решили дать помощь дубенским 29 ноября, в который будет откомандирован отряд.

КККМ. В/ф 8896/3. Л. 1—1об.

Верхне-Кужебарскому сельскому комитету

Шириштыкский сельский комитет доводит до сведения, что моторцы постановили идти на помощь всем от 18 до 55 лет. Для уклоняющихся установлен штраф в 500 рублей. Шириштыкский сельский комитет решил также всем идти от 18 до 55 лет, и будет сделано постановление о штрафе за уклонение (?).

КККМ. В/ф 8896/4. Л. 1—1об.

Тигрицкое общество

31 октября 1918 года

Тигрицкое общество сообщает Тесинскому, что Тигрицкое, Сагайское, Кужебарское, Григоровское (Григорьевка), Моторское, Шушенское, Ермаковское, Луговское выступили против казаков в Минусинске. Если в этих обществах еще нет организации, то просим организовать и немедленно двинуться к Минусинску. В случае если ваше общество не пожелает, то будет строго отвечать перед другими.

КККМ. В/ф 8896/5. Л. 1—1об.

Вид на Минусинск: на первом плане — западная площадь и депо Добровольно-пожарного общества. Фотография Н. В. Федорова. 1910-е гг.

Салбинскому сельскому комитету 31 октября 1918 года

Высылайте людей с оружием, на каждые 100 человек — 10, а 10 пусть будут готовы. Кроме сего, выслать делегата для волостного совещания на 3 ноября — Ивана Петровича Михеева для работы на телеграфе. Охрана нужна на Усинскую дорогу, откуда ожидается прибытие казаков.

Председатель Захаров

Донесение с нарочным Салбинскому сельскому комитету № 25

Каратузский военный штаб просит сообщить, повали ли телеграф на участке, если нет, то его необходимо порвать выше Григорьевки, дабы не было сообщения от Минусинска до Усинска.

Начальник штаба Горбунов

КККМ. В/ф. 8896/6. Л. 1—1об.

Обращение к гражданам села Каптерово (Каптыревское)

Дано сие от Главного штаба мобилизованной крестьянской армии для прочтения гражданам села Каптерова.

Движение наше вспыхнуло сперва от того, что казаки очень грубо и жестоко стали относиться к крестьянам, рубили шашками, били нагайками, наконец, обещали из 10 человек расстрелять 9 человек, как это было в с. Дубенском. Зная, что казаки за крестьянство никогда не шли, 300 лет стояли за царизм,

выжимали из крестьянина последние соки при помощи нагайки и, получив от июньского переворота власть в свои руки, снова пошли по старым стопам и ввиду того, что мы все-таки свободные граждане и что не вечно быть рабами под нагайкой казака, то все окружные деревни как один человек встали и собрали народные силы, чтобы свергнуть казачье иго навсегда. Поэтому казаков следует обезоружить основательно, как это сделано в селах Нижнего Сузтука и в Каратuze и других казачьих деревнях.

Кровопролития мы не желаем; когда соберутся силы, то пошлем парламентариев в Минусинск для мирных переговоров. Если они добром оружие не сложат, то надо все-таки принять какие-либо меры и обезоружить их и на место поставить своих представителей.

1 ноября 1918 года

Помощник командующего народной армией
Ощепков

КККМ. В/ф 8896/8. Л. 1—1об.

Моторскому военному штабу 1 ноября 1918 года

Черемушкинский крестьянский отряд выступил в поход на Минусинск и находится в М. Ничке с другими селениями с 31 октября.

Каратузский военный штаб 2 ноября высылает отряд в М. Ничку силою около 800 человек и сегодня высылает отряд в Григорьевку в 300 человек под командованием начальника Горбунова. Просьба:

экстренно отправить в Григорьевку настоящее распоряжение для немедленной мобилизации Григорьевской волости.

КККМ. В/ф 8896/9. Л. 1—1об.

Резолюция депутатов общего Григорьевского волостного собрания, состоявшегося

1 ноября 1918 года

Присутствовали: депутаты от селений Григорьевского, В.-Кибежского (Кебежского), Черемховского, Н.-Покровского, Саянского, Салбинского, Черниговского.

Общее собрание обсудило вопрос в отношении прошедшего столкновения дубенских и других крестьян с казаками. По обсуждению настоящего вопроса все единогласно вынесли нижеследующие резолюции. 1-е. Немедленно произвести организацию, созвать экстренный 8-й крестьянский съезд, который должен быть созван не позже 10 ноября. И на съезде выяснить ясно положение текущего момента в отношении столкновения казаков с крестьянами и другими. 2-е. Немедленно послать нарочных в соседнюю волость, например Ермаковскую, узнать, каково настроение населения, и совместно требовать созыва крестьянского съезда в указанный выше срок. 3-е. Просим Ермаковскую волость распространить нашу резолюцию для присоединения к нашему мнению в другие селения...

Подпись депутатов собрания, из них двое неграмотных, за которых расписались:

Василий Сафронов, Григорий Рылов, А. Лесков,
П. Комков, О. Онохин [...]

КККМ. В/ф 8896/12. Л. 1—1об.

Обращение к гражданам села Шушенского

1 ноября 1918 года

От имени народной армии военно-народный отдел Главного штаба немедленно просит вас организовать и выступить на сборный пункт в Александровский завод Даниловых на помощь народной армии для свержения казачества и собрать 8-й крестьянский съезд. Мобилизованные крестьяне должны брать с собой оружие, сколько окажется налицо; взять побольше для себя продуктов и проводников для отправки лошадей обратно. Просим прибывать без промедления... (*пропуск*) есть гибель общей пользы крестьянского дела. По прочтении настоящего содержания снять копию и экстренно, с нарочным, препроводить в Каптыреву и Вознесенку.

Члены штаба Ко(а)зымитин и Нейдер

КККМ. В/ф 8896/13. Л. 1—1об.

Каптыревскому сельскому обществу

2 ноября 1918 года

Шушенское сельское общество сим уведомляет граждан села Каптыревского, что выступление против властей на призыв дубенского общества улажено мирным путем. Лишь только 4 человека неблагонадежных лиц, вооруженных винтовками, хотели стрелять, но сразу, по распоряжению сейчас т. Рома (?), явившегося от армии, который при напоре нескольких храбрецов, бежавших куда неизвестно... О всем вышеприведенном уведомляем вас и просим не волноваться и не бунтовать народной массы.

Председатель Ежаков

КККМ. В/ф 8896/14. Л. 1—1об.

Салбинскому сельскому (бывшему) комитету

3 ноября 1918 года

Сейчас же мобилизуйте все оружие, а также и людей в возрасте от 17 до 55 лет; людей с оружием от каждых 100 человек — 20, сейчас же шлите с проводником на своих лошадях для занятия Усинского фронта, ибо ожидает опасность. Смена людей будет через полные двое суток, без езды. Посему, по списку, своевременно высылайте по 20 человек от каждых 100 человек с провизией и на своих лошадях. Затем, ввиду грозящей опасности, все население должно быть вооружено и наготове... По получении же нашего нарочного все мобилизованное население шлите сюда. Мобилизованное оружие шлите сюда с сим же нарочным. В своей деревне установите караулы и никого не пропускайте без осмотра и удостоверения личности.

Члены Григорьевского военного народного штаба Ив. Орлов, М. Пученко, В. Умых,
Н. Старовойтов, Цыберкин

КККМ. В/ф 8896/16. Л. 1—1об.

Резолюция

15 ноября рассматривалась резолюция Григорьевского волостного собрания в отношении текущего момента, где видно, что крестьяне Григорьевской волости также встали на защиту трудового угнетенного правительством и казаками крестьянства, а потому Ермаковский военный крестьянский штаб просит Григорьевской волости крестьян занять Усинский тракт и не пропускать по тракту на Ус ни конного, ни пешего. Также займите спешно фронт в отношении наступления казаков с нагайками, а также просит половину своего населения выслать в Даниловский завод, где (полегче?) фронт, уже более половины туда крестьян встали на защиту самих себя, а Минусинск уже окружен крестьянами. Ерма-

ковская волость выступила вся от 18 до 50 лет — все. Просим вас, товарищи крестьяне, откликнуться на наш призыв. Желаем счастья.

Члены штаба: Бейдин, Давыдкин,
Урванцев, Шульман

КККМ. В/ф 8896/29. Л. 1—1об.

**Главный штаб крестьянской армии. Покровка
16 ноября 1918 года № 8**

Кой-Перовскому сельскому комитету

Сообщаем, что казачья станица (Кой) в ночь с 15 на 16 ноября сдалась нам на мировых переговорах. Оружие сдали, но в малом количестве: казенных винтовок 27 штук, дробовых и винтовок 24 шт., револьверов 2 шт., шашек 2 шт., патронов винтовочных 300 шт. Ну, на это мы не решаемся и заявляем 5-часовой ультиматум, чтоб казаки выдавали имеющееся оружие. Притом же еще предписываем вам, чтоб остаток ваших людей пока не отправлять до нашего распоряжения никуда, так (как) вечером сего числа будут у нас сведения, а тогда и определим, куда вашему отряду двинуться.

Председатель штаба М. Соловьев

КККМ. В/ф 8896/30. Л. 1—1об.

**7 военно-революционный крестьянский
народный отряд**

20 ноября 1918 года № 3

**Кайтыревскому (Каптыревскому)
сельскому правлению**

Предписывает вам, штаб, ввиду поступившего извещения, в 4 часа утра 20 числа сего месяца от главного штаба, чтоб наш штаб № 7 следовал движению на указанный пункт в село Луговское со всеми военными силами. За исключением тех необходимостей, которые вменить в обязанность, и оставить каждому населению то количество людей (необходимое) для самоохранны... Затем назначается маршрут похода сегодняшнего числа: быть биваком в селе Кайтыревой (Каптыревой). А завтра, 21/8, до [...] быть в деревне Кое. Между этими должна быть связь с отрядом, идущим по левой стороне реки Енисея в Кой, так как наш отряд будет следовать 20-го до Каптыревой, и завтрашнего 21-го числа — биваком в Кое.

Председатель штаба М. Соловьев

*По верхнему краю помета: получен 20 ноября
1918 года в 12 часов дня.*

КККМ. В/ф 8895/3. Л. 1—1об.

**Воззвание к крестьянам Курганского
сельского общества**

Товарищи крестьяне Курганского сельского общества! Крестьянское восстание против казацкого

засилья весьма велико, и вокруг города уже стеклись большие отряды, за исключением некоторых сел. Отрядами заполнены обеи Нички, обеи Ини, а также стоят большие отряды в Луговке и Городке. Все отряды в боевом виде и готовы к восстанию, и все с большой готовностью ожидают выступления, но никому не хочется, чтоб понапрасну лилась крестьянская кровь, потому будут вестись мирные переговоры.

Все выступившие отряды крестьянские думают, что и вы, товарищи крестьяне, тоже примкнете к отрядам крестьян, а не к господам-начальникам казак. Военный штаб № 2, находящийся в Б. Кое, просит от себя сейчас же с нарочным сообщить о вашем решении, т.е. о вашей готовности к выступлению, и сейчас же делегировать от отряда в штаб одного человека для совместной работы, а также одного человека для связи вашего отряда со штабом...

За начальника штаба Власов

КККМ. В/ф 8896/41 Л. 1—1об.

ЖИЗНЬ И БОРЬБА РАБОЧИХ БЫВШЕГО ЗНАМЕНСКОГО СТЕКЛОЗАВОДА КРАСНОЯРСКОГО ОКРУГА. КАЗНЬ 13-ТИ (из воспоминаний одного из 13 подпольщиков, оставшегося после казни в живых, Гурского Флориана Павловича)

Гурский Флориан Павлович пишет воспоминания спустя 11 лет после своей казни. Был квалифицированным стекольным мастером, но за участие в 1914 году в экономической стачке (повышение зарплаты) был уволен вместе с другими рабочими. Начавшаяся Первая мировая война, мобилизация, заставила вернуть уволенных квалифицированных рабочих. В это время на заводе появился рабочий из Центральной России С.Ф. Кузнецов и политический ссыльный В.С. Векшин. Они и посветили автора в идеи партии РСДРП(б). В 1917 году на завод явились агитаторы и пропагандисты разных партий, которых Гурский ходил слушать, чтобы разобраться в текущем моменте. Сделать это было сложно, так как он был неграмотным, но успел исправить впоследствии этот недостаток.

Вскоре на заводе⁵⁵ появился Боград, который разъяснял рабочим цели, задачу, программу партии боль-

шевиков. Автору воспоминаний в то время 22 года. **Л. 1** На работе собирались группы единомышленников, «групповодом» одной из них стал Гурский, так как хорошо знал еще с детства рабочую среду завода. До октября 1917 года велась работа и в деревне.

Октябрь 1917 года хоть и дал свободу большевикам, но вскоре, весной 1918 года, чехи подняли восстание. В Знаменском заводе был организован красногвардейский отряд, который двинулся к Мариинску. После поражения Красной гвардии члены его были распущены (арестованные красногвардейцы с завода, находившиеся в Омской тюрьме, были взяты на поруки рабочих и начальника заводской милиции. — Т. К.). **Л. 2** На завод был прислан добровольческий отряд белой милиции, который арестовал видных большевиков: Кузнецова, Векшина, Суркова, Сорокина и др. Следом прибыл отряд чехов, которые произвели массовый арест по спискам, состав-

Современный вид Знаменского стеклоделательного завода. 2010-е гг.

Часы бывших владельцев завода Коноваловых. СПб. Фабрика Г. Мозера. Бронза, золочение, литье. I пол. XIX в.

ленным белой милицией: Е. Суродин, П. Мощинский, М. Ефремов, М. Зайцев, К. Шутов, М. Артемьев, В. Кожевников, А. Киклясов, в том числе и брат автора воспоминаний Михаил Гурский. Всего около пятидесяти человек. Подпольный комитет⁵⁶ выбрал представителей для переговоров с комендантом приехавшего отряда, загудели гудки на заводе, рабочие бросили станки. Не ожидая такого напора, чеки сделали вид, что пошли на уступки: отпустили рабочих, всех переписали и потребовали массового поручительства.

Все эти события показали необходимость организовать боевую единицу. Началась сборка оружия, которая была поручена Ф. Гурскому. Добывать оружие было крайне тяжело, хотя и были отпущены средства. Пришлось налаживать связи с деревней, которые станут опорными пунктами партизанского движения: Верхняя Еловка, Заледеево, Близневка, Малиновка, Ибрюль, Орловка. **Л. 3** Были случаи, когда крестьяне добровольно отдавали оружие. Однако доставлять его к месту склада было очень тяжело: по дорогам шныряли разъезды белых, а в самом заводе патрульные обыскивали и пешего, и конного. Гурский перетаскивал оружие частями, по тайге, ночами. До ближайшего потайного склада на открытой местности приходилось ползти и волоком тащить ношу. Иногда брал с собой надежных товарищей.

Повторные аресты и обыски дали понять, что многим нельзя оставаться на заводе. Было решено снабдить этих людей оружием и скрыть за пределами за-

вода. Ушли с завода 16 человек: Терещенко, Копылов, Мощинский Николай, Провознюк, Большукас, Михаил Гурский, Севастьянов. **Л. 4** Они и начали создавать партизанский отряд. Автора воспоминаний было решено оставить на заводе как знающего настроение рабочих завода и как связующего рабочих с соседними крестьянскими селами.

Отряд был детищем Знаменского завода. Туда доставлялось добытое оружие, направлялись будущие партизаны, в условных местах проходили и личные встречи. Слежка же на заводе усиливалась с каждым днем. Работа шла под конвоем, почти у каждого станка дежурил белогвардейский доброволец. Не разрешалось даже в обеденное время собираться в мелкие группки и разговаривать. Условными знаками люди научились сообщать друг другу о дне собрания, опасностях, поручениях. Многие стояли на учете милиции, о чем рабочие узнали во время получения пропусков. Оказалось, что администрация завода поделила всех на две категории: неблагонадежные и нейтральные. Первые получили красные карточки, вторые — серые. С первым пропуском нельзя было в течение дня выйти из цеха, приходилось в некоторых случаях пользоваться серыми карточками, чтобы выполнить какое-то поручение, собраться на заводе было невозможно. Всюду были нежелательные глаза и уши. Приходилось для общения устраивать вечерки с гармонью **Л. 5** и на завалинках, в сенях, на крыльце договариваться о дальнейшей работе.

Немалую услугу оказывала мать Ф. Гурского. Во время усиленной слежки 60-летняя старуха, зная все условленные места, пароль и участников, под видом сбора грибов и ягод заполняла корзинки тем, что требовалось для отряда. Выполняли поручения и некоторые девушки, подростки, как, например, Дуся Андреева. Партизанский отряд рос, в то время он насчитывал около сотни человек. Руководителями были Копылов, Мощинский Николай и Терещенко (первый погиб под Малиновкой, Терещенко в данный момент работает в Красноярске в железнодорожных мастерских, Мощинский — директор стеклозавода в Гусь-Хрустальном). Отряд оперировал в тайге между Ачинском и Красноярском, чаще всего в районе завода и деревень Малиновки, Орловки, Близневки и Ибрюль. Главной задачей отряда были набеги на железную дорогу, разрушение путей, подрыв мостов.

Приближение Красной армии осенью изменило обстановку. Усилились репрессии, участились налеты карателей. Была усилена бдительность подпольной организации, шла подготовка к вооруженному восстанию. О набегах карателей подпольщики предупреждались дня за два-три, так как там были свои

Рабочие Знаменского стеклоделательного завода. Нач. 1900-х гг.

люди. Получив известие, люди как горох раскатывались в разные стороны за пределы завода под видом охоты, покоса и т. д. **Л. 6**

Квалифицированный шпик, работавший на заводе слесарем, получил за каждую выданную голову большевика 75 рублей золотом. В ночь с 7 на 8 октября Гурский был арестован на своей квартире⁵⁷. Накануне он был на заимке, на собрании, находясь под впечатлением сообщений о красном фронте. В квартиру ворвались четверо с шашками наголо. Оделся во все старое, повели в монастырь (Знаменский женский монастырь. — Т. К.) в версте от завода, который всегда гостеприимно встречал карателей. По дороге мучила мысль, как предупредить товарищей, не подозревая, что одновременно с ним арестовали еще 12 товарищей. Поместили всех в монастырском подвале: темно, сыро, холодно. Только по голосам узнал подпольщиков. Стало ясно, захвачен почти весь подпольный комитет.

Ночь была ужасна для каждого. Вспомнилось, как связали, повели, как плакали матери, жены, дети. Как случилось, что Сенька Шумилов, свой заводской парень, разводил по квартирам, указывая адреса?

Утром вызвали и провели официальный допрос, а затем завели в маленькую комнату на втором этаже, куда едва вместились стоя, нечем было дышать. Позднее узнал, что родные приносили передачи, но каратели не передали. На требования поместить в другое помещение ответили: «Подождите, скоро будем организовывать». Наступил вечер. Слышались хлопанья дверей, шум, суматоха, готовились. **Л. 7** Комнату окружили каратели. Начали вызывать поодиночке в соседнюю комнату.

«Первого повели товарища Карнаева, которому было под 50 лет. Некоторое время мы слышали отрывки допроса, затем донесся отчаянный крик, переходящий в стоны. Нам стало ясно — налицо пытка. Это еще больше укрепило нашу волю, и, едва сдерживаясь от негодования, дожидались своей очереди. Первых (Карнаева, Мощинского Платона, Суродина и Свинцова) вызывали по списку, а потом крикнули „выходи любой!“, я пошел. Вижу — в смежной комнате, на полу, в общей груде, валяются окровавленные товарищи, издавая стоны. Больно сжалось сердце не от страха, нет! А от зверства карателей и ненависти к ним. При входе в комнату пыток бросились в глаза

Подпольщики Знаменского завода, казненные в октябре 1919 г. (единственный выживший — Ф.П. Гурский). С негатива. 1920-е гг. На снимке отсутствуют фотографии казненных подпольщиков Константина Шутова и А. Провознюка. Ф. П. Гурский в своем списке упоминает казненного К. Шутова в числе тринадцати, не упоминая А. Провознюка (хотя на памятнике последний указан).

лужи крови на полу и забрызганные кровью стены. Посреди комнаты, ближе к окнам, стоял стол, за которым с озверелыми, торжествующими лицами сидело человек десять золотопогонников и столько же стояло. На столе лежали бумаги, списки и орудия пыток: ножи, щипцы и много чего — то, чего я не рассмотрел. Не успел я войти, как со всех сторон закричали: „а, красная птица“, „беспроволочный телефон“, давая этим знать, что им известно, что я был связистом в партизанском отряде и организации. Первым вопросом было: „Где твой брат-большевик?“ (Мой брат Михаил был в это время в партизанском отряде.)

Со всех сторон посыпались как град вопросы, велика ли ваша организация, кто в нее входит, где находится партизанский отряд и какова его численность. Получив от меня ответ „не знаю“, начальник карательного отряда крикнул: „Говори, а то ведь мы просить умеем, все равно скажешь! Снимай одежду,

ложись на скамью или говорить будешь?“ Я был непоколебим. Тогда один из них подбежал, быстро сорвал с меня верхнюю одежду, а другие свалили меня на скамью, специально приготовленную для порки, началась порка в четыре плетки, причем один палач сел мне на ноги, а другой — на плечо и шею. Палачи были специалисты своего дела, били умеючи, а чтобы не лопалась кожа, покрывали ее мокрой тряпкой, но и мы умели терпеть. Как огнем жгли плети, первые 30—35 плетей я терпел, затем чувствую, что теряю сознание, все пошло кругом, в глазах темнеет, адская боль разливается и охватывает все тело; собрался и силой скинул с себя сидевших на мне палачей. Возмущенные палачи начали хлестать по чем попало, свалили на пол, топтали ногами, били, мучили, и все это сопровождалось ужаснейшей бранью. Опомился я уже на окровавленной груди, вместе со своими товарищами. Допросив всех, каратели устроили

себе отдых в виде попойки. До нашего уха долетели тосты: „Да здравствует адмирал Колчак и его верные воины. Ура! Ура!“ Много было у них шума, веселья и разговоров. Запомнилось мне, как они похвалялись друг перед другом в своей виртуозности в отношении пыток.

Одни охрипшими голосами кричали: „Что это, от двадцати пяти плеток раскисли, вот мы били одного большевика в Иркутске, так тот двести плетей вытерпел, не ахнул. Так ведь мерзавца и засекли, а это что, зеленые еще“. Гуляли каратели, пили. Хмель дурманил их, а жажда крови усиливалась. Начался новый допрос (третий по счету), сопровождавшийся более тяжелыми пытками, чем плети. Палачи озверели окончательно, мучили и издевались, как хотели. **Л. 8** Так, например, Посяковскому вывернули суставы рук, Суркову за упорное молчание отрезали язык, Мощинскому Платону выдергали ногти, другим запускали под ногти булавки, отрезали носы, уши. Когда очередь дошла до меня, начали вновь допрашивать и, на мое упорное молчание, сначала били шомполами по голове, приговаривая: „Скажешь, сволочь красная, или нет? На же тебе!“ И вновь шомполы впивались в измученное тело, и когда они видели, что я слабел, терял силы и сознание, садили на табуретку, поили водой и предлагали „по-добру“ во всем сознаться. На мой ответ „я ничего не знаю“ один палач подскочил со щипцами, другие захватили руками голову и зажали, как тисками, и палач начал выламывать и выдергивать зубы (я потерял на пытке семь зубов). Я свалился, не помня себя от боли, захлебываясь кровью. По-видимому, я кричал, припоминаю смутно, что мне один из них затыкал рот какой-то тряпкой, приговаривая: „Покушай, красная собака, авось подавишься“.

Так перебрали всех. Я вновь на груди окровавленных тел, где стоял стон и невнятные отрывистые слова, выражающие муку. Слышал рапорт: „Пора, господин начальник!“ „Пора, так начинайте“, — последовало приказание. И вот начали нас поднимать, связывать руки и уводить по паре к приготовленной яме, в полуверсте от дома пыток. Смутно помню, как меня подняли, вывернули назад руки, перевязали их ремнем, заставляя разорвать его или выдернуть руки. Я едва стоял на ногах и бездействовал. Подвели меня к третьей паре вместе с товарищем Волковым Галактионом. Выводя из дома пыток, нас проводили через конвойную цепь (строй), и каждый из них (а их было около сотни человек) старался причинить физическую или моральную боль, как то: плевали, били прикладами, толкали, ругали. Я думал, что после строя от меня ничего не останется.

Самочувствие было какое-то неопределенное: все ныло. Все болело, кругом текла кровь, в глазах темнело, в голове, в ушах — шум, и думалось: лишь бы скорее конец. Вырваться, бежать не было и мысли: впереди штык, с боку наган, с другого — шашка наголо, сзади винтовка. Во время пути к яме сознание временами прояснялось, и я был уверен, что палачи попользуются только тем, что уничтожат нас, тринадцать, а остальные будут продолжать свое рабочее дело за освобождение трудящихся, это меня ободряло и успокаивало.

Была темная, но звездная осенняя ночь. Меня с товарищем Волковым привели к месту казни. Яма была готова. В ней уже лежало четыре товарища, от которых шел еще пар. Запах крови был настолько силен, что я и потом долго не мог забыть его. Под ногами шлепала кровь. Сознание было затуманено и только временами на миг прояснялось. Неизбежность смерти была ясна. Хотелось скорее расщелкаться с жизнью... На моих глазах пьяные палачи снесли голову товарищу Волкову и рубили его обезглавленного. Покончив с ним, принялись за меня. Поставив меня на край ямы, каждому из них хотелось показать удаль в умении и с первого удара снести голову (как у товарища Волкова). Дело доходило чуть не до драки, отталкивали друг друга от меня, отстраняли удар занесшейся шашки, в воздухе **Л. 9** разносился ляг шашек; ругаясь по адресу большевиков, меня каждый тянул к себе (их было четыре палача и два конвоира). То подведут к яме, то отведут, то поставят на колени, дуло револьвера в рот, требуя сказать им напоследок что-нибудь. Замахнувшись шашкой, вдруг проводят тупым концом по моей шее или животу; словом, нет возможности передать всего, что творилось в тот момент вокруг меня: словами не выразить того, что я пережил. Один из палачей, до этого больше всех размахивавший шашкой, нанес мне удар по шее сзади.

Как громом пришибло меня, из глаз посыпались искры, все завертелось, закружилось, я, ошеломленный, обессиленный, но еще живой, свалился в яму (а удар-то, как я догадался после, ошибочно нанесен тупиком, поэтому-то разреза не получилось, а была только сильная травма с опухолью и кровоподтеками, удар был рассчитан, конечно, на снесение головы). Упал я не на дно ямы, так как подо мною было пять товарищей зарубленных, и голова моя оказалась у края ямы на насыпи. Я полуоткрыл глаза и вижу, что палач, сомневаясь в том, что мое тело стало трупом, тем более что голова не отлетела, намеревался снова нанести удар (а в это время палачи стояли в стороне и расценивали сапоги, снятые с товарища Волкова). Я, по-видимому, инстинктивно прижал подбородок к шее. И последний удар шашки вонзился в кость

нижней челюсти. Горячая кровь брызнула фонтаном, обожгла меня. Подбородок раздвоился, следующие два удара высекли клин из челюсти. И только после сильного удара шашкой в грудь окончательно сполз в яму.

Как сон помню, что один из карателей сомневался, зарубил ли меня, и, чтобы не было сомнений, каратели начали наказывать меня уже в яме; некоторое время слышался лязг штыков и шашек, вонзавшихся в трупы, часть попадали и в меня, но удачно (для меня) угодили в ребра, и, кроме вырезанных ленточек мяса и прокола бедра штыком, ничего не получилось; были и выстрелы, так как у меня оказалось огнестрельное ранение в колено (всего я получил десять ран: семь сабельных, две штыковых и одну огнестрельную, не считая ран, полученных при пытке, и семь выдернутых зубов).

Наконец палачи убедились, что убили меня, и пошли за новой жертвой. Сколько времени я пролежал в яме, не знаю. Какое-то странное, непонятное чувство охватило меня, когда я раскрыл глаза и увидел небо, усеянное звездами. Ночные птицы, почуяв кровь, то залетали, то испуганно вылетали обратно из ямы. Плохо соображая, я попытался пошевелить ногами. Не верилось, что я жив. Из подбородка и других ран текла кровь, казалось, что голова отделяется от туловища.

Выбраться, бежать — мелькнуло в голове. Но сил нет, отчаянная боль, связанные руки. Жажда жизни и мести взяла свое. С невероятными усилиями, не теряя сознания, я выкарабкался из ямы. Куда идти, трудно понять. Пошел наугад, не соображая ничего. И оказывается, я шел дорогой, по которой вели на казнь. Опомился лишь тогда, когда увидел в темноте монастырские ворота и светящийся огонек в окнах дома пыток. **Л. 10**

Как-то инстинктивно покачнулся в сторону и лег в канаве тракта, где оказалась холодная, липкая, какая-то жгучая грязь. Ждал окрика часовых. Молчание. Зловещая тишина вокруг. Я тихонько пополз в глубь ельника. Была мысль пробраться в бывший партизанский штаб на Каменке (среди утесов, между двух рек Кач), куда приходили партизаны для связи с заводом. Так я и пошел. Нужно было пройти две речки — Листвянку и Качу. Первую я прошел хорошо. Подхожу к Каче, речка разгулялась, бушует, все равно пошел вброд, вода доходила до пояса, прошел ее.

И вот я в глухой тайге, хоть глаза выколи, ничего не видно, да к тому же начали преследовать галлюцинации зрения и слуха. В каждой сосне, в каждом кустике я видел искаженное злобой лицо палача с замахнувшейся шашкой, или видел дуло нагана, штык, или еще что-либо в этом роде; кроме того, слышался

мне конский топот, гиканье и ругань карателей: „Лови, руби, стреляй!“ В ужасе шарахался я в сторону, попадая в ямы (а их в тайге много на каждом шагу), или ударялся об лесину, причиняя этим еще большую боль. Я потерял всякую ориентировку в направлении, шел все дальше, не сознавая куда, ожидая все время погони (в действительности погоня была, это я узнал впоследствии от местных жителей, особенно хорошо и подробно мне потом рассказывал об этом рабочий Протасевич, который в то время работал по найму в монастыре и жил в одном дворе с домом пыток), сейчас он тоже живет в заводе. Когда палачи стали подсчитывать жертвы, недосчитались одного, доложили начальнику, и тот, разъяренный, возмущенный, забыв о сдержанности в таких делах, кричал на своих: „Живо на коней! В погоню, найдите мне живого или мертвого! Расстреляю и вас, если не догоните!“ Погоня состоялась, но не в ту сторону, куда я ушел.

Тем временем я, сам не сознавая как, забрался на Веселую гору (так называлась та местность), откуда были видны огни на заводе. И понял я, что находился в тылу у белых и хотя и вблизи от партизанского штаба, но меня разделяли с ним огромные, неприступные скалы, где днем здоровому и то трудно пробраться, а мне, изнемогающему, нечего было и думать. Все равно сорвался бы с утеса и погиб. Я решил пойти на заимку Зябкова (она называлась Бабарыкиной). Зябков знал меня с детства, бывал в нашей семье, и я надеялся получить хоть какую-нибудь помощь. Пришлось идти горою (по Ситику, так называется это место). Подходя к заимке, я окончательно обессилел от потери крови и физической боли в ранах, тем более что связанные назад руки отекали и не давали мне ходу. На заимке оказалось восемь человек крестьян из деревни Малый Кемчуг. Я, едва шевеля распухшим языком и расколотой челюстью, умолял их оказать помощь, хотя бы развязать руки. Мой окровавленный, измученный вид так их перепугал, что они в ужасе просили меня уйти скорее, говоря: „Сам погиб и нас погубишь, уходи, уходи“.

Один из Зябковых, несмотря на убеждения своих товарищей, развязал мне руки (за что я ему очень благодарен). Этот, казалось бы, маленький факт для меня был в тот момент решающим, так как со связанными руками я не мог уже совсем двигаться, **Л. 11** а мне нужно было до света найти приют. От заимки побрел я в деревню Сухую к крестьянину Язвинскому, он меня хорошо знал, сочувственно относился к большевикам, и он в чем-то нам помогал (сейчас он жив, живет в д. Сухой Красноярского округа).

Брезжил рассвет, когда я подходил к домику Язвинского, здесь я получил первую помощь. Вылезлась

И. М. Мощинский, секретарь подпольного комитета на Знаменском заводе. 1950-е гг.

она в том, что раны мои были обложены капустными листьями и перевязаны кое-какими тряпками; одели в доху, пимы (я был босиком, в изорванном окровавленном нижнем белье) и свели в стог соломы, находящийся в версте от дома. Кошмары мучили меня, и долго я не мог уснуть — наконец заснул тревожным сном. Вечером пришел ко мне Язвинский, принес хлеба и воды (больше у него самого ничего не было). При всем желании есть я не мог: лицо все распухло, затекло, рот с нижней челюстью представлял сплошную зияющую рану, язык распух, оставшиеся зубы шатались, готовые выпасть каждую минуту из своих ячеек. Пробовал пить воду, засунув в рот глубоко бутылку, но вода почти вся выливалась обратно.

Наступил второй, третий и четвертый день, Язвинский не появлялся. Состояние было тяжелое: раны болели, начали гноиться, физических сил не было даже встать, изнемогал от жажды. Но понимал, что если Язвинский не приходит, значит, что-нибудь неладно. Я не ошибся, как после узнал, в это время в деревне остановился новый отряд карателей (тот уехал на другой день казни), направляющийся на за-

вод для ареста еще 70 человек. Рабочие были предупреждены, и все, кто считал себя возможным попасть под арест, ушли с завода кто куда.

Мой брат Теофил, под предлогом искать будто бы пропавших лошадей, направился тайгою в деревню Сухую, к Язвинскому. Не подозревая, что встретит меня тут, так как на заводе считали всех нас погибшими. Каково же было удивление брата, когда Язвинский сказал, что у него я в стоге уже четыре дня, но не ручается, что я живой, так как не был у меня трое суток.

Дождавшись вечера, брат вместе с Язвинским пришел ко мне. Я был в полузабытьи, но узнал их и просил куда-нибудь убрать меня, иначе я все равно погибну. Решили перевести меня в деревню Верхнюю Еловку (15 км от Сухой) к товарищу Волыни, члену нашей организации. Не откладывая дела, сразу этим же вечером пошли в Еловку, частично шел сам с помощью палки, а частично меня несли. Так к рассвету добрались мы до товарища Волыни, это было на шестой день после казни. Слух о казни 13 членов подпольного комитета дошел и до товарища Волыни, и он узнал уже, что я казнен в числе тринадцати, и, когда мы к нему стучались в дверь, называя себя, он долго не хотел открывать, не веря, что это я, тем более что голосу меня изменился, а брата он не знал хорошо и считал, что это какая-нибудь провокация с целью выявления. Он упорно говорил из-за двери: „Никаких я Гурских не знаю и ночью никого не пущу“ — и после того, когда я сказал нам обоим только (как членам организации) знакомое слово (пароль), он убедился и быстро впустил.

Тут мне впервые, по возможности, обмыли раны, наложили свежие перевязки, накормили, переодели и отнесли на чердак. **Л. 12** В доме оставаться было рискованно, брат же поспешил на завод уведомить родных и некоторых членов организации, оставшихся в заводе, и сообщая придумать что-либо для моего спасения. Первое, что они сделали, — послали мою сестренку, девочку, как менее возбуждающую подозрение, с йодом и бинтами, последние хранились у меня в квартире для нужд организации. Затем решили пока оставить меня у товарища Волыни, так как в заводе очень беспокойно вследствие частых арестов, да и трудно было в завод пробраться незамеченному.

Приближался ноябрь, заморозки давали себя чувствовать. Надо было переключиваться в другие места, тем более что, в связи с вспыхнувшим восстанием партизан в Тасеевском районе, в деревню Верх(нюю) Еловку ожидалось прибытие отряда, — тем более что был слух о раскрытии всей организации и о расстреле еще 72 человек, все это заставило меня пойти

Ф. П. Гурский. 1965 г.

к товарищу Язвинскому, от которого можно было получить хоть какие-то сведения, так как он бывал на заводе. Я учитывал опасность пути, так как я знал, что на протяжении 15 верст были на дорогах заставы белых. Это было на семнадцатый день после казни. Захватив с собой немного хлеба, бутылку воды, коробок спичек и палку, без которой не мог передвигаться, я пошел тайгою, ориентируясь только направлением на деревню Сухую, где жил Язвинский, но на этот раз недружелюбно приняла меня тайга.

Была темная осенняя ночь, и я, сбившись с пути, попал в болотистые места; проблудив целую ночь и измокнув, я был вынужден возвратиться обратно. Но все же через четыре дня я добрался к товарищу Язвинскому, который принял меня и поместил в тот же стог соломы, в котором я был в первые дни после казни. Он обещал мне уведомить родных, но в ближайшие же дни ему это не удалось, так как через деревню проезжали белые и у него, как у десятского (выборное должностное лицо из крестьян в деревне, нижний полицейский чин. — Т. К.), было много возни с ними. То подводки наряжать, то — то, то другое. Кроме

того, и в заводе было тоже беспокойно, и приезжать в семью Гурских было тоже небезопасно, так как семьи погибших тринадцати были под особой слежкой. Так я прожил в стог соломы около трех недель. Силы изменяли мне, от голодовки суставы распухли, мучил холод, неперевязанные раны не заживали. Голод доводил до того, что я вылущивал из необмолоченных колосьев зерна и питался ими.

Наконец Язвинскому удалось пробраться на завод и уведомить родных, что я нахожусь у него в стог соломы. Мать начала готовить для меня потайник: был выбран слой кирпичей между стеной и печкой, таким образом, была сделана **Л. 13** (далее текст рукописи утрачен, конец воспоминаний печатается по воспоминаниям Ф. Гурского «Казнь тринадцати», опубликованным с небольшим сокращением в журнале «Енисей», литературно-художественном альманахе Красноярского отделения Союза писателей за 1957 г., кн. 20; текст отредактирован. — Т. К.) ниша, в которой мог поместиться человек лежа. Сверху потайник закрывался досками вроде полатей, на которые положили для маскировки разные вещи.

На семейном совете с участием Петра Баранова, Севастьянова Иосифа, Архипова Ивана и Ефремова Михаила — членов нашей организации, было решено доставить меня на завод в возе соломы. Отец и мать пробрались к Язвинскому, договорились о дне и часе приезда.

Жена Язвинского взялась доставить этот воз на завод. В назначенный день, с утра, члены организации, знавшие о моем приезде, дежурили в поселке.

Благополучно добравшись до завода, Язвинская заметила разъезд белых и так испугалась, что свернула в противоположную сторону и только потом спохватилась, подъехала к дому моего брата. Соседи вышли смотреть „покупку“, чем очень осложнили дело. Наконец брат догадался, подогнал подводу к стайке, поднял за грядку воз и опрокинул в стайку. Я вывалился вместе с соломой, никем не замеченный. Поздно вечером товарищи перенесли меня на мою квартиру. Мать обмыла раны, смазала йодом и перевязала их. Сразу почувствовал облегчение. Напившись чая, я крепко уснул». **Л. 14**

«Красную армию ждали со дня на день. Пришла радостная весть о занятии Омска и быстром продвижении красных войск. Рабочие воспряли духом.

Белые в панике отступали. Последние две недели поселок завода был наводнен отступающими колчаковцами. Рабочие, вооружившись, уничтожали врагов; стреляли из-за угла, с крыш. 7 января я узнал, что красноармейские части находятся в ше-

Памятник на могиле 13 подпольщикам пос. Знаменского. Установлен в 1927 г., в десятилетний юбилей Октябрьской революции 1917 г.

сти-восьми верстах от поселка. Не выдержал и пошел встречать своих. На меня никто не обращал внимания, не до этого было. Рабочие бежали навстречу Красной армии, вылавливали прятавшихся колчаковцев, а те, чтобы не быть узанными, срывали с себя погоны, бросали оружие, забегали в квартиры, предлагая золото и ценности **С. 202** за свое спасение. Но это их не спасло. Подойдя к монастырю, я увидел на тракте стычку рабочих с белыми и принял участие в ней. Потом пошел дальше, вижу: скачет разведка красных, развеивает алое знамя. Охватившая меня радость была неопишима, слезы невольно покатились из глаз.

В трех верстах от завода я встретился с пулеметчиками славной 5-й армии, с которыми и приехал на завод. Рабочие с восторгом встречали красные войска. Каково же было их удивление, когда на первой подводе они увидели меня, которого считали погибшим.

В моей квартире временно остановился штаб 5-й армии. Могилу казненных подпольщиков раскопали и останки павших с почестями похоронили на площади. Спустя некоторое время рабочие завода воздвигли памятник славным борцам революции. На нем были высечены имена погибших: П. Копы-

лова, М. Карнаева, И. Баранова, Н. Суркова, П. Суродина, П. Томсона, П. Мощинского, А. Пасиковского, Г. Волкова, А. Свицерского, М. Свинцова, Н. Шутова, Ф. Гурского (оставшегося после казни в живых). Завод из Знаменского переименовали в Памяти 13 Борцов. Улицы в поселке названы именами погибших героев.

На второй день после прихода красных войск в поселке был создан Военно-революционный комитет. Я был избран членом комитета. И снова работа, напряженная, полная творческой энергии, работа по становлению и укреплению родной Советской власти. Сейчас я в преклонных годах, но всю свою силу, опыт и знания отдаю строительству коммунизма в нашей стране». **С. 203**

КККМ. О/ф 4415. Жизнь и борьба рабочих бывшего Знаменского стеклозавода Красноярского округа. Казнь 13-ти. 1950-е гг. Л. 1—14. Рукопись.

А. ПОЛЕТАЕВ. ВОСПОМИНАНИЯ О КАРАТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ БЕЛЫХ В ИЮНЕ 1919 ГОДА «ЗАБЫТАЯ МОГИЛА»

В 150 верстах от Канска, в северной части округа, находится небольшая деревня Пронино Тасеевского района, куда при отступлении партизанских отрядов с села Тасеева в глушь тайги посетил эту глухую деревушку карательный отряд колчаковской реакции во главе с капитаном Юдиным.

Дело было утром 22 июня 1919 года. Деревушка эта расположена в глухом лесу, и, когда все мужики этой деревни собрались на сельском собрании, которое было собрано по случаю подачи подвод для белых и обсуждения требования белых о доставке 30 пудов печеного хлеба, в это время из-за угла улицы выезжает отряд в числе 40 человек всадников во главе с карателем Юдиным. Когда окружили собрание и стали выстраивать в шеренгу всех мужиков, за исключением старых, которых насчитали 27 человек, выстроенных перед собранием. Потом приказал капитан Юдин выгнать на площадь коров и лошадей всем построенным товарищам, где было выгнано 58 коров и 62 лошади, весь этот скот и 27 человек были направлены под конвоем в село Фаначет, где был расположен штаб белых.

Сам каратель Юдин с частью оставшихся белоармейцев стал делать поголовный обыск, а после обыска стали зажигать деревню со всех концов, но при обыске их солдаты забежали в лучший дом (Грибалева Ивана), в котором, как видно, хотели поживиться, а другие сразу же этот дом зажгли; огонь быстро охватил дом, и обыскиваемые еле успели выбежать через окно, оставив некоторое количество (рассыпанных) своих патронов. Когда в огне их патроны стали рваться, они подумали, что кто-то стреляет в них; сразу же рассыпались около речки в цепь. Но видя, что никого нет, их горнист сыграл сбор, и уехали последние каратели в село Фаначет, успели только сжечь 13 домов со всеми надворными постройками.

По прибытии в Фаначет арестованные 27 человек были посажены в баню, которая была предназначена для каталажки, но спустя несколько часов из числа 27 человек 7 человек вывели и расстреляли; потом, на следующее утро, 23 июня того года, вывели еще 7 человек (выбрав молодых на вид) — и этих расстреляли. В 12 часов дня 23 июня того же 1919 года по чьему-то распоряжению на остальных 14 человек арестованных поступает распоряжение об освобождении с применением наказания — по 50 ударов плетей или шомполов. Которых вывели из каталажки-бани, приказали снять штаны и ложиться по три шага

друг от друга, где уже было приготовлено по два человека их солдат и расставлены один с шомполом, другой с плеткой. После этих ударов некоторые были в обморочном состоянии. Потом комендант приказал освобожденных напоить водой и отпустить. Спустя два дня белые получили на реке Кайтым, в тайге, поражение и через эту же деревню Пронино везли своих раненых на 96 подводах, по два человека на каждой; остановились в деревне, стали требовать для раненых молока, но получили ответ, что белые весь скот забрали, деревню сожгли, откуда будет молоко; тогда сопровождавший раненых фельдшер скомандовал следовать дальше почти без остановки, по направлению к Канску.

Но спустя еще сутки уже белых не стало видно в этой деревне, а через два-три дня с неудачей отступили, и больше дожигать деревню Пронино, как они обещали, не удалось, а также и другие таежные деревушки. 29 июня 1919 года, после отступления белых, жители деревни Пронино отправляются в село Фаначет, где были расстреляны их лучшие товарищи в числе 13 человек, отыскивают их, отрыли и привезли в деревню, где сделали им гробы, похоронили в одну братскую могилу, которая в настоящее время как будто всеми забыта, за исключением тех оставшихся вдов и детишек, иногда заглянут на эту братскую могилу...

Так погибли от руки белых палачей следующие товарищи: 1. Шаюнов Борис, 2. Шаюнов Иван, 3. Грибалева Михаил, 4. Грибалева Петр, 5. Полетаев Кузьма, 6. Матюшенко Емельян, 7. Китов Николай, 8. Зарембо Устин, 9. Клюков Иван, 10. Клюков Григорий, 11. Шмаров Тимофей, 12. Павлов Яков и 13. Юринов Максим.

Бывший партизан А. Полетаев, проживающий в Канске. 1/IV 1927 года Л. 1—2

КККМ. О/ф 3283/171. «Забытая могила». Канск. 1927 г. Л. 1—2. Рукопись.

Копия с документа из Музея Революции СССР.

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО КРАСНОГВАРДЕЙЦА ПОДЪЯПОЛЬСКОГО ДМИТРИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА

С 30 рублями поехал в Сибирь. Долго ехал, шел пешком, останавливался, чтобы подзаработать денег, — и в дорогу. Часто голодал, украдкой ехал в вагонах. В Красноярске работы не нашел, в Минусинске тоже. Работал у хакасов, прилично приоделся, устроился в Минусинске в магазин Смирнова⁵⁸, где проработал до отправки на войну. Еще в 1908 году вступил в члены профсоюза торговых служащих. **Л. 2** Вошел в нелегальный кружок, которым руководили тт. Голубков и Сафьянов.

Находясь на войне, агитировал солдат против нее. Революция 1917 года застала Д.Г. Подъяпольского в Ачинске, где был образован Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Его запасной полк вышел на демонстрацию и митинг. Полк избрал Подъяпольского в полковой комитет. **Л. 3** В феврале 1918 года демобилизовался и приехал в Минусинск, где был создан Совет рабочих, солдатских, казачьих и крестьянских депутатов.

Руководил Советом т. Трегубенков, руководители Минусинской организации большевиков: председателем партийного комитета и членом исполкома являлся Плотников А. И.; т. Непомнящий П. Н. — руководитель Октябрьской революции и партийной организации большевиков; Пономарев А. Н. — комиссар Союза банков, первый советский судья и член партийного комитета Минусинской организации большевиков.

Лебедев Г. В. — член партийного комитета большевиков, член исполкома и военно-революционного штаба, командир вооруженными силами Минусинска; Бузулаев И. С. — комиссар Сибирского торгового банка и член финансового отдела Совета; Сафьянов И. Г. — член партийного комитета большевиков, член исполкома и военного штаба; Адашинская К. И. — активный участник Октябрьской революции, член рабоче-солдатской секции; Липинская К. А. — активная работница Союза трудовой молодежи; Гущик Зина — член Союза трудящейся молодежи, расстреляна в Красноярской тюрьме в 1919 году; Беспалых С. К. — председатель Совета русских колоний в Танну-Туве, убит в 1918 году кулаками; Терентьев М. М. — член Минусинского исполкома; Крюков Н. Г. — заведующий земельным отделом Совета русской колонии в Танну-Туве, убит в 1918 году кулаками.

Русин Т. И. — рабочий, член Совета, ушел с отрядом в Красноярск во время выступления чехов; Тульникова — секретарь Минусинского партийного комитета большевиков; Сафьянов Б. И. — председатель Союза трудящейся молодежи, убит колча-

Д. Г. Подъяпольский. 1916—1917 гг.

ковцами в 1919 году; Пузанов Д. А. — председатель ревтрибунала **Л. 4** Совета; Данилова П. Е. — член судебного отдела; Колеватов К. — член Союза трудовой молодежи, смертельно ранен казаками в 1918 году; Астанкова — активный член Союза трудящейся молодежи; Кулигин Я. И. — член административного отдела Совета, член Военно-революционного комитета; Шаповалов — член Военно-революционного комитета, живым закопан в землю кулаками в 1918 году; Герасимов Ф. А. — комиссар Алтайской народной экономики, зверски заколот казаками в 1918 году; Минько В. М. — кандидат в члены Совета, член отдела городского хозяйства, начальник одного из отрядов Красной гвардии; Базаркин А. П. — член Губернского продовольственного управления, начальник отряда Красной гвардии при военном штабе Советов; Рытов П. Я. — активный участник Октябрьской революции, красногвардеец, судья ревтрибунала; Кузнецов — ссыльнополитический, рабочий Морозовской фабрики, работал в судебном отделе, член партии с 1905 года; Преснецов — член Совета, начальник Красной гвардии; Гушин Е. — член Совета, красногвардеец; Кратюк — политкаторжанин, комиссар тюрьмы. Это только те, которых вспомнил Д. Г. Подъяпольский.

Г. В. Лебедев, член Минусинского исполкома. До 1917 г.

К. Е. Трегубенков, председатель Минусинского объединенного Совета. 1919—1920 гг.

В марте было получено сообщение, что из Красноярска в Минусинск выступил большой казачий отряд под командованием атамана Сотникова для свержения Минусинского Совдепа. Совдеп обратился с воззванием ко всем рабочим и крестьянам, что власть в опасности. **Л. 5** В Минусинск явились рабочие-красногвардейцы, черногорские шахтеры, железнодорожники Абакана, рудника «Юлия» и др. Военно-революционный штаб возглавил Г. В. Лебедев. В итоге Сотников был разоружен — и получена контрибуция⁵⁹.

В 1918 году, в мае или июне, была попытка среди бывших офицеров, городской буржуазии и казаков обезоружить красногвардейцев. Рано утром под командованием офицера Кушнарера было совершено нападение на казарму, завязался бой. Со стороны красногвардейцев погиб один человек, со стороны белых — шесть. Время было неспокойное. Вскоре дошли слухи, что чехи захватили железную дорогу и выступили против Советской власти. Тотчас же оживились все, кто был против нее. **Л. 6** В сельских советах было много убитых кулаками. Они срывали собрания, избивали депутатов.

Когда Минусинский Совет получил известие, что в Красноярске пала Советская власть, собрали за-

седание, на котором решалось, продолжать работу или сдать оружие. Решили сдать оружие, хотя многие не хотели. Представители контрреволюционного штаба белых дали честное слово, что будут гарантировать неприкосновенность личности советским работникам и красногвардейцам. Несмотря на предупреждение депутата Сафьянова не верить обещаниям, многие поверили. Сразу после сдачи оружия начались аресты. **Л. 7** Уже на второй день почти все были арестованы, избиты до неузнаваемости и посажены в тюрьму. В городе начались обыски, аресты, пьяные офицеры и казаки вламывались в квартиры.

Был арестован и Подъяпольский, посажен в тюрьму, где в камеру набили вместо 15 человек — 35—40. Затем его перевели в одиночку, где уже сидели двое человек. Сначала не выпускали на прогулку, затем после протеста стали выпускать на пять минут. Жаркое лето, теснота, темнота, отвратительный запах. В сентябре 1918 года отправили в Красноярскую тюрьму. Почти каждую ночь уводили из тюрьмы арестованных и расстреливали. В это время был расстрелян Яков Боград и многие другие. Перед отправкой из Красноярской тюрьмы было расстреляно 30 человек, среди которых были и минусинцы: Гущин, Зинаида Гущик,

И. Ф. Колбин, организатор небольшого отряда под Минусинском. 1940—1950-е гг.

Сафьянов Борис, Лаптев И. С.⁶⁰ В сентябре 1919 года арестованных эвакуировали на восток.

Когда вывели из тюремного двора, увидели, что на улице много народа пришло, чтобы проводить до станции. Конвоиров — пеших, конных — едва вместила улица. Всего заключенных было триста человек. Погрузили в «эшелон смерти» с забитыми окнами в вагонах и крепкими замками на дверях. По пути следования в разных городах встречали по-всякому. **Л. 8** В Иркутске рабочие-железнодорожники передали хлеб. После какой-то станции поезд встретил атамана Красильников. Пьяный, он хотел уничтожить весь эшелон, но начальник конвоя не допустил его и постарался скорее выбраться с этой станции. На станции Чита встретила банда атамана Семенова, которая ворвалась в вагоны и стала предлагать вступить в их банду, однако желающих не оказалось. Тогда они стали отбирать все, что было у заключенных: шинели, верхние рубашки, нижнее белье, сапоги, оставив людей почти нагишом, а затем исхлестали нагайками.

Ни в одном городе заключенных не принимали, как ни старался начальник конвоя. Продукты, которые выдавались, были в плесени, сухари кончились. Наконец приехали во Владивосток, где всех выгру-

зили и посадили на океанский пароход. Прожили недели две-три, и отправили обратно во Владивосток. Из Владивостока вновь вывели в местечко на берегу океана — Посъет⁶¹. Отсюда пешком погнали в место назначения. Шествие было неприглядное: утомленные, голодные, оборванные, грязные, босые, раздетые. Наконец добрались до Ново-Киевска, в небольшую деревеньку на корейской границе. **Л. 9**

Помещение — бывшая солдатская казарма с большими окнами, большинство стекол разбито, много непригодных печей; дров и топлива не было. Был ноябрь 1919 года, начались холода; все разуты, голодные. Несмотря на это, администрация выгоняла на исправление дорог. По казарме гулял ветер. Печи не топлены, пища соленая, в основном варили горбушу, хлеба мало, его съедали утром. Начались болезни и тиф. Насекомые буквально заедали. Каждый день выносили по три и больше трупов.

Подъяпольский работал санитаром и тоже заболел тифом. Все время лежал без памяти и не помнит, когда освободили. Очнувшись в одно утро, увидел женщин в белых халатах, людей. На столике около кровати стоял стакан молока и лежало лекарство. Это было в 1920 году. Освободили заключенных приморские красные партизаны, и часть арестованных, которые могли носить оружие, ушли с ними. Всех слабых перевезли из Ново-Киевска на Русский остров в госпиталь, где автор пролежал до мая, а затем переехал в военно-морской госпиталь во Владивосток. Партийные и профсоюзные организации снабдили документами и одеждой и отправили по железной дороге до Иркутска. Был оставлен в губернском комитете **Л. 10** в должности помощника (заведующего) оргинформационным отделом. В 1921 году вернулся в Минусинск. **Л. 11**

Бывший красногвардеец, член КПСС с 1918 года

Д. Г. Подъяпольский

Рассказ записал М. Д. Глазков **Л. 13**

КККМ. О/ф 3254/1. Воспоминания бывшего красногвардейца Подъяпольского Дмитрия Григорьевича. Л. 2—13. Машинопись.

ИВАНОВ ПАВЕЛ СТЕПАНОВИЧ. КРАТКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ ПРОЙДЕННОГО ПУТИ В ЖИЗНИ

В 1918 году в селе Шало Минусинского уезда была создана партийная ячейка из фронтовиков, налажена связь с Красноярской большевистской организацией. **Л. 1об.**

Тогда же в селе временно проживали большевики Филимонов Л.К. и Макушкин М.А., последний руководил подпольными заседаниями. **Л. 2** Были установлены связи с близлежащими деревнями и селами, с Красноярском. Группа верховой конницы партизан заняла деревни Кияй, Сосновку, Верхнюю Есауловку и вступила в крупное старожильческое село Шало близ станции Камарчага. Первым делом была проведена конфискация у крупных торговцев Мазилина И.И., Мазилина А.И., Малькова, Остратенко Д., Махнутина И.И., взяты в магазине товары, продовольствие, медикаменты, все это было отправлено в Степной Баджей. Двенадцать человек сели на лошадей и доставили все в село. **Л. 3**

Первое, что было сделано, — создали группу кавалерии при Канском полку для внезапных ночных налетов на колчаковские отряды. Возвратившись после доставки товаров в Шало, вместе с пехотой Канского полка под командованием Александрова заняли село. В ночь двинулись на село Семеновка Канского уезда, где стоял эскадрон гусар, который был уничтожен или пленен. Захватили оружие, патроны, гранаты, лошадей. **Л. 3об.** Иванов застрелил офицера и обрядился в его одежду, взял лошадь, бросив свое деревянное седло и шабур. Когда утром двинулись обратно в Шало, село уже было занято колчаковской пехотой и кавалерией с несколькими пулеметами, двумя орудиями и бомбометами. На Есаульской горе партизан встретил ураганный огонь, бой был принят, однако партизаны вынуждены были отступить и двинуться на село Перовское. Там тоже стоял карательный отряд пехоты. Партизаны во главе с Кравченко подошли с другой стороны, разбили отряд, взяв пулемет, винтовки, боеприпасы.

В селе Перовском Кравченко назначил Иванова П.С. командиром конной разведки 1-го Манского полка. Иванов выехал в полк в деревню Кияй, где был утвержден и одновременно избран членом полкового совета. **Л. 4** Конная разведка должна была совершать тыловые налеты на мелкие части белых, выявлять их расположение, расположение обходных путей, разрушение телефонной связи и железнодорожного полотна, мостов, доставлять срочно боеприпасы (далее идет перечень операций, в которых участвовал П.С. Иванов).

П.С. Иванов, конный разведчик Манского полка. 1919 г.

1. Участие во всех боях при наступлении колчаковской армии **Л. 4об.** со станции Камарчага на село Шало.

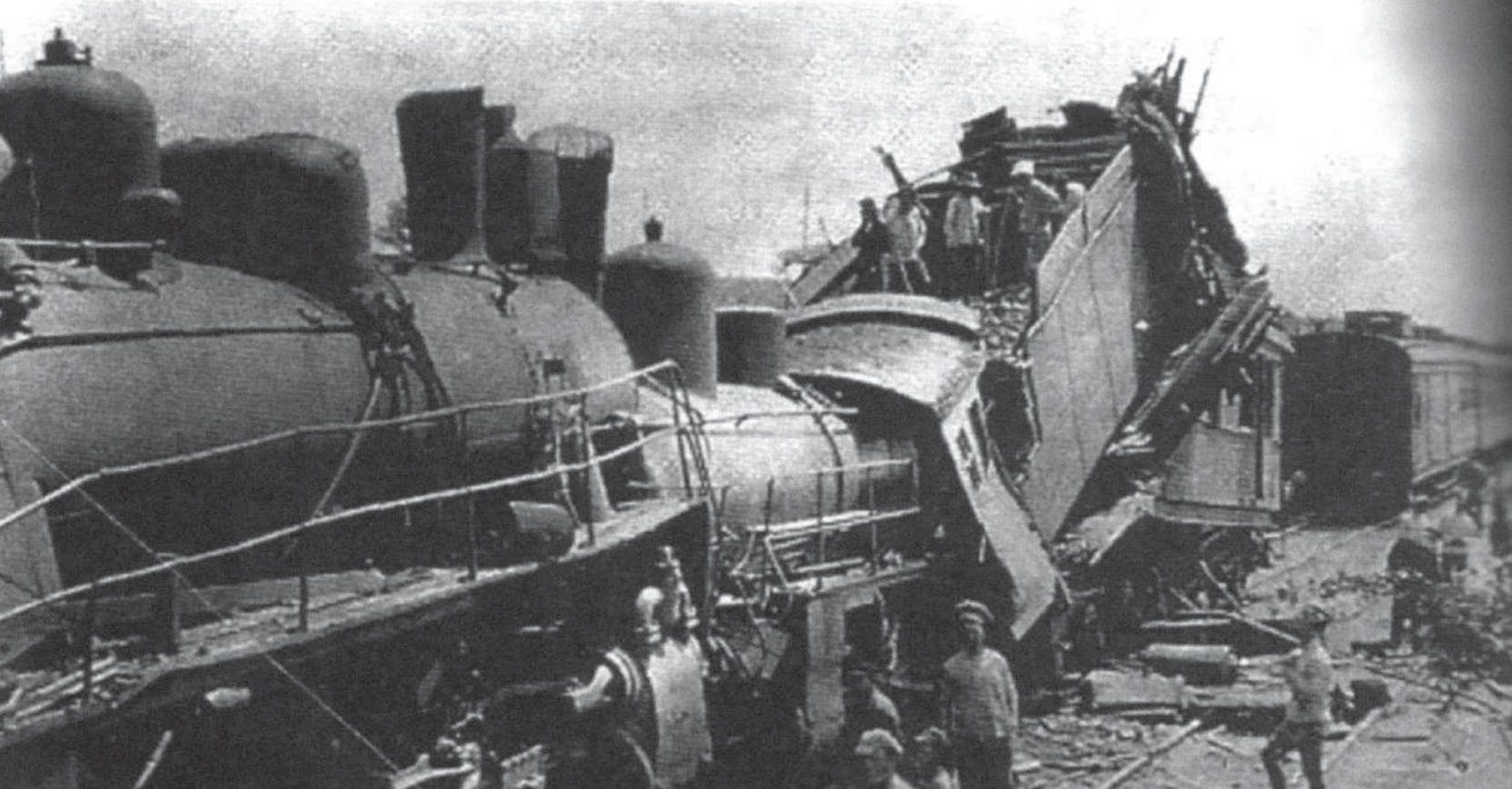
2. Глубокая тыловая разведка, налет на железнодорожный мост (Ситик) и взятие в плен охраны.

3. Разборка железнодорожного полотна между станциями Сорокино и Камарчага, спуск поезда и бой с охраной поезда.

4. Разборка железнодорожного полотна между станциями Камарчага и Белой, спуск состава, в котором было обнаружено много продуктов, доставленных в Степной Баджей.

5. Налет на село Семеновка и уничтожение гусарского эскадрона.

6. Занятие села Маганского близ Красноярска, уничтожение колчаковской части, стоящей в нем. С подходом бронепоезда из Красноярска — отступление. Убит разведчик Михаил Фокин. П.С. Иванов ускакал на окраину села, где была застава — 28 кол-

Взорванный партизанами мост на ст. Шарбыш. 3 мая 1919 г.

чаковских солдат. **Л. 5** Он крикнул, чтобы все сдавались, так как «ваши все побиты». Солдаты сдали 28 винтовок, подсумки с патронами. Все это унести было невозможно. Автор построил всех в затылок, приказал винтовки взять за ремень — за плечи и погнал всех в деревню Жарновку (перес. уч. Жарновский. — Т. К.), 12 верст от Маганска. На рассвете подошли к Жарновке, оказалось, что красная пехота ушла. За Ивановым погнались казаки, обстреливая на ходу, открыли огонь и пленные. Удалось уйти благополучно и увезти только подсумки. Автор винил себя в том, что не разрядил винтовки у арестованных.

7. В Шало прибыл Кравченко и дал П.С. Иванову задание провести разведку в деревнях Нижней Есауловке, Камарчаге и на станции Камарчага, узнать о расположении и численности колчаковских войк, есть ли на станции бронепоезд, орудия. **Л. 5об.** Было взято с собой 10 разведчиков, заняли деревню Нижнюю Есауловку, деревню Камарчагу, а сам направился на станцию. Не доехал метров пятьсот, как был открыт пулеметный огонь, выстрелы с бронепоезда. Разведчики вынуждены были уйти в деревню Нижнюю Есауловку (станция). Между тем со станции двинулись цепи пехоты. В Шало были направлены два разведчика с письмом к Кравченко, чтобы отправил подкрепление в деревню Нижнюю Еловку. Кравченко подмогу не дал, заявив, что Иванову не было распоряжения принимать бой. С подходом цепей белых к деревне разведчик разбил

по одному бойцу на квартал, сам с двумя товарищами вышел на окраину, заложили доску в привод молотилки, и затрещал «дощатый» пулемет. Цепи дважды отступали и наступали, но были отбиты. Белые решили окружить деревню, что было замечено разведчиками. Не имея помощи, люди сели на лошадей и уехали в Шало. Белые, вступив в Нижнюю Есауловку, собрали мужиков и стали расспрашивать, сколько было красных. Мужики сказали правду: **Л. 6** красных приехало 11 человек, двое уехали по направлению к Шало, осталось девять верховых. Белые заявили, что это все вранье, у красных был пулемет и стрельбу они вели со всех кварталов. Мужики белых убедить не смогли. Заявив, что красным помогало население, арестовали 60 человек и увезли в Канск на расправу. Когда разведчики прибыли в Шало, Иванову сильно попало от Кравченко, который заявил, что если бы погиб хоть один человек, то он с командира разведки «снял бы шкуру». Узнав же все детали боя, назвал молодцом.

8. Проводились глубокие тыловые разведки, разгромы колчаковской разведки, дружин, полиции в Шало, Верхне-Шалинском, Нижней Есауловке, Камарчаге, Верхней Есауловке, Кубейке (д. Кубеинская), Торгинке, Бологовке, Коноплянке, Покосном, Сугристом, Островках, Кияе, Унгуте, Перове, Семеновке и т.д.

9. В крупном бою, при наступлении колчаковцев, итальянцев, чехов до пяти тысяч, отлично вооруженных, партизаны повели наступление с деревень

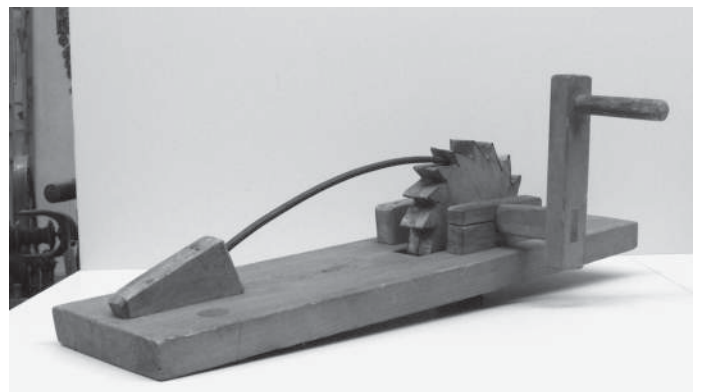
Река Мана около с. Нарва. С негатива Л.Ю. Вонаго. 1907 г.

Тюлюп, Лейбы, Унгут. Партизанские части расположились на левом берегу реки **Л. 606**. Маны, в кустарниках на островах, а пулеметы были установлены на скалах. Белогвардейцы двинулись по узкому береговому шоссе, находясь до села Нарва версты три. На площадке решили провести службу — молебен, куда и собрались все. В это время засады партизан открыли ураганный пулеметный и ружейный огонь, у белых все смешалось. Белые, куда ни бросятся, кругом огонь; исход был один — бросались в воду, ложилась животом на собственные гранаты. Остальное завершала конница. В этом бою белые оставили два орудия, несколько пулеметов, снаряды, патроны, винтовки, 14 телефонных аппаратов, массу обмундирования. При погоне П.С. Иванов лишился лошади, сломавшей ногу.

10. После поражения белые направили 15-тысячную армию по всем направлениям: на село Нарва, по направлению к Степному Баджею. Партизанская армия заняла левый берег Маны до Лейбы и Тюлюпа. Бои шли практически сутками, переходя в рукопашные схватки. Запасы **Л. 7** патронов своего производства у партизан тощали, кончились пулеметные ленты. Иванову дано было задание срочно доставить в мешке винтовочные патроны на заставу, находящуюся напротив Лейбы, но партизан в деревне уже не было. И автор воспоминаний подъехал в «руки

белых»; один из них подошел, взял лошадь за повод, Иванов дернул лошадь, ударил под бока шпорами, лошадь стоптала белого, и ему удалось уйти в тайгу. Мешок с патронами упал и достался белым.

Партизанские части уже отступили от Нарвы по направлению к Степному Баджею. Павел Степанович под огнем проскакал часть Нарвинского участка, свернул в тайгу, доехав до речки Баджей, чтобы успеть переехать мост. На насыпи у моста лошадь убили, вскочил на мост и **Л. 706**. под залпами успел перебежать. Свернул в лес, вышел на хутор, забрал лошадь у кавалериста, который решил остаться дома, и направился к Степному Баджею. Там партизанская

Трещотка партизанская (муляж)

Село Усинское. Нач. XX в.

армия готовилась отступить через тайгу по направлению к Минусинскому уезду.

С выходом армии П.С. Иванов получил задание пробивать своей разведкой продвижение вперед, уничтожая мелкие колчаковские части, дружину и милицию; разбивать спиртное в винных лавках; готовить на смену подводы для продвижения пехоты, лазарета и штаба. Во время продвижения на реках Амыл, Казыр, Туба пришлось принимать бои, а также в селах Шалоболдино, Ермаковское, Григорьевка. Команда разведчиков возросла до 80 человек.

Выйдя в тайгу Монгольского тракта, было получено новое задание: провести разведку на расстояние верст двадцать пять, после чего остаться в арьергарде. После прохода армии — сжигать мосты по тракту, чем создавать **Л. 8** препятствие продвижению белых, что вскоре привело к тому, что отряд Бологова застрял. Продвигающаяся армия партизан готовилась к бою у Усинской заставы на реке Ус.

При подходе к реке Ус необходимо было сделать разведку на паром через реку и отвлекать усинскую заставу, чтобы Кравченко и Щетинкин пошли в обход, переправились через Ус, зашли в тыл заставе. В итоге на заставе было захвачено два пулемета, винтовки, боеприпасы и пленные.

Армия партизан переправилась через Ус: главный штаб, полки Ачинский, Канский, Тальский; кавалерия

пошла на Белоцарск, а Манский полк с разведкой во главе с Ивановым заняли село Усинское и остались в нем.

Неожиданно появился отряд Бологова, отрезав пути для Манского полка, заняв тракт, идущий в Белоцарск и Монголию. Иванов с 50 бойцами были отправлены провести разведку, вступили в бой, погиб один разведчик, двоих взяли в плен, под Ивановым убили лошадь. **Л. 8об.** Партизаны убили двух казаков, взяли лошадей с седлами. Манскому полку предстояло тяжелое отступление через монгольские горы, скалы. После выхода в Монголию переправились через Енисей и заняли позицию ниже Белоцарска вдоль берега.

Рано утром на Манский полк обрушился атаман Бологов. До двух часов продолжался ожесточенный бой, доходя до рукопашных схваток, казаки шли с пиками, крича «сдавайтесь!». Кравченко дал распоряжение отойти полку в монгольские степи. **Л. 9** Главный штаб и полки, стоящие в Белоцарске, вышли без боя еще до подхода Бологова, где с основной армией соединился и Манский полк. К вечеру Бологов вступил в Белоцарск, где заявил, что партизанская армия в основном разбита, а часть ее разбежалась по Монголии. Их необходимо вылавливать и уничтожать.

В ночь с 29 на 30 августа партизанская армия повела наступление на Белоцарск. Огонь был столь

высок, что стало светло, как при электрическом свете; с криками «ура!» те и другие шли в рукопашную схватку; партизан Фома Трусик закрыл своим телом ствол вражеского пулемета. Бологова сбили с позиций и прижали к берегу Енисея. **Л. 9об.** Белые бросались в воду, скатывали с берега бревна, садясь верхом. Некоторые связывали ремнями ноги, отталкивались от берега, бревна перевертывались, и люди оказывались в воде вниз головой. Сам Бологов и его охрана 11 казаков переправились на другой берег на лодке. Партизанская армия захватила в бою два орудия, 14 пулеметов, тысячи винтовок и патронов, лошадей, седла, обмундирование, сабли, пики.

П.С. Иванов получил задание взять 50 человек, переправиться через Енисей и двинуться в погоню за Бологовым и его свитой. Тот бежал в село Туран, поджег там склады с запасами снарядов и патронов и бежал дальше. Партизанская армия двинулась на Минусинск.

Разведка Иванова настигла Бологова на одном из маральников и с ним девять казаков. **Л. 10** Казаки были уничтожены, сам Бологов тяжело ранен. Но сумел скрыться. В тайге на него наткнулись два казака, которые стояли на горе по тракту. Они отвезли его в Канск, где атаман и скончался (умер в Сан-Франциско в 1976 г. — Т. К.).

С выходом партизан к Минусинскому уезду Иванов участвовал в крупном бою при занятии Думной горы, винного завода. Там под ним погибла очередная лошадь.

Занятие Минусинска, побег белых из города, погоня за ними партизан до села Городок у реки Тубы. Участие в разведке и крупном, многочасовом бою около села Городок. Наступление не удалось, партизаны отступили к деревне Бедре.

В ночь Манский полк повел новое наступление на Городок, заняв его. Белые отступили на левый **Л. 10об.** берег Тубы, где и окопались.

Ежедневные разведки в тылу врага, разрушение телефонной связи, уничтожение мелких подразделений белых. Манский полк повел наступление на село Батени ночью, но неудачно. К четырем часам ночи 1-й батальон Манского полка обходным путем неожиданно ворвался в село, уничтожив части белых вместе со штабом.

Бой в деревне Хламенкино, где был ранен командир Манского полка В. Гусев. Белые разбиты.

Крупные бои в селе Кома, деревне Трифоновой, где колчаковцы пошли цепью в три ряда. В ожесточенном бою участвовала и партизанская конница. **Л. 11** Было занято село Новоселово, белые отступили к станции Ужур.

Освобождение села Ужур и станции Ужур. Движение на село Назарово и Ачинск, где встретились с регулярной Красной армией.

После разгрома колчаковской армии в 1920 году П.С. Иванов состоял командиром 6-й роты частей особого назначения по ликвидации банд в Манском, Партизанском, Уярском районах (по 1928 г.). **Л. 11об.** В последующие годы занимал ответственные хозяйственные должности, пенсионер республиканского значения.

КККМ. О/ф 3211/4500. Иванов Павел Степанович. Краткие воспоминания пройденного пути в жизни. Август 1959 г. Л. 1—12. Рукопись.

ПЕРОВА ТАТЬЯНА ЕВСТРАТОВНА. ПАРТИЗАНЫ КАНСКО-КРАСНОЯРСКОГО И МИНУСИНСКОГО ФРОНТОВ (КРАТКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ)

В печати о сибирских партизанах появились отрывочные материалы в виде статей и заметок (первые страницы публикуются в сокращении. — Т. К.). Но все они носят характер только схематичный, поэтому фактическая сторона дела страдает неточностью. Авторы появившейся литературы вносят массу субъективизма, а иногда совершенно искажают смысл. **Л. 1** Талантливая работа Е.Е. Колосова «Сибирь при Колчаке» добросовестна в изложении фактов, но она тенденциозна в отношении анализа и заключения. Это единственная, пожалуй, серьезная работа, пролившая частицу света на действительное положение дел.

Авторы еще долго будут грешить в освещении сибирских событий. Нам кажется, час вполне объективной истории сибирской крестьянской революции еще не пришел. Побуждаемый этим мотивом, автор воспоминаний, как участник одного из этих отрядов, считает обязанностью поделиться с обществом тем,

Т.Е. Перова. 1919 г.

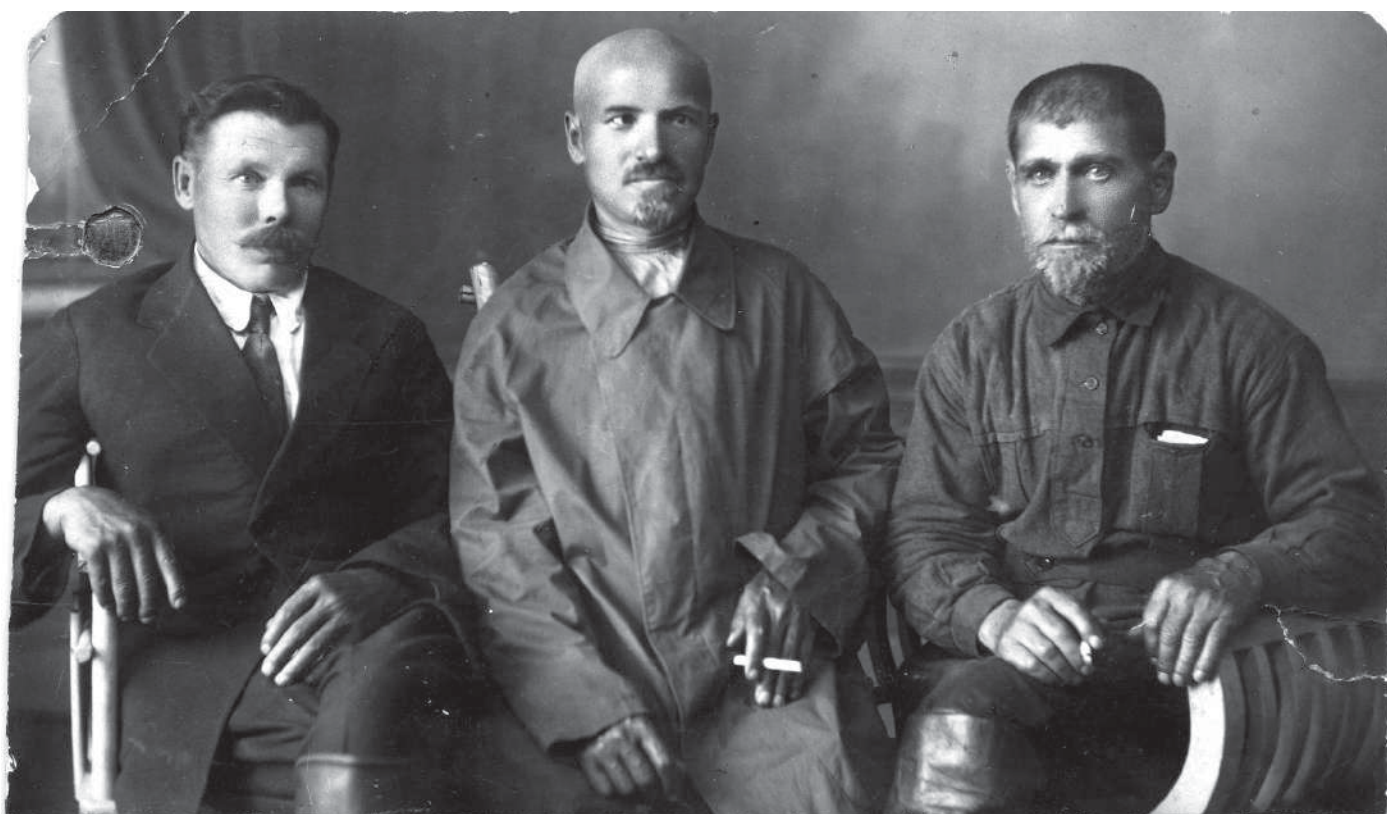
что удержала память **Л. 2** и что показывают отрывки оставшихся документов. Татьяна Перова находилась в партизанской армии, получившей почему-то название армии Кравченко и Щетинкина. В представлении широких масс, эта армия, точно скатерть-самобранка, взяла да и развернулась. Но это было немножко не так.

Начало военных действий партизанский отряд открыл в южной части Канского и Красноярского уездов Енисейской губернии в ноябре 1918 года. **Л. 3** Нельзя согласиться, что если бы укоротить казачью нагайку, то крестьянин не повернулся бы на «левый бок». Сельская среда начиная с 1905 года напитывалась ссыльным элементом. **Л. 4** Кроме того, все, или почти все, крестьяне, активные члены кооперативов, еще в (19)14—(19)15 годах имели некоторую политическую подготовку.

Центрами повстанцев на юге следует считать села Перовское и Степно-Баджейское. Первая старожильская — хозяйственная волость, вторая — новосельская — «бродячая Русь». В одной Перовской волости к 1916 году было разбросано около сорока политических ссыльных. Вот где прежде всего следует искать источник всех дальнейших последствий. **Л. 5** Перовская организация работала исключительно в крестьянских районах, обнимая несколько волостей.

В первых числах июня 1918 года, когда чехи вместе с русскими захватили ряд городов, в том **Л. 6** числе и Канск, в это время Перовская организация устроила тысячный съезд крестьян южной стороны Канского уезда, на котором было решено выступить в защиту Советской власти. Здесь же был организован и отряд из 70 человек. Но падение всей власти в Сибири расстроило этот план. **Л. 7** По свержению власти еще долгое время в деревнях происходили колебания и идейная борьба с присущей нам руганью и кулачным убеждением. Съезду было заявлено со стороны военных властей о роспуске. Делегаты съезда разъехались по домам, сразу стало ясно — деревня мало доверяла старой власти, но еще меньше доверяет новой. С этого времени и начинается работа крестьянской **Л. 8** мысли: Советы — есть единственная форма власти, не способная захлопнуть дверь перед носом трудящихся.

Центром деревенских революционных организаций стали села Перовское и Степно-Баджейское. Отсюда и начинается подпольная агитация, которая к ноябрю разливается по всем уголкам двух уездов. **Л. 9** В соседние волости отправляются организаторы: в Рыбинскую — В.И. Саломатов и латыш Дарзнек;

Инициаторы и организаторы Заманского Партизанского восстания 1918—1920 Г.Г.

Слева направо сидят: Толстой Никита Тимофеевич, Грабовский Франц Францевич, Боган Иван Григорьевич.

ЧЛЕНЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА и АРМЕЙСКОГО СОВЕТА КРАСНЫХ ПАРТИЗАН.

в Унерскую — Т. Перова; Агинскую и Вершино-Рыбинскую волости обслуживают учительница В. А. Малышева и крестьянин Салато. У спекулянтов скупается оружие и снаряжение.

В штаб военной организации входят члены комитета А. Т. Иванов, с.-р.-максималист (теперь коммунист), М. В. Александров, Н. С. Сквидо, П. П. Петров, А. А. Лалоянц (ссылный народник), Т. Перова и др. Все члены штаба, кроме учительницы Перовой и Лалоянца, — крестьяне села Перовского, все состояли членами Союза левых народников, хотя Н. Сквидо и В. Саломатов считали себя анархистами. Параллельно Баджейская организация раскидывает сплошную связь в пределах Кияйской, Шалинской и других волостей.

На конференции в селе Рыбинском Канского уезда было решено созвать съезд всех организаций,

и 13 ноября 1918 года такой съезд имел место в селе Перовском. Здесь был выработан **Л. 10** общий план действий и приведен подсчет всех сил и оружия. Главным образом дебатировались вопросы о приобретении оружия. По не совсем точным данным, у организации имелось 200 винтовок с 15 патронами на каждую. Делегаты Степно-Баджейской организации Ф. Г. Боган и Рудковский настаивали на скорейшем выступлении. И утверждали, что крестьяне уже готовы. На съезде было представлено семь организаций: Перовская, Унерская, Вершино-Рыбинская, Имбежская, Степно-Баджейская и Нойская. **Л. 11**

Баджейская организация, к которой причисляет себя А. Д. Кравченко, составила первоначально из манских крестьян Ф. Г. и И. Г. Боганов, Грабовского, К. Лидина (Пуляева), Н. Пуляева, Толстого и многих других. Многие думали, что А. Кравченко создал эту

организацию, но на самом деле он сам был продукт (и далеко не ранний) этой первоначальной ячейки. Все вышеуказанные лица Перовской группы и дали первый толчок движению за рекой Маной. Они же были участниками первого нелегального съезда.

Л. 12

Члены Перовского революционного штаба с их маленькими характеристиками: А.Т. Иванов, бывший ссыльнополитический, сначала правый народник и почитатель А. Керенского, затем, в начале 1918 года, принял концепцию левых группировок, далеко не нуждался (имея большую, чем кто-либо из партизан, эрудицию) в постороннем воздействии и направлении; начальник отряда М.В. Александров — крестьянин, но крестьянин типа Болотникова⁶², это был редкой даровитости самородок, не имевший себе впоследствии соперника среди командного состава, что потом признавали и официальные главковерхи, и вся армия; В. И. и Ф.И. Саломатовы — очень зажиточные крестьяне села Перовского, способные, увлекающиеся, но очень выдержанные и развитые, **Л. 13** служили живым примером для отряда на всем протяжении действия, были подготовлены политически более, чем следовало думать.

В эту же организацию входила группа учителей трех волостей, но убежденных левых народников: Т.Е. Перова, В.А. Малышева, С.Н. Васильченко (бывший член Канского Совета), В.Ф. Убиенных, Г.Н. Попов, М.И. Крастынь и П.П. Петров (тогда еще простой крестьянин — член бывшего Канского Совета и член Центросибири от крестьянской фракции Общесибирского съезда), К.М. Логвинов, А.М. Марченко, М. Колесников, Ив. Н. и Е. Черкашины (крестьяне сел Перовского и Рыбинского). **Л. 14**

Едва ли поэтому есть надобность доказывать, что письмо Кравченко, помещенное в 1920 году в «Красном стрелке»⁶³, в котором очень смело заявлено: «Я поднял восстание за Маной», — является не чем иным, как фантазией автора. Вопросами программного характера этот съезд не занимался. В заключение съезда им был делегирован в Красноярск один из участников — Рудковский, которому **Л. 15** поручалось завязать сношения с рабочими организациями, но, к сожалению, он таких не нашел. Неделю спустя Перовский комитет второй раз пытался нащупать те конспирации, о которых теперь так распространено, но едва ли основательно. Делегат Н.И. Исаков (коммунист) провел целую неделю в Красноярске и едва успел унести ноги от контрразведки.

Съезд 12 декабря 1918 года

Первый съезд носил характер информационный: подсчитывались силы, оружие, распределялась ра-

Групповой фотопортрет: Саломатов В.И. (стоит справа), Саломатова П.И. (сидит справа). Фотография А.А. Лалоянца. Село Перовское Канского уезда. 1918—1919 гг.

бота и намечались агитационно-пропагандистские методы. **Л. 16** Ведение текущих дел и всю инициативу решено было передать Перовскому комитету с правом объявления восстания и открытия военных действий. Однако организации не пришлось развернуть деятельность по принятому плану. За перовцами началась усиленная слежка местного кулачества и духовенства, а милиция своевременно убралась. Комитет вынужден был стянуть все боевые силы агитаторов в центр и назначить постоянные посты. В создавшихся условиях пришлось допустить некоторую легализацию. Между тем пронесся слух о расстрелах красноярских **Л. 17** и канских членов Совета, и тайга зарычала⁶⁴...

Надо было видеть, как крестьянство встретило весть о назначении Колчака диктатором, и тогда станет ясно, что масса не всегда спит. Единственное, что организация могла сделать, — это созвать экстренный съезд. **Л. 18** Прошел ровно месяц со дня прошлого съезда⁶⁵, за этот период на Баджей выступил карательный отряд прапорщика Баженова. В первом же сражении смешанная группа баджейцев, имбежцев и тальцев отняла у противника два пуле-

К. П. Пуляев (Лидин), первый командир Манского полка, затем второй помощник главкома А. Д. Кравченко. 1919—1920 гг.

мета, отогнав отряд на станцию Камарчага. Такой стимул был сильнейшим из всех.

12 декабря 1918 года предполагался съезд уже в более обширном масштабе. В селе Перовском, вместо крестьянского участка, где было назначено место съезда, собрались делегаты 11 волостей, а деревни Перовской волости выслали все молодое мужское население. Таким образом, делегатский съезд, вместо нелегального, превратился в громадный двухтысячный открытый митинг. Курса конспирации комитету не удалось выдержать, потому что накануне съезда получилось письмо из Имбежской организации **Л. 19** на имя П. Петрова, которым извещалось о поражении манцами отряда Баженова, в конце было прибавлено, что в Красноярске восстали рабочие, «Канск, штаб красных». По поводу письма завязались споры — верить ему или справиться лично. В результате решено было выступить в ту же ночь. Вся организация отправилась в числе 40 человек в волостную земскую управу, где ей были переданы ключи и винтовки.

А. Т. Иванову и П. П. Петрову было поручено средактировать воззвание ко всему населению уездов с призывом взяться за оружие. Село Перовское и близлежащие к нему деревни были объявлены на военном положении. Добровольцы **Л. 20** в числе 80 человек уже были под ружьем. Съезд единогласно избрал начальником отряда М. В. Александрова, а его помощником — К. Лисенко. В штабе остались те же лица с ранее распределенными функциями, но фактически к нему перешла власть района повстанцев.

Съезд проходил, как уже было указано, бурно-митингово, он разрешил два очень серьезных вопроса. Было внесено постановление о мобилизации с 14 по 18 гг. призывников и создании в каждой деревне штабов с функциями, присущими власти на местах. В тот же день на заседании штаба решался вопрос о выступлении на линию ж(елезной) д(ороги) и на помощь воображаемому **Л. 21** «восстанию» красноярских рабочих. Усланная в Красноярск разведка не привезла еще никаких известий, а село Перовское все больше переполнялось стекавшимся вооруженным народом, нужно было разрядить его. Вечером 19 декабря М. В. Александров принял командование отрядом в двести человек, на что он и организация, прочившая его в начальники штаба, согласились неохотно.

С первого же дня организации отряда партизаны **Л. 22** установили раз и навсегда принцип выборного начала. От взводного и отделенного командира до главкома все должности были выборными. Принцип этот сохранялся до самого конца, до соединения с советскими войсками.

Прибытие Баджейского отряда

Степно-Баджейская республика пережила такой же приблизительно организационный период. Но только с той разницей, что командный состав там избирался на митинге всеми присутствующими бойцами, а не бойцами, случайно попавшими на площадь. В то время как Перовский отряд предоставлял это право исключительно стоявшим под ружьем. Командующим отрядом там был избран крестьянин деревни Тюлюп Кияйской волости, уклонившийся от призыва в Белую армию, прапорщик К. Пуляев (Лидин), еще очень молодой человек, лет двадцати четырех, которому с первого же боя пришлось самому идти в разведку и тем предотвратить панику, беспощадно царившую в этом отряде **Л. 23** с самого начала.

Выбор командира был удачен, но была довольно неприятная ненормальность во взаимоотношениях его со штабом. Члены штаба братья Боганы не совсем доверяли ему как бывшему офицеру. Они с самого начала присвоили себе функции негласного

комиссарствования, и получилось впечатление триединого коллективного командования. Плюс к тому, что штаб пригласил в качестве советника скрывавшегося от белого правительства прапорщика А. Д. Кравченко. Таким образом, фактически было четыре командира, втихомолку соперничавших друг с другом, а юридически числился один — К. Лидин (*далее абзац зачеркнут*).

После поражения Баженова отряд баджейцев увеличился до ста человек с двумя пулеметами, но больше неоткуда было ожидать сил и оружия, следовательно, нужно было искать более обильный район, в смысле (как) вооружения, так и продовольствия. **Л. 24** Баджей всегда жил большей частью привозным хлебом и даже такого маленького отрядика долго содержать не мог. Для этой цели штаб откомандировал 30 человек под командой Кравченко для соединения с перовцами. Баджейцы прибыли в Перовское во время заседания штаба, и только с этого момента подпольная организация познакомилась с А. Д. Кравченко.

14 декабря с поспешностью сформировались части, и соединенный отряд в 150 человек выступил в направлении станции Клюквенной. В Перовское потянулись непрерывные вереницы с продовольствием, снаряжением, это вызвало ряд мер к созданию отделов: военного, **Л. 25** продовольственного и реквизиционной комиссии. Раскрывшаяся легенда о выступлении Красноярска и Канска также заставила призадуматься армии. Через два дня стало известно, что письмо, адресованное на имя П. Петрова от Имбежской организации, оказалось провокационным трюком. До сего времени остается загадкой. Провокационные действия были явлением не редким до конца борьбы. **Л. 26** Проведение некоторой необходимой чистки в рядах всего отряда и тыловых органов оздоровительно сказывались на работе штаба.

По отбытии из села Перовского штаб немедленно приступил к организации врачебного дела. Для этой цели была уполномочена Т. Е. Петрова, 18-летняя учительница, а в помощь ей пришел добровольно военнопленный фармацевт Ю. Эленгауз. Все медикаменты и хирургические инструменты были завезены сюда. Продовольствие, патроны, пистоны, дробовики, бинокли и прочее тянулись в военный склад нескончаемо. Все это требовало энергии. 16 декабря штабу пришлось принимать несколько делегаций от волостей: Унерской, Агинской, Ирбейской и Межевской. Желание разузнать, «кто воюет и за что», сначала, пожалуй, было мотивом ходячества, крестьянин любит все взвесить и рассчитать. **Л. 27** Из бесед было ясно, что готовы восстать все, способные носить оружие, но его нет.

Штаб, конечно, знал, что жалобы на отсутствие оружия малоубедительны, так как представители волостей являлись из самого богатого охотничьего района. Волостные сходы делегировали крепких мужичков, «пытливых». Единственно, без задней мысли приехал представитель Унерской волости А. Марченко (впоследствии командир Тальского полка). Марченко сочувствовал еще и раньше группе перовцев, но всегда работал индивидуально. Он наперечет знал все оружие и лучше, чем кто-либо, был знаком с настроением населения этих волостей. В одном только селе Агинском насчитывалось двести трехлинеек, а по всему району — около тысячи. Несмотря на общий подъем, это оружие **Л. 28** крепко держалось в руках хозяйственных мужичков. Поэтому штаб решил послать к агинцам и ирбейцам В. А. Малышеву, В. Саломатова и А. Ян-Павлу (верно: Ян (Александр) Пауль).

Первые шаги отряда

Выступивший отряд не пошел на станцию Клюквенную, т. к. «города не восстали». С общего решения командиров он отправился «дефелировать» на восток по магистрали ж(елезной) д(ороги) и остановился в селе Рыбинском. Отсюда были пущены в окрестности агитаторы, одному из которых — В. И. Саломатову пришлось встретиться с казачьим разъездом в деревне Притыке. **Л. 29** Обмороженный с головы до ног, агитатор пробежал 15 верст до своего отряда.

10 декабря, в то время, когда отряд митинговал в Рыбинске, из Баджея получили известие о движении противника со станции Камарчага на село Кияй. Было отдано распоряжение Кравченко и Александру — немедленно зайти в тыл карательному отряду со стороны деревень Семеновки и Сугристой. Но Кравченко, опасаясь сражения в степи, не решался на эту операцию, из-за чего произошла небольшая размолвка между командирами. И отряд, к немалому удивлению штаба, вернулся в село Перовское. Здесь произошло бурное заседание полевого штаба с тыловым, Кравченко еще просил двести человек, без которых он не решался наступать.

Завязались горячие прения, вызвавшие неприязность. Член штаба Н. С. Сквидо, увлекаясь, имел неосторожность назвать А. Д. Кравченко трусом, а последний, обидевшись, **Л. 30** заявил, что он уйдет со своими 30 человеками в Баджей. Это обещание было сделано скорее ради приличия и поддержки достоинства, не больше. Баджейцы не ушли. А ночью на 18 декабря разведка принесла точные сведения о движении противника со станции Клюквенной на село Перовское. Принимать сражение в месте партизанского правительства не было смысла: всевозможные склады и учреждения эвакуировать — дело

нелегкое, поэтому отряд выступил навстречу противнику, но теперь уже обходом через деревню Семеновку — на деревню Николаевку Толстихинской волости. Расстреляв накануне семь человек крестьян, отряд белых переехал в село Толстихинское. И направился на Перовское другой дорогой. Отряд партизан ночью передвинулся в деревню Ново-Николаевку и здесь, лицом к лицу, встретился с правительственными отрядами.

Произошел бой. Окрыленные прежним успехом над красными в 1917 году, казаки Красильникова **Л. 31** сделали стремительный налет в надежде смять одним натиском «банду». Но упорное сопротивление партизан охладило этот порыв. Начальник разведки корнет Пепеляев упал при первых же выстрелах вместе с двумя казаками и бело-зеленым знаменем. Сражение продолжалось не больше двух часов. Партизанский пулеметчик изрядно опустошил левый фланг противника, после чего последний успешно отступил.

Победа была на стороне партизан, из рядов которых выбыл всего лишь один — командир роты И. Мягих, в то время как красильниковцы оставили убитыми 14 человек, 23 винтовки, две лошади и бело-зеленое знамя с надписью «С нами Бог и атаман».

Развал Агинской организации

19 декабря получилось письмо В.А. Малышевой из деревни Привольной Агинской волости, которым извещалось о прибытии отряда на соединение с перовцами, но Малышева просила немедленно прибыть туда кому-нибудь из членов штаба для правильного формирования части. Член штаба был командирован, но вынужден был **Л. 32** бежать оттуда во избежание ареста. Агинское крестьянство в волостном своем масштабе, еще с начала Февральской революции, представляло собой два враждующих лагеря. С одной стороны — новоселы, с другой — помещики-старожилы, пользующиеся лучшими угодьями. Вот почему агинцы-старожилы отстали выступать и вообще взвешивали положение. Зато новоселы искренне стремились поддержать вспыхнувшее восстание. Борьба была далеко не равная. Более развитые, поддерживаемые духовенством и сельской интеллигенцией, агинцы отклонили организацию на двух проведенных волостных сходах, и если на третьем согласились, то только из боязни Перовского, **Л. 33** уже оперирующего отряда, в этот штаб они выдвинули исключительно «самоходню» — по их выражению.

Штаб работал туго, это вполне понятно, но тем не менее он собрал больше трехсот винтовок. 20 декабря собрались в земскую управу все добровольцы и мобилизованные на соединение с перов-

цами, но тут случилось обратное. На волостной съезд явился крестьянин Иванов, типичный церковный староста, который стал доказывать нецелесообразность восстания. Агинский протоиерей Тарасов разнес слух о подавлении восстания **Л. 34** и бегстве «перовских большевиков» в тайгу. Агинский штаб был вынужден выдать все оружие на руки прежним владельцам. Сход и штаб рассеялись. **Л. 35** Так трагически глупо распалась довольно сильная организация, упустив оружие и продовольствие.

Перовский бой

21 декабря уязвленный н(ово)николаевским поражением Красильников, уже со всем отрядом в триста человек, одним орудием и шестью пулеметами, повел наступление на центр повстанцев — село Перовское. Плохо организованная разведка прозевала, дав возможность окружить село с трех сторон. Гарнизон партизан обедал, не подозревая ничего, **Л. 36** как слышалась ружейная стрельба, и в ту же минуту ударило трехдюймовое орудие. Правительственными отрядами уже были убиты три человека, а повстанцы еще не заняли никаких позиций. Такое положение привело к замешательству, и командиру М.В. Александрову в первый раз выпал случай применить силу своего влияния и таланта. Под свинцовым огнем он занял оборонительную линию, заставив вернуться всех, пробовавших убежать. Единственный имеющийся пулемет переносится на третье и четвертое места.

С наступлением ночи, когда противник вторгся в один конец улицы, Александров выкинул очень удачный маневр, по существу решивший ход боя. С шестью человеками, пользуясь темнотой, он зашел в тыл левому флангу и открыл стрельбу: «Батальон, за мной!» Обманутые и озябшие красильниковцы отступили, не успев подобрать раненых. **Л. 37** Прием обхода был первым уроком, давшим возможность партизанам нащупать слабую сторону карательных отрядов. Белые ни разу не попытались нападать ночью. Семь часов утра — немножко позже, но никогда не раньше. Тогда как сами партизаны предпочитали ночные наступления, которые с легкой руки перовской и николаевской схваток были всегда удачными.

Храбрые в расправах, утонченно жестокие, высокомерные гг. офицеры являли образчик тупости и трусости. Так, полковник Сорокин перед наступлением срамливал белого и красного петухов; **Л. 38** когда красный оказался победителем, он повесил его, отложил наступление. Генерал Афанасьев раскладывал пахьянс и после каждой неудачи сжигал предательскую колоду. Командир морских стрелков Техменев пускал по одной плашке гуся и казнил, если «оракул» пере-

ступал на другую. Всемогущий Розанов казнил людей и служил молебны.

Итак, третий по счету бой кончился не в пользу белогвардейцев, Красильников не счел (нужным) вести новое наступление, пока не придет подкрепление. **Л. 39** По словам подводчиков-крестьян, они увезли одних только раненых на 41 подводе, а убитых, 20 человек, так и не успели подобрать. У партизан четверо убитых и двое раненых. А партизаны всеми силами, в 200—250 человек, отступали в Агинское. Преследованию противника не позволял один мотив — отсутствие патронов. По подсчету, в среднем приходилось три патрона на бойца. Нужно было искать выход. Штаб решил перебраться в места охотничьи — Агинскую и Ирбейскую волости. **Л. 40** Оружие, как известно, расплывалось по рукам. Действовать же решительно, т.е. диктаторски, не входило в расчеты штаба, принимая во внимание принцип добровольного начала. Прибывший в Агинское отряд ограничился лишь митингованием, надеясь привлечь оружие и людей. Но не таковы были агинцы. Видя робкие призывы отряда, его непрочность, агинцы принесли не более десятка винтовок и почти такое же количество патронов.

После митинга возникла мысль о принудительных мерах, и в результате долгой беседы большинством было решено отложить их до более благоприятного момента. В эту ночь получилось известие из Баджея о движении противника, и отряд выступил на подкрепление. **Л. 41** Агинские мужики запрягли самых плохих лошадей, устававших на каждой версте, чем значительно затормозили и осложнили передвижение отряда.

Организация подтаежного района

Оставляя село Агинское, штаб и агитационный отряд не оставляли надежды поднять район, тем более что в самих волостях продолжали существовать революционные организации. На ночном заседании было решено командировать в Тальскую волость учительницу Малышеву и члена штаба Н. Сквидо. В Ирбейскую изъявили желание ехать матросы Ян-Павлу и Клявин; Унерскую и Агинскую обслуживала тройка под руководством А. Марченко. Немного спустя эта организация расширилась до 10 и больше человек, впитав в себя таких работников, как Магда **Л. 42** и Белоконь. Автору воспоминаний пришлось познакомиться с кружком политического кооператора Якова Михайловича Чистова. Он состоял из семи-восьми человек, раскинутых по всей Агинской волости. Руководитель кружка, его жена и все остальные члены имели политическое кредо, это была группа левых эсеров — чистейшая. Среди них были трое очень

видных впоследствии партизанских работников: командир особого отряда М. Т. Савицкий и двое членов Арм(ейского) совета — Д. Альянов и Г. Шаклеин. **Л. 43**

Новая организация (Чистова) решила действовать в своем районе. Но она не была связана с перовцами и баджейцами благодаря своей распыленности по деревням. После слияния групп начинается новая полоса восстаний в Унерской, Агинской, Тальской и частью в Ирбейской волостях. **Л. 44** Условия для агитации складывались как нельзя лучше — отсутствие полицейского начальства. Начинается сбор оружия и продовольствия. Организуется небольшой отрядик в 40—50 человек под командой М. Савицкого и А. Марченко. Эта единица превзошла все ожидания, развивая связи в нетронутых волостях — Межевской, Тальской. Здесь формируется отряд под командой Жестикова и Курганского. **Л. 45** Боевых действий не велось, шло почти спокойное формирование. Баджейское и Перовское выступления были образцовым уроком «твердой власти». Так началось брожение и в подтаежном районе.

Баджейский фронт

Заняв почти пустое Перовское, Красильников **Л. 46** отпраздновал победу. Изрубили человек пятнадцать, заподозренных в большевизме, в несколько раз больше перепороли раскаленными шомполами. Хотя из перовцев почти никто не пострадал отсутствием большевиков и их семейств, зато прилегающие к волости местности понесли всю тяжесть «правосудия». Было сожжено семь дворов повстанцев, главным образом руководителей. Преследовать повстанцев было уже поздно. Поэтому центром военных операций становится **Л. 47** теперь другой участок, именно — Баджей и Камарчага.

С прибытием Перовского отряда баджейцы занимали деревню Нарву, расположенную на правом берегу реки Маны и на север от Баджея в 25 верстах. Второй карательный отряд стоял в селах Кияйском и Шалинском в полной нерешительности. Начальство строго предписывало взять Баджей, а исполнители, при первом появлении лыжной разведки В. Гусева, убегали позорно, запарывая насмерть не особенно поворотливых подводчиков. Поэтому крестьяне неоднократно обращались в штаб с просьбой «прекратить шутки лыжников», так как замучивали их и лошадей.

Прибывший в Баджей Перовский отряд расположился частью в деревне Нарве, а частью, во главе с М. В. Александровым **Л. 48** и А. Т. Ивановым, в деревне Кой с целью предупреждения продвижения противника в тыл со стороны деревни Талой Вершино-Рыбинской волости. Деревня Талая по своему

географическому положению служила преддверием тайги, и если дать противнику укрыться в ней, значило: обречь весь Заманский район на бесхлебие. Командирам была дана директива держать заслон на реке Мане, не задаваясь целью дальнейшего продвижения. Однако командиры не удерживались в отведенных им границах и разделили свои функции. А.Т. Иванов с 70 чел(овеками) выступил на второй же день в деревню Талую, а оттуда в Агинскую волость; М.В. Александров с 30 чел(овеками) остался на месте назначения.

Утром 1 января 1919 года белые повели наступление на Нарву — силами 600 штыков, с четырьмя орудиями и 11 пулеметами. Руководители Баджейского отряда К. Лидин и Боганы, как коренные жители той местности, удачно расположили повстанческие части на реке Лейбе **Л. 49** (в пяти верстах от Нарвы). Вся эта местность представляет сплошные цепи высоких гор, заросших густым сосновым лесом. Передвижение от одной дороги к другой, помимо проселочных дорог, является невыполнимым. Двухаршинный снег с одной стороны и лесистые горы — с другой препятствовали всякому желанию куда-либо перебраться. Зачастую в этой местности путники отпрягают лошадей и переносят сани на себе.

У повстанцев с одной стороны, у подошвы горы, небольшой луг, где и расположились главные силы. От этой поляны шла по лугу проселочная дорога разрезом посреди горы. По обеим сторонам дороги располагалась засада из двух рот, человек восемьдесят. Всего к тому дню у повстанцев числилось четыреста человек, бой же принимала группа не больше двухсот человек, но за ними была уверенность и природные крепости **Л. 50** тайги. Чтобы спуститься на луг, противнику неминуемо нужно было заехать в непроходимое ущелье. Предполагалось, что отряд повстанцев стоит в деревне Нарве, белые продвигаются без всякой разведки. Они уже спускаются с горы в лог. В это время один из засевших повстанцев выстрелил. Белые начали рассыпаться. Засаде пришлось начать стрельбу. Бой происходил между двумя частями. Первые отступили на вершину горы, а вторым не имело смысла оставлять удобные позиции. Против сотни винтовок белые пустили в ход три пулемета и четыре трехдюймовых орудия. Пулеметы били поверху, а снаряды рвались далеко в стороне. **Л. 51**

Сражение затянулось на целый день. Попытки белых командиров посылать свои части вперед не имели успеха. Даже сербы, каким-то образом сюда попавшие, отказывались идти вперед. Усердие командиров объяснялось строжайшим приказом Розанова взять на 1 января Баджей. Наконец к вечеру главные цепи повстанцев повели контр наступление,

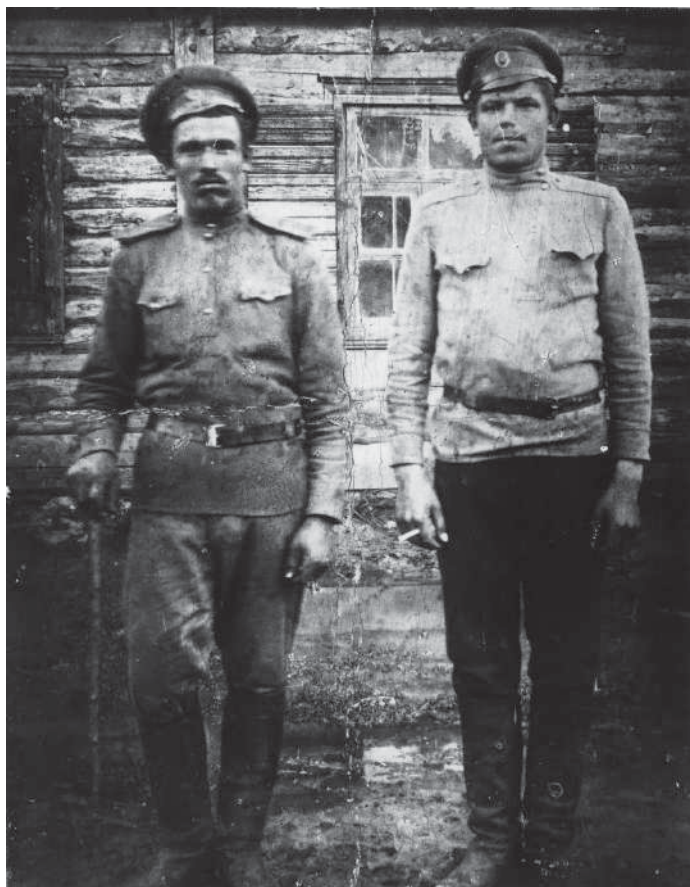
а небольшая часть под командой учителя деревни Стойбы С.Н. Васильченко зашла в тыл карательному отряду и расстроила его ряды. Белые отступили в деревню Лейбу. Гнаться было невозможно из-за снега, тем не менее повстанцы успели отрезать один пулемет системы «Максим», девять лент и четыре тысячи патронов. Потери противника — 42 человека ранеными и 13 убитыми. Со стороны повстанцев трое раненых и один убит. После боя повстанцы вернулись в Нарву и здесь расположились на отдых. Штабные организации усиленно занялись заготовкой **Л. 52** продовольствия, в самом же Баджее открылась патронная мастерская.

Кулижниковский бой и отряд А. Казерского и З. Артюхова

Из Тальской волости агитаторы извещали об организации отряда и просили для демонстрации послать какую-нибудь часть повнушительнее, чем одиночки-митинговщики. Письмо это, писанное членом штаба Н.С. Сквидо, и попало выступившему тогда из тайги в Вершино-Рыбинскую волость А.Т. Иванову. Бесконечные экскурсии и постоянное будирование противника и дремавшего населения было излюбленным делом начальника штаба Иванова. С первого же дня восстания он заявил себя сторонником самых решительных и непрерывных действий. Он был большим противником уклонения повстанцев в леса, сторонником чего являлся А.Д. Кравченко. **Л. 53** Между названными командирами поселилась вражда на всем протяжении повстанческой борьбы, они отчаянно враждовали между собой, не скупясь на эпитеты. Кравченко называл Иванова «сумасшедшим мудрецом», а последний характеризовал его субъектом «с наружностью льва и внутренностями петуха» или «настоящим славянином — любителем лесов».

Иванов из села Вершино-Рыбинского быстро перебросился в Агинское, митингуя и забирая оружие на пути. Отряд Иванова утром покинул село **Л. 54** и деревню С(олонечно)-Талую, а вечером того же дня в них вступил свежий отряд белых, прибывших по раззоренной дороге со станции Клюквенной. Путь соединения с Александровым и Степным Баджеем был отрезан, доставка продовольствия приостановлена. Но М.В. Александров нашел и тут выход. Когда отряд Иванова был готов к отправке в Тальскую волость, в это время в село Агинское прибыл нарочный Егор Иванович Мезинцев, 70-летний казак, с приказанием вернуться обратно. Мезинцев был старый таежный волк, ему были известны все звериные тропы.

Иванов весьма неохотно должен был подчиниться. И ночью, на обратном пути в Вершино-Рыбинскую, а именно в деревне Кулижниковой, встретился с от-

С.П. Безотечество (слева) и А.И. Саломатов. 1918 — нач. 1919 г.

рядом, уже идущим в погоню за повстанцами, и принял здесь бой. Застигнутый врасплох отряд капитана Белецкого пришел в смятение и открыл стрельбу **Л. 55** не по наступавшим цепям повстанцев, а по «эху», в противоположную сторону. Если бы у белых было побольше воодушевления, то отряду Иванова пришлось бы превратиться в ничто. Он отдал довольно странное, недопустимое распоряжение 1-й роте (состоявшей из перовцев). Приказано было на подводах скакать в другой конец улицы и там раскинуться в цепь. Обоз в 30—40 подвод наделал бы большого шума. Благодаря смелости командира роты С.П. Безотечество (помощник Александрова) **Л. 56** положение было спасено. Штаб капитана был разгромлен, сам Белецкий убит. Белые бежали, оставив несколько подвод из своего обоза, на которых оказалось награбленное имущество. На одной из подвод было найдено 40 трехлинейных винтовок.

Во время боя из рядов повстанцев дезертировала латышская команда — человек пятнадцать-шестнадцать, и просидела в болоте на окраине леса, что вызвало конфликт в отряде Иванова. А повстанцы вместе с кулижниковскими крестьянами пустились преследовать отступающих. **Л. 57** Утром, после погони, повстанцы вернулись в Кулижное. В это же

время туда прибыли вершино-рыбинские крестьяне с сообщением, что стоявший в их селе отряд переехал в деревню Талую, закупорив крепко единственный ездальный путь в тайгу на соединение с баджейцами и Александровым. Надежда была на Е.И. Мезинцева, он провел отряд в Кой такой дорогой, которую не знали белые.

В момент отъезда повстанцев в деревню Кулижную неожиданно приехал отряд в 40 человек под командой А. Казерского и З.И. Артюхова, это был тот отряд, который образовался еще 20 декабря 1918 года. **Л. 58** Эти отряды прибыли в Кой.

Организационный период

Деревня Кой на какое-то время стала концентрацией стекавшихся сил. Волонтеры бежали каждый день, несмотря на опасность. Тянулись туда, где была сила и оружие. Наступать на Кой и самый Баджей белые не считали нужным, надеясь заморить бунтовщиков без продовольствия. Пользуясь спокойным промежутком, партизаны приступили к военной организации частей. В отрядах появились **Л. 59** роты, взводы, отделения и кавалерийские эскадроны. В Баджее организовалась патронная мастерская, но под управлением самородных химиков работала плохо.

Значительно увеличившийся отряд Александрова устроил переизбрание всего командного состава, причем начальником отряда остался Александров, а начальником штаба избран Иванов, вместо Петрова, которого отряд уполномочил делегатом в Степно-Баджейский Совет, высшую власть на занимаемой территории. Петрову было поручено создание какого-нибудь печатного органа и проконтролировать постановку продовольственного дела. Тем более что ходили слухи, что запасами больше снабжается баджейский тыл, чем фронтовики. К тому же Баджей не совсем приветливо принял **Л. 60** Перовский отряд, как и соперничество командного состава. Эта черта глухого антагонизма между двумя организациями сохранилась до самого конца борьбы.

По шутивому замечанию М.В. Александрова, в каждом из баджейских командиров сидит Меллер-Закомельский⁶⁶. Склонность к первенству и келейничеству не замедлила броситься в глаза канцам, из-за чего возникли серьезные недоразумения. На одном из собраний решено было уйти из Нарвы в Кой и больше не соединяться. Стоило больших трудов утихомирить страсти. В Баджее организационная работа шла довольно оживленно. Все население двух волостей — Баджейской и Кияйской, поголовно вывозило хлеб за Ману, т.е. в самый Баджей. В Баджее как-то сам собою создался агитационный отдел

из четырех человек: Татьяны Евстратовны Перовой, Г. П. Попова, В. И. Саломатова и Александра Ян-Павлу. Заведывание было поручено Т. Перовой. Группа поставила практические вопросы: сбор оружия, медикаментов, склянок, банок для изготовления пистонов и патронов, сбор хирургических инструментов, медицинского персонала и военнопленных химиков. **Л. 62**

Русское общество приучилось читать факты между строк. Партизанским агитаторам приходилось делать свои выводы из сибирской прессы. **Л. 63** В Баджее до соединения с перовцами не существовало печатного органа и постоянных агитаторов. Появлялись распоряжения с оттенком воззваний, но отсутствовал воспитательный элемент. **Л. 64** Идеологические вопросы были поставлены канцами. В Перовскую подпольную организацию входили учителя ряда деревень и волостей, бывшие ссыльные и местные крестьяне, по уровню не уступавшие учительству. Агитационный отдел начал регулярно издавать листовки, выходили статьи **Л. 65** за подписью «учителя Перовской волости». Прицалось пристрастие к самогонке, картам, хищению, кровожадности, матерщине и прочее. Налажена была экспедиция, которая со специальной литературой для новобранцев пробиралась по ту сторону фронта. Иногда воззвания отправлялись в противный лагерь **Л. 66** на порожней лошади.

Солонечно-Тальский бой

Как ни интенсивно проходила работа в Баджее и Коях, но все же повстанцев и особенно их руководителей пугал призрак надвигающегося голода. Не привыкшие к пайку канцы начали роптать. К тому же невообразимые зверства над крестьянами их деревень являлись сильнейшим стимулом к выходу в свои места. Поэтому в ночь с 5 на 6 января командиры Канского отряда М. В. Александров и А. Т. Иванов решили наступать на Солонечно-Талинский гарнизон.

Проводники (крестьяне той же деревни) Бревнов и Вшивков, **Л. 67** как знатоки местности, очень удачно провели повстанцев на предполагаемые позиции и указали самый безопасный путь наступления. Стратегический план командиров заключался в немедленном занятии всех дорог, т. е. возможных путей отступления и нападения на штаб, где были сосредоточены главные силы с пулеметами.

Когда по расчетам времени были заняты все позиции, Александров с 1-й ротой по глухому переулку пробрался к самому штабу. Стража белых, очевидно, была не особенно бдительна, так что вождь повстанцев подошел к самому окну и, выглядев все, бросил в комнату бомбу. Занимавшийся чертежами офицер не мог даже двинуться с места, но, к его счастью, бомба не разорвалась. Александров подал команду,

и в ту же минуту залпами были убиты все штабники. Из командного состава в первое время уцелел капитан Нестеров (или Нестроев), которому удалось вывести пулеметную команду в степи, а сам он был убит ротой З. Артюхова при отступлении. Умер этот полководец, по-видимому, очень весело, не расставаясь с четвертью самогона, доставшейся повстанцам в трофеи. Весь отряд белых, по всей вероятности, рисковал полным поражением, если бы не вышло со стороны наступающих рокового недоразумения.

Белые солдаты, пользуясь темнотой, перехватили **Л. 68** условный пароль повстанцев и с криками «свой!» протащили пулеметы на Ушканскую дорогу (деревня Ушканка, семь верст от Талой). Оставленная здесь засада под командой Ф. Бревнова ушла греться в край деревни и тем дала возможность укрыться противнику. Таким образом, великолепный план был выполнен далеко не великолепно. Однако взятие Талой разрубило гордиев узел и дало возможность еще больше укрепить силам повстанцев. Потери и трофеи были незначительны: 32 человека вместе с оружием были захвачены в плен. В штабе нашлось пять или шесть винтовок, часы и разное конфискованное у крестьян имущество. Со стороны партизан — ранено всего двое. Со стороны белых — семеро убито, по словам подводчиков, 34 ранено.

С занятием Солонечно-Талой, повторяем, была вышиблена та пробка, которая чуть не стала роковой для всего повстанческого отряда. **Л. 69** Белые, по обыкновению, отступили на 60 верст на станцию Клюквенную (меньше они никогда не отступали), весь район южной части Канского уезда оказывался совершенно очищенным от карательных отрядов.

Небольшие отряды белых, рассыпанные по всем волостям с целью контрибуции и «искоренения крамолы», испарились как эфир, а к партизанам, по обыкновению, начали стекаться добровольцы, выкапывая из земли всевозможное оружие. Даже агинцы, так нежно расположенные к белым, уже в значительной степени подготовленные оставшимися там организациями красных, принесли теперь повинную повстанцам. На этот счет было много причин. Кроме агитации, пожалуй, сильнее ее были шомпола, нагайки и поборы. Так, например, село Вершино-Рыбное в один день и час вынуждено было заплатить 40 тысяч контрибуции за находившихся в рядах повстанцев. Плюс к тому с каждого семейства, где был новобранец или доброволец, взималось от одной до трех тысяч. В деревнях Ной, Ново-Николаевке, селе Ивановском и других были замучены совершенно невинные крестьяне. В селе Рыбинском в один день на дворе крупного кожевника **Л. 70** И. Соловьева было расстреляно 40 человек. Разбогатевшие солдаты белых

по деревням шумно пьянствовали и насиловали женщин. Хлеб, мясо и особенно курицы, к которым белые питали особые симпатии, забирались без церемонии и без остатка. Производились мобилизации девиц-крестьянок и последние, к позору русской природы, наделялись различными венерическими болезнями.

Все это, вместе взятое, разжигало звериную месть, вызывая на неслыханные самопожертвования. Белые не только не заслужили расположения населения, но даже лишились такового со стороны своих прежних единомышленников. А повстанцам было как нельзя лучше, на руку. Глубокие разведки в качестве базарщиков посылались теперь исключительно из крестьян и преимущественно из женщин. Карательным отрядам давались самые фальшивые сведения, которые приводили их в полный тупик.

Литературная полемика

После описываемых боев карательные отряды затихли: боеспособность **Л. 71** повстанцев умерила их пыл. Они ждали подкрепления из Нижне-Удинского гарнизона. В промежутках затишья штабы белых, губернская и уездная управы открыли настоящую литературно-агитационную политику. К повстанцам обращались либо «граждане-красноармейцы», либо «разбойники». В воззваниях всегда подчеркивалось, что после поражения большевиков будет созвано Учредительное собрание. **Л. 72** Командиры карательных отрядов обращались к партизанам с унижительной иронией, попрекая темной, хамством, заканчивая обычно фразой: «Русские офицеры и казачество призваны собирать и лечить истерзанное на части тело родины». Генерал Афанасьев писал больше по-славянски: «купно», «аще», «крамольники». Командир морских стрелков Техменев ругался мастерски — двух- и трехэтажной бранью. **Л. 73** В заключение разрисовывали излюбленный атрибут власти — виселицу.

По выдержанности, стилизации, простоте партизанская печать стояла намного выше. Белые распространяли избитый фельетон о Ленине: «и послал Господь на главу его плешь — за беззакония его». **Л. 74** Белая литература читалась под взрывы общего смеха во всех частях повстанцев и на сельских сходах. **Л. 75** Наряду с духовной литературой Духовного братства Гермогена⁶⁷ было получено несколько номеров за подписью «Енисейская губернская типография». **Л. 76** Типография обещала выдать по пять тысяч рублей за каждую голову партизанских руководителей.

Что повстанческая литература была сильна и разрушительна, к этому заключению пришли (что характернее всего) и авторы воззваний Е(нисейской) г(убернской) т(ипографии). «У вас есть хорошо гра-

мотные люди, — писалось в одном из них, — которые своим краснобайством и умением писать одурачивают ваши темные мозги, но вы забыли, что все эти люди, выброшенные из общества, преступники». Причем давались резко компрометирующие характеристики главарей. Много писалось о том, что А.Д. Кравченко пошел в банду не из идейно-политических убеждений, а потому что, будучи, кажется, заведующим Ачинским продовольственным пунктом, промотал большие суммы денег — тысяч четырнадцать или пятнадцать, что и понудило его идти против законного правительства. **Л. 77** На М.В. Александрова эта печать не могла возвести обвинений такого рода и объясняла его выступление просто желанием заслужить «геростратовскую известность»⁶⁸, тем же объяснялось и участие в отряде бывшего прапорщика, командира Манского отряда К. Лидина.

Учительница В.А. Малышева, П.П. Петров, А.Т. Иванов и другие относились к типу просто злобно забытых большевиков и сумасшедших демагогов: Татьяну Перову и Г.Н. Попова белая печать характеризовала как «молокососов», анархически настроенных энтузиастов, и все в этом роде. Женщинам по традиции привешивался эпитет — любовницы. Так, Малышева была в одно и то же время сожительницей Петрова и Кравченко, товарищ Перова — невестой Г. Попова и т.д.

Били, как говорится, на интимную сторону, по чувствительным струнам. **Л. 78** Раньше всех на страницы белой печати попали имена Кравченко и Малышевой, которые за подлинными подписями писали письма офицерам карательных отрядов в надежде расшевелить их притупившиеся чувства. Такая оуэновская⁶⁹ тактика казалась в высшей мере нелепой; естественно, в руководящих кругах повстанцев получила осуждение: несомненно, здесь рельефно выступила жилка карьеризма, с которым повстанцы вели непримиримую борьбу. Поступок Малышевой, как увидим позднее, стал для нее трагическим⁷⁰. Все настоящие имена штабистов и командиров стали известны контрразведке, даже с приметами и фотографиями. Особого внимания и ценности заслуживали **Л. 79** полемические статьи А.Т. Иванова, в которых мастерски просто вскрывались монархические тенденции правительства под сенью Учредительного собрания. К сожалению, ничего не осталось от этой литературы. **Л. 80** Партизанские обращения попадали и в руки новобранцев. Крестьянские подводчики перевозили их под полозьями саней, конскими гривами и хвостами. В рядах белых по отношению к солдатам применялись порки и муштровки. Офицеры искали случая переместиться в тыловые части, боясь измены новобранцев. **Л. 81**

Демонстрация вниз по реке Мане и слухи

В один период затишья был отправлен отряд испытанных добровольцев под командой Кравченко и его помощника С. А. Сабаева. Цель поездки была агитация, и в первый раз решено было взорвать мост около села Маганского. Своей задачи отряд не выполнил, крестьянство в общей массе находилось в состоянии нерешительности. **Л. 82** Командированный отряд помитинговал, собрал некоторое количество оружия и возвратился. Была неудачная попытка и взорвать мост. Сельское население при Колчаке и при Советской власти попало под суеверия. Появились монетки с предвещанием конца мира. Был пущен слух, что Колчаку явился Михаил Архангел. **Л. 83** Распространялись безобразные кривотолки о партизанах. И это все коренилось в сознании беспомощных деревень. Большую работу среди мужика пришлось проделать позднее в уездах Канского и Красноярского уездов и в Минусинском уезде. **Л. 84** С частыми перебежками новобранцев расширялась информация о состоянии Сибири. Получены были точные сведения о восстании в Тасеевском районе. О вновь появившемся отряде в северной части Ачинского уезда большевика П. Е. Щетинкина. Попадались дальневосточные газеты о действиях Лазо, в Черемховском районе **Л. 85** — об анархисте Каландаришвили. По подсчету газеты «Свободная Сибирь», в Сибири оперировали 46 партизанских отрядов. Газета уверяла, что эти партизанские отряды — жупел и что они будут ликвидированы.

Второй Талинский бой

Не желая бросать удобную позицию, М. В. Александров талантливо укрепил занятую 6 января деревню Солонечно-Талую и пытался оттянуть противника со станции Клюквенной в таежную полосу. Но те не решались наступать, ожидая притока свежих сил. **Л. 86** Наконец генералу Розанову пришлось остановиться на этой станции шедший с востока эшелон Нижне-Удинской и Иркутской учебных команд.

Партизанская разведка издевательски тревожила Клюквенную. Стоило появиться на горе двум кавалеристам, как пускались в ход все имеющиеся пулеметы. Эта стрельба продолжалась целыми днями. **Л. 87**

Вечером 18 января отряд в пятьсот или шестьсот человек с одним орудием и пятью пулеметами занял деревню Астафьевку, надеясь одним натиском, как выражались, смять «расшалившуюся банду». Со стороны, откуда предполагалось наступление, вся деревня Талая была ограждена сплошной стеной — высоким снежным сугробом. Противника поджидали. 19 января, утром, ровно в три часа, повелось наступление с трех сторон, наступление ве-

лось беспорядочно. Сначала, в расстояние версты, раскинулись цепи новобранцев, а затем учебной команды, в самой задней цепи шли застрахованные от опасности остатки красильниковского отряда. **Л. 88** Те и другие с первого шага начали нещадно поощрять полузамерзших новобранцев прикладами и ругательствами.

Картина была достойна смеха. Еще не открылась стрельба, как послышались с разных сторон бранные выкрики. Офицеры вообще матерятся отменно от мужиков: правильные произношения, ударения и властно-игривый тембр голоса — их отличительный признак и неизменная потребность военного быта старой России. Вскоре после продолжительных перебранок начало бить оружие, но после четырех выстрелов у него лопнул лафет. Целый день наступления прошел в комической сутолоке. Учебники (учебные роты) и красильниковцы били новобранцев, а эти сдвигались с мест не больше чем на сотню шагов и, встреченные оглушительными залпами берданок, бежали обратно.

Повстанцам, наконец, надоело выжидать. Две роты были направлены в обход и несколькими **Л. 89** залпами окончательно расстроили правый фланг белых. Повстанцы в тот же час перешли в наступление и взяли 26 человек пленных. В этом бою потери противника исчислялись в 60 человек, а остальные, почти две трети, были выведены из строя ранеными и обмороженными. У повстанцев были ранены всего два добровольца — Суриков и Безотечество. К концу боя в Талое прибыл экскурсировавший в Маганское отряд с пулеметом и большим А. Д. Кравченко, но пулемет, выпустив одну ленту, испортился очень серьезно.

Организация Коллектива и объединенного Совета

Вторичное поражение под Солонечно-Талой **Л. 90** заставило белых снова на полмесяца засесть на станции Клюквенной. На Баджейском фронте также не было военных операций. За описываемый период времени Перовский (теперь уже получивший название — Канский) отряд увеличился до шестисот человек, вооруженных почти исключительно трехлинейками, кавалерия приняла правильную форму эскадрона в 70 человек и выбрала командира А. Марченко. Адъютантом отряда при командире был выбран молодой, но хорошо грамотный крестьянин П. Турбаков. Весь отряд сформирован в двух батальонах, восемь рот и 16 взводов. Командирами батальонов были избраны **Л. 91** Д. М. Потылицин, крестьянин, член Перовской организации, и С. А. Сабаев, крестьянин деревни Талой.

Такой же тип организации принял и Манский отряд. Кравченко уехал с инструкциями и организационным планом канцев, а оттуда привез постановление общего собрания манцев, которым канцы приглашались объединиться под общим командованием и действовать по одному плану. На пост командующего манцы сначала выдвинули К. Лидина, но т.к. последний был ранен и лечился в лазарете, то была выставлена кандидатура А.Д. Кравченко. Кравченко, как командующим, видимо, канцы были недовольны, а авторитет М.В. Александрова стоял здесь несравненно выше, поэтому группа лиц выдвинула кандидатуру последнего, но общее собрание, да и сам Александров сняли ее подавляющим большинством. **Л. 92** Александров признавал все тыловые организации полезными, кроме главного штаба и командующего как совершенно пустого места.

Канцы признавали возможным и необходимым объединение под командованием Кравченко, но пока условно. Со своей же стороны подняли вопрос о создании высшей власти всего повстанческого района из представителей от обоих отрядов. С этого времени и начинается период настоящего республиканского **Л. 93** построения — Коллективу (так назван был этот орган) давалась вся полнота власти, за исключением стратегического характера. В Коллектив от Канского отряда были избраны: П.П. Петров, В.И. Саломатов, В.А. Малышева и Н.П. Курченко; от Манского: Юшков, Д. Щербаков, Короткевич, Говорухин и Э. Плюм (верно: Плум).

На 1 марта был созван съезд с представителями от населения и армии, и этот временный орган был переименован в объединенный Совет крестьянских и армейских депутатов⁷¹. Исполнительный комитет: председатель П.П. Петров, его товарищ **Л. 94** — Н.П. Курченко, казначей И. Говорушин и секретарь Д. Альянов. Почти весь состав съезда был оставлен для работы в объединенном Совете. Весь состав Совета состоял из крестьян (Петров, Альянов, Хлебников, Толстой, К. Мордасевич и др.). В Совет вошли учителя: Т.Е. Перова, С.Н. Васильченко, А.К. Низовцев, Г.Н. Попов и другие, а также один рабочий (Курченко). **Л. 95** Позднее исполком на должность предревтрибунала пригласил А.Т. Иванова.

Съезд санкционировал уже наметившиеся отделы: продовольственный, военный, медико-санитарный, агитационный, труда, финансово-налоговый и судебно-следственный. **Л. 96** Агитационному отделу на первых же порах, помимо организации Советов на местах, — организовать волостные отделы социального обеспечения и постановку школ, где возможно. Немного спустя начинает выходить почти ежедневная газета «Крестьянская правда» (на гекто-

А. Оршанская, медицинская сестра в отряде А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. 1920-е (?) гг.

графе). Этот маленький орган являлся выражением дум и желаний А.Д. Кравченко и как будто обязан был его вдохновению и направлению. Газета обязана была своим происхождением исключительно агитационному отделу. **Л. 98**

А.Д. Кравченко, прочитав первые номера, был доволен и обещал сам что-то написать. Кроме одного-двух писем офицерам, он, кажется, ничего не написал. **Л. 99** Повстанческая армия встретила свою газету восторженно. Загрубелые в боевой обстановке люди отдыхали духовно на этих обрывках газеты. Она носила агитационно-информационный характер с маленьким **Л. 100** вклеиванием литературы. Выпускалось много воззваний от имени объединенного Совета. Агитационный отдел занимался и сбором жести, пистонов, пороха, медикаментов и пр. **Л. 101** Источники же эти иссякали с каждым днем. Приходилось искать самородных химиков, и пришлось затратить много времени

Фотопортрет бывших партизан. Сидят (слева направо): Винниченко, Прасковья Эленгауз, Юган Эленгауз. Стоят: В. К. Логвинов, Чертков, кустарь; Романов, кустарь; А. М. Аксенов. Село Перово. 1920-е гг. На об.: «Группа партизан слагивала оружие и бралась за хозяйственное строительство».

на поиски ученых спецов. Наконец эти спецы были найдены в лице военнопленного Шмидта и фельдшера А. И. Кулешо, которые оборудовали химическую лабораторию и уже в течение первой недели выпустили около 10 тысяч патронов. Пришлось столкнуться с отсутствием химических веществ: бертолетовой соли и пр. **Л. 102**

Мобилизованные три-четыре фельдшера Степно-Баджейской больницы теряли головы, так как были уже серьезные раненые. Не было хлороформа и врача. Не было санитарок, и их обязанности, буквально изнемогая, несли члены Перовской организации М. Е. Перова, А. Г. Буббот и учительница Т. Е. Перова. Объединенный Совет сначала обратился с призывом к медицинским работникам повстанческого района, а позднее к мобилизации этих работников и хирургических инструментов. С этого момента были взяты на учет четыре врачебных пункта: в Агин-

ском, Вершино-Рыбинском, Перовском и Тальском. **Л. 103**

В Баджей снова тянулись нескончаемые делегаты с признанием и готовностью выступать. Поэтому агитационный отдел откомандировал туда с небольшим отрядом трех работников: А. Казерского, В. Малышеву и П. Петрова. Поездка эта, однако, не принесла больших успехов. В Тальской волости завербовали человек тридцать-сорок добровольцев и собрали 42 винтовки. Повстанцы не могли туда двинуть свои силы. **Л. 104** Поэтому командированные агитаторы вернулись в район более безопасный — Агинскую волость. Здесь, в селе Агинском, был мобилизован и направлен в Баджей доктор С. Г. Вологодский. Это было очень ценное приобретение для повстанцев. Сначала весьма удрученный и оплакиваемый семьей, С. Г. Вологодский впоследствии сделался в армии чем-то вроде символа доброты и самоотверженно-

сти. Как доктор, он быстро вошел в свою роль и оставил по себе большую память в армии (*пропущена номерация листа 105, идет лист 106, содержание текста сохранено*).

Во всей остроте стали вопросы — денежный и труда. Неподалеку от Баджея находились золотые прииска Закотельского, Шахманаева и Семенова-Романова, теперь за отсутствием хозяев они были взяты в ведение **Л. 106** объединенного Совета и снабжены продовольствием; но золота с этих промыслов Баджейская республика так и не взяла ни одного раза из-за крушения этого фронта. Были созданы трудовые артели для заготовки (леса), вторая артель была организована для поделки лодок к предстоящей навигации. **Л. 107**

Революционный трибунал, или баджейская яма

Революционное правосудие повстанцев в сознании публики переплетается с легендарной ямой как орудием утонченного умерщвления жертв (речь идет о пещере вблизи Степного Баджея. — Т. К.). Белая печать уделаила этой яме не одну страницу. Она писала о сбрасывании туда живыми интеллигенции и всякого, кто попадет в Баджей. Но после отступления повстанцев военная и гражданская комиссия по изъятию убитых из баджейской ямы нашла там 15 трупов, расстрелянных без малейших признаков истязания. **Л. 108** Никаким образом от повстанцев нельзя было ожидать христианского «непротивления» (часть текста зачеркнута. — Т. К.). Они не дошли до отвратительной кровожадности. У повстанцев был произвол, но произвол, не поощряемый идейными органами. **Л. 109** Например, за кражу двух куриц был изгнан из армии один доброволец. Второй случай: за удар подводчика был осужден на три месяца на принудительные работы чуть ли не комендант Баджея, о котором узнала армия и население. **Л. 110**

В селах Перовском и Баджей при штабах были созданы судебно-следственные комиссии, которые вплоть до создания трибунала обслуживали всю судебную часть армии и населения. Этими комиссиями и было вынесено за все время всего до 60 приговоров; из них два или три смертных, остальные — к заключению от одного до шести месяцев или изоляции на время войны. Смертные приговоры падают **Л. 111** на Баджейский суд, следственную комиссию, с которой не соглашалась Перовская. Эта комиссия (Баджейская) еще очень долго не поддавалась влиянию объединенного Совета. И первое время получалось как бы двоевластие. Так, командир Манского полка Ф. Боган еще долго и заносчиво ломался, не желая подчиняться ни Коллективу, ни объединенному Со-

вету. Это специфическая черта всего баджейского командования, которое, не любя, приняло организацию Коллектива и объединенного Совета. **Л. 112**

На долю революционного трибунала из всех расстрелянных пятнадцати приходилось двое или трое: 1) это перебежчик к белым и затем снова попавший в плен; 2) командир повстанческой разведки, уличенный в самоличных расправах по личным счетам. Однако и Баджейская судебная комиссия не так уж много согрешила. **Л. 113** Перед ужасом истребления белыми крестьян партизанский суд был истинно наивным благодеянием. Но каким же образом попали в яму остальные восемь человек? Это все были торгующие из разных мест района — Харины, Белоколодовы и др. Все они были убиты своими односельчанами **Л. 114**, и при каких обстоятельствах, мы с этим еще познакомимся. **Л. 115**

Боевой период и успехи Канского полка

Боевые успехи повстанцев и разложение карательных отрядов заставляли обращать на себя внимание правительства. Тем не менее серьезность положения на юге Канского и Красноярского уездов тщательно скрывалась от населения. О Камарчагском, Ключвенском фронтах изредка появлялись лаконичные заметки в «Свободной Сибири», «Земском журнале»⁷², но все они гласили только о том, что этот фронт будет скоро ликвидирован. Зато очень много писалось о бесчисленных маленьких фронтах, которые действительно быстро ликвидировались. Ни о расположении канско-красноярских повстанцев, ни об их цели и идейном содержании во всей литературе белых не было написано **Л. 116** ни строчки.

Впрочем, правительства очень похожи друг на друга. Ревниво оберегая тайну Ключвенно-Камарчагского фронта, белые не смогли скрыть того, что ежедневное прибывание новых сил и эвакуация раненых слишком были очевидны для всех, кто хотя (бы) немного интересовался событиями. Все это, разумеется, создавало известное настроение. В первых числах марта на станцию Ключвенную прибыла группа войск под командованием полковника Сорокина. **Л. 117** В эту группу входили четыре роты Верхне-Удинского полка, четыре роты Чернореченского цензового, Ачинская и Иркутская учебные команды и небольшая часть остатков красильниковского отряда. На станцию Камарчага в то же самое время прибыл отряд морских стрелков с капитаном Техменевым во главе (морские стрелки прибыли на ст. Камарчага 24 декабря 1918 г. — Т. К.).

Группа Сорокина выступила по направлению к Солонечно-Талой и остановилась в деревне Ной, группа Техменева заняла деревни Кияй и Унгут, т. е. западнее,

направляясь на деревни Нарву и Баджей. Обе эти группы, видимо, не совсем охотно выступали против «банды», как им было сказано, и поэтому предпочитали тянуть время и, по обыкновению, погулять. Зато повстанцы, теперь окрепшие во всех отношениях, решили взять боевую инициативу на себя, т. е. наступать, не дав осмотреться противнику.

Это была тенденция Иванова и Александрова, которые **Л. 118** с Канским отрядом 9 марта уже выступили навстречу противнику и остановились в деревне Карымской (в 10 верстах от Ноя). Но здесь вышло маленькое недоразумение с прибывшим из Баджея командующим А. Д. Кравченко, который в течение двух дней задерживал наступление, не давая своего согласия по тем соображениям, что силы противника не выяснены, и еще потому, что наступление всегда дороже стоит, чем отступление или оборона. И наконец, по требованию Александрова попытка была сделана в течение двух ночей, но опять-таки Кравченко не решался нападать или за опозданием, или непродуманностью плана и по этим мотивам ворочал части повстанцев назад.

12 марта Александров окончательно склонил все командование к ночному наступлению, и на 13-е оно было произведено. По дороге опять-таки не обошлось без неприятностей из-за пулемета между Ивановым как организатором плана этого наступления и Кравченко как главкомом. Дело было в том: Кравченко решил оставить один пулемет в тылу для охраны штаба, **Л. 119** Иванов противился этому, доказывая, что пулемет необходимо поставить на главный путь, возможный для отступления противника. Здесь снова были задеты вопросы трусости и храбрости. «Наш главком два раза вернулся, испугавшись крика совы, — иронизировал позднее Иванов, — или часы изменили». Но это был только лишний прецедент для дальнейших подкопов друг для друга. Тем не менее пулемет остался для охраны штаба.

Все дороги, ведущие от Ноя на станцию Ключевенную, за исключением той, на которую не хватило пулемета, были заняты засадами повстанцев. И часовые белых стали стрелять только тогда, когда уже была окружена вся деревня. Полусонные части Сорокина все же немного оправились и организовали, хотя и беспорядочную, защиту, и Сорокин несколько раз пытался отступить, но везде наткнулся на засады; бой принимал самый отчаянный характер уже, так сказать, поневоле: красильниковцы знали, что их судьба решена, то же, вероятно, думали и чернореченские цензовики, **Л. 120** запуганные легендами о зверствах повстанцев. И только одни новобранцы, неизменные друзья повстанцев, преспокойно переходили в плен с полным вооружением. Цензовая часть, боясь пар-

тизан, очевидно, также не пользовалась расположением командования и, брошенная последними, попыталась было отступить степью, но была разбита повстанческой кавалерией, и около 60 человек сдались в плен.

Полковнику Сорокину, под охраной четырех пулеметов, удалось пробить цепь и отступить с большими поражениями. Однако он оставил в трофеи повстанцам: все четыре роты Нижне-Удинского полка, роту цензовиков, два пулемета, 350 винтовок, 16 ящиков патронов и походную аптеку вместе с фельдшером Н. Лузиным (впоследствии очень ценным работником). Только глубокий снег избавил самого Сорокина от плена, но не избавил и его от ранения, чего не могла также избежать и большая часть отступивших. По сообщениям перебежчиков, в отряде Сорокина было ранено около двухсот человек, такое же приблизительно количество убитых. **Л. 121** Зато, как ни странно может показаться публике, у наступающих теперь почти не было убитых, за исключением десятка раненых. В этом бою, между прочим, был ранен командир батальона С. Сабаев.

Кияйский бой

Укрепившийся в Кияе и Унгуте отряд морских стрелков капитана Техменева настолько впал в беспечность, что ничего не знал о нойском поражении. Хотя расстояние было между Ноем и Кияем не больше 50 верст, это для сибирской кавалерии составляет максимум четыре часа езды. Связь Техменева с секретным пакетом прибыла в Ной только вечером, по окончании боя. Часовые повстанцы пропустили в штаб, который устроился в том же доме, где располагался только что штаб полковника Сорокина. Словом, переменялись только лица. Нарочные, конечно, были удивлены, поражены, когда на их вопрос, где полковник Сорокин, им указали (на) начальника повстанческого штаба Арсения Трофимовича Иванова.

В отношении Техменева были указаны все сведения **Л. 122** о расположении и численности его отряда. На триста человек имелись орудия в шесть дюймов и шесть пулеметов. Перспектива для повстанцев открылась весьма желательная. После только что одержанной победы над отрядом Сорокина, превосходящим Канский отряд численностью по крайней мере в два раза, с отрядом Техменева справиться, казалось, было легко. Это была просто находка. Поэтому, не желая терять момента, Канский отряд спешным порядком выступил на Кияй и Унгут с тыловой стороны.

В свою очередь, Манскому отряду было приказано повести наступление с фронта по условленному сигналу. Стратегический план состоял опять-таки в том, чтобы одной части нападать на противника, а осталь-

ной — занять пути отступления. В 12 часов ночи манцы повели наступление, в то время как Канский отряд почти весь заблудился и находился в трагическом положении. Некоторые роты, по свидетельству Александра, не слышали даже стрельбы. Таким образом, главная боевая часть была в силу **Л. 123** иронии лишена возможности принимать участие в сражении.

Но морские стрелки не выдержали нападения и одного Манского отряда и на рассвете 13 марта начали отступать на село Шалинское по пути к станции Камарчага. Здесь они почти буквально растрепали 4-ю роту Канского полка, выбив из ее рядов около 30 человек. Все три орудия и пулеметы были ими вывезены благополучно.

После отступления противника произошел довольно значительный инцидент 4-й роты, да и всего Канского отряда, с А.Д. Кравченко (командующего обвинили в бездействии и, кажется, в пьянстве с В.А. Малышевой). В результате чего была вынесена резолюция общего собрания отряда о недопущении женщин на фронт. С легкой руки Канского отряда такую же резолюцию вынес Вершино-Рыбинский тыловой гарнизон и даже волостной съезд крестьянских депутатов. Словом, по всему повстанческому району прошумела **Л. 124** не совсем приятная буря, и агитотделу немало стоило трудов утихомирить ее.

Но в чем же тут было дело? Почему столь очевидный успех повстанцев закончился трагическим фарсом? На этот вопрос нам, кажется, вполне отвечает письмо М.В. Александрова, писанное в Баджей на имя председателя объединенного Совета и других его членов, которое мы и предложим полностью вниманию читателя.

16-ое марта.

Дорогие друзья мои, Петр, Таня и Андрюша (Низовцев Андрей, секретарь объединенного Совета. — Т.К.).

Если бы вы знали, как болит душа. С отрядом не могу ничего поделаться: два раза собирал собрания, но все еще бушуют ребята. Как жаль, что вас ни одного нет здесь. Приезжайте сюда сейчас же, как только получите мое письмо.

*Что у нас произошло, и говорить-то больно стыдно, но вам кратко расскажу все, поскольку соберусь с **Л. 125** мыслями. 12-го мы наступали на Ной, о чем вам, полагаю, известно. Но если бы вы знали, как мы собирались на это наступление. Ей-ей, лопнули бы от смеха. Ведь наступать мы собирались еще 9-го, 10, 11 и, наконец, собрались только 12-го. Первый раз помешали «предательские часы Малышевой», которые она накануне подарила тов. Крав-*

ченко. Эти часы, видите ли, должны были служить не часами, а чем-то вроде талисмана, что ли, и поэтому очень опаздывали, так что две ночи прошли впустую. Собирались выезжать всегда в 12 часов и не успевали еще сделать посадку, как уже светло.

*На третью ночь выехали своевременно, «без часов», но тут наш главковерх услышал в ельнике «крик совы» и, считая его дурным предзнаменованием, вернул целую часть на место постоя. Это, конечно, шутка, но я не мог добиться причин, почему вернулись части. Сам я уже получил извещение на Харитоновой заимке (в 6 верстах от Ноя). Разбираться было **Л. 126** некогда. Сами знаете, какой здесь ад крошечный. 11-го сделали заседание штаба и при обсуждении вопроса о наступлении Ар(сений) Троф(имович) порядочно разделал «часы», «сову», досталось и владетельнице часов. После чего уже эти виновники наших неудач не фигурировали в штабе. На 12-е, уже без часов и совы, мы наступали на Ной. Хорошее время было упущено. Белые, по донесениям крестьян, все эти дни пьянствовали, и мы могли бы забрать всех до одного человека, а в день наступления они уже ждали нас, и только благодаря незнакомству Сорокина с местностью мы имели еще кое-какие успехи.*

*Я поражаюсь изворотливости этого актера. Вы только посмотрите, как ловко он подъезжает к любому и каждому и как умеет замазать дыры на своей изверченной репутации. Когда нужно, расцелует вас, а когда нужно и есть сила, растопчет, как козявку. Но вину его не пригодишь. Болтлив до приторности и может, для не понимающих, все окрасить в желательный цвет. Словом, он в комнате непобедим. Зато **Л. 127** посмотрите, как у него трясутся поджилки во время боя. Мечется, как настиганный заяц, и рычит, как медведь. Многие этот рев принимают за храбрость, но я убежден в противном. Вот, например: в Нойском бою он, нисколько не стыдясь, оставил пулемет для охраны своей только шкуры и просидел с ним за три версты от сражения в то время, когда у нас осталась пустой Сухонойская дорога. Все заботы его сводятся к бутылке, и только она несколько живит его. Как пресечь это зло, я теряю просто голову.*

Дальше. После Нойского боя нам ничего не стоило захватить весь отряд Техменева, решили и поехали. Всю дорогу он пил. Не то с радости, не то вдохновлялся, только в результате, доехав до дер. Листвяжной, уже нетвердо держался на ногах и внезапно заболел. Это было лучшим поводом остаться здесь. Делать было нечего, устроили штаб и пошли наступать, вернее, поехали, так как до Кияя, как вам известно, еще около 15 верст. Я не совсем охотно согласился на ночное наступление, потому что рас-

считывал успешнее **Л. 128** провести эту операцию днем, но он в Ное так расхрабрился, что не было оснований возражать. Тем более, когда он сам собирался указать местность. Пришлось, однако, указывать ему стул, а то сел бы мимо. Вот как обстояло дело.

Наступление повели по указанию какого-то его друга и завели отряд в тайгу около 6—7 верст. Всякая связь между нами была потеряна. Четыре раза я посылал в штаб ординарца, который привозил один и тот же ответ: пьяный, ничего не добьешься. Еду сам и застаю в штабе гадкую картину. Представьте себе закуску, выпивку и мадам N, сложившую ногу на ногу и распевавшую «из-за острова на стрежень». Больше, думаю, незачем описывать эти сцены, и так все понятно. У нас произошел скандал, и я немного не спустил курок. Особенно хлестко осветила меня мадам N: мужик, хам, карьерист и пр. и пр. Все это видели и слышали приехавшие в штаб ординарцы. Хмель как будто прошел. Главковерх пустился в слезы и полез целоваться, но я оттолкнул его и **Л. 129** просто предложил ехать со мной в Имбеж. Мадам все ругалась. Манцы уже наступали, а наши части блудили и чуть все не перемерзли. Снег здесь больше аршина. Мы даже не знали, когда белые начали отступать из Кияя и Унгута. Весь их натиск был сделан на 4-ю Вершино-Рыбинскую роту, которая вся была смята.

И вот теперь еще все расхлебываем этот винегрет, отряд шумит, а из Вершино-Рыбинского получили протокол с резолюцией «убрать с фронта женщин». Каково? Кравченко по-прежнему попивает и напивает некоторых чудаков-командиров, целуется, разумеется, и оправдывается. Ну, как-никак, а нас щелкнули по носу, и щелкнули добольна так, что еще долго будет чесаться.

Сегодня приехали Вася и Федя Саломатовы и вылили в штабе целую четверть самогонки в присутствии всех там находившихся. Но разве это останавливает его. Ведь у него больше десятка сподручных, которые этим только и заняты. Что смотрят манцы, я не знаю. А эту **Л. 130** мадам отзовите в Баджей, иначе мы ее вышлем этапом. Вы не знаете, что здесь творится. Мой адъютант, смех и грех, сложил ногу на ногу и, раскачиваясь, напевает: «из-за острова на стрежень», только он еще разгоняет кошмарное настроение.

Сейчас пока отдыхаем. Степа Безотечество со своей кавалерией сегодня взял в плен заблудившуюся роту белых вместе со штабс-капитаном Логутиным и поручиком Барковским, отряд требует расправы над офицерами. Приезжайте кто-нибудь скорее, иначе я застрелюсь. Вы не можете представить, как хочется теперь отдохнуть около вас

и подкрепиться волей. Надо принимать меры к укреплению и к искоренению самогонки, иначе мы пропадем, как мухи.

Однако я заболтался, надо кончать. Будьте здоровы, целую вас всех крепко-крепко. Приезжайте. Михаил.

Письмо командира Канского отряда М. В. Александрова **Л. 131** хотя и носит следы преувеличения свершившегося факта, но все же слова «Кияй», «Унгут» впоследствии стали нарицательными в партизанской армии, как бы предостерегающими или напоминающими о печальных последствиях. По поводу этого инцидента. Объединенный Совет вызывал двух видных представителей Вершино-Рыбинского гарнизона — Салато и Русакевича, и в совместном заседании решено было, негласно, отозвать Малышеву с фронта. Для успокоения армии, как тогда формулировалось предложение. Резолюцию о недопустимости женщин вообще объединенный Совет отклонил самым категорическим образом. Вопрос был кое-как замят. Тем не менее тяжелая память «кияйской свадьбы», как характеризовали ее повстанцы, осталась допосле существования армии.

Если это поражение ударило по повстанцам, то в такой же мере, если еще не больше, оно ударило и по карательным войскам. Ни Техменев, ни Сорокин, разумеется, не подозревали **Л. 132** о деморализующем для повстанцев значении этого боя. Ночное внезапное нападение спугнуло их, как задремавшую сову, и вышибло способность, так или иначе, ориентироваться в происшедшем. В их сознании осталось, несомненно, одно: что на Камарчаго-Клюквенском фронте действует не маленькая шайка, как ими говорилось, а довольно внушительная организация, боеспособная и выдержанная в своих политических вождениях. Поэтому тот и другой карательные отряды не согласились развивать против повстанцев боевые действия и сочли за необходимость отправиться на Уральский фронт, куда они и были, по существу, направлены.

Занятие села Шалинского

В борьбе повстанцев с белыми за весь описываемый период наблюдалась удивительная ритмичность. С одной стороны и в одно время наплывала с запада целая лавина карательных войск, с другой — могучий отряд повертывал ее обратно, и так повторялось почти вплоть до отступления повстанцев в Минусинский **Л. 133** уезд. Так было после Перовского и Тальского и пр. Так случилось и теперь, после Нойского и Кияйского боев. Боевая инициатива все же оставалась в руках повстанцев.

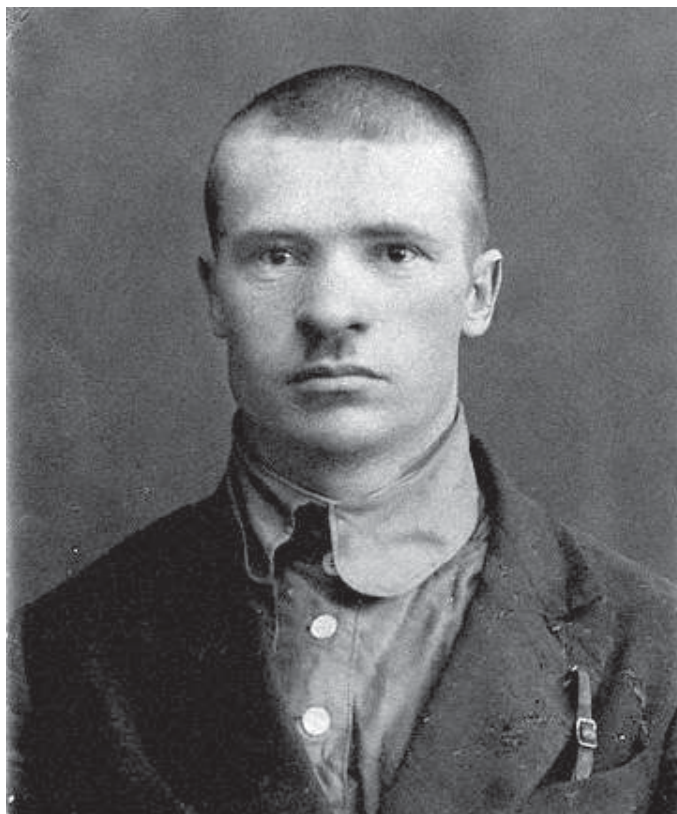
Что морские стрелки были выбиты из ума, на это указывает факт пленения одной небольшой группы под командой штабс-капитана Логутина и поручика Барковского, заблудившихся по растерянности в Имбежских хуторах. Кстати, следует заметить и об участии, постигшей двух этих офицеров. Пленение, как нам известно, совпало со страшным обострением бойцов с командным составом и особенно главковерхом, это с одной стороны, с другой — морские стрелки за время своего поста ухитрились повесить несколько крестьян прямо на воротах домов и так не снимали их, очевидно, (в) назидание односельчанам, в которых они видели непременно злостных большевиков. В такие моменты, как говорят философы, общество впадает в состояние патологическое — и принесением человеческой жертвы лучше всего разряжается сгущенная атмосфера. Средневековые костры и виселицы наших **Л. 134** дней — лучшее тому доказательство.

Чтобы утолить кровожадность красноярской буржуазии, услужливые офицеры в 1918 году волокли на арканах А. Лебедеву и Т. Марковского, десятками истязали и расстреливали большевиков и даже, впоследствии, правых эсеров. Так же в данном случае иногда поступали и партизанские вожди. Тем более случай как нельзя лучше благоприятствовал отвести удар со своей собственной головы на голову внезапно подвернувшейся жертвы.

По записным книжкам Логутина и Барковского повстанцы узнали об их пребывании сначала в дикой дивизии генерала Корнилова⁷³, а затем у Семенова и Калмыкова. Одним словом, прецедент был налицо, и митинговый суд, санкционированный охотно штабом, не задумываясь, приговорил их к смертной казни через повешение на той же самой перекладине, на которой час тому назад болтались кияйские крестьяне, и страсти улеглись, удар был отведен. Зато через неделю в красноярской газете появился **Л. 135** приказ генерала Розанова, гласящий, что за казнь Логутина и Барковского предаются смертной казни 10 большевиков-заложников во главе с Я. Боградом.

Боевая инициатива, повторяем, осталась в руках повстанцев, и весь район на протяжении почти двухсот верст вдоль и поперек был снова очищен от правительственных войск. Даже более того: последние бои позволили повстанцам расширить территорию до максимальных пределов.

16 марта 1918 года было занято село Шалинское. Это первое большое и торговое село, где в магазинах купцов Малыгина и Мазилина были взяты все необходимые для армии товары, к тому времени изрядно обнищавшей. В свою очередь, медицинский персо-

П. С. Лопецкий, помощник командира Манского полка. 1919—1920 гг.

нал повстанцев не замедлил взять здесь в свои руки довольно богатый врачебный пункт.

Причем следует опровергнуть те легенды о разграблении села Шалинского, которые незамедлительно были пущены прессой белых. Конфискация имущества, и то **Л. 136** самого необходимого, как то: мануфактуры и кожевенного товара, была произведена членами объединенного Совета под строгим контролем и строгой отчетностью. Первое пребывание повстанцев во вновь занятом пункте по примеру, принятому ранее, ознаменовалось самой широкой информацией населения и знакомством с сутью дела. Кроме того, занятое село Шалинское, как близко прилежащее к станции Камарчага (15 верст), давало возможность более или менее беспрепятственного сношения с железнодорожными служащими и городом Красноярском, откуда изредка повстанцы имели возможность добывать медикаменты и материалы для выработки пистонов и оружия.

Отсюда же повстанцы в первый раз своего существования задались целью взять станцию Камарчага, пустить «кота», по их выражению. К этому времени, как нельзя кстати, прибыл давно собиравшийся отряд Тальской волости под командой упомянутых уже Жестикова и Курганского в числе 150 человек прилично вооруженных бойцов, который **Л. 137** не по-

желал влиться в какой-нибудь из сформировавшихся уже отрядов и получил право на самостоятельность, увеличиваясь по мере действий своего внутреннего организационного аппарата, т.е. штаба.

17 марта, не желая ослабить своего подъема, повстанческое командование решило предпринять наступление. Ночью, с 17-го на 18-е, была окружена деревня Станица, расположенная в трех верстах от станции, и 4-я рота Канского отряда уже заняла край этой деревни, но 7-я и 8-я роты этого же отряда приняли ее за противника и открыли отчаянный огонь. В результате чего было ранено своих около 20 человек. Таким образом, 4-я рота, уже захватившая три пулемета противника, вынуждена была бросить их и, отступая под перекрестным огнем, вторично была растрепана самым основательным образом.

Манский отряд, которому по данной директиве следовало отрезать с запада пути отступления противника, упустил время по нерешительности командира Ф.Г. Богана. В самом деле: «как пойдет бабе на пропасть, **Л. 138** так и нищие не глядят». Этой фразой бойцы объясняли неудачи последних дней. И действительно, по сути дела, им тогда ничего не стоило раздавить засевшие остатки генерала Афанасьева и на время прервать железнодорожный путь, но обстоятельства момента снова, силою вещей, заставляли пересмотреть положение в армии и обновить его теми или иными мерами.

Новая организация в армии

И эти меры выразились в том, что 19 марта, после неудачного наступления на Камарчагу, главный штаб созвал делегатское собрание от всех трех отрядов, т.е. до 2500 человек. На котором по проекту, предложенному председателем полкового совета Г.В. Шаклеиным и М.В. Александровым, все три отряда переименованы были в полки со структурой военного времени. В каждом полку остались по-прежнему по два батальона и восемь рот.

Полки получили названия по месту своих первоначальных организаций: Канский, Манский и Тальский. Не лишним считаем привести и первоначально **Л. 139** намеченный выборный состав полковых организаций:

Канский полк

Председатель полкового совета Г. В. Шаклеин
Начальник штаба А. Т. Иванов
Командир полка М. В. Александров
Его помощник К. Лысенко
Командиры
батальонов П. И. Саломатов и Семешов
Командир эскадрона И. Марченко

Манский полк

Председатель совета Шиханов
Начальник штаба И. Г. Боган
Командир полка Ф. Г. Боган
Его помощник Гринвальд
Командир батальона Лапицкий (Лопецкий)
Командир эскадрона В. Гусев

Тальский полк

Председатель совета
и начальник штаба Сосновский
Командир полка Ив. Грибушин
Командир 1-го батальона Филимонов **Л. 140**
Командир 2-го батальона А. Казарский
Командир эскадрона Дядечкин

Первоначально организацию полкового совета положил у себя Канский полк, чем значительно облегчил функции командира, до сего времени ведавшего военно-политической и хозяйственной частями. Еще задолго до этого съезда, перед Нойским боем, М.В. Александров предлагал манцам тип вышеуказанной организации, указывая явную ее полезность, но манские руководители реагировали на это отрицательным образом и не желали создавать «двух властей». Однако практика быстротекущей и, мы бы сказали, эксцентричной действительности настоятельно вызвала к жизни полковые советы⁷⁴, которые, по существу, стали ведать всей жизнью полков вплоть до вопросов стратегических. Члены полковых советов были впоследствии не только хозяйственниками, но и вдохновителями и, если угодно, юристами, т.е. маленькими толкователями и исполнителями тех нравственных и юридических сентенций, **Л. 141** которые в миниатюре развивала «Крестьянская правда» и устав «товарищеской дисциплины».

Наряду с созданием полковых советов была вызвана и другая, более крупная, имеющая общее значение организация. Это Армейский совет с пропорциональным представительством от всех частей тыла и фронта. Как полковые советы, так и армейские, выбирались вполне свободно на местах, при самом публично-широком обсуждении кандидатов, чуть ли не по принципам форума.

Армейский совет являлся высшей властью в армии и подчинялся объединенному Совету, вернее, его военному отделу. Его функции, как и функции полковых советов, определялись инструкцией, выработанной на этом же съезде. Не менее серьезно стал теперь перед съездом вопрос о дисциплине. Последние операции особенно рельефно показали расхлябанность не только отдельных бойцов, но и командного состава. Мотив было очевидный, и съезд поручил

тройке разработать устав **Л. 142** «товарищеской дисциплины», в которую вошли Г. В. Шаклеин, А. Т. Иванов и П. П. Петров.

Выработанный устав нельзя было назвать просто дисциплинарным уставом в узком смысле этого слова. Это был маленький кодекс, обнимающий собой декларативную и конституционную части, здесь предусматривались, собственно говоря, права и обязанности военные, но и гражданские, политические и пр. «Юридический винегрет», как назвал его позднее А. Т. Иванов. В нем, насколько помнится, было около 40 основных статей по всевозможным отраслям: поведения, преступления и наказания. Но, к сожалению, ни одного распоряжения в настоящее время нет. Возможно, что этот устав, широко распространенный, оставался целым вплоть до отступления в Минусинский уезд и в тайге употреблен на раскурку. Характерно отметить лишь то, что высшая мера наказания все же была предусмотрена одной из статей и по уставу должна была применяться по трем родам преступления, а именно: измена на фронте, **Л. 143** шпионаж на руку противника и насилие над женщиной. Во всех остальных случаях или изгнание из армии, или же изолжания на все время Гражданской войны.

Армейский совет в своей внутренней организации построился по схеме полковых советов (прототипом чего был совет Канского полка). Он разделился на четыре основных отдела: продовольственно-хозяйственный, военный, организационно-агитационный и судебно-следственный. На этом же съезде была выработана инструкция, разграничивающая действия совета от главного штаба, последнему отведены были функции только стратегические. Таким образом, главный штаб становился не высшей инстанцией армейской власти, а строго подчиненной и подконтрольной Армейскому совету.

В первый исполнительный комитет Армейского совета вошли: председатель — С. К. Сургуладзе (бывший ссыльнополитический, с.-д., теперь коммунист), товарищами председателя — Костюченко и Габьев, оба местные **Л. 144** крестьяне, и секретарем был кооптирован крестьянин села Кияйского П. П. Скоромкин (позднее член Красноярского губисполкома).

Съезд занимался не только вопросами организационного характера, но, как известно, он во всей широте и глубине поставил вопрос о дисциплине, о поведении, и при обсуждении «кияйской свадьбы» не одному, может быть, ее участнику пришлось прослезиться. Однако дело кончилось как всегда миром. Это характерная черта партизан носила специфические формы до последнего дня их действий. Редкий съезд или частичное собрание проходили без резкой, критической перебранки, и никогда, кажется, ар-

мия не бывала так сплочена и воодушевлена, как после тщательного перемышания всевозможных грехов, особенно командного и идейного состава армии. Армейский съезд провел законченную организацию повстанческих частей, умиротворил разгоревшиеся страсти и уже с обновленным аппаратом приготовил армию к переходу в новую, более серьезную полосу боевой **Л. 145** жизни.

Шалинский бой

К 20 марта 1919 года на станцию Камарчага прибыл в подкрепление к деморализованным и в каждую минуту готовым убежать остаткам генерала Афанасьева офицерский отряд в количестве 400—500 человек. Красноярское начальство, видимо, серьезно потревожило наступление, не менее серьезно оно напугало и так называемых отцов и матерей города, так как дело доходило уже до молебнов и прочих церемониалов.

Сформирование исключительно офицерской части и было вызвано сильно опасавшимися повстанцев зажиточными людьми, которые (по некоторым данным) принесли слезливую челобитную сибирскому Тарквемаде⁷⁵, т. е. ген(ералу) Розанову. Офицерский отряд, очевидно, готовился самым тщательным образом: одет он был в одинаковые белые балахоны, под цвет снега, и весь вооружен большим количеством ручных гранат и, по обыкновению, спиртом. Замысел был повести ночное наступление, и главным **Л. 146** образом на самую опасную часть повстанцев, именно Канский полк, который во главе с командиром стал чем-то легендарным в сознании белогвардейских частей.

Наступление офицеров повелось ночью и, как следовало ожидать, велось довольно отчаянно. Дело дошло до ручных гранат и почти штыков. Канский полк, может быть, в первый и последний раз заявил себя такой сказочной стойкостью, которая действительно со стороны кажется легендарной. В течение 13-часового периода изрядно пьяные белые не менее четырех раз пускались в самую отчаянную атаку под прикрытием четырех орудий, выпустивших больше тысячи снарядов, и пяти беспрестанно бивших пулеметов; в одно время повстанцы под сильным градом ручных гранат начали срывать с мест, и только энергия и сметка Александра, примененные вовремя, закрепили положение за повстанцами. Дело в том, что в момент последнего нажима почти двухтысячного отряда белых один Канский полк **Л. 147** М(ихаила) В(ласовича) выдвинул весь кавалерийский эскадрон в тыл противнику, а последний стремительным налетом буквально опрокинул офицерскую часть. Поражение было настолько велико, что при-

вело в ужас даже пьяных белогвардейцев; убитых и раненых, выведенных из строя, белые насчитали более трехсот человек, в то время как повстанцы потеряли всего не более двух десятков, из которых убитый всего один.

Особенно пострадала здесь самая страшная для карательных отрядов рота Канского полка под командой М.В. Колесникова. Находившийся в это время в селе Шалинском А.Д. Кравченко сам был вынужден (признать) действительную стойкость Канского полка и вторично имел случай убедиться в нераспорядительности командира Манского, который и на сей раз не посмел зайти в тыл противнику. Самый крупный Шалинский бой, писал в объединенный Совет Кравченко, был выигран благодаря храбрости и талантливости М.В. Александрова, руководящего **Л. 148** боем. И действительно, под Александровым в этом бою было убито две лошади, но он пока оставался цел.

В этом бою выделилось несколько ранее незаметных почти талантов, как, например: А. Терещенко, М. Колесников, П. Саломатов — командиры рот и батальонов, так или иначе, получили свое заслуженное место, противопоставляя военной технике и теоретическим познаниям квалифицированных вояк свою исключительную практику и несокрушимую силу духа. Трудно верится непосвященным в сущность партизанской борьбы. Не могут они, по всей вероятности, допустить мысли о такой стойкости и ловкости «бойцов снизу», как трудно им допустить и того благородства мысли, устойчивости убеждений и прямоты в отношении своих противников и граждан вообще... **Л. 149**

Кроме того, трудно согласиться опять-таки с общим представлением русской публики в том, что партизанскую войну начала и вела на всем ее протяжении ограниченная группа лиц... **Л. 150**

Отряд Савицкого и Марченко

Характеризуя Агинскую организацию с ее немощными симптомами и зловключениями, мы имели случай упоминать и о том, что с распадом уже было сформировавшегося отряда, еще в декабре 1918 года, там остались кружки: Я.М. Чистова, А. Марченко и других. И вот эти-то маленькие организации к марту месяцу намотались в огромный клубок. Часть агинских добровольцев (т.е. мы разумеем здесь ряд волостей) уже давно **Л. 153** приходили в Канский отряд с довольно солидными, как говорят, работниками повстанческого движения: Шаклеин, Гапонов, Жестиков, Чистов, Рогожин и многие другие, затем заметные в партизанской армии.

По мере того как расширялся и мужал в боевой жизни отряд, мало-помалу раскачивались и агинцы.

Сначала там создается небольшой отрядик под командой Савицкого, который к марту разрастается в 200—250 человек. В селе Агинском создается свой штаб уже не в пример прежнему. Здесь же открываются сапожная и оружейная мастерские, продовольственный пункт и, по примеру перовцев, объявляется мобилизация трех лет фронтовиков и новобранцев. И, помимо отряда Савицкого, создается еще четвертый, так называемый Агинский полк. Сначала этот полк был и маленьким, и неуравновешенным, но позднее немного окреп и увеличился. Впрочем, его неуравновешенность, как увидим впоследствии, была его чертой специфической.

Зато отряд Савицкого и Марченко с первого же **Л. 154** момента своего появления показал полугендарные успехи в действии. Несколько сильных налетов на довольно сильный тогда ирбейский гарнизон белых (в 50 верстах от Агинска) сразу заставили последний встряхнуться и оставить свои притязания на Тальскую волость, которую начальник ирбейского гарнизона поручик Черепанов имел страстное желание сжечь (см. далее его письмо). Все это доставило отряду Савицкого и Марченко широкую популярность и симпатию. В лагере противника Савицкий был больше известен в последнее время, чем кто-либо из вождей и командиров. Свою известность там он приобрел тем же легендарным путем, каким прежде приобретали ее А.Д. Кравченко и В.А. Малышева, т.е. перепиской с белыми офицерами, в частности с упомянутым Черепановым. И через своих агитаторов и прокламациями он пускал легенду о чудовищной силе своего отряда, переименовывая воображаемые, но не существующие на самом деле свои части. У него был штаб (тоже воображаемый), и «стальная дивизия», и 9-й Могилевский полк **Л. 155** и проч. и проч. Начальник ирбейского гарнизона так и адресовал ему свои корреспонденции: «командиру стальной дивизии красных Савицкому».

Особенно характерен был один случай переписки, который небезынтересно привести для уяснения психологических и прочих моментов двух противных лагерей. Случай этот был таков: в одном из своих налетов отряд Савицкого и Марченко взял в плен вместе с обозом эвакуировавшихся трех учительниц и жену священника. Опасаясь за участь последних, Черепанов, в свою очередь, не замедлил арестовать как заложниц жен тальских вожakov Жестикова и Курганского (Жестикова Пелагея Викторовна и Курганская Людмила. — Т. К.). По этому поводу началась усиленно-беспрерывная переписка, захватывающая и другие, совершенно не относящиеся к теме вопросы. Вот одно из писем Черепанова.

*Командиру стальной дивизии гр. Савицкому
Гражданин Савицкий.*

Недавно одной из Ваших частей были взяты
Л. 156 *в плен три учительницы Тальской волости и жена священника, о чем Вам, конечно, известно. Зная, что Вы не упустите случая устроить над ними какую-нибудь гадость, я взял заложниками баб Жестикова и Курганского, поэтому предупреждаю: если Вы что-нибудь себе позволите сделать над нашими, хотя бы маленькую неприятность, то поверьте слову офицера Русской армии, мы придумаем Вашим заложницам такую расправу, какой Вам и во сне не снилось.*

*Неужели у Вас не найдется благородства пощадить женщин-матерей? Хотя трудно вообще ожидать от свиньи милостыни. У нас ходят слухи, между прочим, что Вы отличаетесь особенной гуманностью среди своих сподвижников, поэтому есть надежда, что на этот раз волк не всю кость изложет. Кроме того, Вы, говорят, собираетесь разгромить село Ирбейское из мести, что оно не присоединено к Вашей разбойничьей шайке? Предупреждаю: если хоть один дом будет разорен у ирбейского старожилы, завтра же от всей Тальской волости останется один пепел. В заключение позвольте, «стальной **Л. 157** командир», быть с Вами откровенным. Если бы судьба привела к нам в руки такого, как Вы, жигана. О, с каким бы удовольствием мы «поговорили» с Вами... Да, впрочем, скоро увидимся. Ведь Вы, кажется, офицер флота и, стало быть, человек интеллигентный, а кому же не приятно поговорить с приятным человеком... Ну, будьте могущественны и подлы по-прежнему, авось попадете в зверинец, когда придет конец царству негодяев.*

Со всем почтением поручик Черепанов

В свою очередь Савицкий посылал памфлеты белым. В этом отношении повстанцы, подобно запорожцам, писавшим когда-то хану, изощрялись в коллективном остроумии как могли. Здесь, в селе Агинском, концентрируются теперь все силы Тальского и Агинского районов, кроме того, восточная сторона главных сил повстанцев становится защищенной надежным отрядом. После двух-трех поражений гарнизон Черепанова начинает считаться со стойкостью «стальной дивизии» и ограничивается лишь тем, что высылает большие разведки по направлению к Агинску. Многочисленные и почти всегда удачные **Л. 158** налеты Савицкого и Марченко не дают возможности ирбейскому гарнизону повести организованное наступление и держат его в ежедневном страхе; с другой стороны, и повстанцы,

располагая незначительными силами в 100—250 человек, не рискуют наступать на село Ирбейское. Причем главный штаб на неоднократные запросы Савицкого и Марченко о присылке подкрепления для наступления медлил (с) ответом в силу развертывавшихся все шире и глубже операций в Манском и Клюквенском районах.

Нужно заметить, что между отрядом Савицкого и главными силами повстанцев установились довольно странные отношения в смысле соподчинения. Влияние главного штаба и соединенного Совета на этот отряд было почти косвенное, инструкторное. Особенно это сказывалось в части военно-стратегической. Савицкий и Марченко почти не обращались в штаб за директивами и лишь сообщали в порядке информационном о тех или иных мероприятиях. Зато продовольственное дело, находившееся в руках Я.М. Чистова, Т.Г. Рогозина **Л. 159** и других, строго концентрировалось под их руководством. Так, например: Агинский район в течение двух-трех месяцев сделал заготовку около 10 тысяч пудов хлеба и около 10 тысяч пудов мяса. Для выделки кож был пущен свой завод, правда примитивного свойства, но организаторы его не теряли надежды на усовершенствование этого предприятия.

Отряду Савицкого и Марченко приходилось всегда держаться, как говорят, на гребне волны, из ранее уже высказанных соображений. Район действия, как нам известно, был далеко не надежным и, несомненно, таил в себе закоренелую мысль о возврате белых дней «твердой» власти. Поэтому повстанцам приходилось особенно бдительно заботиться о чистоте своей нравственной репутации: пропавшая курица, самовольно взятая вязанка сена и т.п. могли послужить здесь превосходным поводом для агитации против повстанцев. Вследствие чего командиры и рядовые повстанцы с особенной тщательностью старались фильтровать наплывающих в отряд добровольцев. **Л. 160** Одним словом, этот отряд вливал в себя самый устойчивый и духовно-спаянный элемент. Людей случайных здесь трудно было встретить. Таким образом, отряд Савицкого и Марченко по стойкости и духовной компактности следует приравнять к Перовскому отряду. В отряде Савицкого и Марченко, так же как и в Перовском (позднее в Канском полку), образовалась первоначальная группа из самых главарей: Савицкого, Марченко, Я. Чистова, Альянова, Ян-Павлу и др. Теперь, когда было поднято Степно-Баджейское восстание, эта группа (Агинская) заняла командное положение и, как более сознательная, давала тон всему маленькому **Л. 161** отряду.

М. В. Александров, командир Канского полка. 1918 г.

Бои в селах Семеновском, Рыбинском и Николаевке

К концу марта 1919 года положение повстанцев было устойчивее, чем когда бы то ни было. К общей численности армии, приблизительно в три тысячи человек, прибавился, как было указано выше, еще Агинский полк, насчитывающий около трехсот человек. Карательные отряды сосредоточили остатки своих сил на трех станциях: Камарчага, Ключвенная и Троицко-Заозерная — и плюс дружина подпоручика Черепанова. В подкрепление к Ключвенной группе был выслан всего лишь один эскадрон томских гусар, которые немедленно выступили в село Семеновское (15 верст от ст. Ключвенной). Состав этого эскадрона был исключительно новобранческий, но вооружение, одежда и лошади не желали требовать лучшего; лошади, очевидно, были взяты из Томска с завода вдовы Королевой, а сбруя только что вышла из мастерских. Этот эскадрон, как позднее говорили новобранцы, был очень превратного мнения о партизанах и, так же как предыдущие карательные **Л. 162**

отряды, введен своими офицерами в заблуждение относительно мощи повстанцев, т. е. думали галопом смять всю «банду».

Боевые действия на Камарчагском и Ключвенском участках, как мы видели, к этому времени выпали на долю одного Канского полка. Два Нойских и два Шалинских боя, по существу самые крупные и решающие, нужно поставить в заслугу исключительно этому полку и, главным образом, его штабу и совету. В последнем отношении Канский полк был, пожалуй, счастливее всех остальных. Группе людей, в лице М. В. Александрова, А. Т. Иванова, Г. В. Шаклина, К. Лысенко, М. Колесникова, З. Артюхова, трех братьев Саломатовых, А. Марченко и других, рьяной стороннице самых отчаянных действий и (которая) так сумела сплотить полк, что пришлось бы позавидовать многим патентованным спецам.

Канский полк и особенно его кавалерия под командой А. Марченко и Нойские бои вселили сказочную уверенность в силу этого полка не **Л. 163** только среди армии и повстанческого района, но и среди карательных отрядов. Так, например, участвовавшие перебежки новобранцев от белых свидетельствовали о том, каким страшлищем стоит Канский полк в глазах офицеров. Каждый перебежчик непременно спрашивал Канский полк и объявлял неперемное желание повидать «полковника Александрова». Авторитет М. В. Александрова поднимается в армии и среди населения легендарно высоко: рядовые повстанцы, штаб и Армейский совет удерживают и даже протестуют против его постоянного риска, а он, как дикая разнузданная лошадь, несется по широкому полю, перескакивая умопомрачительные кручи и овраги. В одни сутки он с двумя ротами разбивает в трех верстах от села Перовского внезапно появившуюся дружину села (Вершино)-Рыбинского в 150 человек; в тот же день гонится до станции Ключвенной за отрядом милиции за 40 верст и, узнав по дороге о прибытии в село Семеновское томских гусар, ночью забирает всех их в плен с вооружением и лошадьми. Налет настолько оригинален, что трудно **Л. 164** верится. А между тем это было так. Из ста человек гусар спасается бегством только один офицер и тот, видя настигающую погоню, самолично стреляется.

Бой под деревней Ново-Николаевкой

В конце марта со станции Ключвенной прибыл новый отряд под командованием генерала Афанасьева. Отряд этот разделился на три колонны: первая заняла оставшееся село Шалинское, вторая — Семеновское и третья — Толстихинское, это приблизительно по горизонтальной линии верст на шестьдесят. Решительного наступления ни одна из колонн не принимала и,

судя по настроению солдат, не имела к этому больших желаний. Генерал Афанасьев перед отправкой разведки раскладывал пасьянс и, в зависимости от того, что вешали карты, посылал или оставлял эти разведки на месте. Так продолжалось недели две. В этот промежуток времени получилось два письма от командующего толстихинской колонной поручика барона: одно — на имя Кравченко и второе — Александра.

Содержание этих писем удержалось лишь в памяти. Кравченко делался **Л. 165** упрек в том, что он, будучи человеком интеллигентным, связал свою судьбу с бродячими шайками отбросов, творит унижительное дело, нанося этим удар порядку и всей мыслящей общественности. Судя по сведениям, писал барон: «Вы сами являетесь помещиком и офицером, поэтому, что общего может быть у Вас с разбойниками». Александра барон пытался убедить в утопичности тех идей, которые начертал на своем знамени социализм вообще, а большевизм в частности; «этого никогда не было в истории и не будет» — так заканчивалось письмо. В заключение автор выразил сожаление, что такие талантливые головы, как Александров, отдают силы и жизнь слепым стихиям черни, тогда как он мог бы великолепно приобщиться к высшему творческому кругу людей — спасителей государства и цивилизации. Барону, очевидно, не приходило в голову, что Александров вышел из самой гущи этой «слепой стихии» и, как человек с высшими стремлениями, с незаурядными дарованиями, понимал движение по-своему. А барону почему-то хотелось верить, что Александров — офицер. И не удивительно. **Л. 166** Предубеждение в том, что монополия военных успехов принадлежала и принадлежит офицерству, и по сие время гнездится еще в баронских головах, если таковые остались после революции.

Александрову предлагалось сдать свой полк за большие деньги и даже блаженство в будущей жизни. Разумеется, весь этот мадригал был принят, как лепет дитяти, а через три дня Александров с несколькими ротами канцев и Тальским полком, которым временно командовал Марченко, повел наступление на деревню Ново-Николаевку, которую занимала колонна белых под командой упомянутого барона. Подробности этого боя не выяснены, но в общем дело было так, что колонна с первых выстрелов повстанцев побежала, неся громадные поражения, а сам барон был взят в плен живьем. И удивительно, накануне так надменно презиравший чернь барон превратился в кающегося гражданина.

Перед собравшимися повстанцами он просил сказать речь, что ему и было дозволено. «Сейчас, — начал он, — так или иначе я найду способ умертвить

себя. **Л. 167** Я сегодня имел случай видеть в вашем лице настоящих воинов, так мужественно и с такой верой люди могут бороться только за свободу. У нас нет этой веры, а следовательно, нет и доблести. Я не имею намерения заискивать перед вами и не буду молить о помиловании. Я знаю, что живу последний час и, умирая добровольно, скажу вам, что правда на вашей стороне, а мы гнием на корню и скоро сгнием. В вашей новой жизни, в вашей стихии мы все равно медленно отравимся, вот почему мне хочется умереть сегодня же, сейчас же». После этих слов он обратился к Александрову с просьбой, чтобы его расстреляли, но повстанцы предложили ему револьвер, и в присутствии всего отряда барон прострелил себе висок. Ровно через неделю пополненная конными силами колонна пыталась еще раз овладеть деревней Николаевкой, но была разбита окончательно. Немного раньше этих двух боев Агинский и Тальский полки достойным образом отразили пытавшуюся наступать колонну со стороны станции Камарчага. На месте старого поста, таким **Л. 168** образом, оставались только семеновская колонна и рыбинская дружина.

Рыбинский бой

Весна 1919 года наступила дружно. Глубокий снег подтаивал все больше и больше с каждым днем, на дорогах стали образовываться проступи. А в логах собирался местами глубокий слой воды. С наступлением половодья карательные отряды прекратили свои наступательные действия. Да их и нельзя было вести еще по тем соображениям, что силы белых были истощены окончательно. Укрепившись на станциях Клюквенной и Камарчага, генерал Афанасьев каждый день готовился к эвакуации, а повстанцы, задерживаемые половодьем, не могли продолжать наступление на двух этих участках. И лишь разведка смельчаков, одними им ведомыми путями, пробираясь близко к противнику, каждый раз пуская в ход все орудия и пулеметы.

С наступлением весны повстанческая армия сильно потрепалась в смысле одежды. Отрезанный от торговых рынков, повстанческий район не имел никакого **Л. 169** притока товаров. Особенная нужда чувствовалась в обуви в Манском и Тальском полках. Это положение толкало повстанческое командование искать выхода, а так как села (Вершино)-Рыбинское и Ирбейское являлись торговыми, то и стал вопрос о наступлении на одно из них. Вопрос этот сильно нервировал штаб с одной стороны, и с другой — надвигался тяжелый кризис безобувья. Села эти, будучи большими и хорошо защищенными дружинниками, представляли серьезную

опасность. Тем более что к этому времени в селе (Вершино)-Рыбинском появился небольшой отряд чехов. Очень продолжительный спор между Кравченко, предлагавшим немедленное наступление, и Александровым, отклонившим таковое, вылился в бурную ссору. В один из приездов в Канский полк Кравченко получил от Александрова грубое предложение «не являться»; мол, если Манский полк нуждается в обуви, пусть добудет сам. Довольно ему сидеть в спокойном местечке и мудрить, разбирая чины и почести. На село Ирбейское Александров отказался идти категорически. Это было время начинающейся драмы. Ужасы **Л. 170** пережитого не проходили бесследно для такой психики, какая была у Александрова. Он часто задает вопросы близким друзьям о смысле жизни и борьбы, о том, стоит ли эта борьба тех многочисленных жертв, которые добровольно и с такой беззаветностью приносятся на жертвенник. Близко стоявшие к Александрову работники Шаклеин, Иванов, Саломатовы, Лысенко, Д. Потылицин и другие замечали эту резкую перемену, но, кроме дружеских советов и развлечений в узком кругу, никаких мер не принимали. Обиженный Кравченко в Тальском и Манском полках подогревает антипатию к «честолюбивому» Александрову. Даже пускается слух, что он из трусости не предпринимает наступления. Слово «трус» являлось самым омерзительным для него, прошедшего самые отчаянные операции. Ущемленное самолюбие не выдерживает, и Александров **Л. 171** с лихорадочной поспешностью готовится напасть на самое опасное село Рыбинское.

На этот раз канцам не посчастливилось. Наступление, как и всегда, было предпринято ночью. Однако дружина с чехами не прозевали противника. Хотя Канскому полку и удалось овладеть центральным пунктом села, но это стоило неискупимых жертв, и в последующей неудаче это сильно надломило мощь полка. В этой последней и яркой вспышке сгорел духовно и окончательно Александров. В Рыбинском бою была выведена из строя почти вся головка: председатель полкового совета Г.В. Шаклеин был тяжело ранен, начальник главного штаба Яковлев лишился ноги, несколько командиров, приблизительно 13 человек, умерли от ран на месте и на больничной койке. Село Рыбинское оставалось в руках повстанцев всего несколько часов. **Л. 172** И за это время удалось конфисковать магазины. Нашлись охотники погреть руки, среди них были и повстанцы, и товар уплыл больше в котомки охотников легкой наживы, чем в фонд полкового совета. Ни Александрову, ни совету не было времени заниматься конфискацией и предотвратить грабеж.

Для Александрова это было лишним ударом по оголенным нервам. Вернувшись из Рыбинского, он напился пьяным, как говорят, до потери сознания, а позднее выпивка стала его основной чертой. Вернувшись из Рыбинского боя, озлобленные канцы поделились очень малым с остальными полками повстанцев. Это послужило мотивом для агитации против анархических действий полка и особенно его командира. Неведомая рука творила какую-то темную стену между полками. **Л. 173** Так закончилась яркая, доблестная эпопея Канского полка (ранее — Перовского). Председатель совета Г.В. Шаклеин излечился лишь к концу движения. А.Т. Иванова отозвал объединенный Совет на должность председателя ревтрибунала, а М.В. Александрова, как увидим далее, постигла более печальная участь. В полку остались очень немногие из тех, которые заложили основу повстанческого движения.

Действия Манского и Тальского полков

Манский полк был вторым по величине после Канского и первым по возникновению. Но история его в этот период не так богата и красочна. Манский полк отбил одно маленькое наступление и один раз участвовал в совместном наступлении с канцами на станции Камарчага. **Л. 174** Полк несколько раз выступал на село Кияйское, деревни Верхне-Шалинскую, Ингут и пр. Затем, не принимая боя, отходил к тайге. Отдельные его команды, как, например, команда лыжников во главе с В. Гусевым, делали частые и довольно смелые вылазки, но это не были действия всего полка. Командир этого отряда Ф.Г. Боган не особенно старался к согласованности действий и особенно враждебно относился к канцам. Его, как и главнокомандующего, не тянуло в степь. Манский командир, пожалуй, отличался большей анархичностью, и Александров был прав, когда на заседании штаба сказал Богану: «Вы с нами только тогда, когда мы посылаем хлеб и одежду, а деремся мы одни». Канцы в тяжелые моменты не находили более унижительного слова, как «цикария» (трус). Доля правды в этом была. **Л. 175**

А.Д. Кравченко, несмотря на свои платонические отношения с манцами, сознавался, что они «слабы». В последние дни Баджея, как увидим дальше, Манский полк зарекомендовал себя хроническим бегством с фронта. И если первые шаги этого отряда отличались несомненным успехом, то их следует поставить в заслугу первому командующему армией К.П. Лидину-Пуляеву, В. Гусеву, Гринвальду и др. Несколько раз поднимался вопрос об избрании командиром полка В. Гусева, почему-то не получил должного разрешения.

П. И. Толстихин, бывший партизан, участник Великой Отечественной войны. 1919—1920 гг.

Однако последнее состояние полка несколько не умаляет его прежних заслуг. Его подпольная работа выступила первой среди повстанцев. Если принять во внимание условия недостаточного питания, плохой одежды, **Л. 176** то станет понятной моральная сторона этого полка. Постоянное пребывание на одном и том же месте, в курных новосельчатых избах, зачастую со свиньями и овцами, невыгодно отражалось на психике рядовых повстанцев и самого командного состава. Не принимая крупных боев, манцы все же не бездействовали. Поход В. Гусева на село Моганское, который оказался удачным в военном и агитационном смысле.

Что касается Тальского полка, то здесь нужно отметить его малочисленность — 250—300 человек и бытовую и военную неуравновешенность. Повстанцы Тальского полка являлись выходцами в чужие места, долгое время не могли освоиться. **Л. 177** Вожаки этого маленького отряда, очевидно, не имели желаний подчиняться директивам повстанческого командования; с другой стороны, среди тальцев, как и везде, велась глухая борьба за обладание командованием. Главные вожаки организации Жестиков и Курганский ограничились лишь приводом отряда в Солонечно-

Талое, а затем оставили его и воротились в Тальскую волость. Из группы тальских вожаков остались лишь двое — Грибушин и Дядечкин, первый занял пост командира полка, а второй — командира эскадрона⁷⁶.

В помощь полку был откомандирован в качестве инструктора А. Т. Иванов. **Л. 178** Отряд перебрасывается с одного места в другое, сначала занимает село Шалинское, но отступает без боя; отражает наступление левой колонны на деревню Большой Имбеж. В последних числах марта часть этого полка бросается во главе с А. Т. Ивановым в наступление (на) противника, на село Семеновку, но наступление терпит полную неудачу, что вызывает раздоры и нарекания друг на друга. Иванову предъявляют обвинение в пьянстве и, кажется, даже во взяточничестве. Обвинение поддерживается командующим, и Иванова сдают под суд⁷⁷. Этим и заканчивается боевая деятельность Тальского полка. После ряда неудач тальцы решили переизбрать весь комсостав и, кажется, совет. Переизбрали только командира полка, вместо Грибушина — А. Марченко, с именем которого и комбатальона А. Казерского связывается период боевого подъема тальцев и примерной дисциплины. **Л. 179**

С Тальским полком примерно происходило то же самое, что и со всеми остальными в периоды организации: колебания, разноречивость, отсутствие опыта и закаленности бойцов. Указывая на первоначальную слабость полка, следует указать, что отдельные его единицы, как то: А. Марченко, А. и В. Казерские, Егоров, Сосновский, Еремин и другие, зарекомендовали себя с самой привлекательной стороны. **Л. 180**

Затишье. Подготовка к съезду.

Причины подготовки

Конец марта и начало апреля 1919 года можно считать полным затишьем на Клюквенно-Камарчагском фронте. Разлившиеся реки представляли значительное препятствие для продвижения с той и другой сторон. В расчет повстанцев не входило наступление еще и потому, что увеличивающийся отряд предъявлял к своим организациям материальные требования. Трофеи Рыбинской боя не удовлетворили даже самых элементарных нужд отряда. Особенно острая потребность ощущалась в обуви и платье. Довольно значительная часть повстанцев шлепала по лужам в разбухших валенках, не говоря о том, что суровую зиму большинство обманули в потрепанных еще фронтовых шинельках и ватных фуфайках. Эти лишения могла выносить только железная сибирская натура. Армейские организации изыскивали пути снабжения, но **Л. 181** усилия приносили малые результаты.

Отдел заготовок объединенного Совета отправился с колчаковскими деньгами в Канск; перебравшись через фронт, обратно вернуться, очевидно, не могли. Собственные предприятия по выделке кожи не давали необходимых результатов. Таковых по всей территории республики было два или три. Обслужить население в пять тысяч человек кустарным способом было невозможно. Запасы истощились, и перед армией стоял вопрос об учете всей обуви и одежды у населения, реквизиции. К этому времени остро встал вопрос денежного обращения. Деревни в это время были насыщены колчаковцами, нужды в них не было, их отказывались брать. Деньги некуда было девать. **Л. 182** Финансовые затруднения принесли немало тревоги объединенному Совету. Было принято категорическое решение — предавать суду тех, кто будет отказываться принимать колчаковские деньги, снабженные печатью объединенного Совета. Сам же Совет выдавал расписки в виде бонны с обязательством возместить их настоящими деньгами.

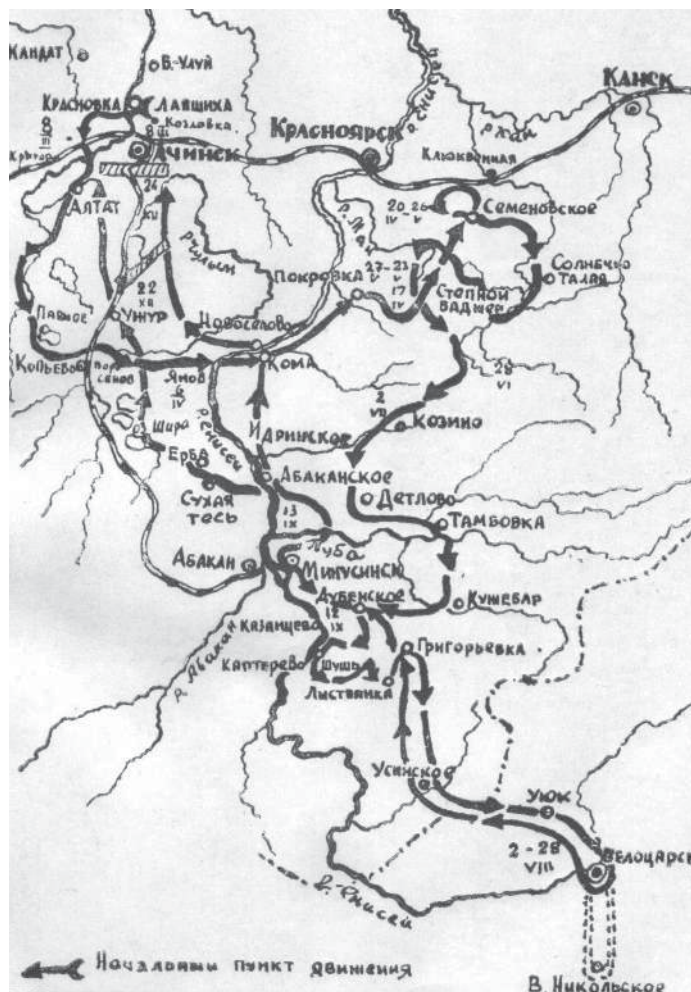
Исполнительному комитету необходимо было сделать доклад и огласить обострения во взаимоотношениях населения с армией. Это вопрос послужил стимулом к созыву съезда и тщательной подготовке к нему руководящих органов армии. Была создана комиссия из трех лиц, которая выехала в Вершино-Рыбинское. Перед съездом повстанцами **Л. 183** были получены приказы и воззвания от Канской управы, которая негодовала на главарей повстанцев и скорбела о том, что крестьяне потеряли облик трудолюбия и миролюбия. Совет выпустил целый ряд полемических воззваний к населению, перебросили их и по ту сторону фронта. **Л. 184** Недостаток бумаги понуждал экономно расходовать ее. Немало времени и энергии ушло у ограниченного числа работников.

Партизанские руководители, как и рядовые бойцы, считали делом обычным не спать три-четыре ночи и даже пять ночей, (что) являлось непомерным переутомлением для работников. Работники объединенного Совета заняты были подготовкой к весеннему сезону, с другой — заготовке хлебопродуктов для армии и населения Заманского района. Больше всего партизан пугал вопрос бессоля. Жители Заманья и организации Баджея стали солить пищу уже только через день. **Л. 185** Объединенный и Армейский советы чувствовали, какое бремя наваливается на них. В снабженческие организации были отозваны работники фронта, которые буквально рыскали в поисках всего необходимого для существования республики. Вопрос снабжения осложнялся все больше. В армии росло глухое негодование. К мерам принудительного характера советы и другие организации не прибегали.

Съезд был назначен в селе Вершино-Рыбинском Канского уезда, так как больше подходил с точки зрения географической и безопасности. Объединенный Совет принял меры **Л. 186** к тому, чтобы съезд устроить значительнее. Нужно было отдать отчет за прошедшее время, рассеять массу слухов и наметить план будущей работы. Повстанческая масса бдительно следила за деятельностью руководящей организации, расходом бюджета. Так, Канский полк настоял перед Армейским советом сделать немедленную ревизию продовольственного отдела и кассы объединенного Совета, которой ведал т. Курченко. Главным мотивом послужили слухи, что Н. Курченко живет среди общих лишений слишком хорошо, т.е. имеет возможность каждый день покупать молоко или сметану **Л. 187** и даже пренебрегает общим котлом. Кроме того, сшил себе сапоги из шевро. С современной точки зрения эта мелочь вносила в умы немалое возбуждение. Курченко основательно побаивался ехать в армию и особенно в Канский полк. Все основывалось на слухах. Ревизия обнаружила некоторые недостатки, но далеко не те, на которые рассчитывала. К этому времени относится отрадное для повстанцев событие — это приход отряда П. Е. Щетинкина.

Отряд П. Е. Щетинкина

Всякие известия из внешнего мира встречались повстанцами с особым вниманием. Приход на соединение вооруженного отряда вызвал взрыв восторгов. Сведения о действиях отряда Щетинкина манские повстанцы получали раз или два из белой печати. Но они лишены были правдоподобности. Неизменно писалось, что банда большевистского капитана Щетинкина ликвидирована. **Л. 188** Накануне прилетели какие-то слухи, что штаб Щетинкина убегает в Минусинский уезд. Щетинкин отступал не одним только штабом, как проносились слухи, а организованно отступал через окраины Минусинского уезда. Приняв сильный бой под деревней Яновой, он отправился почти в тысячеверстный путь через тайгу с двух-, двух с половиной аршинным снегом. Пройдя больше недели тайгой, отряд начал терять надежду на отыскание жилого места, наконец **Л. 189** на девятый день, 4 апреля 1919 года, разведка во главе с Загуменным, Мордасевичем и другими вышла на один из участков Заманья — Колбу. Весть о появлении вооруженных людей с тыла сначала не на шутку взволновала Баджей. Комендант последнего Магда мобилизовал все имеющиеся силы и вызвал с фронта небольшую часть с пулеметом. Наконец все убедились в приходе именно своих людей, и отряд в триста человек был встречен с большим радушием.

Карта движения армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина в период с 8 марта по 24 декабря 1919 г.

В момент прихода отряд располагал 300 винтовками, пулеметов не было, запасы также истощены совершенно. Отряд был измучен, но производил довольно бодрое впечатление; в такой суровый путь решился самый сильный элемент, остальная часть отряда рассеялась по Минусинскому и части Ачинского уезда. Ачинцы не только не потеряли присутствия духа, но производили впечатление более закаленных, чем местные повстанцы. **Л. 190** В первое время этот отряд был расположен на отдых в Заманье, а немного спустя переименован в Северо-Ачинский полк под командованием П. Е. Щетинкина и его помощника В. А. Уланова и пожелал выступить на передовую линию. Отряд был сформирован по общему принципу и подчинен общей системе командования. Немного позднее П. Е. Щетинкин был избран помощником командующего крестьянской армией.

Если задаться целью установить политическую физиономию этого отряда, то в момент соединения это сделать никому бы не удалось. По словам руководителя, носило характер крестьянского восстания,

преимущественно бедняцкого элемента. Такого широкого размаха, как в Канском и Красноярском уездах, не было (из выступления Щетинкина на съезде). И дальше больше того, отряд не пользовался поддержкой со стороны большей части крестьянства. Объяснение найти нетрудно, повстанцам приходилось больше отступать под натиском карательных отрядов, **Л. 191** не удалось развернуть агитационной работы. Что касается боевой выдержки этого маленького отряда, ее можно было поставить в пример всем частям местных повстанцев, за исключением Канского полка. В этом можно убедиться, когда придется остановиться на действиях ачинцев в новой обстановке и новых условиях.

Военные операции на линии ж(елезной) д(ороги)

Начиная с 8 апреля по 7—10 мая 1919 года противник не предпринимал наступления по причинам распутия. К этому времени охрана дороги была вручена чехам и итальянцам, которым повстанцы не давали покоя. Разведки повстанцев проникали на станции Клюквенную, Камарчага и Балай, на Балайском разъезде был взорван мост **Л. 192** через трубу. Разброска ж(елезнодорожного) пути на протяжении иногда целой полуверсты была обычным делом. За описываемый период было спущено пять или шесть эшелонов, из которых выгружено больше тысячи пудов экспортного масла. Разведывательные группы с обеих сторон почти ежедневно сталкивались между собой в мелкой перестрелке, а иногда и в рукопашной схватке. В деревне Сушеновке (Сушиновке) переодетые в женское платье чехи заманили разведку Северо-Ачинского полка и отрезали путь отступления одному из разведчиков, пытались его взять в плен. Повстанец выстрелами убил пять человек, а шестого ухватил за горло, задушил на месте, так ухватил, что оставшимся в живых чехам пришлось отрубить замерзевшую руку по локоть. Самого его подняли на штыки. **Л. 193** У повстанцев в то же время была боязнь сдаться в плен живыми. Повстанцы знали, что ни один из них, попавши в плен, не останется в живых, и даже больше: понесет такие истязания, каких не в состоянии развить слабая фантазия.

Дипломатия повстанцев

Появление чехов и итальянцев в районе повстанческого движения вызвало массу толков. У правительства нет надежных войск для того, чтобы кинуть их на партизанские фронты, а новобранцы — элемент ненадежный. Поэтому оно отозвало чехов с Западного фронта. Дела правительства и чехов совсем плохи, и поэтому чехи убираются восвояси. И треть: правительство не может положиться в охране

ж(елезной) д(ороги) на русских. Объединенный и Армейский советы решили нащупать причину появления интервентов. **Л. 194** Русские карательные отряды зарекомендовали себя в глазах повстанцев как первостепенные трусы. И уже у всех крепла надежда на близкую победу над сибирской реакцией. К этому времени повстанцы создали единую четырехтысячную армию, имели 10 пулеметов, устроено управление в тылу и на фронте. И вот теперь нахлынули новые тучи. В первые же дни появления интервентов объединенный Совет обратился к ним с воззванием, предлагая покинуть пределы Сибири и передать оружие повстанцам, чехи не отвечали. Совет совместно со штабом выработал проект договора, с которым был направлен анархист и черносотенец священник села Хайдаковского Абрамчук. В договоре говорилось о том, что крестьянская армия требует удаления чехов на родину, **Л. 195** гарантируя им неприкосновенность. Если крестьянской армии придется столкнуться с чешскими войсками, то не должны стрелять друг в друга.

Проект, видимо, попал к чешскому командованию. Тем не менее чешские солдаты какими-то путями узнали о нем и тайно выбрали делегацию в числе 15 человек для личных переговоров. Однако зачинщики были изолированы своим командным составом.

Связь с тасеевцами

Тасеевское движение развернулось на севере Канского уезда и иногда перебрасывалось на окраины Енисейского и Приангарья. О том, что тасеевцы восстали, заманцы узнали **Л. 196** в феврале 1919 года. Армейский и объединенный советы пытались установить связь, но трудность передвижения, связанная с риском, мешала. 17—18 апреля, в первый день Пасхи, получилось извещение из Канского полка о прибытии перебежчиков с Тасеевского фронта. Известие это произвело большой подъем в армии. В село Толстихинское съехались представители советов и главного штаба. Представитель т. Кудимов кратко информировал о положении тасеевских партизан и удивлялся широкому размаху канцев и заманцев. У тасеевцев, по его словам, в то время не было ни одного пулемета (по нижнему полю листа надпись карандашом: «был 1 кольт с февр. 1919 г. О. Тишенин» (Осип Тишенин, по словам канского комиссара Ломанского, являлся одним из активных деятелей повстанческого движения в с. Тасеево. — Т. К.) и незначительное **Л. 197** берданочное вооружение. После обмена мнениями выработали проект плана совместных действий обоих отрядов по линии ж(елезной) д(ороги). Предполагалось занятие какого-нибудь города.

Говоря об огнеприпасах, представитель тасеевцев сообщил, что этих материалов у них есть излишки, и обещал поставить вопрос в своем штабе о переброске их на Манский фронт. В тот же день на митинге Канского полка Кудимов повторил свой краткий доклад, с добавлением, что крестьянство северной части Канского уезда восстало поголовно, что идут под теми же лозунгами, что и манцы, т.е. «Власть Советам и полное единение с Советской Россией». Тасеевский представитель на второй день уехал к своим на подаренном **Л. 198** ему Канским полком коне. Вернулся ли он туда благополучно, неизвестно (по нижнему полю листа карандашом: «в 1925 году писать и не знать?! Вернулся благополучно!». — Т. К.). Больше никакого общения манские повстанцы с тасеевцами не имели. Но сам факт общения имел громадное значение для отрезанных от мира людей, усилилась их уверенность. Общение было как нельзя кстати, оно разрядило атмосферу на Вершино-Рыбинском съезде.

Съезд повстанческого района в селе Вершино-Рыбинском

25 апреля 1919 года собрался первый съезд повстанческого района (в документах его называют крестьянским съездом Канского, Красноярского и Ачинского уездов. — Т. К.) от 15 волостей и армии в числе 400 человек, с правом решающего голоса 300 и приблизительно 50—60 человек по собственной почину. Из-за неприбытия представителей штаба и Армейского совета (открытие) было перенесено на 26 апреля, и в четыре часа дня он открылся. В президиум съезда были избраны: П. Петров, Я. Чистов, Н. Курченко, Д. Альянов, А. Терещенко и А. Чистов. **Л. 199** Автор воспоминаний считает уместным поместить протокол полностью как единственный (сохранившийся) исторический документ.

Протокол

Приступая к разрешению практических вопросов, съезд разделился на секции, постановления которых зафиксированы в вышеприведенном протоколе. Поэтому излишне останавливаться на всех деталях, но необходимо коснуться одного важного, с нашей точки зрения, обстоятельства.

Когда было вынесено решение о взятии на учет всех запасов хлеба на взятой повстанцами территории, то поднялся невообразимый шум. Заговорило крестьянское нутро. По этому вопросу прения затянулись на целый день, и, наконец, дело дошло до полного голосования, посредством которого и была принята указанная в протоколе резолюция. Много времени занял вопрос о самогоне. По этому **Л. 200**

вопросу выносилось много предложений такого примерно характера:

1. Гнать для себя.
2. Устроить самогонный завод в Степном Баджее и торговать по принципу монополюшки.
3. Оставить вопрос так, как он есть, при выпивке руководствоваться одним правилом: «Пей, не напивайся, а попался, не обижайся».

Последнее предложение внесено крестьянином села Вершино-Рыбинского Салато, большим комиком. Был принят так называемый устав о наказаниях, которым были парализованы все остальные предложения. И третий вопрос, которому отведено было большое место, — это вопрос о смертной казни. После жестких и ожесточенных прений съезд постановил смертную казнь в тылу отменить совершенно, предоставив право на нее Армейскому совету. Сначала абсолютное большинство съезда высказалось за оставление этой меры наказания, и объединенному **Л. 201** Совету пришлось мобилизовать все силы для отпора, поэтому вопрос о смертной казни отнял целый день. Но и здесь Совет пошел на уступки, «предоставляя право на нее Армейскому совету».

Заканчивая работу, съезд принял и одобрил обращение объединенного Совета к иностранным интервентам и солдатам правительственной армии. Оригиналы этого воззвания были уничтожены во время отступления. В заключение весь съезд снялся у Вершино-Рыбинской церкви, на общей могиле партизанам устроили большой митинг в честь 1 Мая. Объединенный Совет, оставшийся в своем прежнем составе и значительно дополненный, согласно постановлению съезда стал перебираться в село Вершино-Рыбинское со всем аппаратом. **Л. 202**

Подготовка к вешнему посеву.

Смерть Александра. Рабочие дружины.

Труدمобилизация

О проведении посевной кампании много говорилось на съезде и на различных собраниях. Этот вопрос играл немаловажную роль в повстанческом районе, где большая часть трудоспособного народа стояла под ружьем. Первой мерой объединенного Совета было устройство кузнечных мастерских при каждом селении для починки сельхозмашин и орудий. Из армии были выпущены все сколько-нибудь знакомые с кузнечным делом. Были организованы рабочие дружины из военнопленных и новобранцев и лиц, неспособных носить оружие. Эти рабочие дружины находились в распоряжении сельских и волостных советов. Пользующиеся дружинником хозяева должны были его кормить и одевать до тех пор, пока он не перешел в другое хозяйство. **Л. 203**

В тылу крестьянской армии была объявлена трудовая мобилизация обоюбого пола, начиная с подростков и заканчивая стариками. В ряде населенных пунктов устраивались мастерские по выделке кож и холщового материала. Теперь всем было известно, что силы противника превосходят повстанческие в пять раз. По сведениям, чешские и итальянские войска равнялись 1200 человек и отечественные пять или шесть тысяч. Надвигалась серьезная опасность. Для операций противника устранилось главное препятствие — сибирский снег. Крестьянская армия готовилась к новым испытаниям. **Л. 204** К этому была и другая еще причина. Впереди уже останавливались на личности командира 1-го Канского полка М. В. Александрове, его роли в партизанском движении, взаимоотношениях с главнокомандующим. Близко стоявшие к Александрову замечали в нем резкую перемену: внезапная задумчивость, неуравновешенность. Но было ли время обращать внимание на внутренний мир лиц, когда дело шло о спасении больше 50 тысяч человек. В довершение всей трагедии непосредственные соратники считали, что всякое горе можно залить бутылкой. Последнее время **Л. 205** начал пить почти ежедневно и переживать еще сильнее, чем в обыкновенном состоянии.

В последних числах мая, кажется 29-го, по дороге в свой полк из деревни Ной в село Толстихинское он задумал покончить с собой. Сам акт самоубийства характеризует его как человека с незаурядной волей: при выезде из своего села он просто объявил своему товарищу, старику Е. И. Мезинцеву, что «сейчас будет стреляться». Мезинцев принял слова в шутку и подтрунивал над Александровым, когда тот сказал: «Смотри, как нужно стреляться». Мезинцев не успел протянуть руки, как он уже спустил курок браунинга. Пуля, пущенная в правый висок, вылетела в левый, обезобразив все лицо М(ихаила) В(ласовича). Так покончил с собой первый командир Канского полка. Тело его было похоронено со всеми революционными почестями в селе Перовском, т. е. на родине, и на митинге было вынесено постановление поставить памятник на могиле, но события не позволили.

По поводу самоубийства Александра понеслись **Л. 206** всевозможные слухи; одни судили чисто обывательски, что, мол, застрелился он потому, что жена устроила ему сцену ревности из-за любовницы; другие утверждали, что боязнь не справиться с чехами заставила его стреляться; а третьи просто говорили: «спился парень». Все было неверно. Чтобы понять причину трагического конца этого даровитого самородка, необходимо хоть кратко знать его биографию. М(ихаил) В(ласович) с юношеского возраста испытал участь батрака со всеми лишениями и унижениями.

В 20—21 год женился и пошел, как говорят, в дом к тестю, на готовое хозяйство. А в этом хозяйстве, как говорят, было «полторы курицы», и выходило — «за что нихвати, затем в люди кати». Значит, снова надо было гнуть шею. Семья была патриархальная. Кроме того, семь-восемь лет военной службы. Вот, по нашему мнению, те причины, с точки зрения которых следует рассматривать смерть Александрова. **Л. 207** Канский полк был потревожен и переживал настоящий траур, на каждом шагу только и слышно было, что «теперь мы пропадем».

Армейский совет также был поставлен в затруднительное положение. Подыскать нового командира для такого полка, как Канский, было делом нелегким, когда тысяча с лишним отборных добровольцев представляли большие требования к руководителю. После долгих обсуждений Армейский совет согласился на кандидатуру командира батальона Степана Сабаева. Сабаев отличался своей единоличной храбростью, но больших военных талантов руководящие слои армии не ожидали. Далее мы увидим, что Сабаев совершенно не подходил для этой роли.

Наступление интервентов

К середине 1919 года началась дружная весна. Наступала пора посевов. В некоторых деревнях крестьяне уже сеяли пшеницу. В это время белые еще не наступали. Прежде чем вести операции, они **Л. 208** занялись исправлением дорог, т.е. исправляли они не сами, а выгоняли целые деревни крестьян от мала до велика. По другим путям также было произведено принудительное благоустройство; вокруг станции Клюквенной и села Уярского был на полверсты вырублен весь лес, то же устраивалось и в других местах. Истребление сибирских лесов большей частью в эти мрачные годы принадлежит «гуманным» иностранцам. Русской публике далеко не известно о той каторге и унижениях, которые пережило крестьянство повстанческих и неповстанческих районов Сибири. За малейшее замедление, за нерасторопность катились мужицкие головы. Нигде такого изобилия виселиц не красовалось, как в Сибири. Исправление дорог обуславливалось **Л. 209** необходимостью более доступного и удобного провоза орудий. Повстанцы этим работам не мешали, рассчитывая воспользоваться ими для той же надобности.

Наступление противника ожидалось ежедневно, и в каком участке оно начнется, трудно было судить. Части повстанцев в это время располагались в следующих пунктах: полк в 600—700 штыков и Беретский отряд (с. Берет (Береть) Вознесенской в. — Т. К.) в 150—200 штыков занимали село Шалинское и его окрестности. Северо-Ачинский полк приблизительно

в 300—400 штыков — село Семеновское. Канский полк — в 1300 штыков занимал деревню Николаевку и село Толстихинское, и Тальский и Агинский полки вместе с отрядом Савицкого численностью в 1200—1300 штыков занимали деревни Кандыгу, Межову и село Агинское. Фронт был расположен на расстоянии приблизительно 100—120 верст.

Против каждого боевого участка смешанные войска расположили свои силы приблизительно в следующем порядке. Против Манского полка — 1-й Томский офицерский **Л. 210** в количестве 2500 человек, группа итальянцев — 700 человек, всего 3200 против 750. Расположение сил станции Камарчага, Северо-Ачинского — смешанные части русско-чешских войск от 1800 до 2000 человек — против 400. Расположение сил станций Клюквенной и Балай. Против Канского — 1) Забайкальская учебная команда в числе 200 человек, 2) рыбинская дружина — 100 человек, 3) 5-й чешский полк — 2500 человек и 6-й чешский полк — 1600 против 1300, — 6800 штыков. Против Тальского, Агинского полков и отряда Савицкого со стороны сел Рыбинского и Ирбейского наступали следующие части: 1-й Сибирский уланский полк в числе 2500 человек; ирбейская дружина — 900 человек и кавалерия какого-то Забайкальского полка в 1000 с лишним шашек, т.е. около 5000 человек против 1300.

Сведения, которыми автор воспоминаний пользуется, в большей части подкрепляются документальными данными. В определении численности смешанных войск **Л. 211** сходятся во мнениях многие исследователи настоящего вопроса. Повстанцам все же не удавалось установить наличность противника, и в том, что противник располагает такими огромными силами, командование сомневалось и многому не верило.

Наступление повелось во второй половине мая. Противник, очевидно, задался целью сжать кольцо между своими группами, и поэтому первый удар направил на слабое место повстанцев, т.е. на Агинский полк и отряд Савицкого (с. Межовское). На помощь этим частям был откомандирован помощник командующего К. Лидин с Тальским полком и двумя ротами Северо-Ачинского. Передние части не могли выдержать сильного натиска и из Межовского наступления отступили на Агинское. Савицкий был тяжело ранен и эвакуирован в село Вершино-Рыбинское. Дух повстанцев дрогнул, но была еще надежда на Канский и Северо-Ачинский полки. На второй день после отступления **Л. 212** Савицкого и Агинского полка противник стремительно ударил на Манский полк, но последний, не принимая боя, отступил на Нарву, сразу на 35 верст. Полкам Тальскому и Агинскому и отряду Савицкого предложено было занять село Вершино-Рыбинское и деревню Солонечно-Талую. На преж-

них позициях оставались только два полка: Канский и Северо-Ачинский. Северо-Ачинский оказал героический отпор противнику, отбросив его на станцию Клюквенную.

И последний удар был направлен на оплот повстанцев — Канский полк. Но в начале выступления штабом было отдано распоряжение о немедленном отступлении до села Вершино-Рыбинского (?), а Северо-Ачинскому — до села Хайдаковского. Из всего Канского полка в сражении принял участие только один батальон и часть эскадрона, которые остановили противника, и уже после этого полк отступил на указанные позиции. Два эти полка отступали неохотно. Повстанцы при отступлении говорили, что «они страшны были до тех **Л. 213** пор, пока мы их не попробовали». Но стратегический план требовал подчинения и обязывал стянуть свои силы на более узкую территорию.

Новые позиции, т.е. села Вершино-Рыбинское, Хайдаковское и деревню Нарву, повстанцы предполагали держать с боем, для этой цели поспешно строились укрепления и пополнялись оружейные запасы. Вопросы стратегического характера решались только на передовой линии, так как ожидать решения штаба не было времени. Пользуясь днем передышки, Вершино-Рыбинский гарнизон, командный состав трех полков, решил сделать ночное контрнаступление, но не удалось, т.к. из-за темной ночи отряд запутался. Противника в предполагаемой деревне Андарак (Андарак) не оказалось. В этот же день был устроен гарнизонный митинг, как говорили партизаны — «для поднятия» духа, а утром, кажется 2 июля, белые повели наступление по всему фронту и, главным образом, на Вершино-Рыбинское и деревню Солонечно-Талую. Вершино-Рыбинский гарнизон вступил в сражение **Л. 214** своим правым флангом и стойко держался в течение двух с половиной часов. Левый же фланг поджидал цепи противника, но они двигались медленно. Наступление велось тремя цепями и с трех сторон. Противник поражал своей массой. Было четыре орудия и много пулеметов, но повстанцы хладнокровно выдерживали себя и стреляли редко. В то время когда весь гарнизон вступил в бой, из деревни Солонечно-Талой прискакал нарочный с сообщением о том, что А.Д. Кравченко приехал из Баджея и сейчас же уехал туда обратно и что Агинский полк также отступил в тайгу. Это сообщение сразу же парализовало подъем повстанцев, и командный состав решил отступить за Ману.

В тайге

С последним отступлением повстанцы снова теряли хлебоснабженческий район. Но вместе с по-

встанцами отступали беженцы, приблизительно в таком же числе. При отступлении почти весь Вершино-Рыбинский гарнизон был отрезан шедшим наперерез отрядом белых со стороны деревни Талой на деревню Рагозу, через которую **Л. 215** идет путь в тайгу и за реку Ману, но своевременно принятые меры Лидиным и Сабаевым спасли положение.

При въезде в тайгу повстанцев поражала поистине трагическая картина. Вереницы крестьян, женщин, детей, табуны скота и проч. наполняли гулом Койскую дорогу. Северо-Ачинский полк, расположившись на привале, уже делил завезенное сюда масло, выгруженное из эшелона. Пройдя 40 верст тайгой, все четыре полка и отряд Савицкого расположились вокруг деревни Кой, т.к. в избах совершенно не было места. Это была первая ночь под шатром тайги, и ночь буквально голодная, т.к. почти никто не запас себе хлеба даже на один ужин. Деревня же Коя сама страдала бескормицей. В армии росло негодование, и по этому поводу был создан митинг, на котором решено было послать нарочных в Баджей за хлебом. И к утру нарочные уже прибыли с запасом.

По распоряжению штаба Тальский и Агинский полки должны были остаться здесь, в Кое, а Канскому и Северо-Ачинскому было предложено выступить на подкрепление к Манскому, который в это время также отступил на левый берег реки Маны. Но на второй же день повстанцы недосчитались целиком Агинского полка и части **Л. 216** Тальского. Полк убежал во главе с командиром Стародубцевым и, к озлоблению повстанцев, захватил все оружие и кое-какой неприкосновенный запас, оставшаяся же часть Тальского полка заняла оборонительные позиции в предместьях Кой.

Армейский съезд в Баджее

После всеобщего отступления за Ману повстанческому командованию еще раз удалось созвать Чрезвычайный армейский съезд, на котором решено было мобилизовать жителей Заманья за три года, начиная с 1913 по 1915 год. Этой мерой, т.е. влитием в уже до некоторой степени деморализованную армию свежих бойцов и бойцов, заинтересованных территориально, Армейский съезд предполагал поднять боеспособность армии. Когда же все мобилизованные явились в Баджей, то у штаба совершенно нечем их было вооружить. И затея эта, по существу А.Д. Кравченко, ни к чему не привела. Предположения его, что армия деморализована, также оказались неверны, т.к. три самых крупных полка, по существу, еще не имели столкновений с иностранными войсками, **Л. 217** т.е. такого столкновения, когда дело доходит до рукопашной. Мелкие же перестрелки по-

Обыск белых офицеров. 1924 г. *Постановочная фотография.*

встанцы вообще не считали за сражение. Бегство же Агинского полка повстанцы не считали сильным ударом для себя, т.к. последний, кроме шумихи, ничего не сделал, кажется, и только напрасно носил оружие. На этом же съезде решался вопрос о беженцах, т.е., вернее, кормить ли их армейскими запасами или предложить самоснабжаться. Решено было кормить, т.к., по учету продовольствия, в Заманье никаких источников снабжения не было. Все же запасы на складе объединенного Совета исчислялись в незначительном количестве, и, по расчетам, на армию и беженцев по два фунта в день их доставало всего на 13 дней.

В таком же положении, если не в худшем, находились и жители Заманья. Вопрос о снабжении армии патронами стоял также остро, правда, к этому времени некоторые части в среднем имели по 50—60 патронов на винтовку, и вопрос беспатронья вставал во всей своей полноте. И третий вопрос, который долго дебатировался, — это вопрос о поднятии дисциплины в армии. Здесь имели место **Л. 218** два предположения: 1) усилить агитацию; 2) усилить армейскую дисциплину вплоть до расстрела на месте

в случае побега из цепи. Но не желающим сражаться в рядах повстанческой армии не чинились препятствия к выходу их из таковой, при условии сдачи всего оружия.

Против морального воздействия на повстанцев выступал К. Лидин, помощник командующего. В его сознании это «моральное» воздействие преломлялось как раз наоборот, т.е. воздействовать таким образом — значит пустить в ход нагайку. Последний вопрос был самый тяжелый по своему содержанию, он касался выбора командующего армией. А. Д. Кравченко, выслушав ряд обвинений и упреков за то, что все время не выезжал на фронт и не проявил должной инициативы в подготовке к отпору противника, стал отказываться от командования, предлагая избрать на его место П. Е. Щетинкина, но последний, в свою очередь, отказался. После долгих разговоров Кравченко снова согласился принять на себя командование, и **Л. 219** съезд разъехался по своим местам. На съезде вынесено было пожелание, чтобы все члены объединенного Совета и Армейского, что называется, «рассосались» в армии для укрепления ее боеспособности. И теперь в Баджее оставалось всего

два-три человека — не больше: это секретарь объединенного Совета А. К. Низовцев, зав. продовольственным отделом и, кажется, зав. военным отделом Клявин, все остальные разъехались на переднюю линию в поспешном порядке, т.к. чешские и итальянские войска уже двигались по правому берегу Маны к деревне Нарве.

Нарвинский и Тюлюпские бои

Деревня Нарва расположена на правом берегу Маны, с левой же стороны она окружена высокими и лесистыми горами, а Тюлюп — в том же направлении в восьми верстах вверх по Мане. Повстанческие части располагались на левом берегу и поджидали противника. Последний, как и следовало ожидать, повел наступление на Нарву. Чешские и итальянские войска двигались совершенно беспечно, не подозревая засады. Повстанцы выжидали удобный момент, т.е., когда противник зашел **Л. 220** на открытое место, они открыли бешеную стрельбу. Близость расстояния способствовала поражению. Спасаться было негде, т.к. с одной стороны Мана, а с другой — почти прямоотвесная скала. Смертельно перепуганные чехи и итальянцы начали бросаться в Ману. Из сферы боя удалось бежать только задним частям и небольшой группе передних.

Отступая, смешанные войска оставили повстанцам семь еще не собранных пулеметов, одно орудие, обоз с обмундированием и большое количество всевозможных военных припасов. Это чистые трофеи. Но их было гораздо больше. В начале боя батарея оставила три орудия, но, т.к. два из них были уже подвезены на скалу, их была возможность поднять в гору прощелиной и без большого риска. Белые так и сделали. Вернувшись назад и отрубив подстромки, т.к. лошади в орудиях все были побиты, они увезли два орудия людьми. К третьему же орудию и пулеметам подойти было невозможно. Повстанцы пытались переправиться через Ману более внушительными силами, но единственная переправа (плашкоут) не позволяла этого сделать, и белые своевременно успели отступить до деревни Тюлюп. **Л. 221**

Нарвинский бой длился не больше двух часов, но здесь противник понес самые тяжелые жертвы, особенно итальянская часть. Так что когда на второй день после Нарвинского боя Канский полк повел наступление на Тюлюп, то чешские части отсюда просто в панике отступили до села Кияйского. В этом бою было снова взято 11 телефонов и другие военные принадлежности. Эти два удачных боя снова позволили повстанцам выйти на правый берег Маны (оба боя относятся, кажется, к 4—5 июня 1919 г.). Линия фронта повстанцев теперь выравнивается. Село Кияй, против которого расположились Канский

А. И. Дзекановский, после освобождения Минусинска — комендант Рабоче-крестьянской армии Минусинского народного фронта. На об.: «На память Югану и Паше Урянхайского перехода 1919. От солдата крестьянской рабочей армии Канского полка. А. Дзекановский». Фотография А. Худоноговой, д. Малая Ничка. 5 июня 1920 г.

и Манский полки и Беретский отряд, и деревня Унгут, против которой располагается Северо-Ачинский полк. Тальский же полк остается на прежнем месте, т.е. в деревне Кое.

Кияйский бой

В Нарвинском бою повстанцами был взят в плен раненый чех, которого штаб и объединенный Совет решили подлечить и использовать для своих дипломатических переговоров. Рана пленного оказалась очень легкой, и **Л. 222** через несколько дней после Нарвинского боя чех был отправлен вниз по реке Мане и выброшен на линию ж(елезной) д(ороги) (кажется, на разъезде Таежном). Чех, как полагается, был снабжен всевозможной литературой и обращением к иностранным войскам. В обращении предполагалось интервентам выслать своих парламентариев на 10 июня в любое место, т.е. куда пожелают они сами. Получили ли чехи это новое обращение партизан

или нет, но 11 июня они повели энергичное наступление по всему фронту. Главные силы были направлены исключительно на Канский полк, который занимал вершину горы по левую сторону Кияйской дороги по направлению к Тюлюпу. В то время когда Канский полк вел ожесточенную перестрелку с противником, Манский же опять без боя отступил, бросив даже Беретский отряд, который упорно сопротивлялся в течение нескольких часов. Паника манцев настолько была велика, что не было никакой возможности остановить, даже если бы был открыт встречный огонь. И эту панику, как позднее говорили повстанцы, отчасти устроил сам командир полка Ф. Г. Боган своим поспешным распоряжением. В силу этого Ачинскому полку **Л. 223** также пришлось в спешном порядке отступить, хотя он снова дал сильный отпор небольшой части кавалерии противника.

Растерянность в этом бою объясняется отчасти еще и тем, что между полками не было никакой связи. А. Д. Кравченко винил в этом командиров полков, а последние — его. Получилось как-то странно, что в этот трудный момент снова вдохновителями уже дезорганизованной части армии являлись те неизвестные герои, которые первые поднимали восстание. Председатель трибунала Ар. Тр. Иванов находился не в трибунале и не в штабном тылу, а на самой передней линии и во время боя скакал на лошади туда, где замечалось малейшее колебание армии. В Кияйском бою он чуть не попадает в плен итальянцам и спасается просто чудом. Члены Армейского и объединенного советов также, как указывалось, ободряют своим примером дрогнувшие ряды повстанцев, однако, как ни странно, командующий армией в одном из этих боев не только не присутствует на передовых линиях, даже не руководит ни одним из этих боев. **Л. 224** После отступления повстанцы переправились снова за Ману и заняли старые позиции.

Вершино-Рыбинский бой

За Маной стоять повстанцам было душно (это их выражение). Во-первых, скудный и несоленый паек, а во-вторых, отсутствие помещений и возможности действий самым угнетающим образом действовали на необузданный дух бунтарей. Обдумывались всевозможные планы: некоторые предлагали разбиться на маленькие отрядики пластунов и выброситься на правый берег с целью будирования противника со всех сторон, а некоторые предлагали выброситься двумя полками в тыл противника и смешать его внезапным появлением. Одним словом, разрабатывались способы перехода от позиционных методов к чисто партизанским. Нако-

нец решено было напасть на Вершино-Рыбинский гарнизон в 500—600 человек. Ночью 12 июня Канский полк был проведен тайным бродом через Ману и повел наступление. Но прежде чем прийти к какому-нибудь решению, командный состав долго спорил **Л. 225** и вследствие этого упустил удобное время. Наступление повелось уже с рассветом и как раз на тот пункт, где противник был сильнее укреплен. Главные силы повстанцев оказались в таком положении, что не было никакой возможности выбраться из сферы сплошного пулеметного огня. Повстанцам пришлось отступить с большими потерями, хотя, кроме человеческих жертв, противнику ничего не досталось. Вершино-Рыбинское поражение, как увидим дальше, навсегда ослабило мощь Канского полка, этого многоголового гиганта, вынесшего на своих плечах больше 40 боев за время существования Баджейской республики, завоевавшего первоклассное оружие и отразившего в себе всю мощь и славу повстанчества.

Из всего тысячного полка за реку Ману теперь переправилась какая-нибудь половина. Большая часть рассеялась по тайге или ушла в свои деревни; значительная часть легла в последних боях и находилась в лазаретах, и только небольшие остатки понесли боевое знамя в Монголию. После Вершино-Рыбинского боя еще раз [...] (далее утрата листа или нескольких листов. — Т. К.). **Л. 226**

Последние дни Баджейской республики

Наша армия в первых числах июня переживала кошмарные дни. Во много раз превосходившие нас силы противника, по преимуществу чехов и итальянцев, железной скобой стиснули небольшую группу бесстрашных партизан. Начиная с половины мая и вплоть до 14 июня наши повстанцы храбро отбивались от наседавшего противника, но благодаря численному перевесу и военному преимуществу вся боевая инициатива уже перешла к белым.

Старые позиции: села Шалинское, Семеновское, деревня Барашково, села Толстихинское, Переяславское и Межовское — были в один день оставлены, и наши заняли новые позиции. В селе Перовском, куда отступил Канский полк, мы с т. В. Саломатовым встретили начальника полкового штаба Дзекановского, который старался уверить нас, что Канский полк перейдет скоро в наступление. «Над нашим полком витает дух Александрова, — с энтузиазмом говорил он, — и потому мы все предпочитаем лучше смерть, чем позорно отступать». А. И. Дзекановский предлагает нам ехать в **Л. 227** район и продолжать свою работу, где мы с Саломатовым проходили с агитацией.

Заболотская (в черном), медицинская сестра Канского полка. 1919 г.

В селе Перовском было шумно... *(Далее все отточия авторские, а также идет повтор некоторых событий.)*

Товарищи в двух верстах от села усиленно копали окопы, и, судя по их лицам и настроению, было заметно, что ни у кого не было веры в благополучный исход. «Если бы был живой товарищ Александров, тогда бы мы им дали чертей», — говорил один из товарищей. «Все равно ничего бы не вышло, у нас не хватит патронов», — отвечает другой. Такие разговоры и споры можно было слышать на каждом шагу.

Мысль о том, что мы скоро лишимся патронов, угнетала каждого из нас. Но больше всего тяготило то обстоятельство, что даже Канский полк, эта, как сталь, закаленная единица, столь славная своей боевой отвагой, очевидно разлагался. Видя все это, жутко становилось на душе. Вечером 2 июня Канский полк без боя отступил в село Вершино-Рыбинское. Туда же отступил Тальский, часть Ачинского полка и отряд Савицкого. Ночью на 3 июня стало известно, что белые ведут наступление на село Вершино-Рыбинское. Наш командный состав решил дать бой под этим **Л. 228** селом, но в тот момент, когда правый наш фланг начал перестрелку с подошедшими цепями противника, нарочный из Баджея сообщил, что Манский и Северо-Ачинский полки отступают

за реку Ману. Что предлагалось сделать и нашему гарнизону.

Председатель объединенного Совета товарищ Петров еще накануне боя предлагал мне уехать в Баджей и заняться там эвакуацией нашего лазарета, но я ни за что не хотела верить, что наши доблестные канцы отступят без боя, и, в крайнем случае, я желала последние минуты находиться около них, честных и храбрых наших друзей, и, если нужно, умереть вместе с ними...

Ведь Канский полк — это была наша гордость. В нем был весь мозг нашей армии, его воля была воля для каждого мыслящего партизана. От него исходили все почти директивы. Побывать в Канском полку — значит, стряхнуть с наболевшей души всю накипевшую в ней горечь и набраться сил. Так рассуждали лучшие повстанцы.

В начале боя мы с Сабаевым и Петровым объехали весь фронт... Противник двигался густыми цепями, силы были **Л. 229** большие.

— Не устоим, — говорил Сабаев. В это время начала усиленно бить батарея белых из двух орудий... На левом фланге к нам подошел один товарищ, командир Ачинского батальона, и заявил, что у его солдат мало патронов. Сабаев и Петров после недолгих рассуждений отдали распоряжение отступить всеми частями в деревню Кою за Ману. В это время на правом фланге шла ожесточенная перестрелка, батарея была все чаще и чаще. Тов. Лидин, который командовал этим флангом, тоже отдал распоряжение отступить.

Началось всеобщее отступление...

Противник открыл ураганный огонь, становилось страшно и тоскливо. За партизанами отступала добрая половина жителей села Вершино-Рыбинского, которые боялись возмездия карателей. Все ныло, стонало и неистово сливалось в один общий гул. В деревне Рагозе, в пяти верстах от села Вершино-Рыбинского, мы узнали, что Северо-Ачинский полк уже отступил в тайгу. Кравченко, как там нам передавали, давно уехал в Баджей, не поставив никаких заслонов со стороны деревни Солонечно-Талой. **Л. 230** И, если бы еще малейшее замедление в отступлении, мы все бы остались в сплошном кольце. Сабаев с 1-й ротой надежных повстанцев остался для задержки противника, а все остальные части и обоз через два часа втянулись в тайгу.

По дороге мы встречаем картины одну ужаснее другой, несли тяжелораненых, в том числе т. Савицкого. Случайно попавшие к нам белогвардейцы начинали шептать и подстрекать малодушных из состава. Самочувствие час от часу становилось мрачнее. Повстанцы переглядывались друг с дру-

А. В. Станкевич. Саянский хребет. 1890—1891. Бум., кар., тушь

гом, точно задавали этим вопрос — что же будет дальше? Проехавши верст семь тайгой, мы догнали Северо-Ачинский полк, который налаживался идти дальше...

Больнее всего было смотреть на раненых, которые умоляюще смотрели на своих руководителей, как будто желали на их лицах прочесть свою судьбу. Это было невыносимо. На второй день мы добрались до Баджея. В нашей столице была поголовная тревога. Все жители Заманья при одной **Л. 231** мысли, что мы их оставим, трепетали как лист, и многие уже налаживались в дорогу. Уже никто не верил, что мы удержимся в своей республике. Видя такое положение, пленные и арестованные начали разбегаться, и задерживать их уже никто не хотел. Командный состав решил еще раз всеми силами ударить и дать отпор белым, кем-то упорно пускался слух, что чехи и итальянцы отказались наступать и ушли на линию ж(елезной) д(ороги).

Это были проблески последней надежды удержаться на местах, но они не оправдались. Правда, еще раз Канскому и Манскому полкам удалось разбить противника на реке Мане около деревни Нарвы и в деревне Тюлюп, и хотя партизаны в этом бою взяли одно орудие и семь пулеметов, но дело этим не поправили: силы врага превосходили наши, и армия вновь отступила за реку Ману.

Была еще одна попытка Канского полка наступать на село Вершино-Рыбинское, но это наступление стало для канцев роковым⁷⁸. Полк потерял в этом наступлении половину лучших бойцов, после чего долго не мог возродиться. 12—13 июня противник из четырех орудий бил с другой **С. 232** стороны реки, однако существенного вреда партизанам не причинил. В результате было контужено два человека, но раненные ружейным огнем прибывали каждый день. К вечеру 13-го числа белые были уже на нашем берегу и вели наступление на упорно сопротивляющиеся наши

лучшие части. Долго держаться было невозможно, т.к. патроны почти все были израсходованы...

Утром 14 июня пулеметная и ружейная стрельба была превосходно слышна в самом Баджее. Раненые волновались и просили добить их в случае неустойки. Мы же старались успокоить их, но сами волновались не меньше. Это замечали раненые и не верили нам. Один из фельдшеров предложил отравить всех тяжелораненых. Мы запротестовали и дали знать об этом объединенному Совету и главному штабу, а последние отдали немедленное распоряжение: вывозить лазарет в деревню Выезжий Лог.

Начались приготовления к эвакуации. Нам с двумя сестрами Марусей Крастынь и Альмой Буббот пришлось втроем готовить постели. Почти весь медицинский персонал растерялся, за **Л. 233** исключением доктора Вологодского и Ю. Эленгауза, бездействовал.

Вечером 14 июня состоялось собрание Канского и Тальского полков, которые прибыли с позиции. Вопрос о нашем отступлении уже был предreshен, но наступил момент осуществления. В этот вечер впервые вручились полкам наши красные знамена, давно заготовленные объединенным Советом⁷⁹. Знамена вручались председателем объединенного Совета и командующим армией т. Кравченко. Речи ораторов сопровождались громким «ура!»... В этот вечер чувствовалось, что угасший на время огонь загорался снова в груди у каждого из нас. Сознание своего долга умереть в правой борьбе миротворно действовало на наши вконец истерзанные нервы. С митинга мы возвращались бодрыми, но это было недолго.

С приходом в лазарет ядовитый червь снова стал подтачивать нашу непоколебимость и призрак надвигающихся испытаний никому не давал покоя. 15 июня, утром, был вывезен весь лазарет, а к обеду все наши

Редакция партизанской газеты «Соха и молот». Сидят на полу (слева направо): Т. Rogozin, X. Ханина; второй ряд: Ф. Кравченко, А. Низовцев, П. Петров, В. Шукин; стоят: Т. Перова, Е. Астанкова, Г. Маркин. 1919 г.

части покинули Баджей... Там остался только один **Л. 234** чахоточный крестьянин и фельдшерица, не пожелавшая разделить с нами путешествие.

Переход в Минусинский уезд

16 июня вся наша армия вступила в настоящую тайгу. Часть раненых, около двухсот человек, ехали верхом, а 30 человек везли на носилках. Какое это трудное дело, описать коего невозможно. На первой же версте, проходя тесным ущельем, над рекой Крол, свалились двое носилок, раненые поплыли. Один из них на другой же день умер. Это был один из самых стойких товарищей Канского полка С. Безотечество... Пройдя верст пятнадцать, мы изорвали обувь и платье, а домашние теплые вещи побросали: не под силу было нести. Кавалерия Канского и Тальского полков предоставила всех своих лошадей для лазарета, а северо-ачинские и манские кавалеристы ничего не хотели знать о раненых товарищах. «Там все канцы», — говорили солдаты этих полков. **Л. 235** От такого отношения становилось еще тяжелее прежнего.

Среди товарищей, даже видных работников, начинал царить развал. Никто ничем не хотел делиться. Медицинский персонал терял головы, раненые разбивались и стонали душераздирающим стоном. Многие из лазаретной прислуги болели, ухаживать было необходимо, а заменить их было некем.

Можно с уверенностью сказать, что если бы не члены объединенного Совета и Армейский совет, то в первый же день наши раненые-мученики были брошены на произвол судьбы. Беженцы и рядовые повстанцы также не хотели отдать своих лошадей, хотя и ехали порожними. Дело доходило до крупных ссор и даже драк. На второй день положение с передвижением стало еще труднее. Весна была во всей красе, но неприветливо встретила нас пробудившаяся природа. Исполины-утесы, так живописно раскинутые по обеим сторонам дороги, казалось, грозили обрушиться на нас, а роскошные кедровые деревья зловеще шумели своими вершинами, и в их таинственном шуме наше больное воображение как будто слышало похоронную **Л. 236** песню. Все кругом благоухало, но нам весь этот дивный мир казался только насмешкой и издевательством над нашим несчастьем.

На третий день пришлось увеличить количество носилок до шестидесяти. Медицинский персонал почти поголовно болел, хлеба не было. Нам выдали немного муки, которую мы ели, размачивая собственной слюной. Лошади стали уставать на каждой версте, а некоторые не могли уже идти, тех дорезывали и ели, поджаривая, как шашлыки. В этот день

мы прошли около 40 (*поставлен знак вопроса*) верст и достигли границ Минусинского уезда.

Измученные раненые были неимоверно требовательны. Раны их засорились и разболелись. Мне никогда не забыть печального случая, когда один раненый, сорвав гнойную повязку, бросил прямо в лицо сестре, которая не один раз носила его, как ребенка, на своих руках. Другой сестре прилетел в голову тяжелый котел. Доктор Вологодский со слезами бродил как тень около носилок, но помочь был уже бессилён, т.к. у него не было нужных медикаментов. На этом ночлеге пришлось схоронить еще четырех товарищей. **Л. 237**

Сильный дождь никому в эту ночь не давал спать. Всю ночь мы как изваяния простояли около носилок и, вконец измученные, утром выступили в поход. День был хороший, солнечный, но дорога, размоченная суточным дождем, была еще хуже. Теперь к каждому носилкам было поставлено по восемь человек для частых смен. В этот день почти все питались исключительно одной черемшой, что еще больше ослабило передвижение.

Лесной пожар

В полдень нас захватил лесной пожар. Прошедший вперед авангард зажег нечаянно тайгу и уехал дальше, ничего не подозревая. Кто не видал картины лесного пожара, тот не знает, как тяжело бороться с этим чудовищем. Мы с лазаретом попали в самую сферу огня: огненная лава, грохоча, надвигалась на нас со всех сторон, перекидывая свои красные языки с одного дерева на другой. Ураган, да и пламя, неся на нас с быстротою ветра. Две носилки попали в самое пламя и загорелись. Взбешенные лошади **Л. 238** понесли и выбросили раненых. Двое раненых в тот же день умерли. От дыму и жару задохнулись все, с носилок снова слышалось: «добейте нас»...

Всю трагедию довершило еще одно тревожное обстоятельство: кто-то пустил слух, что белые догоняют нас. Что получилось после этого, нельзя себе представить. В последнюю минуту, когда набежавший ветер сильнее погнал огненную волну, все кинулись к реке Крол, по берегу которой мы ехали, но в это время через реку упал подгоревший кедр и хватил вершиной на другую сторону. В момент там загорелась кудрявая ель, и пожар сильнее прежнего зашумел по обеим сторонам реки. Все ахнули... некоторые стали бросаться в реку. На наше счастье здесь свершилось чудо: ветер, все время гнавший на нас смертоносную лавину, внезапно повернул в обратную сторону и быстро нагнал дождевую тучу. Пошел дождь...

Мы двинулись вперед. В этот день многие не дошли до указанного места. Ночью заблудились семь носилок,

и проводники их бросили одних, среди дикой тайги, в болотной местности, но благодаря одному фельдшеру раненые были спасены. **Л. 239** Четырнадцать носилок ночевали прямо на грязной дороге под сильным дождем. Наши передовые части не знали ничего, что делается позади, и ехали беспечно впереди. Мы с одним товарищем решили идти во что бы то ни стало вперед и достать чего-нибудь у передних частей для раненых, но пройдя верст пять, совершенно ослабли и непременно свалились бы на сырую почву, как в это время попались навстречу наши канские кавалеристы. Они дали нам сухого мяса и муки, взятые на одном зимовье.

Подкрепив силы, мы добрались до места стоянки авангарда. Целых два часа я не могла отогреться и прийти в себя, пока один из товарищей не дал мне шубу. После чего я крепко заснула.

Назавтра день был сияющий... Свежая трава зеленым бархатом покрывала роскошный луг. Из Минусинского уезда прибыли два товарища и сообщили, что нас ждут там как победителей и войск никаких

нет. Продневав здесь, мы на девятый день вышли в деревню Козино. Крестьяне с очевидной радостью встретили нас.

Партизанка Т. Перова Л. 240

ККМ. О/ф 4482. Перова Татьяна Евстратовна. «Партизаны Канско-Красноярского и Минусинского фронтов (краткие воспоминания)». 1925 г. Л. 1—240. Машинопись.

Воспоминания готовились к печати, есть пометы об отборе материала автором для публикации. У М.Т. Савицкого есть упоминание, что он знакомился с дневником Т.Е. Перовой, который должен был войти в сборник, как и воспоминания самого Савицкого. Есть правки в тексте, возможно — автора.

Стоят (слева направо): 1) Е. Е. Максимов, И. М. Пневский; 3) И. Калинин; 4) И. Л. Шадрин; 5) С. Г. Вологодский (врач). Сидят: 6) Е. П. Максимов; 7) С. Ф. Белоконь; 8) Я. И. Иванов; 9) А. И. Попов; 10) И. М. Парамонов; 11) Рычков. Лежат: 12) Петров; 13; Т. П. Толстоногов, командир 4-го батальона Северо-Ачинского полка. 1920—1930-е гг.

ВОСПОМИНАНИЯ ВРАЧА ВОЛОГОДСКОГО СЕМЕНА ГЕОРГИЕВИЧА

Село Рыбинское Рыбинского района

Работал я врачом в селе Агинском. Во время приезда в Агинское П.П. Петрова и Малышевой был мобилизован для работы в отряде. Петров сообщил в Канск, что врач Вологодский мобилизован штабом партизанской Красной армии. Приехав в Ст(епной) Баджей, я увидел хорошую больницу, прилично оборудованную. Заведывал больницей Кулешо Антон Иванович — человек умный, не лишенный способностей, но позднее он от нас сбежал. В больнице работали кроме Кулешо фельдшерница Непомнящая и ее муж, (а также) фельдшер Эленгауз Иоганн (Юган), сестры Саломатова Прасковья Иннокентьевна, Суворова Мотя, Перова Татьяна и Аня Оршанская.

С моим прибытием в больницу Кулешо стал отстраняться от работы, а затем перешел в оружейную мастерскую. Позднее к нам попали фельдшер Лузин Николай и пленный Галопирович Володя. С приходом отряда т. Щетинкина к нам прибыли фельдшера: Жуковский, Пролеско, Бельский, Кузьмичев. Еще позднее в госпиталь пришли Суворов, Сысоев, Нечаев, Зубков Ал. — штрафной, пилил дрова.

Я был молод, окончил в (19)16 году Томский университет. Два года был на фронте младшим врачом. Хирургической практики большой не было, а в госпитале хватало хирургической работы и для хорошего хирурга. В госпитале лежал Носков — сквозное ранение груди и осложнение гнойного плеврита. Ему нужно было делать операцию. Взял справочники и нашел в них совет: сделать межреберный прокол. Сделав прокол, я увидел, **Л. 21об.** что рана закрылась. Пришлось делать операцию.

Второй больной (пленный) лежал с раздроблением бедра. С раздроблением бедра лежал и партизан Колесников Иван. У раненого Яковлева Степана пришлось ампутировать ногу, но пуля через бедро прошла в мочевого пузырь. Там образовался камень. Во время перехода тайгой приходилось выпускать мочу через живот. У Грызлова Филиппа половина нижней челюсти была оторвана. Только благодаря неусыпному уходу Грызлов выжил. Шаклеин Григорий был ранен в лопатку, долго лечился, но выздоровел.

Савицкий Мих(аил) был ранен осколком снаряда под мышку и в нижнюю челюсть, осколки при операции нашли во рту. В госпитале лежали и другие тяжелораненые. У нас не было ни бинтов, ни марли в достаточном количестве, хирургический инструмент поступал из Перова, В(ершино)-Рыбного, Агинского. Был у нас автоклав-стерилизатор. Достали цветной мануфактуры. Чтобы сделать ее пригодной для пере-

вязки раненых, ее сначала стирали, парили и пропускали через стерилизатор. Получался белый и мягкий материал, но недостаточно пористый.

Поступил приказ: свернуть госпиталь и следовать по направлению Крольских хуторов. Соорудили для тяжелораненых носилки, легкораненые ехали верхами. Конструкция носилок была следующая: в стремена двух лошадей продевали две жерди, между жердями натягивали палатки, одеяла, клали на носилки матрацы, на которые укладывали раненых. Всего двигалось 60 раненых. Так дошли до Широкого Лога, где был митинг. В этом же Логу умер от кровотечения партизан Непомнящий. Сделали гроб, похоронили. Двинулись дальше. Не хватало хлеба, сухари иссыкли. Ели конину, черемшу. Особенно трудно было переходить вброд через горные речки. Выйдя к деревне Козино, мы получили белый хлеб. Оказывается, нас встретили крестьяне и привезли продуктов. Мы воспряли духом.

Так мы вышли из тайги. **Л. 22**

КККМ. Тетрадь о/ф 11913/20Д 10416 «Воспоминания партизан». Воспоминания врача Семена Георгиевича Вологодского. До 1941 г. Л. 21об. — 22. Рукопись.

Все записи в тетради сделаны одним почерком, не авторов.

ВОСПОМИНАНИЯ ИВАНОВА АРСЕНИЯ ТРОФИМОВИЧА «О ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ 1918—1919 ГОДОВ»

В комиссию партизан при Енисейском Губбюро
Истпарта

Дорогие товарищи.

Ваше предложение от 20/X № 157 я получил в городе Саратове 27/XI, присланное мне братом из Москвы. До сего мною получено аналогичное предложение тов. Гоштовта от 11/VI за № 105, на которое мною послан ответ. И в настоящее время мне кажется, что приложенный к вашему предложению конспект плана и есть ответ на мой запрос, но так как тов. Гоштовт в своем предложении упомянул, что в распоряжении Истпарта имеются мои воспоминания, и мне помнится, что я последовательно давал такие до Кияйского и Ингутского боев, а между тем тов. Гоштовт пишет, что мое описание событий охватывает период 1-го и 2-го боев, то я недоумеваю, с какого же времени начать свою летопись. С отхода ли

А. И. Иванов. 1919—1920 гг.

от Перова в тайгу. Или описать Кияйский и Ингутский бои и продолжать далее. Ведь все то, что память сохранила, не имеет особой ценности.

Но из песни слова не выкинешь. По свойственному человеку самолюбию хотелось бы польстить своим чувствам и быть покрасивее действительности, но это будет уже не история, а беллетристика. И я брал вещи, как они были в действительности. И возможно, что там, где я характеризовал личность, разоблачал ореол, создавшийся вокруг нее, мне не могли поверить. И потому весьма вероятно, что вторая моя рукопись, сданная в Минусинский уком, в бюро Истпарта, не последовала. Я знаю, что «дизентерия» т. Кравченко в Тальском бою не имеет исторической ценности. Но она была причиной того, что бой не дал нам должных результатов. Или затем при ночных походах на деревню Ной. Я полагаю, тов. Петрову (П. П. Петрову) понятно мое письмо в Баджее по этому поводу. И наконец, после разгрома подполковника Сорокина — создание плана тов. Кравченко и невыполнение его благодаря той же «дизентерии», в силу каковых обстоятельств капитан 2 ранга Техменев свободно ушел из Кияя. Все это ложится пятном на наши действия, но умалчивать об этом не следует.

В то время недостатки нашего командования окрашивались общим энтузиазмом. Мне было весьма понятно, что все наши действия сводились в ничто: и все благодаря тому, что главком для **Л. 1** сбережения личной шкуры сводил на нет наши достижения. Но я не мог единолично с ним бороться. Я чувствовал, что он способен на все⁸⁰. А положиться было не на кого: на наше несчастье Кравченко был слишком умен, хитер и дальновиден. Он всюду был актер. И легко подводил под свое обаяние всех людей, которые жили чувством, да, более чувством, а не рассудком. Оправдывая себя, он говорил: «Зачем тратить кровь ведрами, когда мы ее собираем злотниками». Впрочем, хотел сказать то, что, весьма возможно, вследствие указанных обстоятельств, Минусинский уком вторую рукопись задержал, и потому в распоряжении бюро Истпарта оказалась лишь одна. А я хорошо помню, что мною в Минусинске написано до 60 листов своих воспоминаний.

Теперь по поводу конспекта истории движения. Узнаю, что конспект, составленный тов. Петровым, имеет следующие недостатки. Автор задним числом желает дать надлежащую программу движения. Между тем как движение произошло стихийно, беспрограммно, экспромтно. Без учета сознательных сил и оружия, а благодаря лишь учету настроения масс.

Вид на г. Канск, ул. Московская. Нач. XX в.

Ну, согласитесь сами: разве это идейная ячейка — собиравшиеся у Сквидова (верно: Сквидо) и Исакова почитать газетку и посидеть. Была здесь организация? Нет, не была. Лесной Имбеж, где укрывались пять-шесть красногвардейцев с Клюквенной, разве была здесь организация? Орлеанская дева, приехавшая раза два из В(ершино)-Рыбного в Перово и рассказывавшая различный вздор, разве это было связью между отдельными ячейками? Нет. Что она делала, эта Малышева, я и (до) сих пор не помню.

Агитацию, пропаганду и затем организацию провел сам Колчак своими нагайками. Иначе мы и до сего времени читали бы газетку и ахали и смотрели бы из-под ладони за Урал: скоро ли придет большевик и освободит нас? Исходя из того положения, в котором мы были, я должен сказать: не вводите в заблуждение теоретиков движения. Пусть знают, что никакая организация не произведет революции массовой. Организация создает дворцовые перевороты. В революции же массовой играют роль принципы, создающие настроение. **Л. 2**

Бедняк, середняк, кулак. В нашем выступлении не замечено класса, подкласса или надкласса. Пример: разве братья Саломатовы бедняки и середняки? Они не кулаки. Но разве мы выступали против кулаков? Под каким же мы флагом выступали, спросите меня. Отвечаю: под флагом справедливости. Справедливость — вещь условная. Да, согласен, но, если это понятие объединяет все классы без различия,

с ней приходится считаться серьезно. И если все семейство Саломатовых выступало в первую очередь, (не) пожалевшее ни себя, ни своего благосостояния, то, вероятно, руководствовало не классами, не материальными интересами, а чем-то другим, что они смутно себе представляли, а обуславливали это именем справедливости.

Теперь о власти Советов. Кого считали за власть Советов, (кому) импонировала власть Советов как власть на местах? Мы переживали это время. И, очевидно, согласимся в одном мнении, что такая власть на местах создавала анархию в общем. Это состояние умов напоминает библейское столкновение. Крестьянство избирало власть для того, чтобы было с кого требовать себе удовлетворенности, а так как потребности были разнообразны, то, естественно, дело все сводилось к мелочам и придирам. И трудно было властям угодить своему хозяину-обществу. И была не власть на местах, а безвластие. Центр был неокрепший. Не было сил. Не было средств. И эта анархия дала возможность сорганизоваться белогвардейщине. И это же обстоятельство позволило чехам захватить некоторые города по Сибирской магистрали, и наше выступление за власть не состоялось. Приходилось выжидать момента и сидеть в своей скорлупе.

Помните, что говорили крестьяне, собиравшиеся по нашему призыву в поход на Клюквенную? Оно понятно, не будь Белчева (здесь, скорее всего, неверно

прочитана фамилия при наборе текста, машинопись едва читается, ошибок много. Речь может идти о бывшем председателе Томского Совета А.И. Беленце, который помогал в организации фронта, а также участвовал в переговорах с чехами. — Т. К.), мы все равно выступили бы, но эта крестьянская опаска не позволила нам подать помощь Клюквенскому фронту. А крестьяне после предложения Белчева стали раздваиваться во мнениях. Они говорили: а почему воюют или — соху-то у нас никто не отнимает, пахали, платили, будем пахать и платить. Затем я должен сказать, что наше выступление с лозунгом «Вся власть Советам» не было чисто идейным. Это было чисто национальное выступление. «Чехи, — говорили крестьяне, **Л. 3** — кто они и откуда? Или не нравится наша власть, так пусть и идут к себе и устанавливают себе власть, какую хотят. А в чужом доме свои порядки заводить не смей». А фронтовики говорили: «Чехи — какие вояки, да мы их в Карпатах брали голыми руками тысячами».

Состоя затем в штате 5-й армии и находясь за Байкалом, я наблюдал все то же мнение как среди крестьян, так и среди казачества. Там тоже говорилось против интервенции. Мы между собой ссоримся, мы и разберемся. А японец или чех — нам не указчики. И нечего им здесь делать. Мы их не звали. Все это указывает, что движение было массовое и мы только учли общее настроение и использовали его насколько возможно в духе идейного направления. И к чести нашей можно приписать, что мы не попали под влияние тт. Чистова (Яков Михайлович, левый эсер, кооператор, с марта 1919 г. входил в комиссию по разработке инструкции по организации власти на местах. — Т. К.) и Корчина (эсер, представитель Союза кооперативов, составлял инструкцию по созданию трудовых артелей совместно с Чистовым. — Т. К.). Как и впоследствии, в Минусинске, не уклонились ни в анархию, ни к Политическому центру⁸¹. Согласно нашей клятве нашей группы в Перовой, мы довели дело до конца и отошли в сторону.

Действительно, обидно было смотреть, что дела государственности делали другие люди, незнакомые ни с психологией сибирских масс, ни с условиями быта сибиряков. Наделали массу ошибок. Эх, эта детская восторженность воображений. Но нам, видимо, не доверили партизаны — Махно, Лубков⁸² и пр., были достаточным основанием указанного чувства. И наш Кравченко, видимо вообразивший себя Сибнаполеоном: уйду со своими молодцами в тайгу... Помните тов. Позерна?⁸³ Как все это глупо и нахально — то время. А приходится молчать и работать и скромничать, с болью в сердце отмечать, что твоей работой пользуется другой. И никто не вздогадается

взглянуть на низ, в землю, кто добывает эти соки, дающие прелесть смеющимся лепесткам. И хочется вскрыть язвы, и думаешь, к чему все это? Ведь жизнь есть борьба, и тот, кто выживает — микрифицирует, импонирует, соответствует... А это весьма тяжело, раз позволяешь себе именно такую роскошь не по средствам, как совесть. И мы молчим.

Кроме того, есть много в плане упущений и ошибок в отношении хронологическом. Не отмечен и Нойский бой, имеющий для Канского отряда и вообще весьма важное значение. Уничтожив отряд Сорокина, мы поставили отряд Техменева в безвыходное положение. **Л. 4** Это мог видеть и не стратег. Но этого не (хотел) видеть Кравченко, хорошо знающий местность, и не занял В(ерхний) Имбеж. Как оглянешься назад, ошибок, легкомыслия, мелкого самолюбия, и сердце сжимается, и перо выпадает из рук.

Пока, товарищи, примите привет.

Помогу, чем могу.

А. Иванов **Л. 5**

ПАРТИЗАНЫ ЮЖНОЙ ТАЙГИ (текст печатается с небольшими сокращениями)

Предисловие

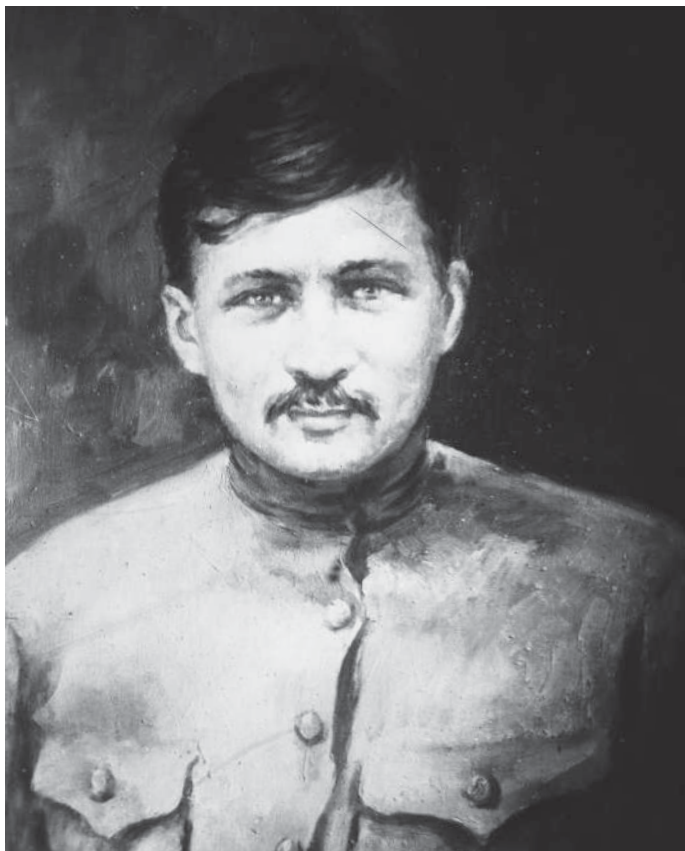
Три с половиной года прошло с тех пор, как красные партизаны Южной тайги окончили свою боевую деятельность. Множество партизан Южной тайги, которые мне, как собрату по оружию, стоявшему некогда во главе движения, высказывали свои сетования. Касаясь вопроса о неудовлетворенности своего положения, сознавая, что та государственная разруха, произведенная восьмилетней войной (захватывает и Первую мировую войну. — Т. К.), не позволяет им еще жить, как было бы желательно, они говорили и о том, что и нравственно они не видят удовлетворенности. И даже те партизаны, которые состоят и работают в парторганизациях и вообще более развитые, сетуют на то, что наши бывшие дела, наши боевые подвиги, наша самоотверженность, труды и лишения забыты.

И будто бы это наше выступление имело цель лишь личного интереса каждого в отдельности и общего грабежа в целом. И мы молчим. Затем мне указывают, что партизаны Северной тайги (тасевцы) увекове-

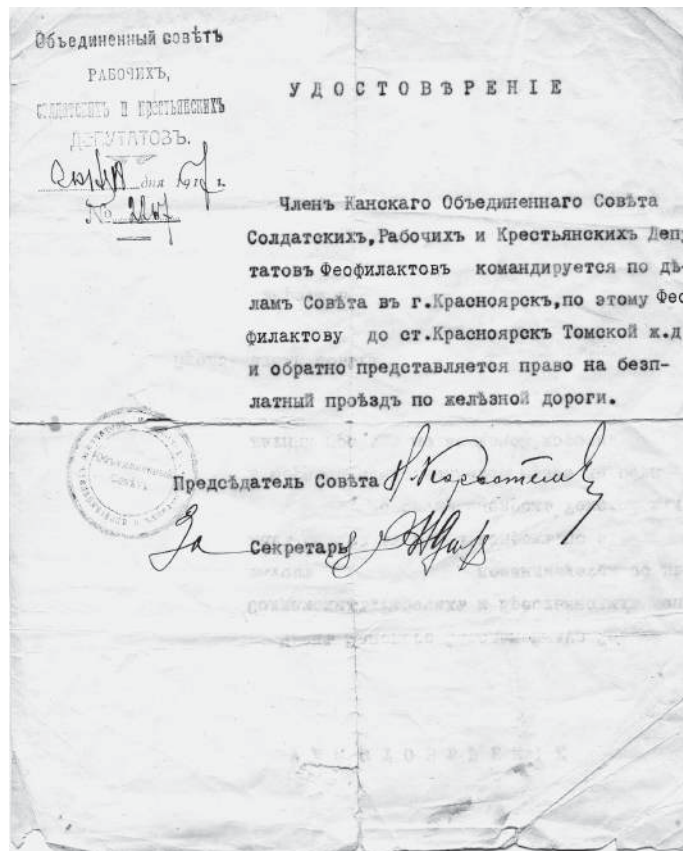
чили **Л. 1** и проявления военных и гражданских доблестей отдельных личностей. А мы, партизаны Южной тайги... Разве их выступление не было заимствовано от нас? Разве не обидно нам сознавать, когда наше потомство будет читать историю освободительного движения и задаваться вопросом: а наши отцы что делали в это время? Мы делали свое дело не напоказ. Мы не смогли сохранить письменных данных о причинах, побудивших нас к выступлению (из-за длительных переходов во время отступления в Урянхайский край). Мы лишены возможности осветить существование Степно-Баджейской республики. И это обстоятельство влияет на беспристрастное освещение действительности. Глубоко сочувствуя товарищам, я принимаю на себя эту далеко не легкую задачу — описать действия партизан Южной тайги. **Л. 2**

Буду писать о том, что знаю положительно. Предоставляю товарищам делать свои замечания и восполнять пробелы в моем изложении.

Бывший начштаба армии Ар. Иванов

Н. И. Коростелев, председатель объединенного уездного Совета в Канске. 1918 — нач. 1919 г.

Удостоверение № 2267 на имя члена Канского объединенного Совета А. Е. Феофилактова, командированного в Красноярск с предоставлением бесплатного проезда. 8 июня 1917 г. За подписью Н. И. Коростелева.

Неизвестный художник. «Странно, лавки закрыты, базары пусты, только „одни твердые цены“». 1917. Бум., кар., тушь, акв.

Перовское восстание

Общее положение. Причины, побудившие к восстанию. Перовский центральный военштаб. Организация и тактика. Первые действия перовцев

В мае месяце 1918 года восставшими чехами был захвачен г. Канск. Перовский волсовет с участием более надежных лиц на тайном совещании постановил объявить мобилизацию всех граждан от 19 до 35-летнего возраста включительно, а добровольцами могут идти выше указанного возраста. 28 мая написанный полуприказ и полувоззвание об этом были разосланы не только по Перовской волости, но и в соседние: Вершино-Рыбинскую, Унерскую, Толстихинскую и Семеновскую волости. Предлагалось фронтовикам, возвратившимся из окопов, постоять в настоящем за себя. **Л. 3**

Всякий призываемый должен был взять с собой две смены белья и продуктов на пять дней. Сборный пункт — Назарово. Оттуда на долгих подводах отправиться на станцию Клюквенную. Фронтовики были

полны негодования: «Чехи, да мы их в Карпатах брали тысячами, голыми руками брали». На сельском собрании перовцы определенно высказались за выступление. На следующий же день собрались в село Покровское до 1500 человек мобилизованных. Сюда же прибыли делегаты из соседних волостей, где тоже было решено: «как Перово, так и мы». Но выступлению не суждено было состояться. **Л. 4** Крестьяне, как бы в утешение себе, говорили: «Что же Красная гвардия с чехами воюет». «Ну и пусть воюет. А какая власть будет, не все ли равно. Соху-то у нас никто не отымет. При Николае сеяли и платили. При Керенском тоже сеяли и платили. От Советской власти тоже мало пользы видели, ну и впредь будем сеять и платить».

По волостям из Канска были разосланы приказы упразднить Советы, избрать земские управы, сменить должностных лиц и избрать делегатов на Канский уездный съезд для выборов уездной земской управы. На это перовцы ответили молчанием. Но все же уездная управа была избрана (во главе с сыном священника). Перовцы пробовали еще протестовать. Требовали освободить председателя Канского Совета Коростелева и других. **Л. 5** Через несколько времени пронесся слух, что Коростелев повешен. Это сильно возмутило перовцев. Коростелев пользовался большим уважением и организовал потребительскую лавку и вообще был очень полезным человеком. Была объявлена мобилизация. Призывались 18—19-летние парни. Перовцы-фронтовики рассуждали: «Ишь ты, молодняк берут, а что они как бараны, ничего не понимают».

В это время образовалось уже Временное Сибирское правительство. Вольная торговля приняла разгульный характер, на хлеб установили твердые цены, а спекулянт торговал без ограничений. Вскоре в деревню стали прибегать мобилизованные: одни сапоги чуть не на всю роту, кто идет в караул, тот и надевает. Винтовку в караул дают без затвора, который вынимает дежурный офицер. Держат изолированно, как в тюрьме, в Канске в казармах тиф. В Иркутске выдали новобранцам погоны, приказали, чтобы завтра были нашиты у всех. Посоветовались, снесли в отхожую. На другой день несколько человек было расстреляно. Крестьяне же решили дезертиров не выдавать: «Да какая это война. С немцем или японцем — это особая статья. А то с Россией. Да, может быть, там на Россию мой брат посылает своих детей. А я отсюда посылаю своих **Л. 6** детей, и вот они будут друг друга убивать».

Перовцы, как и все окружающие волости, дремали. Местные торговцы и богачи составили кружок и обсуждали, кого из перовцев повесить. В Перовскую волость была послана юнкерская команда из девяти

человек. Побывали в нескольких волостях. В Ное их угостили самогонкой, а затем отобрали у них оружие и выгнали из деревни. Осенью 1918 года по волостям, расположенным вдоль линии Сибирской железной дороги, начали разъезжать особые отряды казаков. Эти отряды имели цель собирать с крестьян подати, реквизировать казенное имущество и амуницию. **Л. 8** Фронтвики ворчали: «Я за шинель-то три года мантулил, а им отдавать под квитанцию». Одновременно забирались полушубки, валенки, в которых армия нуждается, прихватывали катанки, зеркала, швейные машинки, самовары. Да и система налогов была тяжела и несправедлива. Подтажные волости заметно волновались. Нагайки для сравнительно вольных сибиряков вещь небывалая. Слышали, что в России нагайка вещь ходовая, об этом от ссыльных слышали. **Л. 9**

Привыкнув к мысли о смерти и найдя затем выход избежать таковую — «а тайга-то на что», всякий сделался как бы самоуверенней. Приближался уже ноябрь месяц. Стояли жестокие морозы. Собрания были у Сквидова (верно: Сквидо — далее так. — *Ред.*) Никиты и Николая Ивановича Исакова, высказывались разные предположения. **Л. 10** Некоторые члены былой группы (социал-революционеры) располагались по разным деревням, начали зондировать почву. Агитировать было невозможно, да и не было надобности. Колчак в один месяц провел агитацию так блестяще и с таким совершенством, что сотни лучших агитаторов не сделали бы и в течение года. Репрессии разного рода нагайками и шомполами сами по себе заставили вспомнить всех о временах Советской власти; что имеем, не жалеем, потерявши — плачем. **Л. 11**

Организовалась (в Перове) группа, которая решила на себя принять руководство. От слов приступили к делу, на работу вышла одна лишь учительница — Таня Перова. В это время боевое счастье перевернулось в сторону большевиков. Были обратно взяты у чехов Казань, Симбирск, Самара и Уфа. Далее ожидать нечего. Выступление необходимо. К этому времени поступили в земуправу протоколы от Нойского и Вершино-Рыбного обществ: податей не платить, детей Колчаку в солдаты не отдавать, «приедет к нам отряд казаков, то мы их побьем». **Л. 12**

На конспиративном собрании у Исакова собралось до 18 человек, было зачитано письмо Петровым, полученное неизвестно от кого: «пора начинать, в Канске штаб красных...» Иванов заявил, что письмо носит провокационный характер, «мы должны рассчитывать только на себя». После долгих прений было решено выступить: взять земуправу и здесь поместить военный штаб, революционный комитет или Совет.

Написать воззвание и разослать по селениям. На дорогах при въезде в Перово поставить вооруженных людей, на выезд из Перова должно быть разрешение штаба. Конструкция штаба: начальник штаба должен быть из местных жителей, заместитель тоже. Штаб, или иначе Военный совет, состоит из пяти человек: начштаба, заместитель, начальник судебно-административного отдела, начальник продовольственного отдела, начальник мобилизационного отдела. Всех подзреваемых лиц арестовать, оружие отобрать. Оружие, кто знает, у кого оно есть, отобрать и вооружить своих людей. Подготовить надежных курьеров для **Л. 13** доставки экстренных пакетов сельским обществам. Это было в два часа ночи 28 ноября 1918 года. Назову лиц, которых упоминал. Кроме хозяина квартиры Николая Исакова были Михаил Александров, Петр Петров, братья Саломатовы — Василий и Федор, братья Халчевские — Федот и Тихон, Сквидо Никита, Попов Гавриил, Тыртычный Захар, Терещенко Андрей, Байкалов Дмитрий. Избраны начштаба Михаил Александров, начальник военного отдела Петр Петров, начальник мобилизационного отдела Никита Сквидо, начальник судебно-административного отдела Арсений Иванов, начальник продовольственного отдела (чуть позднее) Захар Тыртычный.

Захватили земуправу, изолировали село караулами, приступили к составлению воззвания. Штаб предлагал: 1) все граждане призыва 13, 14, 15-го годов должны явиться в село Перовское в распоряжение штаба. Общество должно снабдить их оружием; 2) отобрать винтовки, патроны, дробовики и холодное оружие у лиц, имеющих таковое. По мере поступления оружия в штаб **Л. 14** мобилизуются люди призыва 16, 17 и 18-го годов; такое решение исходило из следующего: люди этих лет призыва не все были на фронте и могут при столкновении с неприятелем испугаться; 3) по селениям организовать штабы с подчинением их Перовскому центральному штабу; 4) организовать сбор всякого оружия, патроны и пустые гильзы, порох, свинец и баббит; 5) мобилизовать всех кузнецов, слесарей и препроводить в распоряжение штаба; 6) лиц, заведомо реакционных, арестовать, за неблагонадежными установить надзор; 7) конфискация имущества у спекулянтов. Опись конфискованного доставить в штаб. Воззвание, перепечатанное на машинке, было направлено в другие волости. **Л. 15**

Решили войти в связь с Красноярском, командировали туда Н.И. Исакова, он прожил около недели в городе и нигде никакой организации не обнаружил. О нашем восстании еще никто не знал. Но мы знали, что мы не одни. И что в Красноярском уезде, в Степно-Баджейской волости тоже произошло восстание. Баджейцы разбили отряд сербов в 80 человек, которые

попали в засаду, и отбили у них два пулемета. Руководителями у них были: Николай Михайлович Толстой, Ян Пауль, Боганы Иван и Федор, Грабовский Франц, бывший прапорщик Лидин Константин. Приехавший в Перово из-под тайги Арсений Ястребов не рассказал о причинах восстания, хотя подтвердил его, не сказал — какая цель его, за кого, что думают предпринять. О Степном Баджее только знали, что его жители, рассеянные по тайге, никакой и ничьей власти не признавали.

Между тем организация в Перове налаживалась. Военный отдел рассылал санные разведки по всем направлениям. Люди снабжались документами и под предлогом поисков украденной лошади проникали в селения, занимаемые белогвардейцами. К этому времени начштаба Александров был избран начальником вооруженных сил и оставил свой пост. Он часто говорил: «Я неуч и недоразвит. Ведь и знаешь, что делать и как лучше сделать, но не можешь этого обусловить и как и с какого конца начать». **Л. 16** Заступивший (на) этот пост т. Петров рвался к излюбленному своему делу — агитации. Иванов был известен в волости как человек, которому можно верить, но он был поселенец и без хозяйства и при первой неудаче мог вызвать нежелательные последствия.

За описываемое время откликнулись волости Вершино-Рыбинская, Унерская, Межевская и некоторые селения. Решено было созвать съезд, который состоялся в половине декабря⁸⁴. Собранию было предложено избрать центральный штаб. Съезд нашел необходимым создание штаба. С этого времени он стал работать уверенно и решительно. Волземуправы использовали штабом как техническая сила. В любой местности, в каждой деревне подводчики и командированные штабом люди должны были иметь безвозмездное довольствие и готовый фураж. **Л. 17** На случай передвижения мастерских и их инструментов и материалов, передвижения лазарета, который был предусмотрительно организован Таней Перовой, подводки должны были держать у штаба. Первыми добровольцами поступили и работали до конца военнопленный германец Юган (Эленгауз), Таня и Маруся Петровы, Аня Аршанская, Меланья Макаренко, Таня Барашкова, которым нельзя не отдать должное за их самоотверженность. Одетые в мужское платье, с остриженными волосами, шли с лазаретом, преодолевая с нечеловеческими усилиями все трудности пути.

Слесарные мастерские сготовили уже значительный запас патронов. Пустые гильзы начинались пороховом, и вставлялась пуля, отлитая из смеси свинца и баббита. Первые работы в этом деле нельзя было назвать удачными. Патрон при выстреле расширялся и не входил в канал ружейного ствола. Но слесаря

скоро справились и с этим. **Л. 18** Суживали патроны до надлежащего размера и затем начинали. Во второй половине декабря отряд в 170 человек уже вполне был вооружен; Унерская волость выставила до 30 винтовок, Агинская насчитывала до трехсот. В это время из Тайны прибыл отряд в 30 человек с пулеметом «Кольт», командир отряда Конь (А.Д. Кравченко. — Т. К.) отрекомендовал себя командующим Баджейским фронтом.

Этот Конь был по внешности личностью незаурядной. Несколько выше среднего роста, русый, с волнистой гривой волос, сложение пропорциональное. Он держал себя весьма солидно. Спокойно-вежлив, предупредительно любезен, говорил вкрадчивым тоном, но не без сознания своего достоинства. Голос его, слегка хрипловатый, импонировал его 45-летнему возрасту. Он рассказывал, и весьма красочно, о восстании в Степном Баджее, о бое с сербами. Говорил увлекательно, снабжая действительность игровой фантазией. Он предлагал Перовскому отряду идти на соединение со степнобаджейцами, которые в настоящее время ожидают нападения неприятеля. Он весьма убедительно доказывал, что действия партизан не должны ограничиваться защитой только своего села. Но перовцам это было и без того понятно. Штаб не имел цели скрываться в тайге. Учитывая положение баджейцев, перовцы всегда смогут прийти им на помощь, так как их намерение — сделать восстание всеобщим: разложить тыл неприятеля, разрушить железную дорогу. Если отряд уйдет в тайгу, то крестьяне соседних волостей останутся без руководящего начала и движения. **Л. 19**

Между тем был пущен слух, что Конь бывший офицер. Перовцам показалось, что прибывший с ним отряд он поместил в школе и держит партизан изолированно. Приехавший в Перово агитатор Курченко убедил всех, что Конь хотя и бывший офицер, но человек благонадежный. Штаб как бы усовестился и по убедительному настоянию Александрова передал командование Перовским отрядом Коню. Но с условием беспрекословного подчинения штабу. Отряд разместили в Перове, подразделив на роты и взводы. Нес караульную службу. Порой отправлялись конные разведки, наблюдали дорогу, немедленно сообщая штабу. Членам отряда наказывалось хорошо маскироваться, используя рельеф почвы. Правда, пользовались этой разведкой редко. Перовская волость стояла на военном положении, соседи же медлили с выступлением. Агинская волость была черносотенной **Л. 20** и выжидала. Кроме Вершино-Рыбинской нельзя было рассчитывать и на другие уезды, особенно стоявшие ближе к железной дороге, кому хочется удар в первую голову. Однажды прибыли делегаты из Вершино-

Рыбной и попросили совершить переворот в селе. Там находился отряд милиции, телеграф, буржуи, имевшие оружие. Главком Конь с этим не соглашался, и резонно: послать 20 охотников — значит, послать их на верную смерть, весь отряд пойти не сможет. Отправили в разведку Васю Саломатова и латыша Айдиса, которые вместе с делегатами уехали в село. Они провели тайное собрание и решили произвести переворот. Обезоружили милицию, начали арест неблагонадежной администрации, отбирали оружие и конфисковывали имущество. Узнав об этом, Конь решил идти на Рыбное, чтобы доказать, что действия товарищей могут повредить общему делу.

В это время штаб как-то распустился. Начштаба Петров часто отсутствовал по домашним делам, Курченко, Александров, Петров и Конь решили идти на Рыбное. Остальным оставалось лишь выполнить это решение. **Л. 21** Отряд, имея подводы, в один переход (60 верст) занял Рыбную. В штабе волновались, как поведут себя люди в первом бою. Как будет выполнено распоряжение о разгроме станции Троицко-Заозерной. На третий день получили известие, что отряд возвращается в Перово. Прибывший с отрядом Конь доложил, что Рыбная оставлена, так как в 12 верстах появилась конная разведка казаков численностью 30 человек. Станция Троицко-Заозерная охраняется значительной вооруженной силой. Эти пояснения показались штабу неудовлетворительными. Нет причин пугаться казаков, приказ штаба должен исполняться. В Троицко-Заозерной охрана состоит преимущественно из новобранцев. Разведка в два человека оставлена Конем на произвол судьбы.

Сковидо закричал: «Он трус, что с ним разговаривать». Конь весьма обиделся и обратился к А. Иванову, разделяет ли он такое мнение. Получил ответ: «Об индивидуальной Вашей храбрости я не могу судить, но как военачальник Вы слишком осторожны и нерешительны. Нам нежелательно, чтобы без боя деморализовали наш отряд». Высказывалось недовольство и среди партизан. **Л. 22** Тем не менее Конь не был отстранен от комсостава. Его действия оправдывали Курченко, Александров и отчасти Петров. Конь же сумел обойти все недовольствия. Посещение же Рыбного имело свои последствия: в Канске теперь знали, что из Южной тайги «вышло 25 тысяч большевиков, которые идут на Канск». Попавший в плен новобранец рассказал, что в городе паника, а офицеры стали звать солдат «братцами».

Все в штабе осознавали, что нужно действовать. Отправить отряд в села Семеновское (30 верст от Перова) и Шалинское и забрать там оружие. Желающих в отряд было много, а оружия мало. **Л. 23** Кроме того, в деревне Сушенке Семеновской волости был спрятан

пулемет и несколько винтовок, оставленных красногвардейцами после их разгрома на Клюквенной, и отряду их нужно было взять. В Перове оружие преимущественно состояло из берданок и дробовиков, часто неисправных, которые ремонтировали в мастерских. Приходили единичные люди в отряд из Ирбейской и Агинской волостей, где были сильны черносотенцы. Петров уехал с агитацией в Агинскую волость. В это же время привезли одного разведчика, оставленного Конем, это был совершенно обезображенный Вася Саломатов. Совершенно бесстрашный, экзальтированный общей идеей «Вся власть Советам», он вызывался всегда первым на самые рискованные предприятия. Пробравшись в деревню, занятую казаками, он был ими обнаружен. Раздетый, выбежал из избы крестьянина, сбросил катанки, без шапки, пользуясь темнотой, ударился бежать в болото. Его доставили в Перово, в лазарет. Оконечности рук и ног были совершенно без кожи. По всему телу и лицу сплошные пузыри. Как он мог выдержать эту боль, он жив и сейчас. Между тем горизонт перовского благополучия начал омрачаться. **Л. 24**

В Перове получили известие, что в Барашково прибыл отряд 120—130 казаков, чинят насилие, несколько человек повешено. Отряд же в это время находился в Семеновке. Конь писал, что, ввиду приближения неприятеля из Шало, он дал приказ отступить отряду на Нарву на соединение со Степно-Баджейским фронтом. И советует штабу оставить Перовское, забрав мастерскую. Коню ответили, что штаб предполагает напасть на Барашково и дать первый бой в пользу партизан, что можно сделать, имея трехсот человек. Александрову был отправлен пакет с заданием Коню и, если со стороны того будет проявлена нерешительность, принять командование отрядом Александрову, а Коня доставить в штаб в Перово. Однако пакет не достиг Александра, партизан Максимов был захвачен белым патрулем, успев пакет закопать в снег. Много поротый, он солгал, что попал случайно в Семеновку, отправлен на станцию Клюквенную, откуда бежал.

Соседние волости продолжали выжидать. В село Унерское был командирован комендант штаба Карл Бубот с предложением выслать людей или выдать имеющееся оружие. **Л. 25** Обещано было выдать людей, но людей не выслали. В Семеновке, не получив распоряжения, отряд выступил по указанному направлению. Двое партизан отстали, перепились самогона. Были схвачены колчаковцами, раздеты и расстреляны. Один, имевший ранение, очнулся, обмороженный добрался до жилья. Распитие спиртных напитков в отряде было строжайше запрещено. Исключение было для Коня, который заявил, что он не может жить без спиртного в силу укоренившейсяся

привычки и что он пьет умеренно, часто, но понемногу. В селе была запрещена гонка самогона. Конь посылал в разведку своих людей, и самогонка у него всегда была.

31 декабря 1918 года в девять часов вечера отряд произвел нападение на Барашково. Неприятеля там не было, он перешел в село Толстихино в шести верстах от Барашкова. Часть стояла на заимке. В партизанском отряде было много фронтовиков, и разрозненный отряд можно было легко разбить.

Л. 26 Но Конь поступил иначе. Из Барашкова он выступил и занял Ново-Николаевку, в 15 верстах от Перова. В час ночи в Перово приехал его гонец — выслать ему на помощь «все, что есть». В Перове в это время находилось около 40 человек, вооруженных преимущественно берданками. Их посадили на подводы и отправили на помощь Коню. Караулы учредили из перовцев. Мерцали огоньки, свидетельствуя, что люди не спят. Около моста сидела кучка людей, недалеко от караула из двух человек, вооруженных дробовиками. Опрошенные сообщили, что пришли на помощь караулу по собственному желанию, что у них есть дубины, вилы и топоры. «Поедут казаки по мосту, наши убьют двух, а мы выскочим и захватим их винтовки».

Заканчивая первую часть воспоминаний, автор присовокупляет, что восстание произошло экспромтом, без предварительной подготовки под лозунгом «Вся власть Советам». Основные идеи еще смутно были поняты даже руководителями. Вся же основная масса шла во имя справедливости, которой добивались целые века обездоленное и бесправное крестьянство. Во имя справедливости шли и состоятельные крестьяне, такие как братья Саломатовы, Исаков, имеющие в Перове лучшие хозяйства: сельскохозяйственные машины, массу скота, амбары пшеницы.

Л. 27

Партизаны Южной тайги

Первые бои. Ново-Николаевка. Перово. Отход в тайгу. Ново-Койский отряд. Налет Койского отряда в Канский уезд. Бой при Кулижниковой. Обратное возвращение в Кой

1 января 1919 года Перово переживало лихорадочное беспокойство. Жителям почему-то стало известно, что в этот день будет бой. И потому каждый трепетал за исход его, волнуемый различными предположениями. О численности неприятеля штабу не было известно даже предположительно. Но, судя по предыдущим событиям, не было сомнения, что в селе Толстихине сконцентрировались неприятельские отряды со станций Троицко-Заозерной и Клюквенной.

Это предположение поддерживаемо было и теми данными, что по уходе из Рыбной нашего отряда село было занято казаками. Сюда вскоре же прибыли и пехотные части. В каком числе и в каком вооружении, никто не мог сказать определенно. Прибыли, повесили, драли шомполами и нагайками... Кого? За что? Беглецы не знали.

Тогда же из Переяславской волости крестьяне доставили трех рыбинцев (податный инспектор и два сборщика), которые собирали подати, пугали крестьян казаками, приехавшими в Рыбную. Но спросить их не было возможности. Все трое были в весьма плачевном положении. Привезшие их крестьяне-малороссы говорили: «Мы им оплатили уси наши подати. Приехали той мордуция, дай им ветчину, дай самогонку, ище зроби яичницы. А мы их угостили и говорим, а ну, тепер ходым до нашего штаба в Перово». Здесь перовцы узнали, в чем дело, добавили им еще и не допустили их до штаба. Так что на вопросы привезенные отвечали лишь тяжкими столами.

Помимо того, в тот вечер в штаб приходил наш слесарь Иосиф Вайсман просить за своего отца, оказавшегося сборщиком. Но они уже были отправлены в тыл. Иначе возбужденная толпа добила бы их. Судить в самом Перове никого не приходилось. Все равно суд был бы нарушен. Подсудные могли бы быть убитыми в зале суда, око за око. Да и некогда было судить: впору было успевать писать отношения и высылать обвиняемых в тыл. Перовцы в силу этого решили определенно: в случае неудачи смерть неизбежна для всех.

Л. 28 Поэтому можно себе вообразить настроение перовцев 1 января 1919 года. К штабу то и дело подходили люди: нет ли какого известия из Ново-Николаевки. Поят у крыльца, потолкуют: куда бежать, в тайгу? Это с семейством-то? Нет уж, умирать, так тут же всем умирать, если наши отступят, то здесь в Перове бой обязательно будет. Пусть всех перебьют.

Часов в 12 дня из Ново-Николаевки прискакал партизан Кушненко. Бой идет сутра. Мы пили еще чай. Раздались выстрелы, команда под окнами. Разъезжают ординарцы и кричат в окна: «Партизаны, по местам!» Боевые посты были заранее определены. И всякий бежал на свое место. Из Толстихиной шел большой обоз, и видна была кавалерия. Оказалось, что вперед выехали два казака с обнаженными шашками, лихо влетели в село. Наши не удержались и выстрелами сняли обоих. Один было хотел подняться, но подбежавший партизан снес ему шашкой голову. Обоз приостановился в полуверсте от села. Пехота рассыпалась в цепь, кавалерия пошла в обход. На взгорке неприятель поставил два пулемета, огонь очень жестокий, улицы обстреливаются, пройти нельзя.

А. С. Шестаков. Партизан Манского полка Александр Васильевич Ткачев. 1936. Бум., кар.

Командир послал меня за подкреплением. Может быть, пришли унерцы или агинцы? Штаб не имел более ни одного человека, а положение было очевидно серьезное. Вскоре, однако, получилось известие, что белые разбиты и отряд возвращается в Перово. Вновь недоумение: почему в Перово? Население было озадачено. Мы победили. Наши победители, почему же они возвращаются? Но вот прискакал на паре коней в кошевке Конь. У сопровождающих его ординарцев у одного был казачий значок на пике, отбитый в бою. Конь у крыльца штаба объявил собравшимся перовцам, что бой кончился в нашу пользу. Толпа отвечала молчанием. Войдя в штаб, Конь бросился целоваться с членами штаба, и тут же говоря: «Мы победили, мы им набили морду. Сейчас придут наши, неприятель убежал». — «Почему же вы не погнались за ним?» — «Ах, как будешь гнаться, он поставил на задние сани пулемет и всех порежет». — «Но ведь есть дорога левее, что идет на Барашково, и этой дорогой отрезать их от Клюквенной». — «Нельзя, никак нельзя, почти все наши пьяны. **Л. 29** Когда отряд выстроился, идет

по фронту, а они — то тот, то другой: гrrrrr». Конь представил наглядно, как рвет пьяного партизана (впоследствии оказалось, что ггал).

Между тем стал прибывать отряд. Из смешанного объяснения получилось следующее, восполняющее первое известие. Развернувшиеся цепи смело пошли в наступление. Кавалерия тем временем, обойдя село, кинулась в атаку во фланг. Но заранее поставленные посты встретили казаков залпами и отбили их. Они зашли обходом далее. Но и там их встретили выстрелами. И все время боя казаки маячили с флангов. Между тем пехота шла, как на ученье. Взводы делали перебежку в то время, когда остальные производили пальбу. У намеченного пункта взвод падал и открывал стрельбу, а за ним бежал другой взвод под прикрытием выстрелов остальных. Пулеметы же работали безостановочно. Нам в это время отвечали единичными выстрелами и только в последний момент начали пальбу пачками, и в то же время заработал наш пулемет, поставленный на крыше одного дома. Это так озадачило неприятеля, что он сразу же ударился в бегство. Но отбежавши на исходную линию, он остановился. Высланы были подводчики подбирать раненых и убитых. Партизаны кричали им: «Оружие не берите!», но возчики ответили, что им пригрозили расстрелом, если они не привезут винтовки.

Несколько спустя наступление вновь возобновилось. Очевидно было, что неприятель не мирился с тем, что против него стоит организованный отряд. Он полагал, что восставшие мужики не окажут в дальнейшем сопротивления. Вскоре один из пулеметов противника перестал работать. Так до конца боя работал уже один пулемет. Отбиваем затем и второе наступление, нашим, уже более уверенным в себе, скучно показалось лежать без дела, вышло 25 охотников идти в контр наступление, в обход пулемета, с намерением захватить таковой. Между прочим, неприятель, обескураженный вторичной неудачей, наступал уже осмотрительно и неуверенно — и вдруг повернул и обратился в бегство. Наши были озадачены таковым оборотом дела. Наконец и сами поняли, что это не маневр, а действительно паника. По плоскогорию, справа, верстах в двух-трех расстояния, неслись во весь опор на санях и конные люди, очевидно спешившие в бой. **Л. 30**

Это оказались крестьяне деревни Нойской. Сведавши, что в Ново-Николаевке идет бой, нойцы решили, что в случае — наших набьют, то неприятель придет на Ной и всех перебьет, и потому умирать, так один раз умирать, и умирать будем вместе со своими, а может быть, и поможем своим. Это решение нойцев не было известно штабу. Они вооружились кто чем: вилами, дубинами, дробовиками, а другие и просто с го-

лыми руками — в надежде, что там, в бою, раздобудут оружие (в Карпатах-де против немца с голыми руками ходили). Явились на место боя. Бежавший неприятель не успел захватить своих убитых. На поле осталось 14 трупов. В этом бою неприятель потерял убитыми трех офицеров (в числе убитых — корнет 1-го Томского гусарского полка) и одного офицера раненым. Нижних чинов из пехоты не установлено. Красильниковская казачья сотня потеряла половину своего личного состава.

Наши взяли здесь 27 винтовок, несколько тысяч патронов и массу пустых гильз из-под пулеметов «Кольт». С нашей стороны выбыл из строя один — командир пулеметной команды Иван Мягих, раненный в ногу из собственного пулемета по неосторожности. В настоящем, мысленно переживая эти первые боевые впечатления, когда боевой задор охватил всех без исключения, жалеешь, что Коню было нанесено много оскорблений из-за того, что он не посмел преследовать противника. Разумеется, что он был не прав, не использовав весь боевой энтузиазм. Но, с другой стороны, его оправдывает и то обстоятельство, что вскоре, по выступлении нашего отряда из Перова на Н(ово)-Николаевку, повел наступление со стороны села Семеновка шалинский отряд, по-видимому шедший на соединение с толстихинским отрядом белых. К вечеру, по заходе солнца, новониколаевские жители были озадачены пушечными выстрелами. Одно трехдюймовое оружие било по селу ударным снарядом. Вскоре у посотины показались пехотные цепи, которые беспрепятственно вошли в Н(ово)-Николаевку. Это обстоятельство несколько подняло престиж Коня. Сам отряд расположился в Перове, неся гарнизонную службу и посылая разведки.

По сведениям, неприятель вновь начал концентрацию сил в селе Н(ово)-Николаевском. Благодаря принятым им мерам мы не могли знать положительно всех сил неприятеля. **Л. 31** По частным слухам, сюда подходили части из Уяра (ст. Клюквенная) и из Рыбного. Говорили, что неприятель имеет до 1500 человек и что его намерение — нанести удар на Перово. На Военсовете было решено: мастерские и лазарет отправить в тыл в деревню Карымово. Перово без боя не отдавать и защищать изо всех сил и насколько хватит сил. Я был сначала согласен с решением его в первой части и даже собирался к эвакуации. Но затем, отправивши мастерские, удержал лазарет, полагая его более нужным на месте боя, чем за 15 верст в тылу⁸⁵. И штаб — из тех соображений, что если отряд будет уничтожен, то штабу нечем будет руководствоваться. А будет цел отряд, штаб всегда найдется. Соображаясь с действиями неприятеля и его усиленной концентрацией, я имел

в виду наличие нашего отряда всего лишь до трехсот человек, решил подтянуть с Маны, Степно-Баджейского фронта человек 150—200, полагая, со слов т. Курченко, что у них насчитывается до тысячи человек партизан. И потому столь ограниченное число людей их, двести человек, будет незначительной убылью для отряда, занимающего оборонительное положение в тайге на скалах. А нам это будет большой поддержкой, особенно в моральном смысле.

Надобно заметить, что усиленные слухи о неприятеле и его силах нервировали партизан и население. Необходимо было поднять настроение. Я сообщил свою мысль на Совете. Конь шел против, по его мнению, Перово можно оставить и без боя ввиду столь превосходящих сил неприятеля. Эта мысль действительно была очень целесообразной. «Потеря Москвы не есть потеря России», — говорил когда-то Кутузов. Но что было делать с перовцами? Особенно настаивал на обороне Перова начальник отряда Михаил Александров. Его дикая решимость и боевая энергия преодолели все. Вопрос был решен — Перово защищать. Но когда коснулось дело о переброске отряда с Манского фронта, оказалось, что там всего-то было триста человек. Курченко объяснил, что «цифру» 1000 человек он сказал для поднятия духа. Мне что-то странным показалось, что Конь и Курченко о многом умалчивали и часто прибегали ко лжи в секретных совещаниях штаба. Это предположение подтвердилось и тем соображением, почему главком Конь оставил фронт и прибыл в Канский уезд, не зная положительно о выступлении перовцев. Впоследствии **Л. 32** оказалось, что Конь был приглашен в отряд баджейцев по рекомендации т. Толстого, которого желали использовать как специалиста и (которому), не вполне доверяя ему, дали поручение выехать в Канский уезд с агитационно-боевой целью. А он здесь назвал себя главкомом, что подтвердил и Курченко. Хотя Манский фронт и не обладал большими средствами обороны, но, имея в виду то обстоятельство, что Перово отвлекло внимание неприятеля на себя, парализуя действия неприятельского отряда, оперирующего против Баджейского фронта, я все же настоял на своем⁸⁶. Иначе нам помощи ждать было неоткуда.

Из Агинской волости смутные сведения, что там было совещание. В селе Агинском собралось до трехсот человек сносно вооруженных людей, приехали преимущественно из-под таежных деревень. Желание всех было идти немедленно в Перово, но Агинская земуправа сообщила собравшимся, что перовцы разбиты и в данный момент выступать в помощь Перову было бы полнейшей бессмыслицей. В этой провокации немалую роль сыграло агинское духовенство. Мало того, т. Петров, разъезжавший по Агинской во-

лости с агитацией, был арестован. Кто-то подстегнул агинцев, что это еврей и что он мутит народ, соблюдая свои «шанцы». В глухой деревне, где он был арестован, его пытали тем, что верует ли он в Христа, заставляли есть свиное сало и проч. И только случайно бывший там человек, хорошо известный агинцам, знающий лично Петрова, уверил крестьян, что это не еврей, а перовский крестьянин. «Рожа-то уж очинно смахивает на жида», — извиняли этот поступок крестьяне. Но обо всем этом мы узнали уже потом, несколько времени спустя после Перовского боя.

Надлежащей связи с Агинском не было. Земуправа со штабом переписки не вела, а отдельные лица не брали инициативу, потому что верили в свою земуправу. И так, нам приходилось рассчитывать только на себя, хотя была еще худосочная, тусклая надежда на агинцев. Между тем из Н(ово)-Николаевки были получены сведения, что через день, самое большое через два, неприятель намерен (вести) наступление на Перово всеми силами. Эти силы представляли из себя значительный отряд из всех родов оружия. И что атаман Красильников для этой цели бросает сюда лучших **Л. 33** своих головорезов. Тов. Курченко и Конь еще раз пробовали доказать мне, что переброска хотя бы малого отряда с Баджейского фронта будет бесполезной: «Не успеют к бою, от Нарвы до Перова сто верст. Послать туда человека, он проедет не менее полтора суток. Да оттуда столько же». Но это не было убедительным.

Я знал, что делал. При каждом сельском штабе у нас всегда была готова лучшая доброконная подвода на экстренный случай. Соображаясь с условиями и учитывая случайности и обстоятельства, снарядил курьера, который должен скакать день и ночь. *«Маршрут от Перова — Карымова — 15 верст, Хайлак (Хайдак) — 12 верст, Умбеж — 18, Голубевка — 10 верст, Тюлюп — 20 верст, Нарва — 22 версты, итого — 97 верст. Пакет коменданту С.-Баджейского отряда секретно-экстренный. С получением сего сейчас же посадить на подводы 75 человек партизан с достаточным вооружением и, не медля ни минуты, отправить их в с. Перовское в помощь перовскому отряду (маршрут указан). В селениях по пути стоят подводы для поставки сего отряда с указанием направления. Начальник перовского Центрального Военштаба А.И.»* Пакеты попутно сельским штабам: *«С получением сего немедленно собрать надлежащее количество подвод на 75 человек следующего из Баджея в Перово отряда. Подводы должны стоять у штаба и, по прибытии отряда, чтобы сразу же принять прибывших и доставить до (пробел в тексте. — Т. К.), откуда отряд продвигается далее. За невыполнение отвечаете, как за измену. Начальник Перовского*

штаба А. И.» Благодаря таковым мерам была сделана переброска отряда в 65 человек из Нарвы в Перово менее чем за полсутки. Баджейцы прибыли как раз накануне боя. Сельские штабы выполнили предписания исправно. А в Хайдаке штаб приготовил для отряда обед, который был съеден с налету. Баджейцы были весьма довольны, потому что стоял жестокий мороз... (пробел в тексте. — Т. К.).

Хайдак славился как спец (пробел в тексте. — Т. К.). Это согрело, ободрило и подняло настроение баджейцев. В Перово они прибыли вечером. О численности их перовцы не знали. Все были довольны. Сознание, что они не одни и что могут прибыть еще и агинцы, на которых надежда, хотя и слабо, теплилась, но от веры в возможность помощи с их стороны никто не **Л. 34** имел сил отказаться. Верить хотелось — и верилось. Ночь была морозная, тихая. Скрип шагов далеко отдавался в пространстве. Рев полозьев слышался где-то за версту. Кто-то скачет в санях.

«Стой!» — слышим голос часового у поскотины. Видимо, развлекался. Рев полозьев продолжается. «Рраз» — раздается треск берданки. Пуля гулко бороздит морозный воздух, кошевка въезжает в село. «Стой, черт, стрелять будем!» Заледеневший стрелок сдерживает разгоряченного коня, напуганного выстрелом. Откуда-то из переулка выскочили двое конных с винтовками наперевес. Ехавший остановился.

— Кто? Пропуск!

— Ведите в штаб.

Оказался нарочный. Неприятель до двух тысяч, а может быть, более: казаки, юнкера и добровольцы. Завтра непременно... Однако нервозность не так уже была заметна. С прибытием манцев мысли были отвлечены от неприятеля. Спокойствие ночи больше не нарушалось.

Утро наступило ясное, морозное. Солнце взошло, подпернутое морозной мглой. Перово было в полном спокойствии, как и в прочие дни, смена караулов, чай и прочее. Часов в 10 утра в штаб привели двоих совершенно пьяных людей, говорят, прибыли из Семеновки. Говорят: приехали защищать Перово. «Арестовать до отрезвления». Военное совещание на квартире у Коня. Среди собравшихся новые люди, вчера прибывшие с Маны. Прибывают из штаба, зовут меня. С Павловой мельницы прибежал работник Санька, раздетый, в одних чулках: казаки на мельнице. Он побежал вдоль речки. Его заметили, гнались, но он сбросил катанки и скрылся в кустах. Обморозился. Видел с горы: к мельнице спускается обоз из Н(ово)-Николаевки. Сигнал: «Приготовься!» Прибегают в штаб, сообщают: чехи у поскотины. Со стороны Ноя и Павловой мельницы видны цепи. Развертываются по глубокому снегу. Быстро

А. С. Шестаков. Партизан Павел Денисович Озолин, член Армейского совета. 1936. Бум., кар.

движутся черные точки, все шире и шире разрастается полукруг. Сердце начинает биться усиленной. Какое-то замирание, что-то подкатывается в легкие и к горлу и вновь отпускает. Нигде ни звука. Люди заняли бесшумно свои боевые участки и посты. Тонительное ожидание. В улицах ни души, но момент приближается. Было 11 часов дня. Здесь я позволю себе небольшое отступление. Необходимо прояснить географическое положение Перова и его геологический профиль. Перово расположено на слиянии двух речушек, Рыбной **Л. 35** и Нойке, которые впадают в Рыбную и сзади села.

По покато́й плоскости от Нойки с востока на запад тянется главная улица, поднимаясь по взгорку. Через Нойку имеется мост, через который дорога идет вдоль реки Рыбной, отстоящая в пяти верстах от Перова. И дорога влево на север, в Ново-Николаевку. Ноек огибает Перово легким полукругом. Левый берег его гористый, высокие холмы покрыты лесом, но не густым. Особенно по холмам видны больше поляны, некоторые из них уже разделаны под пашни... **Л. 36**

Наступающий неприятель со стороны Ноя и Павловой мельницы, разверстывая цепи вправо, стал через холм и лес, стал выходить на Карымовскую дорогу. В это время прискакал наш разведчик со стороны Стойбы и сообщил, что в деревню Стойбу прибыли 170 человек-агинцев и спрашивают, идти ли им в Перово или остановиться в Стойбе. Я осведомился, почему никто не приехал из их отрядов, действительно ли это агинцы. Откуда и от кого получил эти сведения разведчик, осталось невыясненным. В это время внизу, под холмом, по направлению к Павловой мельнице, завязалась перестрелка. Вначале редкая, затем все учащеннее, дошедшая до барабанной дроби. Пулеметов еще не было слышно. Наш пулемет «Кольт» стоял на площади у квартиры Коня при 12 пулеметчиках. Конь ходил около взад и вперед и, видимо, волновался. Я подошел к нему и передал известие о 170 агинцах, прибывших в Стойбу. Но я высказал свое мнение, оживившийся было Конь вновь углубился в задумчивое состояние.

Бой уже разгорелся по всей линии, и выстрелы были уже слышны с Карымовской дороги. Срочно (надо) было пулемет наш бросить туда, откуда будет наибольший натиск. И, по миновании надобности, перебрасывать в следующий боевой пункт. Затем перебросить часть отряда, стоящего на Нойке, со стороны Стойбы и Ново-Николаевской дороги. Подводы стояли по берегам с южной стороны Перова на реке Рыбной, защищенные от выстрелов поднимающимся плоскогорьем и постройками. Я пошел под берег, дабы взять часть подвод для намеченной переброски, но не успел еще сойти под берег, как вдруг со стороны Стойбы и Н(ово)-Николаевской дороги грянули пулеметы. Это было совсем неожиданно. Здесь маячили наши конные разведчики. Один из них, Николай Кольшев, был снят с лошади пулей из неприятельского пулемета (этот партизан умер от раны), и как они это прозевали...

Пользуясь открытой местностью, неприятель подошел на близкое расстояние, а на возвышенностях по левую сторону Нойки расставил пулеметы числом до шести. В это же время по склону холма, к Нойку, стали спускаться цепи неприятеля и разом грохнули изо всех по Перову. О переброске с этого участка части отряда нечего было и думать. Неизвестно было, откуда неприятель готовит главный **Л. 37** удар. Пулеметы, по большей части «Максим», не жалели лент. Их выстрелы слились в один непрерывный вой. С высот им Перово было видно как на ладони. Дистанция всего 500 сажень. Оказывается, что из Н(ово)-Николаевки неприятель развернул свой отряд в три колонны. Правофланговая пошла по дороге на Ной. Центральная — на Павлову мельницу, и левофлан-

говая пошла на дорогу со стороны Стойбы. Таким образом, Перово было охвачено с трех сторон. Свободной была лишь дорога через болото.

При первом звуке пулеметов возчики переполошились и кинулись под видом с намерением ускакать из Перова. Но этому препятствовала ранее предусмотрительно поставленная цепь. Это были партизаны, еще не успевшие занять место в отряде. Они были вооружены только что вышедшими из починки берданками, дробовиками. Все же в первый момент, пользуясь сумятицей, когда под резкое токанье пулеметов из села и из-за Нойки, со стороны разведчиков дико вынеслись кони, некоторые из них оседланные, и бросились сквозь редкую цепь в кусты на болото, некоторые из возчиков проскользнули в кусты. Я объявил оставшимся возчикам, что если кто вздумает бежать, то будет расстрелян.

Между тем со стороны Стойбы уже началась перестрелка. Я, имея при себе дробовик центрального боя (винтовки выдавал на фронт, револьверы — разведчикам), соображая, что штабу придется если драться, то последнюю (пулю), и притом в упор (оставил при себе лишь дробовик и кинжал), прошел туда. Люди здесь укрывались за заплатами, лежали на кочках болота, окаймляющего Ноек. Цепи подошли уже на 150 саженей, делая перебежку взводами и группируясь за неровностями почвы, производили пальбу. Наши отвечали пока редко единичными выстрелами. Наш огонь был весьма действителен. По полю в разных местах лежали трупы. Некоторые, очевидно раненые, еще ворочались в снегу. Изумляться меткости выстрелов не приходилось. Я знал, что все почти партизаны — таежные охотники, пристрелявшиеся к своим винтовкам до такой виртуозности, что, почти не целясь, снимали с дерева белку, попадая ей в самую мордочку. Среди наших были препирательства и споры. Оказывается, что многие были вооружены берданками. Таковые **Л. 38** просили товарищей не стрелять, а дать подойти поближе. Патроны берегли, зная ограниченное число их. И каждый старался не расходовать патронов даром.

Получено известие, что со стороны Павловой мельницы наступление отбито с большим уроном. И что неприятель в большой массе погибает свой фланг со стороны Карымовской дороги и, по-видимому, решил овладеть мельницей Сакова. Это известие влило уверенность, что наши на том участке и еще постоят за себя. И потому каждый решил держать свой фронт во что бы то ни стало. В это время сюда прискакал на санях командир Перовского отряда Михаил Александров. Он отбил атаки неприятеля со стороны Павловой мельницы и, слыша жаркую перестрелку со стороны Стойбы, прискакал

с несколькими партизанами сюда. Пренебрегая опасностью, он бегал по всему фронту, намечая конечную дистанцию, когда каждый должен бить, не жалея патронов. И только что неприятель вступил на эту роковую черту, готовясь к штыковой атаке, сажень 30—40, когда и вторая цепь уже пододвинулась к первой, наши вдруг открыли такой убийственный огонь, что целые взводы, поднимавшиеся для перебежки, подрезывали, и те падали, чтобы уже не встать.

Здесь уж и берданки, и дробовики все работали, соперничая в поражаемости. Неприятель недолго мялся. В местах более открытых он начал отходить ползком. А где местность имела более скрытый характер, пользуясь всякой неровностью места, удирал уже во все лопатки. Пулеметы неприятеля, временно смолкшие, вновь возобновили свой адский огонь. Было заметно, что пулеметов прибыло еще. Таковая же трескотня слышалась и с противоположного конца села, со стороны кладбища и Павловой мельницы. И вдруг «бум», «ух» — хватили трехдюймовки. И новый удар, и снова «уууух». Со стороны Павловой мельницы начала свое действие артиллерия. Пулеметы неистово рокотали по всей линии. В это время со стороны неприятеля выехали возчики-крестьяне для сбора трупов и раненых. Они клали трупы на сани, собирая и оружие. Александров кричал им, чтобы оружие не брали. «Не берите винтовки! — кричали по всему фронту. — Стрелять будем!» Крестьяне падали на колени, отвечали: «Нагайками порют, грозят расстрелом, пощадите хоть вы, товарищи».

Партизанам, рвавшимся собирать оружие, было воспрещено выходить на фронт из опасения лишних жертв. Но разрешено было ходить в близстоявшие дома обогреться и покурить. Между тем на левом нашем фланге, с Карымовской дороги, началась вновь ружейная перестрелка. Орудийные выстрелы продолжались, треск пулеметов не умолкал. Александров уже собирался ехать в том направлении, отдавая последние приказания. Я подошел к его саням, намереваясь **Л. 39** поехать с ним. Но он со свойственной ему запальчивостью вскрикнул:

— Как вы здесь? Зачем? Пожалейте себя для дела. Меня убьют, другого убьют — это неважно, но ведь ты — это другое дело. Ведь тогда все дело наше погибнет.

Я отвечал:

— Если отряд погибнет, то и мне будет делать более нечего.

Но все же обещал сейчас уйти благодаря его настойчивости. Вскоре после отъезда Александрова неприятель вновь повел наступление, но в этот раз его колонны спускались закрытой местностью, частично к берегу реки Рыбной, частично же к Нойку, и (были)

Ю. В. Эленгауз, военнопленный, фельдшер в армии Степного Баджея. На об.: «На память Васе от Югана. Гор. Красноярск. 10 января 1924 г.».

скрыты ельником, густо росшим по берегу реки. Стали подходить к Перову. Из домов в разных местах выбегали обогревшиеся партизаны, спеша занять свои боевые посты. С ними же выбегали на позицию и жители. Один старик, прибежавший с голыми руками, обращается к манскому партизану Наркевичу:

— Ну-ка, молодец, дай-ка мне винтовку, я постреляю. А ты поди обогрейся.

— Куда тебе, старик, только патроны зря будешь тратить, — отвечает Наркевич.

— Э, брат, не промахнусь, я еще белковать хожу, — сказал с достоинством старик.

В это время подбежавший партизан сообщил мне, что член штаба Сквидо не имеет возможности удерживать возчиков, что белые заняли мельницу Исакова и отстреливают вдоль Рыбной отлогость левого берега, где стоят возчики. Я поспешил вдоль главной улицы туда. И я под прикрытием домов наблюдал жителей. На улице ни души. Но во дворах, за воротами стоят люди. Некоторые выходят из-за калитки, спрашивают: ну что, как. «Ничего, — говорю, — пока мы

их здорово оттрепали, а там что будет». Советую занимать крайние к позиции избушки. На морозе недолго, мол, нацыкают. У них оружие и пулеметы, а за нас мороз. А он ядовитее немецких газов. **Л. 40**

Увидел знакомого крестьянина, спрашиваю:

— А ты что, Василий Петрович, торчишь здесь? Семейно-то куда не вывез?

— Нет уж, все равно, вот стою и думаю: ворвутся в село, пощады не жди. Так я уж тут думаю, — показывает топор, — как кинутся к воротам, может, одного, а Бог даст — и двоих ухряпаю, а там уж пусть что хотят.

Между тем вокруг Перова шла адская перестрелка, завершаемая гулом орудия и треском снарядов. Надобно заметить, что Перово — небольшое село, имеющее 85 домохозяев, и потому пули противника неслись по всем направлениям; пущенная против одного нашего фронта, она (пуля), перелетая село, не утрачивала поражаемости и на другом нашем фронте. Огонь пулеметов был доведен до наивысшей интенсивности. Попавшая под обстрел железная крыша дома производила впечатление шума падающего дождя или, вернее, града.

За это время со стороны Карымовской дороги была произведена конная атака кавалерии. Но таковая была также отбита с большим для наступающих уроном. Здесь после отбития атаки был манцами схвачен фельдшер Юган (Эленгауз). Благодаря его австрийской шинели его признали за чеха и хотели здесь же расстрелять. Он уверял их в противном. Он сказал, что вышел перевязать пленных, и только случайно проезжающий здесь Конь освободил Югана.

Всех перипетий боя и проявленного здесь героизма как партизан вообще, так и жителей в частности невозможно передать, и потому придется ограничиться общими местами. Неприятель, видимо, упорствовал. Повторные атаки отбивались с большим уроном, вновь возобновлялись с большей еще настойчивостью. Бой продолжался до семи часов вечера. Неприятель всюду был отбит и принужден отступить вновь в Ново-Николаевку, преследовать неприятеля не было возможности. Патроны были израсходованы полностью. Темнота ночи не позволила неприятелю сосредоточиться в Ново-Николаевке. Отдельно его отряды ночевали в окрестностях Перова, на мельницах и заимках. Урон неприятеля был колоссальный. У нас вышло из строя восемь человек: трое убитых и пятеро раненых. Впоследствии умерло еще трое. Героем дня был М. Александров. Он поспевал всюду, во всех самых опасных местах. Своим примером ободрял и воодушевлял.

Был момент, когда общая атака, поддерживаемая пулеметами, смутила **Л. 41** многих из партизан, не держали и сбежали в Рыбную, в кустарники, покрыва-

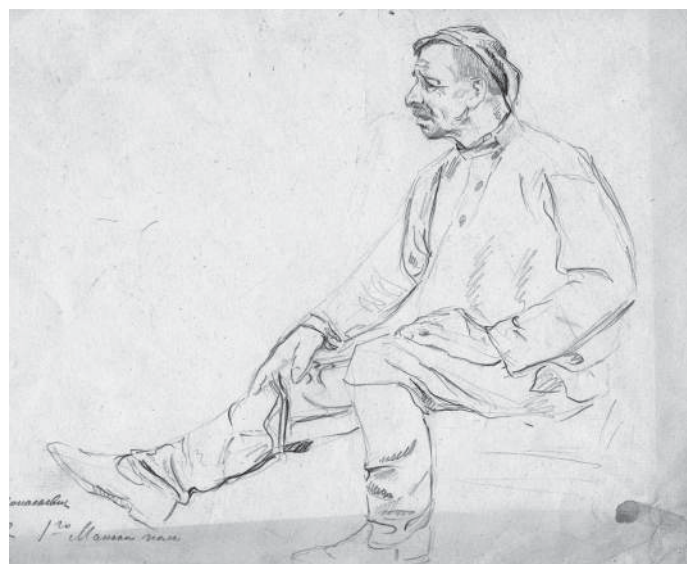
ющие болото. Когда Конь предложил вывести из боя пулемет и отправить в тыл, дабы он не достался случайно в руки неприятеля, Александров дерзко ответил:

— Можешь уходить, пулемет нужен.

Рассказывают, что вечером на нашем правом фланге, упирающемся в кусты, окаймляющие берега рек Рыбной и Нойки, струсивший командир 4-го взвода увел свой взвод на болото за реку Рыбную и сбежал (впоследствии был расстрелян в селе Баджей по приговору ревтрибунала) — и там открыл путь неприятелю в эту часть Перова. Неприятель осторожно пробирался кустами и уже выходил на край села. Кто-то сообщил Александрову об уходе взвода, и он бросился сюда всего с семью партизанами:

— Третья рота, первый батальон, к контратаке готовь! Перебежка вниз, по реке! — кричал Александров, стоя на открытом месте. Все семь человек открыли учащенную пальбу. Сюда же бросились партизаны и с других близлежащих участков. Неприятель при первых же выстрелах быстро отходил, ломая кусты и увязая в сугробах снега. Это была последняя попытка. Было уже совсем темно. За неимением патронов преследовать неприятеля и бить его по заимкам не представлялось возможным. Предполагая, что неприятель пожелает и на другой день возобновить нападение, решено было сначала пройти в Агинскую волость и, если агинцы не присоединятся к отряду, уйти за Ману в тайгу, где пополнить запасы патронов, которые сготовят наши мастерские, вновь начинать действия.

В Агинском к нашему отряду отнеслись приветливо, но и только, наши ожидания были напрасны. Причины мною указаны выше. Отсюда отряд повернул на Вершино-Рыбную и чрез Солонечно-Талое спустился на реку Ману. С членом штаба Сковидо ночью проехали чрез деревню Манок, тоже на Вершино-Рыбную. Здесь было устроено совещание из передовых граждан Вершино-Рыбной: Петр Петрович (фамилию не помню), Сидоров, Салато и др. Решили также и в Перове всем более видным в политическом отношении жителям выбирать в тайгу, вслед за отрядом, захвативши ценное и, главное, продовольствие. Признавая пользу агитации, в Тальскую волость **Л. 42** послать агитаторов. Туда вызвалась ехать учительница Малышева и т. Сковидо. Учительница Малышева проживала в деревне Вершино-Рыбной, занималась усиленной агитацией среди окружающего населения. Нервная и весьма экзальтированная, с резкими выражениями, она пользовалась симпатиями среди крестьян. Какую идею она исповедывала, неизвестно (впоследствии сильно себя скомпрометировала в выступлении с ге-

А. С. Шестаков. Партизан Трофим Афанасьевич Анциферов. 1936. Бум., кар.

нералом Зиневичем, оратуя за создание политического центра в Красноярске в декабре 1919 года).

На собрании, помнится, я все время думал. Трое суток, проведенных без сна, переживаемые впечатления боя, усиленные соображения в отношении будущего, комбинации обстоятельств с условиями создавшегося положения иссушили последнюю энергию. Я ушел к крестьянину Алешину и заснул свинцовым сном до вечера. Мне сообщили, что наш отряд прибыл из Агинского. Оказалось, что отряд здесь только проездом и что чай будут пить в Солонечно-Талой на дороге, углубляющейся в тайгу. Солонечно-Талая отстоит от Вершино-Рыбной в шести верстах вдоль тайги. Конь же проследовал туда, и через Вершино-Рыбную тянулись последние части отряда. Лазарет наш, стоявший в Вершино-Рыбной, не имел никакого распоряжения. О нем, видимо, позабыли. Армейским мастерским я послал сообщить в деревню Карымово, чтобы они выбирались за Ману еще ранее. Меня удивила такая поспешность Коня. И это тем более, что известия о неприятеле были для нас вполне успокоительны.

Неприятель стоял в Ново-Николаевке и с трепетом ожидал нашего нападения. Нойцы сообщили, что Ново-Николаевка переполнена ранеными, их спешно эвакуируют на станцию Клюквенную. А убитых везут прямо на станцию, не останавливаясь в Ново-Николаевке. И что в самом начале боя, солнце еще светало, стоя высоко в небе, чрез Ной прошли 28 подвод, наполненных убитыми и ранеными. Убитые были наложены, как снопы. Соображаясь с тем, что убитых и раненых везли по дороге и через Павлову мельницу, как кратчайший путь, и с этой близкой дороги, и притом везли днем и вечером, то пред-

положение не могло быть ошибочным, если сказать, что половина неприятеля выбыла из строя. А настроение остальных было таково, что от первого же выстрела получилась бы среди них паника. **Л. 43**

Но Конь был скорее фантазер, чем психолог, и потому спешил скорее за Ману. Впоследствии, из рассказов разных лиц, стало известно: рота юнкеров-кадетов (по словам старого солдата) в 96 человек, размещенная в большом двухэтажном доме, играла в карты, бросая серебро и золото. Пили водку и хвастались, что размечут Перово, камня на камне не оставят. Из роты после боя осталось в строю всего семь человек, и дом этот на другой день был переполнен ранеными. Начальник Уярского поста милиции Усольцев рассказывает: в день Перовского боя и на следующий день вся станция была запружена подводами с убитыми и ранеными. Откуда столько убитых? Где это было такое сражение? — задавали вопросы. Мрачно смотрело начальство. И самое отъявленное нахальство, и лихая бесшабашность попутали глаза. Раненые солдаты по-своему судили о бое: «Красные стоят стеной. Никакого страха. А меткость какая! Раз — и готов. Да и пули-то у них какие! Ударила в руку — рука долой, в ногу — ноги нет, в голову попадет — весь кумпол своротит. Думали, разрывные, а они просто свинцовые, берданочные. Как картошкой бросают. А попала — не нужно перевязки, и так долго не надышишь. От этого у нас так мало раненых, все более наповал крыли».

Из отдельных эпизодов следует отметить следующий случай. Когда артиллерия выдвинулась на удобную позицию и угрожала учинить «пакость» более действительную, 15 партизан проползли к Нойке и кустами выбрались под самое орудие. Их выстрелами первый был убит офицер, распорядившийся действием орудия, пуля попала ему в лоб. Прислуга была вся перебита. Следующий, принявший команду офицер был смертельно ранен пулей в грудь, и прислуга частично перебита. Принятыми мерами партизаны были отогнаны от орудия. Но само оно снялось и отведено было на более почтительное расстояние. Впрочем, артиллерия не принесла никакого вреда. Один снаряд попал в здание штаба и отбил угол. Один разорвавшийся снаряд ранил партизана, шедшего через площадь. Более же ничего не было, кроме страха старух, крестившихся при каждом звуке орудийного выстрела и взрыва снаряда.

Я дал распоряжение вывезти лазарет и сам **Л. 44** с шестью партизанами оставил арьергард. В Талую я приехал как раз в то время, когда Конь выезжал со двора своей квартиры. Здесь, оказывается, была его жена Зинаида Кравченко, с которой он и выехал в одной кошевке. Александрова я не видал. Все спешили

с отъездом в тайгу. Несколько времени спустя двинулся и лазарет. В версте расстояния от Талой, за холмом, было еще селение — Аргоза (верно: Аргаза — далее так. — *Ред.*), вклинившееся в тайгу, и сразу же от поскотины начиналась тайга. Дорога здесь сносная и хотя не без препятствий, но хорошо проходима, через 12—13 верст дорога логом спускается на реку Ману. Мана течет среди обрывистых диких берегов, местами среди скал, как между двух высочайших скал. Здесь, через 15 верст езды по льду, я прибыл с лазаретом в деревню Ноя (верно: Ной), стоящую на правом берегу реки Маны. Здесь горы отошли от берега в глубь тайги на юг, и лишь левый берег против деревушки возвышается обрывистой стеной сажень в сто пятьдесят, и эта возвышенность тянулась еще и далее версты на две до [...], и затем горы уходили тоже в тайгу на северо-восток.

Коя имеет до сорока домишек. Население занимается хлебопашеством, охотой и рыбной ловлей. Большие поляны по изгибу Маны до ее притока Мины разделены на пашни и луга. В Коях был тоже сельштаб. Сюда же сопричислен был и Зарзибей. В Коях было исключительно русское население, в Зарзибее же жили латыши хуторскими участками. Хуторки разбросаны всюду по тайге, где только находится кусочек свободной от леса земли. Из Кои через Ману дороги через Зарзибей вели в Степной Баджей, который отстоит от Кои в 25 верстах по тайге. Через Ману здесь налажен паром. Степной Баджей стоит тоже в тайге и в горах. Нашего отряда в Кое уже не было. Он утонул в Степной Баджей. Здесь, в Кое, оставались лишь беженцы, преимущественно сельштабы и более видные по деятельности крестьяне из разных деревень Перовской и Вершино-Рыбинской волостей. Начальник сельштаба Кои Карл [...], фронтовик, мне сообщил, что наши перовские военные мастерские находятся пока в Зарзибее. И что проехавший здесь Конь ничего не сказал, что делать с ними, отправить ли их далее в Баджей или пока оставить здесь.

Меня удивила беспечность Коня. Он не оставил и части отряда в Коях, открывая, таким образом, неприятелю тыл Степного Баджея. **Л. 45** Но затем я был положительно возмущен, когда узнал, что по прибытии в Степной Баджей Конь распорядился проминать дорогу через тайгу в Минусинский уезд. Что бы это значило? Разве дела на Манском фронте настолько безнадежны, чтобы нам бежать в Минусинск? Сделавши дневку в Кое и освоившись с положением, я решил лазарет направить в Степной Баджей, а в Коях формировать новый отряд для защиты тыла. В Койском сельштабе имелось несколько винтовок-берданок. Были и дробовики. У местных жителей тоже почти у каждого имелся дробовик. Вскоре из беженцев и местных

охотников я организовал отряд в 40 человек. Осматривая дорогу по реке Мане, я наметил позицию на острове в пяти верстах от Кой по направлению на Талую. Остров покрыт лесом и кустарником. Впереди позиции Мана входит как будто в трубу между скал, и на протяжении трех верст впереди — никакого прикрытия. Две стены по бокам и гладкий лед под ногами. От левого берега Маны, под скалами, был небольшой выступ берега сажен в 60 диаметром, поросший высокими преимущественно тополями. Берег густо оброс кустами. На этом берегу стояла избушка, никем не занимаемая, со стороны села Талого совершенно невидная, скрытая деревьями и выступом берега. И со стороны Кой ее можно было заметить, только пристально всматриваясь. Между островом и этим выступом берега было не более 15—20 сажен. Отсюда от избушки вверх на берег шел небольшой ложок, покрытый деревьями, по которому можно было выбраться с позиции в сторону. Что и принято во внимание на всякий случай.

Обойти позицию не было возможным. С нашей же стороны можно было выйти этим ложком и по скалистому берегу можно было незаметно дойти до предполагаемой позиции неприятеля и со скал забросать его бомбами и обстрелять не только фронт, но и тыл. Далее впереди выбранной позиции верстах в десяти на речке Большая Шира стояло зимовье. Здесь проживал охотник, старик лет шестидесяти семи, Мезенцев (Мезинцев) Егор Иванович. Это ее поселенец из донских казаков, проживал здесь издавна и тайгу знал как свои пять пальцев. Здесь, в этой избушке, я решил поставить конный пост из пяти человек. Самого Мезенцева я пригласил в отряд в качестве разведчика. Случилось это так. В штаб были доставлены **Л. 46** винтовка австрийского образца со 150 патронами и одна бомба с объяснением, что все это найдено у старика закопанными в навозе и, очевидно, припрятано из симпатии к белым. Приведенный старик оказался довольно добрым и подвижным для своих лет. Узнав, что он проживает в тайге около двадцати лет, соображая его полное неведение в политике, я обошелся с ним весьма внимательно и велел возвратить ему винтовку и все патроны. Это его так растрогало, что он проследил. Он целовал винтовку и сквозь слезы рассказывал о ее меткости и силе в бою, как он с ней всегда был спокоен при встрече с медведем или другим зверем. И обещал за это услужить мне, не жалея жизни. Я воспользовался его искренним предложением и дал ему задание выполнять обязанности разведчика по таежной дороге на Солонечно-Талую и доносить [...] посту обо всем, что творится в Талой.

Свои обязанности он выполнил превосходно. Ему одному известными тропинками он проникал всюду.

И приносил самые точные сведения. Впоследствии он так привязался ко мне, что бросил свою избушку и старуху, вступил в отряд и участвовал почти во всех боях. Впоследствии, когда нам пришлось уйти с Маны в Урянхай, он остался со многими партизанами, укрываясь в тайге, в местах, ему одному известных. Есть слух, непроверенный, что партизаны, стосковавшись в тайге, решили выйти в Минусинский уезд на присоединение к армии и на приисках Топоркова попали в засаду. Здесь в перестрелке якобы убиты все и с ними убит Мезенцев.

На означенную выше позицию я высылал на трое суток часть своего отряда в 15 человек. Отряд помещался в избушке, куда я велел поставить железную печку. План обороны состоял в следующем. В случае если неприятель из Талой спустится на Ману, конный пикет высылает одного человека, который скачет в Кою с извещением. Проезжая позицию, он дает сигнал приготовиться и скачет далее в Кою. Остальные четверо должны находиться в близком соприкосновении с неприятелем. И затем быстро, во весь опор, захватить за остров и занять свое место на острове. В Коях, по приезде нарочного, по сигналу люди остального отряда **Л. 47** садятся на подводы, которые всегда стоят запряженными, и во весь дух выезжают на позицию, занимая определенные места. Слабость вооружения, малочисленность отряда не внушали больших надежд, и даже отъявленная решимость отряда имела мало утешения. Приходилось рассчитывать на психику неприятеля. По сведениям, в Солонечно-Талой стоял отряд в 800 человек при двух отрядах, восьми пулеметах и двух казачьих сотнях. Неприятелю было известно, что в Кое стоит отряд неизвестной численности. И, памятуя уроки Перовского боя, неприятель не решался опуститься в Ману.

(Дальше текст приводится в сокращении.) Казаки высылали крестьян в Солонечно-Талую за сеном, но таковые выхватывались нашим пикетом и поставлялись в Кою. Между тем отряд наш увеличился до 80 человек. Сюда приходили и беженцы, и канцы. По их словам, Конь избран был главкомом. Канский отряд он направил на передовые позиции, и канцев там сильно обижают как продовольствием, так и полевой службой. В Коях продовольствия было тоже мало, особенно хлеба. Сеять было негде. Среди отряда началось роптание: чем здесь подышать с голоду, лучше умереть от пули. Учтывая настроение, я решил выбраться в Канский уезд. **Л. 48**

Я написал в Баджейский штаб уведомление, что наметил с Койским отрядом выбраться в Канский уезд из следующих соображений: заявить населению, что мы еще существуем; собрать по уезду лиц, имеющих желание вступить в наш отряд; собрать

как можно больше продовольствия и фуража. Вскоре я получил ответ штаба за подписью главкома Кравченко: можете действовать самостоятельно. Позднее узнал, что Кравченко не одобрял этот план. По получении ответа я собрал отряд и объявил поход в Канский уезд⁸⁷. Предложил избрать штаб, руководство которым предложил стойбинскому учителю Семену Никандровичу Васильченко, бывшему прапорщику Иркутской школы. Он отказался, говоря, хотя теоретически он и понимает военное дело, но практически, в условиях, когда нет дисциплины, нет вооружения, он теряется и сомневается в успехе. И просит его отправиться в Баджей. Отказался Убиенных, убежденный большевик, **Л. 49** он занимался в основном в тылу, в армейских тыловых учреждениях.

Собравшийся отряд избрал членами штаба (или Военсовета) А. Т. Иванова, П. И. Саломатова и Сидорова, начальником отряда — Семешева. Отряд подразделялся на взводы по 20 человек в каждом. Начальником 1-го взвода, преимущественно из перовцев, был избран Степан Безотечество. Иначе его звали по отцу Прохоров или просто Степка. Это был перовец, самый отчаянный и неустрашимый, всегда готовый в огонь и в воду. Других командиров взводов не упомяну. В ночь с 10 на 12 января отряд выступил на Солонечно-Талую, по дороге снимая сторожевые посты. Был жестокий мороз. Вообще морозы свирепствовали в это время с чрезвычайной лютостью. Небо ясное заволакивалось какой-то дымкой морозной мглы, которая искрилась на солнце. Помню, я, объезжая посты из Кои до Большой Ширы, будучи тепло одет и в хороших валенках, выдерживал 15-верстное пространство. Оконечности цепенели, в лицо из-за скал тянул тонкий, остро режущий ветерок — хиус, от нестерпимой боли на спине выступил холодный пот. Лошадь не могла двигаться быстро. **Л. 50** Ноздри ее обмерзли, и часто сочилась кровь. Приедешь в избушку на Большой Ширы, где помещался пикет, и минут 15—20 не можешь скрутить папиросу. Но обморожений не было.

Часа в три ночи отряд достиг деревни Аргазы. Все дороги и переулки были бесшумно оцеплены, и отряд вошел в деревню. Неприятеля здесь не было. Староста объяснил, что неприятель стоит в Талой в числе тысячи человек. С орудиями и пулеметами, число их неизвестно. Начальник отряда неизвестен. Разведка по 5—20 человек ежедневно выезжает в тайгу. Крестьяне всех соседних деревень обложены налогом продуктовым и подводной повинностью. Из Аргазы ежедневно требуются подводы числом до сорока. Я сейчас же дал распоряжение устроить засаду во въезд в Аргазу, а в Талую послал лыжника на разведку. Для разведчиков-лыжников имелись белые ба-

лахоны. Некоторые разведчики — жители Солонечно-Талой, которые знали все овражки.

Часа через полтора разведка вернулась и сообщила, что неприятель с час тому назад выступил из Талой на Умбеж. Перед этим у белых было совещание. Было намерение пройти в тыл Степного Баджея через Кою, но их озадачивал Койский отряд неизвестной численности. Решено было идти на соединение с отрядом, оперирующим на Степной Баджей. Я тотчас же занял Солонечно-Талую. Оказалось, что белые для острастки сожгли здесь два дома, принадлежащих партизанам, ушедшим за Ману. Здесь крестьяне выдали нам содержимое **Л. 51** своей потребиловки: шапки, рукавицы, шарфы и проч. Ко мне явилась депутация от жителей с просьбой оставить Солонечно-Талую и перейти в Вершино-Рыбную, так белые им угрозили: «в случае если вы примите у себя красных», они сожгут деревню, как сожгли два этих дома. Я им на прощанье пообещал, если они явятся с подобным предложением еще раз, то я велю их расстрелять.

Вскоре в штаб явились с(олонечно)-талинцы: Семешев, Пономарев, которые стали уговаривать меня выступить из Талой, указывая, что их семейства ютятся здесь, а если сожгут деревню, где они приютятся. Я им ответил, что такая же просьба и убеждения могут встретить нас и в Вершино-Рыбной, и всюду. Деревни белые сжигать не будут, это будет невыгодно и для них. И что моя цель — не взятие Солонечно-Талой и сидеть в ней, отряд пойдет туда, куда он считает нужным. В драке волос не жалеют.

Через час я выступил на Вершино-Рыбную, захвативши как можно больше подвод. Выход из тайги был удачен, я знал, куда пошел отряд белых, знал, что белые узнают о взятии Талой, что им угрожает отряд неизвестной численности, который зайдет им в тыл. Следовательно, давление на Баджей ослабнет. Предположения подтвердились. Разведка донесла, что белые вернулись в Талую. Отряд белых, вероятно, предполагал, что будет ловить партизан после разгрома Степного Баджея. Появление отряда в тылу партизан многих нервировало, **Л. 52** особенно тальцев. На 80 подводах ночью направились на Алдарак и Джабалдуй (верно: Джабаджуль — далее так. — *Ред.*). Здесь стали являться охотники, желающие вступить в отряд. Брали только вооруженных. Бывшие фронтовики просили выдать им ружья для занятия постов и секретов. Велел выдать им винтовки. Приходили и крестьяне, указать, что им делать. Организовать сбор продовольствия и отправить за Ману по таежным тропинкам. Партизаны расставлены на квартиры по домам. Жители принимали отряд с радушием.

Утреся жалобы крестьян: развалились катанки, плохие варежки, а то отпустить к родственникам в го-

сти, уснул. Как я проснулся, заметил около себя спящих несколько человек, оказались прибывшие из Баджея 11 человек с ручным пулеметом «Люис». Сюда же прибыл агитатор П. Петров и Бабичев, бывший ротный лекарь в германскую войну, который имел назначение от главкома принять командование отрядом. Утром созвали собрание отряда о назначении Бабичева, единогласно назначение было отклонено. Его взяли помощником Семешеву. Петров рассказал о своей агитации в Агинском районе, отметив, что подтаежные деревни имеют много желающих вступить в отряд. Другие деревни, имея значительное население, смотрят косо. **Л. 53**

Тут явился вершино-рыбинский поп — с причтом обходит село с новогодней требой. Спрашиваю, кто пропустил. Привели в штаб. Все перепуганы, крест трясется в руках. Священник со вздохом елевым голосом передает, что у него приход большой и он желает приурочить свое пребывание завтра в Попутном Ключе. Арестовали, произвели тщательный обыск. Собранную муку, печеный хлеб, овес — переслать за Ману, на усиление продмагазина. В ночь я выступил на деревню Осиновый Хребет. **Л. 54** Здесь нас встретил отряд в 12 человек партизан из подтаежных деревень Агинской волости под командой Захара Артюхова. Все они были хорошо вооружены и принесли еще запасных три винтовки. Из новых было составлено еще два взвода. Здесь, в Осиновом Хребте, пришлось приостановиться и провести собрание по поводу доставки хлеба за Ману.

В эту ночь отряд достиг села Арбай. По прибытии в село я издал распоряжение о мобилизации населения и конфискации оружия и боеприпасов, которое было разослано по деревням и заимкам. С утра стали являться жители. Отбирались только охотники, и притом вооруженные. В середине дня стали приходиться из других деревень. Показалась масса пьяных — по старому обычаю мобилизованные на прощание пили. Часа в четыре приехавший из Агинска сообщил, что там стоит отряд белых приблизительно в сто человек при четырех офицерах. Отбирают оружие, амуницию, заодно берут полушубки, валенки и даже самовар и прочую утварь. Я в тот же час посадил сто человек своего отряда и направил в Агинское, отстоящее в 25 верстах. Я сообразил, что этому отряду неизвестно наше присутствие, в Арбае оставил продолжать мобилизацию Сидорова. Третий же член штаба — Петр Саломатов остался в Коях.

Ночью, подъезжая к Агинскому, нам встретились два крестьянина, которые сообщили, что белые ушли из Агинского в Кулижниково, (в) 14 верстах от Агинского. Не доезжая до Агинского, я созвал совещание комвзводов, где было решено ехать следом. Мест-

ность была для меня незнакомой. Я дорогой расспрашивал своего спутника Филиппа Сосновского, местного жителя, кажется из политссылных, и местоположение, и удобство нападения. Этот Сосновский был арестован партизанами и доставлен в Арбай. Выяснилось, **Л. 55** что он большевик, укрывается от белых. Ехали до Кулижного лесом. Светила луна. Было очень холодно. Полозья гудели на далекое пространство. Было решено не доезжать до деревни две версты, остановиться и обсудить план нападения. Обоз растянулся на большое пространство. Ехали по какой-то низине вдоль холма, покрытого лесом. Сосновский сообщил мне, что Кулижниково за холмом и тянется в одну улицу на протяжении двух верст.

Видел, как партизаны выходили из саней и шли снегом в кустарнике на болото. Куда? В обход села. Раздался выстрел, немного спустя еще несколько. Оказывается, что Степка, взявши первый взвод и пулемет, всего в числе 30 человек, на полном карьере вскочил в село. Часовой окрикнул и успел выстрелить. Колчаковцы открыли беспорядочную стрельбу и бежали задворками вверх по деревне. Наша цепь пошла обходом по болоту, огибая правый фланг противника, имея намерение перехватить дорогу на Осиновый Хребет. Я остановил двух партизан, поставил с их помощью подводы вдоль дороги в два ряда. Одного партизана поставил ближе к селу, другого сзади обозов, приказав никого к обозам не допускать, и пошел в село.

По селу носились сорвавшиеся лошади, собаки подбегали без лая, прижав хвосты. Вверху деревни при свете месяца виднелись какие-то черные точки. **Л. 56** Оттуда слышен треск ружейных выстрелов. Из-за заплота одного из дворов слышен голос: «Товарищ, товарищ». Сбрасываю со своего плеча централку, подхожу ближе. На задворках в болоте сидят много наших и не идут в деревню. Я своим вынес и дал 30 патронов. Прошел переулком на болото, скрикнул в кусты. Никого нет, много следов по направлению к обозу. Спешу к обозу. Оказывается, никто не приходил. Возвращаюсь обратно в село, из-за задворков выходит человек с винтовкой на плече. Оказывается, свой, Турбаков с Талой. Откуда? Молчит. Где наша цепь? «Не знаю, я отбил от них, сильно прозяб, иду к обозу». Пропускаю, иду по деревне, где заметил черные точки. Вдруг чувствую, пули жужжат уже ниже. Очевидно, бьют по мне. А где же наши? Наши не замедлили отозваться, несколько пуль прожужжало над головой. Отхожу к заплоту, в тень. Дорогу перебежал человек и скрылся во дворе. Иду к тому дому. Из близлежащего переулка выходят двое, кричу: «Стойте!» Повернулись и бегут обратно: «А ты кто?» Узнал по голосу, кричу:

А. С. Шестаков. Партизан Георгий Платонович Горбачев, оружейный мастер. 1936. Бум., кар.

— Озолин, стой!

Остановились, держат винтовку наизготовку. Я забросил за плечо централку, приближаюсь. Узнают.

— Где вы были?

— Наш взвод вышел сюда, вот несколько выше. Бежит человек и кричит: «Товарищи, чехи обходят!»

Л. 57 Взводный Ян Спелит закричал ему: «Ты кто?» А тот наклоняет винтовку на нас. Спелит выстрелил и попал ему в живот.

Оказался свой, иннокентьевский Бобылев. «Что же, дураки, сделали, разве белые кричат — товарищ?» Жаль парня. Во время Перовского боя он был подводчиком. Ему было не более 17 лет. Некоторые, малодушные, в то время бросали винтовки и убегали. Бобылев подбирал винтовки и патроны, вставал в ряды и бился до конца. Без шапки, с разгоревшимся лицом и такой еще молоденький, бесстрашный, в самых страшных местах он вызывал восхищение. И с той поры он не уходил из отряда. Мир праху твоему, дорогой товарищ. Это была единственная жертва боя. И это было тем более обидно, что пал от своей же пули. От пули труса. Этот Спелит, имея львиную физиономию, имел душу курицы. Малышева звала его «солдатом в юбке».

Мы, все трое, вышли в улицу и пошли вдоль заплота к месту боя. Но когда подошли, то по нас снова стали бить свои же. Выходишь на свет луны, делаешь знаки, по тебе еще сильнее стреляют. Мороз давал себя знать. Зашли во двор к человеку, в хате

топится железная печка. Никто не спит. Один из присутствующих — гость из Иннокентьевки. Прошу забрать тело Бобылева Демьяна. Со всех сторон бьют. Собралось человек восемь. Глупое положение. Где остальные? Сверху вниз спускается рысью подвода. Сидят двое наших. Кричу: «Стой!» Семешев. «Степка, что ты наделал? **Л. 58** Что с вами делать?» Ребята выходят из-под сарая. Даже здесь струсили. Спрашиваю: «Что за воз?» — «Отбили у белых, награбленные вещи». — «Идите. Я доставлю обоз и буду выгонять своих из кустов, только в тыл не стреляйте». Приехавши в обоз, успокоил возчиков. Стоя на возу, закричал в кусты:

— Товарищи, идите, оденьтесь!

Кусты затрещали, и партия человек в одиннадцать вышла. Послал в бой. Еще стали подходить, взял пять человек и тоже ушел с ними. Уже стало светать. Наши уже вышли на площадь, цепь белых рассыпалась по площади. Что делать? Заплотов уже нет, из-за которых били. Белые в две цепи отступали по улице. Теперь приходилось выходить на открытое место.

Скоро сообразили. Сажень в сорока от края площади стояла часовня. Обойдя задворками, наши, против часовни, начали перебежку. Человек десять уже были за часовней и открыли огонь, в это же время из-за задворков открыли огонь вышедшие из болота. Среди белых началось замешательство. Крики: «Прими команду, капитан! Поручик!» Даю приказание преследовать пешим строем белых. Белые сели на заранее подготовленные подводы и пустились бежать. Часть наших подвод сбежала во время боя, это были подводы 1-го взвода. Не было пулемета и двух пулеметчиков, разведчиков осталось только двое. **Л. 59**

Спустились в равнину. Подъезжая к поскотине, заметили в лесу людей. Бросились туда, загремели выстрелы. Послал разведку вперед. Выехавши на поскотину, я заметил какой-то приближающийся отряд со стороны Арбая. Это оказались наши. Сидоров принял до 70 человек вновь мобилизованных. Оказывается, им кто-то сообщил, что в Кулижниковой идет бой, и они кратчайшей дорогой прибыли к селу и остановились на заимке. Не зная, какое брать направление, и рискуя наскочить на своих, они простояли до утра. И уже потом осторожно двигались на звуки выстрелов. В это время наш обоз остановился. Впереди от леса скакали наши разведчики и махали руками, давая знак, чтобы остановились. Подводы не только остановились, но стали ехать обратно к поскотине. Задние повернулись и тоже взапуски поскакали к поскотине. Образовалась давка. Неприятель слышал эти крики. Я велел вылезать из саней и рассыпаться в цепь вдоль поскотины. Люди неохотно выполняли распоряжение, видимо, многими овладела паника.

Доскакавшие до обоза разведчики сообщили, что белые развернулись в лесу цепью.

Солнце еще только восходило. Морозный туман поднимался над лесом и болотом. Может, галлюцинации? Разведчики настаивали вернуться в Кулижниково, указывая, что большинство уже в селе. Я вызвал Степку и Капку, как самых старших, и велел проверить донесение разведчиков, предупредив, что стволы деревьев в тумане легко принять за фигуры. Остальным велел следовать в Кулижниково **Л. 60** только легкой рысцой. Но этого никто не слышал. Ехать так ехать. Снова пошла гонка, и (с) размаху вскочили в село. В селе был полнейший беспорядок. Партизаны толпились кучками, обсуждали: от тайги отрезаны, куда идти? Семешев, Сидоров и другие собрались на сборне. Узнав, что устроено собрание, я пошел в сборню. Я обратился к Семешеву: почему люди толпятся на улице, почему не установлены посты и не намечены боевые участки? Семешев ответил: никто не слушает. Семешев по секрету мне сообщил, что из Агинска идут белые в большом количестве. «Что за вздор? Мы пришли из Агинска, и там никого не было». Тут я понял, что Семешев, Сидоров и Бабинцев знают об этом, но бессонница и напряжение привели к такому состоянию.

Я велел собрать партизан к сборне. В это время с болота в село усмотрен был ехавший небольшой обоз. Это оказались люди 1-го взвода. Их было человек пятнадцать, между ними были и пулеметчики с пулеметом. Увидел среди них знакомого перовца Халявина. Я спросил: «Что вы, Тихон Сергеевич, так струсили?» Оказывается, подъезжая к деревне и не останавливаясь, комвзвода Степка крикнул: «Взвод, за мной!» — и помчался со своей подводой в село во весь мах. «Мы за ним. Часовой выстрелил, поднялась тревога. На скаку подводы растянулись. Из домов стали выбегать люди. Передние подводы поворотили и свернули в переулочек на болото и ударились бежать. Наши возчики свернули за ними. Степку никто не видел и никакой команды. Здесь нас остановили крестьяне и стали стыдить, что мы убежали без боя». Некоторые беглецы обращались: «Товарищ Иванов, у наших там, на Мане, идет бой, что слышны пушечные выстрелы». **Л. 61** Возчики подтвердили, что вчера весь день по тайге шел орудейный гул.

Между тем собрались партизаны. О надвигающейся опасности со стороны Алдарака и Джабаджуля знал всякий. Оказывается, несколько подвод опять сбежали. В своей короткой речи я сказал: «Выступали партизаны на смерть, 130 колчаковцев с Чернореченского участка выбиты 30 партизанами. Мы не знаем, какой урон нанесли неприятелю, но следы крови доказывают, что дали громадный урок неприятелю.

Вы говорите, что неприятель надвигается отовсюду. Разве в Перовой неприятеля было меньше? Здесь вы противника еще даже не видите, вы трусите и создаете себе пугающее воображение. Спрашиваете, куда мы теперь пойдём. Отвечаю: куда бы мы ни пошли, мы везде дома. Пусть об этом думает неприятель, куда он пойдёт».

Оставшимся без подвод партизанам велел отойти в сторону. Оказалось, до сорока человек. Разделил на две партии. Пустил их по обеим сторонам улицы. «Войдите во двор, видите лошадь и сани, надевай хомут, запрягай и выезжай, хозяин тогда сам явится». Через час все было готово к отправке. С. Прохоров и К. Чупиков возвратились из разведки и сообщили — неприятеля нет. К этому времени явился откуда-то Ян Спелит. На вопрос, почему оставил свой взвод, где был, ответил: «По нас били свои и чужие. В кустах утратили друг друга. Я провалился в болото, промочил ноги, отошел в ложок и разложил костер». Может быть, для истории эти подробности неинтересны. Я отвечаю, что здесь я рисую партизан — таковыми они были вначале. Спелит ясно изобличает себя в трусости. **Л. 62**

Подводы были готовы, производились посадки повзводно. Я вызвал разведчиков и секретно передал им маршрут направления на железную дорогу через Шудрово, где заказать подводы на 180 человек. После отъезда разведки отряд двинулся в путь.

В бою у Кулижниковой захвачено у неприятеля воза три награбленного ими у крестьян имущества. Оружия не более 20 винтовок, но много патронов. Были даже пулеметные ленты и много амуниции. Два воза винтовок неприятель увез с собой. О потерях никто не знал. Впоследствии говорили, что через Джабаджуль провезли шесть подвод, наполненных убитыми и ранеными. Здесь необходимо отметить один печальный случай. Оставленные в Джабаджуле девять партизан конной разведки под командой Соломенникова сначала держали связь с Арбаем. Затем, вопреки распоряжению, выдвинулись в Вершино-Рыбную. Разбитая в Чернореченском участке команда белых, едучи в Алдарак, встретила крестьянина, который при опросе рассказал о численности разведчиков и где стоят. Офицер с солдатом приехали на квартиру, назвали отрядом Иванова. Попросил вызвать командира. Кто-то из разведчиков заметил, что у офицера блеснул наган. Предупредили Соломенникова не ходить. **Л. 63** Тот, подвыпивший, не обратил внимания. С ним пошел и другой партизан — Сонников. Сели на подводы и уехали. Оставшиеся семь человек выехали на задворки и, убедившись, что это были белые, проехали в Вершино-Рыбную. Соломенникова и Сонникова увезли в Солонечно-Талую и на допросе замучили зверскими истязаниями.

Первое время разведка проявляла себя весьма нелестно. Часто приносила сведения, добытые у крестьян, сидя где-либо на заимке, развлекаясь самогоном, посылая крестьян узнать в деревне о неприятеле. В разведчики рвались самые отъявленные трусы, чтобы в случае сражения ускакать первыми. Это было в Кулижниковой, где разведка сбежала, из семи человек остались двое. В Шудрове отряд наш остановился. Люди должны были обогреться. Здесь Сидоров сообщил мне, что шудровцы просят разрешения угостить партизан самогонкой. Разумеется, можно, только не допьяна. В это время не только партизаны, но и комсостав часто прибегали к спасительному действию самогона. Самогонка употреблялась от переутомления, от жестокого холода, для успокоения нервов от слишком сильного возбуждения⁸⁸.

Я не задался целью идеализировать партизан. Из Шудрова я дал направление в деревню Иннокентьевку (15 верст), куда прибыли к вечеру сего дня. Здесь, на совете, я предложил в ту же ночь напасть на белых в Солонечно-Талой, пройдя через Карымово, т.е. — (с) тыла. Соображения свои я основывал на внезапности **Л. 64** нападения, той деморализации, которую внесет Тальский отряд, прибывший из Кулижниковой. На собрании усомнились, говоря, что партизаны чувствуют себя не очень спокойно. Семешев, Бабичев стояли за то, чтобы этой ночью уйти в Кою. Я предложил иннокентьевцам собрать сколько возможно продовольствия, хлеба, мяса, сухарей и овса, намереваясь доставить этот отряд за Ману. Собрано было продовольствия на 150 подвод. Я позвал Мезенцева Е.И. и спросил, можно ли провести отряд мимо Солонечно-Талой. Оказывается, можно. Что мы по известной ему тропе, годной для проезда на санях, можем мимо Вершино-Рыбной с Алдарака выйти на Койскую дорогу. Маршрут дан, всего 63 версты. Через два часа выступаем.

Намеченный нами путь был пройден беспрепятственно. Мимо Вершино-Рыбной проскользнули никем не замеченные. С громадным обозом в 250 подвод. Рано утром вышли на Койскую дорогу. Здесь Сидоров предложил сделать разведку в Аргазу. Это было вызвано тем разногласием, которое получилось в отряде. Часть людей не хотели идти в Кою, предлагая отправить туда лишь обоз (на совещании в Иннокентьевке меня, оказывается, обманули, говоря о подавленном настроении партизан). Я согласился. Сидоров с партизанами въехал в Аргазу. Я стоял в числе 50 человек цепью у поскотины. Оказалось, что в Аргазе белых не было. Тем не менее я велел двигаться отряду в Кой. Человек семь партизан оставили свои винтовки и возвратились через тайгу обратно, говоря, что они в тайгу не пойдут. Удержать их не было

смысла. Снова все позиции и посты были заняты, и отряд разместился в Коях, но только значительно гуще. Я известил Степно-Баджейский отряд о прибытии, числе отряда и вооружении и информировал о положении в Канском уезде и настроении жителей. На Баджейском фронте, оказывается, произошел бой. Соединенные силы противника **Л. 65** из Коя и Солонечно-Талой повели наступление на Тюлюп и Нарву и Борзоначку. Всюду были отбиты. Говорят, что здесь весьма отличился наш Канский отряд. Но после сего Баджейский фронт замер в ожидании. Стали подходить люди из желания поступить в Канский отряд. К вечеру следующего дня пришел начальник Перовского отряда Александров. Он рассказывал, что Конь, а в настоящее время Кравченко, весьма задается и теперь в Степном Баджее чувствует себя как бы диктатором. «За мои возражения я был чуть не расстрелян. Я отказался от командования отрядом и решил пойти к тебе. Я желаю поступить рядовым в твой отряд». Я ответил, что отряд этот не мой, а наш. «И ты все равно, если оставишь командование тем отрядом, будешь командовать этим. Мы оба безумцы и друг друга понимаем. Конь, Кравченко, застрянет в Баджее. А мы из нашего отряда создадим армию». Тов. Александров командование отрядом не принял, а взял командование ротой по просьбе перовцев. Переформировали отряд в четыре роты. В эту же ночь решили напасть на Солонечно-Талую. **Л. 66**

Второе наступление Койского отряда. Взятие Солонечно-Талой. Мобилизация. Неприятель концентрируется в Астафьево. Поражение неприятеля при Солонечно-Талой. Наше продвижение в Карымово. Подполковник Сорокин в Ное. Койский бой и его последствия

18 января Койский отряд вновь переформировался в четыре роты, мною было предложено переизбрать командный состав с высших до нижних командиров. Подчеркивая бывшие дефекты и неспособности, получавшиеся от недисциплинированности как комсостава, так и партизан, своевольные действия наобум и проч., что могло бы весьма плачевно отразиться на нас самих же, я предлагаю избрать комсостав таковой, которому партизаны верили бы. И распоряжения его выполняли бы точно, не считаясь ни с чем. И потому замеченные в чем-либо несоответствующем командиры должны быть заменены новыми и более способными.

По выборам оказалось, начштаба и командир отряда остались прежние. Командиром 1-й роты избран Александров, 2-й роты — Красницкий, 3-й роты — Артюхов и 4-й роты — Бревнов. Командирам роты пред-

ложено было ознакомиться с их положением, освоиться и проверить исправность оружия, проверить наличие патронов у каждого. Вечером выступаем в поход, и потому сейчас же люди должны пообедать и хорошенько выспаться. Поступило предложение Александра: «Пусть каждый обдумает сейчас же, может ли он идти в бой решительно, не щадя себя; если в бою будет замечено, что кто-либо из товарищей отстанет, то такового можно пристрелить на месте как изменника. Думайте сейчас, на месте, в бою нет места думать, там ты должен исполнять только команду. Кто не способен, пусть остается здесь, ему не будет покоя. Кроме сего, все разведчики во время боя должны спешиться и примкнуть к ротам, оставив лошадей в тылу. Ибо замечено, что во время боя разведчик сбежит куда-либо под прикрытие, и его не отыщешь, и тогда он совсем бесполезен». Предложение принято.

Но впоследствии оказалось, что конная разведка, выполняющая в бою обязанности службы связи, не должна была входить в строй. Отряд был распущен по квартирам. Комсостав занялся выработкой плана нападения на Солонечно-Талую: 1. Выяснить численность неприятеля, его **Л. 67** настроение и вооружение; приблизительно — 400—500 человек при пяти-шести пулеметах, одна казачья сотня, орудий нет. 2. Где находится штаб неприятеля и где стоят пулеметы. Штаб помещается в доме старосты, при штабе один пулемет. Остальные, как и склад оружия, пункт указан. Наш штаб численностью около двухсот человек разделяется для нападения поротно. Роты проникают в село до известного пункта скрытно. Охотники проникают до здания неприятельского штаба и бросают в окно бомбы. Это служит сигналом общего нападения. Условный знак — шапка снимается правой рукой и протягивается в сторону в уровень с плечом.левой рукой винтовка кладется на голову. Ответный — винтовка кладется обеими руками на голову. Пароль «кто идет?», ответ «соха», отзыв «Самара».

4-я рота Бревнова выходит на Астафьевскую дорогу в засаду. Это на случай, если неприятель оставит Солонечно-Талую и бросится бежать, то запереть ему и выход. А что неприятель побежит, об этом не было сомнений. Наша общая полная решимость была полной гарантией победы. Набег Койского отряда и его удачное возвращение обратно с трофеями и славой подняли настроение партизан. В Баджее наш Койский отряд, особенно перовцы, рвались в Кою. Им неприятно было бездействие Степно-Баджейского фронта с его тактикой и осторожностью, доходящей до крайности — боязни собственной тени. После боя 14 января там у них было полное затишье и велась лишь сторожевая служба. Правда, в Баджее замыслились

комбинации, как бы нанести вред железной дороге в районе.

Крестьяне Канского района окрылились духом надежды и уверенности, что наш отряд вновь появится в Канском уезде, и втихомолку готовились к предстоящим событиям. Уверенность в наше дело поддерживалась и теми сомнениями вновь прибывающих частей неприятеля, которые, будучи воодушевляемы предостравкой их в мятежные волости, на месте же узнали о стойкости, с которой дерутся партизаны, и о колоссальных потерях белоотрядов, падали духом. Особенный удар их воображению наносил Перовский бой, открытый газетными известиями, и неуловимость партизан, которых можно ожидать везде и всюду и в каждое время. Это их нервировало и лишало уверенности в себя и в своих **Л. 68** силах. На начальство свое они не надеялись, как и начальство не доверяло им и продолжало систему строгостей. Разумеется, это нами предполагалось. В последующих боях, когда приходилось пробегать взятые и доставленные в штаб бумаги, приходилось читать письма офицеров к своим родным и знакомым и из этих писем черпать свое представление о моральном состоянии противника. Помнится письмо офицера, прибывшего на наш фронт. Он стоял в Кое и прошел через Кормовое в Талую, описывая свое чревоугодие, чем и где и как их кормят крестьяне. «Здесь я узнал правду о Перовском бое, — пишет он далее. — Участники этого боя рассказывали, что в Русско-германскую войну им не приходилось видеть такого упорства и соответствующего громадного урона, какой был нанесен нам в этот день в Перово. Две трети отряда выбили из строя. Одна половина были убитые и раненые, остальные замороженные. Солдаты как-то тупо смотрят на свое дело, а мы, офицеры, развлекаемся самогонкой да для ободрения себя похвалимся покончить с красными разом».

Крестьяне деятельно работали, распропагандируя отряды белых. Отряды размещались по квартирам, расставляя своих людей по три-четыре человека на дом. Поосмотревшись и поосвоившись за время стоянки, солдаты вступали в душевные разговоры с крестьянами, крестьяне осторожно, а иногда как бы вскольз делали замечания, вызывая солдат на откровения, и, таким образом, в дальнейшем говорили уже открыто. Солдаты в большинстве не хотели сражаться и предупреждали крестьян не говорить со штурмовиками, добровольцами и учебной командой, эти предадут. С казаками и офицерами крестьяне и сами не имели охоты разговаривать.

1919-го на 19 января в девять часов вечера отряд наш двинулся на Талую, впереди выехала конная разведка. Аргаза была занята нами часа в два ночи. Здесь

не было ни одного неприятельского солдата. Беспечность изумительная. Все данные показывали, что неприятель не ожидает нашего нападения. Отряд разделился согласно принятого нами плана. Все части выступили согласно общей диспозиции в обусловленном направлении. Возчики, по большей части крестьяне деревни Иннокентьевской, привезшие **Л. 69** наш отряд в Кою и, по нашим соображениям, не уволенные домой, поставлены были в ложбине между двумя холмами на пути из Аргазы на Талуку.

Была полная тишина. Небо было мутное, луна слабо светила сквозь сгустившуюся дымку морозной мели. Обоз стоял в томительном ожидании. Почему так долго нет сигнала? Вот они должны быть у покотины. Вот уже проникли в село. И вдруг воздух огласился треском выстрелов с полдюжины винтовок, и несколько одиночных выстрелов, трах, трах, и снова тишина. Затем одиночные выстрелы и снова пальба. Вскоре в разных концах села завязалась горячая перестрелка. Бой принимал ожесточенный характер. Пулеметов не было слышно. Ясно было, что неприятель не мог определить, откуда идет нападение. Люди перемешались, путались. **Л. 70**

Бой начался следующим образом. Согласно выработанному плану нужно было бросить в штаб белых бомбу. Это принял на себя Александров, не доверяя другим. Когда он подполз к штабу, окна были освещены, в доме слышался смех и шум. У Александрова была одна бомба, кажется, австрийского образца, он бросил ее в окно. Бомба упала посреди комнаты, но не разорвалась. Офицеры выскочили кто куда. Между тем 1-я рота была уже на задворках. Другие роты ждали сигнала. Командир 3-й роты вышел из терпения, увидя прошедший патруль неприятеля, он решил пройти в качестве патруля по направлению к штабу и, в случае, оказать помощь Александрову. Выйдя на улицу с восемью человеками, увидел приближающегося человека. Артюхов окрикнул: «Кто идет?» «Свой, я штабс-капитан Ашурков». Выстрел, человек упал на спину, в руках у него оказались две бутылки самогона. Белые ударили тревогу.

Всюду гремели выстрелы. Пешие казаки попали как раз навстречу нашему небольшому отряду, попал один казак. Стал уверять, что казаки сдаются, просил отпустить его сказать казакам, что их не будут убивать при добровольной сдаче. Отпущенный, он не возвратился. Возчики в обозе вспомнили свои германские окопы: «Эх, нет винтовки, чего мы тут стоим?» **Л. 71** Один из возчиков, Василий Зайцев, имел чин подпрапорщика и четыре креста, не выдержал и пошел в село: «Найду винтовку или отниму у казака».

Бой шел уже около двух часов, о его результатах ничего не было известно. Вдруг пальба стихла,

А. Пахоменко, командир одной из рот в армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. После 1919 г.

только кое-где раздавались выстрелы. Но и те замолкли. Кто-то крикнул: «Убегают!» Над селом мелькнуло пламя пожара в одном, в другом, в третьем месте. Немецкая штука, германец, когда уходил, всегда поджигал село, чтобы скрыть свое движение. В это время прибежал к обозу Филипп Бревнов, командир 4-й роты. «Рота уходит из засады, почему?» — «Лежали-лежали в снегу, окоченели, уж всячески среди кустов и бегали, и боролись, иззябли так, что винтовку держать не могут, а тут пальба прекратилась, думали, наши отступают».

Я сел на лошадь разведчика, велел Бревнову ехать вперед и сам поскакал навстречу уехавшей роте. Скакали по глубокому снегу и редколесью, надеясь остановить роту, но она уже миновала Ушканскую дорогу и взбиралась вверх по холму. Подъезжая, я крикнул: «Рота, стой, поворачивай!» **Л. 72**

Здесь текст обрывается. Описание этого и последующих боев есть в воспоминаниях Татьяны Перовой.

КККМ. № 4470. Воспоминания Иванова Арсения Трофимовича «О партизанском движении 1918—1919 годов». Л. 1—72. Машинопись.

В сохранившихся воспоминаниях не указана дата. Возможно, 1923—1924 годы.

ВОСПОМИНАНИЯ САВИЦКОГО МИХАИЛА ТИМОФЕЕВИЧА — КОМАНДИРА ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА

(Глава I была обозначена на первом утраченном листе. — Т. К.)

...Вода все прибывала. Когда я спустился в угольную яму в трюме, там также появилась вода и все поднималась, несмотря на работу всех откачивающих помп. Наконец, когда по совету кого-то из офицеров стали выбрасывать уголь, дабы облегчить корабль, и когда дошли до известного слоя, то напором воды и сжатого воздуха этот слой выбило, и вода хлынула потоком, заполняя угольную яму и трюм. Я еле-еле успел стравить пар в котлах, благодаря чему мы избежали страшного в таких случаях взрыва котлов. Думать о спасении корабля было нечего, а потому, спустив вельбот и спасательные баркасы и захватив, что попало из имущества, мы отвалили от «Вайгача» к «Таймыру», стоящему сзади, и были приняты последним на борт⁸⁹.

В тот же день, к вечеру, мы подошли к устью реки Енисей. Тут мы впервые, после значительного промежутка времени, столкнулись с людьми. Была белая северная ночь. **Л. 1** Подойдя к устью Енисея, мы увидели большое количество рыболовных судов самых различных форм, между ними сновали паровые буксиры, очевидно собирая караван. Когда мы сигнализировали всей этой флотилии, что нам необходим буксир, там поднялась суматоха, и суденышки начали сниматься с мест. Такая поспешность привела к решительным мерам с нашей стороны. Пришлось дать несколько выстрелов из нашей пушечки. Вот тут и выяснилось, что буксиры присланы собирать рыболовные суда и вести их вверх по Енисею в Туруханск и Енисейск и далее. Переговорив с капитанами двух пароходов, мы, человек двадцать добровольцев, на двух буксирах отправились к месту аварии «Вайгача». Очевидно, благодаря спокойствию моря он не отошел носом от шхеры, на которую напоролся, и носом сидел на шхере (скала в море, мелкие скалистые острова. — Т. К.). **Л. 2**

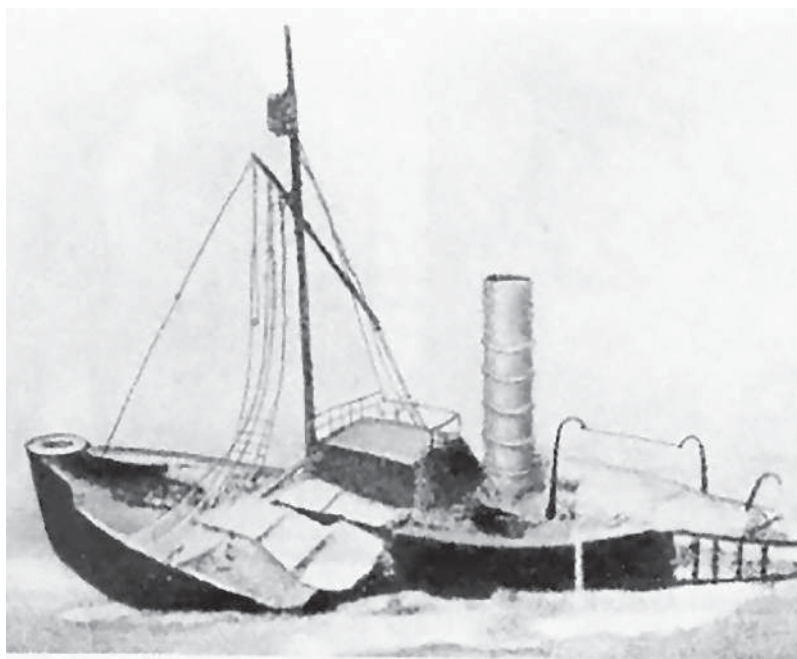
Подойдя к нему вплотную, мы с немалым риском перелезли на торчащую над водой часть «Вайгача». Вырвали с винтами пианино (пришлось работать по колено в воде), некоторые ценные предметы с корабля, четыре пулемета, винтовки, бомбы, много бисквита, разных консерв, шоколаду, мы оставили «Вайгач», окончательно простившись с ним. Вернувшись на «Таймыр», в ту же ночь мы устроили общее собрание команд, на котором был поднят вопрос: кто пойдет на «Таймыре» обратно в Архангельск, а кто отправится с речными пароходами вглубь не-

знакомой чужой стороны. Дело в том, что во время плавания мы все благодаря радио были в курсе происходящего в России и знали, что в Сибири свергнута Советская власть и свирепствует реакция. В то же время за период пребывания своего в Архангельске мы достаточно нагляделись на расстрелы русских матросов и рабочих англофранцузами. Таков был выбор: или Архангельск, или Сибирь.

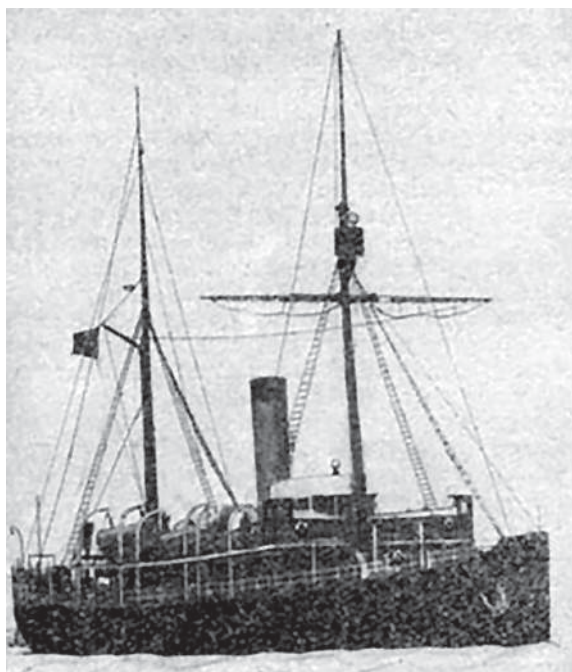
Глава II

И вот на собрании мы, человек пятнадцать, во главе с Техменевым (верно: Тихменевым — далее так. — *Ред.*) и мичманом Подгорным заявили о своем желании идти вверх по Енисею в Сибирь. Как потом выяснилось, у нас с Тихменевым были совершенно различные причины к такому решению. Мы решили, что через Сибирь, с малочисленными **Л. 3** поселками по течению Енисея, нам удастся как-нибудь пробраться в Советскую Россию или завязать сношения с подпольными организациями. Ну, а Тихменев с Подгорным ехали к Колчаку⁹⁰. Только потом мы поняли, что, может быть, и «Вайгач» не случайно наткнулся на шхеру и пошел на дно. Так или иначе, мы с этими офицерами действовали единодушно.

Стали перегружать имущество с «Вайгача», с «Таймыра» («Таймыр» тоже сел на мель, но был снят. — Т. К.) и пароходиков на баржи. Офицеры не принимали участия в перегрузке с «Вайгача», поэтому мне с двумя товарищами удалось перетащить с буксира пулеметы, винтовки и бомбы на одну из барж и спрятать в трюме. Оружие всегда дает известный вес и право голоса. Конечно, остальные матросы знали нашу хитрость, но мы были уверены в них, как в себе. В ту ночь мы совсем не спали и утром распростились с командой «Таймыра», пересев на баржи в количестве 15 человек. За час или два до этого отдельная группа из шести или семи человек во главе с помощником-механиком Капустинным отправилась вверх по реке. Наша команда состояла из двух офицеров и 13 матросов. Помню лейтенанта Тихменева, мичмана Подгорного, кочегарного старшину Хиопа Николая, трюмного старшину Ивана Емельянова, рулевого Воронова, баталера **Л. 4** Челнокова Василия, кочегара Клешина, фамилии других не удержались в памяти. Устроились мы прекрасно, баржа имела кубрик, точно рассчитанный для нас. Дни стояли сумрачные, и наши волчьи и олени дохи были как никогда уместны. Пристроили в кубрике печурку и проводили время весьма оживленно. Под аккомпанемент мичмана Подгорного пелись песни, устраива-

«Вайгач» на рифе. Нач. XX в.

«Таймыр». Нач. XX в.

лись танцы. Ели до отвала консервы, бисквит, шоколад.

Через несколько дней пути подошли к селу Дудинка. В Дудинке мы не сходили на берег, а Тихменев с Подгорным, пробыв на берегу с час, сообщили, что им удалось снестись с Туруханском по телеграфу. Ближе к Туруханску, вместо унылых тундр с редкими кустарниками, появились леса. **Л. 5** В Туруханске нас ожидал сюрприз. По случайности я не вышел на берег и, собираясь выйти, был остановлен рулевым Емельяновым, который и сообщил, что команда окружена казаками и ему чудом удалось вырваться из ловушки. Было очевидно, что наши офицеры, подозревая у нас наличие оружия, просили из Дудинки приготовить патрули. Емельянову удалось услышать из-за бочек, где он укрылся, как офицеры агитировали матросов сдать имеющееся оружие и влиться в войска Колчака. Как я потом узнал, в это время остатки разбитой Красной гвардии бродили в лесах, вот с ними-то призывали наши и туруханские офицеры бороться. Надо было действовать; мы с Емельяновым спустились в трюм, сбросили пулеметы и часть бомб в воду. Оставлено было только 13 винтовок и четыре или три бомбы. Вскоре вернулись все ребята; вскоре выяснилось, что освободили их по настоянию того же Тихменева. Судя по этому, мы поняли, что Тихменеву нужно было немного пугнуть нас, показать нам силу и авторитет офицеров, начавший было падать. **Л. 6**

Братва притихла как-то и, видимо, начала задумываться серьезно над своим положением. Пользуясь отсутствием офицеров, мы успели сговориться

с командой о линии поведения на случай обыска. К обеду явились офицеры с казаками и начали, оцепив выходы, тщательный обыск. Было предъявлено требование сдать спасенное с «Вайгача» имущество. Со своей стороны мы заявили, что оружия и тем более спасенное имущество не сдадим. Оно по праву принадлежит нам. Что касается оружия, то боялись остаться беззащитными при возможных встречах с бродячими остатками Красной гвардии. После часового обыска нам предложили вежливо и мягко дать расписку, что винтовки под такими-то номерами мы обязуемся сдать коменданту Красноярска по прибытии туда. Бомбы обнаружены не были. Отдаю должное казакам, что они были очень дисциплинированы (характерно, что внешняя и даже, пожалуй, внутренняя дисциплина наблюдалась в период зачатия почти во всех белогвардейских армиях и затем, дойдя до известного **Л. 7** уровня, падала со все увеличивавшейся быстротой вплоть до состояния полной дезорганизации, и я не могу удержаться здесь от невольного сопоставления с Красной армией, в которой рост дисциплины шел как раз в обратном порядке: от шаткости и расхлябанности 17—18 гг. до железно-монолитной спайки 20, 21, 22-го и др. годов).

Мы чувствовали себя прескверно. Казачья стала глумиться над партией (совдеповцев. — *Т. К.*), называя большевиков жидовско-немецкими шпионами, кое-кто из ребяток стал возражать, где-то матрос взорвался матерком, и пошла баня. В особенности вызывающе держали себя кочегары Петерсон и Клешнин. Кто-то шепнул броситься с винтовками на ура,

Красноярск. Возвращение с демонстрации 1 мая 1918 г.

но не были поддержаны. Казаки удалились, наказав офицерам следить за выполнением данного нами обязательства. Относительно Туруханска почти нечего сказать — это безнадежная дыра. Монастырь на горе, кругом горы, низкие серые домишки, а кругом леса, леса и болота. Заходил к некоторым крестьянам-промысловикам и слышал от них подробности избиения отступавших красноармейцев и коммунистов. Били их казаки, били и крестьяне, так называемые горбачи (обычно «горбачами» в Сибири называли бродяг. — Т. К.). **Л. 8** Эти горбачи в дореволюционное время вылавливали беглых каторжан. Поймает — убьет. Был я у этих горбачей, гостеприимны очень и болтливы. Охотно, даже с оттенком гордости рассказывали, как бежала «коммуния», как ловили их, били, сколько забрали добычи.

На другое утро баржи двинулись в путь. Препятой простоты между нами и офицерами уже не наблюдалось, и они и мы были настороже. Как-то вечером Клешинин, вызвав меня на палубу, сообщил, что случайно увидел в забытом на столе портфеле Подгорного пакет, запечатанный печатями и адресованный

Колчаку, срочно и секретно. Тут же решили при случае этот пакет у Подгорного отнять. **Л. 9** Особенно близки мне были Хиоп Николай, финн, очень серьезный парень, и коммунист Клешинин, матрос, член партии с 1917 года.

К концу опостылевшей третьей недели плавания мы прибыли в Енисейск. Причалить к берегу было нельзя из-за ряда барж. Заметили знакомую картину — ряды солдат и казаков на пристани. **Л. 10** Солдаты, перепрыгивая с баржи на баржу, направились к нам. Решили вести себя ниже воды. Я спрятал бомбу в подушке, наган, подаренный Зиновьевым при ликвидации лево-эсеровского мятежа в Петрограде⁹¹, сунул за плинтус (перекладина баржи). Опять всех собрали и вывели на пристань, был произведен личный обыск. Тихменев, якобы удивленный столь постоянной подозрительностью к нам властей, просил тут же за нас у командира патруля. Шел обыск и на баржах. Вернувшись в кубрик, я не нашел своего нагана, а бомба была цела. Винтовки, конечно, забрали. Через час приехали представители власти поглазеть на матросов со знаменитого «Вайгача». Наболтали много

о Единой, Великой и т.д., много плохого о жидовской республике Советов. **Л. 11**

Уезжая, они увезли с собой наших офицеров с их пожитками, а мы остались на барже, пока не найдена будет квартира в городе. Стали выходить в городишко. Носилась масса самых различных слухов. Что Колчак скоро будет диктатором Сибири, что он идет против помещиков и стоит за полный раздел земли между крестьянами. Полагаю, что добрая половина их источником своим имела контрразведку Директории⁹². **Л. 12** Офицерство, хронически пьяное, учиняло на улицах дебош, начиная по вопросам чести, кончая непонравившимся выражением лица прохожего. Усиленно шла проверка документов и днем и ночью. Шла мобилизация за мобилизацией, забирали молодежь, называя их добровольцами. Это позволяло писать в газетах о росте добровольческого движения, прибытие на фронт «добровольцев» подымало настроение фронтовиков. В массе населения чувствовалась какая-то растерянность. Поражало на улицах разнообразие форм: от серых германских шинелей до блестящих гусарских мундиров.

Тихменев заходил изредка к нам, справляясь о наших делах, однажды он уронил фразу, что надо будет помочь зарождающейся армии и пожертвовать спасенное с корабля имущество в пользу хотя бы лазаретов. **Л. 13** И вот началась тайная и решительная продажа имущества. Таскали вечером в город к своим знакомым консервы, бисквиты, обмундирование и пр. Дележ сумм от продажи делился поровну между всеми 13 матросами команды. Когда уже все было продано, над нами установили строгий надзор, неумелые шпики разгуливали мимо нашей баржи. Большие деньги, накопившиеся на руках у каждого матроса, натолкнули нас на мысль переехать в город на квартиру. Нашли гостиницу достаточно чистую. Мы имели возможность занять 10 номеров в верхнем этаже. **Л. 14** Положение наше было совершенно неопределенное. Мы чувствовали себя почти беспомощными (*на левом поле листа чья-то помета: не было*), если считать революционное прошлое многих из нас. Все эти обстоятельства да еще большие деньги на руках привели нас к пьянству, дебоширству. Пили все, что доставлял нам хозяин гостиницы. Я, никогда с детства и по сию пору органически не переносящий вина, напился столь основательно, что **Л. 15** чуть было не наделал беды. Явился в гостиницу пристав с чинами полиции, грубо предложив всем предъявить документы. Я, подойдя к нему, со всей силой шлепнул его по лицу (*по левому полю — вранье*). Окружавшие его направили на меня наганы. Мои товарищи схватили меня за руки сзади. Дело удалось замять, пострадавший получил 500 рублей. **Л. 16**

Но все проходит. Мы снова задумались над создавшимся положением. Тихменев стоял на частной квартире у кого-то из купцов и заходил к нам редко. И все распоряжения передавал через баталера Челнокова. Как-то в разговоре с Челноковым Тихменев упомянул, что посылает мичмана Подгорного во Владивосток с какими-то бумагами. Трое из нас сразу сообразили, в чем дело, а кроме того, стала ясна роль Подгорного как на «Вайгаче», так и здесь. Тут вспомнили, что Подгорный не имел на корабле никакой определенной роли и существовал якобы для связи с Ленской экспедицией полковника Ушакова (экспедиция Ушакова была отправлена значительно раньше нашей с весьма неопределенными заданиями по исследованию Ленского края, причем и по составу своему, и по снаряжению скорей носила характер воинской части, чем научной. Во время бегства Красной гвардии на восток Ушаков со своим отрядом неоднократно задерживал и уничтожал бегущих в панике отряды красных и в одной из таких стычек напоролся на сильнейший отряд, был схвачен в плен и буквально растерзан)⁹³. **Л. 17**

К концу нашего пребывания в Енисейске нам удалось через денщиков Тихменева узнать, что Подгорный уезжает якобы квартирмейстером (военнослужащий, отправляемый для подыскания квартир. — Т. К.) в Красноярск, был даже указан день. Я отправил Клешнина на лошадях вперед верст за шестьдесят в засаду, дал ему бомбу и браунинг. А на другое утро мы узнали, что Тихменев с Подгорным выехали на специально им предоставленном быстроходном катере «Ангара», несмотря на закрытие навигации на Енисее и идущую по реке шугу. Тихменев прекрасно учел неудобства путешествия на лошадях вместе с нами. Челнокову, как бывшему баталеру, он оставил у себя на квартире провизионные и путевые деньги. Нам пришлось выехать на другой день перекладными в 600-верстный путь на Красноярск. Стоял ноябрь, и, выехавши на колесах, в 30 верстах от Енисейска мы уже пересели в сани. Верстах в семидесяти от Енисейска мы подобрали нашего террориста (Клешнина). Горю его не было пределов. **Л. 18** Весь путь был проделан в шесть-семь дней, и, прибыв в Красноярск и отыскав Тихменева, поселились в уже отведенном для нас доме на Старо-Базарной площади, там уже жили матросы, уехавшие с Капустиным. Он пригласил жить с ним, чем я и воспользовался.

Глава III.

Жизнь в Красноярске и бегство

Не желая расширить размеры данного очерка, я не буду детально описывать наши неприятности в Красноярске и затрону лишь наиболее важные мо-

менты. Мы ухитрились завязать связь с Красноярским революционным штабом. Мало того, мы произвели покушение на (*зачеркнуты слова: экс (экспроприация), ограбление, предметом экса были*) на взрыв оружейных складов интендантского управления (экс был провален). Попытка провалена не по нашей вине (*по левому полю: подробно*). Затем я был однажды арестован по неизвестному поводу. Обыск (в квартире) ничего не дал, **Л. 19** и я был освобожден (*по левому полю: Вопрос. Тихменев знал или нет, что с(оциал)-большевик?*). Вскоре удалось установить, что Капустин сотрудничал в контрразведке, и я переехал в гостиницу, оставив вещи у Капустина. Не остался я с ребятами в доме на площади потому, что все наши планы и намерения разделяли только человек пять, а остальные же были пассивны, и я не хотел при предстоящей работе рисковать чем-либо. Нужно было иметь место, где мы, организованная пятерка, могли бы встретиться и говорить, о чем следовало.

В Красноярске мы были рассчитаны Тихменевым окончательно, и нам были выданы удостоверения личности за корабельной печатью, гласившие, что мы-де уволены с флотской службы. Задержусь несколько дольше на моменте подготовки вооруженного восстания в Красноярске и нашем бегстве. К концу первой же недели пребывания нашего в Красноярске к нам — ко мне, Хиопу, Емельянову и Клешнину явились трое рабочих и, назвав себя жителями предместья Николаевки и членами революционной организации, предложили нам в таковую вступить. Они сообщили нам, что в их распоряжении имеется до семисот винтовок и одно трехд(юймовое) орудие. По их словам, они доверяли нам, потому что узнали о нашем прошлом, что мы матросы из Советской России, заброшенные в Сибирь случайно, а матросы, в их представлении, не могли быть предателями. **Л. 20** Не получив от нас определенного ответа, они удалились, и тотчас же после их ухода послал им вслед Хиопа, Клешнина и Воронова, каковые проследили их до домов и донесли мне, что приходившие товарищи не похожи на провокаторов. При следующем приходе с ними беседовал по моему поручению один только Клешнин. Он же несколько раз присутствовал на заседаниях революционного комитета. Таким образом, я решил через Клешнина держать связь с комитетом, во главе которого был, кажется, т. Козлов (такой фамилии не встретилось, до сих пор неизвестен полный состав подпольщиков красноярских комитетов. — Т. К.).

Клешнин доносил, что комитет ведет усиленную агитацию среди солдат, живущих в военном городке под городом, вербует рабочих в члены организации и подготавливает переворот. Гарнизон городка состоял

из русских и чешских войск, в военном же городке были исключительно новобранцы. Через Клешнина мне было предложено при восстании командовать частями восставших, это желание объяснялось отсутствием у комитета военных руководителей⁹⁴.

Л. 21 Я ответил комитету, что эту почетную должность с радостью на себя приму, и просил разрешения комитета явиться в его распоряжение со своими матросами только за несколько дней до предполагаемого восстания. План восстания заключался в следующем: восстание начинается в военном городке, городок изолируется от города пулеметной заставой и отрядом вооруженных рабочих, часть повстанцев занимает вокзал и пускает два паровоза, один к Канску, другой к Ачинску, чтобы испортить путь. Затем полагали занять Красноярск и продвигаться к другим городам. Клешнину посоветовал иметь связь только с руководителем движения. При провале попасть мог один Клешнин. **Л. 22**

Когда все уже было подготовлено, я решил окончательно переговорить с остальными ребятами относительно их активного участия в перевороте. Я отправился на Старо-Базарную площадь, где жили наши и капустинские матросы. Ребятки все как один согласились идти, куда поведу я и руководители комитета. Уговорились в случае неудачи бежать в прифронтовую полосу, а оттуда уже перебраться в Советскую Россию. Часов в девять вечера, в разгар нашей беседы, кругом дома поднялся какой-то шум. Через минуту входная дверь была взломана, и к нам ворвались вооруженные до зубов полупьяные офицеры во главе с комендантом города Красноярска (комендант — подполковник Вегенер). **Л. 23** Начался обыск, о сопротивлении нечего было и думать. Когда перетрясли все вещи, принялись за личный обыск, и все это с матерной руганью. Один из офицеров полез под русскую печку. Очевидно, искать оружие, вылез весь в саже. Кочегар-эстонец, который был когда-то на американской службе, спокойно сказал:

— Нашел черта лысого.

Разъяренный белогвардеец ударил его нагайкой, эстонец бросился на него с кулаками, началось избивание эстонца. Я было бросился на помощь, но и мне попало нагайками, рассекли рубашку в двух местах до тела. Затем, оставив у наших вещей Емельянова с часовым, всех нас повели на улицу. Вели нас по направлению к торговым рядам, сбивая в кучку пинками и ударами прикладов. Кто-то обнаружил у электротехника наган. Услышал я выстрел, а затем крик:

— Мерзавцы, скрывать оружие!

Электротехник **Л. 24** упал. А я закричал в тот же момент диким голосом:

— Товарищи, разбегайтесь, нас хотят перестрелять!

Все мы бросились бежать в разные стороны. На мне была тяжелая флотская шуба, и я бежал не зная куда.

Перебежав Енисей, я попал на островок, где находился какой-то лесопильный завод (*лесопильный завод на о. Пашенном акционерного общества «Абакан»*). И там, полузадохнувшийся, забился под какие-то доски. Вдали слышалась стрельба. Не помню, сколько я пробежал, но очнулся от холода (*на левом поле: дело происходило зимой, а как же ты был в Агинском осенью?*).

Я решил плестись дальше на ст. Енисей, верстах в двух от Красноярска. Часам к 12 ночи добежал до станции. Как раз отходил какой-то поезд. Это был последний шанс на спасение. Я вспрыгнул на ходу на одну из пробежавших площадок, но меня заметил кондуктор и на ходу поезда стал толкать меня ногой. Держась окоченелыми руками за поручни, я умолял его пустить меня, пытаюсь влезть на площадку. Сильным рывком **Л. 25** вскочил на площадку и поспешил вынуть деньги, что-то около ста рублей, протянул кондуктору. Он сказал, что сейчас же устроит меня в вагоне в своем отделении. Когда проходили через вагон, по моему адресу раздавались шутки:

— Эй, дружок, где это тебя так собаки погрызли?

Через полчаса, когда я проходил через вагон в уборную, в проходе меня радостно окликнула женщина по имени и отчеству. Я узнал в ней некую Анну Терскую, прислугу в гостинице в Красноярске. Пришли в отделение, и я сказал ей, что по пьяному делу подрался с товарищем и решил выехать куда-нибудь в деревню отдохнуть. Анна не без ехидства заметила:

— Так ведь вы ж не пьете? **Л. 26**

Замяв этот вопрос, узнал, что она едет в Агинское к своим родителям, чтобы родить от бросившего ее офицера. Я почувствовал боль в ноге и груди, смотрю, кровь и шуба разорвана. Анна стала приглашать поехать к ним в деревню погостить. Через несколько часов мы ехали на ямских к с. Вершино-Рыбному. Мороз был до 40⁰ градусов. В Вершино-Рыбном у нее оказался родной брат. Анна представила меня своим мужем, и я ничего не успел сказать, как брат назвал меня зятем. Выбора у меня не было. **Л. 27** Переночевав, на другое утро мы выехали в Агинское. Семья Анны приняла меня как зятя, причем мы условились, что будущий ребенок принадлежит мне. Семья Анны оказалась зажиточной. Через день уже все село знало, что приехала Анна Терская с мужем.

Из газет узнал, что в Красноярске снято осадное положение, решил выехать в Красноярск, узнать про судьбу ребят. Узнал, что пойманы и сидят Хиоп,

Емельянов и Воронов, других многих расстреляли. Пытаясь забрать свои вещи у Капустина, чуть не попал ему в лапы. Он потребовал с меня денег за молчание. Забрав вещи, я взял билет через одно лицо до Татарска (последний пункт, куда выдавались билеты на Омск). **Л. 28** Доехав до Татарска, где и крутился недели две, пытаюсь достать пропуск к Омску. Не забуду т(овари)щей, которые приняли меня, рискуя головой, — семья Жданова Филиппа Ивановича. А уже искали. Оставил у Жданова часть вещей, дневник, некоторые документы (они были сожжены им при отступлении Колчака), я выехал обратно в Красноярск. В Красноярске шли расстрелы рабочих за попытку восстания. Из Красноярска доехал до Вершино-Рыбинской и остановился у брата Анны — Михаила Терскова. С ним мы сошлись во взглядах, и он предложил мне осторожную подготовку к созданию отряда из местных крестьян-охотников. Удалось тайно, под предлогом якобы для охоты, скупить у крестьян шесть винтовок, в кооперативе достать пороха, пиштонов и снаряжения. Подтаежный район глухой, в нем не было никакой контрразведки, кроме милиции два-три человека... **Л. 29** (далее утрата 11 листов. — Т. К.)

У Терских был обыск. Все перевернули вверх дном, вещи разграбили, у матери допытывались, где сыновья Михаил и Иннокентий и где Савицкий. Искали винтовки, очевидно, был донос. Мы промерзли до нутра (*вероятно, где-то прятались*). Затем на площади пороли тех, кто хорошо принимал партизан. Главное, я не знал, приезжали ли ребята и не попались ли они в лапы карателей. В шесть часов вечера за мной прибегают с запиской от моих ребят: «Приходи скорей, ждем». Натянул на ногу вместо сбившегося одеяла (*очевидно, ранен*) рукав из какой-то шубы и вместе с Я(н)-П(авлу) (верно: Ян Пауль) и Кляв(иным) отправился к волости. Оказалось, что ребята пролетели прямо к волости и, заняв ее, послали за мной. Тут были Сайчук, Ткачук, Третьяков; из с. Александровка Мергенев Михаил, из с. Нагорного Ассан-Гирей, из с. Унер Марченко Александр и с ним еще четыре человека, из с. Ульяново — Роман Ульянов. **Л. 30**

Все они приехали вооруженные с ног до головы, успели собрать сход. Мужички галдели тревожно и растерянно, напуганные событиями. Я выступил с речью и призвал к повсеместному восстанию. Мужички чуяли правду в моих словах, но особой готовности к выступлению не проявляли. На 50 подвод они согласились и разбрелись по домам, споря, кому ехать. Когда зашел прощаться к Терским, там стоял вой и плач. Тесть, увидя меня на сходе, решил, что теперь они пропали. «Жена» не пускала, заливаясь слезами. Часам к 12 мы выехали с 50 подводами по направле-

нию к Кулижному; выехав из села, повернули к Нагорному, чтобы спутать следы. Часть ребят приехали верхом, а часть других забрали у чалдонов лошадей, седла взяли те, которые бросил Кравченко при своем внезапном отходе. Накануне выбрали комсостав, чтобы произвести впечатление организованной власти. Командиром был избран я, политкомандиром Ян-Павлу и моим адъютантом Марченко Александр из с. Унер. Вперед отправили дозор из четырех человек в Нагорное, который обезоружил там милицию и мобилизовал еще 50 подвод. **Л. 31**

Прибыв в Нагорное во втором часу ночи, я остановился со «штабом» в волостном правлении (*по левому полю: не было волостного правления*), выставив посты по два человека при въезде и выезде из села. В этом отношении сибирские села удобны, имеют малое количество выездов, огорожены кругом поскотиной. Ночью наметили приблизительную тактику. Соединили агинских подводчиков с нагорнинскими и с подводчиками из других сел, разбили обоз на группы, чтобы создать внешнее впечатление большой силы. Колчаковские войска всегда передвигались на подводах, кроме кавалерии. Так, проезжая по улицам длинной колонной, с гарцующими то вперед, то назад одними и теми же конными, мы должны были произвести впечатление, чтобы обеспечить сбор оружия и добровольцев. Затем решено было даже с нашими силами сделать налет на один из карательных отрядов, старясь победить не силой, а хитростью, и нагнать панику. О будущем пока не загадывали. Все зависело от разных случайностей. **Л. 32**

На следующий день, часов в десять, я выступил с отрядом и стами подводами в станицу Тинскую, в четыре дня заняли Тинскую. Во время схода донесли, что из Ирбея выступил отряд карателей и порет смертным боем крестьян на своем пути. Ну, махнул я здесь речь, и крестьяне прекрасно отнеслись к нам, снесли много патронов, секретно передали три винтовки. Но добровольцев не дали. Сняв заставу в Нагорном и мобилизовав еще 30 подвод, вызвали старосту и прямо приказали выдать столько-то подвод. В 12 часов ночи выступил на с. Межово в 18 верстах от Тинской станицы. Вперед были посланы ребята, знавшие Межово, Сайчук, Третьяков, Ткачук, Ассан-Гирей, чтобы налетом обезоружили милицию и выставили дозоры. В четыре часа ночи выехали в Межово, строго наказал подводчикам не распрягать лошадей, не спать и поставить подводы по дворам вперед оглоблями, на выезд. Заняв волость, я вызвал к себе волостного писаря и предложил составить список лиц, имеющих охотничье и казенное оружие (этот район считался подтаежным, а потому среди населения 40% охотников имели вин-

товки, ружья и прочее снаряжение). Писарь клялся и божился, что он ничего не знает. Я посадил его в кутузку, передав Марченко наблюдение, и отправился на квартиру этого писаря. **Л. 33**

Жене писаря было сказано, что ее муж просил принести в волость винтовку и наган в фонд атамана. (*Савицкий назвался командиром из отряда Красильникова.*) Барский тон и хорошая шуба произвели впечатление, женщина предоставила винтовку и почти новенький наган. Утром собрал сход и обратился к крестьянам с речью. Межово — крупное село, и я рассчитывал собрать в нем оружие и даже добровольцев. Сказал речь: «Никогда помещики, генералы, князья не будут вас считать своими друзьями. Гусь свинье не товарищ. Потому что от вас наземом пахнет. Так помогите нам в нашей борьбе с насильниками. У меня есть список крестьян, имеющих оружие. **Л. 34** Прошу сегодня же сдать оружие в штаб. Мы не хотим неволить никого идти с нами, но оружие должно быть сдано нам, которые защищают вас». Затем объявил, что для тех, кто боится, что его увидят, я буду принимать оружие ночью. Ночью в штабное помещение стали появляться крестьяне, приносили кто винтовку, кто порох, кто патроны. Таким образом, за ночь набрал 16 винтовок, много патронов и пороху. **Л. 35**

Ночью же я получил сведения, что из Ирбея движется карательный отряд атамана Красильникова с 200—250 штыками. Я сейчас же, демонстративно дефилируя своим обозом, вышел из Межовой и прибыл в Тырбыш (Ивановка) и отправился в село Тальское. Многие в Тырбыше при проходе Красильникова скрылись в тайге и теперь пришли к партизанам, чтобы присоединиться добровольно. В общем, я насчитал человек 25 вооруженных хорошо ребят и затем до двухсот подвод с подводчиком на каждом санях. Решили идти прямо на Тальское, я утром собрал сход, где сказал крестьянам, что «идем умирать за вас». Прибыл в д. Рязанову, в пяти верстах от Тальского. Подводы были размещены на главной улице, где дорога поднимается в гору (улица идет под уклон), чтобы бить по белым с горы **Л. 36** (приводится схема расположения деревень и пунктиром продвижение отряда Савицкого. — Т. К.). Собрал совещание из всех бойцов и поставил в известность, что ночью пойдем в налет на белых в Тальское. Предупредил ребят, что на случай внезапного прихода белых не выходить из дворов и изб, пока не будет дан мною сигнал (три выстрела), после чего открывать огонь пачками, прячась за воротами и крича «ура». В этом же направлении инструктировать подводчиков, так как в случае неудачи белые их не помилуют. Ребята разошлись по избам, со мною остался «штаб» — Марченко, Ян-

Павлу и Клявин. Уже стемнело, в хатах зажгли огни. Нужно принять во внимание, что мы уже несколько ночей подряд не закрывали глаз, трудно было удержаться от сна. **Л. 37**

Пока мы в «штабе» намечали план налета на Тальское, к нам пришел крестьянин, только что приехавший оттуда. Он передал, что каратели, оцепив в Тальском базар, начали отбирать шинели, дохи, шубы у приехавших на базар мужичков и, когда раздалась протесты, стали хватать первых попавшихся и пороть. Пороли шомполами и даже штыками, взявшись за острый конец, да так били, что кровь брызгала по стенам. Приехавший показал нам ягоды, на которых кожа висела кусками. Я немедленно отправил его с Клявиным ввиду агитдемонстрации к своим бойцам и подводчикам. На них этот рассказ подействовал так, как нужно, они крепче схватились за винтовки, а подводчики стали послушнее. Этот же крестьянин сообщил, что белые собираются уходить из Тальской в Благовещенское и оттуда в Ирбей. Это несколько меняло наши планы; и вот решили выслать часа через два засаду в д. Васильевку, это по дороге к Ирбею, и там дернуть карателей. Темная была ночь, мороз градусов под 40, и снег такой глубокий, по самую шею. **Л. 38**

И вот тут-то и случилось неожиданное, так молниеносно, что и учесть что-либо было трудно. Часам к двенадцати прибегает в «штаб» партизан, стоявший в дозоре в конце улицы в сторону Тальской, и орет благим матом, что белые уже въехали в село с обозом. Я приказал сейчас же погасить огонь в избе и, когда выглянул в окно, увидел сбившийся в кучу обоз белых и фигуры офицеров и солдат под самым окном. Думать было некогда. Я выскочил с карабином в руке во двор. В тот же миг послал Ян-Павлу и Клявина через огороды и зады перелезть к ребятам и еще раз предупредить их насчет сигнала. Стоя за воротами, я видел в щель все и слышал, что говорят на улице. Очевидно, белые не решили еще, ехать ли дальше или ночевать. Поджидаю, пока подтянется в кучу часть обоза. Сердце готово разорваться от нетерпения, а Ян-Павлу и Клявина нет. Посылаю Марченко, тот исчезает и через пять минут лезет обратно, сообщая, что люди готовы и ждут сигнала. Как раз я увидел одного из наших партизан, он шел с другой **Л. 39** стороны улицы, где был в дозоре, и, немного выпивши, весело пел песни во все горло, размахивая винтовкой. Шел он прямо на кучку белых около моих ворот. «Изгадит все и сам пропадет», — мелькнуло в голове, в эту минуту офицер приказал узнать, почему в этой избе, т.е. в «штабе», потушен огонь. Я крепче сжал карабин, готовясь стрелять, и в этот момент партизан, заметив офицера, закричал: «Кто вас, гадов, сюда

пустил, мать-перемать вашу?» Офицер, сообразив, кто это, выстрелом сбил папаху с пьяного бойца. Мой орел как с карабина ахнул и в офицера не попал, а стоящего рядом уложил наповал.

Сообразив, что ждать нечего, я выстрелил в гущу белых три раза, после чего изо всех дворов, крестнакрест, по ним открыли убийственный на таком расстоянии огонь. Сто пятьдесят глоток крестьян-подводчиков оглушительно ревели «ура». На улице поднялся такой гам, что ничего нельзя было разобрать. Лошади обоза белых от ранений, от грома выстрелов лезли на дыбы. Подводы, цепляясь оглоблями, мешались в кучу. Некоторые из белых пытались рассыпаться по улице цепью, но были перебиты, почти не успев открыть огонь. Мороз был так силен, что их винтовки не работали, т.е. ударник не разбивал капсюль. Мы же били, били и били. **Л. 40** Улучив момент, я выскочил из калитки и громовым голосом заорал: «Девятая рота, в атаку слева! Четвертый батальон, в штыки! Ура!» Тут не только бойцы выскочили на улицу, но и крестьяне, кто с топором, кто с берданкой, а кто и просто с дубиной. Часть белых, из оставших, попытались бежать на Тальское, но их ловили мои конные, часть разбежались, успев уйти от огня с самого начала, пытаюсь скрыться в лесу под деревней. Но как только сворачивали с дороги, проваливались и барахтались в снегу по горло. Мы забрали сто подвод с военным снаряжением. Кроме того, около ста дох, правда, часть была расхищена крестьянами-подводчиками. Удалось собрать 80 человек пленных. По подсчету, оказалось, добыли: английских бомб — шесть ящиков, 50 ящиков патронов и свыше 150 винтовок. Среди пленных оказалась семья тальского попа, какие-то три спекулянта. Всю эту шушеру вместе с трофеями отправил в Агинское. А пленных выстроил и предложил желающим вступить ко мне добровольцем, причем разъяснил им, что мы пришли через Кузнечную тайгу из России и что у нас недалеко стоит дивизия. **Л. 41**

Я не настаивал на их вступлении в (мой) наш отряд (далее на протяжении нескольких страниц будут меняться местоимения: часто употребляемые «я» и «мой» автором или редактором заменены на «мы» и «наш». — Т. К.). Уйдя от меня, они разнесут славу о дивизии красных, а поступив ко мне и узнав мои настоящие силы, сбегут и известят белых. Приказал им оставаться до нашего ухода в селе. Сам собрав отряд и обозы, объявил, что иду на Ирбей и, выйдя за село, по другой дороге пошел на Агинское, к утру догнав обоз с трофеями. Сам Красильников ухитрился залезть под амбар, где и отсидел всю ночь. Таково было наше первое боевое крещение. В Агинское я прибыл победителем, имея отряд в 250 чело-

век, одетых в дохи и шубы и вооруженных до зубов. После боя мы имели около 70—80 добровольцев из Рязановой и из Тальской, некоторые подводчики, побывав в бою, вооружались винтовками. Моральное значение этой победы было громадное. Не случилось так, а как-нибудь иначе, наш отряд был бы разбит белыми и потерял авторитет среди крестьянства. Слух об этой победе разносился далеко, искажая и преувеличивая факты до степени легенд. **Л. 42**

Организация тыла и развитие военных действий

Выставив сторожевые охранения в соседних селах, я (мы) в спешном порядке занялся организацией своего тыла. Прежде всего были восстановлены Советы рабочих и крестьянских депутатов. В Агинске выборы прошли оживленно. Правда, многие, боясь репрессий, воздержались от участия. От отряда в Совет вошли трое бойцов. На должность начальника гарнизона выдвинули Шиховцева, им был организован гарнизон из агинской молодежи. В самом отряде также был выбран Совет, председателем был выдвинут Межебовский, членами Ткачук, Савчук и др. У одного крупного кулака, бежавшего к белым, было конфисковано кузнечно-слесарное заведение, послужившее созданию военно-оружейной мастерской, где изготовлялись капсюли из жести. Набивались патроны, чинились винтовки. Заведующим мастерской был назначен слесарь и токарь Критов. **Л. 43** Тут же была организована Критовым сельскохозяйственная мастерская для починки крестьянского инвентаря, а также кузнечная дляковки лошадей. Население охотно шло навстречу в этих преобразованиях. Волостным советом был избран Я. М. Чистов (из агинской интеллигенции), работающий по кооперации и заготовке продовольствия для отрядов.

До этого времени белые не имели на подтаежной территории крупных сил и обходились отрядами. После разгрома Красильникова для них выявилась необходимость иметь крупные силы. По захваченным документам военных управлений можно судить, как тяжело и медленно ворочалась административная машина белых. Пока не подошли вспомогательные отряды, канское начальство не решалось пускаться вглубь подтаежного района, особенно (в) Агинское, близкое к тайге и удаленное от Канска. Агинское защищено было с правого фланга горами и непроходимой тайгой; Советом были организованы дружины добровольцев с берданками, пиками. Связь была налажена **Л. 44** отлично. Крестьянам, на случай неудачи, были даны инструкции: «Нас принудил диктаторским правом, под винтовкой, заставил Савицкий». Сам же я с отрядом, буде не сдержал бы на-

тиск белых, мог перебраться куда угодно, хотя бы в Перовское или Степной Баджей, с которыми я уже имел связь. Так, я имел переписку с начальником Перовского отряда Александровым и с главкомом Заманской армии Кравченко. Мы сообщали друг другу о состоянии армии, сговариваясь в будущем слиться.

Агитотдела, как обособленной единицы, не существовало (у агинцев), вся сила и храбрость заключались в силе и храбрости нашего отряда. Ян-Павлу и Клявин вели агитработу как умели. Благодаря действиям партизан в отряде не было мародеров, пьяниц. Отряд был разбит на четыре роты и два эскадрона (две роты — батальон). Начальником штаба был Александр Марченко, адъютантом — Третьяков Иван. Командиром одного из батальонов был Межебовский и командиром 2-го эскадрона Ассан-Гирей, замечательный кавалерист и бесстрашный парень. Заведующим оружием — Иванов Лаврентий, зав(едующим) обозом и мобилизацией подвод — Максимов (крестьянин из Тырбыша). **Л. 45**

Пока белые подтягивали силы, я двинулся с отрядом, и мы заняли линию Нагорное — Тинское — Тырбыш. Выслали разведку в с. Межово, разведка донесла, что день назад белые шли со стороны Вершино-Рыбной. На рассвете заняли Межово. С Агинского, Нагорного, Тинской я (мы) собрал свыше 700 подвод, и на каждой подводе был подводчик и просто безоружный чалдон. Со стороны думалось, что оружие в санях спрятано под полость. Часть отряда и обоза двигалась за селом по разным дорогам, создавая впечатление, якобы готовясь к чему-то. У зажиточных крестьян было собрано до 30 винтовок и масса патронов. С боем и без потерь вышибли из Елисеевки (в семи верстах от Межовой) две роты белых, которые отошли на Ирбей. На следующий день заняли Мергини (10 верст на восток от Межовой), а затем Александровку (10 верст от Елисеевки). В боях участвовал не полностью весь отряд триста человек, а только два эскадрона кавалерии, я же с пехотой и штабом шел за кавалерией. При наступлении помнилось, что наступать в лоб невыгодно. Применялись глубокие отходы, налеты со стороны задней части села, с огородов. Страшно хотелось приобрести где-нибудь пулемет. Таким образом, линия фронта образовалась: Межово — Елисеевка — Мергини — Александровка. Это вовсе не значило, что таковой была непрерывная линия. Обычно в пройденных селах оставались конные пикеты, которые доносили в штаб отряда в случае чего. **Л. 46**

За эту неделю, находясь в указанных селах, я получил сообщение, что в д. Мельничной Тальской волости организовался партизанский отряд в 70 человек под командой местных крестьян Жестикова и Кур-

К. А. Жестиков, командир Тальского полка. 1920-е гг.

ганского. Из Мергиней я послал к ним в Мельничное крестьянина на подводе с запиской, где просил указать силу их отряда, цели, им преследуемые, и положение белых в данном районе. Не ожидая ответа, мы продвинулись на следующий день всем отрядом в д. Тальскую и оттуда продемонстрировали свои силы по всей волости вплоть до д. Мельничной, где и встретились с отрядом Жестикова. При свидании Жестиков дал мне преувеличенное представление о своих силах, причем держал себя как человек, имеющий в руках неограниченную власть. Другими словами, он дал мне понять, что собирается быть главверхом партизанской армии⁹⁵. На другой день я имел точные данные, что в распоряжении Жестикова имеется всего 80 человек, часть которых уже перебежала в мой отряд. Движение его носило отчасти анархический характер, т.е. не преследуя целей восстановления Советов. Жестиковцы восстали против мобилизации и порок. Тактика Жестикова заключалась в том, чтобы, делая набеги, обезоруживая милицию, вербовать добровольцев, запасать продукты и затем скрываться в тайге. Я полагал, что от такой тактики будет только страдать население и за Жестиковым не пой-

дут. Лучше было, по-нашему, иметь тыл, который постепенно был бы втянут в общее дело и в своих же интересах поддерживал отряды, ведущие борьбу на фронте.

Так или иначе, Жестиков был нашим союзником в борьбе против белых, и я долгом своим считал, поддерживая с ним связь, действовать **Л. 47** совместно, если к тому будут достаточные причины. Разъехались мы через два дня, договорившись, что мой отряд будет держать линию Межово — Александровка — Мергини — Переясловка; Жестиков же должен был обеспечивать наш правый фланг со стороны Мельничной и Тальской на случай обхода.

Остановившись со штабом в Мергинях, я разместил отряд в Межовой и Елисеевке, послав усиленную разведку в Александровку. В это время белые были в В.-Урке (Верхне-Уринское. — Т. К.) и производили там реквизицию овса, сена и печеного хлеба для своих отрядов в Ирбее. Об этом мне донесли крестьяне, приехавшие из В.-Урки. Взяв кавалерию, я выехал в Александровку, оттуда на дорогу от Урки к Ирбею и отбил у белых их обоз, везущий продукты и фураж в Ирбей. После этого в течение двух недель мы систематически отбивали обозы белых и однажды отрезали обоз под самым Ирбеем. Как говорили, там началась паника.

Этот случай навел меня на мысль о нападении на самый Ирбей и разгроме штаба белых сил. С этой целью в последних числах февраля 1919 года я выезжаю к Жестикову в Мельничное, дабы сговориться с ним о совместных действиях против Ирбея. Перед отъездом, получив из Перовского приглашение на съезд⁹⁶, я не имел возможности выехать сам, послал туда своим представителем Марченко Александра, который оттуда уже не вернулся ко мне. Приехав в Мельничное и обсудив с Жестиковым возможность наступления на Ирбей, я составил точную инструкцию для отряда Жестикова: как, когда он должен был подойти к Ирбею, с какой стороны, какими сигналами руководствоваться и пр. Жестиков с такой диспозицией согласился, и я уехал к своим. **Л. 48**

Из прилагаемого чертежика видно, как должно было развиваться наступление. План заключался в следующем. Жестиков со стороны Мельничной, в семи верстах от Ирбея, должен был занять окраину села и начать ровно в два часа ночи демонстрацию, дабы стянуть все силы белых к той части села. Я же должен был со стороны Александровки снять посты белых и ворваться в самый Ирбей, причем по занятии площади обязался дать сигнал горящим факелом из соломы, поднятым на крыше. В один час ночи я подошел вплотную (к) ирбейской поскотине и стал ждать условленной стрельбы со стороны Жестикова.

Мороз на горе стоял сорокаградусный, и винтовки приходилось согревать все время под шубами. Жду час, другой, третий, не слышно никакого боя. Прождал еще час, уже стали жаловаться ребята, у кого ноги отмерзли, у кого руки. Чувствую, что отступить — это вредно в такой момент для духа отряда. И в пять часов утра я с одним своим отрядом повел наступление на Ирбей. Пехота в цепях, идя в лоб, заняла первый переулочек налево, с кавалерией же я сам по глубокому снегу зашел с левой стороны Ирбея **Л. 49** и с боем занял одну поперечную улицу, отрезая белым отход на Канск, и крайнюю продольную, соединяясь на ней с цепями своей пехоты.

Начался уличный бой из хаты в хату, с угла на угол, из-за плетней, заборов. Были забавные эпизоды; т(ак), н(апример), у Ассан-Гирея в переулке, на который он выскочил, убило наповал коня; Ассан упал и под ураганным огнем белых, спрятавшихся за плетень, хотел спасти седло, ему кричат ребята из-за угла: «Ассан, ползи скорей!», а он одно — режет подпруги, и спас-таки седло. Другой эпизод был со мной: во время боя я перелез через плетень и, сев на корточки, стал писать записку Жестикову, думая немедленно направить ординарца в Мельничное. В этот момент слышу характерный короткий свист, и пуля рядом со мной пробивает забор. Ну, думаю, шальная, должно быть, через минуту — другая, уже у самого бока. Вижу, кто-то охотится. Нужно сказать, что сидел я лицом к площади, стал следить, заметил, как из окна какой-то большой хаты вырвались два дымка; тут собираю свои манатки и перелезаю через забор. На улице бой, ребята как раз по поперечной улице добиваются ближе к этой хате. Какой-то крестьянин, пробегая, крикнул, что там штаб отряда белых. Приказав упорно вести бой, я, захватив большую ручную английскую гранату, перелезая через заборы и плетни, подбираюсь к этой хате. Наверное, с полчаса ползал и лазил, пока не очутился с боковой стороны избы. Сзади меня уже были дворы, занятые белыми, и я рисковал попасть в переплет, но удержаться не мог и, размахнувшись, вкатил в окно большую гранату. Минуту я стоял оглохший, протирая засоренную пылью штукатурку глаза. А затем побежал тем же путем. Через 40 минут мы шли в атаку по этой улице, и сзади меня ранило исполняющего обязанности начальника штаба Савчука и еще двух ребят. Добравшись до хаты, увидели там пять изорванных в клочья офицерских трупов. **Л. 50**

Надеясь на помощь Жестикова, я (мы) пытался выбить белых из Ирбея. В девять утра я зажег условный сигнал, и, как потом выяснилось, жестиковцы, стоя на горе, в пяти верстах от Ирбея, и наблюдая за боем, видели этот сигнал, но все-таки на помощь не пришли.

Местами шла рукопашная, трудно было выбивать из хат, тем более что у стрелявших из хат ружья были в тепле, а у нас от мороза ударник не разбивал капсюля. Так, например, Ткачук бил по трем убежавшим от него гусарам, надеясь «нанизать», как говорят таежные стрелки, на одну пулю трех, но у него подряд было пять осечек. В 11 часов утра, когда я (мы) почти окружил белых, мне донесли, что по направлению к Мергиням движется кавалерия белых. Поняв, что нас хотят отрезать, мы с боем стали отступать на Александровку, подбирая раненых и стягивая отряд. Белые, видя отход, стали наседавать и перешли в наступление. Мы не спеша, отстреливаясь, отошли на Николаевку, куда за нами противник не последовал. Здесь, в получасовой передышке, освежили обоз, отогрели винтовки и отошли в Мергини.

Через час кавалерия пыталась сделать налет, но, получив должное, удалась. На другой день ко мне (нам) прибыли остатки отряда Жестикова и рассказали, что, когда белые узнали, что Жестиков один стоит в Мельничной, они окружили ночью и разнесли его отряд. Сам Жестиков успел скрыться в тайге со своим помощником Курганским, а оставшиеся в живых ребята, человек тридцать, пришли ко мне. Я сформировал из добровольцев села Агинского полк, куда влил и жестиковских ребят. Полк назван был Агинским, причем командиром полка я назначил Межебовского. **Л. 51**

В скором времени, получив от Кравченко просьбу прислать подкрепление, я выслал ему Агинский полк под командой Межебовского. Полк был брошен в сильнейший бой под Николаевкой и выдержал (его) с честью. Мой же (наш) отряд я (мы) назвал 9-м Сибирским стрелковым полком — пехоту 400 человек, а кавалерию 250 человек — «стальным летучим отрядом».

После небольшого отдыха решили вылезать на фронт. Белые, узнав, что я (мы) оттянул силы на Агинское, подошли к Тырбышу и оттуда повели наступление на Агинское. Пикеты кавалеристов донесли, что Тырбыш занят и что белые, наверное, двинутся на Нагорное сегодня же. Мы вышли им навстречу. Бросив кавалерию через Тинскую им в обход, я с пехотой засел в горах. Дорога на Нагорное вилась между гор с одной стороны и рекой — с другой. Это было в конце марта, и лед был ненадежный. Когда отряд белых оказался в узком проходе, долбанули в упор залпами. Белые бежали на Тырбыш, удалось захватить около 18—20 пленных, столько же винтовок, часть обоза. Контрнаступлением выбили белых из Тырбыша и Мергиней, заняв прежнюю линию фронта.

Во время боя каждый должен был собирать выстрелянные гильзы сейчас или после боя. Гильзы

Партизаны армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Слева направо: Д. Винниченко, А. М. Марченко, Труба, Зубарев. 1919—1920 гг.

укладывались в мешок и отправлялись в Агинское, где их набивали снова. Пули выливались из свинца, и действие их было очень радикальным. Сколько бы мы ни захватили патронов, мы всегда помнили, что может подойти момент, когда их не будет, и тогда крышка. **Л. 52**

Военная разведка и связь были поставлены довольно хорошо. В места, занятые врагом, я высылал крестьян-партизан то на базар, то коробейниками с товаром на лотках. Через мальчиков, женщин передавались записки. У меня (нас) при штабе существовало нечто вроде оперчасти, где составлялись сводки для нас и для Баджея; главное — изучались тайные таежные дороги и тропы. После отдачи Агинского полка я просил у Баджея подкрепления, указывая, что мы являемся их защитой с фланга, но Баджей ничего не выслал мне. В этот период был ряд мелких стычек и один более или менее крупный бой между Межовой и Елисеевкой. Тут, окружив белых с кавалерией, загнали их в болото, где они и сидели до утра. В бою я гнался за командиром отряда — капитаном. И когда он соскочил с коня и полез на гору, я, с другой стороны обскакав гору, вылез, пешим, ему навстречу.

Была дуэль, оба стреляли, оба ложились, а когда гора была окружена нашими конными, капитан [...] застрелился.

Наступление на В(ершино)-Рыбную (Вершино-Рыбинскую)

В апреле месяце баджейцы решили взять В(ершино)-Рыбную, о чем уведомили нас, прося содействовать им ударом на белых с фланга. Канцы должны были наступать с Переяславки (*по левому полю: с Карымовой, но не Переяславки*), я же — с Межовой. Перепиской мы установили с Александровым общий план наступления, общий пароль и условные знаки. Когда мы были готовы выступить, меня уведомили, что наступление временно отменяется (*рядом помета: врет*). Через несколько дней решили все-таки наступать, и нам для связи был прислан бывший командир Тальского полка в Баджее Грибушин с пакетом на мое имя, где был точный план действий. Кроме того, как оказалось потом, Александров просил Грибушина на словах посвятить меня в кое-какие подробности. Приехав, Грибушин не передал сразу пакет, а сказал, что он прислан

Партизаны Канского полка во главе с главкомом А. Д. Кравченко и командиром полка М. Т. Савицким. Слева направо. Сидят на земле: 1) помощник начальника пулеметного полка Петр Селезнев; 3) начальник пулеметной команды Афанасий Родионович Карякин; 4) командир 4-й роты В. В. Загуменный; 5) командир эскадрона Жалнерчик. Первый ряд, сидят: 2) Баталов, помощник командира полка; 3) М. Т. Савицкий, командир полка; 4) А. Д. Кравченко; 5) Магда, командир 2-го батальона; 6) Семешев, командир 1-го батальона. Стоят: 1) Григорий Винников, член полкового совета; 7) Казерский, командир 2-го взвода кавалерии (?). Последний ряд: 8) Киселев, командир 2-го взвода пулеметной команды. Минусинск. 1919 г.

командовать моей частью в предстоящем наступлении. Зная, что если бы дело на самом деле обстояло так странно, то, наверное, Грибушин был бы все-таки снабжен какими-нибудь письменными полномочиями. **Л. 53**

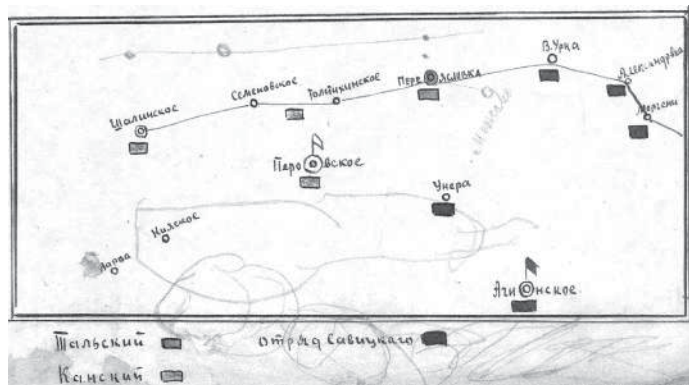
Я, конечно, ответил ему, что об этом не может быть речи. Грибушин застал меня по дороге из Тинской в Межово и, только спустя ночь, на утро другого дня, передал мне пакет от Александрова (*на левом поле: все ложь*). Время было упущено, т.к. наступление было назначено на эту же ночь и канцы уже заняли с громадными потерями Вершино-Рыбное, где и продержались немного, разграбив кооператив (что особенно подействовало на их командира Александрова, вскоре после этого застрелившегося) и допустив известную долю буйства в своих действиях. Впоследствии канцы передавали мне, что всю вину за свои потери при наступлении они сваливали на меня, а когда же узнали, что виноват Грибушин, то его чуть

не расстреляли, до того были они озлоблены этой неудачей (*на левом поле: все ложь*).

За апрель месяц, до наступления интервентов, были мелкие стычки, налеты, захватывались обозы у белых, забирались пленные, были захвачены два пулемета (*справа, рядом: врет*) и пр. Были случаи интенсивной переписки моей с белыми офицерами по различным поводам, но о них распространяться не стоит. На состоявшийся в Вершино-Рыбной съезд⁹⁷ я поехать, как и в прошлый раз, сам не мог и послал туда представителей от разных волостей. Приезжали к нам в Агинское один раз Петров и Малышева, которых я, впрочем, не успел узнать, встретившись с ними один раз. К моменту наступления интервентов фронт представлял следующую картину (*приводится схема деревень и расположения отрядов*). **Л. 54**

Наступление интервентов

К маю месяцу фронт образовал линию Козыля (д. Козылинская Ирбейской в. — Т. К.) — Александровка — Мергини — Межово — Переяславка. Как было указано на предыдущей странице, в Переяславке стоял Тальский полк под командой Лидина (Пуляева). К 15 мая белое командование стянуло большое количество русских и иностранных войск для ликвидации нашего и Баджейского фронтов. Войска стягивались с Иркутска, Канска, Красноярска, шли через Верхнюю Урку, Ярульское, Коростелево. Дня за три я уже имел сведения о концентрации сил против нас в районе Верхняя Урка — Александровка. Я сейчас же снесся с Баджеем, причем просил, в обеспечение нашего общего правого фланга, выслать нам подкрепление. Мне было обещано предоставить в наше распоряжение Тальский полк (*полевому полю: не Тальский, а одну роту*). Я выдвинул все сорганизованные в тыловых селах дружины на передовые линии в Александровке — Мергини — Тырбыш — Тальское. Дружина, вооруженная берданками и пиками, несла службу связи и разведки, вступая в крайних случаях в небольшие бои. Защищая наш правый фланг, дружины держались стойко, пока, наконец, под давлением сил противника не отошли до Мергиней, бросив Александровку. Здесь, в Мергинях, им приказано было держаться до последних сил. Белые, заняв Верхнюю Урку, выровняли свой фронт по линии Вершино-Рыбная — Верхняя Урка — Александровка. Я переехал со штабом из Межовой в Елисеевку, откуда и решил произвести налет на Верхнюю Урку и, если удастся, отрезать часть белых, находящихся в Вершино-Рыбном. Перед наступлением я сообщил подробный план моих действий Лидину и просил Тальский полк 15 мая к четырем часам дня подойти к Верхней Урке через Саломатово в виде резерва для наших наступающих частей. **Л. 55**

По данным, переданным через шпионов, я знал, что белые предполагали выступить из Верхней Урки 16 мая, а потому предпочитал напасть первым. 15 мая в два часа ночи выступил из Елисеевки с ча-

стью пехоты своего адъютанта Третьякова. Или разведчики дали неточные сведения, или белые передумали, но когда я двигался от Елисеевки к Верхней Урке, белые тоже перешли в наступление и, выбив дружины из Мергиней, пошли нам в тыл на Елисеевку, где их и встретил огнем Третьяков; завязался бой, в котором Третьяков, убив собственноручно двух офицеров, был ранен сзади через седло в ягодицу. В пути меня догнал гонец от Никулина, командующего нашим правым флангом. Никулин сообщал, что Мергини оставлены, и просил инструкций. Ему было приказано: отойти до Тырбыша и там держаться до моего приказа, эвакуировать что можно в тыл, в Агинское.

Никулину было приказано держать непрерывную связь со мной, через каждый час присылать гонцов, не жалея лошадей и людей. На полпути до Верхней Урки доносят, что Тальский полк вышел из Переяславки на Верхнюю Урку. Перед рассветом моя разведка столкнулась с разведкой белых и начала перестрелку в конном строю. Когда рассвело окончательно, мы увидели, как в легком утреннем тумане прямо на нас шли беглым шагом колонны белых, а в бинокль было видно, как кавалерия противника, растянувшись гусачком, обходила нас с левого и правого флангов. Волей-неволей пришлось разворачивать фронт прямо на открытом поле. В центре рассыпалась пехота, а левый и правый фланги, загнутые скобками, держала кавалерия с двумя пулеметами. В это время Тальский полк, выйдя с Переяславки на Верхнюю Урку, почти дойдя до Верхней Урки и заметив белых, свернул ниже по направлению к Елисеевке и здесь, по дороге к Елисеевке, был окружен кавалерией белых, обходившей мой левый фланг. Видя, что нас обходят, что в Верхней Урке непрерывно бьют орудия, накрывая нашу пехоту, что Тальский полк окружен и бьется в кольце врагов, я решил отступить. **Л. 56**

По последнему донесению, полученному от Третьякова, я знал, что Елисеевка занята белыми и он дерется за Елисеевкой, расположив цепи у елисеевской покотины, левым флангом своим упираясь в болото, а правым — во вторую гору. Таким образом, белые, заняв Елисеевку и ожидая, что мы будем отступать через гать, что проложена по болоту, огибающему деревню, думали меня разбить окончательно.

Быстро охватив положение, я спешил кавалерию и, сняв пехоту, рассыпал на ее место кавалерию. Пехоте было отдано распоряжение: быстро добежать до подвод, стоявших в куче сажень от пятидесяти до цепей, и что есть духу, на подводах, лететь правой Елисеевки прямо к болоту, где бросать весь обоз и, кто как может, переправляться через

болото, стараясь сохранить патроны от воды. Затем, переправившись, рассыпаться по горе над болотом и прикрывать огнем мой с кавалерией отход к ним. При удаче этот маневр дал (бы) возможность образовать укрепленный участок, линия которого должна была идти по берегу болота на горе и затем, не доходя Елисеевки, под прямым углом сворачивала вправо, вплоть до второй горы. Эту поперечную позицию должен был занять Третьяков, отойдя от пскотины немного назад.

Я видел, как пехота бешено неслась на подводах в облаках пыли, видел, как выростали кругом нее дымные облака разрывов, видел, как был брошен обоз и пехота, переправившись через болото, лезла на гору. Теперь пора была уходить и мне с кавалерией, за этот маневр я боялся больше всего. Было бы вполне естественно, если из Елисеевки, наблюдая за нашими передвижениями, белые выслали бы часть, дабы отрезать меня от моей пехоты. По команде подлетели коноводы с конями, и потом, на полчаса или на час, мы потеряли представление о времени и пространстве. Пыль, ничего не видно, полный карьер, и кругом взрыв за взрывом, шрапнель низко-низко **Л. 57** накрывает нас, и мы то вылетаем из полосы дыма, то снова окутываемся ею. Это бьют по нам батареи, подошедшие из Верхней Урки. Наверное, я лично взял слишком близко к Елисеевке, помню, как, прыгнув с конем в воду, я сразу ощутил все происходящее трезвее и спокойнее.

Конь увяз в тине, попав ногами где-то между корчаг; бросил коня, полувплавать, полубродом, держа над головой патронташ и карабин, вылез на гору и только тогда заметил, как по горе со стороны Елисеевки бегут ко мне несколько человек белых. Вышло так, что мы, взяв левее, попали между цепью Третьякова и цепями белых. Короче говоря, лежа на земле, я сумел перестроить несколько человек из бегущих за мной, а затем, сбросив сапоги, сумку, куртку, с одним карабином в руках, то ложаюсь, то вставая, добрался до своих цепей. Тотчас же, захватив какую-то пристяжную лошадь, как был в одних носках, я поскакал по фронту. Наши пехотинцы лежали по горе над болотом, обстреливая далекие колонны противника,двигающиеся и на Елисеевку, и к месту, где дрался окруженный Тальский полк. Меня встретил радостный крик ребят: «Миша! Командир! Савицкий! Ура!» Поскакав дальше по горе, я увидел цепи канцев (роты две), которые успели, как выяснилось, подойти из Межовой к нам на помощь. В Межово они прибыли сейчас же после меня из Перовского. Теперь нужно было думать, как выручить Тальский полк. С горы мы видели, как их мешали с землей, не давая ни минуты передышки. Да и нам приходилось жарко. Из Елисе-

евки белые стали бить из орудий в наше расположение, все точнее и точнее пристреливаясь.

Тогда мы выкинули чисто партизанский трюк. Я послал два эскадрона кавалерии на вторую гору, чтобы, проскакав по открытому для белых месту, они спустились по ту сторону, и, тотчас же сделав круг, опять скакали по тому же месту, и опять скрывались и т.д. **Л. 58** Со стороны создавалось полное впечатление, что масса кавалерии, перескакав гору, спускается по ту сторону, чтобы идти в тыл белым. Номер прошел. Не только из Елисеевки белые оттянули свои части, но и та кавалерия, что окружила тальцев, была оттянута назад, к исходным позициям у Верхней Урки. Таким образом, Тальский полк, хоть и побитый, но все же соединился со мной.

Этот бой длился с двух часов ночи 15 мая до шести часов вечера 16 мая. Уже к четырем часам дня белые опять, получив значительные подкрепления, заняли Елисеевку и стали насаждать. Значит, линия противника лежала по: Верхняя Урка — Елисеевка — Мергини. Наша линия: Переяславка — Межово — Тырбыш. Перед наступлением на Верхнюю Урку, еще 14 мая, мы с Третьяковым отпечатали на шапирографе (шапирограф — гектограф. — Т. К.) большое количество воззваний, каковые и были разбросаны при нашем бегстве к болотам и в оставленной Елисеевке 15 мая и 16 мая. Только этим обстоятельством я объясняю столь незначительные потери у меня в отряде — шесть человек раненых. Пулеметчики белых все время брали прицел выше, чем следовало, это чувствовалось ясно. Крестьяне, потом перебежавшие к нам из Елисеевки, говорили, что многих пулеметчиков сменили у пулеметов офицеры. Но это было позже. Перебежчики и пленные передавали нам просьбу мобилизованных: «бейте офицеров, а не нас, и мы тоже будем помогать вам».

К шести часам вечера, видя, что силы белых все увеличиваются, я, не решаясь на ночь оставаться в Межовой, отошел на Тинскую. Причем белые во время моего отхода из Межовой не наседали и даже до следующего утра и не зашли в нее. Но отход был так или иначе неминуем, т.к. и на Манском фронте началось отступление баджейцев от Шалинской-Семеновской. 16 мая в шесть часов вечера, отведя свою пехоту в Тинское, я с кавалерией и Тальским полком под командой Лидина пошел в Переяславку, где опять предполагали наступать на Вершино-Рыбное, угрожая белым разрезать их центр. В 11 ночи мы были в Переяславке, где и получили сводку, что Никулин с дружинами и эскадром под командой Ассана отошел от Тырбыша под давлением сил противника и двигается на Нагорное-Ульяново. Переговорив с Лидиным, я послал в главный Заманский штаб сроч-

ный запрос о подкреплениях, указывая, что без подкреплений мы не в силах удержать фронт. **Л. 59**

В главштаб я сообщил также, что если удастся, то будет дан бой у Переяславки, что заграждение будет в Унере, а сам я пройду в Агинское, где соберу все силы и, в случае окончательного отступления на Баджей, дам генеральный бой у Агинского, заранее эвакуировав его. Выступив в четыре часа утра из Переяславки, мы прибыли в Агинское к четверем дня 17 мая. По дороге около Унера прискакал ординарец и передал, что Никулин и Ассан-Гирей держатся с трудом у Тырбыша, боясь без моих распоряжений отходить на Нагорное-Ульяново. Было отдано приказание Никулину с эскадром отходить на Ульяново, а Третьякову — с Тинской отступать на Нагорное. Прибыв в Агинское, узнал, что нам идет помощь из Перовского: один батальон Северо-Ачинского полка под командой Красницкого и Агинский полк под командой Межебовского.

В Агинском шла эвакуация хлебных запасов, везли на Вершино-Рыбинское. Выезжали мастерские, склады отрядов, ехали беженцы, чувствуя близость волчьих зубок белых. В ночь с 17-го на 18-е я стянул все свои части в Агинское, оставив дозорами в Ульяново-Нагорной один батальон. Одна рота канцев была расположена в овраге между Козиным и Агинском (три версты). В 12 часов ночи была пущена во все стороны глубокая разведка, которая к двум часам донесла, что белые стянули громадные силы к Нагорной и, переправляясь через Анжу, двигаются на наш правый фланг, загибая крыло за Ульяновом. В час ночи нам прибыло подкрепление из Перовского. К трем часам ночи я двинул один батальон Северо-Ачинского полка к переправе через Анжу у Кондратьевской мельницы. В три часа я выдвинул на холм перед Агинском со стороны Нагорного: на правый фланг — Савчука с нашей пехотой вплоть до реки, в центр — часть батальона северо-ачинцев и на левый фланг до болота — смешанную часть тальцев и канцев. На дамбе по дороге с Унера стоял один батальон Тальского полка. В середине, в Агинском, стоял я со штабом и кавалерией и дружинами в резерве.

В три с половиной часа взвод кавалерии, высланный в разведку по Унерской дороге, донес, что противник подходит. В четыре часа ночи белые начали обстреливать село, штаб, резервы из легких и тяжелых орудий, одновременно попадая и по холмам, где залегла пехота. Орудия били со стороны Нагорного. **Л. 60** В пять утра, получив донесение от разъезда, что нам в лоб надвигаются многочисленные колонны белых, я подтягиваю резервы из Агинского к холмам. В шесть утра первые колонны белых уже подошли

на расстояние выстрела к холмам. В бинокль можно было различить чешские и итальянские полки, идущие в изумительном порядке вперемежку с казачьими частями. В шесть часов 15-го начался бой, ожесточенный до крайности. Интервенты шли колоннами без выстрела прямо на холмы, их сметали ураганным огнем. Строй колонн мешался, через минуту подходили новые части и с удвоенной энергией шли на приступ. Снаряды покрывали наши цепи облаками земли и дыма.

В семь часов утра, взяв кавалерию, я на рысях прорываюсь между рекой и своим правым флангом, обхожу центральные колонны белых и атакую их с тыла. Начинается рубка, в это время белые подвозят пулеметы с передовой линии и чешут нас почем зря. Послав одного, второго, третьего ординарца тем же путем к себе в штаб с просьбой прислать пулемет, не получаю ответа. Тогда, оставив кавалерию драться в тылу белых, скачу сам к реке, по дороге вижу одного из посланных ординарцев на земле убитым. Доехав до реки, заворачиваю и скачу по холмам, т. е. по линии своих цепей, выискивая, где можно оторвать пулемет от боя. По дороге, встретив Красницкого, предписываю ему, в случае нажима, отходить на Кулижник и Кырлык. Выскакиваю на дорогу от Нагорного к частям тальцев и канцев и вижу, (в) шагах сорока от меня ребята возьматся с пулеметом. Кричу: «Ребята, скорее пулемет на выюк и за мной!» Через минуту, когда конь, горячась, стал вполоборота к пулемету, пулемет вдруг заработал, и я сразу почувствовал страшный удар в голову и в правую лопатку. Слетев с седла, помню, я ухватился за передние ноги коня и подумал: «Вот бьют, так бьют». После чего потерял сознание.

Очнулся, когда меня несли на винтовках несколько северо-ачинских солдат, поминутно опуская меня на землю и отстреливаясь. Я видел, что ребята погибли из-за меня ни за грош, и попросил, чтобы меня прибили. Тогда Усов, солдат 3-й роты Северо-Ачинского полка, в тот момент, когда я лежал на земле, ударил меня штыком в грудь. **Л. 61** Лежа на земле, я чувствовал, что засыпаю, и мне впервые было спокойно и хорошо за много месяцев. Кругом рвались снаряды, куда-то бежали цепи, скакала кавалерия, а я засыпал. Товарищ Белолипецкий, член Совета моих отрядов, потом рассказывал мне, что он подъехал ко мне, еле-еле посадил меня на коня и, ведя его в поводу, направился к Агинскому. Дальше я сам вспоминаю, что, подъехав к Агинскому, Белолипецкий поймал прятанного за ригой подводчика и, посадив меня, погнал рысью прямо через Агинское к Кулижниковской дороге, где как раз еще яростно огрызались наши уходящие отряды. Как мы проехали через село, занятое

Пистолет системы «Маузер» в деревянной кобуре. Нач. XX в.

противником, не представляю себе точно, только помню, что нам кричали казаки, стоявшие у ворот: «Куда везешь, там красные!» В поле, за Агинским, наперерез нам летела наша кавалерия от дамбы, спеша прорваться на Кулижниковскую дорогу. Когда на стороне белых заметили подъезжавшую к красным телегу, то открыли пулеметный огонь, коим и была срезана половина спиц на задних колесах нашей телеги. Потом я то терял сознание, то приходил в себя. В Кулижникове мне делали первую перевязку и повезли дальше на Вершино-Рыбинское.

19 мая меня привезли в Вершино-Рыбинское, где собралась громадная толпа, ждали увидеть труп Савицкого (у них был слух, что я убит). На площади, когда остановилась телега, я вдруг почувствовал желание встать и пойти; приподнялся, слез с телеги и в наступившей тишине пошел между расступающимися рядами крестьян к волостному лазарету. Меня, конечно, сгребли и уложили обратно — и тут же повезли с обозом других раненых на Нарву. Ранения были серьезные: четыре разрывных пули ниже уха, в шею, челюсть, из них три пули вышли в рот, вышибив передние зубы, а одна застряла где-то за глазом, пятой пулей — ниже лопатки навывлет через ключицу, штыком сквозь легкое насквозь, да кроме того, когда

я засыпал там, истекая кровью, то шальной осколок снаряда легко сорвал мне кожу на животе. На Нарву нас три дня никак не могли провезти, потому что ее то отдавали, то брали, и, наконец, пришлось пробираться на Баджей прямо через горы, бросив подводы и неся раненых на носилках. Узнал, что большинство наших частей были отрезаны и ведут ожесточенные бои, прорываясь в тайгу. Горько стало мне до слез, когда вспомнил я своих ребяток, но помочь им ничем не мог. После невероятно изнурительного перехода мы прибыли в резиденцию Баджейского штаба. **Л. 62**

Минусинский фронт

Отступление от Баджея, переход через тайгу, таежный пожар и вообще этот ужасный, прямо беспримерный переход описаны в этом же сборнике партизанкой Т. Перовой, а потому задерживаться на этом не буду, а прямо перейду к моменту, когда я вступил опять в ряды армии, ибо начал с самого начала писать лишь о том, что сам видел, слышал, испытал.

Кратко упомяну, что в Белоцарске мы вошли в переговоры с начальником монгольских отрядов Хатор-Батор-Ваном по поводу перевозки наших раненых в Монголию под его защиту до конца войны.

Партизаны Канского полка. Слева направо: А. Терещенко, К.М. Логвинов, С. Кирасев. Второй ряд: С.Ф. Белоконь, Бондаренко. 1919—1920 гг.

Затем, окончательно разгромив Бологова на Енисее, около Белоцарска, мы прошли в Минусинский уезд и заняли Минусинск, куда и доставили вскоре всех раненых, обойдясь без помощи нойона Хатор-Батор-Вана. В Минусинске, несмотря на то что мне еще через день нужно было делать перевязки, мне поручили сформировать полк из 1500 человек пленных колчаковцев, каковую задачу я и разрешил, полагаю, успешно. К этому времени в Минусинске сосредотачиваются все силы партизанских отрядов. Организуются тыловые органы управления, лазареты, склады, выпускается газета «Соха и молот» и пр. и пр.

Избран городской Совет, председателем коего был т. Солдатов, председателем Армейского совета — т. Сургуладзе. Уходя из Минусинска, белые распространяли слухи, что скоро вернутся, поэтому население первое время чувствовало себя тревожно, тем более что отступившие белогвардейцы иногда обстреливали город артиллерийским огнем. Со временем к этому привыкли, и массы втянулись в общую работу. В громадном количестве добровольно приносили муку, мясо и пр. в пользу армии, записывалось в армию много добровольцев, на средства горожан организовывались госпитали, различные мастерские и т.д. и т.п. **Л. 63**

Фронт развернулся следующим образом: линия белых — Перевозное — Койское — Абакано-Перевозинское — улусы Кондало-Сарчево — Беджинский — Усть-Абаканск — Подсинье — Алтайское — Очуры — Означенная. Я сменил со своим новым полком (Минусинским) Канский полк. Заняв позицию под Подсиньем, мы выбили белых из Подсинья и загнали их за Абакан, где и окопались на берегу. Тальский полк перебросился в Каптырево и Шушенское, Северо-Ачинский нес гарнизонную службу, Канский стоял в Шушенском и Лугавском. Несмотря на слабое вооружение, мой полк из бывших колчаковцев в течение месяца стал выделяться стойкостью и дисциплиной между других частей. За Подсиньем мы стояли довольно долго, ведя перестрелку через реку с белыми. Погода стояла чудесная, кругом степи, раздолье, солнце. Тепло, хорошо, сытно. Население частью русское, а по Абакану ясачные, татары, хакасы, живут улусами по реке и ее притокам.

Мой штаб стоял в городе, и я ездил через три дня на перевязку. Во время приездов мало виделся с нашими главками, жившими в барских домах Минусинска и принимавшими бесчисленные делегации крестьян. Мне удалось так поставить свой полк, что из других частей стали чаще и чаще переходить

А. В. Станкевич. Березовый Таскыл (гора). Бум., акв., тушь

ко мне солдаты. Тогда потому ли, что это было неприятно кому-нибудь или еще по каким-нибудь соображениям, решили в штабе расформировать Минусинский полк, влив его в Канский. Я, собственно, ничего не мог иметь против этого, тем более что мне должны были со дня на день делать операцию. Но минусинцы заявили, что они не согласны терять меня, и пошла всяческая ерунда. Наконец на общем собрании в театре я заявил, что врачи запрещают мне дальнейшую работу на фронте, и выдвинул кандидата на пост командира обоих полков хорошо известного мне парня Логвинова. Логвинов был выбран, а я все-таки был принужден согласиться на должность заместителя Логвинова, но с тем чтобы это не мешало мне жить в городе и лечиться. **Л. 64** Так командиром был избран Логвинов, полк ушел на фронт, а я остался лечиться в городе.

После поражения Тальского полка в Очурах я выехал на фронт к Означенному (д. Означенная — Т. К.) для ознакомления с положением. Ознакомившись с обстановкой, мы начали наступление и, выбив белых из Означенной, переправились на левый берег Енисея, в то время там Тальский полк пошел на Аба-

канский железодельный завод для поимки отрезанных там остатков белых частей. После боя у Означенной мы преследовали белых до Бейской, оттуда они отступили на Гудино (?). Следуя по пятам противника, мы выбили их из Гудиной, переправились через Абакан, заняли Усть-Есь, откуда преследовали противника по левому берегу Абакана до Аскызской и от Аскызской до Усть-Абаканска. В то время как я с кавалерией гнал белых по левому берегу Абакана, пехота пошла через Абаканскую степь на Лугавское, ликвидируя по дороге отрезанные отряды белогвардейцев. С Лугавского, сделав суточный отдых в Минусинске, пехота соединяется с нами в Усть-Абаканске. Посоветовав Логвинову преследовать белых не останавливаясь на Сухую Тесь, я уехал в город на перевязку и операцию (мне должны были делать выскабливание). Соединенные Минусинский, Канский и Кизирские полки пошли дальше на Сухую Тесь. Тальский полк доносил, что он вылавливает остатки банды Занина, Манский же полк занимал село Абаканское в Затубинском районе.

Пока я был в городе, белые, остановившись в Барабине, приготовились к контрн наступлению. Логви-

нов решил все-таки выбить их оттуда, о чем и донес в город. Предполагая налететь на рассвете, Логвинов расположил силы в следующем порядке: левый фланг — Кизирский полк с кавалерией, в центре — канская пехота и с правого фланга — Минусинский полк с кавалерией. Почти подойдя вплотную к противнику, Кизирский полк в тумане принял свои части за врага, открыл огонь. В результате паника, а главное — провалилось неожиданное наступление, и белые успели подготовиться. **Л. 65**

Тем не менее в результате боя некоторое количество белых было взято в плен, а белые остались в Сухой Теси. В этом бою был убит комбат Канского полка и один ротный Минусинского полка, а сам Логвинов был ранен в рот, после чего немедленно выехал в Минусинск и больше уже до конца кампании оттуда не возвращался.

После этой неудачи и в связи с отъездом командира в войсках появилась деморализация, и начался самовольный отход назад. Когда меня уже положили в операционную комнату и уже кипятили инструменты для операции, в больницу явился главком Кравченко и просил меня выехать во что бы то ни стало на фронт. Главный врач госпиталя Вологодский запретил мне выезжать, указывая, что он не отвечает за последствия. Тут спорить было некогда, и после перевязки я выехал верхом, один, и в два часа ночи уже был на месте; приняв командование, на рассвете я повел полк в наступление. Утром занял с боем Сухую Тесь, ночевал в ней. Утром, начав налет на рудник «Юлия», с боем выбиваю белых из Верхней Ербы, гоню их перед собой и в Большой Ербе только-только не захватываю их хвост. В панике они бросили в Большой Ербе трупы убитых накануне офицеров и отошли в Сонское. В итоге мы выровняли фронт Большая Ерба — Верхняя Ерба — Знаменское — Усть-Ербинское (Усть-Ерба). Здесь в течение месяца, до начала декабря приблизительно, происходили мелкие бои, стычки, налеты и т.д. К концу месяца удалось установить, что белые стягивают силы к Сонской и озеру Шира; главный штаб белых стоял за Сонской в богатой казачьей станице Форпост.

В первых числах декабря с боем занимаю Сонскую, белые отходят в Форпост. Через неделю белые, выдвинувшись немного вперед, занимают курортную станцию Сонскую около озера Шира и задерживаются на ней. В эту неделю меня посетил помощник главкома Щетинкин, который пробыл у меня день, уехал в Минусинск опять. **Л. 66**

Через несколько дней я отвожу свои части из Сонской в Большую Ербу и, оставив там демонстрирующий заслон из пехоты трех полков, сам иду с кавалерией в глубокий обход. Все время держится постоянная связь с командующим Затубинским райо-

ном Гусевым, в каждом селе имеются кавалерийские разъезды, которые быстро переправляют донесения. Ощущался недостаток в патронах и пулеметах. Минусинск не давал ничего и, сидя в тылу, имел у себя артиллерию, около 20 пулеметов и патронные склады. А у меня на бойца приходилось по 10 штук патронов. Вся операция с обходом главным образом была затеяна с целью добыть патроны.

Вся операция была проведена в две недели. Огибая правый фланг неприятеля, я делаю вид, якобы уходим назад куда-то к другим своим участкам. На самом же деле, заняв Улень, я оттуда, по тайге, начинаю уминать снег, делая дорогу, и идем обходными тропами на Шира. Это было как раз на Рождество. Окружив Шира и связавшись со своей пехотой, которой заранее было отдано распоряжение к такому-то числу продвинуться к Шира, мы начали в четыре часа ночи бой. Были обрезаны все провода связи белых с их тылом⁹⁸.

Это была почти бойня, одних убитых было по меньшей мере 500 человек, не говоря о раненых и пленных. Попались исключительно казачьи войска, и партизан трудно было удержать от рубки. К утру все кончилось. Было захвачено громадное число патронов, винтовок, бомб, пулеметов, военное снаряжение, телефонные аппараты, четыре автомобиля, около 400 штук оседланных лошадей. Жаль, что не удалось сохранить живьем никого из штаба белых, все они были убиты в бою и зарублены после боя. На войне как на войне. Стесняться тут не приходилось, ибо для нас у белых плена ни в коем случае не существовало. Связавшись через пленных телефонистов с тыловым штабом белых, я просил вызвать подкрепление к озеру Шира, донося, что красные в панике бегут. Надеюсь, что они зайдут к Шира, я оттянул части и расположил их кругом на холмах. Случайно кто-то из уцелевших от ночного боя дал знать подходящим частям, что их ожидает. **Л. 67**

На этом рукопись заканчивается.

КККМ. В/ф 8486/23. Воспоминания Савицкого Михаила Тимофеевича, командира партизанского отряда. После 1925 г. Рукопись.

Отсутствуют первые листы, несколько листов в середине и последние листы. Текст приводится в небольшом сокращении.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОЛОДИЛОВА ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА

Приехал в Красноярск летом 1919 года, поступил в кооперативную артель. В начале августа был мобилизован в колчаковскую армию, написал протест, что по закону, как бывшего каторжанина, взять не должны (громил экономию помещицы Лесниковой, осужден на восемь лет). Ответили, что дело не носит политический характер, и отправили в 31-й полк.

Через Шеба(и)лин Солодилов связался с подпольной группой Молчанова, сообщив, что сбежит к партизанам. Получил ответ: не такое время, чтобы сбежать, нужно работать в армии, нужна связь. Организовал семерку: Супрун, Кузнеченко (только что выпущенный из тюрьмы), Невлянинов (член партии), сам автор воспоминаний, двоих фамилии не помнит — из Енисейска и Канска. Супрун был фельдфебелем 7-й роты 31-го полка, у него и собирались в камере. Связь держали через Шеба(и)лина. Подготавливали солдат. До этого солдаты, сталкиваясь

с партизанами, били своих офицеров и переходили на сторону повстанцев. **Л. 1**

Где-то в октябре были арестованы двое из семерки, но вскоре выпустили, не доказав связи с городской организацией. В половине ноября 31-й полк восстал. Начались митинги. Командующим войсками был Зиневич. Командир полка полковник Несытов сбежал, комсостав растерялся. Был организован полковой комитет, но силы были малые: полк малочислен, оружия мало. В городке стоял 4-й Енисейский полк, свирепый и преданный Колчаку. Недавно с фронта. У них было 16 пулеметов. Начали переговоры с капитаном Горышным, просить оружие якобы для охраны. Половину дали. Взяли восемь пулеметов, а потом и все 120 тысяч патронов, вооружились. Связались с железнодорожными мастерскими, водниками. Организовался Комитет безопасности **Л. 1об.** и Комитет общественных организаций. Пригласили Солодилова и анархиста Вольфганга.

А. И. Окулов, командующий Восточно-Сибирским военным округом (второй ряд, в центре) с личной охраной — латышами. 1920 г.

Е. Е. Колосов. 1918—1919 гг.

От Комитета безопасности 31-й полк отказался, так как тот решал все сам. В декабре был создан Совет, от которого делегировали несколько человек в Комитет общественных организаций. Обсуждался вопрос о вводе в комитет представителей от воинских частей, городского населения и крестьян. Совету давали три места для представительства трех групп. В. А. Солодилов потребовал семь. Не договорились. Дали три мандата, но Совет никого не выделил. Да и сам Совет конкретных задач себе еще не ставил, **Л. 2** хотя уже был популярен и превращался в организующий центр.

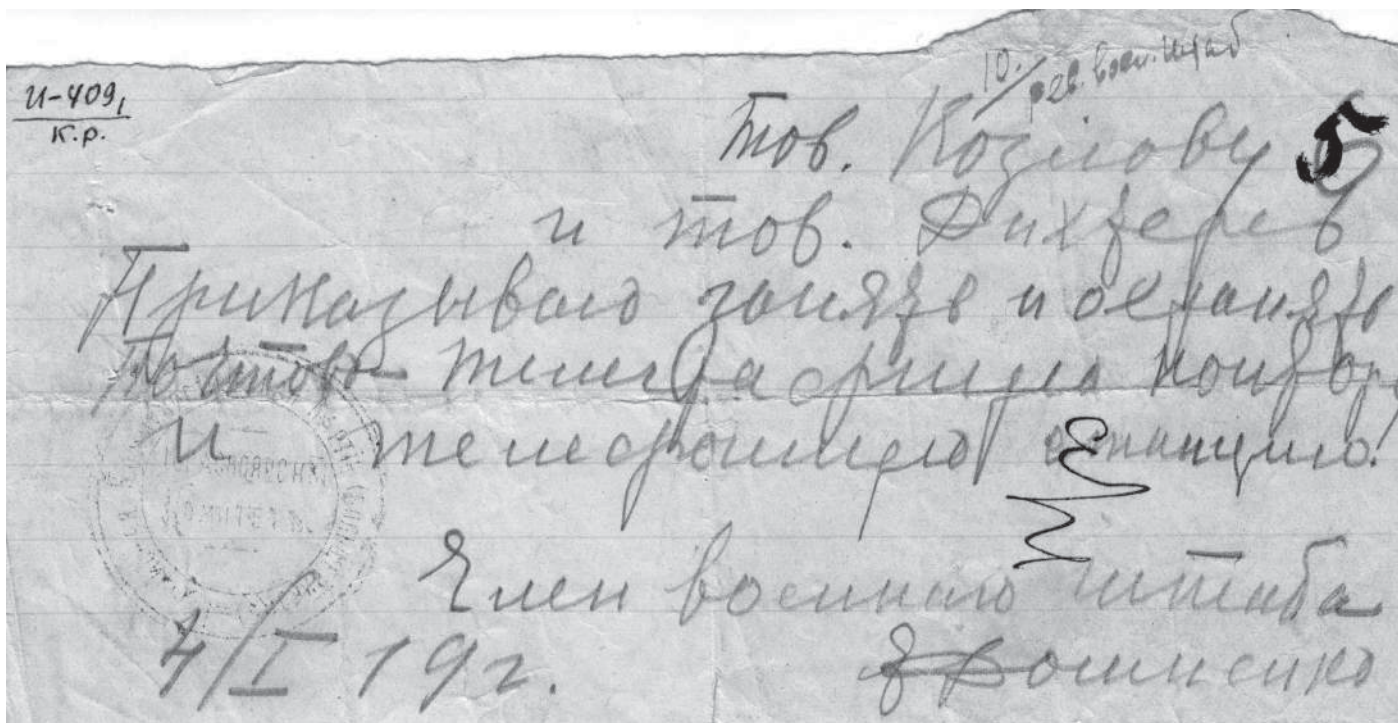
Влияние Зиневича и Колосова слабело. Зиневич назначил в театре совещание с Советом. Колосов молчал. Зиневич говорил часа три: рассказал свою биографию, что он сын уральского рабочего, с Колчаком не согласен, не прочь сотрудничать с Советом. От Совета было человек пятнадцать. А еще до собрания в театре его членами было разоружено до шести тысяч отступающих колчаковцев. Зиневич, узнав об этом, заявил:

— Долго вы будете безобразить в городе? Вы знаете, что такое пушки? Что такое военная техника? Камня на камне не оставит.

Солодилов в ответ:

— Разоружаем, разоружать и будем.

После этого Зиневич и затеял совещание в театре. Закончил свою речь он так:

Записка члена военного штаба Е. Домненко

— Хотите работать со мною? Пойдете за мною? Я готов служить народу⁹⁹.

Солодилов просит слова. Говорит, искренности генерала не верит и рассматривает выступление как маневр. За защиту прав крестьян и рабочих генеральские чины не дают. Зиневич требует пропустить армию Колчака, чтобы **Л. 2об.** она окрепла и повернула штыки против народа. Надо вспомнить, что переворот произошел при поддержке социал-революционеров (Колосов) и генералов (Зиневич). Никакого контакта быть не может. Народ за генералом не пойдет, у него другая дорога. Следом выступил Вольфанг и начал костерить генерала. Зиневич встает:

— Стало быть, ничего у нас, никакого контакта не будет. В мою искренность не верят. Этим людям все равно, что Красноярск разгромят.

Часов шесть совещание тянулось. В ночь Совет захватил почту и другие учреждения. Назавтра выступил уже Ревком. Председателем его был Козлов, командовал Яковлев. Под командой Кузнеченко на общий митинг вышли все части из городка. Не успели привести части в порядок, получили известие — наступает Суров. Назавтра фронт у Алексеевки, выступили рабочие, гарнизон. **Л. 3** В. А. Солодилов выехал в городок, организовал отряд с целью очистить деревню Коркину и защитить городок. Командование было поручено Супруну. Он поехал на худенькой лошаденке. Горышный и Кузнеченко остались защищать городок. Шестнадцать человек поехали в Коркину в санях. Немного до деревни не доехали, сзади выстрелы из городка. Супрун и сдал:

— Не могу.

Солодилов сел на коня. Втянулись в Коркину, окружили три дома, обезоружили офицеров. Солдаты говорят, что будут помогать. Была это Омская комендатура, а не каппелевский штаб. Генералы Белов, Ляцин, Ильинский-Иванов да казачий атаман попали в руки.

Дело к вечеру. Бой у городка продолжается. Завернули 284 подводы припасов, генералов и направились туда¹⁰⁰. В военном городке неразбериха, все спуталось. Держатся или нет? Кузнеченко, говорят, заболел. Встречается Горышный.

— Что здесь делается?

— Наломали им цикория. Видишь сколько их?

Идет новая волна. **Л. 3об.**

— Отбивай офицерню. Готовь фронт.

— Патронов нет.

— Мы привезли.

Выставили цепь, послали двух парламентаров. Их раздели, одного прикололи. Горышный предлагает пустить удушливый газ. Потом командует:

— Беглый огонь! Пли!

Снаряды начали рваться над белыми. Они повернули. Горышный выругался:

— С...! Не на своего напали.

Стемнело. Скрип, шум. Патрули доносят:

— Сдаются. Сколько, не знаем¹⁰¹.

Ничего не видать. Может быть, сдаются, может быть, идут брать. Пропускали через цепи. За двое суток 28 тысяч пропустили. Солодилов повез своих четырех пленных в тюрьму. Ребята ахают. Документов у пленных нет. Когда Солодилов вез пленных по городу, гремела музыка. В тюрьме сообщили:

— Первые части 30-й дивизии.

КККМ. О/ф 4505. Из воспоминаний Солодилова Василия Алексеевича. 1929 г. Л. 1—3. Рукопись.

Записано мною в 1929 году со слов Солодилова. Фефелова. Л. 4

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА В ПЛЕНУ У КРАСНЫХ БАНД ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВОСПОМИНАНИЯ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА

Рота наша стояла постами по линии железной дороги от Канска на восток до станции Тайшет. Еще с декабря месяца 1918 года начали ходить слухи, что во многих местах Канского уезда появляются банды разбойников из числа не явившихся на призыв дезертиров, которыми руководят разбежавшиеся при разгоне чехами по уездам разные представители большевистских городских и сельских совдепов. Вследствие почти полного отсутствия в городах Канске и Красноярске сформированных войсковых частей, которые могли бы своевременно ликвидировать начавшуюся смуту, шайки эти с каждым днем увеличивались, все более и более нагнали, терроризируя местное население. Там, где шайки появлялись, происходили грабежи, насилия и даже убийства среди зажиточной интеллигентной части населения.

К сожалению, и моя семья проживала в деревне Романовской Тальской волости. Надо было вывезти ее во что бы то ни стало в город. Не попросившись даже у своего начальства, я в конце января 1919 года помчался скорее в деревню. В нашей Тальской волости еще **Л. 1** было спокойно, и я ехал с полной уверенностью, что все обойдется благополучно. Главные очаги начавшейся пугачевщины были Тасеевская к северу от линии дороги волость и Степно-Баджейская к югу от полотна дороги, откуда и налетали шайки грабителей в соседние уезды. В деревне Романовской большинство крестьян я отлично знал, да и меня и мою семью все знали, так что о какой-либо опасности я даже и не думал. С этим и приехал в деревню. Семья начала собирать пожитки, но на другой день, это было 23 января, неожиданно в Романовскую явилась банда красных в 14 человек. Оказалось, из шайки известной всему уезду учительницы, завзятой большевички Варвары Малышевой.

Бандой предводительствовал юнкер Лаптенко, которого я также хорошо знал, да и он меня. Банда приехала на реквизированных крестьянских подводах из деревни Большой Речки. Большевики окружили мой дом и с руганью ворвались в комнаты. Жалея семью, я вынужден был сдать без сопротивления. Меня **Л. 2** раздели. Всю одежду, какая была в доме, забрали. Никого из семьи, к счастью, не тронули, ограничившись лишь моим арестом. Вместо отнятой одежды мне дали поношенные валенки и старенький оборванный полушубок. Впрочем, и за то приходилось в душе говорить спасибо, ибо на дворе стояли нешуточные сибирские морозы. Конечно, я был уверен, что скоро меня расстреляют или просто убьют, так как я, по-ихнему, белогвардеец, офицер, которых большевики считают самыми смертельными себе врагами. Оно, конечно, так и есть. Кто бы

из этих проклятых большевиков-изменников и предателей России ни попался в мое распоряжение — пуля в лоб или веревка на шею. Других слов с ними бы не было. Но, к моему огорчению, не они, а я сам к ним угадал в лапы. Стало быть, иллюзии строить не приходилось. Щемило на сердце и, пожалуй, волос даже на голове шевелился в первые моменты, однако я крепился и о своих чувствах красным прохвостам, извините за выражение, не сказал. Вывели меня с ругательствами и угрозами убить из дома, толкнули на подводу, и вся шайка отправилась по дороге к участку Соболевскому, **Л. 3** где заночевали у знакомого мне крестьянина по фамилии Прусаков. Есть мне не дали, да я и не просил. Не до еды было.

Утром двинулись дальше на деревню Жосов, где, оказалось, стояла шайка латыша из этой же деревни, Спелика. Разбойники из этой новой шайки встретили меня руганью и насмешками.

— А, попался кровопийца, палач... туда-то твою мать, — со всех сторон несло по моему адресу. Стащили с меня валенки, дали обувь вместо них лапти. При этом плевали на меня и издевались, как африканские дикари над попавшимся им белым. Со всех сторон кричали насмешливо:

— Походи-ка, господин офицер, в крестьянских сапожках. Скорее расстрелять его.

При этом не жалели матерных слов. Другие орали, что я не заслуживаю пули, а следует попросту убить прикладами да и выбросить собакам на съедение...

Однако ни того, ни другого не сделали, так как бывшие тут вожаки их, Спелик, сама Малышева да агитатор какой-то, некто Петров, уговорили толпу пока меня не трогать. Революционный-де после трибунал разберет сам, как со мной поступить. Игра в законность **Л. 4** помогла все-таки мне. Снова меня повезли. Куда теперь, я не знал. Узнал лишь, когда приехали в село Агинское. В промежуточных деревнях меня, как зверя какого-то, показывали встречавшим шайку крестьянам, а те, дурачье, может, делали только вид, а может, и искренне радовались и ликовали, крича:

— Попалась-таки одна птичка!

В селении Агинском ко мне присоединили арестованных здесь начальника местного почтового отделения и псаломщика церкви. Бедняги были ограблены так же, как и я. Из Агинска нас повезли в село Вершино-Рыбное. Здесь нас засадили в холодную каталажку, где мы пробыли двое суток. Есть давали только черного хлеба по полтора фунта каждому. Крестьяне, мужики, ребятишки и бабы, приходили смотреть на нас, как на обезьян, и требовали, чтобы нас выводили на-

показ народу на улицу. Пробовал заговаривать с любопытными, но мужики злобно лишь в ответ матерно ругались, а мальчишки и бабы фыркали или плевались да поскорее прятались за спины ругавшихся мужиков.

Л. 5

Спутники мои по несчастью были удручены и в большинстве случаев уныло и равнодушно жались в углу избы. На третий день нас отправили в соседнее селенье Талое, где, как оказалось, заседал военно-полевой трибунал. Помещение трибунала — изба-сборня. Следственная комиссия из трех лиц: крестьяне Иванов, Курченко и Плюма (верно: Плум), бывшие, очевидно, солдаты-товарищи. Вид весьма у всех развязный и наглый. На службе были или унтер-офицерами, или ротными писарями. Кроме нас привели еще пять арестованных: «буржуев» Петра Березовского, Федора Саломатова, Ивана Канчуру, учительницу Апполинаруию Казанцеву и еще одного какого-то старичка, фамилию не узнал.

Опрос длился с полчаса. Спрашивали имя, фамилию, какого села, волости, уезда. Признаем ли советскую власть. Когда мы ответили, что такой власти в Сибири давно уже нет, сделали вид, что удивлены нашим нахальством, и что-то записали в протокол опроса. В сборню явились сами судьи военно-полевого революционного **Л. 6** трибунала, всего четыре человека, из которых один сел за секретаря. Это был волостной писарь по фамилии Залегаев. Судили на этот раз только меня и моих компаньонов по каталажке — начальника почтового отделения и псаломщика. Судьи были, надо думать, неграмотны, ибо секретарь всем делом правил как хотел, а судьи лишь кивали головами. Вопросы нам задавали опять те же, что и на следствии. Кто, откуда, кто арестовал и признаем ли советскую власть... Затем секретарь прочел приговор: все присуждаются к смертной казни через расстреляние.

Нас тут же раздели, оставив лишь белье и лапти. Послали затем за конвоем для приведения приговора в исполнение. Мы, все трое, давно уже вполне примирились с ожидавшей нас участью. И теперь равнодушные, с полной апатией ожидали конвоя палачей. Какой-либо надежды на спасение в душе у меня, по крайней мере, не оставалось. Сердце слегка ныло тупой болью, но страха особого я не испытывал. **Л. 7** Однако погибнуть нам оказалось еще суждено не было. Вместо конвоя явились для всех неожиданно несколько человек крестьян из селения Агинского в роли депутатов от общества этого селения. Они потребовали от судей, чтобы раньше, чем казнить, те собрали бы сведения о моих компаньонах у крестьян соседних с Агинском селений, а также заявили, что осужденные были хорошими людьми и не обижали крестьян.

После такого заступничества судьи снова пересмотрели наш приговор и отклонили его не только в от-

ношении моих сотоварищей, но за компанию, видимо, и меня. Нас снова одели и отправили под арест. В этот же день под сильным конвоем нас отправили дальше через деревню Нойскую по направлению на деревню Степной Баджей. Не стесняясь нашим присутствием, секретарь суда перед нашим отправлением отдал такое распоряжение конвоирам — ноевским крестьянам:

— Вы, **Л. 8** товарищи, по пути можете их убить, а нам только донесете, что убиты при попытке к бегству. Вот и все.

Однако наши конвоиры не пожелали воспользоваться этим упрощенным способом освободиться от хлопот по окарауливанию нас и лишь только перед отъездом, для облегчения совести, избili нас в полную свою волюшку, а живыми все-таки оставили. Путешествие наше на подводах до Степного Баджея продолжалось 11 дней без особых приключений, благо, к нашему счастью, и морозы стояли не очень серьезные.

По деревням на нас собирались толпою глядеть крестьяне со своими бабами и детьми, но особой злобы не проявляли. Иногда, впрочем, только иронизировали относительно лаптей на офицерских ногах. На мои заговаривания охотно отвечали, да и конвоиры скоро так освоились с нами, что свободно пускались со мною в разного рода разговоры и даже диспуты на политические современные темы. На **Л. 9** мои вопросы, зачем они идут против теперешнего правительства, принавивно, но довольно уверенно отвечали:

— Надо идти, так как большевики уже снова покорили всю Сибирь и везде уже советская власть.

А на мой вопрос, кто им об этом сказал, отвечали:

— Все говорят. Чехи уже разбиты и бегут во Владивосток. Русские войска Временного правительства уничтожены Красной гвардией, которая движется к Красноярску от Ледовитого океана и скоро присоединится к нам.

И так далее, подобную же чушь. На вопрос, зачем нас везут в Степной Баджей, ответили: «Там главным будет над вами суд. В Баджее уже собраны все забранные буржуи и офицеры и скоро их там всех казнят». Ответ оказался для нас малоутешительным.

После долгих мытарств и голодовок наконец-то добрались до Степного Баджея. Здесь нас всех засадили в арестантский дом, действительно **Л. 10** переполненный арестантами из числа деревенской интеллигенции и пленными солдатами из правительственных отрядов. Здесь было набито народу человек тридцать. Ежедневно одних уводили куда-то, других приводили на их место. Некоторых уводили для приведения над ними смертных приговоров. Так, в моем присутствии были расстреляны Константин Зиновьев из села Вершино-Рыбинского и Шалинской волости Василий Гудименко. Расстреляли также пленного фельдфебеля

1-й роты 30-го Чернореченского полка по фамилии Штарк. Всего за мое пребывание в плену было расстреляно 26 человек. Фамилии некоторых мне известны. Вот они: супруги Тыжновы, отец и сын Заксельские, отец и сын Чудней, муж и жена Лурий, Иосиф Жунжус, Роган, Мальков, Ступаков, Илья Волинский и Иосиф Богуславский. За что их казнили, не знаю. Всех расстреливаемых увозили в пещеру в трех верстах от села Степной Баджей, где и бросали.

Прочих **Л. 11** арестованных выводили ежедневно на принудительные работы. Мы кололи и рубили дрова, носили воду и исполняли другие работы. Село Степной Баджей раскинуто среди сильно гористой местности, покрытой сплошь тайгой. Всего дворов пятьдесят, но тянутся они по склону горы на протяжении не менее одной версты. Церковь стоит на самой вершине. В ней красными устроен так называемый народный театр. В мое пребывание в Баджее состоялось в этом театре несколько представлений. Играли руководители восстания — учителя и учительницы. Дом священника занят под волостной совет, военный отдел и отдел редакционный. В доме псаломщика помещается главный Совет. Больница именуется военным госпиталем и переполнена тяжелоранеными. Одно из помещений этой больницы приспособлено для химического отделения, где изготавливают порох, капсули и спички. **Л. 12**

Работают в химическом отделении немцы и мадьяры. Есть также особая оружейная мастерская, кожевня, сапожная и портновская. Всем распоряжаются члены исполнительного комитета и главного Совдепа. Военным диктатором состоит Кравченко, членами исполкома — главные руководители восстания, учителя и учительницы в большинстве из латышей, хотя есть и русские. Один даже священник, фамилии мне не удалось узнать. Почему-то скрывают. Говорят, что некоторые из совдеповцев — приезжие из России от самого Ленина и Троцкого. Население Степного Баджея — переселенцы из разных губерний России. Землепашеством занимаются очень мало, больше звероловством, рыболовством и сплавкой леса по реке Мане, которая протекает в 20 верстах от села. Красных в селении набито полно. Сюда ежедневно привозят из других **Л. 13** селений муку, масло, яйца, гонят скот. Коров обыкновенно сопровождают крестьянки. Целыми толпами осаждают они ежедневно Совдеп и ревут, выпрашивая отдать назад коровенку. Платят за реквизированное имущество какими-то квитанциями и редко лишь керенками. Деньги, видимо, главари припасают для себя на случай побега. Самогонки тоже привозят много. Разгула и пьянства хоть отбавляй. По крайней мере, наша охрана всегда пьяна.

В начале марта меня и моих спутников — начальника почтового отделения и псаломщика водили снова

на допрос в так называемый верховный трибунал. Ограничились все теми же вопросами, что и раньше, когда нас спрашивали. Суд над нами назначили на 27 марта, а пока продолжали гонять на разные работы. Дождались, наконец, и 27 марта, т. е. дня суда над нами. Снова никакого личного страха я не испытывал. Теперь даже не верилось совсем, что могут **Л. 14** присудить к смертной казни. Пошел на суд уверенный, что жив останусь. Хотя логически никаких к тому данных не было. На опросе мы, все трое, твердо заявили, что власти большевиков, как несуществующей в Сибири, мы признать не можем. На этот раз верховный трибунал состоял из председателя — безграмотного крестьянина Короткова, товарища председателя — ссыльнополитического некоего Грабовского, секретаря — волостного писаря Перовской волости Иванова и судей — членов Совдепа Богана, Бутенко и Курченко.

Однако и на этот раз суд не состоялся. Нам заявили, что за недостаточностью собранных о нас сведений отложили на неопределенное время. Так как я проявил себя усердным плотником и дроворубом, то меня из-под ареста освободили, отдав лишь под надзор. Стало жить легче. Всюду, где только надо было колоть дрова или сделать какую-либо плотничью работу, тащили непременно меня. Делал, не жалея сил и умения, ибо этим **Л. 15** рассчитывал заслужить некоторое доверие и ослабить через то надзор за собою. Принялся между тем обдумывать средство к побегу. Встретил на работах нескольких солдат одного со мною батальона, взятых также в плен, Гусева и Молочкина. Поговорил с ними о возможности побега. От них узнал, что многие из числа пленных также собираются бежать и ждут только, когда стает снег, ибо по глубоким следам далеко не уйдешь. У Молочкина были уже заготовлены и припрятаны котелок, топор, спички, сухарей запас. Все это хранилось у одной сочувствовавшей ему женщины по фамилии Иванова.

15 апреля опять мое дело было назначено к разбору. Пошел. Трибунал собрался в том же составе с добавлением лишь по одному фронтовику от полка. Армия Кравченко была организована в несколько полков. Долго на суде меня не держали. После моего отказа поступить на службу в Красную армию **Л. 16** приступили к составлению приговора, который тут же и прочли: «Осуждается к принудительным работам с лишением свободы до окончания народного движения». А так как я знал дело разработки и добычи золота, то меня назначили вместе с партией других осужденных на работы на золотой прииск.

23 апреля нас погнали к месту работ на прииск некоего Пустовалова, отстоящий от Степного Баджея верстах в шестидесяти у верховьев речки Кувай. Со мной были посланы шесть цензовиков-солдат: Евгений Ку-

дельский 1-го Томского гусарского полка, Василий Шукевич, Иван Мащенко и Павел Давидов; учебной команды 30-го Чернореченского полка Василий Солдатов и 1-го Восточно-Сибирского тяжелой артиллерии дивизиона Николай Лойко, а также один милиционер Иван Кердон. На другой день мы прибыли на прииск, распределили по работам. Я, как самый старший по годам и плотник, был назначен исправлять пилы, ручки к лопатам, киркам и топорам. Одним словом, **Л. 17** сделался заправским плотником. Работая, я присматривался к окружающей обстановке, местности и к сотоварищам по работе, дипломатично выпытывая у них, что они думают о бегстве, и вместе с тем опасаясь, как бы кто из них не выдал моего намерения. Однако скоро убедился, что все согласны вместе со мною бежать. Я, как родившийся и выросший среди тайги Енисейской губернии, знал ее и, конечно ориентировавшись хоть сколько-нибудь в окружающей прииск местности, далее уже, конечно, сумею провести через хотя бы незнакомую тайгу всех, кто со мною уйдет.

Под предлогом вырубki подходящих лесин для поделки ручек к инструментам я начал ходить по окрестностям прииска, присматриваясь к тропам, ведущим в глубь тайги. Стража, сторожить которой нас поручали, и сам заведующий всем прииском комиссар не очень-то усердно несли свои обязанности. Некоторые из нас **Л. 18** часто ходили на охоту. Я попросился у комиссара тоже с ними сходить на охоту. Комиссар разрешил пойти вместе с двумя конвоирами. Во время этой охоты я основательно ознакомился через расспросы своих же сторожей с направлением таежных троп и с названием соседних речек. Стража моя охотно отвечала на все мои вопросы, ничего не утаивая. Из разговоров с ними я окончательно убедился, что большинство красных банд состоят просто из любителей приключений, разбоя и грабежа, чем и соблазнили их руководящие всем восстанием главари, сулившие разграбление городов Красноярска, Канска, Ачинска и других. Все та же обыденная ложь, будто российская Красная армия уже победила всех белогвардейцев и теперь быстро идет по Сибири на помощь восставшим енисейцам. На мой вопрос, много ли восстало крестьян в губернии, уверенно отвечали, что **Л. 19** один миллион. Эдакая слепота кромешная! Я снова спросил: «А когда вы думаете взять Красноярск?» «В мае месяце все города заберем и всех буржуев перебьем», — без запинки отвечали оба стража. «А чехи?» — задал я снова вопрос. «Они к нам присоединятся, уже обещали», — последовал ответ.

Вернувшись с охоты, я сообщил своим напарникам, что надо готовиться к побегу. Снег быстро спадал, оставаясь лишь в затененных только местах. План побега окончательно у меня был готов. Решили тронуться

в путь в ночь на 13 мая. В бараке, где мы ночевали в особом помещении, жил и наш комиссар со сторожами. По ночам и комиссар, и все сторожа самым спокойным образом спали, развешивая свое оружие по стенам на гвоздях. Часовой тоже больше делал только вид, что караулит наружную дверь.

И вот 13 мая, ночью, мы поднялись спокойно с нар, **Л. 20** зашли тихо в комнату к своей страже, забрали четыре берданы, два дробовика, 14 боевых патронов, запас к дробовикам, и вышли на двор. Часовой тотчас же притворился, что спит и ничего не слышит. Мы тоже его не тронули. Пошли к сараю, где хранились продукты, разобрали вход, взяли хлеба, мяса, один котелок, два топора и без помех направились в тайгу по знакомой уже мне тропе. Пошли сначала в противоположную от намеченного мною на самом деле пути сторону, чтобы тем спутать погоню, если таковая будет. Днем уже свернули только в настоящее направление. Со мной бежали Кудельский, Шукевич, Мащенко, Давидов, Солдатов и Лойко.

Шли по талым местам, дабы не оставлять резких следов. Держали направление на юго-запад. Перешли по льду, который еще держался, через речку Колбу и этим совершенно скрыли свои следы. Первый день шел сильный дождь. К ночи перестал. Ночевали в глухом ельнике у костра. Спали лишь вполглаза, как говорится. Больше беседовали о пережитом. С утра опять шли снегом и только к полудню вышли на талые **Л. 21** южные склоны гор. К вечеру опять попали в снега, зато здесь убили медведя, около которого и заночевали у костра. Полакомились медвежатинкой, запаслись и в дорогу, сколько могли только унести. На третий день мы выбрались окончательно из снегов и пошли теперь охотничьими тропами. К вечеру дошли до реки Козь. Река эта в каменистом русле с очень быстрым течением. Плыть по ней на чем-либо невозможно, и нам пришлось с большим трудом пробираться вдоль берега по течению. Стало попадаться много зверя и птицы, но стрелять мы опасались, дабы не привлечь на выстрелы погони.

К вечеру от переутомления заболели Кудельский и Шукевич. Из-за них пришлось раньше времени остановиться на ночлег. Ночь провели тревожно, ибо, когда шли по тропе, видели следы лошадей, а на рассвете услышали выстрел, принятый нами за сигнал погони. Быстро уничтожили следы ночлега; поддерживая больных, двинулись дальше и к полудню благополучно добрались до избышки охотника. Подходить к ней сразу поопасались. Оставив в засаде своих товарищей, я пошел осторожно к избышке на разведку. **Л. 22** Убедившись, что в избышке, кроме хозяина ее, старика-охотника, никого нет, я подал своим сигнал. Старик, принимая нас, очевидно, за красных, предупредил

о казаках, следы которых мы видели на тропах. Это нас обрадовало, т. к. давало надежду скоро увидеть, наконец, своих.

Старик напоил нас чаем, что быстро восстановило наши силы. Из расспросов его я окончательно убедился, что мы идем правильным путем в направлении к городу Минусинску. Недалеко от избушки находится прииск некоего Рагозинского на речке Сисим. Старик-охотник согласился проводить нас на этот прииск, куда мы и пришли к вечеру. Здесь нас сначала встретили недружелюбно, так как тоже сочли за красных, но затем, когда я сказал, кто мы, обращение изменилось, и нам предоставили все, что только могли, для отдыха. Здесь мы основательно отдохнули, помылись в бане, наелись и выпались в полную сласть. Сын хозяина и два плотника помогли нам устроить два плотика, на которых мы и поплыли по течению реки Сисим далее на юг. Плотики плыли быстро. По берегам часто встречались охотничьи избушки. К вечеру приплыли к устью реки Оленкой, где встретили поселок из четырех семейств зырян и одной русской. Зыряне встретили **Л. 23** нас радушно, угощали чаем и дали ночлег.

С утра опять поплыли на плотиках, но уже не так благополучно. Наткнулись на подводный камень. Плотик залило водой и чуть не затопило совсем. Затем нас занесло под дерево, через которое пришлось всем прыгать. Кудельский прыгнул неудачно и повис над деревом, и, пока задержали плотик и сняли его, он успел принять холодную неожиданную ванну, что окончательно подорвало его здоровье. Доплыли вскоре после этого до избушки охотника Николая Потилицина, где и обогрелись. Здесь узнали, что ниже есть пороги. Стали осторожнее плыть дальше. На порогах один плотик провели благополучно, но другой посадили-таки на камень, и пришлось бросить. Перебрались все на оставшийся и к вечеру добрались до золотых приисков Сергея Васильевича Иевлева. Оказался моим знакомым. Он сказал, что есть распоряжение всех подозрительных задерживать и препровождать в ближайший населенный пункт. «Мы самые подозрительные люди, — сказал я в ответ, — скорее нас проводите до этого населенного пункта, а под больного Кудельского просим дать лошадь». Нам оседлали **Л. 24** двух.

На одну погрузили выюком провизию, на другой поехал Кудельский. Путь оказался очень трудный, т. к. попадалось много речек, которые с трудом преодолевали. В полночь, однако, успели добраться до селения Урус-Сисим. Крестьяне этой деревни из новоселов, живут бедно, но приняли нас хорошо. В дальнейший путь дали нам восемь лошадей, на которых мы и поехали в деревню Мензотскую, а далее до Абаканска уже на подводах. Во встречных деревнях крестьяне встречали нас доброжелательно. К большевикам относились враж-

дебно. Из Абаканска по телеграфному распоряжению начальника района Минусинского уезда мы были вынуждены в этот город, куда и прибыли.

Из Минусинска нас на пароходе уже отправили в Красноярск, куда я прибыл в конце мая. Вот и вся моя маленькая история пребывания в плену у совершенных пугачевцев, окончившаяся, слава Богу, для всех нас безавших вполне благополучно.

Записал со слов. Старый военный

Ниже чернилами, другой рукой, надпись: Автор — полковник Коди́нец. Передано из редакции «Свободная Сибирь».

КККМ. О/ф 13561. 1919 г. 25 л. Рукопись.

Воспоминания неизвестного автора, белого офицера, в кадетской газете «Свободная Сибирь» не публиковались.

Имя автора воспоминаний о пребывании в партизанском плену установить не удалось. Несколько приводимых им сведений личного характера дают возможность коротко проследить его биографию. Местный уроженец, родился и вырос в Енисейской губернии и, как многие сибиряки, хорошо знал тайгу. Упоминает и о том, что был знаком с делом золотодобычи, принудительная отправка на один из приисков и стала решающим фактором по организации им побега вместе с группой других военнопленных. Не исключено, что в прошлом автор имел какое-то отношение к военной службе; в указываемое время — скорее всего, запасной или резервист (после 45 лет), который попал под мобилизацию. Возможно, сельский интеллигент, служащий земства, сельский чиновник, на что указывает грамотное изложение (или диктовка) воспоминаний. К осени 1917 г. большая часть кадрового офицерского состава либо погибла на фронте, либо из-за ранений и увечий выбыла из строя. На замену выбывших, на пополнение армии приходилось набирать преимущественно интеллигенцию призывного возраста, проходившую курс ускоренного обучения. «Армия прапорщиков», как их называли старые офицеры.

Мобилизован был и наш автор, проживавший с семьей в деревне Романовской Тальской волости Канского уезда. Скорее всего, проходил службу в невысоком воинском звании, служил в одной из рот по охране линии железной дороги от Канска до станции Тайшет. В конце воспоминаний указывается: «Старый военный», т. е. уже не молод, за 40 лет, имеет четверых детей. Пытаясь вывезти семью практически из прифронтовой зоны, оказался в плену партизанской армии Степного Баджея. Обладая цепкой памятью и не скрывая своей независимой позиции в плену даже под страхом расстрела, приводит многочисленные свидетельства

внутренней жизни одного из самых значительных партизанских соединений, в чем заключается их особая ценность. Воспоминания были отправлены в политическую, литературную и экономическую газету красноярских кадетов «Свободная Сибирь», пользующуюся в городе значительной популярностью. Редактор газеты Ф.Ф. Филимонов был хорошо известен в Красноярске своими острыми обличительными фельетонами.

Редакция газеты по каким-то причинам не сочла нужным опубликовать воспоминания, передает их без указаний — кому и когда (история их попадания в музей тоже неизвестна), называя автором полковника Кодинца. И тут возникает явное противоречие. Кодинец Андрей Георгиевич родился 22 ноября 1869 г. в Бакинской губернии, происходил из дворян Полтавской губернии. После нескольких лет службы в 1908 г. переводится в 32-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, который дислоцировался в г. Канске Енисейской губернии, здесь ему присваивается воинский чин полковника. Фронтвик, в 1915 г. награжден орденом Св. Станислава II ст. 20 мая 1916 г. А.Г. Кодинец назначен командиром 14-го Сибирского стрелкового запасного полка, стоявшего в Красноярске, 22 июня 1918 г., после антибольшевистского переворота, мобилизован в Белую армию, назначен командиром Красноярского отдельного батальона и начальником городского гарнизона. 25 июля 1919 г. вступает в командование 5-й отдельной бригады охраны железных дорог*. Таким образом, происхождение и служебное положение ничего не имеют общего с биографией автора воспоминаний.

24 февраля 1919 г., за подписью А.Г. Кодинца и батальонного адъютанта, «чиновника военного времени», Н.Р. Николаева, уходит строго секретный рапорт на имя военного министра и начальника штаба верховного главнокомандующего и командующего войсками Иркутского военного округа генерал-лейтенанта В.В. Артемьева о положении дел в уездах Енисейской губернии**. Кодинец — на службе, в феврале 1919 г. автор вышеуказанных воспоминаний находится в плену. Почему редакция газеты «Свободная Сибирь» авторство приписала полковнику? Об этом сейчас уже не узнаем. Можно сделать лишь предположение: неизвестный автор был не случайным человеком в роте 5-й отдельной бригады, как-то замечен или отмечен командованием. То, что произошло с ним, оказалось событием неординарным, которое можно было использовать в пропагандистских целях, чем и занимались все легальные социалистические газеты губернии. Да и сам побег, без преувеличения, оказался героическим. Кодинец мог поручиться за своего подчинен-

ного, подчеркнув важность публикации всего пережитого автором в партизанском плену и беспримерный многодневный уход из плена. Мог сделать это запиской или устно. Редакция соответственно зафиксировала, имела же она какое-то обоснование, ссылаясь на полковника. Сложность в том, что под воспоминаниями нет подписей ни автора, ни Кодинца.

Таким образом, сохранились лишь 25 ветхих, большого формата листов, исписанных синим карандашом, крупным почерком. Такого рода документ пока единственный, обнаруженный в фондах Красноярского краевого краеведческого музея. Не будет ошибки, если назовем его уникальным. Он содержит не только свидетельства внутренней жизни самого многочисленного партизанского отряда, в истории которого еще много белых пятен. В нем упоминается ряд фамилий его организаторов, воспоминания которых или упоминания о которых проходят через многие страницы данного сборника. И в заключение. Партизанское правосудие поступило по отношению к белому офицеру более щадяще, чем поступил бы он по отношению к противнику, обещая в воспоминаниях скорую расправу — петлю или пулю в лоб.

Как хочется домой, как тяжела чужбина!
Я так измучился на жизненном пути.
Моих полей широкая равнина,
Мои леса, о, если б к вам уйти!

Мой тихий дом, моя семья родная,
Я вижу вас в печальном грустном сне.
Как рвется к вам моя душа большая!
Мне тяжело, — молитесь обо мне.

Павел Булыгин

Об авторе. Булыгин Павел (1896—1936), родом из г. Владимира, из дворян; окончил Александровское военное училище в Москве. Участник корниловского Ледового похода. Принимал участие в боях Белой армии. Эмигрировал в Константинополь. Через Харбин вернулся в Россию. Воевал в армии А. В. Колчака, порученец адмирала; принимал участие в расследовании убийства царской семьи. После поражения Белой армии добрался до Парижа. В начале 1920-х гг. жил в Берлине, Риге, Каунасе; в 1924—1934 гг. — в Эфиопии; с 1934 г. до смерти — в Парагвае.

Трибуна русской мысли. Журнал православной интеллигенции. Русское зарубежье. 2009. № 11. С. 266—267.

* Овчаров В. Красное на Белом: к столетию окончания Гражданской войны в Красноярске. Красноярск, 1919. С. 197—198.

** Партизанское движение в Сибири. Приенисейский край. Т. I. С. 101—103.

ПРИМЕЧАНИЯ К ВОСПОМИНАНИЯМ

Воспоминания Масленкина-Непомнящего

Артемия Сергеевича

«Этих дней не смолкнет слава»

- 1 16 (29) — 24 октября (6 ноября) 1917 г. в Иркутске состоялся первый съезд Советов Сибири, на котором был образован Центральный Исполнительный комитет Советов Сибири (ЦИК Сибири) — Центросибирь. Вторым Всесибирским съездом Советов состоялся 23—28 февраля 1918 г., образовал Совет народных комиссаров и переизбрал часть своих членов. В съездах принимали участие делегаты Западной и Восточной Сибири, Забайкалья, Приамурья; две трети членов состава — большевики. Съезд оценил действия атамана Семенова в Забайкалье как попытку объединить внутренние и внешние контрреволюционные силы. Всем Советам было дано указание организовать отряды Красной гвардии для борьбы с семеновскими отрядами. Командующим фронтом был назначен С. Г. Лазо, член Центросибири, который после юнкерских боев состоял начальником Иркутского гарнизона и комендантом города и хорошо был известен в Сибири. Так возник Даурский (Забайкальский) фронт. Вскоре прибыли отряды из Читы, Владивостока, Черемхова, Красноярска, Енисейска. 12 апреля 1918 г. отряды заняли станцию Ага, 15—16 мая, после разгрома, Семенов ушел в Маньчжурию.

Документы героической борьбы. Красноярск, 1959. С. 509; Рябиков В. В. Иркутск — столица революционной Сибири. Иркутск, 1957. С. 54, 110.

- 2 На больших станциях, в том числе и в Красноярске, стали дольше задерживаться эшелоны с чехами, увеличилось составы комендатур, члены которых никого не признавали. В мае всякие дружеские переговоры были прекращены. Вскоре весь состав комендатур в городе подвергся аресту и был отправлен в тюрьму, станция очищена от эшелонов. Движение поездов с запада прекратилось, от Мариинска до Канска образовалась зона, свободная от чехов. Решение о выступлении против Советской власти было принято бывшими союзниками в Челябинске 20 мая 1918 г. В мае 1918 г. начался мятеж чехословацкого корпуса, в ночь на 25 мая белочехи заняли Мариинск. Красноярск оказался отрезан интервентами с запада и востока. Образовалось два фронта: на западе — Мариинский, на востоке Ключевский. Главнокомандующим вооруженными силами 29 мая 1918 г. Губисполком назначил Т. П. Марковского. На Ключевском участке командовал фронтом К. В. Кузнецов, на Рыбинском направлении — Я. Ф. Дубровинский, у разъезда Громадского расположился штаб отряда С. Г. Синицина, Мариинским фронтом командовал Е. К. Зверев.

КККМ. О/ф 3185/1. Воспоминания Степанова Николая Лаврентьевича. Новосибирск, 26 мая 1957 г. Л. 12—13. Рукопись.

Записка (или текст телеграммы) М. Соловьева в военный отдел Красноярского Совета от 2 июня 1918 г.: «Военный отдел. Т. Позднякову. Немедленно подготовьте подрывные снаряды, обратитесь к рабочим, кто знает дело, химические снаряды. Перемирие пока еще не выяснено, но готовиться надо. Чехи. Новониколаевск с Мариинским соединились. Тайгу заняли. Примите решительные меры в Минусинске, Енисейске. Формируйте людей... Нам придется вести оборонительную войну. Ваш др. М. Соловьев. 2. VI. 8 г.». Утром 1 июня западнее Мариинска чехи уже ликвидировали Анжеро-Судженскую группу советских войск.

КККМ. КПД 3879/119. 1 л.

- 3 Из воспоминаний А. С. Масленкина-Непомнящего в 1933 г. на заседании Сибирского землячества красногвардейцев и партизан в Москве, при Доме Красной гвардии. Сибирское землячество было учреждено 24 марта 1929 г. в музее Центрального дома Красной Армии. Первоначально оно объединяло партизан Алтая, проживающих в Москве;

в 1930 г. в него вошли участники революции 1917 г., подполья и партизанского движения в Сибири.

25 мая 1918 г. чехи захватили станцию в Мариинске и стали продвигаться в город. 24 мая Мариинские меньшевики и эсеры на общем совещании решили поддержать чешское восстание и организовать так называемую коалиционную власть. В тот же день А. С. Масленкин направился в Ачинск, к утру 25 мая с отрядом в 400 человек — в Боготол, где к отряду присоединились еще 300 человек. 28 мая из Красноярска прибыло дополнительно 350 человек с четырьмя орудиями, растянулись в цепь. «Создали военно-полевой штаб на скорую руку: М. И. Соловьев — главнокомандующий, начальник штаба П. Барышников, комиссар — А. Масленкин. Штаб состоял человек из восемнадцати. Заняли две деревни, разместили в одной штаб, образовался бронепоезд с двумя-тремя пулеметами. Дали два хороших боя, считая, что в тылу у нас все благополучно...»

Поздняков А. А. Хроника. Л. 623—626. Хроника представляет собой узкие по ширине листки или склеенные из нескольких брошюры. Отсюда и такая внушительная нумерация листов.

- 4 26 апреля 1918 г. Джон Стивенс, возглавивший Русско-Американский железнодорожный корпус (по организации срочной помощи чехам, которые пробивались через Сибирь во Владивосток, а затем должны были быть переброшены на Западный фронт. — Т. К.), отправил своего первого помощника полковника Георга Эмерсона в Россию. Перемирие между воюющими сторонами Американская военно-железнодорожная миссия Эмерсона пыталась установить до его приезда, из расчета времени на дорогу — шесть дней. Эмерсон прибыл во Владивосток, 26 мая был в Иркутске, вечером 27 мая — в Красноярске. Здесь ему глава города (Дубровинский Я. Ф. — Т. К.) сообщил о том, что чехи сражаются под Мариинском в трехстах верстах к западу от Красноярска и что он послал уже отряд в тысячу человек, чтобы «водворить порядок», так как город намерен пропустить чехов во Владивосток без всяких осложнений. Не доезжая до Мариинска, Эмерсон ознакомился в Главном штабе русских войск с предварительными условиями, выдвинутыми в отношении чехов, прежде чем они получат разрешение двигаться во Владивосток. Русские требовали полного разоружения чехов, а те дают обещание не вмешиваться в их внутренние дела; по прибытии во Владивосток русские возвращают чехам все иностранное снаряжение. В штабе соглашаются дать чешским отрядам охрану из русских солдат и комиссара и по 30 винтовок для охраны каждого поезда. Разрешается оставить сабли, шашки и кинжалы. Эмерсон отправился на переговоры с командиром 7-го Татрантского стрелкового полка 2-й Чехословацкой дивизии капитаном Кедлетом (так в книге У. Гревса, в современной литературе — Кадлец. — Т. К.). Являясь посредником для урегулирования споров, Кедлет заявил, что чехи разоружаться не будут. Эмерсон вновь появился в русском штабе, где сообщил о результатах переговоров. «Взволнованное первое лицо в штабе сказал: „Франция в 24 часа захватила Сибирь с помощью согласованных действий чешских войск“» (чехословацкая армия находилась в ведении верховного главнокомандующего Франции, курировал ее деятельность эмиссар Антанты, командующий союзными войсками в Сибири генерал М. Жанен. — Т. К.). Речь идет, скорее всего, о Т. П. Марковском.

Гревс У. Американская авантюра в Сибири (1918—1920). М., 1932. С. 28, 30—33.

- 5 Приехала Американская миссия во главе с полковником Эмерсоном с девятью человеками, затем Вейнбаум, член Центросибири Лыткин, Чудновский, Иванов Аркадий, Беленец (31 мая из Иркутска спецпоездом приехала делегация Центросибири во главе с Ф. М. Лыткиным, чтобы вести переговоры. — Т. К.). Спрашивают, в чем дело. Вейнбаум настаивает, если не наступать, то держать фронт. Здесь же узнали, что Красноярский Совдеп большинством голосов

- решил отступить и взять все золото, так как Парижская коммуна проиграла, не взяв золото. Представители Сибири Вейнбаум, Чудновский, Иванов, Маерчак поехали провозить Американскую миссию и в Мариинске заключили перемирие на протяжении всей Сибири на фронте между Мариинском и Иркутском на шесть дней: с трех часов утра 4 июня, срок истек 10 июня в час ночи. По окончании заключили второе перемирие — до 16 июня. Масленкин был против второго перемирия и на разговоры не поехал.
- Поздняков А. А. Хроника. Л. 637—639.**
У многих солдат в окопах были опасения, что чехи обманут с перемирием. Любили говорить о Дубровинском: «этот всегда с массой», «а наш-то, Яков Федорович, на Клюквенный махнул». Сразу почувствовалось, что задачу руководства фронтом не успели разрешить. «В руководстве фронтом нет ни одного большевика. Соловьев — левый эсер. О нем правильно сказал Замошин: „начнет двумя ротами командовать, они у него лбами будут стучаться“. А Барышников! Он начальник штаба! Пришел с отрядом из Боготола. Назывался анархистом. Ну, что это за человек? Длинный, как жердь, руки болтаются, поминутно курит, доставая папиросы из перекинутого через плечо футляра бинокля, целый день ничего не делает. Называет всех „дяденьками“ и ведет сладкие разговоры „по душам“». В ночь на 16 июня перемирие закончилось, чехи оружия сдавать не желают, а переправляются через р. Кию и обходят советский фронт слева. Дорога на Красноярск открыта. 19 июня он побежден контрреволюцией.
- КККМ. В/ф 8486/14. Шнейдер А. Д. О черных провалах на путях пролетарской революции. 1920-е гг. Л. 6—7. Рукопись.**
- 6 Из Красноярска никаких вестей не поступает. В город отправляется унтер-офицер 30-го стрелкового полка Тимофей Исаев, чтобы узнать, что там делается, и вернуться обратно. В Красноярске он получил информацию, что исполком бежал на пароходах на север, а белые вышли из подполья. Исаев поспешил к месту отряда, но отряда на месте не застал. Ушел на Знаменский стекольный завод (часть отряда на Мариинском фронте состояла из рабочих этого завода. — Т. К.).
- КККМ. О/ф 3229. Д. 4486. Автобиография-воспоминание Ольги Исаевой, члена КПСС с марта 1917 г. 7 августа 1957 г. Л. 11, 23. Машинопись.**
Из беседы А. Д. Шнейдера с А. А. Поздняковым 1 марта 1932 г. в Москве: «Партийный комитет решил, что на Мариинский фронт лучше послать Дубровинского и Шнейдера в качестве рядовых, чтобы рабочие видели рядом с собой руководителей. Соловьев руководить не умел. Кузнецов (меньшевик) и Дубровинский не верили в возможность сопротивления, но мысли об эвакуации не допускали. Марковский считал себя обреченным, состояние обреченности было у Кузнецова в последнее время, хотя был храбрым человеком. 16—17 июня красные отряды стали выходить из боя».
- Поздняков А. А. Хроника. Л. 762—766.**
Из разговора А. А. Позднякова с Шером Ильей Михайловичем 29 ноября 1949 г.: «По количеству наших войск на фронте было много. Лучшим отрядом был Красноярский как наиболее дисциплинированный. Хороший отряд также был мадьярский. В штабе не было коммунистов. Там были левые эсеры Соловьев и Ильин и бывший офицер Барышников (начальник штаба). Настроение вначале было боевое, а с течением времени оно падало. Военные занятия хорошо шли тоже только в первое время. Мирные переговоры действовали деморализующе. Наша разведка плохо была организована. Мы, рядовые, плохо были информированы об окончании перемирия, и поэтому было много самоуспокоенности». Впоследствии, уже в мирное время, участники тех событий указывали главную ошибку Центросибири: не надо было оставлять чешскую пробку в Канске и Нижнеудинске, а поскорее отправить чехов на восток.
- Поздняков А. А. Хроника. Л. 660, 668.**
- 7 Яковлевский прииск принадлежал на паях золотопромышленникам Войцеховским и Фуксманам и находился вблизи р. Тубы при ее впадении в Енисей.
- 8 Бело-зеленый флаг — символ Сибирского областного правительства. Белый цвет символизировал белые сибирские снега, зеленый — тайгу. Эти цвета были приняты и в Сибирской армии.
- 9 См. воспоминания очевидцев расправы с солдатами военного городка. Часть I. Прим. 13. С. 36—41.
- 10 Добров Иван Михайлович (? — 1919), горняк; входил в подпольную организацию приисковых рабочих на Южно-Енисейских приисках. Офицер Вальков сформировал здесь отряд в сто человек, держа рабочих в осаде. На Доброва было возложено руководство по ликвидации Валькова, на помощь из с. Тасеево прибыл большевик Н. Буда, с которым был составлен план ликвидации банды. В течение трех-четырех дней прииски были очищены от белых. С отрядом под названием Таежный, в количестве 130 человек, состоявшим из рабочих Южно-Енисейских приисков, И. М. Добров присоединился к отряду А. С. Масленкина во время второго наступления на с. Большемуртинское Красноярского уезда, был тяжело ранен и увезен в д. Малый Кантат, где скончался от гангрены. По другой версии — застрелился.
- Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. Красноярск, 1972. С. 186.**
- 11 Галкин Николай Александрович (? — 1928), генерал-майор, участник Белого движения. После прихода А. В. Колчака к власти воевал в составе Южной армии. Вместе с оставшимися войсками под руководством командующего Восточным фронтом В. О. Каппеля группа Галкина обошла Красноярск и затем с генерал-майором А. П. Перхуровым двинулась на север в обход по Ангаре. Участник диверсионного партизанского отряда против красных.

Воспоминания красногвардейца Костенко Петра Ивановича, участника военных действий на Мариинском фронте

- 12 28 октября (10 ноября) 1917 г. в Красноярске состоялось заседание объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Енисейской губернии. В этот день была опубликована телеграмма о низложении Временного правительства. Заседание началось около 11 часов вечера и длилось несколько часов. Проходило в здании Общественного собрания, где стоял стол, изрезанный надписями, и скамейки. Присутствовали: Г. Вейнбаум, А. и В. Окуловы, И. Теодорович, А. Перенсон, Н. Мазурин, В. Яковлев, А. Поздняков, И. Белопольский, Я. Пекарж. Левые эсеры: С. Лазо, А. Лебедева, М. Соловьев и др. Правые эсеры: Боголепова, Доценко. Анархисты: Коротнева и Каминский. Председательствовал Вейнбаум.
- Правые эсеры ушли, заявив, что не будут участвовать в противоправительственных решениях. Анархисты поддержали большевиков. Решено было создать Губернский комиссариат, который примет дела от Губернского правления. Военные занимают учреждения города, что возлагалось на солдатскую секцию под руководством Лазо, Позднякова и Соловьева. В комиссариат выделены Перенсон, Мазурин, Белопольский, Яковлев и Теодорович. Принято обращение исполкома к населению.
- 29-го, утром, все разошлись, кроме солдатской секции, которая решила действовать перед рассветом. Остановились на 10-й роте 15-го Стрелкового запасного полка из солдат, многие из которых были на фронте. Перед рассветом пошли в 10-ю роту, подняли, выстроили во дворе казармы. Взяли несколько десятков человек, разбили на три группы. Заняли губернскую типографию и казначейство — Поздняков. Никого не выпускали и не пропускали. Лазо и Соловьев заняли Государственный банк и телеграф, арестовали В. М. Крутовского. Почему все произошло так быстро? Рабочие и солдаты уже несколько месяцев знали только одну власть — Совет рабочих и солдатских депутатов, все произошло бескровно. Красноярск назовут «Сибирским Кронштадтом», это наименование дано было городу черносотенной газетой «Новое время».

Поздняков А. А. Хроника. Л. 322—328, 331—332, 36.

Следует отметить, что Красноярская партийная организация была самой сильной в Сибири. Она первая в апреле 1917 г. на Всесибирской конференции РСДРП разمهивалась с меньшевиками. 24 мая сторонники большевистской «Сибирской правды» («справдисты») окончательно исключили из своих рядов объединенцев. 16 (29) июля эсеры-интернационалисты примкнули к большевикам.

- 13 Спуска несколько лет А. А. Поздняков, находясь в Москве у А. В. Померанцевой, встретился с бывшим председателем Томского Совета А. И. Беленцом, который находился несколько дней на Мариинском фронте. Беленец высказал мнение, что Центросибирь не являлась руководящим органом для местных Советов, партийного руководства не было. Нужно было очистить дорогу от Красноярска до Иркутска, где стояло всего два эшелона чехов. Красноярцы же выставили небольшой заслон на ст. Ключвенной (Уяр). Лучше всех дрались и пострадали мадьяры. Отступление было хаотичным. Надо было уйти от железной дороги несколько километров, чехи туда бы не пошли. Это сделали потом партизаны.

Поздняков А. А. Хроника. Л. 668а — 668б.

Как сообщал 20 июня 1918 г. уполномоченный Западно-Сибирского комиссариата правительства автономной Сибири Н. В. Фомин в передовице «Сообщение о военных действиях с Мариинского фронта», в плен было захвачено около 600 красногвардейцев и несколько вагонов с продовольствием. 20 июня был арестован член исполкома В. С. Маерчак вместе со своим отрядом.

Воля Сибири. 1918. № 1. 22 июня.

- 14 Шведский и Норвежский Красные Кресты организовались одновременно в 1865 г., оба вошли в состав членов Международного Красного Креста. В 1907 г. министерство обороны Норвегии дает разрешение на организацию добровольной медицинской помощи в войнах. Оба Красных Креста приняли обязательства не принимать чью-либо сторону в военных конфликтах, сохраняя независимость. Помощь раненым на поле боя должна была оказываться, минуя всякую дискриминацию по национальному, религиозному и другим признакам. Помимо этого обе организации занимались устройством госпиталей и госпитального снаряжения, снабжением солдат одеждой, бельем, медикаментами. В Гражданской войне в России был задействован и Американский Красный Крест, который обслуживал только колчаковские войска.
- 15 Мысль о создании тайной офицерской организации зародилась еще на фронте до свержения правительства А. Ф. Керенского. Летом 1917 г. стало очевидно, что революция разложила армию. В октябре-ноябре идея создания организации возникла с новой силой. Через пункты, сформированные в Москве и Петербурге, офицеры тайно переправлялись к генералу А. М. Каледину, который пользовался большим влиянием, на Дон. После задержки большевиками нескольких партий стало очевидно, что массовый уход офицеров стал невозможен.
- В Сибири, лежащей по железнодорожной магистрали, в ее городах, стало заметно скопление офицеров, к которым протянулась буржуазия и интеллигентная молодежь. Как писал генерал В. Г. Болдырев в своих воспоминаниях, «началась опасная тяга офицерства с фронта в Сибирь, где идеалы казались более близкими офицерству и где материальное обеспечение было лучше».
- Воспоминания генерала В. Г. Болдырева. С. 74.**
- В апреле 1918 г. от Сибирского временного правительства в Красноярск прибыл полковник А. Н. Гришин-Алмазов, назначив командующим белыми повстанцами полковника В. П. Гулидова. Затруднение у подпольщиков возникло при отыскании и сборе оружия. Решено было воспользоваться тем, что солдаты Красной гвардии не ночуют в казармах, а также подкупом; таким образом, удалось проникнуть в казармы и захватить до сорока штук винтовок. Вскоре несколько членов организации попали под слежку большевиков. 18 июня был арестован начальник городской милиции, от которого потребовали выпустить всех полити-

ческих заключенных. 19 июня военная организация офицеров выбирает местом сбора своих сторонников местность около железнодорожных мастерских, куда к 12 часам сходятся все отряды. Выстрел в командующего вооруженными силами Советской власти Т. П. Марковского должен был стать сигналом к движению отрядов к центру города. К пяти часам вечера 19 июня Советская власть в Красноярске была свергнута. На ст. Енисей отправлен отряд для встречи Я. Ф. Дубровинского с Ключвенского фронта с двумястами красногвардейцами; Яков Федорович ничего не знал о том, что произошло в городе.

Гулидов приступил к формированию Енисейской стрелковой дивизии. Временно он подчинялся командующему Средне-Сибирским корпусом полковнику А. Н. Пепеляеву. Создается штаб командующего, начальником назначается полковник С. Барышников, начальником связи — А. В. Черкашин, управление начальника артиллерии возглавили В. В. и В. В. Зверевы. Быстро формируется 1-й Енисейский сибирский полк в составе четырех рот, преимущественно из офицеров, командир — полковник Б. М. Зиневич.

А-Ъ. К истории тайной военной организации // Свободная Сибирь. 1919. № 130 (516). 16 (6) июня.

Таким образом, сразу после того, как Красная гвардия потерпела поражение на Мариинском и Ключвенском фронтах, после побега Совдепа на север, в Красноярске и уезде поднялось офицерское подполье (численностью от 400 до 600 человек). К нему примкнули эвакуировавшиеся в Сибирь фабриканты, коммерсанты, домовладельцы и др. Освобождены были все заключенные, собрался прежний состав Губернского комиссариата (кроме В. М. Крутовского). К началу августа 1918 г. почти все города Сибири и Дальнего Востока были захвачены чехо-сибирскими войсками. В освобожденных городах возникли комиссариаты Временного Сибирского правительства.

Парфентьев П. С. (Петр Алтайский). Гражданская война в Сибири. 1918—1920. Изд. 2-е. М., 1924. С. 27, 29.

- 16 Чехи перед отступлением таскали за собой около шестисот груженых вагонов, очень тщательно охраняемых, заявляя, что это их продовольственные запасы. Когда при их передвижении на восток было предложено сдать продовольствие и получить эквивалент в Иркутске и Красноярске, то чехи категорически отказались; по данным контрразведки, вагоны были наполнены машинами, станками, ценными металлами, картинами, разной ценной мебелью и утварью и прочим добром.

Поздняков А. А. Хроника. Л. 816аа.**Воспоминания участника революционных событий 1917—1918 годов в городе Канске и уезде С. Г. Синицина**

- 17 Командиром отряда на Ключвенском фронте по предложению Г. С. Вейнбаума Т. П. Марковский назначил С. Г. Синицина, по профессии телеграфиста. Тогда же назначили и командующего фронтом Константина Кузнецова, пригласив дополнительно отряд железнодорожников. Синицин занимал место у разъезда Громадского, левее находились интернационалисты — мадьяры.
- Поздняков А. А. Хроника. Л. 656.**
- 18 К предстоящему бою готовы были и те и другие. У чехов по линии двигался броневик. Все как будто было приготовлено к хорошему бою, хотя многие бойцы в армии не служили, пришлось заниматься военной подготовкой на месте. Перемирие закончилось с 23 часов на 16 июня, и боевые действия с противником возобновились. Расшили путь, чтобы не прошел чешский броневик. Получили приказ обследовать район с. Ольгино, так как там замечены какие-то подводы. «Вошли в с. Ольгино пять человек, поднялись на высоту, и тут открылась непонятная картина. Отряд отходит вдоль линии железной дороги, а по линии — паровоз с двумя платформами, на них две пушки. У расшитого пути стоит чешский броневик. Почему отходят люди, кажется, и хорошего боя не было. Слышна нечаятая

пулеметная и ружейная стрельба. Двигаясь в направлении штаба, увидели отходящую группу мадьяр, они возбуждены и недовольны, что их покинули, не предупредив об отходе, вся сила чехов обрушилась на них. Чехов много, идут следом. Наши люди уходят за мадьярами. Вероятно, недостаточная военная подготовка не дала возможности устоять бойцам. Никого из руководства штаба увидеть не удалось. Отступили в полосу леса, Клюквенское осталось позади. Дорогу перегородило болото, свернули к железной дороге, где верховой предупредил, что красногвардейский отряд погрузился в вагоны двумя эшелонами и вот-вот тронутся в путь». Далее Степанов Николай Лаврентьевич вспоминает, что попал под обстрел чехов, был ранен в щеку и левое ухо, притворился умирающим, захрапел, как будто в агонии, чехи обшарили карманы, вытащили деньги... Поезд с красногвардейцами наткнулся на засаду и со всего хода врзался в хвост первого. Вагоны вздыбились, трещат, валятся, крики, стоны. Люди спрыгивают, бегут, падают, сраженные огнем белочехов. Всего было опрокинуто три эшелона. Автора воспоминаний спасло поле с высокой рожью... Добрался до Красноярска, а там истинного положения дел никто не знает. Марковский предлагает отправить разведывательный поезд с инженером А. Ф. Парадовским, минером Топоровым и с отрядом красногвардейцев. Задание: следовать в направлении противника, войти с ним в соприкосновение, установить его и донести штабу. Начальник связи — Степанов. Поезд состоит из двух паровозов и четырех-пяти вагонов, в одном — красноармейцы, в другом — инструменты и взрывчатка. Установили, что противник движется медленно и осторожно. Сообщили в Красноярск (телеграфную ленту потом автор сжег), получили приказ двигаться обратно, взрывать мосты, водокачки, снимать телефон, телеграф. Инженер А. Ф. Парадовский к взрыву водокачки отнесся отрицательно под предлогом, что это сложное сооружение и надолго выведет дорогу из строя. Да и взрывать мосты больше решал не он, а минер Топоров. То же было и на других станциях. Взорвали мост между Камарчагой и Таежным, между Сорокино и Зыково, снимали телеграф. Взорвали еще один-два небольших моста, вечером прибыли на ст. Енисей. Вернулись в Красноярск, кругом тишина, никакого движения. Дубровинский привел свой отряд в 20-х числах июня на ст. Енисей, где и сдал на условиях отпуска его по домам, а сам добровольно сдался. Присутствовали при разговоре о капитуляции Дубровинский, начальник штаба командующего Енисейской губернией полковник Березкин, начальник чешского отряда подпоручик Прейслер.

Воспоминания Степанова Николая Лаврентьевича. Л. 14—27, 32.

Эсеровская газета «Знамя труда» в разделе «Хроника» сообщала, что 19 июня в 9—10 часов вечера на ст. Енисей прибыл отряд Я. Ф. Дубровинского, которого дальше не пропустили. Дубровинский вызвал к аппарату начальника охраны капитана Калгатина, попросив пропустить отряд в Красноярск. Капитан заявил: «Вы хотите, чтобы мы приняли ваш отряд без боя?» Дубровинский ссылается на условия, заключенные «нашей делегацией, что мы входим в город с оружием в руках и всем гарантируется полная безопасность». Просит предоставить поезд, так как не понимает причину задержки. Калгатин: с кем заключены были гарантии? Дубровинский: наша делегация вела переговоры с чехами. На вопрос, где находятся члены исполкома, получает ответ: все бежали в Енисейск. Отряд разоружен, Дубровинский арестован.

Знамя труда. 1918. № 7. 26 июня.

«Условия капитуляции Рыбинского отряда советских войск 1918 года, июня 20-го дня, мы, нижеподписавшиеся: красноярский городской голова Яков Федорович Дубровинский, начальник чешского отряда подпоручик Прейслер и начальник штаба командующего Енисейской губернией полковник Березкин, заключили нижеследующие условия капитуляции Рыбинского отряда:

1. Сдача оружия (пулеметы, ружья, револьверы, патроны, ручные гранаты, бомбы и холодное оружие).
2. Ни один человек Рыбинского отряда (за исключением Дубровинского) не будет арестован или привлечен к следствию и суду и преследованию за какие-либо деяния (кроме носящих прямой уголовный характер), совершенные до момента сдачи отряда.
3. Переписи фамилий членов отряда производиться при сдаче не будет.

Полковник Березкин
Подпоручик Прейслер
Представитель делегации Рыбинского отряда
Я. Дубровинский».

Еще накануне сдачи отряд вышел на разъезд Свищево и увидел поезд с делегацией от железнодорожных рабочих во главе с меньшевиком Белоусовым, следующим для встречи чехов. Сдавшемуся отряду Дубровинского были предоставлены вагоны, и 20 июня (с датами в воспоминаниях небольшое расхождение. — Т. К.) он двинулся в Красноярск. При отходе от ст. Енисей поезд остановил чешский бронепоезд. Опять пошел разговор о капитуляции. Дубровинского отпустили для доклада своему отряду. Он попросил воспользоваться браунингом, чтобы покончить с собой, но получил отказ.

Позднее организатор первого Красноярского подпольного комитета В. Ф. Матушевский скажет: «И себя погубил, и люди погибли».

Запись с капитуляцией отряда А. А. Поздняков получил в тюрьме от члена отряда Вышковского, а затем передал жене при встрече в тюрьме в корзину, та спрятала бумагу в женском манекене.

Поздняков А. А. Хроника. Л. 784—785.

Из воспоминаний еще одного очевидца Клюквенского фронта — З. З. Громадзского. Был вызван в штаб Красной гвардии, где сообщили о восстании в Канске и Мариинске против Советской власти, и нужно ехать в заслоне первого отряда на сторону Канска. Красногвардейцам выдали: шинели, ботинки с обмотками, защитного цвета рубашки и штаны, фуражки, ремни и солдатские сумки. В числе 72 человек погрузились в небольшой эшелон. Оцепили пос. Клюквенский, перехватив тракт, идущий из села Рыбное. Начальник отряда Никифоров приказал отобрать 25 боевых ребят и с начальником конной разведки Шумяцким (брат старшего Б. З. Шумяцкого) выехать в село Рыбное. Увидели в селе белых офицеров и толпу народа — собрались на митинг. Обстреляли, офицеры разбежались. По прямому проводу связались с Красноярском. Вейнбаум приказал присоединиться к основному отряду в Клюквенском и не распылять силы. Стали прибывать вооруженные красноярские рабочие, два орудия и шесть пулеметов. Командующим фронта был назначен Кузнецов. Выкопали окопы в половину роста человека, оборудовали боевую позицию. С подкреплением численность отряда составила 1100 человек, но много было не обученных военному делу людей. Простояли несколько дней, роту отвели на отдых. Окопы заняли мадьяры и немецкие военнопленные. Громадзского отправили сопровождать на восток поезд с контрреволюционерами. В Красноярске набрал еще отряд, получил обмундирование и повел на посадку в эшелон. Провожал Марковский. Вернувшись, услышал стрельбу на ст. Клюквенской и побежал к своим позициям. Кузнецов приказал собрать всех на станции и вести на подкрепление. Разрывные пули чехов навели страшную панику. По пути к окопам встретил бегущих в панике к станции красногвардейцев. Ни угрозы, ни уговоры не помогали. Правый фланг отступил в панике, погрузился в эшелон на станции. На станции автор с Кузнецовым увидели большой эшелон, набитый красногвардейцами. Узнали, что это уже четвертый эшелон, который отходит в Красноярск. Громадзский успел заскочить в последний момент тронувшегося поезда, увидев стоявшую на площадке жену. Первым трем эшелонам удалось прорваться в Красноярск. Этот последний попал в засаду и слетел с развивающихся чехами рельсов на насыпь. Чехи открыли пулеметный огонь и забросали гранатами. Гранатой перебило раму сцепления, и вагоны покатались обратно в Клюквенскую. Уцелевших чехи выгнали к будке блокпоста, человек сорок, подобрали

тяжелораненых человек тридцать. Чехи отобрали мадьяр и немцев и тут же расстреляли. Остальных продержали дней десять на станции в запертых вагонах. Явился полковник Б.Ф. Ушаков, внимательно всех осмотрел и приказал конвою всех освободить, всем идти по домам. Были отпущены все до одного, не задержал никого.

Громадзкий З. З. Воспоминания. Л. 33—34, 36, 38—42. 20 июня 1918 г. в Красноярск прибыл 1-й Сибирский полк, сформированный в Томске, и эшелон чехов из Мариинска.

- 19 После неудачного боя Синицин хотел застрелиться, но его удержала медицинская сестра Е. Кристовская. На одном из последних составов Синицин доехал до ст. Енисей. Выдали ему в военном отделе 185 рублей. После эвакуации исполкома, на митинге железнодорожников, Синицин укорил рабочих, что они не сделали углярку для Ключевенского фронта. Поздняков А.А. записал это со слов Синицина при встрече 15 декабря 1949 года.

Поздняков А. А. Хроника. Л. 656—657.

Из воспоминаний Александра Александровича Позднякова

- 20 17 июня в низовье Енисея ушел первый пароход «Сибиряк» с ценностями Государственного банка, одновременно с ним «Николай» и «Тобол», а также три баржи с продуктами и углем. Для охраны — моторная лодка с пулеметами. Г.С. Вейнбаум, вернувшись после переговоров с чехами в Мариинске, отправился следом на катере «Стрела», около Казачинска его догнал «Сокол», захваченный мадьярами и латышами. 20 июня флотилия с членами исполкома добралась до Енисейска, по пути захватив пароход «Св. Иннокентий». Ценности банка переданы в Енисейское казначейство (подробнее см. комментарии к воспоминаниям Э.Я. Шульца). 22 июня прибыло еще девять судов, общее число их составило 13 (или 11), четыре судна отправлены обратно в Красноярск. 23 июня их остановил командующий В.Н. Яковлев на пароходе «Обь» и повернул обратно. До 27 июня флотилия стояла в Енисейске. В низовье Енисея большевики присоединили к каравану пароход «Лена».

Елисеенко А. Конец «плавающей республики». Речной бой на Енисее в июле 1918 г. // Сибирский исторический альманах. Гражданская война в Сибири. Т. 1. Красноярск, 2016. С. 130—134.

Как писала газета «Дело рабочего», уход и порча пароходов могли сорвать навигацию и обречь на голод часть населения Енисейской губернии, особенно Красноярска и севера. **Позорный конец // Дело рабочего. 1918. № 22 (47). 4 июля.**

Из Назимова (с. Назимовское Енисейского уезда) флотилия шла в следующем порядке: впереди разведка — «Стрела», за ней «Орел» с членами Совдепа, дальше «Обь», в арьергарде «Лена» (по рассказам служащих). Пароходы «Тобол» и «Николай» сочли непригодными и оставили. 12 июля «Тобол» прибыл в Красноярск, быстроходная «Ангара», под выстрелами, ушла еще раньше. Руководитель эвакуацией исполкома в низовья Енисея К.В. Кузнецов (в газете его инициалы названы неверно) издает 29 июня приказ о точном и беспрекословном подчинении всех служащих на судах. Кстати, меньшевики писали о нем как о порядочном человеке.

Последние сведения о наших аргонавтах // Дело рабочего. 1918. № 26 (50). 14 июля; Там же. № 29 (54). 1 авг.

Одна из причин усиления дисциплины — усиливавшийся саботаж на пароходах. Чтобы лишить пароход «Сибиряк» способности двигаться, его команда в Енисейске сняла подшипники с машины и убрала ремень с двигателя; а также побеги пассажиров с судов. На собрании членов исполкома решили, кто может спастись в одиночку — уходит.

Хроника // Воля Сибири. 1918. № 12. 6 июля.

Пароходы взяли направление на с. Монастырское. Во время нападения отряда М. Мальчевского («Енисейск», «Ангара», «Отважный», «Минусенок») флотилия находилась 7 июля на пристани Нижней Тунгуски. Первой правительственные суда увидела сторожевая «Стрела», которая с тревожным

свистком стала удаляться вниз. Неожиданное нападение сыграло свою роль. «Лена» снялась с якорей и направилась в сторону Енисея, выход в который был уже заблокирован. На борту виднелся командующий Кузнецов. Третьим снарядом с «Ангара» был пробит борт «Лены». «Обь» выкинула белый флаг, со «Стрелы» пассажиры стали высаживаться на берег. На четырнадцатый день преследования (для этого остался «Иртыш» с пулеметами) на р. Тунгусе было арестовано около 45 человек, затем еще 38. Большевицкая газета «Дело рабочего», которая освещала подробности захвата флотилии, а также другие проправительственные газеты дали полную волю воображению в оценке поведения беглецов. Правда, отметили, что Марковский при задержании держался высокомерно. Комиссар по борьбе с контрреволюцией Печерский вел «себя гнусным образом», прося пощады и обещая раскрыть секреты Совдепа. Белопольского убили в лесу шрапнелью (расстрелян 24 октября 1918 г. по решению чешского суда); в лесу зарезалась бритвой Архипова (умерла своей смертью через несколько лет). Кузнецов, предположительно, был убит пулеметной очередью во время ужина рыбы (во время побега убит крестьянами одной из деревень). Золото белые забрали все, кредиток насчитали 15—16 миллионов.

М. М. Подробности захвата флотилии Красноярского совдепа // Дело рабочего. 1918. №28 (53). 28 июля; Хроника. Из отряда полковника Мальчевского // Свободная Сибирь. 1918. № 62 (274). 28 (15) июля; Там же. № 63 (275). 30 (16) июля.

«Мальчевский достиг большевиков у Монастыря. Большевики бежали, бросив золото, деньги и продовольствие. Взято в плен 100, убито 7, ранено 2 человека, в нашем отряде потерь нет. Получена следующая телеграмма: „Енисейск, 21 июля. Сегодня вечером прибыл пароход „Иртыш“ с отрядом капитана Черемнова, оставленный в с. Монастырском для поимки скрывшихся главарей Совдепа. Капитан Черемнов захватил 38 человек, среди них Марковский, Лебедева, Печерский, Топоров, Анисимова, Савитов; Дымовы оба убиты. Кузнецов и Вейнбаум бросились без пищи в тундру. Яковлев арестован казаками в д. Селиванихе и находится по стражей в с. Монастырском. Денег взято 157 тысяч. В отряде кап. Черемнова жертв нет».

Шекшеев А. «Город ожил, Совет бежал, появилась новая власть...». Выписки из дневника штабс-капитана Владимира Зверева. Публ. и коммент. А. Шекшеева. Сайт: Сибирские огни. рф.

Совдеп 17 июля потерял у села Монастырского 20 человек убитыми и 5 ранеными, около ста человек сдались в плен.

Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 285.

- 21 23 июня 1918 г. Енисейский губернский комитет партии Народной свободы (кадеты) опубликовал в своей газете «Свободная Сибирь» воззвание «Граждане», в котором сообщил о низвержении власти большевиков: «Совдеп позорно бежал вниз по Енисею, захватив всю флотилию, весь золотой запас Государственного банка. Власть переходит Временному Сибирскому правительству».

Свободная Сибирь. 1918. № 34 (246). 23 июня.

Из воспоминаний А.М. Бакланова «Поездка с экспедицией в Туруханск» (Бакланов — служащий на пароходе «Отважный»):

«Вернулись мы из Минусинска, стали к пристани, а нас караул к дверям не пускает. Явились прапорщики, поставили пулемет на палубу, оружие. Поехали в Енисейск, там еще лучше забронировались. В Енисейске стоял „Дедушка“, кажись, разобранный. Собрали и с нашим „Отважным“ взяли. Наблюдали за нами все время, чтобы не ушли. Дорогой на остановке справлялись, когда прошли большевики. Приехали в одну деревню, все крестьяне вышли с хлебом, солью. Встречали с почетом, ругали большевиков. Сообщили, что большевики собираются днеть в Туруханске, бросили часть пароходов. Стали подвезжать к Туруханску, нагнали пары. Из-за острова выехали, стоит „Стрела“. Спал ли часовой, но нас подпустили близко и только тогда стали давать свистки и пошли. Пароходы зашевелились, а мы преградили им путь к океану, стали обстреливать „Лену“ и „Орел“. Пароходы выбро-

силься на берег. С них начали прыгать люди. С наших пароходов стали стрелять из пулеметов и винтовок. Многих убили тут. Суда взяли в плен. Нашу команду не выпускали. Караулы на парах, назначают солдат. Остальных послали на розыски. Лебедеву взяли первую, привезли на катере, держа штыки над головой. Вейнбаума взяли ниже Туруханска, привезли на катере. Мы не видали, куда его дели. Когда брали в тайге пленных, их приводили и сажали в трюм, в лихтера. К вечеру приходили группы с белыми флагами. Когда набрали, нас отправили экстрой в Красноярск. Остались все другие пароходы и лихтера. Раненых пулеметным и ружейным огнем добывали. Пленные копали могилы и складывали мертвых. На могиле поставили осиновый кол: „заслужили, осиновый кол получили“.

КККМ. О/ф 12105/2Д 10041. Из записей А.К. Фефеловой. Л. 9—10об.

- 22 Енисейский губисполком эвакуировался на север с отрядом не менее 600 человек (по свидетельству А. А. Позднякова). Во время эвакуации в городе уже действовали небольшие белогвардейские отряды и часть рабочих под руководством анархистов. Эвакуация проходила неорганизованно и спешно, забыли раненого (ранен в плечо) Т. П. Марковского, который догонял флотилию на моторной лодке. События складывались неожиданным образом для большевиков, прежде всего во взаимоотношениях с рабочими города, которые являлись авангардом в двух революциях. Безусловно, сказались поражения Мариинского и Ключевенского фронтов, неорганизованность и растерянность Советской власти, большие потери. Некоторые причины указывает в своих воспоминаниях А. А. Поздняков. 18 июня 1918 г. Степанов Николай Лаврентьевич, воспоминания которого уже приводились выше, после отступления с Ключевенского фронта добрался до Красноярска. Вскоре прибежал телеграфист Жаров, сообщил, что в мастерских был митинг, эсеро-меньшевики заявили, что большевики увозят золото, стреляли и ранили Марковского. Совдеп с отрядом грузятся на пароходах и отбывают вниз по Енисею. 18 и 19 июня в железнодорожных мастерских проходят митинги с требованием объяснить, почему происходит вывоз ценностей и продуктов. Накануне, перед эвакуацией, красногвардейцам раздали теплое белье, многие ушли переодеваться и не вернулись. На лихтеры поставили печи. Исполком сжег документы штаба. Когда грузились на пароходы, людей обстреливали с дворов, с набережной, из реального училища. В это время по городу скакали с белыми повязками офицеры, гимназисты, купеческие сынки. Хватали всех, кто появлялся без белых повязок. Чеканя шаг, прошла по площади чешская комендатура, немедленно освобожденная из тюрьмы. Вскоре пожаловал в Красноярск и победитель — Гайда. Узнали о судьбе Совдепа и отряда. И что помогли карателям своей предательской работой капитаны пароходов — «пароходная знать». Они всячески саботировали, задерживая пароходы с отрядом. Сам Степанов долго скрывался с товарищами на островах, Столбах, спали на мху, питались тем, что оставляли столбисты.
- Воспоминания Степанова Николая Лаврентьевича. Л. 27—31.**
- 23 Споры и разногласия членов Совдепа усилились на границе тундры, хотя острые дебаты шли еще накануне отъезда. Некоторые доказывали абсурдность путешествия по океану на речных пароходах. Белопольский предлагал бой, остальные не соглашались. Г. С. Вейнбаум предлагал доехать до Енисейска и там уйти в тайгу. За несколько дней до бегства Вейнбаум провел переговоры по прямому проводу с С. М. Иоффе, главой исполкома Енисейского Совета, интересуясь о принятых мерах по использованию Обь-Енисейского канала, которым предполагалось пройти до Оби и далее в море и в Енисей. Иоффе сообщил, что с канала недавно прибыл катер «Стрела», по показанию которого следует, что канал непроходим. Далее Вейнбаум ставит в известность Иоффе о перемирии с чехами, истинные намерения которых неизвестны, а также об эвакуации Томского военно-революционного штаба, который забрал с собой все продовольствие, деньги, вооружение, всех солдат, оставив Сибирскому правительству город без все-

го (Вейнбаум преувеличивает «трофеи» Томского исполкома. — Т. К.). Иоффе жалуется на оторванность от центра из-за нарушения работы телеграфа, но есть возможность установить связь с Тасеевом, которое объединяет весь север Канского уезда. Вейнбаум уточняет время, за которое можно добраться до Тасеева, и можно ли попасть оттуда в Иркутск. Получает ответ: в Иркутск попасть невозможно, если отправляться в Тасеево (пешим способом) — до девяти и более дней. Можно автомобильным трактом на лошадах. Газета «Дело рабочего» писала, что при передвижении на пароходах члены Совдепа покупали коров и мануфактуру, за корову оставляли двух лошадей.

Свободная Сибирь. 1918. № 48 (260). 11 июля (28 июня). Таким образом, не исключалась возможность использования сухопутного пути при перемещении по территории губернии. Помимо вышеуказанных направлений, исполком рассматривался остров Диксон (закупалась меховая одежда), скорее всего, как временная остановка, где ожидался приход морских судов «Вайгач» и «Таймыр» для оборудования радиостанции. Ранее рассматривалось отступление в Минусинский уезд с возможным переходом в Урянхайский край.

- 24 26 июля в Красноярске встречали флотилию из пяти пароходов, двух лихтеров и катера, доставивших 237 или 238 совдеповцев и красногвардейцев. Публику пропускали по пропускам, выстроились роты добровольцев, чехов, казачий дивизион, пулеметная и артиллерийская команды. На пристани много людей, здания украшены зеленью, флажками. Приличная публика приезжает на автомобилях. Показываются четыре парохода, всего восемь судов. Впереди «Орел», на нем Мальчевский. П. С. Доценко, заведующий военным отделом, и депутация из дам преподносят участникам экспедиции хлеб-соль, Мальчевскому — икону Божией Матери с Младенцем. Узников так никто и не увидел, они находились на лихтерах на Енисее. Войска с музыкой проследовали в город. Несколько журналистов освещали события встречи, в том числе сотрудник газеты «Воля Сибири» В. С. Митич.

Свободная Сибирь. 1918. № 62 (274). 28 (15) июля.

- 25 Объявление к гражданам гор. Енисейска: «Ввиду нахождения в окрестностях гор. Енисейска вооруженных отрядов красногвардейцев и красноармейцев, мною введено военное положение для обеспечения полного порядка и безопасности граждан. Население города должно спокойно отнестись к введению военного положения, так как обстоятельство военного времени заставляют принимать все меры, обеспечивающие безопасность войск и спокойствие населения. Получив приказ ликвидировать большевистское засилье в Енисейском уезде и отнять ограбленную большевиками народную казну, призываю население помочь мне в этом деле спокойным и сознательным отношением ко всем моим приказам. После ознакомления мною с положением дел в городе и уезде и установления порядка военное положение будет снято.

Начальник отряда войск
Сибирского Временного правительства
Подполковник Мальчевский

30 июня 1918 г.

Г. Енисейск».

КККМ. О/ф 13146/58. 1 л.

- 26 А. А. Поздняков вспоминал, как в беседе у А. В. Пономаревой в Москве 1 мая 1952 г. с бывшим председателем Томского Совета А. И. Беленцом тот напомнил, как предостерегал Г. Вейнбаума от ошибки томичей в вопросе об эвакуации. Эвакуацию Томска, который стоял в стороне от железной дороги, спровоцировала телеграмма о взятии чехами ст. Тайга, вызвавшая в городе панику. Томские большевики успели взять часть оружия, боеприпасов, из банка изъяли небольшие суммы, золото, серебро, другие ценности эвакуировать не успели. Организацией эвакуации партийных и советских работников занимался комиссар продовольственного отдела М. И. Сумецкий. В ночь с 30 на 31 мая Томский Совдеп с батальоном интернационалистов от-

правился на буксире «Ермак» с баржей и двумя пушками на ней и пароходе «Федеративная республика» с двумя пулеметами на борту вниз по течению р. Томи. Отряду общей численностью около 400 человек под командой венгра Ф. Мюнниха предстояло преодолеть до Тюмени 2700 км. По прибытии в Нарым наведались в казначейство, телеграф, больницу, в которую передали медикаменты, белье. На телеграфе обнаружили циркуляр из Томска с требованием задержать большевиков. Вывели из строя телеграф и отправились в направлении Тобольска. Весь рейд, с несколькими остановками, занял 10 суток. 10 июня 1918 г. флотилия прибыла в Тюмень (город находился за линией фронта). Сюда же эвакуировались партийные и советские работники из Омска с Западно-Сибирским штабом и речниками, всего около тысячи бойцов. К середине июля обстановка в Тюмени резко ухудшилась. Решено было вместе с флотом идти на Северо-Урало-Сибирский фронт (фронт был образован по приказу Л. Д. Троцкого от 14 июля 1918 г. в Екатеринбурге для борьбы против частей Чехословацкого корпуса и Белой армии). Флотилия численностью около 50 пароходов и свыше 70 барж, собрав около двух тысяч человек, под командой П. Д. Хохрякова отправилась по р. Туре к г. Туринску (к июлю 1918 г. Восточный фронт на северо-востоке доходил до Туринска). Чтобы остановить преследование белых, распустили плоты, которые закупорили реку. Так флотилия дошла до Туринска. Часть членов Совдепа ушли в горные заводы и в тайгу, у многих жизнь трагически там и оборвалась. В разговоре А. И. Беленец возмущался поступком тобольчан, томичей и омичей, Вейнбаум защищал (оба встречаются на переговорах с чехами в Мариинске): — Смотри, Григорий, не повтори томского опыта. К сожалению, повторили.

Поздняков А. А. Хроника. Л. 779а — 779б; Рябков В. В. Центросибирь. Иркутск, 1949. С. 68; dom-knig.com; Гудки над Обью (Западно-Сибирское пароходство): bsk.nios.ru.

Воспоминания Печерской Е. К., участницы событий 1918 года

- 27 Рабочие Красные Кресты создавались советами профессиональных союзов во многих городах. Средства собирались через прессу, добровольные пожертвования, кружечные сборы. С приходом к власти Колчака многие были вынуждены уйти в подполье. Снимались вывески, возбуждавшие новую власть, члены Красных Крестов скрывали свои имена. Однако и в таких условиях оказывалась помощь находившимся в тюрьмах людям, их семьям, помощь медикаментами партизанским отрядам, а также изыскивались средства для нужд подпольных организаций. В Красноярский Красный Крест в этот период входили И. Кристовская, А. Рухлова, О. Исаева, А. Гун, А. Свищева, З. Шахматова и др. **Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов. 1917—1919. Новосибирск, 1928. С. 79—80; КККМ. О/ф 3229. Д. 4486. Автобиография-воспоминание Ольги Исаевой, члена КПСС с марта 1917 г. Л. 16.**
- 28 Списки расстреливаемых людей составлялись в штабе генерала С. Розанова. Фактически власть в Красноярске принадлежала чехам. Тюрьма, из которой брались на расстрел заложники, находилась в их ведении. Без согласия коменданта тюрьмы Кнаппа ни один человек не мог быть выведен из нее, ни для освобождения, ни для расстрела. На расстрел обычно брали ночью. Людей везли связанными в телеге по окраинам города в сторону Троицкого кладбища. Некоторых заставляли ложиться и закрывали брезентом. Большинство умирали спокойно, героически. **Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. Петроград, 1923. С. 137, 164.**
- 29 В книге «Сибирь при Колчаке» Е. Е. Колосов пишет, что среди итальянцев, находящихся в Красноярске, было много спекулянтов, а их полковник был настоящим колониальным бурбоном. Он устроил скандал одной из заключенных в местной тюрьме (с. 149). Этим «бурбоном» оказался итальянский полковник барон Фассини-Комосси, коман-

довавший Итальянским экспедиционным корпусом. Его жертвой должна была стать Зинаида Гущик, большевичка, организатор Союза молодежи в Минусинске, арестованная сразу после переворота. Во время обыска в женской казарме «бурбон» долго и пристально смотрел на красивую девушку, чем вызвал ее беспокойство, которым она поделилась с подругами по камере. Вскоре Гущик получила приглашение для «беседы». Боясь насилия, Зина отправилась в адрес прокурора Красноярского окружного суда (Д. Е. Лаппо). Приводим его полностью:

«Г-ну прокурору Красноярского окружного суда
Политической заключенной
Красн(оярской) губ(ернской) тюрьмы
Зинаиды Ефимовны Гущик

Заявление.

13 декабря 1918 г.

В воскресенье, 8 декабря с. г., в камеру пришел г. помощник начальника Башуров и предложил мне следовать за ним в контору. Я думала, что меня вызывают на допрос в Следственную комиссию, и была очень удивлена, когда увидела г. начальника итальянского отряда, фамилия которого мне неизвестна, но который производил у нас в камере обыск накануне 7 декабря. С ним был, по-видимому, также итальянский офицер, который ни слова не говорил по-русски. Оба они прошли в кабинет г. начальника тюрьмы и г. начальника отряда, пригласив меня, удалили помощника г. Башурова. Первые же заданные вопросы со стороны г. начальника отряда вызвали у меня недоумение: почему, состоя за Енисейской губ. Следственной комиссией, я подвергаюсь опросу нового лица без всяких знакомых мне формальностей и в тоне частного разговора. Я скоро поняла, что это не допрос. Г. начальник отряда заявил мне, что он обратил на меня внимание на обыске и приехал специально для меня. Дальнейший разговор заключал в себе расспросы о моем семейном положении, о моем самочувствии в тюрьме и оскорбительное для меня предложение материальной помощи и материальных услуг, а именно: положить для меня деньги, предоставить мне отдельную камеру, улучшить питание и т. п. Я отклонила эти предложения и выразила удивление перед его настойчивостью. Затем г. начальник отряда обещал мне немедленное освобождение и даже доставку в Петроград для свидания с моим отцом, если я захочу. Наряду с этими предложениями и обещаниями г. начальник отряда подчеркивал, что я нахожусь в полной его власти и, в случае отклонения его просьбы, меня ждет суровая кара. В заключение он заявил, что даст мне два дня на размышление и что через два дня снова будет говорить со мной и я должна согласиться на его предложение или поплатиться за свое упорство.

Ввиду всего вышеизложенного, принимая во внимание смысл для меня этих обещаний и угроз со стороны совершенно незнакомого мне, но облеченного властью лица, я прошу Вас принять меры к ограждению меня от насилий, могущих быть последствием подобных частных разговоров.

13 декабря 1918 г.

З. Гущик».

Внизу мелкими буквами надпись: «ныне расстреляна».

КККМ. В/ф 12466/1. Л. 1. Машинопись. Копия с копии.

И, вероятно, «бурбон» отомстил. После инсценировки суда Зина Гущик и Янина Пекарж были отданы на растерзание в казачью казарму, а затем расстреляны, так свидетельствуют подруги по камере. В фондах Красноярского краевого краеведческого музея сохранились две одинаковые фотографии Зины Гущик, снятые в Петербурге (родилась и выросла там). На обороте одной сохранилась надпись большевика Н. С. Кратюка, бывшего ссыльного, комиссара Минусинского уездного дома заключенных в 1918 г. (автор записки установлен н. с. музея Е. В. Ярыгиной). Приводим полностью:

«Товарищу Зине. Мой последний привет... За тебя, дорогая, мы отомстим в свое время. Спи спокойно, милая сестра. Крат(юк).

Справка. Зину в Красноярской тюрьме в 1919 г., летом, хотел взять итальянец — комендант тюрьмы. На второй день вся тюрьма подняла протест. Вызывали губернатора. А в сентябрь т. г. Зину увели в штаб казаков. Офицеры издевались

над Зиной как над женщиной и потом бросили казачьей орде в казарму. Там ее и покончили. Изрубили шашками и как мишень поставили к расстрелу. Она, Зина, была вторая жертва минусинских революционеров, пострадавших от бандитов-палачей (первая жертва — Ф. Герасимов, труп которого посадили в коляску и пустили по городу (З. Гущик взяла коня под уздцы и повела по минусинским улицам, что вызвало возмущение и протест в городе против бесчинств. — Т. К.). В изнасиловании Зины и убийстве ее участвовали казачьи офицеры (16 чел.), сидевшие в Минусинской тюрьме в 1918 г., арестованные в Таштыпе у атамана Сотникова. Н. (Крат(юк)).
Зина Гущик была расстреляна 17 сентября 1919 г.

Письмо Э. Я. Шульца в редакцию газеты «Дело рабочего»

30 «Дело рабочего» — меньшевистская газета, выходила в Красноярске в 1917—1918 г. Ответственный редактор В. Матасов. 31 июля 1918 г. проэсеровская газета «Воля Сибири» сообщила о получении на днях газетой «Дело рабочего» письма главного сотрудника «Рабоче-крестьянской газеты» Шульца, бежавшего из Енисейска вместе с Замощиным, в котором он опровергает «клевету буржуазной прессы об его содействии к хищению и растрате денег. Он-де с Замощиным содействовал охране народного достояния, сдал его в Енисейское казначейство. Он вынужден был подчиниться военной власти». Газета не сочла возможным опубликовать письмо Шульца. Известно, что «Шульц и Замощин доставили в Енисейск 22 миллиона вместо 32 денежных знаков».

Хроника // Воля Сибири. 1918. № 31. 31 июля; Там же. № 32. 1 авг.

31 «Знамя труда» — официальный орган Енисейского губернского комитета эсеров. Организован членом Учредительного собрания эсером Н. В. Фоминым в мае 1917 г. «Знамя труда» также не печатало письмо Э. Я. Шульца. Оба письма были отправлены из Новониколаевска.

32 В ночь на 17 июня председатель Енисейского губисполкома В. П. Демидов, заведующий финансовым отделом Русско-Азиатского банка М. П. Замощин и директор банка Э. Я. Шульц вывезли из Красноярского отделения Государственного банка 165 слитков золота весом более 34 пудов, 400 тысяч рублей серебром, 32,2 миллиона рублей. Газета «Воля Сибири» в разделе «Хроника» сообщает свою версию, как изымались ценности. Без ключей, которые находились у служащих банка, пройти в кладовую было невозможно. Замощин вызвал чиновников с ключами и распорядился открыть кладовую для приемки полутора пудов золота из золотосплавочной лаборатории. Так как подобные приемки происходили нередко, подозрения они не вызвали. Действительно, золото из лаборатории было получено. Пока шла его приемка, Шульц и Замощин разговаривали по телефону с исполкомом. Когда приемка была закончена, ворвалась группа красноармейцев и объявила чиновников арестованными. Всего похитили 32 пуда золота, свыше четырех миллионов рублей, 32 миллиона кредитных билетов, более одного миллиона ценными бумагами, серебром.

Воля Сибири. 1918. № 1. 22 июня. Газета начала выходить с 21 июня.

Ревизия Государственного банка выяснила тот же состав похищенных ценностей, сообщив, что в банке осталось после изъятия полтора пуда золота и на миллион кредиток.

Хроника // Дело рабочего. 1918. № 21 (46). 30 июня.

33 Телеграфные переговоры Э. Я. Шульца и Т. П. Марковского. Переписаны А. К. Фелеловой с сохранившейся катушки с записью. 19 июня 1918 г. Машинопись. Текст приводится в том виде, как был скопирован.

Телеграфные переговоры № 4. Казачинск — Красноярск (начало ленты оборвано):

«— ...Мы готовы быть полезными делать, что можем, но от вас никаких распоряжений, что с Минусинском. Шульц.

— Красноярск. В чем дело. Марковский.

— Сейчас прибыл в Казачинское, вчера нас догнал Терский на Орле и от имени Яковлева потребовал возвращения судов нашего каравана Сибиряк и Тобол в Красноярск; я такому распоряжению не считая возможным подчиниться и направился дальше, забрав с собой и Орла, жду подробных распоряжений. Я вернул в Казачинское пароход Дедушка. Шульц.

— Приказание Яковлева подлинное, сейчас к вам по этому вопросу едет на Стреле Вейнбаум, перед Стрелой едет Сокол, захваченный солдатами. Главным образом, из числа военнопленных с оружием и двумя пулеметами, примите все меры к тому, чтобы обеспечить безопасность наших пароходов. Марковский.

— (Лента оборвана.) ...Я принимаю сейчас все меры, чтобы уйти из дурацкого положения. Дедушку с ценностями отправляю в Енисейск, остальные пароходы пойдут вслед. Шульц.

— Этого делать нельзя, вам необходимо задержаться на месте до приезда Вейнбаума или до распоряжения отсюда. Марковский.

— А что делать в случае нападения, у меня нет достаточных сил. Шульц.

— Нападение возможно, но более возможно, что интернациональная рота не предпримет никаких попыток, распорядитесь так, чтобы можно было соответствующему пароходу уходить на Енисейск, тогда как другие пароходы должны прикрывать это движение, хотя бы путем гибели одного из них. Марковский.

— Не лучше ли ценности отправить на берег и направить на лошадях дальше. Шульц.

— Это будет зависеть от обстоятельств, в частности от тех, в которых вы можете очутиться при нападении, но к этой мере надо прибегнуть в последний момент. Марковский.

— Когда вышел Сокол и Стрела. Шульц.

— Сокол вышел вчера 18-го 10—11 часов вечера, через час вышла Стрела, на которой находится небольшой отряд и Вейнбаум. Марковский.

— Вы уверены, что Стрела доберется до меня. Шульц.

— Да, я думаю, я уверен, что Стрела догонит Сокол раньше Казачинска, если она придет в Казачинское, то придут вместе. Марковский.

— Я боюсь, как бы Стрела не была Соколом уничтожена. Во всяком случае, будь уверен, что будут приняты все меры и средства для спасения порученных мне ценностей и отражения всяких нападений, я кончаю и иду обратно на пароход, время не терпит, вы вызовите меня или вас вызвать после ликвидации, если из нас кто останется. Шульц.

— Вызовите меня, держитесь спокойно, не сдавайтесь, не создавайте паники на пароходах, я почти убежден, что нападения не будет, но осторожность никогда не мешает, не делайте неосторожностей, могущих вызвать панику. Марковский.

— Как дело с чехословаками, кратко в двух словах. Шульц.

— На фронте медленное продвижение их, Кузнецов с частью отряда вернулся. На западе чехи в Боготоле, тревожное настроение в массах, возможен внутренний кризис. Марковский.

КККМ. В/ф 12466/4. 2 л.

На «Соколе» находились мадьяры и латыши. Опасения Э. Я. Шульца были вполне обоснованны. Если верить меньшевистской газете «Дело рабочего», то Г. С. Вейнбаум прибыл в Енисейск на «Стреле» с рабочей делегацией почти одновременно с военнопленными с целью уговорить беглецов вернуть награбленное (вещи, продукты, оружие) и вернуть пароходы. Еще на пути следования Вейнбаум и делегация подвергались аресту или находились под стражей. Руководителям Красноярского и Енисейского исполкомов удалось добиться сдачи золота в местное казначейство. Вероятно, что и с передачей ценностей в Енисейское казначейство были какие-то препятствия. Как писала кадетская газета «Свободная Сибирь», одному военнопленному из команды «Ангарты» другие военнопленные предлагали перейти на их пароходы, полагая, что им придется заменить всю команду своими людьми. А после выхода в море выкинуть за борт русских и уйти с золотом в Архангельск, а оттуда в Германию. Военнопленным в Енисейске предложили отправиться вверх по Ангаре, однако многие вер-

нули обратно. Латыши позднее были разоружены, часть из них ушла на Северо-Енисейские прииски.

Енисейский уезд // Дело рабочего. 1918. № 22 (47). 4 июля; Бой «Ангары» с большевиками (из рассказов команды) // Свободная Сибирь. 1918. № 57 (269). 23 (10) июля.

Почему К. В. Кузнецов, занимавшийся эвакуацией пароходов, хотел их вернуть? Были свидетели, которые говорили, что в это время он сильно нервничал. Полагаем, что причина кроется в расколе среди членов исполкома уже во время самой эвакуации. Г. Вейнбаум не собирался ехать на север, однако, нагнав на «Стреле» товарищей, остался. «Олимп» Красноярской власти хорошо осознавал и моральную сторону своего бегства. Рабочие Красноярска потребовали на митинге 18 июня объяснений от Вейнбаума, который после долгого молчания заявил, что вывоза имущества на пароходах не предполагается. Откровенно о сложившемся положении рассказал прибывший следом К. В. Кузнецов, чем вызвал еще большее негодование. Рано утром следующего дня рабочие с подоспевшими эсерами отбили несколько подвод с оружием у штаба Красной армии, окружили железнодорожные мастерские, взяли под охрану мост. Оружие удалось отбить, когда появился автомобиль с красногвардейцами и пулеметом. В тот же день рабочие намеревались задержать пароходы, снимали по городу красногвардейские посты.

А. Б. (автор) // Воля Сибири. 1918. № 1. 22 июня.

Как сложились дальнейшие судьбы М. П. Замощина и Э. Я. Шульца. Как сообщала газета «Свободная Сибирь», оба были арестованы в Барнауле в августе 1918 г. Первого узнали на пристани. Во время ареста Замощин назвался Островским, сославшись на знакомство с городским головой Николаевым. Тот подтвердил, что перед ним Островский. Замощина комендант собрался уже отпустить, как служащий Трудсоюза настоял на его настоящей фамилии. После ареста М. П. Замощин и Э. Я. Шульц были приговорены к каторге, 10 мая 1919 г. расстреляны как заложники.

Хроника // Свободная Сибирь. 1918. № 78 (290). 17 (4) авг.

Воспоминания Сидорова Владимира Корниловича «В борьбе за власть Советов»

- 34 Перед приходом пароходов флотилии в Енисейск местные красногвардейцы были настроены воинственно, намереваясь при необходимости перейти к партизанской борьбе. 22 июня в город прибыла эскадра на 9 пароходах с беглецами из Красноярска, всего оказалось 13 (11) пароходов. По приходе стояли на якорях. Кто-то из Красноярска дал телеграмму, пароходы были встречены местной вооруженной силой — красногвардейцами. Затем суда пристали к берегу, золото и деньги сгрузили в казначейство. Красноярские красногвардейцы и охрана с военнопленными австрийцами находились на пароходах «Тобол» и «Дедушка». Руководством Совдепа предполагалось, что пароходы «Иртыш», «Дедушка», «Орел» и «Тобол» уйдут вниз со всеми припасами, а остальные суда приведут в негодность. Ходили слухи, что пароходы уйдут в море до Архангельска и деньги большевики хотят взять с собой. Т. П. Марковский какое-то время лежал в Казачинской больнице. Многие бежали, сначала их задерживали, вскоре было объявлено, что большевики отпускают желающих уйти. Стояли у Казачинского сутки. Около пристани пароходы обстреливали. Общения пароходов и каких-то групп не было. На пароходах все было спокойно: ни пьянства, ни ссор не было.
- Рассказы беженцев с пароходов из Енисейска // Свободная Сибирь. 1918. № 37 (249). 28 (15) июня.**

- 35 «Вайгач» — транспортное судно с ледокольными приспособлениями, строилось на Невском судостроительном заводе. В 1918 г. совершало плавание под командой Б. А. Вилькицкого (сына известного гидрографа, исследователя Карского моря А. И. Вилькицкого) в Енисей для установки радиостанций. В этой экспедиции «Вайгач» погиб, наскочив на риф у Ефремова Камня. Экипажи, числом 23 человека,

большая часть с погибшего корабля, остальные со второго судна — «Таймыр», снялись и после длительного путешествия добрались до Красноярска. Помимо устройства радиостанций в Дудинке и на Диксоне, а также изучения возможности устройства порта в устье Обь-Енисейского залива, оба судна должны были загрузиться зерном в связи с тяжелым продовольственным положением в Советской республике. Коллегия Народного комиссариата выделила экспедиции аванс в один миллион рублей. В. К. Сидоров упоминает о том, что «Вайгач» должен был забрать членов Совдепа в низовье Енисея, которым было известно о приходе судов (скорее всего, узнали в Енисейске или Казачинске, где с перерывами работал телеграф). Точнее, надеялись, что могут попасть на «Вайгач».

- 36 Проэсеровская газета «Воля Сибири» 27 июня 1918 г. напечатала статью «Вести из Енисейска», из которой следовало, что в городе шли слухи о создании в с. Казачинском центра по борьбе с Сибирским временным правительством под руководством т. Марковского. Однако настроение у беглецов подавленное. Бывшие комиссары Коган и Замощин уже бежали с пароходов. Совдеповцы сдали 32 пуда золота в Енисейское казначейство. Перед отходом забрали. Городской голова К. Г. Петунин и комиссар С. М. Иоффе отнеслись отрицательно к вывозу золота из Красноярска банка. Глава исполкома Енисейского Совета Иоффе будто бы обращался к Енисейской думе и земству с просьбой дать свободно уйти красногвардейцам из города. Исполком же даст приказ разоружиться Красной гвардии и передать золото и деньги властям. 28 июня Петунин отбил телеграмму в Красноярск об отправке большевиков в Туруханск и оставленных ими в Енисейске испорченных пароходах — «Сокол», «Сибиряк» и «Дедушка».

Воля Сибири. 1918. № 4. 27 июня; Там же. № 5. 28 июня.

15 июля были получены сведения, что С. М. Иоффе под видом переселенца остановился в д. Мокроуши на отдых у бывшего ссыльного. Свернул из телеграммы папиросу, клочки выбросил. Жена ссыльного прочитала на обрывке телеграммы фамилию Иоффе и сообщила в Казачинск. 17 июля, при обыске и аресте, у него обнаружили большую сумму денег в одежде, обуви. Из Казачинска Иоффе был отправлен в Красноярск.

Село Казачинское. Арест Иоффе // Свободная Сибирь. 1918. № 64 (276). 31 июня (18 июля).

С. М. Иоффе был расстрелян 10 мая 1919 г. по приказанию поручика Стемпневского как заложник.

- 37 1 августа 1918 г. газета «Дело рабочего» опубликовала статью «Позорное пятно», в которой писала о гнусном убийстве трех человек — членов Совдепа, что вызвало возмущение всей общественности Красноярска, особенно среди рабочих. Протесты выразили городская дума, социалистические партии, потребовавшие расследования и предания суду виновных. На военную корпорацию, как писала газета, легло пятно позора — издевательство над беззащитными людьми. Конвой Мальчевского должен был соответствовать своему назначению, и он соответствовал. В местном же гарнизоне оказалось отсутствие всякой дисциплины, в результате чего произошел самосуд. Армию нужно очистить от черносотенных элементов. Хотя, как подчеркнул газета, большевики сами породили к себе ненависть.

Дальше «Дело рабочего» подробно описывает, как происходило избивание пленных. Привезли пленных лихтером № 10. Конвой главным образом состоял из казаков, пехоты — немного офицеров и солдат правительственных войск, чехов. Командовали конвоем Ляпунов и Мезин. Организовалась группа, еще до отгрузки, с нагайками в руках. Избиение началось у самых мостков. Многие из арестованных упали в воду, их вылавливали. Марковского заставили назвать себя, он назвал себя комиссаром Мариинского фронта. Избивали все, особенно офицеры-казаки и некоторые пехотные офицеры. Руки избивавших были в крови. Ляпунов пробовал слабо протестовать, а перед тюрьмой ушли (с Мезиным). После их ухода началась настоящая вакханалия избивания. Арестованных стали раздевать. У одного избиваемого казак стащил золотое обручальное кольцо зубами. Вторая

цепь — чехи. Третья — казаки, они проникали в самую гущу. Несколько пехотных офицеров хотели помешать. Чехи принимали слабое участие. Избивали только чехов-красногвардейцев и мадьяр. С русскими расправлялись казаки и прапорщики. Ляпунов появился у тюрьмы, пытался остановить избивавших. Немного стихли.

Меньшевики сообщили о расправе комиссариату Временного Сибирского правительства, министрам юстиции, внутренних дел, военному министру с требованием рассмотреть происшедшие события и выяснить виновных.

Позорное пятно // Дело рабочего. 1918. № 29 (54). 1 авг. Ниже приводится письмо в Енисейский губернский комиссариат:

«В Енисейский губернский комиссариат

От комитета Красноярской организации Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевики). (Слово в скобках вписано чернилами.)

Стало известно о насилии, которому подверглись в ночь на субботу 27 июля со стороны сопровождающего конвоя, состоящего из войск Сибирского временного правительства (пехоты и казаков) и части Чехословацкого корпуса. Насилие выразилось в форме поголовного избиения и убийства. Жители Береговой ул., случайно находившиеся на балконах д. Дехтярева и гостиницы „Метрополь“, видели это избиение и слышали стоны. Наиболее активное участие в избиении принимали казаки и пехота. Казаки проникали внутрь цепей охраны и продолжали избивать. Начальники конвоя Ляпунов и Мезин позволили себе временно оставить арестованных без своего личного наблюдения. Незначительная группа офицеров пробовала протестовать и оказывать активное противодействие насилию. Но не могли ничего сделать. Во время избиения женщины были выделены в особую группу, что указывает на предумышленный и до некоторой степени организованный характер избиения при приеме арестованных в тюрьме, в переключке не оказалось налицо 5 человек.

Марковский был доставлен в бессознательном состоянии в городскую больницу, подбирали его на улице частные лица полумертвым, с вывалившимися внутренностями. В 10 часов дня 27 мая Марковский скончался. Лебедеву и Печерского группа граждан нашла между 4 и 5 часами утра недалеко от мельницы Абалакова под откосом Качи, куда свидетели были привлечены стонами еще живой Лебедевой. Немедленно, по телефону, дано было знать милиции, пришел милиционер, а затем инспектор уголовного сыска, которым трупы были увезены. Свидетели подтверждают, что когда они подошли, то Лебедева была жива, произнесла слова: „Мама, пить, пить“. Оба трупа были страшно изувечены. Выразив возмущение насилием, Комитет РСДРП потребовал принять срочные меры к выяснению обстоятельств. Дела были заведены, но за отсутствием лиц, отправленных на фронт, хода не дали.

Подлинник подписал председатель Красноярского комитета РСДРП...» (край листа оборван).

КККМ. В/ф 12466/3. Машинопись. Копия с копии.

26 августа в разделе «Рабочая жизнь» выразил свое возмущение и негодование по поводу «дикого самосуда» над большевиками в ночь на 27 июля Красноярский Совет профессиональных профсоюзов во главе с председателем президиума А. С. Гендлиным. Он обратился в Енисейский губернский комиссариат с требованием предать суду всех виновников. Большинство красноярских газет об истязании арестованных промолчали.

Знамя труда. 1918. № 15. 26 авг.

- 38 Восстание в Енисейске вспыхнуло 6 февраля 1919 г. Организовали его практически анархисты, принимая в свои ряды случайных людей, в том числе и уголовников. Руководитель восстания Кузнецов Варлаам Алексеевич, слесарь Федоровского золотопромышленного общества (накануне освобожденный из тюрьмы), начал пьянствовать, в чем ему подражали и рядовые участники. Енисейский подпольный комитет РКП(б) держался осторожно, его члены не вошли в штаб восставших. В городе начались грабежи, бесчинства. Через три недели, 27 февраля, в Енисейск явились казаки и залили город кровью. 28 февраля 1919 г. восстание

было подавлено. На улицах города было обнаружено около 250 трупов, и неизвестно, сколько обреченных жителей, вместо расстрела, были спущены под лед Енисея. Сформированный в д. Маклаково Енисейского уезда под командованием Ф. Бабкина и С. Накладова отряд из фронтовиков, крестьян и дезертиров, продержался недолго. Часть людей погибла, часть разошлась по домам или укрылась в тайге, небольшая группа ушла в Тасеево.

Фефелова А.К. История революционного движения г. Красноярска. Красноярск, 1928. С. 45—46. Очерк составлен по материалам Истпарта, архивного бюро и по воспоминаниям отдельных товарищей.

- 39 См. часть I. Прим. 80. С. 219.

Воспоминания Гендлина Александра Сергеевича «1918 и 1919 гг. в Красноярске»

- 40 Население Красноярска узнало о расправе над членами Совета из прокламации первого Красноярского подпольного комитета в июне 1918 г. По свидетельству Ольги Исаевой, прокламация была написана его организатором Викентием Францевичем Матушевским. Это была первая листовка комитета, которую расклеили по городу сами комитетчики, сумев пристроить одну на дверь белой милиции.

КККМ. О/ф 3229. Д. 4486. Автобиография-воспоминание Ольги Исаевой, члена КПСС с марта 1917 г. Л. 17.

- 41 Дело с организацией первого подпольного комитета проходило сложно. Еще до публикации прокламации В.Ф. Матушевскому и членам комитета приходилось сталкиваться со сторонниками так называемой легальной деятельности. Возглавила «легалистов» А. Д. Дубровинская (урожд. Мунци), жена Я.Ф. Дубровинского. Склонялась к «легализации» и часть молодежи подпольного комитета. На одном из первых заседаний комитета присутствовали А. Д. Дубровинская, М. И. Зелтынь, М. Я. Довбня и др. Дубровинская со своими единомышленниками настаивала обратиться к члену Омского правительства эсеру Н. В. Фомину и губернскому комиссару В. М. Крутовскому за разрешением выпускать легальную газету «Красноярский рабочий», а также легально работать, под предлогом, что Омское правительство не буржуазное, а социалистическое, эсеры и меньшевики во время Советской власти действовали легально. К Крутовскому решили отправить делегацию, выделили двух членов — Зелтыня и Довбню. Губернский комиссар разрешение на издание газеты не дал, а оба делегата вскоре были арестованы.

КККМ. О/ф 3229. Д. 4486. Автобиография-воспоминание Ольги Исаевой, члена КПСС с марта 1917 г. Л. 18—21.

- 42 Центросибирь — Центральный исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Сибири (ЦИК Сибири, Сибцентр), руководящий партийный орган в Сибири и на Дальнем Востоке. Сформирован 23 октября 1917 г. на I Общесибирском съезде Советов в Иркутске (16—23 октября). В его состав вошли Б.З. Шумяцкий (председатель), эсер Р.П. Эйдемман (товарищ председателя). На II съезде (16—26 февраля 1918 г.) избраны И.И. Белопольский, Я.Е. Боград (меньшевик), Ф. М. Лыткин, эсеры — А. П. Лебедева, С. Г. Лазо, П. П. Петров, А. С. Гендлин (кандидат в большевики), Таубе и др. Шумяцкий выйдет из состава ЦИК из-за несогласия с принятием условий Брестского мира.

- 43 На одно из заседаний комитета, всегда точный по времени, В.Ф. Матушевский не пришел. Не оказалось его и дома. Узнали, что его увели какие-то люди; через знакомых, сторонними путями, выяснили, что Матушевского нет ни в участке, ни в тюрьме. Члену комитета Ираиде Кристовской поручили сходить в покойницкую. Под предлогом, что она ищет родственника, сторож впустил женщину. И она едва узнала Викентия Францевича, так он был изуродован. В ту же ночь убили и молодого типографского наборщика Сережу Сисина. Шли разговоры, что Сисин снимал квартиру с цирковым артистом, с которым и поделился. Жена Матушевского вспомнила, что приходили люди, один — в пальто мужа, с его запиской выдать 300 рублей, что она и сделала.

КККМ. О/ф 3229. Д. 4486. Автобиография-воспоминание Ольги Исаевой, члена КПСС с марта 1917 г. Л. 24.

Были слухи, что в убийстве могли быть задействованы «черные партизаны» (анархисты), с которыми подпольный комитет поддерживал связи. Основная их деятельность заключалась в добывании средств на нужды подполья за счет экспроприаций. Некоторые историки утверждают, что «черные партизаны» были связаны с белой контрразведкой и убивали или сдавали подпольщиков. В том числе и председателя первого подпольного комитета в Красноярске В. Ф. Матушевского. А. С. Гендлин утверждал, что провал комитета обязан именно им. Тогда не совсем понятно то, что вместе с подпольщиками контрразведка арестовала и «черного партизана» Д. Третьякова, прибывшего в Красноярск из Троицкосавска для связи со своими единомышленниками.

Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX в. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 2 (1918—1925). Омск, 1996. С. 43.

44 28 марта 1919 г. в листовке уполномоченного по охране порядка и спокойствия в Енисейской губернии и части Иркутской генерал-лейтенанта С. Н. Розанова был опубликован приказ о заложниках (приказ подписан 27 марта): «Правительственные войска ведут борьбу с бандами разбойников... Все это заставляет отвергнуть те общие моральные принципы, которые применимы к врагу на войне. Тюрьмы полны вожаками этих убийц. Приказываю: содержащихся в тюрьмах большевиков и разбойников считать заложниками... За каждое преступление, совершенное в данном районе, расстреливать из местных заложников от 3-х до 20-ти человек. Приказ этот ввести в действие по телеграфу».

Поздняков А. А. Хроника. Л. 815а; КККМ. КПД 4554. Л. 1.

45 Характеристика генерала С. Н. Розанова, данная Е. Е. Колосовым: «Ген. Розанов был ленив и много пил; по внешности производил впечатление человека неряшливого, по характеру — необузданного и жестокого; у него было типичное армейское лицо и тяжелая походка настоящего палача».

Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. С. 121.

В Омске существовала строга конспиративная монархическая организация, именуемая Михайловским обществом охоты и рыболовства. В нее входили генералы Иванов-Ринов, Анненков, Красильников, Семенов, Калмыков, Красницкий и др. Большинство из приводимых лиц отличались крайней жестокостью. С ноября 1919 г. по январь 1920 г., будучи уже на Дальнем Востоке, Розановым было убито от 500 до 600 человек без всяких объяснений. «Мне думается, что если мы, вследствие пассивности или добровольно, допустим получение американского оружия Семеновым, Калмыковым и Розановым, тем самым, пренебрегая интересами населения, поможем вооружиться наихудшим преступникам Сибири» (из телеграммы У. Гревса в Вашингтон командующему американскими войсками в Сибири от 29 октября 1919 г.).

Поздняков А. А. Хроника. Л. 805а, 820; Гревс У. Американская авантюра в Сибири. С. 187.

46 3 апреля приказ о заложниках был опубликован в газете «Свободная Сибирь» (политико-экономическая и литературная газета адвоката Ф. Ф. Филимонова), а также в других газетах. Объявления о расстрелах заложников нередко вкладывались в периодические издания или издавались в разделе «Хроника». Приводим одно из них:

«Расстрел заложников

От начальника военно-административного отделения редакцией получено для напечатания следующее сообщение: „По приказанию уполномоченного Верховного правителя по охране государственного порядка и общественной безопасности в Енисейской губернии, 29-го апреля были расстреляны за зверски растерзанного бандами красных прапорщика Вавилова следующие лица: Семененко Александр, Маерчак Виктор, Саломатов Григорий, Бойчук Ян, Левальд Карл, Марилонцев Василий, Нитавский Алексей, Блинов Иван, Коростелев Геннадий, Пепсин Иоганн“».

КККМ. В/ф 12466/5. Хроника газеты «Енисейский вестник». 1919. № 83. 1 мая.

В газете «Знамя труда» 4 ноября 1918 г. появилась статья (без указания автора) под названием «Расстрел большевиков: отношение общественных организаций». Представители городских организаций, земства, городского самоуправления, Союза кооператоров, представители социалистических партий выразили протест против военных судов в Красноярске и расстрела большевиков, что не соответствовало гарантиям правосудия. Расстрелы могли вызвать в широких кругах населения только отрицательное отношение. Были отправлены телеграммы в Омск Всероссийскому временному правительству и Чехословацкому национальному совету с требованием приостановления военных судов. В этом же номере сообщалось о приведении смертных приговоров в отношении Дубровинского, Вейнбаума, Яковлева, Парадовского и Белопольского в ночь с 24 на 25 октября.

11 ноября на имя председателя губернской земской управы И. В. Казанцева был получен ответ: содержание телеграммы доложено правительству.

Знамя труда. 1918. № 24. 4 нояб.; Там же. № 25. 11 нояб.

47 Приказ о заложничестве Розанова был отменен в конце июня 1919 г., после ухода партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина в Урянхайский край.

Воспоминания Молчанова Николая Харитоновича «В Красноярском подполье. Что осталось в памяти. 1918—1919 гг.»

48 В первой половине октября 1918 г. в Томск приезжал В. Ф. Матушевский, который должен был увязать некоторые организационные вопросы с Западно-Сибирским комитетом. В Красноярске в это время «черные коммунисты» рвались к восстанию против бело-зеленого Сибирского правительства. Комитет считал, что не стоит отказываться от их услуг, так как организация располагала достаточным количеством оружия, но не делать принципиальных уступок. После доклада Матушевского в Западно-Сибирском комитете создалось впечатление какой-то неопределенности в Красноярской партийной организации: как организован комитет, как соблюдается конспирация. Для проверки его деятельности был отправлен известный партийный работник, организатор Омской подпольной организации А. Валек (Яков). Приехав в Красноярск в конце октября, он встретился с Матушевским, от которого узнал, что тот был арестован, а через неделю выпущен. Этот арест напугал Якова: он мог нанести на след членов подпольного комитета. Матушевский же флегматично заявил, что его арест был ошибкой. Викентию Францевичу было рекомендовано немедленно скрыться, ему передали деньги и взяли обещание никого не принимать из чужих, а также не сообщать информацию о созыве второй подпольной организации в Томске. В середине ноября была получена условная телеграмма о провале Красноярского комитета, это грозило провалом подпольных организаций в других городах. Валек выехал в Красноярск вторично, с заданием реорганизовать комитет, выяснить причины ареста. Он едва сумел установить одну из явок. Предателем оказался латыш Колье, хотя латыши являлись отменно революционной публикой. Посещение совпало с выпуском всех арестованных, было очевидно, что это провокационный акт белогвардейцев. Валек настоял на перетруске всей организации, проверке каждого члена комитета, велел изменить явки, пароли, переформировать ячейки, порвать связи с «черными партизанами». Для организации второго подпольного комитета было решено отправить в помощь большевика Александра Байкова.

КККМ. В/ф 8486/28. Красноярская подпольная организация (1918—1919 гг.). Воспоминания неустановленного автора. 1920—1930-е гг. Л. 5—19. Предполагаем, что авторство принадлежит А. Валеку, партийная кличка Яков (установлено по времени пребывания в Красноярске со ссылкой на фамилию в других источниках).

- Первый подпольный комитет в Красноярске продержался с июля по 10 ноября 1918 г.; второй — с декабря 1918 г. по май 1919 г.; третий — с ноября 1919 г. по начало января 1920 г.
- 49 Осенью 1918 г. чехословаки потребовали выдачи арестованных А. Ф. Парадовского, Г. С. Вейнбаума, И. И. Белопольского, Я. Ф. Дубровинского, В. Н. Яковлева из Красноярской тюрьмы (текст приказа Бороцкого приведен в воспоминаниях Н. Х. Молчанова). Окружной прокурор Д. Е. Лаппо ответил отказом на выдачу на том основании, что без следствия и суда над тюремными сидельцами он выдать санкцию на их убийство не может. Военный министр П. П. Иванов-Ринов ходатайство чехов также отклонил. Следует отметить, что многие русские офицеры относились неуважительно к своим союзникам, в Иркутске дело доходило почти до стрельбы. Тем не менее вечером 24 октября 1918 г. арестованные были переведены в чешский эшелон, где военно-полевой суд приговорил всех к расстрелу; в три часа утра следующего дня приговор был приведен в исполнение.
- Овчаров В. Красное на Белом: к столетию окончания Гражданской войны в Красноярске. Красноярск, 2019. С. 61.**
- Это был не единственный случай, когда Д. Е. Лаппо пытался спасти людей. Позднее известный большевик И. А. Теодорович подтвердит, что обязан сохранением своей жизни защите прокурора. Защищала Лаппо после его ареста и А. Д. Дубровинская, которой он помог встретиться с мужем, Я. Ф. Дубровинским, и проститься с ним накануне расстрела. Несколько лет назад составителю данного сборника на короткое время дали посмотреть дело, из которого удержался в памяти эпизод: Д. Е. Лаппо и красноярский врач С. К. Кусков присутствовали при расстреле одного или нескольких арестантов, фиксируя юридический факт исполнения приговора. Пришлось прокурору испытать и такое. Расстрел пятерых советских работников оставил у Лаппо болезненные воспоминания. В газете «Свободная Сибирь» за 1919 г., в статье «Возрождение», призывая возродить русскую армию, так как революция, охватившая всю страну, не может быть кратковременной, он вспомнил пятерых расстрелянных борцов: «...Вспомним тени Вейнбаума, Яковлева, Дубровинского, Белопольского и Парадовского. По распоряжению Гайды они были силой взяты из Красноярской тюрьмы... Хотя министр Иванов-Ринов и русские власти считали недопустимым расправу иностранцев с русскими гражданами».
- Свободная Сибирь. 1919. № 273 (669). 9 дек. (26 нояб.).**
- 50 С 18 по 22 августа 1918 г. в Томске подпольно проходила Общесибирская конференция, на которой был избран Сибирский комитет РКП(б). Участие в ней приняли 10 делегатов от партийных комитетов Красноярска, Томска, Омска, Новониколаевска и др. Конференция проходила за городом. Главный вопрос — тактика большевиков в условиях после контрреволюционного переворота. После окончания конференции ее делегаты разъехались по городам для оказания практической помощи местным партийным организациям. В сентябре 1918 г. в Красноярск приезжал Ф. Суходрев, в ноябре — А. Валек.
- 51 13 ноября 1919 г. дипломатическое представительство чехословацкой армии в Сибири объявило меморандум на имя представителей союзных держав о немедленном возвращении домой и о невмешательстве в русские дела. В меморандуме было заявлено: «Под защитой чехословацких штыков военные русские организации позволяют себе такие дела, от которого весь цивилизованный мир приходил в ужас. Выжигание деревень, убийство русских мирных жителей целыми семьями, расстрел без суда людей исключительно только по подозрению в политической нелояльности составляют обычное явление, а ответственность за все это перед судом народа целого света падает на нас за то, что мы, располагая военной силой, не воспрепятствовали этому бесправию».
- Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 371.**
- 52 Общество потребительской кооперации «Самодетельность» возникло в Красноярске в 1913 г. по инициативе рабочих-железнодорожников и политических ссыльных. В период колчаковщины общество поддерживало деятельность подпольных комитетов. Имея торговые лавки, склады, его работники собирали и хранили оружие, медикаменты, переправляемые в партизанские отряды или тайники в самом городе для подготовки к восстанию. Магазины общества служили и местом явок. Некоторые сотрудники «Самодетельности» входили в состав всех четырех комитетов.
- 53 В связи с ухудшением ситуации на Белом фронте, в том числе и общего внутривнутриполитического положения в стране, областники делают попытку поднять вопрос об автономии Сибири, реанимации Сибирской областной думы и областного Совета, а также создании автономного государства-буфера. Эсеры, меньшевики, кооператоры связывали свои надежды с именем генерала Р. Гайды, отстраненного Колчаком от должности, который намекал, что готов возглавить движение по устранению адмирала. Не случилось. За дело берутся иркутские эсеры, объявив в ноябре 1919 г. о намерении создать в Сибири «буферное демократическое государственное образование», свергнуть диктатуру Колчака, заменив ее Сибирским народным собранием. Однако войну против большевиков не прекращать.
- В середине декабря 1919 г. управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий обратился к Губернской земской управе с предложением образовать Совет из представителей общественных организаций. 17 декабря на объединенном заседании Красноярской губернской и уездной земских управ его члены приняли решение о создании коллегияльного органа гражданской власти. 21 декабря был образован городской Комитет общественных организаций (в тот же день Колчак выехал из Красноярска в Иркутск). 23 декабря он преобразовался в Губернский комитет общественной безопасности. Основная цель — созыв народного губернского собрания и достижение гражданского мира. В комитет вошли 32 человека, из них 28 — члены торгово-промышленной буржуазии и зажиточные крестьяне. Долго спорили, принимать ли в свой состав демократические партии, вынесли положительный вердикт. 23 декабря генерал-майор Зиневич вступил в командование Красноярским гарнизоном. Газета «Свободная Сибирь» с радостью приняла это решение, назвав приказ о вступлении «красивым по замыслу», хотя несколько «нервным». 24 декабря состоялось второе заседание Комитета общественной безопасности, которое передало Губернское управление в ведение Губернской земской управы во главе с А. Р. Шнейдером. 28 декабря новый командующий войсками отправляет А. В. Колчаку открытое письмо с требованием передать власть Земскому собору (фрагмент письма приводится в воспоминаниях Н. Х. Молчанова). Известный красноярский эсер Е. Е. Колосов был связан с лидерами Политцентра и Р. Гайдой и имел полномочия вступать в переговоры с командованием советских войск, чтобы не допустить их вступления в Красноярск. А следовательно, обеспечить западную границу «буферного образования» по Енисею.
- Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. С. 365, 377—378; Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 173; Свободная Сибирь. 1919. № 286 (682). 26 (13) дек.; Народный голос. 1919. № 5. 31 (18) дек.**
- 54 24 декабря 1919 г. Б. М. Зиневич обратился с воззванием к войскам Енисейской губернии, призывая их не вмешиваться в политику и честно исполнять солдатский долг. Очевидно, что генерал-майор поставил своим поступком в сложное положение отступавшую Белую армию. 30 декабря Зиневич побывал на митинге в военном городке, убеждая солдат беспрекословно подчиняться военной власти, затем отправился в железнодорожные мастерские, где выступал вместе с Е. Е. Колосовым, призывая рабочих отказаться от создания революционного комитета.
- Овчаров В. Красное на Белом: к столетию окончания Гражданской войны в Красноярске. С. 86—88.**

В конце ноября 1919 г. Красноярский подпольный комитет РКП(б) создает Военно-революционный штаб во главе с поручиком Н.Н. Яковлевым, комиссаром Ф.К. Клешниным, членами штаба И.С. Фридманом, М.К. Вышковским, М.Ф. Позигуном и др. Недалеко от Красноярска стоял П.Е. Щетинкин. Штаб обороны находился в здании конторы тюрьмы. Сохранился рапорт члена штаба Д. Чеботарева о переговорах повстанцев с командованием 30-й дивизии 5-й Красной армии. «Сначала штаб 30 дивизии к нам отнесся недоверчиво, просил пароль... стал задавать вопросы о силе организации, настроении рабочих, количестве войск в Красноярске. Мы ему ответили, что организация небольшая, что настроение рабочих хорошее, что гарнизон города был свыше 10 тысяч, но он разложился и много разбежалось, а сейчас осталось около 6 тысяч, из которых... 3,5 тысячи готовы к выступлению. Просили прекратить всякие разговоры с Зиневичем о перемирии... Штаб рекомендовал выступить, но действовать осторожно, утя силы и обстановку».

КККМ. КПД 3880/19. Рапорт о переговорах повстанческих сил Красноярска со штабом 30-й дивизии 5-й Красной армии. 24 декабря 1920 г. 2 л. Рукопись.

В.Г. Солдатов, мнение которого не раз приводилось на страницах данного сборника, писал о 8-м краснопартизанском нелегальном съезде командного состава армии в Минусинске, на котором эсер и секретарь Армейского совета Рабоче-крестьянской армии Минусинского фронта А.К. Загайный-Гри(ю)нберг призывал к «борьбе огнем и мечом» против «диктаторов-коммунистов». Кстати, в одном из писем Е.Е. Колосова в октябре 1919 г. к неустановленному респонденту упоминается А.Д. Кравченко, говорится о его близости к эсерам. Солдатов приводит распоряжение главного штаба и Армейского совета от 4 декабря 1919 г., вышедшее в Минусинске, которым запрещались собрания, митинги и могли разрешаться только партизанской властью. А также город объявлялся на осадном положении, что приводило к изоляции объединенного Совета Минусинска (распоряжение опубликовано в «Документах героической борьбы», с. 373). Так это было или нет, сказать сложно. Но свидетельство Солдатова весьма любопытно, в литературе не отражено. Много еще предстоит раскрыть «белых пятен» в истории Гражданской войны в Сибири.

Солдатов В.Г. О грубом нарушении... Л. 62.

Сам Е.Е. Колосов в книге «Сибирь при Колчаке» писал, что был свидетелем партизанского движения, знал о нем из первых рук, а с некоторыми руководителями находился в непосредственном общении. Знал о территории расположения повстанческого движения, о районах, где оно имело наиболее сильное влияние, знал о политических настроениях партизан, их идейных лозунгах. Ближе к финалу войны эсеры прилагали много сил, чтобы встать во главе повстанческого движения под лозунгом борьбы за Учредительное собрание.

Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. С. 364, 379; Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. С. 38—39.

Жизнь и борьба рабочих бывшего Знаменского стеклозавода Красноярского округа. Казнь 13-ти (из воспоминаний одного из 13 подпольщиков, оставшихся после казни в живых, Гурского Флориана Павловича)

- 55 В 1828—1829 гг. иногородняя купчиха 3-й гильдии Коновадова Анна Гавриловна, проживая в Заледеевской волости Красноярского уезда, «устроивала» стеклянный завод, получивший название Знаменского (р. Знаменка). В 1830-х гг. продукция завода продавалась в Енисейской, Томской, Иркутской губерниях. В 1829 г. во владение заводом вступил ее сын Коновалов И.И., бывший столоначальник III отделения Енисейского губернского правления. Новый хозяин купил и завез на завод триста человек крепостных. После отмены крепостного права завод стал хиреть. Последний владелец завода — А.Д. Данилов.

Комарова Т.С. Забытый поэт // Второй век подвижничества : сб. к 100-летию Красноярского краевого краеведческого музея. Красноярск, 2011. С. 105—106.

- 56 Осенью 1918 г. на Знаменском заводе был создан подпольный комитет. В него вошли Михаил Карнаев — председатель, Иван Мощинский — секретарь, Николай Мощинский — начальник штаба боевых дружин. Члены комитета: Платон Мощинский, Василий Артемьев, Антон Прозвонюк, Антон Посяковский, Г. Шумилин и Малах Терещенко. Основная задача — организация партизанского отряда из рабочих завода и крестьян окрестных деревень, организация боевых «десяток» при условии строгой конспирации. Для связи с деревней выделены определенные люди.
Годы огневые. Красноярск, 1962. С. 87.
- 57 Возможно, одной из причин провала подпольного комитета стала еще и та, о которой писал З.З. Громадзский. См. часть I. Прим. 87. С. 220.

Воспоминания бывшего красногвардейца Подъяпольского Дмитрия Георгиевича

- 58 Глава торгового дома «Никон Смирнов и сыновья» Н.А. Смирнов имел несколько усадеб. Торговал преимущественно мануфактурными товарами. В 1917 г. весь нижний этаж своего магазина на ул. Большой отдал под бесплатную библиотеку-читальню им. А.П. Чехова. В 1920 г. в доме размещалась военная комендатура партизанской армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина.
- 59 После требования сдать оружие казаки (преимущественно минусинские) А.А. Сотникова ушли по направлению к Минусинску. Преследовать было поздно, все верховые. Возникло опасение за город, в Совете имелось всего 93 берданки. Сотников прошел мимо, проследовав в казачью станицу Каратуз. На случай вооруженного столкновения из Красноярска в Минусинск было доставлено несколько сот винтовок, два орудия и два пулемета. Вооруженные рабочие отправились следом за казаками, однако Сотников уклонился от боя и отступил с группой офицеров к границе Кузнецкого уезда, в тайгу. Отряд догнал казаков в станице Саянской, казаки сдались, разоружились и разошлись. На кулачество, содержавшее Сотникова, Минусинский исполком наложил контрибуцию в сумме 160 тысяч рублей — затраты на организацию и вооружение рабочего отряда. К 6 апреля 1918 г. обстановка стабилизировалась.
КККМ. О/ф 11575/4Д 8859. Воспоминания Кузнецова А. о попытке Сотникова выступить против Советов в 1918 г. Рукопись. Л. 18—20.
- 60 В ночь с 17 на 18 сентября 1919 г. из Красноярской тюрьмы были выведены и расстреляны: 1. Аликин Сергей. 2. Бруновская Ольга. 3. Брайловский Александр. 4. Васильев Александр. 5. Гущик Зинаида. 6. Довбня Михаил. 7. Замятин Павел. 8. Исаков Михаил. 9. Прутиков Иван. 10. Метелев Петр. 11. Модей Иосиф. 12. Никифоров Николай. 13. Пекарж Янина. 14. Рогалевич Эдислав. 15. Сеченов Михаил. 16. Янов Эммануил. 17. Садин Евгений. 18. Темных Константин. 19. Гушин Иосиф. 20. Петров Алексей. 21. Гончарский Андрей. 22. Староверов Иван. 23. Гончарский Федор. 24. Шиленский Абрам. 25. Авштель Марк. 26. Авштель Матвей. 27. Авштель Михаил. 28. Орлов Ефим. 29. Канаш Тимофей. 30. Назаров Григорий.
КККМ. В/ф 903. Воспоминания М.Н. Метелевой. 27 мая 1967 г. Л. 8. Машинопись.
- 61 Посьет — залив и порт на Дальнем Востоке. Близ отдаленного п. Посьет (или пост Новгородский) находился лагерь для военнопленных.

Перова Татьяна Евстратовна. Партизаны Канско-Красноярского и Минусинского фронтов (краткие воспоминания)

- 62 Болотников Иван Исаевич (? — 1608), организатор и предводитель повстанческой армии в 1606—1607 гг. на юге России.

- 63 «Красный стрелок» — ежедневная газета, орган политотдела Военно-революционного совета 5-й армии. Начала выходить в Уфе с 1 сентября 1919 г. В № 52 (227) «Красного стрелка» за 1920 г. было опубликовано «Обращение т. Кравченко к крестьянам Енисейской губернии», в котором он писал, что приспешники буржуазии хотят оклеветать все светлое, что принесли с собой российские братья. «Их рук дело клеветать на меня и тов. Щетинкина, что хотели изменить своим товарищам и в тылу поднять восстание, чтобы поссорить нас. Они пустили клевету, что я и т. Щетинкин боролсь за Учредительное собрание, и тем самым породили к нам негодование. Я поднял восстание с лозунгом „Вся власть трудовому народу в лице его Советов“. Нужно очистить Сибирь от неугодного элемента и перейти к сознательному управлению страной при помощи Советов».
- 64 Расстрел членов Красноярского Совдепа летом 1918 г. и разгром Канско-Иланского восстания в декабре 1918 г.
- 65 Первый съезд (П. П. Петров называет его совещанием) Перовской организации прошел в ноябре 1918 г. и скорее напоминал митинг. Основное его решение — одобрить постановление революционного комитета (ревкомы — чрезвычайные органы Советской власти, создаваемые в годы Гражданской войны в прифронтовых полосах, в губернских, уездных и волостных центрах. — Т. К.) о восстании. Подсчитали силы и оружие. Также был избран волостной совет в следующем составе: Н. Т. Толстой — председатель; Ф. Ф. Грабовский — секретарь. Общее военное руководство партизанским движением в Заманье возложено на А. Д. Кравченко. О втором съезде см. в тексте.
Годы огневые. С. 244.
- 66 Речь идет о бароне А. Н. Меллер-Закомельском, который вместе с генералом П. К. Ренненкампом подавляли всеобщую политическую стачку рабочих-железнодорожников Сибири и Дальнего Востока в октябре 1905 г. — январе 1906 г. Меллер-Закомельский выехал на восток под Новый год с отрядом в 198 человек. Не задерживаясь, проскочил Красноярск, там, где останавливался, нещадно порол и расстреливал. Один из начальников эшелона назвал эти меры «истязанием». 12 января на ст. Иланской в железнодорожном депо, закрыв входы и выходы, расстрелял группу рабочих (погибло не менее 50 человек), которые пришли просить за арестованных товарищей. В Чите продолжал расстреливать без суда и следствия рабочих, служащих, большевиков и беспартийных.
Фефелова А. К. История революционного движения г. Красноярска. С. 29.
- 67 Духовное братство Гермогена, точнее Братство святителя Гермогена, образовавшееся в Омске. В 1919 г. оказывало помощь Белому фронту, вело борьбу с большевистскими настроениями в тылу. Организовало дружину Святого Креста, своего рода народное ополчение. Получило имя патриарха Московского — Гермогена.
- 68 Герострат, грек, чтобы прославиться в истории, сжег одно из семи чудес света — храм Артемиды Эфесской.
- 69 Оуэн Роберт, английский социалист-утопист. Утверждал, что порочных людей создает порочная среда; на исторические судьбы решающее значение имеет человеческий характер. Общество всегда избирает людей, которые не понимают законов Вселенной.
- 70 Малышева Варвара Александровна, учительница, член Канского объединенного Совета и Красноярского исполкома; по воспоминаниям А. Т. Иванова, была женщиной экзальтированной, нервной. В марте 1919 г., приехав в Красноярск за медикаментами для канских партизан, была арестована. Находясь в Красноярской тюрьме, в декабре 1919 г. обратилась с письмом к А. В. Колчаку, прося о помиловании, а также заявила о своем будто бы принудительном пребывании у партизан. После освобождения восставшими рабочими сотрудничала с генералом Б. Зиневичем, вела пропаганду среди солдат гарнизона о признании власти эсеровского Политцентра.
Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006. С. 428.
- 71 Речь идет о I Армейском съезде, открывшемся 1 марта 1919 г. в д. Умбеж Перовской волости. См. часть I. Прим. 26. С. 210.
- 72 «Земский журнал» у Т. Е. Перовой, вероятно, носит обобщенное название, под которым выходило несколько изданий в России и Енисейской губернии. С февраля 1918 г. в Красноярске издавался «Бюллетень временной Губернской земской управы»; в 1919 г. выходило «Новое земское дело»; до весны 1919 г. — «Земское дело», также орган Губернского земства.
- 73 19 июля 1917 г. Временное правительство, возглавляемое А. Ф. Керенским, назначает Л. Г. Корнилова Верховным главнокомандующим Русской армией. Еще раньше, в 20-х числах мая, началось формирование 1-го ударного полка, названного Корниловским. В стальных касках, с черно-красными погонами, с эмблемой на рукавах — череп со скрещенными мечами, они должны были наводить страх на анархию и разложение. Текинский полк (преимущественно туркмены) в малиновых халатах с кинжалами дополнял впечатление. Высшее командование армии согласно было поддержать Корнилова. Однако 26 августа А. Ф. Керенский смещает его с поста, а на следующий день обвиняет в подготовке мятежа. 1 сентября Корнилов был арестован в Ставке, 25 октября Временное правительство пало. 19 ноября освобожденный Корнилов отправился на Дон, где вскоре вступил в командование Добровольческой армией. Ему принадлежат слова: «Пусть надо сжечь пол-России, залить кровью три четверти России, а все-таки надо спасти Россию». Дальше будет Кубань, бои за Екатеринодар и гибель генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова.
Португальский Р. М., Алексеев П. Д., Рунов В. А. Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994. С. 171, 177, 183, 187, 189.
- 74 II Армейский съезд открылся в Степном Баджее 30 марта 1919 г. На нем был избран главный штаб партизанской армии, а также утверждено Положение об Армейском совете как высшем органе власти. Полки получили название по месту и времени своей первоначальной организации: 1-й Манский, 1-й Канский и 2-й Тальский. Также практика повстанческого движения показала необходимость создания полковых советов, которые облегчали бы деятельность командиров, ведавших до этого времени всей военно-политической и хозяйственной частями полка. Поэтому съезд в «Инструкциях о функциях и выборах армейских Советов партизанской армии» включил раздел «Обязанности полкового совета». Отныне в ведение этих советов входили: устройство полкового обоза, продовольственного пункта, предоставление отпусков партизанам, а также сбор судебно-административных материалов и др. Полковой совет снимал существенную нагрузку с командира полка.
Документы героической борьбы. С. 207.
- 75 Томас де Торквемада, основатель испанской инквизиции в Средневековье.
- 76 В первых числах апреля 1919 г. Военно-революционный комитет Тальского полка получил сведения от А. Д. Кравченко о том, что белые решили покончить с повстанцами и повели решительные действия против партизан. Комитет принимает решение перебросить на помощь основные силы, оставив в Тальской волости небольшой отряд и мелкие оперирующие группы. Отряд под командованием К. А. Жестикова уходит в Заманье, связывается с командиром М. Т. Савицким и его отрядом. Из с. Агинского в Степной Баджее перебрасывается часть оружейной мастерской. На Степно-Баджеевском фронте между тем идут крупные бои в населенных пунктах Ново-Николаевка, Переяславка, Елисеевка, Стойба, Перово, Агинское и др. После сдачи с. Вершино-Рыбинского Тальский военно-революционный комитет узнает план отступления армии

- А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина в Минусинский уезд. Председатель комитета Ф. Е. Пурсаков заявляет, что недопустимо оставлять удобные позиции и ликвидировать Тальский партизанский фронт. Находясь на Военном совете в Верхне-Рыбинском, он отдает приказ К. А. Жестикову отступить в Тальскую волость, не нарушая частей, в которых в меньшинстве находятся тальцы. Получив приказ, отряд под командованием Лаптенко (Жестиков в это время состоит членом ВРК) возвращается в свою волость.
КККМ. В/ф 8486/29. Историческая справка для Истпарта. Л. 5—6.
- 77 Отношения А. Т. Иванова и А. Д. Кравченко не сложились с самого начала совместной деятельности. Член объединенного Совета и ревтрибунала, а с июня 1919 г. — начальник главного штаба, Арсений Трофимович был принципиальным человеком. В воспоминаниях партизан о нем не встречается резко негативных замечаний, а упоминаний о личной храбрости — достаточно. Не считая мелких стычек с главкомом, Иванов дважды выносил на партизанские съезды свои споры с А. Д. Кравченко, отстаивая свою честь. В 1919 г. на I Крестьянском съезде повстанцев Канского, Красноярского и Ачинского уездов, состоявшемся 25—30 апреля, он обратился к съезду с просьбой выяснить сплетни и клевету, которые ходят среди некоторых представителей съезда, направленные против него (по времени съезд и неудачный рейд Иванова с Тальским полком почти совпадают). Собрав все сведения и материалы по его заявлению, съезд не нашел доказательств какой-либо его вины. И вынес «тов. Иванову полное доверие» и благодарность за его работу, просил продолжать «работать на пользу трудового народа».
Партизанское движение в Сибири. Т. I. Приенисейский край. С. 142.
- 78 Решение армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина уходить в Минусинский уезд окончательно определилось после неудачной попытки Канского полка разбить белый гарнизон в Вершино-Рыбинском. После М. В. Александрова заменивший его С. А. Сабаев не справлялся со своей должностью. В данном случае был упущен фактор внезапности. При наступлении на Вершино-Рыбинское Канский полк понес такие потери, какие не имел за весь период своего существования. Прекрасный стрелок, Сабаев практически забыл о своем руководстве, азартно посылая в противника пули, в то время как гибли люди. От Канского полка после поражения осталась половина его состава. Сабаева сменил М. Т. Савицкий, затем К. М. Логвинов.
- 79 Первое знамя в партизанской армии было вручено Канскому полку в феврале 1919 г. Как вспоминал Г. Н. Попов, договорившись о размерах и оформлении знамени, приступили к работе. Зинаида Викторовна Кравченко (жена А. Д. Кравченко) сшила знамя из красного шелкового полотна, а живописец А. Белолипецкий нарисовал рабочего с молотом на плече и крестьянина с винтовкой, стоящими друг против друга в дружеском рукопожатии. Между ними большими буквами написали единицу (что означало «Первый»), сверху написали «Канский полк», посередине — «Крестьянской армии», внизу — цифры «1918» (знамя хранится в фондах Красноярского краевого краеведческого музея. — Т. К.). Это знамя выдавалось из музея на похороны П. Е. Щетинкина.
В музее хранится еще одно знамя с надписью «1-й Эскадрон Кавалерии Крестьянской армии». На знамени рисунок — подкова, перекрещенная косой и молотом; еще один рисунок — сноп пшеницы, охваченный серпом. Золотный галун на знамени такой же, как и на первом. На обороте надпись черной краской: «Да здравствует Российская Федеративная Советская республика. Вся власть Советам. Да здравствует первое организованное крестьянское восстание. Смерть палачам народа». Знамя принадлежало кавалерийскому эскадрону Канского полка. Вероятно, его также шила А. В. Кравченко, а рисунки и надписи делал А. Белолипецкий (схож шрифт). Скорее всего, в воспоминаниях Т. Е. Перовой речь идет о знаменах, не дошедших до нас, или одно из перечисленных.
- Сохранилось еще одно знамя Канского полка, которое хранится в Музее политической истории Санкт-Петербурга. Оно идентично первому, описанному выше (сведения об этом сообщены сотрудником отдела фондов музея Е. В. Ярыгиной).
Годы огневые. С. 186.
- Воспоминания Иванова**
Арсения Трофимовича «О партизанском движении 1918—1919 годов»
- 80 Выше уже упоминалось о сложных отношениях А. Т. Иванова и главкома А. Д. Кравченко. На VII Армейском съезде Крестьянско-рабочей армии Минусинского фронта в Красноярске, в январе 1920 г., А. Т. Иванов заявил о неправильном самоличном распоряжении А. Д. Кравченко в отстранении его от должности начальника главного штаба. А также о назначении на его место Курченко (один из партизан упоминал, что главком не сумел «раскусить» одиозную личность Курченко, а что именно, не указал). Трое из партизан подтвердили заявление Иванова. Предложено было высказаться и другим членам съезда. П. Е. Щетинкин заявил, что Арсений Трофимович в исполнении своих обязанностей был незаменимым работником в главном штабе. А. М. Марченко поддержал заявление Щетинкина, уколов главкома, что тот был ранее подобного же мнения об Иванове. Председатель Армейского совета С. К. Сургуладзе внес предложение: признать распоряжение Кравченко неправильным, восстановить Иванова на должности начальника главного штаба, а Курченко вернуть в свою часть. Осложнение же, возникшее между Кравченко и Ивановым, предложить выяснить Армейской следственной комиссией.
Документы героической борьбы. С. 431.
- 81 Политцентр. См. часть I. Прим. 55. С. 215—216.
- 82 Лубков Петр Кузьмич, крестьянин с. Святославка Мариинского уезда Томской губернии, организатор самого крупного партизанского отряда на территории губернии. Многие крестьяне уверяли, что Лубкова не брали пули и он «работал по черной магии». Под его именем действовало несколько партизанских отрядов. Отряд Лубкова вместе с отрядами Перевалова, Куркова, Зубова соединился с Красной армией между Новониколаевском (Новосибирском) и Боготолом.
Битва за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.): сб. документальных материалов (к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции). Томск, 1957. С. 525.
После начавшегося разоружения партизан с приходом Красной армии Петр Кузьмич пытался сохранить свой отряд как самостоятельную боевую единицу, заставил крестьян платить контрибуцию хлебом и фуражом, были случаи и порок. Сам Лубков определял свои действия словами: «прошу не смешивать мое имя с большевиками, т. к. у меня нет никакой политической платформы, я просто разбойник».
Свободная Сибирь. 1919. № 257 (653), 19 (6) нояб.
Был арестован и предан суду ревтрибунала. Решение трибунала 5-й Красной армии по делу Лубкова подписал член Реввоенсовета Б. П. Позерн. П. К. Лубков был подвергнут лишению свободы сроком на 5 лет с применением общественных принудительных работ. Однако, учитывая боевые заслуги, трибунал счел возможным отложить приговор на 6 месяцев и арестованного из-под стражи освободить. Доказанная в течение 6 месяцев преданность Лубкова Советской власти привела к отмене приговора. Однако при нарушении распоряжений власти или в случае самочинных действий приговор в его отношении должен был быть приведен в исполнение. Считаясь с полуинвалидностью Лубкова, полученной в длительной борьбе, Военному совету армии поступило распоряжение выдать ему единовременное пособие для лечения.
Сообщение // Красный стрелок. 1920. № 7 (82); Кучкин А. Арест партизана Лубкова. Там же. № 55 (230); Суд над Лубковым (приговор Трибунала 5-й армии). Там же. № 62 (287).

- 83 Позерн Б. П., член Коллегии управления войсками Северного фронта в феврале 1918 г., отвечал за политическую работу. Позднее член Реввоенсовета 5-й армии. 5 апреля 1920 г. выступил с докладом о текущем моменте на 1-м съезде волостных ревкомов Красноярского уезда, где подчеркнул значение мощной обороны страны, созданной Советской властью, отметив пережитые трудности в организации Красной гвардии. Вторая часть доклада касалась мобилизации сил на восстановление разрушенного хозяйства. Заявил: если не найдутся охотники работать за деньги, мобилизуем силой. Конец речи прозвучал довольно пафосно: «Мы дадим крестьянину плуг, соху, молоток, гвозди и прочее, покроем Сибирь сетью дорог».
- Документы героической борьбы. С. 465—466.**
- 84 См. воспоминания Т. Е. Перовой. С. 317—318.
- 85 Толстихина Матрена Васильевна, медицинская сестра в партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина, писала в своих воспоминаниях, что начальник штаба т. Иванов-Брусиллов (одно время, по воспоминаниям, Иванов носил усы) «был очень требователен, все его взгляда боялись». Он, как пишет Матрена Васильевна, вошел в «ядро нашей армии», которое вело партизан от победы к победе.
- КККМ. О/ф 4507. Воспоминания М. В. Толстихиной, бывшего партизана армии Кравченко — Щетинкина. Возможно, написаны в 1957 г. к 40-летию Октябрьской революции. Рукопись.**
- 86 А. Т. Иванов никогда не боялся вынести свои убеждения и разногласия с руководством армии. Прямота и резкость являлись отличительной чертой его характера. П. П. Петров всегда подчеркивал, что Арсений Трофимович играл одну из первых скрипок в Перовской организации. По воспоминаниям Г. Н. Попова, он председательствовал на первом митинге, когда решено было организовать выступление в селе, он же возглавил восстание вместе с П. П. Петровым. В начале становления Перовского отряда в спорах указывал на бесплодность крестьянского восстания без рабочих. Когда впервые произошло знакомство с А. Д. Кравченко, которой восхищался природной крепостью Степного Баджея, Иванов резко обрезал его, заявив, что стоит закрыть выход из тайги, и все население замрет с голода.
- В декабре 1919 г., на 9-м съезде крестьянских, рабочих и армейских депутатов в Минусинске, А. Т. Иванов выступил по вопросу о текущем моменте, а также о состоянии партизанской армии накануне наступления Красной армии. Он отметил присутствие в армии элементов, которые пошли в нее из-за личных выгод, чем кладут черное пятно на светлую идею крестьянской армии. Упрекал крестьян в халатности, когда они избирают на общественные должности непригодных людей. В заключение своего выступления настаивал на чистке армии от случайных людей и не слушать тех, кто распространяет злонамеренные слухи.
- Годы огневые. С. 248; Документы героической борьбы. С. 384.**
- 87 После отступления перовцев в Степной Баджеи пришлось оставить белым южную часть Канского уезда. В Заманье сразу возникла проблема с хлебом, т. к. в районе его сеяли мало, а запасов не существовало. В январе 1919 г. А. Т. Иванов попытался совершить рейд с выходом в Канский уезд. Обстановка складывалась следующим образом. После Перовского боя М. В. Александров двинулся с Канским полком в д. Нарву. Часть отряда осталась с Арсением Ивановым в д. Кой для охраны единственной дороги, ведущей в тайгу, так называемые восточные ворота Заманья. Заставив противника после восьмичасового боя отступить в д. Кивий, Александров перебрасывается со своим отрядом в Кой, но Иванова там не застают. Между тем Иванов через д. Солонечно-Талую выступает в с. Вершино-Рыбинское, затем следует в с. Агинское с намерением приумножить отряд добровольцами и оружием, собрать продукты. Однако до с. Агинского отряд не доехал, оказавшись в тылу белых. В д. Кулижниковой пришлось принять бой, который кончился беспорядочно, разбить белых не удалось. В штабе произошел спор, куда двигаться дальше, как выйти из окружения.
- Положение спас старик-таежник Е. И. Мезинцев, выведя отряд А. Т. Иванова по известной только ему таежной тропе обратно в Кой на соединение с М. В. Александровым. Рейд Иванова оказался неудачным и был раскритикован М. В. Александровым за неорганизованность, в том числе и за пьянство некоторых партизан.
- Годы огневые. С. 261—263.**
- 88 Начальник Енисейского отряда особого назначения С. И. Афанасьев в одном из донесений жаловался: «Главное зло — это всюду и везде самогонка». На повестке дня всех партизанских съездов стоял вопрос о самогонварении и борьбе с ним. Из-за войны хлебные излишки крестьян не находили сбыта, а самогон был ходовым товаром. Воевали и пьянствовали и белые, и красные, совмещая то и другое. Вели борьбу с пороком также обе стороны. Нередко впереди отрядов высылались небольшие авангарды, которые разбивали монополю. Как только партизанское командование не наказывало пьяниц: штрафами, принудительными работами, изгнанием из отрядов, плетью П. Е. Щетинкина. Партизанский остролов Никита Сковидо придумал двустишие: «Пей, не напивайся, а попался, не обижайся». Были запои и у А. Т. Иванова. А. Г. Боган вспоминал курьезный случай: «Иванов был из Перова, бывший следователь. Сначала он был командиром Канского полка. Много пил и набузил, в одном из боев напился. Замешкался занять позицию и, когда попал под обстрел, крикнул: „Спасайся кто может!“ Пошел сам на карачках, забрался за холмик. Здесь встал, увидел, что его оставили одного, запел: — Проклятый мир, презренный мир».
- Вероятно, в качестве наказания А. Т. Иванова на какое-то время тогда оставили при трибунале техническим работником. Надо отметить, что при трибунале было очень тяжело работать, люди старались уйти. Тот же А. Г. Боган пишет, что выдержал всего полтора месяца.
- Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 68; КККМ. О/ф 4448. Воспоминания Александра Григорьевича Богана. Л. 5.**

Воспоминания Савицкого Михаила Тимофеевича — командира партизанского отряда

- 89 31 августа 1910 г. в России была учреждена Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана, предполагавшая продолжить изучение его береговой линии. Годом раньше вошли в строй два транспорта «Таймыр» и «Вайгач», которые стали первыми в Российском флоте судами нового класса — ледокольно-экспедиционными, к тому же оснащенными радиостанциями. До этого снабжение радиостанциями в проливах и на побережье океана осуществлялось пароходами судовладельца И. И. Буркова. В сентябре 1918 г. Архангельский губернский продовольственный комитет решил организовать экспедицию в устье Енисея за хлебом в связи с тяжелым продовольственным положением в европейской части России. Чтобы осуществить эту задачу, требовалось иметь общие сведения о поведении льдов Карского моря, а также возникла необходимость увеличить число наблюдательных пунктов и радиостанций. Коллегия Народного комиссариата поддержала эту идею. Россия уже не первый год искала возможность перемещения грузов вдоль побережья океана.
- В апреле 1918 г. начался набор людей в экипажи из добровольцев ввиду тяжелой работы и многомесячного похода (среди них оказался и М. Т. Савицкий). В состав вошли опытные военные моряки, что объяснялось, скорее всего, намерением сохранить суда и их личный состав после выхода декрета СНК о роспуске «старого флота». Советская власть выделила экспедиции аванс в один миллион рублей. Итак, исследовательская работа, прерванная Первой мировой войной, возобновила свою деятельность. Была организована Гидрографическая экспедиция для исследования западной части Северного Ледовитого океана, состоявшая из трех отрядов под руководством Б. А. Вилькицкого, авторитет которого признавался и Советами. Выйдя из Архан-

гельска, Вилькицкий планировал плавание к устью Енисея на «Таймыре» и «Вайгаче», а затем увод их на восток и передачу Белой армии (вскоре в Архангельске произошел антибольшевистский переворот, и необходимость в уходе отпала). К тому же руководитель экспедиции имел поручение выяснить, что происходит в Сибири, где находится Колчак. Перед отходом Б. А. Вилькицкий связался с Союзом сибиряков-областников в Петрограде и в Сибири, последние должны были организовать доставку угля, речных судов и лихтеров для работы в устье Енисея. В устье реки уже имелся порт, куда могли заходить крупные корабли и грузиться хлебом. Гидрографам предстояло оборудовать радиостанцию в с. Дудинка и на Диксоне, доставить топливо и провизию людям, обслуживающим карские радиостанции. Командование «Таймыром» осуществлял лейтенант А. И. Ключ, командиром «Вайгача» и начальником Обь-Енисейской гидрографической экспедиции (одной из трех) стал старший лейтенант П. В. Тихменев, брат жены Вилькицкого.

18 августа 1918 г. корабли вышли из Архангельска, 7 сентября транспорты пришли к устью Енисея, чтобы выгрузить оборудование для радиостанции и устроить радиомачты. 8 сентября в 13.50, на подходе к мысу Ефремов Камень, «Вайгач» наскочил на подводный риф, не обозначенный на карте. Началась эвакуация части имущества на «Таймыр», а экипажа — на пароход «Туруханск», встреченный в Енисейской губе. Членом экипажа был дан приказ отправиться в с. Гольчиха за лихтерами, чтобы снять «Вайгач» с камня. Половина команды, по словам Вилькицкого, — «пропитанная большевизмом», отказалась. Остальные отправились выполнять приказ, доставили три лихтера и спасли часть пароходного имущества с «Вайгача». 19 сентября на пароходе «Лена» (в зоне аварии оказались пароходы «Лена» и «Орел») командир экспедиции списал 17 матросов с «Вайгача» и шесть — с «Таймыра», отказавшихся следовать в Архангельск. Вместе с ними на «Лену» перешли поручик Г. Л. Вульфийус и мичман В. А. Подгорный, посланный в Сибирь от союзного правительства. Часть команды с «Вайгача» вместе с П. В. Тихменевым отправились в Красноярск для возможного участия в последующих гидрографических работах в устьях Енисея и Оби. Возможно, Б. А. Вилькицкий, отправляя своего шурина в Красноярск, спасал его от наказания. Из Дудинки Вилькицкий связался с Временным Сибирским правительством, но ответное телеграфное сообщение запоздало. 3 октября руководитель Гидрографической экспедиции отправился с частью команды обратно в Архангельск.

Кузнецов Н. А. Затонувшие в Арктике. Аварии и катастрофы в полярных морях: <http://e-libra.net>; Кузнецов Н. А. Белые в Арктике. Год 1918-й. Забытые страницы: <http://magazines.gorky.media>.

- 90 После прихода к власти Верховного правителя А. В. Колчака и при его содействии было создано Морское министерство, куда вошло и Гидрографическое управление на самостоятельных началах. 19 ноября 1918 г. в Омске состоялось совещание по вопросам изучения и оборудования Северного морского пути. П. В. Тихменев представил доклад о том, что уже сделано в этом плане и что предстоит сделать. Рассматривались вопросы об устройстве порта в Обь-Енисейском заливе, составлении лоций, учреждении Директории маяков и пр. 5 января 1919 г. Колчак подписал проект Совета министров об открытии Северного морского пути, чтобы связать Запад с Востоком и увеличить снабжение Белой армии. По документам сборника «Партизанское движение в Сибири. Приенисейский край» (т. I), П. В. Тихменев в декабре 1918 г. находится в Енисейской губернии, во время формирования в Красноярске специальной роты морских стрелков в составе Отдельной стрелковой бригады под командованием контр-адмирала Г. К. Старка. В том же месяце старший лейтенант активно действовал против партизан Степного Баджея. В начале 1919 г. Тихменев, уже в чине капитана 2 ранга, командует отдельной бригадой морских стрелков. 10 января кавторанг с боем занимает с. Кияй, 11 января — д. Ингут, 14-го — ведет наступление на д. Нарву. 17—18 января партизаны дают «хороший» бой его отряду у Степного Баджея, заставив отступить.

22 января партизаны внезапно атакуют морских стрелков у д. Тюлюп. В тот же день Тихменев пишет конфиденциальное письмо начальнику Енисейского отряда особого назначения С. И. Афанасьеву о том, что флотский офицер никогда не будет иметь достаточного авторитета среди надерганных по всей Сибири частей. В письменном докладе командованию от 13 марта 1919 г. С. И. Афанасьев, П. В. Тихменев и есаул Трофимов, давая характеристику противнику, отмечали: «Хладнокровие, прекрасное применение к местности, предприимчивость и спайка — неоспоримые достоинства красных». П. В. Тихменев продолжит и дальше воевать в армии Колчака, отправится на Уралский фронт, где погибнет осенью 1919 г., став одним из последних георгиевских кавалеров Российского флота.

Партизанское движение в Сибири. Т. I. Приенисейский край. С. 60—61, 65—66, 110; Кузнецов Н. А. Белые в Арктике.

Вопрос о спасении ледокольного транспорта «Вайгач» будет подниматься в Морском министерстве в Омске 17 мая 1919 г. Один из членов совещания предложил взять пароход с Енисея и пару лихтеров срочно-казенного пароходства и проделать подготовительные работы на судне: освободить от угля и тяжелых наружных частей. Это облегчило бы задачу Б. А. Вилькицкому, который летом того же года предполагал начать спасательные работы. Представители пароходства проект отвергли, ссылаясь на то, что флот Енисейского бассейна ослаблен реквизицией судов на нужды военного времени.

Хроника // Свободная Сибирь. 1919. № 109 (505). 23 (10) мая.

- 91 В октябре 1918 г. успешные бои на Восточном фронте дали возможность временно переломить ситуацию в пользу большевиков. Хрупкий Брестский мир с Германией был чрезвычайно важен, так как часть немецких дивизий снялась с Восточного фронта, перебравшись на Западный фронт. Чтобы сорвать «похабный» мир, 6 июля 1918 г. левые эсеры совершили теракт, убив в Москве германского посла Мирбаха. Отряд эсера Д. И. Попова захватил ЧК и арестовал Ф. Э. Дзержинского. Большевистское руководство расценило это событие как попытку захвата власти. Все руководители, в том числе и известная М. А. Спиридонова, оказались в тюрьме, как и многие рядовые члены мятежа.
- 92 После захвата Белой армией значительных территорий — Поволжье, Урал, Сибирь, в России сформировалось около 30 преимущественно эсеровских правительств — Кочуч (Комитет членов Учредительного собрания) в Самаре, Омское, Уральское казачье и Сибирское временное, Дальневосточное и др. У политических и общественных деятелей России явилась мысль о создании единой всероссийской власти. Первая попытка собрать совещание по этому поводу состоялась в Челябинске 16 июля 1918 г., успели рассмотреть лишь организационные вопросы. 8/21 сентября 1918 г. открылось Уфимское государственное совещание, участниками которого стали представители всех социалистических партий, политических и общественных организаций, больше всех депутатов, более ста, представила партия эсеров. Рассматривая вопрос о характере будущей власти, участники первоначально предлагали диктатуру, однако на эту роль выбрано было некого, кроме А. И. Деникина и А. В. Колчака. В конечном итоге от диктатуры отказались, остановившись на коллективной власти. 10/23 сентября на торжественном общем собрании в Уфе была объявлена Всероссийская власть (Директория) в лице пяти человек: Н. И. Астров (член партии кадетов), Н. Д. Авксентьев (член партии эсеров), В. Г. Болдырев (беспартийный), П. В. Вологодский (беспартийный), Н. В. Чайковский (Трудовая народно-социалистическая партия). 3 ноября председатель Директории П. В. Вологодский формирует Совет министров, в который входит и А. В. Колчак в качестве военного и морского министра. Таким образом, складывалась, хоть слабая, консолидация правых и левых сил в России. В ночь на 18 ноября 1918 г. в Омске происходит переворот и устанавливается единоличная диктатура во главе с Верховным правителем адмиралом А. В. Колчаком. В ту же ночь 11 членов Директории, преимущественно эсеров, были арестованы подполковником Красильниковым.

Все они, в том числе и красноярский эсер Н. В. Фомин, будут расстреляны на берегу Иртыша. Несколько человек вывез английский экспедиционный отряд, остальные спасались как могли.

Воспоминания генерала В. Г. Болдырева. С. 9, 13; Богданов К. Как Колчак стал Верховным правителем // Омская старина. 1993. № 2. С. 68, 79; Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. С. 86.

- 93 В июле 1918 г. комитет Северо-морского пути организовал три экспедиции: Обскую, Енисейскую и Ленскую. Первые две экспедиции должны были заниматься устройством торговых караванов и товарооборотом. Ленская экспедиция носила разведывательный характер: определение протоков, по которым суда могут проходить по Лене. Руководителем ее назначили «опытное лицо» в «плаваньи в этих широтах», без указания фамилии. Им стал подполковник Б. Ф. Ушаков. Ленская экспедиция была организована для борьбы с большевиками на образованном в июле 1918 г. Восточном фронте. После 20 июля все три экспедиции должны были отправиться в плавание.

Сообщение // Свободная Сибирь. 1919. № 138 (534). 28 (15) июля.

На Восточном фронте дела обстояли следующим образом. В июне 1918 г. большевики разоружили части 2-й Чешской дивизии, находившейся в Иркутске, и освободили город. 11 июля город был взят войсками 1-го Средне-Сибирского корпуса Сибирской армии. В августе 1918 г. перед белыми стояла задача сломить сопротивление советских войск в Забайкалье на участке между железнодорожными станциями Танхой и Посольской. Выполнение этой важнейшей операции на Восточном фронте было возложено на подполковника Б. Ф. Ушакова. 16 августа в пять часов утра у Спасо-Преображенского Посольского монастыря на восточном берегу Байкала с пароходов «Феодосий», «Сибиряк» и «Бурят» высадился белый десант во главе с начальником штаба Восточного фронта подполковником Б. Ф. Ушаковым. Десантная группа состояла из солдат Барнаульского полка, чешских рот, сотни 1-го Енисейского казачьего полка общей численностью около 1100 человек. Группа двинулась к железнодорожной станции Посольской, расположенной в 14 километрах от Байкала. Десант должен был действовать осторожно, чтобы красногвардейцы на ст. Мысовой и ст. Селенга не догадались о захвате Посольской. Для прикрытия последней к Мысовой выступил Барнаульский полк. Тем временем красногвардейцы на 19-м разъезде разобрали пути, подвезли взрывчатку, чтобы взорвать мост у Посольской и отрезать Белой армии путь на Верхнеудинск. Ушаков со своим ординарцем и чехами-ударниками отправился на паровозе в сторону Мысовой, полагая, что там находится авангардная рота Барнаульского полка. Оказалось, что рота отошла от железнодорожного полотна, и паровоз с Б. Ф. Ушаковым въехал в расположение красных, которых принял за свою конную разведку. 17 августа (4 сентября) Ушаков и его адъютанта красногвардейцы отвели за полотно дороги, где вскоре расстреляли после пыток.

И. В. и В. Д. Подробности гибели Ушакова // Свободная Сибирь. 1918. № 88 (300). 31 (18) авг.; Подробности гибели полковника Ушакова // Воля Сибири. 1918. № 55. 31 авг.; Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. С. 295—297.

- 94 18 декабря 1917 г. Совнарком, после того как финский сейм принял Декларацию об объявлении Финляндии независимым государством, издал декрет о предоставлении независимости Финляндской республике. Провозглашение национальной независимости сопровождалось гражданской войной. Белофинны захватили северную и центральную части Финляндии, южная часть находилась под властью финской Красной гвардии. К середине мая республика была разгромлена. Опасаясь за судьбу Балтийского флота от захвата его германскими и финскими войсками, начальник морских сил А. М. Щастный начал операцию по выводу флота из Ревеля и Гельсингфорса в Кронштадт. Так, в феврале — мае 1918 г. осуществлялся героический Ледовый поход Балтийского флота, участником которого был и М. Т. Савицкий. После побега командира судна № 132 и части команды, захватив

несколько человек из минного дивизиона, Савицкий берет командование на себя и приводит судно в Гельсингфорс. В тяжелейших ледовых условиях было спасено 236 русских судов, в том числе 12 подводных лодок. Помимо Ледового похода, М. Т. Савицкий принимал участие в военных действиях с войсками белофиннов Маннергейма под Таммерфорсом, в составе добровольческого отряда матросов — на Белоостровском фронте, защищая подступы к Петрограду.

История России с начала XIX века до начала XXI века : в 2 т. Т. 2. М., 2009. С. 488; <http://ru.openlist.wiki>.

- 95 По воспоминаниям Т. Е. Перовой, взаимоотношения с тальцами были сложные. Руководители не имели желания подчиняться общему командованию, отличались неуравновешенностью, вели борьбу за обладание командованием. Как писал Г. Н. Попов, болезненное честолюбие К. А. Жестикова мешало развитию партизанского движения в Тальской волости. Имея небольшую армию, Жестиков не считался с тем, что рядом базируется целая партизанская армия. Когда все же вошел в состав этой армии, то долго его болезненное тщеславие мешало согласиться с тем скромным местом, которое он в ней занимал. О том же пишет в своих воспоминаниях и М. Т. Савицкий.
- 96 Речь идет о II Армейском съезде, проходившем в Степном Баджее в марте 1919 г.
- 97 Съезд в с. Вершино-Рыбинском в апреле 1919 г.
- 98 М. Т. Савицкий в воспоминаниях писал и о своем активном участии в военных действиях на Минусинском фронте (полного описания которых нет из-за утраты последних листов рукописи), о формировании отряда из военнопленных и довольно многочисленных боях (судя по перечислению населенных пунктов) с остатками Белой армии. Материал об освобождении Минусинского уезда не так велик. Участие в нем Савицкого практически не «замечено», обычно упоминается К. М. Логвинов. Организацию Манского полка из военнопленных во главе с Михаилом Тимофеевичем подтверждают двое партизан. В. В. Непомнящий: в Минусинске из взятых в плен мобилизованных организовал полк под командой Савицкого (с. 120). А. С. Ермолаев: Минусинский полк организовался в Городке под командой Савицкого. Для испытания партизан к готовности Савицкий дал тревогу в полночь (с. 149). О личной храбрости Савицкого еще в Канском уезде вспоминал М. Г. Кривошеев: «Был в бою с Савицким в Приреченском, и поведение Савицкого здорово подбодрило» (с. 198). И единственное упоминание — у Г. Н. Попова после того, как объединили Манский и Канский полки: «А Канский полк под командованием помощника Кузьмы Михайловича (Логвинова, ранен и отбыл на лечение. — Т. К.) М. Т. Савицкого продолжал двигаться вперед и уже на следующий день заняли Большую Ирбу и рудник „Юлия“». Сохранилась фотография Канского полка с каллиграфической надписью по нижнему краю: «1-й Канский полк п(а)ртизан(ской) армии. Комполка М. Савицкий» (фото опубликовано в «Воспоминаниях участников Гражданской войны в Минусинском уезде». Абакан, 1957).
- Попов Г. Н. Партизаны Заманья. Красноярск, 1974. С. 187.** В воспоминаниях М. Т. Савицкого читатель обратит внимание на несколько довольно резких помет на полях листов: «врешь», «все ложь». Они стоят там, где речь идет о совместных или касательных действиях с К. А. Жестиковым. Автор помет «в курсе всех дел», воевал рядом. В середине рукописи не хватает 11 очень важных, на наш взгляд, листов, где речь идет о формировании Савицким отряда из местных жителей с. Агинского. В нескольких рассказах партизан есть краткие упоминания, что Агинское являлось крепким и житочным селом. Чтобы «расшевелить» его и превратить в свой тыл, М. Савицкому, вероятно, пришлось приложить немало усилий. Одинадцать листов — это не копии, мы имеем дело с рукописью, из которой они по какой-то причине оказались утраченными. Кто-то рукопись читал и пытался править.
- Приведем довольно любопытный документ под названием «Ну, и жулики!» (автор обозначен как К. Ъ.), опубликованный в газете «Красный стрелок». Приводится копия письма вахтенного машиниста с «Вайгача» Алексея Капустина

к М. Т. Савицкому. Автор называет своего корреспондента почему-то капитаном «Вайгача». А далее следуют обвинения: Савицкий с частью команды был оставлен для охраны имущества, но предался ограблению, получив львиную долю вещей, не поделившись с Капустиным. «Но так как тебя слишком уважают, то мне показывают кукиш». В отместку обиженный машинист перечисляет вещи Савицкому, забранные им «как возврат, ему принадлежащий».

Красный стрелок. 1920. № 88 (218). С. 3.

В своих воспоминаниях Михаил Тимофеевич назвал Капустина провокатором, с которым команда Савицкого порвала всякую связь. О распродаже вещей и продуктов с «Вайгача» он пишет достаточно откровенно: почему продавали, как тратили деньги. С какой целью письмо бывшего машиниста могло попасть в газету, из зависти или опорочить? Под его сокращенной фамилией? Савицкий писал свои воспоминания, когда были живы еще многие партизаны, которые могли опровергнуть какие-то вехи его боевого пути. Тем более что составлялись они для сборника, для публичного чтения. В одной из тетрадей во время «второй экспедиции» 1933 г. А. К. Фефеловой сохранился документ о собрании в с. Перовском.

С. Перово. 24/VII 1933 г.

Собрание партизан.

У Александровой (жена М. В. Александрова. — Т. К.) 24/VII 1933 г. группа: Грызлов Филипп Васильевич, Гутиков Павел Иванович, Терещенко Андрей Афанасьевич, Жданов Александр Яковлевич, Халявин Тихон Сергеевич, Петров Федор Поликарпович (указано еще несколько человек, которые, вероятно, в собрании не участвовали, перечисляются как позировавшие для общей фотографии).

«Когда пришел Кравченко с баджейцами, здесь уже были выставлены посты (в Перове. — Т. К.). С Кравченко был уже пулемет. В доме Александрова выбрали полковое начальство. Выдвигали сначала Петрова, но он военного дела не знал, выбрали Александрова. Кравченко встретили восторженно. Никаких разногласий не было. Выдвигала и утверждала подпольная группа. На волостном сходе через два-три дня утверждали.

До этого из В(ершино)-Рыбной приезжал от Кравченко с письмом Иван Маркович Бородач. О Савицком не слышали, узнали только после его ранения, раньше слышали только о Жестикове. Сидело 30 человек в тюрьме в Канске, в том числе Белоконь и я, Жданов. Мы бежали из тюрьмы и подались к Кравченко за Тюлюп. Там было человек пятьдесят. Приехали в Солонечное-Талое, три раза наступали на Ной, но неудачно. Завязали связь с Кравченко. Это сделали я и Белоконь.

Когда мы приехали в Агинское, Савицкий работал, и при нас его ранило во время наступления. Лидин был заполошный командир, терялся. Савицкий еще дома чаек попивал, когда здесь шла работа вовсю. Савицкий много на себя берет и многое присваивает».

КККМ. О/ф 11913/18Д 10414. Л. 2—2об. Рукопись; КККМ. В/ф 9260/8. Л. 1. Машинписная копия.

Что побудило бывших партизан приводить нелестные высказывания о некоторых товарищах по оружию? Излишняя самостоятельность М. Т. Савицкого на протяжении большей части его боевой деятельности? Возможно, рассказы А. К. Фефеловой, связанные с его ролью в Гражданской войне и не только его. А. К. Фефелова входила в 1931 г. в Восточно-Сибирский комитет ВКП(б) — в состав его краевой комиссии по издательской деятельности о Гражданской войне. И рукопись Савицкого, скорее всего, читала. Находясь в 1933 г. в экспедиции, уточняла какие-то события и боевой путь партизан. На это указывают ее рассказы, почти в каждом населенном пункте, об участниках восстания в военном городке в Красноярске в июле 1919 г., она продолжала заниматься этой темой и после амнистии. Однако есть свидетельства и о том, что «наш Миша» (Савицкий), бывало, «хвастал», и его «одергивали» бывшие минусинские партизаны. Однако в бойцовской храбрости М. Т. Савицкого не сомневались. Не всегда бывшие партизаны объективно относились к своим товарищам. Были упреки и обиды, что кому-то досталось больше почестей, кто-то пользуется большим вниманием.

Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. С. 468—469.

Что касается сборника, куда должны были войти воспоминания Т. Перовой и М. Савицкого, он так и не вышел.

Из воспоминаний Солодилова Василия Алексеевича

99 23 декабря 1919 г. власть в Красноярске была захвачена эсерами. Е. Е. Колосов, имея полномочия Земского политического бюро, незадолго до этого созданного в Иркутске, предполагал провести переговоры с командованием советских войск, чтобы не допустить их вступления в Красноярск. Перед приходом Красной армии в город, в ночь на 2 января 1920 г., состоялся разговор по прямому проводу между командиром 1-й бригады 30-й стрелковой дивизии Красной армии Грязновым Иваном Кенсариничем (из Ачинска) и генералом Б. М. Зиневичем и Е. Е. Колосовым. Последний заявил, что «наша основная цель — созыв Сибирского Учредительного собрания для окончательного установления формы власти. Я знаю, что вы относитесь отрицательно к идее Учредительного собрания. Считаю это с вашей стороны ошибкой...». Ни в какие политического характера соглашения военкомбриг вступить с Колосовым и Зиневичем не пожелал: «Надеюсь, скоро... предложить трудовому народу на выбор: гнилое соглашательство с мелкобуржуазными элементами общества или диктатура пролетариата и трудового крестьянства». И. Е. Грязнов потребовал сохранить жизнь арестованным людям, находившимся в Красноярской тюрьме. Генерал Зиневич соглашался на сдачу оружия частями Красноярского гарнизона, но настаивал оставить его до прихода Красной армии для поддержания порядка в городе. Грязнов не вступает в разговор о перемирии и предлагает готовить гарнизон к капитуляции.

Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 175—176; Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. С. 378—379.

В тот же день состоялся разговор Зиневича и Колосова с военным комиссаром 30-й дивизии Сергеем Николаевичем Кожевниковым, находящимся в Боготоле, с городом к этому времени была восстановлена телеграфная связь. Переговоры, судя по тому, что комиссар даже не назвал свою фамилию, кончились ничем.

Ниже приводятся очередные телеграфные переговоры Б. М. Зиневича с командованием Красной армии, которые состоялось в ночь на 3 января, на этот раз с начальником штаба 30-й дивизии Богомяковым Степаном Николаевичем: «— Кто говорит?

— У аппарата командующий войсками Енис(ейской) губернии ген(ерал) Зиневич.

— Я Ачинск... У аппарата начштадив Генерального штаба Богомяков?.

Зиневич: Я слушаю.

Начштадив: Вы передали военкому одного из наших полков, чтобы Вас штадив вызвал по прибытии. Чем могу служить.

Зиневич: Мне хотелось несколько изменить пункты перемирия о сдаче оружия. Мне хотелось, чтобы оружие было сдано не заблаговременно, а перед самым приходом красных войск, иначе я не в состоянии буду предотвратить нежелательных эксцессов.

Начштадив: Я не совсем понимаю почему Вы называете сдачу гарнизона перемирием, во-вторых, кто не за нас, тот против нас... поясню, если Вы, с вверенными Вашему командованию войсками, готовы идти с нами рука об руку, то, естественно, им необходимо так или иначе выйти из пассивного состояния по отношению к разбитому противнику, который отходит на восток, преследуемый по пятам регулярными частями красных войск. Из двух указанных предложений следует альтернатива — или обратить оружие против общего врага, или сдать его, согласно пункта 4-го о капитуляции, возложив охрану города на революционных рабочих. Имею еще несколько вопросов. 1. Имеете ли Вы какую-либо связь со штабом фронта или со штабом колчаковских войск? 2. Если да, то в чем именно эта связь выражается?

Зиневич: Оружие будет сдано, но я прошу его сдать только позднее, а не заблаговременно, так как отходящие разбитые части вносят некоторую дезорганизацию и производят грабежи и насилие над жителями города, что, конечно, не в Ваших интересах. Священной обязанностью считаю не пролить ни одной капли крови при сдаче, если хотите — капитуляции Красноярска. Связи со штабом фронта и штабами армий не имею, почему и действую самостоятельно по причинам, изложенным в моем открытом письме к русскому народу. Письмо большое; **Л. 1** если желаете поинтересоваться, могу передать.

Начштадив: Речь идет не о капитуляции города Красноярска, а гарнизона. В наши задачи кровопролитие тоже не входит. Если Вам гарантировать безопасность мирного населения от бегущих частей колчаковских войск, то необходимо организовать в Красноярске революционный штаб, который и должен озаботиться поставить под ружье столько рабочих, сколько потребуется для охраны и безопасности имеющегося у города казенного имущества. Отступающий противник настолько слаб, что не будет большой необходимостью выставлять для противодействия насилия и грабежа большое количество. Удовлетворены ли Вы ответом?

Зиневич: Нисколько. Наш разговор принимает расплывчатые формы. Я вношу конкретную поправку в уже выработанные условия, а именно: сдать оружие частям гарнизона перед самым приходом Ваших войск. Принимается ли эта поправка или нет, если нет, то почему. Военно-революционный штаб уже сформирован. Вы не ответили мне относительно моего открытого письма к русскому народу; если интересуетесь, могу передать.

Начштадив: О письме помню, но считаю его в разговоре делом второстепенным, прошу передать его по окончании разговора, кроме того, текст письма имеется у начдива. Продолжаю разговор: мне крайне расплывчатой кажется фраза «перед самым приходом красных войск». Каким образом Вы думаете установить время? Ибо оно ни от нас, ни от Вас не зависит, части могут войти на несколько часов раньше или позднее, и это должно быть Вам известно как человеку военному. Моим предложением я и хотел рассечь гордиев узел взаимного непонимания, или неправильного толкования, встати, когда Вы предполагаете должны войти в Красноярск наши части?

Зиневич: Вы, очевидно, не осведомлены о разговоре с командиром бригады Грязновым. Я этот вопрос ему задавал, он ответил, что это тайна. Ответом я удовлетворился. Мы условились, что Ваши войска будут встречены нашей делегацией на разъезде Бугач, вот этот-то пункт я и прошу считать как начало сдачи оружия частей гарнизона.

Начштадив: Хорошо. Ответьте на пункт о вооружении рабочих и из кого состоит революционный штаб и в каких взаимоотношениях Вы с **Л. 2** ним находитесь. После разговора дайте перечень частей гарнизона с указанием наличного состава.

Зиневич: В революционном штабе состоит членом от Комитета общественной безопасности и общественных организаций председатель Комитета общественной безопасности, остальные члены — рабочие и солдаты. Весь штаб из шести человек. Ему принадлежит вся власть в губернии. Формирование армии из рабочих не входит в мои задачи и для меня неприемлемо по причинам, изложенным в моем открытом письме. Перечень частей гарнизона могу сообщить завтра, но количество штыков и людей установить пока трудно, т. к. люди разбегаются.

Начштадив: Сосчитаете у котла, больше ничего. Генерального штаба Богомяков.

Зиневич: Честь имею кланяться, генерал Зиневич. До свидания, благодарю.

Верно: зав(едующая) отд(елом) Революции Фефелова».

Приписка А. К. Фефеловой от руки: «запись переговоров передана отделу (бывшим) председателем Совета рабочих и солдатских депутатов (1919—1920 гг.) т. Вольфанг(ом), который при разговоре находился и записал его, но, к сожалению, отказывается от категорического утверждения — записаны ли переговоры на слух или уже после переговоров с ленты.

Зав(едующая) отд(елом) Революции Фефелова». **Л. 3**

ККМ. В/ф 12466/2. Разговор по прямому проводу ген. Зиневича с начальником штаба 30-й дивизии Красной армии С. Н. Богомяковым. 3 января 1920 г. Л. 1—3. Машинпись.

В итоге все переговоры закончились тем, что город должен сдать. Всем участникам гарантировалась полная неприкосновенность независимо от чина и занимаемой должности, кроме лиц, замешанных в «угнетении и истерзании мирных жителей». В отношении мирного населения гарантировано «гуманное радушное отношение». Гарнизон разоружается, оставляется только необходимая часть для несения службы по охране города. Оружие складывается в артиллерийские склады и цейхгаузы. Начальники частей представляют полные сведения о своих частях немедленно же при входе Красной армии в город. Таковы условия, на которых сдается город Красноярск.

Телеграммы // Народный голос. 1920. № 3. 3 янв.

В ночь с 3 на 4 января 1920 г. власть в городе взяли большевики. На сторону восставших перешла большая часть Красноярского гарнизона. 4 января генерал-майор Б. М. Зиневич был арестован вместе со штабом, как и бывший член Учредительного собрания Е. Е. Колосов. Общественность города заявила протест против ареста генерала, говоря, что он предвратил кровопролитие в Красноярске. На что революционный штаб заявил, что «меры к охране личной безопасности его приняты и лучше Зиневичу пока быть в заключении, так как действия штаба отличаются гуманностью». 8 января 1920 г. в Красноярск вошли части 30-й стрелковой дивизии 5-й Красной армии. 15 января был ликвидирован Восточный фронт. Эсеровская газета «Народный голос» констатировала: «Совершенно неожиданно произошел переворот в Красноярске, власть перешла к революционному Комитету... Примем этот переворот как факт и будем с ним считаться. Но мы должны выставить свои скромные требования. Новая власть должна взять на себя охрану порядка и национально-го имущества».

В том же номере была опубликована статья Е. Е. Колосова «„Брестский мир“ сибирской демократии», в которой он писал: «Мы должны признать Советскую власть и не должны бойкотировать ее, если она сделает сколько-нибудь серьезные шаги для установления мира».

Народный голос. 1920. № 4 (9). 6 (24) янв.

100 Белые войска шли с огромными обозами, так как железнодорожный транспорт был захвачен чехами. Дети, женщины, больные ехали вместе с воинскими частями. Сыпнотифозных, находившихся в бреду, привязывали к саням или лошадам, чтобы не выскочили. Каппелевцы раздевали людей прямо на улицах, сдирали шубы, полушубки. Очищали кооперативные лавки, вырывали серьги из женских ушей. После прохода Каппеля местное население заболело тифом.

Рябиков В. И. Центросибирь. С. 186.

101 Наиболее организованно откатывался Каппель, бои шли у самой Алексеевки, дальше не пропустили. «Белые устремились в обход города — на Солонцы, Коркино, через Енисей и дальше. Колчаковцы, не допущенные в город со стороны Алексеевки, устремились в сторону Енисея, вышли выше моста. Ниже Затона соединились с теми, которые шли через Коркино. С чехами была договоренность на словах, что они не будут мешать и гарантируют свое невмешательство в боевые действия, а мы им поможем эвакуироваться (накануне восстания в Красноярске на ст. Енисей находились два чешских эшелона. — Т. К.). Если бы они вступили в спину отрядов, положение было бы проигрышное. С целью контроля чехов была отправлена комендантская команда, которую чехи выгнали. Но конфликт удалось уладить». Как писал в своих кратких воспоминаниях член штаба Я. Вольфанг, положение было очень тяжелое. Общая охрана Красноярска составляла по численности десятую часть отступающего противника. Чехам также невыгодно было задерживаться, так как по пятам шла Красная армия. Чехи успели выбраться до прихода армии, следом сербы, американцы, итальянцы, французы, поляки.

Воспоминания Степанова Николая Лаврентьевича. Л. 42; ККМ. В/ф 8797/15. Воспоминания Я. Вольфанга. Л. 2.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В борьбе за власть

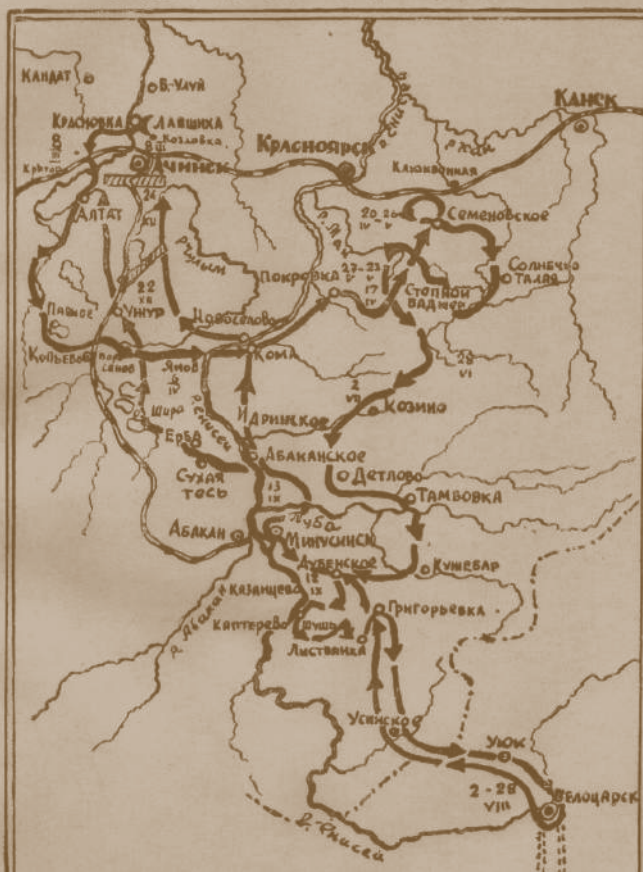
Воспоминания о боевом пр

С этого номера редакция газеты будет публиковать воспоминания участников партизанского движения Ирбейского района 1918 — 1920 г.г., о боевом прошлом в борьбе за власть Советов. Первым даем выступление К. Жестикова.

Этой фотографии на ва...
рит молодой К. Я. Жести...
—руководитель партизан...
отряда Ирбейского рай...
Сейчас К. Я. Жестиков...
шестой десяток, он нахо...
ся на пенсии, проживает...
омске.
снимке К. Я. Жестиков.
Фото Ю. Лёрентас.

СХЕМА ПОХОДНОГО ДВИЖЕНИЯ КРАСНЫХ ПАРТИЗАН В ПЕРИОД 8/III - 24/XII 1919 г.

...кова был образован...
...еже подпольный во...
...революционный комитет...
...таве 7 товарищей. Секрета...
...ревкома был избран Гри...
...ов Ф. А., а я бы...
...начен командиром пар...
...анского отряда, моим по...
...ником—Грибушин Ф. (...
...оследствии Грибушин вме...
...е 75 бойцами был переда...
...Кравченко по его просьб...
...из них был образован Тал...
...й полк, а Грибушин бы...
...начен командиром Тальск...
...полка).
...расногвардеец Н. Д. Ро...
...участник красноярск...

ИМЕННОЙ СПИСОК БЫВШИХ КРАСНЫХ ПАРТИЗАН УБЫСИНСКОГО ЛЕТУЧЕГО ОТРЯДА, КОТОРЫЕ ПЕРВЫМИ ВСТУПИЛИ В ОТРЯД В АВГУСТЕ 1918 ГОДА И ДО КОНЦА БОРЬБЫ С КОЛЧАКОВЩИНОЙ СОСТАВЛЯЛИ ОСНОВУ КОСТЯК ОТРЯДА

1. Кашлев Василий Осипович (*умер от ран, полученных в бою на Казачинском тракте, май 1919 г.*)
2. Стазаев Иван Ильич (*командир взвода*)
3. Востриков Иван Прокопьевич (*командир отряда*)
4. Востриков Василий Прокопьевич (*погиб от рук белобандитов в августе 1924 года*)
5. Ермаков Пётр Иванович (*погиб на фронте Отечественной войны*)
6. Неретин Яков Харлампиевич (*погиб в бою под Тасеевом, июль 1919 года*)
7. Зверев Леонтий Петрович
8. Зверев Григорий Петрович (*погиб на фронте Отечественной войны*)
9. Липунов Василий Емельянович
10. Мокринский Пётр Степанович
11. Мокринский Иван Григорьевич (*командир взвода*)
12. Мокринский Михаил Григорьевич
13. Воропаев Пётр Григорьевич
14. Воропаев Алексей Григорьевич
15. Черных Алексей Иванович
16. Черных Пётр Игнатьевич (*погиб в бою под д. Мокрушей, июнь 1919 года*)
17. Черных Фёдор Игнатьевич (*погиб во время Отечественной войны*)
18. Стазаев Пётр Андреевич (*погиб на Врангелевском фронте*)
19. Неретин Степан Павлович
20. Стазаев Фёдор Иванович
21. Ермаков-Скобелев Иван Иванович
22. Мокринский Семён Иванович
23. Яковлев Роман Тарасович (*командир взвода*)
24. Александров Иван Ивлевич
25. Шапцов Василий Степанович (*командир взвода*) **Л. 1**
26. Шапцов Иван Степанович
27. Толстых Семён Захарович
28. Неретин Иван Степанович (*погиб во время Отечественной войны*)
29. Емельянов Иван Петрович
30. Емельянов Фёдор Николаевич
31. Орлов Фёдор Кузьмич
32. Чернышёв Василий Иванович (*командир взвода*)
33. Чернышёв Семён Иванович
34. Чернышёв Пётр Иванович
35. Чернышёв Михаил Иванович
36. Кашлев Дмитрий Ефтифеевич
37. Баклыков Фёдор Константинович
38. Истомин Егор Фомич
39. Истомин Фрол Фомич (*погиб на Врангелевском фронте*)
40. Кабанов Иван Григорьевич
41. Марков Фёдор Сергеевич
42. Попов Матвей Калинович
43. Чернышёв Мирон Павлович
44. Чернышёв Семен Павлович
45. Дьяков Степан Яковлевич
46. Рогов Степан Фёдорович
47. Мокринский Матвей Степанович
48. Толстых Михаил Тимофеевич
49. Лупов Яков
50. Ставер Степан
51. Дроздов Кирил
52. Дроздов Игнат (*начальник пулемётной команды*)
53. Наливкин Григорий Васильевич
54. Наливкин Иван
55. Чулилов Дмитрий
56. Курилкин Павел (*лекпом отряда*)
57. Чернышёв Иван
58. Пантелеев Евгений

59. Чернышёв Дмитрий
60. Марков *(погиб в Кайтымском бою)* Л. 2
61. Марков Андрей *(мальчик 14 лет, связной)*
62. Зверев Иван Спиридонович
63. Шапцов Василий Никитич
64. Кузьменко Василий
65. Расписков *(погиб в бою на Казачинском тракте, май 1919 года)*
66. Чернышёв Андрей Афанасьевич
67. Ка(о)легов
68. Марков Сергей Ефимович *(погиб во время Отечественной войны)*
69. Гурен Андрей
70. Жуков Андрей
71. Глотов Селиверст
72. Шкрадов Гавриил
73. Пасечников Матвей
74. Гузенков Иван
75. Кочанов Василий
76. Котов Егор
77. Цуканов Иван
78. Шилов Степан
79. Ермаков Сергей Л. 3

КККМ. О/ф 3227/3. 4 л. 1957 г. Машинопись. Могут быть ошибки в написании фамилий в машинописи.

СПИСОК ГРАЖДАН ДЕРЕВНИ ЧУРЮКОВОЙ МИХАЙЛОВСКОЙ ВОЛОСТИ (НЫНЕ ДЗЕРЖИНСКОГО РАЙОНА), ПОГИБШИХ ОТ РУК КОЛЧАКОВСКИХ ПАЛАЧЕЙ В 1919 ГОДУ

Востриков Прокопий Евлампиевич. Два сына его были партизаны, один из них командир партизанского отряда. Как свой человек, по рекомендации партизан, он был избран старостой формально, а по существу — представителем Советской власти. Активно помогал партизанам: обозы с продовольствием, фураж и др. материалы, предназначавшиеся для колчаковских гарнизонов, направлял им так, что они всегда перехватывались партизанами. Передавал ценные сведения о колчаковцах, пересылал секретные пакеты для прочтения, а одиночные офицеры, заезжающие в деревню, захватывались. Трижды подвергался истязаниям и в июле 1919 года отрядом полковника Роммера был расстрелян. Л. 3

Мокринский Григорий Филиппович. Два его сына были в партизанах. Когда был создан Убысинский отряд, у него в бане с августа по конец декабря 1918 года секретно существовала оружейная мастерская по ремонту собираемого оружия и заряжались патроны. Здесь была и явочная квартира. Расстреляли одновременно с Востриковым П. Е.

Яковлев Тарас. Сын его был партизан, активный участник в подготовке к восстанию, собирал оружие, боеприпасы, вел агитацию среди населения волости. Колчаковцами был сожжен в доме вместе с четырехлетним внуком.

Командир Убысинского летучего отряда,
член Армейского военного совета. Востриков (подпись) Л. 4

КККМ. О/ф 3227/4. 1957 г. Машинопись. Здесь и далее стиль сохраняется.

**СПИСОК ОТРЯДОВ, РОТ И ЭСКАДРОНОВ, ПОЛОЖИВШИХ НАЧАЛО СОЗДАНИЮ ТАСЕЕВСКОЙ
СОВЕТСКОЙ АРМИИ И СЕВЕРО-КАНСКОМУ ФРОНТУ, И ФАМИЛИИ ИХ КОМАНДИРОВ.
ДЕКАБРЬ 1918 Г. — МАЙ 1919 Г.**

Название отрядов, рот и эскадронов	Приблизительная дата создания отряда, роты, эскадрона	Фамилия, имя, отчество их командиров
1	2	3
1. Убысинский летучий отряд	август 1918 года	Востриков И.П.
2. Шеломовский отряд	декабрь 1918 года	Халчевский П.Ф.
3. 1-я Тасеевская пехотная рота	декабрь 1918 года	Малышев Н.И.
4. 2-я Тасеевская пехотная рота	--	
5. 3-я Тасеевская пехотная рота	--	Кузменко В.
6. Денисовский отряд	январь 1919 года	Быстров
7. Топольский кавалер. эскадрон	--	Нижегородов И.З.
8. Канарский кавалер. эскадрон	--	Прохоров
9. Тасеевская «серебряная» рота	февраль 1919 года	Дюков А.
10. Тасеевская лыжная команда	январь 1919 года	Астафьев П.А.
11. Барковский кавалерийский эскадрон	февраль 1919 года	Рудаков Е.К.
12. Кандаковский отряд	--	Накладов
13. Отряд особого назначения	март 1919 года	Топин В.И.
14. Пулеметная команда	май 1919 года	Дроздов Игнат
15. Пехотный отряд Благирева	апрель 1919 года	Благирев
16. Кавалерийский эскадрон Какаулина	май 1919 года	Какаулин В.
17. Кавалерийский эскадрон Любимова	май 1919 года	Любимов
18. Кавалерийский эскадрон Мокринского	апрель 1919 года	Мокринский М.С.
19. Апанский отряд	февраль 1919 года	Апанович
20. Асанский отряд	февраль 1919 года	Мишин
21. Кучеровский отряд	февраль 1919 года	Афанасьев
22. Пехотный отряд Янсона	май 1919 года	Янсон

Бывший командир Убысинского летучего отряда,
член Армейского военного совета
Востриков (подпись) **Л. 3**

КККМ. О/ф 3227/5. 3 л. 1957 г. Машинопись.

Приложение 3

**СПИСОК ТОВАРИЩЕЙ, КОТОРЫЕ ЯВЛЯЛИСЬ ОРГАНИЗАТОРАМИ ПОДГОТОВКИ
ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ, А ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ РУКОВОДЯЩИМ СОСТАВОМ
ТАСЕЕВСКОЙ (ПАРТИЗАНСКОЙ) АРМИИ СЕВЕРО-КАНСКОГО ФРОНТА**

Август 1918 года — март 1920 года

Фамилия, имя, отчество	Занимаемая должность в армии
1. Астафьев Фёдор Александрович	Член Армейского военного Совета
2. Буда Николай Мартенианович	Командующий армией и фронтом
3. Яковенко Василий Григорьевич	Председатель Армейского военного Совета
4. Бабкин Филипп Яковлевич	Член Армейского военного Совета
5. Бадин Василий	Член Армейского военного Совета
6. Вашкорин Иван Анисимович	Начальник агитполитотдела армии
7. Востриков Иван Прокопьевич	Член Армейского военного Совета и агитполитотдела армии
8. Гришненко Матвей Тимофеевич	Предсовета народного хозяйства
9. Кренц Виталий Осипович	Член Армейского военного Совета
10. Пантелеев Евгений	Пред. Ревтрибунала армии
11. Рудаков Ефрем Константинович	Член Армейского военного Совета
12. Кашлев Дмитрий Евтифеевич	Зам. председателя Ревтрибунала армии
13. Мякушко Парфирий Сергеевич	Член Армейского военного Совета
14. Чаган Исидор Михайлович	Руководитель следственной комиссии
15. Швецов Лаврентий Емельянович	Член Совета народного хозяйства

**АКТИВНЫЕ ОТВЕТСТВЕННЫЕ РАБОТНИКИ РУКОВОДЯЩИХ ОРГАНОВ
ТАСЕЕВСКОЙ СОВЕТСКОЙ АРМИИ СЕВЕРО-КАНСКОГО ФРОНТА**

1. Буда Мартениан Мартенианович	Член Совета народного хозяйства
2. Буда Семён Мартенианович	Руководитель оружейной мастерской и лабораторией
3. Сухотин Сергей	Член агитполитотдела
4. Колпаков Сергей	Ответработник Совнархоза
5. Говорек Фома Иванович	Ответработник Совнархоза
6. Егоров Кузьма Артамонович	Ответработник Совнархоза
7. Лобов	Пом. командующего фронтом Л. 1
8. Халчевский Петр Филиппович	Член Армейского военного Совета
9. Горохов Павел	Член агитполитотдела
10. Виноградов Александр	Начальник школы комсостава

В список включены те товарищи, которых я помню или вспомнил, поэтому прошу прощения у тех, которых я в список не включил, за 38 с лишним лет из памяти много испарилось. Многие забылось.

Бывший командир Убысинского летучего отряда,
член Армейского военного Совета и агитационно-политического отдела
Тасеевской советской армии
Северо-Канского фронта Востриков (подпись) **Л. 2**

КККМ. О/ф 3237/2. 2 л. 1957 г. Машинопись.

**СПИСОК УБИТЫХ И РАССТРЕЛЯННЫХ ТОВАРИЩЕЙ С 8 ИЮЛЯ 1918 ГОДА ПО 17 СЕНТЯБРЯ 1919 ГОДА. СПИСОК ДАЕТСЯ ПО ПАМЯТИ И ВЫПИСКЕ ИЗ КНИГИ КРАСНОЯРСКОЙ ТЮРЬМЫ, СДЕЛАННОЙ МНОЮ ТОЛЬКО ЗА 1919 ГОД В 1927 ГОДУ.
ЭТОТ СПИСОК НЕ ОТРАЖАЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО КОЛИЧЕСТВА УБИТЫХ**

№	Фамилия, имя и отчество	Дата	Обстоятельства	Ссылка
1	Окулов Владимир Иванович	8 VII 18 г.	Во время боя в с. Монастырском	Рассказ тов. Балакина
2	Дымов Емельян	12 или 13 июля 1918 г.	В бою под Нижней Тунгуской	Л. 793а
3	Дымова			
4	Муковин			
5	Кузнецов Константин Васильевич	Тоже	Станок Искуп Туруханского края во время боя. Около д. Кунгутовой	Рассказ тов. Балакина. Сообщение кап. парох. «Лена» Ильинского
6	Лебедева Ада Павловна	27 июля 1918 года	Растерзана казаками по дороге с пристани в тюрьму	
7	Марковский Тихон Павлович			
8	Печёрский Самуил Яковлевич			
9	Матушевский Викентий Францевич	28 IX 1918 года	Уведён из дома и убит	
10	Сисин Сергей Петрович			
11	Кольгоф Гуго и группа других товарищей-интернационалистов	Сентябрь 1918 г.	Выведены из Красноярской тюрьмы и не возвращены обратно	Л. 793б
12	Белопольский Илья Исаевич	24 октября 1918	Расстрелян по решению чешского военно-полевого суда	Приговор суда
13	Вейнбаум Григорий Спиридонович		Тоже	
14	Дубровинский Яков Фёдорович		Тоже	
15	Парадовский Александр Феликсович		Тоже	
16	Яковлев Валентин Николаевич		Тоже	
17	Коростелёв Николай Иванович	Март 1918	Увезён в Канск и там казнён	
18	Непомнящий Исай			
19	Часовщиков Егор	15 апреля 1919 года	Ангарец, земец. Выдан хорунжему Сологубенко для казни	Тюремная книга Тоже Тоже Тоже Л. 793в
20	Егоров Иван		Тоже	
21	Захаров Евграф		Тоже	
22	Соколов Семен		Тоже	
23	Сигов Мина		Отправлен в распоряжение коменданта города. Расстрелян как заложник поручиком Сологубенко	
24	Петров Александр			
25	Амадео Анастасий			
26	Симоненко Александр Иванович	29 апреля 1919 года	Тоже	Тюремная книга Тоже Тоже Тоже Тоже Тоже Тоже Тоже Тоже Тоже
27	Блинов Иван Иванович		Тоже	
28	Маерчак Виктор		Тоже	
29	Соломатов Григорий		Тоже	
30	Бойчук Ян		Тоже	
31	Левальд Карл		Тоже	
32	Мариловцев Василий		Тоже	
33	Коростелёв Геннадий		Тоже	
34	Пепсин Иоганн		Тоже	
35	Нитавский Алексей		Тоже	
36	Вейман Фёдор	10 мая 1919 года	Расстрелян как заложник поручиком Стемпневским	Тюремная книга Тоже Тоже Тоже Л. 793г Тоже Тоже Тоже
37	Боград Яков Ефимович		Тоже	
38	Петерсон Ольгерт		Тоже	
39	Иоффе Семён Моисеевич		Тоже	
40	Стенслау Ян		Тоже	
41	Коншин Иван			
42	Шульц Эрнест Янович		Тоже	
43	Перенсон Адольф Густавович		Тоже	
44	Минчук Афанасий (Ракомболь)		Тоже	

45	Андреев Михаил Яковлевич	12 мая 1919 года	Выдан хорунжему Сологубенко	Тюремная книга
46	Андреев Семён Яковлевич			
47	Самохвалов Дмитрий	Май 1919 года	Отправлен в Ачинск и там расстрелян в числе других	
48	Бляшко Александр	15 июня 1919 года	Расстрелян как заложник Л. 793д	Отправлен комендант. города
49	Ткаченко Кондратий		Тоже	Тоже
50	Афанасьев Михаил		Тоже	Тоже
51	Пекаж Григорий		Тоже	Тоже
52	Портных Яков		Тоже	Тоже
53	Тамаров Сергей		Тоже	Тоже
54	Третьяков Дмитрий		Тоже	Тоже
55	Зейле Людвиг		Тоже	
56	Шатек Алий	15 июля 1919 года	Убит часовым в окно. Чех	
57	Кузнецов Владимир	16 сентября 1919 года	Вызваны к коменданту города и не возвращены	Тюремная книга
58	Соболев Иван			
59	Васильев Александр		Убит казаками и похоронен за Покровской слободой. В тюремной книге: «Отправлен в Туруханский край»	Тюремная книга
60	Темных Константин		Тоже	Тоже
61	Ссадин Евгений		Тоже	Тоже
62	Никифоров Николай		Тоже	Тоже
63	Аликин Сергей		Тоже	Тоже
64	Гущин Иосиф		Тоже	Тоже
65	Пекаж Янина		Тоже	Тоже
66	Регман Август (Мательсон)		Тоже	Тоже
67	Рогалев Эдислав		Тоже	Тоже Л. 793е
68	Петров Алексей		Тоже	Тоже
69	Метелев Петр		Тоже	Тоже
70	Гончарский Андрей	17 сентября 1919 года	Тоже	Тоже
71	Бруновская Альвина		Тоже	Тоже
72	Довбня Михаил Яковлевич		Тоже	Тоже
73	Гущик Зинаида Ефимовна		Тоже	Тоже
74	Мадей Антон Войцехович		Тоже	Тоже
75	Староверов Иван Алексеевич		Тоже	Тоже
76	Сеченов Михаил Гаврилович		Тоже	Тоже
77	Крутиков Иван Васильевич		Тоже	Тоже
78	Исаков Моисей		Тоже	Тоже
79	Староверов Владимир		Тоже Л. 793ж	Тоже
80	Гончарский Фёдор		Тоже	Тоже
81	Шаманский Абрам			Тоже
82	Брайловский Алексей			Тоже
83	Непомнящий — надзиратель			Тоже
84	Мухин — надзиратель			Тоже
85	Бабуя Александр	30 июля 1919 года	Расстрелян, вероятно, вместе с Кольгофом	
86	Исаев Тимофей Никитич		Расстрелян после подавления восстания в военном городке 30 июля 1919 года	

Примечание. В 1927 году Красноярский Истпарт послал меня в тюрьму посмотреть, нет ли там вещей или книг, оставшихся от сидевших при Колчаке советских и партийных работников. Я ничего не нашел, но в конторе мне показали книгу приема арестованных, содержащихся в тюрьме в 1919 году. Я сделал выписку выбывших из тюрьмы с отметками, по какому поводу выбыли. В книге так и было написано: «отправлены в Туруханский край» против товарищей, которых, как мы знаем, увезли и растерзали казаки. В этой группе попало несколько надзирателей и уголовных. Как в то время говорили, всей этой группе приписали организацию побега, но это только форма, которая была придана не без участия шпионов для того, чтобы уничтожить еще несколько человек. Когда нас отправляли из тюрьмы на восток, казацкие офицеры тоже приезжали, чтобы взять несколько человек, но им это почему-то не удалось.

КККМ. О/ф 3276/49. Хроника военной работы в г. Красноярске и в Енисейской губернии за период 1917—1919 гг. Составил А. А. Поздняков. 6 л. 1927 г. Машинопись.

**СПИСОК БЫВШИХ КРАСНОГВАРДЕЙЦЕВ И КРАСНЫХ ПАРТИЗАН БОГОТОЛЬСКОГО РАЙОНА,
ПОГИБШИХ ОТ РУК ПАЛАЧЕЙ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В 1918—1920 ГОДАХ**

1	Еременко Михаил	Кассир жел.-дор. ст. Боготол, в 1918 г. был комиссаром г. Боготола, член КПСС. Белыми и интервентами был арестован, отправлен в Мариинскую тюрьму, в 1918 г. расстрелян
2	Гарбер Исак Владимирович	Красногвардеец, член КПСС, в 1918 г. расстрелян белыми
3	Скворцов Яков Петрович	Слесарь Боготольского паровозного депо, красногвардеец, в 1918 г. расстрелян белыми
4	Серебряков Игнатий Фёдорович	Красногвардеец, смазчик-вагонник ст. Боготол, в 1918 г. расстрелян белыми
5	Папков Сергей	Красногвардеец, член КПСС. В 1918 г. был на Мариинском фронте против интервентов, в 1919 г. расстрелян белыми
6	Карабанов Дмитрий Михайлович	Член КПСС, красногвардеец, слесарь Боготольского паровозного депо, участник Мариинского фронта, интервентами был арестован и в 1918 г. в Тобольской тюрьме белыми расстрелян
7	Бардашевский	Красный партизан, ротный командир партизанского отряда Зубова-Буркова, в 1919 г. убит интервентами в бою
8	Суров Дмитрий	Красногвардеец, красный партизан, фельдшер, в 1919 году убит белой бандой
9	Халтурин Николай	Москвич, член КПСС, красногвардеец, красный партизан, конспиративник, в 1919 г. расстрелян
10	Капустин Яков	Красный партизан отряда Зубова-Буркова, в 1919 г. расстрелян в деревне Двухреченске Волинского с/с Боготольского района
11	Матвеев Михаил Андреевич Л. 1	Красногвардеец, до 1918 г. служил кондуктором Боготольского резерва, член КПСС, участник Мариинского фронта, после падения фронта т. Матвеев ушел в подполье на конспиративную работу, собирал материал и оружие, передавал в партизанский отряд Зубова-Куркова. В 1919 г. колчаковцы расстреляли в деревне Четь Боготольского района
12	Клим Полагеич	Красный партизан отряда Буркова-Зубова, в 1919 году в июне месяце погиб от взрыва бомбы
13	Гребенкин Василий	Красногвардеец, взводный командир, участник Мариинского фронта, в 1918 г. в июне месяце в селе Б. Косуль белыми расстрелян
14	Кабанов	Слесарь Боготольского паровозного депо, красногвардеец, в 1918 г. расстрелян интервентами
15	Красько Василий	Бельчинский (?), красногвардеец, 17-летний юноша, активный борец, хороший конспиративник, рабочий-слесарь депо, в 1919 г. расстрелян
16	Немов Михаил Карпович	18 лет возраст, село Б. Косуль, красногвардеец, участник Мариинского фронта в борьбе против интервентов, после падения фронта Немов М. был арестован и брошен в тюрьму, где интервенты в 1918 г. расстреляли
17	Немов Карп Галактионович	Из села Б. Косуль, который активно вел борьбу за завоевание Советской власти, помогал красногвардейцам и красным партизанам, за что был белыми арестован и отправлен в Томскую тюрьму, и только с приходом Красной армии (с 1919 г. по 1920 г.), которые освободили Немова К.Г. из тюрьмы. Но жить ему не пришлось, сразу же умер — замучен белыми палачами
18	Шадрин Степан	Красногвардеец, машинист водокачки ст. Критово, в июне месяце 1918 г. расстрелян белой бандой на ст. Критово
19	Бондарёв	Котельщик паровозного депо ст. Боготол, которого контрразведке выдали. Бондарев был убит белым бандитом

20	Бурков Анатолий Матвеевич	15-летний юноша, связной подпольщик, родной брат командира партизанского отряда Буркова-Зубова. Мальчик Бурков А.М. был послан с секретным поручением из г. Боготола в отряд. Посланец был встречен чешской разведкой в 3-х км от деревни Лебедевка на проселочной дороге, идущей в дер. Дуровка. Чехи схватили мальчика Буркова, увезли его на ст. Каштан в 20 км от ст. Боготол. Буркова долгое время мучили, хотели узнать от него все секреты. Им нужно было знать, где его брат Бурков И.М. (Зубов), командир партизанского отряда, и всё-таки интервенты ничего не добились. После долгого мучения Бурков А.М. был расстрелян в 1919 г. в июне месяце
21	Бурков Матвей	Член КПСС, красногвардеец, смазчик-вагонщик ст. Боготол. В 1918 г. белыми был арестован, сидел в тюрьме до изгнания колчаковцев, с приходом Красных войск Бурков М. был освобожден из тюрьмы и сразу же скончался. Это родной отец командира партизанского отряда и отец мальчика Буркова А.М.
22	Налетов Антон	Красный партизан, в 1919 г. убит белыми при наступлении между деревней Тузлуковка и Львовка. Тов. Налетова похоронили на кладбище дер. Лебедевка Л. 2
23	Зиновкин Аврам	Красный партизан, в 1918 г. расстрелян белыми в деревне Четь при отступлении Мариинского фронта
24	Онухов Дмитрий Николаевич	Красный партизан Зубова отряда, в 1919 г. погиб от белых банд
25	Рудов Г.	Красный партизан, погиб в дер. Павловка при сражении с колчаковскими бандами в 1919 г.
26	Бурков И.М.	
27	Беляков Анатолий Иванович	Поездной мастер паровозного депо ст. Боготол
28	Айтов Фёдор	Зав. горкомхоза Л. 3

Зав. отделом культуры Николай Осипов

КККМ. О/ф 3242 (1—2), 4429/1—2. 3 л. 1957 г.

СПИСОК РАССТРЕЛЯННЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ КОЛЧАКА С 16 АВГУСТА 1919 ГОДА ДЕЯТЕЛЕЙ АЧИНСКОГО СОВЕТА

1. **САМОХВАЛОВ Дмитрий Спиридонович**, народный учитель, коммунист с 1917 г. Председатель школьного отдела г. Ачинска. Идеальнейший безукоризненный советский работник, член Ачинского исполкома. При Николае II отбывал каторгу, затем ссылку в Канском уезде. В конце 1917 г. и в начале 1918 г. состоял комиссаром учительской экономии. Мягкий в обращении, умело улаживал все конфликты и всюду ставил дело на должную высоту. Расстрелян как заложник.

2. **ГАМБЕРГ-ГРАДОВ**, артист, комиссар Народного просвещения в г. Ачинске. В 1917 г. был принят в члены Ачинской партии коммунистов-большевиков. Тов. Градов всегда безвозмездно устраивал спектакли в пользу партии, а также честно и добросовестно исполнял все партийные поручения. Арестован был в Минусинске и препровожден в Красноярскую тюрьму. В июле 1919 г. переведен в Ачинскую тюрьму, в которой и был расстрелян.

3. **ВАХРУШЕВ Федор Семенович**, крестьянин Пермской губернии, член Ачинского Совета от увечных воинов, был избран членом Исполнительного комитета. Во время диктатуры Колчака четыре раза арестовывался и в последний раз расстрелян. После товарища Вахрушева остались жена и дочь.

4. **КИШ Франц**, военнопленный офицер Австро-Венгерской армии. По убеждению коммунист-интернационалист. Первый организатор отряда интернационалистов, который был послан на Семеновский фронт в начале 1918 г. Сильный оратор, жизнерадостный, в обращении всегда деликатный и вежливый. Тов. Киш пользовался огромнейшей популярностью. Наряду с безграничной добротой, умом и силой воли в своих действиях был всегда решителен и бесповоротен. Во время заключения в Красноярской тюрьме был уважаем всеми заключенными, не только политическими, но и уголовными. Расстрелян как заложник (по другой версии, Ф. Киш погиб во время восстания в военном городке в Красноярске в июле 1919 г. — Т. К.).

5. **ПУКЛЕР Людвиг**, военнопленный Австро-Венгерской армии, рабочий. По убеждению коммунист-интернационалист. Человек с сильной волей и твердой верой в торжество идей Интернационала во всем мире. Скрывался с 18 июня 1918 г. по апрель 1919 г. Был пойман где-то на заимке у крестьянина, у которого работал. Пуклер обладал колоссальной физической силой. С виду серьезный, если вдруг узнавал, что имеет дело с товарищами по убеждению, был добродушен и откровенен. Всегда радовался при успехах венгерских вождей — Бела Куна и др. Ненавидел до глубины души чехов и называл их предателями демократии.

6. **АНТИПИН**, казначей Ачинского Совета, крестьянин, по профессии счетовод. Арестован был чехами, когда ехал из Ачинска с деньгами в Красноярский Совет. Добросовестный и честный советский работник, был расстрелян. Осталась жена.

7. **КЛЮКВИН Василий Андреевич**, крестьянин Нижегородской губернии Княжеского уезда Больше-Акминской волости, родился в 1884 г., мобилизован в Благовещенске и отправлен в Ачинск, где был в полку до свержения самодержавия. Был избран Крестьянским съездом в члены Исполнительного комитета Ачинского Совета и состоял помощником председателя Ачинской продуправы. За две недели до взятия Ачинска белыми переведен в Красноярский продовольственный комитет.

В день занятия белыми Красноярска был арестован и заключен в Красноярскую тюрьму. Переведен в Ачинскую тюрьму, где и (был) расстрелян. Со дня переворота и за все время службы он твердо стоял на платформе Советской власти. Л. 1—2.

8. **НЕСТЕРОВ Абрам Петрович**, крестьянин Рязанской губернии, занимался письмоводством. Редактор — сотрудник издаваемого в Ачинске журнала «Путь деревни». По убеждению левый эсер. При власти Керенского был председателем Ачинского Совета. В 1917 г. был избран на Крестьянский съезд в Петроград. Арестован в Ачинске в ночь на 1 января 1919 г. за помещение статьи критического содержания о Колчаке и его сотрудниках. Абрам Петрович отличался широким кругозором. Сидя в Ачинской тюрьме, делился своими впечатлениями, а также пищей, которую доставляла его жена с товарищами. Всегда говорил, что царство Колчака погибло, и слова его сбылись, но ему, энергичному и честному, не пришлось дожидаться прихода «красных орлов», как он всегда говорил. Был расстрелян, после его смерти осталась жена.

9. **ПАВЛОВ Иван**, житель г. Ачинска, член Совета от Союза извозчиков, был избран в Ачинский исполком и состоял председателем городского отдела в 1918 г. до свержения Советской власти. Арестован в 1919 г. в июне месяце и заключен в Ачинскую тюрьму, в которой находился до 16/V 1919 г. Это был энергичный, честный советский работник, который видел смерть и смотрел ей смело в глаза и перед палачами Колчака не молчал, говорил: «Вы, палачи, сейчас меня расстреляете, а завтра за мой труп вас будут расстреливать, все равно Колчаку не царствовать в Сибири». Над телом тов. Павлова палачи зверски издевались, тело было исколото штыками, покрыто кровоподтеками от ударов прикладами. После смерти тов. Павлова осталась семья: мать, жена и дети.

10. **КОСЫМОВ Илья**, коммунист с 1905 г., техник, житель Минусинского уезда, был (выбран) от рабочих Томской ж.-д. ст. Ачинск I в члены Ачинского исполкома и комиссаром ст. Ачинск I Томской ж. д. Это(т) честный (человек) был энергичный исполнитель своих прямых обязанностей, как партийных, (так) и Совета. Умело подходил к народу и силой воли всегда умел организовать массу и вести по правильному пути. Тов. Косымов после полевого суда в одиночной камере говорил: «Белые завтра убьют меня, но созданное мною и организованное дело никогда не убьют и не задушат этой крови, близок час светлой, (будущей) свободной жизни, нам его не дожидаться, пусть палачи кровожадного диктатора Колчака убивают нас, но нашей кровью создается и укрепляется вечное единение товарищей рабочих, крестьян». Косымов был арестован в г. Минусинске 13 июля и препровожден в Красноярскую тюрьму, где был расстрелян 16 августа 1919 г.

После смерти т. Косымова остались жена и трое детей.

11. **ФИЛИППОВ Василий Трофимович**, крестьянин села Кольцово той же волости Ачинского уезда. Коммунист с 1917 г. С октября месяца 1917 г. работал в Ачинском комитете 31-го полка и со дня Октябрьского переворота был избран членом Исполкома — председателем следственной комиссии. Был арестован белыми в июле 1918 г. Это был честный работник. Он умело убеждал массу и разъяснял каждому его поступки. Тов. Филиппов расстрелян по приговору полевого суда 16 августа 1919 г.

Остались мать и дочь. Л. 3—4

12. **ГЕРСТЕНБЕРГ Ральф**, военнопленный, интернационалист, 28 лет. Опытный, энергичный советский работник. Расстрелян 16 августа 1919 г. **Л. 3—4**

13. **НИКИТИН Федор Михеевич**, уроженец Тамбовской губернии, г. Спаска, 39 лет, по профессии слесарь-механик. Состоял в партии большевиков с 1902 г. В 1912 г. как большевик был арестован в Красноярске в ж.-д. мастерских и сослан в Якутскую область, где пробыл 2 года и вернулся в Красноярск. Был избран выборщиком во II Государственную думу от рабочих Енисейской губернии. Когда Дума была разогнана, снова арестован. В 1916 г. взят на военную службу, служил в Петроградской электророте. При перевороте избран в Петроградский Совет, в 1918 г., кончив военную службу, приехал в Красноярск, где был избран членом Совета исполкома от мастерских г. Красноярска. При наступлении чехословаков сражался на фронте по реке Чулым Енисейской губернии. 13 марта 1919 г. приехал в город Ачинск, где 6 апреля был арестован, а 23 июня того же года как заложник расстрелян в числе 12 человек.

После смерти его остались жена Мария Лаврентьевна и сын Евгений.

14. **КУРЧИК Самуил**, житель г. Ачинска, рабочий-хлебопек, был избран членом Исполкома Ачинского Совета и комиссаром Ужурской волости. Тов. Курчик — прекрасный оратор. Расстрелян был как заложник 23 июня 1919 г. Остались жена и ребенок.

15. **КИСЛИЦЫН**, член Совета, избранный от городского населения. По профессии кузнец-слесарь, 50-летний. Расстрелян 23 июня 1919 г. как заложник. После смерти остались жена и четверо взрослых детей.

16. **БАДРИН Григорий**, секретарь Исполкома, избран крестьянами Шарыповской волости Ачинского уезда. 32-х лет, честный и безупречный, расстрелян как заложник в 1919 г. 13 июня. Остались жена.

17. **МАЛЬЦЕВ Дмитрий**, крестьянин Минусинского уезда, лесовод. В 1917 г. был избран от 31-го полка секретарем полкового комитета и членом военного отдела при выборах в Красноярский отдел, был избран секретарем названного отдела. Состоял членом Совета Исполкома города Ачинска. В лице тов. Мальцева погиб честный, энергичный советский работник. В 1917 г. ездил в качестве делегата в Красноярск на съезд Советов. 13 июня 1918 г. заключен в Ачинскую тюрьму и расстрелян 23 июня 1919 г. как заложник. После его смерти остались жена и ребенок 3-х лет.

18. **НАЗДРИН Амлодисий (?) Миронович**, уроженец г. Красноярска, 27 лет, комиссар Учумской народной экономики, был членом Ачинского Совета. В 1918 г. 19 июня арестован в Минусинске, откуда отправлен в Красноярскую тюрьму. В мае месяце 1919 г. переведен в Ачинскую тюрьму, где был расстрелян как заложник 23 июня в числе 12 человек. После смерти остались жена и двое детей.

19. **ЛОБЕЦКИЙ Григорий Каллистратович**, приказчик лавки потребителей деревни Нагорной, крестьянин. Заключен в Ачинскую тюрьму по распоряжению начальника уездной милиции. По дороге был избит. Был арестован за уничтожение пакетов по мобилизации и агитации среди крестьян не давать новобранцев Временному правительству и Директории. Сидел в Ачинской тюрьме до апреля 1919 г. В апреле был увезен казаками из тюрьмы, а впоследствии изуродованный труп был обнаружен в проруби реки Чулым. Место, где похоронено тело Лобецкого, не обнаружено. После смерти остались жена и трое детей. **Л. 5—6**

20. **КАЛИНИН Андриан**, 35 лет, рабочий завода бр. Лабезниковых в г. Ачинске. От рабочих завода избран членом Ачин-

ского Совета, 11 апреля 1919 г. был арестован, 7 мая 1919 г. расстрелян как заложник. Остались жена, пять человек детей.

21. **КАБАНОВА Екатерина Ивановна**, 34 года, большевичка-коммунистка. Народная учительница села Курбатово. В феврале месяце 1919 г. (7 мая) расстреляна как заложница. Остались двое детей.

22. **КРЮКОВ Семен Васильевич**, уроженец Воронежской губернии, 42 года. За аграрные беспорядки в 1905 г. выслан в Сибирь, получил амнистию, но остался жить в г. Ачинске. В 1918 г. от профсоюза рабочих кооператива был избран членом в Ачинский Совет, 8 апреля 1918 г. был арестован, содержался в Ачинской тюрьме и 7 мая как заложник расстрелян. После смерти остались жена, четверо детей.

23. **СЛОБОДЧИКОВ Василий Николаевич**, родился в 1888 г. в г. Ачинске. С 1910 г. отдался социалистической подпольной работе. В г. Иркутске сидел в тюрьме 1 год 2 месяца. После свержения самодержавия был избран председателем Союза военных чиновников в Петрограде. После Октябрьской революции вернулся в Ачинск. Состоял председателем городского отдела и членом Исполкома. В 1918 г. был арестован и препровожден в Ачинскую тюрьму, где пробыл трое суток, был отправлен с другими товарищами в Красноярскую тюрьму и по пути на ст. Чернореченской его расстреляли в числе 12 человек в ночь на 26 июня 1919 г.

Остались после смерти мать, жена.

24. **ЦУНСКИЙ Федор Михайлович**, родился в 1886 г. в с. Тулун Иркутской губернии. Жил в г. Ачинске. Служил на Ачинск-Минусинской ж. д. От рабочих этой же дороги был избран в ж.-д комитет и члены Ачинского Совета. 19 июня 1919 г. был арестован и 26 июня на ст. Чернореченской расстрелян.

Остались жена и четверо детей.

25. **ПОТЕХИН Лев**, крестьянин с. Салгон, 23-х лет, коммунист. Лесовод, служил у воинского начальника старшим писарем и от команды писарей был избран представителем в Ачинский Совет, где состоял секретарем Исполкома. Последнее время был выбран комиссаром труда и промышленности. В 1918 г. 19 июня был арестован и заключен в Ачинскую тюрьму. Препровожден в Красноярск, но по пути следования расстрелян 26 июня на ст. Чернореченской.

Потехин — молодой, энергичный советский деятель. Выезжал в Иркутск на подавление юнкерского восстания. В последний день Советской власти выступил с отрядом против банды белых офицеров в окрестностях Ачинска. С врагами народа действовал смело и самостоятельно и не давал им пощады, за свои дела и веру в торжество дела трудящихся тов. Потехин умер. Умирать шел бодро, с улыбкой, с сознанием, что святое дело победит. Остались жена и ребенок.

26. **ЗВЕРЕВ Константин Ефимович**, крестьянин Козульской волости Енисейского уезда, народный учитель, 30 лет. В 1917 г. состоял в партии коммунистов Ачинской организации, от 13-го полка был избран в Ачинский Совет и Исполком. Состоял председателем военного отдела Ачинского Совета. Расстрелян 19 июня 1918 г. Тов. Зверев пользовался большой популярностью среди красноармейских частей. Неутомимый работник, для народа был могучей силой воли, работал днем и ночью, отдавал все свое знание для любимого трудового народа. После смерти тов. Зверева остались мать, жена и ребенок. **Л. 7—8**

27. **ЖАБИНОВ Константин**, крестьянин Минусинского уезда, писмоводитель. Анархист-коммунист, от команды воинского начальника был избран в Ачинский Совет. Служил комиссаром гостиниц. В 1918 г. был арестован и препровожден в Ачинскую тюрьму, из которой переведен в Красноярскую, но по пути следования в ночь на 26 июня на ст. Чернореченской

был расстрелян, но не умер, а остался тяжело раненный, был перевезен обратно в Ачинск. Скончался в переселенческой больнице 2 июля 1918 г. После смерти осталась мать.

28. **ДЖАУНОВ Петр**, крестьянин Ачинского уезда, 23 года, сапожник, расстрелян 18 июня 1919 г. как дезертир колчаковской армии, убежденный сторонник Советской власти. После смерти остались мать и жена.

29. **ПОЛЕЖАЕВ**, крестьянин Ачинского уезда, 23 года, почтово-телеграфный служащий, красноармеец-доброволец, был на Мариинском фронте против чехов. Расстрелян 18 июня 1918 г. как дезертир колчаковской армии. После смерти его остались старые отец и мать.

30. **ЛЯХ**, крестьянин с. Ужур, по убеждению большевик, 23 года, письмоводитель. Задержан был с оружием в руках по пути следования из Ачинского военного городка в партизанский отряд красных. Расстрелян 21 июня 1919 г. После его смерти остались родители — отец и мать.

31. **ЖУК**, крестьянин Ачинского уезда, 23 года, задержан с оружием в руках как красный партизан. Расстрелян в июне месяце 28-го числа 1919 г. После смерти тов. Жука остались жена и трое детей.

32. **ВОЗНЕСЕНСКИЙ**, крестьянин Минусинского уезда. Расстрелян в д. Селедковой Подсосенской волости Ачинского уезда 19 июня 1918 г. Тов. Вознесенский по убеждению был непреклонным большевиком и хорошим советским работником. От членов Совета был избран в Ачинский революционный трибунал. После его смерти остались жена и трое детей.

33. **МАНКЕВИЧ Гавриил Лукьянович**, 27 лет, крестьянин д. Кишинёвки Б.-Улуйской волости, переселенец из Западной

России. Народный учитель, был на военной службе в чине прапорщика, по убеждению левый эсер. Хороший оратор, организатор советских учреждений по народному образованию. 26 июня 1918 г. расстрелян на ст. Чернореченской. После смерти осталась семья.

34. **ЖОРНОВ**

35. **КОРНЕЕВ**

36. **КНЯЗЕВ**

37. **ЗАГУЛИН**

38. **ХИТРИН Иван**

Все эти товарищи расстреляны как заложники 23 июня 1919 г. Подробности их расстрела, равно как и их биографий, неизвестны.

По предположению, все они крестьяне-повстанцы.

39. **ГУБЕНСКИЙ Фома**, мариинский фронтовой пулеметчик.

40. **ГРЕНШТЕЙН**

41. **МУЧНИК Федор**, расстрелян 7 мая 1919 г.

Биографий на них нет.

42. **ПОЛЯК**

43. **ДЖОУЛЬ**

44. **КАРПЕНКО**

Расстреляны в ночь на 26 июня 1919 г., сведений о них нет.

Л. 9—10

КККМ. О/ф 4535. 10 л.

Материалы взяты из ачинской газеты «Крестьянин и рабочий» (1920. № 1. 25 апр.) в день годовщины расстрелянных.

Приложение 7

РСФСР
Комиссар
Приангарского
края
Сентября 11-го дня 1919 г.
№ 2
С. Богучанское

Тасеевскому районному
Армейскому совету

Уважаемые товарищи!

Первым долгом считаю обязанностью сообщить Вам о состоянии Приангарского края в военном и административном порядках. В Приангарском крае, как Вам уже отчасти известно, оперируют два наши отряда: Верхнеангарский и Нижнеангарский. Район Верхнеангарского отряда простирается по Кежемской волости и выше по течению Ангары, а район Нижнеангарского отряда в нижней части Пинчугской волости. Относительно Верхнеангарского отряда, как видно на первый взгляд, можно дать отзыв вполне удовлетворительный. В последнее время туда вошли идейные работники и повели дело блестяще. Все темные элементы улетучились, испарились, но это повело не к уменьшению, а к увеличению отряда, так как население, видя хороших руководителей, начало поступать в добровольцы, а также оказывать содействие отряду во всем необходимом без террористических мер.

Около 20 августа отряд этот одержал блестящую победу присоединением к нему части белых, а именно 103 человека со всем оборудованием, что действительно **Л. 1** много усилило ряды нашего отряда. Во главе с белыми присоединился один офицер, штабс-капитан, а двоих офицеров убили. Вообще дела там обстоят очень хорошо, и приходится лишь им пожелать идти по намеченному пути.

Что касается Нижнеангарского отряда, то дело представляется гораздо иначе. В отряде находятся по большей части дезертиры, т. е. те, которые ушли с фронтов во время июньского наступления. Руководителей опытных у них нет. Сами они немного зайчиковаты, словом, они любят там поработать, где делать нечего, следствием этого они желают существовать автономно, т. к. не желают подчиняться никакой другой организации. При таких обстоятельствах даже в самом лучшем случае представляют из себя щепку на море, которая становится бессильною в борьбе с волнами. Такое существование отряда, по моему мнению, есть бессмыслица, потому что он существует только до тех пор, пока нет неприятеля: при первом же появлении его отряда этот без всякого сопротивления разбежится кто куда, что уже случилось мне видеть наглядно в Манзе (д. Манзинская Пинчугской в. Енисейского у. — Т. К.), когда пронесся слух о появлении белых в Каменке, хотя их вовсе и не было. Желательно было бы, чтобы дела в этом отряде исправились, стали на твердую почву, чтобы отряд этот соединился тесно и дружно с другими революционными войсками и действовал в согласии с последними. **Л. 2**

Если же не удастся это сделать, то отряд этот будет приносить не пользу, а вред революции, потому что его надо содержать, а эти средства нашли бы себе лучшее помещение, а во-вторых, население будет судить их по их действиям, и эта оценка будет применяться темным народом ко всем. Это все, что я могу сказать о Нижнеангарском отряде. Что касается белых, то в данное время на Ангаре их нет нигде. Это уже признак того, что они теряют почву под ногами, а поэтому им некогда лечить пальцы, когда сердце близко к разрыву.

При проезде на Ангару я завернул в Шиткинский штаб, где мне официально сообщили, что Ангара в своем верхнем течении, начиная с Кежемской волости, должна числиться районом Шиткинского фронта, т. к. она по своему географическому положению находится ближе к Шиткинскому фронту, а во-вторых, с самого начала восстания там оперируют отряды Шиткинского фронта, а поэтому этот район должен выйти из моего ведения, о чем они якобы сообщили уже Тасеевскому армейскому военному совету.

Но так как на Шиткинском съезде представителя от Верхнеангарского отряда не было, то я считаю, что Шиткинский штаб не вправе определять район этот своим, а тем самым и указывать мне район для моих действий, и я пока буду действовать так, как мне указано **Л. 3** Тасеевским Советом, тем более что район этот более зажиточный и может оказывать содействие нашей армии. Если же с Вашей стороны предъявления Шиткинского штаба будут признаны правильными, то прошу мне сообщить, чтобы я мог принять к сведению Ваше по этому делу мнение. При сем прилагаю отношение Шиткинского штаба.

С товарищеским приветом
Комиссар Пайст

P.S. Нижнеангарский отряд, т. е., собственно говоря, часть его, сильно огорчился тем, что я сделал не по-«социалистически», т. е. не поделил между ними тех сумм, которые были собраны мною для революционных войск, распустил слух, что я собрал полмиллиона руб. и убежал, но меня там поймали и убили, так что население Ангары считает, что я из мертвых воскрес. Скверные, действительно, людишки: своими делами потеряли доверие населения и стараются подорвать и мой авторитет. Но навряд ли им это удастся, потому что брошенное в меня попало как раз в них; население говорит, что Пайст, оказывается, не бежал и не убит, а вы, действительно, подлецы, когда средством борьбы считаете ложь и клевету. **Л. 4**

КККМ. В/ф 614—53. Отчет П. М. Пайста Тасеевскому армейскому совету о состоянии Приангарского края в военном и административном положении. 4 л. 1919 г. Рукопись.

СООБЩЕНИЕ КОМИССАРА ПРИАНГАРСКОГО КРАЯ АРМЕЙСКОМУ ВОЕННОМУ СОВЕТУ СЕВЕРО-КАНСКОГО РАЙОНА. С. БОГУЧАНЫ. 14 СЕНТЯБРЯ 1919 ГОДА

Уважаемые товарищи!

Относительно ситуации на Ангаре я Вам уже сообщал в № 2, но так как сейчас сведения мои увеличились, то постараюсь сообщение № 2 пополнить. Пополнение сие коснется исключительно только Нижнеангарского отряда. Из предыдущего донесения видно, что отряд этот состоит большей частью из дезертиров и дела в нем ведутся плохо, но многое было от меня скрыто, и я еще имел надежду, что, быть может, положение поправится, **Л. 1** но теперь оказывается, что ничего подобного не случится. Дело в следующем: Нижнеангарский отряд по уходе белых из Рыбного и Тайги вывез оттуда все, и главное, необходимое в данное время для фронта: спички, мыло, масло, мясо, кожи, пишущие машины. Сколько чего еще, хорошо мне неизвестно, но порядочное количество. Так, например, кож более 200, мяса 500 пудов, масла 80 пудов, порядочно мыла, спичек и еще кое-каких предметов. Предметы эти можно бы поделить с великой пользой на все фронты, а, между прочим, этого нет. Нижнеангарский отряд захватил народное добро и распоряжается по своему усмотрению, а распоряжение это состоит в том, что тратят эти продукты прямо непозволительно: **Л. 2** берет каждый, сколько кому надо, издержал, продал, бросил, с этим не считаются.

Товарищи! До этого мы не должны допустить! Нельзя на это смотреть и ничего не предпринимать. Наши товарищи, которые сражаются с врагом, которые каждый час должны стоять на страже, рискуя ежеминутно своей жизнью, сидят в окопах полуголодные, полубосые, не имеют куска мыла хоть раз в неделю умыться, а трусы-дезертиры ушли за ихние спины и расхищают народные богатства. Они растащили все южные прииски и куда чего девали, нет никакого отчета. Все бесконтрольно распродано и растрчено. И сумма немалая, тут пахнет миллионами. Товарищи, **Л. 3** если мы будем на это смотреть равнодушно и не будем предпринимать никаких мер, то часть вины падет на нас, и когда придет Российская Советская власть, то как мы ей посмотрим в глаза, разве нам не стыдно будет? Ведь мы представимся ей не как защитники народные, а как грабители и расхитители народного богатства.

Товарищи! Давайте действовать, пока не поздно, давайте спасти свою честь и неистраченную часть народного достояния, а если будем медлить, то будет поздно. Мое мнение, а также т. Лукасика, разоружить отряд, взять народное богатство и отправить туда, где оно необходимо и где принесет пользу революции. Но так как у нас нет сил, то предлагаем немедленно послать нам **Л. 4** силу человек 30 или 25. Нам достаточно будет этого для ликвидации этого бесчинства. В противном случае, товарищи, я слагаю с себя ответственность за то, что будет происходить на Ангаре, а свой долг я исполнил: донес и высказал свое мнение¹. Дальнейшее зависит от Вас.

При сем присовокупляю следующее: в Каменке держать фронт — прямо бессмыслица, туда никто не приходил и не придет, наверное, а если бы вздумали белые идти, то этот отряд, даже не давая выстрела, бежит, не считаясь с тем, сколько белых. За это ручаюсь смело. По моему мнению, в Каменке если оставлять, то оставить человек 10 для разведки и **Л. 5** связи, больше не надо, а это количество можно будет выбрать в отряде, там найдется несколько порядочных людей, но теперь они теряются в толпе, и если ничего не будет предпринято, то они намерены покинуть отряд¹.

С товарищеским приветом комиссар Пайст
Секретарь В. Лукасик

Р. S. Известно, что мыла вывезено до 20 ящиков, а спичек до 12 ящиков. **Л. 6**
КККМ. О/ф 3425/1. 6 л. 1919 г. Фотокопия из Музея Революции СССР.

15—24 ноября 1919 г. в с. Бакчет Канского уезда состоялся II Военно-армейский съезд делегатов Северо-Канского фронта. На повестке дня съезд поставил вопрос о действиях Нижне-Ангарского отряда по расхищению народного достояния. После зачитания материала П. М. Пайста и пояснения Галактионова большинством голосов съезд постановил: дело передать следственной комиссии для установления виновных лиц.

Партизанское движение в Сибири. Приенисейский край. Т. I. С. 264.

А

Абрамов Николай Ильич (1891 — ?), родом из Таганрогской губ., из семьи политссыльного. Крестьянин д. Уджей Сагайской в. Минусинского у. Участник Первой русской революции 1905 г. Фронтвик, был ранен. После Февральской революции 1917 г. избран членом сельского совета в своей деревне. Арестован как дезертир, но был отпущен по комиссии. Участник Минусинского (дубинного) крестьянского восстания. После поражения скрывался на р. Ус. Партизан Степно-Баджейской партизанской армии. Ходил на ликвидацию банд. Присутствовал на похоронах П. Е. Щетинкина. (С. 94, 164, 167—168, 172, 191, 194—197, 224.)

Августинович Александр Петрович (1875—1952), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Член РСДРП с 1907 г. За пропаганду среди рабочих Кронштадтского механического завода был арестован и приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь. В 1909 г. прибыл в д. Троицкую Енисейского у. Весной 1915 г. переехал в Красноярск, устроился в «Акционерное общество пароходства по реке Енисею». После Февральской революции 1917 г. участвовал в выборах Совета рабочих депутатов. В марте 1917 г. перешел на работу в железнодорожные мастерские, вскоре вступил в Красную гвардию, вошел в ее штаб. Летом 1917 г. был избран в Красноярскую городскую думу. После контрреволюционного переворота занимался сбором денежных средств для подпольных организаций. (С. 24.)

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878—1943), общественный и государственный деятель. Член партии эсеров и ее ЦК с 1905 г. После Февральской революции 1917 г. избирался членом исполкома Петроградского Совета. Депутат Всероссийского учредительного собрания. По решению ЦК эсеровской партии выехал в Сибирь для организации антибольшевистского сопротивления. Входил в состав Директории Временного Всероссийского правительства. (С. 427.)

Адосинская Клавдия Ивановна (1887 — ?), активная участница Гражданской войны. За революционную деятельность была арестована в Тамбовской губ. летом 1909 г. и выслана в д. Усть-Куду Иркутской губ. В 1911—1916 гг. проживала в Канске. В 1916 г. переехала в Минусинск. Член РСДРП(б) с 1917 г. Член рабоче-солдатской секции, член следственной комиссии. Арестована в числе 24 человек в июне 1918 г., находилась в Минусинской, затем Красноярской тюрьмах. В декабре того же года в «эшелоне смерти» была отправлена на восток. Освобождена иркутскими партизанами близ ст. Черемхово. (С. 307.)

Аксенов Александр Митрофанович (1886 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из Тульской губ. В 1897 г. приехал с родителями в д. Ново-Николаевку Канского у. Перовской в. Крестьянствовал. В 1915 г. был мобилизован как ратник ополчения 2-го разряда. Фронтвик. В 1916 г. воевал на Рижском фронте, был ранен. 27 сентября 1916 г. арестован за агитацию среди солдат. Отправлен в Ригу, в учебную команду, в чине младшего унтер-офицера. На одном из занятий заговорил о ненужности войны. Оставили взводным, но посадили на 28 суток на гауптвахту. 28 октября того же года был ранен и отправлен в Петроград. Дали два месяца отпуска, выписали на костылях. Партизан Степно-Баджейской партизанской армии, помощник заведующего армейской оружейной мастерской. (С. 81—82, 211, 328.)

Александров Михаил Власович (1880/1882—1919), активный участник Гражданской войны. Уроженец с. Агинского Кан-

ского у. Из крестьян-бедняков, батрачил. Обзаведясь хозяйством, проживал в с. Перовском. Фронтвик. Награжден Георгиевским крестом IV степени. Член РСДРП(б) с 1917 г. Председатель Перовского комитета в 1918 г. Организатор повстанческого отряда, командир Перовского фронта, затем командир Канского полка партизанской армии Степного Баджея. Один из талантливейших организаторов партизанской борьбы. Конфликтовал с главкомом А. Д. Кравченко. После неудачного наступления (по настоянию главкома) на с. Вершино-Рыбинское Канского у. потерял многих бойцов в своем отряде. До этого его отряд не знал ни одного поражения. Будучи обвиненным в трусости, покончил жизнь самоубийством. Похоронен в с. Перовском. (С. 8, 15, 78—79, 85, 88, 90, 310, 316—318, 321—323, 325—327, 330—332, 334—335, 338—340, 345, 350—351, 362—364, 367, 370—373, 379—381, 390, 393—394, 424, 426, 428.)

Александрова Наталья Гавриловна (1883 — ?), родилась в с. Перовском. Жена М. В. Александрова. Из бедняцкой семьи, затем обзавелись середняцким хозяйством. Член Перовской подпольной организации, на что указывала П. И. Саломатова в своих воспоминаниях. (С. 85—86, 428.)

Алиферов Иван Иванович (1873 — ?), родом из Харьковской губ. Крестьянин-бедняк, затем середняк с. Шушенского Шушенской в., участник Минусинского крестьянского восстания, после тюремного заключения отправлен в «эшелоне смерти» на восток. (С. 176.)

Алко Э. С., эсер. 21 декабря 1919 г. под его руководством началось восстание против А. В. Колчака рабочих Черемховских угольных копей в Иркутской губ. (С. 215.)

Альянов Д., секретарь объединенного Совета Степно-Баджейской советской республики, заместитель председателя президиума Совета. Занимался продовольственным отделом, создавая в волостях продовольственные базы. (С. 214, 327, 334, 337.)

Анциферов Каллистрат Егорович (1898 — ?), крестьянин с. Шало Шалинской в. Красноярского у. Работал с 12 лет. Хозяйство середняцкое. Фронтвик. В 1917 г. пришел в отпуск на 49 суток. Во время колчаковской мобилизации скрывался в тайге. Участник подпольной ячейки в с. Отрадном Степно-Баджейской в. вместе с братьями Боганами, Данилкиным и др. Примкнул к Степно-Баджейскому отряду, воевал в Манском полку. Участник всех основных боев Южно-Канской армии (Степно-Баджейской). (С. 213.)

Анциферов Трофим Афанасьевич, партизан Манского полка. (С. 372.)

Артемов Василий, член подпольного комитета на Знаменском стеклоделательном заводе Даниловых в Заледеевской в. Красноярского у. (С. 423.)

Апанович Даниил, унтер-офицер, фронтвик. В Апанской в. организовал три отряда пехоты, отряд кавалерии и лыжную команду. Командир Апанского отряда Северо-Канского фронта с февраля 1919 г. (С. 73, 205.)

Аршанская Анна, медицинская сестра в лазарете Степно-Баджейского фронта. (С. 363.)

Астафьев Павел Александрович (1882—1937), активный участник Гражданской войны. Уроженец с. Тасеево Тасеевской в. Канского у., из зажиточных крестьян. В 1905 г. осужден за участие в забастовке на Кругобайкальской железной дороге. Фрон-

товик. Член РСДРП(б) с 1917 г. В 1918 г. — начальник Тасеевской волостной милиции. Один из организаторов восстания крестьян в с. Тасеево. Член Армейского совета Северо-Канского фронта, одно время командовал тасеевской лыжной командой, командир конного дивизиона, заведующий оружейной мастерской. После войны — на хозяйственной и советской работе. (С. 43, 50, 65, 69, 70, 73.)

Астафьев Федор Александрович (1897—1937), активный участник Гражданской войны. Брат предыдущего. Уроженец с. Тасеево Канского у., зажиточный крестьянин. Фронтвик. Член РСДРП(б) с 1917 г. В декабре 1918 г. с небольшим отрядом занял Тасеево, арестовал местную власть, положив начало повстанческому движению. Первый командующий Тасеевским партизанским фронтом. Член Армейского военного совета. Эти сведения подтверждены И.П. Востриковым, бывшим командиром Убысинского летучего отряда. (С. 42, 51, 58, 60—61, 65—66, 68, 76, 89—90, 205, 207.)

Афанасьев Иван Федорович (1889 — ?), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Родом из Сухобузимской в., из семьи крестьянина-бедняка. Работать начал с 14 лет. Служил в 18-м Сибирском стрелковом полку, после демобилизации вступил в рабочую дружину Красной гвардии в Петрограде. Член РСДРП(б) с 1917 г. Участвовал в подготовке вооруженного восстания на ст. Иланской. Организовал и командовал Кучеровским отрядом до соединения с Красной армией. (С. 205.)

Афанасьев Ф., организатор партийной ячейки в с. Листвянка Больше-Муртинской в. Красноярского у. по согласованию со штабом Большемуртинского партизанского отряда. (С. 228.)

Афанасьев С.И. (1879—1934), активный участник Белого движения, генерал-майор. С октября 1918 г. — начальник штаба 8-й Сибирской стрелковой дивизии 4-го Восточно-Сибирского армейского корпуса. С января 1919 г. — начальник Енисейского отряда особого назначения, ведущего военные действия против партизан Красноярского и Канского уездов. Местопребывание штаба — ст. Клюквенная. (С. 42, 77, 320, 325, 334—335, 338, 426.)

Б

Бабичев Даниил Моисеевич (1894 — ?), родом из Могилевской губ. С 1915 г. — на военной службе, до 1918 г. воевал на Австрийском фронте. Годом ранее окончил школу фельдшеров. Позднее — кавалерист Канского полка, затем состоял фельдшером в партизанской армии Степного Баджея. (С. 101, 105, 152—154.)

Бабкин Филипп Яковлевич (1894—1938), активный участник Гражданской войны. Уроженец пос. Маклаково Енисейского у. Из крестьян. Батрачил, работал на приисках, плавал матросом на пароходах. По другим сведениям, был зажиточным крестьянином. Фронтвик. В феврале 1919 г. — один из руководителей Енисейско-Маклаковского восстания в Енисейском у. После поражения восстания с остатками своего отряда в марте того же года соединился с северо-канскими партизанами. Член Северо-Канского армейского совета по идеологической работе. 25 декабря 1919 г. освобождал Енисейск. Впоследствии на партийной и хозяйственной работе. (С. 43, 45, 47, 53—54, 58, 62, 72, 69—70, 76, 204, 207—208.)

Бадин В.Ф., партизан Северо-Канского фронта. В период тяжелейшего отступления армии в тайгу с беженцами доставил плоты с продуктами. После освобождения с. Тасеево входил

в агитационный отдел, принимал участие в издании газеты «Известия Северо-Канского фронта». (С. 435.)

Бадюля Ануфрий Андреевич (1888 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из Минской губ., в 1900 г. приехал с родителями в д. Лебедевку Боготольской в. Мариинского у. Томской губ. После смерти родителей работал по найму. В 1904—1905 гг. — на службе пути на ст. Боготол, прослужил в железнодорожных службах до мая 1918 г. Член РСДРП(б) с 1917 г. Красногвардеец, участник Мариинского фронта, после поражения скрывался, работал в большевистском подполье в Боготоле, дд. Лебедевке, Тузлуки. До соединения с Красной армией воевал в отряде И.М. Зубова-Буркова. (С. 238.)

Базаркин Александр Петрович (1890/1891 — ?), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Член РСДРП(б) с 1917 г. Представитель Минусинского Совета в Губернской продовольственной управе; руководил реквизицией продуктов в Красноярске и Минусинске, а также отправкой продуктов на Мариинский фронт. С июня 1918 г. — член Минусинского военно-революционного штаба, начальник отряда Красной гвардии. После антибольшевистского переворота был арестован, переведен в Красноярскую тюрьму, затем в «эшелоне смерти» отправлен на восток. После освобождения в 1920 г. организовал Иманский коммунистический батальон. Впоследствии на партийной и советской работе. (С. 307.)

Базаркин Федор Петрович (? — 1918), брат предыдущего. Участник Минусинского крестьянского восстания. Зарублен казаками. (С. 113, 116, 130.)

Базаркин-Тишин М.А. (1882—1921), участник Белого движения. Из крестьян, поручик колчаковской армии. Расстрелян по приговору ревтрибунала 5-й армии за участие в повстанческом отряде против Советской власти на территории Енисейской губ. (С. 149, 178, 222.)

Байков Александр, член Омского общесибирского партийного центра, отправлен в Красноярск для помощи в организации второго подпольного комитета. После работал в подполье в Барнауле. Судьба трагична. Был арестован за то, что якобы не выдержал пыток и кого-то предал. Учитывая его партийную работу и заслуги, расстрел отменили, чтобы дать возможность искупить вину в боях. Скончался от тифа на Дальнем Востоке. (С. 421.)

Бакич А.С., генерал, участник Белого движения. Уроженец Черногории, в России жил с 1900 г. Фронтвик. Весной 1920 г. командовал оставшимися частями Оренбургского корпуса, с которыми перешел китайскую границу. В мае-июне 1921 г. переместился в Монголию, летом того же года — в Алтайский округ. Осенью 1921 г. объединился с атаманом Енисейского казачьего войска И.Г. Казанцевым. Еще раньше, в мае 1921 г., партизанские отряды С.К. Кочетова разбили отряд Казанцева. Бакич и Казанцев уходят в Урянхайский край. В декабре 1921 г. Бакич вновь вторгается в Туву, терпит поражение, уходит в Монголию, где его отряд разоружает Западно-Монгольская народная армия. Монгольские вооруженные войска передают Бакича Советской власти. Переправлен в Новониколаевск, где расстрелян. (С. 147, 219, 220.)

Балакина Александра Афанасьева, медсестра, участвовала в подавлении восстания А.Д. Олиферова. (С. 222—223.)

Баллада Михаил Иванович (? — 1918), чех. Родился в России. В 16 лет был отправлен в Чехию, в 17 лет вступил в чешскую социал-демократическую партию, эсер. Вел агитационную работу среди петербургских рабочих. Ссылку отбывал на Южно-Енисейских золотых приисках. В 1918 г. вместе с эсером П.М. Портяниковым получил задание отправиться для связи с Временным

Сибирским правительством. Недалеко от с. Тасеево наткнулись на красногвардейцев, оба были расстреляны. (С. 65, 264.)

Баранов Иван (? — 1919), член подпольного комитета в пос. Знаменском Красноярского у. Замучен в октябре 1919 г. карателями в числе 13 подпольщиков. (С. 305.)

Барановский Ипполит Ермолаевич (? — 1919), активный участник Белого движения. Генерал-майор, начальник 8-й Сибирской стрелковой дивизии, затем 3-й Сибирской. Вел военные действия против повстанцев Ачинского у., с лета по ноябрь 1919 г. держал фронт против партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Погиб у с. Новоселово. (С. 100, 185.)

Барашкова Т., учительница, медицинская сестра в госпитале Степно-Баджейской партизанской армии. (С. 363.)

Барышников Петр, анархист. Начальник военно-полевого штаба Мариинского фронта в 1918 г. (С. 235, 411—412.)

Батычиков Михаил Федорович (1883 — ?), крестьянин с. Березовка Устьянской в. Канского у. Сын батрака, много лет сам батрачил. Воевал в составе Северо-Ачинской партизанской армии в кавалерии В. А. Уланова, затем в Северо-Ачинском полку партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Служил в пограничной страже в Урянхайском крае, воевал против банды И. Н. Соловьева. (С. 120—122.)

Бедро Иван Прохорович (1874—1943), уроженец Полтавской губ., из крестьян. По образованию агроном, с 1895 г. работал в кооперации. За агитацию национализации земли и спасения евреев от погромов в годы Первой русской революции 1905—1907 гг. в 1909 г. был выслан в Сибирь. Поселился в д. Быстрой Минусинского у., где занимался садоводством, организовал станцию полеводства, вел селекционную работу. Был человеком вне политики. Избирался председателем Минусинского союза кредитной кооперации, членом Сибирской областной думы, входил в Комитет общественной безопасности, делегат трех минусинских съездов. Взял под свое поручительство несколько участников Минусинского крестьянского восстания. Подвергался давлению как со стороны Совдепа, так и колчаковцев. После окончания Гражданской войны несколько раз подвергался арестам, спасала поддержка главкома А. Д. Кравченко и его заместителя П. Е. Щетинкина. (С. 193.)

Безотечество Степан Прохорович (1896—1919), активный участник Гражданской войны. Уроженец д. Перовой Канского у., из семьи середняка. В 1916 г. призван на действительную службу. Фронтвик, воевал на Западном фронте. Член РСДРП(б), один из лучших агитаторов Степно-Баджейской армии. Взводный командир 1-й роты Канского полка, легендарный разведчик, служил в конном отряде, позднее преобразованном в кавалерийский эскадрон. Скончался от тяжелого ранения 6 мая 1919 г. при переходе армии в Минусинский у. (С. 212, 323, 332, 354, 375.)

Беленец Алексей Иванович (1887—1976), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Член РСДРП с 1903 г., первый председатель Томского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. Член городского и губернского комитетов РСДРП(б). Подпольщик. (С. 257, 411, 413, 417.)

Белоконь Семен Федорович (1898 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из с. Унерского Агинской в. Канского у., из крестьянской семьи. Член РКП(б) с 1920 г. Фронтвик. В 1917 г. избран в ротный совет солдатских депутатов. Помощник командира роты, затем член совета Канского партизанского полка. В составе конного отряда 1-го Коммунистического полка участвовал в ликвидации банд. (С. 135, 321, 428.)

Белоголов Дмитрий Васильевич (1871 — ?), крестьянин с. Абаканского Минусинского у., малоимущий середняк. Партизан Манского полка Степно-Баджейской армии, участник нескольких боев; хорошо зная местность, служил проводником у партизан. Вернулся домой после сообщения о том, что 16-летний партизан нечаянно застрелил дочь. Больше никуда не ходил. (С. 181.)

Белоголов Митрофан Васильевич (1879 — ?), брат предыдущего, крестьянин с. Абаканского Минусинского у. Имел бедняцкое хозяйство. Партизан Манского полка Степно-Баджейской армии. (С. 180.)

Белопольский Илья Исаевич (1884—1918), активный участник революционных событий и Гражданской войны. В 1910 г. был арестован в Одессе и приговорен к ссылке, которую отбывал в сс. Бунбуйском и Рыбинском Канского у., затем в Туруханском крае (из-за подготовки к побегу). По состоянию здоровья был перемещен в Енисейский у., а затем в Красноярск. После февральских событий 1917 г. вошел в состав Средне-Сибирского районного бюро, один из редакторов газеты «Сибирская правда», а также возглавил Центральное бюро профсоюзов. После октябрьских событий входил в состав Губернского комиссариата, после контрреволюционного переворота осенью 1918 г. — в состав Красноярского комитета РКП(б). Расстрелян 25 октября 1918 г. (С. 143, 259, 277, 279, 281—282, 412, 415—416, 420—421.)

Беневич, командир карательного отряда. (С. 167.)

Березкин, полковник, начальник штаба командующего Енисейской губ. Присутствовал при капитуляции отряда Я. Ф. Дубровинского, возвращавшегося с Ключвенского фронта. (С. 414.)

Беспалов Степан Константинович (? — 1918), учитель из Усинска, агитатор. Эсер, позднее большевик. Организатор и председатель Усинского Совета в Туране и Уюке. Организатор Красной гвардии в Туве. Убит кулаками. (С. 139, 141—143, 219, 307.)

Бич (Таежный) Иван Андреевич (1881—1919), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Уроженец Виленской губ., из крестьян. Батрачил, затем экстерном окончил курс учительской семинарии в г. Молодечно (Белоруссия). Участник Первой русской революции 1905—1907 гг. В 1908 г. переселился в Сибирь, спасаясь от преследования. Член РСДРП(б) с 1917 г. После октябрьских событий 1917 г. — член Канского уездного продовольственного комитета; с нач. 1918 г. избран в Енисейскую губернскую продовольственную управу для борьбы с саботажем старых работников. Один из организаторов и руководителей Шиткинского фронта. Будучи раненым, захвачен в плен и замучен карателями. (С. 64, 206.)

Боган Александр Григорьевич (1887 — ?), латыш, брат Боганов И. Г. и Ф. Г. Уроженец Лифляндской губ. Отец — крестьянин-батрак. Александр, работая на шерстобойной машине, потерял правую руку — попала в вал. В 1901 г. семья переехала в Енисейскую губ., уч. Борисовка Уярской в., в 1909 г. — на уч. Грязная Кирза Красноярского у. Организатор-инструктор и информатор Степно-Баджейской армии. Собирал взрывчатые вещества для армии. Одно время являлся членом трибунала. (С. 221, 426.)

Боган Иван Григорьевич (1880 — ?), матрос, участник революционных событий на Балтийском фронте в 1905 г. и Гражданской войны. Крестьянин-середняк из д. Грязной Кирзы Красноярского у. Один из организаторов крестьянского восстания в с. Степной Баджей. В партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина в 1919 г. состоял членом главного штаба и помощником главкома. После отступления в Минусинский у. занимался организацией отрядов из местного населения. (С. 78, 100, 152, 213—214, 221, 316, 318, 322, 334, 363, 406.)

Боган Федор Григорьевич (? — 1919), активный участник революционных событий 1905—1907 гг. и Гражданской войны. Один из организаторов восстания в Степном Баджее Красноярского у., командир Манского полка. Расстрелян своими партизанами в с. Ермаковском за невыполнение приказа о выступлении, а также за то, что не выставил необходимую охрану, в результате чего отряд во главе с П.Е. Щетинкиным оказался отрезанным от основных сил Степно-Баджеевской армии. (С. 79, 100, 120—121, 131, 138, 153, 161, 197, 202, 213, 221, 316, 318, 322, 326, 334, 340, 350, 363.)

Богомяков Степан Николаевич (1890 — ?), военачальник, активный участник Гражданской войны. Родом из Пермской губ. В 1914—1915 гг. окончил военное училище, затем учился на историко-философском факультете университета в Петербурге. Фронтовик. В 1920 г. — начальник штаба 2-й бригады 30-й стрелковой дивизии 5-й Красной армии. (С. 429.)

Боград Яков Ефимович (1878—1919), активный участник революционных событий, в социал-демократическом движении с 1894 г. Окончил Бернский университет, в 1909 г. защитил диссертацию — доктор математики и философии. Член РСДРП(б). Участник революционных событий 1905 г. в Одессе. После многочисленных арестов в апреле 1913 г. оказался в Туруханском крае, куда был выслан на четыре года. В 1916 г. находился под гласным надзором на ст. Мироедиха, затем в с. Монастырском. После свержения самодержавия в 1917 г. какое-то время состоял помощником комиссара Туруханского края, затем прибыл в Красноярск. «Всесибирский пропагандист», как называли Бограда в Сибири, вел идеологическую работу в Енисейской и Иркутской губерниях. В 1918 г. избирался членом ЦИК Советов Сибири (Центросибири), входил в состав военно-революционного штаба в Красноярске. Расстрелян как заложник 10 мая 1919 г. (С. 219, 234, 270, 297, 308, 333, 420.)

Болдырев Василий Георгиевич (1875—1933), участник Белого движения, генерал-лейтенант. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. После Февральской революции командовал 43-м армейским корпусом, затем командующий 5-й армией Северного фронта. После Октябрьской революции за отказ принять Брестский мир был арестован, в 1918 г. амнистирован. Член Союза возрождения России и Национального центра. Участник Уфимского государственного совещания и член Директории. Оставил воспоминания. (С. 9—10, 413, 427.)

Бологов Григорий Кириллович (1894—1976), участник Белого движения, хорунжий. Командир 1-го Енисейского казачьего полка. В 1919 г. вел военные действия против ачинских и степно-баджеевских повстанцев. Участник Сибирского Ледяного похода. Умер в эмиграции. (С. 80, 98—99, 105—106, 125—126, 188, 199, 212, 313—314, 398.)

Борисов Анисим Маркелович (1870 — ?), родом из Саратовской губ., из бедняцкой семьи. Был призван в армию по жребию № 586. В трактире А. М. Борисова с группой солдат застали офицер и городовою. Офицер ударил по лицу, Борисов ответил ударом на удар, смял офицера, порвал погоны. Отделался ссылкой в с. Бакчет Тасеевской в. Канского у., но там почти не жил. Ушел на прииски, где оскорбил казака, получил розги, и не раз. Ходил по работникам, восемь детей, три большие дочери от рождения. Работал на Кругобайкальской дороге. Партизан Северо-Канского фронта. (С. 53—55.)

Бочаров Сократ Михайлович (1896 — ?), родом из Тамбовской губ. В 1907 г. приехал вместе с семьей в д. Сушково Уярской в. Канского у. Крестьянствовал. В 1915 г. взят на военную службу, был на Румынском фронте, контужен, отравлен газами. В 1918 г. вернулся домой. В партизанский отряд вступил в апреле 1919 г.

Воевал в Канском полку в особой команде разведчиков-проводников. При Армейском совете состоял агентом по закупке скота для армии. (С. 84—85.)

Бочкарева Мария Леонтьевна (1889—1920), из крестьян, в 1895 г. переселилась в Томский у. Единственная женщина России — полный Георгиевский кавалер. В 1914 г. зачислена вольноопределяющейся в 25-й Томский запасной батальон по личному распоряжению Николая II. В 1915 г. отправилась на фронт в составе маршевой роты. В том же году начинает формировать 1-й Петроградский женский батальон смерти (с разрешения А. Керенского). Этот батальон, численностью 300 штыков, в июле 1917 г. в составе 1-го Сибирского армейского корпуса отправился на Западный фронт. Расстреляна в Красноярске 16 мая 1920 г. (С. 224.)

Буда Анатолий Мартемьянович (1890—1918), активный участник революционного движения и Гражданской войны. Уроженец с. Троицко-Заводского Тасеевской в. Канского у. Фронтовик, полный кавалер ордена Св. Георгия. Заместитель председателя Тасеевского волостного совета Канского у. Командир отряда Красной гвардии. Казнен в Иркутске как заложник. (С. 42, 65.)

Буда Николай Мартемьянович (1886/1898—1937), активный участник Гражданской войны, один из организаторов восстания тасеевских крестьян. Уроженец с. Троицко-Заводского Тасеевской в. Канского у. Из семьи управляющего золотым прииском. Учился в Красноярской гимназии, не окончил. Как и отец, работал смотрителем на приисках. Фронтовик. Награжден Георгиевским крестом IV степени. Член РСДРП(б) с 1917 г. Служил в Тасеевском волостном продовольственном комитете Канского у. С 1918 г. — командир партизанского отряда лыжников. С июня 1919 г. — командующий Северо-Канским партизанским фронтом. Участник всех крупных боев. (С. 42—43, 46, 48, 54, 62, 66, 69, 72, 76, 205, 207, 412.)

Буда Семен Мартемьянович (1900—1937), активный участник Гражданской войны. Уроженец с. Троицко-Заводского Тасеевской в. Окончил реальное училище. Служил в Тасеевском волисполкоме. Член РСДРП(б) с 1917 г. В 1918 г. мобилизован в армию Колчака, дезертировал. После трех месяцев тюремного заключения приговорен к расстрелу. Бежал, прятался в тайге до кон. 1918 г. Воевал в Тасеевском партизанском отряде, затем состоял при штабе Тасеевской партизанской республики. (С. 66.)

Будберг Алексей Павлович (1869—1945), барон, военный деятель Белого движения, генерал-лейтенант. В апреле — августе 1919 г. занимал должность начальника снабжения при ставке Верховного главнокомандующего А. В. Колчака. С августа по октябрь 1919 г. — военный министр Российского правительства. С ноября 1919 г. — начальник штаба Приамурского военного округа. (С. 7—8.)

Бузулаев И. С., активный участник Гражданской войны, член РСДРП с 1915 г. Комиссар Сибирского торгового банка, член финансового отдела Минусинского Совета. (С. 307.)

Бунина Е. В. (Литвина Любовь Борисовна), род. 1897), член РКП(б) с 1918 г. Работала в подпольных организациях Иркутска, Читы, Иланска. Член третьего подпольного комитета в Красноярске. Партийная кличка «Елена», кличка наружного наблюдения полиции — «Модистка». (С. 285, 287, 289.)

Бурков (Зубов) Иван Матвеевич, активный участник Гражданской войны. Рабочий Боготольского депо. В апреле 1919 г. организовал партизанский отряд численностью 100 человек, состоящий преимущественно из рабочих и фронтовиков. Базировался в пос. Лебединка Березовской в. Ачинского у. В июне того же

года влился в отряд М.Х. Перевалова. При отряде организовал оружейную мастерскую. Однако Перевалов показал себя несостоятельным командиром: не ставил перед собой определенных задач и часто старался уйти в тайгу. Бурков со своими партизанами обосновался в д. Тузлуки Ачинского у. и действовал против противника по линии железной дороги Ачинск — Боготол — Мариинск. Карателями был замучен его 15-летний брат Анатолий, захваченный в разведке. Отец находился в тюрьме до прихода Красной армии. После поражения отряда под д. Макаровой был организован новый отряд под командованием Иваненко — Куркова, в который вошли боготольцы Буркова. В отряде хорошо была налажена дисциплина, существовал революционный суд. (С. 223.)

Быстров Петр Яковлевич (1893—1937), участник Гражданской войны. Уроженец д. Денисовой Рождественской в. Канского у. Из крестьян-бедняков. Фронтвик. Член РКП(б) с 1920 г. Воевал в составе Северо-Канского партизанского отряда; затем командир 3-го эскадрона 1-го Советского Кайтымского полка 30-й дивизии Красной армии. Участник крестьянского восстания в Канском округе летом 1931 г. Был приговорен к году условного наказания. (С. 45, 50, 52, 54, 205.)

В

Валек А. (Яков), партийный работник, один из организаторов Омской подпольной организации, член Сибирского комитета РКП(б). Помогал восстанавливать деятельность второго подпольного комитета в Красноярске. (С. 421—422.)

Вальков, горный исправник, затем начальник Красноярской тюрьмы, командир карательного отряда. (С. 69, 412.)

Василовский Николай Иванович (1860 — ?), переселенец, в Сибири с 1913 г. Крестьянин с. Курагинского Минусинского у., бедняк, батрачил, затем середняк. Воевал в кавалерии Канского полка партизанской армии Степного Баджея. (С. 162—163.)

Васильев Федор Максимович, активный участник Гражданской войны. В 1919 г. проживал в с. Анаш Комской в. Минусинского у., где был избран председателем сельсовета. Член Красноярского Совета депутатов, агитатор при выборах в 1917 г. в Учредительное собрание. Организовал небольшой отряд, который действовал в районе сс. Кома и Устюг Комской в. Позднее влился в Северо-Ачинский отряд П.Е. Щетинкина. (С. 185—187.)

Васильченко Семен Никандрович (? — 1919), учитель из с. Стойба, бывший прапорщик Иркутской школы. Один из первых членов Перовской организации Канского у. Казнен белыми. (С. 317, 322, 327, 375.)

Вахрушев Николай Петрович (? — 1921), крестьянин д. Глиной Тасеевской в. Канского у. Фронтвик. Член главного штаба и Армейского совета Северо-Канской партизанской армии. (С. 68, 205.)

Вашкорин Иван Анисимович (1881—1973), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Уроженец Вятской губ. Окончил церковно-приходскую и двухклассную (4—5 лет обучения) школы. Учителем. В 1906 г. арестовывался за распространение революционной литературы. В 1911—1912 гг. обучался на Московских курсах священнослужителей, по окончании которых был назначен священником в с. Суховское Тасеевской в. Канского у. Избирался председателем Общества потребителей и секретарем Комитета по выборам в Учредительное собрание. С 1917 г. — член РСДРП(б), входил в состав Красноярского комитета РСДРП(б). В 1918 г. одним из первых записался

в с. Тасеево в Красную гвардию. В январе 1919 г. был арестован карательным отрядом, но сумел бежать. В Северо-Канской партизанской армии руководил агитационным отделом. Оставил воспоминания. (С. 44, 56, 68, 116, 205.)

Вейнбаум Григорий Спиридонович (1891—1918), активный участник революционных событий в Красноярске и Гражданской войны. Родом из Бессарабии, из семьи видного чиновника министерства юстиции. Член РСДРП (меньшевиков) с 1910 г. В том же году отправлен на вечное поселение в д. Подгорную Яланской в. Енисейского у. Член ЦИК, редактор газеты «Красноярский рабочий», входил в Красноярский Совет, член Губисполкома, а затем его председатель. С декабря 1917 г. — нарком иностранных дел Сибири. Был против эвакуации Совдепа и вывоза ценностей на север Енисейской губернии. Расстрелян белочехами 25 октября 1918 г. (С. 15, 143, 218, 234, 241—242, 246—247, 252—254, 256—259, 262, 267, 270, 277, 282—281, 411—418, 421.)

Векшин Василий, член подпольного комитета в пос. Знаменского стекольного завода Красноярского у. (С. 298.)

Верещагин Иван (Антон), член второго Красноярского подпольного комитета, через которого осуществлялась связь с Сибирским центром. (С. 277.)

Веселов Н., один из руководителей партийной ячейки в Больше-Муртинской в., направленный туда штабом Больше-Муртинского партизанского отряда Красноярского у. (С. 228.)

Вилькицкий Борис Андреевич (1885—1961), начальник гидрографической экспедиции по изучению и освоению Северного морского пути на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач» (1913—1915). Впоследствии участник Белого движения. (С. 419, 426—427.)

Виноградов Александр, бывший прапорщик, партизан армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. Член совета армейского хозяйства и член Армейского совета. Был отправлен командованием в погоню за ушедшими партизанами Агинского и частично Тальского полков при отступлении армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина в Урянхайский край, заставил некоторых вернуться. (С. 54, 62.)

Вититников Илья Степанович (1862 — ?), родом из Могилевской губ. В 1899 г. приехал с семьей в Сибирь, поселился в с. Устюг (Рождественское) Рождественской в. Канского у. Участник Русско-японской войны. Хозяйство имел бедняцкое. Возил хлеб в тайгу на прииски. Отец двух замученных сыновей-партизан. (С. 183.)

Владимиров Георгий, солдат Иркутской 3-й роты 11-го особого батальона, сопровождавший А.В. Колчака через Ангару после его выдачи чехами. Впоследствии жил в Черногорске (Хакасия). Автор воспоминаний «Конец Колчака». (С. 216.)

Владимиров Иосиф Федорович (1888 — ?), крестьянин д. Топол Канского у. Хозяйство середняцкое, жили без нужды. Летом занимались хозяйством, зимой возили клади, с 15 лет Иосиф самостоятельно возил грузы в тайгу. С 1910 г. находился под влиянием политссылных — Бабинцева, Кравчука. Член Общества потребителей. В Гражданской войне — разведчик лыжного батальона Степно-Баджейской партизанской армии. Член совета народного хозяйства. (С. 89—90.)

Власов, участник Минусинского крестьянского восстания, член штаба №2, находившегося в д. Кой Перовской в. Канского у.; подписывал воззвание к крестьянам Курганского сельского общества с просьбой поддержать наступление на Минусинск. (С. 296.)

Внук Марк Андреевич (1894 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из Витебской губ. Из семьи крестьянина-

бедняка. В 1915—1916 гг. служил в армии в железнодорожном батальоне. Член РСДРП(б) с 1917 г., в том же году вступил в Красную гвардию. Член третьего Красноярского подпольного комитета. В 1918—1920 гг. работал в железнодорожных мастерских. (С. 290.)

Войцеховский Сергей Николаевич (1883—1951), военачальник, участник Белого движения. Уроженец Витебска, из дворянской семьи. Окончил Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С октября 1918 г. — генерал-майор. Один из руководителей антибольшевистского выступления Чехословацкого корпуса. С октября 1919 г. командовал 2-й Сибирской армией, с января 1920 г. — главнокомандующий войсками Восточного фронта (после смерти В.О. Каппеля). Увел остатки Белой армии в Забайкалье. В 1945 г. был депортирован чехами в СССР, где скончался в тюрьме. (С. 216, 280, 290—292.)

Волков Галактион, член подпольного комитета в пос. Знаменском Красноярского у. Замучен карателями в числе 13 подпольщиков. (С. 305.)

Вологодский Петр Васильевич (1863—1925), общественно-политический деятель Сибири. Член Томского губернского комиссариата Временного правительства. С июня 1918 г. — председатель Совета министров и министр внешних сношений Временного Сибирского правительства (1918—1919). 23 сентября 1918 г. на Уфимском совещании избран в состав Временного Всероссийского правительства (Директории). При А.В. Колчаке входил в Совет Верховного правителя. Эмигрировал в Китай. (С. 278, 427.)

Вологодский Семен Георгиевич (? — 1941), врач, активный участник Гражданской войны. В 1916 г. окончил Томский университет. Фронтвик, младший врач в военном госпитале (два года), затем врач больницы в с. Агинском. Мобилизован в партизанскую армию Степного Баджея, прошел с ней весь боевой путь. Входил в отдел призрения исполкома объединенного Совета Канского и Красноярского Советов в нач. 1919 г. После окончания Гражданской войны был награжден орденом Красного Знамени. (С. 328, 353—356, 401.)

Волостных Ананий, входил в число руководителей повстанческого движения в с. Тасеево Канского у., агитатор. (С. 66.)

Востриков Иван Прокопьевич (1896 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из Тамбовской губ. Из крестьян-бедняков. С 1911 г. семья жила в Сибири. Батрачил с 10 лет. Фронтвик, унтер-офицер и командир взвода, избирался секретарем полкового комитета. Демобилизовался в марте 1918 г. Член РКП(б) с 1920 г. Политически развитый, хороший агитатор, пользовался среди партизан большим авторитетом. Командовал Убысинским летучим отрядом в составе Северо-Канского партизанского фронта. Член Военного совета и агитационного отдела. От рук белогвардейцев погибли его отец, брат и малолетний сын. В 1920—1924 гг. командовал частями ЧОН. (С. 46, 62, 205.)

Вышковский М.К., с кон. 1919 г. — член Красноярского военно-революционного комитета по подготовке восстания в Красноярске. (С. 280, 290.)

Г

Габьев Карп Михайлович (1892 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из Орловской губ. В возрасте пяти лет родители привезли в с. Вершино-Рыбинское Канского у. Хозяйство бедняцкое, отец пастушествовал. Сам Габьев батрачил до 1909 г. Некоторое время находился на заработках во Владиво-

стоке. В 1914 г. призван на военную службу, прошел шоферскую школу. Демобилизовался в 1919 г. Воевал в Степно-Баджейской партизанской армии, рядовой, затем командир взвода, член полкового совета, вошел в состав Армейского совета, после Умбейского съезда — товарищ председателя Армсовета С. Сургуладзе. (С. 87—89, 93, 335.)

Гадалов Петр Иванович (1863—1918), красноярский купец 1-й гильдии, предприниматель; гласный городской думы на протяжении нескольких лет, общественный деятель, меценат. (С. 219.)

Гайда Радола (Гейдель Рудольф) (1892—1948), с сентября 1918 г. генерал-лейтенант. Командир 2-й Чехословацкой стрелковой дивизии. С декабря по июль 1919 г. — командующий Сибирской армией. В июле 1919 г. отстранен А.В. Колчаком от командования армией, в 1920 г. выслан на родину. (С. 7, 206, 236, 282—283, 416, 421—422.)

Галкин Николай Александрович (? — 1928), участник Белого движения, генерал-майор. В кон. 1917 г. руководил офицерской подпольной организацией в Самаре. Генерал для поручений при главнокомандующем В.Г. Болдыреве. После прихода к власти Колчака воевал в Южной армии на Южном Урале. Отступая с армией на восток, в феврале 1920 г. попал в плен близ Усть-Кута. Вероятно, бежал. Воевал в диверсионном партизанском отряде белых, в 1928 г. был захвачен в плен и расстрелян. (С. 412.)

Гапченко Дмитрий Иванович (? — 1918), участник революционных событий и Гражданской войны. Из крестьян Бейской в. Минусинского у. Фронтвик. С 1918 г. — член Минусинского Совдепа, комиссар земельного отдела. В ноябре того же года один из руководителей Минусинского крестьянского восстания. Во время побега был арестован, ранен и жестоко избит. Приговорен военно-полевым судом к расстрелу. На казнь идти не мог, вынесли на носилках. (С. 145.)

Гартман, партизан Степно-Баджейского партизанского отряда, раненым захвачен в плен, замучен карателями. (С. 107.)

Гендлин Александр Сергеевич (1887—1973), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Родом из Черниговской губ., из семьи торговца. В 1906 г. был арестован в Черниговской губ. за противоправительственную агитацию и сослан в Туруханский край, откуда в 1907 г. совершил побег. До 1917 г. жил на ст. Сумароково, в Курейке. Член РСДРП(б) с 1917 г. В 1913 г. переехал в Енисейск, через два года — в Красноярск. Здесь был избран председателем профессионального Союза торгово-промышленных служащих. В октябре 1917 г. — председатель Центрального бюро профессиональных союзов Красноярска, введен в состав Губернского исполкома Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. После контрреволюционного переворота был оставлен для работы в подпольном комитете города. Арестован в декабре 1919 г., из Красноярской тюрьмы отправлен на восток в «эшелоне смерти». Освобожден в 1920 г. (С. 14, 275—280, 420.)

Георгиу (? — 1919), румын, руководитель небольшого партизанского отряда в Кемчугской тайге. (С. 151, 284.)

Гетоев Хаджи Омар (1884—1918), уроженец Осетии. Участник революционных событий и Гражданской войны. Участник вооруженного восстания на родине в 1905 г. Приговорен к каторге и ссылке в Сибирь, которую отбывал в Туруханском крае и Канском у. В 1917—1918 гг. — начальник Канской уездной милиции, а затем командир Красной гвардии в Тасеевской и Шеломковской волостях. Казнен белыми в 1918 г. (С. 65.)

Гидлевский Кенсорин Иосифович (1889—1936), активный участник Гражданской войны. Из семьи ссыльного поляка.

Окончил техническое училище в Красноярске и экстерном сдал экзамен на звание учителя. Учитель в одной из школ Минусинского у. Член РСДРП с 1916 г. В 1917 г. — член Минусинского уездного исполкома, комиссар административного отдела Совдепа. В 1918 г. — секретарь военно-революционного штаба. После ареста был отправлен на Дальний Восток в «эшелоне смерти». После возвращения с 1921 г. — секретарь Минусинского комитета РКП(б). (С. 194.)

Глубоковский, прапорщик, проводил расправы с участниками Минусинского крестьянского восстания.

Голубков Александр Павлович (1880—1945), активный участник революционного движения и Гражданской войны. В 1902 г. вел агитационную работу в студенческих организациях, являясь студентом Московского университета. В 1914 г. арестован, через год освобожден. Участник вооруженного восстания в Москве в 1905 г., там же был арестован в 1906 г. Выслан в Тверь, бежал за границу. В 1909 г. арестован в Петербурге, в 1910 г. осужден на поселение. В 1910 г. сослан в д. Малую Минусу Енисейской губ. Врач. Местное население взяло его под свое покровительство. В 1916 г. заведовал Минусинской городской лечебницей, затем вел медицинскую практику в Красноярске. Один из руководителей нелегального кружка в Минусинске. (С. 307.)

Горбачев Георгий Платонович, руководил оружейной мастерской в армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. (С. 377.)

Горбунов И. Е., заведующий оружейной мастерской Северо-Канской партизанской армии. (С. 67.)

Гордеев Георгий Михайлович, помощник начальника штаба Большемуртинского партизанского отряда Красноярского у. (С. 227—228, 230—231.)

Горелов Григорий Яковлевич (1896 — ?), фронтовик, имел ранение в голову. Участник Минусинского крестьянского восстания. Партизан 3-й, затем 5-й роты Тальского полка Степно-Баджейской партизанской армии. (С. 202—203.)

Гориков Иван Дмитриевич (1897 — ?), родом из Тульской губ., в Сибири проживал с 1912 г. Занимался хлебопашеством, гнал деготь, работал на строительстве Усинской дороги. Фронтовик, красногвардеец. Партизан Северо-Ачинского отряда П. Е. Щетинкина. (С. 152, 159.)

Горохов Егор Осипович, коренной сибиряк, уроженец с. Тасеево. Из-за неурожая семья переехала в с. Шеломки Канского у. Партизанили три его сына: Иван, Гавриил, Степан; братья Лев, Семен. Степан входил в организацию по подготовке восстания в селе; партизанил внук Максим, фронтовик. (С. 59—61, 63, 66.)

Гоштовт Владимир Симонович (1858—1929), активный участник революции и Гражданской войны, член РСДРП с 1903 г. В 1905 г. — член Красноярского комитета, после января 1906 г. — на подпольной работе. Организовывал конспиративные квартиры, подпольную типографию, заведовал кассой большевистской организации. Имел несколько арестов и несколько побегов. После февральских событий 1917 г. — член Комитета РКП(б) и депутат Красноярского Совета. Заведовал продовольственной управой. После 1920 г. — на советской и партийной работе. (С. 357.)

Грабовский Франц Францевич (1885 — ?), активный участник Гражданской войны. Типографский рабочий, политссыльный, член польской рабочей партии социалистов с 1898 г. В 1908 г. сослан в Енисейскую губ. Секретарь волостного совета в Степном Баджее. Один из организаторов подготовки восстания. Партизан Степно-Баджейской армии, член Армейского совета, объединен-

ного Совета рабочих и крестьян. Одно время входил в состав революционного трибунала. Корреспондент газеты «Соха и молот». (С. 78, 116, 316, 363, 407, 423.)

Гравельсон Василий, партизан Северо-Канского фронта, кандидат в совет армейского хозяйства. (С. 50, 52, 419.)

Гревс Уильям Сидни (1865—1940), генерал штаба в военном департаменте США. Летом 1918 г. — генерал-майор, командовал 8-й пехотной дивизией. С августа 1918 г. по апрель 1920 г. — командующий оккупационными американскими экспедиционными силами в Сибири. Автор известной книги «Американская авантюра в Сибири (1918—1920)» (М., 1932). (С. 9, 11—12, 222.)

Грибушин Федор Спиридонович (1886—1934), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Родом из Могилевской губ., из семьи батрака. Бывший матрос Балтийского флота. Участвовал в стачках рабочих на Бодайбинских золотых приисках Иркутской губ., подвергался аресту. После мобилизации в армию находился в Ораниенбауме в составе 15-го Сибирского запасного полка. Накануне Февральской революции был ранен. Участник октябрьских событий в Петрограде. Во время чехословацкого мятежа вместе с К. А. Жестиковым организовали повстанческий отряд в Тальской в. Канского у. Затем командир Тальского полка Степно-Баджейской партизанской армии, где его позднее сменил Ф. С. Грибушин. (С. 79, 87, 209, 334, 341, 393—394.)

Гринвальд, помощник командира Манского полка. (С. 334, 340.)

Гришин Павел Степанович, активный участник революционных событий и Гражданской войны. В 1905 г. военно-полевым судом был приговорен к восьми годам каторги за участие в солдатских выступлениях Могилевского полка. Оказался в Сибири в Александровском центре, работал в шахтах, на рудниках. В 1914 г. самовольно ушел на строительство Кругобайкальской, затем Ачинско-Минусинской дорог. Организовал артель, рабочие избрали его руководителем. Февральская революция застала в Абакане, за выступления на митингах уволили с работы. Мобилизован в армию Временного правительства, осенью 1917 г. вернулся в Минусинск, вступил в партию. В Абакане организовал рабочий комитет. Общался с Я. Боградом, позднее сидели в одной камере (в Красноярске). После свержения Советской власти был арестован, сильно избит; из Минусинской тюрьмы вывезен в Красноярскую. При подходе Красной армии участвовал в вооруженном восстании по освобождению города. В 1920 г. назначен начальником милиции в Каратуз. (С. 154.)

Гришин-Алмазов Алексей Николаевич (1880—1919), военный деятель, генерал-майор. Весной 1918 г. стал одним из главных организаторов и руководителей антибольшевистского переворота. С середины июня 1918 г. командовал войсками Омского военного округа. Командующий Сибирской армией и управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства. С осени 1918 г. — в Добровольческой армии. Покончил жизнь самоубийством. (С. 275, 413.)

Гришненко Матвей Тимофеевич, активный участник Гражданской войны. Политссыльный, большевик. С 1918 г. вел работу по организации партизанского движения в Ачинском у. Член военно-революционного штаба Северо-Ачинской армии, председатель Армейского совета, член совета по народному хозяйству. (С. 65, 68.)

Грищенко Иван Маркович (1897 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из с. Степной Баджей Красноярского у. Середняк. В 1916 г. взят на военную службу, служил в тыловых частях. В 1918 г. вернулся домой. Участник всех боев Степно-Бад-

жейской, затем партизанской армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. После окончания Гражданской войны ходил на ликвидацию банд. (С. 180—181.)

Громадзкий Зинон Зионович (1895/1896 — ?), активный участник Гражданской войны. Из семьи рабочего Даниловского стеколделательного завода в пос. Знаменском Красноярского у. В 14 лет был отдан в ученики слесарю на механический завод «Акционерного общества пароходства по реке Енисею». Большое влияние на формирование взглядов оказали ссыльные А.П. Августиневич и С.М. Бальбатов. В марте 1917 г. Громадзкий записался в Красную гвардию, назначен десятником (командовал десятком рядовых красногвардейцев), проводил вербовки в отряд рабочих. Был одним из организаторов рабочего контроля на механическом заводе, вел борьбу с саботажем в Красноярске (на завод не пропускали меньшевиков и эсеров, по городу совершали рейды против уголовников, освобожденных Временным правительством). В декабре 1917 г. Громадзкий добровольцем отправился в Иркутск на подавление юнкерского восстания. Участвовал в национализации «Акционерного общества пароходства по реке Енисею», чтобы пресечь угрозу срыва навигации и снабжения продуктами Енисейской губ. В 1918 г. избран в Совет рабочих и солдатских депутатов. Участник Мариинского фронта. Оставил воспоминания. (С. 211, 220—221, 237, 414.)

Грязнов Иван Кенсориневич (1897—1938), военачальник. Из семьи служащего. Окончил коммерческое училище. В 1918 г. участвовал в организации партизанских отрядов на Урале. С августа 1918 г. — командир 1-го Красноуфимского полка. С августа 1919 г. — командир 1-й бригады 30-й стрелковой дивизии 5-й Красной армии. С марта 1920 г. — командующий 30-й стрелковой дивизией. (С. 429.)

Гузеев Ф.Т., партизан Большемуралинского отряда Красноярского у., помощник начальника конной разведки. Карателями была расстреляна вся семья. (С. 230.)

Гулидов Владимир Платонович (1876—1920), участник Белого движения, генерал-майор. В 1918 г. возглавил антибольшевистскую подпольную организацию в Красноярске. С 19 июня 1918 г. — начальник Красноярского гарнизона и войск Енисейского района. С июля — начальник 1-й Енисейской Сибирской стрелковой дивизии. С 22 октября 1919 г. — командующий войсками Минусинского фронта. Расстрелян в 1920 г. по приговору военно-полевого трибунала 5-й Красной армии. (С. 413.)

Гун Андрей Иванович (1872 — ?), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Член РСДРП с 1903 г. Участник Первой русской революции 1905—1907 гг. Заведующий лавкой «Самодетельность», член второго и третьего подпольных комитетов в Красноярске. Член Общества старых политкаторжан. (С. 24, 27, 29, 277, 287, 417.)

Гурский Михаил Павлович, подпольщик на Знаменском стеколделательном заводе Красноярского у., партизан отряда Н.М. Копылова. Брат Ф.П. Гурского. (С. 151, 220, 298, 300, 304.)

Гурский Флориан Павлович, единственный оставшийся в живых из 13 подпольщиков после казни карателями в пос. Знаменского стеколделательного завода. (С. 297—304.)

Гусев Василий Осипович (1896 — ?), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Уроженец Казанской губ., в 1908 г. семья переехала в Сибирь. Фронтвик, унтер-офицер. Член РСДРП(б) с 1917 г. В 1918 г. — комиссар на ст. Красноярск. Участник Ключевенского фронта. Командир батальона, а затем командир Манского полка Степно-Баджейской партизанской армии, руководитель подрывной команды, совер-

шившей несколько железнодорожных диверсий. (С. 97, 99, 118, 150, 181, 189, 197, 314, 321, 334, 340—341, 401.)

Гутиков Павел Иванович, житель пос. Жайма Манского района. Партизан армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. Оставил воспоминания. (С. 210, 212, 428.)

Гущик Зинаида Ефимовна (1898—1919), активная участница Гражданской войны. Из семьи смотрителя Михайловского дворца, в котором размещался музей Александра III. Приехала в Сибирь с мачехой О.М. Гущик, родной сестрой Н.М. Мартыанова. Осталась в Сибири. Активная участница революционного движения в Минусинске. Член РСДРП(б) с 1917 г. Одна из основателей Союза трудящейся молодежи, Союза молодежи. Состояла заведующей хозяйственным отделом Совета рабочих депутатов, решала вопросы с обеспечением Красной гвардии питанием и обмундированием. Вела пропаганду среди солдатского гарнизона. После контрреволюционного переворота была арестована в Минусинске одной из первых. Казнена в Красноярске 21 сентября 1919 г. (С. 194, 259, 307—308, 417—418, 423.)

Д

Давыдкин Илья Иванович (1888 — ?), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Крестьянин с. Ермаковского Минусинского у. Из семьи бедняка. Член РСДРП с 1905 г. Знаком был с марксистом А.А. Ваневым, находившимся в ссылке в с. Ермаковском. В 1907 г. арестован вместе с отцом по обвинению к принадлежности к социал-демократической партии. Помимо Давыдкиных арестовали в селе еще 39 человек, больше всего интеллигенции, «прихватили и мелкоту за распространение прокламаций». Илья Иванович просидел в тюрьме год и месяц. В 1915 г. был мобилизован в армию, служил в Ачинске в нестроевой роте, младший унтер-офицер. Участник Минусинского крестьянского восстания, входил в штаб 1-й армии. Затем — партизан Северо-Ачинского полка армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. (С. 201—202.)

Данилов Василий Михайлович (1882 — ?), крестьянин из д. Денисовой Канского у. Член подпольной ячейки, куда привлекал молодежь. Член первого совета в деревне. Позднее входил в совет народного хозяйства Северо-Ачинской армии. (С. 50—51.)

Данилов Егор Васильевич (1880—1960), активный участник Гражданской войны. Крестьянин д. Денисовой Рождественской в Канского у. В 1919 г. — партизан Денисовского отряда Северо-Канского фронта. (С. 50.)

Данке (Жорж Страутень), член второго Красноярского подпольного комитета. (С. 283.)

Двоглазов Владимир Иванович (? — 1918), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Политссыльный, бывший студент Петербургского университета, выслан в Сибирь на вечное поселение за участие в революционных событиях. Член РКП(б). Организатор партизанского движения в Канском у. (С. 65—66, 205.)

Дворяткин Алексей Матвеевич (1894—1937), активный участник Гражданской войны. Из крестьян Орловской губ. Фронтвик. Принимал участие в октябрьских событиях 1917 г. в Петрограде. Участник Канско-Иланского восстания рабочих в 1919 г. После его поражения ушел к тасеевским партизанам. Командир Апанского отряда. После слияния — командир батальона, а затем полка Северо-Канского партизанского фронта. (С. 205.)

Демидов Владимир Петрович (1888 — ?), участник Гражданской войны. Политссыльный. В 1911 г. осужден Московской судебной палатой за революционную деятельность и выслан в Енисейскую губ. Служащий Знаменского стекольного завода. Член Канского объединенного Совета, товарищ председателя Енисейского губисполкома. (С. 241, 247, 254, 256, 418.)

Деникин Антон Иванович (1872—1947), военачальник, генерал-лейтенант. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С весны 1917 г. — начальник штаба Верховного главнокомандующего. Вместе с М.В. Алексеевым стоял у истоков формирования Добровольческой армии. В декабре 1918 г. принял на себя командование всеми морскими и сухопутными силами юга России. (С. 11—12, 427.)

Денисов Алексей Павлович (? — 1918), подпольщик с. Тасеево Канского у., член РСДРП(б) с 1917 г. Расстрелян вместе с отцом — Денисовым Павлом Ивановичем в Канске как заложники. (С. 42, 52, 65.)

Денисов Павел Иванович (? — 1918), подпольщик с. Тасеево Канского у. Расстрелян в Канске как заложник. (С. 42, 65.)

Денисюк А., организатор партийной ячейки в д. Тонково Красноярского у. Начальник связи Большемурутинского партизанского отряда. (С. 228.)

Дзекановский Антон Иванович, активный участник революционных событий и Гражданской войны. Польский революционер, политссыльный, член Перовской подпольной ячейки, председатель волостного совета. Партизан Степно-Баджейской партизанской армии и армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щеткина. После освобождения Минусинска — комендант армии. (С. 350—351.)

Дитмар фон Отто Юльевич, полицмейстер в Красноярске (на протяжении одного месяца), убит эсерами в сентябре 1905 г. (С. 218.)

Добров Иван Миронович (? — 1919), помощник командира партизанского отряда близ с. Казачинского Енисейского у. — А.И. Каурова. После гибели Каурова присоединился с отрядом в числе 130 человек к отряду А.С. Масленкина накануне второго Большемурутинского наступления. Во время отступления был тяжело ранен, покончил жизнь самоубийством. По другой версии, скончался от гангрены. (С. 69—70, 204, 230, 412.)

Довбня Михаил Яковлевич (1884—1919), активный участник революционных событий. Родом из Полтавской губ. Член РСДРП с 1906 г. Во время службы в лейб-гвардии артиллерийской бригаде вел пропагандистскую деятельность среди солдат. В 1908 г. приговорен к восьми годам каторги, а затем отправлен на поселение в Енисейскую губ. По состоянию здоровья в 1915 г. переехал в Красноярск. Служащий общества «Самодетельность». Летом 1918 г. избран членом Красноярского комитета партии большевиков. Казнен колчаковцами как заложник. (С. 276, 420, 423.)

Долбежкин Денис Петрович (1886—1958), активный участник революционных событий и Гражданской войны, член РСДРП с 1904 г. Вел революционную борьбу в Риге, Москве, Костроме. После ареста в 1907 г. сослан в Канский у. Енисейской губ. В 1912 г. бежал в Красноярск. В 1916 г. руководил забастовкой печатников в городе. В том же году сослан в Туруханский край, освобожден по амнистии Временного правительства. В годы Гражданской войны находился на подпольной работе в Омске. (С. 234.)

Домненко Евгений Фролович, после освобождения из Красноярской тюрьмы в декабре 1919 г. вошел в состав Краснояр-

ского военно-революционного штаба по подготовке в городе вооруженного отряда. Заведовал хозяйственно-финансовой частью. (С. 181.)

Доценко Павел Сергеевич (1894—1988), член партии социалистов-революционеров. Весной 1918 г. вошел в состав Красноярского подпольного комиссариата Временного правительства Сибири. После антисоветского переворота исполнял должность Енисейского губернского комиссара, помощника управляющего Енисейской губ. (С. 155, 275, 412, 416.)

Дреус В. И., социал-революционер, секретарь Переселенческого управления. (С. 139.)

Дубровинский Яков Федорович (1881/1882—1918), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Родом из Орловской губ. Участник декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве. Несколько раз арестовывался за революционную пропаганду, дважды бежал, пять лет скрывался под фамилией А.Н. Розова в Красноярске, во время службы в фирме «Ревильон-братья». Под фамилией Патрушева А.В. служил в конторе Терских (после возвращения из Томска). С февраля 1917 г. легализовался, один из руководителей меньшевиков-интернационалистов, в то же время поддерживал большевиков. 5 марта 1917 г. избран председателем Красноярского Совета, 1 августа — городским головой, позднее — членом Губисполкома. После поражения на Ключевском фронте в августе 1918 г. вместе с отрядом сдался чехословацким войскам. 25 октября 1918 г. расстрелян белочехами. (С. 143, 200, 250, 277, 281—282, 411—414, 420—421.)

Дубровинская (урожд. **Мунц**) **Александра Дмитриевна**, меньшевичка, жена Я.Ф. Дубровинского. Организовала при военном отделе исполкома подготовку медсестер накануне боев с чехами на Мариинском и Ключевском фронтах. В кон. 1919 г. избиралась секретарем Губернского бюро партии. (С. 259, 420—421.)

Дутов Александр Ильич (1879—1921), военачальник, генерал-лейтенант. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. После февральских событий избирался членом, а затем председателем совета Союза казачьих войск. 1 октября 1917 г. был избран войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска. Одним из первых встал на путь вооруженного сопротивления Советской власти. (С. 292.)

Дымов Емельян Федорович (1891—1918), активный участник революционных событий. Родом из Харьковской губ., студент-технолог. За посягательство на государственный строй был сослан в д. Юрокшинскую Енисейского у. В декабре 1916 г. призван в армию, где вел политическую пропаганду. В апреле 1917 г. избран членом Средне-Сибирского районного бюро ЦК РСДРП(б), его секретарем. После октябрьских событий — член исполкома Красноярского Совета, член президиума Совета губернского исполкома рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. После большевистского переворота — начальник штаба вооруженных сил. Во время эвакуации Совдепа на север погиб вместе с женой на Нижней Тунгуске. (С. 143, 254, 415.)

Дюков Александр, командир Тасеевской «серебряной» роты. После ранения в голову потерял слух. (С. 52, 65, 76, 89.)

Дюков Иван Семенович (? — 1921), крестьянин с. Тасеево Канского у. Член РСДРП с 1910 г. Один из организаторов повстанческого движения в селе. В его доме находилась подпольная типография. Командир конной разведки Тасеевского полка Северо-Канского фронта. (С. 65, 76, 89.)

Дюков Михаил Илларионович (1893 — ?), активный участник Гражданской войны. Крестьянин с. Тасеево, из середняцкой

семьи. В 1914 г. был призван на действительную службу. Фронтовик. Ранен в 1915 г. в левое плечо, пролежал полтора года в лазарете в Воронеже. Освободился от службы дважды по три месяца каждый раз, в 1917 г. демобилизован с пенсией 66 руб. в год. Левая рука плохо служила. В 1917 г. в с. Тасеево вступил в подпольную ячейку. Один из организаторов партизанского движения. В 1918 г., после образования курсов по социализации земли, отправлен на учебу. (С. 60, 73—76.)

Е

Евдокимов П. Д. (1883/1888 — ?), уроженец Белоруссии. Из зажиточной семьи Минусинского у. Фронтовик, награжден орденом Св. Георгия IV и III степеней. Помощник командира Кизирского полка, вступившего в октябре 1919 г. в Минусинске в Рабоче-крестьянскую армию Минусинского народного фронта. (С. 162.)

Егоров Кузьма Артамонович (1869—1937), участник революционных событий и Гражданской войны. Из семьи бывшего крепостного портного, обосновавшегося в Петербурге. Ссыльно-политический. В 1893 г. попал на строительство железной дороги в Сибирь. С 1894 по 1907 г. работал на золотых приисках, затем портняжил в с. Тасеево. С 1917 г. — приказчик Тасеевского общества потребителей. Член РСДРП(б) с 1917 г., участник рабочих забастовок на золотых приисках в 1905—1907 гг. С 1917 г. — один из руководителей Тасеевской подпольной организации, партизан Северо-Канской армии. Член штаба и Армейского совета. При отступлении из с. Тасеево в тайгу, в порыве паники, застрелил свою семью. По некоторым свидетельствам, остался только сын. (С. 60, 65—72, 206, 209.)

Ежак, председатель Шушенского сельского общества, отказавшегося от участия в Минусинском крестьянском восстании. (С. 296.)

Емельяшин Василий Федорович (1882—1937), активный участник Гражданской войны. Переселенец, из крестьян-бедняков. Командир 3-го батальона 1-го Тасеевского полка Северо-Канского фронта. Член комиссии по выработке устава о дисциплине в партизанской армии и инструкции ревтрибунала. Член РКП(б) с 1920 г. (С. 46, 62.)

Ермолаев Антон Семенович (1897 — ?), родом из Могилевской губ., в возрасте семи лет привезен в Сибирь. Батрачил вместе с отцом, через несколько лет обзавелись хозяйством. После мобилизации в армию дезертировал. Связной между населенными пунктами накануне Минусинского крестьянского восстания. Ушел в партизанскую армию А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Участник всех боев, в том числе Белоцарского боя. (С. 149—150, 428.)

Ж

Жалнерчик Мартын Ильич, помощник начальника эскадрона Канского полка А. М. Марченко партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. (С. 394.)

Жанен Пьер Шарль Морис (1862—1946), генерал, начальник Французской военной миссии при Ставке Верховного главнокомандующего Русской армией в 1916—1917 гг. В 1919—1920 гг. — главнокомандующий войсками союзных государств в Восточной России и Западной Сибири. Он же занимался передвижением Чехословацкого корпуса по железной дороге во Владивосток. Один

из инициаторов выдачи А. В. Колчака иркутскому Политцентру. (С. 216, 411.)

Жестиков Карп Артемьевич, активный участник Гражданской войны. Из политссыльных, крестьянин с. Мельничного Ирбейской в. Канского у. Входил в таежную группу, которая вела агитацию среди крестьян. В февральские дни 1917 г. Жестиков активно участвовал в разгоне волостного правления в с. Мельничном и организации совета. После падения Советской власти перешел на нелегальное положение. Тогда же подпольщики Ирбейской, Агинской и Тальской волостей образовали Военно-революционный комитет в составе Ф. Пурсакова, К. Жестикова, Ф. Грибушина, Ф. Курганского, Ф. Гречакова. В октябре 1918 г. Жестиков организовал Тальский повстанческий отряд в числе 250 человек. Были установлены связи с отрядом Степного Баджея, партийными организациями Красноярска, Канска. Отряд неоднократно уходил в Заманье на помощь степнобаджейцам. 7 января 1919 г. повстанцы приняли бой в с. Ирбейском с белым гарнизоном, взяли д. Приреченскую. Из-за отсутствия патронов отряд отступил в д. Талуу. Весной 1919 г. К. А. Жестиков вновь участвовал в совместных военных действиях с партизанами Заманья. После освобождения Енисейской губ. командовал дружиной по ликвидации белых банд в Ирбейском районе. (С. 87—88, 209, 214, 321, 333, 336—337, 341, 390—392, 424, 428.)

З

Заболоцкая Мария, учительница. Член РСДРП(б) с 1917 г. Участница подавления юнкерского восстания в Иркутске. Медицинская сестра в армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. (С. 351.)

Забубрин (наст. фамилия **Зубцов**) **Владимир Яковлевич** (1896—1938), писатель. Родом из Пензы, из семьи железнодорожного служащего. Учился в реальном училище, из которого был исключен за участие в революционном движении. В 1916 г. арестован за распространение листовок. Октябрьскую революцию встретил в Петрограде. В 1918 г. был мобилизован в Белую армию. Командир взвода 15-го Михайловского стрелкового полка. В 1919 г. перешел со своими солдатами на сторону партизан Северо-Канского фронта. С января 1920 г. работал в Канске в качестве корректора газеты уездного ревкома. Через год написал роман «Два мира», посвященный Гражданской войне, который при жизни так и не вышел. (С. 17.)

Загайный (Гри(ю)нберг) Алексей Константинович, активный участник Гражданской войны. Член РСДРП(б), в литературе проходит как эсер. До 1917 г. примыкал к большевикам. Провел в ссылке и тюрьмах более 10 лет. Председатель Омского совета профессиональных союзов, в 1917 г. руководил забастовочным движением в Омске. После падения Советской власти перешел в Красноярск под чужой фамилией. Возглавлял Минусинское общество потребителей. В Минусинске присоединился к армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Секретарь Армейского совета, агитатор. (С. 96, 422.)

Загуменный Василий Васильевич (1894—1948), активный участник Гражданской войны. Родом из Могилевской губ., из семьи крестьянина-бедняка. Один из участников восстания крестьян Ачинского у., связной между штабом восстания и Ачинским подпольным комитетом. Партизан в отряде Е. Т. Марудко, командир 2-го батальона Северо-Ачинского полка партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. (С. 116, 126, 138, 150, 162, 182, 223, 342.)

Закитина Н. Н., жительница д. Курбатовой Казачинской в. Ачинского у. Жена партизана А. С. Закитина. Карателями были убиты муж и два сына. (С. 149.)

Залукаев Прохор Александрович (?) (1877 — ?), участник Русско-японской войны, воевал под Ляояном и Мукденом. До 1914 г. работал драгером на золотых приисках. В 1914 г. мобилизован в армию, зачислен в 14-й Сибирский полк, 3-ю роту. Воевал или нет, не указывает. После установления Советской власти в Красноярске был избран от своей роты в исполком. Имел поручение распространять литературу, принимать подписку на газеты и продавать в розницу «Красноярский рабочий» и «Известия Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов». Я. Ф. Дубровинский давал Залукаеву наряды в типографию, сколько экземпляров газет печатать. Вечером И. И. Белопольский получал деньги за проданные газеты. Залукаев часто виделся с С. Лазо. По его словам, это был кроткий и «ярой» человек. (С. 272—274.)

Замощин Марк Петрович (? — 1919), комиссар и заведующий финансовым отделом Енисейского губисполкома. Один из организаторов вывоза ценностей из Красноярского отделения Государственного банка при отступлении Совдепа на север губернии. (С. 258, 261—152, 412, 418—419.)

Замураев Яков Семенович (1893—1959), активный участник Гражданской войны. Родом из Черниговской губ., с 1900 г. с семьей жил в Сибири, в д. Изыкчуль Ачинского у. В 1914 г. был призван на военную службу, отправлен в дисциплинарный батальон за выступление в защиту солдат, освобожден в 1917 г. Демобилизовался в 1918 г. Адъютант П. Е. Щетинкина, начальник штаба Северо-Ачинского полка. Затем помощник командира пулеметного полка К. П. Лидина-Пуляева, выделенного в самостоятельную единицу после освобождения Минусинска. (С. 150.)

Занин И. И. (? — 1921), участник Белого движения, хорунжий. Фронтвик. В июне 1918 г. участвовал в свержении власти Минусинского Совета. Летом 1919 г. преследовал армию А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина при ее отступлении на юг губернии. Осенью 1919 г. командовал сотней отдельной Енисейской казачьей бригады. Расстрелян по приговору губернского ревтрибунала в 1921 г. (С. 114, 120—122, 126, 128, 157, 160, 162—164, 176, 180, 193—197.)

Зварыгин Максим Антонович (1880 — ?), крестьянин с. Дубенского Минусинского у. Середняк. В Первую мировую войну служил в Ачинске (до 1917 г.). Участник Минусинского крестьянского восстания. В партизанах не был. Оставил воспоминания о расправе карателей над мирным населением. (С. 175—176.)

Зверев Даниил Евдокимович (1894—1941), один из самых известных руководителей партизанского движения в Восточной Сибири. Уроженец Самарской губ. Из семьи крестьянина-бедняка. В 1912 г. был призван в армию. Фронтвик, унтер-офицер, награжден двумя Георгиевскими крестами. В Самаре организовал отряд Красной гвардии, был ранен, захвачен в плен и отправлен в «эшелоне смерти» на восток. В мае 1919 г. дал согласие вступить в отряд Белой армии, направлен в Кежемскую в. Енисейского у. для борьбы с партизанами Шиткинского фронта. Перебив офицеров, 19 августа 1919 г. его отряд присоединился к партизанам. Действовал на Ангаре и Илимe, образовав Северо-Восточный фронт. В октябре отряд был преобразован в 1-й Приангарский партизанский отряд (до 800 человек). Позднее — главноком Северо-Восточного фронта красных партизан. (С. 216, 226.)

Зверев Ермил Константинович (1891—1918), активный участник Гражданской войны. Уроженец с. Пировского Енисейского у. Из семьи крестьянина-бедняка. Фронтвик. Член РСДРП(б) с 1917 г. После февральских событий избран председа-

телем Ачинского Совета солдатских депутатов, а затем объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Руководил военным отделом Ачинского Совета. Воевал на Мариинском фронте. Погиб случайно. (С. 185, 234, 411.)

Зеленов Петр Петрович (1889 — ?), родом из Витебской губ. В 1912 г. приехал с братом в Сибирь, позднее приехал отец с семьей. Поселились в д. Стрелке Степно-Баджейской в. Красноярского у. С 1915 г. служил в армии (раньше имел отсрочку как переселенец). До переселения в Сибирь работал грузчиком, матросом, на прядильной фабрике в Петрограде. Вернулся с фронта до Октябрьской революции. О подпольных группах в селе знал, как пишет в воспоминаниях, работали почти легально. На фронт вторично по болезни не взяли. Работал в мастерских Красноярска. От Манского полка избирался в объединенный Совет. Выполнял обязанности зампреда военного отдела. Оставил воспоминания. (С. 89—90, 210.)

Зелтынь М. И. (1833—1933), активный участник революционных событий в Латвии в 1905 г., участник Гражданской войны. Член латышской социал-демократической рабочей партии с 1903 г. Член Рижского комитета ЛСДРП. После ареста сослан в Туруханский край на вечное поселение. С 1917 г. жил в Красноярске, член Красноярского губкома. После окончания Гражданской войны — ответственный работник Наркомвнешторга СССР. (С. 420.)

Зефилов, начальник уездной милиции и карательного отряда в Минусинске. (С. 155, 168, 172, 174, 179, 194.)

Зиневич Бронислав Михайлович (1874—1921), участник Белого движения. Из мещан. Окончил Казанское пехотное юнкерское училище. Полковник с 1915 г. Командир 31-го Сибирского стрелкового полка в 1914 г. Фронтвик. С июня 1918 г. — один из руководителей подпольной антибольшевистской офицерской организации в Красноярске. После свержения Советской власти мобилизован в армию. Командир 1-го Енисейского стрелкового полка, затем начальник 2-й стрелковой дивизии Средне-Сибирского корпуса войск Временного Сибирского правительства. С июля 1919 г. — командир 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса. Осенью того же года направлен в Красноярск для формирования нового армейского корпуса. Командующий войсками Енисейского района и начальник гарнизона г. Красноярска. 4 января 1920 г. был арестован Красноярским ревкомом. Сведения о конце боевой биографии разноречивы. Вероятно, был расстрелян в Омске. (С. 280, 291, 413, 422, 426, 429—430.)

Зуев Леонтий Сосипатович, участник Минусинского крестьянского восстания, один из руководителей его четвертого штаба, стоявшего в Городке. Участник Гражданской войны. (С. 170—171, 190—191, 195.)

Зуев Христофор Васильевич (1877 — ?), активный участник Гражданской войны. Крестьянин с. Каратуз Сагайской в. Минусинского у. Участник трех войн: подавление восстания боксеров в Китае в 1900 г., Русско-японской и Первой мировой. Демобилизован по возрасту — 48 лет. Комиссар милиции при Комитете общественной безопасности. Член подпольного штаба, участник Минусинского крестьянского восстания. Брат предыдущего (?). Позднее партизан 7-й роты Манского полка Степно-Баджейского партизанской армии. (С. 160, 171—172, 190—192.)

Зыков Александр Данилович (1893 — ?), крестьянин с. Кома Минусинского у. Хозяйство середняцкое. Фронтвик, был на Галицийском фронте. Входил в полковой и дивизионный советы. В марте 1917 г. на Украине была создана Центральная Рада, фактически независимый от Временного правительства орган республиканской власти. Рада возглавила движение украинского народа за самоопределение в форме автономии. После того

как Рада договорилась с немцами очистить Украину от большевиков, солдаты отказались сдать оружие. Рада отказалась дать вагоны, около 500 верст фронтовики шли пешком. В начале марта находились около Курска. Здесь спросили, кто куда хочет ехать, человек 80 запросились в Сибирь. Солдаты добились, чтобы дали эшелон, так доехали до Ачинска. После возвращения в свое село А. Д. Зыков был избран секретарем сельской управы, агитировал не платить налоги. Организовал небольшой повстанческий отряд, который влился в Северо-Ачинский полк. (С. 187—189.)

И

Иванов Арсений Трофимович, активный участник революционных событий и Гражданской войны. Уроженец Саратовской губ. Крестьянствовал с отцом до 1907 г. После 1907 г. стоял на народнической позиции, впервые был арестован в 1907 г. за оказание сопротивления полиции. Вскоре подвергся новому аресту за участие в террористических акциях, в 1908—1910 гг. находился в ссылке в Челябинской губ. Примкнул к эсерам-максималистам, участвовал в погромах помещичьих усадеб. В 1911 г. вновь был арестован, после восьми с лишним месяцев тюремного заключения навечно сослан в Сибирь. С осени 1916 г. жил в д. Иннокентьевой Перовской в. Канского у., где обзавелся семьей. Член местной эсеровской партии (левый эсер, по свидетельству Т. Перовой — эсер-максималист). В РКП(б) вступил в 1920-х гг. После февральских событий в России поддержал Учредительное собрание. В октябре 1917 г. — делегат Канского уездного продовольственного съезда, провозгласившего передачу власти Советам. Избирался народным судьей в с. Перовском. В 1918 г. — начальник Перовского волостного штаба, председатель ревтрибунала Степно-Баджейской республики, начальник главного штаба армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Отличался высокой эрудицией, писал стихи. Оставил воспоминания. (С. 11, 14—15, 87, 316—318, 321—325, 327, 330—331, 334—335, 338, 340—341, 350, 357—381, 406—407, 424—425.)

Иванов Павел Степанович (1894 — ?), активный участник Гражданской войны. Из семьи рабочего со ст. Зыково. Рано остался без отца. С 15 лет работал на строительстве железной дороги. Фронтовик. В 1915 г. призван в армию, в звании унтер-офицера был направлен на фронт. Ранен под г. Дубно, после госпиталя назначен в Румынию командиром 1-го взвода Зайсанского полка 194-й дивизии. В 1-й роте примкнул к партийной ячейке. В Румынии узнал о свержении царя. Был ранен в Бессарабии, по ранению получил трехмесячный отпуск, уехал в с. Шало Канского у. Позднее — командир конной разведки Манского полка партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Член РКП(б) с 1925 г. (С. 310—314.)

Иванов-Ринов Павел Павлович (1869 — после 1927), участник Белого движения, генерал-лейтенант. Войсковой атаман Сибирского казачьего войска с июля 1918 г. Фронтовик. С октября по ноябрь 1918 г. — военный министр Временного Сибирского правительства, командующий Сибирской армией Директории. Призван в армию А. В. Колчака, командовал войсками Приамурского военного округа. Зимой 1919 г. — помощник главнокомандующего Восточным фронтом. Арестован, после освобождения находился на нелегальном положении. В 1921 г. служил в штабе атамана Семенова. Затем эмигрировал. (С. 210, 421.)

Игнатов Иван (? — 1918), рабочий железной дороги. Погиб при попытке выследить, когда из Красноярской тюрьмы будут вывозить на расстрел Г. С. Вейнбаума, Я. Ф. Дубровинского, И. И. Белопольского, В. Н. Яковлева, А. Ф. Парадовского. (С. 281—282.)

Исаев Тимофей Никитич (? — 1919), унтер-офицер 30-го Сибирского полка. Участник Ключевенского фронта. Член первого и второго красноярских подпольных комитетов. Погиб во время восстания в военном городке 30 июля 1919 г. (С. 204, 276, 278, 412.)

Исаева Ольга Никитична (1893 — ?), активная участница Гражданской войны. Родилась в Енисейске, в семье ссыльнопоселенца. Рано осталась без отца, работала по мелким мастерским, служила домработницей. В 1901 г. переехала в Красноярск. В 1914 г. с помощью ссыльных сдала экстерном экзамен за два класса Красноярской женской гимназии. Член РСДРП(б) с 1917 г. Хранила нелегальную литературу, по заданию первого подпольного комитета устанавливала связи с солдатами 30-го Сибирского стрелкового полка, вошла в состав Красного Креста для оказания помощи арестованным товарищам и их семьям. Знала все явки и явочные квартиры. Принимала участие практически во всех подпольных комитетах Красноярска. Для установления партийных связей с подпольными организациями других городов выезжала в Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), Иркутск. После окончания Гражданской войны — на партийной и советской работе. В годы Великой Отечественной войны по заданию Московского комитета партии вместе с А. А. Поздняковым работала в немецком тылу. Оставила воспоминания. (С. 244, 277, 417, 420.)

Исаков Николай Иванович (1865 — ?), из семьи рабочего на приисках, летом работал на приисках. Член подпольной организации в с. Перовском, связанной со степно-баджейскими партизанами. (С. 317, 358, 362, 371.)

Исаченко Федор Михайлович (1896 — ?), родом из Смоленской губ. Отец имел надел, сам столярничал. В 1915 г. взят на военную службу, служил в сборно-автомобильной роте на Юго-Западном фронте под Перемышлем. Впоследствии — партизан Манского полка Степно-Баджейской партизанской армии. (С. 189.)

Иоффе Семен Моисеевич (1891—1918), активный участник революционного движения и Гражданской войны. В 1908 г. был арестован за революционную деятельность и сослан в Сибирь. Отправлен на поселение на выс. Сизой Кежемской в. Енисейского у., откуда совершил побег. Через три года был отправлен в ссылку в с. Казачинское того же уезда. В 1915 г. переведен в Енисейск. После Февральской революции 1917 г. организовал Енисейский Совет рабочих и солдатских депутатов. Глава исполкома Енисейского Совета. Во время мятежа 1918 г. арестован и расстрелян 10 мая 1918 г. как заложник. (С. 264—265, 267, 270, 267, 416, 419.)

К

Кадлец (Кадлес, Кедлет) Эдуард, капитан австро-венгерской армии. С 1918 г. — член военного комитета чехословацкой армии, командующий одним из эшелонов. С мая того же года вместе с капитаном Вороновым по приказу Гайды захватил Мариинск, с марта 1918 г. — командир 7-го Татрантского стрелкового полка 2-й Чехословацкой дивизии. В мае 1918 г. действовал против красногвардейцев на Мариинском фронте. Вел переговоры с уполномоченными членами красногвардейского штаба Мариинского фронта о перемирии. В июле 1918 г. вел бои под Иркутском, возглавляя чехословацкий ударный батальон при захвате Кругобайкальского тоннеля. С осени 1918 г. — командующий чехословацкими частями на КВЖД. (С. 206, 226, 411.)

Казанцев Василий Степанович (? — 1937), командир «серебряной» роты Северо-Канского фронта, член революционного трибунала. (С. 69.)

Казанцев И. Г. (? — 1921), атаман Енисейского казачьего войска, руководитель банды, появившейся в Туве по заданию барона Унгерна в мае 1921 г. Объединился с отрядом Андрея Бакича; оба отряда были разбиты в бою у пос. Атамановка Подхребтинского района Урянхайского края. Здесь атаман и погиб. (С. 220.)

Казерский А., командир 2-го батальона Тальского полка Степно-Баджейского партизанского фронта. (С. 322.)

Каландаришвили Нестор Александрович (1876—1922), активный участник Гражданской войны, один из руководителей партизанского движения в Восточной Сибири. Грузин, учился в Тифлисской учительской семинарии, участник восстания гурийских крестьян в 1905—1906 гг. В партии эсеров с 1904 г. Несколько раз подвергался арестам, содержался в тюрьмах, ссылался, в 1917 г. осел в Иркутске. С 1917 г. — анархист-коммунист; в 1919—1920 гг. — командир партизанского отряда, поддерживал большевиков. В 1921—1922 гг. командовал вооруженными силами в ДВР и Якутии. Член РКП(б) с 1921 г. Погиб в бою, попав в засаду. (С. 326.)

Калашников Николай Сергеевич (1884—1961), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Обучался в Санкт-Петербургском университете. Эсер. Скрывался за подготовку террористических актов за границей, учился в Парижском университете. После Февральской революции — заместитель председателя Военного совета Иркутского гарнизона. Один из инициаторов создания эсерово-офицерского подполья в Восточной Сибири. Инициатор движения против адмирала А. В. Колчака, возглавил подготовку «заговора Политцентра» — восстание против адмирала, начавшееся 24 декабря. В феврале 1919 г. заключил договор с ВЦИК и ЦК РКП(б) о совместной борьбе против Колчака. Руководил боевыми действиями против каппелевских и семеновских войск в Забайкалье. (С. 215.)

Калашников Яков Фокеевич (1872 — ?), крестьянин с. Сагайского Минусинского у. Отец — переселенец из Пермской губ., хозяйство бедняцкое. Остался без отца полугодовалым. С восьми лет пошел в батраки, ходил в работниках до 1909 г. Работал на приисках, железной дороге, в 1904—1905 гг. — в депо на ст. Зима. Там имел связь с подпольной партийной организацией. Впоследствии руководил Каратузской подпольной организацией, самой крупной в Минусинском у. Один из руководителей Минусинского крестьянского восстания, организатор захвата с. Каратуз с последующим выступлением крестьян на Минусинск. До прихода П. Е. Щетинкина скрывался в тайге, затем с Манским полком освобождал Минусинск. (С. 167, 171—172, 191.)

Каледин Алексей Максимович (1861—1918), участник Белого движения, генерал от кавалерии, руководитель мятежа казачества в Донской обл. С 1917 г. — атаман Донского казачьего войска. (С. 413.)

Калмыков Павел Иванович (1891—1920), участник Белого движения, генерал-майор. С 1917 г. — заместитель войскового атамана Уссурийского казачьего войска, с 1918 г. — атаман. Один из организаторов антибольшевистского движения на Дальнем Востоке. Вел боевые действия против советских войск в Приморье. В 1920 г. перешел на территорию Китая, где был убит при попытке к бегству. (С. 146, 280, 333, 421.)

Кампернаус Альберт Александрович (1898 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из Лифляндской губ., из семьи рабочего. В 1907 г. приехал с семьей в д. Сухую Кирзу Кийской в. Красноярского у. Работал пастухом, ходил на постройку шоссе в Заманье, пока семья не обзавелась хозяйством. В 1917 г. мобилизован в армию, но на фронте не был, дезертировал. Принимал участие в подавлении восстания юнкеров в Иркутске.

Участник всех основных боев армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина в составе лыжной команды 1-й роты Манского полка. (С. 107—108.)

Канцелярский Павел Григорьевич (? — 1940), служащий общества потребителей «Самодетельность» в Красноярске, участник Ключевенского фронта, член первого Красноярского подпольного комитета. В доме его матери находилась подпольная типография. (С. 255, 276, 283.)

Канцелярская Людмила Емельяновна, жена Канцелярского П. Г. Наборщица типографии в Союзе кооперативов, организатор первой подпольной типографии в 1918 г. (С. 277.)

Карнаев Михаил, председатель подпольного комитета в пос. Знаменском Красноярского у., казнен в числе 13 подпольщиков. (С. 305, 423.)

Карус (Каррус), партизан армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина, возможно — из военнопленных. Член Армейского совета. (С. 223—224.)

Каппель Владимир Оскарович (1883—1920), военачальник, активный деятель Белого движения. Окончил Академию Генерального штаба. Фронтвик. С приходом к власти А. В. Колчака был произведен в генерал-майоры, с января 1919 г. командовал 1-м Волжским армейским корпусом Западной отдельной армии. С ноября — заместитель главнокомандующего войсками Восточного фронта, с декабря — командующий фронтом. Отступая на восток, привел к Красноярску около 75 тыс. человек. После неудачного наступления на город, обойдя Красноярск, двинулись дальше на восток. Предполагал создать новый боевой фронт, связавшись с атаманом Г. М. Семеновым. Скончался недалеко от ст. Тулун Иркутской губ. от гангрены отмерзших ног и воспаления легких. (С. 46, 216, 280, 404, 412, 430.)

Кауров Александр Иванович (1884—1919), активный участник революционных событий и Гражданской войны, бывший политссыльный. В 1904 г. осужден за революционную деятельность в Саратове и выслан в Енисейскую губ. Член РСДРП(б). В 1916 г. был призван в царскую армию, служил в Красноярске в 30-й стрелковой дивизии, где вступил в нелегальную организацию. В марте 1917 г. избирался комиссаром Енисейского губернского исполкома. Один из организаторов Красной гвардии в городе. Участник Мариинского фронта. Во время отступления Совдепа вниз по Енисею ушел в тайгу. Около с. Казачинского Енисейского у. организовал партизанский отряд. Председатель штаба Кондаковского отряда. Затем подчинил свой отряд Северо-Канскому партизанскому фронту. (С. 45—47, 69—70, 74—75, 204, 258.)

Каутский Карл Иоганн (1854—1938), немецкий экономист, публицист, социал-демократ, теоретик марксизма. (С. 229.)

Квитный Алексей Петрович, командир Усинского отряда Красной гвардии. (С. 217.)

Керенский Александр Федорович (1881—1970), политический деятель, адвокат. Окончил юридический факультет Петербургского университета, присяжный поверенный. С марта 1917 г. — эсер, министр юстиции, затем военный и морской министр Временного правительства. Депутат IV Государственной думы от трудовиков. С 30 августа (12 сентября) Верховный главнокомандующий. Белоземigrant. (С. 123, 152, 201, 317, 361, 413, 424.)

Кибалов Петр Петрович (1894 — ?), из крестьян д. Качульки Сагайской в. Минусинского у. Батрачил. В 1916 г. взят на военную службу. Фронтвик, воевал в Румынии, где был контужен и отправлен газами. В нач. 1918 г. демобилизовался. Участник Минусинского крестьянского восстания. Позднее воевал в Манском

полку партизанской армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. (С. 164—165.)

Кирьянов Г., организатор партийной ячейки в д. Запльвино Минусинского у. по заданию штаба Большемуралинского партизанского отряда. (С. 228.)

Киш Ференц (? — 1919), член венгерской организации большевиков. Во время восстания в военном городке в Красноярске в июле 1919 г. командовал отрядом пулеметчиков, защищал отступавших повстанцев. Был заколот у пулемета. По другим данным, расстрелян в Красноярской тюрьме. В списке погибших, составленном А.А. Поздняковым, его нет. (С. 37.)

Клешнин Федор Кузьмич (1893 — ?), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Уроженец д. Мигны Ермаковской в. Минусинского у. До мобилизации служил в торговом доме в Красноярске. Фронтовик. В 1917 г. принимал участие в революционных событиях в Петрограде. Член РСДРП(б) с 1917 г. После демобилизации в нач. 1918 г. избран в Красноярский уездный Совет. После антибольшевистского переворота какое-то время находился в Красноярской тюрьме, затем вел работу в четвертом подпольном комитете и партизанском отряде Н.М. Копылова. С конца 1919 г. — член Красноярского военно-революционного комитета по подготовке восстания в Красноярске. (С. 280, 284—285, 290, 422.)

Клявин Николай, партизан армии А.Д. Кравченко и Е.П. Щетинкина, член объединенного Совета. (С. 214, 321, 349, 387—388.)

Ковалев Афанасий Емельянович, партизан армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина, командир взвода и секретарь Манского полкового совета. (С. 217.)

Кодинец Андрей Георгиевич (1869 — ?), участник Белого движения, полковник. В 1916 г. командовал 14-м Сибирским стрелковым полком в Красноярске. После свержения Советской власти с 17 августа 1918 г. — командир Красноярского пехотного батальона и начальник Красноярского гарнизона. (С. 79, 405—410.)

Колобов Илларион Филиппович (1890 — ?), из д. Большой Идры Идринской в. Минусинского у. Из семьи крестьянина-бедняка. В 1912 г. был мобилизован в армию, служил в 16-м Сибирском стрелковом полку. В 1915 г. под влиянием передовых рабочих отказался подчиняться командирам. В 1917 г. организовал в Минусинском у. отряд из девяти человек. Отбирали оружие, нападали на небольшие отряды белых. После захвата Минусинска скрывались, затем стали пробиваться к отряду П.Е. Щетинкина. В с. Бея налетели на полевой караул колчаковцев, Колобов был ранен в ногу. После ампутации ноги в строй не вернулся. (С. 309.)

Колосов (Валин) Евгений Евгеньевич (1879—1937), активный деятель революционного движения и Гражданской войны. Из дворянской семьи. На начальной стадии своей революционной деятельности — народник. Всю жизнь преклонялся перед Н.К. Михайловским, которому посвятил «Очерки мировоззрения Н.К. Михайловского» (СПб., 1912). Входил в летучий отряд боевой дружины Б.В. Савинкова. В 1900 г. арестован у Казанского собора за участие в студенческой забастовке. Вернулся в Томск, где печатал эсеровскую газету «Революционная Россия». Выслан в Красноярск, где женился на эсерке В.П. Поповой (дочери К.Г. Поповой, в доме которой в 1897 г. останавливался В.И. Ленин). За нелегальную деятельность в разных городах два года отсидел в Петропавловской крепости и «Крестах». В 1907 г. с женой и сыном уехал в Швейцарию, а затем в Италию. Жил литературным трудом. В 1915 г. вернулся в Россию, был арестован и должен был отправиться в Туруханск. Благодаря связям жены

и друзей до севера не доехал и был оставлен в Красноярске. Редактировал газету «Наш голос» — рупор красноярских эсеров. Выступал за поддержку Временного правительства, за «войну до победного конца». Делегат I и II съездов эсеров. Член Сибирской областной думы. В ноябре 1917 г. заочно был избран членом Всероссийского учредительного собрания. Затем отбыл из Красноярска в 15-й полк 5-й армии Северного фронта в качестве комиссара Временного правительства. Его выступления перед солдатами пользовались большим успехом из-за особой манеры рассказа. С октября 1919 г. — один из лидеров Земского политического бюро, затем вошел в иркутский Политцентр. В январе 1920 г. вел переговоры с командованием 5-й армии о создании Восточно-Сибирского буферного государства. Советской власти не принял. Расстрелян вместе с женой в 1937 г. (С. 4—5, 7—8, 209, 214, 280, 290—291, 315, 403—404, 417, 421—423, 429—430.)

Колосовский Е. Е. (1891—1922), активный участник Гражданской войны. Командир эскадрона Северо-Канского фронта, делегат II Военно-армейского съезда 15—24 ноября 1919 г. в с. Бакчет Канского у. Член контрольно-ревизионной комиссии при армии. (С. 63.)

Колчак Александр Васильевич (1874—1920), русский военачальник, вице-адмирал. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С 28 июня 1916 г. по 9 июня 1917 г. — командующий Черноморским флотом. С апреля по конец июня 1918 г. — член правления КВЖД, командующий русскими вооруженными силами в полосе отчуждения. С 4 ноября — военный и морской министр Временного Всероссийского правительства. 18 ноября 1918 г. совершил переворот: установлена власть Российского правительства во главе с Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком. (С. 9, 11, 17, 38, 46, 204—205, 215—216, 226, 229, 230—231, 267, 270, 278, 288, 290, 300, 317, 358, 362, 382—385, 402, 404, 410, 417, 422, 424, 426—427, 429.)

Коноваленко П. И., начальник по снабжению оружием Большемуралинского партизанского отряда Красноярского у. (С. 228.)

Коновалов Иван Иванович (1793 — ?), с 1829 г. владелец Знаменского стекольного завода в Заледеевской в. Красноярского у. Завез из Европейской России около трехсот крепостных. После отмены крепостного права завод начал хиреть. Позднее был приобретен купцом А.Д. Даниловым. (С. 423.)

Конякин М. П., начальник агитотдела в Большемуралинском партизанском отряде. (С. 228.)

Копан В. Л., матрос, организатор подпольной группы в д. Восторово Славгородского у. Алтайской губ. (С. 223.)

Копылов Николай Миронович (1880—1919), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Участник восстания на броненосце «Потемкин» в 1905 г. Сослан в Туруханский край, где провел четыре года. Член РСДРП(б). После февральских событий 1917 г. — член Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов и исполкома. После контрреволюционного переворота направляется на подпольную работу в Знаменский стекольный завод. Командир партизанского отряда в Кемчугской тайге под Красноярском. Отряд совершал диверсии на железной дороге. В ноябре 1919 г. застрелился, будучи окружен белыми. (С. 10, 149—151, 211, 220, 278, 283—284, 286—287, 298, 360.)

Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918) — политический и военный деятель. Один из основателей Белого движения в России. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Начальник 48-й пехотной дивизии. Попал в плен, бежал. С марта 1917 г. — командующий войсками Петроградского военного округа, затем

главнокомандующий Юго-Западным фронтом. Арестован Временным правительством, бежал из тюрьмы в Новочеркасск, где вместе с генералом М. В. Алексеевым приступил к организации Добровольческой армии. С декабря 1917 г. — командующий армией. Погиб под Екатеринодаром. (С. 7, 203, 255, 333, 410, 424.)

Коростелев (Кретов) Николай Иванович (1880/1883—1919), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Родом из Екатеринбургской губ. Член РСДРП с 1904 г., один из организаторов солдатского движения в Москве в 1905 г. Осужден в Оренбурге на четыре года каторги с пожизненным поселением в Сибирь. В 1912 г. был водворен в с. Перово Канского у., затем в д. Ной Перовской в. В 1917 г. — комиссар Временного правительства в Канском у. С апреля того же года — председатель Канского Совета крестьянских депутатов, с мая — председатель объединенного уездного Совета. Член ЦИК Советов Сибири, нарком продовольствия Сибири. Арестован в мае 1918 г., в декабре заключен в Красноярскую тюрьму. 27 или 28 марта 1919 г. повешен в Канске. (С. 360—361.)

Коротков Василий Семенович (1892 — ?), активный участник Белого движения, подпоручик. Начальник Красноярской городской милиции, затем помощник начальника 1-го отделения отряда особого назначения для борьбы с партизанами. Белоэмигрант. (С. 220, 228, 268, 277, 282—283, 287.)

Костенко Петр Иванович, красногвардеец, участник боев на Мариинском фронте. Секретарь военно-революционного штаба в Енисейске. После поражения находился в Омске в концентрационном лагере, откуда совершил побег. Оставил воспоминания. (С. 234—240, 412.)

Костюченко Ефим, активный участник Гражданской войны. Партизан Манского полка партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Занимал должность заместителя Армейского совета до декабря 1919 г. Участник всех основных боев армии. Подписывал обращение главного штаба к русскому населению Урянхайского края и пограничному Усинскому округу с призывом прекратить войну с сойотами и урянхами. Оставил небольшие воспоминания. (С. 16, 95—100, 211, 335.)

Кочетов Сергей Кузьмич (1894—1957), один из руководителей партизанского движения в Восточной Сибири, активный участник Гражданской войны. Житель пос. Атамановка Усинского округа. В марте 1918 г. — один из организаторов Совета крестьянских депутатов, командир Красной гвардии. Командовал особым отрядом по разгрому белых банд на территории Усинского пограничного округа и Урянхия (Бакича, Казанцева и др.). В 1922—1924 гг. командовал отрядом ЧОН в Туве. (С. 147—148, 219—220.)

Кочугов Павел Григорьевич (1897 — ?), крестьянин д. Ибрюль Красноярского у. Из бедняцкой семьи. Ходил по людям. Фронтвик, воевал в Румынии в 1916 г. В том же году был мобилизован. Партизан отряда Н. М. Копылова, свидетель его гибели. (С. 151.)

Кравченко Александр Диомидович (1880/1881—1923), активный участник Гражданской войны, один из руководителей партизанского движения в Восточной Сибири. Родом из Воронежской губ., из середняцкой крестьянской семьи. Эсер, член РКП(б) с 1920 г. По специальности — землемер (Мариинское землемерное училище). Окончил учебную команду 218-го Борисоглебского полка и школу прапорщиков. Скрываясь от ареста за антиправительственную агитацию, в 1908 г. уехал в Восточную Сибирь. Работал по специальности в Манском лесничестве, а также агрономом в Ачинском и Минусинском уездах. Владелец хутора в Заманье. С началом войны в 1914 г. призван в армию, служил в Ачинске заведующим продовольственным пунктом. После

выявленных нарушений в служебных обязанностях переведен в Нарвский пункт проката сельхозмашин. После антибольшевистского переворота в Красноярске был мобилизован в войска Временного Сибирского правительства. В сентябре дезертировал и примкнул к повстанцам в качестве военного специалиста. В январе 1919 г. был избран главнокомандующим крестьянской армией Степно-Баджейского партизанского района. С сентября 1919 г. — главком партизанской армии в Минусинске, с декабря того же года — главком Крестьянско-рабочей армии Минусинского партизанского фронта. После соединения партизан с 5-й дивизией Красной армии назначен начальником Енисейской стрелковой дивизии. После ее роспуска руководил добровольческим стрелковым полком из енисейских партизан. (С. 11, 14—15, 78, 80—83, 87—89, 95—96, 99—104, 108—117, 120, 125, 133—134, 150, 152—154, 182, 193, 197, 209, 212—215, 217, 221, 224, 280, 283, 289, 291, 310—311, 313, 315—317, 319, 322, 325—327, 330—331, 336, 339—340, 345, 347—348, 350—351, 353, 357, 359, 363—369, 371—375, 379, 388, 390, 401, 407, 421—422.)

Кравченко К. Ф., партизан, сотрудник газеты «Крестьянская правда», секретарь редакции газеты «Соха и молот» в Рабоче-крестьянской армии Минусинского народного фронта. (С. 353.)

Красильников Иван Николаевич (1888/1890—1920), участник Белого движения, казак Оренбургского войска, подполковник, затем генерал-майор. Фронтвик. В ноябре 1918 г. в Омске участвовал в военном перевороте, после чего к власти пришел А. В. Колчак. С февраля 1919 г. командовал частями по подавлению отрядов повстанцев в Канском у. Будучи командиром егерской бригады, подписал приказ о расстреле без суда всех, кто замешан в проступках и преступлениях среди мирного населения против Белой армии. Жестокость Красильникова обратила на себя внимание Омского правительства. Участник Сибирского Ледяного похода. Был или убит участниками восстания в Иркутске во время переговоров, или скончался от тифа. (С. 12, 42, 62, 68—69, 70, 81, 85, 89, 94, 111, 210, 284, 319—321, 329, 367—368, 388—390, 421.)

Красницкий Павел Ефимович, командир 1-го батальона Северо-Ачинского полка Степно-Баджейской партизанской армии. (С. 77, 92, 126, 129, 212, 379, 397.)

Кренц Витт Иосифович (1895—1937), активный участник Гражданской войны. Уроженец Канского у., из семьи ссыльного поляка. Член РСДРП(б) с 1917 г. В августе 1918 г. мобилизован в армию Колчака, дезертировал. Примкнул к тасеевским партизанам. В 1919 г. — адъютант командира 3-го Енисейского полка Ф. Я. Бабкина в Северо-Канской партизанской армии В. Г. Яковенко. Председатель военно-революционного штаба войск Тасеевской партизанской республики. С августа 1919 г. — кандидат в члены Армейского совета Северо-Канского фронта. (С. 51, 53, 59—60, 68, 207, 209.)

Кривоуцкий Александр Тарасович (1897 — ?), родом из д. Верхне-Есаульской Шалинской в. Красноярского у. Батрачил с восьми лет. Мать, когда ослабела, ходила по миру. Отца потерял рано. В 14 лет пошел на ремонт железной дороги, где проработал три года. Мастер относился как к сыну, но к матери не отпускал. Двоюродного брата Иннокентия Васильевича Кривоуцкого по роли, а затем расстреляли за то, что нашли немного пороха за поясом. В 1916 г. Кривоуцкий был взят на военную службу, служил недолго. Красногвардеец. Кавалерист партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. (С. 131—136.)

Кривошеев Михаил Григорьевич (1903 — ?), крестьянин ст. Тинской Ачинского у. Работал барковолоком по людям. Партизан отряда М. Т. Савицкого, затем воевал в эскадроне Тальского

полка партизанской армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. Участник Белоцарского боя. (С. 198, 428.)

Кри(е)стовская Елизавета Ивановна (? — 1918), участница Ключевенского фронта, где погибла от разрывной пули. (С. 242—243.)

Кри(е)стовская Ираида Ивановна, член второго Красноярского подпольного комитета и Красного Креста. (С. 243, 277, 414, 417, 420.)

Крутовский Владимир Михайлович (1856—1938), врач, общественный деятель. Участник Белого движения. Один из организаторов фельдшерско-акушерской школы в Красноярске, Общества врачей Енисейской губернии, председатель Красноярского поддела Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом, редактор первой медицинской газеты в Сибири «Сибирские врачебные ведомости». Председатель Красноярского отделения Сибирского областного союза. После февральских событий в марте — октябре 1917 г. — председатель Красноярского комитета общественной безопасности. В нач. 1918 г. — министр здравоохранения во Временном Сибирском правительстве в Омске, в июне того же года занял пост министра внутренних дел и заместителя председателя Совета министров. В конце сентября 1918 г. сложил полномочия. (С. 7, 11—12, 275, 412—413, 420.)

Крюков Никифор Константинович (? — 1918), член РСДРП(б) с 1917 г. Член крестьянского совета в Усинске, заведовал земельным отделом русской колонии в Туве. Убит кулаками в июне 1918 г. (С. 142—143, 219, 307.)

Кудимов М.К., организатор небольшого партизанского отряда в д. Мокруше Казачинской в. Енисейского у. Впоследствии воевал в Северо-Канской партизанской армии. (С. 63.)

Кудимов Афанасий Егорович, командир лыжной команды в отряде И.З. Нижегородова в Северо-Канской армии. (С. 57—58, 344.)

Кузеванов Николай Васильевич (1898 — ?), родом из Херсонской губ. Из семьи ссыльного (отец участвовал в разгроме помещичьих имений в Молдавии). Жил в д. Малые Кныши Кнышенской в. Минусинского у. Хозяйство бедняцкое. Фронтовик. После Брест-Литовского мира дивизию расформировали. После второй мобилизации дезертировал. Участник боев с юнкерами в Иркутске в декабре 1917 г. (С. 111—112.)

Кузнецов Александр Петрович (1848—1913), красноярский купец 1-й гильдии, кадет. Сын известного красноярского купца 1-й гильдии П.И. Кузнецова, потомственный почетный гражданин, заводчик и золотопромышленник. С 1880-х гг. владел чугунолитейным, лесопильным производствами, а также несколькими золотыми приисками. Один из учредителей акционерного общества «Драга» в 1898 г. и «Акционерного общества пароходства по реке Енисею» в 1910 г. Известный меценат. (С. 219.)

Кузнецов Варлаам Алексеевич, руководитель восстания в Енисейске 6—28 февраля 1919 г. (С. 272, 420.)

Кузнецов Владимир Петрович (1897—1938), активный участник революционных событий. В Красную гвардию вступил на Урале. После контрреволюционного переворота скрывался в Красноярске и Минусинске, был арестован и отправлен на военную службу. Служил рядовым в 3-м горном (егерском) полку, дислоцировавшемся в военном городке Красноярска, состоял в подпольной полковой организации. Один из организаторов подготовки вооруженного восстания солдат 30 июля 1919 г. После подавления восстания был арестован и приговорен к расстрелу, во время которого бежал. (С. 36—38, 40.)

Кузнецов Константин Васильевич (1884—1918), участник революционных событий. Фронтовик. В 1905 г. — слесарь Красноярских железнодорожных мастерских. Член РСДРП. Член Совета рабочих и солдатских депутатов в Красноярске. Командир отряда на Ключевенском фронте. Руководил эвакуацией исполкома в низовья Енисея, занимался снабжением судов водой и продовольствием. Спасая документацию во время бегства с парохода, погиб. (С. 15, 245, 254, 411—414, 418.)

Кузнецов С.Ф., подпольщик на Знаменском стеклоделательном заводе Красноярского у. (С. 297.)

Кузьменко В., первый командир Убысинского отряда Северо-Канской партизанской армии. Одно время был объявлен вне закона из-за самовольного ухода со своим отрядом. Дело рассматривал военно-революционный трибунал. (С. 434.)

Кузьменко Иван Фомич (1893 — ?), рабочий-железнодорожник, распространял прокламации в слободе Алексеевка Красноярска. Участник военных действий на Ключевенском фронте. Организатор боевых ячеек, собирал оружие. В октябре 1918 г. стоял в карауле возле Красноярской тюрьмы, откуда должны были вывести на казнь Г.С. Вейнбаума, В.Н. Яковлева, И.И. Белопольского, А.Ф. Парадовского, Я.Ф. Дубровинского. Во время обстрела конвоем солдат удалось скрыться. (С. 276, 282.)

Кузьмин Андрей Илларионович (скончался после 1918 г.), в начале декабря 1905 г. возглавил в Красноярске солдатский комитет, преобразованный затем в Совет солдатских депутатов. Ни к какой из политических партий не принадлежал. Окончил Киевский политехнический институт. Участник Русско-японской войны, прапорщик 2-го резервного батальона. Накануне поражения Красноярской республики увел солдат в железнодорожные мастерские. В ночь перед сдачей осажденных рабочих и солдат в железнодорожных мастерских Омскому полку скрылся. Эмигрировал во Францию. В 1912 г. вернулся в Россию и сдался властям. Был приговорен к каторге, освободила Февральская революция. При Колчаке арестован в Омске, бежал. Умер от тифа в Новониколаевске. (С. 130, 217.)

Кулешо А.И., фельдшер в Степно-Баджейской армии и рабочий в оружейной мастерской. (С. 209, 327, 356.)

Кулешов Василий, организатор партийной ячейки в д. Черняево Бобровской в. Ачинского у. по согласованию со штабом Большемуртинского партизанского отряда. Расстрелян. (С. 228, 231.)

Кульчицкий Станислав (? — 1918), политкаторжанин, участник и организатор повстанческого движения — Минусинского крестьянского восстания (или дубинного, как прозвали сами крестьяне). Стоял у властей на примете как владелец самогонного аппарата и агитатор среди населения. По приговору военного суда 11 декабря 1918 г. был повешен в Минусинске. (С. 155, 169, 174—177, 190—191, 201.)

Курганский Ф.И., активный участник Гражданской войны. Кустарь, занимался сапожным делом, член кооператива. Один из организаторов таежной группы в Тальской в. Канского у. Перед Февральской революцией проводил агитацию среди переселенцев. После поражения Советской власти перешел на нелегальное положение. 10 июня 1919 г. в д. Галушке вошел в состав военно-революционного комитета. В октябре 1918 г. — один из организаторов партизанского отряда вместе с К.А. Жестиковым, Ф.С. Грибушиным числом в 250 человек. (С. 87, 209, 321, 333, 336—337, 390, 392.)

Курченко Николай Павлович, рабочий-железнодорожник, бывший комиссар ст. Красноярск. В 1917 г. — член Красно-

ярского Совета. Председатель объединенного Совета военных и гражданских депутатов партизанской армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. Вошел в так называемый Центральный коллектив, который должен был заниматься идеологической работой среди населения. По заданию штаба армии ездил с грамотой в Монголию на переговоры с нойоном о возможности оставить там госпиталь с больными и ранеными партизанами. Член главного штаба армии. (С. 83, 99, 134, 210, 212, 221, 327, 342, 344, 364, 367, 406—407, 425.)

Курятов Иван Харлампиевич, крестьянин с уч. Астафьевского Вершино-Рыбинской в. Канского у. Фронтовик, воевал на Румынском фронте. С крестьянами со своего участка собирал оружие, был кем-то выдан, скрывался в тайге. Организовал отряд из 15 человек, установил связь с партизанскими отрядами Ф. Халчевского и А. Виноградова, затем отряд влился в Северо-Канскую партизанскую армию. Член контрольно-ревизионной комиссии. Прошел весь путь армии с боями: от времени отступления из с. Тасеево до возвращения и освобождения села. Оставил воспоминания. (С. 207.)

Л

Лабетский Иван Калистратович (1886 — ?), активный участник Гражданской войны. Уроженец Витебской губ., из семьи крестьянина-бедняка. В 1900 г. переселился с семьей в Енисейскую губ., д. Нагорную Ачинского у. Фронтовик. В 1916 г. призван на военную службу, с 1917 г. — на фронте, секретарь большевистской фракции в 8-м Сибирском стрелковом полку. В 1918 г. демобилизовался. Командир 3-го батальона Северо-Ачинского полка партизанской армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. Член ВКП(б) с 1925 г. Оставил воспоминания. (С. 126—127, 212.)

Лавров Вадим, член третьего Красноярского подпольного комитета. (С. 285, 287.)

Лазо Сергей Георгиевич (1894/1896—1920), активный участник Гражданской войны. Эсер-интернационалист. В 1918 г. вступил в РСДРП(б). В чине прапорщика командовал в Красноярске 15-м Сибирским запасным стрелковым полком. Избирался в Красноярский Совет. С лета 1917 г. — председатель солдатской секции в Совете, командир Красной гвардии, начальник гарнизона и военный комендант г. Красноярска. После октябрьских событий, в ночь на 29 октября (11 ноября), С.Г. Лазо и М.И. Соловьев захватили с солдатами 10-й роты 15-го стрелкового запасного полка все правительственные учреждения города. С 1918 г. — член Центросибири, начальник Иркутского гарнизона, командующий войсками Забайкальского фронта. После падения Советской власти ушел в подполье, формировал партизанские отряды на Дальнем Востоке. Во время захвата Владивостока японцами в апреле 1920 г. был арестован и выдан в отряд Забайкальского казачьего войска. Вместе с товарищами А.Н. Луцким и В.М. Сибирцевым был казнен (сожжены в паровозной топке). (С. 10, 65, 211, 226, 234, 258, 271, 326, 411—412, 420.)

Лазуткин Николай Васильевич, член подпольной организации в д. Березовской Канского у. (С. 160—161.)

Лазуткин Федор Алексеевич (1895 — ?), крестьянин из с. Березовского Минусинского у. Бедняк, до 1912 г. жил в батраках, затем хозяйство окрепло. В 1916 г. был призван на военную службу в Петроград во 2-ю учебную команду. Участник Февральской и Октябрьской революций, по его словам — брал Зимний, разоружал его охрану — женский батальон. 5 ноября получил отпуск и уехал в Березовское. Взводный Северо-Ачинского полка, затем командир его 6-й роты. (С. 125, 161.)

Лалоянц, ссыльный, начальник продовольственного отдела партизан в с. Перовском Канского у., за бездеятельность заменен З. Тыртычиным. (С. 316.)

Ла(о)пацкий Павел Степанович (1894 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из Виленской губ., из семьи крестьянина-бедняка. Все четыре брата имели земли по три десятины и ходили по работникам. В 1908 г. причислились на уч. Кубейский Красноярского у., где батрачили всей семьей. В 1914 г. Лапацкий плавал матросом на пароходе «Сокол». В 1915 г. призван в армию. Унтер-офицер. Отправлен на фронт в составе своего полка за поддержку Петроградского Совета в борьбе против Л.Г. Корнилова. В 1918 г. мобилизован. Вступил в Красную гвардию после выступления чехов, затем пришлось скрываться. В ноябре ушел к партизанам, избран командиром 4-й роты Манского полка, затем командиром 2-го батальона того же полка. (С. 97, 213, 333—334.)

Лаппо Дмитрий Евдокимович (1861—1935), кадет, юрист, общественный деятель, литератор. В 1885 г., будучи студентом, был выслан в Западную Сибирь, в Тюкалинск, Тобольск, а затем в Енисейскую губ. по делу киевской «Народной воли». Примыкал к сибирским областникам. Занимался научной работой. Автор нескольких работ о степном праве сибирских инородцев. Мировой судья, член окружного суда. Поддержал Временное Сибирское правительство и правительство А.В. Колчака. При последнем — прокурор Красноярского окружного суда. Два сына, морские офицеры Сергей и Лев, служили в морских частях армии Колчака. Сергей впоследствии стал известным советским океанографом, Лев был расстрелян в 1937 г. Оба скрывали службу в Белой армии. (С. 282, 417, 421.)

Лац (? — 1919), учитель, связной партизанского подполья Степного Баджея. Расстрелян. (С. 107, 215.)

Лебедев Георгий (1891—1953), участник революционных событий и Гражданской войны. Уроженец с. Абаканского Минусинского у., из семьи служащего золотых приисков того же у. Служил приказчиком в торговых домах Минусинска. В 1914 г. был призван в армию. Фронтовик. В 1916 г. получил тяжелое ранение и контузию, освобожден от военной службы. В том же году — председатель Союза торговых служащих. В 1917 г. вступил в Минусинске в РСДРП(б), с марта 1918 г. — член Минусинского Совдепа. Участвовал в подавлении казачьего мятежа А.А. Сотникова. После контрреволюционного переворота был арестован и отправлен в Красноярскую тюрьму, откуда в 1919 г. эвакуирован на Дальний Восток в «эшелоне смерти». Освобожден в 1920 г. (С. 141, 143, 194, 307—308.)

Лебедева Ада Павловна (1892—1918), уроженка Иркутской губ. Участница революционного движения и Гражданской войны. В 1912 г. уехала в Петербург, где поступила в психоневрологический институт. В 1915 г. была арестована за агитацию среди студентов и выслана в Сибирь сроком на три года. Проживала под гласным надзором в с. Казачинском Енисейского у., затем в Минусинске. В 1917 г. вошла в группу эсеров-интернационалистов, в 1918 г. вступила в РСДРП(б). В октябре 1917 г. была избрана в состав Центрального исполнительного комитета Советов Сибири (Центросибирь), участвовала в создании Красной гвардии и дружин в Красноярске, являлась председателем Красноярского уездного Совета крестьянских депутатов. Комиссар печати и государственных имуществ, одна из редакторов «Рабоче-крестьянской газеты». Во время эвакуации с Совдепом в Туруханский край была арестована. Выхвачена казаками из общей колонны арестованных членов Совдепа и замучена на берегу Качи. (С. 15, 246—247, 254, 256, 258—259, 268—269, 275, 282, 331, 412, 415, 420.)

Лепин (Лиепиньш) П. А., штабс-капитан Бодайбинской местной команды. По его приказу расстреляли рабочих на Ленских золотых приисках. (С. 218.)

Липаткин Михаил Максимович (1893 — ?), из бедняцкой семьи, батрачил, работал в рудниках. Фронтовик, воевал в Австрии, дважды ранен, отравлен газами. По болезни отправлен в нестроевую роту, где был и швейцаром, и поваром. Участник Минусинского крестьянского восстания. (С. 167.)

Липинская Ксения Антоновна (1898/1900 — ?), активная участница революционных событий и Гражданской войны. Одна из пяти организаторов Союза трудящейся молодежи в 1916 г. в Минусинске. Член РСДРП(б) с 1917 г. 24 июня 1918 г. была арестована и помещена в Минусинскую тюрьму (вместе с З. Гущик и др.). За пение революционных песен несколько раз попадала в карцер. На пароходе в числе 24 человек прибыла в Красноярскую тюрьму. В декабре 1918 г. была отправлена в «эшелоне смерти» на восток, освобождена черемховскими партизанами. До окончания войны находилась в партизанском отряде на Дальнем Востоке. (С. 143, 307.)

Литвинов Иван Петрович (1888 — ?), участник Гражданской войны. Житель с. Березовского Устьянской в. Канского у. Из семьи переселенца, численность которой составляла 11 человек. Жили в землянке, отец занялся торговлей, стали крепнуть. С 1910 г. — на действительной службе. Фронтовик. Воевал под Варшавой, получил Георгиевский крест за разведку. В кон. 1917 г. ушел в отпуск. Принимал участие в июльских событиях в Петрограде. Две недели сидел в «Крестах», «получил казачьих плетей». По его словам, стал разбираться в политике, «ходил» на Зимний. Организатор в с. Березовском Канского у. небольшого отряда, который влился в Степно-Баджейскую армию, воевал в кавалерийском эскадроне Северо-Ачинского полка. Участник всех основных боев армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. (С. 136—139.)

Лобов Федор Назарович (1896—1935), участник Гражданской войны. Эсер-максималист. Бывший офицер Белой армии. Фронтовик. В нач. 1910 г. перешел к тасеевским партизанам. Рядовой стрелок, затем ротный командир. С августа 1919 г. — член Армейского совета и заместитель командующего Северо-Канским партизанским фронтом. (С. 43, 45, 54, 62, 68, 72, 76, 207, 209.)

Логвинов Кузьма Михайлович (1879—1952), активный участник Гражданской войны. С 1917 г. проживал в с. Перовском Канского у., из крестьян. По убеждениям — ближе к анархистам. Фельдфебель запасного полка в Канске в годы Первой мировой войны. С 1917 г. жил в д. Перово. Избирался в члены главного штаба Степно-Баджейской партизанской армии. В Урянхайском походе — командир Канского полка, заменивший на этом посту С. Сабаева. После ранения в Минусинском у., с. Сухая Тесь, был отправлен на лечение. В армию больше не возвращался. (С. 11, 89, 317, 328, 400—401, 425, 428.)

Логинов Андрей Гордеевич (1866 — ?), из переселенцев. Хозяйство бедняцкое. Работал на золотых приисках, где организовал две забастовки. Участник 1-го уездного и 1-го губернского съездов крестьянских депутатов, партизан Степно-Баджейской армии. (С. 159.)

Лубков Петр Кузьмич, крестьянин с. Святославка Мариинского у. Томской губ. Организатор партизанского отряда, одного из самых крупных на территории Томской губ. Нередко под его именем действовали несколько партизанских отрядов. Действуя в Мариинском у., часть его партизан занялись грабежом крестьян. После приказа Красной армии о разоружении Лубков отказался сдать оружие. Был арестован и предан суду революционного

трибунала. Затем попал под влияние кулачества, в 1920 г. пытался организовать антисоветское выступление. (С. 359, 426.)

Лузин Н., фельдшер в Перовском партизанском отряде, затем партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. (С. 330.)

Лукин Роман Николаевич (1866 — ?), родом из г. Вятчи Уржумского у. Вятской губ. Переселился в Сибирь, в с. Копь Сагайской в. Минусинского у. Хозяйство бедняцкое. В 1905 г. сидел в тюрьме около девяти месяцев, вероятно, принимал участие в революционных событиях. После освобождения поселился в Каратузе. Арендовал землю у казаков. Участник Минусинского крестьянского восстания. (С. 173.)

Лысенко-Ларский А. С., член штаба Мариинского фронта. Был уполномочен вместе с командующим фронтом М. И. Соловьевым подписывать договор о перемирии с чехами сроком на шесть дней. (С. 226.)

Лыткин Павел Львович (1884—1938), активный участник Гражданской войны. Уроженец Енисейской губ. Член РКП(б) с 1920 г. Арестовывался колчаковцами, какое-то время находился в тюрьме. Позднее командир кавалерийского отряда в партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Был известен жесткими мерами по отношению к людям, совершившим значительные проступки. После прихода Красной армии со своим отрядом принимал участие в ликвидации банд в Минусинском у. и Туве. (С. 178.)

Лыткин Федор Матвеевич (1897—1918), активный участник революционных событий и Гражданской войны. С юности принимал участие в нелегальных ученических организациях Иркутска и Енисейска. Будучи студентом Томского университета, в июле 1917 г. вступил в члены РСДРП(б). В 1917—1918 гг. работал в профсоюзных и советских организациях, являлся заместителем председателя исполкома Томского Совета. Член Центросибири, народный комиссар внутренних дел Сибири. Входил в группу переговорщиков, заключавших перемирие с чехами в Мариинске. Поэт. (С. 411, 420.)

М

Магомаев, командир казачьей сотни (200 человек) в Урянхае. (С. 141.)

Маерчак Виктор Самуилович (1875—1919), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Врач. Участник Первой русской революции 1905—1907 гг. В 1907 г. приговорен к пожизненной ссылке в Енисейскую губ., три года провел в Туруханском крае. В 1911 г. переехал на жительство в Южно-Енисейский горный округ, где устроился в приисковую больницу общества «Драга». В 1914 г. переместился в Красноярск, получив запрет заниматься медицинской практикой. По требованию обществу города был оправдан. После Октябрьской революции — член исполкома Красноярского Совета, заведовал врачебно-санитарным отделом. Расстрелян как заложник 30 апреля 1919 г. (С. 411, 413, 421.)

Макаренко Мелания, санитарка в Перовском госпитале, затем медицинская сестра в партизанском госпитале партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. (С. 363.)

Максимов Ростислав Иванович, внук ачинского купца 1-й гильдии Г. Н. Максимова. Автор воспоминаний о жизни своей семьи, в том числе о бывшем командире Северо-Ачинского полка П. Е. Щетинкине. (С. 224.)

Макушкин Михаил Александрович (? — 1923), активный участник Гражданской войны. Политссыльный. В 1917—1918 г. проживал в с. Шалинском Шалинской в. Красноярского у. Партизан армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина, одно время заведовал оружейной мастерской. Начальник штаба Манского полка, член объединенного Совета. После окончания Гражданской войны — начальник милиции в д. Заозерной Абанской в. Канского у. (С. 211, 310.)

Малышев Афанасий, активный участник Гражданской войны. Из крестьян, родом из с. Верхне-Усинского Усинского пограничного округа, затем переехал в д. Федоровку Мало-Усинского района Урянхайского края. Фронтвик. Командир эскадрона Подхребтинского партизанского отряда в Урянхае. Вел военные действия против банды Шмакова в Туве. (С. 147, 219.)

Малышев Иван Иванович (1897—1937), участник Гражданской войны. Крестьянин с. Тасеево Канского у. Член РКП(б). Командир 1-й роты Тасеевского полка Северо-Канского фронта. Член контрольно-ревизионной комиссии. (С. 46.)

Малышев Николай Иванович (1895—1937), участник Гражданской войны. Крестьянин с. Тасеево Канского у. Член ВКП(б). Первый командир Тасеевского полка Северо-Канского фронта. (С. 68.)

Малышева Варвара Александровна, учительница, активная участница Гражданской войны. Член партии социалистов-революционеров, с 1918 г. — член РСДРП(б), хотя оставалась на прежней позиции. После октябрьских событий избиралась членом Канского Совета и Красноярского уездного исполкома. В Степно-Баджейской армии — член агитационного отдела. При этом была замужем за белым офицером. (С. 51, 65, 87, 107, 215, 316—317, 319—321, 325, 327—328, 331—332, 356, 358, 372, 377, 394, 405, 424.)

Мальчевский Модест Иванович (1879—1919), участник Белого движения. Фронтвик. Входил в подпольную антибольшевистскую военную организацию в Красноярске. Командовал частями при преследовании исполкомовцев и красногвардейцев при их эвакуации в низовье Енисея. С июля 1918 г. — командир 1-го Енисейского стрелкового полка, затем 4-го Енисейского Сибирского стрелкового полка. С 1919 г. — генерал-майор, с апреля того же года — командир 1-й Сибирской стрелковой дивизии. Умер в Красноярске от тифа. (С. 255, 268, 275, 415—416, 419.)

Мамонтов Ефим Мефодьевич (1885—1922), активный участник Гражданской войны, один из крупнейших руководителей партизанского движения в Сибири. Из семьи крестьянина. В 1910 г. взят в армию, фронтвик, член солдатских советов. Делегат I Всероссийского съезда Советов. С 1918 г. организовывал крестьянские советы на Алтае. С 1919 г. — в партизанском движении, в сентябре того же года избран командующим повстанческой армией Западной Сибири, которая освободила большую территорию Алтая и Северо-Восточного Казахстана. В общей сложности под его командованием находилось 25 полков. Убит в бытовой драке 25 февраля 1922 г. недалеко от Барнаула. (С. 192, 223.)

Манагаров Яков Петрович, фронтвик. В 1919 г. демобилизован. Участник Минусинского крестьянского восстания. (С. 203.)

Мария Федоровна, фельдшерица в отряде Н. М. Копылова. (С. 221, 284.)

Марковский Тихон Павлович (1885—1918), участник революционных событий и Гражданской войны. Член РСДРП(б). Прапорщик. Избирался солдатами 31-го Сибирского запасного полка в Красноярский Совет. Создавал вооруженные отряды, распускал полицию, освобождал политзаключенных. Как товарищ предсе-

дателя объединенного Совета, занимался контролем и учетом за распределением товаров, вел борьбу с саботажем и спекуляцией. С 29 мая 1918 г. — командующий вооруженными силами Енисейской губ. Выхвачен казаками из группы арестованных членов Совдепа и замучен на берегу Качи. (С. 143, 158, 236, 245, 254, 256, 259, 261—262, 265, 268—269, 275, 281, 333, 411, 413—416, 418—420.)

Мартын Александр Владимирович, капитан, затем подполковник. В ноябре 1918 г. назначен помощником командира 32-го Канского Сибирского стрелкового полка, руководитель карательного отряда. (С. 42, 68—69, 206.)

Мартынов, полковник, в 1917 г. — начальник Ачинского гарнизона. С ноября 1918 г. — командир 32-го Канского Сибирского стрелкового полка, начальник гарнизона в Канске. (С. 12, 206.)

Маруд(т)ко Евстафий Тимофеевич (1881—1942), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Уроженец Витебской губ. Член РСДРП(б). Участник революции 1905—1907 гг. в Царицыне. Взят на военную службу из д. Устюг-Ольховки Покровской в. Ачинского у. По некоторым сведениям, при отправке на фронт дезертировал. Формировал красногвардейские части в Красноярске, был на Мариинском фронте. После свержения Советской власти в Енисейской губ. Красноярский подпольный комитет отправляет Марудко в Ачинский у. для организации партизанских отрядов. В Степно-Баджейской армии являлся помощником командира Северо-Ачинского полка, а также начальником по хозяйственной части. (С. 77, 181—182.)

Марченко Александр Михайлович (1886—1941), активный участник Гражданской войны. Уроженец Курской губ. Батрачил с 10 лет, работал на шахтах Донбасса. В 1906 г. переехал в Минусинский у. В 1915 г. был призван в армию, служил в Канске в 16-м запасном батальоне. По болезни демобилизован. В 1918 г. организовал в Канском у. подпольную ячейку, с которой пришел к перовским партизанам. Командир кавалерийского эскадрона Канского полка Степно-Баджейской армии, позднее командовал Тальским полком. Член главного штаба армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Организовывал погоню по захвату карателя Бологова. (С. 99, 124, 210, 215, 317, 319, 321, 326, 334, 336—339, 341, 387, 389—391, 425.)

Масленкин-Непомнящий Артемий Сергеевич (1887—1958), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Член РСДРП с 1905 г., член рабочей боевой дружины в 1905 г. на ст. Боготол. В 1917 г. организовал в Боготоле отряд Красной гвардии, участник боев в Красноярске и Чите против Меллер-Закомельского и Ренненкампа. Отправлен на Мариинский фронт в должности комиссара. Вместе с А. С. Лысенко-Ларским вел переговоры с чехами о перемирии. Организатор и руководитель Большемуртинского партизанского отряда. В годы Великой Отечественной войны на фронтах погибли три его брата. (С. 226—233, 244—245, 411—412.)

Матушевский Викентий Францевич (1870—1918), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Профессиональной революционной работой занимался с 1898 г., член ЦК второго съезда польских социал-демократов, находился в дружественных отношениях с Ф. Э. Дзержинским. Фронтвик. В 1912 г. сослан в Иркутскую губ., летом 1917 г. отозван в Красноярск, где был избран членом Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов. Организатор и руководитель первого Красноярского подпольного комитета, работа которого шла и через легальные организации — Красный Крест и кооператив «Самодетельность»: сбор оружия для партизан, медикаментов, изготовление фальшивых документов, выпуск листовок. В ноя-

бре 1918 г. В. Ф. Матушевский погиб, по одной из версий — от рук «черных партизан». (С. 276, 281, 414, 420—421.)

Матюх Кирилл Иванович (1886 — ?), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Уроженец Черниговской губ. Участник Первой русской революции 1905—1907 гг. В административном порядке сослан на пять лет в Туруханский край, в 1906 г. прибыл в Красноярск. Через год совершил побег, арестован в Варшаве и препровожден в Красноярскую тюрьму. Бежал, работал на приисках около с. Казачинского по подложным документам. Мобилизован в армию в 1916 г. Фронтвик. После февральских событий был назначен помощником Енисейского губернского управления милиции. Член Красноярского Совета. Участник Минусинского крестьянского восстания. После поражения скрывался в тайге. С приходом в Минусинск армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина вошел в ее состав с Кизирским отрядом. Один из организаторов объединенного Совета в Минусинске после освобождения города. (С. 155, 194, 213.)

Махно Нестор Иванович (1888—1934), революционер, анархист, командующий крестьянской повстанческой армией на Украине в период Гражданской войны 1917—1922 гг. (С. 224, 359.)

Медведев Василий Денисович, директор Музея Приенисейского края с 11.02.1933 по 03.1935. (С. 22, 24, 28—30.)

Межебовский, командир Ачинского, затем Тальского полков Степно-Баджейской партизанской армии. (С. 15, 198, 390, 392, 397.)

Меженин Петр Николаевич (? — 1919), бухгалтер кооператива «Самодельность», член третьего Красноярского подпольного комитета. Один из организаторов Красного Креста для помощи заключенным и членам их семей. Собирал оружие, часть которого сумели переправить партизанам. Умер в тюрьме от пыток и тифа. (С. 278, 283, 285, 290.)

Межубовский Алексей, активный участник Гражданской войны, заместитель особого отряда М. Т. Савицкого, затем командир Агинского полка. (С. 15, 198, 390, 392, 397.)

Мезинцев Егор Иванович (? — 1919[?]), старик-таежник, проводник у степно-баджейских партизан. (С. 322, 345, 374, 379, 426.)

Мелегин, командир белого отряда, действовавшего в Урянхайском крае. Был связан с монгольскими феодалами. (С. 147, 217, 219.)

Мелехин Иван Яковлевич, участник партизанского движения в Приморье, в том числе участвовал в разгроме войск атамана Дутова. Захвачен в плен раненым, отправлен в «эшелоне смерти» на восток. Совершил побег. В 1919 г. — командир Приморского партизанского отряда в Иманском у. Приморской обл. (С. 146.)

Мерхалев В. П., член Сибирского краевого комитета партии эсеров и его секретарь. Комиссар Политцентра, уполномоченный при штабе народно-революционных войск. Один из командиров 5-го Сибирского стрелкового полка, освобождавшего Иркутск. (С. 215.)

Метелев Петр Тимофеевич (1889 — 17 сентября 1919), рабочий золотых приисков. В 1916 г. организовал трехдневную забастовку на приисках, за что был отправлен в военно-учебную команду. Фронтвик, находился на фронте до октября 1917 г. Контужен, отправлен в отпуск. После октябрьских событий 1917 г. возглавил исполком Енисейского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Член РСДРП(б) с 1917 г. Комиссар исполкома по обследованию Северо-Енисейских приисков Федоровской компании. Входил в штаб по организации Красной гвардии. На П. Т. Метелева также была возложена борьба с саботажем

в Енисейске. Организовал коммуну на землях д. Овражки, члены которой засеяли участок пшеницей, посадили картофель. 5 июля 1919 г. Петр Тимофеевич был арестован кулаками и 22 июля отправлен в Красноярскую тюрьму. Расстрелян вместе с З. Гущик и Я. Пекарж. (С. 265, 423.)

Милехин Иван Григорьевич (1880—1918), родом из Мариинска. Машинист депо на ст. Иланской, организатор подпольных ячеек. В 1918 г. — один из организаторов вооруженных отрядов и выступления в Иланске. После поражения восстания был помещен в Канскую тюрьму, совершил побег. Убит кулаками в д. Тинской. (С. 205.)

Милицин Геннадий Александрович, участник военных действий на Мариинском фронте в составе Боготольского красногвардейского отряда. После поражения был арестован, находился в тюрьмах Томска, Тобольска, в Александровском центре в Иркутске. После освобождения вместе с партизанами освобожден от колчаковцев Балаганск, Иркутск. (С. 238.)

Михаил Александрович (1878—1918), великий князь, младший брат Николая II Романова. Член Государственного Совета. В ночь на 13 июня 1918 г. был убит сотрудниками Пермской ЧК и милиции. (С. 139, 218.)

Михайлов Иван Ефремович (1898 — ?), активный участник Гражданской войны. В Сибирь привезен ребенком в д. Змеиногорск Уярской в. Канского у. Семья середняцкая. Участник подавления юнкерского восстания в Иркутске. Партизан Тальского полка армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Член полкового совета. Участник всех боев партизанской армии. Колчаковцами найденное хозяйство было разграблено и сожжено. (С. 90, 92—94.)

Мокринский Матвей Степанович (1882—1937), участник Гражданской войны, анархист. Командир кавалеристского эскадрона Убысинского отряда Северо-Канского партизанского фронта с апреля 1919 г. Член Армейского совета с ноября 1919 г. (С. 63, 66, 68.)

Молчанов Николай Харитонович (1894—1938), активный участник подполья и Гражданской войны. Член РКП(б) с 1918 г. В 1918 г. состоял в Красноярском Совете рабочих и крестьянских депутатов. После контрреволюционного переворота — член второго и организатор третьего красноярских подпольных комитетов, известный под кличкой наружного наблюдения контрразведки как «Зеленый». Старший писарь в интендантском управлении 8-й Сибирской стрелковой дивизии, что давало возможность добывать нужные сведения. Один из организаторов партизанского отряда Н. М. Копылова. В кон. 1919 г. находился в Красноярской тюрьме. После октябрьских событий 1917 г. — комиссар Красноярского Совета по национализации церковного имущества. (С. 280—292, 402, 421—422.)

Мордасевич (Мордосевич) Казимир, крестьянин Канского у. В октябре 1918 г. прибыл с делегацией из пяти крестьян в Степной Баджей с намерением примкнуть к восстанию. Партизан армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина, одно время состоял членом следственного комитета и трибунала. Входил в состав объединенного Совета. Делегат армейских съездов. Оставил воспоминания. (С. 78, 213—214, 278, 327, 342.)

Мордасевич Иосиф (? — 1921), брат предыдущего. Партизан армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. (С. 100, 214.)

Мордвинов Тигрий Иннокентьевич (1887—1927), участник революционных событий и Гражданской войны. Из дворян. Анархист. Учился в железнодорожном училище в Красноярске, практику проходил в железнодорожных мастерских, участник вооруженного восстания 1905 г. в тех же мастерских. За покуше-

ние на енисейского губернатора Гирса и убийство жандармского вахмистра Терещенко был приговорен к смертной казни, которая была заменена вечной каторгой. Дважды бежал из Красноярской тюрьмы. В тюрьмах Красноярска, Александровского центра под Иркутском, в Харьковской тюрьме провел 12 лет. После февральских событий 1917 г. был близок к большевикам. После контрреволюционного переворота скрывался в тайге. В с. Кучерово Канского у. организовал Кучеровский отряд. Одно время отряд объединялся с тасеевскими партизанами, затем действовал самостоятельно. С приходом Красной армии вошел в Красноярский полк 30-й дивизии. (С. 76, 205, 278.)

Москалев Антон Григорьевич (1882 — ?), красногвардеец, член РСДРП(б) с 1917 г. Воевал против белочехов на Ключевском фронте, затем входил в большевистское подполье. Был арестован, находился в Красноярской тюрьме. После освобождения города работал на ст. Красноярск. (С. 255, 278.)

Москалев Павел Федорович (1896 — ?), член РСДРП(б) с 1917 г. Член первого Красноярского подпольного комитета, состоял в кооперативном обществе «Самодетельность», через которое помогал собирать оружие и медикаменты для отряда Н. М. Копылова. (С. 276.)

Москвитин Константин Маркович (?) (1895—1937), из крестьян. Член РКП(б). В 1919 г. — заместитель командующего Шиткинским партизанским фронтом. Инициатор рейда против белых на Ангару и ст. Тайшет. (С. 64, 206.)

Москвитин Яков Маркович (по другим сведениям — Арсений) (? — 1919), командир Бирюсинского отряда Шиткинского партизанского отряда в Красноярском у. Застрелился, чтобы не попасть раненым в плен. (С. 64, 206.)

Мощинский Иван Маркович (1833 — ?), активный участник Гражданской войны. Член РСДРП(б) с 1917 г. Участник июльских событий в Петрограде. После демобилизации в 1918 г. прибыл на Знаменский стекольный завод. Принимал участие в военных действиях на Мариинском фронте. После контрреволюционного переворота вошел в состав подпольного комитета завода. После ареста в сентябре 1919 г. был отправлен на Дальний Восток в «эшелоне смерти». Бежал в отряд С. Лазо. Участвовал в освобождении Приморского края. (С. 150—151, 303, 423.)

Мощинский Платон, член подпольного комитета в пос. Знаменском Красноярского у. Казнен в числе 13 подпольщиков. (С. 298, 305, 423.)

Мухин, надзиратель в Красноярской тюрьме. Расстрелян с заложниками 17 сентября 1919 г. за передачи заключенным. (С. 290.)

Мучник Григорий Александрович (1888 — ?), участник революционных событий и Гражданской войны. Участник вооруженного выступления в Красноярске в 1905 г., входил в состав рабочей дружины, редактор газеты «Известия Енисейского исполкома РКП(б)». (С. 264—265, 267—269.)

Мякушко Василий Петрович, активный участник Гражданской войны. Из крестьян Канского у. Фронтник. Вел подпольную работу в с. Тасеево Канского у. по подготовке восстания. Первый командир 2-й роты Тасеевского полка Северо-Канского фронта. (С. 68, 73.)

Мякушко Михаил Петрович, брат предыдущего. Активный участник Гражданской войны. Фронтник. Участник подготовки восстания в с. Тасеево. Позднее — комендант штаба армии. (С. 65.)

Мякушко Порфирий Сергеевич (? — 1939), крестьянин из д. Канарай Тасеевской в. Канского у. Активный участник Гражданской войны. Агитатор. Имел хорошие организаторские способ-

ности, пользовался доверием населения. Партизан Северо-Канского фронта. (С. 60.)

Н

Накладов Степан Ильич, активный участник Гражданской войны. Родом из д. Маклаковской Енисейского у. Участник восстания в Енисейске, в 1919 г. командовал Кондаковским фронтом, что впоследствии фактически привело к гибели отряда. Позднее — командир одного из отрядов Северо-Канского фронта. Член Армейского совета армии. После окончания Гражданской войны работал на разных должностях. (С. 45, 54, 69, 204—205, 420.)

Непомнящий Василий Васильевич (1872 — ?), активный участник Гражданской войны. Крестьянин из д. Большой Ини Мало-Минусинской в. Минусинского у. Отец — ссыльный из Черниговской губ., сам прозвал себя Непомнящим, хотя настоящая фамилия Левченко. Позднее семья переехала в д. Сонино той же в. В 1907 г. В. В. Непомнящий подвергся аресту, вероятно, за участие в Первой русской революции 1905—1907 гг. Судился в Минусинске, приговорен к шести месяцам, отбывал срок в Красноярской тюрьме, в одиночке. Три года находился под надзором полиции. Фронтник, участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1918 г. вернулся домой. Член РКП(б) с 1918 г. Участник Минусинского крестьянского восстания. Скрывался, затем ушел к степно-баджейским партизанам. После завершения Саянского перехода — ротный командир Северо-Ачинского полка. Участник Белоцарского боя. (С. 113—120, 182, 428.)

Непомнящий Николай Павлович (? — 1943), активный участник Гражданской войны, член РСДРП(б) с 1917 г. Минусинский учитель. Один из организаторов октябрьского переворота в Минусинске. Руководитель партийной организации города, член исполкома и военно-революционного штаба. 24 июня 1918 г. был арестован вместе с руководством исполкома. После Минусинской тюрьмы в августе был переведен в Красноярскую тюрьму, откуда отправлен в «эшелоне смерти» на восток. (С. 106, 143, 146, 194, 307.)

Неретин Иван Степанович, партизан Убысинского летучего отряда Северо-Канского полка. (С. 63.)

Нижегородов Иосиф Захарович (1894 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из д. Топол Рождественской в. Канского у., крестьянин-середняк. Член РКП(б) с 1920 г. Фронтник. За антивоенную агитацию среди солдат был отправлен в штрафную роту. После февральских событий 1917 г. служил в железнодорожной охране в Канске. Член Красной гвардии. В партизанском движении с ноября 1918 г. На Северо-Канском фронте командовал кавалерийским эскадромом, кличка «Канский Бонапарт». Вместе с ним партизанили пять братьев; отца замучили каратели, по другим сведениям — и мать. Впоследствии служил в органах милиции. (С. 45, 48—49, 52, 54, 57—58, 68, 70—71, 90, 206—207.)

Низовцев Андрей Константинович, из крестьян. Служил в белых частях как цензовик (доброволец), сопровождал П. П. Иванова-Ринова во Владивосток. Затем совершил побег, вернулся в д. Карымово Перовской в. В январе 1919 г. пришел в партизанскую армию. Эсер. Входил в состав объединенного Совета партизан Степно-Баджейской советской республики и Армейский совет. Партизан 1-й роты Канского полка, участник всех боев армии. Заместитель редактора газеты «Соха и молот», печатался под псевдонимом Андрей. (С. 214, 327, 331, 349.)

Николай II (1868—1918), старший сын императора Александра III. Император всероссийский с 20 октября 1894 г. по 2 марта 1917 г. (С. 9, 139, 218, 361.)

Новогрешнов Яков Григорьевич, член третьего Красноярского подпольного комитета. Служа писарским учеником в Управлении Красноярского уездного воинского начальника, добывал сведения секретного характера, бланки для фальшивых удостоверений личности. Входил в ячейку, которая устанавливала связи с рабочими промышленных предприятий и солдатами. (С. 278, 283, 285, 289.)

Нокс Альфред Уильям (1870—1964), генерал-майор, в 1918—1920-х гг. — глава Британской военной миссии на востоке России. (С. 10.)

Норейко Андрей Павлович, подпольщик в с. Березовском Курагинской в. Минусинского у. (С. 121, 160—161.)

О

Обухов Николай Корнилович (1896—1972), участник Гражданской войны. Уроженец Минусинского у., из крестьян. Член РКП(б). Фронтвик. В 1915 г. был призван в армию, с марта 1916 г. — на фронте. В 1918 г. демобилизован. Участник Минусинского крестьянского восстания. По свидетельству В.Г. Солдатова, сыграл неблагоприятную роль в Минусинском восстании: отказался выполнять приказ С. Кульчицкого, что на два дня задержало выступление крестьянской армии и дало возможность И.Ф. Шильникову подтянуть подкрепление и разбить крестьянских повстанцев. После поражения Обухов был приговорен к 20 годам каторги, в 1919 г. отправлен в «эшелоне смерти» на восток, освобожден черемховскими партизанами. (С. 201.)

Овчинников Семен Андреевич (1869 — ?), участник революционных событий и Гражданской войны. Из семьи рабочего с. Каратуз Сагайской в. Минусинского у. Работал на Уджейском спиртоводочном заводе купца П. Попова, кузнецом на крупчатной фабрике в д. Шошино. Политикой увлекся с 1904 г. Занимался кооперацией, в 1907 г. был осужден за покупку оружия на деньги кооперации. Вышел из тюрьмы в 1909 г. В 1910 г. организовал кредитку, а в 1912 г. — Общество потребителей. Член подпольной организации в с. Каратуз. Организовывал отряды Красной гвардии по деревням. Участник Минусинского крестьянского восстания. После ареста отправлен в Минусинскую тюрьму, где содержался как заложник. (С. 193.)

Озолин Павел Денисович, организатор партизанского движения в Уярской в. Канского у. в 1918 г. Воевал в Степно-Баджейской партизанской армии, Канском полку. Член Армейского совета, заведующий обозом. Входил в комиссию по выработке инструкции для армии весной 1919 г. (С. 369, 376.)

Озорнин Иван Архипович (1896 — ?), участник Гражданской войны. Родился на прииске Осиново Минусинского у. Впоследствии несколько лет работал на приисках. В 1915 г. взят на военную службу. Фронтвик. На Дунае был контужен и в 1917 г. демобилизован. Участник Мариинского фронта. Партизан 4-го батальона Манского полка армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. (С. 183—185.)

Окулов Алексей Иванович (1880—1939), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Уроженец Минусинского у. Член РСДРП с 1903 г. Литератор. Знал лично, будучи за границей, Г.В. Плеханова, В.И. Ленина. В 1905 г. принимал участие в революционных событиях в Вологде, организовывал дружину. В 1913 г., по возвращении в Россию, был арестован, провёл

три с половиной года в Таганской тюрьме в Москве. В 1917 г. — рядовой Красноярского гарнизона. Член президиума исполкома Красноярского Совета и затем его председатель, член Губисполкома. Избирался членом Учредительного собрания от Енисейской губ., делегат III Всероссийского съезда Советов. В 1918 г. возглавлял защиту Омска от контрреволюции. В годы Гражданской войны входил в состав командования 10-й Южной армии Западного фронта, временно командовал войсками Восточно-Сибирского военного округа. (С. 159, 218, 234, 412.)

Окулов Владимир Иванович (1883—1918), брат предыдущего. Участник революционных событий и Гражданской войны. Член РСДРП(б). Член Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1917—1918 гг. Во время эвакуации исполкомовцев вниз по Енисею лежал раненый в каюте, вероятно, был сброшен карателями в воду. Есть еще одна версия: кто-то видел убитым на берегу. (С. 234, 246, 412.)

Олиферов Александр Доримедонтович (? — 1921), родом из Малороссии. Монархист. Службу начал уланом в Новомиргородском полку. В августе 1918 г. — полковник. После ухода Красной армии из Енисейской губ. организовал отряд до тысячи человек, намереваясь прорваться в Кузбасс. В 1921 г., выйдя из окружения, отряд появился в Мариинском у. Томской губ., затем переместился в Енисейскую губ. в надежде выйти в Урянхай, а затем в Монголию. 21 февраля Олиферов погиб у д. Сон Минусинского у. (С. 178—183, 222.)

Осиночкин Н., связной Большемурутинского партизанского отряда Красноярского у. Замучен карателями. (С. 231, 228.)

Ощепков, участник Минусинского крестьянского восстания, возглавлял повстанческий штаб в д. Малой Ничке Восточенской в. (С. 294.)

П

Пайст П.М., участник революционных событий и Гражданской войны. Уроженец Лифляндской губ., из крестьян. Член РСДРП с 1903 г. Участник Первой русской революции 1905—1907 гг., командир латышской Красной гвардии. Сослан в Енисейскую губ., в 1917 г. вернулся в Латвию. С приходом туда немцев приехал в Сибирь. Комиссар Приангарского участка Северо-Канского партизанского фронта, затем воевал в Красной армии. (С. 443.)

Пантелеев Евгений Яковлевич (? — 1920/1923), участник Октябрьской революции и Гражданской войны. Петроградский рабочий. Председатель ревтрибунала в Тасеевской республике, командир Убысинского полка (до И.П. Вострикова). Скончался от тифа. (С. 61, 68, 205.)

Парадовский Александр Феликсович (1867—1918), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Окончил Петербургский университет, инженер-технолог. В 1907 г. приехал в Красноярск, где заведовал техническим училищем. Член партии РСДРП(б) с 1917 г. Один из организаторов Союза металлистов в Красноярске. В 1917 г. в техническом училище дважды проводил партийные конференции. Из-за отказа преподавать в училище Закон Божий перешел в технический отдел Главных железнодорожных мастерских, в то же время руководил водопроводно-электрической станцией. Член Красноярского Совета, комиссар железной дороги, руководил подрывной группой. После захвата флотилии Совдепа был жестоко избит, 24 октября 1918 г. приговорен к расстрелу. (С. 246—248, 259, 268, 270, 277, 281—282, 414, 421.)

Парамонов Иван, участник Мариинского фронта, командир кавалерийского эскадрона в Северо-Ачинской армии П.Е. Щетинкина. (С. 137.)

Парщиков Гавриил Петрович (1897 — ?). Отец — из ссыльных. Батрачили, затем завели хозяйство. В 1916 г. Парщиков взят на военную службу. Фронтовик. За самовольную отлучку домой отправлен на фронт вторично. Воевал в Румынии. В середине 1917 г. дезертировал. Участник Минусинского крестьянского восстания. Бежал во время расстрела. Недолго воевал в Канском эскадроне Степно-Баджейской партизанской армии. (С. 176.)

Пасиковский А., член подпольной организации в пос. Знаменка. Казнен в числе 13 подпольщиков. (С. 305.)

Патоки Ференц Владиславович (1882—1944), уроженец Австро-Венгрии, венгр, участник Гражданской войны в Сибири. В Красноярске оказался в лагере военнопленных после пленения под Перемышлем в 1915 г. Организатор в Красноярске интернационального отряда. Председатель объединенного Совета иностранных рабочих. В нач. 1920 г. с партизанским отрядом участвовал в захвате А.В. Колчака. В 1944 г. расстрелян венгерской контрразведкой. (С. 251.)

Пауль (Паулу, Павлу) Ян (Александр), бывший матрос, агитатор, член подпольной организации в Степном Баджее. Один из руководителей восстания в селе. Член объединенного Совета партизанской армии. (С. 87, 154, 319, 321, 324, 363, 387—388.)

Пауль (Паулу, Павлу) Петр, брат предыдущего. Разведчик партизанской армии Степного Баджее. Замучен карателями. (С. 154.)

Пахомов Иван Митрофанович (1902 — ?), крестьянин д. Знаменки Степно-Баджейской в. Красноярского у. Отец — пастух, ходил по людям, хозяйство бедняцкое. Доброволец Тальского полка Степно-Баджейского фронта. (С. 127—129.)

Пашкин Василий Дементьевич (1899 — ?), переселенец из Черниговской губ. Хозяйство середняцкое. Отец расстрелян казаками. Сам Пашкин — участник Минусинского крестьянского восстания. Скрывался, около ст. Вагай перебежал к партизанам. (С. 174—175.)

Пекарж (Пекаж) Григорий Иванович (1878—1919), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Участник Первой русской революции (в Варшаве и Лодзи) 1905—1907 гг. Пять раз подвергался аресту, в 1914 г. вместе с семьей выслан в Енисейскую губ. как неблагонадежный. С 1915 г. жил в Красноярске. Член большевистской фракции при Красноярской думе, член исполкома Красноярского Совета. Был арестован в д. Сосновке Бирилюсской в., содержался в Красноярской тюрьме. Расстрелян 15 июня 1919 г. как заложник. (С. 258.)

Пекарж (Пекаж) Янина Михайловна (1885—1919), активная участница Гражданской войны. Жена Г.И. Пекаржа. Одна из организаторов польской большевистской секции в Красноярске, секретарь областного бюро, член хозяйственной комиссии комитета РСДРП(б) и заведующая агитационным отделом. Расстреляна вместе с З. Гуцик 17 сентября 1919 г. (С. 259, 269, 412, 418, 423.)

Пепеляев Анатолий Николаевич (1891—1938), военный деятель, генерал-майор. Участник Первой мировой войны. Член подпольной офицерской организации в Томске. После свержения Советской власти — командир 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса, полковник. С января 1919 г. — генерал-лейтенант, с июля — командующий 1-й Сибирской армией. Братья Пепеляевы пытались организовать свержение А.В. Колчака 9 декабря 1919 г. на ст. Тайга. В 1920 г. находился в Харбине, где устраи-

вал прибывших из России эмигрантов. В 1922 г. воевал в Якутии против красных, через год сдался. Приговорен к расстрелу, который заменили 10 годами тюрьмы. В 1936 г. освобожден, в 1937 г. расстрелян. (С. 204, 289, 290—291, 413.)

Пепеляев Виктор Николаевич (1884/1885—1920), политический деятель, бывший учитель, кадет. Депутат Государственной думы, участник Корниловского мятежа. После октябрьских событий 1917 г. выехал в Сибирь от московского отделения Национального центра для пропагандистской работы. Член Совета Верховного правителя в Омске, директор департамента милиции, министр внутренних дел Омского правительства, председатель Совета министров. 15 января 1920 г. на ст. Иннокентьевской, близ Иркутска, вместе с А.В. Колчаком был передан белочехами эсеровскому центру, а затем Иркутскому ВРК. Расстрелян 7 февраля 1920 г. (С. 45, 204, 216.)

Перевалов Михаил Харитонович (1891—1937), участник революционных событий и Гражданской войны. Уроженец Томской губ., из крестьянской семьи. В 1913—1914 гг. — на военной службе, унтер-офицер. В 1917 г. находился в Петрограде, в 1918 г. демобилизовался. Был избран военным комиссаром в с. Итат Мариинского у. Томской губ. Участник Мариинского фронта. После поражения скрывался в тайге, где полтора года руководил партизанским отрядом. По воспоминаниям, «обижал крестьян». Впоследствии участвовал в освобождении Енисейска. (С. 10, 189, 212, 222, 426.)

Перенсон Адольф Густавович (1885—1919), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Родом из Кронштадта. В 1905 г. в составе Кронштадтского комитета РСДРП готовил матросов к вооруженному восстанию. Затем вел агитационную работу в Петербургском комитете РСДРП. В 1907 г. был арестован, приговорен к трем годам крепости и восьми годам каторги. Отправлен в Нерчинскую каторгу в Забайкалье, в 1912 г. выслан в Селенгинский у. Забайкальской обл. В январе 1912 г. был доставлен в Красноярск, затем в с. Богучанское Енисейского у. В апреле 1917 г. Перенсон возглавил Совет рабочих и солдатских депутатов в Енисейске. В Красноярске входил в состав Губернского комиссариата; в нач. 1918 г. — председатель исполкома Красноярского Совета. Задержан в Нижнеудинске. 10 мая 1919 г. расстрелян как заложник. (С. 257, 264, 412.)

Перова Татьяна Евстратовна (1899/1900 — ?), активная участница Гражданской войны. Учительница, по убеждениям — эсерка. Входила в состав Перовской организации, заместитель председателя подпольного комитета П.П. Петрова. Член агитационного совета при Армейском совете Степно-Баджейской партизанской армии. Организатор госпиталя при армии. Член объединенного Совета с апреля 1919 г. Сотрудница редакции газеты «Соха и молот». Прошла весь боевой путь с повстанческой армией Степного Баджее, затем армией А. Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина, Рабоче-крестьянской армией Минусинского народного фронта. (С. 14—15, 209, 315—355, 362—363, 398, 423—426, 428.)

Петерсон Райнгольд (Петр), бывший комиссар Омского отделения Государственного банка. Летом 1918 г. был командирован Сибцентром в Красноярск для оказания помощи при организации первого подпольного комитета. Убит при попытке к бегству во время ареста 10 ноября 1918 г. (С. 276—277, 283.)

Петкачев Дмитрий Матвеевич (1891 — ?), родом из Курской губ., из крестьянской семьи. В Сибири жил с 1900 г. Хозяйство имел середняцкое. Участник Минусинского крестьянского восстания. (С. 157—158.)

Петров Петр Поликарпович (1892—1941), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Уроженец

с. Перово Перовской в. Канского у. Эсер. Революционной пропагандой занимался с 1913 г., в том числе в запасном полку в Канске, куда был призван в 1915 г. С марта 1917 г. — член Канского объединенного Совета, осенью того же года избирается в Центральный Сибирский исполнительный комитет (Центросибирь) в контрольную комиссию и крестьянский отдел. Участник подавления юнкерского мятежа в Иркутске. С 15 ноября 1918 г. по 1 апреля 1920 г. принимал активное участие в партизанском движении. В декабре 1918 г. — начальник штаба Перовского отряда. В 1919 г. избирается председателем объединенного Совета Степно-Баджейской партизанской республики. Член Армейского совета, заведующий агитационным отделом и редактор газеты «Соха и молот». Член РКП(б) с 1920 г. Автор нескольких романов и повестей («Золото», «Саяны шумят», «Борель» и др.), получивших высокую оценку М. Горького. В 1937 г. арестован по доносу, находился четыре года в Иркутской тюрьме. Был приговорен к восьми годам исправительных лагерей, отправлен на Колыму, откуда пытался бежать с небольшой группой заключенных. Пойман и расстрелян. (С. 11, 85, 114, 209, 217, 221, 316—319, 323, 325, 327—328, 331, 334, 351, 356—357, 362—364, 367—368, 376, 394, 405, 423, 425.)

Петрушин Петр Матвеевич (1880—1968), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Из семьи рабочего Красноярска. Член РСДРП с 1905 г. Член объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов. Арестован после падения Красноярской республики в 1905 г. В 1914 г. призван в армию, служил в Петрограде в автомобильной роте. В 1917 г. был демобилизован по болезни. После октябрьских событий возглавил один из отрядов Красной гвардии в Красноярске. Участник Мариинского фронта. После ареста был отправлен на Дальний Восток в «эшелоне смерти». Освобожден дальневосточными партизанами. Первый почетный гражданин г. Красноярска. (С. 27.)

Петунин К. Г., меньшевик. Член Совета рабочих и солдатских депутатов в Енисейске. С мая 1917 г. — городской голова. (С. 264, 419.)

Петухов Николай Филиппович, участник Белого движения, генерал-майор. С 1918 г. — начальник отряда особого назначения по борьбе с партизанами Красноярского и Канского уездов Енисейской губ. (С. 42.)

Печерский Самуил Борисович (? — 1918), активный участник революционных событий. Эсер. Комиссар исполкома. Арестован вместе с женой после захвата членов Совдепа экспедицией М. Мальчевского. По дороге от пристани к Красноярской тюрьме был выхвачен и растерзан казаками (вместе с Т. П. Марковским и А. П. Лебедевой) 27 июля 1918 г. (С. 246, 256, 258—259, 268—269, 275, 281, 415, 420.)

Печерская Е. К., жена Печерского С. Б. Работала вместе с мужем, выполняя разные поручения. После ареста членов Совдепа два месяца провела в тюрьме. В «эшелоне смерти» была отправлена на восток, освобождена черемховскими партизанами. (С. 258—261, 417.)

Плеханов Григорий Лаврентьевич (1898 — ?), активный участник Гражданской войны. Из крестьян с. Тасеево Канского у. В 1918 г. был связным штаба Северо-Канского фронта. Член РКП(б) с 1919 г. Участник всех основных боев. В Кайтымском бою, под выстрелами, собирал гильзы, относил в мастерскую, готовые патроны приносил обратно на позиции. В Улюкольском бою ходил в рукопашную. (С. 52.)

Плеханов Иван Захарович (1891 — ?), активный участник Гражданской войны. Из крестьян д. Топол Рождественской в. Канского у. Старший сын крестьянина-бедняка. Призван в армию, находился в Канской учебной команде, на фронте не был — белоби-

летник. После чехословацкого переворота собирался с «верными крестьянами своей деревни на гумне». Установили связи с Борками, Шеломками, Тасеевом, иланскими рабочими, организовали отряд. Позднее — партизан Степно-Баджейской партизанской армии. Партизанил вместе с четырьмя братьями. (С. 51—53, 89.)

Плотников Алексей Ильич (1881—1945), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Родом из Смоленской губ. Член РСДРП(б). В 1904 г. бежал от преследования в Швейцарию. На следующий год нелегально вернулся в Россию. Был арестован, находился в Александровском центре под Иркутском. В 1911 г. отправлен на поселение в д. Григорьевку Минусинского у. В 1917 г. переселился в Минусинск. Один из руководителей Минусинской коммуны, в 1917—1918 гг. — секретарь Минусинского Совета. После контрреволюционного переворота арестован, находился в Минусинской, затем Красноярской тюрьмах. В декабре 1919 г. отправлен в «эшелоне смерти» на Дальний Восток. Освобожден черемховскими партизанами. В 1920 г. — редактор иркутской газеты «Власть труда». (С. 194, 307.)

Плум Эдвард, руководитель подпольной группы в с. Имбеж Перовской в. Канского у. Секретарь исполкома объединенного Совета Степно-Баджейской партизанской армии. (С. 133—134, 214, 327, 337, 406.)

Подъяпольский Дмитрий Григорьевич (1882 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из Тамбовской губ., из семьи крестьянина-бедняка. С восьми лет работал подпаском в своем селе. В 12 лет — ученик в магазине за 15 руб. в год. В 1905 г. уволен с работы за «вольномудство». Уехал в Сибирь. По приезде в Минусинск вошел в нелегальный кружок под руководством А. П. Голубкова и И. Г. Сафьянова. Хранил и распространял нелегальную литературу. В 1914 г. мобилизован в армию. Фронтовик. После демобилизации и контрреволюционного переворота был арестован и отправлен в «эшелоне смерти» на восток. (С. 143, 146, 307—309, 423.)

Поздняков Александр Александрович (1894—1964), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Уроженец с. Частоостровского Красноярского у. После февральских событий — член Красноярского Совета, военно-революционного штаба, организатор Красной гвардии. Член РКП(б) с 1917 г. Являясь членом Губисполкома, командовал отрядом по захвату власти в Красноярске. После контрреволюционного переворота и отступления исполкома в низовье Енисея был арестован. Находился в тюрьмах Туруханска, Енисейска, Иланска, затем отправлен в «эшелоне смерти» в Новокиевский концлагерь, откуда бежал. Член Владивостокского подпольного военного совета. В годы Великой Отечественной войны был направлен на подпольную работу в тыл врага вместе с Исаевой О. Н. В мирное время собирал воспоминания и документы о бывших участниках подполья и партизанской борьбы. Выяснил многие судьбы незаключенно забытых участников революционных событий. (С. 7, 10, 12, 14—15, 242, 245—257, 412—414, 415—416.)

Позерн Борис Павлович, член Коллегии управления войсками Северного фронта, член реввоенсовета 5-й армии. (С. 359, 426.)

Позигун М. Ф., член Красноярского военно-революционного комитета по подготовке восстания в Красноярске в декабре 1919 г. (С. 290, 422.)

Полетаев А., бывший партизан, автор воспоминаний «Забытая могила». (С. 306.)

Поляков Никита Михайлович (1883 — ?), активный участник Гражданской войны. Крестьянин д. Трясучей Балахтинской

в. Ачинского у. Из середняцкой семьи, в которой насчитывалось до 10 душ. Приходилось ходить по работникам. Четыре года служил на винокуренном заводе Г.В. Юдина (за Чулымом). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Член полкового комитета, от своей части избирался на II Всероссийский съезд Советов. В Петрограде записался в Красную гвардию. Агитировал в своей деревне крестьян против эсеров и мобилизации солдат в колчаковскую армию, организовал совет. Позднее — партизан Северо-Ачинской армии. (С. 122—124.)

Померанцева Александра Владимировна (1871—1967), активная участница революционных событий и Гражданской войны. Из семьи орловского учителя, сама учительница. Член РСДРП с 1903 г. В 1898 г. была арестована за пропаганду марксизма. В 1911 г., после окончания ссылки в Вологодской губ., отправилась во Францию, в Париже встречалась с В.И. Лениным. После возвращения пережила несколько арестов и ссылок. В 1915 г. совершает побег и в 1916 г. оказывается в Красноярске. Включается в подпольную работу. После февральских событий — депутат Ачинского Совета. В 1917 г. входит в редколлегия газеты «Красноярский рабочий». Летом 1918 г., после контрреволюционного мятежа, была арестована, находилась в Красноярской тюрьме до кон. 1919 г. Затем в «эшелоне смерти» отправлена на восток. Освобождена черемховскими партизанами. (С. 234, 247, 268, 413, 416.)

Попов Гавриил Никифорович (1900 — ?), активный участник Гражданской войны, из крестьян, учитель. Эсер. С осени 1918 г. состоял в Перовской подпольной организации, заместитель председателя подпольного комитета П.П. Петрова. В Степно-Баджейской армии — председатель эскадронного совета Канского полка, член агитационного совета, сотрудник газеты «Соха и молот». Автор книги «Партизаны Заманья» (Красноярск, 1974). Член ВКБ(б) с 1926 г. (С. 317, 324—325, 327, 425, 428.)

Попов Ефим Федорович (1891 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из Самарской губ. По приезду в Енисейскую губ. семья поселилась в с. Костин Лог Кежемской в. Енисейского у. Отец батрачил, в 1911 г. завели свое хозяйство. В 1912 г. Попов был призван на военную службу, в 1918 г. демобилизован. Последние два года, по его словам, служил в ставке Николая II, был свидетелем ареста Л.Г. Корнилова и М.В. Алексеева. Был в ставке главнокомандующего до того момента, как на штыках вынесли Н.Н. Духонина (за отказ подписать заключение мира с немцами). Был в числе 520 георгиевских кавалеров, провожавших царя после отречения. Организатор небольшого партизанского отряда в Кежемской в. (С. 191.)

Попов Ипат Григорьевич (1894 — ?), участник Гражданской войны. Из крестьян, имел бедняцкое хозяйство, ходил по людям. В 1915 г. был мобилизован в армию. Фронтвик. Вернулся домой 6 января 1918 г. С осени 1919 г. — партизан Канского полка конной разведки армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. (С. 112.)

Попов Никифор Васильевич, член первого и второго красноярских подпольных комитетов, член общества «Самодетельность». После второго ареста был отправлен в «эшелон смерти» на восток. (С. 276—278, 281.)

Попович Михаил Иванович, учитель, агитатор, заведующий лазаретом Северо-Канского фронта. (С. 65—66, 69, 70—71, 90.)

Посяковский Антон, член подпольной организации в пос. Знаменском Красноярского у. Казнен в числе 13 подпольщиков. (С. 305, 423.)

Портянников Павел Матвеевич (1888—1918), участник революционных событий, эсер. Из крестьянской семьи Воронежской губ. Военную службу проходил на Балтийском флоте, где в 1903 г. был арестован. В Тамбове вошел в партию эсеров, в 1907 г. переходит на нелегальное положение. Являясь членом Губкома ПСР, был делегирован на Лондонскую конференцию. После задержания отправлен в Пинчугскую в. Енисейского у. Работал на приисках. После февральских событий 1917 г. — председатель земской управы в Енисейске и Комитета общественной безопасности. Кооператор. Сформировал гарнизон для охраны города после ухода из Енисейска флотилии Совдепа вниз по Енисею. Убит красногвардейцами. (С. 65, 264.)

Потанин В., партизан Убысинского полка Северо-Канского фронта. (С. 63.)

Пролеско Аким Иванович (1874 — ?), родом из Гродненской губ., приехал с семьей в Сибирь в 1907 г., д. Стрелку Агинской в. Канского у. Хозяйство имел бедняцкое. Фронтвик. Три года провёл на передовой фельдшером. Прибыл домой в 1917 г. Партизан Северо-Ачинского отряда, фельдшер при отряде. (С. 182—183.)

Прохоров Михаил Иванович (1885—1919), участник Гражданской войны. Переселенец из Орловской губ. Командир отдельного Суховского кавалерийского дивизиона, затем командир 1-го эскадрона 3-го Шеломовского кавалерийского полка Северо-Канского фронта. После отступления армии отряд под его командованием из 40 конников ходил по тылам, наводя панику. Погиб в Улюкольском бою в 1919 г. (С. 76.)

Пугачев Тимофей (1891—1944), из крестьян. Член Армейского совета Северо-Канского партизанского отряда с ноября 1919 г. (С. 205.)

Пуляев (Лидин) Константин Прохорович (1893—1956), активный участник Гражданской войны. Уроженец Тульской губ. Фронтвик. В 1918 г. командир Уярского отряда Красной гвардии, был на Клыквенском фронте. Член Степно-Баджейской подпольной большевистской группы. Организатор и первый командир Манского полка. Вторым помощником командующего партизанской армией А.Д. Кравченко. Осенью 1919 г. в Минусинске командовал пулеметным полком. (С. 93, 107, 199, 317—319, 327, 340, 346—348, 351, 363, 395—396, 429.)

Пурсаков Федор Ефимович (1881 — ?), активный участник революционного движения и Гражданской войны. Родом из Могилевской губ. В 1902 г. принимал участие в восстании против помещиков, был порот и сослан в Сибирь — д. Соболевку Тальской в. Следом в Сибирь приехали отец и брат. Член подпольной таежной группы в Тальской в. Канского у. После Февральской революции 1917 г. — председатель волостного совета. После контрреволюционного переворота уходит в подполье. 10 июня 1918 г. — один из организаторов в д. Галушке военно-революционного комитета, его председатель. Вошли в комитет Жестиков К., Грибушин Ф., Курганский Ф., Гречаков Ф. (секретарь). Комитет создает сельские штабы для организации повстанческих отрядов. В октябре 1918 г. — один из организаторов партизанского отряда численностью в 250 человек. (С. 209, 424.)

Пшеничниковы, кулаки в д. Большой Ине Мало-Минусинской в. Минусинского у. Организаторы дружины для борьбы с партизанами. (С. 108, 136, 157—158.)

Р

Рогов Алексей Гаврилович (1886—1950), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Родом из Том-

ской губ. В 11 лет поступил на работу на Абаканский железнодорожный завод, с 14 лет — рабочий железнодорожных мастерских в Красноярске. Член РСДРП с 1903 г. Один из руководителей вооруженного восстания в 1905 г. После ареста совершил побег, вел подпольную работу в ряде городов. В 1907 г. возвратился в Красноярск. После ареста в 1911 г. приговорен к восьми годам каторги, которую отбывал в Александровском центральном. Освобожден Февральской революцией. После октябрьских событий участвовал в захвате железнодорожных мастерских, депо, вокзала, моста. Участник III Всероссийского съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В феврале 1918 г. назначен наркомом путей сообщения. В годы Гражданской войны налаживает связи для бесперебойной работы транспорта. (С. 284.)

Рогозин Тимофей Григорьевич, участник Гражданской войны. Партизан армии Степного Баджея, затем армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Агитатор, сотрудник редакций газет «Крестьянская правда» и «Соха и молот». Писал стихи. Автор книги «Партизаны Степного Баджея» (М., 1926). (С. 217, 221, 337.)

Розанов Сергей Николаевич (1868—1937), активный участник Белого движения. Фронтвик. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С 15 марта 1919 г. — уполномоченный Верховного главнокомандующего, руководил правительственными войсками по подавлению повстанческого движения в Енисейской и Иркутской губерниях. В том же месяце был назначен уполномоченным по сохранению порядка и общественного спокойствия в Енисейской губерниях. С июля 1919 г. — командующий войсками Приамурского военного округа, начальник Приамурского края. Умер в эмиграции. (С. 38—40, 80, 156, 210, 212, 272, 274, 277—278, 321, 326, 333, 335, 420.)

Роммер И. Ф. (1887/1888—1920), активный участник Белого движения. Фронтвик. В 1918 г. — командир 3-го Ставропольского стрелкового полка, полковник. Летом 1919 г. действовал против Северо-Канского партизанского отряда. Участник Кайтымского боя. 4 января 1920 г. сдался красным. По одной версии, был расстрелян. (С. 43, 45, 62, 69.)

Рудаков Ефрем Константинович (1897—1937/1939), активный участник Гражданской войны. Уроженец Воронежской губ. В 1911 г. сослан с семьей за участие в крестьянском восстании. Проживал в д. Борки Рождественской в. Канского у. Фронтвик. После февральских событий 1917 г. — член полкового комитета. С августа 1919 г. — заместитель председателя Армейского совета Северо-Канского партизанского фронта. Командир кавалерийского эскадрона. Накануне Кайтымского боя — заместитель командующего армией и командующий кавалерией Северо-Канского фронта. Член РКП(б) с 1920 г. (С. 43, 49, 54—55, 70, 72, 205, 207.)

Рузвельт Т. (по мнению партизан — кличка), участник Гражданской войны, член РКП(б) с 1917 г. В разное время находился в партизанских отрядах на Шиткинском и Северо-Канском фронтах. Кандидат в члены Военного совета. По совместительству — фельдшер. (С. 206.)

Рухлов Петр Федорович (Матвей), служащий общества «Самодетельность». Член третьего Красноярского подпольного комитета. (С. 276, 278, 287.)

С

Сабаев Степан (? — 1924[?]), активный участник Гражданской войны, родом из д. Талой Конторской в. Канского у. Один из первых организаторов партизанского движения в Перовской в.

Командир батальона Канского полка, один из лучших стрелков в армии. После гибели М. В. Александрова возглавил Канский полк, но вскоре с должности был снят. (С. 82, 87, 90, 92, 94, 109, 120, 136, 213, 326, 330, 346—347, 351, 424.)

Савицкий Михаил Тимофеевич (1897/1898—1941), активный участник Гражданской войны. Уроженец Ставрополя. Работать начал с девяти лет. В 1913 г. поступил в морскую школу юнг в Кронштадте, затем добился, чтобы его откомандировали в машинную школу Балтийского флота. В 1915 г. вступил в социал-демократическую организацию на корабле «Океан». С кон. 1916 г. служил в Гельсингфорсе в минной дивизии. Член РСДРП(б) с 1917 г. Фронтвик (бои с белофиннами в 1918 г.). В 1918 г. Савицкий служил машинным старшиной и председателем судового комитета на ледокольном транспорте «Вайгач». С августа того же года находился в полярной экспедиции гидрографа-геодезиста Б. А. Вилькицкого (сына известного гидрографа А. И. Вилькицкого), который завершал прокладку Северного морского пути. После гибели «Вайгача» в кон. 1918 г. у мыса Ефремов Камень (наскочил на подводную скалу) в Енисейском заливе оказался в Красноярске. Проживал в с. Агинском Агинской в. Канского у., где организовал партизанский отряд до 40 человек, который к весне вырос до 450 бойцов. Действовал самостоятельно, затем присоединился к степно-баджейским партизанам. Имел многочисленные ранения, что привело к инвалидности. После освобождения Минусинска в кон. 1919 г. командовал Канским полком (объединили с Манским), затем помощник К. М. Логвинова, командира того же полка, участвовал в нескольких боях. Член главного штаба армии. Оставил воспоминания. Репрессирован. (С. 14—15, 88, 93, 97, 120, 150, 118, 210—211, 213—214, 224, 321, 336—337, 346—347, 351, 356, 382—401, 424—425, 428—429.)

Саломатов Александр Игнатьевич (? — 1918), крестьянин из с. Перово Канского у. В 1915 г. был мобилизован в армию, младший унтер-офицер. В 1918 г. демобилизован. Участник первых боев Перовского отряда. В 1919 г. казнен красильниковцами. (С. 338, 358, 362, 365.)

Саломатов Василий Игнатьевич (1894 — ?), активный участник Гражданской войны. Крестьянин с. Перово Канского у. Фронтвик. Член подпольной организации в своем селе, агитатор. Отличался легендарной храбростью. Входил в состав объединенного Совета Степно-Баджейской армии. Вместе с братом Федором воевали в летучем отряде Канского полка. (С. 91, 134, 315—317, 319, 324, 327, 332, 338, 340, 358, 362, 364—365.)

Саломатов Петр Игнатьевич, участник Гражданской войны. Командир батальона Канского полка Степно-Баджейской армии. Брат предыдущего. (С. 91, 134, 334, 336, 338, 340, 358, 365, 375—376.)

Саросек П. О. (1888—1918), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Уроженец Минусинского у. Член РСДРП(б). В 1914 г. мобилизован в армию. Служил в 20-м Сибирском запасном полку в Ачинске. После февральских событий 1917 г. избран председателем Ачинского Совета солдатских депутатов, с лета 1917 г. — председатель Совета рабочих и крестьянских депутатов. В феврале 1918 г. вошел в состав Ачинского уездного исполкома, одновременно избран председателем военно-революционного штаба. После антибольшевистского переворота организовал военную тройку для формирования боевых дружин. Вскоре погиб. (С. 143, 183.)

Сафьянов Борис Иннокентьевич (? — 1919), председатель Союза трудящейся молодежи в Минусинске. Убит колчаковцами. Сын Сафьянова И. Г. (С. 145, 307, 309.)

Сафьянов Георгий Павлович (1850—1913), минусинский купец, промышленник, инициатор русской колонизации в Урян-

хайском крае (Тува) и постройки Усинского тракта. Имел торговые фактории, земельные участки, маральник, золотые прииски. Городской минусинский голова (1887—1891), член Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, оказывал материальную помощь русским исследователям Г.Н. Потанину, Ф.Я. Кону, а также Минусинскому музею. Автор нескольких статей по этнографии урянхайцев. (С. 146.)

Сафьянов Иннокентий Георгиевич (1875—1953), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Предприниматель, революционер, один из создателей Танну-Тувинской народной республики. Занимался животноводством, получив от отца табуны лошадей и скот. Учителем его был ссыльный поляк А. Станкевич, самоубытный художник, работы которого хранятся в Красноярском краевом краеведческом музее. В 1889 г. был исключен из гимназии. С 1913 г. — председатель Русско-Урянхайского земства. В 1916 г. выслан из Урянхайского края из-за своих методов колонизации края. Издавал оппозиционный «Минусинский листок», был арестован, освобожден Февральской революцией. Избирался городским головой Минусинска. Член РСДРП(б) с 1917 г. В 1918 г. принимал участие в установлении в Туве власти Советов. Был арестован колчаковским правительством. В 1920 г. вернулся в Урянхайский край в качестве представителя Сибревкома. (С. 141, 145, 148, 307.)

Сафьянов Михаил Георгиевич (1882—1937), участник революционных событий и Гражданской войны. Обучался в Томском реальном училище, исключен из 4-го класса из-за участия в молодежной демонстрации. В 1908 г., сдав экзамен за полный курс гимназии, поступил в Казанский университет, затем перевелся в Петербургский. В 1917—1918 гг. принимал активное участие в минусинских событиях: член исполкома, председатель Совета рабочих и крестьянских депутатов, один из организаторов коммуны. В июне 1918 г. арестован вместе со всей коммуной, бежал. Пробрался в Харбин. В 1920—1921 гг. участвовал в военных действиях против семеновцев и японских захватчиков. (С. 144, 146, 307—308.)

Сахаров Константин Вячеславович (1881—1941), генерал-лейтенант. Выпускник Академии Генерального штаба. С осени 1918 г. в Белом движении, в войсках Восточного фронта, состоял в распоряжении начальника штаба верховного главнокомандующего генерала В.Г. Болдырева. С июня 1919 г. — командующий Западной армией. С декабря 1919 г. — главнокомандующий армией Восточного фронта. В конце 1919 г. арестован и смещен с должности братьями В.Н. и А.Н. Пепеляевыми, освобожден генералом Каппелем. Участник Сибирского Ледяного похода. Умер в эмиграции. (С. 217, 280, 292.)

Сачков Иван Герасимович (? — 1919), солдат 31-го стрелкового полка, унтер-офицер. Член третьего Красноярского подпольного комитета (кличка «Борода»). Организатор партийных ячеек среди солдат. Вместе с ним в комитете состояла его жена Евдокия Игнатьевна. Убит при попытке к бегству в ноябре 1919 г. во время ареста членов комитета. (С. 278, 283, 285, 287—289.)

Свидерский Антон, член подпольной организации в пос. Знаменском Красноярского у. Казнен в числе 13 подпольщиков. (С. 305.)

Свинцов Михаил, член подпольной организации в пос. Знаменском Красноярского у. Казнен в числе 13 подпольщиков. (С. 305.)

Свищева Агния Дмитриевна (1897—1919), активная участница Гражданской войны. Родом из Красноярска. Рано осталась без родителей. Воспитывалась в Знаменском женском монастыре. Учительница. После февральских событий 1917 г. прини-

мала активное участие в деятельности Абанской партийной организации. С весны 1917 г. в Красноярске, корректор и корреспондент газеты «Красноярский рабочий». Член РСДРП(б) с 1917 г. Участница Мариинского фронта, после поражения ушла в подполье. Друзья считали ее идейным вдохновителем по вербовке членов в подпольную организацию, по установлению связей с другими городами. Первой установила связи с арестованными товарищами в тюрьме, добилась свидания с Г.С. Вейнбаумом. Одна из организаторов в Красноярске Красного Креста. В 1919 г. подпольный комитет отправляет ее для связи в Томск, затем в Омск, где она была арестована и после пыток расстреляна 6 июня 1919 г. (С. 275—277.)

Седых Николай Григорьевич (1900 — ?), участник Гражданской войны. Родом из Красноярска, крестьянин. Отец — инородец, бросил семью с пятью детьми. С 12 лет Седых работал по людям, по разным мастерским. Мать работала в кирпичных сараях. В декабре 1916 г. попал на работу в железнодорожные мастерские, там же в 1917 г. вступил в Красную гвардию. Охранял членов Красноярского Совдепа, мост, винный склад. Участник Ключевенского фронта. Был мобилизован в Белую армию. Находясь в Барнауле, дезертировал; доброволец 1-й роты 241-го Крестьянского стрелкового полка 27-й дивизии. (С. 199—200.)

Семенов Григорий Михайлович (1890—1946), генерал-лейтенант. Один из руководителей антибольшевистского движения на востоке России. В 1918 г. его особый Маньчжурский отряд воевал в Забайкалье против советских войск. Отказался признать Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. С 1919 г. — военный генерал-губернатор Забайкальской обл. С декабря — главнокомандующий войсками Забайкальского, Приамурского и Иркутского военных округов. В 1921 г. эмигрировал в Маньчжурию. В 1945 г. арестован советской контрразведкой, казнен в 1946 г. (С. 146, 172, 178, 213, 215, 219, 222, 226, 280, 309, 333, 411, 421.)

Семешев Семен Григорьевич (1897—1937), активный участник Гражданской войны. Уроженец Канского у. Крестьянин с. Солонечно-Талого Вершино-Рыбинской в. Канского у. С кон. 1918 г. по март 1920 г. — партизан Степно-Баджейской армии, затем армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. Помощник командира Канского полка, затем командир Тальского полка. (С. 93, 198, 334, 375—379.)

Сидоркина-Мальцева А., член второго Красноярского подпольного комитета. Устанавливала связи с тюрьмой. Ее дом в Николаевской слободе являлся явочной квартирой. (С. 276—277.)

Сидоров Владимир Корнилович (1894 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из Енисейска. С 13 лет работал по найму: рассыльным, чаеваром в пожарной команде, в мастерских Енисейского пароходства. Зимой 1912 г. был уволен из-за участия в забастовке: входил в состав стачкома на приисках Федоровского золотопромышленного общества. Месяц продержали в каземате, выдали «волчий билет». Фронтвик. Мобилизован в армию в 1915 г., воевал на Юго-Западном фронте. В 1916 г., после второго ранения, демобилизован, приехал в Енисейск. В 1917 г. вновь был призван в армию, дезертировал, перехвачен по дороге, вернулся в свой полк. После Февральской революции 1917 г. в Енисейске сблизился с большевиками С. Иоффе, Худзинским, избран председателем Союза увечных воинов, вошел в состав городского Совета. После переворота ушел на Тасеевский фронт. Впоследствии командовал 1-м Енисейским красногвардейским отрядом. (С. 65, 264—271, 419.)

Синицин Степан Григорьевич, активный участник Гражданской войны. Член РСДРП(б) с 1917 г. Фронтвик. Прибыл в Канск в августе 1917 г. во 2-й Сибирский запасной полк. Президиумом гарнизонного совета был назначен военным комиссаром госпи-

таля, затем вошел в объединенный Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Канского у. В сентябре 1917 г. — участник II Всероссийского съезда Советов. В Петрограде был назначен комиссаром Дворцового моста с обязанностью разводить его при проходе крейсера «Аврора». По возвращении в Канск сформировал отряд Красной гвардии. После антибольшевистского переворота Синицин был арестован. Удалось освободиться по требованию Канского Совета — в городе Советская власть еще держалась. Затем подполье и партизанский отряд А. С. Масленкина-Непомнящего. Оставил воспоминания. (С. 227, 230, 241—245, 411, 413.)

Сковидо Н. С., активный участник Гражданской войны. Крестьянин, член штаба по подготовке восстания в с. Перово Канского у. (С. 214, 316, 319, 321—322, 358, 362, 364, 371—372, 426.)

Смоленский Диомид Георгиевич (? — 1919), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Руководитель рабочего движения на ст. Иланской в 1905 г. Иркутский генерал Меллер-Закомельский, прибыв в Иланск в январе 1906 г., начал расправу с рабочими. Семнадцать организаторов движения, в том числе Смоленский, были арестованы и отправлены в Канскую тюрьму. Восемь лет провел в тюремном заключении. Участник октябрьских событий 1917 г. и Клюквенского фронта. Партизан Степно-Баджейской партизанской армии, руководил оружейными мастерскими. (С. 83, 211.)

Смоляков Даниил Тихонович (1899 — ?), участник Гражданской войны. Родом из Могилевской губ., семья приехала в Сибирь в 1912 г., хозяйство бедняцкое. Приходилось заниматься поденной работой. Сначала воевал в Агинском полку, затем партизан армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина, участник всех основных боев. (С. 101—106.)

Соболев Александр Николаевич (1888—1930), директор Музея Приенисейского края с 1926-го по март 1930 г. (С. 21—23.)

Солдатов Вениамин Григорьевич (1895 — ?), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Родом из Минусинского у. С 1916 г. на военной службе. За хулиганскую выходку в октябре 1916 г. на маскараде в Народном доме им. А. С. Пушкина был судим Иркутским трибуналом и посажен на гауптвахту. Вернувшись в полк в марте 1917 г., избирался в полковой комитет и депутатом в Красноярский Совет. Участник подавления Иркутского юнкерского восстания. С февраля 1918 г. — член Ачинского Совета, делегат II Общесибирского съезда Советов. В 1918 г. в Минусинске вступил в Красную гвардию. С приходом партизан в сентябре 1919 г. в Минусинск избран председателем объединенного Совета города. Занимался распространением Советской власти на местах. Член РКП(б) с 1920 г. Впоследствии на партийной и советской работе. Среди руководителей партизанского движения ставил на первое место П. Е. Щетинкина. Оставил свои записки. (С. 211—213, 217, 399, 422.)

Солодилов Василий Алексеевич, участник освобождения Красноярска. В 1919 г. был призван в армию, служил в городе в 31-м Сибирском полку. Организовал из солдат семерку, которая занималась подготовкой к восстанию. Оставил короткие воспоминания. (С. 402—404, 429.)

Соловьев М. И. (? — 1918[?]), участник Гражданской войны. Бывший унтер-офицер, член солдатской секции, комиссар военного отдела Енисейского губисполкома. Начальник штаба на Мариинском фронте. Пропал без вести. (С. 10, 226, 411—412.)

Сотников Александр Александрович (1891—1920), хорунжий Красноярского казачьего дивизиона. Окончил Иркутское военное училище, затем Томский технологический институт (от-

деление геологии), член партии социалистов-революционеров. После 1917 г. — комиссар Красноярского Совета и председатель гарнизонного совета, атаман Енисейского казачьего войска. В 1918 г. возглавил казачий мятеж. Затем формировал кавалерийские части Сибирской армии. После ухода с военной службы занимался вопросами эксплуатации Норильского (Дудинского) каменноугольного месторождения и медной руды. Весной 1919 г. перевелся в Морское ведомство, через месяц получил должность гидрографа при Комитете Северного морского пути. Служил с конной разведкой у белочехов. В феврале 1920 г. был арестован иркутскими чекистами, затем передан красноярским властям; приговорен к расстрелу. Впоследствии реабилитирован. (С. 78, 141, 144, 166—167, 172, 183, 185, 188, 190, 193—194, 199, 219, 222—223, 308, 423.)

Спиридонова Мария Александровна (1884—1941), деятель революционного движения, член партии социалистов-революционеров. В 1905 г. — член Тамбовского комитета эсеров и боевой дружины. Была приговорена к смертной казни после покушения на начальника охранного отряда Г. Н. Луженовского. Казнь заменена бессрочной каторгой, которую отбывала в Нерчинске. 3 марта 1917 г. освобождена по распоряжению А. Ф. Керенского. Поддержала большевиков в борьбе с Л. Г. Корниловым. В 1921 г. отошла от политической деятельности. Расстреляна в начале Великой Отечественной войны по обвинению в участии в левозерновском подполье. (С. 222, 427.)

Стародубцев Севастьян Терентьевич (1891 — ?), переселенец из Таврической губ., крестьянин-бедняк. Фронтвик, служил в телеграфной роте. Участник Минусинского крестьянского восстания, от ареста откупился, отдав все, что было нажито. Впоследствии воевал в 15-й роте Манского полка партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. (С. 79, 179.)

Степанов Николай Лаврентьевич (1891 — ?), участник революционных событий и Гражданской войны. Родился в Красноярске в семье рабочего, окончил городское училище. В 1905—1906 гг. принимал участие в ученических революционных кружках, состоял в редколлегии ученического журнала «Светоч». Держал экстерном экзамен на сельского учителя, но по семейным обстоятельствам учиться не пришлось. Выучился на телеграфиста, до 1910 г. служил на ст. Зима, затем перевелся в Красноярск. В 1910—1911 гг. задерживался по подозрению в пропаганде. В 1912 г. призван на службу в телеграфные войска, но не явился. В наказание был направлен в 31-й Сибирский стрелковый полк в команду связи. Фронтвик, в 1914 г. выехал на фронт, где пробыл до декабря 1916 г. Отправлен в тыл на формирование новой дивизии. В Красноярске вступил в Красную гвардию, участник Клюквенского фронта. После поражения скрывался. Участник освобождения Красноярска в декабре 1920 г. Оставил воспоминания. (С. 411, 415, 416.)

Стивенс Джон, глава Русско-американского экспедиционного корпуса, руководил отправкой военнопленных чехов через Сибирь на Дальний Восток. (С. 411.)

Стрен(м)берг Тор Максимилианович, активный участник Гражданской войны. Член Центросибиря с 1918 г. Командир Канского отряда при подавлении юнкерского восстания в Иркутске в декабре 1917 г. Затем на руководящей должности в Иркутском военном округе, член президиума Сибвоенкомата. (С. 91—92.)

Субботина Лидия Иннокентьевна (1881/1887—1960), активная участница революционных событий и Гражданской войны. Родом из Красноярска. Будучи курсисткой, в Петербурге примкнула к революционному кружку. С 1904 г. — член РСДРП. Вела пропаганду среди рабочих Петербурга. В 1907 г. была арестована, приговорена к пяти годам каторги, которые отбывала в Рижской

каторжной тюрьме, в 1912 г. выслана в Якутию. В 1916—1917 гг. жила в Красноярске. После февральских событий 1917 г. избиралась членом Красноярского Совета, входила в состав агитационного отдела Губисполкома. После антибольшевистского переворота была арестована и в 1919 г. отправлена в «эшелоне смерти» на восток. Освобождена черемховскими рабочими. С 1920 г. на партийной и профсоюзной работе. (С. 254.)

Суденок Максим Иванович (1882 — ?), участник революционных событий и Гражданской войны. Родом из Черниговской губ. Отец середняк. До переезда в Сибирь Суденок состоял в партии социал-революционеров. Работал на шахте, металлургическом заводе в Днепропетровске. Участвовал в террористических актах (в Днепропетровске убили пристава). Несколько раз арестовывался. Из-за преследований пришлось в 1907 г. бежать в Сибирь. На руднике «Юлия» организовал забастовку, был приговорен к трем годам арестантской роты. Ушел в деревню, жил в д. Усть-Ербе Знаменской в. Минусинского у. Позднее партизан 1-й роты Манского полка партизанской армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина, ротный председатель. (С. 183—184.)

Сургуладзе Сергей Константинович (1879—1923), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Член РСДРП с 1905 г. Уроженец Грузии, участник Гурийского восстания. В революционной борьбе с 1903 г. Выслан в Сибирь на пожизненное поселение: с. Кежда Енисейского у., затем д. Суховская Тасеевского у. Формировал Красную гвардию в Канске, избирался председателем Ключвенского большевистского комитета, был на Ключвенском фронте. С лета 1918 г. находился на нелегальном положении. Организовав группу из рабочих и крестьян, увел их к партизанам Заманья. Председатель Армейского совета в партизанской армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. Скончался от тяжелого ранения, полученного при ликвидации банды в Грузии. (С. 88, 94—96, 121, 210—211, 335, 399, 425.)

Сурков Николай, член подпольного комитета в пос. Знаменском Красноярского у. Казнен в числе 13 подпольщиков. (С. 298, 305.)

Сурудин Петр, член подпольного комитета в пос. Знаменском Красноярского у. Казнен в числе 13 подпольщиков. (С. 298, 305.)

Суховерхов Франц Иванович (М.И. Сычов) (1883—1918), профессиональный революционер, активный участник Гражданской войны, член РСДРП с 1903 г. Работал в социал-демократических организациях разных городов. В 1911 г. был сослан в Нарымский край. После Февральской революции организатор профсоюзов и председатель Западно-Сибирского областного бюро горнорабочих. После антибольшевистского переворота член Томского губкома РСДРП(б), заместитель председателя Сибирского оргбюро РКП(б). В июне 1918 г. был направлен в Сибирь для подпольной работы. Организовывал подпольные ячейки в Омске, Томске, Новониколаевске, Красноярске. Возвращаясь в Томск после поездки в Красноярск в сентябре 1918 г., был арестован на ст. Тайга и расстрелян в Омске. (С. 283.)

Сухорослов Савелий Евстигнеевич (1890 — ?), участник Гражданской войны. Родом из Минусинского у., из семьи крестьянина-середняка. В 1914—1916 гг. служил в Иркутске, где был вовлечен в большевистскую организацию. С октября 1917 г. заведовал снабжением Иркутского гарнизона Красной гвардии. После контрреволюционного переворота скрывался в Урянхайском крае, где вступил в партизанскую армию А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. Избран членом Армейского совета и начальником снабжения. (С. 214.)

Сысоев Гавриил Иванович (1900 — ?), участник Гражданской войны. Родом из Канского у., из бедняцкой семьи, которая позднее дотянула до середняцкой. Воевал в 1-й роте 1-го Канского полка, служил в разведке Северо-Канской партизанской армии. (С. 90—94, 211.)

Сысоев Дементий Иванович (1898 — ?), родом из Могилевской губ. Отец бедняк, убит в 1905 г. карательным отрядом в д. Малые Немки за разгром имения помещика И. Карповича в Могилевской губ. Сам Сысоев вырос в батраках. Партизан отряда Н.М. Копылова. (С. 150.)

Сычов Александр Яковлевич, титулярный советник. Красноярский полицмейстер с осени 1905 г. (С. 218.)

Т

Тамаров Сергей Михайлович (1886/1887—1919), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Родом из Оренбургской губ. В 1908 г. возглавлял Оренбургский комитет большевистской партии. За подпольную деятельность был выслан в Енисейскую губ. в с. Чалбышевское Енисейского у. В 1913 г. арестован, находился в Енисейске. В 1914 г. причислен к крестьянам с. Каргинского Маклаковской в. Енисейского у., чтобы иметь возможность передвигаться по волости. В 1918 г. — член Енисейского уездного комитета, заведующий его военной секцией, руководитель штаба Красной гвардии и начальник гарнизона. Расстрелян 14 июня 1919 г. (С. 264, 270.)

Тараканов Федор Семенович (1884 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из с. Тасеево Канского у. Два года находился в Красноярском запасном полку. Позднее член Тасеевской подпольной ячейки. Член армейского штаба Северо-Канской партизанской армии. Воевали всей семьей: Дмитрий Семенович, Константин Игнатьевич, Фалалей Игнатьевич. (С. 42, 60, 66, 68, 205.)

Таррало (Тарало, Таралов) Ефим и Ульян, братья-партизаны. Еще до ухода в Минусинский у. из Канского полка бы выделен так называемый летучий отряд численностью до 60 человек, в который вошли братья. Отряд использовался для зачистки тыла Заманья. (С. 91, 133—134.)

Тарелкин Павел Николаевич (1878 — ?), уроженец Костромской губ. Окончил сельскохозяйственную школу. С 1905 г. — член партии социалистов-революционеров. Арестовывался и ссылался в Тобольскую, Вологодскую и Енисейскую губ. Бухгалтер в Красноярском и Минусинском уездах. С июня 1917 г. — уездный комиссар Урянхайского края. Был отстранен большевиками от должности и выслан в Минусинск. После падения Советской власти с июня 1918 г. занимался прежней деятельностью. В 1920 г. скрывался в Мариинске, был арестован. После амнистии с 1923 г. жил в Красноярске. В 1931 г. был вновь арестован, отправлен в лагерь сроком на три года. По воспоминаниям урянхайских партизан, был убит своим телохранителем во время побега. (С. 113, 166, 185.)

Телечкина (в зам. **Сухорукова**) **Агния Иннокентьевна**, партизанка, работала в отделе снабжения армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. Одновременно помогала обслуживать госпиталь. (С. 196, 198.)

Темиров Никита Иванович (1893—1976), активный участник Гражданской войны. Уроженец с. Даурского Даурской в. Ачинского у. Член партии РСДРП(б) с 1917 г. В ноябре 1917 г. руководил двумя ротами 13-го Сибирского полка по захвату телеграфа и почты в Ачинске. Член Ачинского Совета рабочих и солдатских

депутатов, организатор отрядов Красной гвардии из железнодорожных рабочих Ачинска. Участник ликвидации юнкерского восстания в Иркутске, боев на Мариинском фронте. В Даурском у. организовал партизанский отряд, был захвачен в плен, находился в Ачинской тюрьме как заложник, бежал. Создал 2-й партизанский отряд, объединив его с Северо-Ачинским партизанским отрядом П. Е. Щетинкина. (С. 198.)

Терещенко, жандармский унтер-офицер, убит в Красноярске эсерами 6 февраля 1907 г. (С. 130, 218.)

Тихменев Петр Валерианович (1886—1919), флотский офицер, фронтовик. С погибшего в устье Енисея ледокольного корабля «Вайгач» старший лейтенант, затем капитан 2 ранга. Появился (судя по документам) в Красноярске в кон. 1918 г. С декабря 1918 г. командовал батальоном отдельной бригады морских стрелков против партизан Степного Баджея. С августа 1919 г. — командир отдельного морского учебного батальона. Убит в штыковой атаке на Уральском фронте. (С. 320, 325, 329—331, 357, 359, 382—386, 426—427.)

Тишенин Иван Никитич (1898 — ?), партизан Северо-Канского фронта, член военного штаба. (С. 344.)

Ткачев Александр Васильевич, партизан армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Аdjутант в Манском полку. (С. 366.)

Ткаченко Т., командир Сыдикского партизанского отряда. (С. 216.)

Толстихин Петр Иннокентьевич, партизан армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Участник Великой Отечественной войны. (С. 341.)

Толстихина Матрена Васильевна (1901 — ?), родом из Енисейска, из семьи ссыльнопоселенца. Медицинская сестра в армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Жена П. И. Толстихина. Оставила воспоминания. (С. 85.)

Толстой Никита Тимофеевич, участник Гражданской войны. Из рабочих, один из создателей подпольного комитета и руководителей подготовки восстания в с. Степной Баджей Канского у. Прошел весь боевой путь с партизанской армией А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Входил в объединенный Совет армии, вел работу в отделе призрения. (С. 78, 316, 327, 363, 367, 423.)

Томсон Петр, член подпольной организации в пос. Знаменском Красноярского у. Казнен в числе 13 подпольщиков. (С. 305.)

Трегубенков Кузьма Егорович (1890—1963), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Родом из Минусинского у. Рабочий Абаканского железодобывающего завода, с 1905 г. работал на руднике «Юлия», на разведке каменного угля около с. Аскиз. Фронтовик, после ранения вернулся в д. Быструю Паначевской в. Минусинского у. Член РКП(б) с 1918 г. В ноябре 1917 г. избирался на III Минусинский уездный крестьянский съезд, на котором был избран председателем Минусинского объединенного Совета. Во время антибольшевистского переворота был арестован, находился 15 месяцев в Минусинской, а затем в Красноярской тюрьмах. Был отправлен в «ешелоне смерти» на восток. В январе 1920 г. освобожден партизанами С. Лазо из Новокиевского лагеря. В 1922 г. участвовал во взятии Волочаевки и освобождении Дальнего Востока. Впоследствии на партийной и советской работе. (С. 141, 143, 194, 218, 307.)

Троицкий Петр Семенович (1869—1937), участник Белого движения, общественный деятель. В 1915 г. — гласный Красноярской городской думы, с марта 1917 г. — товарищ председателя Красноярского окружного суда. Осенью 1917 г. выдвинут от пар-

тии народной свободы в Учредительное собрание. После антибольшевистского переворота — енисейский губернский комиссар, затем управляющий губернией. 23 сентября 1919 г. удостоен звания почетного гражданина. (С. 12, 79, 287, 422.)

Туренко Дмитрий Иванович (1887 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из Минусинского у. После смерти отца остались четверо малолетних братьев, жили у бабушки. Тот, женившись, выгнал детей в овечью стаю. Мать приняла мужа, но тот утонул. Двенадцатилетний мальчик взял на себя все хозяйство. Фронтовик. В 1916 г. на Юго-Западном фронте ранен шрапнелью в левую щеку, осколок там и остался. Получил отпуск. Проезжая через ст. Даурия, вместе с пермской дружиной разоружал офицеров. Позднее член подпольной организации в д. Березовке Курагинской в. Минусинского у. С мая 1919 г. по март 1920 г. воевал в Крестьянско-рабочей армии Минусинского народного фронта. (С. 128—129.)

Турчанинов Алексей Александрович (1876 — ?), комиссар Временного правительства по делам Урянхайского края (до 11 июля 1918 г.). (С. 146, 218—219.)

Туренков Семен Ефремович (1895 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из Тамбовской губ., из рабочей семьи. Перед приездом в Сибирь работал в Москве, где вступил в Красную гвардию. Стоял на Рязанском вокзале в заградительном отряде. Затем воевал на дутовском фронте, где получил ранение. После трех месяцев отпуска поехал в Сибирь к родственникам. Приехал в апреле 1917 г., в мае выступили чехи, пришлось остаться. Участник Мариинского фронта. Партизан 2-й роты Северо-Канского полка. (С. 189.)

У

Уборевич Иероним Петрович (1896—1937), военачальник. Окончил Константиновское артиллерийское училище. Фронтовик. В 1917 г. организовывал Красную гвардию в Бессарабии. Воевал против А. И. Деникина, П. Н. Врангеля. С 1921 г. командовал 5-й армией и Восточно-Сибирским военным округом, жил в Иркутске. В 1922 г. — военный министр в ДВР, которую освобождал в 1922 г. (С. 224.)

Уланов Василий Алексеевич (1896—1930), активный участник Гражданской войны. Уроженец Пензенской губ. С 1906 г. работал в Красноярских железнодорожных мастерских рабочим. Фронтовик, кавалер ордена Св. Георгия трех степеней. После отравления газами на фронте отправлен в отпуск. В кон. 1917 г. приехал в Красноярск, где был демобилизован. Участник военных действий на Ключевском фронте, командовал отрядом Красной гвардии. В 1918 г. Красноярский подпольный комитет отправил Уланова в Ачинский у. для агитации и организации крестьянского восстания. Один из организаторов партизанского отряда в у. В апреле 1919 г. назначен командиром кавалерийской части, затем командир Северо-Ачинского полка, помощник П. Е. Щетинкина. Участник штурма Перекопа, подавления восстания в Кронштадте, командовал отрядами ЧОН. Скончался от порока сердца. (С. 8, 77—78, 85, 89, 95, 117, 119, 120—121, 137, 178, 182, 192, 212, 343.)

Унгерн фон Штернберг Роман Федорович (1885—1921), барон, генерал-майор. Фронтовик. Служил в Забайкальском и Амурском казачьих войсках. После свержения Советской власти обосновался в Даурии. С июля 1919 г. — начальник Азиатской конной дивизии. В октябре 1920 г. вторгся в Монголию, нанес поражение китайским войскам, взял Ургу. Потерпев поражение от Народно-революционной армии Дальневосточной республики, был выдан монголами П. Е. Щетинкину и казнен. (С. 147, 220, 224, 280.)

Усков Василий Иванович (1886 — ?), активный участник Гражданской войны. Крестьянин с. Курагино Минусинского у., из бедняцкой семьи, затем жили «выше середняцкого». В 14 лет пошел служить мальчиком, окончив приходское училище. Служил на Елизаветинском винокуренном заводе. Хотел поступить в железнодорожное училище или учительскую семинарию, не приняли. В 19 лет женили, «взял по своему выбору». Призвали на службу, для чего прибавил год, чтобы освободить брата. Был в учебной команде, затем писарь старшего разряда. Фронтвик (Русско-японская война). Член подпольной организации в Красноярске, в организацию вошел через Б.З. Шумяцкого. Один из организаторов отряда Красной гвардии в Минусинске. Переводил армию П. Е. Щетинкина с беженцами за Ману. (С. 129—130.)

Ушаков Борис Федорович (1889—1918), активный деятель Белого движения, полковник. После военного училища окончил Академию Генерального штаба. Фронтвик. С конца февраля 1918 г. — начальник штаба 2-й Чехословацкой дивизии (имел французское гражданство). В конце года поднял антибольшевистское восстание с 500 чехами-легионерами и захватил Канск. В Ачинске части Ушакова соединились с войсками Гайды. В июле 1918 г. назначен начальником штаба Восточного фронта. 17 августа того же года, во время так называемой Ленской экспедиции, при наступлении по линии железной дороги в Иркутской губернии был разбит со своим отрядом. (С. 65, 205—206, 241, 243, 385, 414, 427—428.)

Ф

Фассини-Комосси, полковник Итальянского экспедиционного корпуса в Красноярске. (С. 270, 417—418.)

Федоров Н. С., заведующий устройством русского населения в Урянхайском крае. (С. 219.)

Филимонов Тимофей Львович (1892 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из с. Тасеево Минусинского у. Фронтвик, воевал на Австрийском фронте, демобилизован по болезни в 1917 г. На фронте был членом ротного комитета, членом полкового совета. Участник Минусинского крестьянского восстания, входил в штаб с. Сагайского. Командир 1-го батальона Тальского полка армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. Член ВКП(б) с 1931 г. (С. 171—173.)

Филиппов Артемий Николаевич (1882 — ?), активный участник Гражданской войны. Крестьянин д. Знаменки Минусинского у. Член РСДРП(б) с 1917 г. На войне не был, из приграничных районов не брали. Однако в 1917 г. был мобилизован, дезертировал. Жил в Усинске, имел зажиточное хозяйство, а до этого батрачил. Председатель Общества потребителей, член земской управы. Делегат всех съездов в Усинском округе. Участник Минусинского крестьянского восстания. Был арестован, отправлен в «эшелоне смерти» на восток, бежал. Организатор Красной гвардии в Усинске. Председатель Усинского Совета и ревкома. Воевал против банд в Урянхайском крае, участник боя за Белоцарск. Участник партизанского движения на Дальнем Востоке. (С. 139—148, 175, 219.)

Фоменко Федор Ильич (1888 — ?), родом из Курской губ. В Сибири жил с 1901 г. в д. Большой Ине Минусинского у. Ходил работать «за хлеб», затем обзавелся хозяйством. Фронтвик, воевал на Австрийском фронте, был членом полкового совета и полкового суда. Участник Минусинского крестьянского восстания. После освобождения Минусинска партизан Северо-Ачинского полка. (С. 158—159.)

Фомин Нил Валерианович (1890—1918), общественный деятель, член партии социалистов-революционеров. Агитатор в рабочих организациях Петербурга. Арестован в 1911 г., в 1912 г. сослан в Енисейскую губ. Накануне Февральской революции поселился в Красноярске, работал в кооперации. Один из лидеров эсеровской партии в Енисейской губ. Член Учредительного собрания и Сибирской областной думы. После октябрьских событий служил в Сибирском кооперативном союзе «Закупсбыт» в качестве заведующего. Редактировал эсеровскую газету «Власть народа». После контрреволюционного переворота — главноуполномоченный Западно-Сибирского комиссариата с мая 1918 г. 4 декабря 1918 г. арестован колчаковскими войсками, этапирован в Омск, где был расстрелян с группой меньшевиков и эсеров. (С. 218, 413, 418, 420.)

Форгач Деже, венгр, секретарь социал-демократической партии в Венгрии с 1906 г. Фронтвик. Военнопленный. В 1918 г., после колчаковского переворота, был арестован, затем из тюрьмы переведен в Красноярский лагерь для военнопленных. Один из создателей подпольной организации венгров-интернационалистов в военном городке. (С. 31.)

Франк Роман, активный участник Гражданской войны. Батальонный командир в Манском полку Степно-Баджейской армии, начальник связи, начальник штаба в с. Нарва Красноярского у. Участник 11 боев (по его сведениям). После ареста белыми отправлен в «эшелоне смерти» на восток. (С. 152—153, 221.)

Франц (Фрэнс) Джозеф Ирвин (1873—1939), член совета США от республиканской партии. Первый американский сенатор, побывавший в Сибири. Ратовал за установление связей с молодой Советской республикой. (С. 13.)

Фридман Исая Гаврилович (1894 — ?), уроженец Кременчуга, из рабочих. Член РСДРП с 1913 г. Председатель полкового комитета в 32-м Сибирском стрелковом полку. После контрреволюционного переворота состоял членом третьего Красноярского подпольного комитета. Занимался поиском денежных средств на нужды подпольщиков и партизанских отрядов. Член комитета по подготовке восстания в военном городке 30 июля 1919 г. Был арестован, находился в Красноярской тюрьме. Член Красноярского военно-революционного комитета по подготовке восстания в Красноярске в декабре 1919 г. (С. 280, 289—291, 422.)

Фролов И., командир эскадрона Кизирского отряда. (С. 222.)

Х

Халчевский Петр Филиппович, активный участник Гражданской войны. Сын ссыльнополитического, большевик. Отставной фельдфебель. Командир Шеломовского отряда. (С. 45, 59, 61, 65, 205, 207—208.)

Халчевский Филипп Никитич (? — 1918), активный участник Гражданской войны. Ссыльнополитический, член РСДРП с 1905 г., отец предыдущего. Работал сельским писарем в с. Тасеево. Вел революционную работу в Канском у. в 1917—1918 гг. В 1918 г. организовывал отряд Красной гвардии. В июне 1918 г. был командирован в Енисейск с оружием для передачи его членам Совдепа, отступающим на север. При возвращении был захвачен кулаками и убит. (С. 65, 265.)

Халявин Тихон Сергеевич, активный участник Гражданской войны. Один из организаторов Перовского отряда в Канском у., член полкового совета Канского полка. Участник всех основных боев Степно-Баджейской армии и армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. (С. 85, 214, 378, 428.)

Хандогин, участник Гражданской войны. Член Армейского совета Степно-Баджейской армии. (С. 87, 95.)

Хиневич, участник Гражданской войны. Перебежчик, впоследствии секретарь Армейского совета Степно-Баджейской армии. (С. 95.)

Хмелев Василий Григорьевич (1881 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из Томской губ., с 1891 г. жил в Енисейской губ. Крестьянин из д. Качульки Сагайской в. Минусинского у. До 16 лет батрачил, промышлял, затем завел хозяйство, числился как середняк. Фронтвик, воевал на Рижском фронте. В 1918 г. демобилизован. Участник Минусинского крестьянского восстания. Партизан Манского полка Степно-Баджейской партизанской армии, затем армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. Прошел с боями до Урянхая и обратно. (С. 165—168.)

Хомечко, участник Гражданской войны. Партизан пулеметной команды Манского полка, участник Белоцарского боя. (С. 149—150.)

Ч

Чайковский Николай Васильевич (1850/1851 — 1926), участник революционного народнического движения, общественный деятель. Эсер. Член ЦК трудовой народно-социалистической партии. После Февральской революции депутат Учредительного собрания. После Октябрьской революции вошел в Союз защиты этого собрания. С 1918 по 1920 г. состоял председателем и управляющим отделом иностранных дел Временного правительства Северной области в Архангельске. (С. 427.)

Черников Даниил Никитович, партизан Северо-Канского фронта, секретарь Армейского совета. (С. 68, 72.)

Чернов Г.М., участник Гражданской войны. Командир лыжного отряда Асанского партизанского полка. Перебрасывался Северо-Канским отрядом на самые опасные участки фронта. (С. 170.)

Черногринов Александр Иванович (1883 — ?), участник Гражданской войны. Отец работал на стекольном заводе в пос. Знаменском. В 14 лет остался без отца. Работал на заводе Данилова возчиком. Фронтвик. В 1915 г. взят на военную службу, воевал на Румынском фронте. Демобилизован. Участник Минусинского крестьянского восстания. Партизан 2-го эскадрона Северо-Ачинского полка. (С. 179.)

Черных Петр Игнатьевич, участник Гражданской войны. Партизан Убысинского полка Северо-Ачинской армии. (С. 63.)

Чистов Я.М., крестьянин Канского у., партизан армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина, эсер. Вместе с А.Т. Ивановым составлял инструкцию для верховного военного трибунала. Член объединенного Совета, а также входил в комиссию по организации власти на территории (в марте 1919 г.), освобожденной от колчаковцев. (С. 321, 336—337, 344, 359, 390.)

Ш

Шаклеин (Шаклейн) Г. В. (1890—1938), активный участник Гражданской войны. Уроженец Вятской губ., из бедняков. Эсер-максималист, с 1920 г. член РКП(б). Фронтвик. В 1916 г. был судим за антиправительственную агитацию, после февраля 1917 г. председатель полкового комитета 136-го пехотного полка. После демобилизации с января 1918 г. — председатель Агинского волостного совета Канского у. После антибольшевистского переворота

участвовал в организации партизанского отряда в д. Вознесенской Агинской в. С осени 1919 г. — член военно-революционного штаба, зампреда Армейского совета Рабоче-крестьянской армии Минусинского народного фронта. (С. 88, 96, 321, 336, 338, 340, 356.)

Шаповалов Е., участник Минусинского крестьянского восстания, один из руководителей штаба повстанцев в с. Большая Иня Мало-Минусинской в. (С. 169, 170—172.)

Шаповалов Терентий Александрович (1889—1918), участник революционных событий и Гражданской войны. Родом из Курской губ. Фронтвик. В 1917 г. избирался председателем солдатской секции. Заместитель председателя Минусинского Совета. Член исполкома, занимался продовольственными вопросами, в частности борьбой с укрывательством продовольствия. Вернувшись с родное село Большая Иня Мало-Минусинского у. после сбора контрибуции, был растерзан кулаками. (С. 130, 136, 157—159, 234, 307.)

Шахматова Зинаида Алексеевна, учительница, член второго и третьего красноярских подпольных комитетов. Держала связь с арестованными товарищами и семьями партизан, а также осуществляла связи с иркутскими большевиками. (С. 277, 281, 417.)

Шевченко Гавриил Матвеевич (1888—1942), участник Гражданской войны. Организатор в 1918 г. 1-го красновардейского отряда из уссурийского казачества. Фронтвик, полный Георгиевский кавалер. С июня 1918 г. — заместитель командира Уссурийского фронта. Вел военные действия против атамана Калмыкова. (С. 146.)

Шильников Иван Федорович (1877—1934), уроженец Забайкальской обл., из забайкальских казаков. Участник Белого движения. Фронтвик. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Генерал-майор. Сотрудничал с атаманом Г.И. Семеновым. В ноябре 1918 г. прибыл в распоряжение 4-го Восточно-Сибирского корпуса. Начальник специального отряда, который руководил обороной Минусинска и подавлением Минусинского крестьянского восстания. Эмигрант. Историк. Скончался в Харбине. (С. 42, 130, 156, 176, 187, 191, 195.)

Ширямов Александр Александрович (1883—1955), активный участник революционного движения. Член РСДРП с 1900 г. Участник Первой русской революции 1905—1907 гг., Февральской и Октябрьской революций, а также Гражданской войны в Сибири. Председатель Иркутского ревкома. Член Дальбюро и Сиббюро ЦК РКП(б). (С. 216.)

Шлапунов Дмитрий Михайлович (1895 — ?), родом из Могилевской губ. В Сибирь привезен в возрасте четырех лет. Семья жила в д. Козино Канского у., затем переехала в с. Городок. У отца хозяйство было середняцкое, у самого — бедняцкое. Фронтвик, ранен на Румынском фронте шрапнелью в руку. Демобилизован. Участник Минусинского крестьянского восстания. (С. 179—180.)

Шмаков, главарь белой банды в Урянхее. (С. 147, 219.)

Шмидт Юган (? — 1919), участник Гражданской войны. Военнопленный Первой мировой войны, австриец. Химик по образованию, один из руководителей мастерской по изготовлению пороха, самодельных гранат, отливке пуль, ремонту оружия в Степно-Баджейской партизанской армии. (С. 82, 209, 211, 283, 327.)

Шнейдер Арон Робертович (1877—1930), родился в Санкт-Петербурге. Общественный деятель, журналист, экономист, автор многих работ по истории Енисейской губ. Основная профессио-

нальная деятельность была связана с Губернским земельным управлением. В 1917 г. избирался членом Комитета общественной безопасности в Красноярске, сочувствовал эсерам. В 1921 г. был арестован, приговорен к двум годам заключения. С 1923 г. занимался административно-территориальной деятельностью и писательской работой. (С. 422.)

Штромило Александр Никитич (1887 — ?) крестьянин с. Шушенского Минусинского у. Отец пришел в Сибирь в кандалах из Херсонской губ. — обезоружил урядника. Имели бедняцкое хозяйство, арендовали землю. Участник Минусинского крестьянского восстания. (С. 178.)

Шульц Эрнест Яковлевич (? — 1919), участник революционных событий и Гражданской войны. Директор Русско-Азиатского банка. Сотрудник «Рабоче-крестьянской газеты», в которой 29 и 31 мая публиковал статьи по вопросу о необходимости готовиться к боям с чехами. Участник Мариинского фронта, был взят в плен, бежал из Тобольской тюрьмы. Вместе с работниками Красноярского отделения Государственного банка готовил к вывозу золотые слитки и ценные бумаги перед отступлением Совдепа на север губернии. Отправился с первым пароходом, сопровождая груз. Был расстрелян как заложник. (С. 189, 261—263, 415, 418—419.)

Шумяцкий Борис Захарович (1886—1938), активный участник революционного движения и Гражданской войны. Уроженец Верхнеудинска, из семьи ссыльного. Член РСДРП с 1903 г. Участник Первой русской революции 1905—1907 гг., а также декабрьского вооруженного восстания в Красноярских железнодорожных мастерских в 1905 г. Бежал из-под ареста. С 1906 г. — член Сибирского союза. В марте 1917 г. избран заместителем председателя Красноярского Совета. Делегат VII Всероссийской конференции РСДРП(б) (Апрельской). Член ВЦИК, затем председатель ЦИК Советов Сибири (Центросибири). Участник подавления юнкерского восстания в Иркутске. После падения Советской власти на подпольной работе. В 1919 г. — член ЦИК. Впоследствии на партийной и дипломатической работе. (С. 130, 159, 211, 218, 420.)

Шумяцкий Моисей Захарович (? — 1918), брат Шумяцкого Б.З. Командир разведки на Ключевенском фронте. Расстрелян. (С. 243.)

Шуныко (? — 1919), рабочий Знаменского стеклоделательного завода. Начальник штаба в военном городке в июльском восстании 1919 г. (С. 36—37.)

Шутов Константин, член подпольной организации в пос. Знаменском Красноярского у. Казнен в числе 13 подпольщиков. (С. 298, 305.)

Щ

Щекатуров Михаил, активный участник Северо-Канского партизанского фронта, командир одного из батальонов. Командировался в Абанскую в. Канского у. для организации партизанского отряда. (С. 205.)

Щетинкин Петр Ефимович (1885—1927), активный участник Гражданской войны, организатор и руководитель партизанского движения в Сибири. Уроженец Рязанской губ. Рано потерял мать, воспитывала сестра. С 10 лет начал работать. В 1906 г. был призван на военную службу, которую проходил в 29-м Сибирском стрелковом полку в Ачинске. После демобилизации жил в д. Красновке Ачинского у. В 1911 г. поступил на сверхсрочную службу в свой полк. С августа 1913 г. — фельдфебель. Фронтовик. В августе 1915 г. произведен в прапорщики. Войну закончил в звании штабс-

капитана с четырьмя Георгиевскими крестами и другими наградами. С кон. 1916 г. — начальник учебной команды 59-го Сибирского стрелкового полка, произведен в штабс-капитаны. После демобилизации возглавлял Ачинский уголовный розыск. В марте 1918 г. вступает в члены РКП(б). Во время антибольшевистского переворота 1918 г. — начальник штаба Красной гвардии и командир отряда на Мариинском фронте. После поражения находился на нелегальном положении в Ачинском у. В декабре 1918 г. создал повстанческий отряд в Ачинском у., в марте 1919 г. избран командующим Северо-Ачинской партизанской армией. В марте 1919 г. армия П.Е. Щетинкина сумела вырваться из окружения и выйти на соединение со Степно-Баджейской армией А.Д. Кравченко. П.Е. Щетинкин был назначен помощником командующего фронтом и командиром Северо-Ачинского полка. (С. 8, 10—11, 14—15, 41, 77—78, 80, 83—84, 95—96, 99—100, 105—106, 108—109, 111—113, 117—122, 125—130, 134, 136—139, 146, 149, 151—152, 154, 158—162, 164, 171, 178, 185, 188—189, 192—193, 196—198, 202—203, 211—214, 217, 221, 223—224, 217, 221, 223—224, 245, 278, 280, 283, 289, 291, 311, 315, 326, 342, 356, 422—426.)

Э

Эйдеман Роберт Петрович (1895—1937), активный участник революции и Гражданской войны. Латыш. Член партии социалистов-революционеров. Революционная деятельность началась во время учебы в Санкт-Петербургском лесном институте. В 1916 г. окончил Киевское военное училище. Прапорщик 16-го Сибирского запасного полка в Канске. С 1917 г. — член РКП(б). Председатель Канского Совета солдатских депутатов. В 1919 г. командовал воинскими подразделениями на Южном фронте по ликвидации банд. В 1920—1921 гг. — командующий войсками Сибирского военного округа. (С. 91—92, 420.)

Эленгауз Юган Вильгельмович (? — 1937), участник Гражданской войны. Немец, военнопленный, фельдшер в партизанской армии Степного Баджея. Партизаны в воспоминаниях отмечали его добросовестную работу. Прошел с армией А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина весь боевой путь. (С. 319, 328, 353, 356, 363, 371.)

Эмерсон Георг, полковник, глава Американской военно-железнодорожной миссии. Вел переговоры о перемирии между чехами и красновардейцами Мариинского и Ключевенского фронтов. (С. 226, 411.)

Ю

Юдин, командир карательного отряда, отличался особой жестокостью. Вечно пьяный, любил пороть собственноручно, особенно женщин. (С. 56, 72, 90, 306.)

Юркин Василий Дмитриевич (1875—1952), директор Музея Приенисейского края с 01.04.1935 по 05.02.1937. (С. 27.)

Я

Язвинский, крестьянин д. Сухой Заледеевской в. Красноярского у. Оказал помощь и спрятал практически умирающего от последствий пыток и казни карателями подпольщика Ф. Гурского, чем спас ему жизнь. (С. 302—304.)

Яковенко Василий Григорьевич (1888/1889—1938), активный участник Гражданской войны, организатор и руководитель партизанского движения, государственный деятель. Уроженец

с. Тасеево Канского у. Батрачил с ранней молодости. Фронтовик, унтер-офицер, один из лучших стрелков в своей части (служил в инженерных войсках), награжден тремя Георгиевскими крестами. Член РСДРП(б) с 1917 г. С лета 1917 г. служил в 16-м Сибирском стрелковом полку. Член Канского объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов. После мобилизации в январе 1918 г. избирается председателем Тасеевского волостного совета. После антибольшевистского переворота скрывался в тайге, где создал повстанческую группу. 28 декабря 1918 г. подпольщики и повстанцы захватывают Тасеево, где идет формирование партизанского отряда. В августе 1919 г. состоялся I Армейский съезд, на котором председателем Армейского совета был избран В.Г. Яковенко. Пройдя через многочисленные испытания и бои, 31 декабря 1919 г. тасеевские партизаны освободили Канск. В 1934 г. вышли мемуары В.Г. Яковенко, которые вызвали споры, а затем доносы бывших партизан. 9 февраля 1937 г. он был арестован как организатор и руководитель антисоветского «партизанского центра» в Сибири. 29 июля расстрелян. Реабилитирован в июне 1956 г. (С. 8—9, 11, 42—46, 54, 62, 65, 67—68, 72, 205—209, 265, 283.)

Яковлев Валентин Николаевич (1892—1918), активный участник революционных событий и Гражданской войны. Родом из Харьковской губ., из дворянской семьи. Член РСДРП с 1912 г. Секретарь большевистской фракции IV Государственной думы. В 1914 г., после ареста, сослан в с. Монастырское Туруханского края, затем в с. Ялань Енисейского у. После февральских событий 1917 г. — председатель Енисейского уездного Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1918 г. — член ЦИК Советов Сибири, председатель президиума большевистской фракции Красноярского Совета, член Губисполкома. Во время эвакуации Совдепа на север губернии арестован в с. Селиваниха Туруханского края. Расстрелян белочехами 25 октября 1918 г. (С. 241, 247, 254, 256—259, 262, 277, 281—282, 412, 415, 418, 421.)

Яковлев Н.Н., член четвертого Красноярского подпольного комитета и военного штаба в декабре 1919 г. Командующий войсками красноярского гарнизона после освобождения Красноярска. (С. 280, 291, 404, 422.)

Янчеленко Игнатий Александрович (1885 — ?), активный участник Гражданской войны. Родом из Могилевской губ., из семьи крестьянина-бедняка. Около 1910 г. семья уехала в Сибирь, поселилась в д. Таловке Ачинского у. Фронтовик. Был ранен, контужен. В 1917 г. находился в военном городке в Ачинске, где вступил в Красную гвардию. Партизан Северо-Ачинской армии П.Е. Щетинкина, затем армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. Занимался снабжением Северо-Ачинского полка. Летом 1920 г. участвовал в разгроме банд. (С. 211.)

Ян Ши Чао, руководитель белокаитайского отряда в Урянхайском крае. (С. 219.)

Яхонтов Николай Петрович, родом из с. Каратуз Минусинского у. Середняк. Работал на приисках. В 1912 г. призван на службу. Фронтовик, воевал на Австрийском фронте. Ранен в руку, в 1915 г. попал в плен. 20 февраля 1919 г. вернулся домой. (С. 192—193.)

Примечания

1. Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Расколотое общество в биографиях современников. Абакан, 2006.
2. Бойцы революции. Биографические очерки борцов за власть Советов в Енисейской губернии. Красноярск, 1982.
3. Годы огневые : сб. воспоминаний участников Красноярского большевистского подполья и партизанского движения в Енисейской губернии в борьбе за власть Советов. Красноярск, 1962.
4. Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 г. Новосибирск, 2010.

5. Вожак и лидеры Смуты. 1918—1922 гг. Биографические материалы/сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М. : АИРО-XXI, 2017.
6. Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1—3. Новосибирск, 2009.
7. Иркутск : Энциклопедический словарь. Иркутск, 2006.
8. Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998.
9. Документы героической борьбы : сб. документальных материалов, посвященных борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918—1920 гг.)/под ред. Д.Б. Груши. Красноярск, 1959.
10. Приложение к «Воспоминаниям члена КПСС с 1917 года Вашкорина И. А. о партизанском движении в северной части бывшей Енисейской губернии в 1918—1920 гг.». КККМ. О/ф 4498.
11. Список биографических данных об участниках партизанского движения и первых лет Советской власти в Канском районе, составленный Канским музеем для краевого управления культуры 30 марта 1957 г. КККМ. О/ф 3189/2Д 4504/1, 2.
12. Список известных участников партизанского движения на территории Енисейской губернии. Составлен в Москве, предположительно, К.Е. Трегубенковым. Даты нет. Скорее всего, 1957 г., 40-летний юбилей Октябрьской революции. КККМ. О/ф 3210.
13. Список бывших партизан Убысинского летучего отряда Северо-Ачинского фронта. КККМ. О/ф 3227/2, 3, 5.
14. Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986.
15. Вдовин А.С., Овчаров В.В. «Красноярская Вандея»: на переломе эпох. Красноярск, 2020.
16. А.К. Фефелова при опросе бывших партизан коротко указывала их биографии — от одной строки до абзаца.
17. Часть участников партизанского движения, присылая в музей свои воспоминания, указывали биографические сведения: П.А. Залукаев, В.К. Сидоров, И.А. Вашкорин, Д.Г. Подъяпольский и др.
18. Скромная картотека составителя данного сборника.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ,
УПОМИНАЕМЫЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ ПАРТИЗАН**Ачинский уезд**

Алтат, с. Назаровская в. (С. 201.)
 Балахта, с. Балахтинская в. (С. 124.)
 Бирилюссы, с. Бирилюсская в. (С. 189, 173.)
 Бобровская (Бобровка), д. Больше-Улуйская в. (С. 205.)
 Богучанское, с. Пинчугская в. (С. 234.)
 Божье-Озерское (Божье Озеро), с. Кизильская в. (С. 16.)
 Даурское, с. Даурская в. (С. 110, 188.)
 Дубровка, д. Козульская в. (С. 149.)
 Козульское (Козулька), с. Козульская в. (С. 284.)
 Краснова, д. Бобровская в. (С. 182.)
 Красновка, д. Ново-Еловская в. (С. 77, 182.)
 Коробейникова, д. Бирилюсская в. (С. 78, 182, 212.)
 Кулун, д. Ужурская в. (С. 223.)
 Курбатова, д. Покровская в. (С. 123, 149.)
 Лапшиха, д. Козульская в. (С. 77, 182.)
 Линевская (Линевка), д. Шарыповская в. (С. 223.)
 Листвянка, д. Ново-Еловская в. (С. 182.)
 Мазульская (Мазуль), д. Покровская в. (С. 185.)
 Медведское, с. Николаевская в. (С. 78.)
 Назаровское (Назарово), с. Назаровская в. (С. 361.)
 Ничкова (Ничка), д. Балахтинская в. (С. 125.)
 Ольховка, д. Покровская в. (С. 77, 109, 114, 117, 149, 182.)
 Ошарова, д. Даурская в. (С. 189, 227.)
 Парнова, д. Балахтинская в. (С. 123.)
 Пеньки, с. Назаровская в. (С. 123.)
 Подсосенское (Подсоснова), с. Подсосенская в. (С. 184.)
 Секретарка, ул. Ново-Еловская в. (С. 182.)
 Серж, с. Назаровская в. (С. 183, 222.)
 Симонова, д. Ново-Еловская в. (С. 182, 311.)
 Стрелочная, д. Ново-Еловская в. (С. 204, 207.)
 Тимонинское, с. Покровская в. (С. 77.)
 Трясучая, д. Балахтинская в. (С. 123.)
 Ужур, с. Ужурская в. (С. 130, 182, 223.)
 Шарыпово, с. Шарыповская в. (С. 223.)

Енисейский уезд

Абалаково, с. Маклаковская в. (С. 272—273.)
 Алтатское, с. Бельская в. (С. 272—273.)
 Богучаны, с. Пинчугская в. (С. 234.)
 Гарская, д. Яланская в. (С. 272.)
 Дворец, д. Кежемская в. (С. 234.)
 Казачинское, с. Казачинская в. (С. 58, 69, 204, 262, 415.)
 Каргино, с. Маклаковская в. (С. 204, 273.)

Кежма, Казачинская в. (С. 234.)
 Кондакова (Кондаки), д. Казачинская в. (С. 204.)
 Костино, с. Кежемская в. (С. 223.)
 Кулакова, д. Казачинская в. (С. 265.)
 Маклакова, д. Маклаковская в. (С. 53, 272, 420.)
 Мамотова, д. Казачинская в. (С. 204.)
 Мариловская (Мариловцево), д. Яланская в. (С. 267.)
 Мокрушинское (Мокруша), с. Казачинская в. (С. 63, 207, 419.)
 Назимовское, с. Анциферовская в. (С. 415.)
 Стрелка, д. Маклаковская в. (С. 204, 207, 265.)
 Чалбышевское, с. Бельская в. (С. 267.)
 Юрокшинская, д. Пинчугская в. (С. 228.)

Канский уезд

Абанское, с. Абанская в. (С. 187.)
 Агинское, с. Агинская в. (С. 15, 79, 85, 87—88, 91—93, 95, 102, 136, 163, 173, 210—211, 321—322, 328, 336—337, 346, 356, 367—368, 372, 376, 378, 387, 389, 392, 294, 397, 405—406, 424, 426.)
 Акатек, пос. Фаначетская в. (С. 62.)
 Акимовка, д. Перовская в. (С. 102.)
 Алдаракская (Алдарак), д. Вершино-Рыбинская в. (С. 87, 347, 376, 378.)
 Александровка, д. Рождественская в. (С. 387, 390, 392, 395.)
 Анцирское (Анцирь), с. Анцирская в. (С. 59—60.)
 Апан (Ключинское), с. Абанская в. (С. 205.)
 Аргаза (Ново-Михайловка), пер. уч. Вершино-Рыбинская в. (С. 88, 91, 94, 154, 210, 373, 375, 379—380.)
 Асанская (Асанск), д. Фаначетская в. (С. 52.)
 Астафьева (Астафьевка), д. Анцирская в. (С. 83, 207, 326.)
 Ашкаульская (Ашкаул), д. Уринская в. (С. 63.)
 Ашпатская, д. Рождественская в. (С. 52.)
 Бакчет, д. Тасеевская в. (С. 43, 53, 55—56, 61, 68, 209.)
 Балай, д. Уярская в. (С. 343, 346.)
 Барашковский (Барашково, Барашное) пер. уч. Толстихинская в. (С. 62, 74—75, 81, 84, 93, 102, 132, 350, 364—366.)
 Балтыр (Орловка), д. Неванская в. (С. 46.)
 Батова, д. Шеломовская в. (С. 58, 61.)
 Благовещенская, д. Тальская в. (С. 389.)
 Борки, д. Рождественская в. (С. 46—47, 51—52, 54, 62, 68, 76.)
 Букорская (Букор), д. Рождественская в. (С. 63.)
 Браженское (Бражное), с. Амонашевская в. (С. 61, 63.)
 Васильевка, д. Конторская в. (С. 389.)
 Верхне-Рыбинская (Стойба), д. Перовская в. (С. 16, 87, 424.)
 Верхне-Урский (В.-Урка), пер. уч. Семеновская в. (С. 391, 395—396.)
 Верхний Убыс, с. Рождественская в. (С. 61.)

- Вершино-Рыбинское, с. Вершино-Рыбинская в. (С. 16, 79, 83, 85, 87, 91—92, 94, 102, 132—133, 135, 198, 209—210, 221, 358, 362—365, 372, 378—379, 387, 390, 394—395, 397—398, 405, 424, 426, 428.)
- Веселая (Веселый участок), д. Тасеевская в. (С. 46, 52.)
- Вознесенка, д. Рождественская в. (С. 62.)
- Галушка (Кеж), пер. уч. Тальская в. (С. 209.)
- Глинная, д. Тасеевская в. (С. 74—75.)
- Голопуповка, д. Амонашевская в. (С. 63.)
- Голубевский уч. Перовская в. (С. 102, 210—211, 368.)
- Горохова, д. и уч. Тасеевская в. (С. 58.)
- Далай, д. Иланская в. (С. 104, 116—117, 210.)
- Денисова, д. Рождественская в. (С. 45—46, 48, 50—53, 65, 89, 205—206.)
- Джабалджуйский (Джабаджуль), пер. уч. Вершино-Рыбинская в. (С. 376, 378.)
- Елисеевка, д. Ирбейская в. (С. 93, 390—391, 393, 396.)
- Еловая, д. Конторская в. (С. 64, 77, 123—124, 311.)
- Жарновка, д. Троицко-Заозерная в. (С. 311.)
- Желваты (Шумихина), пер. уч. Тасеевская в. (С. 54, 74.)
- Заречная, д. Конторская в. (С. 72.)
- Ивашиха, д. Вершино-Рыбинская в. (С. 92.)
- Ивановское, с. Ирбейская в. (С. 324.)
- Имбежские хут. Перовская в. (С. 104, 108, 332, 341, 358—359.)
- Иннокентьева, д. Перовская в. (С. 85, 379—380.)
- Ирбейская (Ирба), д. Ирбейская в. (С. 79, 87—88, 93, 115, 337, 339—340, 388—389, 301—392.)
- Кайтым, д. Фаначетская в. (С. 56, 207.)
- Канарайская (Канарой), д. Тасеевская в. (С. 54, 59—61, 63.)
- Карымовская (Карымка), д. Перовская в. (С. 88, 131, 154, 330, 367—368, 379, 393.)
- Кожелак, д. Вершино-Рыбинская в. (С. 91, 93, 102, 211.)
- Козылинская (Козыля), д. Ирбейская в. (С. 395.)
- Койская (Кой), д. Вершино-Рыбинская в. (С. 82, 87—88, 90—91, 94, 103, 108, 132, 153—154, 175—176, 198, 210, 212, 321, 323—324, 347, 351, 374, 379—381, 399, 426.)
- Колон, д. Рождественская в. (С. 46, 49—50, 62—53, 89.)
- Кондакова (Кондаки), д. Казачинская в. (С. 43, 55.)
- Кондратьева (Кондратово), д. Неванская в. (С. 48, 59.)
- Конторское (Конторка), с. Конторская в. (С. 64.)
- Коростелево, с. Ирбейская в. (С. 395.)
- Кочергино, с. Конторская в. (С. 64.)
- Красная Речка, д. Устьянская в. (С. 182.)
- Кулижникова (Кулижное), д. Агинская в. (С. 87, 153, 322—323, 376, 378, 388, 426.)
- Куражинский, пос. Агинская в. (С. 397.)
- Курайское (Курай), с. Рождественская в. (С. 48, 62, 90.)
- Кырлык, д. Агинская в. (С. 397.)
- Луковая, д. Уярская в. (С. 85.)
- Макарова, д. Шеломовская в. (С. 59, 61.)
- Малый Имбеж, д. Перовская в. (С. 83.)
- Мангановский уч. (Манганова), д. Рождественская в. (С. 63.)
- Междуреченская, д. Фаначетская в. (С. 42.)
- Межовское, с. Агинская в. (С. 93, 198, 346, 350, 363, 388, 390—391, 393, 395—396.)
- Мельничная, д. Ирбейская в. (С. 390, 392.)
- Миргини (Мергини), д. Ирбейская в. (С. 390—392, 395—396.)
- Мурминская (Мурма), д. Тасеевская в. (С. 16, 75.)
- Нагорная, д. Агинская в. (С. 387, 390, 392, 396—397.)
- Николаевка, д. Толстихинская в. (С. 79, 82, 198, 320, 339, 346.)
- Ново-Бородинская, д. и уч. Тасеевская в. (С. 57.)
- Ново-Николаевка, д. Перовская в. (С. 81—83, 93, 320, 324, 339, 365, 367, 368—369, 372.)
- Нойская (Ной), д. Перовская в. (С. 132—133, 324, 330—332, 338, 345, 362, 366, 368—369, 372—373, 406, 429.)
- Орешки, уроч. Тасеевская в. (С. 104, 116—117, 210.)
- Осиновый Хребет, пер. уч. Агинская в. (С. 87.)
- Перевоз, д. Конторская в. (С. 132.)
- Переяславское (Переяславка), д. Переяславская в. (С. 87, 93, 198, 350, 365, 391, 393, 395—397.)
- Перовское, с. Перовская в. (С. 79, 81—82, 85, 93—95, 102, 131—133, 135, 153, 221, 310, 311, 315—321, 328—329, 338, 345, 350, 356—357, 359, 362—371, 373, 380, 391, 396, 428—429.)
- Плотбищенское (Плотбино), с. Тасеевская в. (С. 53, 68, 73.)
- Попутный Ключ (Ново-Михайловка), пер. уч. Перовская в. (С. 376.)
- Привольная, д. Агинская в. (С. 320.)
- Приреченская, д. Ирбейская в. (С. 88, 198.)
- Пронинская (Пронина), д. Фаначетская в. (С. 306.)
- Рассольная (Рассол), д. и торг. заимка. Шеломовская в. (С. 58—61, 76, 89.)
- Рождественская, д. Тальская в. (С. 47, 50—52, 55, 59, 60—63, 68, 76, 89, 90.)
- Романовская, д. Тальская в. (С. 405.)
- Рязанова (Зимне-Слободская), пер. пос. Тальская в. (С. 388—389.)
- Саламатова, д. Рыбинская в. (С. 395.)
- Семеновское (Семеновка), с. Семеновская в. (С. 82, 84—85, 88, 94—95, 102, 133, 212, 311, 319—320, 338, 341, 346, 350, 364, 367, 396.)
- Солонечно-Талая, д. Вершино-Рыбинская в. (С. 10, 82—83, 87, 91, 94, 102, 153—154, 207—212, 322, 324, 326, 329, 341, 346—347, 351, 372, 374—375, 379—381, 426, 428.)
- Сосновка, д. Тальская в. (С. 88, 104, 310.)
- Степановка, д. Иланская в. (С. 60.)
- Стойба (Верхне-Рыбинское), пер. уч. Перовская в. (С. 85, 102, 131, 322, 369—370.)
- Суховское (Сухово), с. Тасеевская в. (С. 60—61, 68, 82, 90, 205.)
- Сухонойский, хут. Семеновская в. (С. 133, 212, 364.)
- Сушиновка, д. Уярская в. (С. 343.)
- Талый (д. Талая), пер. уч. Конторская в. (С. 230.)
- Тайнинская (Тайна), д. Анцирская в. (С. 61—62, 363.)
- Тальское, с. Тальская в. (С. 87—88, 328, 388—389.)
- Тарайская (Тарай), д. Амонашевская в. (С. 61, 63.)
- Тасеевское (Тасеево), с. Тасеевская в. (С. 42—45, 50—62, 67—70, 72, 74, 76, 89—90, 205—207, 209, 266, 306, 405, 412, 416.)
- Тинская, ст. Агинская в. (С. 388—390, 396.)

Толстихинское, с. Толстихинская в. (С. 81—82, 90, 320, 338, 344—346, 359, 364—365.)
 Топол (Топольчик), д. Рождественская в. (С. 44, 46, 51, 52, 54, 61—63, 68, 76, 89.)
 Троицкая, д. Шеломовская в. (С. 70.)
 Троицко-Заозерновское, с. Троицко-Заозерновская в. (С. 338, 364—365.)
 Туровское, с. Абанская в. (С. 52.)
 Тырбыш, с. Ирбейская в. (С. 87, 388, 390, 392, 395—397.)
 Убыс, пос. Рождественская в. (С. 66, 68.)
 Ульянова, д. Агинская в. (С. 91, 387, 396—397.)
 Улюколь (Улюк), д. Шеломовская в. (С. 44, 52, 54, 59—61, 63, 89—90.)
 Умбеж, д. Перовская в. (С. 79, 88, 210, 368, 375.)
 Унерское (Унер), с. Агинская в. (С. 93, 387—388, 397.)
 Устье, д. Тасеевская в. (С. 45, 66, 265.)
 Учуначский (Богоявленка), уч. Рождественская в. (С. 56.)
 Ушканская (Ушканка), д. Вершино-Рыбинская в. (С. 150, 324.)
 Фаначетское (Фаначет), с. Фаначетская в. (С. 43, 62, 71, 306.)
 Хайдаковская (Хайдак), д. Перовская в. (С. 244, 347—348, 368.)
 Хандальская (Хандала), д. Шеломовская в. (С. 49, 54, 56, 65, 68, 70, 75.)
 Чуриковская (Чурикова), д. Шеломовская в. (С. 63, 66—68.)
 Шеломовское (Шеломки), с. Рождественская в. (С. 46, 51, 53, 59, 61, 63, 65, 67, 72, 89.)
 Шиткина, д. Неванская в. (С. 64, 206.)
 Шудрова, д. Агинская в. (С. 378—379.)
 Щекотуровская (Щекотуров), д. Тасеевская в. (С. 54, 207, 209.)
 Яковлева, д. Тасеевская в. (С. 62, 75.)
 Ярульское (Яруль-Каменный, Каменская), пер. уч. Уринская в. (С. 395.)

Красноярский уезд

Антоновка, д. Заледеевская в. (С. 220.)
 Береть, пер. пос. Вознесенская в. (С. 189, 346.)
 Бирюса, д. Заледеевская в. (С. 103.)
 Близневка, д. Заледеевская в. (С. 298.)
 Больше-Муртинское, с. Больше-Муртинская в. (С. 227—228, 230—232, 412.)
 Верхне-Есаульская, д. Шалинская в. (С. 88, 310.)
 Выезжий Лог (Ново-Вознесенская), пер. уч. Степно-Баджейская в. (С. 101, 210, 353.)
 Грязная Кирза (Знаменка), д. Степно-Баджейская в. (С. 152.)
 Дрокина, д. Мининская в. (С. 280.)
 Еловка, д. Еловская в. (С. 298, 303.)
 Есаульское, с. Есаульская в. (С. 94, 218, 222, 311.)
 Запльвинская (Запльвино), д. и хут. Больше-Муртинская в. (С. 228, 231.)
 Зарзибейская (Зарзибей), д. и хут. Кияйская в. (С. 82, 108, 154, 198.)
 Знаменский, пос. Заледеевская в. (С. 14, 36, 112, 276, 297—304, 423.)
 Зыкова (Зыково), д. Вознесенская в. (С. 95, 185, 414.)
 Ибрюль, д. Заледеевская в. (С. 151, 221, 298.)

Имбеж, пер. уч. Кияйская в. (С. 94, 152, 210.)
 Ингут, уч. Кияйская в. (С. 103, 153—154, 181, 311, 329, 340, 349, 357, 427.)
 Итат, с. Межовская (Межевская) в. (С. 230.)
 Кандылык, пос. Шалинская в. (С. 93.)
 Карымская (Карымка), д. Частоостровская в. (С. 131, 136.)
 Кияйское (Кияй), с. Кияйская в. (С. 94—95, 101—103, 131, 133, 136, 152, 210—211, 310—311, 319, 321, 329—331, 340, 349, 357, 426—427.)
 Коркино, с. Частоостровская в. (С. 185, 404, 430.)
 Кубеинский пер. уч. у д. Кубеинской. Шалинская в. (С. 88, 104, 311.)
 Листвяжный, уч. Кияйская в. (С. 83, 131, 331.)
 Листвянка, д. Больше-Муртинская в. (С. 227—228, 231.)
 Маганская, д. Вознесенская в. (С. 311, 341.)
 Малиновская (Малиновка), д. Заледеевская в. (С. 151, 220, 298.)
 Малый Кантат, д. Больше-Муртинская в. (С. 228, 230, 412.)
 Малый Кемчуг, д. Заледеевская в. (С. 150, 220, 302.)
 Миино, с. Мининская в. (С. 226.)
 Михайловка, д. Межовская (Межевская) в. (С. 118, 151, 220.)
 Маганское (Магой), с. Вознесенская в. (С. 103, 326.)
 Можарская (Можарка, Можары), д. Заледеевская в. (С. 150—151, 220—221.)
 Нарва, с. Кияйская волость. (С. 14, 79—80, 89, 94—95, 101, 104, 108, 131, 133, 152, 154, 198, 210, 321—322, 329—330, 346—347, 349, 352, 368, 379, 398, 426—427.)
 Никольская, д. Кияйская в. (С. 103.)
 Овсянка, д. Заледеевская в. (С. 112.)
 Орловская, д. Заледеевская в. (С. 151, 220, 298.)
 Островки, д. Кияйская волость. (С. 136, 152.)
 Отрадная, д. Степно-Баджейская в. (С. 82, 89, 311.)
 Перевозинская (Перевозная), д. Вознесенская в. (С. 399.)
 Покосная, д. Шалинская в. (С. 131, 311.)
 Потанина, д. Степно-Баджейская в. (С. 82.)
 Скотопрогонная, д. Степно-Баджейская в. (С. 150.)
 Станица (Нижне-Есаульская), д. Шалинская в. (С. 153, 334.)
 Степной Баджей (Баджей), с. Степно-Баджейская в. (С. 78—82, 89, 95, 101, 103—104, 116, 132, 152—154, 182, 204, 209—212, 214, 221, 310—311, 357, 363, 367—368, 372—373, 375—376, 380, 393, 395, 397—398, 405—407, 409, 424—425, 427.)
 Сугристовое, с. Шалинская в. (С. 311, 319.)
 Суровый (Ново-Никольский), пер. пос. Кияйская в. (С. 152.)
 Сухая, д. Заледеевская в. (С. 220, 302—304.)
 Сухая Кирза, уч. Кияйская в. (С. 152.)
 Торгинская (Торгинка), д. Шалинская в. (С. 132, 135, 311.)
 Тюлюп, д. Кияйская в. (С. 79, 94, 101—102, 107, 131, 152—153, 210, 311, 318, 349, 350—352, 368, 379, 427.)
 Устюжное, с. Погорельская в. (С. 188.)
 Шалинское, с. Шалинская в. (С. 60, 88, 94—95, 101, 103, 108, 131—133, 181, 185, 231, 309, 311, 321, 331—333, 338, 341, 350, 364, 396.)

Минусинский уезд

Абаджуль (Абачуль), д. Салбинская в. (С. 187.)

- Абаканское, с. Абаканская в. (С. 108, 113, 122, 126, 136, 164, 180, 182—187, 191, 399—400.)
- Аешка, д. Новоселовская в. (С. 110, 164—165, 185—186.)
- Алтай (Алтайское), с. Лугавская в. (С. 202, 399.)
- Анашенское (Анаш), с. Комская в. (С. 185, 188.)
- Байкалово, д. Абаканская в. (С. 126, 130.)
- Байтаг (Байтак), д. Абаканская в. (С. 120.)
- Батени, с. Знаменская в. (С. 122, 164—165, 181, 314.)
- Бедра (Бедра, Ново-Троицк), д. Мало-Минусинская в. (С. 150, 166, 180, 193, 314.)
- Безкиш, д. Комская в. (С. 186—187.)
- Березовка, с. Курагинская в. (С. 120—122, 126—129, 136, 156, 159, 162, 197.)
- Биря, д. Абаканская в. (С. 180.)
- Большая Ерба, д. Знаменская в. (С. 401, 428.)
- Большая Иня, д. Мало-Минусинская в. (С. 113, 130, 136, 55, 157, 165—166, 172, 175, 195.)
- Большая Ирба, д. Паначевская в. (С. 401.)
- Борки, д. Новоселовская в. (С. 110, 130, 179, 202—203.)
- Большая Ничка, д. Восточенская в. (С. 114.)
- Бугуртак, с. Курагинская в. (С. 105, 118—119, 128, 161—162, 196—197.)
- Бузунова, д. Абаканская в. (С. 122, 130, 164, 180, 183.)
- Быскар, д. Беллыкская в. (С. 181, 185.)
- Быстрая, д. Паначевская в. (С. 146.)
- Верхний Кужебар, с. Кужебарская в. (С. 137, 293.)
- Верхняя Ерба (или Сухая Ерба), д. Знаменская в. (С. 401.)
- Верхняя Коя, д. Восточенская в. (С. 113.)
- Вислягова, с. Паначевская в. (С. 164.)
- Восточенское, с. Восточенская в. (С. 158, 175.)
- Галактионовка, д. Шалаболинская в. (С. 158.)
- Гляден, д. Комская в. (С. 183.)
- Городок, с. Мало-Минусинская в. (С. 122, 129—130, 136, 145, 150, 156, 164, 166—167, 169, 179—180, 189, 191, 195, 197.)
- Григорьевка, д. Григорьевская в. (С. 80, 94, 96, 105, 108, 125, 134, 138—159, 161, 191, 212—213, 217, 219, 222, 293—295, 313.)
- Грязнуха, д. Паначевская в. (С. 150, 157, 161.)
- Детлово, с. Шалаболинская в. (С. 118—119.)
- Дубенское, с. Восточенская в. (С. 121—122, 145, 155, 157, 161, 168, 172, 174—175, 194, 202, 293—294.)
- Ермаковское, с. Ермаковская в. (С. 96, 100, 120—122, 125, 130, 134, 138—139, 145, 161, 178, 200, 202, 207, 231, 293, 313.)
- Жеблахта, д. Ермаковская в. (С. 120, 122, 137, 178, 202.)
- Жербатиха, д. Имисская в. (С. 118—119, 161, 195.)
- Знаменка, д. Знаменская в. (С. 120, 147, 178, 217, 222, 400—401.)
- Иджуль, д. Новоселовская в. (С. 109—110.)
- Идринское, с. Идринская в. (С. 120, 122.)
- Имисское (Имисс), с. Имисская в. (С. 105, 119, 121, 128, 130, 137, 161—162, 165, 196, 221.)
- Исаева, заимка. Сагайская в. (С. 169.)
- Казанцева (С. 96, 118, 120, 125, 134, 138, 161, 178, 202, 217.)
- Какашкина, ул. Усть-Абаканская в. (С. 108.)
- Камешки, д. Паначевская в. (С. 128.)
- Капкаев, пос. Усть-Абаканская в. (С. 180.)
- Каптыревское (Каптырева), с. Каптыревская в. (С. 120, 128, 180, 202—203, 294—296.)
- Каратуз, с. Сагайская в. (С. 96, 119, 125, 130, 134, 137, 145—146, 155—157, 160—161, 164—165, 167, 172—174, 177, 190—191, 193—194, 196, 201, 222, 293—294, 423.)
- Каратуз, с. Никольская в. (С. 74, 121, 168—169.)
- Качулька, д. Сагайская в. (С. 164, 167, 194.)
- Климовка, д. Имисская в. (С. 114.)
- Клопова, заимка. Лугавская в. (С. 143, 178.)
- Ключи, д. Сагайская в. (С. 108, 193.)
- Козина, д. Кнышенская в. (С. 96, 105—106, 110, 118, 128, 134, 173, 210, 355—356.)
- Козлова, д. Шушенская в. (С. 138.)
- Колдыбай, д. Салбинская в. (С. 180.)
- Колеватовское (Колеватовка), с. Кужебарская в. (С. 159, 171.)
- Комское (Кома), с. Комская в. (С. 78, 110, 127, 181—182, 185, 187—188, 314.)
- Копь (Усть-Копь), уч. Сагайская в. (С. 134, 137, 161, 168, 172—173, 188, 193, 195.)
- Копены, д. Знаменская в. (С. 181.)
- Копта, д. Сагайская в. (С. 147.)
- Кочергинское (Кочергино), с. Кочергинская в. (С. 126, 162, 164, 195.)
- Крапивина (Усть-Сыда), д. Абаканская в. (С. 184.)
- Красносельская, д. Красносельский уч. Кужебарская в. (С. 293.)
- Крестик, д. Ермаковская в. (С. 202.)
- Кужебары, д. Сагайская в. (С. 170—171.)
- Кульчек, д. Комская в. (С. 185—186, 188—189.)
- Курагинское (Курагино), с. Курагинская в. (С. 96, 109—110, 113, 115, 118—122, 125—126, 128—130, 134, 160—161, 164, 180, 197.)
- Курганчикова, д. Шалаболинская в. (С. 105, 134.)
- Куржское (Курож), с. Идринская в. (С. 119.)
- Кутень-Бурук, ул. Усть-Абаканская в. (С. 163.)
- Листвягова, д. Абаканская в. (С. 169, 179, 222.)
- Листвянка, д. Ермаковская в. (С. 182, 203.)
- Лугавское, с. Лугавская в. (С. 175, 201, 293, 296, 400.)
- Малая Иня, д. Кочергинская в. (С. 144, 155, 296.)
- Малая Ничка, д. Восточенская в. (С. 155, 169, 172, 175.)
- Мало-Кнышенская (М. Кныши), д. Кнышенская в. (С. 110—113, 118—119, 134.)
- Мало-Минусинское (М. Минуса), с. Мало-Минусинская в. (С. 143.)
- Мензотская, д. Никольская в. (С. 409.)
- Мерзлая Салба, с. Салбинская в. (С. 187.)
- Мигна, с. Ермаковская в. (С. 96, 106—109, 111—112, 115, 118—119, 134, 201.)
- Михайловка, д. Имисская в. (С. 114, 162.)
- Мишкина, д. Имисская в. (С. 162.)
- Монок, станица. Таштыпская в. (С. 127, 372.)
- Маторское (Моторское), с. Ма(о)торская в. (С. 119—120, 125, 161, 164, 171, 194, 197, 293—294.)
- Мурина, д. Кочергинская в. (С. 126, 129, 195.)
- Нижние Куряты (Н. Куряты), д. Имисская в. (С. 196.)

Нижний Кужебар, д. Сагайская в. (С. 137.)
 Нижний Суэтук, д. Ермаковская в. (С. 155, 174, 201—203, 294.)
 Никольская, д. Никольская в. (С. 110, 139.)
 Новая Копь, с. Сагайская в. (С. 172.)
 Новоселовское, с. Новоселовская в. (С. 122, 130, 181, 185, 189, 314.)
 Ново-Троицкая, д. Ермаковская в. (С. 111, 178.)
 Означенная, д. Бейская в. (С. 399—400.)
 Отрок, с. Идринская в. (С. 106—107, 109, 111, 134.)
 Очуры (Очур), д. Каптыревская в. (С. 122, 127, 136, 145, 399—400.)
 Перова (Перово), д. Новоселовская в. (С. 296.)
 Подсининский пос. (Подсинее). Аскизская в. (С. 94, 122, 126—128, 136, 164, 399.)
 Пойлова (Пойлово), д. Курагинская в. (С. 105, 119—120, 122, 126, 162, 179, 197.)
 Покровка (Маторская), д. Маторская в. (С. 78, 117, 144—145, 286.)
 Полтавка, д. Сагайская в. (С. 213.)
 Потехина (Большая Ерба), д. Знаменская в. (С. 163.)
 Проезже-Комская (Проезжая Кома), д. Комская в. (С. 163, 187—188.)
 Пустынь, д. Абаканская в. (С. 180.)
 Разъезженское (Разъезжая), с. Ермаковская в. (С. 120.)
 Сагайское (Сагайск), с. Сагайская в. (С. 164, 166—168, 172, 174, 193—195, 293.)
 Салба, д. и Салбинский уч. Салбинская в. (С. 96, 109—110, 118—119, 125, 180, 197, 213, 294—295.)
 Самодуровка (д. Николаево-Петровская), уч. Мало-Минусинская в. (С. 143, 158.)
 Сарагаш, д. Новоселовская в. (С. 185.)
 Саянская (Саянское), станция. Каптыревская в. (С. 295, 423.)
 Синявинское (Синявина), с. Аскизская в. (С. 154, 163.)
 Солдатова, заимка. Лугавская в. (С. 169.)
 Сони́на (Сон), д. Паначевская в. (С. 113—114, 163, 401.)
 Сорокина, д. Абаканская в. (С. 122, 180, 184.)
 Сосновка, д. Сагайская в. (С. 191.)
 Старые Кныши (Кнышенское), с. Кнышенская в. (С. 118.)
 Сухая Ерба, д. Знаменская в. (С. 176.)
 Тагашет (Казанско-Богородская) д. Кнышенская в. (С. 175.)
 Тамбовка, д. Имисская в. (С. 119, 122, 161, 163, 195.)
 Таскина, д. Сагайская в. (С. 161—162, 172—173.)
 Татарская Тесь, д. Знаменская в. (С. 162.)
 Таштып, с. Таштыпская в. (С. 167.)
 Терехта, д. Паначевская в. (С. 110.)
 Тесинское (Тесь), с. Тесинская в. (С. 126, 133, 157, 162, 166, 195, 293.)
 Тигрицкое (Тигрино), с. Тигрицкая в. (С. 172, 293.)
 Тобольская (Тоболка), д. Никольская в. (С. 111.)
 Трифонова, д. Новоселовская в. (С. 127, 181, 188, 314.)
 Туран, пер. пос. Абаканская в. (С. 314.)
 Тяхтыя (Тяхтетя), д. Имисская в. (С. 196.)
 Убей, д. Комская в. (С. 110.)

Убей Татарка, Салбинская в. (С. 181.)
 Уджей, д. Сагайская в. (С. 165—166, 168, 190—191, 194.)
 Улазы, д. Комская в. (С. 78, 110, 182.)
 Усть-Абаканское, с. Усть-Абаканская в. (С. 399—400.)
 Усть-Ерба, с. Знаменская в. (С. 181—182, 401.)
 Усть-Есь (Усть-Есинский), пос. Аскизская в. (С. 400.)
 Усть-Сыда, д. Абаканская в. (С. 180, 183—184.)
 Уяр, с. Салбинская в. (С. 95.)
 Федоровская (Федоровка), д. Курагинская в. (С. 120.)
 Форпост (Солено-Озерная), станция. Новоселовская в. (С. 183, 401.)
 Хламенковский (Хламенкино), уч. Салбинская в. (С. 110, 187, 314.)
 Худоногова, д. Кочергинская в. (С. 122, 172.)
 Чердаки, д. Паначевская в. (С. 113—114.)
 Черемшанка, д. Имисская в. (С. 145.)
 Черемушка, д. Сагайская в. (С. 146, 155, 168, 173—174, 183, 193, 195, 203, 222, 294—295.)
 Черепановка, д. Сагайская в. (С. 173.)
 Шало(а)болинское (Шало(а)болино), с. Шало(а)болинская в. (С. 96, 105, 118—119, 122, 126, 134, 158—159, 313.)
 Шириштык, д. Ма(о)торская в. (С. 125, 293.)
 Шошкина, д. Кочергинская в. (С. 126.)
 Шушенское, с. Шушенская в. (С. 176, 178, 197, 293, 295, 399.)
 Янова, д. Новоселовская в. (С. 78, 130, 182, 342.)

Туруханский край

Верхне-Инбацкое, с. на правом берегу Енисея. Верхне-Инбацкий уч. (С. 255.)
 Монастырское (г. Туруханск), с. Верхне-Инбацкий уч. (С. 15, 248, 250, 252—254, 257, 259, 383—383, 415.)
 Селиваниха, станок на правом берегу Енисея. Дудинский уч. (С. 249—253, 258.)

Усинский пограничный округ, упразднен в 1913 г., вошел в состав Минусинского уезда

Верхне-Усинское с., центр округа (С. 136, 139—141, 147—148, 197, 212, 294—295, 313.)
 Сухорословых хут. и заимка на р. Иджим (левый приток Уса) (С. 96, 212.)

Урянхайский край

Атамановка, пос. Подхребтинский р-н (С. 220.)
 Баянгол (Боянголь), пос. Центральный р-н (С. 147.)
 Вавилина В. Н. фактория и прииск на р. Джедан. Кемчикский р-н (С. 135, 141.)
 Вавилова Р. В. фактория на р. Уюк. Турано-Уюкский р-н (С. 135, 141.)
 Налимовка (Даниловка), пос. Мало-Енисейский р-н (С. 147.)
 Смолина маральник. На р. Ус в Чакуль-Шагонарском р-не (С. 224.)
 Сушь Татарская, пос. Турано-Уюкский р-н (С. 128.)
 Тапса, усадьба Г. П. Сафьянова на левом берегу Большого Енисея

Туран, с. Турано-Уюкский р-н. На берегу р. Туран в 7 в. от Уюка (С. 105, 125, 142, 197.)

Уюк, пос. и усадьба А.П. Сафьянова. Турано-Уюкский р-н. На р. Харал (С. 125, 129, 142—143.)

Чакуль, пос. Шагонарский р-н (С. 147.)

Шагонар, пос. на левом берегу Енисея, центральная часть Тувинской котловины. Шагонарский р-н (С. 147, 197.)

Шепелина Ф.Г. заимка на р. Уюк. Центральный р-н (С. 141, 144.)

Элегест, пос. Подхребтинский р-н (С. 147, 220.)

ПРЕДПРИЯТИЯ, ПРИИСКИ, МЕСТОРОЖДЕНИЯ

Даниловский винокурный завод в пос. Знаменском. Лугавская в. Минусинского у. (С. 106, 176—177, 179, 295.)

Знаменский стекольный завод Даниловых. Заледеевская в. Красноярского у. (С. 297, 423.)

Изыхские копи, месторождение каменного угля по р. Абакан, использовались Абаканским железоделательным заводом (С. 203, 308, 428.)

Лесопильный завод на о. Пашенном акционерного общества «Абакан», основанный Е.А. Жоголевым и С.И. Либманом в 1900-х гг. (С. 387.)

Минусинский винный склад (С. 222.)

Общество «Ольховские золотые рудники», открыто в 1911 г. на правом берегу р. Кизир (С. 222.)

Троицкий солеваренный завод бр. Тонконоговых. Тасеевская в. Канского у. (С. 43, 54—55, 62, 72, 202, 204, 207.)

Улень, медный рудник Минусинского товарищества «Медь» на территории Хакасии (С. 222.)

Черемховские каменно-угольные копи (С. 111, 115, 215.)

Черногорские копи В. Баландиной. Усть-Абаканская в. Минусинского у. (С. 221.)

Южно-Енисейские прииски (С. 412.)

«Юлия», медный рудник общества «Сибирская медь». Знаменская в. Минусинского у. (С. 163, 222, 308.)

Яриловский винокурный завод купца А.А. Ярилова (С. 222.)

РЕКИ, ОЗЕРА, РУЧЬИ

Амыл, р. в южной части Енисейской губ., берет начало в Западных Саянах, левый приток р. Тубы, составляющая Енисея (С. 66, 96, 125, 134, 137, 171, 172, 313.)

Ангара, р. вытекает из оз. Байкал, протекает по Иркутской и Енисейской губ. (С. 45, 55, 69, 76, 204, 206, 215—216, 234—236, 258, 264, 412.)

Анжа, р., левый приток р. Кан, берет начало в Восточных Саянах (С. 92, 397.)

Баджей, левый приток р. Маны, берущей начало в Манском Белогорье (С. 312.)

Базаиха, горная рч., впадает в Енисей на западной окраине Красноярска (С. 200.)

Байкал, оз. (С. 64, 216, 359, 428.)

Бобруйка, р. в Енисейском у. (С. 45, 205, 209.)

Большой Енисей (Бий-Хем), правый приток Енисея, берет начало на южных и восточных склонах Западных Саян (С. 135.)

Большой Кемчуг, правый приток Чулыма. Берет начало в предгорьях Восточных Саян (С. 221.)

Большой Суш, приток р. Тубы в Минусинском у. (С. 113.)

Борзоначка, рч., впадает в Ману, находится в 2 в. от с. Нарва (С. 101, 107, 152, 379.)

Бургонь, правый приток р. Копь (С. 171—172, 191.)

Горячее оз., точнее, ключи. У границы с Хакасией (С. 170.)

Гремячий ручей на левом берегу Енисея в местности под названием Таракановка (С. 130, 218.)

Громадская, рч., близ ст. Клюквенной и пос. с таким же названием (С. 241.)

Енисей, р. (С. 15, 17, 39, 65, 69—70, 84, 97—98, 127, 136, 180—181, 204, 214—215, 218, 224, 226, 240, 244, 272, 382, 398, 412, 415—416, 419, 426.)

Ерча, р. в Енисейской губ. (С. 76.)

Ефремов Камень, мыс в Енисейском заливе (С. 412, 426.)

Жайма, р., левый приток Маны (С. 95, 104, 117, 154, 210, 214.)

Иджим, р., левый приток Уса (С. 212.)

Ишим, р. в Тобольской губ. (С. 279.)

Казыр, горная р. на юге края, правый приток р. Тубы, берет начало в Восточных и Западных Саянах (С. 137, 178, 196, 223, 313.)

Кайтым, левый приток р. Оны в Канском у. (С. 43, 46, 52, 54, 56, 61, 63, 65, 70—72, 74, 89, 94, 207, 306.)

Кан, р. в центральной части Енисейской губ., самый значительный после Ангары приток Енисея. Берет начало на северных склонах Восточных Саян (С. 44, 61, 88, 91—92.)

Карское, море Северного Ледовитого океана (С. 419, 426.)

Каспа, правый приток р. Кизир (С. 170.)

Кача, небольшая р., берет начало в северо-западных отрогах Восточного Саяна, впадает в Енисей близ Красноярска (С. 218, 275, 302.)

Кемчуг, правый приток Чулыма (С. 143, 151.)

Кизир, горно-таежная р. на юге Енисейской губ., правый приток Казыра (С. 96, 119, 134, 137—212, 223.)

Кия, правый приток Чулыма (С. 189, 226, 236, 412.)

Колба, таежная р., единственный значительный приток р. Маны, берет начало в Восточных Саянах (С. 95, 180, 342, 408.)

Красная речка, левый приток Енисея в Хакасии (С. 182.)

Копь, р., правый приток Амыла, протекает в Минусинском у., стекает с отрогов Западных Саян (С. 137, 168, 172.)

Крол, горно-таежная р., левый приток Маны, берет начало в Восточных Саянах (С. 95—96, 104, 115, 117, 181, 210, 214, 354.)

Кувай, р. в Канском у. (С. 408.)

Лейба, р., приток Маны (С. 180, 311—312, 322.)

Луговая, р., приток р. Рыбной (С. 71.)

Малый Енисей (Каа-Хем), р., берет начало в Западных Саянах, левая составляющая Енисея (С. 121, 215.)

Мана, горная р., берет начало в Манском Белогорье (С. 79—80, 91, 103, 106, 111, 131, 133, 152, 160, 180, 182—183, 188—189, 200, 212, 214, 312, 321—323, 326, 347—349, 351—352, 367—368, 349—351, 373—378.)

Мана (Манское), горное озеро, из которого берет начало р. Мана (С. 101, 214.)

Мина, р., приток Маны (С. 373.)

Минуса, степная р. на юге Енисейской губ., правый приток Енисея (С. 99.)

Можарские озера — группа озер: Верхнее, Среднее и Нижнее Можарское, Большое и Малое, Семеновское. Находятся в западной части Восточных Саян, в горной таежной части Лугавской в. Минусинского у. (С. 195.)

Нарва, р., правый приток Енисея (С. 133, 321.)

Нижняя Тунгуска, р. (С. 200, 246—247, 254, 258, 415.)

Нойка, р. в Перовской в. (С. 370—372, 369—373.)

Она, горно-таежная р., правый приток Абакана, берет начало в Западных Саянах (С. 43, 62, 65, 71—72, 204—206.)

Оя, р., правый приток Енисея, берет начало в Западных Саянах. Малая Оя, горная р. в Западных Саянах (С. 105, 120, 125, 128, 138, 197, 202.)

Рыбная, р. в центре Енисейской губ., левый приток р. Казыр, берет начало в Восточных Саянах (С. 369, 371—372.)

Сарал, горно-таежная р. на севере Хакасии; левый приток Черного Июса, берет начало в Кузнецком Алатау (С. 184.)

Северный Ледовитый океан (С. 426.)

Сисим, горно-таежная р. на юге Енисейской губ., правый приток Енисея, берет начало в Восточных Саянах (С. 109, 118.)

Суетуха (Суетка), р., левый приток р. Тыи на Алтае (С. 64.)

Сыда, р. на юге Енисейской губ., небольшой правый приток Енисея, берет начало в Манском Белогорье (С. 118.)

Тагарское оз., Лугавская в. Минусинский у. (С. 177.)

Тасеева, таежная р., левый приток Ангары в Канском у. (С. 45, 83.)

Тарлакшин, р. в Туве (С. 148, 220.)

Туба, р. в бассейне Енисея, правый приток Енисея; состоит из двух ветвей — Амыла и Кизира (С. 96, 99, 105, 115, 119, 126—129, 161, 166, 173, 180, 184, 195, 222, 313—314, 412.)

Тура, р. на Урале (С. 416.)

Убей, таежная р. на юге Енисейской губ., берет начало в Восточных Саянах, приток Енисея (С. 111.)

Удерей, горно-таежная р., правый приток р. Каменки — притока Ангары (С. 190.)

Улень, р., приток р. Белый Июс на северо-западе Хакасии (С. 163, 401.)

Улюколь, оз. в Канском у. (С. 90.)

Урюм, р. на юге о. Сахалин (С. 147.)

Уря, р., приток р. Ини (С. 63.)

Ус, горно-таежная р. на юге Минусинского округа, впадает в Енисей (С. 80, 96—97, 105, 120, 125, 134—135, 138—139, 143, 161—162, 164, 185, 197, 202—203, 212, 224, 312—313.)

Усолка, таежная р. в центральной части Енисейской губ., левый приток р. Тасеевой (С. 43, 47, 54, 62, 73, 207.)

Ушаковка, рч., приток Ангары, протекает в черте Иркутска на протяжении 4 км (С. 112, 215.)

Уюк, приток р. Ус на севере Тувы, правого притока Большого Енисея (С. 99, 125, 141—142, 219.)

Черная речка, рч. в Минусинском у. (С. 99, 105, 170, 197.)

Черная, рч. в Красноярском у. (С. 51, 70, 73.)

Чулым, р. на юго-западе Енисейской губ., приток Оби (С. 175.)

Чуна, таежная р., правый приток р. Тасеевой (С. 64.)

Тиберкуль, пресное озеро на юге Енисейской губ. в междуречье рр. Казыр и Кизир (С. 195.)

Туба, р. на юге Енисейской губ., впадает в Енисей, образуется слиянием рр. Казыр и Амыл (С. 96, 99, 105, 126, 128—129, 161, 166, 184, 195, 222.)

Туран, приток р. Уюк (С. 99.)

Тюхтяты, таежная р., правый приток р. Казыр (С. 196.)

Харал, левый приток Большого Енисея (Улу-Кем) (С. 170.)

Шагонар, горно-таежная р. в Туве, левый приток Енисея (С. 197.)

Шира — лечебное оз. в Минусинском у. (С. 401.)

Шумиха, таежная р. на юге Енисейской губ., приток Енисея (С. 151.)

СТРАНЫ, ГОРОДА, СТАНЦИИ, РАЗЪЕЗДЫ, ПРЕДМЕСТЬЯ И ДРУГОЕ

Акша, г. в Забайкалье, областной центр Акшинского у. (С. 147.)

Алексеевск (с 1924 г. — Свободный), г. в Амурской обл., на правом берегу р. Зеи (С. 196.)

Андриановка, пос. в Забайкалье. Сожжен японцами (С. 280.)

Ачинск, уездный г. в Енисейской губ. (С. 62, 100, 108, 111, 123—124, 129—130, 136, 143, 153, 163, 176, 182—184, 189, 200—201, 203—204, 211, 213, 217, 220, 222—224, 226, 235, 280, 289, 307, 314, 386.)

Барабинск, г. и ст. в Томской губ. (С. 237.)

Барнаул, г. и ст. в Алтайской губ. (С. 419.)

Белая, ст. рядом с Камарчагой (С. 310.)

Белоцарск, г. в Туве. Название до 1918 г., сейчас Кызыл (С. 80, 84, 94, 96, 99, 108, 120—122, 125, 129, 135, 141, 143, 146, 197—198, 212, 215, 217, 219, 283, 313.)

Белояр, ст. в Екатеринбургской губ. (С. 182.)

Бийск, г. в Татарском у. Алтайской губ. (С. 173, 201.)

Благовещенск, г. и порт в Амурской обл. (С. 432.)

Бодайбо, центр золотодобычи в Иркутской губ. (С. 218.)

Баянгол, с. и долина в Бурятии и Монголии (С. 147, 197, 485.)

Вагай, ст. в Ялуторовском у. Тобольской губ., а также река и село (С. 176.)

Венгерка, разъезд в 8 в. западнее Тайшета (С. 64.)

Верный, разъезд в Семиреченской обл. (С. 414.)

Верхнеудинск (Улан-Удэ), административный центр Верхнеудинского у. (С. 219, 329.)

Верхнеуфимск, г. в Прибайкальской губ. (С. 173.)

Владивосток, г. и порт в Приморском крае (С. 158, 183, 226, 429.)

- Военный городок в Красноярске (С. 34—41, 112, 131, 270, 276—278.)
- Восторово, д. Славгородского у. Алтайской губ. (С. 223, 458.)
- Глазково, предместье Иркутска (С. 111, 216.)
- Гельсингфорс, г. и порт в Финляндии (С. 428.)
- Германия (С. 4, 37, 177, 215, 241, 418, 427.)
- Графская станица, лагерь для военнопленных на Дальнем Востоке (С. 146, 219, 271.)
- Громадский, разъезд близ ст. Клюквенной, в 8 км от Уяра (С. 411.)
- Далай-Нерчинск (Нерчинск), окружной г. в Забайкалье (С. 147.)
- ДВР, Дальневосточная республика (С. 219.)
- Даурия, русское название Забайкалья и Западного Приамурья (С. 146, 226, 280.)
- Диксон (С. 258, 416, 426.)
- Енисейск, уездный г. Енисейской губ. (С. 23, 42, 58, 65, 90, 182, 204—205, 208, 210, 235, 255—259, 262—268, 272—274, 276, 384—385, 402, 411, 414—416, 418—420.)
- Иланская, пос. и ст. в Уланской в. Канского у. (С. 423.)
- Иман (Дальнереченск), г. в Приморской обл. Иманского у. Лагерь для военнопленных (С. 146, 219.)
- Забайкалье, территория к востоку от оз. Байкал (С. 411, 429.)
- Забитуй, разъезд близ пос. Черемхова Иркутской губ. (С. 178.)
- Заманье, р-н Степно-Баджейской в., занимавший левый берег р. Маны (С. 79, 136, 221, 342—343, 347—348, 352, 424, 426.)
- Заозерная, г. в Рыбинском р-не, в 160 км от Красноярска (С. 212.)
- Зима, ж.-д. ст. в Иркутской губ. (С. 112, 216, 260.)
- Знаменка, предместье на берегу р. Усолки в Иркутске (С. 215.)
- Знаменский общежительский женский монастырь в Знаменском пос. Заледеевской в. Красноярского у. (С. 127.)
- Иннокентьевская, ж.-д. ст. и пос. близ Иркутска (С. 93.)
- Камарчага, пос. и ст. в 60 в. от Красноярска (С. 82, 88, 104, 311, 317, 319, 331, 333, 335, 338, 340—341, 343, 346, 414.)
- Канск, уездный г. в Енисейской губ. (С. 42—44, 48—49, 53, 55—56, 59—63, 65—66, 68—69, 72, 76, 87, 92—93, 115, 135, 204—206, 210—211, 222, 241—242, 258, 265, 272, 276, 292, 306, 311, 314—315, 318—319, 356, 361—362, 364, 386, 390, 392, 395, 402, 411—412, 414, 429.)
- Карпаты, горная система в Восточной Европе. Крупное сражение 6 декабря 1914 г. в Первой мировой войне (С. 117, 359, 361, 367.)
- Киев, губ. г., многократно переходивший из рук одной власти к другой. 12 июня 1920 г. освобожден Красной армией (С. 159, 201, 219.)
- Киево-Печерская лавра, мужской монастырь в Киеве (С. 201.)
- КВЖД (С. 146.)
- Клюквенная, ст. и с. при ней Томской ж. д. Уярской в. (С. 81, 86, 132—133, 212, 242—243, 319, 322, 324, 326, 329—338, 341, 343, 346—347, 352, 361, 364—367, 371, 376, 413—414.)
- Клюквенский фронт (С. 10, 14—15, 42, 65, 79, 200, 264—265, 413.)
- Красноярск, губ. г. Енисейской губ. (С. 10—12, 14—15, 20—21, 23—24, 28—33, 36—37, 42, 65—66, 69, 84, 86, 93, 100, 107, 111, 120, 124, 127, 129—131, 135—136, 140—141, 143, 145—146, 151, 159, 163, 167, 172—173, 178, 182—183, 185, 187, 193, 202, 204, 206, 211, 213—214, 218—221, 223—224, 226—230, 232, 234—235, 240—244, 248, 255, 257—262, 254—266, 270, 272, 275, 277, 280, 282—283, 285, 287—288, 290—292, 298, 307—308, 310, 317—319, 333, 362, 372, 383, 385—387, 395, 402, 404, 411—425, 427—430.)
- Кронштадт, г. и порт в Финском заливе (С. 428.)
- Красноярская тюрьма (С. 69, 215, 178—179.)
- Куйтун, пос. в Иркутской губ. (С. 112.)
- Курган, г. и ст. в Тобольской губ. (С. 18—19, 105.)
- Магой, г. в Бурятии (С. 483.)
- Маньчжурия, северо-восточная часть Китая (С. 411.)
- Мариинск, ст. в полуверсте от г. Мариинска Томской губ. (С. 226, 234, 297, 412—416.)
- Мариинский фронт (С. 10, 14—15, 79, 183, 204, 234—235, 264—265, 419.)
- Минусинск, уездный г. в Енисейской губ. (С. 26—27, 80, 84, 92, 95—96, 99, 106, 109—113, 116—117, 120, 122—123, 125—127, 130, 136—137, 141—144, 146, 149—150, 154—160, 162, 164, 167, 169, 171—173, 175—177, 179—180, 185—186, 188, 190—191, 193—195, 197, 201—203, 209, 212—214, 217—219, 222, 224, 227, 240, 276, 280, 293—295, 307—309, 314, 399—401, 411—415, 423.)
- Монголия (С. 80, 82, 98—99, 105, 120, 141—142, 214, 233, 313.)
- Москва (С. 23, 29, 223, 232, 269, 357, 411—413, 416, 427.)
- Мысовая, ж.-д. ст. в нескольких км от Байкала (С. 172, 427.)
- Нарым, г. на севере Томского у. Томской губ. (С. 417.)
- Нижеудинск, г. в Иркутской губ. на р. Чуне (С. 58, 257, 412.)
- Никольск-Уссурийск (с 1926 г. Уссурийск), г. Южно-Уссурийского округа Приморской обл. (С. 146.)
- Новониколаевск (с 1925 г. — Новосибирск) (С. 219, 237, 413, 418, 422, 429.)
- Ново-Киевский лагерь для военнопленных на Дальнем Востоке (С. 309.)
- Норвежский Красный Крест (С. 239.)
- Ольгино, ст. у с. Ольгинского Уярской в. Канского у. (С. 413.)
- Омск, губ. г. (С. 93, 177, 237, 240.)
- Пермь, губ. г. (С. 173.)
- Петербург, Петроград (С. 7, 36, 218, 266, 384, 413, 417, 427, 428.)
- Петропавловск, г. и ст. в Западной Сибири (С. 20, 460.)
- Подхребтинский р-н в Урянхайском крае (С. 219.)
- Посольская, ж.-д. ст. в 14 км от Байкала (С. 427.)
- Ревель, он же Ревельск (Таллин), г. Эстонии (С. 428.)
- Рига (С. 239, 410, 445.)
- Русский остров в заливе Петра Великого в Японском море (С. 309.)
- Спасо-Преображенский монастырь на восточном берегу Байкала (С. 428.)
- Уланком (Улангом), г. в Монголии (С. 112, 216, 260.)
- Улача, с. Илимской в. Читинского у. (С. 147.)
- Тайга, г. в Томской губ. (С. 236, 416.)
- Таммерфорс (Тампере), г. в Финляндии (С. 428.)
- Танну-Туvinская республика (С. 148, 220, 307.)
- Ташкент, центр Туркестанского генерал-губернаторства, с 1918 г. столица Туркестанской АССР (С. 120, 214.)
- Тобольск, губ. г. (С. 240, 416.)
- Томск, губ. г. Томской губ. (С. 11, 204, 237.)
- Троицкосавск, уездный г. в Забайкальской обл. на границе с Китаем (С. 142.)
- Тува (С. 147, 212, 217.)
- Туран, г. на Усинском тракте (С. 212, 219.)
- Турунск, г. в Туринском у. Тобольской губ. (С. 415—416.)
- Тюмень, губ. центр Западной Сибири (С. 416.)

- Ужур, с. и ст. на р. Ужур в Ачинском у. (С. 314.)
- Усинский тракт (С. 80, 96, 99, 108, 126, 141, 212, 294—295.)
- Урянхайский край (С. 14, 80, 100, 108, 122, 136, 138, 148, 164—165, 167, 170, 191, 209, 212, 217—219, 360, 374, 416.)
- Уфа, г. Уфимская губ., Южный Урал (С. 362.)
- Ушаковка, предместье Иркутска (С. 487.)
- Хабаровск, г., административный центр Приамурья (С. 146.)
- Хайлар, г. на северо-востоке Китая, ст. на КВЖД (С. 146.)
- Ханко, полуостров на юго-западе Финляндии (С. 146.)
- Харбин, г. в северо-восточной части Китая (С. 185, 411, 473.)
- Черемхово, с. и ж.-д. ст. в Иркутской губ. (С. 11, 178, 260, 447.)
- Черная Речка, ж.-д. ст. и с. в Ачинском у. (С. 99.)
- Черногорск, г. в Хакасской автономной обл. (С. 212, 216.)
- Чита, г., центр Забайкальской обл. В 1920 г. вошел в ДВР (С. 279, 309.)
- Чуна, ст. и р. на юго-западе Восточной Сибири (С. 487.)
- Шведский Красный Крест (С. 239.)
- Шиткинский фронт (С. 64.)

ПЕРЕЧЕНЬ ГАЗЕТ

1. Воля Сибири. Изд. Губернского комиссариата Временного Сибирского правительства. Проэсеровского направления. 1918. Изд. В. С. Митич. Ред.: А. М. Гневушин и В. П. Колосова.
2. Голос Сибири. Областническое изд. Ред. В. М. Крутовский. 1905—1906.
3. Дело рабочего. Орган РСДРП (меньшевиков). Изд. В. Матасов. 1917—1918.
4. Енисейские губернские ведомости. Печатный орган Енисейского губернского управления. 1857—1916.
5. Знамя труда. Изд. Енисейского губернского комитета социал-революционеров (эсеров). Организовано членом Учредительного собрания эсером Н. В. Фоминым в 1917 г.
6. Красноярский рабочий. Печатный орган Красноярского комитета РСДРП. Выходил в дни вооруженного восстания в Красноярске в декабре 1905 г. Вышло 5 номеров.
7. Красный стрелок. Ежедневная газета, орган политотдела Военно-революционного совета 5-й армии. Выходила с 1 сентября 1919 г. (в Уфе) по 1920 г.
9. Наш голос. Политическая и литературная газета, орган красноярских эсеров. Ред. Е. Е. Колосов. 1917—1918.
10. Народный голос. Газета эсеров. Выходила с 1919 г., прекратила существование в январе 1920 г.
11. Свободная Сибирь. Политическая, литературная и экономическая газета, орган красноярских кадетов. Ред. Ф. Ф. Филимонов. 1917—1919.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Г. — год	Пос. — поселок
ГАКК — Государственный архив Красноярского края	Р. — река
Губ. — губерния	Р-н — район
В. — волость	Рч. — речка
Выс. — выселок	С. — село
Д. — деревня	Ст. — станция
Ж. д. — железная дорога	У. — уезд
Зим. — зимовье	Ул. — улица
КККМ — Красноярский краевой краеведческий музей	Уч. — участок
Обл. — область	Хут. — хутор
Оз. — озеро	
Пер. — переселенческий	

Моя глубокая признательность О.Р. Сордии, директору Государственного архива Красноярского края. Н.П. Матхановой, доктору исторических наук, профессору, научному сотруднику Института истории СО РАН (Новосибирск). Сотрудникам Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края Л.И. Царевой, А.Б. Шастинной, Е.В. Саблук. Е.Э. Худницкой, сотруднику СО РАН (Новосибирск). В.В. Кудрину, автору книги «1001 поэтесса Серебряного века» (Смоленск). Л.М. Поляховой, хранителю Ачинского краевого музея им. Д.С. Каргаполова. Сотрудникам МБА Областной научной библиотеки им. В.Г. Белинского в Екатеринбурге.

Моя самая искренняя благодарность моим коллегам, которые помогли в работе над сборником. В.М. Ярошевской, директору Красноярского краевого краеведческого музея за поддержку, Т.В. Благодатовой и И.И. Кузнецовой, сотрудникам библиотеки Красноярского краевого краеведческого музея. И.А. Чичканову, зам. директора по научной работе, и А.А. Гуляеву, главному хранителю. Сотрудникам фондов: Л.А. Карачун, Е.В. Ярыгиной, Е.В. Еремеевой, Н.А. Макаровой, А.В. Быстровой, Н.Ф. Гавриловой, В.И. Привалихину. Сотрудникам информационного отдела: заведующему А.Д. Дашко, А.Д. Вогоровской, Т.О. Фомичевой. Зам. директора по экспозиционно-выставочной работе и маркетингу И.В. Куклинскому. Сотрудникам отдела внедрения информационных систем А.В. Жигулову и А.С. Михайленко. Сотрудникам отдела истории А.С. Вдовину и М.Ю. Новоселову. Научным сотрудникам Т.В. Зыковой и Н.И. Сичкарёв. Ученому секретарю Н.А. Ореховой. Моим коллегам из Литературного музея им. В.П. Астафьева А.В. Бродневой и О.П. Ермаковой, которые помогли установить связи с исследователями из других городов. Фотографу-художнику Т.Т. Шульцевой.

Мое отдельное спасибо сыну Р.Н. Комарову, который осуществлял верстку текстов и фотографий всех моих последних книг. А также за помощь в наборе нескольких текстов мужа — Н.П. Комарова. Еще раз моя признательность и благодарность всем, кто своим участием помог в подготовке сборника «Енисейская губерния в Гражданской войне».

СОДЕРЖАНИЕ

«Россия, Русь! Храни себя, храни».....	3
«Как много я прошла? И много ли осталось?»	18
ЧАСТЬ I.	
ДНЕВНИКИ А. К. ФЕФЕЛОВОЙ С ЗАПИСЯМИ ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКОВ И СВИДЕТЕЛЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ	35
Восстание в военном городке 29 июля 1919 года. Свидетельства очевидцев расправ с восставшими.....	36
Северо-Канский партизанский фронт.....	42
Тасеевский (Северо-Канский) фронт.....	45
Шиткинский фронт	64
Северо-Канский партизанский фронт.....	65
Северо-Ачинский партизанский фронт.....	77
Партизанская армия Степного Баджея (Южно-Канский фронт).....	79
Партизанский фронт Степного Баджея.....	81
Воспоминания партизана Манского полка Степно-Баджейской партизанской армии Костюченко Ефима.....	95
Партизанская армия А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина	101
Воспоминания участников партизанского соединения А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина	125
Воспоминания партизан и сельских жителей д. Курбатовой. Гибель Н. М. Копылова	149
Манские записи	152
Минусинское крестьянское восстание.....	155
Воспоминания партизан Северо-Ачинского фронта и участников Минусинского крестьянского восстания	157
Воспоминания участников Минусинского крестьянского движения. Воспоминания партизан.....	174
Минусинское крестьянское восстание.....	190
Примечания к дневникам	204
ЧАСТЬ II.	
ВОСПОМИНАНИЯ ПОДПОЛЬЩИКОВ И ПАРТИЗАН ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ	225
Воспоминания Масленкина-Непомнящего Артемия Сергеевича «Этих дней не смолкнет слава»	226
Воспоминания красногвардейца Костенко Петра Ивановича, участника военных действий на Мариинском фронте.....	234
Воспоминания участника революционных событий 1917—1918 годов в городе Канске и уезде С. Г. Синицина.....	241
Из воспоминаний Александра Александровича Позднякова	245
Воспоминания Печерской Е. К., участницы событий 1918 года	258
Письмо Э. Я. Шульца в редакцию газеты «Дело рабочего»	261
Воспоминания Сидорова Владимира Корниловича «В борьбе за власть Советов»	264
Залукаев Прохор Александрович. Воспоминания о революционных годах. 1917—1918 гг.	272
Воспоминания Гендлина Александра Сергеевича «1918 и 1919 гг. в Красноярске».....	275

Воспоминания Молчанова Николая Харитоновича «В Красноярском подполье. Что осталось в памяти. 1918—1919 гг.»	281
Минусинское крестьянское восстание	293
Жизнь и борьба рабочих бывшего Знаменского стекольного завода Красноярского округа. Казнь 13-ти (из воспоминаний одного из 13 подпольщиков, оставшихся после казни в живых, Гурского Флориана Павловича)	297
А. Полетаев. Воспоминания о карательной экспедиции белых в июне 1919 года «Забывшая могила»	306
Воспоминания бывшего красногвардейца Подъяпольского Дмитрия Григорьевича	307
Иванов Павел Степанович. Краткие воспоминания пройденного пути в жизни	310
Перова Татьяна Евстратовна. Партизаны Канско-Красноярского и Минусинского фронтов (краткие воспоминания)	315
Воспоминания врача Вологодского Семена Георгиевича	356
Воспоминания Иванова Арсения Трофимовича «О партизанском движении 1918—1919 годов»	357
Воспоминания Савицкого Михаила Тимофеевича — командира партизанского отряда	382
Из воспоминаний Солодилова Василия Алексеевича	402
Четыре месяца в плену у красных банд Енисейской губернии. Воспоминания неизвестного автора	405
Примечания к воспоминаниям	412
ПРИЛОЖЕНИЯ	433

Т. С. Комарова

**ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА
В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ**

ВОСПОМИНАНИЯ, МЕМУАРЫ

Дизайн и верстка: **Д. В. Обухов**
Корректурa: **Е. М. Уварова**

Подписано в печать 08.09.2021 г. Формат 60x90/8.
Объем 61,5 усл. п. л. Печать офсетная.
Бумага мелов. мат. Тираж 1150 экз. Заказ № 926.

Отпечатано в ООО «Типография КАСС»,
г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 65, стр. 23;
info@kacc.ru, www.kass24.ru, т. (391) 290-22-52, 259-59-60